
R 89
31
т. 8

Общедоступная Богословская Библіотека.

ВЫПУСКЪ XIX.

ПРАВОСЛАВНАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

ТОМЪ VIII.

КАЛЕНДАРЬ БИБЛЕЙСКО-ЕВРЕЙСКІЙ И ІУДЕЙСКІЙ—КАРМАНОВЪ Д. И.

(и въ приложеніи: Іерархія первохристіанская, Іуда Предатель, Казан. Дух. Семинарія и Академія-новая).

СЪ 6-ю РИСУНКАМИ И КАРТОЙ.

Составленъ подъ редакціею

Н. Н. ГЛУБОКОВСКАГО,

Д-ра богословія, ординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи.

ИЗДАНІЕ

преемниковъ † профессора

А. П. Лопухина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ДУХОВНОМУ ЖУРНАЛУ „СТРАННИКЪ“ за 1907 г.

Общедоступная Богословская Библіотека.
ВЫПУСКЪ XIX.

ПРАВОСЛАВНАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

ТОМЪ VIII:

КАЛЕНДАРЬ БИБЛЕЙСКО-ЕВРЕЙСКІЙ И ІУДЕЙСКІЙ—КАРМАНОВЪ Д. И.

(и въ приложеніи: Іерархія первохристіанская, Іуда Предатель, Казан. Дух. Семинарія и Академія-новая).

СЪ 6-ю РИСУНКАМИ И КАРТОЙ.

Составленъ подъ редакціею

Н. Н. ГЛУБОКОВСКАГО,

Д-ра богословія, ординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи.

ИЗДАНІЕ

преемниковъ † профессора

А. П. Лопухина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Безплатное приложеніе къ духовному журналу „**СТРАННИКЪ**“ за 1907 г.

Печатать разрѣшается. Ординарный профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи Докторъ богословія *Николай Глубоковскій*.

С.-Петербургъ, 15 ноября 1907 г.

Типографія „Россія". Бассейная, 3.

СПИСОКЪ СОТРУДНИКОВЪ

VIII-го тома „Православной Богословской Энциклопедіи".

Бердниковъ Илья Степановичъ, д-ръ богословія, заслуж. орд. проф. Казанской Духовной Академіи и Университета (Казань, Старая Коммиссаріатская улица, собств. домъ).

Богдашевскій Димитрій Ивановичъ, д-ръ богословія, орд. проф. Кіевской Дух. Академіи (Кіевъ, Волошская ул., д. 10, кв. 8).

Богоявленскій Іоаннъ Яковлевичъ, священникъ, канд. богословія, настоятель Екатерининскаго собора въ г. Ямбургѣ, С.-Петербургской губерніи.

Бронзовъ Александръ Александровичъ, д-ръ богословія, орд. проф. Спб. Дух. Академіи (Спб., Невскій просп., д. 182, кв. 3).

Бѣляевъ Александръ Димитріевичъ, д-ръ богословія, заслуж. орд. проф. Моск. Дух. Академіи (Сергіевскій Посадъ Московской губ.).

Верюжскій Василій Максимовичъ, канд. богословія, преподаватель Спб. Дух. Семинаріи (Спб., Обводный кан., д. 19).

Воронцовъ Евгеній Александровичъ, канд. богословія, и. д. доцента Моск. Дух. Академіи (Сергіевскій Посадъ, Московской губ., Кокуевская улица, д. Калинина).

Глаголевъ Александръ Александровичъ, священникъ, магистръ богословія, экстраорд. проф. Кіевск. Дух. Академіи и настоятель Николо-Добринской церкви (Кіевъ Подолъ, уголъ Боричева тока и Покровскаго проулка, д. 20—4).

Глаголевъ Сергѣй Сергѣевичъ, д-ръ богословія, орд. проф. Моск. Дух. Академіи (Сергіевскій Посадъ, Московской губ.).

Глубоковскій Александръ Никаноровичъ, канд. богословія, преподаватель Духовнаго Училища въ г. Уральскѣ-областномъ.

Глубоковскій Николай Никаноровичъ, д-ръ богословія, орд. проф. Спб. Дух. Академіи (Спб., Невскій просп., д. 180, кв. 5). Имъ проредактированы въ этомъ томѣ рѣшительно всѣ статьи, которыя въ нужныхъ случаяхъ исправлены и дополнены, при чемъ ему принадлежатъ всѣ вставки (въ текстѣ и примѣчаніяхъ), помѣщенныя въ угольныхъ скобахъ [ ], хотя бы онѣ не были помѣчены его именемъ или инціалами, какъ это иногда встрѣчается.

Голубевъ Иванъ Ивановичъ, канд. богословія, псаломщикъ при русской церкви Рождества Христова въ Флоренціи (Italia, Firenze, via S. Reparata 67).

Громогласовъ Илья Михайловичъ, канд. богословія, и д. доцента Моск. Дух. Академіи (Москва, Волхонка, д. Художественнаго Общества, кв. 6).

Груздевъ Борисъ Ивановичъ, канд. богословія, справщикъ Спб. Синодальной типографіи (Спб., Кабинетская ул., д. 15).

Гурій (Степановъ) іером., канд. богословія, и. д. доцента Казанской Дух. Академіи (Казань, Спасскій монастырь).

Елеонскій Николай Александровичъ, протоіерей, магистръ богословія, проф. богословія Моск. Университета (Москва, зданіе Университета по Моховой).

Заринъ Сергѣй Михайловичъ, магистръ богословія, смотритель Александро-Невск. Дух. Училища въ г. С.-Петербургѣ.

Квачала Иванъ Ивановичъ, д-ръ богословія (лютеранскаго) и философіи, орд. проф. Юрьевскаго Университета (г. Юрьевъ, Лифляндской губ.).

Колосовъ Владиміръ Ивановичъ, канд. богословія, преподаватель Тверской Дух. Семинаріи.

Красноженъ Михаилъ Егоровичъ, д-ръ церковнаго права, орд. проф. Юрьевскаго Университета (г. Юрьевъ, Лифляндской губ., Маргенгофская улица, д. 19).

Кротковъ Александръ Платоновичъ, канд. богословія, помощникъ библіотекаря Спб. Дух. Академіи (Спб., Обводный кан., д. 17).

Кулаковскій Платонъ Андреевичъ, д-ръ славянскихъ нарѣчій, проф. Спб. Историко-филологическаго Института (Спб., Звенигородская улица, д. 24).

Ласкѣевъ Аристіонъ Михайловичъ, канд. богословія, преподаватель Спб. Дух. Семинаріи (Спб., Обводный кан., д. 19).

Ласкѣевъ Павелъ Михайловичъ, канд. богословія, старшій ревизоръ Смоленской Контрольной Палаты (г. Смоленскъ).

Лебедевъ Алексѣй Петровичъ, д-ръ церковной исторіи, заслуж. орд. проф. Моск. Университета (Москва, Гранитный переулокъ, д. Армянскаго, кв. 11).

Лопаревъ Хрисанѳъ Меѳодіевичъ, магистрантъ Спб. Университета, помощникъ завѣдующаго рукописнымъ отдѣломъ Императорской Публичной библіотеки (Спб., Садовая ул., д. 20).

Марковъ Николай Ѳеодоровичъ, канд. правъ Спб. Университета, помощникъ управляющаго канцеляріею Св. Синода (Спб., Литейный просп., д. 34, кв. 3).

Митропольскій Алексѣй Арсеньевичъ, протоіерей Входо-іерусалимской Знаменской церкви въ Спб., канд. богословія (Спб., Лиговская ул., д. 39).

Моревъ Іоаннъ Васильевичъ, протоіерей Сергіевскаго всей артиллеріи собора, магистръ богословія (Спб., Сергіевская улица, д. 25).

Пальмовъ Иванъ Саввичъ, д-ръ церковной исторіи, заслуж. орд. проф. Спб. Дух. Академіи (Спб. Невскій просп., д. 182, кв. 9).

Петровскій Александръ Васильевичъ, магистръ богословія, священникъ Успенской Спасо-Сѣнновской церкви (Спб., Садовая улица, д. 40, кв. 6).

Писаревъ Леонидъ Ивановичъ, магистръ богословія, экстраорд. проф. Казанской Дух. Академіи (Казань, 1-я Академическая улица, д. 11).

Поповъ Александръ Васильевичъ, студентъ Историко-филологическаго Института (Спб., Вас. Островъ, Университетская набережная, д. 11).

Поповъ Николай Васильевичъ, канд. богословія, священникъ русскихъ православныхъ церквей въ городахъ По и Біаррицѣ на Югѣ Франціи: France, Pau или Biarritz (Basses Pyrénées), église Russe.

Преображенскій Антонинъ Викторовичъ, канд. богословія, библіотекарь Придворной Пѣвческой Капеллы (Спб., Мойка, д. 20).

Родосскій Алексѣй Степановичъ, канд. богословія, библіотекарь Спб. Дух. Академіи (Спб., Обводный кан., д. 17).

Румянцевъ Петръ Павловичъ, протоіерей, канд. богословія, настоятель церкви Преображенія Господня при Императорской Россійской миссіи въ г. Стокгольмѣ, въ Швеціи (Stockholm, Bilgerjaregaten 98).

Рункевичъ Степанъ Григорьевичъ, д-ръ церковной исторіи, оберъ-секретарь Св. Синода, членъ Учебнаго Комитета и Училищнаго Совѣта при послѣднемъ, приватъ-доцентъ Спб. Университета (Спб., Кабинетская ул., д. 17).

Сахаровъ Николай Николаевичъ, канд. богословія, діаконъ при русской церкви св. Равноапостольнаго Князя Владиміра въ Берлинѣ (Charlottenburg bei Berlin, Pestalozzistrasse 99[II]).

Сергіевскій Сергѣй Филаретовичъ, канд. богословія, начальникъ отдѣленія канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода (Спб., Забалканскій просп., д. 43—2, кв. 14).

Ситкевичъ Андрей Ивановичъ, канд. богословія, законоучитель III-й мужской гимназіи и священникъ Успенской церкви въ г. Варшавѣ (Медовая ул., д. 14, кв. 4).

Смирновъ Петръ Ѳеодоровичъ, канд. богословія, преподаватель Александро-Невск. Дух. Училища въ С.-Петербургѣ.

Соколовъ Иванъ Ивановичъ, д-ръ церк. исторіи, орд. проф. Спб. Дух. Академіи, редакторъ „Сообщеній Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“ (Спб., Невскій просп., 170, кв. 50).

Темниковскій Евгеній Николаевичъ, магистръ богословія, экстраорд. проф. Харьковскаго Университета (Харьковъ, Мироносицкая ул., д. 49).

Тихомировъ Павелъ Васильевичъ, магистръ богословія, экстраорд. проф. Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института (г. Нѣжинъ, Черниговской губ.).

Троицкій Сергѣй Викторовичъ, канд. богословія, преподаватель Александро-Невск. Дух. Училища въ С.-Петербургѣ, членъ редакціи „Церковныхъ Вѣдомостей“.

Фаминскій Константинъ Николаевичъ, канд. богословія, при Успенской посольской церкви въ г. Лондонѣ, въ Англіи (England, London. 59, Torrington Square, W. C.).

Харламповичъ Константинъ Васильевичъ, магистръ богословія, преподаватель Казанск. Дух. Семинаріи и приватъ-доцентъ Казанск. Университета (Казань, 1-я гора, д. Вейштордъ).

Юнгеровъ Павелъ Александровичъ, д-ръ богословія, заслуж. орд. проф. Казанск. Дух. Академіи (Казань, 1-я Солдатская ул., д. Демидовичъ).

Якшичъ Димитрій Николаевичъ, канд. богословія, священникъ при Николаевской посольской церкви въ г. Вѣнѣ, въ Австріи (Oesterreich, Wien. VIII B. Kochgasse Nr. 9, Thür 12).

Съ запросами касательно подробностей содержанія статей читатели приглашаются обращаться непосредственно къ самимъ авторамъ по вышеуказаннымъ адресамъ.

Содержаніе VIII-го тома

„ПРАВОСЛАВНОЙ

Богословской Энциклопедіи“.

(Продолженіе).

Кадниковскіе монастыри, вологодской епархіи, мужскіе: 1) Григоріевопельшемскій лопотовъ и 2) Діонисіевоглушицкій— см. „Энц." III, 745.

Кадьякское викаріатство, иркутской епархіи, см. „Энц." V, 1031.

Казанскій, Ив. Аѳ. (еп. Іоанникій) см. „Энц." III, 721.

Казанцевъ, Никита Ив. (еп. Никодимъ) см. „Энц." V, 434—435.

Календарь библейско-еврейскій и іудейскій.—О дѣленіи и счисленіи времени у библейскихъ евреевъ—суточномъ, недѣльномъ, мѣсячномъ и годичномъ, о названіяхъ мѣсяцевъ въ доплѣнную пору библейской исторіи (въ Библіи сохранились лишь 4 этого рода названія: Авивъ для перваго мѣсяца, Зивъ—2-го, Аѳанимъ или Этанимъ—7-го и Булъ—8-го,—названія хананейскія или финикійскія) и послѣ плѣна (вавилонскія названія, доселѣ сохраняющіяся у евреевъ: Нисанъ = у нынѣшн. евреевъ Нисонъ, Йаеръ = Ііоръ, Сиванъ = Сивонъ, Тамузъ, Абъ = Овъ, Элулъ, Тифри, Мархешванъ = = Хэшвонъ, Кислевъ или Каслевъ = Кислейвъ, Теветъ = Тейвесъ, Шеватъ = Швотъ, Адаръ=Адоръ), о дѣленіи года по временамъ или сезонамъ можно читать въ ст. „Времясчисленіе библейское" въ III т. „Богосл. Энциклопедіи" (1902); стлб. 1033—1037. Равнымъ образомъ о лунномъ (а не солнечномъ) характерѣ библейско-еврейскаго года, о 12-ти-мѣсячномъ составѣ простого древнееврейскаго (и 13-мѣсячномъ—високоснаго) года, о началѣ его съ весны—съ мѣсяца Нисана (а не съ осени—съ Тисри) было сказано въ статьѣ „Годъ библейскій" въ IV т. „Энциклоп." (1903 г.), стлб. 456—462. Если тамъ была рѣчь о времяопредѣленіи, которое принято называть *астрономическимъ* (— астрономическая хронологія разсматриваетъ различныя болѣе или менѣе закономѣрно повторяющіяся небесныя явленія, какъ средство и масштабъ счисленія времени—), то здѣсь будетъ сказано о *технической* или *исторической* сторонѣ библейско-еврейскаго и іудейскаго времясчисленія или собственно календаря, т. е. объ употреблявшихся у древнихъ евреевъ средствахъ согласованія астрономическаго времени съ удобствами повседневнаго обихода. Въ этомъ отношеніи исторія библейско-еврейскаго и іудейскаго календаря распадается на три періода: 1) *библейскій* періодъ, обнимающій свыше 1000 л., отъ Моисея до Ездры; 2) періодъ второго іерусалимскаго храма—до 70 г. по р. Хр., и 3) *талмудическій* періодъ отъ 70 г. до 500 г. по Р. Хр. Въ первый періодъ календарныя свѣдѣнія евреевъ всецѣло и исключительно опирались на непосредственныя наблюденія фазъ луны и состоянія солнца, во второй періодъ начала мѣсяцевъ, праздниковъ и сезоновъ опредѣлялись частію по прежнему, путемъ непосредственныхъ наблюденій небесныхъ явленій, частію же по вычисленіямъ [*А. Я. Гаркави* утверждаетъ (Историческіе очерки караимства въ книжкахъ журнала „Восходъ" 1897 г., № 5, стр. 121 — 122), что „*уже во время второго іерусалимскаго храма*... потребовалось замѣнить первобытный способъ наблюденія новолунія... болѣе раціональнымъ способомъ астрономическихъ вычисленій, каковой реформѣ противились саддукеи и боэтосцы" (боэтузеи), но принимается съ

большею несомнѣнностію только одно, что опредѣленный астрономическій календарь былъ введенъ Гиллеломъ II въ 4118 году іудейскаго счисленія или въ 358 г. по р. Хр. (см. *B. Zuckermann*, S. 4,1. 13; ср. у Dr. *H. Graetz*, Geschichte der Iüden IV, Berlin [1]1853, S. 552—553: Note 58). — *Н. Н. Г.*], въ третій періодъ — исключительно этимъ послѣднимъ, математическимъ способомъ.

Для болѣе точныхъ, детальныхъ опредѣленій суточнаго времени евреи въ древнюю эпоху, конечно, не имѣли соотвѣтственныхъ искусственныхъ аппаратовъ въ родѣ солнечныхъ часовъ или водяныхъ на подобіе извѣстнаго въ классическомъ мірѣ времяизмѣрительнаго снаряда „клепсидра". Но по мѣрѣ распространенія астрологіи и развитія астрономіи у древнихъ вавилонянъ (Иса. **47**, 13), болѣе точное времяопредѣленіе отъ нихъ перешло къ сосѣднимъ народамъ, между прочимъ, и къ евреямъ—особенно во второй половинѣ VIII в. до р. Хр., при Ахазѣ, когда заимствованія изъ Халдеи коснулись и области религіи Израиля (4 Цар. **16**, 10). Съ именемъ Ахаза въ Библіи извѣстны „ступени Ахаза", евр. maaloth Achaz LXX, ἀναβαθμοὶ Ἀχάζ, Таргумъ: lapis horarum, Симмахъ: ὡρολόγιον, Вульг. horologium. Этотъ гномонъ (греч. γνώμων) Ахаза, вѣроятно, представлялъ собою столбъ или обелискъ на пьедесталѣ, имѣвшемъ ступени:— по мѣсту паденія тѣни и по числу захватываемыхъ ею въ данный моментъ ступеней опредѣляли время дня. Такое, заимствованное у вавилонянъ, суточное времяопредѣленіе могло быть довольно точнымъ въ виду того, что положеніе эклиптики у ассиро-вавилонянъ было точно опредѣлено (въ 720 оръ, слѣд., по 30 оръ на часъ; теперь экваторъ дѣлится на 360°). Вѣроятно, однако, что ни солнечные часы, ни водяной времяизмѣрительный снарядъ — клепсидра особеннаго распространенія у древнихъ евреевъ не имѣли, и часы въ разныя времена года имѣли не одинаковую длительность — отъ 49 до 71 минутъ (какъ теперь въ Сиріи). У нынѣшнихъ евреевъ-талмудистовъ часъ дѣлится на 1080 частей (—число, кратное всѣмъ однозначнымъ цифрамъ, кромѣ 7). Извѣстное у евреевъ библейскаго и евангельскаго времени дѣленіе дня на 4 трехчасія, называвшіяся „часами", а ночи—на 4 стражи (въ древнѣйшее время на 3), не сохранилось у теперешнихъ евреевъ.

Въ основѣ опредѣленія и счета недѣль, мѣсяцевъ и годовъ лежали уже наблюденія за дискомъ *луны* (Пс. **103**, 19. Сирах. **43**, 6—8). Семидневная недѣля, извѣстная весьма многимъ народамъ древности (—кромѣ евреевъ, ее принимали вавилоняне, арабы, сирійцы и даже такіе отдаленные народы, какъ китайцы и перуанцы—), имѣетъ свое натуральное основаніе въ дѣленіи луннаго цикла на 4 фазы, при чемъ каждая четверть синодическаго мѣсяца (—синодическій мѣсяцъ = 29 суткамъ 12 час. 44 мин.—) равна ок. $7^3/_4$ суткамъ. У евреевъ недѣля, сверхъ того, пріобрѣтала религіозно-нравственный смыслъ, поскольку была поставлена въ связь съ религіею, исторіею міротворенія и законодательствомъ (законъ о празднованіи субботы) Израиля; вавилонскій обычай называть дни недѣли именами, 7 планетъ (Зинъ—луна, Самасъ—солнце, Небо—меркурій, Истаръ—Венера, Адаръ—Сатурнъ, Нергалъ—Марсъ, Белъ-Меродахъ—Юпитеръ) былъ чуждъ древнимъ евреямъ и усвоенъ лишь классическими, а затѣмъ западно-европейскими народами. Въ библейской древности дни недѣли обозначались лишь числами: 1-й, 2-й и т. д., только 7-й день— суббота имѣлъ собственное названіе. Къ евангельскому времени у іудеевъ эллинистовъ особое имя получилъ и день шестой, предсубботній: „παρασκευή, пятница" (Мѳ. **27**, 62. Мрк. **15**, 42. Лк. **23**, 54. Ін. **19**, 14.31).

Мѣсяцы у древнихъ евреевъ имѣли то 29, то 30 дней: въ первомъ случаѣ мѣсяцъ назывался *неполнымъ*, *недостаточнымъ* (евр. *хасе́ръ*), во второмъ—*полнымъ* (*мале́*). Годъ, въ которомъ было 6 полныхъ и 6 неполныхъ мѣсяцевъ, считался *правильнымъ*. Обычно чередованіе полныхъ и неполныхъ мѣсяцевъ,—если вѣрить талмудическому преданію,—имѣло въ значительной степени случайный характеръ, стоя въ зависимости отъ видимости или невидимости луны въ 30-й день мѣсяца: если день былъ ясный, и новая луна сразу была замѣчена въ этотъ день, то Синедріонъ „освящалъ" новый мѣсяцъ, такъ что 30-е число было уже 1-мъ числомъ слѣдующаго мѣсяца; въ противномъ же случаѣ, при

невидимости новой луны, старый мѣсяцъ состоялъ изъ 30 дней (Мишна: Тр. Рошъ Гашана I, §§ 3—9. II, 1—9. III, 1). Было лишь общимъ правиломъ, чтобы въ году было не меньше 4-хъ и не болѣе 8 полныхъ мѣсяцевъ. Если это преданіе точно, то лунный годъ, астрономическая величина котораго = 354 дн. 8 час. 84' 34,8'', у древнихъ евреевъ колебался между 352 и 356 днями. Если взять среднюю величину—354 дня, то величина древнееврейскаго (луннаго года) была на 11 дней меньше солнечнаго простого и на 12 дней—високоснаго; слѣд., ежегодно еврейское времясчисленіе упреждало бы дѣйствительное на 11—12 дней. Разность эта какимъ-либо способомъ должна была быть уравниваема (какъ бывало у всѣхъ народовъ, державшихся луннаго счисленія); иначе постоянно происходило бы передвиженіе годовыхъ праздниковъ, сезоновъ,—наконецъ,—временъ года. Какъ совершалось это уравненіе у евреевъ въ библейской древности,—изъ Ветхаго Завѣта не видно (2 Пар. **30**,2. Дан. **4**,26 сюда не относятся, вопреки мнѣнію талмудистовъ и нѣкоторыхъ новыхъ комментаторовъ). Проще всего это могло совершаться чрезъ прибавку въ каждые 2—3 года особаго мѣсяца—вставочнаго къ концу года, и такую календарную мѣру надо предположить уже для доплѣннаго періода. Послѣ же плѣна, когда евреи усвоили вавилонскія названія мѣсяцевъ (—всѣ 12 вавилонскихъ названій мѣсяцевъ начертаны на одной изъ найденныхъ въ развалинахъ Ниневіи клинообразныхъ надписей—), существованіе въ еврейскомъ календарѣ вставочнаго, 13-го мѣсяца, второго Адара (*„Адаръ-Шени“*) или Веадара—не подлежитъ сомнѣнію. Рѣшеніе вопроса о вставкѣ этого мѣсяца въ послѣплѣнный періодъ и затѣмъ въ первые три вѣка христіанской эры принадлежало особой комиссіи, назначавшейся Синедріономъ; она руководилась въ данномъ случаѣ степенью зрѣлости хлѣбовъ къ половинѣ Адара: такъ какъ ко второму дню Пасхи—15-му Нисана въ святилище должно было приносить первый снопъ новой ячменной жатвы (Лев. **23**,10—11. 15); то, если къ половинѣ Адара ячмень казался достаточно готовымъ къ жатвѣ, тогда слѣдующее новолуніе было первымъ числомъ Нисана и началомъ новаго года (Исх. **12**,2); въ противномъ же случаѣ старый годъ дополнялся „вторымъ Адаромъ“, и уже слѣдующій мѣсяцъ былъ Нисаномъ. Синедріонъ держался правила не удлинять годовъ субботнихъ.

Въ IV вѣкѣ по р. Х. раввинъ Гиллелъ II ввелъ у евреевъ, доселѣ существующее у нихъ, греческое Меѳ(т)онское времясчисленіе, въ основѣ котораго лежитъ такъ называемый малый лунный циклъ въ 19 лѣтъ съ 7-ю високосными (вставочными) годами (3-й, 6-й, 8-й 11-й, 14-й, 17-й, 19-й). Извѣстенъ и большой лунный циклъ въ 76 лѣтъ. Нынѣ, спустя свыше 1500 лѣтъ со времени окончательной установки еврейскаго календаря, времясчисленіе еврейское, конечно, не вполнѣ совпадаетъ съ астрономическими вычисленіями нашего времени, но ошибка эта, можетъ быть, не настолько значительна, чтобы могла вызывать въ еврействѣ попытки исправленія своего календаря. Караимы держатся того же календаря, что и талмудисты; только дѣлятъ часъ на общепринятомъ основаніи и иначе опредѣляютъ новолуніе.

[Въ нѣкоторомъ соотношеніи съ календаремъ библейско-іудейскимъ стоялъ и календарь христіанско-церковный, о которомъ Rught Rev. Bishop. *Arthur John Maclean* у I. Hastings въ A. Dictionary of Christ and the Gospels I, Edenburgh 1906 г. 251Б—264а, гдѣ обозрѣваются: христіанская недѣля („день Господень“, среда и пятница, суббота); годъ со стороны Пасхи (имя, древнѣйшее празднованіе ея, „Четыренадесятники“, опредѣленіе дня Пасхи—пасхальные циклы, постъ передъ Пасхой, Вербное воскресенье, Великій четвергъ, пасхальная недѣля), Пятидесятницы и Вознесенія Господня (имя „Пятидесятницы“ и связь ея съ Вознесеніемъ), Рождества и Богоявленія (ихъ происхожденіе, рождественскій постъ), Принесенія Богомладенца-Христа во Храмъ; памяти святыхъ и пр.; обзоръ праздничныхъ цикловъ по древне-христіанскимъ памятникамъ; литература предмета.—Для византійскаго періода см. въ диссертаціи *Arthur Mentz*, Beiträge zur Osterfestberechnung bei den Byzantinem, Königsberg i. Pr. 1906].

Литература (ср. показанную въ трактатахъ „Времясчисленіе“ и „Годъ библ.“).

Levysohn, Geschichte und System des jüdisch. Kalenderwesens. Lpzg 1856. *Th. Benfey* и *M. A. Stern*, Ueber die Monatsnamen einer alter Völker, 1836. *Schwartz*, Der jüdischer Kalender, Breslau 1872. Dr. *Eduard Mahler*, Biblische Chronologie und Zeitrechnung der Hebräer, Wien 1887. *Ив. Спасскій* († Сергій, архіеп. Владимірскій), Изслѣдованіе библейской хронологіи, Кіевъ 1857. *Дим. Прозоровскій*, Библейская метрологія (въ „Страникѣ“ 1863 г., апрѣль), „Энциклопедическій Словарь“ изд. *Брокгауза* и *Ефрона*, т. XIV, 27-й полут. (Спб. 1895), стр. 13—15; ср. т. XXXVII, 74-й полутомъ, стр. 742—743. [*Johannes von Gumpach*, Ueber den altjüdischen Kalender, zunächst in seiner Beziehung zu neutestamentlichen Geschichte; eine kronologisch - kritische Untersuchung (zugleich ein Beitrag zur Evangelien-Harmonistik) nebst einem Anhang von Tafeln zu bequemen. Berechnung altjüdischen Daten für Zeitraum der Jahre 168 vor bis 72 nach Kr. (Brüssel 1848). Dr. *B. Zuckermann*, Anleitung und Tabellen zur Vergleichung jüdischer und christlicher Zeitangaben, herausg. von Dr. M. Braun (Breslau 1893); Prof. *Emil Schürer*, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi: zw. Auflage I (Lpzg 1890), S. 26—33. 344. 623—634. 680, II (Lpzg 1886), S. 518 f.; dritte Auflage I (Lpzg 1901), S. 32—40. 415—416. 745—760, III (Lpzg 1898), S. 48 f. *Matthew Power*, Anglo-Jewish Calender for Every Day in the Gospels, being an Introduction to The Chief Dates in the Life of Christ (ст. Essay fowards a Final Determination of the Gospel Chronology), London 1902. Die Astronomie un Alten Testament von *Giovanni Schiaparelli*, übersetzt von Willy Lüdtke; mit 6 Abbildungen im Text (Giessen 1904). Ср. *Henry Browne*, Ordo saeculorum; a Treatise on the Chronology of the Holy Scriptures and the Indications therein contained of a Divine Plan of Times and Seasons together with an Appendix, containing: I) a Compendium of the Principal Institutes of Chronology, II) an Examination of Mr. Greswell's Scripture Chronology and Hypothesis relative to the Julian Calendar, III) Dissertations on the Ancient Chronographies of Asia and Egypt, IV) Outlines of a Chronological Harmony of the Four Gospals, V) an Essay on the Design and Structure of Prophecy (London 1844). Die Keilinschriften und das Alte Testament von *Eberhard Schrader*. Dritte Auflage, mit Ausclehnung auf die Apokryphen, Pseudepigraphen und das Neue Testament, neu bearbeitet von Prof. Dr. N. Zimmern und Privat-doz. Dr. H. Winckler. I (Berlin 1902), S. 316—336: Chronologie und Zeitrechnung. Rev. *C. H. W. Johns*, The Amorite Calendar въ „The Expositor“ 1906, II (February), p. 123—132; IV (April), p. 337—345. См. еще Dr. *A. Büchler* (въ „The Jewish Quarterly Review“) и Dr. *King* (The Psalms in Three Collections, Cambridge 1906) см. въ „The Interpreter“ II, 3 (April, 1906), p. 237—241. *C. J. Scheftel*, Lexicon der in der Bibel und dem Talmud vorkommenden Münzen, Masse, Gewichte und Zeitangaben, alphabetisch geordnet, mit vergleichenden Tabellen und Erklärungen, Berditschew (Бердичевъ) 1905. *E. König*, Kalenderfragen im althelräischen Schrifttum въ „Zeitschrift des deutschen Morgenländischen „Gesellschaft“ 1906, 3, S. 603—644. *E. Schürer*, Der jüdische Kalender nach den aramäischen Papyri von Assuan въ „Theologische Literaturzeitung“ 1907, 3. Sp. 65—69. Статьи въ „Словаряхъ“ Hastings'a IV. 762—766 (*I. Abrahams*)“ и Vigouroux III, 63—67 (*E. Mangenot*) и въ „The Jewish Encyclopedia“ III, 498—501 (*Cyrus Adler*) и ср. VIII, 149 *a* (объ Isidore Loeb). Для собственно іудейскаго календаря важны труды *Хаима-Земига Яковлевича* Слонимскаго († 2 мая 1904 г.), но см. также „изслѣдованіе“ *Іосифа Лурье*, Математическая теорія еврейскаго календаря, Могилевъ на Днѣпрѣ 1887—*Н. Н. Г.*].

Свящ. *А. Глаголевъ*.

Календы или Каланды, Календаріи [fratres calendarii, Kalande, Kalandsbrüder, Kalandsherren]. Календы (calendae отъ греческаго глагола καλεῖν—призывать)—у древнихъ римлянъ—первый день мѣсяца, который торжественно начинался народными собраніями, жертвоприношеніями и увеселеніями. Въ римской церкви *календами* назывались духовныя бесѣды, устраиваемыя въ началѣ каждаго мѣсяца настоятелями и священниками по вопросамъ пастырской практики. Начало такихъ календъ, какъ говорятъ, относится къ IX вѣку. Въ XIII вѣкѣ въ Германіи (въ монастырѣ Оттбергенѣ въ 1220 году), въ Венгріи и во Франціи образовались общества подъ именемъ *fratres calendarii*, члены которыхъ собирались перваго числа каждаго мѣсяца съ цѣлью установить на предстоящій мѣсяцъ праздники и религіозныя занятія (дѣла благотворенія, постъ, милостыню). Это были общества взаимопомощи, составлявшіяся изъ мірянъ и духовенства, подъ наблюденіемъ діоцезіальнаго епископа. Къ обязанностямъ этихъ обществъ относилась въ частности забота по устройству погребеній скончавшихся членовъ и совершенію заупокойныхъ богослуженій. Каждое изъ ежемѣсячныхъ собраній этихъ обществъ сопровождалось банкетомъ, расходы по которому покрывались изъ капитала обществъ. По мѣрѣ

того, какъ общества братьевъ календаріевъ обогащались,—календы все болѣе и болѣе вырождались въ настоящія оргіи и дали богатый матеріалъ для народной сатиры. Реформація положила конецъ этимъ злоупотребленіямъ, однако, нѣкоторыя общества съ именемъ fratres calendarii сохранились до нашихъ дней въ діоцезѣ Кёльнскомъ и въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ.

См. *J. Feller,* Dissertatio de fratribus calendariis, Francof. 1692; *F. Lichtenberger*. Encyclopédie des sciences religieuses. II, p. 514. [*Uhlhorn,* Liebesthatigkeit II, S. 426 сл. *Herzog-Hauck,* R. E. IX³, 703—704. *Wetzer* und *Welte,* Kirchenlexikon VII², 48—50].

Н. В. П—овъ.

Калерія, св. мученица Кесаріи палестинской, неизвѣстнаго времени. Вмѣстѣ съ Киріакіею и Маріей она исповѣдала христіанство, а на требованіе отказаться отъ Христа всѣ три отвѣтили отказомъ и были замучены. *Память ихъ 7 іюня* (Макар. Ч. Минея; прологъ).

Хр. Л—въ.

Калигула (Caius Caesar Augustus Germanicus) — 3-й римскій императоръ (37—41 г.). Сынъ Германика и Агриппины Старшей, онъ родился въ 12 г. по р. Хр. (въ 765 г. отъ основанія Рима), а прозваніе *Калигула* получилъ отъ солдатъ за то, что носилъ солдатскій костюмъ и обувь caligo (родъ сандалій, подбитыхъ гвоздями и прикрѣплявшихся къ ногѣ при помощи ремней); на престолъ вступилъ послѣ своего дѣда (по свойству) императора Тиверія. Начало его царствованія было очень счастливо. Калигула возвратилъ на родину сосланныхъ при его предшественникѣ гражданъ; отвергалъ шпіоновъ и доносчиковъ (delatores), число которыхъ весьма размножилось при Тиверіѣ; оказывалъ уваженіе къ сенату и былъ великодушенъ по отношенію къ народу, устраивая для него различныя игры и раздавая щедрыя пожертвованія. Такой порядокъ правленія продолжался, однако, самое короткое время. Черезъ 8 мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ, Калигула опасно заболѣлъ, говорятъ, вслѣдствіе допущенныхъ имъ излишествъ и безпутной жизни. Скоро оправившись, онъ—вслѣдствіе ли болѣзни, вызвавшей у него, какъ говорятъ нѣкоторые (напр., Светоній), умственное помѣшательство, или потому, что ему надоѣло ограничивать себя и притворяться,—совершенно измѣнился и сталъ обнаруживать кровожадный характеръ. Исторія справедливо считаетъ его безумнымъ извергомъ, безчестившимъ императорскую порфиру.

Калигула умертвилъ Тиверія Гемелла, который вмѣстѣ съ нимъ по завѣщанію императора Тиверія былъ назначенъ наслѣдникомъ римскаго престола (проф. *Э. Д. Гриммъ,* Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти I: Римская императорская власть отъ Августа до Нерона, Спб. 1900, стр. 386); умертвилъ также своего тестя Силанія, бабку Антонію и префекта преторіанцевъ Макрона. Онъ первый въ широкихъ размѣрахъ сталъ пользоваться, безъ вѣдома сената, политическими процессами съ цѣлію конфискацій и, казнивъ безчисленное множество гражданъ, завладѣлъ ихъ имуществомъ. По словамъ историка Діона, „многихъ, совершившихъ тяжкія преступленія, онъ не наказалъ, а многихъ ни въ чемъ неповинныхъ убилъ..., такъ что никто не зналъ—ни что говорить, ни что дѣлать, чтобы ему угодить, а тѣ, которые имѣли успѣхъ въ чемъ-нибудь, скорѣе были обязаны этимъ счастливому случаю, чѣмъ сознательному отношенію его“. Характерна фраза, которую Калигула не однажды повторялъ: „я желалъ бы, чтобы римскій народъ имѣлъ только одну общую голову, которую можно было бы отрубить разомъ“. Завидуя славѣ Гомера, Вергилія и Тита Ливія, Калигула хотѣлъ уничтожить ихъ сочиненія. Полюбивъ одну лошадь, онъ относился къ ней съ величайшимъ почетомъ и намѣревался возвести ее въ достоинство консула. Безуміе Калигулы дошло до того, что онъ сталъ считать себя богомъ и называть себя Юпитеромъ Латіарисомъ, и Посейдономъ, и Геракломъ, и Діонисомъ, и Аполлономъ, и даже Герой, Артемидой и Афродитой, при чемъ одѣвался согласно съ тѣмъ, какое именно божество онъ въ данное время представлялъ. Кромѣ того, онъ построилъ храмъ самому себѣ и назначилъ себѣ жрецовъ и избраннѣйшія жертвы, а богатѣйшіе люди имперіи,—и интригами, и подкупами, — добивались званія жрецовъ новаго бога (ibid. стр. 393). Калигула

предпринималъ походъ въ Германію во главѣ съ 200-тысячнымъ войскомъ, но дошелъ лишь до границы, однако, не давъ ни единой битвы, вернулся обратно, какъ побѣдитель. Онъ устроилъ также подобіе военнаго похода въ Британнію, ограничившись тѣмъ, что, дойдя до моря, приказалъ своей арміи набрать оттуда раковинъ, которыя и были принесены въ Римъ въ качествѣ трофеевъ мнимой побѣды. Калигула называлъ эти раковины „жалкими остатками отъ океана". Вслѣдствіе массы жестокостей и безумныхъ поступковъ, раздражавшихъ и аристократію, и народъ, на жизнь Калигулы произведены были многочисленныя покушенія, которыя, однако, не удавались. Наконецъ, Кассій Херей и Корнелій Сабинъ, изъ преторіанцевъ, убили этого изверга 24 января 41 г. по р. Хр. (794 г. отъ основанія Рима).

Въ царствованіе Калигулы совершилось чудесное обращеніе къ вѣрѣ Христовой Савла, впослѣдствіи великаго Апостола языковъ.

[Безумства Калигулы тяжко затронули и іудеевъ, которые—изъ числа народовъ Сиріи—первыми присягнули новому императору (см. Филона Legatio ad Cajum §§ 32 и 45 у Mangly II, 580. 598. Іос. Флав. Древн. **18**, 5:3) и потомъ $1^1/_2$ года пользовались при немъ миромъ (Іос. Флав. **18**, 7:2 кон.). Но осенью 38 г. мѣстною чернью было поднято въ Александріи кровавое гоненіе, косвеннымъ виновникомъ коего былъ именно Калигула, поскольку воспользовались приказомъ послѣдняго о его богопочитаніи для обвиненія евреевъ въ политической измѣнѣ, а тогдашній префектъ Египта Флаккъ по разнымъ личнымъ мотивамъ постарался обострить и разжечь дѣло до крайности, хотя самъ же былъ потомъ устраненъ и замѣщенъ Полліономъ. Въ 40 г. (вѣроятно, весною) обѣ партіи отправили въ Римъ, для ходатайствъ, своихъ депутатовъ: у іудеевъ во главѣ былъ Филонъ, описавшій всѣ перипетіи въ особомъ сочиненіи Legatio ad Cajum, у противниковъ—извѣстный врагъ іудейства грамматикъ Апіонъ, противъ злостно-юдофобскаго памфлета котораго направлено одно изъ сочиненій Іосифа Флавія. Іудейскіе представители были приняты съ посмѣяніемъ и не добились ничего (Іос. Флав. Древн. **18**, 8:1. Филон. Legatio ad Cajum §§ 25—29, 44—46), а той порой надъ единовѣрцами ихъ собиралась болѣе страшная гроза. Изъ угодливости, жители Іамніи (Ямніи) воздвигли Калигулѣ алтарь, но іудеи тотчасъ же его разрушили. Объ этомъ прокураторъ горда Капитонъ донесъ императору, а тотъ приказалъ поставить свою статую даже въ самомъ іерусалимскомъ храмѣ (Филон. Ibid § 30). Среди іудеевъ повсюду началось страшное смятеніе, предвѣщавшее ужасныя осложненія, но правитель Сиріи Петроній, хорошо знавшій это, старался (съ большою опасностью для себя) всячески затягивать исполненіе этого, по истинѣ „безумнаго велѣнія". (Іос. Флав. Древн. **18**, 3:2—9; О войнѣ **2**, 10:1—5. Филон. ibid. § 30—43). Смерть Калигулы спасла міръ отъ неисчислимыхъ бѣдствій.—См. о семъ подробнѣе у *E. Schürer,* Gesctichte der jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi I³, 495—507, гдѣ обильно указана лутература источниковъ и пособій. Ср. у Гр. *Э. Зенгера,* Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ" № 6 за 1889 и по оттиску (Варшава 1889), стр. 153—158.—*Н. Н. Г.*].

Литература: Prof. *Herm. Schiller,* Geschichte der römischen Kaiserzeit (въ „Handbuch der Klassichen Altertumswissenschaft", 1887) [и ср. *E. v. Dobschütz* въ „The American Journal of Theology" VIII (1904) 728—755]. Проф. *Э. Д. Гриммъ,* Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. I—Римская императорская власть отъ Августа до Нерона (въ 55 томѣ «Записокъ историко-филологическаго факультета Имп. Спб. университета»), Спб., 1900, стр. 384—402. *Ch. Desobry* и *Th. Bachelet,* Dictionnaire général de biographie et d'histoire, Paris 1863, pp. 428—429. *Архим.* († еп.) *Арсеній,* Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя отъ р. Хр. до 1879 г., Спб. 1880, стр. 15—16.

Н. В. П—въ.

Калида, св. мученица коринѳская, неизвѣстнаго времени. Вмѣстѣ съ Леонидомъ, Харіессою, Никіею, Галиною, Нунехіей и другими она за исповѣданіе христіанства была привлечена на судъ въ Коринѳъ къ игемону Венусту. Отвергнувъ идолослуженіе, она за день до Пасхи была брошена въ море съ камнемъ на шеѣ. *Память ея 16*

апрѣля и 10 марта. (Макар. Ч. Минея; прологъ).

Хр. Л—въ.

Калики (перехожіе) и духовные стихи. Названія „калики“, „калѣки“ (перехожіе) обыкновенно присваиваются странникамъ-слѣпцамъ, вообще убогимъ нищимъ, поющимъ духовные стихи и этимъ снискивающимъ себѣ пропитаніе. Но въ древней Руси каликами назывались не одни убогіе. Псковская лѣтопись называетъ Карпа Данилова „калѣку“, предводителя дружины, воевавшей съ нѣмцами (1341 г.). Въ 1330 г. въ Новгородѣ ставятъ архіепископомъ „Григорья калѣку“, бывшаго до этого священникомъ. Всѣ эти лица не могли быть убогими. О каликахъ слагались былины. Въ нихъ упоминаются цѣлыя дружины каликъ, снаряжающихся изъ Волынца Галицкаго или изъ пустыни Ефимовой изъ монастыря Боголюбова въ путь въ Іерусалимъ. Сами калики носятъ черты богатырей: это все добрые молодцы, силачи, красавцы, даже чародѣи, кричатъ такимъ зычнымъ голосомъ, что дрогнетъ мать сыра земля, милостыню берутъ цѣлыми тысячами (былина о 40 каликахъ); они носятъ особый костюмъ.

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ свидѣтельствъ можно заключать, что въ древней Руси каликами назывались странники къ святымъ мѣстамъ русскимъ и восточнымъ. Обычай паломничества существовалъ въ Россіи съ принятія христіанства и явился общимъ съ Византіею и Западною Европой. Калики не всѣ были люди состоятельные и не всѣ по возвращеніи изъ путешествія возвращались къ своимъ обычнымъ занятіямъ, нѣкоторые всю свою жизнь посвящали паломничеству, жили милостыней. По уставу князя Владиміра послѣдніе были подчинены вѣдѣнію и покровительству церкви.

На нашихъ каликахъ,—по мнѣнію † проф. И. Срезневскаго,—сказалось сильное вліяніе западныхъ странъ, а проф. Александръ Н. Веселовскій видитъ сверхъ того и вліяніе богомильскихъ странниковъ-проповѣдниковъ. Иноземное вліяніе сказалось какъ въ обычаѣ путешествовать группами (братчинами, дружинами), такъ и во внѣшнемъ видѣ, въ одеждѣ. Одѣяніе было болѣе или менѣе одинаковое: сума, сумка, подсумокъ, клюка, костыль, посохъ (шелепуга), шляпа земли греческой, гуня или кафтанъ, cloca (дорожный плащъ).

Калики и путешествующіе въ святую землю, и калики церковные пѣли духовныя пѣсни, такъ называемые „духовные стихи“.

Начало ихъ современно появленію христіанства. Народы Запада, принимая христіанство, находились на той ступени умственнаго развитія, когда пѣсня является единственною и необходимою формой выраженія внутренней жизни, но старая дохристіанская поэзія казалась грѣхомъ,—нужно было замѣнить ее новой, матеріалы для которой давало христіанство. Явились поэты, обработывавшіе новые сюжеты въ старой излюбленной формѣ. Кромѣ того, и духовенство пошло на встрѣчу этой духовной потребности народа:—оно спѣшило дать ему поэтическія произведенія на родномъ языкѣ съ новымъ христіанскимъ содержаніемъ. Исторія называетъ два имени, около которыхъ группировались оба теченія—это Кедмонъ (VIII в.), простой, безграмотный человѣкъ, но воспѣвавшій хвалу Богу и міротворенію, и Отфридъ (IX в.), воспитанникъ монастыря Фульда. Эти двѣ струи духовной поэзіи долго текутъ параллельно. Духовныя пѣсни довольно скоро усвоилъ себѣ и сталъ распѣвать народъ, при чемъ духовная пѣсня на Западѣ явилась орудіемъ не только распространенія христіанской истины, но и средствомъ распространенія ереси. Еретикъ Бертольдъ составлялъ „еретическія“ пѣсни, которымъ училъ дѣтей, чтобы вовлечь ихъ въ ересь.

Много сходнаго въ исторіи духовныхъ пѣсней мы находимъ въ древней Руси. Несомнѣнно, что русскій народъ съ ранняго времени вводилъ въ кругъ своихъ поэтическихъ представленій имена и сюжеты, принесенные христіанствомъ. Уже Даніилъ Заточникъ намекалъ на существованіе стиха о „Плачѣ Адамовомъ“. Правда, духовенство иначе, чѣмъ на Западѣ, относилось въ древней Руси къ поэтическимъ потребностямъ народа:—для послѣдняго совершалось богослуженіе на родномъ языкѣ; церковные гимны и пѣснопѣнія народъ понималъ и могъ усвоить ихъ для внѣцерковнаго обихода; но русское духовенство не считало себя обязаннымъ давать народу

иную поэтическую пищу, не признавало народной поэзіи, игнорировало и даже преслѣдовало ее. Единственными выразителями связи письменности съ народною словесностію были калики. Путешествуя во святую землю, этими пѣснями калики коротали свой путь, или вымаливали себѣ пропитаніе. Стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ церкви, они могли черпать обильный матеріалъ изъ книгъ священныхъ, церковно-богослужебныхъ; много разсказовъ и легендъ они слышали при посѣщеніи святыхъ мѣстъ; съ другой стороны, какъ люди, вышедшіе изъ народа и къ народу обращавшіеся со своими пѣснями, они должны были подчиняться его вкусамъ, пѣть о томъ, что его интересовало и было ему понятно, пѣть въ образахъ, въ которыхъ народъ былъ воспитанъ.

Всѣми этими обстоятельствами выясняются характерныя черты духовныхъ стиховъ. Какъ калики ведутъ свое начало отъ временъ богатырей, такъ и распѣваемые ими духовные стихи имѣютъ нѣкоторую связь съ былинами. Стихъ о „сорока каликахъ со каликою“ изображаетъ переходный типъ богатыря въ калику; и по формѣ стихи походятъ на былины: въ нихъ тотъ же эпическій складъ, тѣ же пріемы въ разсказѣ, въ описаніи.

Свое содержаніе стихи заимствуютъ изъ Свящ. Писанія, церковныхъ пѣсней, церковной исторіи, житій святыхъ; потому основной характеръ стиховъ—христіанскій, церковный. Но, съ другой стороны, на стихи имѣли вліяніе народныя сказанія, въ которыхъ сохранились остатки старыхъ миѳическихъ вѣрованій, равно апокрифическія сочиненія, куда вошли народныя космогоническія воззрѣнія, почему естественно, что въ стихахъ, при церковно-христіанскомъ содержаніи, много старой языческой примѣси. Поэтому справедливо называютъ поэзію духовныхъ стиховъ двоевѣрною.

Этимъ выясняется значеніе духовныхъ стиховъ: послѣдніе вліяли на религіозно-нравственныя представленія народа и являются памятниками религіозно-нравственныхъ понятій, которыя сложились въ народѣ издавна. Они показываютъ, въ какихъ формахъ нашъ народъ усвоилъ христіанское ученіе, какъ и подъ какимъ вліяніемъ составился въ немъ взглядъ на вѣру и благочестіе, какія, по его мнѣнію, самыя важныя добродѣтели и какіе самые тяжкіе грѣхи и пороки, какія къ истинно-религіознымъ представленіямъ онъ примѣшалъ суевѣрія; какъ исказилъ и измѣнилъ нѣкоторыя событія священной исторіи и житій святыхъ.

Языкъ духовныхъ стиховъ — церковнославянскій, смѣшанный съ народнымъ.

Весьма трудно раздѣлить стихи на опредѣленные разряды; содержаніе ихъ часто неопредѣленное. Самая общая и постоянная черта — нравственное направленіе, поучительность, которая служитъ конечною цѣлію стиха, о чемъ бы онъ ни разсказывалъ.

Изъ стиховъ болѣе обращаютъ на себя вниманіе стихъ „о Голубиной книгѣ“. Этотъ стихъ о „Голубиной книгѣ“ имѣетъ космогоническій характеръ; въ немъ рѣшаются вопросы о началѣ, происхожденіи міра и различныхъ его явленіяхъ. Колоритъ стиха христіанскій, вопросы рѣшаются и всѣ предметы въ мірѣ оцѣниваются съ точки зрѣнія христіанской; обстановка стиха христіанская: дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ; дѣйствующими лицами являются пророкъ Давидъ и русскій князь Владиміръ; но, съ другой стороны, стихъ составленъ не подъ вліяніемъ чистаго церковнаго ученія, а преимущественно подъ вліяніемъ апокрифическихъ сочиненій и народныхъ сказаній. Изъ апокрифовъ имѣли болѣе всего вліянія „Бесѣды трехъ святителей“ и „Вопросы Іоанна Богослова Господу на Ѳаворской горѣ“. Кромѣ апокрифовъ, фантастическій элементъ стиха имѣетъ своимъ источникомъ еще, такъ называемыя, бестіаріи. Изъ этихъ бестіаріевъ вошли въ „Голубиную книгу“ разсказы о китѣ рыбѣ, птицѣ стратимѣ и звѣрѣ индрикѣ. Изъ народныхъ миѳическихъ сказаній встрѣчается преданіе о камнѣ алатырѣ (янтарь), который почитается отцомъ камней и иначе называется—„бѣлъ-горючь камень“; онъ обладаетъ чудесными свойствами—исцѣлять отъ болѣзней.

Самое названіе „Голубиная книга“ объясняютъ двояко: глубокая (глубинная) по содержанію, или вдохновенная Духомъ Святымъ, символомъ котораго служитъ голубь.— Голубиная книга — чрезвычайной величины и упала съ неба: никто не можетъ ее прочесть; только пророкъ Исаія прочелъ изъ нея три листа, а царь Давидъ объявляетъ

ея содержаніе, по памяти, князю Владиміру Владиміровичу (анахронизмовъ въ стихѣ много). На вопросы Владиміра царь Давидъ отвѣчаетъ:

„У насъ вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божія,
Самого Христа царя (нашего) небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,—
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Божіихъ“...

Далѣе въ стихѣ говорится, что различныя сословія произошли отъ различныхъ частей тѣла Адамова: цари пошли отъ главы Адамовой, князья и бояре отъ „мощей“, крестьяне отъ колѣна.

На вопросы Владиміра о первенствѣ разныхъ лицъ и явленій на землѣ Давидъ отвѣчаетъ въ религіозномъ и русскомъ патріотическомъ духѣ: царемъ надъ царями называетъ „Бѣлаго царя“, потому что онъ держитъ вѣру крещеную; а

„Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати:
На ней строятъ церкви Апостольскія“...

Оканчивается „Голубиная книга“ объясненіемъ сна князя Владиміра: князь видѣлъ, что два лютые звѣря „промежду собой дрались-бились“. Давидъ объясняетъ, что это боролись Правда съ Кривдой. Правда побѣдила и ушла на небеса, а побѣжденная Кривда распространилась по землѣ, — оттого люди стали неправедные и злопамятные. Здѣсь выражается и практическое пониманіе народомъ дѣйствительности и возвышенный взглядъ на правду, на ея торжество, если не въ этомъ мірѣ, то въ мірѣ будущемъ.

„Голубиная книга“ въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ въ большей части варіантовъ, стихъ составной. Его простѣйшая форма, или одна изъ его простѣйшихъ формъ, сохранилась въ поздней рукописи, гдѣ она носитъ названіе: „Повѣсть града Іерусалима“. Ни о какой книгѣ здѣсь нѣтъ рѣчи; бесѣда имѣетъ видъ состязанія въ мудрости, такъ какъ Волотъ Волотовичъ не только спрашиваетъ, но и отвѣчаетъ; нѣтъ также борьбы Правды съ Кривдой.

Другой стихъ—объ Егоріи Храбромъ говоритъ объ устроеніи и просвѣщеніи русской земли, приписывая это Егорію Храброму. Источниками стиха служитъ житіе великомученика Георгія и апокрифическія сказанія о немъ. Въ стихѣ встрѣчается много анахронизмовъ. Въ Іерусалимѣ у царя Ѳеодора и жены его Софіи премудрой—четверо дѣтей: Вѣра, Надежда, Любовь и сынъ Егорій. Народная фантазія изобразила Егорія сказочнымъ героемъ: онъ родился:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріѣ часты звѣзды.

На Іерусалимъ напалъ царь Діоклитіанъ (или,—по разнымъ варіаціямъ стиховъ,—царище Діоклитіанище, Демьянище); онъ убилъ царя Ѳеодора и сталъ принуждать его дѣтей принять вѣру бусурманскую. Сестры Егорія побоялись мученій и отступились отъ христіанства, а Егорій остался твердъ, и никакія мученія не могли убить его; наконецъ, Діоклитіанъ посадилъ его въ погребъ, гдѣ онъ и пробылъ 30 лѣтъ. Но Богородица сама освободила его, и онъ послѣ этого, съ благословенія своей матери, поѣхалъ устраивать русскую землю. Здѣсь онъ засталъ еще первобытный хаосъ: „лѣса со лѣсами совивалися“, „толкучія горы“ не давали ни пройти, ни проѣхать. Георгій привелъ все это въ порядокъ. Здѣсь онъ увидѣлъ и сестеръ своихъ, обросшихъ корою за свое отступничество; онѣ пасли стадо звѣриное. Егорій разогналъ звѣрей по лѣсамъ; убилъ царя Діоклитіана въ его „бѣлокаменныхъ палатахъ“, а сестрамъ велѣлъ искупаться въ Іорданѣ рѣкѣ и приложиться ко гробу Христову, и кора съ нихъ опала. Затѣмъ онъ привелъ ихъ „къ своей матушкѣ родимой“.—Можно думать, что народная фантазія представила въ Егоріи типъ тѣхъ богатырей, героевъ вѣры и просвѣщенія, которые въ древнія времена повсюду являлись въ одеждѣ инока и мірянина, въ санѣ князя и епископа, просвѣщали дикія племена христіанствомъ, строили города, церкви, монастыри.

Стихъ „Евангельская пѣснь“ представляетъ рядъ вопросовъ и отвѣтовъ, въ которыхъ объясняется таинственное значеніе чиселъ отъ одного до двѣнадцати включительно.

Основою стиховъ о кончинѣ міра и страшномъ судѣ послужило изображеніе кончины міра и послѣдняго суда въ Евангеліи, но кромѣ евангельскихъ чертъ мы встрѣчаемъ здѣсь много картинъ, созданныхъ народною фантазіей, подъ вліяніемъ разныхъ церковныхъ сочиненій (слово св. мученика Ипполита объ антихристѣ, житіе св. Андрея Юродиваго, житіе св. Василія Новаго) и преимущественно апокрифическихъ сказаній (хожденіе Богородицы по мукамъ, слово о видѣніи Ап. Павла, вопросы Іоанна Богослова и т. д.). Стихи о страшномъ судѣ очень разнообразны: одни начинаютъ изображеніемъ пришествія антихриста, въ другихъ объ антихристѣ не говорится, а изображаются кончина міра, судъ, мученія, ожидающія грѣшниковъ. Мученія описываются подробно и почти тѣ же, что и въ мытарствахъ: тьма кромѣшная, погреба глубокіе, мразы лютые; наоборотъ, награды въ будущей жизни описываются слишкомъ кратко, чертами блѣдными, неопредѣленными.

Къ стихамъ о кончинѣ міра примыкаетъ по содержанію много другихъ: въ нихъ выражается мысль о суетѣ міра, непрочности благъ внѣшнихъ, неизбѣжности смерти; таковы, напр., „Стихъ о грѣшной душѣ", „Плачъ души грѣшной", „Прощаніе души съ тѣломъ", „Плачъ земли", „О человѣческомъ безуміи".

Болѣе замѣчательны „Плачъ земли" и „Прощаніе души съ тѣломъ". Въ послѣднемъ изображается, какъ отходятъ отъ міра души праведныхъ и грѣшныхъ людей; въ первомъ земля согласно языческимъ представленіямъ представляется живымъ существомъ. „Матушка сыра земля" расплакалася предъ Богомъ, она жалуется на грѣшниковъ, ей тяжело носить ихъ. Во второй половинѣ стиха заключена уже совершенно христіанская идея:—Богъ изображается безконечно милосердымъ. Богъ говоритъ землѣ:

Потерпи же ты, матушка сыра земля,
Не придутъ-ли рабы грѣшники
Къ самому Богу съ чистымъ покаяніемъ.

Нравственно-историческіе стихи. Сюда можно отнести всѣ тѣ стихи, содержаніе которыхъ примыкаетъ къ священной исторіи или житіямъ святыхъ. Изъ ветхаго завѣта заимствованы два стиха: „Плачъ Адама" и „объ Іосифѣ Прекрасномъ". Первый стихъ изображаетъ плачъ Адама по изгнаніи изъ рая, переходящій вообще въ сокрушеніе о грѣхахъ человѣка; во второмъ стихѣ—библейская исторія объ Іосифѣ. Особенно трогательно въ стихѣ изображается сыновняя любовь Іосифа и отчая въ Іаковѣ.

Къ Новозавѣтной исторіи относятся стихи: „Рождество Христово" и „Страсти Христовы". Въ первомъ стихѣ кромѣ евангельской исторіи вставленъ разсказъ „о милостивой женѣ аллилуіевой", спасшей младенца Іисуса. Основою стиховъ „Страсти Христовы" послужили церковные стихи и пѣсни, которыя поются въ великую пятницу и субботу, особенно пѣснь „Не рыдай Мене, Мати"... Къ послѣднимъ стихамъ примыкаетъ „Сонъ Богородицы", представляющій сокращенное переложеніе сказанія того-же имени. Содержаніемъ „сна" служатъ будущія страданія Спасителя.

Евангельская притча „о богатомъ и Лазарѣ" дала содержаніе стихамъ о богатомъ и Лазарѣ. Народъ не ограничился простымъ переложеніемъ притчи, но почти каждую черту ея усилилъ разными выдуманными подробностями, а нѣкоторыя черты измѣнилъ сообразно съ своими понятіями. Это любимые стихи нищихъ, калѣкъ: они видятъ въ Лазарѣ примѣръ для собиранія милостыни и въ его судьбѣ изображеніе своей судьбы.

Изъ стиховъ, разсказывающихъ о святыхъ, замѣчательны: „о Θеодорѣ Тиронѣ", „Дмитріи Солунскомъ", Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ", „Іоасафѣ царевичѣ", „Борисѣ и Глѣбѣ", „Михаилѣ и Θеодорѣ черниговскомъ" и „Дмитровской субботѣ"...

Стихъ о Θеодорѣ Тиронѣ содержаніемъ и складомъ напоминаетъ былину. Въ немъ разсказывается о двухъ подвигахъ Θеодора — объ освобожденіи Іерусалима отъ жидовъ и своей матери изъ плѣна отъ змія. Стихъ о Дмитріи Солунскомъ разсказываетъ о побѣдѣ его надъ Мамаемъ, невѣрнымъ царемъ, и спасеніи двухъ дѣвицъ изъ плѣна. Стихи объ Алексіи Божіемъ человѣкѣ и царевичѣ Іоасафѣ рисуютъ высшій идеалъ самоотверженія, какой даютъ ихъ житія. Въ стихахъ „О Дмитровской субботѣ" объясняется происхожденіе ея. Князю Дмитрію было видѣніе Куликова поля съ тѣ-

лами убитыхъ. Богородица съ Апостолами, Ангелами и Архангелами отпѣвала убитыхъ христіанъ и искала самого князя Дмитрія... Дмитрій понялъ, что близокъ часъ его смерти; въ память этого установлено поминовеніе въ субботу.

Въ стихѣ о Борисѣ и Глѣбѣ болѣе восхваляется ихъ сыновняя любовь къ отцу, чѣмъ ихъ братская любовь.

Раскольничьи стихи. Особенно распространены духовные стихи у раскольниковъ, которые нашли въ нихъ лучшее орудіе для распространенія своего ученія въ народѣ и для выраженія своего протеста противъ церкви и правительства. При этомъ они въ прежніе стихи вставляютъ любимыя мысли, или передѣлываютъ на свой ладъ, или въ подражаніе имъ составляютъ новые стихи. Любимыми стихами сдѣлались тѣ, которые ближе подходятъ къ ихъ взглядамъ и представленіямъ. Таковы стихи о кончинѣ міра, объ Іоасафѣ царевичѣ и пустынѣ. Мысли объ антихристѣ и близости кончины міра и страшнаго суда служатъ основною темой раскольническихъ стиховъ, почему эти стихи стали любимыми и преимущественно подверглись передѣлкѣ. Изъ стиховъ, составленныхъ самими раскольниками, особенно замѣчательны: „Стихъ преболѣзненнаго воспоминанія озлобленія каѳоликовъ“, о плѣненіи антихристомъ Церкви и истребленіи имъ таинствъ и всѣхъ учрежденій церковныхъ. Гдѣ спасеніе отъ такого озлобленія? Отвѣтъ дается въ стихѣ: „О старцѣ“. Пустыня—одна можетъ быть убѣжищемъ для раскольниковъ. Духовные стихи объ Іоасафѣ и пустынѣ, которые въ идеальныхъ и поэтическихъ чертахъ представляютъ отшельничество и пустынную жизнь, сдѣлались любимыми стихами раскольниковъ. Эти стихи они передѣлали на свой ладъ, внося любимыя мысли о кончинѣ міра, объ антихристѣ. Кромѣ стиховъ, выражающихъ взгляды, общіе раскольникамъ, есть еще стихи, въ которыхъ выражается ученіе разныхъ сектъ: нѣтовщины, странниковъ и др. Нѣтовщина примѣнила къ своему ученію о самосожиганіи стихъ „О милостивой женѣ милосердой“, гдѣ разсказывается, какъ одна женщина для спасенія младенца Христа, преслѣдуемаго жидами, бросила въ печь своего младенца, а Іисуса Христа взяла себѣ на руки. На основаніи послѣднихъ словъ стиха: „аллилуія, слава Тебѣ, Боже“... милосердая жена получила названіе „аллилуіевой жены“. Всѣ вообще раскольничьи стихи отличаются нетерпимостію, фанатизмомъ, извращеніемъ религіозныхъ понятій. Подъ руководствомъ своихъ грубыхъ, необразованныхъ начетчиковъ, они доходили до самыхъ дикихъ представленій о всѣхъ предметахъ христіанскаго вѣрованія.

Въ настоящее время духовные стихи приходятъ въ упадокъ.

Литература: † Проф. *П. А. Безсоновъ.* Калѣки перехожіе: Сборникъ духовныхъ стиховъ, вып. 1 — 6 (Москва 1861 — 1864); † Акад. *И. И. Срезневскій,* Русскіе калики древняго времени въ „Зап. Ак. Наукъ“ т. I (1862 г.), 186; проф. *Александръ Н. Веселовскій,* Калики перехожіе и богомильск. странники въ „Вѣстн. Европ.“ 1872, кн. IV; † *А. Н. Пыпинъ,* Ист. русск. литературы, т. I: Древняя письменность (Спб. 1898); Соч. † проф. *Н. С. Тихонравова,* Древнерусск. литература, т. I. Калѣки перехожіе, 324; проф. *Александръ Н. Веселовскій,* Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ въ „Зап, Ак. Наукъ“, т. VII (1883 г.); проф. *А. В. Поповъ,* Вліяніе церковнаго ученія и древне-русской письменности на міросозерцаніе русскаго народа (Казань 1883); Исторія русской словесности † *А. Г. Галахова,* † *И. Я. Порфирьева,* † *Ѳ. И. Буслаева* и др. *Ѳ. Керенскій,* Древне-русск. отречен. вѣрованія въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1874, кн. 3, 4, 5. [Проф. *Вс. Ѳ. Миллеръ* въ Словарѣ Брокгауза и Ефрона XXVII (XIV), стр. 27—28].

Б. Груздевъ.

Калиновцы — сектанты, послѣдователи лжеученія, распространявшагося, съ начала 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ предѣлахъ демянскаго уѣзда, новгородской губ., мѣстнымъ крестьяниномъ, жителемъ деревни Астрешина (кунскаго прихода) Калиною Ефимовымъ, отъ имени котораго и получили свое названіе. Характеристическія особенности этого лжеученія могутъ быть обозначены лишь въ довольно общихъ чертахъ въ виду крайней скрытности сектантовъ, старавшихся замаскировать свое неправомысліе показнымъ благочестіемъ и наружною преданностію православной церкви. Однимъ изъ наиболѣе ясно выраженныхъ пунктовъ въ ученіи Калины является проповѣдь безбрачія, не исключавшая однако (по наблюде-

ніямъ окружающихъ) довольно свободнаго обращенія между его послѣдователями, безъ различія половъ; наряду съ этимъ должна быть поставлена болѣе строго осуществлявшаяся на практикѣ заповѣдь о воздержаніи отъ мяса и вина. Личность самого основателя секты и ея руководителя была облечена необычайнымъ авторитетомъ. „Калиновцы" приписывали ему божеское достоинство, называя его братомъ І. Христа и даже самимъ Христомъ; они были увѣрены, что именно Калина введетъ ихъ всѣхъ въ царство небесное; что участь всѣхъ людей находится въ его рукахъ; что поминовеніе усопшихъ, совершенное Калиною, дѣйствительнѣе молитвъ церковныхъ; что тамъ, гдѣ находится домъ Калины, будетъ великій градъ Іерусалимъ, съ храмомъ сіонскимъ, и что бѣдствія, имѣющія постигнуть родъ человѣческій предъ кончиною міра, не коснутся „Калиновцевъ", въ особенности тѣхъ, которые будутъ находиться близъ деревни Астрешина; наконецъ, были увѣрены, что Калина не умретъ, а будетъ жить вѣчно. О религіозномъ культѣ „Калиновцевъ" ничего не извѣстно; судебными слѣдствіями, производившимися въ 1840 и 1841 гг., установлено только, что сектанты имѣли свои молитвенныя собранія въ особомъ домѣ, въ деревнѣ Астрешинѣ, весьма обширномъ и обильно украшенномъ иконами; позднѣе эти собранія стали происходить тогда и тамъ, когда и куда приходилъ Калина, который почти не жилъ дома, а постоянно странствовалъ изъ одного мѣста въ другое. Пользуясь своимъ безграничнымъ вліяніемъ на послѣдователей, основатель секты страшно эксплоатировалъ ихъ, отбирая ихъ имущество и заставляя работать на себя. Самъ онъ широко пользовался всѣми доступными благами жизни, за исключеніемъ мяса и вина, и въ особенности не стѣснялся требованіями полового воздержанія, вступая въ незаконную связь съ разными женщинами. Въ 1870 г. онъ умеръ слишкомъ 80-ти лѣтъ отъ роду; но со смертію его секта „Калиновцевъ" не прекратилась. Руководителемъ ея сталъ сынъ Калины — Егоръ, по примѣру своего отца объявившій себя Христомъ и съумѣвшій, подобно ему, внушить вѣру въ себя разными нелѣпыми и фантастическими росказнями о своемъ всемогуществѣ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія секта „Калиновцевъ" еще продолжала существовать въ нѣкоторыхъ приходахъ демянскаго у.

Вышеуказанныя черты, характеризующія ея послѣдователей: обоготвореніе руководителя, отрицаніе брака, воздержаніе отъ мяса и вина и обязательство содержать въ тайнѣ ученіе секты позволяютъ думать, что послѣдняя не должна быть считаема за нѣчто самостоятельное и типически своеобразное, а есть лишь одна изъ фракцій недоразвившейся хлысговщины.

Подробнѣе о «Калиновцахъ» см. въ «Правосл. Собес.» за 1872 г., іюнь, стр. 216—225.

И. Громогласовъ.

Каликстъ Георгъ (Calixtus Georg)— одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ лютеранскихъ богослововъ XVII вѣка. Сынъ проповѣдника Іоанна Каликста, онъ родился 14 декабря 1586 г. въ Меделби (селеніе въ Шлезвигѣ). По окончаніи курса гимназіи въ Фленсбургѣ онъ, въ возрастѣ 16 лѣтъ, былъ отправленъ въ гелмштедскій университетъ; также посѣщалъ университеты іенскій, гессенскій, тюбингенскій и гейдельбергскій. По выходѣ изъ университета, вмѣстѣ съ богатымъ ученикомъ своимъ Матѳеемъ Овербекомъ, Г. Каликстъ совершилъ путешествіе по Европѣ, во время котораго пополнилъ свое образованіе, посѣтивъ знаменитыя библіотеки и познакомившись лично съ наиболѣе выдающимися учеными Англіи, Голландіи, Италіи и Франціи. Въ 1613 г. онъ вернулся въ г. Гелмштедтъ изъ путешествія, а въ 1614 г. былъ назначенъ профессоромъ богословія въ гелмштедскій университетъ. Скончался 19 марта 1656 года, 70-лѣтнимъ старцемъ.

Убѣжденный, что основные догматы христіанства одинаково неизмѣнно сохраняются во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, Георгъ Каликстъ, какъ профессоръ и какъ богословъ-писатель, направлялъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы объединить членовъ трехъ исповѣданій: лютеранскаго, реформатскаго и католическаго. Для этого объединенія онъ считалъ необходимымъ выдѣлить главнѣйшія вѣрованія, общія всѣмъ названнымъ исповѣданіямъ и необходимыя

для спасенія человѣка, и оставить въ сторонѣ пункты разногласія. Для спасенія же человѣка онъ полагалъ необходимымъ—признаніе Свящ. Писанія, символа апостольскаго и ученія отцовъ церкви первыхъ пяти вѣковъ. Что касается таинствъ, то Каликстъ утверждалъ, что слѣдуетъ принимать фактъ ихъ существованія, но въ отношеніи пониманія ихъ существа и ихъ формы онъ допускаетъ свободу. Такія мнѣнія подали поводъ ярымъ лютеранамъ обвинять Георгія Каликста въ „синкретизмѣ", въ стремленіи смѣшать всѣ христіанскія исповѣданія. Послѣдователей Каликста стали называть „синкретистами" (см. это слово). Среди нѣмецкихъ богослововъ возникли ожесточенныя пренія „за" и „противъ" синкретизма. Съ 1630 года начали появляться различныя произведенія, въ которыхъ Г. Каликстъ именовался „криптокатоликомъ"—тайнымъ католикомъ и „криптопапистомъ"—тайнымъ папистомъ. Одно изъ этихъ сочиненій, напечатанное въ 1640 г. и принадлежащее перу Бюшера изъ Ганновера, даже было озаглавлено такъ: Cryptopapismus novae theologiae Helmstadiensis. Г. Каликстъ энергично защищался противъ обвиненій его въ измѣнѣ и отступничествѣ и съ этою цѣлію написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ укажемъ на главныя: Wiederlegung des unwahrhaften Gedichtes unter dem Titel „Kryptopapismus" (Люнебургъ 1641); Iterata compellatio ad Academiam Coloniensem; Responsum maledicis Moguntinorum theologorum pro rom. pontificis infallibilitate praeceptoque sub una vindiciis oppositum (Гелмштедтъ 1644, 1645).

Пренія въ нѣмецкомъ богословскомъ мірѣ еще болѣе оживились, когда Каликстъ въ 1645 году былъ приглашенъ польскимъ королемъ Владиславомъ присутствовать на богословскомъ состязаніи въ Торнѣ, которое имѣло цѣлью возстановить миръ въ взволнованныхъ умахъ. Здѣсь рѣзко обозначились двѣ партіи. На сторонѣ Георга Каликста стояли богословы Гелмштедта, Ринтельна и Кёнигсберга; главные изъ нихъ: Конрадъ Горней, Герардъ Тицій, Іоахимъ Гильдебрандъ. Противную Каликсту партію составляли богословы изъ университетовъ лейпцигскаго, іенскаго, страсбургскаго, гиссенскаго и марбургскаго. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: Іаковъ Веллеръ (изъ Дрездена), И. Гюлфеманъ и Авраамій Каловъ (см. ниже „Каловъ"). Споры перешли и на другіе вопросы. Каликста обвиняли еще въ томъ, что онъ для доказательства христіанскихъ доктринъ пользовался аргументами изъ философіи и изъ другихъ религій, что будто не находилъ ученія о троичности въ Ветхомъ Завѣтѣ и проч. По поводу этихъ обвиненій Каликстомъ были опубликованы слѣдующія сочиненія: 1) De duabus quaestionibus num mysterium Trinitatis e solius V. T. libris possit demonstrari, et num ejus temporis patribus Filius Dei in propria sua hypostasi apparuerit (1649, 1650); 2) Indicium de controversiis theologicis, quae inter lutheranos et reformatos agitantur (1650); 3) Desiderium et studium concordiae ecclesiasticae (1650); Widerlegung der Verleumdungen (Гелмштедтъ 1651).

Кромѣ помянутыхъ выше, отъ Георга Каликста остались еще слѣдующія сочиненія, изданныя частію имъ самимъ, частію сыномъ его Фредерикомъ-Урлихомъ Каликстомъ (1622—1701 г.): 1) Tractatus de pontificio missae sacrificio (Франкфуртъ 1614); 2) Epitome theologiae (Гелмштедтъ 1619, 1662); 3) De religiosa adoratione disput (1623); 4) Apparatus theologicus (Гелмштедтъ 1628; въ этомъ сочиненіи авторъ перечисляетъ знанія, которыми долженъ обладать претендующій на званіе богослова, и указываетъ методъ, которымъ долженъ пользоваться богословъ въ своихъ занятіяхъ); 5) De conjugio clericorum (1631); 6) Epitome theologiae moralis (Гелмштедтъ 1634, 1661; авторъ показываетъ тѣсную связь между моралью и догматикой, особенно сотеріологіей); 7) Degressio de arte nova contra Nihusium (ibid. 1634); 8) De visibili ecclesiastica monarchia (1643); 9) De primatu Rom. Pont. (1650); 10) De auctoritate Scripturae S. (1654); 11) Disputationes XV de praecipuis christ. religionis capitibus (Гелмштедтъ 1611, 1658); 12) Lucubrationes ad quorundam V. T. librorum intelligentiam facientes (1665); 13) De tolerantia reformatorum (Гелмштедтъ 1697).

Литература. Фридрихъ Урлихъ Каликстъ предпринялъ изданіе полнаго собранія трудовъ своего отца Георга Каликста, но изданія этого не закончилъ. Однако онъ далъ интересное обозрѣніе сочиненій Г.

Каликста въ своемъ „Catalogus operum G. Calixti“. Нѣкоторыя рукописи Г. Каликста хранятся въ библіотекахъ Вольфенбюттеля, Гёттингена, Дармштадта и Гамбурга. См. о Г. Каликстѣ: *H. Schmid*, Geschichte der synkretistischen Streitigkeiten in der Zeit des Georg Calixt (Эрлянгенъ 1846); *W. Gass*, G. Calixt und der Synkretismus (Бреславъ 1846); *Th. Henke*, G. Calixtus und seine Zeit, 2 тома (Галле 1853—1856); *Bauer*, Ueber den Character und die Bedeutung des calixtinischen Synkretismus въ журналѣ „Theol. Jahrb.“ 1848 г., VII, стр. 163 сл.; *Herzog-Hauck*, Realencyclopädie III^3, 643 — 647; *Wetzer-Welte*, Kirchenlexicon II^2, col. 1711—1715; *V. Ermoni*, y Vacant et Mangenot въ Dictionnaire de théologie Catholique II, 1362—1364; *F. Lichtenberger* въ его Encyclopédie des sciences religieuses II, 522—524.

Н. В. П—въ.

Каликстъ— папы см. „Каллистъ“.

Калленбергъ, Іоаннъ Генрихъ—ученый оріенталистъ, лютеранскій богословъ. Онъ родился 12 января 1694 г. въ герцогствѣ Саксонъ-Готскомъ; образованіе получилъ въ Галле, гдѣ въ 1727 г. сдѣлался экстр. ордин. профессоромъ филологіи, въ 1735 году—ординарнымъ профессоромъ и, наконецъ, въ 1739 г.—ординарнымъ профессоромъ богословія и восточныхъ языковъ. Подъ вліяніемъ своего учителя Августа Франке (род. 1663 г., † 1727 г.), Калленбергъ заинтересовался дѣломъ миссіонерства и основалъ въ 1728 г. въ Галле институтъ для обращенія въ христіанство евреевъ. Онъ принималъ туда прозелитовъ, посылалъ въ разные края миссіонеровъ и печаталъ въ учрежденной имъ восточной типографіи множество мелкихъ брошюръ на еврейскомъ и другихъ языкахъ для раздачи евреямъ. Онъ занимался также обращеніемъ въ христіанство магометанъ и издавалъ для нихъ сочиненія на арабскомъ языкѣ. Калленбергъ скончался 16 іюля 1760 г.; его институтъ существовалъ до 1792 г. Калленбергу принадлежатъ труды: Prima rudimenta linguae arabicae, Галле 1729, въ 8°; Catechismus Lutheri arabice, Галле 1729, въ 12; Scriptores de religione Muhammedica, Галле 1734, въ 8; Specimen bibliothecae arabicae, Галле 1736, въ 8; Grammatica linguae graecae vulgaris, Галле 1747, въ 8; переводъ на арабскій языкъ Новаго Завѣта и „Подражанія Іисусу Христу“ Ѳомы Кемпійскаго и др.

Литература. (Dreyhaupt), Beschreibung des Saalkreises, Галле 1749—51, I, стр. 44 и 600; II, стр. 46; Moser, Beytrag zu einem Lexicon der evang. Theologen, 1740. *Аделунгъ*, Fortsetzung zu Jochers Lexicon, Лейпцигъ 1784, т. I; Meusel, Lexicon der verstorbenen Teutchen Schrifsteller II (1803). [*Hartzheim* Bibliotheca Coloniensis, Art. «Collenberg». *Backer* et *Sommervogel*, Bibliothèque de la C-nie de Jésus II, col. 561. *Hurter*, Nomeclator II, col. 1525. *A. Bernus* y F. Lichtenberger въ Enzyclopedie II, p. 524. Ср. и въ Realencyclopädie von Herzog-Hauck XIII^3, S. 178.].

Каллимахъ, св. мученикъ мелитинскій, III—IV столѣтія. Это одинъ изъ 33 мучениковъ, съ Іерономъ во главѣ, которые были привлечены за христіанство начальникомъ армянскаго города Мелитины и, по отказѣ въ повиновеніи властямъ, были обезглавлены. *Память ихъ 7 ноября* (Макар. Ч. Минея; прологъ).

Хр. Л—въ.

Каллимахъ, св. мученикъ ѳракійскій, IV столѣтія. Онъ вмѣстѣ съ Вакхомъ и Діонисіемъ и воиномъ Варваромъ пострадалъ во Ѳракіи при имп. Юліанѣ Отступникѣ ок. 362 года. *Память его 6 мая.* († Архіеп. *Сергій.* Мѣс. Вост.).

Хр. Л—въ.

Каллиникъ, св. мученикъ виѳинскій, III столѣтія. Языческій жрецъ, онъ былъ обращенъ въ христіанство св. Ѳирсомъ. Подобно послѣднему Каллиникъ молитвою сокрушалъ идоловъ, за что и былъ обезглавленъ въ царствованіе имп. Декія (249—251), при игемонѣ Кумврикіи. *Память его 14 декабря.* (См. Макар. Ч. Минея (игемонъ Кумеркій, Commercius?); прологъ).

Хр. Л—въ.

Каллиникъ, св. мученикъ мелитинскій, III—IV столѣтія. Это одинъ изъ 33 мучениковъ, которые были обезглавлены въ армянскомъ городѣ Мелитинѣ. (См. „Каллимахъ“). *Память его 7 ноября.*

Хр. Л—въ.

Каллиникъ, св. мученикъ гангрскій, неизвѣстнаго времени. Родомъ изъ Киликіи, онъ за исповѣданіе Христа съ мѣста родины былъ приведенъ въ г. Гангры и здѣсь брошенъ въ раскаленную печь. Соборъ его совершался близъ Юстиніанова моста и близъ Петрія въ Константинополѣ. *Память его 29 іюля.*—(См. Макар. Ч. Минея (мученичество „Славно всѣмъ человѣкомъ“ написано очевидцемъ св. Каллиника); прологъ).

Хр. Л—въ.

Каллиникъ, св. мученикъ египетскій, неизвѣстнаго времени. Званіемъ волхвъ, онъ увѣровалъ во Христа и обезглавленъ вмѣстѣ съ епископомъ Серапіономъ. *Память его 24 мая.* (Макар. Ч. Минея; прологъ).

Хр. Л—въ.

Каллиникъ: *1—5 константинопольскіе патріархи.—Каллиникъ I* занималъ вселенскій патріаршій престолъ съ осени 693 года до конца 705 г. До патріаршества онъ состоялъ пресвитеромъ и скевофилаксомъ храма Богородицы Влахернской и, по свидѣтельству историка Ефремія, отличался разумомъ и доброю жизнію. Начало патріаршества Каллиника падаетъ на послѣдніе годы перваго царствованія Юстиніана Ринотмета (685—695 г.), извѣстнаго своею безумною жестокостью и безразсудными дѣйствіями. Между прочимъ, Юстиніанъ отличался страстію къ постройкамъ и, по своему капризу, одни зданія разрушалъ, а другія воздвигалъ на ихъ мѣстѣ. Въ 694 г. онъ захотѣлъ разрушить т. н. „митрополичью“ церковь Богородицы, находившуюся близъ его дворца, дабы устроить здѣсь фонтанъ и другія сооруженія. Но такъ какъ набожный народъ былъ сильно возмущенъ такими намѣреніями царя, то онъ, желая привлечь на свою сторону и патріарха, просилъ его совершить молитвословіе на разрушеніе храма. Разумѣется, Каллиникъ I отвергъ эту просьбу и на вторичное требованіе царя, отвѣтилъ, что существуютъ молитвы лишь на сооруженіе храма, а на его разрушеніе молитвъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, по велѣнію Юстиніана, патріархъ прочиталъ составленную имъ на этотъ случай молитву, которая оканчивалась словами: „Слава Богу, терпящему всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“. Послѣ этого церковь, къ великому соблазну народа, была сломана. Впрочемъ, царь взамѣнъ ея построилъ въ честь Богородицы другой храмъ въ Петріонѣ. Народъ, возмущенный безпорядочною дѣятельностію Юстиніана, поднялъ бунтъ, закончившійся низложеніемъ царя и ссылкою въ Херсонесъ. Патріархъ не могъ не принимать участія въ этомъ переворотѣ. Въ царствованіе Леонтія (695—697 г.) и Тиверія (697—705 г.), несмотря на внутреннія волненія и постоянныя войны съ арабами, Каллиникъ I сохранилъ за собою патріаршій престолъ и умѣло руководилъ церковною жизнію. Но когда Юстиніанъ Ринотметъ возвратился изъ ссылки и вторично возсѣлъ на императорскомъ тронѣ, то въ числѣ первыхъ лицъ, которыхъ коснулось мщеніе бывшаго изгнанника, былъ патріархъ Каллиникъ I, вѣнчавшій на царство императоровъ Леонтія и Тиверія. Юстиніанъ приказалъ ослѣпить его и сослалъ въ Римъ. Здѣсь онъ и скончался. Православная церковь причислила Каллиника I къ лику святыхъ и *память его празднуетъ 23 августа.*

Литература. *Theophanes,* Chronographia Bonnae 1839, или по edit. De Boor. *Cedrenus,* Historia I, Bonnae 1839; *Leo Grammaticus,* Chrographia, Bonnae 1842; *M. Glycas,* Annales, Bonnae 1835; *Nicephorus Cpl.,* Historia breviaria, ed. De Boor, Lipsiae 1883; M. Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες Κωνσταντινουπόλις 1890; *Le Quien,* Oriens christianus I, 1740; *A. Bandurius,* Imperium orientale II; *Cuper,* Historia chronologica patriarcharum constantinopolitanorum („Acta Sanctorum“, изд. Болландистовъ, августъ, t. I); Κωνστ. Δουκάκης, Μέγας Συναξαριστής VIII (августъ), Ἀθῆναι 1894; проф. *И. Д. Андреевъ,* Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія I, Сергіевъ Посадъ 1895.

Каллиникъ II, по фамиліи Акарнанъ, занималъ патріаршій престолъ трижды (съ 3 марта до 27 ноября 1688 г., февр. 1689—1693 и 1694 + 8 авг. 1702 гг.). Онъ родился около 1630 г. въ селѣ близъ Константинополя, учился у извѣстнаго греческаго дидаскала Евгенія Яннули или Этолійскаго и до патріаршества состоялъ митрополитомъ Прусы. Когда патріархъ Іаковъ

въ третій разъ оставилъ вселенскій престолъ, то архіереи и представители народа константинопольской церкви, собравшись въ домѣ фанаріота Манолаки, избрали его преемникомъ Каллиника. Первое патріаршество Каллиника II было непродолжительно вслѣдствіе господствовавшихъ въ патріархія безпорядковъ, вызванныхъ тамъ систематическимъ нарушеніемъ со стороны Порты правъ и привилегій константинопольской церкви, такъ и вмѣшательствомъ мірянъ въ церковныя дѣла. Къ тому же Каллиникъ II возстановилъ противъ себя адріанопольскаго митрополита Неофита, лишивъ его каѳедры и предоставивъ ее халкидонскому митрополиту Клименту. Неофитъ, въ свою очередь, сталъ искать патріаршаго престола и, пользуясь поддержкой правительства, добился низложенія Каллиника II чрезъ девять мѣсяцевъ его управленія церковію. Въ короткое время перваго патріаршества Каллиникъ II сдѣлалъ для церкви немного. Такъ, въ октябрѣ 1688 г. Каллиникъ II издалъ синодальный томъ о правахъ іерусалимскаго патріарха въ отношеніи къ синайскому монастырю. Дѣло въ томъ, что синайскій архіепископъ Ананія, подчиненный духовной юрисдикціи іерусалимскаго патріарха, объявилъ себя автокефальнымъ, пересталъ возносить за богослуженіемъ имя патріарха, сталъ именовать себя „блаженнѣйшимъ", носить патріаршую митру, управлять монастыремъ независимо отъ „синаксиса" (собора старцевъ) и т. п. Такъ какъ все это нарушало природу его каноническихъ отношеній къ Сіонской церкви, то Каллиникъ II, по просьбѣ іерусалимскаго патріарха Досиѳея, обратившагося къ посредничеству вселенскаго патріарха, какъ перваго между равными представителями восточныхъ церквей, издалъ вмѣстѣ съ синодомъ томъ, въ которомъ, на основаніи каноническихъ и историческихъ данныхъ, опредѣлилъ, что нововведенія Ананіи несогласны съ характеромъ подлинныхъ его отношеній къ представителю церкви Сіонской. Впредь архіепископъ Синая долженъ подчиняться высшей духовной власти іерусалимскаго престола, получать хиротонію отъ мѣстнаго патріарха, возносить и поминать за богослуженіемъ его имя, управлять монастыремъ совмѣстно съ „синаксисомъ" и т. п. Означенный томъ патріарха Каллиника II имѣетъ важное значеніе не только по прямому своему содержанію, но и въ отношеніи къ вопросу о преимуществахъ константинопольскаго патріарха среди другихъ первоіерарховъ православнаго Востока. Второй синодальный томъ, изданный въ ноябрѣ 1688 г., касается патріаршаго храма св. великомученика Георгія въ Константинополѣ. Съ цѣлію улучшить матеріальное положеніе этого храма, патріархъ Каллиникъ II учредилъ особую эпитропію изъ трехъ лицъ, которымъ и поручилъ завѣдывать драгоцѣнностями его и всѣмъ имуществомъ; кромѣ того, онъ приказалъ эпитропамъ завести особый кодексъ, въ который надлежало записывать всѣ пожертвованія и приношенія, сдѣланныя христіанами столицы въ пользу патріаршаго храма по тѣмъ или другимъ религіознымъ побужденіямъ. По поводу этого кодекса патріархъ вмѣстѣ съ синодомъ и издалъ особый томъ, въ которомъ предписалъ, чтобы все имущество, пожертвованное патріаршему храму, составляло его неотъемлемую собственность, находилось въ завѣдываніи эпитроповъ, обязанныхъ хранить его и употреблять на нужды Великой Христовой церкви; никто изъ христіанъ, даже патріархъ, не имѣетъ права отчуждать самую малую часть этого имущества, а эпитропы обязаны отдавать патріархіи отчетъ во всѣхъ доходахъ и расходахъ. Что касается эпитроповъ, то выборъ ихъ производится патріархами и синодомъ, при участіи почетнѣйшихъ клириковъ Великой Христовой церкви, архонтовъ народа, членовъ патріаршей епархіи („еноріи"), геронтовъ ремесленныхъ цеховъ и корпорацій столицы; собраніе избираетъ эпитропами людей благочестивыхъ, преданныхъ церкви, честныхъ и энергичныхъ. Въ виду того, что устройство приходской жизни въ предѣлахъ константинопольской церкви было въ XVII в. дѣломъ новымъ, указанный синодальній томъ патріарха Каллиника II нужно признать однимъ изъ первыхъ начинаній въ этомъ направленіи. Наконецъ, отъ перваго патріаршества Каллиника сохранился сигиллій, утверждающій преимущества монастыря Іоанна Богослова на островѣ Патмосѣ.

Во второй разъ Каллиникъ занялъ престолъ при содѣйствіи архіереевъ-членовъ синода, которые были недовольны его предшественникомъ за домогательство патріар-

шаго достоинства. Между прочимъ, въ апрѣлѣ 1691 г. Каллиникъ II, совмѣстно съ іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ и своимъ синодомъ, издалъ грамоту по поводу взгляда кальвинистовъ на таинство евхаристіи, гдѣ раскрывалъ православно-христіанское ученіе о пресуществленіи (μετουσίωσις), ссылаясь на святоотеческую и позднѣйшую греческую литературу. Вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ убѣждалъ православныхъ христіанъ патріархата не смущаться неправильными воззрѣніями кальвинистовъ и строго держаться ученія греческой церкви. Въ апрѣлѣ 1693 г. патріархъ, вмѣстѣ съ синодомъ, долженъ былъ дать отвѣтъ на предложенный нѣкоторыми простецами-христіанами вопросъ о томъ, нѣтъ ли грѣха въ намѣреніи перестроить малый храмъ въ большой, дабы за богослуженіемъ въ немъ могло присутствовать возможно большее число христіанъ... Патріархъ успокоилъ смущенную совѣсть предложившихъ этотъ вопросъ на синодальное обсужденіе. Въ мартѣ 1692 г. Каллиникъ предписалъ митрополиту Митилины, чтобы онъ взялъ подъ свое покровительство церковныя имущества на этомъ островѣ и мѣстный страннопріимный домъ, учрежденный однимъ христіаниномъ для пріюта чужестранцевъ и для помощи нуждающимся въ пристанищѣ бѣднякамъ. Въ іюнѣ 1693 г. патріархъ издалъ обличительную грамоту противъ вѣрившихъ въ существованіе вампировъ и запрещавшую погребать умершихъ внутри храмовъ. Въ іюлѣ 1691 г. Каллиникъ II издалъ примѣчательную грамоту относительно великой народной школы въ Константинополѣ. Онъ, совмѣстно съ архонтомъ Мануиломъ, возстановилъ эту школу, назначилъ новыхъ учителей и изыскалъ средства для ихъ содержанія, опредѣлилъ кругъ ихъ обязанностей и намѣтилъ предметы для преподаванія, установилъ школьную дисциплину и вообще поставилъ школу въ возможно лучшія условія дѣятельности. Изъ грамоты видна и любовь Каллиника II къ духовному просвѣщенію. Грамота подписана, кромѣ Каллиника II, іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ, членами синода, патріаршими чинами и свѣтскими архонтами. Извѣстно также нѣсколько грамотъ Каллиника относительно Синайскаго монастыря. 13 сентября 1689 г. онъ, совмѣстно съ патріархами Аѳанасіемъ антіохійскимъ и Досиѳеемъ іерусалимскимъ, отправилъ посланіе митрополитамъ Молдавіи и Валахіи, въ которомъ, по просьбѣ послѣдняго, установилъ каноническія отношенія синайскаго архіепископа къ іерусалимскому патріаршему престолу и повелѣвалъ имѣть это въ виду, поскольку дѣло касалось метоховъ синайской обители въ указанныхъ епархіяхъ, подчиненныхъ вселенскому престолу. Въ январѣ 1691 г. Каллиникъ II издалъ отлученіе (καθαίρεσις) на синайскаго архіепископа Ананію и его единомышленниковъ, объявившихъ Синай автокефальною архіепископіею, и вновь подтвердилъ его зависимость отъ іерусалимскаго патріарха. Далѣе, заботясь о финансовомъ положеніи святого Гроба въ Іерусалимѣ, Каллиникъ II въ январѣ 1691 г. отправилъ синодальное посланіе митрополитамъ Кесаріи, Писидіи, Иконіи и Анкиры, повелѣвая имъ производить сборы на его нужды и хранить сдѣланныя пожертвованія. Въ отвѣтъ на сдѣланный вопросъ, патріархъ Каллиникъ II въ апрѣлѣ 1693 г. издалъ синодальную грамоту о числѣ восточныхъ патріарховъ въ св. каѳолической и апостольской церкви, коихъ онъ указываетъ пять (константинопольскій, александрійскій, антіохійскій, іерусалимскій и московскій); кромѣ ихъ существуютъ автономные архіепископы (охридскій, кипрскій, иверскій—верхній и нижній—и ипекскій). Сверхъ этихъ представителей помѣстныхъ православныхъ церквей, иныхъ автономныхъ и автокефальныхъ церковныхъ организацій нѣтъ; посему никто не имѣетъ права именоваться ни патріархами, ни архіепископами. Надо полагать, что эта грамота была издана по поводу притязаній синайскаго архіепископа. Другою грамотой того же года патріархъ разрѣшилъ нѣкоему Пріаму Николету бракъ въ седьмой степени кровнаго родства. Извѣстно также посланіе Каллиника II къ филадельфійскому митрополиту Мелетію Типалду относительно церковныхъ дѣлъ греческаго кинота въ Венеціи, сигиллій отъ 1689 г. о владѣніи монастыремъ св. Георгія у Источника Одигитріи на островѣ Косѣ, сигилліи—о правахъ монастыря Предтечи на Кипрѣ (1691 г.) и о ставропигіальномъ достоинствѣ валашскаго монастыря Хурези, во имя Константина и Елены. Каллиникъ II вторично былъ лишенъ патріаршей каѳедры по винѣ госпо-

царя Валахіи, который ходатайствовалъ предъ правительствомъ въ пользу угоднаго ему кандидата, бывшаго патріарха Діонисія V Муселима.

Вступивъ на патріаршій престолъ въ третій разъ, Каллиникъ II въ теченіе восьми лѣтъ съ успѣхомъ управлялъ церковію и сдѣлалъ много полезнаго для нея и важнаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, рядъ его административныхъ распоряженій по различнымъ церковнымъ дѣламъ. Такъ, въ 1700 г. Каллиникъ II издалъ грамоту по поводу несостоявшагося перемѣщенія метрскаго епископа Макарія на митрополичью каѳедру Арты. Патріархъ и синодъ сдѣлали постановленіе объ этомъ перемѣщеніи, но вслѣдъ за тѣмъ въ артской епархіи, по винѣ личныхъ враговъ Макарія, возникло народное движеніе противъ новаго митрополита, такъ что патріархъ и синодъ должны были отказаться отъ его водворенія на артскую каѳедру. Указавъ въ грамотѣ на фактъ протеста противъ Макарія, Каллиникъ II и синодъ опредѣлили, что Макарій имѣетъ законное право на занятіе другой митрополичьей каѳедры, которая и будетъ ему предоставлена при удобномъ случаѣ. Примѣчательно, что въ рѣшеніи этого дѣла патріархъ руководился фактомъ, бывшимъ съ знаменитымъ ѳессалоникскимъ митрополитомъ XII вѣка Светаѳіемъ: будучи назначенъ на каѳедрѣ Миръ-Ликійскихъ, онъ потомъ, по волѣ императора Мануила Комнина, былъ перемѣщенъ въ Ѳессалонику, а первый актъ синода былъ признанъ недѣйствительнымъ. Другая грамота отъ 1701 г. осуждаетъ тѣхъ христіанъ, которые избѣгаютъ посѣщать храмъ своего прихода и не приглашаютъ для совершенія церковныхъ требъ мѣстный клиръ, а обращаются къ духовенству иныхъ приходовъ; патріархъ и синодъ предписываютъ православному народу соблюдать порядокъ и въ этомъ отношеніи и не подавать повода къ соблазну своимъ игнорированіемъ мѣстнаго храма и духовенства. Далѣе, въ грамотѣ отъ 25 ноября 1701 г. Каллиникъ II далъ отвѣтъ на нѣсколько вопросовъ объ инославныхъ христіанахъ, предложенныхъ ему однимъ архіереемъ. Именно, на вопросъ, можно ли давать св. причастіе латинянину, если онъ, чувствуя приближеніе смерти, обратится къ православному священнику, патріархъ отвѣтилъ такъ: если латинянинъ отречется отъ латинскаго исповѣданія и приметъ вѣру восточной церкви, то безпрепятственно причащается св. таинъ, въ противномъ же случаѣ невозможно, чтобы одна и та же чаша предлагалась и своимъ, и чужимъ. Равнымъ образомъ, по мнѣнію патріарха, православные священники не должны и совершать погребеніе умершихъ латинянъ, такъ какъ они суть еретики. Третій отвѣтъ касается частнаго случая. Жена англійскаго консула, православнаго христіанина, пожелала, чтобы воспріемникомъ ея сына при св. крещеніи былъ консулъ французскій. На вопросъ, можетъ ли православный священникъ допустить такое воспріемничество, патріархъ отвѣтилъ отрицательно, замѣтивъ, что ни папистъ, ни лютеранинъ, ни иной инославный не могутъ быть участниками таинства св. крещенія, совершаемаго по обряду православной церкви. Но при этомъ патріархъ рекомендовалъ вопрошателю дѣйствовать въ мирномъ направленія и не вызывать со стороны консуловъ опаснаго недовольства. Любопытна и другая грамота отъ 1701 г., данная патріархомъ нѣкоему Перастину. Этотъ Перастинъ сообщилъ Каллинику II, что около десяти лѣтъ назадъ онъ былъ безбрачнымъ священникомъ, а потомъ сошелся съ одной женщиной и, сознавая себя недостойнымъ священства, возвратился въ мірское состояніе. Однако и послѣ этого онъ чувствовалъ себя преступникомъ и, ища примиренія съ церковію, обратился къ патріарху съ раскаяніемъ и просьбой о помилованіи. Такъ какъ духовная врачебница— церковь Божія — должна предлагать соотвѣтствующее врачеваніе каждому изъ больныхъ какою бы то ни было духовною болѣзнью, то мы,—пишетъ патріархъ,—признали разумнымъ не оставлять и его (Перастина) безъ помощи; ибо поскользнувшемуся слѣдуетъ подать руку, дабы онъ не погибъ совершенно. Посему патріархъ постановилъ, чтобы Перастинъ, какъ отказавшійся отъ обязанностей священнаго званія, впредь всегда оставался міряниномъ; какъ мірянинъ, онъ можетъ вступить въ бракъ, съ тою женщиной, которую самъ изберетъ, при чемъ никто изъ клириковъ не можетъ лишить его церковнаго благословенія. Иная грамота (отъ августа 1698 г.)

патріарха направлена противъ церковныхъ злоупотребленій на островѣ Хіосѣ, гдѣ нѣкоторые іеромонахи мѣстныхъ монастырей, безъ разрѣшенія митрополита, странствовали по острову и совершали для народа различныя богослуженія, а другіе по личному усмотрѣнію обращали свои ктиторскіе храмы въ монастыри и объявляли ихъ независимыми отъ всякаго вмѣшательства со стороны епархіальной власти. Патріархъ строго осудилъ эти злоупотребленія и предписалъ іеремонахамъ жить и дѣйствовать согласно церковнымъ правиламъ и божественнымъ законамъ.

Каллиникъ II издалъ нѣсколько постановленій и по брачнымъ дѣламъ. Одна изъ его грамотъ касается брачнаго приданаго. У грековъ его времени былъ нелѣпый обычай—снабжать невѣсту всѣмъ тѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, которымъ владѣли ея родители. Отсюда часто бывало, что родители, выдавъ свою первую дочь замужъ, оставались рѣшительно безъ всякихъ средствъ, не имѣли даже своего жилища, бѣдствовали до крайней степени и, вмѣсто покоя и утѣшенія, имѣли въ старости лишь самыя тяжкія испытанія. Положеніе родителей ухудшалось, если у нихъ были другія дочери: послѣднія обрекались не только на нужду, но и на всегдашнее дѣвство, такъ какъ безъ приданнаго онѣ не могли найти жениховъ. А съ другой стороны, мужская молодежь, разсчитывая на приданое невѣсты, вела себя крайне предосудительно и совершенно избѣгала труда. Въ виду такихъ ненормальностей въ общественной жизни, патріархъ своею грамотой осудилъ странные обычаи народа и опредѣлилъ условія, при которыхъ полагалось давать извѣстное приданое за невѣстами, безъ ущерба для родителей и другихъ дѣтей. Слѣдить за исполненіемъ намѣченныхъ условій должны были епархіальные архіереи.

Другою грамотою отъ 1701 г. патріархъ опять предписалъ, что обрученіе желающихъ вступить въ бракъ обязательно совершалось съ вѣдома архіерея, который являлся свидѣтелемъ этого религіознаго акта и приказывалъ сдѣлать объ этомъ запись въ спеціальномъ кодексѣ, хранившемся при митрополіи. Въ случаѣ несправедливаго нарушенія состоявшагося договора, виновная сторона подвергалась денежному штрафу, который и взыскивался при содѣйствіи духовной власти. Въ виду состоявшихся постановленій о приданомъ и помолвкѣ, патріархъ въ 1701 г. особою грамотой предписалъ признать дѣйствительнымъ одно брачное соглашеніе (Панайота Николау), какъ заключенное до изданія патріаршихъ грамотъ, хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ оно и отступило отъ требованій патріарха. Далѣе, 2 августа 1701 г. патріархъ издалъ грамоту на имя христіанопольскаго митрополита Аѳанасія въ отвѣтъ на его вопросъ по брачнымъ дѣламъ. Въ христіанопольской епархіи былъ распространенъ обычай похищать („умыкать“) дѣвушекъ и подвергать ихъ растлѣнію. Церковь боролась со зломъ путемъ духовныхъ эпитимій. Митрополитъ Аѳанасій строго примѣнялъ церковныя наказанія къ виновнымъ и нѣсколько ослабилъ зло. Но одинъ случай похищенія вызвалъ просьбу со стороны родителей виновнаго и его жертвы о повѣнчаніи ихъ. Такъ какъ митрополитъ уже примѣнилъ къ нимъ духовное взысканіе, то патріархъ на его вопросъ о бракѣ отвѣтилъ отрицательно, мотивировавъ свое постановленіе тѣмъ, что церковь не можетъ становиться въ противорѣчіе сама съ собою и знаетъ только „да, да“ и „нѣтъ, нѣтъ“. Другой вопросъ: два брата похитили двухъ сестеръ и жили съ ними безъ церковнаго благословенія, потомъ одинъ братъ умеръ, а второй, бросивъ похищенную имъ женщину, просилъ повѣнчать его на сестрѣ, похищенной братомъ. Патріархъ отвѣтилъ отрицательно, такъ какъ церковь не можетъ возлагать вѣнецъ на тѣхъ, кто не боролся съ діаволомъ и плотью и не сохранилъ своего дѣвства. Въ-третьихъ, патріархъ одобрилъ такой бракъ, совершенный съ разрѣшенія митрополита Аѳанасія: одна дѣвица была похищена въ дорогѣ и силою повѣнчана съ нелюбимымъ человѣкомъ, потомъ родители отняли ее и просили повѣнчать съ другимъ мужемъ. Но патріархъ осудилъ поступокъ митрополита, приказавшаго вторично повѣнчать супруговъ, которыхъ безъ его разрѣшенія повѣнчалъ священникъ изъ сосѣдней лакедемонской епархіи; въ подобныхъ случаяхъ виновнаго священника слѣдуетъ подвергать запрещенію въ священнослуженіи, а по-

вѣнчанныхъ имъ лицъ—подвергать церковному наказанію, ибо православная церковь не допускаетъ двойного вѣнчанія, какъ и крещенія. Равнымъ образомъ, не слѣдовало бы, по сужденію патріарха, посвящать въ санъ іерея нѣкоего Ѳеодора, у котораго былъ задушенъ ребенокъ во время его сна вмѣстѣ съ женою: какая необходимость,—спрашиваетъ патріархъ, — посвящать лицъ, подвергшихся обвиненію и порицанію, или нѣтъ для совершенія таинствъ другихъ священниковъ? — Далѣе, священника Стаматева, жена котораго, во время отсутствія мужа, умертвила своего некрещеннаго ребенка, надлежитъ,—по мнѣнію патріарха,—на время устранить отъ священнодѣйствія, а когда въ народѣ будетъ забыто это преступленіе, митрополитъ опять можетъ допустить его къ алтарю. Наконецъ, бракъ, совершенный въ другой епархіи и безъ разрѣшенія митрополита, признается недѣйствительнымъ и виновные подвергаются наказанію: священникъ изверженію изъ сана, а брачущіеся—церковной эпитиміи. Въ январѣ 1698 г. Каллиникъ II, вмѣстѣ съ синодомъ, разъяснилъ недоразумѣнія игумена монастыря св. Луки Стиріота по такому поводу. Священникъ Николай былъ воспріемникомъ сына одного христіанина, у котораго потомъ родился второй сынъ, причемъ отецъ опять желалъ имѣть воспріемникомъ того же Николая. Но въ данное время этого священника на лицо не было, и воспріемницею пожелала быть его жена. Послѣ этого нѣкоторые христіане потребовали, чтобы священникъ оставилъ свою жену, съ которою онъ не долженъ жить въ силу совмѣстнаго воспріемничества отъ купели крещенія. Но патріархъ и синодъ признали такое требованіе несправедливымъ. Нѣкоторыя грамоты патріарха касаются различныхъ недоумѣній изъ области брачныхъ отношеній. Такъ, въ іюлѣ 1696 г. онъ разрѣшилъ сожительство между лицами въ седьмой степени свойства, о чемъ и увѣдомилъ мѣстнаго погоніанскаго митрополита. Въ іюнѣ 1698 г. онъ разрѣшилъ дядѣ и племяннику жениться на бабушкѣ и внучкѣ (въ димитріадской епархіи), а въ ноябрѣ 1701 г. призналъ возможнымъ допустить бракъ въ шестой степени свойства (отъ двухъ родовъ).

Въ 1701 г. патріархъ издалъ грамоту относительно одежды и украшеній греческихъ женщинъ. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ патріархата среди женщинъ въ высшей степени былъ распространенъ тщеславный обычай роскошно одѣваться и украшать себя драгоцѣнностями. Стараясь превзойти въ этомъ отношеніи другъ друга, онѣ наносили большой ущербъ благосостоянію семьи своимъ невоздержнымъ мотовствомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для борьбы съ этимъ зломъ устраивались соглашенія, съ цѣлію заставить женщинъ ограничить свои притязанія на роскошь и красоту и... пожалѣть своихъ несчастныхъ мужей и дѣтей. Обыкновенно, въ присутствіи клириковъ, народныхъ архонтовъ и депутатовъ писались грамоты, обязывавшія женщинъ одѣваться просто и избѣгать украшеній. Но для того, чтобы эти грамоты имѣли законную силу, требовалось ихъ утвержденіе со стороны патріарха, какъ представителя греческаго народа. Въ виду такихъ запросовъ, Каллиникъ II своей грамотой отъ 1701 г. и предписалъ, чтобы всѣ женщины (неизвѣстной по имени епархіи), замужнія и свободныя, мѣстныя и пріѣзжія, изъ украшеній носили лишь серьги, ожерелье и перстень, кромѣ коихъ ни одна не имѣла права надѣвать какое-либо украшеніе; только невѣста во время брачнаго торжества могла наряжаться по своему желанію, а также и послѣ брака въ теченіе сорока дней получала дозволеніе носить украшенія, послѣ же 40 дней должна была одѣваться наравнѣ съ другими; въ противномъ случаѣ виновнымъ какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ грозило церковное отлученіе.

Каллиникъ II и въ третье патріаршество издалъ нѣсколько грамотъ по дѣламъ тѣхъ православныхъ церквей, предстоятели которыхъ обращались къ нему за тѣмъ или другимъ содѣйствіемъ. Въ 1695 г. онъ, совмѣстно съ іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ и своимъ синодомъ, издалъ на имя синайскаго архіепископа Іоанникія новую грамоту объ отношеніи его къ своему киріарху — іерусалимскому предстоятелю. Въ маѣ 1697 года патріархъ издалъ грамоту на имя іерусалимскаго патріарха Досиѳея по поводу состоявшагося между автокефальными православными церквами соглашенія придти на помощь церкви кон-

стантинопольской въ ея затруднительномъ матеріальномъ положеніи, при чемъ это соглашеніе не должно было имѣть обязательнаго и принудительнаго характера для будущаго времени, а являлось дѣломъ исключительнымъ. 8 ноября 1699 г. патріархъ утвердилъ ставропигіальныя права монастыря Богородицы въ Измаилѣ, преклоненнаго Гробу Господню. Въ маѣ 1700 г. Каллиникъ, вмѣстѣ съ синодомъ, сдѣлалъ постановленіе о принадлежности монастыря Амасіу на Кипрѣ епархіальному митрополиту немесскому. Дѣло въ томъ, что въ 1633 г. немесскій митрополитъ Леонтій подарилъ этотъ монастырь александрійскому патріарху Герасиму I. Послѣдній недолго пользовался имъ, а потомъ отказался отъ владѣнія монастыремъ, который и перешелъ въ собственность мѣстнаго архіерея. Но позднѣйшій александрійскій патріархъ Герасимъ II Паллада, ссылаясь на состоявшійся даръ, предъявилъ свои права на монастырь Амасіу Когда же ему была представлена грамота Герасима I, отказавшагося отъ монастыря, то и онъ не призналъ себя въ правѣ пользоваться имъ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ столкновеній, немесскій митрополитъ Іоанникій обратился къ патріарху Каллинику съ просьбою утвердить за нимъ право на его епархіальный монастырь. По этому поводу и было издано синодальное постановленіе константинопольской церкви. Другая синодальная грамота была издана на имя александрійскаго патріарха Герасима II по поводу нѣкоторыхъ нововведеній въ литургіи, допущенныхъ ливійскимъ митрополитомъ, съ предложеніемъ принять мѣры для ихъ устраненія, во имя блага церкви православной. Каллиникъ II находился въ перепискѣ и съ московскимъ патріархомъ Адріаномъ (напр., по поводу кандидата на луцкую епископскую каѳедру), а равно издалъ нѣсколько грамотъ о церковныхъ дѣлахъ Молдовлахіи. Такъ, онъ утвердилъ независимость унгровлахійскаго монастыря Архистратига Михаила, именуемаго Марцинани, предложилъ молдовлахійскому митрополиту оградить наслѣдниковъ Михаила Димитріу отъ незаконныхъ требованій его кредиторовъ, боролся съ латинскою пропагандой въ Валахіи, куда и отправилъ (въ ноябрѣ 1701 г.) по этому поводу три грамоты—митрополиту Аѳанасію, Стефану Ратци и народу и побуждалъ первыхъ противодѣйствовать прозелитизму православныхъ, а послѣднихъ поучалъ твердо стоять въ истинахъ православія. Въ 1701 г. патріархъ призналъ недѣйствительнымъ завѣщаніе, которое заинтересованныя лица выдавали за подлинное завѣщаніе погоніанскаго архіепископа Малахіи, и предписалъ унгровлахійскому митрополиту, чтобы онъ, вопреки этому подложному документу, передалъ одежду и всѣ хрисовулы Малахіи и его преемнику по погоніанской каѳедрѣ, а деньги и все имущество безъ промедленія отправилъ Великой Христовой церкви; если же кто будетъ противиться этому законному распоряженію церкви, тотъ подлежитъ церковному отлученію.

Другія грамоты патріарха касаются епархіальнаго управленія. Такъ, въ іюлѣ 1694 г. былъ составленъ томъ о возведеніи епископіи Редесто въ архіепископію, къ митрополіи халдійской была присоединена мѣстность Гарасара, въ октябрѣ 1698 г. патріархъ присоединилъ къ трапезунтской митрополіи экзархію Керасунта съ окрестными селами Триполи и Коралонъ, въ октябрѣ слѣдующаго года объявилъ ставропоupліею мѣстность Аэтосъ въ епархіи Навпакта и Арты и присоединилъ къ составу дерконской митрополіи Санъ-Стефано съ агіасмой Богородицы.

Каллиникъ II обратилъ вниманіе и на положеніе монастырей, которые, въ виду господствовавшаго въ Турціи безправія, нуждались въ постоянномъ подтвержденіи своихъ привилегій и преимуществъ со стороны вселенскихъ патріарховъ. Изъ многихъ документовъ этого рода, изданныхъ Каллиникомъ II, отмѣтимъ его опредѣленіе о ставропигіальныхъ правахъ монастырей Влатеонъ въ Ѳессалоникѣ, Мунданъ на островѣ Хіосѣ, во имя свв. Мины, Виктора и Викентія на томъ же островѣ, о правахъ на владѣнія монастыря Предтечи въ Веріи. Затѣмъ, въ февралѣ 1696 г. Каллиникъ объявилъ своею ставропигіей монастырь Честнаго Пояса на Самосѣ, въ августѣ 1696 г. утвердилъ права монастыря Предтечи въ Серрахъ, а въ ноябрѣ новою грамотой постановилъ, чтобы священнодѣйствующіе въ немъ поминали имя вселенскаго патріарха, а служившіе въ метохахъ поминали мѣстнаго архіерея. Въ 1699 г. были подтверждены ставро-

пигіальныя права монастырей — Верникова между Лидорикіемъ и Навпактомъ (въ маѣ), всѣхъ монастырей на островахъ Паросѣ и Наксосѣ (въ іюнѣ) и Бачковскаго близъ Филиппополя (въ сентябрѣ) и въ 1700 г. подобная грамота была дана монастырямъ— Преображенія въ архіепископіи Кефаллиніи и Закинѳа (въ январѣ), женскому во имя св. Николая въ Санторинѣ (апрѣль), Евангелистріи въ Ѳивахъ (май), Косиницы въ Драмѣ (іюнь). Отъ 1701 года извѣстна грамота о ставропигіальныхъ правахъ монастырей—Анастасіи въ Ѳессалоникѣ и Богородицы Фанеромени въ Коринѳѣ (январь), Перистереота въ Трапезунтѣ (іюнь) и Вознесенія въ Патрахъ (августъ). Наконецъ, въ январѣ 1701 г. Каллиникъ объявилъ приходскими или епархіальными всѣ монастыри острова Хіоса, кромѣ знаменитаго Новаго Монастыря (Νέα Μονή), который остался ставропигіальнымъ.

Извѣстно также, что въ октябрѣ 1694 г. Каллиникъ II возвелъ „оффикію примикирія" во вторую пентаду и поставилъ между чинами дикеофилакса и логоѳета. Онъ принималъ участіе и въ богословскомъ спорѣ, возникшемъ въ Янинѣ и касавшемся божественнаго существа и божественнаго дѣйствія, и содѣйствовалъ правильному рѣшенію этого вопроса.

Въ третье патріаршество Каллиникъ II ревностно охранялъ права и свободу церкви отъ внѣшнихъ притязаній и парализовалъ усилія ея враговъ поколебать установившійся строй. Уже самое занятіе престола въ третій разъ было актомъ личной энергіи Каллиника II. Онъ представилъ великому визирю свои права на престолъ, съ котораго несправедливо былъ низложенъ, и просилъ возстановить его въ незаконно лишенномъ положеніи. Архіереи и народные архонты, опираясь на выдающіяся личныя достоинства Каллиника II, съ своей стороны ходатайствовали предъ Портой въ пользу его возстановленія на престолѣ. А когда Каллиникъ II занялъ уже престолъ, то бывшій ѳессалоникскій митрополитъ Меѳодій, лишенный престола и не могшій вновь получить его, сталъ ходатайствовать предъ великимъ визиремъ о томъ, чтобы впредь архіепископіи и епископіи предоставлялись не патріархомъ, а эпитропомъ, который былъ бы посредникомъ между Портой и патріархіей, и чтобы архіереи избирались не синодомъ, а турецкимъ правительствомъ. Дѣйствія Меѳодія вызвали сильный протестъ со стороны Каллиника II, которому послѣ большихъ трудовъ и денежныхъ расходовъ и удалось отклонить Порту отъ вторженія въ область церковныхъ отношеній.

Каллиникъ II извѣстенъ и литературными трудами. Онъ написалъ „Патріаршую исторію", „Церковныя слова", „Руководство для іереевъ и діаконовъ", „Молитву ко Господу нашему Іисусу Христу" и много писемъ. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ изданы, а другіе сохранились лишь въ рукописяхъ. Его имя занимаетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ среди литературно - богословскихъ дѣятелей греческаго народа XVIII вѣка.

Въ нравственномъ отношеніи Каллиникъ II былъ вполнѣ безукоризненъ, въ отношеніи образованія стоялъ впереди многихъ, былъ защитникомъ православія и горячимъ ревнителемъ просвѣщенія. За свои нравственныя достоинства онъ уважался не только греками, но и турками. Его хвалятъ и иностранцы— Кантемиръ (Histoire de l'empire ottoman III, 87; IV, 189) и Флёри, о немъ одобрительно отзывается Лекьянъ. Въ одной греческой рукописи сохранились анонимные легендарные стихи, свидѣтельствующіе объ уваженіи и доброй славѣ Каллиника II среди современниковъ. Въ стихахъ разсказывается, что патріархъ путешествовалъ на св. гору Аѳонъ и посѣтилъ монастырь Ватопедскій. Разъ онъ вышелъ за предѣлы обители и сѣлъ отдохнуть. Внезапно предъ нимъ явился свирѣпый левъ и готовъ былъ разорвать патріарха. Онъ сильно испугался, считая смерть неминуемою, а затѣмъ сказалъ, обращаясь ко льву: „если ты, левъ, посланъ Богомъ, то исполни Его волю, а если пришелъ самъ по себѣ, то уходи съ Аѳона: тебя изгоняетъ Христосъ, слугою Котораго я состою". И левъ медленно ушелъ, не причинивъ Каллинику вреда".

Онъ скончался 8 августа 1702 года и былъ погребенъ въ монастырѣ Богородицы Камаріотиссы на островѣ Халки, какъ видно изъ эпиграммы, вырѣзанной на его гробницѣ. Ипсилантисъ считаетъ Каллиника счастливымъ и потому, что непрерывно патріаршествовалъ 8 лѣтъ (третій разъ), и потому, что скончался на престолѣ. Первое, дѣйствительно, было дѣломъ необычнымъ, такъ какъ

патріархи, въ силу притѣсненій и интригъ турецкихъ властей, обыкновенно весьма быстро смѣнялись на престолѣ, и восьмилѣтнее патріаршество при такихъ условіяхъ было подлиннымъ счастьемъ. Историкъ объясняетъ это тѣмъ, что въ данное время турки вели войну съ германцами и мало вниманія обращали на положеніе патріарховъ. А положеніе это, поистинѣ, было достойно печали и слезъ,—замѣчаетъ Ипсилантисъ въ заключеніе рѣчи о Каллиникѣ II.

Литература. 1) Ἀθανάσιος Κομνηνὸς Ὑψηλάντης, Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, Κωνστ-πόλις 1870; 2) Μελέτιος, μητρ. Ἀθηνῶν, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία III, Вѣна 1784; 3) Μαθᾶς, Κατάλογος ἱστορικὸς τῶν πρώτων ἐπισκόπων καὶ τῶν ἐφεξῆς πατριαρχῶν τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει ἁγίας καὶ μεγάλης τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας, ἐν Ναυπλίῳ 1837, (русскій переводъ этого каталога въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1862 г., т. I—II); 4) Μ. Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες, Κωνστ. 1890; 5) Κ. Σάθας, Νεοελληνικὴ φιλολογία, Ἀθῆναι 1868; 6) Μ. Γεδεών, Κανονικαὶ διατάξεις I—II, Κωνστ. 1888—1889; Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχειοφυλακείου σωζόμενα ἐκκλησιαστικὰ ἐπίσημα ἔγγραφα, τὰ ἀφορῶντα εἰς τὰς σχέσεις τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου πρὸς τὰς ἐκκλησίας Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας, Ἱεροσολύμων καὶ Κύπρον, Κωνστ. 1904; 8) Μ. Γεδεών, Χρονικὰ τοῦ πατριαρχικοῦ οἴκου καὶ τοῦ ναοῦ, Κωνστ. 1884; 9) Ἀ. Καλλίνικος Δελικάνης, Πατριαρχικῶν ἐγγράφον τόμος τρίτος κτλ., Κωνσταντ. 1905; 10) Μανουὴλ Γεδεών, Βιογραφικὴ σημείωσις περὶ τοῦ πατριάρχου Καλλινίκου Β' τοῦ Ἀκαρνᾶνος, Κωνστ. 1872, σελ. 26, 8° (Біографія первоначально была помѣщена въ газетѣ „Константинополь" за 1872 г.; въ нашемъ распоряженіи ея не было). — Литература отчасти указана *Гедеономъ* въ его сочиненіи Πατριαρχικοὶ πίνακες, σ. 607—611.

3) **Каллиникъ III** былъ избранъ на патріаршій престолъ 19 ноября 1726 г. Онъ родился на островѣ Наксосѣ и учился, вѣроятно, въ великой народной школѣ въ Константинополѣ, имѣвшей въ то время значеніе „патріаршей академіи". Въ самомъ началѣ XVIII в. Каллиникъ былъ и схолархомъ (ректоромъ) этой академіи. Современники отзывались о немъ, какъ о мужѣ очень ученомъ, большомъ знатокѣ богословія и философіи, трудолюбивомъ и удачномъ проповѣдникѣ слова Божія. Въ началѣ 1716 г. онъ былъ назначенъ на ираклійскую митрополичью каѳедру, которую и занималъ до дня избранія своего на патріаршій престолъ. Но Каллинику не пришлось стоять во главѣ церкви и руководить кормиломъ церковнаго корабля: узнавъ о неожиданномъ избраніи на вселенскій патріаршій престолъ, Каллиникъ III былъ такъ обрадованъ этимъ, что, спустя нѣсколько часовъ, внезапно скончался отъ сильнаго нервнаго возбужденія. По поводу внезапной смерти Каллиника III составитель каталога вселенскихъ патріарховъ Маѳасъ восклицаетъ: „Велемудрая глава! Непорочное сердце! Оно не могло вмѣстить и одну мысль о счастіи (какъ полагало) патріаршества, но при одномъ представленіи о приближающемся наслажденіи подверглось разрыву и перестало биться. Такъ, Каллиникъ и сошелъ въ могилу съ однимъ именемъ патріарха". Вмѣсто него, 21 ноября 1726 г. на патріаршемъ престолѣ возсѣдалъ уже другой первоіерархъ, бывшій никомидійскій митрополитъ Паисій. Отъ Каллиника III остались нѣкоторые богословскіе труды. Такъ, онъ написалъ параклисисъ Богородицѣ съ акростихомъ „τῇ ὑπεράγνῳ προστρέχω καὶ παρθένῳ", который извѣстенъ и въ печати („Θεοτοκάριον", изд. въ Константинополѣ въ 1849 г., стр. 117) и нѣсколько писемъ іерусалимскому патріарху Хрисанѳу, которыя хранятся въ рукописи библіотеки святоградскаго метоха въ Константинополѣ. Другіе литературные труды Каллиника хранятся въ библіотекахъ аѳонскихъ монастырей (напр., въ лаврѣ св. Аѳанасія). По сужденію ученаго М. Гедеона, сочиненія Каллиника III свидѣтельствутъ о его немалыхъ познаніяхъ въ Свящ. Писаніи, богословіи, философіи и греческомъ языкѣ.

Литература. — Свѣдѣнія о К. III сообщаютъ Ипсилантисъ, Маѳасъ и Гедеонъ (Πατριαρχικοὶ πίνακες), а также Μ. Γεδεών, Χρονικὰ τῆς πατριαρχικῆς ἀκαδημίας, Κωνστ. 1883, σ. 136, и др.

4) **Каллиникъ IV** занималъ патріаршій престолъ съ 16 января до 27 іюля 1757 г.

Онъ родился въ Загорѣ ѳессалійской, учился тамъ же у дидаскала монаха Рафаила, въ молодости прибылъ въ Константинополь и состоялъ великимъ протосинкелломъ патріархіи. Въ сентябрѣ 1743 г. онъ былъ хиротонисанъ въ митрополита Браилова, гдѣ и находился до октября 1748 г., когда отказался отъ каѳедры и частнымъ образомъ жилъ въ Константи. Имѣются свѣдѣнія о томъ, что Каллиникъ потомъ занималъ анасійскую митрополичью каѳедру. Его избраніе на вселенскій престолъ состоялось послѣ того, какъ по интригамъ латинянъ былъ низложенъ и изгнанъ на Синай патріархъ Кириллъ V, ревностный противникъ папистовъ. Передаютъ, что Каллиникъ IV занялъ престолъ не безъ содѣйствія латинянъ, имѣвшихъ доступъ въ Порту. Но это же послужило причиною и его низложенія. Когда въ народѣ сдѣлалось извѣстно, какимъ путемъ Каллиникъ IV добился престола, то въ одинъ изъ праздничныхъ дней въ патріаршій храмъ собралась большая толпа, изъ среды которой раздавались голоса о привязанности патріарха къ франкамъ. Съ большимъ трудомъ Каллинику IV удалось уговорить народъ, но наименованіе „франкъ“ и впредь сохранилось за нимъ, при чемъ къ нему по этой же причинѣ враждебно относились и мусульмане. Патріархъ разошелся и съ нѣкоторыми изъ синодальныхъ митрополитовъ, а равно и съ эпитропами патріаршаго казначейства. Лишенный патріаршаго престола, онъ былъ удаленъ на Синай, но въ 1762 г. былъ на соборѣ оправданъ и получилъ разрѣшеніе поселиться въ Загорѣ у брата своего митрополита димитріадскаго. На его содержаніе изъ патріаршей казны отпускалось 1050 гросіевъ въ годъ. Каллиникъ скончался въ 1792 г. въ глубокой старости.

Каллиникъ IV принадлежалъ къ числу образованныхъ людей своего времени, отличался большою любовію къ книгамъ и собралъ цѣнную библіотеку, которую и подарилъ монастырю Предтечи въ Загорѣ, гдѣ находилась и воспитавшая его школа. Но, какъ администраторъ, онъ былъ неопытенъ, дѣйствовалъ иногда произвольно и пристрастно, чѣмъ и создалъ враждебное къ себѣ отношеніе. Какъ дѣятель науки, онъ извѣстенъ многими литературными трудами, большая часть которыхъ и теперь находится въ рукописяхъ. Такъ, неиздана его „Исторія константинопольскихъ патріарховъ“ отъ паденія Византіи до времени автора, которая, въ виду современныхъ событій, написана съ нѣкоторою горечью и разочарованіемъ. Затѣмъ, остается неопубликованнымъ его „Описаніе путешествія на гору Синай“, составленное, по свидѣтельству Кума, читавшаго его въ рукописи, живо и обстоятельно. Далѣе, ему принадлежатъ: „Возраженіе на книги Евстратія Аргента и Христофора этолійскаго относительно крещенія латинянъ“; „Наставленіе объ исповѣди“, которое заимствовано Каллиникомъ у Неофита Родину кипрскаго и содержитъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ несогласныя съ церковнымъ ученіемъ воззрѣнія, поэтому и осуждается извѣстнымъ Никодимомъ Агіоритомъ; „Сатира на патріарха Кирилла V“, написанная бѣлыми стихами и хранящаяся въ рукописи № 588 аѳонскаго Ватопедскаго монастыря, и нѣкоторыя мелкія сочиненія. Наконецъ, извѣстно одно письмо Каллиника IV къ патріарху Софронію II (1774—1780 гг.) относительно денежнаго вспомоществованія изъ патріархіи.

Изъ патріаршихъ дѣяній Каллиника IV извѣстна грамота противъ рукоположенія титулярныхъ епископовъ безъ опредѣленной для каждаго изъ нихъ каѳедры, изданная въ іюлѣ 1757 г. Затѣмъ, въ маѣ этого года онъ возвелъ епископію Димитріады въ архіепископію, въ апрѣлѣ объявилъ ставропигіальнымъ монастырь св. Спиридона въ Пиреѣ, почти одновременно возстановленный, а въ маѣ призналъ ставропигіею обитель Богородицы Хрисокелларіи въ Коронѣ.

Литература. Σέργιος Μακραῖος, Ὑπομνήματα ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας (Σάθας, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη III), ἐν Βενετίᾳ 1872; Ἀθ. Κ. Ὑψηλάντης, указ. сочиненіе; Μαθᾶς, указ. сочин.; М. Γεδεών: α) Πατριαρχικοὶ πίνακες и β) Κανονικαὶ διατάξεις II; Βασίλειος Γεωργιάδης, Ἐκκλησιαστικὰ πάρεργα („Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια“, 1883 [III], №№ 39 и 41), Κοῦμας, Ἱστορίαι τῶν ἀνθρωπίνων πράξεων X, ἐν Βιέννῃ 1832.

5) **Каллиникъ V** дважды (1801—1806 и 1808 — 1809 гг.) занималъ вселенскій

патріаршій престолъ и принадлежалъ къ числу лучшихъ константинопольскихъ первоіерарховъ. Онъ родился въ малоазійскомъ городкѣ Муданіи, былъ архидіакономъ никейскаго митрополита и (съ 1779 г.) вселенской патріархіи, потомъ митрополитомъ адріанопольскимъ (съ 1780 г.) и никейскимъ (1792), а 17 іюня 1801 г. занялъ патріаршій престолъ, послѣ низложенія Неофита VII, противъ котораго возсталъ геронтъ и эфоръ Макарій, митрополитъ ефесскій, со своими сторонниками и драгоманомъ Порты Александромъ Суцомъ. При содѣйствіи этой партіи Каллиникъ V и былъ избранъ патріархомъ. Историки (Ипсилантисъ, Кумасъ и Маѳасъ) высказываютъ противорѣчивыя сужденія о нравственныхъ его качествахъ, называя его то необразованнымъ и недостойнымъ человѣкомъ, то умнымъ и гуманнымъ, но медлительнымъ и т. п. Лучше всего судить о Каллиникѣ по его патріаршей дѣятельности, разнообразной и почтенной.

Впрочемъ, въ области гражданско - политической дѣятельности патріарха нельзя указать какихъ - либо выдающихся заслугъ, кромѣ обычной защиты правъ и привилегій церкви и народа отъ посягательствъ турецкихъ властей, при чемъ патріархъ имѣлъ сильнаго сотрудника въ лицѣ фанаріота Димитрія Мурузи, пользовавшагося большимъ вліяніемъ при султанскомъ дворѣ. Церковнообщественная дѣятельность Каллиника V обнимала всѣ стороны жизни и быта. Такъ, заботясь о семейной жизни народа, онъ въ февралѣ 1803 г. особой грамотой на имя адріанопольскаго митрополита упорядочилъ наслѣдственныя отношенія на тотъ случай, когда умирала жена и наслѣдникомъ (въ силу господствовавшаго въ епархіи обычая) признавался одинъ мужъ, хотя бы оставались и дѣти, или родители умершей предъявляли требованія на приданое, когда дѣтей не было. Въ виду частыхъ споровъ и судебныхъ процессовъ, возникавшихъ на этой почвѣ, патріархъ сдѣлалъ подробныя указанія относительно наслѣдственныхъ правъ мужа, жены, дѣтей, родителей первыхъ и родственниковъ,—на случай смерти кого-либо изъ членовъ семьи, оставившаго послѣ себя движимое или недвижимое имущество,—и приказалъ строго исполнять его предписанія, дабы при раздѣлѣ наслѣдства никто не былъ обиженъ. Затѣмъ, Каллиникъ V располагалъ народъ къ пожертвованіямъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій столицы, благоустроилъ вмѣстѣ съ Димитріемъ Мурузи народныя больницы и назначилъ эфорію изъ двухъ митрополитовъ и двухъ высшихъ чиновъ патріархіи для наблюденія и ревизіи филантропическихъ заведеній. Патріархъ обратилъ вниманіе и на денежную отчетность приходскихъ храмовъ столицы и приказалъ эпитропамъ вести точную запись доходовъ и расходовъ, не производить по своему усмотрѣнію расхода свыше ста гросіевъ, отдавать отчетъ относительно хозяйства храма не только прихожанамъ, но и патріархіи. Въ виду безпорядочнаго въ то время веденія приходскими эпитропами церковнаго хозяйства, указанное распоряженіе Каллиника V шло на встрѣчу живой потребности и являлось весьма цѣлесообразнымъ. Патріархъ вмѣстѣ съ синодомъ дѣлалъ и другія распоряженія по имущественнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ предѣлахъ патріархата.

Патріархъ ревностно слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ церковныхъ правилъ и богослужебнаго устава. Такъ, посланіемъ 1803 г. къ духовенству и народу Узицы и Вильова онъ рѣзко осудилъ совершеніе крещенія посредствомъ обливанія, употребленіе елея вмѣсто мура, небрежное и неправильное совершеніе проскомидіи и обычай не причащать дѣтей ранѣе 8-лѣтняго возраста. Въ томъ же году онъ отправилъ обличительное посланіе населенію велеградской епархіи по поводу допускавшагося здѣсь четверобрачія. Епархіальнымъ архіереямъ патріархъ повелѣвалъ не вмѣшиваться въ дѣла ставропигіальныхъ монастырей (аѳинскій митрополитъ и метохъ синайскаго монастыря въ Ливадіи—1803 г., тотъ же митрополитъ и монастырь св. Луки въ Ливадіи). Подобныя предписанія патріархъ дѣлалъ игуменамъ (патмосскаго монастыря Іоанна Богослова по поводу ставропигіальнаго монастыря на Санторинѣ) и клирикамъ (въ 1804 г. онъ возстановилъ права духовенства церкви Богородицы Κύρου совершать панихиды на константинопольскомъ кладбищѣ Егри-капи, въ виду нарушеній со стороны другихъ клириковъ). Заботясь о благо-

устройствѣ приходскихъ храмовъ, онъ въ 1804 г. присоединилъ бѣдную церковь Іоанна Предтечи въ Куручесме къ богатому храму св. Димитрія Мироточиваго, дабы эпитропы послѣдняго заботились и о первой, въ 1805 г. присоединилъ агіасму св. Параскевы къ храму Христа въ Галатѣ и т. п.

Въ области церковнаго управленія при Калликикѣ V произошли такія перемѣны. Экзархія Гиромерія была присоединена (1803) къ епархіи парамиѳійской (въ янинской митрополіи), а экзархія Триполица—къ епископіи Амикла (1804 г.). Митрополитъ Зворникія Іоанникій былъ пожалованъ титуломъ „всечестного и экзарха Далматіи" (1804 г.), настоятель церкви Богородицы Кафатіанской въ Галатѣ былъ по просьбѣ прихожанъ хиротонисанъ въ санъ епископа ѳеодоропольскаго (титулярнаго), съ оставленіемъ въ должности проистамена этой церкви (1805 г.).

Народное образованіе также служило предметомъ ревностныхъ попеченій Каллиника V. Онъ, совмѣстно съ Димитріемъ Мурузи, возстановилъ константинопольскую великую народную школу. Вслѣдствіе эпидемическихъ болѣзней, возникавшихъ въ столицѣ весной и лѣтомъ каждаго года, явилась совершенная необходимость перевести эту школу съ Фанаро, гдѣ она помѣщалась, на Босфоръ и устроить ее въ наемномъ зданіи. Это создало много неудобствъ для учителей и учениковъ, а также потребовало экстренныхъ расходовъ, которые и легли тяжелымъ бременемъ на бѣдную патріаршую казну. Наконецъ, въ 1804 г. патріархъ пріобрѣлъ на Босфорѣ домъ, въ которомъ школа и была помѣщена. Онъ собралъ и деньги на покупку и ремонтъ дома, а также опредѣлилъ, чтобы каждый архіерей при назначеніи на каѳедру или при перемѣщеніи дѣлалъ опредѣленный взносъ въ кассу школы. Схолархомъ ея былъ назначенъ извѣстный ученый Дороѳей Проіосъ, при которомъ въ школѣ обучалось до ста воспитанниковъ. Вообще, великая народная школа при содѣйствіи Каллиника V была хорошо поставлена и въ учебно-воспитательномъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Переселившись въ 1804 г. на дачу въ Куручесме, Каллиникъ V имѣлъ возможность непосредственно наблюдать за дѣятельностію школы. Какъ высоко патріархъ цѣнилъ народное образованіе, видно изъ его сигиллія 1805 г. по поводу общеобразовательной и церковной школы въ столичномъ приходѣ Ставродроміи, при храмѣ Введенія Богородицы. Эти школы были устроены на средства духовенства и прихожанъ Ставродроміи, а также различныхъ ремесленныхъ цеховъ столицы, которые и обязались дѣлать опредѣленные денежные взносы на ихъ содержаніе. Составленный по этому поводу договоръ былъ представленъ на утвержденіе Каллиника V, который вполнѣ сочувственно отнесся къ нему и, утвердивъ во всѣхъ пунктахъ, грозилъ церковнымъ наказаніемъ всякому его нарушителю, такъ какъ образованіе, разсадникомъ котораго являются обѣ школы, служитъ залогомъ всесторонняго нравственнаго преуспѣянія, оказываетъ прямое содѣйствіе духовенству и церкви въ ихъ просвѣтительной дѣятельности и всегда поддерживалось патріархіей. Поэтому нарушители патріаршей грамоты оказываются врагами и церкви Христовой. Затѣмъ, патріархъ утвердилъ своими грамотами двѣ школы въ Скутари, открытыя мѣстными торговцами, и школу на Санторинѣ, устроенную игуменомъ монастыря пророка Иліи іеромонахомъ Паисіемъ для обученія и иноковъ этой обители (1806 г.). Въ 1805 г. онъ принялъ подъ свое покровительство школу въ Яннинѣ, открытую на средства купца Каплани, при чемъ въ школѣ, въ силу патріаршей грамоты, должны были обучать три преподавателя, а за ея матеріальнымъ положеніемъ слѣдили шесть эпитроповъ. Школа располагала большими средствами и была хорошо поставлена въ учебномъ отношеніи. За другою янинскою школой Мануила Гьюма патріархъ утвердилъ (1805 годъ) монастырь пророка Иліи съ его метохомъ, дабы школа содержалась на его доходы, а равно сдѣлалъ постановленія относительно учителей и эпитроповъ школы. Вообще, Каллиникъ V очень заботился объ устраненіи матеріальныхъ нуждъ народныхъ школъ, располагалъ филантроповъ къ пожертвованіямъ въ ихъ пользу и слѣдилъ за правильной постановкой въ нихъ воспитанія.

Почтенна была дѣятельность К. V и по благоустройству монастырей и монашеской

жизни. Прежде всего онъ возстановилъ нѣсколько ставропигій, дабы обезпечить свободу внутренней жизни въ монастыряхъ и независимость посторонняго вмѣшательства. Соотвѣтствующія грамоты были даны монастырямъ въ мѣстечкѣ Кенуріонъ на Кипрѣ, Богородицы Софику въ дамальской епархіи (1803 г.), Преображенія Господня на Строфадскихъ островахъ (1805 г.), Живоноснаго Источника на Самосѣ и Введенія Богоматери въ Синнадѣ (1806 г.). Съ другой стороны, монастырь Георгія Кодона на Кипрѣ, принадлежавшій пелопонесской Лаврѣ Богородицы, былъ объявленъ въ 1805 г. епархіальнымъ — халкидонскаго митрополита—монастыремъ. Монастырь Евангелистріи на о. Скопелѣ былъ признанъ (1804 г.) ктиторскимъ— Стефана Дапонти и сыновей—монастыремъ. Затѣмъ, Каллиникъ V сохранилъ существованіе и положилъ начало дальнѣйшему развитію русскаго Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ. Въ началѣ XIX в. монастырь пришелъ въ большой упадокъ, вслѣдствіе идіоритмическаго образа жизни здѣшнихъ монаховъ-грековъ. Бѣдность обители была такъ велика, что въ аѳинскомъ городкѣ Кареѣ ей не было довѣрія на 20 гросіевъ (1 р. 60 коп.), а внутри монастыря царили безначаліе и непослушаніе. Аѳонскій протатъ, въ виду крайняго упадка Пантелеимонова монастыря, рѣшилъ въ 1803 г. исключить его изъ числа двадцати главныхъ святогорскихъ обителей, его земли продать для уплаты долговъ, а излишекъ обратить на общія нужды Аѳона. Но Каллиникъ V опротестовалъ этотъ суровый приговоръ и въ августѣ того же года издалъ сигиллій, которымъ приказано ввести въ монастырѣ киновію, назначилъ его игуменомъ іеромонаха Савву и предложилъ киноту оказать содѣйствіе ему въ устройствѣ обители, такъ какъ,—по мнѣнію патріарха,—было совсѣмъ нецѣлесообразно упразднить на Аѳонѣ русскій монастырь въ то время, когда Россія пріобрѣла большое вліяніе въ восточномъ вопросѣ и взяла подъ свое покровительство христіанъ въ Турціи. Кромѣ того, патріархъ расположилъ къ пожертвованіямъ въ пользу Пантелеимонова монастыря фанаріотовъ Каллимаховъ; одинъ изъ членовъ этой фамиліи Скарлатъ, господарь Молдавіи и Валахіи, уплатилъ долгъ его, далъ денегъ на постройку монастырскаго храма и келлій. Сигилліемъ 1806 г. патріархъ утвердилъ за русскимъ монастыремъ наименованіе „Αὐθεντικὸν κοινόβιον Καλλιμαχήδων“, признал за нимъ право владѣть принадлежащими ему документами и имуществами, назначилъ эпитропію изъ трехъ членовъ для наблюденія за монастыремъ и обязалъ игумена и монаховъ представлять ежегодно въ патріархію экономическій отчетъ. Словомъ, патріархъ спасъ знаменитый русскій Пантелеимоновскій монастырь отъ гибели, и актомъ своей мудрости и великодушія сдѣлалъ свое имя незабвеннымъ въ исторіи русскаго монашества на Аѳонѣ. При участіи патріарха, киновія была введена (1805 г.) и въ аѳонскомъ монастырѣ Діонисія, гдѣ „своежитіе“ также привело въ упадокъ и монашескую дисциплину, и матеріальное положеніе обители. И на имя другихъ святогорскихъ обителей патріархъ отправилъ нѣсколько грамотъ, которыми то примирялъ споры между монахами изъ-за владѣній, то опредѣлялъ границы ихъ участковъ, то увѣщевалъ жить въ мирѣ и согласіи и исполнять иноческіе уставы и т. п. Подобныя патріаршія грамоты были отправлены и обителямъ Іоанна Богослова на Патмосѣ (объ управленіи и жизни—1801 г.), Евангелистріи на Скопелѣ (назначеніе игумена Серафима—1803 г.), св. Анастасіи близъ Созополя (требованіе отъ игумена отчета о состояніи обители). Затѣмъ, въ виду нестроеній въ ставропигіальныхъ монастыряхъ Богородицы Сумела, Іоанна Предтечи Вазелонъ и Георгія Побѣдоносца Перистереота въ трапезунтской епархіи, патріархъ въ 1801 г. назначилъ ихъ эпитропомъ мѣстнаго митрополита Парѳенія съ правомъ охранить ихъ прономіи, наблюдать за доходами и расходами, собирать годичные взносы въ пользу патріарха и посылать въ Константинополь, рукополагать мѣстныхъ клириковъ и т. п. Но это распоряженіе оказалось въ представленіи монаховъ нарушеніемъ ихъ давнихъ привилегій; поэтому они относились къ митрополиту Парѳенію весьма недружелюбно. Черезъ годъ патріархъ издалъ другую грамоту, которою разрѣшилъ трапезунтскому митрополиту являться въ указанные монастыри лишь по приглашенію, такъ какъ монахи обнаружи-

ли твердое расположеніе соблюдать уставы и нормальныя отношенія ко вселенскому патріарху. Наконецъ, извѣстенъ рядъ документовъ, характеризующихъ отношеніе Великой Христовой церкви при Каллиникѣ V къ другимъ автокефальнымъ православнымъ церквамъ. Такъ, александрійскому патріарху Парѳенію Каллиникъ V, вмѣстѣ съ синодомъ, писалъ 15 іюня 1803 г., чтобы онъ сдѣлалъ распоряженіе относительно имущества своего умершаго предшественника по каѳедрѣ, патріарха Герасима и отдалъ тысячу золотыхъ его наслѣднику—двоюродному брату, занимавшему должность капукехачья (начальникъ оттоманской канцеляріи) при патріархіи. А когда Парѳеній скончался, то Каллиникъ V и патріаршій синодъ, оказывая братскую помощь александрійской церкви и исполняя просьбу духовенства и народа, въ ноябрѣ 1805 г. избрали александрійскимъ патріархомъ ливійскаго (въ Египтѣ) митрополита Ѳеофила. Затѣмъ, охраняя права синайскаго монастыря, К. V. запретилъ аѳинскому митрополиту нарушать его отношенія къ владѣнію въ Ливадіи, а епископу и прокритамъ Аристіи объявилъ (15 авг. 1805 г.), что отчужденіе здѣшнихъ владѣній синайской обители, незаконно допущенное синаитомъ Ѳеофаномъ, недѣйствительно. Въ томъ же году онъ утвердилъ долговое обязательство янинскаго митрополита Іероѳея по отношенію къ синаитамъ. По его же приказанію (1803 г.), изъ филадельфійской епархіи былъ изгнанъ святоградскій монахъ Ананія, проводившій здѣсь безпорядочную жизнь, и былъ удаленъ въ Іерусалимъ. Въ 1803 г. патріархъ, по просьбѣ иноковъ обители Кикка на островѣ Кипрѣ, наложилъ церковное отлученіе на жителей прихода Дерекьой въ Никомидіи, дабы возстановить права монастыря на имущество жившаго здѣсь и скончавшагося его представителя-монаха. Каллиникъ V имѣлъ переписку по церковнымъ дѣламъ и съ митрополитомъ Молдавіи Веніаминомъ, а равно и съ мѣстнымъ господаремъ. Послѣдняго онъ просилъ преимущественно о матеріальномъ содѣйствіи патріархіи, а также посредничествѣ между церковію и архіереями въ тѣхъ случаяхъ, когда ими не представлялись обычные денежные взносы. А митрополиту Веніамину патріархъ, между прочимъ, отправилъ (16 мая 1804 г.) синодальное посланіе по поводу пяти вопросовъ, предложенныхъ имъ на разрѣшеніе церкви. По вопросу о томъ, кого изъ инославныхъ, переходившихъ въ православную церковь, слѣдуетъ принимать посредствомъ перекрещиванія и кого посредствомъ муропомазанія, патріархъ отвѣтилъ, что въ опредѣленіи этого слѣдуетъ руководиться церковною экономіей. Относительно же титулярныхъ архіереевъ, которые принимаютъ христіанъ для исповѣди и разрѣшаютъ нѣкоторымъ изъ нихъ то, что противно канонамъ, патріархъ выразилъ недоумѣніе по поводу такихъ дѣйствій и предписалъ, чтобы всякое нарушеніе канововъ, допущенное исповѣдующими и христіанами, пресѣкалось и исправлялось митрополитами. Что касается, далѣе, нарушителей установленныхъ постовъ, то митрополитъ долженъ систематически бороться съ этимъ уклоненіемъ отъ церковнаго устава, руководясь и здѣсь экономіей. Затѣмъ, бракъ между лицами въ седьмой степени кровнаго родства можетъ допускаться лишь по снисхожденію. Наконецъ, патріархъ рекомендовалъ митрополиту оказывать свое покровительство и защиту монастырямъ и метохамъ въ Молдавіи, принадлежащимъ святому Гробу, Аѳону и Синаю.

Несмотря на свою обширную и полезную дѣятельность, Каллиникъ долженъ былъ принести (22 сентября 1806 г.) каноническое отреченіе отъ престола. Причина этого заключалась въ политическихъ обстоятельствахъ того времени. Патріархъ по своимъ воззрѣніямъ былъ руссофилъ, а между тѣмъ въ Портѣ получила вліяніе партія, предпочитавшая союзъ Турціи не съ Россіей, а съ Франціей. Послѣ того какъ при дворѣ потеряли силу сторонники патріарха Мурузи и Ипсиланти, вынужденъ былъ отказаться отъ власти и Каллиникъ.

Однако, 10 сентября 1808 г. К. вторично занялъ патріаршій престолъ, на которомъ и оставался до мая 1809 г. Это вступленіе состоялось при содѣйствіи великаго визиря Мустафы Байрактара, благоволившаго къ Каллинику. Но когда Байрактаръ потерялъ при дворѣ вліяніе, то вслѣдъ затѣмъ лишился власти и патріархъ. Въ теченіе 8-мѣсячнаго вторичнаго патріаршества К.

сдѣлалъ, конечно, немного. Такъ, онъ примирилъ споры между прихожанами Ставродромія изъ-за двухъ школъ, построенныхъ еще въ 1805 г., и обезпечилъ безбѣдное ихъ существованіе при матеріальномъ содѣйствіи столичной корпораціи портныхъ, и назначилъ настоятелемъ этого кинота титулярнаго епископа Агаѳангела трипольскаго. Бывшему патріарху Прокопію, жившему на покоѣ въ Монствасіи, онъ рекомендовалъ не вмѣшиваться въ дѣла мѣстнаго митрополита, а прусскому митрополиту Іоанникію запретилъ посягать на права монастыря Всемогущаго. Въ виду того, что во второе патріаршество К. на монашескомъ Аѳонѣ происходили сильные споры по вопросамъ о поминовеніи усопшихъ и времени причащенія, патріархъ принялъ участіе въ примиреніи святогорцевъ. Поводъ ему далъ іеромонахъ-духовникъ Іероѳей, который принадлежалъ къ партіи т. н. колливитовъ и училъ, что поминовеніе усопшихъ слѣдуетъ совершать исключительно въ субботу, когда и должна служиться панихида съ коливомъ; съ другой стороны, по мнѣнію Іероѳея, причащаться слѣдуетъ какъ можно чаще, даже безъ предварительнаго приготовленія и исповѣди, дабы причастники могли вмѣстить въ себѣ цѣлаго Христа. Каллиникъ, извѣстившись объ ученіи Іероѳея, сдѣлалъ распоряженіе о лишеніи его званія духовника, а въ грамотѣ, отправленной по этому дѣлу на Аѳонъ, разъяснилъ мѣстнымъ эпистатамъ, назирамъ и отцамъ, что поминовеніе усопшихъ можно совершать во всѣ дни недѣли, а время причащенія опредѣляется приготовленіемъ и покаяніемъ каждаго, а также разрѣшеніемъ духовника. Затѣмъ, Каллиникъ V утвердилъ ставропигіальныя права монастырей—Іоанна Милостиваго въ Синадѣ и Архангела Михаила въ паронаксійской епархіи. При содѣйствіи патріарха, въ Прусѣ была устроена греческая больница для леченія эпидемическихъ болѣзней. По прежнему Каллиникъ V оказывалъ братское содѣйствіе и помощь инымъ православнымъ церквамъ. Такъ, въ 1808 г. въ Іерусалимѣ сгорѣлъ храмъ Гроба Господня. Это было всеобщимъ для православнаго міра несчастіемъ, особенно же для грековъ. Іерусалимская патріархія поставила своей задачей возстановить храмъ. На помощь ей пришелъ и Каллиникъ V, сдѣлавъ распоряженіе о производствѣ въ патріархатѣ сборовъ для возстановленія святыни. А когда престарѣлый іерусалимскій патріархъ Анѳимъ скончался, потрясенный несчастіемъ, то Каллиникъ V и синодъ опять пришли на помощь церкви Сіонской и помогли ей избрать новаго патріарха въ лицѣ виѳлеемскаго митрополита Поликарпа. Вообще, и во второе патріаршество К. V обнаружилъ дѣятельность, подобную прежней, но въ размѣрахъ ограниченныхъ и безъ прежняго воодушевленія. Къ тому же, окружающая среда не могла простить К. V занятія престола при содѣйствіи Порты, да при томъ въ противодѣйствіе знаменитому патріарху Григорію V, который въ 1808 г. былъ насильственно удаленъ изъ патріархіи на островъ Халки. Оставивъ, подъ давленіемъ духовенства и народа, престолъ, К. V послѣдніе годы своей жизни провелъ въ бѣдности и неизвѣстности. Дата его кончины историками не отмѣчается.

Литература. Ὑψηλάντης, указ. соч.: Κούμας; указ. соч., т. XII; Μαθᾶς, указ. соч.; Χαμουδόπουλος, Πατριαρχικαὶ πινακίδες („Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια“ 1882, II, № 18; Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες; Γεδεών, Κανονικαὶ διατάξεις II; Χαμουδόπουλος, Μνημείων γραπτῶν περισυναγωγή („Ἐκκλ. Ἀλήθεια“ 1882, № 15); Γεδεών, Χρονικὰ τῆς πατριαρχικῆς ἀκαδημίας; Μυσταχίδης, Περὶ Κουρουτεσμέ τινα („Ἐκκλ. Ἀλήθεια“ 1885, № 9—10); Γεδεών, Παιδεία καὶ πτωχεία παρ' ἡμῖν, Κωνστ. 1886; Ἱερεὺς Εὐγένιος, Ἡ. Ζωοδόχος Πηγὴ καὶ τὰ ἱερὰ αὐτῆς προσαρτήματα, Ἀθῆναι 1886; Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, Кіевъ. 1873; К. Δελικάνης: 1) Περιγραφικὸς κατάλογος τῶν ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχειοφυλακείου σωζομένων ἐπισήμων ἐκκλησιαστικῶν ἐγγράφων περὶ τῶν ἐν Ἄθῳ μονῶν, Κωνστ. 1902, 2) Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι... ἔγγραφα τὰ ἀφορῶντα εἰς τὰς σχέσεις κτλ., 3) Πατριαρχικῶν ἐγγάφων τ. III κτλ.; проф. *И. И. Соколовъ*, Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ; опытъ историческаго изслѣдованія I, Спб. 1904.

И. И. Соколовъ.

Каллиста, св. мученица кесарійская, конца III столѣтія. Она пострадала вмѣстѣ съ Доровеей, Христиною и Өеофиломъ въ каппадокійскомъ городѣ Кесаріи въ царствованіе имп. Діоклитіана. Мощи ея находятся въ Римѣ въ церкви ея имени, а глава въ римской церкви Богоматери въ Trastevere, что [за Тибромъ]. *Память ея 6 февраля.*

Хр. Л—въ.

Каллиста, св. мученица никомидійская, IV столѣтія. За исповѣданіе Христа она была обезглавлена вмѣстѣ со своими братьями Еводомъ и Ермогеномъ въ 309 году. Мощи ея въ XI в. находились въ константинопольскомъ Студійскомъ монастырѣ, со *службою имъ 1 сентября* — Въ Римскомъ Мартирологѣ она ошибочно названа Каллистомъ, и мѣстомъ ея кончины указаны Сиракузы (въ Сициліи). (Прологъ—Сергій).

Хр. Л—въ.

Каллистратъ, св. мученикъ персидскій, III—IV столѣтія. Схваченный за исповѣданіе Христа персидскимъ военачальникомъ, онъ послѣ мученій былъ брошенъ въ море въ мѣшкѣ, но мѣшокъ разорвался, и святой остался невредимъ. Видя это, 49 воиновъ изъ персидскаго отряда увѣровали во Христа; за ними увѣровало еще 179 другихъ воиновъ. Всѣ они были обезглавлены. Мощи св. Каллистрата въ IX в. находились въ Константинополѣ и источали чудеса. *Память его 27 сентября.*

См. А.А. S.S. Boll. сентябрь VII, 190 (мѣсто кончины святого Константинополь); Метофрастово мученичество его у Migne, gr. CXV. col. 882; Макар. Ч. Минея; Прологъ.

Хр. Л—въ.

Каллистъ, св. мученикъ ассирійскій, IX столѣтія. Это былъ одинъ изъ 42 греческихъ военачальниковъ въ малоазійскомъ городѣ Аморіи въ то время (ок. 840 г.), когда арабы осадили этотъ городъ. Аморій долженъ былъ сдаться. Всѣ плѣнники были отведены въ Ассирію и въ крѣпости Самара (близъ р. Тигра) были обезглавлены въ 845 году. *Память всѣхъ ихъ 6 марта.*

Еводіево мученичество ихъ въ А.А. S.S. Boll. мартъ I, 460, 887; другая редакція его (изданіе *А. Васильева.*) въ „Зап. Имп. Акад. Наукъ". Спб. 1898; Древнѣйшій славянскій переводъ мученичества въ Супрасльской минеѣ XI вѣка; Макар. Ч. Минея («На мученическаа въстрастіа нынѣ», написано кипрскимъ архіепископомъ Софроніемъ). Прологъ.—*Сергій.* [Ср. «Энц.» I, 617 — 618. II, 221, а въ особенности см. житія по изд. † проф. *В. Г. Васильевскаго* и проф. *П. В. Никитина* въ «Запискахъ Академіи Наукъ»: Mémoires VIII série, VII, 2, Спб. 1905].

Хр. Л—въ.

Каллистъ, *Каликстъ I* [1]), (Calixtus), святой, — римскій епископъ съ 218 по 223 г.

Вопросъ о св. Каллистѣ I, епископѣ римскомъ, представляется довольно труднымъ. Главными источниками по этому вопросу служатъ Liber pontificalis (изд. Дюшена, t. I, Paris 1886, p. 141—142) и Philosophumena, открытыя въ 1850 г. и опубликованныя первоначально Миллеромъ въ 1851 г. въ качествѣ творенія Оригена, но авторомъ ихъ считается св. Ипполитъ, епископъ Порта у устья рѣки Тибра (см. у † о. проф. *А. М. Иванцова-Платонова,* ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства I, Москва 1877; ср. у † архіеп. *Сергія,* Полный мѣсяцесловъ Востока II[2], стр. 44—46, подъ 30 января). Фактическія данныя, содержащіяся въ этихъ источникахъ о жизни и дѣятельности Каллиста, еще можно согласить между собою,—но нравственная оцѣнка личности Каллиста въ нихъ діаметрально противоположна.

По названнымъ и нѣкоторымъ другимъ источникамъ, Каллистъ былъ сыномъ язычника Дометія, родился рабомъ около 155 года въ Транстевере—той части города Рима, которая обозначалась словами „de urbe Ravennatis", потому что здѣсь находились castra Ravennatium, или депо легіона солдатъ, принадлежавшихъ къ равенскому адріатическому флоту. По принятіи крещенія Каллистъ пріобрѣлъ довѣріе своего господина Карпофора и сталъ вести его денежныя дѣла. Между 186 и 189 го-

---

[1]) [Собственно *Callistus,* т. е. прекраснѣйшій, по позднѣйшему произношенію *Calistus,* а *Calixtus* впервые встрѣчается лишь въ XI в.: см. *Bunsen,* Hippolytus по-англ., I, 131 прим.].

дами, послѣ одной финансовой катастрофы, префектомъ Тускіаномъ онъ былъ осужденъ на рудниковыя работы и сосланъ въ Сардинію. Помилованный между 190 и 192 г., Каллистъ былъ отправленъ папою Викторомъ (190—202 г.) въ Антій, гдѣ оставался до избранія на папскій престолъ Зефирина (около 200 года), получая отъ папы ежемѣсячныя субсидіи (Philosophumena, въ изд. Cruice, **9**, 2: 12, p. 439 — 441). Вызванный Зефириномъ въ Римъ, онъ былъ назначенъ архидіакономъ; получилъ порученіе управлять духовенствомъ и завѣдывать кладбищемъ и исполнялъ эти обязанности до 218 года. Кладбище, администраторомъ котораго состоялъ Каллистъ около 18 лѣтъ, было первымъ, *оффиціально управляемымъ* церковію. Оно было вырыто на землѣ, принадлежавшей христіанкѣ Люцинѣ (*А. Фонъ-Фрикенъ*, Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства I: Римскія катакомбы, Москва 1872, стр: 120), на via Appia. Съ незапамятныхъ временъ кладбище это, согласно мартирологамъ и путеводителямъ, называется „кладбищемъ Каллиста“, каковое названіе сохранилось до нашихъ дней. Въ національной библіотекѣ въ Римѣ хранится чаша, имѣющая на днѣ своемъ портретъ, который считается за изображеніе Каллиста (*Allard*, Rome souterraine, p. 409; *de-Rossi*, Bulletino di archeologia cristiana, Roma 1886, p. 33). Въ 218 г., послѣ Зефирина, Каллистъ былъ избранъ папою и, согласно свидѣтельству историка Евсевія (Ц. И. **6**,21), управлялъ римскою церковію 5 лѣтъ, 2 мѣсяца и 10 дней, въ царствованіе императора Геліогабала до начала царствованія Александра Севера. Онъ построилъ ораторію въ Транстевере, преобразованную папою Юліемъ (337—352 г.) въ базилику, которая въ Liber pontificalis называется „titulus [ср. ст. „Кардиналы“] Julii et Callisti“. На мѣстѣ этой базилики въ настоящее время стоитъ храмъ, именуемый „Santa Maria in Trastevere“. Согласно „Liber pontificalis“, Каллистъ установилъ постъ въ субботу ter in annum, frumenti, vini et olei—въ три періода года: во время жатвы, виноградарства и собиранія маслинъ. Нѣкоторые видятъ въ этомъ начало установленія существующаго въ католической церкви „поста четырехъ временъ“. Съ именемъ Каллиста I связываются двѣ подложныя декреталіи: 1) Epistola ad Benedictum: de jejuniis quatuor temporum; 2) Epistola ad omnes Galliarum episcopos. Въ Acta Sanctorum (14 octobris, t. VI, p. 401—439)—документѣ, не имѣющемъ большой исторической цѣнности,—разсказывается, что Каллистъ умеръ въ 218 г. мученикомъ во время народнаго возстанія: сверху изъ окна, въ Транстевере, онъ былъ брошенъ въ колодецъ и побитъ камнями; похороненъ на кладбищѣ св. Калопеда. Нѣкоторые серьезные изслѣдователи (*de-Rossi*, Bulletino di archeologia cristiana, 1886, p. 93; *Tillemont*, Mémoires, Paris, 1701—1709, t. III, p. 252; *Moretto*, De Sancti Callisti ejusque basilica S. Maria trans Tib., Roma 1752, 2 vol. in fol.) принимаютъ этотъ разсказъ, но другіе полагаютъ, что папа Каллистъ заслужилъ названіе *исповѣдника* за свое пребываніе въ ссылкѣ въ Сардиніи. Каллистъ I былъ 15-мъ епископомъ римскимъ, если считать первымъ св. Лина.

Въ „Философуменахъ“ содержатся тяжкія обвиненія противъ папы Каллиста, заключающіяся въ слѣдующемъ: Каллистъ, ведшій банковыя дѣла своего господина Карпофора, будто бы злоупотребилъ его довѣріемъ и сбѣжалъ въ портъ Остію, гдѣ сѣлъ на корабль. Но когда явился туда Карпофоръ, чтобы арестовать своего невѣрнаго раба, Каллистъ будто бы бросился въ море, однако былъ пойманъ матросами экипажа. Послѣ этого онъ,—по словамъ „Философуменъ“, — въ одну изъ субботъ отправился въ синагогу, гдѣ намѣренно произвелъ шумъ, чтобы быть убитымъ и получить имя мученика, и былъ осужденъ на рудниковыя работы въ Сардинію. Происками получивъ помилованіе, Каллистъ якобы снова былъ сосланъ папою Викторомъ. Избранный епископомъ римскимъ, онъ,—по сообщенію „Философуменъ“,—осудилъ еретика Савеллія, хотя самъ раньше раздѣлялъ его мнѣнія и, кромѣ того, увлекался будто бы заблужденіями Θеодота. „Философумены“ обвиняютъ Каллиста еще въ потворствѣ безнравственной жизни, такъ какъ во время его были епископы двоеженцы и троеженцы. Каллистъ будто бы училъ, что „если епископъ согрѣшитъ даже смертно, онъ не долженъ

быть отлученъ", а женщинамъ разрѣшилъ имѣть любовниковъ.

Обвиненія Каллиста, содержащіяся въ „Философуменахъ", вызвали на Западѣ обширную литературу. Нѣкоторые ученые изслѣдователи соглашались съ этими обвиненіями, таковы: Бунзенъ (Hippolytus and His Age I—IV, London 1852, и по-нѣмецки Hippolytus und seine Zeit I—II Lpzg 1852 — 1853), Вордсвортъ (Hippolytus and the Church of Rome in the Earlier Part of Third Century, London 1853), Фолькмаръ (Hippolytus und die römische Zeitgenossen, Zürich 1856 г.), де-Прессансе (Lutte entre Hippolyte et Calliste, Paris 1856 г.), де-Ремюза „Revues de deux mondes", № отъ 15 іюня 1863 г.), А. Ревиль („Revue de deux mondes", № отъ 15 іюня 1865 г.), Джемсъ С. Робертсонъ (Исторія христіанской церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней, перев. † А. П. Лопухина, т. I, Спб. 1890, стр. 78). Съ другой стороны многіе богословы предприняли защиту папы Каллиста I противъ возводимыхъ на него обвиненій. Таковы: Дёллингеръ (Hippolytus und Kallistus, Regensburg 1853), Крюисъ (Études sur de nouveaux documents historiques empruntés á l'ouvrage récemment découvert des „Philosophumena", Paris 1853), Армеллини (De prisca refutatione haereseon... Philosophumenon titulo recens vulgata commentarius, Roma 1862), Гагеманъ (Die Römische Kirche, Freiburg im Breisgau 1862), де-Росси (Bulletino di archeologia, Roma 1866), Лёгиръ (Études bibliques, Paris 1869, т. 2, стр. 325—387), Фреппель (Origène, 3 изд., Paris 1888, т. I, стр. 151—174), де-Смедтъ (Dissertationes, Paris 1876, стр. 190—218), Дюшенъ (Les origines chrétiennes, 2-е литогр. изд., Paris 1886, стр. 275—304).

Въ перечисленныхъ сочиненіяхъ защитниковъ Каллиста доказывается, что нельзя вѣрить обвиненіямъ, возводимымъ противъ св. Каллиста въ „Философуменахъ", написанныхъ епископомъ Ипполитомъ, который былъ доктринальнымъ противникомъ Каллиста и соперникомъ его по епископской каѳедрѣ въ Римѣ и вслѣдствіе этого не могъ быть безпристрастнымъ.

Въ римско-католической церкви *память Каллиста I*, епископа римскаго, празднуется *14 октября*. Почитается ли Каллистъ I святымъ въ русской православной церкви? Въ „Полномъ мѣсяцесловѣ Востока" † архіепископа Сергія (т. II², Владиміръ 1901) ни въ первой части (мѣсяцесловъ), ни во второй (замѣтки) нѣтъ упоминанія о Каликстѣ (Каллистѣ), епископѣ римскомъ; но въ приложеніи I-омъ „Имена святыхъ, которыхъ нѣтъ подъ числами въ мѣсяцесловѣ всѣхъ святыхъ, но которые находятся въ богослужебныхъ книгахъ и въ указателѣ I-омъ, называется имя *преподобнаго Каллиста* (стр. 532 и 602). Память этого святого прославляется въ субботу сырную. Этого „преподобнаго Каллиста" сырной субботы и слѣдуетъ считать за Каликста I, епископа римскаго. Въ постной тріоди имѣется слѣдующая церковная пѣснь относительно Каллиста: „Дивлюся *Каллистовымъ благословеніемъ*, хвалю Лаврентіева добродѣянія, благотвореніе же Логгиново восхваляю, почитаю Лотовы добродѣтели" (3-й тропарь на 4-й пѣсни канона въ сырную субботу).

Литература. Кромѣ отмѣченныхъ выше, о папѣ Каллистѣ I см. *Hinschius*, Decretales pseudo-isidorianae, Lpzg 1863, S. 131—156; *de l'Epinois*, въ „Revue des questions historiques" 1887, t. III, p. 249—253; *Lefèvre*, L'auteur des Philosophumena et le pape Calliste въ журналѣ „Revue Catolique", Louvain 1871, t. V, p. 345 swiv., t. VI, p. 5—28; prof. *A. Harnack*, Geschichte der altchristlichen Litteratur, Lpzg 1893—1897, Bd. I, S. 603—605; *Rolffs*, Das Indulgenz-Edict des römischen Bischofs Kallist, kritisch untersucht und reconstruirt, Lpzg 1893; prof. *O. Bardenhewer*, Patrologie, Freiburg im Breisgau 1894, S. 128, 133, 138; *Smith* and *Wace*, Dictionary of Christian Biography, I, London p. 1877, 390—392; *A. Vacant* et *E. Mangenot*, Dictionnaire de theologie catolique II, col. 1333—1342; *F. Lichtenberger*, Encyclopédie des sciences religieuses II, t. II, p. 521—526. [*Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon II², col. 1695—1701. *Herzog-Hauck*, R. E. III³, S. 640—641. *Gerhard Esser*, Die Bussschriften Tertullians De paenitentia und De pudicitia und das indulgenzedikt des Papstes Kallistus; ein Beitrag zur Geschichte des Bussdisziplin: Universitätsprogramm, Bonn 1905; ср. Fr. Diecamp въ „Theologische Rundschau" 1905, Nr. 20, Sp. 604—605. Prof. Dr. *F. X. Funk*, Das indulgenzedikt des Papstes Kallistus въ „Theologische Quartalschrift" 1906, IV, S. 541—568. *P. Batiffol*, L'édit de Calliste

d'après une controverse recente въ „Bulletin de littérature ecclésiastique“ 1906, 10, p. 339—348].

Н. В. П—въ.

Каллистъ или *Каликстъ* II — папа римскій, 162-й послѣ св. Лина; избранъ на Ватиканскій престолъ 2 февраля 1119 г., коронованъ 9-го числа того же мѣсяца; умеръ 13 или 14 декабря 1124 г.

До избранія въ папы онъ носилъ имя Гвидо; былъ пятымъ сыномъ Вильгельма, графа Бургонскаго, и потому приходился родственникомъ королямъ англійскимъ, императорамъ нѣмецкимъ и королевскому дому во Франціи. Папа Урбанъ II (1088 — 1099 г.) сдѣлалъ Гвидо (въ 1088 г.) архіепископомъ віеннскимъ (нынѣ въ департаментѣ Izère, во Франціи, въ 82 килом. или 85 верстъ отъ Гренобля), а папа Пасхалисъ II (1099—1118 г.) назначилъ его своимъ легатомъ въ Англіи. Въ это время снова оживилась борьба между римскимъ престоломъ и нѣмецкими императорами изъ-за верховнаго господства,—императоръ Генрихъ V настаивалъ на своемъ правѣ давать инвеституру высшему духовенству германскаго и итальянскаго королевствъ. Въ сентябрѣ 1112 г. архіепископъ віеннскій предсѣдательствовалъ на латеранскомъ соборѣ, гдѣ инвеститура была осуждена, какъ ересь, а Генрихъ V подвергнутъ отлученію отъ церкви. Въ отвѣтъ на это постановленіе Генрихъ V овладѣлъ имѣніями маркграфини тосканской Матильды, которая предъ смертію завѣщала ихъ римскому престолу (громадныя земли на сѣверѣ Италіи), занялъ Римъ и отправилъ папу Пасхалиса II въ изгнаніе, гдѣ тотъ и умеръ. Новоизбранный (въ 1118 г.) папа Геласій II, находившійся постоянно въ бѣгствѣ отъ Генриха, управлялъ римскою церковію около года и скончался 19 января 1119 г. Четыре дня спустя, 2 февраля, преемникомъ его былъ избранъ архіепископъ віеннскій, принявшій имя Каллиста II; онъ коронованъ въ Віеннѣ 9 февраля 1119 г. Первою заботой папы Каллиста II было—прекратить споръ изъ-за инвеституры. Въ октябрѣ 1119 г. папа назначилъ соборъ въ Реймсѣ и отправилъ, въ качествѣ пословъ къ Генриху V, Вильгельма Шампо, епископа шалонскаго, и Понса, аббата клюнійскаго, намѣреваясь лично видѣться съ императоромъ. Епископъ шалонскій и аббатъ клюнійскій встрѣтили Генриха V въ Страсбургѣ. „Если вы желаете мира, господинъ король, — сказалъ ему епископъ,—то вамъ необходимо совершенно отказаться отъ инвеституры епископскихъ каѳедръ и аббатствъ. Но знайте, что ваша власть отъ этого нисколько ни уменьшится, ибо я, напр., состоя епископомъ въ королевствѣ французскомъ, не получилъ никакой инвеституры изъ рукъ короля и— тѣмъ не менѣе воздаю ему почести вѣрнаго вассала“.—„Это все, чего я ищу“, отвѣтилъ императоръ. На такихъ основаніяхъ Генрихъ V былъ готовъ заключить миръ и отказаться отъ инвестируры, но въ самый послѣдній моментъ переговоры между императоромъ и папскими легатами были прерваны. Каллистъ II отказался отъ мысли отправиться на свиданіе съ императоромъ, предполагавшееся въ Музонѣ (на рѣкѣ Мёзѣ, въ 18 килом. или 19 верстъ. отъ Седана), опасаясь попасть въ ловушку, такъ такъ въ свитѣ короля находилось до 30.000 войска, и возвратился въ Реймсъ на соборъ. Реймскій соборъ, подтверждая старые декреты противъ симоніи (продажа духовныхъ мѣстъ за деньги), вновь совершенно запретилъ инвеституру и торжественно отлучилъ отъ церкви Генриха V и антипапу Бурдина (именовавшаго себя Григоріемъ VIII). Покинувъ Францію, Каллистъ II предпринялъ походъ противъ антипапы, который все еще занималъ Римъ. Бурдинъ былъ схваченъ, привязанъ къ спинѣ верблюда, съ позоромъ провезенъ по улицамъ Рима, а потомъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ въ 1125 г. Вступивъ въ Римъ побѣдителемъ, папа Каллистъ II высокомѣрно обходился съ римскими дворянами. Между тѣмъ нѣмецкіе князья, утомленные постоянными спорами между императоромъ и папами, на съѣздѣ въ Виттенбергѣ просили Генриха V подчиниться папѣ, на что императоръ и согласился. Поэтому состоялся. конкордатъ въ Вормсѣ (въ 35 килом. или 36 верст. отъ Дармштадта) 23 сентября 1122 г., положившій конецъ долгой кровопролитной борьбѣ. Императоръ обѣщалъ возвратить римской церкви отнятыя у нея имѣнія, не препятствовать далѣе свободѣ духовныхъ выборовъ и не требо-

вать отъ духовныхъ лицъ принятія отъ него кольца и посоха. Папа съ своей стороны согласился на слѣдующія условія: 1) всѣ выборы епископовъ и аббатовъ въ имперіи должны совершаться не иначе, какъ въ присутствіи императора или его уполномоченныхъ; 2) избранный долженъ получать право на обладаніе церковными имѣніями отъ императора, принимая отъ послѣдняго скипетръ, какъ символъ гражданской власти, и обязываясь чрезъ это къ исполненію всѣхъ, вытекающихъ изъ леннаго положенія, обязанностей по отношенію къ императору и имперіи; 3) въ Бургундіи и Италіи церковное посвященіе избраннаго должно предшествовать инвеститурѣ феодальной, но въ самой Германіи избранный долженъ сначала получить инвеституру при императорскомъ дворѣ, а затѣмъ уже принять посвященіе отъ церкви. 18 марта 1123 г. папа Каллистъ II собралъ соборъ въ Латеранѣ, на которомъ присутствовало 300 епископовъ и 600 аббатовъ и который почитается въ латинской церкви за 9-й вселенскій соборъ. На этомъ соборѣ Вормскій конкордатъ былъ подтвержденъ. Императоръ Генрихъ V при торжественной обстановкѣ былъ принятъ въ общеніе съ церковію. Рѣшено было организовать новый (второй) крестовый походъ, но папа Каллистъ II умеръ среди приготовленій къ нему, въ 1124 году.

Литература. *Duchesne,* Liber pontificalis II, (1892) p. 322, 376; *Watterich,* Romanorum pontificum vitae II (1862), S. 115; *U. Robert,* Histoire du pape Calixte II, 1891; *Maurer,* Papst Calixt II, 1886; *F. Rocquain,* La cour de Rome et l'Esprit de réforme avant Luther I (Paris 1893), p. 138—149; *Bernheim,* Zur Geschichte des Wormser Koncordats, Göttingen 1898; *A. Vacant* et. *E. Mangenot,* Dictionnaire de théologie catholique II, col. 1343—1345; *F. Lichtenberger,* Encyclopedie des sciences religieuses II, p 520—521; *Ch. Dezobry* et *Th. Bachelet.* Dictionnaire général de biographie et d'histoire, 3-ième edit. (Paris 1863), 1-iére portie, p. 429; [*Herzog-Hauck,* R. E. III³, 641—642. *Wetzer* und *Welte,* Kirchenlexikon II², col. 1701—1705]; *Джемсъ С. Робертсонъ* и *I. I. Герцогъ,* Исторія христіанской церкви, перев. † А. П. Лопухина II (Спб. 1891), стр. 95—96.

Н. В. П—въ.

Каллистъ или *Калликстъ III*—папа римскій, 211-й послѣ св. Лина, съ 1455 по 1458 годъ.

Онъ принадлежалъ къ старинной каталонской фамиліи Борджіа; родился въ Ксативѣ (поиспански Jativa или San-Felipe), около Валенсіи, въ Испаніи, 31 декабря 1378 г.; былъ сначала студентомъ въ леридскомъ университетѣ и, получивъ степень доктора, сдѣлался въ томъ же университетѣ профессоромъ. Король аррагонскій и неапольскій, замѣтивъ въ Альфонсѣ Борджія большія дипломатическія способности, приблизилъ его къ себѣ въ качествѣ личнаго секретаря и совѣтника. Въ 1429 г. Альфонсъ Борджія съумѣлъ добиться отреченія антипапы Климента VIII (Gilles Muños, 1424—1429 г.), за что папою Мартиномъ V былъ назначенъ на епископскую каѳедру въ Валенсіи. Въ 1444 году (12 іюня) папа Евгеній IV возвелъ его въ кардинальское достоинство. На папскій престолъ онъ былъ избранъ 78-лѣтъ 8-го апрѣля и коронованъ 20 апрѣля 1455 г.

По вступленіи на престолъ папа Каллистъ III произнесъ слѣдующую торжественную клятву бороться съ врагами христіанства—турками: „Я, папа Каллистъ, обѣщаюсь и клянусь Св. Троицей..., что, въ случаѣ нужды жертвуя даже собственною кровію, я употреблю всѣ силы, чтобы... отвоевать обратно Константинополь..., чтобы освободить христіанъ, томимыхъ въ рабствѣ, поднять православную вѣру и потушить на востокѣ дьявольскую секту гнуснаго и невѣрнаго Магомета... Если я забуду тебя, Іерусалимъ,—забыта да будетъ десница моя, а языкъ мой да прильпнетъ къ гортани, если я перестану поминать о тебѣ, Іерусалиме, и если не сдѣлаю тебя началомъ веселія моего!“ Давъ такую клятву, папа проявилъ сначала большое усердіе къ крестовому походу, посылалъ проповѣдниковъ по всей Европѣ, чтобы пробудить среди христіанъ религіозный и воинственный пылъ. Однако, побѣда при Бѣлградѣ, вызвавшая бѣгство Магомета II, не дала тѣхъ счастливыхъ результатовъ, на какіе надѣялись. Іоаннъ Корвинъ Гуніадъ, за свою военную доблесть прозванный турками дьяволомъ, и Іоаннъ Капистранъ (см. „Энц.“ VII, стлб. 101—102) умерли въ 1456 г.; папскій флотъ, посланный въ Грецію и состоявшій изъ 16 (а по словамъ другихъ изъ 25) судовъ съ 1.000 гребцами, 5.000 солдатъ и 300 пушекъ, оказался бездѣятельнымъ

и самъ папа, охладѣвшій къ интересамъ христіанства, занялся исключительно тѣмъ, чтобы какъ можно больше возвеличить свой родъ. Никогда Римъ не былъ свидѣтелемъ стольких скандальныхъ проявленій „непотизма“, какъ при Каллистѣ III, всячески протежировавшемъ своимъ племянникамъ и другимъ родственникамъ. Два племянника Каллиста III (въ томъ числѣ Родригъ Ленцуоли, впослѣдствіи папа Александръ VI) были сдѣланы кардиналами и получили доходныя мѣста; третій племянникъ—Петръ—былъ назначенъ герцогомъ сполетскимъ, генераломъ папскихъ войскъ, губернаторомъ крѣпости св. Ангела и префектомъ Рима. Папа далъ бы ему и неапольскую корону, еслибы только это было возможно. И дѣйствительно, когда скончался король Альфонсъ (27 іюня 1458 г.), Каллистъ III,—не взирая на папскія буллы, которыя по настоянію его же самого были изданы папою Евгеніемъ IV и которыя обезпечивали наслѣдованіе неапольскаго престола за королевскими дѣтьми мужескаго пола,—объявилъ, что королевство перешло къ св. престолу, и приглашалъ претендентовъ на него обращаться за утвержденіемъ въ правахъ къ церковному суду. Королевскія богатства стали расхищаться и переходили въ собственность фамиліи Борджіа и ихъ приверженцевъ. Однако Фердинандъ, (незаконный) сынъ неапольскаго короля Альфонса, рѣшилъ отстаивать свои права на престолъ, вступилъ въ соглашеніе съ Францискомъ Сфорцей, герцогомъ миланскимъ, и Космой Медичи, но папа готовъ былъ начать войну и уже приказалъ своему племяннику Петру Борджія идти съ войсками на Неаполь. Внезапная смерть Каллиста III, послѣдовавшая 6 августа 1458 г., помѣшала этой войнѣ.

Относившійся безразлично и даже враждебно къ наукамъ и искусствамъ, Каллистъ III продалъ или раздарилъ большую часть библіотеки, основанной и созданной его предшественникомъ папою Николаемъ V (1447—1455 г.); тогда за нѣсколько „карлиновъ“ (карлинъ—серебряная монета неапольскаго королевства, стоимостью 42 сантима или около 15 коп.) можно было купить книги, стоившія нѣсколько золотыхъ флориновъ (золотой флоринъ = 8 фр. 60 сант. или 3 руб. 21 коп.).

Во время Каллиста III началась реабилитація Жанны д'Аркъ. 11 іюня 1455 года папа издалъ рескриптъ, которымъ предписывалось пересмотрѣть дѣло объ Орлеанской дѣвѣ и наблюденіе надъ этимъ поручалось архіепископу руанскому, епископамъ парижскому и кутанскому (Coutance—гор. въ департ. Маншъ).

Послѣ смерти Каллиста III въ Римѣ возникли большіе безпорядки. Приверженцы дома Борджіа были арестованы и умерщвлены. Папскій племянникъ Петръ Борджіа вынужденъ былъ бѣжать въ Чивита—Веккію. Вечеромъ, въ день избранія папы Пія II, преемника Каллиста III, весь городъ былъ иллюминованъ,—жители его такъ были рады, что освободились отъ „каталонцевъ“. Громаднѣйшія богатства Каллиста III достались его племяннику Родригу, впослѣдствіи папѣ Александру VI (1492—1503 г.).

См. *Ch. Dezobry* et *Th. Bachelet,* Dictionnaire général de biographie et d'histoire, 1-ière partie, 3-ième édit. (Paris 1863), p. 429; *F. Lichtenberger,* Encyclopédie des sciences religieuses. Paris 1877, p. 521—522; *Vacant* et *E. Mangenot,* Dictionnaire de théologie catholique II, col. 1345—1351; Dr. *Ludw. Pastor,* Geschichte der Päpste II, 1899. Разборъ этого сочиненія и выдержки изъ него даны въ статьѣ *К. С. Шварсалона*: Восточный вопросъ въ новомъ сочиненіи по исторіи папства (въ „Журналѣ Минист. Нар. Просвѣщенія“, ч. CCLXXI, 1890 г., сент., стр. 205—233; о папѣ Каллистѣ стр. 217—221). [*Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon II^2, col. 1705—1711].

Н. В. П—въ.

Каллистъ или **Каликстъ III**—*антипапа* (1168—1178 г.). Въ 1152 году германскимъ императоромъ сдѣлался Фридрихъ I Барбаросса, задумавшій возстановить внутри блескъ своего государства и защищать свои права отъ честолюбивыхъ притязаній римскихъ папъ, которые послѣ папы Григорія VII († 1085 г.) стали считать свѣтскихъ государей своими ленниками. Между домомъ Гогенштауфеновъ, къ которому принадлежалъ Фридрихъ I, и папами началась ожесточенная распря изъ-за верховнаго господства, продолжавшаяся съ перерывами болѣе столѣтія и закончившаяся только съ полнымъ исчезновеніемъ Гогенштауфенова рода. Въ 1159 г., послѣ Адріана IV, на папскій престолъ вступилъ

Александръ III († 1181 г.), но партія, приверженная Фридриху Барбароссѣ, избрала въ папы кардинала Октавіана, который принялъ имя Виктора IV. Въ римской церкви произошелъ новый расколъ, продолжавшійся до 1180 года, хотя Фридрихъ Барбаросса примирился съ папою Александромъ еще въ 1177 г. За это время (въ папство Александра III) были избраны четыре антипапы: помянутый Викторъ (1159—1164 г.) Пасхалійсъ II (1164—1168 г.), Каллистъ III (1168—1178 г.) и Иннокентій III (1178—1180 г.).

Антипапа Каллистъ III, до своего избранія (20 сентября 1168 г.), назывался Іоанномъ Албанскимъ и былъ кардиналомъ-епископомъ. 29 мая 1176 г. Фридрихъ I Барбаросса въ рѣшительной битвѣ съ папскими войсками при Леньяно (въ Сѣверной Италіи) проигралъ сраженіе и долженъ былъ идти на уступки. Переговоры велись на конгрессѣ въ Венеціи, при чемъ антипапѣ Каллисту III сохранено было почетное званіе и подарено аббатство, а всѣ ставленники его и приверженцы были перемѣщены на старыя должности, занимаемыя ими раньше до раскола въ римской церкви.

См. *Vacant* et *Mangenot*, Dictionnaire de theologie catholique II, col. 714—715, 1362; *Джемсъ С. Робертсонъ*, Исторія христіанской церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Перев. А. П. Лопухина; т. II. СПБ. 1891, стр. 101—103; *F. Lichtenberger*, Encyclopédie des sciences religieuses I, p. 149—150. [Wetzer und *Welte*, Kirchenlexikon II², 371. *Herzog-Hauck*, R. E. I³, 342. III³, 642].

Н. В. П—овъ.

Каллистъ: *1—2 константинопольскіе патріархи.*

1) *Каллистъ* I дважды занималъ константинопольскій патріаршій престолъ: въ 1350—1354 и 1355—1363 годахъ. Первое его вступленіе на вселенскую патріаршую каѳедру состоялось по волѣ византійскаго императора Іоанна Кантакузина, который, въ лицѣ этого высоконравственнаго и просвѣщеннаго мужа, нашелъ виднаго сторонника знаменитаго Григорія Паламы и его партіи въ борьбѣ съ волновавшею тогда византійскую церковь ересью Варлаама и Акиндина. Каллистъ I былъ ученикомъ извѣстнаго византійскаго подвижника и исихаста св. Григорія Синаита († 1346 г.), жилъ съ нимъ продолжительное время, слѣдовалъ по стопамъ его и съ радостію, какъ вѣрный и преданный рабъ, воспринялъ духъ его. Св. Григорій былъ для Каллиста I, — по свидѣтельству послѣдняго,— любвеобильнымъ отцомъ, а Каллистъ I для него—какъ бы роднымъ сыномъ, къ которому великій подвижникъ относился съ искреннею любовію и расположеніемъ, съ готовностію посвящалъ въ тайны созерцанія и съ большою полнотой раскрывалъ ихъ предъ нимъ. Каллистъ I сдѣлался ученикомъ св. отца въ то время, когда послѣдній въ началѣ XIV в. поселился для подвиговъ на святой горѣ Аѳонской. Когда на эту гору сдѣлали набѣгъ агаряне, Каллистъ вмѣстѣ въ своимъ учителемъ и отцомъ отправился въ Ѳессалонику, а потомъ совершилъ съ нимъ рядъ странствованій, которыя вызывались самимъ характеромъ исихастскаго ученія св. Григорія Синаита и являлись необходимымъ моментомъ его нравственно-аскетической дѣятельности. Учитель и ученикъ путешествовали на острова Хіосъ и Митилину, на гору Ливанъ и въ Константинополь, потомъ въ городъ Созополъ и пустыню Парорійскую (въ нынѣшней Ѳракіи, у Сакаръ-планины, въ районѣ греческихъ селъ Големъ-Монастиръ и Малекъ-Монастиръ), гдѣ св. Григорій въ двадцатыхъ годахъ XIV в. построилъ келліи для себя и Каллиста. Проживъ здѣсь нѣкоторое время, Каллистъ отправился со своимъ учителемъ въ Константинополь, а отсюда вмѣстѣ съ подвижникомъ Маркомъ былъ посланъ на Аѳонъ, при чемъ св. Григорій обѣщался и самъ вскорѣ прибыть на святую гору. Не дождавшись его и горя желаніемъ быть возлѣ своего учителя, Каллистъ отправился къ нему въ Константинополь, прожилъ здѣсь зиму и, съ наступленіемъ весны, вмѣстѣ съ Григоріемъ возвратился на Аѳонъ. Здѣсь Каллистъ и его учитель подвизались въ Лаврѣ св. Аѳанасія. Вслѣдствіе набѣга турокъ, св. Григорій удалился въ Адріанополь, взявъ съ собою одного ученика,—надо полагать,—именно Каллиста, а потомъ (въ тридцатыхъ годахъ XIV в.)—въ пустыню Парорійскую, гдѣ Каллистъ, вѣроятно, былъ свидѣтелемъ и кончины преподобнаго отца. Послѣ смерти св. Григорія Каллистъ ушелъ на Аѳонъ и поселился здѣсь въ

Иверскомъ монастырѣ, откуда въ 1350 г. и былъ приглашенъ на константинопольскую патріаршую каѳедру. Такимъ образомъ, Каллистъ V былъ самымъ близкимъ ученикомъ великаго подвижника св. Григорія Синаита и стремился въ полнотѣ воспринять духъ и ученіе своего руководителя и отца, который за нравственное превосходство и цѣнилъ его больше другихъ, постоянно имѣлъ при себѣ и оказывалъ преимущественное вниманіе и довѣріе. Значитъ, византійскій историкъ Никифоръ Григора, сообщающій свѣдѣнія о Каллистѣ V, несправедливо осуждаетъ его за нравственный характеръ, приписывая патріарху моральные недостатки разнаго рода. Сужденія Григоры пристрастны и внушены тѣмъ, что Каллистъ V рѣзко порицалъ и въ теченіе всего патріаршества постоянно боролся съ гнусною и гибельною ересью Варлаама и Акиндина, къ партіи которыхъ примыкалъ и историкъ Григора, равно какъ и многіе епископы и свѣтскія лица, враждовавшіе изъ-за этого съ защитниками церковнаго мира—патріархами. Пристрастныя сужденія Никифора Григоры, обличаемыя другимъ современникомъ—императоромъ Іоанномъ Кантакузиномъ, который, напротивъ, отзывается въ своей исторіи о Каллистѣ V, какъ о мужѣ весьма добродѣтельномъ и отличавшемся высокими нравственными качествами, открывшими ему путь и къ патріаршему престолу, гдѣ патріархъ заявилъ себя почтенною дѣятельностью.

Прежде всего, Каллистъ I примыкалъ къ группѣ защитниковъ православія и борцовъ за церковь противъ еретическаго движенія Варлаама и его сторонниковъ, неправо учившихъ о существѣ и энергіи божества. По поводу этой ереси были созваны соборы въ 1351 и 1352 годахъ, на которыхъ, послѣ всесторонняго обсужденія предмета спора, ученіе св. Григорія Паламы и его сторонниковъ (въ томъ числѣ и Каллиста) было признано согласнымъ съ ученіемъ св. отцовъ церкви, а Варлаамъ, Акиндинъ и его сообщники анаѳематствованы. Результаты соборныхъ постановленій въ 1352 г. были внесены и въ составъ провозглашаемаго въ недѣлю православія Синодика. Какъ отголосокъ этой защиты церковнаго ученія отъ еретическаго иномыслія, въ 1350 г. было патріархомъ Каллистомъ I издано соборное постановленіе о непричастности аѳонскаго іеромонаха Нифонта къ мессаліанскому лжеученію. Въ томъ же году патріархъ издалъ учительное посланіе къ народу по поводу нѣкоей Амарантины, которая сперва занималась магіей, а потомъ сознала свой грѣхъ, принесла патріарху покаяніе и даже постриглась въ монашество. Въ декабрѣ 1350 г. патріархъ избралъ изъ константинопольскихъ іереевъ наиболѣе благоговѣйныхъ и опытныхъ и особою грамотою поручилъ имъ нести обязанности экзарховъ въ каждомъ приходѣ, наблюдать за остальными клириками и давать имъ наставленія и указанія относительно іерейскаго служенія. Въ сентябрѣ 1352 г. подобная грамота была издана на имя пресвитера Скутаріота, экзарха прихода Аарона въ Константинополѣ. Въ 1350 г. патріархъ обновилъ ставропигіальный монастырь Алипія на горѣ Аѳонской, въ октябрѣ 1351 г. призналъ независимой и свободной обитель Богородицы Панагіотиссы на Фанарѣ въ Константинополѣ, гдѣ нынѣ находится церковь Мухлія. Въ декабрѣ 1353 г. патріархъ и синодъ присоединили вакантную епархію Періѳеорія къ траянопольской митрополіи, а въ январѣ слѣдующаго года митрополиту Древнихъ Патръ, нуждавшемуся въ матеріальномъ обезпеченіи, вслѣдствіе постигшихъ его епархію внѣшнихъ бѣдствій, былъ пожалованъ монастырь Великой Пещеры на правахъ игуменства, подобно тому, какъ и въ Константинополѣ патріаршіе монастыри предоставлялись для игуменскаго управленія различнымъ архіереямъ. Почти такую власть патріархъ тогда же далъ монемвасійскому въ Пелопоннесѣ митрополиту, предоставивъ ему охрану патріаршихъ правъ и управленіе ставропигіальными монастырями въ этой области. Въ февралѣ 1354 г. по волѣ патріарха и синода митрополія созопольская, въ виду затруднительныхъ обстоятельствъ, была временно предоставлена въ управленіе митрополиту Пигонъ, въ мартѣ К. I поручилъ филадельфійскому митрополиту управлять и епархіей Древней Фокеи и въ частности наблюдать за патріаршимъ монастыремъ Давида. Тогда же митрополиту Макры былъ предоставленъ въ завѣдываніе константинопольскій монастырь Св. Троицы, въ которомъ онъ и могъ жить всякій разъ,

какъ пріѣзжалъ съ столицу. Любопытно, что въ октябрѣ 1352 г., съ согласія Каллиста I, антіохійскій патріархъ съ находящимися при немъ епископами произвелъ судъ въ Никеѣ надъ кесарійскимъ митрополитомъ Василіемъ, который подалъ на Каллиника I жалобу императору Іоанну Кантакузину; соборъ, подъ предсѣдательствомъ антіохійскаго патріарха, присудилъ Василія къ лишенію епископскаго сана. Наконецъ, патріархъ Каллистъ I имѣлъ сношенія съ русскою церковною властію. Такъ, онъ увѣщевалъ кіевскаго митрополита Ѳеогноста стать въ мирныя отношенія къ тверскому князю Михаилу, въ іюнѣ 1354 г. патріархъ и синодъ признали владимірскаго епископа Алексія митрополитомъ кіевскимъ и т. п.

И въ смутную годину политической борьбы при дворѣ Византіи, возгорѣвшейся по интригамъ Іоанна Кантакузина противъ законнаго наслѣдника византійскаго престола Іоанна Палеолога, патріархъ Каллисть I явилъ себя достойнымъ первоіерархомъ церкви. Въ 1354 г. Кантакузинъ, еще раньше возложившій на себя царскую корону, пожелалъ вѣнчать ею и сына своего Матѳея, дабы этимъ путемъ совершенно устранить отъ престола законнаго наслѣдника византійской короны Іоанна Палеолога. Но патріархъ Каллистъ I отказался исполнить желаніе Кантакузина, вызвалъ этимъ его неудовольствіе и вынужденъ былъ отказаться отъ патріаршей каѳедры, удалившись на острова Тенедосъ къ Іоанну Палеологу.

Когда Іоаннъ Палеологъ овладѣлъ Константинополемъ и занялъ императорскій престолъ, былъ возвращенъ на патріаршую каѳедру и Каллистъ I (въ 1355 г.). Вторичное его патріаршество прошло въ духѣ и направленіи перваго. Попрежнему онъ энергично боролся съ лицами, зараженными еретическими воззрѣніями Варлаама и Акиндина, и постепенно подготовилъ полную побѣду церкви надъ лжеученіемъ. Затѣмъ, онъ издалъ грамоту относительно женскаго монастыря Богородицы Варангіотиссы, расположеннаго близъ храма Святой Софіи, и предоставилъ его въ завѣдываніе одного изъ царскихъ слугъ Алексѣя Софіана, дабы онъ благоустроилъ его и привелъ въ лучшее положеніе. Въ апрѣлѣ 1357 г. патріархъ хиротинисалъ митрополита на родосскую каѳедру, которою нѣкоторое время завѣдывалъ митрополитъ Крита, въ іюнѣ того же года онъ включилъ въ составъ монемвасійской митрополіи двѣ мѣстности (Козеакъ и Еммонъ), которыми раньше завѣдывалъ митрополитъ Варны, хотя онѣ ему и не принадлежали; въ маѣ 1359 г. вселенскому престолу была подчинена унгровлахійская митрополія, по просьбѣ воеводы Валахіи Александра, пригласившаго на каѳедру вицинскаго митрополита Іакинѳа, котораго Каллистъ I, со своей стороны, призналъ вполнѣ достойнымъ каѳедры. Кромѣ того, архіепископія Деркусъ была присоединена къ митрополіи визійской. Въ послѣдній годъ патріаршества Каллистъ I, отправившись въ Сербію, возвелъ епископа Полистила въ митрополита христопольскаго.

Извѣстно также, что Каллистъ I издалъ грамоту о правахъ греческихъ и грузинскихъ монаховъ, подвизавшихся въ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, и синодальный томъ по поводу заключенія браковъ между несовершеннолѣтними супругами, причемъ подвергалъ изверженію изъ сана клириковъ, повѣнчавшихъ такіе браки, а мірянъ, содѣйствовавшихъ этому, отлучалъ отъ церкви. Константинопольскій монастырь Одигонъ патріархъ сдѣлалъ метохомъ антіохійскаго патріаршаго престола, въ виду тяжелаго экономическаго положенія послѣдняго. Въ декабрѣ 1355 г. патріархъ издалъ учительское посланіе священникамъ и монахамъ болгарскаго города Тырнова по поводу того, что они при крещеніи совершали только одно погруженіе или даже окропленіе, вмѣсто св. мура, приготовленнаго византійскимъ патріархомъ, пользовались муромъ отъ мощей св. Димитрія и св. Варвары. Какъ и въ первое патріаршество, Каллистъ I опять предписалъ своимъ экзархамъ наблюдать за благочиннымъ поведеніемъ столичнаго духовенства. Каллистъ I принималъ участіе и въ политической жизни Византіи, руководясь идеею о благѣ и значеніи церкви. Такъ, когда императоръ Іоаннъ Палеологъ заключалъ политическій договоръ съ венеціанцами и генуэзцами, то патріархъ обратился къ нему съ питтакіемъ, въ которомъ просилъ царя нимало не нарушать этимъ договоромъ права церкви и не колебать ея значенія, какъ самостоятельной и свободной организаціи. А въ 1355 г. патріархъ и синодъ соста-

вили синодальное дѣяніе по поводу заключенія политическаго брака между Андроникомъ, сыномъ императора Іоанна Палеолога, и Кираджей, дочерью болгарскаго царя Іоанна Александра; обѣ стороны дали при этомъ клятву оказывать взаимную помощь въ политическихъ дѣлахъ. Наконецъ, Каллистъ I, какъ видно изъ сохранившихся актовъ, обнаружилъ большую попечительность о благоустройствѣ монастырей, о возвышеніи монастырской дисциплины, о правильномъ руководствѣ епархіальныхъ архіереевъ своими паствами и т. п. Патріархъ Каллистъ I извѣстенъ и какъ литературный дѣятель-богословъ. Его произведенія, частію изданныя, частію хранящіяся еще въ рукописяхъ, принадлежатъ къ разряду гомилетическихъ, полемическихъ и синаксарныхъ. Собраніе его пятидесяти двухъ бесѣдъ и поученія извѣстны во многихъ спискахъ. Въ печати издана только одна бесѣда на Воздвиженіе Креста (*Gretser*, De cruce Christi, opera omnia, II, 87 сл., Regensburg 1734). Каллистъ I велъ литературную борьбу противъ латинянъ и варлаамитовъ, особенно противъ Никифора Григоры. Кромѣ того, извѣстна похвала Каллиста I Іоанну Постнику (XI в.), возстановителю монастыря Петры въ Константинополѣ. Весьма цѣнное значеніе имѣетъ и житіе св. Григорія Синаита, гдѣ обстоятельно разсказывается жизнь св. отца, сообщаются свѣдѣнія о его ученикахъ и сподвижникахъ, проливается свѣтъ на положеніе иночества на Синаѣ, Аѳонѣ и въ пустынѣ Паророрійской въ XIV в. и т. п. Житіе составлено во время перваго патріаршества Каллиста I, отличается языкомъ простымъ и безыскусственнымъ, богато выдержками изъ Свящ. Писанія, твореній св. отцовъ и произведеній классическихъ авторовъ, украшено народными пословицами и пространно изложенными сравненіями, которыя авторъ заимствуетъ преимущественно изъ жизни животныхъ и производитъ на читателя очень хорошее впечатлѣніе не только своимъ содержаніемъ, но чисто-литературной стороной. Несомнѣнно, Каллистъ I былъ опытнымъ и образованнымъ писателемъ.

Кончина Каллиста послѣдовала въ серединѣ 1363 г., когда онъ, исполняя возложенное на него порученіе, отправился въ Сербію, прибылъ въ городъ Феры въ Ѳессаліи и здѣсь скончался. Восточная церковь причислила его къ лику святыхъ и *память его празднуетъ 20 іюня.*

Литература. *J. Cantacuzenus*, Historia III, Bonnae 1832; *Nicephorus Gregoras*, Byzantina historia II, Bonnae 1830; Житіе иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита: по рукописи (*греческой*) Московской Синодальной библіотеки издалъ проф. *И. В. Помяловскій*, Спб. 1894; *Житіе* иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита: съ греческаго (по изданному проф. *И. В. Помяловскимъ* списку XVI вѣка) перевелъ, предисловіемъ и примѣчаніями снабдилъ проф. *И. И. Соколовъ*, Москва 1904; *Miklosich* et *Müller*, Acta patriarchatus Constantinopolitani I, Vindobonae 1860; M. Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες, Κωνστ. 1890; *K. Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur, München ²1897; Καλλίνικος Δελικάνης, Πατριαρχικὰ ἔγγραφα III, Κωνστ. 1905; † епископъ *Арсеній* (Иващенко), Очеркъ жизни и дѣятельности Каллиста, патріарха константинопольскаго („Православное Обозрѣніе", 1871, I, 917 сл.); проф. А. П. *Лебедевъ*, Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви въ XII—XV в. Изд. 2, М. 1902.

2) *Каллистъ II*, извѣстный съ эпитетомъ *Ксанѳопула*, занималъ патріаршій престолъ въ 1397 году. Онъ былъ родомъ изъ Константинополя, подвизался на Аѳонѣ въ исихастиріи св. Онуфрія (въ предѣлахъ Пантократорскаго монастыря), а потомъ въ обители Ксанѳопула. Въ маѣ 1397 г. онъ былъ избранъ на патріаршій престолъ, при чемъ духовники-іеромонахи Діонисій, Макарій, Іоасафъ, Митрофанъ, Ѳеофанъ и два другіе Макарія засвидѣтельствовали, что онъ достоинъ всякаго священства. Сохранилось и его исповѣданіе вѣры, которое онъ произнесъ передъ хиротоніей. Патріаршій престолъ онъ занималъ всего три мѣсяца и сдѣлалъ, конечно, немного для церкви. Между прочимъ, извѣстны его опредѣленія объ убійцахъ, двѣ грамоты по дѣламъ о наслѣдствѣ, да священникъ Іосафъ долженъ былъ, по требованію патріарха, отречься отъ заблужденій Варлаама и Акиндина, дабы снять съ себя всякое подозрѣніе въ еретичествѣ. Еще до занятія патріаршаго престола Каллистъ II вмѣстѣ съ монахомъ Игнатіемъ Ксанѳопуломъ написали какъ бы систему аскетики, подъ заглавіемъ Μέθοδος καὶ κανὼν σὺν Θεῷ

ἀκριβής. Симеонъ Солунскій хвалилъ это сочиненіе, хотя главы его расположены безъ внутренней связи и переходы отъ одной главы къ другой не отличаются послѣдовательностью. Трудъ напечатанъ въ „Добротолюбіи“ (въ русскомъ переводѣ т. V, М. 1899), а также у Migne'я (gr. CXLVII, 636—812). Цѣнная его рукопись содержится въ Турин. 352 (XIV в.). Вѣроятно, Каллисту Ксаноопулу принадлежатъ „Главы о молитвѣ“ (Migne, gr., CXLVII, 813—817) и небольшое разсужденіе объ исихастской жизни (ibid., col. 817 - 825). Но вообще историческія свѣдѣнія о лицѣ и трудахъ Каллиста Ксаноопула очень скудны. Восточная церковь причислила его къ лику святыхъ и *память его празднуется 22 ноября.*

Литература. *Miklosich* et *Müller*, Acta patriarchatus Constantinopolitani II, Vindobonae 1862; *Каллистъ* патріархъ и сподвижникъ его *Игнатій*, Наставленіе безмолвствующимъ въ сотнѣ главъ, Москва 1890; M. Γεδεών указ. соч.; *K. Krumbacher*, указ. соч.; K. Δουκάκης, Μέγας Συναξαριστής, νοέμβριος, XI, 'Αθῆναι 1895.

И. И. Соколовъ.

Калистъ Никифоръ см. „Никифоръ Каллистъ Ксаноопулъ“.

Каллисѳенія, св. подвижница ефесская, IV столѣтія. Дочь ефесскаго епарха Адавкта, она имѣлась въ виду въ невѣсты имп. Максиміану; однако отецъ не отдалъ дочери замужъ, за что лишился имущества, сосланъ въ Мелитину и тамъ обезглавленъ. Каллисѳенія скрылась въ Никомидіи, откуда черезъ восемь лѣтъ прибыла во Ѳракію. Здѣсь она исцѣлила болѣзнь глазъ у одной молодой дѣвушки. По выходѣ послѣдней замужъ была еще разъ сдѣлана попытка выдать замужъ и Каллисѳенію, однако святая и на этотъ разъ отказалась. По смерти Максиміана (308 г.) Каллисѳенія явилась къ женѣ Ликинія, сестрѣ Константина великаго, и разсказала ей свою біографію. Получивъ обратно отнятое Максиміаномъ имущество, она привезла тѣло своего отца Адавкта изъ Месопотаміи или Мелитины въ Ефесъ и создала здѣсь церковь во имя его. Скончалась въ мирѣ ок. 313 года. *Память ея 4 октября.* (Менологъ Василіевъ; Макар. Ч. Минея; Прологъ.—*Сергій*).

Хр. Л—въ.

Калліопій, св. мученикъ помпейопольскій, IV столѣтія. Сынъ Ѳеокліи, Калліопій родился въ Пергіи памфилійской. За исповѣданіе Христа онъ былъ подвергнутъ преторомъ Максиминомъ разнообразнымъ пыткамъ и, наконецъ, распятъ въ киликійскомъ городѣ Помпейополѣ въ великую пятницу 7 апрѣля 304 года. По просьбѣ матери онъ былъ распятъ ногами вверхъ. Вскорѣ и она скончалась и положена во гробѣ рядомъ со своимъ сыномъ. *Память его 7 апрѣля.*

AA. SS. Boll. 7 апрѣля I, 660; тамъ же (p. LXXXIII) и Μαρτύριον его; Макар. Ч. Минея (при Максиміанѣ); прологъ (Ѳеоклія ошибочно названа Ѳеокліемъ).—*Сергій.*

Хр. Л—въ.

Каллія — византійская благотворительница IX вѣка, причисленная церковію къ лику святыхъ за подвиги милосердія и любви къ ближнимъ. Она въ юности любила благотворить бѣднымъ и нищимъ и охотно шла на помощь нуждающимся. Съ особою ревностью Каллія предалась дѣламъ благотворительности, когда вышла замужъ за богатаго купца, хотя мужъ ея и не раздѣлялъ воззрѣній своей жены и противодѣйствовалъ ея филантропическимъ занятіямъ. Разъ мужъ Калліи отправился по торговымъ дѣламъ за предѣлы Византіи и странствовалъ три года. Въ это время благочестивая благотворительница щедро раздавала бѣднымъ все, что имѣла, и истратила значительную часть изъ имѣнія мужа. Возвратившись домой и узнавъ, что жена израсходовала много денегъ, которыя сильно любилъ ея мужъ, послѣдній такъ разгнѣвался на Каллію, что замучилъ ее до смерти. Богъ прославилъ щедрую благотворительницу нетлѣніемъ тѣла ея, а византійскій патріархъ Антоній Кавлей (893—895 г.) построилъ женскій монастырь во имя Калліи, въ которомъ и положилъ мощи этой святой (*Du Cange*, Historia byzantina, Venetiis 1729, p. 107). Этимъ монастыремъ потомъ владѣлъ па-

тріархъ константинопольскій Косьма I—1075—1081 г. (*Anna Comnena*, Historia I. p. 149 по edit. Bonnae). О монастырѣ Калліи упоминаетъ и русскій паломникъ инокъ Зосима (1419—1422 г.), который въ своемъ „Хожденіи“ пишетъ: „хроміи и больніи гробу (бѣлицы Каліи) кланяются и исцѣляются“ („Православный Палестинскій Сборникъ“, вып. XXIV, Спб. 1892, стр. 45).

И. И. С—въ.

Калмыки—кочевой народъ, живущій главнымъ образомъ между Волгою и Дономъ въ такъ наз. Калмыцкой степи (губ. астраханской, ставропольской, въ землѣ Войска Донского, немного въ самарской губ.) и частью на Алтаѣ. Они принадлежатъ къ западной вѣтви монголовъ, имѣютъ общія происхожденіе и религію съ племенами, населяющими часть сѣверной и средней Азіи.

Извѣстный монгольскій вождь Темучинъ Чингисъ-ханъ основалъ въ средней Азіи могучее монгольское царство. Но въ половинѣ XIV-го столѣтія монгольская династія въ Китаѣ была низвержена; начались ужасныя кровопролитія и междоусобія. Среди монгольскихъ племенъ образовалось множество мелкихъ самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, владѣній. При такихъ междоусобіяхъ и раздѣленіяхъ каждому владѣнію было крайне трудно отстаивать свою самостоятельность,—и тогда для охраны собственной самостоятельности и успѣшнаго сопротивленія китайцамъ и другимъ сосѣдямъ монголы стали соединяться въ союзы. Западная вѣтвь монгольскаго народа издавна распадалась на 3 главныя племенныя группы: 1) Чжахары и халхасы, 2) Буряты, 3) Ойраты. Въ концѣ XIV ст. изъ 4-хъ ойратскихъ племенъ (ölötовъ): „чжунгаровъ“, „торгоутовъ“, „хошоутовъ“, „дербетовъ“ образовался союзъ: Дербенъ (четыре)-Ойратскій подъ предводительствомъ сначала Харахулы, а потомъ его преемника Батуръ-хунъ-тайчжи. Однако этотъ союзъ дѣйствовалъ дружно только тогда, когда надвигалась внѣшняя опасность. Внутренняя жизнь его была полна неурядицъ и кровавыхъ междоусобій. Главной причиной раздоровъ являлась власть. Каждый владѣтель (нойонъ) старался подчинить себѣ другихъ и возвеличиться. Въ началѣ XVII-го стол. эти раздоры особенно усилились. Тогда торгоутскій тайша (владѣтель) Хö-Орлюкъ (въ переводѣ „вихрь-дьяволъ“), рѣшивъ, что лучше идти въ чужую землю, брать тамъ плѣнныхъ въ добычу, чѣмъ губить людей въ племенныхъ междоусобіяхъ, отдѣлился отъ союза около 1621 г. и расположился кочевьемъ по берегамъ рѣкъ Оби, Иртыша и Тобола. (Впрочемъ, есть свидѣтельства восточныхъ историческихъ сказаній въ пользу того мнѣнія, что это разселеніе монгольскихъ племенъ произошло по сеймовому рѣшенію). На новыхъ кочевьяхъ отдѣлившихся монголовъ встрѣтили Киргизъ-Кайсаки, заклеймили ихъ именемъ „Калма, Калмакъ, Калмаклыкъ“, что значитъ на тюркскомъ нарѣчіи „отдѣлившійся, отсталый“ (отсюда „калмыкъ“) и начали ихъ всячески притѣснять. Сзади тоже самое дѣлали свои соплеменники. Хö-Орлюкъ принужденъ былъ двинуться дальше и,—узнавъ чрезъ спеціально посланныхъ развѣдчиковъ, что обширныя степи юго-восточной Россіи между рѣками Ураломъ, Волгой и Дономъ весьма удобны для кочевой жизни, сильныхъ же владѣтельныхъ князей въ тѣхъ мѣстахъ, кромѣ незначительныхъ остатковъ татаръ отъ бывшей Золотой Орды, нѣтъ,—перекочевалъ въ 1628 г. изъ Сибири къ рѣкамъ Эмбѣ и Уралу съ 6-ю сыновьями и 50,000 кибитокъ подвластныхъ ему калмыковъ. Въ 1630 г. калмыки отъ р. Эмбы и Урала перешли въ предѣлы Европейской Россіи, а въ 1632 г. Хö-Орлюкъ расположилъ свою ставку на берегу рѣки Ахтубы, главнаго рукава въ низовьяхъ Волги. Это былъ первый переходъ калмыковъ изъ Монголіи въ Россію. Такъ какъ кровавыя междоусобія въ Монголіи не прекращались, то вслѣдъ за торгоутами мало-по-малу стали переходить и другія племена. Въ 1672 г. перешла часть хошеутовъ съ Кюндэлэнъ-Убуши во главѣ и дербетовъ съ Соломъ-Цэрэнъ Тайши. Затѣмъ были переходы въ 1676 г., 1686 г., 1723 г. и др. Это—періодъ второго перехода. Наконецъ, во второй половинѣ XVIII-го стол. (1755 г., 1761 г., 1758 г.) перешли въ Россію часть джунгарскихъ племенъ съ нѣкоторыми другими. Первое время своего пребыванія

въ Россіи калмыки находились въ довольно тѣсной связи съ своею родиной. Ихъ вожди ѣздили въ Джунгарію, получали тамъ утвержденіе въ своихъ санахъ отъ Далай-Ламы. Въ сношеніяхъ съ русскими они старались вести себя болѣе или менѣе независимо. Поѣздки въ Джунгарію, постоянный притокъ новыхъ переселенцевъ весьма сильно пробуждали сознаніе національной независимости, и всякій почти разъ результатомъ этого пробужденія было нападеніе на русскіе поселки и города. Такъ, ханъ Хö-Орлюкъ, вернувшись съ сейма джунгарскихъ князей, бывшаго въ 1640 г., напалъ на Астрахань, разграбилъ и сжегъ дома жителей, осадилъ кремль, но это нападеніе было отбито русскими и самъ Хö-Öрлюкъ былъ убитъ во время бѣгства. Сынъ его Шукуръ-Дайчинъ также ѣздилъ въ Монголію и, вернувшись изъ Тибета въ 1654 г., тотчасъ напалъ на русскія земли. То же продѣлывали и другіе ханы. Конечно, русскіе не могли оставлять безъ вниманія эти дерзкія нападенія и стали принуждать калмыковъ къ покорности. Съ 1655 г. начинается цѣлый рядъ присягъ, даваемыхъ калмыцкими вождями на подданство русскому царю. Но эти присяги постоянно нарушались каждымъ вождемъ по нѣскольку разъ. Калмыки вели свою врожденную восточную политику. Произносилась клятва, призывался Божій гнѣвъ за нарушеніе, лизался ножъ и приставлялся къ горлу, давались многочисленныя обѣщанія не обижать русскихъ, помогать имъ въ войнахъ, не дружиться съ ихъ врагами,— но едва только разъѣзжались помирившіяся стороны, какъ снова начинались грабежи и нападенія. По смерти Шукуръ-Дайчина въ 1672 г. ханомъ сдѣлался его внукъ Тайша Аюка (Аю—медвѣдь), который правилъ калмыками въ продолженіе 50 слишкомъ лѣтъ. Аюка былъ уменъ, коваренъ и хитеръ. Онъ съумѣлъ легко подчинить своему вліянію другихъ калмыцкихъ нойоновъ и сдѣлался могучимъ, почти единодержавнымъ владыкою. Когда было полезно, онъ ревностно служилъ русскимъ, воюя съ живущими по окрайнамъ народами: киргизъ-кайсаками, туркменами, дагестанцами, кумыками, кабардинцами, кубанцами и др. Это былъ тогда сильный оплотъ русскихъ на ихъ пограничныхъ владѣніяхъ. Но если было полезнѣе передаться на сторону врага или не исполнить договора, Аюка не останавливался и предъ этимъ. Представлялась счастливая возможность пограбить русскія земли,—Аюка не стѣснялся прежними обѣщаніями. Такая политика при тяжеломъ положеніи русскихъ, ведущихъ постоянныя обременительныя войны, служила только къ прославленію и возвеличенію Аюки въ глазахъ собственныхъ подданныхъ и окружающихъ народовъ. Слава и могущество Аюки все росли и росли. Въ 1690 г. Далай-Лама пожаловалъ ему титулъ хана, печать и прочіе знаки ханскаго достоинства.

Все это было принято Аюкой безъ всякаго не только разрѣшенія, но даже и увѣдомленія русскаго царя.

Русскіе принуждены были такъ или иначе считаться со столь могучимъ ханомъ и имѣть съ нимъ оффиціальныя сношенія, какъ съ настоящимъ самостоятельнымъ владѣльцемъ. Къ нему отправляются посольства, съ нимъ заключаются договоры. Аюка, по прежнему, иногда помогаетъ русскимъ, иногда грабитъ и поступаетъ вопреки ихъ интересамъ. Съ астраханскими воеводами Аюка ведетъ себя крайне надменно. Бумаги его носятъ форму указа. Аюка умеръ въ 1724 г. Конечно, въ будущемъ преемникѣ русскіе совсѣмъ не желали имѣть такого же могучаго хана, какимъ былъ Аюка. Поэтому съ 1725 г. начинается періодъ постепеннаго ограниченія русскими власти калмыцкихъ хановъ.

По смерти Аюки астраханскій губернаторъ получилъ отъ Петра I инструкцію принять участіе въ выборахъ новаго хана и „стараться, чтобы владѣльцы не выбирали сами изъ себя хана, а просили бы объ этомъ Его Императорское Величество“. Вполнѣ, однако, эту инструкцію осуществить не удалось.

Вмѣшательство астраханскаго губернатора Волынскаго со своимъ кандидатомъ чуть не вызвало среди калмыковъ похода противъ русскихъ. Намѣстникомъ ханства былъ провозглашенъ совершенно неспособный къ управленію Цэрэнъ-Дондукъ, хотя былъ другой, сильно домогавшійся власти, энергичный кандидатъ, любимецъ Аюки,—Дондукъ-Омба. Здѣсь же была дана по всѣмъ правиламъ калмыцкаго вѣроученія присяга

на подданство русскимъ. Такъ какъ нападенія и грабежи со стороны калмыковъ не прекращались и послѣ, то русскіе по берегу Волги стали заводить постоянныя воинскія дружины. Калмыки на это отвѣтили сношеніями съ Джунгаріею и не прочь были воевать съ русскими. Китай отправилъ въ 1730 г. къ Дундукъ-Цэрэну посольство, жалуя ему ханскій титулъ. Тогда русскіе, предупредивъ Китай, сами пожаловали Дондукъ-Цэрэну ханскій титулъ. Но это повлекло за собою раздоры въ калмыцкихъ степяхъ. Ханъ сталъ требовать себѣ подчиненія и почета отъ своихъ нойоновъ. Тѣ возстали. Русскіе стали защищать хана.

Этой враждой воспользовался прежній соперникъ Дондукъ-Омба и съ 28.000 кибитокъ ушелъ въ турецкое подданство. Въ 1735 г. онъ согласился вернуться, далъ присягу и былъ объявленъ главнымъ правителемъ народа, а Дондукъ-Цэрэнъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ онъ спился и вскорѣ умеръ.

Въ 1737 г. Дондукъ-Омба получилъ ханскій титулъ. Преемникомъ его съ 1741 — 1761 г. былъ назначенный русскими Дондукъ-Даши, а затѣмъ Убаши.

Ханская власть всегда среди вліятельныхъ нойоновъ служила предметомъ вражды и междоусобій. Русскіе, чтобы нѣсколько смягчить борьбу за эту власть, рѣшили ограничить ее уничтоженіемъ ханскаго суда. „Зарго“ (судъ) долженъ былъ составляться изъ правителей не только ханскаго, но и всѣхъ другихъ улусовъ и называться онъ сталъ „народнымъ“. Также русскіе намѣревались ограничить и еще нѣкоторыя права хана. Это повлекло за собой всевозможныя интриги среди вліятельныхъ лицъ. Убаши былъ сманенъ къ побѣгу изъ Россіи. Въ январѣ 1771 г. бо́льшая часть калмыковъ откочевала за Уралъ къ границамъ Китая. Въ Россіи осталось около 13.000 кибитокъ, кочевавшихъ по правой сторонѣ Волги и частію не желавшихъ, благодаря интригамъ нойоновъ, частію не успѣвшихъ присоединиться къ бѣжавшимъ. Измѣна Убаши повлекла за собою уничтоженіе калмыцкаго ханства. Каждый владѣлецъ былъ поставленъ въ независимость отъ другого. Если доселѣ калмыки были скорѣе союзниками русскихъ, чѣмъ ихъ подданными, то теперь съ 1771 г. начинается періодъ полнаго подчиненія калмыковъ распоряженіямъ правительства, что̀ и заканчивается подведеніемъ ихъ подъ общую норму со всѣми русскими подданными.

Въ 1771 г. при астраханской губернской канцеляріи была открыта „Экспедиція калмыцкихъ дѣлъ“, гдѣ сосредоточились главное управленіе и надзоръ за калмыками. Сюда же былъ перенесенъ и главный судъ (зарго).

При Павлѣ I нойону Чучею Тундутову, хотя и было пожаловано званіе намѣстника ханства, но это уже былъ послѣдній нойонъ, обладающій такимъ высокимъ титуломъ. Въ 1803 г. Чучей умеръ, и послѣ него во главу управленія калмыками никто изъ нойоновъ поставленъ не былъ.

Въ 1822 г. были утверждены такъ наз. „Зинзилинскія постановленія“, представляющія собою бытовое калмыцкое право, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями. Русское правительство, такимъ образомъ, хотя и стало управлять калмыками по ихъ же законамъ, но уже теперь все высшее правленіе сосредоточивалось въ его рукахъ. Нойонамъ было представлено участіе во внутреннемъ управленіи улусами,—калмыки простолюдины находились у нихъ въ крѣпостной зависимости. Это управленіе нойонамъ приходилось дѣлить съ назначаемыми правительствомъ улусными попечителями, которые завѣдывали слѣдственно-полицейскою частью и были членами улускаго зарго (суда). Тѣ улусы, въ которыхъ прекращался родъ наслѣдственныхъ нойоновъ, переходили въ казну и въ нихъ назначались правительственные попечители. Въ 1891 г. Министръ Государственныхъ Имуществъ, въ главномъ вѣдѣніи котораго находились калмыки, лично посѣтилъ степь; результатомъ его Всеподданнѣйшаго доклада были освобожденіе калмыковъ отъ крѣпостной зависимости нойонамъ и стремленіе русскаго правительства подвести управленіе калмыками подъ общее положеніе сельскихъ обывателей Россіи.

Въ настоящее время калмыцкая степь астраханской губ. раздѣляется на 8 административныхъ участковъ или улусовъ. Управленіе калмыками, ввѣренное астраханскому губернатору, въ лицѣ котораго соединены также и обязанности главнаго попечителя калмыцкаго народа, состоитъ

изъ 1) „управленія калмыцкимъ народомъ“, 2) „улусныхъ управленій“. „Управленіе калмыцкимъ народомъ“ хотя и является особымъ учрежденіемъ, но въ сущности представляетъ канцелярію губернатора по калмыцкимъ дѣламъ. „Улусныя управленія“ состоятъ изъ попечителя или завѣдующаго и ихъ помощниковъ.

Попечитель улуса совмѣщаетъ въ себѣ обязанности хозяйственныя, административныя, полицейскія, слѣдственныя и судебныя.

Такимъ образомъ, высшею степенью общественной организаціи въ степи является, какъ и прежде, „улусъ“, бывшее владѣніе одного нойона. Слѣдующею степенью является „аймакъ“, группа людей, подчиненныхъ раньше одному „зайсангу“ (подобіе помѣщика). Теперь представителемъ аймака является аймачный или—вѣрнѣе—родовой старшина. Наконецъ, 3-ю низшую общественную единицу представляетъ „хотонъ“ (не менѣе 15 кибитокъ) съ хотоннымъ старостой.

Въ судебномъ отношеніи Калмыцкая степь имѣетъ 3 инстанціи: 1) улусное „зарго“, 2) астраханскій окружной судъ и 3) управленіе калмыцкимъ народомъ, исполняющее обязанности второй инстанціи по нѣкоторымъ дѣламъ улусныхъ зарго.

Для образованія калмыковъ въ астраханской губ. имѣются: астраханское калмыцкое училище, 6 улусныхъ школъ и 7 школъ грамоты.

Калмыкъ—средняго роста, коренастаго сложенія, имѣетъ относительно большую, широкую голову, съ плоскимъ, скуластымъ лицомъ, черные прямые волосы, жидкую поздно выростающую бородку, узковатые глаза, приплюснутый носъ, смуглый, желтовато-красноватый цвѣтъ кожи.

Астраханскихъ калмыковъ въ настоящее время насчитываютъ болѣе 130 тысячъ душъ обоего пола. (По отчету 1905 г., нойоновъ 18+18 обоего пола; зайсанговъ бывшихъ аймачныхъ 574+531; безаймачныхъ 888++783; духовенства 912; простолюдиновъ 68.693+63.115; а всего 71.085++64.447 обоего пола). Небольшая часть ихъ кочуетъ въ луговой сторонѣ Волги, пользуясь землею въ количествѣ 800.000 десятинъ. Большинство же кочуетъ въ нагорной сторонѣ, занимая своими кочевьями болѣе 7.000.000 дес. Администрація различаетъ калмыковъ по улусамъ: Хошоутовскій или Александровскій, Мало-Дербетовскій, Багацохуровскій, Харахусовскій (Эрдэніевскій), Яндыко - Икицохуровскій, Эркэтеневскій и Мочажный.

По языку, обычаямъ, одеждѣ можно отмѣтить древнее племенное дѣленіе, хотя—надо замѣтить,—весьма сглаженное временемъ и русскимъ вліяніемъ. Наконецъ, по физическому строенію, условіямъ жизни и занятіямъ калмыковъ можно дѣлить на 3 типа: степныхъ, приморскихъ (черневые) и нагорныхъ (эргэнскіе). Большинство калмыковъ живутъ степной жизнію и занимаются въ обширныхъ размѣрахъ скотоводствомъ, держа скотъ весь годъ на подножномъ корму. Только за послѣдніе годы, потерявъ отъ холодныхъ зимъ и гололедицы много скота, калмыки стали запасать сѣно, но большая часть этихъ запасовъ за безцѣнокъ переходитъ въ руки русскихъ скупщиковъ. Послѣ уборки въ русскіе поселки изъ калмыцкихъ урочищъ тянутся день и ночь нескончаемые обозы съ громадными возами скошеннаго сѣна,—и калмыцкій скотъ въ большинствѣ случаевъ получаетъ еще худшій кормъ, чѣмъ раньше.

Въ приморскихъ областяхъ калмыки занимаются рыболовствомъ. Русское правительство всячески старалось пріучить калмыковъ къ земледѣлію и осѣдлой жизни, оказывало громадную поддержку каждой семьѣ, переходящей къ осѣдлой жизни, строило дома, обзаводило хозяйствомъ, но эти старанія не оправдались успѣхомъ. Земледѣліе привилось только въ ставропольской губ., гдѣ калмыки замѣтно подпали русскому вліянію. Калмыку трудно разстаться съ привольемъ степной, безпечной и лѣнивой жизни. Онъ предпочитаетъ деревянному вмѣстительному дому свою тѣсную кибитку. Это—сдѣланный изъ 6—8 деревянныхъ рѣшетокъ, обтянутый войлоками, цилиндръ въ сажень вышины и 3 саж. въ діаметрѣ. Крыша цилиндра представляетъ собой утвержденный на 40—80 (по большей части 72) длинныхъ жердяхъ, также обтянутый кошмами, усѣченный или вѣрнѣе закругленный, конусъ. Съ одной стороны—дверь кибитки, иногда рѣзная и расписанная красками,—вотъ и весь домъ калмыка. Въ полчаса такой домъ можно собрать и снова поставить. Въ центрѣ ки-

битки очагъ, противъ дверей нѣсколько направо кровать съ подушками, въ видѣ цилиндровъ, украшенными по концамъ нашивками. Влѣво отъ кровати ящикъ съ бурханами (изображеніями калмыцкихъ божествъ). Тутъ же на столикѣ всевозможныя жертвоприношенія: горитъ масло въ металлическихъ чашечкахъ, лежатъ зерно, сушки, вода и проч. Нѣсколько сундуковъ съ одеждой и пр. вещами, принадлежности домашняго хозяйства дополняютъ убранство кибитки. За послѣднія 30, 40 лѣтъ калмыки на мѣстахъ зимнихъ кочевокъ стали мало-по-малу строить зимники изъ глины. Появляются и деревянные домики у зажиточныхъ и особенно въ хурулахъ.

Въ 1906 г. построенная высшая калмыцкая ламайская школа невдалекѣ отъ урочища Амта-Бургуста представляетъ уже исключительно рядъ деревянныхъ строеній.

Одежду калмыковъ составляютъ: рубаха (килйк) изъ холста, похожая на ночную кофту съ большимъ воротомъ и длинными рукавами, широкіе штаны (шалбу́р) лѣтніе—изъ холста и синей нанки, зимніе—изъ овчины, шерстью внутрь, „камзо́лъ"—видъ жилета, иногда съ манчестеровымъ (бархатнымъ), расшитымъ золотымъ и серебрянымъ позументомъ, передомъ; „бишми́тъ"—родъ казакина кавказскихъ горцевъ съ широко вырѣзанной грудью, часто также расшитый позументомъ; казакинъ подтягивается кожанымъ поясомъ съ металлическими украшеніями; съ боку привѣшенъ ножъ; халатъ („лабшик")—широкая и длинная одежда безъ таліи, больше употребляемая стариками. Зимой носятся шубы. На головѣ фуражки, киргизскія шапки. Въ женскомъ костюмѣ сверхъ рубашки имѣется: „терлик"—родъ наглухо зашитаго полукафтанья, „цэгдыкъ"—родъ длинной безрукавки, иногда „лабшик" или „бэрзэ"—родъ халата изъ цвѣтной матеріи. На головѣ шапки различныхъ видовъ, иногда очень красивыя и дорогія. Большая часть одеждъ и украшеній къ нимъ шьется калмыцкими женщинами. Дѣтишки лѣтъ до 6—8 бѣгаютъ почти нагія.

Главною пищей калмыковъ является кирпичный чай, сваренный на водѣ съ молокомъ, солью и масломъ. Лучшимъ лакомствомъ къ нему служатъ сухіе крендели (сушки), покупаемые у русскихъ торговцевъ, иногда же испеченная просто въ золѣ или между двумя сковородами прѣсная ржаная лепешка; затѣмъ молочные продукты въ ихъ разнообразныхъ видахъ: масло, кумысъ, родъ сыра изъ выжимковъ послѣ гонки арьки, кислое коровье, овечье и верблюжье молоко. „Будан"—мучная болтушка съ молокомъ, масломъ и солью, а при бѣдности на одной водѣ. Рыбой питаются въ приморскихъ областяхъ и возлѣ большихъ рыбныхъ озеръ. Мясо употребляется очень рѣдко. Съѣдается всякая дохлая скотина. Въ свѣжемъ видѣ мясо употребляется только богатыми, да на большихъ праздникахъ. Особенно калмыки пристрастны къ молочной водкѣ „арьки", приготовляемой самымъ примитивнымъ способомъ въ двухъ соединенныхъ глиняной трубкой и наглухо замазанныхъ котлахъ. Одинъ котелъ съ налитымъ въ него молокомъ подогрѣвается, а другой служитъ холодильникомъ. Этою „арьки" спиваются чуть не 9/10 всѣхъ калмыковъ.

Преобладающимъ матеріаломъ отопленія служитъ „аргасун" — скотскій пометъ; при недостаткѣ его—бурьянъ, степная колючка, рѣдко камышъ.

Жизнь калмыцкой семьи довольно однообразна. Вставши до восхода солнца, женщины доятъ скотъ, отпускаютъ его пастись и начинаютъ готовить завтракъ, обычно—чай. Къ этому времени встаютъ мужчины. Первая чашка ставится бурханамъ, затѣмъ пьетъ хозяинъ и слѣдующіе за нимъ по старшинству. Дѣтямъ даются остатки и доля бурхановъ. Послѣ завтрака мужчины отправляются по дѣлу: очищать худуки (колодцы), копать новые, иногда куда-нибудь на сторону верхомъ, а чаще сидятъ дома и курятъ трубки. Женщины собираютъ свѣжій, около кибитки находящійся, аргасунъ, бьютъ масло, арьку, приготовляютъ одежду, прядутъ шерсть, плетутъ веревки, готовятъ обѣдъ. Послѣ обѣда мужчины спятъ, а затѣмъ сгоняютъ скотъ на вечерній водопой. Женщины собираютъ по степи сухой аргасунъ и доятъ пригнанный на ночлегъ скотъ. Послѣ ужина въ хотонѣ наступаетъ мертвая тишина, прерываемая изрѣдка лаемъ чѣмъ-нибудь встревоженныхъ собакъ. Нѣсколько оживляется жизнь, когда наступаетъ время перекочевки, но и это оживленіе кратковременно: два или три дня не болѣе. Въ промежуткахъ между кочевками монотонная

жизнь хотона нарушается семейными празднествами по случаю свадебъ, родинъ, пріѣзда гостей, гдѣ въ празднествѣ одной кибитки принимаетъ участіе весь хотонъ.

Въ устройствѣ брака все дѣлаютъ родители брачущихся, сами же брачущіеся играютъ пассивную роль (кромѣ случая воровства невѣсты). Сватовство тянется очень долго. Оно начинается послѣ того, когда зурхачи (гелюнгъ-астрологъ), посмотрѣвъ въ свои книги, скажетъ, что бракъ между двумя предназначенными лицами возможенъ. Трижды посылаются сваты въ домъ избранной дѣвушки, принимаются во вниманіе всевозможныя примѣты, и когда родители дѣвушки примутъ всѣ привезенныя сватами угощенія, то это служитъ знакомъ окончанія сватовства. Затѣмъ опять спрашиваютъ зурхачи о времени брачной церемоніи. Въ назначенный день отправляется къ невѣстѣ кортежъ жениха съ богатыми подарками и угощеніемъ. Въ эту поѣздку заключается окончательное условіе. Время проводится въ пирушкѣ съ танцами и пѣснями, иногда 2 и 3 ночи сряду. Послѣ 6-й поѣздки и пирушки невѣсту везутъ съ разными церемоніями въ кибитку родителей жениха. Здѣсь до начала пирушки совершается много различныхъ обрядовъ, молитвословій. По окончаніи угощенія невѣста изъ кибитки родителей жениха идетъ въ кибитки старшихъ родственниковъ и потомъ въ кибитку своего мужа. Зурхачи совершаетъ молитвословія; женщины, оставшись однѣ, зачесываютъ молодой волосы въ 2 косы и навѣшиваютъ „шибирликъ“ (чехлы на косы). Послѣ этого входятъ мужчины, одинъ изъ нихъ беретъ голову отъ свадебнаго жертвеннаго животнаго и выбрасываетъ черезъ верхъ (харчи) кибитки. Потомъ гости удаляются, молодые остаются одни и начинаютъ жить новымъ домомъ. Въ каждомъ племени брачныя церемоніи имѣютъ свои различныя особенности. Хотя разводы у калмыковъ сравнительно легки, но они бываютъ не часто, двоеженство (2 жены сразу) рѣдко.

Рожденіе дѣтей—особенно мальчика—составляетъ также праздничное событіе въ семьѣ. Это рожденіе сопровождается различными обрядами съ участіемъ зурхачи и пирушкой. Имена калмыки даютъ рѣдко національно-религіознаго происхожденія (первому сыну); чаще дѣти называются по имени рѣкъ, озеръ, урочищъ, гдѣ они родились, или по имени перваго попавшагося на глаза предмета. Иногда даются имена животныхъ и бранныя, чтобы этимъ ввести въ заблужденіе злыхъ духовъ, дѣйствію которыхъ приписывается смертность дѣтей.

Любимымъ времяпрепровожденіемъ калмыковъ также являются шахматныя и азартныя карточныя игры.

При такихъ важныхъ событіяхъ, какъ день рожденія нойона или его сына, устраиваются скачки, борьба; выраженіе восторга побѣдителю на этихъ играхъ превращается въ какое-то подобіе дикаго рева.

Калмыки очень привѣтливы и гостепріимны. Ихъ кибитка открыта всякому, — и рѣдкій, войдя въ нее, уходитъ безъ угощенія: трубки или чего-нибудь съѣстного.

Лѣченіе при заболѣваніяхъ производятъ правительствомъ учрежденные, но въ крайне ограниченномъ количествѣ, врачи и фельдшера, чаще собственные „эмчи“ (калмыцкіе врачи), знахари, гелюнги при помощи спеціальныхъ молитвъ, иногда татарскіе знахари. Лѣченіе это грубо и сопровождается безчисленными обрядами.

Смерть въ семьѣ калмыка производитъ потрясающее впечатлѣніе. Мертвецовъ калмыки очень боятся. Они думаютъ, что мертвый все видитъ и слышитъ и можетъ навредить. Раньше калмыки просто бросали трупъ умершаго въ степи и сами немедленно перекочевывали подальше отъ этого мѣста. Теперь русское правительство всячески заботится о томъ, чтобы покойниковъ зарывали. Знатныхъ лицъ сожигаютъ. Омытаго и особо одѣтаго покойника несутъ посаженнаго на скамью, какъ бурхана, на мѣсто сожженія въ сопровожденіи духовенства и хурульной музыки. При пѣніи опредѣленныхъ молитвъ происходитъ процессъ сожженія. Пережженныя кости толкутъ, хранятъ, какъ святыню, и въ минимальныхъ частяхъ даютъ ѣсть больнымъ.

Вѣроученіе калмыковъ—ламаизмъ съ примѣсью шаманства и нѣкоторыхъ національныхъ отличій. По этому воззрѣнію, теперешняя вселенная, — какъ говоритъ книга „Йэртӱнцӱин толи“,—произошла изъ пустоты. Опредѣленіемъ судьбы всѣхъ живыхъ существъ изъ пустоты (хосун) образовалась сначала воздушная сфера. Затѣмъ послѣ

обильнаго дождя образовался громадный океанъ, изъ котораго вышла гора Сумэру (центръ міра, съ семью горами вокругъ, окруженными желѣзною рѣшеткой) и всѣ материки (тиб). Гора Сумэру имѣетъ видъ усѣченной пирамиды. Съ каждой стороны ея расположено по одному материку съ двумя малыми къ нимъ прилегающими. Нашъ материкъ называется Замбутибомъ, имѣетъ 16 большихъ государствъ съ центральнымъ индійскимъ и 1.000 малыхъ, 360 племенъ, говорящихъ на 720 языкахъ. Описаніе Замбутиба сводится на искалѣченное до неузнаваемости описаніе Индіи. На вершинѣ Сумэру находится 21 небо, гдѣ живуть добрые духи „тенгріи“ и ихъ владыка „Хормуста“. У подошвы живутъ „ассуры“—злые духи, находящіеся въ постоянной враждѣ съ „тенгріями“. На Замбутибѣ живуть люди и животныя. Подземный міръ наполняютъ 7 горячихъ и 7 холодныхъ адовъ и царство „биритовъ“—особенно тяжко мучащихся существъ. Въ основѣ ламайскаго вѣроученія лежитъ (буддійская) мысль о невѣчности и неустойчивости всего существующаго. Существа и міры находятся въ постоянномъ круговращеніи, то разрушаясь, то снова возобновляясь. Полный міровой періодъ называется „великою калпой“. Каждая „великая калпа“ распадается на четыре малыхъ. Первая калпа—калпа разрушенія, вторая—пустоты, третья—зарожденія и обновленія жизни, четвертая—полноты жизни и проповѣди совершеннаго закона. Сверхъ того, каждая малая калпа подраздѣляется еще на 20 промежуточныхъ. Прежде люди жили безконечно и получали готовымъ все, что хотѣли, съ дерева „Калабарасъ“, питались земляными плодами „салу“. Они имѣли красивое лицо, свѣтлое тѣло, не нуждались въ солнцѣ и лунѣ. Но вотъ явилась на землѣ другая пища, „газаріин шимэ“. Одинъ человѣкъ попробовалъ ее самъ и научилъ ѣсть другихъ. Тогда жизнь стала измѣняться и ухудшаться. Тѣло потеряло свѣтъ, жизни былъ положенъ періодъ въ 80.000 лѣтъ, каковой, постепенно уменьшаясь, долженъ дойти до 10-лѣтняго возраста. Изъ земли стали появляться другіе худшіе виды пищи, явилось различіе половъ, возникли скупость, воровство и др. пороки. Чтобы прекратить неурядицы, былъ выбранъ царь. Отсюда явилось различеніе знатныхъ, господъ и рабовъ. Люди навыкли 10 чернымъ грѣхамъ (ложь, злословіе, брань, пустословіе, жадность, зложеланіе, отрицаніе религіи, лишеніе жизни, воровство, сладострастіе). Съ уменьшеніемъ возраста людей все болѣе будутъ увеличиваться пороки и страданія. 10 бѣлыхъ добродѣтелей (не убивать, не воровать, не прелюбодѣйствовать, не жадничать, не зложелать, не порицать религіи, не лгать, не злословить, не браниться, не пустословить) совершенно забудутся. Наконецъ, наступитъ время величайшаго страданія („калпа“ истощенія). Безчисленное множество существъ умретъ. Только нѣкоторые добродѣтельные люди спасутся въ разсѣлинахъ горъ. Къ нимъ явится „хубилганъ“ Майдари, научитъ ихъ истинной жизни,—и тогда снова начнутся улучшеніе жизни и увеличеніе возраста людей. Калмыки признаютъ существованіе многочисленнаго сонма боговъ. Это—Сакджи-Муни съ прочими буддами: настоящими, прошедшими и будущими и ихъ послѣдователи, достигшіе силою своей святости обожествленія. Боги (бурханы) могутъ принимать разныя формы не только людей, но даже и животныхъ. Воплощенія бурхановъ называются „хубилганами“, и ихъ—безчисленное множество. Изображенія этихъ бурхановъ („шутэн“) глубоко почитаются и неизмѣнно находятся въ каждой кибиткѣ. Шакджи-Муни—главный бурханъ нашей эры; до него и послѣ него было и будутъ безчисленное множество другихъ главныхъ бурхановъ. Въ награду за „бѣлыя дѣла“ люди возрождаются въ раю. Рай находится выше земли, владыка его Абидва, „хубилганъ“ Шакджи-Муни. По смерти душа добродѣтельнаго человѣка находитъ себя спящею на лотосовомъ цвѣткѣ. Этотъ цвѣтокъ закрывается, и когда откроется, то душа оказывается перенесенною въ рай. Если она не совсѣмъ очищена, то цвѣтокъ остается въ продолженіе долгаго времени закрытымъ, что служитъ какъ-бы наказаніемъ и очищеніемъ. Изъ рая, послѣ окончательнаго усовершенствованія въ буддійской святости, душа погружается въ „нирвану“, дѣлается нечувствительной ни къ чему. За добро въ земной жизни душа получаетъ хорошее перерожденіе, возраждаясь человѣкомъ, царемъ, „тенгріемъ“, божкомъ; за зло получаетъ

дурное перерожденіе, возраждаясь животнымъ (вслѣдствіе чего нельзя убивать животныхъ), или, попадая въ адъ, терпитъ тамъ ужасныя мученія, или возрождается „биритомъ“. Возрожденіе человѣкомъ признается очень цѣннымъ, такъ какъ оно (благодаря сознательности индивидуума) даетъ возможность достигнуть не только высшихъ перерожденій, но и даже нирваны. Впрочемъ, надо замѣтить, стремленія калмыковъ-ламаитовъ дальше какого-нибудь хорошаго перерожденія простираются рѣдко, а о конечной нирванѣ они врядъ ли когда и думаютъ. О какихъ-нибудь высшихъ подвигахъ, — напр., созерцаніяхъ, ведущихъ черезъ заглушеніе чувствъ почти прямо въ нирвану, —въ калмыцкой степи почти совершенно утратилось и понятіе. Самое высшее проявленіе благочестія заключается въ возможно сострадательной жизни, въ неупотребленіи въ пищу чего-либо обладающаго жизнію, въ частомъ перебираніи четокъ съ молитвой „Ôм маній падъ мэ́ хум“, повертываніи кӱрдэ (вращающійся цилиндръ, наполненный молитвенными листами). Наряду съ этимъ существуетъ не мало шаманскихъ понятій: поклоненіе огню, солнцу, вѣра въ духовъ; проникаютъ незамѣтно христіанскія преданія. Все это соединяется настолько въ безпорядочную смѣсь, что калмыку трудно дать отчеть въ своихъ вѣрованіяхъ, и онъ обычно довольствуется доставшимися ему отъ прадѣдовъ обрывками религіозныхъ знаній. Вообще, въ религіозномъ отношеніи калмыки являются крайне заброшеннымъ народомъ. Духовенство ламайское о развитіи и уясненіи религіозныхъ знаній въ своемъ народѣ заботится очень мало. Калмыкъ живетъ естественнымъ каждой душѣ религіознымъ чувствомъ, наслѣдственною обрядностію и обрывками суевѣрій.

Во главѣ калмыцкаго духовенства стоитъ лама, избираемый пожизненно и имѣющій казенный окладъ содержанія. Духовенство безбрачно, живетъ монистырями („хурулами“). Старшій въ хурулѣ называется „бакшей“, остальные раздѣляются на „гэлюновъ“, „гэцулей“, „манджиковъ“. Мѣстомъ ежедневныхъ богослуженій (утромъ, въ полдень и вечеромъ) является кибитка или деревянное продолговатое зданіе, иногда выстроенное съ претензіей на подобіе индійской пагоды. Каждое богослуженіе начинается съ питья чая, кумыса, или ѣды мяса. Затѣмъ слѣдуетъ сопровождаемое различными обрядами чтеніе вполголоса тибетскихъ молитвословій, иногда переходящее въ громкое пѣніе. Всѣ участники богослуженія сидятъ внутри кибитки по краямъ. Народъ во внутренность молитвенной кибитки не допускается. Подходя къ ней, онъ трижды падаетъ ницъ, прикладывается къ косяку дверей, получаетъ въ руку немного „аршана“ (освященной воды). Затѣмъ обходитъ кибитку нѣсколько разъ кругомъ съ четками въ рукахъ. Этимъ и заканчивается все его пребываніе за богослуженіемъ. Кромѣ ежедневной службы, калмыки имѣютъ 4 годовыхъ праздника и отличаютъ богослуженіемъ 15-е и 30-е числа каждаго мѣсяца, какъ дни постовъ. Праздничныя годовыя моленія совершаются на открытомъ воздухѣ въ присутствіи многочисленнаго собранія народа.

Калмыцкіе „хурулы“ являются въ то же время школами, гдѣ поступающіе въ „хурулъ“ получаютъ религіозное образованіе. Сущность этого образованія сводится къ тому, чтобы изучить отправленія различныхъ богослужебныхъ обязанностей, т. е. обрядовую сторону, научить тибетскому языку, на которомъ совершается ламайское богослуженіе. Это наученіе совершается чисто примитивнымъ способомъ, путемъ механическаго заучиванія наизусть тибетскихъ словъ. Затѣмъ, смотря по индивидуальнымъ наклонностямъ, каждый можетъ избрать себѣ какую-нибудь спеціальную область изученія, чтобы сдѣлаться, напр., „зурхачи“ (астрологомъ), „эмчи“ (медикомъ) и пр. Калмыцкое духовенство мало образовано, фанатично, не отличается нравственнымъ поведеніемъ. За послѣднее время Далай-Лама принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ поднятію религіозно-нравственнаго развитія среди калмыцкаго духовенства. По его порученію въ 1906 году выстроена особая (высшая) школа, гдѣ ведется пріѣхавшими изъ Забайкалья учителями систематическое преподаваніе.

При успѣшномъ ходѣ дѣла эта школа, чрезъ нѣсколько лѣтъ выпустивши поколѣніе спеціально воспитаннаго духовенства, создастъ безусловно могучій оплотъ ламаизма. Частію подъ вліяніемъ религіознаго энтузіазма, связаннаго съ громкимъ дѣломъ постройки кал-

мыцкаго „чира“ (школы), частію подъ вліяніемъ начавшейся повсюду широкой вѣротерпимости, въ членахъ калмыцкаго духовенства проявилось стремленіе къ религіозной дѣятельности. Такъ, они издали печатно на калмыцкомъ языкѣ брошюрку нравственнаго содержанія, чему раньше, кажется, не было примѣровъ. Нѣкоторые „бакши“ теперь пріѣзжають въ Петербургъ и хлопочуть о разрѣшеніи построить новые „хурулы“ (раньше штатъ ихъ былъ ограниченъ правительствомъ).

Единичные случаи обращенія калмыковъ въ христіанство стали замѣчаться еще въ 70-хъ годахъ XVII стол. Изъ шеретныхъ записей 1673 г., 1677 г. видно, что русское правительство стремится оградить крещеныхъ калмыковъ отъ притѣсненій ихъ соплеменниками. Въ 1700 году крещеные калмыки образовали уже цѣлый поселокъ на р. Терешкѣ, гдѣ существовала и церковь.

Этотъ поселокъ съ церковію были разрушены впослѣдствіи Аюкою. Тогда правительство стало отсылать крещеныхъ въ Чугуевъ и къ Кіеву.

Въ 1723 г. Св. Сѵнодъ занимается вопросомъ „о прінсканіи такихъ учителей, которые могли бы калмыцкаго народа людей къ благочестію приводить“. Были получены свѣдѣнія, что желаютъ креститься до 127 кибитокъ вмѣстѣ съ внукомъ Аюки. Въ 1724 г. 15 ноября этотъ внукъ Аюки Баксадай Дорджи,—не столько, впрочемъ, по внутреннему влеченію, сколько по политическимъ разсчетамъ,—принялъ св. крещеніе въ Петербургѣ и былъ названъ Петромъ Тайшинымъ. Обласканный и щедро награжденный, онъ поѣхалъ обратно въ степь. Въ 1726 году была освѣщена и отправлена къ нему походная церковь. Настоятелемъ и миссіонеромъ былъ назначенъ іеромонахъ Никодимъ Ленкевичъ, при немъ: 2 дьячка, пономарь и 5 школьниковъ въ миссіонерскихъ цѣляхъ. Въ данной по этому поводу инструкціи, между прочимъ, говорилось, чтобы не налагать на калмыковъ постовъ съ различеніемъ брашенъ, но учить всегдашнему воздержанію, собирать вѣрному человѣку подаяніе въ церкви и раздавать собранное неимущимъ и т. п.

Петръ Тайшинъ не былъ ревностнымъ христіаниномъ и не содѣйствовалъ христіанской проповѣди. Но все-таки въ 1729 г. о. Никодимъ Ленкевичъ доносилъ, что приняли св. крещеніе 220 человѣкъ и среди нихъ одинъ ученый „гелюнгъ“, просилъ надѣлить крещеныхъ землей, деньгами и охранять отъ злобы некрещеныхъ. Въ 1732 г. въ Астрахани при Ивановскомъ монастырѣ была устроена школа для обученія калмыцкихъ дѣтей. Вскорѣ въ Петербургѣ было получено письмо жены Петра Тайшина о желаніи принять ею крещеніе. По смерти Тайшина въ 1736 г., по ходатайству его жены Анны, ей и крещенымъ калмыкамъ была отведена крѣпостца Ставрополь на Волгѣ. Сюда же въ санѣ архимандрита былъ переведенъ Никодимъ, а на его мѣсто сначала назначенъ архимандритъ Меѳодій, а потомъ прот. Чубовскій. Обращеніе калмыковъ въ христіанство было непрочно. Они часто снова возвращались къ своей вѣрѣ и не оставляли прежнихъ обычаевъ. Часто также принимали христіанство ради того, чтобы избавиться отъ власти нойона. Въ 1740 г. въ Ставрополѣ открыта калмыцкая школа и начата переводческая дѣятельность, но мало успѣшно. При Елизаветѣ Петровнѣ приняла крещеніе вдова хана Дондука Омбо съ дѣтьми. Въ 1764 г. была учреждена спеціальная должность проповѣдника среди калмыковъ, уничтоженная въ 1800 г.

Послѣ бѣгства большей части калмыковъ въ предѣлы Китая распространеніе христіанства среди оставшихся пошло еще хуже. Калмыки были отданы въ крѣпостную зависимость своимъ нойонамъ и эти крѣпко держали ихъ въ узахъ ламаизма.

Съ 1800—1825 г. почти никакой православно-миссіонерской дѣятельности,—кромѣ порученія правительствомъ учителю Максимову составить переводы начальныхъ основаній православной вѣры, — не было. За это время пробовало развить среди калмыковъ миссіонерство извѣстное „Британское Библейское Общество“. Явился переводъ Евангелія на книжный калмыцкій языкъ Шмидта, были посланы миссіонеры въ степь, но вскорѣ,—благодаря частію русскому правительству, частію калмыкамъ,—все это дѣло рухнуло.

Съ 1825—1850 гг. принимались болѣе внѣшнія мѣры для успѣха православной миссіи: отводъ земли, денежная помощь, сокращеніе „хуруловъ“.

Въ 1853 г. для нуждъ администраціи улусовъ и крещеныхъ калмыковъ, разбросанныхъ въ разныхъ концахъ обширной степи, была устроена походная церковь и къ ней назначенъ знатокъ калмыцкаго языка свящ. Дилигентскій. Слѣдующимъ священникомъ при ней былъ о. Парменъ Смирновъ, извѣстный своими переводами на калмыцкій языкъ воскресныхъ Евангелій, молитвъ, житія св. Николая и мн. др. Походно-улусная церковь была крайне неудобна для передвиженія. Съ 1873 г. она стояла неподвижно въ с. Яндыкахъ, гдѣ была своя церковь, а въ 1893 г. вся ея богослужебная утварь была отдана въ Чилгирь для тамошней церкви. Въ 1871 г. учреждается въ Астрахани „Епархіальный миссіонерскій комитетъ“. Миссіонерская дѣятельность нѣсколько оживляется, но, не нося въ себѣ внутренняго духа, она и донынѣ находится въ жалкомъ состояніи. Въ 1875 г. устроенъ пріютъ для калмыцкихъ дѣтей въ селеніи Четырехъ-Бугоринскомъ, но въ 1881 г. этотъ пріютъ былъ закрытъ. Въ 1876 г. приступлено къ устройству миссіонерскаго стана съ церковью и школой въ Уланъ Эргэ, Малодербетскомъ улусѣ, гдѣ бы можно было селить и надѣлять землею крещеныхъ калмыковъ, но въ отчетѣ за 1896 — 1897 гг. оберъ-прокуроръ Св. Сvнода доносилъ, что этотъ станъ за откочевкой калмыковъ является простою приходскою церковію.

Въ настоящее время въ астраханской епархіи находятся слѣдующіе миссіонерскіе станы и пункты: Ноинъ-Ширенскій станъ съ церковію, школой, пріемнымъ покоемъ; крещеныхъ калмыковъ до 120 кибитокъ. Уланъ-Эргэнскій станъ съ церковію и школой; крещеныхъ калмыковъ 26 душъ обоего пола. Чилгирскій станъ съ деревянною церковію и школой; крещеныхъ калмыковъ около 160 человѣкъ. Миссіонерская школа въ Яшкулѣ съ 1899 г. Болгунъ-Сальскій пунктъ, русскій поселокъ болѣе 1000 душъ, крещеныхъ калмыковъ 26 душъ. Кегультинскій миссіонерскій пунктъ (съ 1902 г.) со школою-пріютомъ. Школа-пріютъ въ урочищѣ Амта-Бургуста. Двухклассная школа на Калмыцкомъ Базарѣ въ 7—8 вер. отъ Астрахани.

Въ Донской епархіи миссіонерскія обязанности въ отношеніи калмыковъ уже съ давнихъ поръ возложены на причтъ Кирилло-Меѳодіевской церкви.

Въ ставропольской губерніи съ 1873 года было учреждено Андреевское братство, занявшееся миссіонерствомъ среди калмыковъ. Оно заботилось объ устройствѣ школъ, объ изданіи книгъ на калмыцкомъ яз. Но отчетъ за 1883-й годъ признаетъ, что миссіонерское дѣло здѣсь только въ зачаточномъ состояніи, дѣйствіе же ламаизма—во всей своей силѣ. Въ 1889-мъ году здѣсь учреждается Князе-Михайловскій миссіонерскій станъ, а въ 1895 году открывается отдѣленіе этого стана въ урочищѣ „Чандута“. Въ Князе-Михайловскомъ поселкѣ крещено 160 слишкомъ душъ. Таково и нынѣ печальное состояніе миссіонерской дѣятельности среди калмыковъ.

Литература. Калмыцкіе тексты: «Краткая исторія калмыцкихъ хановъ», «Сказаніе о Дöрбöнъ-Ойратахъ» въ Калмыцкой христоматіи *Позднѣева*; „Иэртӱнцӱинъ толи“ (Зеркало міра, т. е. космологія); „Оюни зула“ (Свѣча разума, т. е. нравственное ученіе) и др. *Страховъ*, Нынѣшнее состояніе калм. народа (СПБ. 1810). *Нефедьевъ*, Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ (СПБ. 1834). *Небольсинъ*, Очеркъ быта калмыковъ Хошеутовскаго улуса (СПБ. 1852). *Костенковъ*, Истор. и статист. свѣдѣнія о калмыкахъ (СПБ. 1870). *Н. Маслаковецъ*, Физич. и стат. опис. донскихъ калмыковъ. (СПБ. 1872). *Новолѣтовъ*, Калмыки (СПБ. 1884). *Житецкій*, Объ астраханскихъ калмыкахъ (С Б. 1892). *Мушкетовъ*, Геологическія изсл. по калм. степи (СПБ. 1894). *Леонтовичъ*, Калмыцкое право, Одесса 1880 г. Сборникъ трудовъ петровскаго общества 1892 г. Всеподданнѣйшій докладъ Мин. Госуд. Имущ. по поѣздкѣ въ калмыцкую степь 1891 г. Проф. *А. М. Позднѣевъ*, Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства (СПБ. 1884). *Бобровниковъ*, Очерки религіознаго состоянія калмыковъ въ «Прав. Обоз.“ 1865 г, *По исторіи миссіи среди калмыковъ* обильный матеріалъ въ „Астрах. Ставроп., Донскихъ Епарх. Извѣстіяхъ“. (Вѣдомостяхъ): статьи *Воронцова*, прот. *Пармена Смирнова* и др.

Пособія къ изученію калмыцкаго языка: Калмыцкая грамматика *Попова*; Монг.-калм. грам. *Бобровникова*, новѣйшія: *Котвича*, *Руднева*.

Болѣе подробнѣе литература о калмыкахъ указана въ „Энц. Слов,“ *Брокгауза* и *Эфрона*, т. XXVI, стр. 64, 70, 72, 74, затѣмъ у *Леонтовича*. Къ исторіи права рус. инородцевъ, Одесса 1870.

Іеромонахъ *Гурій* (Степановъ).

Калне или **Халне**—городъ, основанный Нимродомъ въ землѣ Сеннааръ (т. е. въ Вавилоніи), о чемъ говоритъ библія (Быт. **10**, 10). О Калне упоминаетъ пр. Амосъ (**6**, 2), и изъ этого упоминанія можно заключить, что Калне и область, къ которой онъ принадлежалъ, находились, во времена пророка, въ цвѣтущемъ состояніи. О Калне говоритъ, далѣе, пр. Исаія (**10**, 9), но какъ о городѣ, уже разрушенномъ ассиріянами. Учеными сдѣлано нѣсколько попытокъ опредѣлить мѣстоположеніе библейскаго Калне. Такъ, по мнѣнію Кнейкера (Kneucher), Калне находился на восточномъ (лѣвомъ) берегу р. Тигра, на полуостровѣ, образуемомъ теченіемъ этой рѣки, къ югу отъ нынѣшняго Багдада, въ разстояніи дня пути отъ него. Но всѣ подобнаго рода попытки, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, не идутъ далѣе малоосновательныхъ предположеній. Тоже слѣдуетъ о мнѣніи Гуте (Guthe), который считаетъ Калне (Халне) книги Бытія и Калне пророковъ различными городами и полагаетъ, что Калне, упоминаемый Амосомъ и Исаіею—сирійскій городъ (Куллани—Kullani—ассировавилонскихъ клинописей), который былъ разрушенъ Тиглат-Пилезеромъ III, въ 738 году до р. X.

См. *Schenkel*, Bibel-Lexikon III, Lpzg 1871, S. 474—475; *Riehm*, HW² I. S. 254, *Guthe*, KBW., S. 352, [а также у *Vigouroux*; *Hastings, Cheyne*].

Прот. *Н. Елеонскій.*

Каловъ (Calovius, Kalau), Авраамъ—одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ представителей лютеранскаго богословія въ XVII в. Онъ родился [16 апрѣля] въ 1612 г. въ Морунгенѣ (восточная Пруссія); образованіе получилъ въ кёнигсбергскомъ университетѣ и 21 года выступилъ ярымъ защитникомъ интересовъ лютеранскаго богословія, внося въ научно-религіозную полемику много оживленности, ѣдкости и раздраженія. Каловъ состоялъ профессоромъ богословія въ Кёнигсбергѣ (съ 1637 г.), ректоромъ семинаріи въ Данцигѣ (съ 1643 г.) и профессоромъ въ Виттенбергѣ (съ 1650 г.), гдѣ скоро сдѣлался главнымъ суперинтендентомъ. Онъ обнаруживалъ чрезвычайную дѣятельность противъ враговъ лютеранства, и, — кромѣ чтенія лекцій,—всегда привлекавшихъ массу слушателей-студентовъ, издавалъ и распространялъ въ большомъ количествѣ опроверженія, памфлеты и сочиненія, въ которыхъ старался доказать истинность лютеранства. Семейная жизнь Калова была весьма бурною: онъ пережилъ 5 женъ и 13 человѣкъ дѣтей и 72 лѣтъ отъ роду женился въ шестой разъ на дочери богослова Квенштедта. Умеръ онъ въ 1686 г. [25 февраля] 74-хъ-лѣтнимъ старцемъ.

Имя Калова, бывшаго классическимъ представителемъ зилотическаго лютеранства XVII в., сдѣлалось символомъ богословія отвлеченнаго, холоднаго, язвительнаго, которое питается исключительно абстрактными формулами и тонкою діалектикой и к торое ничего не даетъ для услады религіознаго чувства. Изъ сочиненій Калова наиболѣе замѣчательны: I) Consensus repetitus fidei vere lutheranae (1655 г.); II) Consideratio arminianismi; III) Tractatus de methodo docendi et disputandi (Rostock 1637, in 8⁰); IV) Biblia illustrata (4-ре тома, Франкф. на М., 1672 — 1676 г.)—экзегетическое сочиненіе противъ Гроція (Hugo de Groot, род. 1583, ум. 1646); V) Historia syncretistica (1682 г.) противъ уніонистскихъ стремленій Г. Каликста, о чемъ еще Syncretismus calixtinus (1653 г.) и Harmonia calixtino-haeretica (1655 г.); но самымъ большимъ сочиненіемъ Авраама Калова является: Systema locorum theologicorum (Виттенбергъ, 1655—1677 г. въ 12 томахъ). Въ этомъ сочиненіи впервые дается полная система лютеранской догматики.

[См. *Kunze* въ RE. von Herzog-Hauck III³, S. 648 (и ср. XI, 761)—654 *V. Ermoni* у Vacant et Mangenot, Dictionnaire de théologie catolique I, col. 1376—1377].

Н. П—въ.

Калогеръ или **Калугеръ** (χαλόγερος, отъ χαλὸς и γέρων, т. е. добрый старецъ). Въ древнее время это названіе примѣнялось въ греческихъ монастыряхъ младшими къ старшимъ, болѣе почетнымъ лицамъ изъ монашествующихъ, и служило для послѣднихъ обычнымъ титуломъ, а впослѣдствіи стало примѣняться и ко всѣмъ монахамъ. При переводѣ греческихъ прологовъ и па-

терниковъ слово это оставлено безъ перевода и встрѣчается во многихъ памятникахъ древне-русской литературы.

С. Троицкій.

Калоіоаннъ (Καλοϊωάννης) — наименованіе византійскаго императора Іоанна II Комнина (1118—1143 г.), данное ему византійцами за его высокія внутреннія качества. Сынъ замѣчательнаго императора Византіи Алексѣя Комнина, Іоаннъ не менѣе отца былъ неутомимъ въ своей царственной дѣятельности, уменъ и очень образованъ, проводилъ чистую и незапятнанную частную жизнь, былъ набоженъ безъ всякаго ханжества, отличался мягкосердечіемъ и великодушіемъ даже въ отношеніи къ врагамъ. Онъ съ успѣхомъ велъ войны съ турками, печенѣгами, сербами, мадьярами, возстановилъ добрыя политическія отношенія съ венеціанцами и пизанцами. Твердо сплотилъ свою обширную разноплеменную монархію, обезпечивъ безопасность границамъ имперіи, создалъ благопріятныя условія для внутренняго процвѣтанія государства въ разныхъ отношеніяхъ, особенно же для развитія специфически византійской умственной культуры, которая и проявилась въ расцвѣтѣ литературы, науки и искусства, — покровительственно относился къ дѣятельности византійскихъ ученыхъ и вообще, какъ государь, оставилъ по себѣ благословенную память среди своего народа. И отношеніе Іоанна II къ византійской церкви, представляющее для насъ наибольшій интересъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ эпитету καλός—„прекрасный“, который упрочился за нимъ въ исторической литературѣ. Церковная политика Калоіоанна основывалась на двухъ принципахъ: равноправности государственной и церковной власти—каждой въ своей сферѣ—и согласномъ ихъ дѣйствованіи. Объ этомъ хорошо свидѣтельствуетъ письмо Калоіоанна къ римскому папѣ Гонорію II. „Въ продолженіе моего царствованія,—писалъ царь,—я признавалъ два предмета совершенно отличными одинъ отъ другого: одинъ есть власть духовная, данная, какъ благо неизмѣнное, Великимъ Первосвященникомъ, Владыкою міра, Христомъ Его апостоламъ и ученикамъ и сообщившая имъ, по божественному полномочію, власть вязать и рѣшить всѣхъ людей; а другой предметъ—это власть мірская, завѣдующая дѣлами временными и обладающая, по божественному установленію, одинаковымъ правомъ въ своей сферѣ, согласно заповѣди Господа (Мѳ. 22, 21. Мрк. 12, 17. Лк. 20, 25): *воздадите кесарева кесареви*—эти двѣ, господствующія въ мірѣ, власти раздѣлены и различны, но дѣйствуютъ къ обоюдной пользѣ въ гармоническомъ соединеніи, вспомоществуя и восполняя одна другую. Ихъ можно сравнить съ двумя сестрами—Маріей и Мароой, о которыхъ повѣствуется въ Евангеліи. Изъ согласнаго дѣйствія этихъ двухъ властей проистекаетъ общее благо, а изъ враждебныхъ ихъ отношеній происходитъ великій вредъ“. Въ духѣ этого письма Калоіоаннъ издалъ (въ апрѣлѣ, индиктъ 2—1124 или 1139 г.) и новеллу о томъ, чтобы церкви,—въ случаѣ смерти епископа,—не подвергались никакимъ взысканіямъ и притѣсненіямъ со стороны гражданскихъ чиновниковъ. „Какое дѣло для царя можетъ быть выше и важнѣе того, какъ охранять церкви отъ всякаго безпокойства и вреда и не причинять имъ никакого лишенія или убытка?—пишетъ царь.—И вотъ до нашего слуха дошло нѣчто несообразное: гражданскіе чиновники, въ случаѣ смерти епископа, берутъ въ свою пользу все, что оказывается въ епископіи,—вещи и деньги,—а другіе присваиваютъ даже церковные предметы“. Осудивъ такіе поступки, императоръ опредѣлилъ, чтобы впредь никто изъ архонтовъ,—по смерти митрополита, архіепископа или епископа,—не смѣлъ ничего брать въ ихъ помѣщеніяхъ и монастыряхъ, „ни вещей, ни денегъ, ни животныхъ, и никому изъ подчиненныхъ имъ лицъ не приказывали сюда являться. Всякій архонтъ, осмѣлившійся войти въ церковь или монастырь,—пославшій сюда своихъ слугъ, подвергается денежному штрафу въ ихъ пользу и подлежитъ царскому гнѣву. Если же это сдѣлаетъ кто-либо изъ низшихъ чиновниковъ, то онъ, какъ нарушитель царскаго приказа, подвергается тѣлесному наказанію и денежному штрафу. Клирикъ за похищеніе церковныхъ или монастырскихъ вещей лишается священной степени, какъ святотатецъ. Если же на епископіи,—по смерти

епископа,—окажется долгъ въ пользу казны, то уплату его должны произвести клирики, безъ всякаго посягательства на ея имущество со стороны свѣтской власти. Вообще, Калоіоаннъ своею новеллой оградилъ неотчуждаемость церковнаго имущества. И фактическое отношеніе этого царя къ византійской церкви было полною иллюстраціей къ той типичной „симфоніи", которая ярко очерчена царемъ въ его письмѣ къ папѣ Гонорію II. Съ патріархами Іоанномъ IX и Львомъ онъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, оказывалъ имъ свое полное вниманіе, высоко чтилъ и уважалъ ихъ, пользовался ихъ совѣтами въ государственныхъ дѣлахъ. Къ церкви царь относился покровительственно, какъ истинный ея „епистимонархъ", ограждалъ ея права и привилегіи при столкновеніи представителей духовенства съ свѣтскими властями, гарантировалъ неприкосновенность церковныхъ имуществъ при заключеніи договоровъ, напр., съ венеціанцами, сочувствовалъ идеѣ единенія между восточною и западною церквами, но когда увидѣлъ, что во время переговоровъ объ уніи въ 1135 г. интересы православныхъ отодвигались на послѣдній планъ, то прекратилъ переговоры,—и попытка заключить унію не увѣнчалась успѣхомъ. Далѣе, Калоіоаннъ питалъ большое расположеніе къ византійскому монашеству. Онъ не рѣдко бесѣдовалъ съ монахами и просилъ у нихъ молитвъ и благословенія. Во время частыхъ своихъ военныхъ походовъ онъ имѣлъ въ лагерѣ монаховъ, съ которыми и совѣтовался даже въ критическіе моменты военныхъ обстоятельствъ. Своему расположенію къ монахамъ царь остался вѣренъ до конца жизни. Когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ въ одномъ мѣстечкѣ Киликіи, вдали отъ столицы и родныхъ, то приказалъ позвать къ себѣ одного монаха, родомъ изъ Памфиліи, мужа святого, и просилъ непрестанныхъ его молитвъ передъ Богомъ. Вмѣстѣ со своею набожною и добродѣтельною супругой Ириной царь построилъ въ Константинополѣ прекрасный мужской монастырь Пантократора или Вседержителя. Въ 1136 г. императоръ написалъ для него уставъ, которымъ регулировалась вся его внутренняя жизнь. Монастырь былъ объявленъ свободнымъ и независимымъ отъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, надѣленъ селами, виноградниками и усадьбами. Въ зависимости отъ него находились шесть столичныхъ монастырей, доходы которыхъ поступали въ пользу Пантократора. По уставу въ монастырѣ должно быть 80 монаховъ и 50 священно-и церковнослужителей, но въ дѣйствительности ихъ было гораздо больше (до 700, по свидѣтельству Анзельма, епископа гавельбергскаго). При монастырѣ были устроены больница и богадѣльня, содержавшіяся на его средства. Больница была замѣчательнымъ въ Византіи учрежденіемъ. Она была устроена на 50 кроватей и назначена исключительно для бѣдныхъ мірянъ. Здѣсь было пять врачебныхъ отдѣленій: хирургическое на 10 кроватей, отдѣленіе для страдающихъ острыми и тяжкими болѣзнями глазными, желудочными и т. п.; два отдѣленія (въ 20 кроватей) для обыкновенныхъ больныхъ, женское отдѣленіе на 12 кроватей. Во главѣ больницы стояли два врача, да на каждое отдѣленіе полагалось по два врача, по пяти фельдшеровъ и по два служителя. При больницѣ была безплатная амбулаторная лечебница съ двумя хирургами, двумя врачами и 8 фельдшерами. Больные не только ничего не платили за содержаніе и леченіе въ монастырской больницѣ, которыя отпускались даромъ, но и получали небольшія деньги отъ монастыря. Что касается богадѣльни, то здѣсь находили пріютъ и пропитаніе 24 старца, которые безплатно получали хлѣбъ, вино, овощи, сыръ, масло, дрова и деньги. Щедро благотворя въ пользу монаховъ и духовенства, Калоіоаннъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ (εὐεργέτης) и для народа. Кроткій и незлобивый, строгій къ самому себѣ и снисходительный къ другимъ, этотъ царь отличался высокою религіозностію. Историкъ Никита Хоніатъ съ умиленіемъ разсказываетъ объ одной религіозной процессіи, устроенной Калоіоанномъ при въѣздѣ въ Константинополь послѣ побѣды надъ персами. Столица была торжественно украшена. Для царя была приготовлена великолѣпная тріумфальная колесница, которую везли шесть бѣлыхъ коней. Но царь не сѣлъ въ колесницу, а помѣстилъ на нее икону Богоматери, которую имѣлъ въ походахъ, сталъ впереди процессіи съ крестомъ въ рукахъ и напра-

вился въ Софійскій храмъ. Когда процессія прибыла къ Св. Софіи, царь вошелъ въ храмъ и предъ лицомъ всего народа воздалъ благодареніе Богу за побѣду. Это произвело наилучшее впечатлѣніе на византійцевъ. Вообще, Калоіаннъ,—по отзыву историка,—и царствомъ управлялъ превосходно, и жилъ богоугодно. Его всѣ прославляли хвалами, считали какъ бы вѣнцомъ византійскихъ царей изъ фамиліи Комниновъ. Да и изъ древнихъ лучшихъ царей онъ съ одними сравнялся, а другихъ даже превзошелъ (Никита Хоніатъ). Византійцы горько оплакали его кончину на 55 году отъ рожденія, происшедшую отъ несчастнаго случая на охотѣ.

Литература. *Ioannes Cinnamus,* Epitome rerum ab Ioanne et Manuele Comnenis gestarum, Bonnae 1836. *Nicetas Choniata,* Historia, Bonnae 1835. *Zachariae a Lingenthal,* Ius graeco-romanum, pars III, Lipsiae. 1857. *Miklosich* et *Müller,* Acta et diplomata graeca, t. VI, Vindobonae 1890. Проф. *А. А. Дмитріевскій.* Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока, т. I: Τυπικά, Кіевъ 1895. *П. В. Безобразовъ,* Не изданные монастырскіе уставы („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1887 г., ноябрь). Проф. *Ал. П. Лебедевъ,* Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца XI до начала XV в.; изданіе 2, Москва 1902. Проф. *И. И. Соколовъ,* Состояніе монашества въ византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка, Казань 1894. Проф. *А. А. Дмитріевскій,* Пантократорскій константинопольскій монастырь XII вѣка и его типикъ, данный императоромъ Іоанномъ Комнинымъ („Труды Кіевской дух. академіи“ 1895 г., августъ, стр. 537—585). Проф. *И. И. Малышевскій,* Замѣчательный образецъ филантропическихъ учрежденій при древнихъ византійскихъ монастыряхъ („Церковныя Вѣдомости“ 1895 г., № 47, стр. 1672—76). О гражданско-политической дѣятельности Калоіоанна можно читать въ курсахъ исторіи Византіи, напр., *Le-Beau, Папарригопула, Герцберга, Гиббона, Финлея, Лампроса, А. Rambeaud* et *Lavisse*'а и др. (подробныя заглавія см. „Энц.“ III, 378).

И. И. С—въ.

Калугеръ см. „Калогеръ“ выше стлб. 102.

Калугинъ Ѳ. Г.—былъ сынъ крестьянина томской губерніи. По окончаніи курса въ 1886 г. въ Томской духовной семинаріи, онъ былъ назначенъ учителемъ русскаго языка и закона Божія въ младшихъ классахъ томскаго епархіальнаго женскаго училища. Въ 1888 г. Ѳ. Г. Калугинъ уѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь онъ поступилъ въ Духовную Академію, которую и окончилъ въ 1892 г. со степенью кандидата богословія. Въ томъ же году 23 сентября былъ опредѣленъ на должность помощника секретаря, а въ 1894 г. назначенъ исправляющимъ должность секретаря совѣта и правленія Духовной Академіи. Занимая означенную должность, Калугинъ съ успѣхомъ защитилъ диссертацію на степень магистра богословія (29 мая 1894 г.). Въ должности секретаря Калугинъ оставался недолго (до 6 ноября 1895 г.), ибо перешелъ преподавателемъ географіи въ учительскую семинарію въ Новый Бугъ (херсонской губ. и уѣзда), гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ и скончался, не задолго до смерти начавъ страдать душевной болѣзнію.

Ѳ. Г. Калугину принадлежитъ, упомянутая выше, магистерская диссертація на тему: „Зиновій, инокъ Отенскій, и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія“. (Спб. 1894).

Въ названномъ сочиненіи авторъ далъ отличную характеристику Зиновія, его богословско-полемическихъ и проповѣдническихъ трудовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ исторію и далъ генезисъ еретическаго движенія, связаннаго съ именемъ Ѳеодосія Косого и бывшаго главнымъ поводомъ къ происхожденію полемическихъ трудовъ Зиновія.—Книга Ѳ. Г. имѣетъ несомнѣнное значеніе: онъ прежде всего сличилъ между собою много рукописей, заключавшихъ въ себѣ труды Зиновія, сличилъ съ ними печатный текстъ и сдѣлалъ немало существенныхъ поправокъ, указалъ цѣлый рядъ пропусковъ, далъ, такимъ образомъ, исправный и точный текстъ главнаго творенія Зиновія: „Истины показаніе“. Неменѣе того Калугинъ изложилъ въ системѣ и подробно разобралъ всѣ разсужденія Зиновія, сдѣлалъ имъ оцѣнку съ богословской точки зрѣнія, указалъ на то, что Зиновій впервые для доказательства религіозныхъ вопросовъ не остановился на почвѣ буквы и библейскаго документализма, но далъ участіе и доводамъ разсудка, воспользовался свѣдѣніями изъ области внѣшняго, не церковнаго знанія. Калугинъ подробно разобралъ, приписываемыя Зиновію,

похвальныя слова на открытіе мощей епископовъ Никиты и Іоны, новгородскихъ святителей, доказалъ авторство Зиновія, далъ обстоятельныя біографіи названныхъ святыхъ. Послѣдняя глава была напечатана и отдѣльно въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1893 г. въ февральской и майской книжкахъ.

Кромѣ диссертаціи Ѳ. Г. Калугину принадлежитъ статья:

„Первый русскій миссіонеръ среди сибирскихъ язычниковъ-инородцевъ“ (въ „Страннникѣ“ 1892 г. № 12), рисующая дѣятельность архимандрита Макарія, основателя алтайской миссіи, по поводу столѣтія со дня его рожденія,—и нѣкоторыя другія мелкія статьи.

См. Отчеты С.-Петербургской Духовной Академіи за 1892—1895 гг.; „Церковныя Вѣдомости“ 1894 г., № 25; „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1894 г., № 11—12; 1893, № 2. 5. „Странникъ“ 1892 г., № 12.

Б. Груздевъ.

Калужская епархія.

1) *Историческій очеркъ.* Районъ нынѣшней калужской епархіи со времени просвѣщенія его христіанствомъ (см. о „Началѣ христіанства въ предѣлахъ нынѣшней калужской епархіи“ въ „Калуж. Е. В.“ 1864 г. № 13) входилъ въ составъ, разными своими частями, епархій: черниговской, смоленской, суздальской, потомъ частію—московской митрополіи, частію—кіевской, затѣмъ епархіи крутицкой (сарской) и патріаршей, потомъ синодальной области, наконецъ, епархій московской, сѣвской и переславль-залѣсской. Мысль объ учрежденіи самостоятельной калужской епархіи принадлежитъ извѣстному проекту объ учрежденіи новыхъ епархій царя Ѳеодора Іоанновича и обсуждалась на соборѣ 1681—1682 гг., но не получила тогда осуществленія главнымъ образомъ изъ-за финансовыхъ затрудненій. Мысль эта вторично обсуждалась въ синодѣ въ 1784 г., въ зависимости отъ (недавняго) открытія, въ 1777 г., калужско-тульскаго намѣстничества и стремленія правительства распредѣлить границы епархій соотвѣтственно границамъ губерній. Въ 1798 г. всѣ церкви калужской губерніи подчинены были вѣдѣнію учрежденнаго въ 1788 г. дмитровскаго викаріатства московской губерніи (см. *И. Цвѣтковъ*, Къ исторіи Церкви калужскаго края до учрежденія самостоятельной калужской епархіи въ „Калужск. Е. В.“ 1899 г. №№ 15—19, 23 и 24; 1900 г. №№ 1 и 3). Наконецъ, Высочайшимъ утвержденіемъ въ 16 день октября 1799 г. всеподданнѣйшаго доклада синода отъ 27 сентября положено было начало самостоятельной калужской епархіи. (См. *М. Чельцовъ*, Къ исторіи открытія калужской епархіи —въ „Калужск. Е. В.“ 1897 г. №№ 19 и 20 и статьи по поводу столѣтія епархіи — въ „Калужск. Е. В.“ 1899 г. №№ 20 и 21). Епархія учреждалась въ составѣ 689 церквей. Первымъ епископомъ „калужскимъ и боровскимъ“ былъ назначенъ викарій дмитровскій 1) *Серапіонъ* (Александровскій), бывшій епископомъ дмитровскимъ съ 11 іюня 1788 г., изъ архимандритовъ московскаго богоявленскаго монастыря; впрочемъ, фактически онъ не былъ калужскимъ епископомъ, такъ какъ уже 21 октября былъ перемѣщенъ въ Казань съ возведеніемъ во архіепископа; впослѣдствіи онъ былъ митрополитомъ кіевскимъ и скончался на покоѣ 14 сентября 1824 г. (о немъ см. „Владим. Е. В.“ 1886 г. № 11 и „Энц.“ VII, 713—714). Его мѣсто занялъ 2) *Ѳеофилактъ* (Русановъ), хиротонисанный 30 октября 1799 г. изъ архимандритовъ новгородскаго иверскаго монастыря и создавшій впослѣдствіи себѣ историческое имя дѣятельностію въ комиссіи духовныхъ училищъ и на грузинскомъ экзархатѣ (о немъ см. въ очеркѣ грузинскаго экзархата—„Энц.“ IV, 722—727; „Калуж. Е. В.“ 1901 г. №№ 11—18, 21—24; „Русск. Старина“ 1895 г. III и V); калужскую епархію онъ оставилъ въ 1809 г., когда, 5 марта, переведенъ былъ въ Рязань; съ 1808 г. Ѳеофилактъ возведенъ въ архіепископа, скончался митрополитомъ. За нимъ слѣдовали: 3) *Евлампій* (Введенскій), бывшій ранѣе префектомъ (съ 1788 г.) и ректоромъ (съ 1795 г.) московской академіи, а затѣмъ (съ 1798 г.) архимандритомъ московскаго донского монастыря; въ Калугу онъ былъ переведенъ съ архангельской каѳедры (см. „Энц.“ I, 1090) 16 апрѣля 1809 г., вынесъ разореніе своей епархіи при нашествіи французовъ въ 1812 г. и

скончался 22 мая 1813 г.; погребенъ въ каѳедральномъ соборѣ. Оставилъ по себѣ память, какъ объ архипастырѣ, отличавшемся благочестіемъ и святостію жизни; у его могилы, по отзыву епархіальнаго бытописателя, совершаются панихиды; при немъ установленъ въ 1813 г. крестный ходъ въ Калугѣ въ память избавленія города отъ нашествія Наполеона послѣ битвы подъ Малоярославцемъ (см. „Калужск. Е. В.“ 1887 г. № 21; 1896 г. № 5—6; 1897 г. № 24; 1898 г. №№ 2, 4, 6, 8, 9).— 4) *Евгеній* (Болховитиновъ), переведенный съ вологодской каѳедры 19 іюля 1813 г. и 7 февраля 1816 г. переведенный во Псковъ; скончался онъ митрополитомъ кіевскимъ, пріобрѣтши почетное имя въ исторической наукѣ (о немъ см. особый очеркъ въ „Энц.“ III, 712 и V, 188—191).— 5) *Антоній* (Соколовъ), перемѣщенный 7 февраля 1816 г. изъ Воронежа и 15 марта 1819 г. назначенный архіепископомъ подольскимъ (о немъ см. въ „Энц.“ III, 844); въ калужской епархіи онъ оставилъ по себѣ память своею кротостію и доступностію и устроеніемъ архіерейскаго хора (въ “Кал. Е. В.“ 1897 г. № 17 напечатанъ одинъ его указъ).—6) *Филаретъ* (Ѳедоръ Амфитеатровъ), онъ былъ родомъ изъ орловской губерніи (род. 1778 г.), постриженъ въ монашество въ 1798 г., съ 1802 г. былъ ректоромъ орловской семинаріи, съ 1804 г.—оренбургской, съ 1810 г.—тобольской, съ 1814 г. — инспекторомъ петербургской академіи, потомъ московской, съ 1816 г.—ректоромъ, съ 1817 г.—архимандритомъ новоіерусалимскаго монастыря; хиротонисанъ во епископа калужскаго 1 іюня 1819 г.; съ 1814 г. былъ докторомъ богословія; 12 января 1825 г. переведенъ въ Рязань; скончался митрополитомъ кіевскимъ въ 1857 г., незадолго до смерти принялъ схиму (см. ниже очеркъ кіевской епархіи). Подвижнически настроенный, преосвященный Филаретъ оставилъ по себѣ въ епархіи память устроеніемъ монастырей, въ особенности оптиной пустыни (о немъ см. „Калуж. Е. В.“ 1884 г. №№ 6—11, 14, 17—19; 1885 г. №№ 4, 18—21; 1886 г. №№ 5, 7, 8, 12—14; 1865 г. № 6).—7) *Григорій* (Постниковъ), съ 4 января 1826 г. по 3 марта 1828 г., когда былъ переведенъ въ Рязань; скончался митрополитомъ с.-петербургскимъ въ 1860 г. (о немъ см. „Энц.“ IV, 690—692 и V, 127); въ калужской епархіи оставилъ по себѣ память дѣятельностію по развитію проповѣдничества и противораскольническаго миссіонерства (см. „Калужск. Е. В.“ 1897 г. №№ 1, 2, 6, 7).— 8) *Гавріилъ* (Городковъ), магистръ 1-го курса петербургской академіи, въ 1815 г. былъ постриженъ въ монашество, съ 1817 г. былъ ректоромъ орловской семинаріи, съ 1819 г. — нижегородской; 20 мая 1828 г.—епископъ калужскій; 26 августа 1831 г. переведенъ въ Могилевъ, потомъ былъ рязанскимъ, скончался въ санѣ архіепископа на покоѣ въ рязанскомъ ольгиномъ монастырѣ 7 апрѣля 1862 г. (о немъ см. „Странникъ“ 1863 г., 2. 3; 1864 г., 4). 9) *Никаноръ* (Клементьевскій), съ 5 сентября 1831 года по 5 сентября 1834 года, когда былъ переведенъ на минскую каѳедру; скончался онъ митрополитомъ с.-петербургскимъ 17 сентября 1856 года (о немъ см. „Энц.“ III, 774—775; „Христ. Чт.“ 1883 г., 5; 1890 г., 2; 1899 г., 8; „Волынск. Е. В.“ 1871 г., въ приложеніи—въ исторіи Почаевской лавры); въ Калугѣ сохранилъ память о себѣ, какъ о проповѣдникѣ и искусномъ администраторѣ.—10) *Николай* (Иванъ Поликарповичъ Соколовъ), сынъ священника калужской епархіи, по окончаніи московской славяногреколатинской академіи былъ учителемъ калужской семинаріи, смотрителемъ боровскаго духовнаго училища, префектомъ смоленской семинаріи, законоучителемъ тамбовскаго кадетскаго корпуса, ректоромъ семинаріи иркутской и тамбовской; хиротонисанъ во епископа дмитровскаго въ 1831 г.; 20 октября 1834 г. назначенъ въ Калугу; скончался 16 сентября 1851 г.; оставилъ въ епархіи по себѣ память своимъ добросердечіемъ; погребенъ въ каѳедральномъ соборѣ (см. „Калужск. Е. В.“ 1887 г. № 17; 1898 г. №№ 17 и 22; 1900 г. № 11).—11) *Григорій II* (Миткевичъ), съ 9 декабря 1851 г. по день кончины— 13 апрѣля 1881 г.; съ 1869 г. имѣлъ титулъ архіепископа. Человѣкъ строгой правды, не поддававшійся такъ называемымъ вѣяніямъ времени, онъ сохранилъ свой нравственный образъ неизмѣннымъ въ различные до противоположности періоды за время

Преосв. Веніаминъ, епископъ калужскій и боровскій.

своего долгаго служенія. Частная его жизнь напоминала собою жизнь древнихъ отшельниковъ. Онъ почивалъ на голыхъ доскахъ, которыя позволилъ покрыть суконнымъ войлокомъ только уже въ смертной болѣзни. Большую часть дня проводилъ въ подвигѣ и бдѣніи. Питался однимъ, рѣдко двумя блюдами растительной пищи, рыбу вкушалъ только по праздникамъ. Любилъ церковную службу, свое достояніе употреблялъ на дѣла милосердія, любилъ свою паству и паства любила его и въ кончинѣ его въ свѣтлый день Пасхи видѣла залогъ милости къ нему Божіей. Память его свято чтится въ епархіи (о немъ см. „Энц.“ IV, 692—693 и „Калуж. Е. В.“ 1870 г. №№ 10—16 и 18; 1876 г. №№ 23 и 24; 1877 г. №№ 1 и 2; 1881 г. №№ 8—10; 1883 г. №№ 1, 3—5; 1897 г. №№ 1, 3, 6, 7; 1906 г. №№ 8—10, гдѣ помѣщенъ портретъ и снимокъ преосв. Григорія въ гробу; въ № 12 напечатано его посмертное посланіе паствѣ). — 12) *Владиміръ* (Василій Степановичъ Никольскій), сынъ священника курской епархіи, по окончаніи родной семинаріи въ 1851 г. былъ священникомъ бобринецкаго уѣзднаго училища херсонской епархіи, въ 1857 г., вдовый, принялъ монашество, въ 1859 г. поступилъ въ петербургскую духовную академію, которую и окончилъ магистромъ; затѣмъ былъ профессоромъ и инспекторомъ казанской семинаріи, инспекторомъ казанской академіи (1867—1869 гг.), ректоромъ самарской семинаріи; 16 марта 1875 г. хиротонисанъ во епископа брестскаго, викарія литовской епархіи, въ 1877 г. переименованъ въ епископа ковенскаго, 14 мая 1881 г. назначенъ калужскимъ, 21 мая 1888 г. переведенъ въ Пермь, скончался на нижегородской каѳедрѣ въ 1900 г.; извѣстенъ своею административною епархіальною дѣятельностью, особенно по благоустройству духовно-учебныхъ заведеній и церковныхъ школъ (о немъ см. „Калуж. Е. В.“ 1881 г. № 13; 1888 г. №№ 12 и 13; 1900 г. № 8; 1901 г. № 3). 13) *Анастасій* (Добрадинъ), съ 21 мая 1888 г.; 3 іюня 1890 г. переведенъ въ Воронежъ, гдѣ и святительствуетъ донынѣ (см. „Энц.“ III, 847 и „Калуж. Е. В.“ 1888 г. №№ 11—13 и 1890 г. №№ 12—13). 14) *Виталій* (Василій Александровичъ Іосифовъ), сынъ священника воронежской епархіи, по окончаніи въ 1854 г. воронежской семинаріи былъ народнымъ учителемъ и священникомъ, въ 1861 г. поступилъ въ кіевскую академію, по окончаніи курса принялъ постриженіе, затѣмъ былъ учителемъ, инспекторомъ и ректоромъ кіевской семинаріи, съ 1866 г. имѣлъ степень магистра; 20 февраля 1883 г. хиротонисанъ во епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи, въ 1885 г. назначенъ тамбовскимъ, 3 іюня 1890 г. переведенъ въ Калугу, скончался 15 сентября 1892 г. въ Кіевѣ и погребенъ въ кіевскомъ троицкомъ монастырѣ (см. „Калуж. Е. В.“ 1890 г. №№ 15 и 16, 1892 г. №№ 13, 17, 24; „Ворон. Е. В.“ 1892 г. № 21; „Донск. Е. В.“ 1892 г. № 24). 15) *Анатолій* (Станкевичъ), съ 29 сентября 1892 г.; 29 января 1894 г. назначенъ членомъ московской синодальной конторы и управляющимъ заиконоспасскимъ монастыремъ; скончался въ 1903 г. (см. „Калужск. Е. В.“ 1894 г. № 4; 1903 г. и „Энц.“ III, 850—851). 16) *Александръ* (Свѣтлановъ), съ 29 января 1894 г.; скончался 8 октября 1895 г. отъ рака въ шеѣ, погребенъ въ лаврентіевомъ монастырѣ въ нижнемъ придѣлѣ на южной сторонѣ; извѣстенъ, какъ авторъ многихъ духовно-литературныхъ произведеній (о немъ см. „Энц. I, 500—503 и „Калуж. Е. В.“ 1894 г. №№ 3—6, 9; 1895 г. №№ 19 и 20; „Донск. Е. В.“ 1895 г. № 21). 17) *Макарій* (Троицкій), переведенный съ оренбургской каѳедры 22 октября 1895 г.; 10 іюня 1901 г. вышелъ на покой въ кіевопечерскую лавру; ранѣе онъ былъ епископомъ острогожскимъ (см. „Энц.“ III, 850); извѣстенъ былъ заботами о церковно-народномъ образованіи и своими стихосложеніями, которыя онъ писалъ по всякому поводу и которыми наполнялъ страницы мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Съ 1902 г. онъ управлялъ бѣлевскимъ монастыремъ тульской епархіи, гдѣ и скончался 3 іюля 1906 г.; погребенъ въ Преображенскомъ храмѣ монастыря позади праваго клироса (см. „Кал. Е. В.“ 1895 г. №№ 21—24; 1896 г. №№ 1—4; 1901 г. №№ 13, 14; 1906 г. №№ 14 и 16). Нынѣ святительствующій на калужской каѳедрѣ преосвященный 18) *Веніаминъ*

(Василій Муратовскій), уроженецъ казанской епархіи, по окончаніи курса въ казанской семинаріи въ 1877 г. былъ священникомъ, въ 1892 г. поступилъ въ казанскую духовную академію; по окончаніи академическаго курса принялъ монашество и былъ назначенъ настоятелемъ черемецкаго монастыря с.-петербургской епархіи, 6 октября 1897 г. хиротонисанъ во епископа ямбургскаго, викарія петербургской епархіи, въ 1898 г. переименованъ гдовскимъ и въ 1901 г. назначенъ въ Калугу (см. „Калуж. Е. В.“ 1901 г. № 15; 1903 г. № 24).

Епархія чтитъ память 12-и *подвижниковъ*, просіявшихъ въ ней. Изъ нихъ 3 причислены къ лику святыхъ нашей Церкви: преп. Пафнутій боровскій чудотворецъ (пам. 1 мая; см. „Калуж. Е. В.“ 1863 г. № 9 и 1883 г. № 9), преп. Тихонъ Калужскій—медынскій чудотворецъ (пам. 16 іюня; о чудесахъ его см. „Калуж. Е. В.“ 1864 г. №№ 1 и 2; 1867 г. №№ 20 и 21; 1871 г. №№ 7, 8, 11; 1872 г. №№ 18, 19; 1874 г. № 2; 1881 г. № 13; 1889 г. №№ 3—5, 8, 9, 11; 1892 г. № 12; 1893 г. №№ 18—20; 1894 г. №№ 1, 5, 7, 11; 1898 г. № 4; 1899 г. № 4) и праведный Лаврентій калужскій чудотворецъ (пам. 10 августа). Не канонизованные: 1) преп. Никифоръ, ученикъ преп. Тихона,—изображался на старинныхъ иконахъ вмѣстѣ съ другими калужскими подвижниками; 2) преп. Никифоръ, боровскій чудотворецъ; 3) Іоаннъ юродивый († 1589 г.); 4) старецъ Ѳеогностъ Шаровка, основатель перемышльскаго шаровкина успенскаго монастыря († 1545 г.); надъ его могилой у южной алтарной стѣны соборнаго храма (нынѣ приходская церковь) вставлена въ стѣну извнутри плита изъ бѣлаго камня съ надписью; 5) препод. Ѳерапонтъ, основатель б. мосальскаго боровенскаго успенскаго монастыря, изъ учениковъ преп. Сергія (о немъ см. „Калуж. Е. В.“ 1880 г. № 21); 6) старецъ Илія, братъ преп. Пафнутія; 7) старецъ Иннокентій; 8) старецъ Исаія и 9) старецъ Евѳимій, имѣвшій даръ слезъ (см. „Древніе подвижники благочестія Калужскаго края“... въ „Калуж. Е. В.“ 1906 г. № 6—7, гдѣ указана и литература о каждомъ изъ нихъ). Кромѣ того, извѣстенъ молчальникъ Титъ, подвизавшійся въ г. Козельскѣ въ началѣ XIX столѣтія (см. „Калуж. Е. В.“ 1871 г. № 14).

Изъ **святынь** калужской епархіи достопримѣчательны: *мощи* преподобнаго Пафнутія боровскаго, почивающія подъ спудомъ въ рождествобогородичномъ храмѣ боровскаго Пафнутьева монастыря, Тихона калужскаго, почивающія также подъ спудомъ въ Успенскомъ храмѣ Тихоновой пустыни, и Лаврентія юродиваго, почивающія также подъ спудомъ въ храмѣ Рождества Христова въ Лаврентьевомъ монастырѣ; чудотворныя *иконы*: калуженская Божіей Матери, явленная въ 1748 г., въ с. Калужнѣ (о ней см. „Калуж. Е. В.“ 1863 г. № 13; 1892 г. № 14; 1893 г. № 16; 1894 г. №№ 22 и 23; 1900 г. № 1); казанская Божіей Матери въ калужской Преображенско-казанской церкви, открывшаяся около 1627 г. (о ней см. „Калуж. Е. В.“ 1863 г. № 18; 1870 г. № 2; 1876 г. № 11; 1905 г. №№ 19—21); боголюбская Божіей Матери въ с. Юрьевскомъ, боровскаго у., открывшаяся въ 1771 г. во время моровой язвы (о ней см. „Калуж. Е. В.“ 1865 г. № 20; 1876 г. № 19); „Взысканіе погибшихъ“, въ с. Борѣ, тарусскаго у., открывшаяся въ началѣ XVIII ст. (о ней см. „Калуж. Е. В.“ 1893 г. №№ 5—7). Кромѣ того, особенно чтимыми въ епархіи являются иконы: святителя Николая: въ калужскомъ Никольскомъ соборѣ, въ церкви с. Никольскаго, лихвинскаго у., въ перемышльскомъ Успенскомъ соборѣ, въ церкви с. Недоходова, мещовскаго у., въ церкви с. Николо-Гостуня, лихвинскаго у., въ церкви с. Батищева, мосальскаго у., въ церкви с. Желѣзцева, перемышльскаго у., въ с. Ближней Боршовкѣ, калужскаго у., въ никольской церкви с. Чижовки, калужскаго у. и въ калужской остроженской церкви; Успенія Пресвятыя Богородицы въ церкви с. Рышкова, боровскаго у. (о ней см. „Калуж. Е. В.“ 1867 г. № 19; 1901 г. № 6 — 7 и по поводу четырехсотлѣтія со дня ея явленія—„Калуж. Е. В.“ 1905 г. № 11), Покрова Божіей Матери въ лихвинскомъ покровскомъ добромъ монастырѣ (о ней см. „Калуж. Е. В.“ 1887 г. № 3), „Утоли болѣзни“ (Божіей Матери) въ калужской Георгіевской за верхомъ церкви,

Калужскій Троицкій каѳедральный соборъ.

боголюбская Божіей Матери въ Воскресенской церкви г. Тарусы, владимірская Божіей Матери въ с. Шемелинкахъ, мосальскаго у., Божіей Матери Скоропослушницы въ перемышльскомъ лютиковомъ монастырѣ, ахтырская Божіей Матери въ козельской вознесенской церкви (о ней см. „Калуж. Е. В." 1895 г. №№ 8 — 10), ломовская Божіей Матери—въ с. Рождествѣ при Угрѣ, медынскаго у., владимірская Божіей Матери—въ с. Бышковичахъ, мещовскаго у., Одигитріи—въ Людемскѣ, перемышльскаго у., „Живоноснаго Источника"—въ церкви с. Копори, мещовскаго у., „Всѣхъ Скорбящихъ Радости"—въ калужской Христорождественской церкви, Цареградская Божіей Матери—въ с. Мокромъ, жиздринскаго у., „Всѣхъ скорбящихъ радости"—въ мещовскомъ Георгіевскомъ монастырѣ, св. Іоанна Предтечи—въ калужской Предтеченской церкви, Всемилостивѣйшаго Спаса — въ с. Субботникахъ, боровскаго у., Тихвинская Божіей Матери—въ с. Захаровскомъ, медынскаго у., Живоначальныя Троицы—въ той же церкви а также копія петровской иконы Божіей Матери въ калужской покровской на рву церкви (см. „Калуж. Е. В." 1870 г. №№ 20 и 21). (См. іеремонахъ *Леонидъ*, Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней калужской губерніи и калужскіе іерархи, Калуга, 1876, съ интересными воспоминаніями старожиловъ о первыхъ калужскихъ архіереяхъ и портретами важнѣйшихъ изъ нихъ. Историческая записка объ учрежденіи и состояніи калужской епархіи за столѣтній періодъ ея существованія, Калуга, 1900; редактированная прот. *Д. Лужецкимъ*. „Калужскіе епископы"—въ „Калуж. Е. В." 1864 г. № 13. — М. Извѣковъ, „О нѣкоторыхъ древнихъ иконахъ, мѣстночтимыхъ въ калужской епархіи"—„Калуж. Е. В." 1900 г. № 16).

II. Статистическій обзоръ (къ 1904 году). Православнаго *населенія* въ епархіи къ 1902 г. числилось 1.187.929 душъ; въ 1902 г. приростъ православнаго населенія выразился въ цифрѣ 24.448 душъ и присоединилось 220. *Церквей* въ епархіи 729, въ томъ числѣ соборныхъ и приходскихъ 609, монастырскихъ 26, домовыхъ 42 и приписныхъ 52. *Монастырей* 8 мужскихъ и 3 женскихъ; женскихъ *общинъ* 3 и 1 *общежитіе*. *Духовенства*: священниковъ 723, діаконовъ 226, псаломщиковъ 712; жалованье изъ казны получаетъ лишь около половины всего числа причтовъ (167.000 р.). Церковныхъ *школъ*: второклассныхъ 9, двухклассныхъ 7, воскресныхъ 2, одноклассныхъ 360 и грамоты 235; учащихся 27.361, въ томъ числѣ свыше 7.000 дѣвочекъ. Церковныхъ *библіотекъ* 343, окружныхъ-благочинническихъ 30, и 1 епархіальная. *Богадѣленъ* при церквахъ 7. *Братствъ* 31, церковноприходскихъ *попечительствъ* 406, *обществъ трезвости* 15. Въ предѣлахъ епархіи проживаетъ до 25.000 раскольниковъ, а сектантовъ до 500; епархіальная *миссія*: 2 миссіонера епархіальныхъ, окружноблагочинническіе миссіонеры и 5 миссіонерскихъ братствъ; при братствѣ св. Іоанна Богослова въ 1902 г. учрежденъ миссіонерскій комитетъ для объединенія миссіонерскихъ учрежденій.

III. *Епархіальное управленіе.* Во главѣ епархіи стоитъ епархіальный архіерей. Консисторія имѣетъ 5 членовъ. Благочинныхъ надъ церквами 30, надъ монастырями 2; кромѣ того, учреждена должность „благочиннаго надъ благочинными"—для церквей, при которыхъ состоятъ благочинные. При благочинныхъ существуютъ *благочинническіе совѣты* изъ 4-хъ или 5-и членовъ каждый; въ числѣ членовъ обыкновенно 2 духовные слѣдователя, 1 духовникъ и 1 завѣдывающій дѣлопроизводствомъ совѣта. Вѣдѣнію совѣтовъ подлежатъ между прочимъ маловажныя судебныя дѣла, возникающія по взаимнымъ жалобамъ членовъ причтовъ относительно раздѣла церковныхъ доходовъ и пользованія церковною землей; постановленія совѣтовъ по этимъ дѣламъ представляются на утвержденіе епархіальнаго начальства. Кромѣ того, на предварительное разсмотрѣніе совѣтовъ передаются изъ консисторіи нѣкоторыя дѣла, требующія ближайшаго знакомства съ мѣстными условіями (открытіе новыхъ штатовъ, измѣненіе въ составѣ приходовъ, о наградахъ членовъ причтовъ). Въ епархіи заведены *благочинническіе съѣзды*, т. е. собранія священниковъ благочинническаго округа; они совѣщаются о недоразумѣніяхъ по вопросамъ собственно пастырской практики, производятъ выборы должностныхъ лицъ

округа (духовниковъ, депутатовъ, слѣдователей и др.), разрѣшаютъ вопросы о назначеніи денежныхъ пособій вдовамъ и сиротамъ, о мѣропріятіяхъ къ усиленію проповѣди, о церковно-приходскихъ попечительствахъ, библіотекахъ. *Епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія* имѣетъ 6 членовъ. Церковными школами завѣдываетъ епархіальный *училищный совѣтъ* съ уѣздными отдѣленіями.

IV) *Духовно-учебныя заведенія и церковныя школы.* Духовная семинарія образована вмѣстѣ съ началомъ епархіи изъ основаннаго въ Калугѣ въ 1775 г. духовнаго училища (въ 1776 г. оно было переведено въ Лаврентіевъ монастырь, а при учрежденіи епархіи возвратилось въ Калугу).

3 декабря 1906 г. при семинаріи открыто *общество вспомоществованія* бѣднымъ воспитанникамъ, во имя преп. Тихона калужскаго (см. „Калуж. Е. В.“ 1906 г. № 24).

Калужское духовное училище открыто 23 декабря 1814 г. При училищѣ въ 1903 г. учреждено *попечительство св. Гурія* для вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ (уставъ въ № 2 „Калужск. Еп. Вѣд.“ за 1904 г. и дополненіе—1906 г. № 2), имѣвшее за 1905 г. оборотъ прихода-расхода до 600 р. и въ остаткѣ къ 1906 г. свыше 1,600 р. („Кал. Е. В.“ 1906 г. № 5).

Мещовское духовное училище открыто 24 сентября 1816 г. при Георгіевскомъ монастырѣ; при училищѣ съ 1902 г. открыто *общество вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ*, состоящее въ вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1905 г. оно имѣло въ расходѣ до 200 р. и въ остаткѣ до 1.800 р. (см. „Калуж. Е. В.“ 1906 г. № 11; 1903 г. №№ 20 и 24; 1902 г. № 1).

Боровское духовное училище, открыто еще въ 1810 г., но считающееся формально открытымъ въ сентябрѣ 1820 г. при Пафнутіевскомъ монастырѣ, въ 1867 г. было соединено съ калужскимъ (см. „Калуж. Е. В.“ 1867 г. № 17).

Епархіальное женское училище. Начало его относится къ 30-мъ годамъ XIX в., когда діаконъ Благовѣщенской ц. г. Козельска *Ѳед. Вас. Вырскій* устроилъ въ своемъ домѣ небольшую начальную школу для дѣтей духовенства обоего пола. Съ 1850 г. ему стала помогать въ школьныхъ трудахъ его дочь Александра; около 1860 г. въ школѣ обучалось до 250 дѣтей, въ томъ числѣ до 120 дѣвочекъ. Знавшій эту школу членъ хозяйственнаго управленія при Св. Сѵнодѣ *Александръ Дим. Ушинскій* въ 1863 г. убѣдилъ бывшаго въ Петербургѣ преосвящ. Григорія воспользоваться школою Вырскихъ для преобразованія ея въ епархіальное женское училище и указалъ источникъ содержанія изъ доходовъ огорской лѣсной дачи. Указомъ консисторіи 26 мая 1863 г. духовенство уже извѣщалось объ открытіи въ Козельскѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія въ домѣ Вырскаго; начальницею оставлена была *А. Ѳ. Вырская*; торжественное открытіе училища состоялось 6 іюня 1863 г. Затѣмъ 10 ноября 1879 г. открыто было епархіальное женское училище въ Калугѣ, а Вырская осталась въ своемъ домѣ народною учительницей и въ 1902 г., за свыше 50-лѣтнюю педагогическую дѣятельность, награждена золотою медалью. Въ 1905 г. воспитанницъ въ училищномъ общежитіи было 350; содержаніе училища обошлось въ 62.000 р. Съ 1906 г. открытъ 7-й, дополнительный классъ. Съ 1880 г. при училищѣ открыто *общество вспомоществованія* нуждающимся воспитанницамъ (см. „Калуж. Е. В.“ 1905 г. №№ 2—5; 1906 г. № 17; 1903 г. №№ 5—8; 1876 г. №№ 20, 23 и 24; 1878 г. № 11; 1879 г. №№ 19 и 20; 1880 г. № 22—уставъ общества вспомоществованія; 1883 г. № 3; 1893 г. № 18).

V. *Духовно-просвѣтительныя, благотворительныя и взаимно-вспомогательныя епархіальныя учрежденія.* Изъ братствъ болѣе значительныя слѣдующія:

1) *Георгіевское братство* въ Калугѣ основано въ 1863 г.; въ 1903 г. имѣло на приходѣ около 1.000 р., въ остаткѣ 15 р. Братство имѣетъ школу, для которой выстроило въ 1903 г. каменное зданіе. Въ теченіе 40 лѣтъ своей дѣятельности братство израсходовало до 37.000 р. (см.

„Калужск. Е. В.“ 1893 г. № 1; 1904 г. №№ 4 и 22).

2) *Калужское братство св. Ап. и Евангелиста Іоанна Богослова*, открытое 25 февраля 1879 г., имѣетъ своею задачей утвержденіе въ вѣрѣ чадъ православной Церкви и приведеніе въ лоно ея старообрядцевъ; задача эта достигается религіознымъ воздѣйствіемъ пастырей на пасомыхъ чрезъ духовную проповѣдь и внѣбогослужебныя бесѣды, а также чрезъ публичныя собесѣдованія со старообрядцами. Братство простираетъ свою дѣятельность на уѣзды калужскій, медынскій, мещовскій, мосальскій и козельскій и имѣетъ въ уѣздахъ 13 отдѣленій. Братство имѣетъ свою *библіотеку* (см. „Калуж. Е. В.“ 1879 г. №№ 5—7 и 1905 г. №№ 1 и 2; уставъ—см. „Калуж. Е. В.“ 1879 г. № 4 и 1892 г. № 2).

3) *Лихвинское благовѣщенское братство* открыто въ 1895 г., въ 1903 г. имѣло 39 членовъ, на приходѣ свыше 400 р., въ расходѣ свыше 200 р., въ остаткѣ свыше 700 р. Цѣль братства—благотвореніе нуждающимся (см. „Калужск. Е. В.“ 1904 г. № 20).

4) *Боровское пафнутіевское братство*—открыто 11 сентября 1883 г. съ цѣлію борьбы съ сильнымъ въ городѣ Боровскѣ расколомъ (см. „Калуж. Е. В.“ 1883 г. №№ 19 и 22).

5) *Калужское богоявленское братство*, открытое въ 1873 г., оказываетъ пособіе нуждающимся прихожанамъ; въ 1904/5 г. приходъ братства выразился въ суммѣ 189 р., остатокъ—1.715 р. (см. „Калуж. Е. В.“ 1905 г. № 20).

6) *Александро-невское братство при перемышльскомъ Успенскомъ соборѣ* въ 1903 г. имѣло 76 членовъ, на приходѣ до 1.400 р., въ расходѣ свыше 1.000 р., въ остаткѣ свыше 1.500 р. Цѣли братства—просвѣтительная и благотворительная — осуществлялись путемъ устройства чтеній и раздачею пособій бѣднымъ (см. „Калужск. Е. В.“ 1904 г. № 17).

7) *Жиздринское александро-невское братство* открыто въ 1893 г. съ цѣлію противодѣйствія расколу и религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа въ жиздринскомъ уѣздѣ—путемъ публичныхъ чтеній и бесѣдъ, устройствомъ библіотеки и распространеніемъ книгъ и листковъ. Въ 1903 г. имѣло на приходѣ до 400 р., въ остаткѣ до 300 р. У братства есть отдѣленія: *брынское*, съ особымъ бюджетомъ, на половину меньшимъ, *воминичское*, *плохинское*, *уколицкое*, *кондрыкинское* (см. „Калужск. Е. В.“ 1902 г. № 14 и 1904 г. № 9)

8) *Братство святыя живоначальныя Троицы въ с. Запрудномъ*, жиздринскаго у., имѣетъ задачею „разъясненіе истинъ вѣры и правилъ благочестія и особенно грѣха тунеядства и помощь нуждающимся“. Основано въ 1898 г. Въ 1903 г. имѣло на приходѣ до 300 р., въ остаткѣ 12 руб. (см. „Калужск. Е. В.“ 1904 г. № 8).

9) *Николаевкое братство въ с. Озерскѣ*, перемышльскаго у., кромѣ денежныхъ *пособій* приходскимъ бѣднымъ и тремъ *школамъ*, содержитъ на свой счетъ *богадѣльню*, *чайную* и *читальню*, имѣетъ *библіотеку* и устраиваетъ народныя *чтенія*, оказываетъ пособіе церкви въ содержаніи *хора*; расходъ въ 1905 г. былъ до 1.100 р. („Кал. Е. В.“ 1906 г. № 12).

Епархіальный отдѣлъ Императорскаго православнаго палестинскаго общества учрежденъ въ 1894 г., за 10 лѣтъ собралъ до 37.000 р., въ томъ числѣ кружечнаго сбора свыше 22.000 р. (см. „Калуж. Е. В.“ 1904 г. № 17).

Церковно-приходскія попечительства и братства израсходовали въ 1902 г. на благотворительныя и просвѣтительныя свои задачи до 90.000 р., въ томъ числѣ на благоукрашеніе храмовъ около 70.000 р.

Епархіальный свѣчной заводъ въ 1903 г. имѣлъ поступленій 288.000 р.

VI) **Монастыри.** Епархія издавна извѣстна развитіемъ въ ея районѣ иноческой жизни.

Калужскій Лаврентьевъ монастырь, основанный въ половинѣ XVI в. на мѣстѣ погребенія препод. Лаврентія, Христа ради юродиваго, калужскаго чудотворца, съ учрежденія епархіи сталъ архіерейскимъ домомъ; въ вѣдѣніи монастыря состоитъ, какъ бы его *киновія*, крестовская въ Калугѣ церковь *съ богадѣльнею* для свя—

щеннослужителей. При монастырѣ имѣются *страннопріимный домъ*, церковно-приходская *школа*. Въ нижней церкви соборнаго храма, у лѣваго клироса, почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Лаврентія. († 1515 г.). На монастырскомъ кладбищѣ чтутся могилы Ермила-юродиваго и игуменьи Агніи (см. „Калуж. Е. В." 1891 г. № 12; 1896 г. № 24; 1899 г. № 13).

Боровскій Пафнутьевъ первоклассный мужской монастырь, основанный преподобнымъ Пафнутіемъ около половины XV в., въ 3-хъ вер. отъ гор. Боровска, имѣетъ въ Москвѣ *подворье*, приносящее дохода 14.000 р. въ годъ. Въ монастырскомъ соборѣ подлѣ иконостаса у южной стороны почиваютъ мощи преп. Пафнутія († 1477 г.) подъ спудомъ (см. „Калуж. Е. В." 1893 г. №№ 1, 2, 14; 1895 г. № 5—6).

Малоярославецкій Николаевскій черноострожскій третьеклассный мужской монастырь, основанный въ XIV в. и упраздненный въ 1775 г. съ обращеніемъ церкви въ приходскую, возстановленъ съ 1800 г. иноками оптиной пустыни и главнымъ образомъ третьимъ своимъ настоятелемъ о. Макаріемъ (1809—1839 гг.), изъ иноковъ оптинскихъ. При монастырѣ имѣется *страннопріимный домъ*. Монастырь имѣетъ въ Москвѣ *подворье*, устроенное вдовою д. с. с. Ляминой, стоющее 100.000 и приносящее ежегоднаго дохода 8.000 р.

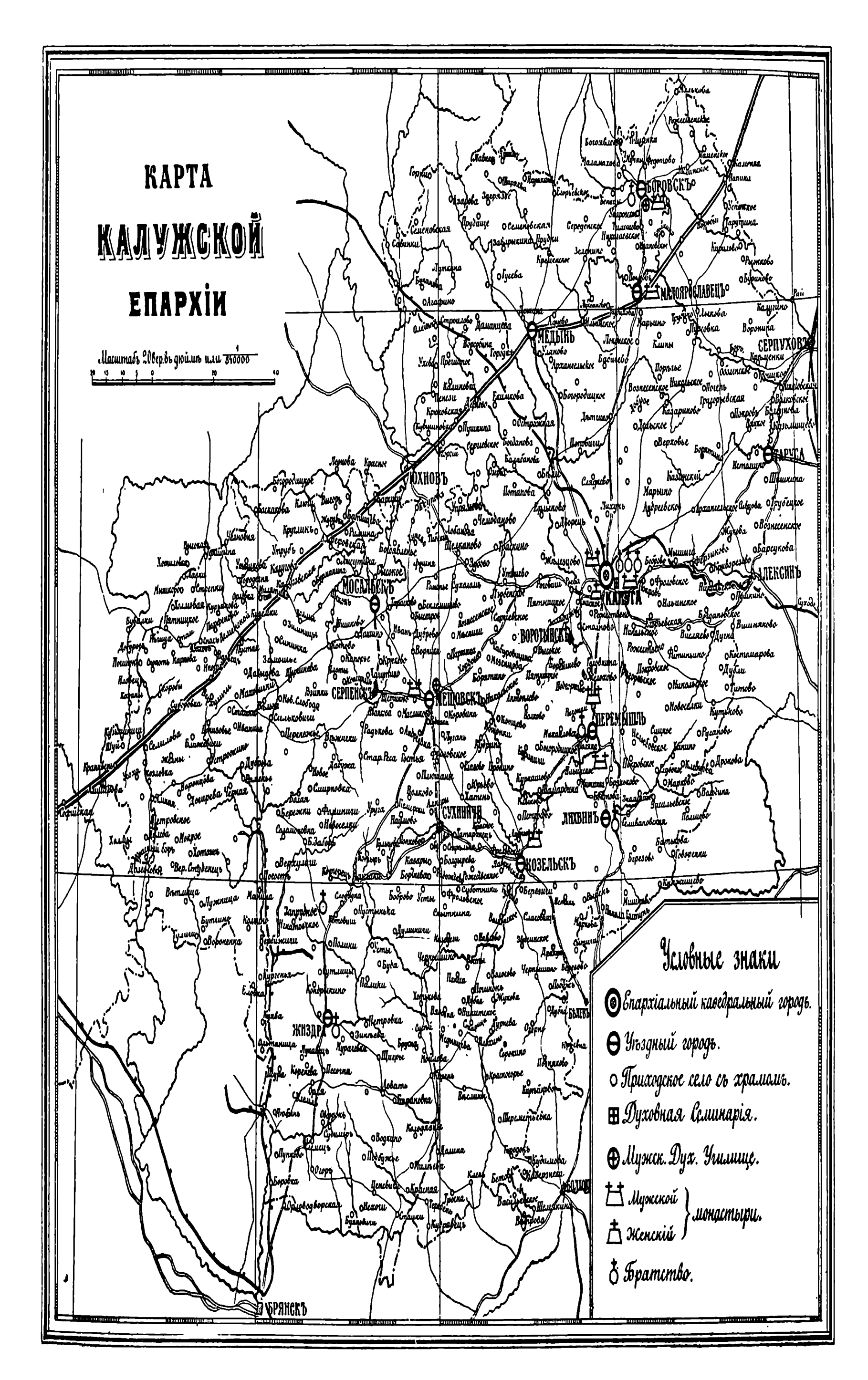
Перемышльскій Святотроицкій лютиковъ третьеклассный мужской монастырь, въ 5 вер. отъ гор. Перемышля, существовавшій уже въ половинѣ XVI в., по разореніи литовцами въ 1611 г. оставался въ запустѣніи, возстановленъ въ томъ же столѣтіи; оправился отъ упадка лишь послѣ прославленія въ немъ *иконы* Божіей Матери Скоропослушницы (въ 1872 г.) и устройства въ Петербургѣ, въ Лѣсномъ, монастырскаго *подворья* (въ 1897 г.).

Лихвинскій Покровскій добрый третьеклассный мужской монастырь, въ 10 вер. отъ гор. Лихвина, существовалъ уже въ XV стол. Въ монастырѣ особенно чтится *икона* Покрова Богоматери. При монастырѣ состоитъ церковно-приходская *школа* (см. „Калужск. Е. В." 1898 г. №№ 11 и 12).

Мещовскій Георгіевскій заштатный мужской монастырь, основанный въ концѣ XVII в., имѣетъ чудотворную *икону* Скорбящей Божіей Матери, *страннопріимный домъ*, *богадѣльню* на 8 человѣкъ. При монастырѣ помѣщается *духовное училище*.

Козельская Введенская оптина пустынь, въ 3 вер. отъ гор. Козельска, существовала уже въ XV в., въ 1724 г. была упразднена, но въ 1726 г. возстановлена. Въ числѣ своихъ виднѣйшихъ благотворителей считаетъ генерала Дмитрія Андреевича Шепелева и его дочь Елизавету. Ко времени открытія епархіи имѣла только одну келлію и трехъ человѣкъ братіи; возстановлена была своими игуменами Аврааміемъ (1796—1817 гг.), Даніиломъ, устроившимъ *скитъ* во имя Іоанна Предтечи (1821 г.), Моисеемъ (1825—1862 гг.,—см. „Калуж. Е. В." 1863 г. № 12; 1874 г. №№ 1, 2; 1890 г. № 24; 1891 г. № 1) и Исаакіемъ (1862—1893 гг.,—о немъ см. „Калуж. Е. В." 1893 г. № 19). Наиболѣе извѣстна оптина пустынь своимъ *старчествомъ*. Первымъ оптинскимъ старцемъ былъ о. Леонидъ (1829—1841 гг.), въ схимѣ Левъ, утвердившій старчество въ пустыни и выдержавшій сильную борьбу съ господствовавшимъ въ ней направленіемъ отшельничества; его ученикъ и преемникъ, іеросхимонахъ Макарій (1841—1860 гг.) создалъ славу оптинскаго старчества и началъ *изданіе* пустынью *аскетическихъ твореній*; „великій старецъ" оптинскій Амвросій (1860—1891 гг.) еще живъ въ памяти боголюбиваго христіанскаго міра. Пустынь имѣетъ *больницу* на 20 кроватей, *страннопріимные дома*—мужской и женскій (Святые Горы и Оптина Пустынь, СПБ. 1852,—„Калужск. Е. В." 1898 г. №№ 2, 5, 7, 8, 10: Значеніе оптиной пустыни).

Калужская Тихонова пустынь обязана нынѣшнимъ благоустройствомъ своимъ настоятелямъ изъ оптинскихъ иноковъ Геронтію (1837—1857 гг.) и Моисею (1858—1895 гг.). Пустынь привлекаетъ къ себѣ паломниковъ славою о чудесныхъ исцѣленіяхъ по молитвамъ преп. основателя своего Тихона († 1492 г.), мощи котораго подъ спудомъ почиваютъ въ успенскомъ храмѣ пустыни; паломники обыкновенно

КАРТА
КАЛУЖСКОЙ
ЕПАРХІИ
Условные знаки
Епархіальный каѳедральный городъ.
Уѣздный городъ.
Приходское село съ храмомъ.
Духовная Семинарія.
Мужск. Дух. Училище.
Мужской
Женскій
монастыри.
Братство.
БОРОВСКЪ
МАЛОЯРОСЛАВЕЦЪ
МЕДЫНЬ
СЕРПУХОВЪ
ТАРУСА
АЛЕКСИНЪ
ЮХНОВЪ
МОСАЛЬСКЪ
КАЛУГА
ВОРОТЫНСКЪ
СЕРПЕЙСКЪ
МЕЩОВСКЪ
ПЕРЕМЫШЛЬ
ЛИХВИНЪ
СУХИНИЧИ
КОЗЕЛЬСКЪ
ЖИЗДРА
БРЯНСКЪ

разбираютъ „святую воду“ изъ *колодца*, вырытаго, по преданію, угодникомъ. При пустыни имѣются *школа, страннопріимный домъ, больница* на 10 кроватей. Строй монашеской жизни регулируется, какъ и въ оптиной пустыни, *старчествомъ*. Это самая богатая обитель епархіи; она имѣетъ денежнаго капитала свыше 350.000 руб. Пустынь имѣетъ срѣтенскій *скитъ* со *страннопріимнымъ домомъ* (см. „Калуж. Е. В.“ 1898 г. № 4; 1899 г. № 4; 1886 г. № 18; 1891 г. №№ 7, 18; 1892 г. № 12).

Калужскій казанскій женскій монастырь основанъ въ XVII в. При монастырѣ имѣется *больница* (см. „Калужск. Е. В.“ 1896 г. № 17; 1899 г. № 14).

Казанскій мосальскій боголюбивый женскій монастырь преобразованъ въ 1892 г. изъ общины, основанной въ 1868 г. подъ вліяніемъ оптинскихъ старцевъ вдовою помѣщика А. Е. Бѣлокопытовою (см. „Калуж. Е. В.“ 1893 г. № 4).

Казанская Амвросіевская женская пустынь въ перемышльскомъ уѣздѣ имѣетъ *страннопріимный домъ, пріютъ* для дѣвочекъ-сиротъ, обезпеченный капиталомъ въ 25.000 р. купца Перлова, больничный пріемный *покой, богадѣльню*. Пустынь образовалась изъ извѣстной духовному міру *Шамординской женской общины*, основанной А. Н. Ключаеревой подъ руководствомъ оптинскаго старца о. Амвросія въ 1884 г. Въ послѣднее время на средства торговаго дома Перловыхъ созданъ здѣсь великолѣпный храмъ (см. „Калуж. Е. В.“ 1884 г. № 20; 1891 г. № 20; 1892 г. №№ 15, 16).

Святотроицкая тарусская женская община при д. Костомаровкѣ, тарусскаго у., основанная А. З. Знаменскою по благословенію о. Іоанна кронштадтскаго въ 1894 г., имѣетъ *богадѣльню, пріютъ* для дѣвочекъ, пріемный *больничный покой* и второклассную *школу* (см. „Калуж. Е. В.“ 1895 г. №№ 9, 10).

Скорбященская медынская община, при сельцѣ Булгаковѣ, медынскаго уѣзда, устроена въ 1902 г. на пожертвованной крестьянкою Анастасіею Кудряшевою землѣ.

Николопечерская женская община при д. Муковниной, въ медынскомъ у., устроена іеросхимонахомъ старцемъ Герасимомъ († 1898 г.) (см. „Калужск. Е. В.“ 1899 г. №№ 14 и 15).

Кромѣ того въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства состоитъ *общежитіе* подъ названіемъ *„Отрада и Утѣшеніе“* съ пріютомъ для дѣтей, въ калужскомъ у., при селеніи Дугненскій Заводъ.

С. Рункевичъ.

Калужскія Епархіальныя Вѣдомости начали выходить въ 1863 г., по два раза въ мѣсяцъ, въ двухъ частяхъ— оффиціальной и неоффиціальной, которая до 1895 г. называлась „Прибавленіями“ къ „Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“, по цѣнѣ 3 р. 70 к. съ пересылкой. Въ 1901 г. цѣна возвышена до 4 р., а въ 1902 г.— до 5 р. Ходатайствуя о разрѣшеніи изданія, преосвященный Григорій (Миткевичъ) писалъ синоду: „семинаріи учители кандидаты Михаилъ Скворцовъ и Ѳеодоръ Покровскій, на предложеніе мое объ изданіи Епархіальныхъ Вѣдомостей, выразили готовность свою на это и представили программу; затѣмъ на постоянное участіе въ сказанномъ изданіи изъявили желаніе калужскіе священники магистръ Іоаннъ Любимовъ и кандидатъ Яковъ Извѣковъ и секретарь консисторіи Алексѣй Воронцовъ“ (дѣло Архива Св. Синода 1862 г. № 3854). Въ теченіе семи лѣтъ Вѣдомости влачили свое существованіе, ничѣмъ не выдѣляясь изъ ряда или въ ряду другихъ; редакторской подписи не было.

Въ № 1 за 1870 г. редакція обратилась съ просьбою къ духовенству способствовать оживленію епархіальнаго органа; редакторами впервые подписались священники Д. Рождественскій и І. Любимовъ. Священникъ, потомъ протоіерей *Димитрій Егоровичъ Рождественскій* былъ сынъ священника; два его дяди и тетка по отцу подвизались въ монашествѣ и одинъ дядя скончался архимандритомъ, другой архіереемъ. По окончаніи академическаго курса въ 1852 г. онъ поступилъ учителемъ Свящ. Писанія въ калужскую семинарію, потомъ преподавалъ практическое руководство для пастырей. Будучи еще учителемъ, онъ принялъ священство и состоялъ потомъ настоятелемъ калужской Никитской церкви. Учителемъ онъ прослужилъ 15 лѣтъ и священникомъ 18 лѣтъ. Скончался въ полдень

25 декабря 1880 г. Въ „Еп. Вѣд.“, кромѣ многихъ мелкихъ статей, имъ напечатаны крупное изслѣдованіе объ усердіи древнихъ христіанъ къ посѣщенію и украшенію храмовъ (1872—1875, 1878—1880 гг.) и статья о соціально-коммунистическихъ ученіяхъ (1876 г. №№ 9, 10, 14, 18, 21). Надгробное слово о немъ съ характеристикою его и біографическими чертами напечатано въ „Калуж. Е. В.“ 1881 г. № 1. Послѣ его смерти редакторомъ остался одинъ—къ этому времени уже протоіерей—*Іоаннъ Дмитріевичъ Любимовъ*; онъ родился въ 1830 г., сынъ священника калужскаго уѣзда; старшій братъ его скончался архіереемъ на каменецъ-подольской каѳедрѣ. По окончаніи курса московской Дух. Академіи въ 1854 г. со степенью магистра, онъ служилъ годъ преподавателемъ вологодской семинаріи, въ 1855 г. перешелъ въ калужскую семинарію, въ 1859 г. оставилъ семинарскую службу и былъ рукоположенъ къ калужской Іоаннопредтеченской церкви, при которой и оставался до кончины, состоя въ то же время законоучителемъ женской гимназіи и реальнаго училища. За 20 лѣтъ редакторства онъ помѣстилъ въ „Вѣдомостяхъ“ не мало своихъ поученій и статей. Скончался 31 января 1890 г. Пользовался исключительнымъ уваженіемъ города и всей епархіи (см. „Калуж. Е. В.“ 1890 г. № 4). Съ № 3 за 1890 г. редакторомъ сталъ протоіерей *Димитрій Егоровичъ Лужецкій*; сынъ протоіерея калужской Одигитріевской церкви, онъ, по окончаніи курса петербургской Дух. Академіи въ 1861 г., поступилъ учителемъ въ калужскую семинарію и былъ затѣмъ въ ней инспекторомъ и съ 1881 г. ректоромъ. Оставивъ службу въ семинаріи, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, сопровождаемый теплыми проводами и сожалѣніями объ его уходѣ (см. „Калуж. Е. В.“ 1886 г. №№ 21—24; 1901 г. № 17). Съ № 16 за 1901 г. редакторомъ сталъ инспекторъ семинаріи *Алексѣй Александровичъ Преображенскій*; сынъ священника нижегородской епархіи, по окончаніи петербургской Дух. Академіи въ 1881 г. былъ преподавателемъ богословія въ калужской семинаріи, въ 1901 г. назначенъ инспекторомъ и съ 4 сентября редакторомъ (см. „Калуж. Е. В.“ 1906 г. № 17).

„К. Е. В.“ за все время своего существованія не выдавались чѣмъ-либо изъ среды своихъ собратій и въ полной мѣрѣ носили на себѣ характеръ, обычный для изданій подобнаго типа.

Въ 1881 г. духовенство возбудило на съѣздѣ вопросъ о закрытіи неоффиціальнаго отдѣла („Калуж. Е. В.“ 1881 г. №№ 14 и 21), въ виду малаго его интереса и неудовлетворенія съ его стороны запросамъ современности. Редакція отвѣтила духовенству, что отъ него самого зависитъ сдѣлать свой журналъ интереснѣе, такъ какъ страницы „Е. В.“ вполнѣ открыты для разработки всевозможныхъ вопросовъ изъ сферы желаній, нуждъ и мѣстныхъ потребностей духовенства; но никто не присылаетъ статей.

За 40 съ лишнимъ лѣтъ въ „К. Е. В.“ помѣщено не малое число разнообразныхъ статей по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія.

По библейской и евангельской исторіи: очерки библейскихъ древностей (1865 г. №№ 15, 19, 21; 1869 г. №№ 7, 17), св. пр. Илія (1902 г., 14), Іоаннъ Креститель (1893 г. 16; 1901 г., 5), перепись кесаря Августа (1896 г., 23), избіеніе младенцевъ (1902 г., 1), о братьяхъ и сестрахъ Іисуса Христа по плоти (1905 г., 15, 16), искушеніе Іисуса Христа (1893 г., 4, 5; 1894 г., 1; 1895 г., 5—7), Іуда предатель (1894 г., 7), судъ у первосвященниковъ (1887 г., 7 — 9. 11—13), на Голгоѳѣ (1893 г., 5—6).

Изъ исторіи Церкви: Ап. Іаковъ и іерусалимская Церковь (1892 г., 18, 20), архидіаконъ Стефанъ (1894 г., 3; 1899 г., 1, 5, 6, 9), обряды погребенія у древнихъ христіанъ 1882 г., 16; 1883 г., 21; 1884 г., 3—5), о благотворительности древнихъ христіанъ (1882 г., 5, 6; 1892 г., 11, 12, 14, 15), судъ въ древнехристіанской Церкви (1880 г., 20, 23, 24), усердіе древнихъ христіанъ къ посѣщенію и украшенію храмовъ (1872 — 1880 гг.), христіанство въ Абиссиніи (1887 г., 9), св. Григорій Богословъ (1891 г., 4 — 6), св. Василій в. (1906 г., 8) свв. Кириллъ и Меѳодій (1885 г., 5. 6. 8. 13. 14); за все время помѣщены четыре святоотеческихъ слова: Андрея іерусалимскаго (1903 г. 10), Прокла константинопольскаго (1903 г., 5).

Изъ исторіи русской Церкви: 900-лѣтіе крещенія Россіи (1888 г., 11. 14. 15) и св. кн. Владиміръ (1889 г., 10), очерки изъ исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи (1879 г., 16. 18; 1880 г., 9 10. 12), епархіальныя женскія училища (1893 г., 15—16), отношеніе монастырей къ Церкви и обществу до XVIII в. (1878 г., 18. 21), русскія монахини великокняжескаго и царскаго рода (1872 г., 10), соловецкій мятежъ (1888 г., 22—24; 1889 г., 2. 3. 5. 9. 12. 22—24; 1890 г., 6), о церковныхъ имуществахъ до Петра I (1889 г., 8. 9. 18. 20), объ улучшеніи быта духовенства при Павлѣ I (1897 г., 16), родословіе Петра в. (1872 г., 23), Двѣнадцатый годъ (1868 г., 22), Пасха въ древней Руси (1884 г., 7—8), убіеніе царевича Димитрія (1891 г., 11. 15); по поводу юбилеевъ—историческія свѣдѣнія о преп. Агапитѣ печерскомъ (1895 г., 17), преп. Андроникѣ московскомъ (1895 г., 17), преп. Аѳанасіѣ высотскомъ (1895 г., 24), свв. Гуріѣ и Варсанофіѣ казанскихъ (1896 г., 2), Іоаннѣ устюжскомъ юродивомъ (1894 г., 22), преп Саввѣ крыпецкомъ (1895 г., 24), преп. Стефанѣ владиміроволынскомъ (1894 г., 14), преп. Ѳеодосіѣ углицкомъ (1895 г., 16), преп. Ѳерапонтѣ боровенскомъ (1880 г., 21), иконахъ: Одигитріи въ Вильнѣ (1895 г., 16), владимірской (1895 г., 24), Знаменія (1895 г., 24). Статьи изъ *мѣстной исторіи* въ большей части указаны въ очеркѣ епархіи—въ цитатахъ. Сверхъ тѣхъ, болѣе значительны слѣдующія: упраздненные монастыри калужской епархіи (1863 г., 8—10), боровскій Рождественскій дѣвичій монастырь (1890 г., 18. 20—22), воротынскій Спасскій монастырь (1891 г., 8), лихвинскій Аѳанасьевскій женскій монастырь (1890 г., 1), малоярославецкій монастырь (1864 г., 21), медынская Благовѣщенская пустынь (1891 г., 18. 23. 24), число церквей въ калужской епархіи (1863 г., 11), соборные церкви г. Лихвина (1894 г., 21), перемышльскій Успенскій соборъ (1874 г., 23; 1875 г., 3. 7. 8. 11. 12. 15. 16. 19. 20), церкви калужскія — Георгіевская (1891 г., 13. 14. 16. 22—24), Духосошественская (1863 г., 12), Иліинская (1900 г., 11. 13. 14; 1901 г., 2. 4), Предтеченская (1900 г., 13), козельская Вознесенская (1876 г., 15. 16), перемышльская Рождественская (1888 г., 6. 9. 10. 12), с. Лисино (1874 г., 3. 4. 7. 8), с. Сергіевское (1882 г., 22; 1883 г., 4. 5. 16. 17), с. Черкизово (1882 г., 14), Калуга въ XVI в. (1897 г., 12), калужская ученая архивная коммиссія (1892 г., 15), разнаго рода историческіе матеріалы для исторіи епархіи и историкс-статистическаго описанія церквей и приходовъ (1889 г., 1. 2; 1893 г., 9. 19. 23. 24; 1894 г., 19; 1895 г., 2. 3. 15—17. 19; 1897 г., 12. 17. 19—21. 24; 1898 г., 4—7. 9—24; 1899 г.; 1900 г.; 1901 г., 4. 8—10. 19), напечатана одна грамота патріарха Адріана (1900 г., 11), двѣ благословительныя грамоты XVIII в. (1893 г., 7). О множествѣ лицъ сообщены *біографическія свѣдѣнія*—какъ изъ среды мѣстныхъ дѣятелей—духовныхъ и мірянъ, такъ и изъ среды дѣятелей иностранныхъ или всероссійскихъ, по поводу назначенія, кончины, юбилеевъ; болѣе значительныя статьи вызваны слѣдующими именами: императоры Александръ I (1877 г., 24; 1878 г., 1—4), Александръ II (1881 г., 5. 6. 11. 12), Александръ III (1894 г., 21), іеросхимонахъ Амвросій (1891 г., 20; 1892 г., 15. 16)), И. И. Антипинъ (1873 г., 22; 1877 г., 9. 10), архим. Асинкритъ (1878 г., 11), Е. Ѳ. Астрѣевъ (1871 г., 1. 3), А. П. и З. Е. Блистановы (1875 г., 22; 1876 г., 2. 10; 1888 г., 18), П. И. Богословскій (1904 г., 3. 4), В. В. Болотовъ (1905 г., 7—9), А. В. Вадковскій (1906 г., 1. 4. 5), іеромонахъ Варсонофій (1877 г., 19), еп. Викторинъ Любимовъ (1882 г., 19), прот. А. Р. Воронцовъ (1893 г., 9; 1896 г., 21; 1899 г., 20), В. П. и С. В. Всесвятскіе (1872 г., 21, 1878 г., 6; 1891 г., 23. 24; 1893 г., 12; 1906 г., 6—7), псаломщикъ С. Г. Гречаниновъ (1898 г., 13); крестьянинъ сборщикъ Гуровъ (1876 г., 2), іером. Даніилъ Мусатовъ (1880 г., 14. 18), прот. Н. С. Демидовъ (1903 г., 14. 15), архим. боровскій Діонисій (1891 г., 22; 1895 г., 5. 6), игуменья калужская Евгенія (1896 г., 17), прот. А. П. Елеонскій (1901 г., 1. 4. 5), В. А. Жуковскій (1902 г., 7—10), свящ. В. Л. Извѣковъ (1891 г., 12—14), Ѳ. В. Измайловъ (1891 г., 17. 18), арх. Иннокентій Орловъ (1870 г., 6), митрополитъ Исидоръ Никольскій (1875 г., 18;

1884 г., 22; 1892 г., 17), митрополитъ Іоанникій Рудневъ (1882 г., 14. 17; 1887 г., 15), митрополитъ Іона (1865 г., 8; 1869 г., 24), митрополитъ бѣлокриницкій Кириллъ (1865 г., 22. 24), прот. А. П. Колоколовъ (1906 г., 6—7), прот. А. М. Колыбелинъ (1903 г., 22—24; 1904 г., 3), свящ. М. М. Колыбелинъ (1891 г., 20. 21), прот. П. Θ. Комаровъ (1890 г., 19. 21), свящ. А. И. Лебединскій (1875 г., 5; 1877 г., 11), прот. А. К. Лебедевъ (1904 г., 11—13), митрополитъ Макарій Булгаковъ (1882 г., 11. 12), свящ. А. И. Малининъ (1906 г., 11. 12), М. и П. Малютины (1870 г., 9), И. и Н. Θ. Мамонтовы (1865 г., 17. 24), свящ. М. Д. Миловановъ (1884 г., 20. 21), архимандритъ Мисаилъ, ректоръ семинаріи (1904 г., 21), архим. Моисей оптинскій (1863 г., 12), Н. Н. Молочковскій (1893 г., 12 — 15), императоръ Николай I (1889 г., 18; 1896 г., 13), прот. С. И. Никольскій (1900 г., 18. 19), І. П. Пестриковъ (1877 г., 4; 1878 г., 7), митрополитъ Платонъ Городецкій (1889 г., 14; 1891 г., 18; 1905 г., 22), А. П. Побѣдоносцевъ (1890 г., 11), К. П. Побѣдоносцевъ (1881 г., 1882 г.—съ описаніемъ посѣщенія духовныхъ семинарій), С. П. Покровскій (1885 г., 2—4), прот. М. С. Потемкинъ (1876 г., 12. 13), прот. І. Т. Пушкинъ (1896 г., 9. 11. 12), прот. А. И. Ростиславовъ (1889 г., 5. 6), преп. Серафимъ саровскій (1902 г., 16; 1903 г., 12 и слѣд.), прот. Н. Я. Смирновъ (1887 г., 17, 18), А. И. Соколовъ (1882 г., 11 — 15), В. С. Сорокинъ (1898 г., 4. 6), свящ. І. М. Субботинъ (1899 г., 18. 19), прот. І. Н. Февралевъ (1892 г., 6; 1902 г., 12—14), митрополитъ Филаретъ Дроздовъ (1865 г., 17; 1867 г., 15. 16. 22. 24; 1868 г., 1—4; 1883 г., 2), свящ. Θ. І. Флоровъ (1880 г., 16. 17), В. А. Храповицкая (1889 г., 9), прот. Е. І. Чертковъ (1888 г., 23; 1890 г., 1. 2), Я. А. Чистовичъ (1885 г., 25), прот. І. Ф. Чупровъ (1869 г., 5; 1874 г., 5), протопресвитеръ І. Л. Янышевъ (1883 г., 24; 1900 г., 20; 1901 г., 23; 1902 г., 1; 1906 г.), святит. Θеодосій углицкій (1896 г., 19. 20), еп. Θеофилактъ Губинъ (1873 г., 4—6. 10. 17. 18).

Изъ статей, имѣющихъ отношеніе къ мѣстному *миссіонерству*, отмѣтимъ: историческій очеркъ австрійскаго священства (1885 г., 5—11. 13—19), о причинахъ отдѣленія старообрядцевъ (1897 г., 17), расколъ въ калужской епархіи—историческій очеркъ (1874 г., 15. 16. 20), расколъ въ Калугѣ въ XVII и XVIII вв. (1872 г., 19. 20), бѣглопоповщина (1886 г., 19—21. 24; 1887 г., 1. 6. 7. 9. 11. 12. 15. 17. 18), протопопъ Аввакумъ въ боровскомъ пафнутіевомъ монастырѣ (1882 г., 23. 24), О. А. Бѣляевъ (1887 г., 6. 7. 9. 11. 12. 15. 17. 18), попъ Павелъ тульскій (1886 г., 19—21. 24; 1887 г., 1), бѣглые священники (1863 г., 17; 1865 г., 11), бракъ раскольниковъ (1887 г., 4), изъ жизни старообрядцевъ (1869 г., 2. 6), воспоминаніе о жизни въ расколѣ (1873 г., 7—10. 12), бесѣды и поѣздки миссіонеровъ (1883, 1888—1892 гг.), разныя сообщенія и свѣдѣнія о расколѣ (1884 г., 14; 1885 г., 18; 1892 г., 14; 1896 г., 18, 22. 24; 1897 г., 4. 5; 1898 г., 16; 1899 г., 2. 5. 10. 12; 1900 г., 10—12. 15. 17. 18; 1901 г., 21. 22; 1902 г., 12. 13), сказаніе Мартина (1886 г., 7. 8. 10. 11), рецензія на учебникъ по расколу И. Стрѣльбицкаго (1890 г., 10—12), калужскіе сектанты — воздыхающіе (1902 г., 15), демовскіе молоканы (1872 г., 12—17), скопцы (1871 г., 2. 13. 17; 1872 г., 1. 2; 1888 г., 19 — 22; 1898 г., 19), хлысты (1893 г., 23. 24; 1894 г., 1—4. 20—23; 1895 г., 6. 8. 9; 1896 г., 11. 12. 14. 15. 17. 19. 20; 1897 г., 1. 2. 4—7. 9—11).

Богословскія статьи: догматическіе вопросы въ русской литературѣ 1886—1890 гг. (1892 г., 4—6. 9. 10. 14. 15. 21. 23; 1893 г., 1), тайна воплощенія (1893 г., 5. 6), Церковь Христова на землѣ (1890 г., 7 — 10), о Церкви, какъ хранительницѣ истины и добра (1902 г., 20—23), ученіе о Св. Духѣ (1869 г., 18. 20. 21), о почитаніи Божіей Матери (1895 г., 15. 16), ученіе о пастырствѣ въ посланіяхъ и поученіяхъ древнихъ русскихъ іерарховъ (1887 г., 3. 6. 15. 24), пастырь Церкви по Іоанну Златоусту (1895 г., 12. 13), естественная гармонія между человѣческою душою и христіанскимъ духомъ (1886 г., 9 — 14), отношеніе между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ (1869 г.,

13 и сл.), здоровая и больная душа (1904 г.), откуда зло и страданія (1890 г., 24; 1891 г., 1), Декартовы доказательства бытія Божія (1896 г., 23. 24), соціально-коммунистическое ученіе въ отношеніи къ христіанству (1876 г., 9. 10. 14. 18. 21), разборъ сочиненій Вл. С. Соловьева (1882 г., 8—11) и Л. Н. Толстого (1886 г., 9—15), какъ можемъ уподобиться Распятому (1877 г., 5. 6), грѣхъ и крестъ (1901 г., 8. 10), миръ съ вами 1892 г., 7—9), дохристіанскій и христіанскій взглядъ на взаимоотношеніе слугъ и господъ (1894 г., 10. 11), назидательныя статейки о постѣ (1882 г., 15. 16; 1900 г., 4), молитвѣ (1893 г., 7; 1901 г., 2; 1891 г., 4), благотворительности (1891 г., 20), о заповѣдяхъ блаженства (1900 г., 10), о притчѣ о плевелахъ (1901 г., 10), псалмѣ 50 (1901 г., 2), псалмѣ 38 (1887 г., 9), катехизическія поученія (1868 г., 14. 16. 17); 1870 г., 2. 5. 14. 19. 20; 1871 г., 2. 7), статьи о крестномъ знаменіи (1864 г., 18), восьмиконечномъ крестѣ (1865 г., 13) и обычаѣ носить крестъ (1884 г., 21), объ анаѳемѣ (1882 г., 18. 20—22; 1883 г., 6), о воскресномъ днѣ и его провожденіи (1884 г., 19; 1892 г., 16—20; 1894 г., 8. 9), о праздникахъ Пасхи (1891 г., 8; 1875 г., 8; 1883 г., 8), Рождества Христова (1883 г., 1; 1892 г., 23; 1894 г., 24; 1900 г., 21—24; 1901 г., 23—24; 1905 г., 24), Преображенія (1897 г., 15), Успенія (1886 г., 16), Св. Духа (1870 г., 14. 15), Петра и Павла (1898 г., 14), 1 августа (1894 г., 15), новаго года (1887 г., 1; 1888 г., 1; 1894 г., 24; 1899 г., 2; 1901 г. 24; 1902 г., 23), о крестопоклонной недѣлѣ (1870 г., 5), „Чертогъ Твой“ (1887 г., 5), масляница (1893 г., 2), о символахъ въ богослуженіи (1892 г., 4), о благовѣстѣ, звонѣ и колоколахъ (1883 г., 18; 1885 г., 23; 1894 г., 2; 1896 г., 8. 15), о погребеніи умершихъ (1870 г., 21. 22), о разрѣшительной молитвѣ (1883 г., 17), о голосникахъ въ старинныхъ церквахъ (1895 г., 17), о старообрядческихъ малинницахъ (1892 г., 7. 8), о ставленныхъ граматахъ (1884 г., 21), древнія правила о пресвитерахъ (1881 г., 15. 16. 20. 24), о проступкахъ, подлежащихъ духовному суду (1868 г., 20), историческій очеркъ богослужебнаго пѣнія въ древнехристіанской церкви (1879 г., 1. 2. 10—12).

Такъ называемые *современные вопросы* въ жизни духовенства, выступавшіе въ то или другое время на первый планъ, также нашли себѣ отраженіе въ „Е. В.“ Объ улучшеніи постановки церковнаго чтенія (1863 г., 23; 1893 г., 21; 1894 г., 1—4; 1902 г., 18) и пѣнія (1863 г., 23; 1864 г., 13; 1882 г., 19; 1889 г., 14; 1892 г., 1. 5. 7), иконописаніи (1863 г., 19—21), о бракѣ—гражданскомъ (1876 г., 11—13), вдовыхъ священниковъ (1863 г., 16), въ духовномъ званіи (1863 г., 8) и между близкими родственниками (1863 г., 4), о содержаніи духовенства вознагражденіемъ за требы (1863 г., 14), объ улучшеніи быта духовенства (1877 г., 16—19; 1878 г., 8), нужна ли церковная земля духовенству? (1863 г., 6), страхованіе церковныхъ зданій (1879 г., 24), о выборахъ въ церковной средѣ (1864 г., 12) и о съѣздахъ духовенства (1864 г., 3), о наградахъ и правахъ священниковъ (1864 г., 10. 11), о правахъ и обязанностяхъ псаломщиковъ (1903 г., 9—11), о просвѣтительной дѣятельности діакона (1869 г., 12. 9. 23), о сложеніи священнаго сана (1863 г., 15), о народномъ образованіи (1869 г., 9. 23), о книгахъ для народа (1868 г., 3. 4).

Изъ *пастырской практики*: замѣтки новопоставленнаго священника (1867 г., 3. 13), служеніе священниковъ безъ діакона (1874 г., 13. 14. 23), освященіе храмовъ (1895 г., 18), причащеніе младенцевъ за преждеосвященной литургіей (1876 г., 8), духовные слѣдователи (1874 г., 19. 23), приходскіе (1878 г., 1) и похоронные обѣды (1885 г., 24).

По вопросамъ *воспитанія* и *обученія*: попечительность древнихъ христіанъ о воспитаніи дѣтей (1870 г., 1. 2. 6. 9. 17. 19. 22; 1871 г., 6. 9. 10. 14. 18), о воспитаніи дѣтей духовенства (1870 г.), о воспитаніи дѣтей (1867 г., 23), о религіозномъ воспитаніи (1893 г., 22), о воспитательномъ значеніи семьи (1902 г., 15), замѣтки школьнаго учителя (1888 г., 10. 15), школьная дисциплина (1867 г., 2. 7—9; 1890 г., 10. 12. 13), содержаніе духовно-учебныхъ заведеній (1864 г.,

19), духовная бурса (1864 г., 7), общежитія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (1882 г., 15. 20. 21), воскресная школа при калужской семинаріи (1873—1874 гг.).

Изъ статей такъ называемаго *смѣшаннаго содержанія* можно отмѣтить: объ удовольствіяхъ (1876 г., 1), о картежной игрѣ (1875 г., 13; 1876 г., 1), о древнихъ баняхъ (1876 г., 22), о нищихъ въ калужской губерніи (1899 г., 3), о восковыхъ свѣчахъ (1887 г., 11. 12. 18) и пчелиномъ воскѣ (1891 г., 21—24; 1892 г., 1. 3. 11; 1894 г., 9), о садахъ въ народныхъ школахъ (1892 г., 15) и садоводствѣ въ калужской губерніи (1892 г., 10), большая рецензія на очерки аскетической литературы архимандрита Никодима (1905 г., 12—18), объ уходѣ за зубами (1901 г., 9), о водѣ и тепловыхъ свойствахъ ея, какъ свидѣтеляхъ премудрости и благости Творца (1897 г., 9. 10), большое число духовныхъ стихотвореній, въ особенности въ годы пребыванія на калужской каѳедрѣ епископа Макарія, слагавшаго стихи по всякому поводу (1888 г., 10; 1889 г., 21; 1891 г., 6. 7. 10. 23; 1892 г., 2. 24; 1893 г., 3; 1895—1901 гг.—почти въ каждомъ №; 1905 г., 7—8).

С. Рункевичъ.

Калуѳъ см. ниже „Колуѳъ“.

Калчеданскій монастырь, екатеринб. епархія, ср. „Энц.“ V, 353.

Каль (Kahl), Ахатій Іоганъ,—шведскій богословъ и ученый писатель (1794—1888 г.). Сынъ пробста, образованіе получилъ въ лундскомъ унив., магистръ философіи въ 1814 г., доцентъ римской словесности въ 1815 г., адъюнктъ по восточнымъ языкамъ въ 1821 г., принялъ духовный санъ въ 1825 г., докторъ богословія въ 1844 г., юбилейный докторъ философіи въ 1865 г.—К. въ свое время занималъ видное мѣсто среди шведскихъ ученыхъ богослововъ и филологовъ, зарекомендовавъ себя многостороннею литературною дѣятельностію. Помимо сочиненій по римской словесности, греческому и арабскому языкамъ, имъ изданы слѣд. богословскіе труды: „De Aarone summisque Iudaeorum pontificibus, Messiae typis“ (1821); „De vaticiniis messianis eorumque justa aestimatione“, p. I—III (1825); „De allegoria Bibliorum interpretatione ex mente Originis“, p. I—II (1830). Его многочисленныя статьи богословскаго, филологическаго и церковно-историческаго содержанія разсѣяны въ различныхъ шведскихъ и иностранныхъ журналахъ. Болѣе всего однако К. пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ качествѣ „самаго ревностнаго послѣдователя Е. Сведенборга“, которому онъ посвятилъ нѣсколько спеціальныхъ трудовъ, каковы: „Em. Svedenborgii Itenarium, sect. II“ (1844); „Em. Svedenborgii Diarii spiritualis partis VII, sect. III“ (1859): „Братья въ Огіо или новопротестантская церковь въ Сѣверо-Америк. штатахъ“ (1853) и „Новая церковь и ея вліяніе на богословскую науку въ Швеціи“. I—IV (1852—64). Въ своихъ сочиненіяхъ К. рисуетъ Сведенборга, „какъ непреоборимаго противника вольтеріанской школы, натурализма и матеріализма, ученѣйшаго и наиболѣе глубокомысленнаго апологета христіанства“. К. оставилъ послѣ себя также нѣсколько сборниковъ проповѣдей.

См.: Lunds universitets historia 1668—1868; ap. *M. Weibull*, Lund 1868, d. II. Kirke-Leksikon for Norden и Svenskt Biorafiskt Handlexikon af *H. Hofberg* (Art.: Kahl, A. J.). *Otto Ahnfelt*, Ur mina minnen, Stockholm 1905.

П. Р—въ.

Кальваристки (отъ Calvaire—Голгоѳа) или голгоѳянки, или еще „дочери Кальвера“ (filles du Calvaire, Religieuses или Bénedictines de Notre-Dame du Calvaire),—женская монашеская конгрегація во Франціи, основанная въ Пуатье дочерью герцога Лонгевиля, Антуанеттою орлеанской (вдова убитаго въ 1595 г. Карла Гонди, умерла въ 1618 г.) и утвержденная въ 1617 г. Людовикомъ XIII и папою Павломъ V. Въ Парижѣ было два монастыря этого ордена, устроенные знаменитымъ сотрудникомъ Ришельё монахомъ Іосифомъ Леклеркомъ (род. 1577 г., † 1638): одинъ—въ 1620 г. на улицѣ Вожираръ, который въ 1790 г. былъ обращенъ въ каретный сарай при Люксембургскомъ дворцѣ; другой, въ которомъ жила начальница всего

ордена, —въ 1633 г.; онъ находился на мѣстѣ нынѣшнихъ парижскихъ улицъ Нёвъ-де-Бретань и Нёвъ-де-Менильмонтанъ. Въ уставѣ ордена объединяются предписанія Бенидикта нурсійскаго и Франциска ассизскаго.

Н. В. П—въ.

Кальваристы или „голгоѳяне“ —священники Кальвера (Calvaire — Голгоѳа), французское религіозное общество, основанное Губертомъ Шарпантье въ 1633 г. на горѣ Бетарамъ (теперь въ діоцезѣ Байоны, недалеко отъ г. По) и при церкви Божіей Матери въ Гарезонѣ, — въ діоцезѣ Ошъ,— куда стекалась масса богомольцевъ. Цѣль этого общества—ввести, какъ можно, болѣе торжественное чествованіе страстей Іисуса Христа [1]) и чрезъ это возвратить въ католичество жителей бывшаго королевства Беарнскаго (на юго-западѣ Франціи). Когда Людовикъ XIII позволилъ Губерту Шарпантье поселиться на горѣ Валеріанъ (около Парижа),—„общество распространенія вѣры“, основанное для обращенія протестантовъ, примкнуло къ конгрегаціи „голгоѳянъ“, которая оффиціально была разрѣшена граматою короля въ 1650 г. Позже священники-кальваристы Бетарама и горы Валеріанъ соединились вмѣстѣ и въ общество ихъ были допущены священники Парижа. Слѣдствіемъ этого было установленіе особыхъ торжественныхъ процессій, каковыя совершались во дни „рогацій“ или *публичныхъ моленій* и крестныхъ ходовъ (3 дня предъ Вознесеніемъ) изъ церквей Парижа на гору Валеріанъ, получившую названіе горы Голгоѳской.

[См. и въ „Энциклопедіяхъ“ Herzog-Hauck III³, 654 и F. Lichtenberger II, 529].

Н. П—въ.

Кальварія (виленская). Такъ называется костелъ (Кальварійскій) со многими часовнями въ память страданій Спасителя, находящійся въ окрестностяхъ Вильны, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Кальварія получила свое начало слѣдующимъ образомъ. Вскорѣ послѣ освобожденія Вильны изъ-подъ русскаго владычества, продолжавшагося окола семи лѣтъ (1654—1661 г.), у католиковъ явилась мысль ознаменовать избавленіе литовской столицы какимъ-либо богоугоднымъ дѣломъ; епископъ Бѣлозоръ рѣшилъ основать „Кальварію“ и построить часовни въ воспоминаніе страданій Спасителя въ своемъ епископскомъ имѣніи „Верки“, въ окрестностяхъ котораго въ 1659 г. одержана была русскими побѣда надъ поляками. Постройка часовенъ и костела, на которую виленскій капитулъ ежегодно (начиная съ 2 ноября 1662 г.) отчислялъ извѣстную сумму, была закончена въ 1669 г. преемникомъ Бѣлозора епископомъ Александромъ Сапѣгою. Въ этомъ же году Кальварія перешла въ завѣдываніе виленскихъ доминиканцевъ, которые, впрочемъ, вскорѣ (именно—въ 1675 г.) были выгнаны изъ нея епископомъ Михаиломъ Пацомъ, пригласившимъ на ихъ мѣсто варшавскихъ доминиканъ. Процессъ, возникшій между виленскими и варшавскими доминиканами, кончился только въ 1755 г. въ пользу первыхъ. Виленскіе доминиканцы съ усердіемъ принялись за украшеніе монастыря; въ 1772 г. освященъ былъ епископомъ Ѳомою Зенковичемъ нынѣшній каменный костелъ (до этого времени былъ деревянный) во имя „Обрѣтенія св. Креста“. Въ 1812 г. костелъ и постройки при немъ сильно пострадали отъ французовъ, устроившихъ въ нихъ госпиталь и казармы. На возстановленіе Кальваріи много стараній и усилій употребилъ настоятель монастыря кс. Матѳей Магнушевскій, составившій въ 1838 г. и первый путеводитель по Кальваріи. Въ 1850 г. Кальварійскій монастырь былъ закрытъ,—и доминиканцы были переведены въ Трокскій монастырь, а Кальварійскій костелъ былъ обращенъ въ приходскій для 38 окрестныхъ деревень и поселковъ.

Прилегая непосредственно къ Тринополю (Тринополь—загородная дача виленскихъ православныхъ архіереевъ), Кальварія расположена въ сосновомъ лѣсу, принадлежащемъ теперь виленскому православному Свято-Духову монастырю. Мѣстность холми-

---

1) Съ этою цѣлію и теперь у католиковъ устраиваются такъ наз. „Кальвэры“, напр., въ извѣстномъ Лурдѣ (на югѣ Франціи), но есть они даже и въ Россіи: см. ниже — „Кальварія (виленская)“.

Н. Г.

стая, очень живописная. Она покрыта дремучимъ лѣсомъ, который тянется на далекое разстояніе по правому, очень высокому берегу рѣки Виліи. Въ этомъ-то лѣсу,—повидимому, безъ опредѣленнаго порядка, на самомъ же дѣлѣ по строго выработанному въ свое время плану (разстоянія и дороги были точно вымѣряны на подобіе іерусалимскихъ), — разбросаны небольшія каменныя часовни, носящія названія „станцій“; всѣхъ ихъ 35 (I: Тайная вечеря; II: Подъ Масличной горой; III: Въ Геѳсиманскомъ саду; IV: Цѣлованіе Іудино; V: У потока Кедронскаго; VI: У первыхъ водныхъ вратъ; VII: У первыхъ Сіонскихъ вратъ; VIII: У Анны; IX: У Каіафы; X: Въ темницѣ; XI: У Каіафы второй разъ; XII: У вторыхъ Сіонскихъ вратъ; XIII: У Пилата 1-ый разъ; XIV: У желѣзныхъ вратъ; XV: У Ирода; XVI: У желѣзныхъ вратъ вторично; XVII: У первыхъ вратъ Стараго города; XVIII: У вторыхъ вратъ Новаго города; XIX: У третьихъ вратъ Новаго города; XX: У четвертыхъ вратъ Стараго города; XXI: У Пилата 2 разъ; XXII: При возложеніи креста; XXIII: При первомъ паденіи съ крестомъ; XXIV: При встрѣчѣ съ Пречистою Матерью; XXV: У Симона киринейскаго; XXVI: У Вероники; XXVII: При 2-мъ паденіи съ крестомъ у Судовыхъ вратъ; XXVIII: У плачущихъ дѣвъ; XXIX: При 3-мъ паденіи съ крестомъ подъ самою горой; XXX: При снятіи одеждъ; XXXI: На мѣстѣ пригвожденія ко кресту и поднятія на крестъ; XXXII: На самой Голгоѳѣ; XXXIII: На мѣстѣ снятія со креста; XXXIV: У гроба; XXXV: У мѣста обрѣтенія креста). Порядокъ и планъ расположенія „станцій“ изображаетъ собою тотъ крестный іерусалимскій путь, по которому Спаситель шелъ на вольную смерть. Въ каждой часовнѣ, на противоположной отъ входа стѣнѣ, находятся изображенія разныхъ моментовъ страданій Спасителя,—напр., Тайная вечеря, моленіе о чашѣ, несеніе креста, судъ Пилата и т. п. Не всѣ часовни одинаковой архитектуры; большинство изъ нихъ въ одинъ этажъ, но имѣются и въ два этажа; есть станціи въ видѣ деревянныхъ тріумфальныхъ воротъ. Общее протяженіе всего крестнаго пути свыше двухъ верстъ. Отъ одной станціи къ другой проложены и протоптаны дорожки и тропинки, красиво извивающіяся между вѣковыми соснами. Въ одномъ мѣстѣ дорожка спускается въ глубокій оврагъ, на днѣ котораго протекаетъ ручеекъ „Кедронъ“, съ деревяннымъ мостикомъ чрезъ него. Поклонники считаютъ священною обязанностію напиться воды изъ этого ручейка, смочить глаза или умыть лицо. Въ концѣ крестнаго пути, на высокой горѣ, находится костелъ, къ которому ведетъ широкая каменная лѣстница. Въ костелѣ устроенъ гробъ Спасителя, что и составляетъ одну изъ послѣднихъ „станцій“. Весною и лѣтомъ, а особенно въ праздникъ Св. Троицы въ Кальварію стекаются десятки тысячъ богомольцевъ со всего западнаго края, среди которыхъ бываетъ не малое число и православныхъ. Разбившись на отдѣльныя группы подъ руководствомъ особыхъ знающихъ людей „проводниковъ“, въ строгомъ порядкѣ и благоговѣйномъ настроеніи, переходятъ они отъ одной „станціи“ къ другой, съ громкимъ пѣніемъ священныхъ пѣсней и молитвъ, приноровленныхъ къ значенію каждой станціи.

См. „Виленскій календарь на 1906 г.“; приложеніе, стр. 59—62; „Вильна и окрестности“: Путеводитель (Вильна 1883), стр. 284—286.

А. В. П.

Кальвинъ и кальвинизмъ. Іоаннъ Кальвинъ, по французскому произношенію Жанъ Ковенъ или Кольвенъ, родился въ 1509 г. на сѣверѣ Франціи, въ провинціи Пикардіи, въ городѣ Нойонѣ. Его предки были городскіе простолюдины: дѣдъ былъ бондарь, а отецъ Жераръ Ковенъ—чиновникъ, занимавшій должности повѣреннаго по казеннымъ сборамъ въ нойонскомъ округѣ, епископскаго секретаря и члена совѣта при каѳедральномъ соборѣ въ Нойонѣ. Средства Жерара Ковена были не велики, но ему посчастливилось дать сыну хорошее воспитаніе и образованіе, хотя и не въ своей семьѣ. Кальвинъ очень рано лишился своей матери. Отсутствіе матери почти всегда бываетъ неблагопріятно для воспитанія и первоначальнаго обученія дѣтей-полусиротъ. Но для развитія Кальвина смерть его матери сопровождалась тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, что отецъ отдалъ его на воспитаніе въ дружествен-

ную семью Момморъ. Момморы были одною изъ первыхъ дворянскихъ фамилій въ округѣ, и Кальвинъ получилъ наравнѣ съ дѣтьми Моммора воспитаніе и первоначальное обученіе гораздо лучшее, нежели какое могли дать ему дома. Однако жизнь хотя и среди дружественной, но все-таки чужой семьи и, въ особенности, отсутствіе въ юные годы ласкъ и нѣжной попечительности матери,

Іоаннъ Кальвинъ.

(По снимку съ оригинала въ Женевской библіотекѣ).

думаемъ, способствовали развитію въ Кальвинѣ суровости, чрезмѣрной нравственной строгости (ригоризма) и мрачнаго характера. Уже съ юнаго возраста стали обнаруживаться въ немъ нравственная строгость и сильное религіозное чувство. Отецъ его, замѣтивши это настроеніе, да и самъ вращаясь среди духовныхъ лицъ, прочилъ сына на духовную службу и доставилъ ему мѣсто капеллана при каѳедральномъ соборѣ въ Нойонѣ. Въ 1523 г. для дальнѣйшаго образованія Кальвинъ отправился въ Парижъ и жилъ тамъ въ коллегіяхъ сначала Марше, а потомъ Монтегю. Въ 1527 г. по ходатайству отца онъ получилъ мѣсто патера въ Мартвилѣ, а въ 1529 г. перешелъ на такое же мѣсто въ Понъ-Левекъ. При злоупотребленіяхъ въ клирѣ латинской церкви Кальвинъ будто бы былъ священникомъ безъ хиротоніи, получивши только тонсуру. При своемъ умѣ, трудолюбіи, твердомъ характерѣ, выдержанности и нравственной строгости, Кальвинъ, безъ сомнѣнія, достигъ бы высокаго положенія въ клирѣ латинской церкви. Но обстоятельства сложились такъ, что онъ очень скоро сталъ на другую дорогу. Толкнулъ его на другой путь,—хотя совсѣмъ не тотъ, какой выпалъ впослѣдствіи Кальвину на долю,—его отецъ, родительской власти котораго Кальвинъ вполнѣ подчинялся. Потому-ли, что Жераръ сильно разссорился съ нойонскимъ соборнымъ капитуломъ, такъ что и умеръ, находясь подъ отлученіемъ съ запрещеніемъ хоронить его по церковному обряду, или ему казалось, что подававшій большія надежды сынъ достигнетъ болѣе блестящаго положенія на другомъ поприщѣ, только Кальвинъ началъ изучать юридическія науки въ университетахъ въ Орлеанѣ, а потомъ въ Буржѣ. Въ первомъ онъ слушалъ лекціи знаменитаго юриста Петра Этуаля, а во второмъ лекціи не менѣе извѣстнаго Андрея Алсіа и по окончаніи курсовъ былъ удостоенъ степени доктора юриспруденціи. Кромѣ юридическихъ наукъ въ Буржѣ Кальвинъ занимался словесными науками, изученію которыхъ онъ предался съ особеннымъ рвеніемъ послѣ смерти отца, послѣдовавшей въ маѣ 1531 г. Одинъ изъ преподавателей этихъ наукъ, профессоръ греческаго языка нѣмецъ Мельхіоръ Вольмаръ, приверженецъ Лютера, заронилъ сѣмена протестантизма въ душу Кальвина, въ занятіяхъ богословіемъ указалъ ему его настоящее призваніе и будто бы даже предугадалъ въ немъ будущаго реформатора. Плодомъ изученія гуманитарныхъ наукъ былъ первый, единственный небогословскій, ученый трудъ Кальвина, вышедшій въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1532 г. въ Парижѣ, куда Кальвинъ прибылъ лѣтомъ 1531 г. Именно, онъ издалъ сочиненіе Сенеки въ двухъ книгахъ: „О милосердіи къ кесарю Нерону“, снабдивши его своимъ Комментаріемъ. Изъ классиковъ избралъ онъ Сенеку по внушенію товарища по юридическимъ курсамъ Коннана, да и самъ онъ считалъ Сенеку первымъ стилистомъ послѣ Цицерона и высокимъ авторитетомъ

въ нравственныхъ вопросахъ. Слѣдуя взглядамъ своихъ учителей юристовъ, Кальвинъ въ Комментаріи на сочиненіе Сенеки, въ разрѣзъ со взглядами самого Сенеки, осуждаетъ неограниченную власть и тираннію. Протестантскихъ взглядовъ въ этомъ сочиненіи Кальвина еще не замѣтно. Тѣмъ не менѣе Лефранъ и нѣкоторые другіе біографы Кальвина полагаютъ, что именно въ 1532 г. произошелъ религіозный переворотъ въ душѣ Кальвина. Можетъ быть, это и правда, но нѣтъ документовъ, въ которыхъ обнаружилась бы наличность переворота. Въ слѣдующемъ 1533 г. 1-го ноября, въ праздникъ всѣхъ святыхъ, другъ Кальвина ректоръ университета Николай Копъ произнесъ въ Парижѣ въ торжественномъ годичномъ собраніи университета рѣчь, обращенную къ французскому королю Франциску I.

По мнѣнію однихъ, основная идея рѣчи внушена была Копу Кальвиномъ, а другіе считаютъ Кальвина даже авторомъ рѣчи. Эта рѣчь по духу была протестантскою. Впрочемъ, иные отрицаютъ участіе Кальвина въ этомъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, Кальвинъ послѣ этого событія вынужденъ былъ удалиться изъ Парижа переодѣтымъ, изъ опасенія преслѣдованія. Онъ бѣжалъ въ южную Францію и жилъ тамъ въ Сантонжѣ и Ангулемѣ подъ чужимъ именемъ. Въ Ангулемѣ онъ нашелъ убѣжище и радушный пріемъ у молодого каноника Людовика Дю-Тиллэ, склонявшагося къ протестантизму. Пользуясь обширною библіотекой Дю-Тиллэ, Кальвинъ, какъ полагаютъ, въ это время уже задумалъ составить систему богословія.

На югѣ Франціи Кальвинъ, однако, жилъ не безвыѣздно: онъ ѣздилъ отсюда въ Парижъ и въ Нойонъ. Въ Нойонѣ онъ отказался отъ должности патера, а по мнѣнію Лефрана будто бы вызвалъ раздраженіе въ мѣстномъ духовенствѣ своими протестантскими взглядами, такъ что былъ якобы подвергнутъ аресту по случаю безпорядка, произведеннаго въ церкви подъ Троицынъ день въ 1534 г. Но было ли вызвано раздраженіе Нойонскаго духовенства противъ Кальвина непріязнію, которую оно уже питало къ семьѣ Ковеновъ, или же проповѣданіемъ со стороны Кальвина его протестантскихъ воззрѣній, сказать трудно. Въ Нойонѣ Кальвинъ провелъ въ 1534 г. нѣсколько мѣсяцевъ, а это показываетъ, что серьезной опасности для себя въ это время онъ не видѣлъ. Весьма возможно, что Кальвинъ сначала считалъ нужными только умѣренныя церковныя реформы въ духѣ эразмовскаго гуманизма, которымъ въ то время увлекались многіе и въ частности королева наваррская Маргарита и ея дворъ въ Ангулемѣ, а не былъ еще настоящимъ протестантомъ по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ, но высказывалъ ихъ осторожно и не публично. Какъ извѣстно, Кальвинъ вообще отличался сдержанностію. Лефранъ утверждаетъ, что Кальвинъ въ 1534 г. въ Нойонѣ рѣшительно примкнулъ къ протестантскому движенію и открыто провозглашалъ свои чисто протестантскія воззрѣнія. Провозглашалъ ли онъ эти воззрѣнія публично, это неизвѣстно; но въ письмѣ его къ страсбургскому реформатору Буцеру, посланномъ изъ Нойона въ началѣ сентября, Кальвинъ выступаетъ настоящимъ протестантомъ: въ отличіе отъ прежнихъ писемъ, оно начинается обычнымъ у протестантовъ евангельскимъ привѣтствіемъ; нойонскіе протестанты названы въ немъ братьями; положеніе приверженцевъ протестантизма во Франціи представляется Кальвину невыносимымъ. Въ это время, очевидно, онъ уже далеко ушелъ отъ умѣренныхъ требованій гуманистовъ. По свидѣтельству біографа Кальвинова, Безы, на развитіе его реформаціонныхъ идей оказалъ значительное вліяніе ученикъ Буцера, пріятель и родственникъ Кальвина Пьеръ Роберъ Оливетанъ. Самъ Кальвинъ считалъ 1534 г. временемъ своего истиннаго обращенія, и при томъ происшедшаго будто бы внезапно. Эту внезапность нужно понимать такъ, что подъ вліяніемъ какого-нибудь событія или гуманистическія воззрѣнія Кальвина измѣнились въ чисто протестантскія, или колебанія и сомнѣнія въ истинности новыхъ идей разрѣшились въ пользу этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ документально извѣстно, что къ сентябрю 1534 г. Кальвинъ былъ протестантомъ, а за сколько времени до сентября совершился въ немъ разрывъ съ католицизмомъ и окончательный переходъ къ протестантству, сказать трудно. Въ томъ же 1534 г. Кальвинъ былъ въ Орлеанѣ и посѣтилъ своихъ друзей въ Парижѣ. Но не позже октября этого года онъ покинулъ отечество. Въ то

время протестанты во Франціи подверглись преслѣдованію за распространеніе листка: „Объ отвратительныхъ и великихъ злоупотребленіяхъ папской миссы“, и многіе представители протестантства во Франціи уѣзжали изъ нея, каковы: Оливетанъ, Копъ, Кастелліонъ; за ними послѣдовалъ и Кальвинъ. Они полагали, что во Франціи пока еще не возможно вести дѣло реформаціи. Въ обращеніи къ французскому королю Франциску I Кальвинъ высказалъ мысль, что какъ ни жаль ему родины, но при теперешнемъ положеніи вещей онъ не очень огорченъ разлукой съ нею. Кальвинъ выѣхалъ изъ Франціи вмѣстѣ съ своимъ другомъ Людовикомъ Дю-Тиллэ чрезъ Страсбургъ въ Базель, куда онъ прибылъ въ началѣ 1535 г. Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ отечествѣ Кальвинъ написалъ или по крайней мѣрѣ началъ писать свое первое богословское сочиненіе: „Psychopannychia“. Первое предисловіе къ этому сочиненію помѣчено: „1534 г., Орлеанъ“. Замѣчательно, что въ немъ Кальвинъ борется не противъ католицизма и его злоупотребленій, не противъ своего главнаго врага, а опровергаетъ ученіе объ одномъ частномъ пунктѣ протестантской же секты — анабаптистовъ, а именно, доказываетъ вопреки имъ, что по смерти до всеобщаго воскресенія души людей не пребываютъ въ сонномъ, похожемъ на смерть, состояніи. Но друзья Кальвина Капитонъ и Буцеръ посовѣтовали ему не печатать это сочиненіе, чтобы не разжигать раздора между протестантами въ тяжелое для нихъ время; и оно вышло въ свѣтъ только уже въ 1542 г. Въ Базелѣ на свободѣ Кальвинъ предался ученымъ занятіямъ, именно, изготовленію главнаго своего сочиненія: „Institutiones religionis christianae“ (Наставленія въ христіанской вѣрѣ). Онъ намѣренъ былъ дать въ немъ сумму, систематическій сводъ всего протестантскаго ученія. Въ обращеніи къ королю, предпосланномъ сочиненію въ видѣ предисловія, онъ говоритъ, что оно должно придти на помощь тѣмъ его соотечественникамъ, которые исполнены стремленія ко Христу, но далеки отъ познанія Его, т. е., оно должно служить руководствомъ къ усвоенію системы новаго ученія. Другая задача сочиненія состояла въ томъ, чтобы возбудить въ иныхъ народахъ сочувствіе къ французскимъ протестантамъ, которыхъ въ отечествѣ преслѣдовали, и чтобы разоблачить клевету гонителей, будто они преслѣдовали только анабаптистовъ и мятежниковъ, которые своими сумазбродными ученіями старались ниспровергнуть не только вѣру, но и государственный порядокъ. Сочиненіе было написано и издано на латинскомъ языкѣ, такъ какъ предназначалось для ученыхъ и образованныхъ людей, къ какому бы народу они ни принадлежали; и только позже, въ 1541 г., въ интересахъ французскихъ читателей, Кальвинъ перевелъ его на свой отечественный языкъ. Первыя четыре главы чисто догматическаго содержанія были написаны Кальвиномъ, повидимому, еще во Франціи; все же произведеніе окончено въ Базелѣ къ зимѣ 1535 г., чрезъ годъ послѣ выѣзда изъ Франціи, а вышло оно въ свѣтъ весною 1536 г. Сочиненіе было раздѣлено на шесть главъ: 1) о десятословіи, 2) о вѣрѣ, 3) о молитвѣ, 4) о таинствахъ—крещеніи и евхаристіи, 5) о прочихъ пяти таинствахъ, не признанныхъ Кальвиномъ за таинства, 6) о церковной свободѣ, о церковной власти и политическомъ управленіи. Во второмъ изданіи, вышедшемъ въ 1539 г. въ Страсбургѣ, книга была значительно увеличена и имѣла двадцать одну главу. Второе изданіе представляетъ основательную переработку перваго. Первое изданіе въ догматической части было и общедоступнымъ руководствомъ, и серьезнымъ введеніемъ въ изученіе Писанія съ протестантской точки зрѣнія. Новое изданіе должно было преимущественно выполнить вторую изъ этихъ задачъ. Книга была предназначена главнымъ образомъ для студентовъ-богослововъ, вообще для начинающихъ ученыхъ. Въ ней догматы раскрыты подробнѣе; цитатъ изъ Писанія, изъ классическихъ писателей и отцовъ Церкви гораздо больше; система сложнѣе. Первая часть расширена по крайней мѣрѣ втрое; но вторая, апологетическая и практическая часть, осталась почти безъ перемѣны. Второе изданіе ученѣе перваго. Въ частности, вслѣдствіе столкновенія съ свѣтской властію и борьбы противъ католицизма, анабаптизма и церковнаго анархизма, Кальвинъ во второмъ изданіи расширилъ ученіе о церкви, признавши авторитетъ за отдѣль-

ными церквами, какъ частями всемірной Церкви и какъ обладающими проповѣдью Евангелія и правильнымъ совершеніемъ таинствъ, и отвергнувши поднятіе о церкви анабаптистовъ, какъ обществѣ однихъ святыхъ людей. Третье изданіе „Наставленій" вышло также въ Страсбургѣ въ 1543 г. съ слѣдующимъ пополненіемъ заглавія: „Наставленія въ христіанской вѣрѣ, наконецъ дѣйствительно отвѣчающія своему заглавію". Особенность этого изданія составляетъ обширная восьмая глава объ устройствѣ церкви, ея управленіи, власти и церковной дисциплинѣ. Эта новая вставка увеличила книгу чуть не на четвертую часть. Кальвинъ учитъ, что священники (между которыми Кальвинъ различаетъ проповѣдниковъ и богословъ-учителей), старѣйшины, надзирающіе за нравами, и діаконы, ухаживающіе за сиротами и бѣдными, избираются народомъ подъ исключительнымъ руководствомъ церковной власти; что церкви принадлежитъ судъ надъ проступками ея членовъ, дополняющій мірской судъ; что церковь отъ свѣтской власти независима и даже можетъ судить ее; что для рѣшенія вопросовъ вѣры должно созывать соборы священниковъ; что церковь не должна употреблять меча. Въ общемъ взглядъ Кальвина на устройство церкви демократическій и на отношеніе ея къ государству теократическій. Эти теоретическіе принципы устройства церкви были осуществлены болѣе или менѣе и на практикѣ въ женевской и другихъ кальвиновскихъ общинахъ. Слѣдующія изданія „Наставленій въ христіанской вѣрѣ"—четвертое въ 1545 г., пятое въ 1550 г., шестое въ 1553 и седьмое въ 1554 годахъ отличались отъ третьяго только мелкими дополненіями. Восьмое, послѣднее при жизни Кальвина, изданіе этой книги вышло въ свѣтъ въ 1559 г. Его и стали перепечатывать послѣ смерти Кальвина, какъ окончательную и самую полную редакцію книги, превышающую объемомъ первое изданіе почти въ пять разъ. Это восьмое изданіе раздѣляется на четыре книги, и во всѣхъ нихъ 80 главъ (18+ +17+25+20): 1) О познаніи Бога творца; 2) О познаніи Бога Искупителя во Христѣ...; 3) О способѣ воспріятія благодати Христовой, о плодахъ ея и дѣйствіяхъ; 4) О внѣшнихъ средствахъ, которыми Богъ призываетъ насъ въ общество Христово и въ немъ удерживаетъ (о Церкви и таинствахъ). Извлеченіе изъ „Наставленій христіанской вѣры" образовало Катихизисъ, изданный на французскомъ языкѣ въ 1536 г., а на латинскомъ въ 1538 г. Въ этомъ Катихизисѣ нѣтъ вопросовъ и отвѣтовъ и его нужно отличать отъ Малаго женевскаго Катихизиса, составленнаго въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Ко времени пріѣзда Кальвина въ Базель реформація уже широко распространилась по Швейцаріи: въ иныхъ мѣстахъ протестантизмъ сталъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, въ другихъ онъ боролся съ католицизмомъ за преобладаніе и былъ на пути къ нему. Какъ извѣстно, отцомъ реформатскаго исповѣданія, распространившагося первоначально въ Швейцаріи, былъ Цвингли. Въ тѣ же годы, какъ Лютеръ въ Виттенбергѣ, Цвингли началъ провозглашать протестантскія идеи въ Цюрихѣ, и уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI ст. Цюрихъ сталъ городомъ протестантскимъ. Хотя армія католическихъ кантоновъ: Люцерна, Ури, Швица, Унтервальдена и Цуга, разбила цюрихское войско при Капелѣ въ 1531 г., и самъ Цвингли былъ убитъ въ этомъ сраженіи, и хотя послѣ этого католичество было возстановлено въ нѣкоторой части нѣмецкой Швейцаріи, однако реформатское исповѣданіе продолжало распространяться въ этой странѣ. Въ частности, во французской Швейцаріи предшественникомъ и соработникомъ Кальвина въ проповѣданіи реформатства былъ французъ Фарель, изгнанный изъ Франціи и пріѣхавшій въ Базель въ 1523 г. Онъ распространилъ реформатство во многихъ городахъ юго-западной Швейцаріи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ шестнадцатаго вѣка. Въ Женевѣ не было благопріятной почвы для реформаціи, и Фарель былъ даже изгнанъ изъ нея въ 1532 г., пробывши только нѣсколько дней. Въ это время Женева стала вольнымъ городомъ, освободившись отъ подчиненія Савойскому герцогу. Это освобожденіе было достигнуто союзомъ Женевы съ Фрейбургомъ и могущественнымъ Берномъ. Въ Бернѣ тогда уже господствовало ученіе Цвингли, и Бернъ сталъ оказывать вліяніе на Женеву. Фроманъ нѣсколько мѣсяцевъ распространялъ въ Женевѣ ре-

форматство. Явился опять сюда и Фарель. Женевцы раздѣлились на двѣ партіи: католическую и реформатскую; послѣдняя усиливалась болѣе и болѣе, и въ 1535 г. Женева стала реформатскимъ городомъ. Хотя Фарель былъ покинутъ наиболѣе дѣятельными своими помощниками, Вире уѣхалъ въ Неуенбургъ, Фроманъ отказался отъ общественной дѣятельности; но утрата этихъ людей для реформатства въ Женевѣ была вознаграждена дѣятельностію здѣсь Кальвина. Окончивши „Наставленія въ христіанской вѣрѣ“, онъ въ 1536 г. отправился изъ Базеля въ Италію къ герцогинѣ Ренатѣ феррарской, дочери французскаго короля Людовика XII, расположенной къ протестантству; однако пробылъ тамъ не долго. Уѣхавши изъ Италіи, онъ посѣтилъ свой родной городъ и былъ намѣренъ поселиться въ Страсбургѣ или Базелѣ. Во время путешествія онъ заѣхалъ на нѣсколько дней въ Женеву въ августѣ 1536 г. Но послѣдствіемъ этого случайнаго проѣзда Кальвина чрезъ Женеву было то, что здѣсь онъ остался жить и дѣйствовать, и Женева стала для него вторымъ отечествомъ. Другъ Кальвина Людовикъ Дю-Тиллэ, разссорившійся съ Кальвиномъ послѣ его возвращенія изъ Италіи и проживавшій теперь въ Женевѣ, разсказалъ своимъ друзьямъ о пріѣздѣ Кальвина въ Женеву. Слухи дошли и до Фареля. Онъ сталъ убѣждать Кальвина остаться въ Женевѣ, а когда убѣжденія не помогли, то принудилъ его къ этому угрозами суда Божія, чтобы имѣть въ немъ помощника въ церковномъ реформированіи Женевы. Отправившись для устройства своихъ дѣлъ на короткое время въ Базель, Кальвинъ возвратился въ Женеву. Теперь началась разнообразная, ученая и практическая, дѣятельность Кальвина въ Женевѣ и для Женевы. По предложенію Фареля Совѣтъ (городской) разрѣшилъ Кальвину читать въ соборѣ св. Петра объясненія Свящ. Писанія, имѣвшія характеръ богословскихъ лекцій. Кальвинъ одержалъ побѣду надъ анабаптистами въ публичномъ состязаніи въ присутствіи Совѣта и народа. Въ 1537 г. Фарель и Кальвинъ представили Совѣту составленный, повидимому, Кальвиномъ проектъ правилъ церковнаго устройства Женевы. Въ проектѣ двѣ стороны: полемическая, противъ католицизма, который еще глубоко коренился въ сердцахъ женевцевъ, и положительная, излагавшая планъ протестантскаго обученія, правила нравственной дисциплины и особенности богослуженія. Основная мысль проекта—чуждое швейцарскимъ общинамъ обособленіе церковной власти отъ гражданской и главенство первой надъ послѣднею. Проектъ правилъ имѣлъ много пробѣловъ, не имѣлъ опредѣленности и законченности и обнаруживалъ неопытность составителя. Вмѣстѣ съ правилами были предложены „Исповѣданіе“ и Катихизисъ, или возвѣщалось, что они скоро будутъ представлены. Исповѣданіе, повидимому, составлено Фарелемъ, но не безъ участія Кальвина. Его нужно отличать отъ „Исповѣданія Швейцарскаго“. Катихизисъ былъ конспектомъ „Наставленій въ христіанской вѣрѣ“, о чемъ мы упомянули раньше. Совѣтъ принялъ правила, но съ большими урѣзками, а съ другой стороны значительно дополнилъ ихъ. „Исповѣданіе“ было принято, а также было принято и предложеніе, сдѣланное, повидимому, Кальвиномъ, чтобы правительственные делегаты и проповѣдники опросили каждаго жителя, принимаетъ ли онъ „Исповѣданіе“, и отбирали присягу. Этимъ путемъ можно было узнать, кто принадлежитъ къ протестантской церкви. Не присягнувшихъ стали изгонять изъ города. Но эта крутая мѣра вызвала сильное противодѣйствіе правительству, которымъ многіе были не довольны и за его самовластіе. Въ ноябрѣ 1537 г. собралось очередное народное вѣче. Оно возстало противъ управленія города немногими лицами, потребовало демократическаго строя правленія. На выборахъ въ 1538 г. многіе изъ членовъ Совѣта были забаллотированы и выбраны лица изъ оппозицій. Новое правительство не сочувствовало Фарелю и Кальвину, тѣмъ болѣе, что оно угождало Берну, а нѣкоторые бернскіе пасторы, особенно Кунцъ, не сочувствовали Фарелю и Кальвину. Въ мартѣ 1538 г. было приказано проповѣдникамъ, т. е. Фарелю и Кальвину, не вмѣшиваться въ политику и дѣла магистрата, а только проповѣдывать Евангеліе. Совѣтъ принялъ бернскій регламентъ о церковныхъ обрядахъ, не спросившись проповѣдниковъ. Бернъ въ посланіяхъ къ правительству и къ проповѣдникамъ Жене-

вы просилъ ихъ въ силу дружескаго и братскаго чувства выразить согласіе на три пункта: введеніе баптистеріевъ, четырехъ большихъ праздниковъ и опрѣсноковъ въ причащеніи. Проповѣдники не хотѣли принять предложенія Берна, рѣзко осуждали дѣйствія правительства съ каѳедры, не подчинились приказу правительства прекратить проповѣдываніе, а Кальвинъ назвалъ собраніе Совѣта „діавольскимъ сборищемъ". Вообще, проповѣдники, признавая себя посланниками Божіими, выказали надменность и неуступчивость въ отношеніи свѣтскаго правительства, власти котораго надъ собой они, повидимому, не признавали. Тогда вѣче постановило изгнать ихъ изъ города. Кальвинъ подалъ жалобу въ Бернъ съ программою условій, на которыхъ могло бы состояться примиреніе проповѣдника съ Женевой. Но эта попытка не достигла цѣли. Въ апрѣлѣ 1538 г. Кальвинъ выѣхалъ изъ Женевы въ Страсбургъ, къ своему пріятелю Буцеру, который уже лѣтъ десять какъ ввелъ реформацію въ этомъ городѣ. Въ Страсбургъ стекались французскіе, нидерландскіе и англійскіе протестанты и отсюда расходились въ разныя страны. Страсбургская протестантская община держалась примирительнаго направленія, она принимала къ сердцу интересы протестантскихъ общинъ въ другихъ странахъ и была посредницею между лютеранами и цвингліанами. Подъ вліяніемъ этого направленія Кальвинъ во второмъ изданіи „Наставленій въ христіанской вѣры" выставилъ идею всемірной Церкви. Онъ отдаетъ явное предпочтеніе Лютеру предъ кумиромъ швейцарцевъ Цвингли и жалуется на крайнюю несговорчивость цвингліанъ. Занятый прежде вопросами отвлеченными и интересами мѣстными, Кальвинъ теперь впервые знакомится съ обще-европейскимъ, а въ особенности германскимъ реформаціоннымъ движеніемъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ немъ и вступаетъ въ сношенія съ германскими реформаторами. Желая подъ вліяніемъ Буцера соглашенія и примиренія между различными партіями и направленіями протестантства, Кальвинъ въ отношеніи католиковъ по прежнему остается непримиримымъ, рѣзко осуждаетъ всякія уступки имъ и провозглашаетъ воинственную политику. Поэтому онъ не могъ слишкомъ близко сойтись съ Меланхтономъ, съ которымъ онъ познакомился, какъ участникъ франкфуртскаго рейстага въ 1539 г., и видѣлся во время вѣроисповѣднаго совѣщанія въ Ворсмѣ въ 1540 г. и въ Регенсбургѣ въ 1541 г. Въ 1540 г. онъ присутствовалъ еще на совѣщаніи въ Гагенау. При первомъ знакомствѣ съ германскою реформаціей она показалась ему способной къ быстрому росту и рѣшительному успѣху; но скоро онъ замѣтилъ недостатокъ строгой дисциплины въ протестантствѣ и его стали раздражать примирительные пріемы Меланхтона и Буцера. Въ Страсбургѣ Кальвинъ былъ проповѣдникомъ у протестантскихъ выходцевъ изъ Франціи и предлагалъ богословскія чтенія. Осенью 1540 г. онъ женился на вдовѣ Иделеттѣ Буре. Она умерла въ 1549 г., а единственный сынъ ихъ скончался въ дѣтскомъ возрастѣ. Кальвинъ переписывался и съ женевскими своими друзьями. Когда въ 1539 г. ученый епископъ и кардиналъ Садолетъ отправилъ посланіе въ Женеву, убѣждая жителей вернуться къ прежней вѣрѣ, Кальвинъ написалъ опроверженіе посланія, и это опроверженіе оказало дѣйствіе, такъ что даже нѣкоторые изъ его противниковъ склонились на его сторону. Между тѣмъ столкновенія Женевы съ Берномъ привели къ паденію тѣхъ членовъ женевскаго правительства, извѣстныхъ подъ именемъ „Артишо", при которыхъ состоялось изгнаніе Кальвина изъ Женевы, и власть перешла къ такъ называемымъ „Гиллерменамъ", приверженцамъ Вильгельма (Guillaume) Фареля и Кальвина. Осенью 1540 г. женевцы уже просили Кальвина вернуться къ нимъ. Но онъ, занятый устройствомъ страсбургской общины, въ которой ввелъ строгую дисциплину, и питая еще нерасположеніе къ Женевѣ согласился не сразу. Только когда просьбы возобновились настойчиво и послѣ того какъ народное постановленіе объ изгнаніи проповѣдниковъ было формально отмѣнено вѣчемъ 1-го мая 1541 года, онъ возвратился въ Женеву 11 сентября 1541 г. Немедленно по пріѣздѣ своемъ Кальвинъ внесъ въ Совѣтъ проектъ церковнаго устройства. Получивши въ Совѣтѣ существенныя поправки, этотъ проектъ сталъ церковнымъ закономъ подъ названіемъ „Церковные ордонансы 1541 г.". Этотъ проектъ гораздо полнѣе и совершеннѣе правилъ 1537 г.

Въ проектѣ три отдѣла: 1) О выборѣ, положенiи и обязанностяхъ церковныхъ чиновъ и о нравственномъ надзорѣ среди нихъ и надъ ними, при чемъ проектъ различаетъ четыре церковные чина, „установленныхъ Самимъ Господомъ: пасторовъ, докторовъ или ученыхъ богослововъ, старѣйшинъ и дiаконовъ“; 2) О церковной и общественной дѣятельности церковныхъ чиновъ; 3) О строѣ нравственной дисциплины. Члены церковной общины привлекаются въ собранiе пасторовъ и старѣйшинъ за мнѣнiя, не согласныя съ церковнымъ ученiемъ, за нехожденiе въ церковь и пренебреженiе къ церковному порядку и за безнравственный образъ жизни. Виновныхъ положено увѣщевать, а въ случаѣ упорства не допускать до причащенiя и отдѣлять отъ общины до исправленiя.

Главныя тенденцiи проекта — выдвинуть на первый планъ нравственную дисциплину, провести во всѣ области жизни церковное влiянiе и обезпечить независимость церковной общинѣ, не сливая ее съ гражданской, между тѣмъ какъ цвинглiанство допустило такое слiянiе. Но Совѣтъ не пожелалъ предоставить церковной власти, названной имъ Консисторiею, всѣхъ административныхъ и судебныхъ правъ, заявленныхъ въ проектѣ, и предоставилъ церковнымъ чинамъ почти только нравственное и религiозное воздѣйствiе, лишивши ихъ гражданской власти. Такимъ образомъ проектъ Кальвина хотя и былъ принятъ, но существенно измѣненный.—Кальвинъ принималъ участiе и въ выработкѣ „эдиктовъ 1543 года“, составившихъ первую политическую конституцiю независимой Женевы и благопрiятствовавшихъ олигархическому образу правленiя. Въ письмахъ этого времени къ разнымъ лицамъ Кальвинъ горячо отстаиваетъ права церкви и независимость ея отъ свѣтскаго правительства. Онъ доказываетъ, что церкви, а не правительству должны принадлежать имущества, принадлежавшiя ей, когда она была еще церковiю папистической, при чемъ одна часть церковныхъ доходовъ должна идти на содержанiе пасторовъ, другая на помощь бѣднымъ, третья на пособiе школамъ, а остатки откладываться на чрезвычайные расходы. Установленiе догматовъ и обрядовъ, по мнѣнiю Кальвина, должно быть исключительнымъ правомъ церкви, именно церковныхъ соборовъ. Кальвинъ сознается, что дисциплина среди самихъ пасторовъ слаба, но до времени лучше терпѣть плохихъ пасторовъ, чѣмъ прибѣгать къ воздѣйствiю на нихъ свѣтской власти. Въ этихъ идеяхъ Кальвинъ нашелъ сочувствiе со стороны бернскихъ, базельскихъ и страсбургскихъ пасторовъ. Эти идеи выражены и въ третьемъ изданiи „Наставленiй въ христiанской вѣрѣ“. Однако свѣтское правительство въ Женевѣ часто вмѣшивалось въ церковныя дѣла, и Кальвинъ иногда дѣлалъ ему уступки. Вообще же онъ былъ полновластнымъ главою женевской церковной общины, а также принималъ живое участiе въ гражданскомъ управленiи и имѣлъ значительное влiянiе на дѣла его. Но подавляющее личное влiянiе Кальвина на дѣла отчасти мѣшало успѣху его начинанiй, напр., ослабляло корпоративную силу пасторовъ, которая могла дать опору независимости церкви отъ свѣтскаго правительства. Огромно было личное влiянiе Кальвина на дѣла и жизнь Женевы, но онъ подчинялъ своей власти гражданъ и косвенно, чрезъ Консисторiю, учрежденную ордонансами 1541 г. и состоявшую изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ. На первыхъ порахъ дѣятельность и влiянiе Консисторiи на дѣла были незначительны. Консисторiя преимущественно испытывала гражданъ въ знанiи вѣроученiя. Права ея на отлученiе гражданъ Кальвину пришлось усиленно оспаривать у Совѣта, который было присвоилъ ихъ себѣ. Кальвинъ и Консисторiя вооружались также противъ поползновенiй Совѣта смѣщать и поставлять пасторовъ. Кальвинъ настаивалъ на правѣ пасторовъ обсуждать и осуждать дѣйствiя правительства въ проповѣдяхъ, и самъ осуществлялъ это право. Изъ личнаго уваженiя ему это спускали, но не прощали подобной всенародной критики прочимъ пасторамъ. Постепенно Консисторiя расширяла предѣлы своего надзора и воздѣйствiя. Суевѣрные обычаи, обряды, мнѣнiя, иногда и невинные, разсматриваются Консисторiей. Еще болѣе Консисторiя слѣдитъ за нравами. На судъ ея привлекаютъ замѣченныхъ въ пьянствѣ, азартной игрѣ, танцахъ, за домашнiя ссоры, непочтенiе дѣтей къ родителямъ, за брань, лѣность, не говоря уже о прелюбодѣянiи,

богохульствѣ и другихъ важныхъ проступкахъ противъ вѣры и нравственности. Пасторы въ Консисторіи являлись обвинителями, свидѣтелями и судьями. Консисторія становилась учрежденіемъ слѣдственнымъ и полицейско-судебнымъ. Она отыскивала виновныхъ, допрашивала ихъ и судила, или же въ иныхъ случаяхъ препровождала на судъ свѣтской власти. Она имѣла силу подвергать частную жизнь разнообразнымъ, иногда очень мелочнымъ и придирчивымъ, дисциплинарнымъ стѣсненіямъ. Она превышала права, предоставленныя ей ордонансами; напр., она стала не только церковнымъ судилищемъ, не только дѣлала внушенія и предостереженія и налагала наказаніе въ видѣ отлученія, но и вела слѣдственный процессъ о проступкахъ, подлежавшихъ не одному церковному, а и гражданскому суду, и представляла подробные доклады о подсудимыхъ свѣтскому правительству. Какую силу имѣла Консисторія, показываетъ случай, когда за участіе въ танцахъ на семейномъ праздникѣ предъ судъ консисторскій предстали предсѣдатель ея синдикъ Корнъ и генеральный капитанъ, т. е., главнокомандующій войскомъ, Ами Перрэнъ съ женою. Имъ поставили на видъ, что духовный судъ одинаково строгъ какъ съ высоко поставленнымъ, такъ и съ послѣднимъ человѣкомъ въ городѣ. Сознавая свою вину, Корнъ самъ отказался отъ должности предсѣдателя Консисторіи. Рѣшенія Консисторіи были почти безапелляціонны. Имѣя такую огромную власть, дѣйствуя настойчиво, проникая своимъ неослабнымъ и строгимъ надзоромъ не только въ общественную, но и семейную и личную жизнь гражданъ, Консисторія скоро измѣнила характеръ жизни Женевы. А главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Консисторіи, фактическимъ хозяиномъ ея былъ не свѣтскій синдикъ, а Кальвинъ. Это онъ преобразовалъ нравы и характеръ жизни Женевы. Онъ признавалъ необходимымъ постоянно и сильно сдерживать людей, а „иначе они способны обратиться въ дьяволовъ“. Молва о строгости Кальвинова управленія распространилась и по другимъ землямъ. Страсбургскій ученый Севенъ, отправляя въ Женеву студента, пишетъ Кальвину въ 1546 г., что выбралъ этотъ городъ потому, что онъ выдается учрежденіями Кальвина и очень строгой дисциплиной. Не одна Консисторія, а и свѣтскія учрежденія въ Женевѣ прониклись духомъ нравственнаго ригоризма и подвергли жизнь гражданъ надзору и опекѣ. Такъ, въ 1541 г. Совѣтъ запрещаетъ азартныя игры, а въ 1543 г. воспретилъ приготовлять предметы для католическаго богослуженія; въ 1546 г. запрещено пѣть неприличныя пѣсни. Въ этомъ же году, отчасти по совѣту Кальвина, правительство рѣшило закрыть всѣ трактиры въ городѣ и устроить правительственныя по кварталамъ харчевни, въ которыхъ гости находились бы подъ непосредственнымъ надзоромъ синдиковъ и другихъ сановниковъ, ѣду и питье начинали бы молитвою и тамъ совершалось бы чтеніе Библіи. Впрочемъ, эти харчевни существовали только одинъ мѣсяцъ. Въ томъ же году свѣтское правительство сдѣлало распоряженіе, направленное противъ католицизма, чтобы при крещеніи были даваемы имена только библейскія и преимущественно ветхозавѣтныя, но не имена святыхъ небиблейскихъ. Строгость правительственнаго суда въ Женевѣ въ эту эпоху обнаружилась въ смертныхъ приговорахъ, которыхъ нужно считать десятками. Конечно, смертныя казни въ то время не были рѣдкостью и въ другихъ странахъ, но, повидимому, въ Женевѣ въ вѣкъ Кальвина ихъ было больше, нежели въ прочихъ швейцарскихъ городахъ, напр., въ Бернѣ или Базелѣ. Но напоръ вызываетъ отпоръ, одна крайность вызываетъ другую крайность. Излишній ригоризмъ въ нравственныхъ требованіяхъ, строгость и мелочность надзора, соединеннаго со шпіонствомъ, невозможность укрыться отъ соглядатайства агентовъ Консисторіи, требованіе подробнаго изложенія мелочей семейной и личной жизни предъ Консисторіей, публичное раскаяніе въ проступкахъ, а еще нерасположеніе къ пасторамъ, вслѣдствіе того, что большинство ихъ были выходцы изъ Франціи,—вызвали раздраженіе противъ Консисторіи, особенно въ той части населенія, преимущественно въ богатой молодежи, которая не прониклась идеями Кальвина и тяготилась слишкомъ строгими нравственными и дисциплинарными требованіями его и Консисторіи и тиранническимъ духомъ надзора и правленія. Къ этому присоединилась борьба свѣтской власти про-

тивъ Консисторіи изъ-за преобладанія. Теократическій, нравственно-дисциплинарный, религіозный, а отчасти и политическій деспотизмъ Кальвина вызвалъ противодѣйствіе во многихъ гражданахъ Женевы, при чемъ во главѣ его оказались нѣкоторые изъ ревностныхъ приверженцевъ реформаціи и бывшихъ сторонниковъ Кальвина. Эта борьба противъ представителей и учрежденій церкви въ Женевѣ особенно была сильна съ 1547 по 1555 годы, но обнаружилась она раньше, такъ какъ еще въ 1545 г. Кальвинъ издалъ сочиненіе „Противъ сумазбродной секты Либертиновъ, названныхъ духовными". Въ дѣйствительности, партія противниковъ Кальвина и церковнаго строя Женевы вовсе не была какою-то сектой людей въ родѣ гностиковъ-антиномистовъ, а къ недовольнымъ принадлежали люди различнаго образа мыслей, и въ числѣ ихъ были люди, желавшіе жить вольно и весело, стѣснявшіеся надзоромъ, строгою дисциплиной и ригоризмомъ нравственныхъ требованій со стороны церковнаго и свѣтскаго правительства; были среди недовольныхъ и люди раціоналистическаго образа мыслей, а также защитники гражданской и политической свободы, боровшіеся противъ теократическаго и государственнаго деспотизма Кальвина. Партія противниковъ Кальвина позже получила названіе „перрэнистовъ", по имени упомянутаго Ами Перрэна. Иные нападали и на догматическія воззрѣнія Кальвина, напр., Бользекъ и Тролліе отвергали ученіе его о предопредѣленіи и были за это осуждены Совѣтомъ Женевы. Особенно сильны были нападенія на Кальвина и его систему въ теченіе первой половины пятидесятыхъ годовъ XVI в. Противники церковнаго устройства въ Женевѣ замышляли даже упразднить Консисторію и отмѣнить отлученіе отъ причащенія. Правительство дружественнаго Женевѣ Берна объявило ученіе Кальвина о предопредѣленіи вреднымъ и запретило говорить и писать о немъ, да и въ самой Женевѣ распространилось пущенное въ ходъ Бользекомъ мѣткое изреченіе, что Кальвинъ дѣлаетъ Бога виновникомъ грѣха. Въ это же время германскіе лютеранскіе богословы нападаютъ на Кальвина по вопросу объ Евхаристіи, въ которомъ лютеране разошлись съ цвингліанами. По поводу процесса Сервета протестанты-гуманисты во главѣ съ Кастелліономъ выступаютъ въ защиту вѣротерпимости противъ наказанія еретиковъ мечемъ и нападаютъ на Кальвина, какъ виновника первой протестантской смертной казни еретика и автора первой систематической апологіи преслѣдованій изъ-за религіи. Въ самой Женевѣ авторитетъ Кальвина нѣсколько поколебался. Въ 1552 г. была принесена жалоба Совѣту на рѣзкость проповѣди Кальвина, и Совѣтъ постановилъ сдѣлать ему выговоръ. Вопреки распоряженію „Малаго Совѣта", чтобы пасторы не препятствовали давать имена, употребительныя въ Женевѣ, нарушавшему эдиктъ 1546 г. объ именахъ, Кальвинъ ссылался на суевѣрія, связанныя со многими именами, доказавъ, что подобное рѣшеніе не можетъ быть принято безъ согласія пасторовъ, и требовалъ для обсужденія дѣла созванія „Совѣта Двухсотъ"; но ему отвѣтили, что на ближайшемъ собраніи Совѣта Двухсотъ (—въ Женевѣ были Совѣты Двухсотъ, Шестидесяти и Малый—) этотъ вопросъ не будетъ поставленъ, а затѣмъ его и совсѣмъ не обсуждали. Совѣтъ перемѣстилъ пастора Бургуэна изъ города въ село, не спросившись пасторовъ, протестъ ихъ оставилъ безъ вниманія и даже формулировалъ расходившееся съ практикою постановленіе, что Совѣтъ и не обязанъ при перемѣщеніи пастора справляться съ мнѣніемъ пасторовъ. Рукопись сочиненія Кальвина „О вѣчномъ предопредѣленіи Божіемъ...", написаннаго въ 1552 г. вслѣдъ за споромъ съ Бользекомъ, Совѣтъ отдалъ на просмотръ своему юрисконсульту Тролліе, противнику Кальвина, и Бельжаке. Кальвина раздражалъ даже установившійся обычай, чтобы сочиненія его и пасторовъ были просматриваемы синдиками „Малаго Совѣта". Тролліе и Бельжаке нашли въ сочиненіи Кальвина формальные недостатки, а содержаніе его хотя оффиціально одобрили, но частнымъ образомъ Тролліе его критиковалъ, и это несмотря на то, что коллегія или „конгрегація" пасторовъ утвердила Кальвиново ученіе о предопредѣленіи. Этимъ, а также и запрещеніемъ Кальвину говорить о предопредѣленіи въ проповѣдяхъ, чтобы никого не вводить въ соблазнъ, Совѣтъ въ сущности уничтожилъ рѣшеніе „конгрегаціи"

пасторовъ и чрезъ то сильно подрывалъ авторитетъ ея. Очевидно, свѣтское правительство не только старалось удержать и расширить свои права вопреки стремленію Кальвина подчинить свѣтскую власть церкви, но и усиливалось господствовать надъ церковію въ дѣлахъ церковныхъ. Впрочемъ, благодаря воздѣйствію на Совѣтъ приглашенныхъ со стороны друзей Кальвина проповѣдниковъ Фореля и Вире, споръ Кальвина съ Тролліе былъ рѣшенъ въ пользу Кальвина. Совѣтъ постановилъ считать Кальвина „истиннымъ и добрымъ пастыремъ города", а его „Наставленія въ христіанской вѣрѣ" и его ученіе о предопредѣленіи „святыми и истинными" и произнесъ угрозу тѣмъ, кто осмѣлился бы впредь возставать противъ этой книги и этого ученія Кальвина. Совѣтъ долго препирался съ Кальвиномъ и Консисторіей изъ-за права отлученія провинившихся гражданъ отъ причащенія, усиливаясь присвоить себѣ часть этого права, власть контролировать и перерѣшать постановленія Консисторіи; но и этотъ споръ окончился въ пользу Консисторіи. Еще болѣе сила и вліяніе Кальвина въ Женевѣ обнаружились въ процессѣ пантеиста и антитринитарія испанца Михаила Сервета. Спасаясь отъ преслѣдованій инквизиціи за свое сочиненіе „Возстановленіе христіанства" [1]), Серветъ прибылъ на короткое время въ Женеву въ августѣ 1553 г. Кальвину сообщили объ этомъ пріѣздѣ, и Кальвинъ предложилъ Совѣту немедленно схватить и посадить Сервета въ тюрьму, что и было исполнено. Замѣчательно, что во время суда надъ нимъ, продолжавшагося два съ половиною мѣсяца, противники Кальвина или не желали, или не считали удобнымъ и возможнымъ заступиться за Сервета, чтобы смягчить его участь, а Кальвину надѣлать хлопотъ. По приговору Совѣта Серветъ былъ сожженъ на кострѣ 26 октября за ереси и богохульство. Что Кальвинъ былъ главнымъ виновникомъ этой казни и въ этомъ дѣлѣ оказался не лучше католическихъ инквизиторовъ, это несомнѣнно. Онъ еще задолго до пріѣзда въ Женеву Сервета писалъ Фарелю: „если онъ придетъ, то отсюда уже не выйдетъ живымъ, поскольку мое мнѣніе что-нибудь еще значитъ". Кальвинъ забылъ слова Христа Апостоламъ, хотѣвшимъ низвесть огонь съ неба на самарянъ, не принявшихъ Его: *не знаете, какого вы духа.* Въ своемъ сочиненіи: „Защита православной вѣры о Св. Троицѣ противъ ужасныхъ заблужденій испанца Михаила Сервета", Кальвинъ, ссылаясь на нѣкоторыя изреченія Ветхаго Завѣта и съ натяжками изъясняя мѣста Новаго Завѣта, доказываетъ право церкви бороться съ врагами своими и врагами вѣры мечемъ, или же просить свѣтское правительство наказывать мечемъ отступниковъ отъ истинной вѣры и совращающихъ въ свое заблужденіе членовъ церкви. Прерванная процессомъ Сервета борьба партіи Кальвина съ его противниками опять возобновилась. До процесса обѣ партіи были приблизительно равносильны, а послѣ него перевѣсъ сталъ склоняться на сторону Кальвина. Вопросъ объ отлученіи былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что въ дѣлѣ отлученія нужно руководствоваться существующими правилами, т. е. вопросъ рѣшенъ въ пользу Консисторіи. Выборы на вѣчѣ прошли очень благопріятно для партіи Кальвина. Большую поддержку партія Кальвина нашла въ лицѣ чужеземцевъ, которые, будучи гонимы за протестантство въ своемъ отечествѣ, стекались въ Женеву изъ разныхъ странъ, преимущественно изъ Франціи. Съ 1549 по 1554 г. ихъ прибыло въ Женеву 1.376 человѣкъ, а въ концѣ пятидесятыхъ годовъ ихъ прибывало по тысячѣ и почти по двѣ тысячи человѣкъ въ годъ. Въ 1555 г. партія Кальвина сдѣлала предложеніе дать этимъ пришельцамъ права гражданства. Этимъ способомъ Кальвинъ, самъ французъ, пріобрѣталъ много сторонниковъ своей партіи на вѣчѣ. Перрэнисты протестовали, напоминая неотмѣненное правило не допускать иноземцевъ, даже и принятыхъ въ число гражданъ, въ теченіе десяти лѣтъ на вѣче. Мало этого: ночью 16-го мая 1555 г. они произвели бунтъ противъ французовъ, сопровождавшійся драками. Бунтовщиковъ предали суду, при чемъ изъ нихъ 14 человѣкъ казнили, прочихъ изгнали изъ Женевы, а иные сами бѣжали. Партія Перрэна была разгромлена, руки

[1]) Идея этого сочиненія та, что историческое христіанство есть извращеніе истиннаго христіанства.

Кальвина были развязаны. Бунтъ перрэнистовъ былъ чисто гражданскій или политическій, но онъ имѣлъ значительныя послѣдствія для церковной дѣятельности Кальвина. Съ этого времени вліяніе Кальвина и церкви на свѣтское правительство и на жизнь Женевы чрезвычайно усилилось, теократическое начало и церковно-нравственная дисциплина пріобрѣли рѣшительное преобладаніе и въ свѣтскомъ правительствѣ находили не противодѣйствіе, а поддержку. Такъ, на подобіе взаимнаго нравственнаго контроля пасторовъ былъ установленъ въ 1557 г. взаимный нравственный надзоръ между членами „Малаго Совѣта". Въ протоколы Совѣта начали вносить цѣлыя проповѣди. Важныя гражданскія мѣры предваряются уже не одною молитвой, а и проповѣдями. Проповѣди на вѣчѣ и въ собраніяхъ Совѣта имѣютъ иногда видъ политическихъ программъ. Мнѣніемъ пасторовъ дорожатъ не меньше, чѣмъ голосомъ юристовъ и профессоровъ, и не въ однихъ только церковныхъ вопросахъ. Усиливаются и нравственная дисциплина, и ригоризмъ. Въ 1555 г. Кальвинъ отъ имени Консисторіи вноситъ въ Совѣтъ предложеніе за прелюбодѣяніе и богохульство сажать въ тюрьму. Однако хотя это предложеніе прошло въ Маломъ Совѣтѣ, но на вѣчѣ оно не было принято, такъ какъ эта мѣра есть возвращеніе къ еврейскому закону и противорѣчитъ евангельскому закону милосердія и прощенія. Въ 1557 г. постановлено отлученныхъ за нераскаянность и упорство изгонять изъ города. Въ 1558 г. по докладу Консисторіи было постановлено противодѣйствовать роскоши въ одеждѣ и излишествамъ въ пищѣ. Но, съ другой стороны, Кальвинъ осуждаетъ предложеніе шотландскаго реформатора Нокса запрещать крестить дѣтей отлученныхъ и упрекаетъ его за чрезмѣрную суровость въ истребленіи обрядовъ. Одному слишкомъ суровому пастору Кальвинъ пишетъ, что не должно отлучать родителей за ихъ пренебреженіе къ обученію дѣтей, и что въ дѣлѣ подаянія не должно быть принужденія. Въ 1559 г. Кальвинъ учредилъ въ Женевѣ академію. Ближайшею цѣлію ея было подготовлять образованныхъ духовныхъ лицъ для романскихъ земель и первыя шесть лѣтъ она была только богословскимъ факультетомъ. Но уже при самомъ основаніи задачею ея было поставлено готовить государственныхъ людей для Женевы, и чрезъ годъ по смерти Кальвина въ академіи была учреждена юридическая каѳедра. Въ 1560 г. Кальвинъ предложилъ Совѣту рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы церковь была независима отъ правительства и была церковію чисто народной: свѣтскіе члены Консисторіи должны быть избираемы изъ всѣхъ классовъ населенія, лишь бы они были истинными христіанами; при выборѣ членовъ Консисторіи должны участвовать всѣ пасторы; синдикъ уравнивается съ прочими членами Консисторіи; кандидаты въ пасторы должны быть представляемы народу и каждый житель въ теченіе трехъ воскресеній имѣлъ право указать и доказать непригодность того или иного кандидата; нераскаянные изъ отлученныхъ должны подвергаться публичному наказанію въ церкви, а не изгнанію. Почти всѣ эти мѣры были приняты и вошли въ ордонансы, изданные въ 1561 г. Въ этихъ ордонансахъ упомянуто о совершаемыхъ пасторами и старѣйшинами генеральныхъ обходахъ домовъ съ цѣлію опроса жителей объ ихъ религіозныхъ понятіяхъ, чтобы недостойные не могли подойти къ причастію. Эти визитаціи въ Женевѣ уже существовали на практикѣ и раньше и вмѣстѣ съ отлученіемъ составляли главную особенность романскихъ реформатскихъ общинъ отъ цвингліанскихъ швейцарскихъ общинъ. Теперь кругъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію Консисторіи, расширился и придирчивость и строгость ея суда усилились. Она стала судилищемъ церковно-мірскимъ. Она судитъ не только ростовщиковъ, но и торговцевъ, продававшихъ свои товары выше установленной цѣны, домовладѣльцевъ, берущихъ слишкомъ высокія цѣны за квартиры, врачей за высокій гонораръ и т. п., и наказываетъ отлученіемъ отъ причащенія. Она наблюдаетъ, чтобы не прокрались въ городъ изгнанные изъ него. Она наблюдаетъ, чтобы не были печатаемы и читаемы книги недозволенныя или подозрительныя. Цензурѣ ея подлежатъ всѣ книги, предназначенныя къ печати. Консисторія просить Совѣтъ о томъ, чтобы въ рѣчахъ адвокатовъ не было словъ соблазнительныхъ и обидныхъ, чтобы музыканты не играли по ночамъ предъ до-

мами видныхъ людей, чтобы похоронной прислугѣ былъ сдѣланъ особый костюмъ; излагаетъ правила о коммерческихъ сдѣлкахъ и т. п. Консисторія постановляетъ приговоры и по нѣкоторымъ мірскимъ дѣламъ, хотя и въ интересахъ церкви. Она преслѣдуетъ за противодѣйствіе свѣтскому правительству. Она проявляетъ свою власть даже за предѣлами Женевы: въ 1562 г., узнавъ, что женевцы дурно ведутъ себя въ Ліонѣ, она проситъ тамошняго пастора составить списокъ ихъ, чтобы выгнать ихъ изъ Ліона. Кальвинъ, конечно, былъ доволенъ такимъ возвеличеніемъ церковной власти. Но онъ не могъ не замѣтить, что хотя государство болѣе и болѣе проникалось церковнымъ духомъ, однако и церковь въ лицѣ своего главнаго учрежденія, т. е. Консисторіи, слишкомъ далеко зашла въ область мірскихъ дѣлъ и являлась какъ бы обмірщенной. Это противорѣчило требованію (прямо выставленному въ „Наставленіяхъ" 1543 г.) о разграниченіи власти и дѣлъ церковныхъ отъ свѣтскихъ. Сознаніе этого противорѣчія въ идеѣ церкви внесло колебанія въ планы Кальвина въ послѣдніе годы его жизни. Но вообще церковное устройство Женевы было признано образцовымъ; Женева стала называться „священнымъ городомъ", „святою республикой". Незначительный до Кальвина городъ сталъ теперь оказывать вліяніе на протестантскія общины во Франціи и въ Швейцаріи. Сила его вліянія заключалась и въ личности Кальвина, и въ своеобразномъ строгомъ государственномъ, гражданскомъ и церковномъ строѣ Женевы, заведенномъ Кальвиномъ. Личное вліяніе Кальвина въ гражданской и церковной жизни Женевы было очень велико. Онъ былъ почти диктаторомъ города. Но сила и вліяніе Кальвина простирались далеко за предѣлы Женевы. Во внѣшней политикѣ Совѣтъ не только выслушиваетъ его мнѣнія и поручаетъ редактировать важные и трудные дипломатическіе отвѣты, но и пользуется доставляемыми Кальвиномъ свѣдѣніями, извлекаетъ выгоду изъ его обширныхъ заграничныхъ знакомствъ, опирается на его авторитетъ въ другихъ городахъ. Такъ, въ 1542 и 1543 гг. Кальвинъ принимаетъ дѣятельное участіе въ переговорахъ Женевы съ Берномъ о совмѣстныхъ владѣніяхъ. Нѣсколько позже Совѣтъ, опасаясь, что въ договорѣ между германскимъ императоромъ и французскимъ королемъ Бернъ и Женева не получатъ обезпеченія противъ покушеній Савойи, поручаетъ Кальвину снестись со своими нѣмецкими друзьями, чтобы на основаніи полученныхъ свѣдѣній завязать переговоры съ Берномъ о союзѣ. По просьбѣ Буцера Кальвинъ написалъ горячее обращеніе къ германскому императору и чинамъ имперіи, созваннымъ въ Шпейеръ въ 1544 г., приглашая ихъ немедленно приступить къ преобразованію церкви. При этомъ, опровергая возраженія и нападки противниковъ протестантства на недостатки послѣдняго, Кальвинъ считаетъ эти недостатки наслѣдіемъ отъ прошлаго состоянія церкви и указываетъ на слѣдующія достигнутыя улучшенія: приняты мѣры для возвышенія умственнаго и нравственнаго уровня пасторовъ; мірянамъ предоставлено надлежащее участіе въ церковной жизни; введены дисциплинарные законы; устранены идолослуженіе, суевѣрія и грубые внѣшніе недостатки; разъяснено ученіе и многіе обращены на путь истины. Въ 1546 г. Кальвинъ сообщаетъ Совѣту тревожную вѣсть, что въ Швейцаріи подозрѣваютъ сближеніе Женевы съ Франціей и готовятся къ войнѣ противъ Женевы. Совѣтъ немедленно поручилъ Кальвину составить опроверженіе этого слуха и препроводить его въ Бернъ. Самъ Кальвинъ желалъ поддерживать мирныя отношенія какъ съ сильнымъ Берномъ, такъ и съ Франціей, но съ тѣмъ, чтобы церковная и политическая независимость Женевы была неприкосновенна. Переписывался Кальвинъ и съ главою Цюриха Генрихомъ Буллингеромъ, почитателемъ и преемникомъ Цвингли. Въ 1549 г. Кальвинъ отправился въ Цюрихъ, тамъ въ публичномъ собраніи велъ бесѣду о таинствахъ и, благодаря осторожнымъ, умно подобраннымъ выраженіямъ своихъ взглядовъ, ему удалось склонить къ нимъ своихъ слушателей. Результатомъ этой бесѣды былъ Consensus Tigurinus или „взаимное соглашеніе въ дѣлѣ таинствъ предстоятелей Тигуринской (Цюрихской) церкви и Іоанна Кальвина", сочиненіе, обсуждающее въ 26 членахъ только ученіе объ евхаристіи и скоро одобренное всѣми реформатскими кантонами. Вообще, ставши твердою ногой въ Женевѣ, Кальвинъ домогался на основѣ

своей системы соединить въ одно вѣроисповѣдное общество всѣхъ реформаторовъ Швейцаріи. Но эти домогательства не всегда увѣнчивались успѣхомъ. Такъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ по его почину и при его содѣйствіи пасторы подчиненнаго Берну города Лозанны представили Бернскому правительству программу церковнаго управленія, по которой Консисторія въ Лозаннѣ должна была получить полную независимость отъ свѣтскаго правительства и большую власть, нежели въ Женевѣ (предсѣдательствуетъ въ Консисторіи пасторъ; право отлученія безапелляціонное; снятіе отлученія сопровождается публичнымъ покаяніемъ). Повидимому, эта программа была идеаломъ церковнаго устройства, который Кальвинъ желалъ, но не имѣлъ силы вполнѣ осуществить въ Женевѣ, равно какъ и въ другихъ реформатскихъ общинахъ. Кальвинъ убѣждалъ своего друга въ Лозаннѣ Вире крѣпко стоять въ столкновеніи съ Берномъ изъ-за этой программы. Но Бернъ не только не принялъ ея, а даже отрѣшилъ отъ должности пасторовъ. Да и въ самой Женевѣ вліяніе Кальвина въ иные годы, особенно во время борьбы съ перрэнистами, значительно падало, такъ что ему иногда приходилось жаловаться, что онъ слишкомъ мало знаетъ о сношеніяхъ правительства съ Берномъ и другими швейцарскими городами. Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ Кальвинъ самъ вредилъ себѣ раздражительностію, рѣзкостію тона и страстностію въ столкновеніяхъ. Кромѣ швейцарскихъ городовъ Кальвинъ оказывалъ значительное вліяніе на протестантовъ во Франціи. Это вліяніе началось въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Изъ письма Кальвина къ Лютеру въ 1545 г. видно, что въ это время французскіе протестанты колебались въ выборѣ между Лютеромъ и Кальвиномъ. Но въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ хотя французскіе протестанты еще продолжаютъ оффиціально называться лютеранами, однако они уже вполнѣ подчиняются авторитету Кальвина. Посланія Кальвина ко вновь возникающимъ общинамъ протестантовъ во Франціи имѣютъ характеръ предписаній отъ имени женевской церкви. Руководителями французскихъ общинъ становятся присылаемые изъ Женевы пасторы, которыхъ не просто рекомендуютъ, но выбираютъ и ставятъ во французскія общины. Эти пасторы представляютъ обстоятельные отчеты въ Женеву, просятъ совѣтовъ и указаній, и, повидимому, они были снабжаемы широкими и опредѣленными инструкціями, которыя въ случаѣ надобности дополнялись или измѣнялись по указаніямъ изъ Женевы. Кромѣ того Кальвинъ своими совѣтами и указаніями въ письмахъ направлялъ церковную и гражданскую жизнь французскихъ общинъ. Обращеніе бордосской церкви къ Кальвину въ 1558 г. показываетъ, какъ высоко цѣнили французскіе протестанты духовную власть Кальвина. Но съ конца пятидесятыхъ годовъ Кальвинъ разошелся съ значительною частію французскихъ протестантовъ въ политическихъ взглядахъ: они одобряли возстаніе съ оружіемъ въ рукахъ противъ Гизовъ; а онъ совѣтовалъ обратиться къ генеральнымъ штатамъ, чтобы они назначили регентство, и добиться суда надъ Гизами. Онъ развилъ программу какъ религіозной, такъ и государственной политики очень умѣренную. Хотя въ принципѣ Кальвинъ и признаетъ за протестантами право и обязанность сопротивленія, но въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ письмахъ къ разнымъ протестантскимъ общинамъ онъ твердитъ одно: надо терпѣть насилія, воздерживаться отъ крайностей, какъ захваты церквей или зажигательныя публичныя проповѣди, располагать враговъ въ свою пользу уступчивостію и даже приниженіемъ и не подавать имъ ни малѣйшаго повода къ раздраженію и насиліямъ, вообще рекомендуетъ французскимъ протестантамъ и ихъ пасторамъ полное внѣшнее повиновеніе. А высокопоставленнымъ вождямъ движенія, напр. королю наваррскому Антуану Бурбону и (по смерти послѣдняго) его вдовѣ, онъ даетъ грозныя наставленія, рѣзко осуждаетъ ихъ образъ дѣйствія и предвѣщаетъ разрушеніе всякому царству, не служащему Христу. Въ письмѣ къ адмиралу Колиньи онъ повторяетъ слова, сказанныя имъ участникамъ амбуазскаго возстанія: „стоитъ пролить одну каплю крови и прольются цѣлые потоки ея по всей Европѣ“. Припомнивши кровавыя событія, совершившіяся въ Западной Европѣ послѣ смерти Кальвина: Варѳоломеевскую ночь во Франціи, крестьянскія войны и тридцатилѣтнюю войну въ Германіи, нельзя не признать, какой ши-

рокій и проницательный взглядъ имѣлъ Кальвинъ и какимъ высокимъ чисто государственнымъ умомъ онъ обладалъ, какъ благоразумны были его совѣты и указанія французскимъ протестантамъ, и какъ жестоко послѣдніе поплатились за свое непослушаніе ему. Широта вліянія Кальвина какъ церковнаго реформатора, а отчасти и какъ политическаго дѣятеля, обнаруживается въ его перепискѣ. Онъ велъ переписку съ коронованными особами, съ выдающимися церковными и политическими дѣятелями, съ пасторами и друзьями. Шли отъ него посланія и къ церковнымъ общинамъ. Въ Швейцаріи, во Франціи и въ Германіи было много людей, которымъ онъ посылалъ письма по разнымъ церковнымъ, общественнымъ и политическимъ вопросамъ и обстоятельствамъ. Какъ въ письмахъ, такъ и въ сочиненіяхъ отразились не одни только его богословскія ученія и мнѣнія, не одни только взгляды на церковное устройство и на разнообразныя церковныя событія и на церковныхъ дѣятелей его времени, но и гражданскія и политическія его убѣжденія. Это и понятно: вѣдь Женева была не только церковною общиной, но и государствомъ, политически самостоятельною страной, хотя и маленькой по размѣрамъ, и Кальвинъ былъ душею не только женевской церковной общины, но и устроителемъ и первымъ лицемъ, почти главой женевскаго гражданства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и международнымъ дѣятелемъ. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Кальвинъ былъ республиканецъ, склонный къ демократіи, но не чуждавшійся и аристократіи. Монархическаго образа правленія онъ не любилъ, и въ „Наставленіяхъ“, а также въ нѣкоторыхъ комментаріяхъ на ветхозавѣтныя книги Свящ. Писанія онъ изображаетъ недостатки, свойственные монархамъ и деспотамъ. Полной демократіи онъ тоже не сочувствуетъ, такъ какъ и она ведетъ къ деспотизму. Деспотизмъ и несдержанный произволъ лица и деспотическая сила массы не могли найти одобренія въ его духѣ, любившемъ свободу и независимость. Но Кальвинъ былъ политическимъ дѣятелемъ въ малой мѣрѣ и какъ бы по необходимости; главная сфера его дѣятельности была богословская и церковная; онъ былъ не государственный дѣятель, а церковный реформаторъ. Уже по этой причинѣ для него церковь важнѣе государства, и государственный строй долженъ зависѣть отъ церкви. Идеальная церковно-государственная программа Кальвина состояла въ томъ, чтобы церковь, пользуясь полною самостоятельностію въ своей области и владѣя постоянною поддержкой и охраной со стороны свѣтскаго правительства, могла направлять и вдохновлять представителей послѣдняго согласно требованіямъ закона Божія и свободно критиковать, порицать и карать ихъ въ случаѣ нарушенія ими правилъ этого закона. Идеаломъ государства для Кальвина служило царство или общество теократическое, на подобіе ветхозавѣтнаго еврейскаго царства. Но на практикѣ въ Женевѣ, въ церковномъ и государственномъ устройствѣ этой республики, ему удалось осуществить этотъ идеалъ только отчасти. Кстати замѣтимъ, что Кальвинъ и какъ богословъ, и какъ церковный реформаторъ, и какъ государственный дѣятель больше тяготѣлъ къ Ветхому, нежели къ Новому Завѣту, больше былъ провозвѣстникомъ закона Божія, нежели благодати Христовой. А это вѣрный признакъ, что самый идеалъ его вѣроисповѣдный, церковный и государственный ниже идеала, открытаго людямъ Христомъ въ Евангеліи и осуществленнаго въ первенствующей Церкви въ высокой степени. Кальвинъ, какъ и прочіе протестантскіе реформаторы, отвергая извращенія, излишнія прибавки и злоупотребленія, вкравшіяся въ католичествѣ въ вѣроученіе, въ богословіе, въ церковное устройство, въ обычаи и нравы Христіанъ, домогался возстановить христіанство, проповѣданное Христомъ и Апостолами, христіанство библейское, и церковь первыхъ вѣковъ; но никому изъ нихъ не удалось выполнить эту задачу надлежащимъ образомъ. Въ вѣроученіи и богословіи протестантовъ получился совершенно чуждый библейскому христіанству раціонализмъ, и та же односторонняя разсудочность и связанное съ нею пренебреженіе ко многимъ потребностямъ религіознаго чувства обнаружились въ церковномъ устройствѣ и въ богослуженіи ихъ. Направленное противъ обрядовыхъ излишествъ католицизма упрощеніе богослуженія у протестантовъ не похоже на безыскусственную простоту церковнаго устройства, церковной жизни и

церковнаго богослуженія древней Церкви. Въ отрицаніи церковной обрядности Кальвинъ пошелъ дальше Лютера. Однажды, замѣтивши значительное число собравшихся въ храмѣ въ праздникъ Рождества Христова, Кальвинъ въ проповѣди упрекнулъ ихъ, что онъ видитъ въ этомъ проявленіе ихъ прежнихъ суевѣрій. Въ реформатскихъ храмахъ нѣтъ ни алтаря, ни престола и никакихъ священныхъ изображеній, ни даже распятія, допущеннаго лютеранами. Но хотя въ отрицаніи католицизма какъ въ области вѣроученія, такъ и въ обрядахъ и въ церковномъ устройствѣ Кальвинъ превзошелъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже Лютера, однако, въ своихъ сочиненіяхъ онъ относится къ папѣ и къ католическому духовенству и къ католической церкви гораздо сдержаннѣе, деликатнѣе и хладнокровнѣе, нежели Лютеръ. Издѣвательствъ, насмѣшекъ, грубой и рѣзкой брани, которыми Лютеръ постоянно осыпаетъ папу и католическое духовенство въ своихъ сочиненіяхъ, нѣтъ въ сочиненіяхъ Кальвина, и это несмотря на горячность и раздражительность его характера и реформаторскую суровость и даже фанатизмъ. Лютеръ подчинялся порывамъ чувства, а Кальвинъ руководился принципами. Выдержанность характера, нравственная суровость, строгость мысли, постоянство взглядовъ, государственный умъ Кальвина были чужды Лютеру. Отличительныя свойства ума Кальвина—ясность, твердость, логичность. Устойчивость и выработанность его характера обнаружились уже въ томъ, что, не взирая на слабость здоровья, онъ еще со школьной скамьи усвоилъ привычку къ постоянству въ трудѣ. До конца жизни Кальвинъ вставалъ около 5 ч. утра и трудился, будто бы, до полуночи. Кальвинъ проповѣдывалъ почти ежедневно; руководилъ дѣятельностію общества проповѣдниковъ, не пропускалъ ни одного засѣданія Консисторіи, участвовалъ въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ конгрегаціи пасторовъ, обсуждавшей богословскіе вопросы и церковныя дѣла, велъ важнѣйшія политическія дѣла, писалъ сочиненія, велъ обширную переписку и проч. Кромѣ напечатанныхъ сочиненій о его трудолюбіи свидѣтельствуютъ его различные рукописныя произведенія, хранящіяся въ библіотекахъ Женевы и Цюриха. Большое количество его сочиненій и высокія достоинства многихъ изъ нихъ говорятъ также о сильномъ умѣ его, который отражался въ его высокомъ и чистомъ лбѣ, въ строгомъ и проницательномъ взорѣ. Но тѣло его было не крѣпко, какъ показывали блѣдность и худощавость его лица, съ длинной гладкой бородой. Несмотря на строгость и воздержность жизни, излишекъ умственнаго труда въ сидячемъ (большею частію) положеніи истощилъ его силы. Удушье, лихорадка, ревматизмъ, подагра, мигрень, геморрой, болѣзнь почекъ—эти болѣзни почти всѣ обнаружились къ концу жизни, но нѣкоторыя изъ нихъ уже давно гнѣздились въ немъ и постепенно его подтачивали. Онъ умеръ 27-го мая 1564 г.

Главнѣйшую особенность догматическаго ученія Кальвина, отличающую кальвинизмъ отъ всѣхъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, *составляетъ его ученіе о безусловномъ предопредѣленіи.* Предопредѣленіе Кальвинъ опредѣляетъ, какъ вѣчное рѣшеніе Божіе касательно участи отдѣльныхъ людей, и допускаетъ, что одни единственно по благоволенію Божію и безъ вниманія къ ихъ дѣламъ (—такъ какъ не добрыя дѣла составляютъ основаніе избранія, а наоборотъ, избраніе есть основа добрыхъ дѣлъ, однако безъ ущерба для правды, ибо все праведно, чего желаетъ Богъ—) предопредѣлены къ жизни, а другіе къ осужденію. Въ древности это ученіе было высказано блаж. Августиномъ, но не было проведено имъ съ такою послѣдовательностію, какъ Кальвиномъ. *Другая догматическая особенность заключается въ ученіи Кальвина объ евхаристіи.* Его ученіе объ евхаристіи занимаетъ средину между ученіемъ Цвингли и Лютера: съ одной стороны онъ, какъ и Цвингли, исповѣдуетъ, что хлѣбъ и вино суть только видимые знаки, символы, которые представляютъ тѣло и кровь Христа; но съ другой стороны онъ утверждаетъ, что вѣрующій по обѣтованію Христа дѣйствительно пріобщается Его тѣла и крови. На вопросъ, какъ же въ евхаристіи предлагаются тѣло и кровь Христа, Кальвинъ въ изданіи „Наставленій" 1539 г. отвѣта не даетъ и даже сознается, что это слишкомъ высокая тайна, чтобы ее можно было понять и высказать. Такъ какъ реальное

присутствіе Христа въ таинствѣ было отринуто, а между тѣмъ дѣйствительное причащеніе тѣла и крови Его въ евхаристіи принималось, то на поставленный вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ: Христосъ сообщается вкушающему хлѣбъ и вино Своимъ духомъ или Своею силой. Дѣйствительно, въ послѣднемъ пожизненномъ изданіи „Наставленій“ 1559 г. Кальвинъ говоритъ, что духомъ Своимъ Господь даетъ намъ, чтобы мы были едино съ Нимъ тѣломъ, духомъ и душею; посему духъ Христовъ есть и связь, посредствомъ которой мы соединяемся со Христомъ, и какъ бы нѣкоторый каналъ, чрезъ который вводится въ насъ то, что Самъ Христосъ есть и что Онъ имѣетъ. Во „Второй защитѣ“ противъ Вестфаля Кальвинъ упраздняетъ пространственное разстояніе между тѣломъ Господа, находящимся на небѣ, и нашею душею тѣмъ, что Христосъ сходитъ къ намъ Своею силой. Ученіе Кальвина объ евхаристіи вызвало ученую полемику объ этомъ предметѣ между Кальвиномъ и лютеранами Вестфалемъ и Гессгусомъ. Кальвинъ и Лютеръ питали взаимное глубокое уваженіе другъ къ другу, выразившееся въ похвальныхъ отзывахъ Лютера о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Кальвина и о личности послѣдняго, какъ человѣка ученаго, благочестиваго и способнаго нанести смертный ударъ папству, и въ наименованіи Кальвиномъ Лютера выдающимся апостоломъ Христовымъ, который своимъ служеніемъ и дѣятельностію болѣе кого бы то ни было можетъ возстановить чистоту Евангелія. Единственное письмо Кальвина къ Лютеру въ 1545 г., не дошедшее, однако, до послѣдняго, живо выражаетъ преклоненіе перваго предъ послѣднимъ. Не въ плохихъ отношеніяхъ былъ Кальвинъ и съ Меланхтономъ, которому онъ посвятилъ свое сочиненіе противъ Пигія и который высказалъ по этому поводу свое удовольствіе. Напротивъ, о Цвингли Кальвинъ отзывался не благосклонно. Сочиненіе Цвингли „О провидѣніи“, гдѣ изложено ученіе о предопредѣленіи, показалось Кальвину наполненнымъ парадоксами. А ученіе Цвингли объ евхаристіи онъ прямо призналъ ложнымъ и вреднымъ и оспаривалъ его еще во время своего пребыванія во Франціи, гдѣ многіе приняли это ученіе съ большою охотой. По взгляду Кальвина, высказанному въ письмѣ къ Зеведею въ 1539 г., Цвингли чрезмѣрно былъ проникнутъ желаніемъ искоренить заблужденіе о тѣлесномъ присутствіи Христа въ евхаристіи и чрезъ это упустилъ изъ вида или, по крайней мѣрѣ, затемнилъ положительную сторону—идею общенія со Христомъ. Въ письмѣ къ Фарелю въ 1540 г. Кальвинъ жалуется, что жители Цюриха дурно поступили, отдавши предпочтеніе Цвингли предъ Лютеромъ. Въ письмѣ къ Вире въ 1542 г. онъ называетъ взглядъ Цвингли на таинства нечестивымъ. При этомъ Кальвинъ высказалъ предположеніе, что можетъ быть въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Цвингли видоизмѣнилъ свое ученіе, сознаваясь, что онъ читалъ не всѣ произведенія Цвингли. Изъ сказаннаго видно, что по вопросу объ евхаристіи Кальвину скорѣе можно было ожидать нападеній со стороны цвингліанъ, а не лютеранъ. Но случилось обратное. Желая, чтобы протестантскія церкви жили въ единеніи, полагая, что ученые и благочестивые люди могли бы соединиться, чтобы выработать одно вѣроисповѣданіе христіанскаго ученія, мечтая даже о созваніи вселенскаго протестантскаго собора съ цѣлію осуществить святое общеніе членовъ Христовыхъ и раздѣляя, быть можетъ, взглядъ Лютера, что въ ученіи объ евхаристіи спорящія партіи могли бы примириться и соединиться, Кальвинъ въ 1549 г. въ Цюрихѣ устроилъ по вопросу о причащеніи соглашеніе своего ученія съ ученіемъ цвингліанъ. Это соглашеніе было выражено въ членахъ, напечатанныхъ въ 1551 г. и изданныхъ подъ именемъ „Тигуринскаго Соглашенія“. Такъ какъ оно очень скоро было принято всѣми реформатскими общинами въ Швейцаріи и въ другихъ странахъ, то ученіе объ евхаристіи не отдѣляло уже цвингліанскихъ общинъ отъ кальвиновыхъ. Но за-то это согласительное „Исповѣданіе“ и самый фактъ соглашенія Кальвина и его послѣдователей съ цвингліанами вооружили противъ Кальвина и кальвинистовъ лютеранъ. Лютеръ и Цвингли рѣзко разошлись именно изъ-за ученія Цвингли объ евхаристіи. Изъ-за него же продолжалось разъединеніе и между цвингліанами и лютеранами. Соглашеніе въ этомъ ученіи Кальвина съ цвингліанами подало лютеранамъ основаніе полагать, что Кальвинъ и его послѣдователи

въ ученіи объ евхаристіи—тѣ же цвингліане. Лютера въ это время уже не было въ живыхъ, но противъ Кальвина и „Тигуринскаго Соглашенія" выступили соработники и послѣдователи Лютера. Меланхтонъ, не взирая на свое расположеніе къ Кальвину и на свою мягкость и уступчивость, не одобрилъ „Тигуринскаго Соглашенія", отчасти и потому, что въ немъ есть ученіе о предопредѣленіи. Вестфаль началъ въ 1552 г. борьбу маленькимъ сочиненіемъ, въ которомъ онъ призывалъ лютеранъ къ оружію. Борьба со стороны лютеранъ скоро сдѣлалась яростной и проявилась не въ однихъ только сочиненіяхъ, но и въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ. Лондонская реформатская община, выселившаяся изъ отечества, ставшаго негостепріимнымъ для нея послѣ вступленія на престолъ католички Маріи, не была принята ни въ Германіи, ни въ Даніи. Вестфаль назвалъ этихъ переселенцевъ мучениками дьявола; а Бугенгагенъ объявилъ, что протестанты скорѣе будутъ терпѣть папистовъ, нежели ихъ.

Только въ Данцигѣ и Эмденѣ переселенцы нашли пріемъ. Возмущенный этимъ, Кальвинъ началъ борьбу и написалъ много полемическихъ сочиненій противъ Вестфаля и Гессгуса.

Въ этой борьбѣ принимали участіе и другія лица; однако Меланхтонъ, несмотря на настойчивую просьбу Кальвина, хранилъ во время этого спора необъяснимое молчаніе. Но и послѣ этого столкновенія, въ которомъ отчужденіе лютеранъ отъ кальвинистовъ обнаружилось не менѣе рѣзко, чѣмъ ихъ непріязнь къ цвингліанамъ, Кальвинъ не терялъ еще надежды на примиреніе и единеніе съ лютеранами, такъ какъ въ 1556 г. онъ желалъ для достиженія этой цѣли устроить съѣздъ. При всемъ томъ соглашеніе и соединеніе реформатовъ (какъ цвингліанъ, такъ и кальвинистовъ) съ лютеранами не состоялась. Должно замѣтить, что въ „Тигуринскомъ Соглашеніи" Кальвинъ выразилъ свой взглядъ на евхаристію не такъ отчетливо, какъ въ „Наставленіи" и въ спеціальномъ сочиненіи объ евхаристіи. Часто встрѣчающіяся въ „Тигуринскомъ Соглашеніи" отрицанія чисто лютеранскаго и католическаго пониманія евхаристіи суть приспособленія Кальвина къ цюрихскимъ цвингліанамъ, сильно возмущеннымъ лютеранами. Но это не значитъ, чтобы Кальвинъ при этомъ отвергнулъ свое прежнее ученіе и принялъ цвингліанское.

Центромъ кальвинизма при жизни Кальвина была Женева. Такимъ же центромъ кальвинизма вмѣстѣ со всею французской Швейцаріей остался этотъ городъ и послѣ Кальвина. *Кромѣ Швейцаріи кальвинизмъ распространился* въ Голландіи, а позже въ бывшихъ южно-африканскихъ республикахъ — Трансваалѣ и Оранжевой, населенныхъ выходцами изъ Голландіи, бурами.

Затѣмъ кальвинисты были издавна и существуютъ доселѣ въ Англіи и во Франціи. Есть они и въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Въ Польшу и Литву кальвинизмъ проникъ еще при жизни Кальвина въ царствованіе Сигизмунда Августа (1548—1572 г.), сочувствовавшаго протестантизму. Лютеръ посвятилъ ему свой переводъ Библіи, а Кальвинъ — толкованіе на посланіе къ Евреямъ и прислалъ ему въ даръ свою догматическую систему. Кромѣ короля кальвинизмъ широкимъ и быстрымъ распространеніемъ въ Польшѣ и Литвѣ былъ обязанъ князю Николаю Радзивиллу Черному. Потомокъ знаменитыхъ православныхъ князей, — онъ во время пребыванія своего за границей заразился ученіемъ Кальвина и Цвингли въ 1553 г. Владѣлецъ многочисленныхъ имѣній и богатѣйшихъ старостъ, первый въ государствѣ вельможа, великій маршалъ и канцлеръ литовскій, родственникъ и другъ короля, второй король и правитель королевства,— Радзивиллъ всѣ свои связи, силы, средства и власть употребилъ на обращеніе литовцевъ въ кальвинизмъ. Онъ вызвалъ изъ-за границы и Польши выдающихся проповѣдниковъ, которые разъѣзжали по всей странѣ, поучали народъ и своею образованностію и вкрадчивостію затмили ксендзовъ, такъ что даже иные изъ этихъ послѣднихъ стали кальвинистами. Во многихъ городахъ онъ основалъ школы, устроилъ типографіи для печатанія кальвинистическихъ сочиненій, построилъ много кирокъ или же обратилъ въ кирки православные храмы и католическіе костелы, помогалъ и покровительствовалъ принимавшимъ кальвинизмъ, вообще употреблялъ всѣ возможныя средства для распространенія этого

исповѣданія. Кромѣ того, кальвинисты привлекали къ себѣ строгою нравственностію. Скоро огромное большинство католиковъ, а также и множество православныхъ сдѣлались кальвинистами. Въ столицѣ Литвы, Вильнѣ, кальвинизмъ сталъ господствующимъ исповѣданіемъ, а также чрезвычайно усилился и въ другихъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ Литвы. Но послѣ смерти Радзивилла Чернаго въ 1565 г. и Сигизмунда Августа въ 1572 г. кальвинизмъ уже не имѣлъ столь сильныхъ покровителей въ Литвѣ и Польшѣ. Началась продолжительная и упорная борьба противъ него католиковъ и особенно іезуитовъ, и съ теченіемъ времени онъ ослабѣлъ.

Въ Россіи кальвинисты въ то время были въ Архангельскѣ и въ Москвѣ, но было ихъ тамъ мало. Въ настоящее время въ Россіи реформатскія общины, достаточно численныя, чтобы имѣть храмы, есть только въ большихъ городахъ. Вообще въ Россіи ихъ немного.

Литература. Послѣ смерти Кальвина память о немъ людей проявилась въ его жизнеописаніяхъ и вь прочихъ сочиненіяхъ о немъ и объ его вѣроисповѣданіи и въ изданіяхъ его сочиненій. Изъ біографій Кальвина первое мѣсто занимаетъ написанная его ученикомъ и послѣдователемъ *Өеодоромъ Безою.* Она вышла въ свѣтъ въ годъ смерти Кальвина подъ заглавіемъ: „Исторія жизни и смерти Іоанна Кальвина" и была издаваема нѣсколько разъ. Затѣмъ съ дружественной же стороны жизнь Кальвина описали: *Henry* на нѣмецкомъ языкѣ, въ трехъ томахъ, 1835—1844 гг., сокращенно въ одномъ томѣ въ 1846 г., *Stähelin*, 1863 г.; *Bungener*, 2-е изд. въ 1863 г. (есть переводъ на нѣмецкій языкъ), *Vignet* и *Tissot* въ 1864 г.

Думергъ, профессоръ въ Монтобанѣ, издалъ въ 1899 г. 1-й томъ разсчитанной на пять томовъ біографіи Кальвина. Въ 1-мъ томѣ описана жизнь Кальвина до 1536 г. Съ непріязненной стороны издано въ 1577 г. жизнеописаніе Кальвина *Бользекомъ,* за противодѣйствіе ученію Кальвина о предопредѣленіи изгнаннымъ изъ Женевы. Съ католической точки зрѣнія жизнь Кальвина описалъ на французскомъ языкѣ *Audin* 1841 г. (6-е изд. въ двухъ томахъ въ 1873 г.; нѣмецкій переводъ Эггера 1843 — 44 гг.). *Кампшультс* успѣлъ издать на нѣмецкомъ языкѣ только первый томъ біографіи Кальвина 1869 г., а второй томъ изданъ Гётцемъ въ 1900 г. Юность Кальвина описана *A. Lefranc*'омъ, 1888 г. Кромѣ того имѣютъ еще косвенное отношеніе сочиненія о Женевѣ *Roget* (1 — 7 т.), *Gallifé*, *Fleury* и многихъ другихъ. [*R. Stähelin* въ R. E. von Herzog-Hauck III³, 654 — 683 и ср. къ сему IV³, 812. XIII³, 802. Prof. *Q. Baudrillart* y Vacant et Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique I, col. 1377—1398 („Calvin"); 1398 — 1422 („Calvinisme); 1422 — 1423 („Calvinistes")]. Не упоминаемъ о журнальныхъ статьяхъ о Кальвинѣ и кальвинизмѣ.

Полныхъ изданій сочиненій Кальвина было три. Первое въ 12 томахъ-фоліантахъ вышло въ 1617 г. въ Женевѣ; второе въ 9 томахъ - фоліантахъ въ 1671 г. въ Амстердамѣ. Третье, лучшее и самое полное изданіе, начатое Страсбургскими профессорами Баумомъ, Куницомъ и Рейсомъ въ 1863 г., окончено въ 1900 г. Оно помѣщено въ Corpus reformatorum и занимаетъ здѣсь томы съ 29-го по 87-й, т. е. всего 59 томовъ.

Русская литература. † *С. Вл. Назаревскій,* Іоаннъ Кальвинъ, реформаторъ XVI вѣка, обширное изслѣдованіе, напечатанное въ „Православномъ Обозрѣніи" за 1878 и 1879 гг.; *Р. Випперъ,* Вліяніе Кальвина и кальвинизма на политическія ученія и движенія XVI вѣка: церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка въ эпоху кальвинизма (Москва 1894 г.); проф. *А. Д. Бѣляевъ,* Буры и кальвинизмъ (Тр.-Сергіева Лавра 1901 г.).

[*Викт. Мих. Михайловскій* († 1904 г.), Серветъ и Кальвинъ; историческій этюдъ. Москва 1883. *G. H. Gilbert,* The Bible of Iohn Calvin въ „The Bibical World" XXVII (1906), p. 344 — 347. *I. Pannier,* L'autorité de l'Ecriture sainte d'aprês Calvin въ „Revue de théologie et des questions religieuses" 1906, 3, p. 193—211; 3, p. 367—381. *A. Bossert,* Calvin, Paris 1906].

А. Бѣляевъ.

Калькаръ (Kalkar), Христіанъ Андреасъ Германъ,—датскій богословъ и церковный историкъ (1803—1886 г.). Сынъ стокгольмскаго раввина Симона К.; первые годы провелъ въ Касселѣ, по смерти отца (1812 г.) переселился на жительство въ Копенгагенъ, гдѣ въ 1823 г., подъ вліяніемъ епископа Mynster'а, принялъ лютеранство; въ копенгагенскомъ университетѣ, куда поступилъ студентомъ въ 1819 г., первоначально занимался юриспруденціей, съ перемѣною же религіи посвятилъ себя богословскимъ наукамъ; по окончаніи курса (1826 г.) въ теченіе долгаго времени (1827—1843 г.) занималъ должность сначала адъюнкта, а потомъ старшаго учителя въ каѳедральной школѣ г. Оденэе, гдѣ преподавалъ языки

(латинскій и еврейскій) и Законъ Божій, зарекомендовавъ себя здѣсь усиленною литературною дѣятельностію и организаціей „библейскихъ чтеній“; въ 1833 г. въ Килѣ удостоенъ степени доктора философіи, въ 1836 г. въ Копенгагенѣ—доктора богословія; въ 1842 г. былъ командированъ на королевскій счетъ за границу для разысканій въ архивахъ и библіотекахъ матеріаловъ по исторіи реформаціи въ Даніи; съ этою цѣлію посѣтилъ Голландію, Бельгію, Англію, Францію, Испанію и Германію и возвратился домой съ цѣнными пріобрѣтеніями; въ 1843 г. получилъ мѣсто приходскаго пастора и приступилъ къ разработкѣ добытыхъ имъ во время командировки богатыхъ матеріаловъ; но опустошительный пожаръ (въ 1849 г.) истребилъ вмѣстѣ съ обширною библіотекой весь собранный матеріалъ и многія начатыя работы; въ 1868 г. К. оставилъ пасторское мѣсто и переселился въ Копенгагенъ, дабы всецѣло посвятить свои силы дѣлу миссіи и литературнымъ занятіямъ; съ 1861 по 1873 г. К. стоялъ во главѣ датскаго миссіонерскаго общества, съ 1871 г. по 1886 г. занималъ должность цензора на богословскихъ служебныхъ экзаменахъ. *Литературная* дѣятельность К. была весьма почтенна. Въ бытность учителемъ имъ изданы: „Руководство къ изъясненію Ветхаго Завѣта“ (2 т. 1836—38 г.), доведенное имъ до книги Судей; „Чтенія по библейской исторіи“ (2 т. 1837—39 г.); „Исторія апостольской церкви“ (1840 г.). Кромѣ сего онъ состоялъ соредакторомъ „Христіанскаго церковнаго журнала“ (1832—35 гг.) и сотрудникомъ „Stemmer fra den danske Kirkes Reformationstid“ (1836 г.). По возвращеніи изъ-заграницы принималъ участіе въ изданіи „Назидательной книги для христіанъ, предназначенной къ употребленію при частной и домашней молитвѣ“ (1844 г.), въ 1845 г. на средства „Ученаго общества“ выпустилъ въ свѣтъ томъ „Актовъ, относящихся до исторіи Даніи въ періодъ реформаціи“; въ теченіе 1856—1885 гг. издалъ 4 тома „Картинъ изъ исторіи царства Божія“. Въ позднѣйшее время К. занимался преимущественно исторіею миссіи; плодами этихъ занятій были сочиненія: „Христіанская миссія среди язычниковъ“ (2 т. 1879 г.; переработка двухъ прежнихъ сочиненій: „Исторіи евангелической миссіи“, 1857 г., и „Исторіи римско-католической миссіи“, (1862 г.); „Израиль и церковь“ (1881 г.; переработка сочиненія: „Миссія среди Іудеевъ“, 1868 г.); „Дѣятельность церкви среди магометанъ“ (1884 г.). Изъ ученыхъ трудовъ К. на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ изданный имъ вмѣстѣ съ проф. Германсеномъ и др. новый переводъ всей Библіи (Bibelen ell. hellige Skrift, paa ny oversat af Grundtexten), снабженный введеніемь, примѣчаніями, литографіями и картами, извѣстный подъ именемъ „Pragtbibelen“ (1844—47 гг.). Кромѣ того извѣстны двѣ его диссертаціи: „Пѣснь Девворы“ и „Плачъ Іереміи“; „Questionum Biblicarum specimina“ (1835) и премированное голландскимъ обществомъ „Охрана христіанства“ программное сочиненіе о „Іудейской теократіи“ (Лейдень 1842). К. принималъ участіе въ ревизіи авторизованнаго перевода книгъ Ветх. Завѣта. Какъ богословъ, К. стоялъ ближе всего къ Минстеру и Мартенсену, но обладалъ болѣе широкими церковными взглядами, отразившимися между прочимъ на дружественномъ отношеніи его къ церковно-политическимъ реформамъ и къ „Евангелическому союзу“. К. до конца жизни сохранилъ свѣжесть духа, способности, рабочую силу и живой интересъ къ духовнымъ и церковнымъ вопросамъ. Послѣдніе труды его по исторіи миссіи, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, страдаютъ „недостаточною разборчивостію въ выборѣ матеріала, недостаткомъ критики и глубины изслѣдованія“.

Литература. „Til Minde om *C. A. H. K.*“ Kbv. 1886. *C. T. Bricka*, Dansk Biografisk Lexikon. IX Bind (1895). *Erslew* Forfat. Lex. Illustr. Tid. 1878, № 968. *Salmonsens* Konvers.-leksikon. X Bind (1900). Kirke-Leksikon for Norden af *Dr. Fr. Nielsen*. H. 34. Nouvelle Biographie Générale. T. XXVII. Realencyklopädie von Herzog-Hauck IX³, 727—728 (*Fr. Nielsen*).

П. Р—въ.

Кальметъ Августинъ—ученый историкъ и экзегетъ. Онъ родился 26 февраля 1672 года въ Месниль-ля-Горнь (Mesnil-la-Horgne) (въ Лотарингіи); въ 1688 г. былъ принятъ въ орденъ бенедиктинцевъ, въ конгрегацію св. Ванна; состоялъ въ бенедиктинскомъ

аббатствѣ въ Мюнстерѣ (въ Эльзасѣ), откуда ѣздилъ въ Парижъ, чтобы закончить предпринятый имъ громадный комментарій на Библію и для наблюденія за печатаніемъ своего труда. Въ 1718 г. Кальметъ, въ награду за свою ученую дѣятельность, доставившую ему широкую извѣстность, получилъ аббатство св. Леопольда въ Нанси; черезъ 10 лѣтъ былъ назначенъ настоятелемъ аббатства въ Сенонѣ (въ Лотарингіи), гдѣ и оставался до смерти, отклонивъ неоднократныя предложенія принять епископскій санъ; скончался въ 1757 г. въ Парижѣ. Кальметъ былъ неутомимымъ ученымъ работникомъ, написавъ и единолично, и при участіи другихъ бенедиктинцевъ много обширныхъ и многотомныхъ изслѣдованій, которыя не утратили значенія до настоящаго времени. Изъ этихъ изслѣдованій отмѣтимъ наиболѣе замѣчательныя: 1) La Sainte Bible en latin et en français avec im commentaire littéral et critique sur tous les livres de l'Ancien et du Nouveau Testament, Парижъ 1707—1716 г., 23 тома въ 4⁰; 2-е изд. 1714—20 г., 26 томовъ въ 4⁰; 3-е изд. пересмотр. и исправл. Парижъ 1724—1726 г., 8 томовъ въ листъ. Этотъ комментарій пользовался большимъ авторитетомъ у католиковъ. 2) Histoire sainte de l'Ancien et du Nouveau Testament, Парижъ 1716 г., 2 тома въ 4⁰; 1770 г. 5 том. въ 4⁰. Въ этомъ трудѣ излагаются событія отъ сотворенія міра до разрушенія Іерусалима римлянами. 3) Dictionnaire hist., crit., chronol., géogr. et littéral de la Bible, Парижъ 1722—28 г., 4 тома въ листъ; 2-е изд.—Парижъ 1730 г., 4 тома въ листъ; Женева 1730 г., 4 тома въ 4⁰; Тулуза 1783 г., 6 томовъ въ 8⁰; въ „Энциклопедіи" Миня—4 тома въ 4⁰ (Парижъ 1845—1846). 4) Histoire universelle sacrée et profane, Страсбургъ 1735—71, 17 томовъ въ 4⁰, изъ которыхъ самъ Кальметъ написалъ только первые 8 томовъ. 5) Histoire ecclésiastique et civile de la Lorraine, Нанси 1745—57, 7 томовъ въ листъ. Это лучшее сочиненіе о Лотарингіи; 4-й томъ его подъ заглавіемъ: „Bibliotheque Lorraine" былъ переизданъ въ Нанси 1751 г. въ листъ. 6) Commentaire littéral, historique et moral sur la regle de St. Benoit, и пр. Въ 1733 г. Кальметъ представилъ въ Королевскую библіотеку точную копію съ священной книги индусовъ „Веды".

См. *Magyiolo*, Éloge histor de Dom Calmet, Nancy 1839 in 8⁰; *Digot,* Notice biogr. et. littér. sur D. Calmet, Nancy 1860 г. in 8⁰; *Guillaume,* Documents inédits sur les correspondances de D. Calmet et de D. Fange, Nancy 1873—74 in 8⁰; *de Bazelaire,* Calmet et la congrég. de S. Vannes въ „Correspondant" отъ 10 и 25 марта 1845 г. [*A. Bernus* у F. Lichtenberger въ Encyclopédie II, 526—527. *E. Mangenot* въ Dictionnaire de la Bible par F. Vigouroux III, 72—76. (*† Schmidt)—Pfender* въ R. E. von Herzog-Hauck III³, 647—648].

Н. В. П—въ.

Кальнофойскій Аѳанасій, инокъ Кіево-печерской лавры. Онъ извѣстенъ слѣдующимъ своимъ сочиненіемъ, которое издано было на польскомъ языкѣ въ Кіевѣ въ 1638 г., по благословенію Петра Могилы, и которое являлось какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ Патерика Сильвестра Коссова: „Тератургима, или чудеса, совершившіяся какъ въ самомъ Печерскомъ монастырѣ, такъ и въ обѣихъ его пещерахъ". Авторъ о своей книгѣ, посвященной князю Ильѣ Святополковичу Четвертинскому, замѣчаетъ, что она „поступила въ станокъ типографскаго художества послѣ добраго полированія въ могилянскомъ атенеѣ", т. е. была процензирована и тщательно исправлена въ могилянскомъ коллегіумѣ (м. *Макарій*, Исторія русской церкви, т. XI, кн. II, Спб. 1882, стр. 569). Такъ какъ книга написана съ полемическою цѣлію — опровергнуть клеветы уніатовъ и іезуитовъ, будто бы въ православной церкви нѣтъ болѣе чудесъ, то авторъ довольно подробно останавливается на современныхъ ему чудесахъ (1594—1638 гг.), которыхъ насчитываетъ 64. Кромѣ того, въ книгѣ есть любопытныя историческія данныя о Печерскомъ монастырѣ: 1) Топографическое описаніе Лавры, Ближней и Дальней пещеръ съ планами (помѣщено въ „Описаніи Кіево-печерскія лавры" 1826 г., прилож. № 32, стр. 146—155) и 2) надписи съ надгробій положенныхъ въ пещерахъ благодѣтелей обители (напечатаны въ „Сборникѣ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева"; изд. Врем. Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ,

Подольскомъ и Волынскомъ губернаторствѣ, Кіевъ 1874, отдѣлъ II, стр. 27—43). Кальнофойскій же дополнилъ и издалъ составленную Иларіономъ Денисовичемъ брошюру на польскомъ языкѣ: Parergon códów obraza Bogo odzice w emnastyru kupiatickim, Kiow 1638 (Описаніе чудесъ Купятицкой иконы Божіей Матери).

Литература. † *П. Пекарскій* въ своей статьѣ: Представители кіевской учености въ половинѣ XVII столѣтія (въ «Отечеств. Запискахъ» 1862 г., т. CXL, стр. 552—594, и т. CXLI, стр. 196—228. 367—391) удѣляетъ нѣсколько страницъ сочиненію Кальнофойскаго „Тератургима", какъ образчику риторическихъ утонченностей (т. CXLI, стр. 209—213). См. еще: м. *Евгеній*, Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Грекороссійскія церкви, I (Спб. 1818), стр. 53—54; архіеп. *Филаретъ*, Обзоръ русской духовной литературы, кн. I (гг. 862—1720), Харьковъ 1859, стр. 276, и Словари *С. Венгерова* (т. 1), *Брокгауза-Ефрона* (подъ словомъ Кальнофойскій) и *А. Половцова* (подъ словомъ Аѳанасій).

А. В. П—въ.

Кальпа см. „Энц." II, 1149.

Калязинскій монастырь находится близъ города Калязина, Тверской губерніи, въ 18 верстахъ отъ города Кашина. Основателемъ его былъ преподобный Макарій, первый игуменъ этого монастыря. Онъ происходилъ изъ рода дворянъ Кожиныхъ. Названіе монастыря, а отсюда и города въ житіи преподобнаго Макарія объясняется такъ. Недалеко отъ мѣста основанія монастыря былъ землевладѣлецъ Иванъ Коляга. Обезпокоенный основаніемъ новой обители, опасаясь, что всѣ земли, смежныя съ нею, отойдутъ со временемъ къ этой обители, Коляга нѣсколько разъ искалъ случая убить основателя новаго монастыря. Лишившись впослѣдствіи всего своего семейства и самъ впавши въ тяжкую болѣзнь, Коляга просилъ прощенія у преподобнаго, постригся въ его монастырѣ, которому отдалъ и всѣ свои земли. Основаніе монастыря относится къ концу первой половины XV столѣтія. Препод. Макарій, основатель обители, скончался 17 марта 1483 года. Мощи его обрѣтены были въ 1521 году, а причисленъ онъ къ лику святыхъ русской церкви соборомъ 1547 г. Калязинскій монастырь и послѣ смерти своего основателя продолжалъ быстро развиваться и пользовался особымъ покровительствомъ со стороны царствующихъ особъ. Въ 1553 г. посѣтилъ монастырь царь Іоаннъ Грозный и пожертвовалъ монастырю всѣ земельныя владѣнія князя Горбатова. Посѣтилъ монастырь въ 1599 г. и царь Борисъ Годуновъ, соорудившій серебряную раку для мощей пр. Макарія. Въ смутное время Михаилъ Скопинъ-Шуйскій нанесъ подъ стѣнами обители пораженіе скопищамъ Сапѣги и Лисовскаго (14 авг. 1609 г.) и былъ торжественно встрѣченъ игуменомъ Ѳеодосіемъ и братіею. Въ 1610 г. монастырь былъ разграбленъ Лисовскимъ, при чемъ даже рака преподобнаго была разсѣчена на части и увезена въ Польшу. Первый царь изъ дома Романовыхъ посѣтилъ обитель въ 1619 г. Онъ и отецъ его патріархъ Филаретъ Никитичъ пожертвовали въ обитель два колокола. Въ 1653 г. довольно продолжительное время въ монастырѣ прожилъ патріархъ Никонъ вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ, спасая его отъ свирѣпствовавшей тогда въ Россіи моровой язвы. Послѣ этого посѣщенія братскій корпусъ въ монастырѣ сталъ называться царскимъ, а настоятельскій—патріаршимъ. Царица Марія Ильинишна исходатайствовала въ 1655 г. монастырю архимандрію. Въ 1767 г. посѣтила монастырь императрица Екатерина II во время своего знаменитаго путешествія по Волгѣ. По штатамъ 1764 с. Калязинскій монастырь отнесенъ къ первому классу; на содержаніе настоятеля и братіи положено отпускать 550 р. 17 к., на прочія нужды монастыря 1114 р. 39 к. Въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтій архимандритами монастыря часто были ректора тверской дух. семинаріи. Изъ храмовъ монастыря заслуживаетъ особаго вниманія Троицкій соборъ, построеніе котораго было начато въ 1654 г. Въ этомъ храмѣ сохранились прекрасныя фрески, писанныя царскими изографами XVII вѣка. Нѣкоторыя изъ нихъ послѣ повреждены при пробитіи новыхъ оконъ въ храмѣ. Въ настоящее время предположена полная реставрація ихъ по указаніямъ С.-Петербургской Археологической Коммиссіи. Изъ предметовъ старины въ обители особенно замѣчательны: покровъ на мощи съ

шитымъ изображеніемъ пр. Макарія, вышитый въ 1593 г., хотя и подновленный; кипарисовый крестъ, находившійся по преданію въ кельѣ преп. Макарія, шитая плащаница 1600 г. и др.—Изъ рукописей замѣчательны: пергаментный уставъ XV в., которымъ по преданію пользовался преп. Макарій, и лицевая псалтырь XVI столѣтія. Въ монастырѣ находится довольно богатый архивъ. Въ монастырѣ погребены: Серапіонъ, митрополитъ сарскій и подонскій, и Арсеній Верещагинъ, архіепископъ ярославскій и ростовскій.

Литература. *А. Лебедевъ,* Описаніе Троицкаго Калязина монастыря (Ярославль 1867 г.). Іером. *Павелъ* (Крыловъ), Троицкій Калязинъ монастырь. (Калязинъ 1897 г.). *И. Ивановъ,* Лицевая рукописная псалтырь Калязина монастыря (Тверь 1900 г.).

В. Колосовъ.

Калямъ см. „мутазилиты", а пока чит. у проф. *С. С. Глаголева,* Исламъ (Св.-Троц. Сергіева Лавра 1904), стр. 134. Здѣсь авторъ не соглашается съ мнѣніемъ *П. Кр. Жузе* въ его диссертаціи „Мутазилиты" (стр. 60—61), что калямъ возникъ подъ вліяніемъ христіанской догматики и христологическихъ споровъ, но г. Жузе продолжаетъ защищать свое толкованіе въ „Прав. Собесѣдникѣ" 1905 г., X, стр. 373—374. Подробности ниже.

Н. Г

Камальду(о)льскій орденъ—католическій монашескій орденъ, основанный въ 1018 г. Ромуальдомъ, изъ рода герцоговъ равенскихъ (950—1027 гг.) въ Camaldoli, Campus Maldoli—дикой равнинѣ на Апенинскомъ полуостровѣ, верстахъ въ 50 отъ Флоренціи, въ противовѣсъ недостаточно строгой монашеской жизни бенедиктинцевъ и съ цѣлію возстановить древнее восточное отшельничество. Изъ многочисленныхъ группъ или монастырей, составившихся изъ послѣдователей Ромуальда, монастырь Камальдоли остался наиболѣе вѣренъ суровымъ традиціямъ знаменитаго равенскаго подвижника. Первое писанное правило камальдульскаго ордена относится къ 1102 г. и составлено четвертымъ „майоромъ" Рудольфомъ, основавшимъ въ 1086 г. и женское отдѣленіе ордена въ S. Pitro di Luco въ Mugello (Mucellano) въ Тосканѣ (нынѣ нѣтъ). Оно уже умѣряетъ первоначальныя требованія, обязывавшія членовъ ордена сохранять абсолютное уединеніе, позволяя монахамъ собираться вмѣстѣ для духовныхъ упражненій, заключающихся особенно въ молитвахъ, распѣваемыхъ монотоннымъ голосомъ; оно предписываетъ частые посты, воздержаніе отъ употребленія мяса и вина. Монахи этого ордена носили бѣлое платье. Настоятель монастыря Камальдоли, который былъ въ то же время и суперьеромъ (главою) всего ордена, имѣлъ титулъ „майора". По образцу мужскихъ были основаны потомъ и женскіе монастыри этого ордена. Монастыри св. Михаила и св. Матѳея муранскаго, около Венеціи, скоро прославившіеся своими богатствами,—вмѣсто отшельнической—завели у себя общинную жизнь монаховъ и въ выборѣ „майора" чередовались съ монастырями, организованными по первоначальному типу. Попытка вернуться къ аскетизму была впослѣдствіи предпринята членомъ камальдульскаго ордена Амвросіемъ де-Портико и одобрена папою Евгеніемъ IV (1431 г.) и Павломъ Юстиніани, настоятелемъ Камальдоли при папѣ Львѣ X (1520 г.). Эта реформа повела къ отпаденію отъ ордена многочисленныхъ его монастырей, которые начали независимое существованіе. Въ 1529 г. главная резиденція ордена была перенесена въ Санъ-Сальвадорскій монастырь, около Перузіи. Частію разсѣявшійся, частію вновь возстановленный въ бурное время, разразившееся надъ конгрегаціями въ концѣ XVIII в., камальдульскій орденъ сохранился до послѣднихъ дней. Папа Григорій XVI принадлежалъ къ этому ордену [собственно къ муранской конгрегаціи].

Литература. *Damiani,* Romualdi vita въ его Opera, II, 205 сл., *Mabillon,* AA. SS. ord. Bened. saec. VI, I, 247 сл. *Héliot,* Histoire des ordres religieux, V, 247 сл. *Mitarelli,* Annales camalduenses Ord. S. Bened., Venise 1758; *Guido de Grandis,* Dissert. camalduenses. Lucq. 1707. [*F. Lichtenberger* въ Encyclopédie II, 557—558. *Grützmacher* въ R.E. Herzog-Hauck III³, 683—687. *I. Besse* y Vacant et Mangenot въ Dictionnaire be théologie catholique I, col 1423 — 1431].

Н. В. П—въ.

Каматиръ Андроникъ — византійскій писатель-богословъ XII в., занимавшій должность эпарха (оберъ-полицеймейстера) Константинополя и состоявшій въ родствѣ съ императоромъ Византіи Мануиломъ Комниномъ, по совѣту котораго написалъ между 1170—1175 годами полемическое сочиненіе „Священное Оружехранилище“ (Ἱερὰ Ὁπλοθήκη). Этотъ трудъ имѣетъ сходство съ полемическимъ трудомъ Евѳимія Зигавина „Паноплія“ какъ по содержанію, такъ и по плану. По примѣру Зигавина, который начинаетъ свой трудъ похвалою Алексѣю Комнину, и Андроникъ Каматиръ въ предисловіи прославляетъ императора Мануила Комнина, называетъ его духовнымъ отцомъ своего труда, а себя—только переписчикомъ и составителемъ пролога и эпилога. Но, разумѣется, это заявленіе автора нельзя понимать буквально. Затѣмъ, трудъ Андроника имѣетъ полемическій характеръ, какъ и „Паноплія“, но значительно уступаетъ ей въ составѣ содержанія, такъ какъ направлено только противъ латинянъ и армянъ. Первая часть „Священнаго Оружехранилища“ содержитъ діалогъ императора съ римскими „кардиналами“ (καρδινάλιοι) объ исхожденіи Св. Духа, собраніе изреченій отцовъ, свидѣтельствующихъ въ пользу православнаго ученія, и рядъ силлогистическихъ аргументовъ, заимствованныхъ изъ сочиненій предшествующихъ писателей, полемизировавшихъ съ латинянами,—Фотія, Никиты Византійскаго, Евстратія, Евѳимія Зигавина, Николая Меѳонскаго. Такимъ же образомъ составлена и вторая часть труда—съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь авторъ опровергаетъ монофизитство, монофелитство, докетизмъ и пр., представляя аргументы логическаго характера и изъ твореній святыхъ отцовъ. По изображенію автора, императоръ, бесѣдующій съ кардиналамъ, во всѣхъ случаяхъ остается побѣдителемъ, при чемъ по мѣстамъ ведутся пространныя рѣчи о его достоинствахъ. Отсюда является естественное предположеніе, что сочиненіе составлено съ цѣлію прославленія церковныхъ дѣяній и богословскихъ трудовъ Мануила Комнина. На это отчасти указываетъ и полное заглавіе сочиненія, сохранившееся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ въ такомъ видѣ: „Сочиненіе Андроника Севаста, по отцу Каматира и по матери Дука, составленное и изложенное по методу, ученію, познаніямъ и приказанію богомудраго великаго царя, порфиророднаго и автократора киръ-Мануила Комнина, который и назвалъ книгу Священное Оружехранилище. Тѣмъ не менѣе сочиненіе имѣетъ значеніе,—и можно лишь пожалѣть, что оно и теперь еще не издано въ полномъ видѣ. Въ византійскую эпоху оно признавалось цѣннымъ. Историкъ Георгій Пахимеръ свидѣтельствуетъ (II, 31; Bonnae) о его большомъ значеніи, а Никифоръ Влеммидъ въ похвалу сочиненія говоритъ, слѣдующее: „книга представлялась почтенной и достойной вниманія для современныхъ (автору) ученыхъ мужей, а потомъ и въ наше время (XIII в.) весьма извѣстна и примѣчательна, и никто, даже изъ людей совершенно не безпристрастныхъ, никогда не осмѣлился сказать противъ нея слово“ (*Allatius,* Graecia orthodoxa I, 4). Изъ рукописныхъ экземпляровъ труда извѣстны Московской Синодальной библіотеки № 353, библіотеки св. Марка въ Венеціи № 158 и Мюнхенской 229 (XIII в., fol. 1—309). Въ послѣднемъ экземплярѣ трудъ Андроника Каматира предваряется ямбическими стихами протокуропалата Георгія Скилицы, въ которыхъ раскрывается его значеніе.

Литература. До настоящаго времени изъ труда Каматира издано только собраніе мѣстъ изъ Свящ. Писанія и отцовъ противъ латинянъ, съ опроверженіемъ Іоанна Векка, у *Алляція,* Graecia orthodoxa II, 287—521, и *Migne'я* Patr. gr., t. CXLI, 396—613. Свѣдѣнія о писателѣ сообщаютъ: *Ioannes Cinnamus,* Historia, Bonnae 1836; *Georgius Pachymeres,* Historia II, Bonnae 1835; *Fabricius,* Bibl. graeca XI, 27 sq.; *Hergenröther,* Photius Patriarch von Constantinopel III, 811—814 (здѣсь содержится анализъ діалога императора Мануила съ кардиналами), Regensburg 1869; Αρχιμ. Ἀνδρόνικος Δημητρακόπουλος, Ὀρθόδοξος Ἑλλὰς ἐν Λειψίᾳ, 1872; *Krumbacher,* Geschichte der byzantinischen Litteratur, München [2]1897.

И. И. Соколовъ.

Каменскій, Никиф. Тим., протоіерей, нынѣ Никаноръ, архіепископъ варшавскій и привислянскій, см. „Энц.“ I, 1097, V, 349.

Каменскій монастырь, екатеринб. епархіи, ср. „Энц.“ V, 353.

„Камень вѣры“ митрополита Стефана Яворскаго. „Камень вѣры“ это— догматико-полемическій трудъ, составленный митроп. Стефаномъ Яворскимъ въ защиту православной церкви отъ враждебныхъ нападеній на нее со стороны протестантовъ. Явившееся изъ-подъ пера автора въ эпоху императора Петра I, въ самый разгаръ совершавшагося въ русскомъ народѣ реформаторско-прогрессивнаго движенія въ области какъ общественно-политической, такъ и религіозно-церковной жизни,—твореніе Стефана Яворскаго въ высшей степени отвѣчало потребностямъ своего времени.

Извѣстно, что инославная религіозная пропаганда въ нашемъ отечествѣ никогда не достигала такой интенсивной силы и не сопровождалась такимъ ощутительнымъ успѣхомъ, какъ въ царствованіе императора Пэтра I. Явившись на Русь въ качествѣ учителей и руководителей русскаго народа въ области наукъ и искусствъ и пользуясь благосклоннымъ покровительствомъ правительства и законодательства, иностранцы скоро оріентировались въ своемъ положеніи и взяли въ свои руки всѣ нити духовно-интеллектуальной жизни русскаго народа: они давали направленіе политикѣ, литературѣ и школѣ.

Естественно, что и религіозная сторона жизни русскихъ не могла остаться закрытою для иноземнаго вліянія: сближеніе нашихъ предковъ съ иностранцами въ общежитіи и на почвѣ научно-просвѣтительныхъ интересовъ обусловливало возможность соприкосновенія съ ними и со стороны вѣроисповѣдныхъ убѣжденій. А такъ какъ изъ пришлыхъ на Русь иноземцевъ нѣмцы-лютеране пользовались преимущественною религіозною свободою сравнительно съ представителями другихъ исповѣданій, то опасность православію могла угрожать прежде всего съ ихъ стороны. И, дѣйствительно, протестантскія идеи въ названное время нашли себѣ благосклонный пріемъ и широкое распространеніе во всѣхъ слояхъ русскаго народа: изъ приверженцевъ новаго нѣмецкаго ученія образовалось въ Москвѣ особое вольнодумное общество во главѣ съ Димитріемъ Тверитиновымъ. Болѣе десяти лѣтъ тверской „чернослободецъ“ велъ свою преступную дѣятельность распространенія лютеранскихъ мнѣній среди своихъ современниковъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: царившій въ обществѣ духъ свободы и вѣротерпимости ограждалъ его отъ внѣшней кары, а унаслѣдованныя отъ предыдущихъ вѣковъ религіозное невѣжество и безотчетность въ вѣрованіяхъ представляли самую удобную почву для насажденія въ русскомъ народѣ разныхъ еретическихъ мыслей.

Такимъ образомъ, эпоха Петра I, благодаря значительному приливу въ наше отечество иностранцевъ и сравнительно свободному положенію ихъ въ отношеніи вѣры, вызвала замѣтное броженіе въ религіозныхъ убѣжденіяхъ части русскаго общества и создала особенныя условія для апологетически-просвѣтительной дѣятельности православнаго духовенства: послѣднему необходимо было выступить на защиту православной церкви и исконныхъ вѣрованій русскаго народа во всеоружіи умственной силы и богословскаго знанія. Волновавшіе въ началѣ XVIII в. русское общество еретики, заразившіеся отъ своихъ учителей-лютеранъ раціоналистическимъ духомъ и усвоившіе у нихъ привычку разсудочнаго отношенія къ догматамъ вѣры, полагали свою силу именно въ умственномъ перевѣсѣ надъ православными, считали себя, по словамъ м. Стефана Яворскаго, „паче всѣхъ мудрѣйшими и смысленнѣйшими“.

Такимъ образомъ, въ царствованіе императора Петра I, благодаря новымъ условіямъ умственно-религіозной жизни въ нашемъ отечествѣ, была настоятельная необходимость въ научно-богословскихъ средствахъ борьбы съ распространившимися въ обществѣ протестантскими идеями. Нужда въ обстоятельныхъ политическихъ сочиненеліяхъ противъ иновѣрія живо чувствовалась современниками. Такъ, И. Т. Посошковъ въ письмахъ къ м. Стефану Яворскому говорилъ: „а для самого совершеннаго пастырскаго разума надобно собрать отъ самого начала вси ереси: коя какова была, и въ коі времена и отъ чего началась и чемъ кончилась, и что въ ней было противности святей восточной церкви, такожде, какъ и отъ чего лютерская и калвинская и каталитская и унеятская вѣра началась и на чемъ тѣ еретическия вѣры утверждены, что по сіе время они стоятъ

въ своихъ бытностяхъ непоколебимо, такожде и наша благочестивая вѣра что при техъ вѣрахъ правости въ себѣ содержитъ и чемъ коя вѣра отъ насъ разнствуетъ. И, ереси объявя, объявить и нашу благочестивую вѣру, на чемъ она утверждается и учинить еи твердую ограду, еже бъ единые диры не оставить, коя бъ неограждена была, или отпоръ не учиненъ былъ“...

Этой настоятельно-существенной потребности времени и удовлетворялъ вполнѣ „Камень вѣры“ м. Стефана Яворскаго.

По своему содержанію это—огромный трудъ, заключающій въ себѣ цѣлую систему православнаго полемическаго противопротестантскаго богословія. Кромѣ вступительныхъ частей, онъ состоитъ изъ 12 отдѣльныхъ трактатовъ: о св. иконахъ, крестѣ, мощахъ, евхаристіи, призываніи святыхъ, душахъ святыхъ, „благотвореніи преставльшимся“, преданіяхъ, литургіи, постахъ, благихъ дѣлахъ и о наказаніи еретиковъ. При этомъ каждый трактатъ содержитъ въ себѣ двѣ части: положительную, посвященную раскрытію и доказательству православнаго ученія, и полемическую, содержащую въ себѣ опроверженіе протестантскихъ возраженій противъ тѣхъ или другихъ православныхъ истинъ. При чтеніи „Камня вѣры“ читатель невольно изумляется обилію и богатству имѣющагося въ немъ догматико-полемическаго матеріала: на страницахъ творенія Яворскаго затрогивается и рѣшается такая масса вопросовъ догматическаго, каноническаго и церковно-историческаго характера, что съ этой стороны оно не имѣетъ другого равнаго себѣ произведенія въ русской богословской письменности. Производитъ также впечатлѣніе и разнообразіе пріемовъ раскрытія содержанія: кромѣ многочисленныхъ цитатъ изъ Свящ. Писанія и святоотеческой литературы, встрѣчается не мало и научныхъ доводовъ, заимствуемыхъ изъ философіи, психологіи, логики и исторіи. Но едва-ли не самую характеристическую особенность „Камня вѣры“ въ отношеніи къ содержанію составляетъ его схоластически-разсудочный характеръ: доводы отъ разума авторъ особенно любитъ и отводитъ имъ весьма видное мѣсто въ своемъ сочиненіи. Но при всемъ томъ послѣднее не превращается въ сухой и отвлеченный трудъ: трактаты „Камня вѣры“ читаются легко, безъ напряженія. Языкъ сочиненія—живой, ясный, богатый образами и сравненіями. Тонъ полемики Яворскаго съ протестантами—страстный, одушевленный, по мѣстамъ неумѣренно рѣзкій и бранчивый.

„Камень вѣры“—сочиненіе не самостоятельное: оно составлено на основаніи главнымъ образомъ трудовъ католическихъ богослововъ Беллярмина и Бекана [см. „Энц.“ II, 364—369]. Заимствованія изъ означенныхъ источниковъ встрѣчаются во всѣхъ трактатахъ творенія Стефана Яворскаго, хотя и въ не одинаковой степени. Болѣе всего близки по своему содержанію къ католической литературѣ отдѣлы: о благихъ дѣлахъ, преданіяхъ, молитвѣ за умершихъ и о наказаніи еретиковъ; наименѣе—трактаты о св. иконахъ и крестѣ. Впрочемъ, заимствованія не простираются до рабской зависимости автора отъ своихъ источниковъ: наряду съ буквальнымъ и близкимъ воспроизведеніемъ текста сочиненій католическихъ богослововъ встрѣчаются въ „Камнѣ вѣры“ и самостоятельные отдѣлы, обнаруживается и творчество писателя. Такъ, изъ сочиненій Беллярмина и Бекана заимствуются иногда только общія положенія и мысли, развиваемыя въ подробностяхъ самостоятельно; весьма часто допускаются сокращенія или дополненія готоваго содержанія; измѣняется порядокъ въ изложеніи мыслей; игнорируются подробности содержанія, имѣющія спеціальный интересъ въ первоисточникахъ и, наконецъ, устраняются явно католическія тенденціи послѣднихъ.

Но при всемъ стремленіи митроп. Стефана Яворскаго сохранить чистоту и неприкосновенность православнаго ученія, вслѣдствіе обильнаго пользованія авторомъ католическими источниками, вліяніе послѣднихъ на догматическія воззрѣнія „Камня вѣры“ сказалось весьма замѣтно. Такъ, оно выразилось: а) во взглядѣ на добрыя дѣла, какъ *заслуги* человѣка предъ Богомъ, б) въ ученіи о мотивахъ нравственнаго добра, в) объ оправданіи, какъ внѣшне-механическомъ измѣненіи душевнаго настроенія человѣка, г) о преданіи въ широкомъ смыслѣ, д) о догматическомъ несовершенствѣ Свящ. Писанія, о „долгѣ наказанія временнаго“ и ж) о смертной казни еретиковъ.

„Камень вѣры“ въ своей литературной исторіи вполнѣ раздѣлилъ участь своего автора, митроп. Стефана Яворскаго. Какъ послѣдній при своей жизни пользовался уваженіемъ и осыпался восторженными похвалами со стороны одной части русскаго общества (партіи старины) и вызывалъ сильныя порицанія и горькіе упреки другой (партіи реформъ), такъ точно и литературный богословскій трудъ митроп. Стефана Яворскаго встрѣтилъ неодинаковый пріемъ у современниковъ. Одни ставили его весьма высоко, самымъ благопріятнымъ образомъ отзывались о его достоинствахъ и придавали ему громадное значеніе въ борьбѣ съ протестантствомъ. Такъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверской, отзывался о „Камнѣ вѣры“: „сужду книгу сію быти не токмо полезную правовѣрнымъ на утвержденіе въ догматахъ православныя христіанскія церкве, на возраженіе же богохульныхъ еретическихъ языкоболій, но и весьма потребную“. Современникъ Стефана Яворскаго Посошковъ говоритъ о его „Камнѣ вѣры“: „ради утвержденія въ вѣрѣ, и ради охраненія отъ люторскія и кальвинскія и отъ прочихъ иконоборцевъ напечатать книгъ колико надлежитъ Камень вѣры, иже блаженной памяти Преосвященный Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій сочинилъ, и книгъ по пятиста въ школу отослать; и чтобъ тотъ многоцѣнный камень желающіе пресвитерства затвердили его на память, чтобы о всякомъ отвѣтѣ поминть изустъ сказать. Такожде и иноки, желающіе во благочестіи жить, а негли случится коему во Архіереяхъ быть, и въ томъ санѣ будучи весьма паче пресвитерскаго той святой Камень во успѣхъ имѣти, чтобы тымъ каменемъ могли изустно еретическія челюсти сокрушати“.

Но кромѣ панегирическихъ отзывовъ о „Камнѣ вѣры“, послѣ его появленія, возникла цѣлая полемическая литература противъ него. Таковы сочиненія: 1) явившееся въ 1729 году подъ именемъ *Буддея* Epistola apologetica pro ecclesia Lutherana contra calumnias et obtrectationis Stephani Javorskii... 2) *неизвѣстнаго автора* Genius Stephani Javorskii... An. 1730, 3) *Бюльфингера* Stephani Javorskii metropolitae Resanensis et Muromiensis Discursum de poena haereticorum... An. 1731 и 4) „Молотокъ на Камень вѣры“. При этомъ не излишне отмѣтить, что на защиту „Камня вѣры“ отъ нападеній Буддея выступилъ латинскій монахъ Рибера въ своемъ сочиненіи: Responsum antapologeticum ecclesiae cotholicae contra columniosas blasphemias Ioannis Francisci Buddei... An. 1731.

Но справеливость требуетъ сказать, что полемическая литература противъ „Камня вѣры“ не содержитъ въ себѣ подробнаго и серьезнаго разбора сочиненія Стефана Яворскаго: она ограничивается или слабыми замѣчаніями на нѣкоторыя положенія вступительныхъ частей „Камня вѣры“, или направляется противъ личности митрополита Стефана Яворскаго, несправедливо обвиняя его въ чрезмѣрной привязанности къ католической церкви и отожествляя его съ дѣятелями латинской пропаганды въ Россіи. Исключеніе составляетъ только небольшой трудъ Бюльфингера, который содержитъ въ себѣ серьезную критику трактата о наказаніи еритиковъ,—этого, дѣйствительно, слабаго отдѣла въ содержаніи „Камня вѣры“.

Наконецъ, заслуживаетъ вниманія и внѣшняя судьба „Камня вѣры“. При своемъ появленіи на свѣтъ онъ имѣлъ громадный успѣхъ. Объ этомъ Ѳеофилактъ Лопатинскій говорилъ такъ: „Высочайшія власти повелѣніемъ напечатанну (книгу „Камень вѣры“) не въ многихъ днѣхъ раскупиша, и которые не возмогли обрѣсти ея, молиша, да паки напечатана будетъ. Вторицею тояжде Высочайшія власти маніемъ напечатася, и виждь, много ли книгъ остается? Во еже бы всѣхъ удовольствовати, потребно есть еще многажды ту книгу печатати; и друкари не могутъ только книгъ сихъ изобразити, колико ихъ требуетъ ищущихъ желаніе“. И дѣйствительно, первое изданіе „Камня вѣры“ (1728 г.) въ 1.200 экземплярахъ быстро разошлось въ народѣ:—чрезъ три мѣсяца потребовалось вторичное его изданіе.

Но въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, когда правительственная власть въ русскомъ государствѣ была сосредоточена въ рукахъ иноземцевъ, враждебно относившихся къ русской народности и къ православной церкви, на „Камень вѣры“

было воздвигнуто гоненіе. Указомъ императрицы 19 августа 1732 г. повелѣвалось всѣ бывшіе въ продажѣ экземпляры „Камня вѣры" конфисковать и впредь не печатать. Болѣе девяти лѣтъ сочиненіе митрополита Стефана Яворскаго находилось подъ правительственнымъ запрещеніемъ. По вступленіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны „Камень вѣры" получилъ свободу. Высочайшимъ повелѣніемъ 26 декабря 1741 года разрѣшалось св. Синоду сохранявшіяся въ Кіевопечерской лаврѣ и Петропавловской крѣпости книги „Камня вѣры" обратить въ продажу и на будущее время печатать ихъ безпрепятственно.

Подробныя свѣдѣнія о „Камнѣ вѣры", анализъ его содержанія, отношеніе его трактатовъ къ сочиненіямъ Беллярмина, Бекана и отчасти Ѳеофана Прокоповича, а также содержаніе и разборъ полемической противъ него литературы можно находить въ нашей магистерской диссертаціи подъ заглавіемъ „Камень вѣры митрополита Стефана Яворскаго, его мѣсто среди отечественныхъ противопротестантскихъ сочиненій и характеристическія особенности его догматическихъ воззрѣній", Спб. 1904. [Ср. отзывы проф. *П. И. Лепорскаго* въ „Журн. засѣданій совѣта Спб. Дух. Академіи" за 1901—2 г., Спб. 1902, стр. 167—192; проф. *А. И. Пономарева* тамъ же за 1903—4, Спб. 1905, стр. 148—153 и въ полемической брошюрѣ: Къ литературной исторіи „Камня вѣры" м. Стефана Яворскаго, Спб. 1905 (изъ „Христ. Чтенія" за 1905 г.). Отчетъ о диспутѣ въ „Церк. Вѣстникѣ" № 3 за 20 января 1905 г., стлб. 78—81. См. также „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости" за августъ 1904 г.].

Протоіерей *І. Моревъ.*

Камень соблазна см. „Илія Минятій" въ „Энц. V, 862—863.

Камерарій, Іоакимъ (Camerarius Ioachim) — знаменитый нѣмецкій гуманистъ. Онъ родился въ Бамбергѣ въ 1500 г., умеръ въ 1574 г.; происходилъ изъ фамиліи, которая первоначально называлась *Либгардъ* (Liebhard) и получила прозваніе *Камераріевъ*, потому что многіе члены ея были „камемаріями" (см. „камерленго" ниже стлб. 194—195). Іоакимъ Камерарій очень рано прославился учеными сочиненіями; преподавалъ латинскій и греческій языки въ Ерфуртѣ (1521 г.), Виттенбергѣ (1522 г.) и Нюренбергѣ (1526 г.) и преобразовалъ университеты въ Тюбингенѣ (1535 г.) и Лейпцигѣ (1541 г.). Въ 1521 г. онъ присоединился къ реформаціи и завязалъ дружескія отношенія съ Филиппомъ Меланхтономъ, которому помогъ въ редактированіи „Аугсбургскаго Исповѣданія". Сенатъ въ Нюренбергѣ давалъ ему нѣсколько важныхъ порученій. Благодаря той значительной роли, какую онъ игралъ на всѣхъ религіозныхъ собраніяхъ и преніяхъ,—какъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ и наиболѣе умѣренныхъ послѣдователей лютеранства,—Камерарій пріобрѣлъ большое довѣріе у императоровъ нѣмецкихъ Карла V, Максимилліана II и герцоговъ саксонскихъ Генриха и Морица. Наиболѣе извѣстны изъ сочиненій Іоакима Камерарія: 1) Vita Ph. Melachtonis, Лейпцигъ, 1556, въ 8о; 2) Historica narratio de fratrum orthodoxorum Ecclesiis in Bohemia, Moravia et Polonia, Франкф. 1625; 3) Catechesis, seu initia doctrinae in Ecclesia Christi, Лейпцигъ 1563; 4) Historiae Jesu Christi summatim relata expositio, Лейпцигъ 1566; 5) Sententiae et sapientia Siracidae, notatio figurarum sermonis in libris Ev. et apostol. script., Лейпцигъ 1569. Также пользуются извѣстностію сдѣланные Іоакимомъ Камераріемъ латинскіе переводы Ксенофонта, Ѳукидида, Софокла, Евклида, Геродота, Демосѳена; изданія Плавта, Квинтиліана, Виргилія и др. съ комментаріями, замѣтки о Гомерѣ и проч.

См. *Lichtenberger*, Encyclopédie des sciences religieuses. Paris, 1877, t. II, p. 561; *Ch. Desobry* et *Th. Bachelet*, Dictionnaire général de biographie et d'histoire, Paris 1863, 3-ième édit., 1-ière partie, pp. 436—437. [*Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon II², 1758—1761].

Н. В. П—овъ.

Камерарій = „Камерленго" см. ниже стлб. 194—195.

Камерленго или **Камерарій** (Camerlengo [латин. Camerarius] di S. Romana Chiesa)—чиновникъ Ватиканскаго двора, приставленный къ охраненію и управленію папскими сокровищами, къ папской казнѣ или фискальной палатѣ. Существуютъ „камераріи" также а) при нѣкоторыхъ католическихъ

монашескихъ орденахъ для завѣдыванія имуществами монастырей, для взиманія доходовъ и для наблюденія за хозяйственною частію въ монастыряхъ (въ родѣ нашихъ казначеевъ), и б) въ капитулахъ тѣхъ каѳедральныхъ церквей, каноники которыхъ живутъ на общинныхъ началахъ (въ родѣ нашихъ экономовъ). [См. еще „Кардиналы" и „Курія"].

Н. В. П—въ.

Камероніане (Cameronians), партія шотландскихъ пресвитеріянъ, строгихъ и непримиримыхъ послѣдователей ковенантовъ 1638 и 1643 гг., получившая свое названіе отъ имени предводителя ея Ричарда Камерона (Richard Cameron). Движеніе „камероніанъ" представляетъ собою продолженіе ковенанторскаго движенія и возникло по слѣдующему поводу.

Въ 1669 г. въ царствованіе кор. Карла II (1660—1685 г.), появился первый „актъ снисхожденія" (indulgence) пасторамъ ковенанторамъ, которые были лишены своихъ приходовъ въ 1661 г. Эти пасторы могли возвратиться на свои мѣста подъ извѣстными условіями (если приходы свободны; признаніе со стороны патрона прихода; поставленіе отъ епископа епархіи; признаніе королевской супремаціи въ дѣлахъ церкви и др.). Изъ огромнаго числа пасторовъ-ковенанторовъ лишь 42 человѣка приняли эти условія, хотя и изъ этихъ большинство протестовало противъ супремаціи (главенства) короля. Въ 1672 г. вышелъ второй „актъ снисхожденія", еще болѣе стѣснительный по своимъ условіямъ. Оба эти акта вызвали раздѣленіе среди ковенанторовъ,—и строгая, непримиримая часть выдѣлилась въ особую партію—„Камероніанъ". Камеронъ былъ родомъ изъ Фалклэнда (Falkland), въ графствѣ Файфъ, и по профессіи былъ сельскимъ учителемъ. Сначала по убѣжденіямъ епископалъ, онъ вскорѣ,—подъ вліяніемъ странствующихъ сельскихъ проповѣдниковъ,—сдѣлался горячимъ сторонникомъ пресвитеріанства и ковенанторскаго движенія. Названныя выше „снисхожденія" не преминули вызвать страшную оппозицію Камерона, которая въ концѣ концовъ завершилась знаменитою Санкухарскою декларацiей 1680 г. Послѣдней предшествовалъ новый актъ правительства, коимъ запрещались на поляхъ (подъ открытымъ небомъ) собранія и сходки, а пасторы, ихъ собиравшіе, назывались измѣнниками и предателями. Строгая партія ковенанторовъ возстала противъ этого акта, и подъ предводительствомъ Ричарда Камерона и Дональда Карджилля (род. 1610 г.) публично провозгласила свою декларацію въ Санкухарѣ въ 1680 г., въ которой открыто отвергалось подданство королю Карлу II, возвѣщалось ему о лишеніи его престола, и объявлялась война, какъ тирану и узурпатору. (Вообще же стремленіе Карла II ввести епископство и главенство короля въ церкви они называли прелатизмомъ и ерастіанизмомъ (см. „Энц." V, 488—489) и считали глубочайшимъ оскорбленіемъ божественнаго порядка; ковенанторы боролись противъ короля за the headship of Christ (главенство Христа); введеніе епископами нѣкоторыхъ англиканскихъ церемоній они считали возобновленіемъ папскаго идолопоклонства. Они не были республиканцами и если боролись противъ короля, то только потому, что король попиралъ права народа, права, которыя столь же соотвѣтствуютъ божественному порядку, какъ и права короля. Они требовали, чтобы пресвитеріанство было не только дозволенною религіей въ Шотландіи, но и господствующею). Но всѣ протесты повели только къ гоненію со стороны правительства на „Камероніанъ", которые были нечаянно захвачены у Ayrsmoss и совершенно уничтожены; Камеронъ палъ на полѣ битвы (въ іюнѣ 1680 г.), а годъ спустя и его сотрудникъ Карджилль былъ захваченъ и казненъ въ Эдинбургѣ. Но движеніе не умерло. На сцену выступилъ новый дѣятель—знаменитый Джемсъ Ренвикъ (James Renwick). Въ 1684 г. камероніане издали новый документъ „Apologetic Declaration and Admonitory Vindication", также направленный противъ короля Карла II; правительство отвѣтило на это угрозами, и вновь начались гоненія на строгихъ ковенанторовъ; наступило такъ называемое „killing time" (убійственное время). Захваченныхъ наскоро судили и вѣшали. Въ 1685 г. на престолъ Англіи вступилъ Іаковъ II (или VII въ Шотландіи), при которомъ положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось [см. „Энц." VI, 169].

Попытка лорда Аргайльскаго—помочь дѣлу ковенанторовъ путемъ возстанія—кончилась неудачно. Партія ковенанторовъ—„Камероніанъ“, строго говоря, и не поддерживала этого возстанія, по причинѣ несогласія ихъ съ лордомъ Аргайлемъ. Въ 1688 г., 17 февраля, былъ казненъ послѣдній борецъ за ковенанты—Ренвикъ; но заря свободы была уже недалека: въ томъ же году Іаковъ II былъ низверженъ, и для Шотландіи наступили лучшіе дни. Пресвитеріанство при королѣ Вильгельмѣ III было возстановлено (1690 г.), однако, идеи „Камероніанъ“, строгихъ ковенанторовъ, не нашли полнаго примѣненія въ этомъ реформаціонномъ устроеніи Шотландской церкви. Это вызвало отчужденіе „Камероніанъ“. Еще ранѣе реформаціи, въ 1687 г. они издали свой документъ „The Informatory Vindication“, коимъ заявлялась ихъ приверженность къ принципамъ и устроенію Шотландской ц. въ періодъ времени между 1638 и 1649 гг. (рѣшительное осужденіе папства и прелатовъ, повсюдная обязательность пресвитеріанства, полная духовная независимость церкви и обязательность ковенантовъ 1638 и 43 гг.). Не видя осуществленія своихъ идей на дѣлѣ, „Камероніане“ порвали сношенія съ церковію. Сначала они испытывали большія трудности въ организаціи, ибо ихъ пасторы были взяты въ пресвитеріанскую государственную церковь,—и такимъ образомъ паства осталась безъ руководителей. Это испытаніе продолжалось до 1706 г., когда на ихъ сторону перешелъ пасторъ Шотландской церкви John MacMillan; позднѣе присоединился къ „Камероніанамъ“ другой пасторъ John MacNeil. Чтобы сплотить паству и заявить свои принципы, названные два пастора торжественно возобновили (въ 1712 г.) ковенанты, въ Auchensauch Hill. Въ 1743 г. „Камероніане“ переорганизовались вновь и стали называться „реформированнымъ пресвитеріанствомъ“. Послѣдователей этой фракціи было довольно много въ Шотландіи и на сѣверѣ Ирландіи, а въ 1774 г. они появились и въ С. Америкѣ.

Политическое положеніе „Камероніанъ“ всегда было крайне странное. Строго настаивая на проведеніи принциповъ ковенанта 1643 г., они отказывались давать присягу вѣрности коронѣ и во многихъ случаяхъ должны были лишаться гражданскихъ правъ и привилегій. Такъ дѣло продолжалось до 1860 г., когда вопросъ о присягѣ получилъ особенную остроту. Въ 1860 г. началось движеніе къ созданію арміи волонтеровъ; многіе „Камероніане“ примкнули къ этому движенію; возникъ вопросъ о присягѣ. Синодъ „реформированнаго пресвитеріанства“ рѣшилъ (1863 г.) дѣло компромиссомъ, рекомендуя воздерживаться отъ присяги, но запрещая отлучать давшихъ ее. Это рѣшеніе привело къ расколу среди „Камероніанъ“. 42 прихода стали на сторону синода, а 12 отдѣлились. Въ 1876 г. большая часть „реформированныхъ пресвитеріанъ“ присоединилась къ „Свободной Шотландской церкви“ (The Free Church of Scotland, отдѣлившаяся отъ господствующей Шотландской пресвитеріанской церкви въ 1843 г.). Так. обр. принципы чистаго камероніанства поддерживаютъ лишь тѣ приходы, которые отдѣлились въ 1863 г. по вопросу о присягѣ.

Литература. *P. Walker,* Six Saints of the Couenant, 2 vols. (London 1901). *J Herkless,* Richard Cameron, 1896. *H. C. Macpherton,* Scotland's Battles for Spiritual Independence. Edinburgh 1905. [Encyclopaedia Britannica по 9-му изд. подъ словами: „Cameron Richard“ и „Cargill Donald“. *Wetzer-Welte,* Kirchenlexikon II², 1765. *V. Ermoni* y Vacant et Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique I, 1434—1435]. (*I. Köstlin,* Die schott. Kirche, 1852, стр. 229 сл., 244 сл., 265, 401 сл.; *G. B. Ryley* и *I. M. Mc. Candlish,* Scotlands Free Church 1893; *F. Kattenbusch* въ R. E. v. Herzog-Hauck III³, 691—693; *Робертсонъ* и *Герцогъ;* Ист. хр. церкви II, 1185—86; (*К. П. Побѣдоносцевъ*), Секты и вѣроученія въ Соед. Штатахъ Сѣверной Америки, Спб. 1896, стр. 137—140; *М. М. Ковалевскій,* Обществ. строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ; проф. *В. А. Соколовъ,* Реформація въ Англіи, Москва 1882; проф. *В. Н. Александренко,* Англійскій Тайный Совѣтъ и его исторія, т. I, Спб. 1888; † проф. *А. П. Лопухинъ,* Религія въ С. Америкѣ, Спб. 1882).

К. Фаминскій (*и С. Троицкій*).

Камертонъ — приборъ (обыкновенно стальной), издающій всегда одинъ и тотъ же звукъ и служащій для опредѣленія нормальной высоты тона въ пѣвческихъ хо-

рахъ и при настраиваніи музыкальныхъ инструментовъ. Въ прежнія времена, когда не знали абсолютной высоты тона, она была различна: для органнаго строя, обязательнаго и для хоровъ, въ XVI—XVII вѣкахъ она была на цѣлый тонъ выше современнаго намъ камертона. Еще выше былъ строй городскихъ и военныхъ трубачей. Съ теченіемъ времени музыкальный и хоровой строй стали постепенно понижаться, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ внѣ церкви развилась самостоятельная музыка — свѣтская, называвшаяся первоначально камерною или придворною, у которой образовалась своя собственная нормальная высота тона; въ отличіе отъ высоты органнаго строя и хортона, эта высота называлась камертономъ (камернымъ тономъ). Тотъ и другой тоны существовали долгое время совмѣстно, то повышаясь, то понижаясь параллельно; даже послѣ того, какъ хоровой тонъ вышелъ изъ употребленія, камертонъ еще долго подвергался колебаніямъ, пока парижской Академіей въ 1858 году не былъ установленъ нормальный строй или тонъ (Diapazon normal), согласно которому за основную музыкальную единицу было принято 870 простыхъ или 435 двойныхъ звуковыхъ колебаній въ секунду. Этотъ „парижскій“ камертонъ, называвшійся также „низкимъ строемъ“ въ отличіе отъ употреблявшагося дотолѣ болѣе высокаго, съ теченіемъ времени распространился почти повсемѣстно въ Европѣ. Извѣстный оперный композиторъ Сарти, приглашенный въ 1784 г. въ Россію въ качествѣ придворнаго капельмейстера, ввелъ здѣсь такъ называемый „Петербургскій камертонъ“ въ 436 двойныхъ колебаній въ секунду, обозначаемыхъ нотой „а“, который такимъ образомъ почти не отличался отъ парижскаго. Наконецъ, въ 1885 г. на международной конференціи, засѣдавшей въ Вѣнѣ для установленія однообразной высоты строя, было рѣшено присутствовавшими представителями державъ парижскую высоту строя принять для всеобщаго пользованія и употребленія. Въ настоящее время употребляются камертоны въ „ля“ и „до“ съ обозначенными на нихъ буквами: „а“ и „с“, изъ коихъ первый употребляется большею частію при настраиваніи музыкальныхъ инструментовъ, а второй—при хоровомъ пѣніи, какъ болѣе удобный и издающій звукъ основной гаммы.

См. Музыкальный словарь Г. Римана, изд. Юргенсона.

Протоіерей *Алексій Митропольскій.*

Камеръ-контора синодальнаго правительства — одно изъ синодальныхъ учрежденій прежняго времени, замѣнившее въ 1724 г. монастырскій приказъ (см. подъ словомъ „приказы“). Въ этомъ именно году, указомъ отъ 24 янв., Петръ вел. приказалъ Сенату вмѣстѣ съ Синодомъ разсудить о томъ, чтобы въ Синодѣ „учинить коллегію, подобно камеръ-коллегіи, гдѣ всѣ расположенія сборовъ всѣхъ ихъ домашнихъ, кромѣ генеральныхъ на войско сборовъ, которые у земскихъ коммисаровъ будутъ, кому почему доведется брать и что въ госпитали; учинить также казначея и цалмейстеровъ, въ такомъ образѣ, какъ въ адмиралтейскомъ уставѣ опредѣлено, которые по учиненной табели должны давать деньги, также что неокладное будетъ за подписаніемъ всего Синода. Платежу надлежитъ быть первое въ госпиталь, потомъ Синоду и архіереямъ, а потомъ монахамъ снизу до архимандрита; также надлежитъ быть оберъ-провіантмейстеру, который долженъ провіантъ раздавать такимъ образомъ, какъ казначею повелѣно деньги“. Въ исполненіе сего Сенатъ учредилъ *камеръ-контору синодальнаго правительства* и назначилъ въ нее президента, асессоровъ, казначея съ двумя цалмейстерами (счетчиками) и оберъ-провіантмейстера, о чемъ Синодъ и былъ увѣдомленъ вѣдѣніемъ отъ 21 сентября 1724 г. Но Синодъ находилъ, что удобнѣе наименовать новое учрежденіе коллегіею; однако на конференціи съ Сенатомъ отказался отъ этого мнѣнія и согласился на именованіе его камеръ-конторой, при чемъ къ 2 ассесорамъ были прибавлены въ составъ ея еще 2 совѣтника. Объ учрежденіи камеръ-конторы синодальнаго правительства было объявлено именнымъ указомъ въ янв. 1725 г., чѣмъ собственно и прекратилось существованіе монастырскаго приказа. Компетенція новаго учрежденія была почти та же самая, что и у монастырскаго приказа; но главнымъ ея дѣломъ была забота о приведеніи въ ясность тѣхъ

сборовъ, которые взимались съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, установленіе опредѣленныхъ для этого правилъ, равно какъ и нормы самыхъ сборовъ, а также устраненіе изъ этой области вмѣшательства свѣтскихъ лицъ и учрежденій. По положенію своему въ ряду другихъ синодальныхъ учрежденій к.-контора имѣла право сноситься съ другими подчиненными учрежденіями (кромѣ московск. духовной дикастеріи и разыскной, раскольническихъ дѣлъ канцеляріи) указами, по которымъ Синодомъ предписано было всѣмъ этимъ учрежденіямъ „чинить безотлагательное исполненіе". Эта контора находилась въ подчиненномъ отношеніи къ московской синодальнаго правленія канцеляріи. Иногда, по особымъ распоряженіямъ Св. Синода, члены камеръ-конторы принимали участіе въ собраніяхъ названной канцеляріи и московской духовной дикастеріи для обсужденія разныхъ дѣлъ, поручавшихся этимъ учрежденіямъ Св. Синодомъ. 18 іюля 1726 г. въ Св. Синодѣ былъ полученъ именной указъ императрицы Екатерины І-й, въ которомъ государыня, между прочимъ, объявила: „мы, подражая трудамъ высокославныя памяти государя императора по исполненію его намѣренія, повелѣли нынѣ раздѣлить синодальное правленіе на два апартамента". Въ первомъ апартаментѣ назначено быть 6 архіереямъ, которые „должны управлять всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви и содержать въ добромъ порядкѣ и благочиніи духовныхъ", въ другомъ же— „быть суду и расправѣ, также *смотрѣнію сборовъ и экономіи* и прочее тому подобное, по примѣру бывшаго патріаршаго разряда и другихъ тогда бывшихъ въ патріаршѣ вѣдомствѣ приказовъ", при чемъ болѣе подробныя указанія относительно распредѣленія дѣлъ того и другого апартамента обѣщано было дать особо. Указъ этотъ былъ неожиданнымъ для Синода и возбудилъ много недоумѣній. Такъ, прежде всего явилось недоумѣніе, какъ назвать второй апартаментъ? долженъ ли онъ быть равнымъ Синоду, или же находиться въ подчиненномъ къ нему отношеніи? въ какомъ отношеніи къ нему должны существовать подчиненныя синоду учрежденія? О судьбѣ камеръ-конторы ни именной указъ, ни самъ Синодъ ничего не говорили; но, судя по тому, что второму апартаменту синода давались въ вѣдѣніе дѣла, подлежавшія ей, а ея президентъ назначался въ составъ новаго апартамента Синода, можно думать, что *юридически* она перестала существовать съ выходомъ этого именного указа, а 29 сент. 1726 г. послѣдовалъ указъ, приказавшій именовать второй апартаментъ „коллегіей экономіи синодальнаго правленія" (см. о ней ниже); *фактически же*,—быть можетъ, ради окончанія дѣлъ, камеръ-контора продолжала существовать до мая 1727 года.

Литература. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода (Спб. 1871) проф. протоіер. *М. И. Горчакова*; Монастырскій приказъ—*его же*, Спб. 1868 г., патріаршій казенный приказъ *И. Шимко*, М. 1894; Синодальныя учрежденія прежняго времени † проф. *Т. В. Барсова*, Спб. 1897. [Ср. также *С. А. Бѣлокуровъ*, Вѣдомости о коллегіяхъ и конторахъ и «какія въ нихъ дѣла отправляются» (1727 г.), Москва 1905].

Н. Марковъ.

Камизарды — протестанты въ Севеннахъ (во Франціи), возставшіе въ 1702—1711 гг. при королѣ Людовикѣ XIV (1643—1715) изъ-за драгонадъ [1]) и другихъ жестокостей, примѣнявшихся противъ нихъ со стороны королевской полиціи. Названіе „камизардовъ" севенскіе инсургенты получили, по мнѣнію однихъ, отъ camisa—camise, chemise—рубашка, блуза, которую они носили, какъ отличительный знакъ (*Ch. Dezobry* et *Th. Bachelet*, Dictionnaire général de biographie et d'histoire, 3-ième édit., Paris 1863, 1-ière partie, p. 437; *А.* и *И. Гранатъ*, Настольный энциклопедическій словарь, V, Москва 1901, стр. 2025; *Брокгаузъ* и *Ефронъ*, Энц.

1) „Драгонады" начались во Франціи въ 1680 году по мысли военнаго министра Лувуа. Состояли онѣ въ томъ, что королевскіе драгуны и др. солдаты размѣщались по домамъ протестантовъ. Хотя король Людовикъ XIV запретилъ производить при этомъ насилія, однако ближайшіе начальники поручали солдатамъ причинять тѣмъ, у кого они будутъ расквартированы, всевозможнѣйшія непріятности, чтобы побудить ихъ къ отреченію отъ реформатства. Солдаты, неисполнявшіе этого порученія, подвергались побоямъ.

словарь XXVII, стр. 203); по мнѣнію другихъ, — отъ стариннаго слова *camisade*, означавшаго ночную аттаку (*F. Lichtenberger*, Encyclopédie des sciences religieuses, II, Paris 1877, p. 563).

Возстаніе камизардовъ было только эпизодомъ изъ французскихъ религіозныхъ войнъ, вызванныхъ отмѣною Нантскаго эдикта (17 октября 1685 г.) и начавшимися послѣ этого гоненіями на протестантовъ во Франціи. Ближайшимъ поводомъ къ возстанію севеннскихъ протестантовъ были ужасныя пытки и жестокости, допущенныя по отношенію къ протестантамъ аббатомъ Дю-Шела (François de Langlade du-Chaila), бывшимъ миссіонеромъ въ Сіамѣ. Назначенный начальникомъ миссій въ Жеводанѣ (нижній Лангедокъ, нынѣ въ департаментахъ Лозерѣ и Верхней Луарѣ), онъ сдѣлалъ изъ своего дома въ Понтъ-де-Монтвертѣ настоящую тюрьму, въ которой съ наслажденіемъ истязалъ свои жертвы. По словамъ протестанта Антуана Курта, аббатъ Дю-Шела „то вырывалъ щипчиками волосы изъ бороды и бровей своихъ жертвъ, то клалъ имъ въ руки горячіе уголья и затѣмъ съ силою сжималъ эти руки до тѣхъ поръ, пока уголья не гасли; часто онъ обматывалъ протестантамъ пальцы обѣихъ рукъ шерстью, смоченною въ маслѣ или жирѣ, зажигалъ ихъ и заставлялъ горѣть, пока пальцы не оголялись и не обгорали до костей“. Вслѣдствіе гоненій жизнь для протестантовъ во Франціи дѣлалась невозможною; началось массовое бѣгство ихъ за границу, главнымъ образомъ въ Швейцарію. Въ іюлѣ 1702 года, арестовавъ толпу протестантовъ, хотѣвшихъ бѣжать въ Женеву, аббатъ Дю-Шела заковалъ ихъ въ колодки, обращался съ ними, какъ съ животными, и требовалъ строгаго примѣненія къ нимъ эдиктовъ. Желая освободить своихъ единомышленниковъ отъ вѣрнаго осужденія на смерть, толпа протестантовъ, въ 40—50 человѣкъ,—родственниковъ и друзей заключенныхъ,—предводимая ихъ пророкомъ Сегье, напала на домъ аббата Дю-Шела, который, защищаясь залпами изъ мушкетовъ, убилъ одного изъ нападавшихъ. Послѣдніе, разъярившись до крайности, поразили аббата тысячью ударами. Это случилось 24 іюля 1702 г. и было началомъ войны камизардовъ.

Графъ Викторъ-Морисъ де-Брогли (род. 1639 г., † 1727 г.), королевскій губернаторъ Лангедока, получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, отправился съ войсками въ Савеннье. Въ долинѣ Фонтъ-Мортѣ королевскія войска, подъ командованіемъ Пуля, разбили камизардовъ. Пророкъ ихъ Сегье былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму и потомъ живьемъ сожженъ въ Понтъ-де Монтвертѣ. Тогда во главѣ протестантовъ всталъ бывшій солдатъ по имени Лапортъ, хозяинъ кузницы въ мѣстности около Колле-де-Дезе. Между тѣмъ изъ камизардовъ составилось пять новыхъ полковъ подъ управленіемъ пяти вождей: Роланда — также бывшаго солдата, племянника Лапорта, Кастано — лѣсного стражника, Жани—бывшаго солдата, Кудера—одного изъ плѣнниковъ аббата Дю-Шела, успѣвшаго бѣжать, наконецъ, Іоанна Кавалье, булочника по профессіи, скрывавшагося раньше въ Женевѣ и вернувшагося оттуда съ цѣлью помочь своимъ братьямъ по вѣрѣ. Кавалье, въ которомъ камизарды увидѣли своего новаго пророка, скоро сдѣлался ихъ главнымъ руководителемъ. Помощниками ему были помянутый Роландъ, Раванель и Катина. Въ теченіе 2 лѣтъ камизарды вели оживленную войну съ королевскими войсками, предводимыми послѣ графа де-Брогли маршалами Монтревилемъ и Вилляромъ. Монтревиль нанесъ камизардамъ большое пораженіе при Буассьерѣ, послѣ чего массами избивалъ населеніе и опустошилъ пожарами до 70 деревень и селеній. Но это вызвало со стороны протестантовъ лишь большее ожесточеніе и отчаянную рѣшимость бороться во что бы то ни стало. Монтревиль былъ разжалованъ. Преемникъ его маршалъ Вилляръ рѣшилъ отнестись къ камизардамъ болѣе мягко и дѣйствовалъ дипломатіею и подкупами. Іоаннъ Кавалье, прельстившись чиномъ полковника и пенсіею, склонился на убѣжденія Виллара и сдался въ іюнѣ 1704 г. Вмѣстѣ съ Кавалье подчинилась королевскимъ войскамъ и одна (незначительная) часть камизардовъ. Другая часть (болѣе значительная), не довольная тѣмъ, что договоромъ Кавалье съ Вилляромъ не обезпечивалась за протестантами полная свобода совѣсти, продолжала борьбу подъ управленіемъ Роланда, Катины и Раванеля. Участь этихъ вождей камизардовъ

была такова: Роландъ, вслѣдствіе измѣны одного приближеннаго, былъ схваченъ и умеръ съ оружіемъ въ рукахъ; Катина, послѣ одного пораженія, бѣжалъ въ Швейцарію; вернувшись во Францію, онъ вмѣстѣ съ Раванелемъ былъ предательски схваченъ, и оба они живыми были сожжены въ Нимѣ (22 апрѣля 1705 года). Послѣ этого борьба камизардовъ, хотя уже не такая ожесточенная, продолжалась съ перерывами еще около 5 лѣтъ до 1711 года. За этотъ періодъ времени вождями камизардовъ были Кларисъ, Монтбоннё, Билляръ, Дюпонъ, Мазель и Шамбонъ.

Камизарды считали своихъ вождей за пророковъ и слушались ихъ, какъ выразителей божественной воли. Этимъ и объясняется ихъ упорная энергія въ борьбѣ съ королевскими войсками, не смотря на слабыя силы. Управленіе камизардовъ было теократическимъ. Сами себя они называли дѣтьми Божіими, народомъ Божіимъ, стадомъ Вѣчнаго (Пастыря), а начальники ихъ носили имя: *братъ* Кавалье, *братъ* Роландъ, *братъ* Раванель и т. д. Камизарды отличались строгостію нравовъ и сами жестоко наказывали членовъ своего общества за совершеніе безъ нужды убійства или кражи.

Литература. *Ant. Court,* Histoire des troubles des Cévennes, ou de la guerre des Camisards, Villefranche 1760, 3 vol. in 12,—перепечатано въ Парижѣ въ 1819 г.; *Louvreleuil,* Le fanatisme renouvelé, 1704—1717, 4 vol. in 12°; *Brueys,* Histoire du fanatismes, 1709—1713, 4 vol. in 12°; *Ch. Dezobry* et *Th. Bachelet,* Dictionnaire général de biographie et d'histoire, 3-ième édit. (Paris 1863), 1-ière partie, p. 437—438; *F. Lichtenberger,* Encyclopédie des sciences religieuses, II (Paris 1877), p. 563—565. *Джемсъ С. Робертсонъ* и *I. I. Герцогъ,* Исторія христіанской церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней, перев. † А. П. Лопухина, II (Спб. 1891), стр. 1157. [Prof. *F. Vernet* y Vacant et Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique II, col. 1435—1443].

Н. В. П—въ.

Камилавка—головной уборъ священнослужителей. По мнѣнію однихъ (Свиды, автора „Новой Скрижали" и др.), онъ получилъ подобное названіе отъ своего назначенія защищать голову отъ жара (камилавка отъ καῦμα—жаръ и ἐλαύνω—гоню), по словамъ другихъ — отъ матеріала, изъ котораго дѣлался—собираемой съ шеи верблюда шерсти, такъ называемаго калелота (камилавка отъ κάμηλος—верблюдъ и αὐχήν—шея). Послѣдняго словопроизводства держатся Дюканжъ, Левъ Алляцій, Гоаръ (*Du Cange,* Glossarium mediae et infimae latinitatis, Paris 1731, col. 697—99), изъ русскихъ ученыхъ К. И. Невоструевъ (О скуфьѣ и камилавкѣ въ „Душеполезномъ чтеніи" за 1867 г., декабрь, стр. 276), Н. Бр—чъ (Замѣтка о значеніи названій „скуфья" и „камилавка" (въ „Христ. Чтеніи" за 1892 г., май—іюнь, стр. 481—484), проф. А. А. Дмитріевскій (Ставленникъ, Кіевъ 1904 г., стр. 123, прим. 4) и др. Первоначально, какъ видно изъ свидѣтельства Кодина Куропалота (De officiis Palatii Constantinopolitani, Bonnae 1839, p. 220), и Симеона солунскаго (Писанія отцевъ и учит. II, стр. 242), камилавка носилась императоромъ и сановниками и именовалась „скіадій". О тожествѣ этихъ двухъ названій говорятъ свидѣтельства хронографа Ѳеофана, замѣняющаго слово σκιάδιον словомъ καμηλαύκιον, и императора Константина Порфиророднаго, прямо называющаго императорскіе вѣнцы камилавками (De administrando imperio, cap. 13, p. 28). Прямое же указаніе на тожество скіадія съ камилавкою имѣется на византійскихъ монетахъ: скіадіонъ изображенныхъ на нихъ императора Юстиніана и другихъ имѣетъ видъ носимой греческимъ духовенствомъ камилавки (*Du Cange,* Familia Bysantina, p. 88, 104). Составляя первоначально головной уборъ императора и сановниковъ, камилавка-скіадіонъ съ XV в. начинаетъ употребляться не только священнослужителями, но и діаконами. Такъ, Симеонъ солунскій въ своемъ сочиненіи „О священнослуженіяхъ и таинствахъ церковныхъ" замѣчаетъ, что „священники и діаконы сверху одѣваются одеждами, подобными иматіямъ, а на главѣ имѣютъ скіадіи; они—„царскій даръ", данный „изъ почтенія къ священству". (Писанія отцевъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія II стр. 242). Отъ того же XV в. сохранилось и другое свидѣтельство о ношеніи камилавки-скіадія духовными лицами. Именно, великій екклисіархъ константинополь-

ской церкви Сиропулъ, повѣствуя о путешествіи своего патріарха на Флорентійскій соборъ и о его пребываніи въ Венеціи, разсказываетъ, что онъ вошелъ въ храмъ, осматривалъ алтарь и находящееся въ немъ и повелѣлъ намъ снять съ головъ нашихъ скіадіи, и мы сняли. (*Syropuli* Historia Consilii Florentini, sect. 4, cap. 18). О ношеніи греческимъ духовенствомъ камилавки-скіадія говоритъ, наконецъ, и писатель XVII в. Христофоръ Ангелъ (Enchiridion de institutis et ritibus Graecorum et Ecclesiae Graecae, cap. 21). Въ настоящее время камилавка составляетъ въ греческой церкви неотъемлемую принадлежность священнаго сана и дается священнослужителямъ при хиротоніи.

Что касается русской церкви, то въ качествѣ богослужебной одежды священнослужителей камилавка стала употребляться въ ней со второй половины XVII ст., замѣнивъ собою скуфью. Подобное нововведеніе вызвало протестъ со стороны защитниковъ старины. Одинъ изъ нихъ—извѣстный расколоучитель Никита Пустосвятъ въ своей челобитной Алексѣю Михайловичу между прочимъ пишетъ, что отъ Никоновыхъ распоряженій и нововведеній произошло въ духовенствѣ несогласіе въ разсужденіи одежды. „Такожде и черныя власти,—говоритъ онъ, — и весь священническій чинъ одеждами раздѣлилисяжъ: овіи священники и діаконы ходятъ по отцы-преданному Словенскому извычаю въ однорядкахъ и скуфіяхъ, иніе жъ, развратившася отъ Никоницкаго нововводнаго ученія, ходятъ поиноземски въ Ляцкихъ рясахъ и въ Римскихъ калпашныхъ камилавкахъ“ (сочиненія Никиты Пустосвята въ Синод. Библ. изъ Патріаршаго архива, свитокъ № 22). Подобныя нападки приверженцевъ старины были причиною того, что камилавка, какъ головное украшеніе пресвитеровъ и діаконовъ, не пользовалась популярностью въ средѣ русскаго духовенства. Къ концу XVIII в. даже совершенно выходитъ изъ практики нашей церкви обычай возлагать ее на голову священнослужителей при совершеніи богослуженія (*А. А. Дмитріевскій*, Ставленникъ, стр. 126—127). По указу императора Павла Петровича отъ 18 декабря 1798 г. этотъ обычай былъ возстановленъ съ тою однако особенностію, что камилавка была отнесена къ числу наградъ „въ пользу духовенства“ и при томъ однихъ священниковъ. Святѣйшій Синодъ, по разсмотрѣніи даннаго указа, отъ 30 декабря 1798 г. постановилъ „употреблять камилавки какъ въ служеніи, такъ и кромѣ онаго, по примѣру игуменовъ“ (Полный Сводъ Законовъ, 25 т., № 18.801, стр. 504). Тотъ же самый указъ требуетъ возлагать камилавку на голову награждаемаго „при священнослуженіи“, но въ настоящее время это практикуется по отношенію къ священникамъ городскимъ и ближайшимъ по мѣсту жительства къ епархіальному городу. Другіе же согласно указу отъ 1871 г. о разсылкѣ наградъ,—„знаковъ отличій“ по почтѣ возлагаютъ ее на себя сами [ср. и у *W. Smith*, A Dictionary of Christian Antiquities I, 262]. О камилавкѣ монашествующихъ см. подъ словомъ „клобукъ“.

Свящ. *А. Петровскій*.

Камни драгоцѣнные въ Библіи. Камнями драгоцѣнными называются тѣ минералы, отличительными особенностями которыхъ служатъ твердость, прозрачность, блескъ и пріятный цвѣтъ и которые употребляются на приготовленіе дорогихъ украшеній. Драгоцѣнные камни не залегаютъ въ нѣдрахъ земли обширными и массивными пластами, но являются вкрапленными или включенными въ различныя горныя породы въ видѣ мелкихъ зеренъ, прожилковъ, небольшихъ обломковъ камней. Всѣ они вообще—кристаллическаго строенія, иначе—представляются наблюдателю въ формѣ многогранныхъ тѣлъ, которыя имѣютъ опредѣленныя геометрическія очертанія. Драгоцѣнные камни встрѣчаются рѣдко и не во всѣхъ странахъ, что̀ въ значительной мѣрѣ возвышаетъ ихъ цѣнность. Такъ какъ камней, обладающихъ вышеназванными особенностями, сравнительно очень мало, потребность же въ нихъ для различныхъ украшеній была всегда велика, то, наряду съ драгоцѣнными камнями, издавна стали употреблять камни, обладающіе какимъ-либо или нѣсколькими изъ названныхъ свойствъ. Эти послѣдніе обыкновенно называютъ полудрагоцѣнными или дорогими камнями. При опредѣленіи того, какой именно изъ драгоцѣнныхъ камней находится предъ изслѣ-

дователемъ, а также при различеніи этихъ камней одинъ отъ другого, въ случаяхъ ихъ внѣшняго сходства между собою, преимущественно обращаютъ вниманіе на ихъ твердость, удѣльный вѣсъ и химическій составъ. 1) Изъ двухъ тѣлъ тверже то, которое чертитъ или рѣжетъ другое. Для опредѣленія твердости выбираютъ рядъ извѣстныхъ тѣлъ (числомъ десять), располагаютъ ихъ въ порядкѣ ихъ твердости и слабѣйшее изъ нихъ (талькъ) обозначаютъ цифрою „1“, самое твердое (алмазъ)—цифрою „10“. Если нужно испытать какой-либо камень относительно его твердости, то имъ чертятъ или рѣжутъ названныя тѣла, начиная съ № 1-го. На болѣе слабыхъ испытуемый камень оставляетъ черту. Теперь если на хорошей стали, твердость которой „6“, не является черты отъ испытуемаго камня, то нужно чертить сталью по камню; если на камнѣ получится черта, то значитъ камень имѣетъ твердость между пятью и шестью (5—6). Если же камень не рѣжетъ стали и сталь не рѣжетъ камня, то твердость ихъ одинакова и значитъ твердость испытуемаго камня „6“. Твердость драгоцѣнныхъ и дорогихъ камней, упоминаемыхъ въ Библіи, колеблется между 6-ю и 10-ю. 2) При опредѣленіи удѣльнаго вѣса испытуемый камень взвѣшиваютъ на вѣсахъ; положимъ, онъ вѣситъ 30 золотниковъ. Затѣмъ тотъ же кусокъ камня привязываютъ на ниткѣ къ чашечкѣ вѣсовъ и опускаютъ его въ подставленный сосудъ съ водою такъ, чтобы чашечка не касалась воды. Теперь камень вѣситъ меньше,—положимъ,—20 золотниковъ; слѣдовательно, онъ въ водѣ теряетъ 10 золотниковъ. Раздѣливши на этотъ остатокъ вѣсъ камня въ воздухѣ, т. е. 30 на 10, получимъ 3. Цифра эта (3) и обозначитъ удѣльный вѣсъ камня. Другого сорта камень будетъ имѣть другой удѣльный вѣсъ. Удѣльный вѣсъ названныхъ въ Библіи драгоцѣнныхъ и полудрагоцѣнныхъ камней опредѣляется цифрами отъ 2,5 до 4. 3) Что касается химическаго состава, то каждый камень имѣетъ свой, только ему свойственный, составъ; такъ, алмазъ состоитъ изъ чистаго углерода, аметистъ представляетъ собою видоизмѣненіе кварца, въ составъ берилла входятъ окислы двухъ металловъ: бериллія и аллюминія и т. д. При послѣдующемъ описаніи драгоцѣнныхъ и дорогихъ камней, упоминаемыхъ въ Библіи, мы уже не будемъ касаться, за немногими развѣ исключеніями, ихъ твердости и удѣльнаго вѣса.

Евреи съ самыхъ древнихъ временъ ознакомились съ драгоцѣнными и полудрагоцѣнными камнями, издавна привыкли услаждать свой взоръ ихъ блескомъ и переливами ихъ цвѣтовъ. Драгоцѣнныхъ камней въ Палестинѣ никогда не находили; поэтому ихъ получали здѣсь изъ другихъ, чужихъ странъ иногда въ видѣ подарковъ (3 Цар. **10**, 2. 10) и военной добычи (2 Цар. **12**, 30), а главнымъ образомъ путемъ купли, при посредствѣ арабскихъ, особенно же финикійскихъ купцовъ (Іезек. **27**, 22). Драгоцѣнные камни въ Палестинѣ непосредственно были получаемы лишь при Соломонѣ въ то время, когда корабли этого царя отправлялись, вмѣстѣ съ кораблями финикійскими, въ Офиръ и доставляли оттуда различнаго рода рѣдкости (3 Цар. **10**, 11. 22. 2 Пар. **9**, 10). Какъ предметы высокаго достоинства, драгоцѣнные камни были собираемы еврейскими царями и сберегаемы въ казнохранилищахъ, наряду съ золотомъ. Такъ, ихъ собиралъ Давидъ въ качествѣ матеріала для будущаго іерусалимскаго храма (1 Пар. **29**, 2. 8); равнымъ образомъ они были помѣщены въ казнохранилищѣ царя Езекіи (2 Пар. **32**, 27). Драгоцѣнные камни были употребляемы евреями для всевозможнаго рода украшеній. Ими украшались богослужебныя облаченія первосвященника (Исх. **28**, 9—12. **15**. 17—21. І. Сир. **45**, 12. 13); ихъ вставляли въ золотые сосуды (Сир. **50**, 10); Соломонъ обложилъ „дорогими камнями для красоты“ внутреннія стѣны построеннаго имъ храма (2 Пар. **3**, 6). Употребляя для украшеній драгоцѣнные камни, евреи слѣдовали въ этомъ примѣру сосѣднихъ странъ, гдѣ названные камни можно было видѣть на царскихъ одеждахъ (Іезек. **28**, 13. Есѳ. **5**, 1), въ царскихъ вѣнцахъ (2 Цар. **12**, 30) и на многихъ другихъ предметахъ (Іудиѳ. **10**, 21. Дан. **11**, 38). Затѣмъ драгоцѣнные камни были употребляемы у евреевъ для приготовленія печатей, при чемъ камни съ вырѣзанными на нихъ печатями оправлялись въ золото (І. Сир. **32**, 7. 8). Слѣ-

дуетъ замѣтить, что искусство шлифовки драгоцѣнныхъ камней, гравированія на нихъ и обдѣлки ихъ въ золото (вставки въ „гнѣзда“) евреи вынесли изъ Египта; по крайней мѣрѣ, при устройствѣ скиніи въ пустынѣ, между евреями уже находились лица, искусныя въ рѣзьбѣ на камняхъ (Исх. **31**, 5. **35**, 33). Работы древнихъ еврейскихъ граверовъ отличались разнообразіемъ и изяществомъ формъ (I. Сир. **38**, 27. 28).

Драгоцѣнные камни называются и перечисляются въ библейскомъ текстѣ нѣсколько разъ, именно: Исх. **28**, 17—20. **39**, 10—13, при описаніи „наперсника суднаго“; Iезек. **28**, 13, при указаніи на чрезвычайную роскошь въ одеждѣ царя тирскаго, и Апок. **21**, 19—21, при изображеніи Iерусалима небеснаго, который былъ созерцаемъ въ видѣніи св. Iоанномъ Богословомъ. Сверхъ того нѣкоторые драгоцѣнные камни поименованы и въ другихъ мѣстахъ Библіи, напр., Iов. **28**, 16—19. П. Пѣсн. **5**, 14 и др.—Драгоцѣнные и полудрагоцѣнные камни, упомянутые въ Библіи, мы назовемъ и опишемъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Агатъ представляетъ собою смѣсь или сплавъ различныхъ видоизмѣненій кварца, каковы яспись, аметистъ, халцедонъ и др. Всѣ эти видоизмѣненія, соединяясь въ кускахъ агата, не теряютъ своего цвѣта, но располагаются въ нихъ отдѣльными, разныхъ цвѣтовъ, пластами, при чемъ идутъ или прямыми, параллельными полосами, или ломаными линіями, или же принимаютъ форму различныхъ предметовъ, напр., облаковъ. Вслѣдствіе неодинаковаго количества разноцвѣтныхъ полосъ, ихъ различнаго распредѣленія и различныхъ формъ въ кускахъ агата, сортовъ послѣдняго насчитываютъ очень много — до двадцати. Агатъ непрозрачный, мутный, на подобіе студня, камень и принадлежитъ къ числу камней полудрагоцѣнныхъ. Сравнительно высоко цѣнятся агаты съ изображеніями, находящимися внутри ихъ массы и напоминающими фигуры животныхъ или растеній. Агаты послѣдней разновидности, т. е. заключающіе въ себѣ какъ бы изображенія небольшихъ кустовъ, древесныхъ вѣтвей, называются дендритами (отъ δένδρον—дерево). Такого рода изображенія, имѣющія черный, бурый или красноватый цвѣтъ, произошли внутри агатовыхъ массъ изъ металлическихъ растворовъ желѣза или марганца, точнѣе—изъ кристалловъ этихъ растворовъ. Агатъ (лат. achates) получилъ свое названіе,—по свидѣтельству Плинія,—отъ рѣчки Achates въ Сициліи, гдѣ въ древности онъ былъ добываемъ. Мѣстонахожденія агата: Италія, Германія, Аравія, Сирія, Уралъ, Верхній Египетъ, Бразилія и др. Еврейское названіе агата —schebo, LXX—ἀχάτης. Въ Библіи агатъ названъ въ числѣ тѣхъ 12-ти драгоцѣнныхъ камней, которыми былъ украшенъ „наперсникъ судный“; послѣдній входилъ въ составъ облаченія ветхозавѣтнаго первосвященника, и на немъ драгоцѣнные камни были расположены въ четыре ряда по три камня въ каждомъ, при чемъ агатъ занималъ второе мѣсто въ третьемъ ряду. На каждомъ изъ камней было вырѣзано, какъ на печати, по одному имени изъ числа тѣхъ именъ, коими были обозначаемы двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ (Исх. **28**, 15—21. **39**, 12).

Алмазъ (евр. jahalom) — наиболѣе извѣстный камень, занимающій первое мѣсто въ ряду драгоцѣнныхъ камней по своей крайней твердости и высокой цѣнности. По своему химическому составу онъ—чистѣйшій углеродъ и можетъ сгорѣть. Наружность сырого, необдѣланнаго алмаза не привлекательна. Поверхность добытыхъ изъ земли его кристалловъ бываетъ по большей части шероховата и покрыта трещиноватою полупрозрачною корой свинцово - сѣраго блеска. Но хорошо отшлифованный алмазъ, получающій названіе брилліанта, изумителенъ по своей красотѣ: своею прозрачностію и сильнымъ лучистымъ блескомъ онъ оставляетъ далеко позади себя всѣ прочіе драгоцѣнные камни. Отшлифованный алмазъ совершенно безцвѣтенъ; но встрѣчаются желтоватые, зеленоватые, синеватые и розовые алмазы; розовые и синеватые цѣнятся дороже другихъ. Въ русскомъ переводѣ Библіи словомъ алмазъ передано еврейское наименованіе jahalom, согласно съ разумѣніемъ древнихъ еврейскихъ раввиновъ (Keil u. Delitzsch, Commentar I,1, 2 Aufl. S. 531—532), которому слѣдовалъ также Лютеръ. У LXX еврейское слово jahalom Исх. **28**, 18 передано реченіемъ—ἴασπις, а у Iезек. **28**,

13—реченіемъ σμάραγδος. Изъ этого слѣдуетъ, что уже въ древности точное значеніе слова jahalom перестало быть извѣстнымъ. Послѣднее обстоятельство служитъ для современныхъ ученыхъ поводомъ предполагать, что jahalom обозначаетъ собою не алмазъ, а другой какой-либо камень, болѣе удобный для гравированія. Въ русскомъ переводѣ Библіи словомъ „алмазъ" передано, кромѣ „jahalom", другое еврейское реченіе schamir Іер. **17**, 1. Іезек. **3**, 9. Изъ первой цитаты видно, что мелкіе осколки или кристаллы алмаза были вставляемы въ металлическія ручки, острымъ концомъ вверхъ, и служили, въ качествѣ рѣзца, при гравированіи; изъ Іезек. **3**, 9 явствуетъ, что древніе евреи считали алмазъ наиболѣе твердымъ тѣломъ въ природѣ. Алмазъ (jahalom) на „наперсникѣ судномъ" занималъ третье мѣсто во второмъ ряду драгоцѣнныхъ камней (Исх. **28**, 18); у пр. Іезекіиля (**28**, 13) алмазъ названъ въ числѣ драгоцѣнностей. Наименованіе „алмазъ" восточнаго происхожденія.

Аметистъ—прозрачное видоизмѣненіе кварца, подобное горному хрусталю (см. „Кристаллъ"), но лиловаго или фіолетоваго цвѣта. Впрочемъ, основной фіолетовый цвѣтъ встрѣчается въ кристаллахъ аметиста съ различными оттѣнками: бываютъ аметисты свѣтло-фіолетоваго, темнофіолетоваго, красновато-фіолетоваго цвѣта и под.; извѣстны также аметисты свѣтлосиніе, но они рѣдки. Сверхъ того находятъ такіе аметисты, въ массѣ которыхъ заключены игольчатые кристаллы бураго желѣзняка. Мѣстонахожденія аметиста: Тироль, Кипръ, Уралъ, Цейлонъ, Бразилія и др.; въ древности его получали изъ Индіи, Аравіи и Египта.—Аметистъ признаютъ однимъ изъ красивѣйшихъ камней и дорого цѣнятъ. Находятъ его въ небольшихъ, за рѣдкими исключеніями, кристаллахъ. Древніе приписывали аметисту силу, предохраняющую отъ пьянства; отсюда его греческое названіе ἀμέθυστος (α—частица отрицанія, μεθύω—я пьянъ). Еврейское его названіе — achlamah. Въ библейскомъ текстѣ аметистъ названъ нѣсколько разъ, именно: Исх. **28**, 19. **39**, 12. Іезек. **28**, 13 (по пер. LXX и славянскому), Апок. **21**, 20. На „наперсникѣ судномъ" аметистъ занималъ третье мѣсто въ третьемъ ряду.

Бериллъ есть видоизмѣненіе изумруда. Въ составъ его входятъ, между прочимъ, окислы металловъ бериллія и аллюминія. Онъ прозраченъ, за исключеніемъ низшихъ сортовъ; послѣдніе мутны. Бериллы встрѣчаются самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ—отъ густо-спаржеваго, зеленаго, синяго, бѣлаго, золотистаго до грязно-рововатаго. Бериллъ цвѣта морской воды называется *аквамариномъ*. Мѣстонахожденія берилла: Уралъ, Китай, Индія, Египетъ, Бразилія; древніе получали его преимущественно изъ Индіи. Въ русскомъ библейскомъ текстѣ бериллъ названъ только однажды: Апок. **21**, 20 („вириллъ"). Греческое названіе камня βήρυλλος.

Гіацинтъ—блестящій прозрачный камень. Онъ состоитъ изъ окиси особеннаго металла — циркона (поэтому называется также *цирконъ*) и изъ кремнезема. Цвѣтъ его—оранжевый различныхъ оттѣнковъ и коричневый; встрѣчается также безцвѣтнымъ. Мѣстонахожденія: Франція, Пруссія, Цейлонъ, Остиндія, Абиссинія и др.; его находятъ, по большей части, въ мелкихъ кристаллахъ. Гіацинтъ упомянутъ въ Библіи однажды: Апок. **21**, 20; греческое его названіе ὑάκινθος.

Изумрудъ—одинъ изъ первоклассныхъ драгоцѣнныхъ камней, блестящій, густо-зеленаго цвѣта и совершенной прозрачности. Химическій составъ изумруда подобенъ составу берилла (см. Менделѣевъ Химія, изд. 6-е, стр. 427—428). Мѣстонахожденія: Уралъ, Индія, Египетъ, Эѳіопія и др. Совершенно зеленый, необыкновенно пріятный для глазъ цвѣтъ изумруда зависитъ отъ того, что къ главнымъ составнымъ частямъ его примѣшанъ, въ малыхъ доляхъ, окислъ хрома. Еврейское названіе этого камня — bareketh, указывающее на его блескъ (отъ barak—блистать), арабск. — цамарудъ, греч.—σμάραγδος (отъ ἀμαρύσσω—сіяю), славянск.—смарагдъ. — На „наперсникѣ судномъ" изумрудъ занималъ третье мѣсто въ первомъ ряду (Исх. **28**, 17. **39**, 10); далѣе, изумрудъ упомянутъ Іезек. **28**, 13. Тов. **13**, 16. Іудиѳ. **10**, 21. Сир. **32**, 8. Апок. **4**, 3. **21**, 19. Слѣдуетъ замѣтить, что въ русскомъ (синод.) переводѣ Библіи названіе „изумрудъ" употреблено только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поставлено еврейское bare-

keth, т. е. въ книгахъ, переведенныхъ съ еврейскаго; въ книгахъ же, переведенныхъ съ греческаго, греческое наименованіе изумруда σμάραγδος оставлено безъ перевода и передано реченіемъ *смарагдъ* (Тов. **13**, 16. Сир. **32**, 8. Апок. **4**, 3. **21**, 19), за исключеніемъ Іудиѳ. **10**, 21, гдѣ вмѣсто „σμάραγδος" стоитъ по-русски „изумрудъ".

Карбункулъ представляетъ собою одинъ изъ видовъ *граната. Гранатъ* или *венися* есть, въ большинствѣ случаевъ, прозрачный камень съ сильнымъ стекловиднымъ блескомъ. Въ составъ его, между прочимъ, входятъ кремній, аллюминій, марганецъ, желѣзо въ соединеніи съ кислородомъ. Мѣстонахожденія: Уралъ, Остиндія, Цейлонъ, Эѳіопія и нѣк. др. Гранатъ встрѣчается различныхъ цвѣтовъ и, смотря по цвѣту, носитъ различныя наименованія. Такъ, названіе *эссонитъ* или *коричневый камень* усвояютъ гранату коричневаго цвѣта, *гроссуляръ*—гранату яблочно-зеленаго цвѣта, затѣмъ, гранатъ синевато-краснаго, вишнево-краснаго, малиново-краснаго цвѣтовъ называется *альмандинъ*; наконецъ, гранатъ кровяно-краснаго цвѣта съ огненнымъ оттѣнкомъ (отъ значительной примѣси желѣза), занимающій по красотѣ первое мѣсто между гранатовыми разновидностями, извѣстенъ подъ именемъ или *пиропа*, или *анѳракса*, или *карбункула*. Еврейское названіе карбункула—nophekh, у LXX—ἄνθαξ. Карбункулъ занималъ первое мѣсто во второмъ ряду на „наперсникѣ судномъ" (Исх. **28**, 18); далѣе этотъ камень названъ Іезек. **27**, 16. **28**, 13. Тов. **13**, 17. Въ послѣдней цитатѣ греческое ἄνθραξ оставлено въ русскомъ текстѣ Библіи безъ перевода: анѳраксъ.

Ониксъ (евр. schoham) относится къ группѣ агатовъ и представляетъ собою перемежаемость слоевъ розоваго цвѣта съ бѣлыми слоями, что дѣлаетъ его нѣсколько похожимъ на „ноготь, лежащій на тѣлѣ". Отсюда и греческое названіе его ὄνυξ, что значитъ „ноготь". Разноцвѣтные слои настоящаго оникса (которыхъ бываетъ и болѣе двухъ) расположены довольно широкими полосками, которыя идутъ всегда прямо и паралелльно. Слои въ нѣкоторыхъ видахъ этого камня бываютъ и чернаго цвѣта, какъ, напр., въ *аравійскомъ ониксѣ*, который называется также *чернымъ ленточнымъ агатомъ*. Мѣстонахожденія Аравія, Индія, Египетъ, Бразилія и др Древніе евреи полагали, что ониксы добываются главнымъ образомъ въ неизвѣстной теперь странѣ Хавила (Быт. **2**, **11**. 12). Въ числѣ приношеній съ религіозными цѣлями отъ доброхотныхъ дателей, Моисей повелѣлъ принимать, между прочимъ, и *ониксъ* съ другими камнями для священныхъ одеждъ первосвященника (Исх. **25**, 7. **35**, 9. 27). Затѣмъ, изъ ониксовъ два камня были утверждаемы на нарамникахъ первосвященническаго ефода и одинъ на „наперсникѣ", гдѣ занималъ второе мѣсто въ четвертомъ ряду драгоцѣнныхъ камней (Исх. **28**, 20. **39**, 13). На двухъ камняхъ „ониксахъ", предназначавшихся для нарамниковъ, вырѣзывались имена колѣнъ Израилевыхъ, на каждомъ камнѣ по шести именъ (Исх. **28**, 9—12). У Іов. **28**, 16 и Іезек. **28**, 13 ониксъ упомянутъ въ числѣ драгоцѣнностей и у Іова прямо названъ драгоцѣннымъ; въ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, разумѣлся „ониксъ аравійскій", который изъ всѣхъ видовъ оникса цѣнился и цѣнится особенно высоко. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что ониксъ относятъ къ числу полудрагоцѣнныхъ камней.

Рубинъ и *сапфиръ*. Эти камни суть видоизмѣненія *корунда* или, такъ называемаго, *яхонта*. Ни одинъ изъ драгоцѣнныхъ камней не имѣетъ столь разнообразной окраски, какъ корундъ. Онъ встрѣчается бѣлаго, краснаго, синяго, зеленаго, желтаго и др. цвѣтовъ, бываетъ и совершенно безцвѣтный. Химическій составъ безцвѣтнаго корунда — чистый глиноземъ, но въ цвѣтныхъ его экземплярахъ имѣются слѣды желѣза, марганца и другія примѣси, чѣмъ и обусловливаются цвѣта этихъ камней. Мѣстонахожденія корунда: Африка, Индія, Цейлонъ, оренбургская и пермская губ. и др. Изъ цвѣтныхъ корундовъ особенно высоко цѣнятся красные и синіе. Кравяно-краснаго и кармино-краснаго цвѣта корунды называются *рубинами* или *красными яхонтами* и считаются даже дороже брилліантовъ; корунды синіе извѣстны подъ именемъ *сапфировъ* или *синихъ яхонтовъ*.—Рубинъ занималъ первое мѣсто въ первомъ, сапфиръ—второе во второмъ ряду драгоцѣнныхъ камней на „наперсникѣ судномъ" (Исх. **28**, 17. 18. **39**, 10. 11). За-

тѣмъ рубинъ и сапфиръ, какъ драгоцѣнности высокаго достоинства, называются въ слѣдующихъ мѣстахъ Библіи: Исх. **24**, 10. Иса. **54**, 11. Плач. **4**, 7. Іезек. **1**, 26. **27**, 16. **28**, 13. Іов. **28**, 6. 16. П. Пѣсн. **5**, 14. Тов. **13**, 17. Апок. **21**, 19. Въ Исх. **24**, 10 и у Іезек. **1**, 26 можно видѣть указаніе на синій цвѣтъ и блескъ сапфира. Еврейское названіе рубина 'odem, сапфира—sappir, у LXX и въ славянск.—рубина — σάρδιον, сардій, сапфира — σάπφειρος, сапфиръ. Греческому ἄνθραξ у І. Сир. **32**, 7 въ русск. библейскомъ текстѣ соотвѣтствуетъ слово „рубинъ".—Реченіе *корундъ* есть видоизмѣненіе восточныхъ словъ кориндъ, коринду (corind, corindou), употребляемыхъ въ Индіи и Китаѣ для наименованія нѣкоторыхъ разновидностей корунда или яхонта (Щегловъ); еврейское 'odem и происходящее отъ латинскаго корня рубинъ указываютъ на красный цвѣтъ камня, ими обозначаемаго, евр. sappir—на синій цвѣтъ.

Сардониксъ упомянутъ Апок. **21**, 20; онъ относится къ группѣ агатовъ. Камень этотъ есть ни иное что, какъ ониксъ съ бѣлыми и оранжевыми или красноватыми полосами. Въ древности сардониксы, если только разноцвѣтные слои лежали въ нихъ правильно, были цѣнимы почти одинаково съ сапфирами. Въ древнее время ихъ получали изъ Индіи и Эѳіопіи. *Сардониксъ* (греч. σαρδόνυξ)—сардійскій ониксъ, дѣйствительное значеніе этого названія не выяснено.

Сердоликъ (греч. σάρδιον) названъ Апок. **21**, 20. Сердоликъ—наименованіе восточнаго происхожденія (Пыляевъ); на что именно оно указываетъ,—съ точностію не извѣстно (см. далѣе „Халкидонъ": стлб. 218.—).

Смарагдъ (см. „Изумрудъ": стлб. 214—).

Топазъ. Въ составъ топаза входятъ глиній, кремній и вторъ въ соединеніи съ кислородомъ. Топазъ менѣе твердъ, нежели алмазъ, но равенъ съ нимъ по вѣсу; онъ имѣетъ сильный стеклянный блескъ; его цвѣта: бѣлый, винно-желтый, буровато-желтый или зеленый. Прозрачный топазъ называется благороднымъ, непрозрачный — обыкновеннымъ. Въ древности топазъ добывался на одномъ изъ острововъ Краснаго моря, гдѣ египетскіе фараоны имѣли для этого особенныя копи, а также въ Индіи и Эѳіопіи; въ настоящее время его находятъ въ Сибири (гдѣ онъ носитъ названіе „тяжеловѣсъ"), въ Саксоніи, Бразиліи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Топазъ упомянутъ Исх. **28**, 17. **39**, 10 (на „наперсникѣ"—второе мѣсто перваго ряда), Іезек. **28**, 13. Іов. **28**, 19 („топазъ еѳіопскій"). Апок. **21**, 20. Еврейское наименованіе топаза—pit^{e}dah, указывающее на его желтый цвѣтъ. Происхожденіе и значеніе наименованія „топазъ" не опредѣлено.

Халкидонъ. Халкидонами или *халцедонами* называются цвѣтные кварцы, извѣстные со временъ глубокой древности. „Они образовались изъ раствореннаго въ водѣ кварца, который переходитъ въ растворимое состояніе при постепенномъ разрушеніи горныхъ породъ подъ вліяніемъ воздуха". Халкидоны принадлежатъ къ группѣ агатовъ. Они мутны, какъ студень, разнообразныхъ, но не яркихъ цвѣтовъ. Въ продажѣ особенно цѣнятся халкидоны мясного цвѣта или красные *(сердоликъ* или *карнеоль)*, яблочно-зеленые *(хризопрасъ)*, съ полосками или слоями краснаго и бѣлаго цвѣтовъ *(ониксъ)*, сѣровато-голубые. Халкидонъ упомянутъ Апок. **21**, 19. Названіе камня „халкидонъ" происходитъ отъ малоазійскаго города Халкидона, откуда, между прочимъ, этотъ камень былъ отправляемъ на продажу. Мѣстонахожденія: Аравія, Уралъ и др. Халкидонъ принадлежитъ къ числу полудрагоцѣнныхъ камней.

Хризолитъ (χρυσός—золото, λίθος—камень)—прозрачный камень желтовато-зеленаго или чисто желтаго цвѣта съ сильнымъ блескомъ. Въ составъ его входятъ магній и кремній. Мѣстонахожденія: Египетъ, Цейлонъ, Сибирь и др. Упомянутъ: Исх. **28**, 20. **39**, 13 (на „наперсникѣ"—первое мѣсто четвертаго ряда). Іезек. **28**, 13. Апок. **21**, 20. Еврейское названіе хризолита—tarschisch указываетъ на мѣсто, откуда, между прочимъ, камень былъ доставляемъ купцами. Слово tarschisch употреблено также Іезек. **1**, 16. **10**, 9. П. Пѣсн. **5**, 14, но здѣсь русскіе переводчики это еврейское слово передали реченіемъ „топазъ".

Хризопрасъ упомянутъ Апок. **21**, 20. Греческое наименованіе χρυσόπρασος (отъ χρυσός—золото πράσον,—порей—растеніе)

указываетъ на цвѣтъ камня (см. „Халкидонъ“: стлб. 218—).

Ясписъ (евр. jaschpheh, греч. ἴασπις): *яшма* или *яшмовый кварцъ*. Яшма совершенно непрозрачна, не просвѣчиваетъ даже по краямъ. По цвѣтамъ и расположенію цвѣтовъ, виды яшмы до крайности разнообразны. Кромѣ одноцвѣтной яшмы желтаго, бураго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ, существуютъ еще очень многіе сорта разноцвѣтныхъ яшмъ, каковы: бурая съ свѣтлыми неправильно расположенными (кривыми) полосами, красная съ желтыми жилками, бѣлая съ тонкими жилками краснокарминнаго цвѣта и др. Яшма принимаетъ довольно блестящую полировку. Въ древности яшму находили удобною для гравированія. Мѣстонахожденія: Египетъ, Сибирь и др. страны. О ясписѣ, или яшмѣ, упоминается Исх. **28**, 20. **39**, 13 (на „наперсникѣ“—третье мѣсто четвертаго ряда). Іезек. **28**, 13. Апок. **4**, 3. **21**, 11. 18. 19. Можно думать, что въ Апок. **21**, 11 разумѣется не ясписъ, а какой-либо другой кристалловидный камень.

Яхонтъ упомянутъ въ русскомъ переводѣ Библіи Исх. **28**, 18. **39**, 13 (на „наперсникѣ“—первое мѣсто третьяго ряда). Слову „яхонтъ“ въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ соотвѣтствуетъ реченіе leschem (отъ lascham—привлекать), у LXX—λιγύριον, Вульг. — ligurius (происходящій, получаемый изъ Лигуріи). *Яхонтъ* есть названіе собирательное, употребляемое для обозначенія разновидностей корунда, которыя обыкновенно признаются отдѣльными камнями и носятъ особыя наименованія (см. „Рубинъ и Сапфиръ“: стлб. 216—). Очень можетъ быть, что въ приведенныхъ мѣстахъ кн. Исходъ разумѣется какая-либо красивая разновидность корунда, не названная въ другихъ мѣстахъ Библіи, напр., *восточный жиразоль*, просвѣчивающій, молочнаго цвѣта камень, подобный благородному *опалу*, издающій красноватые, или желтоватые, или синеватые лучи. Наименованіе „яхонтъ“, вѣроятно, восточнаго происхожденія: „ягутъ“ или „якутъ“—персидское названіе рубина.

Жемчугъ. При перечисленіи и описаніи драгоцѣнныхъ камней, упоминаемыхъ въ Библіи, умѣстно сообщить свѣдѣнія и о жемчугѣ. Правда, жемчугъ не принадлежитъ къ минераламъ, онъ—вещество органическаго, животнаго происхожденія; но Библія называетъ его наряду съ драгоцѣнными камнями, какъ предметъ высокаго достоинства, служащій, подобно камнямъ, для украшеній различнаго рода. *Жемчугъ* есть продуктъ тѣхъ животныхъ, которыхъ именуютъ *мягкотѣлыми*, иначе *слизняками* или *моллюсками (Mollusca)*, относятъ къ классу *пластинчатожаберныхъ* или *двустворокъ (Lamellibranchiata* sive *Bivalvae)*, къ отряду разномышечныхъ (Heteromya), къ семейству *жемчужницъ (Aviculacca)*, къ виду *жемчужницъ перловыхъ (Maleagrina margaritifera)*. Безголовый моллюскъ перловой жемчужницы заключенъ въ двустворчатую раковину, боковыя створки которой, правая и лѣвая, представляются, по внѣшнему виду, одинаковыми — огругленно-четырехсторонними, имѣющими листоватое строеніе, зеленовато-бурый цвѣтъ съ продольными бѣлыми полосами. Створки эти въ верхней, спинной, части соединены между собою посредствомъ особой упругой массы, такъ называемой связки, и состоятъ изъ трехъ слоевъ различнаго строенія, при чемъ у перловыхъ жемчужницъ наиболѣе утолщеннымъ является внутренній перламутровый слой. Внѣшняя часть тѣла моллюска, называемая мантіею или эпанчею, состоитъ изъ двухъ лопастей, соединенныхъ на спинѣ и представляющихъ собою утолщеніе кожи, особенно при соединеніи. Лопасти эти образуютъ полость, въ которой съ каждой стороны расположены двѣ листовидныя жабры животнаго, раздѣленныя мускулистою клиновидною ногою, приспособленною для передвиженія и выступающею, по мѣрѣ надобности, изъ нижней части створокъ. Лопасти эпанчи верхнимъ слизистымъ слоемъ своимъ непосредственно прилегаютъ къ створкамъ раковины и прикрѣпляются къ нимъ замыкательными, не одинаково развитыми мышцами, которыя идутъ отъ одной створки къ другой поперекъ тѣла моллюска и служатъ къ сближенію створокъ между собою свободными нижними краями.

Теперь, если между внутреннимъ перламутровымъ слоемъ створокъ жемчужины и ея мантіею попадутъ какія-либо мелкія тѣла или посторонняго происхожденія, между прочимъ микроскопическіе паразиты, или

же отдѣлившіяся отъ самого животнаго, какъ-то: омертвѣвшія клѣтки, обломочки раковинъ и проч., то эти мелкія тѣла, служащія источникомъ раздраженія для моллюска, постепенно обволакиваются слоями перламутра, мало-по-малу увеличиваются, въ результатѣ же этого процесса возникаютъ то круглыя и грушевидныя, то овальныя и угловатыя зерна, именно зерна *жемчуга*. Не подлежитъ сомнѣнію то, что и перламутровый слой створокъ, и жемчугъ получаютъ матеріалъ, входящій въ ихъ составъ, отъ лопастей мантіи или эпанчи. Жемчугъ содержитъ въ себѣ около 90 процентовъ углекислой извести и вмѣстѣ азотистую, нерастворимую въ уксусной кислотѣ органическую субстанцію. Величина жемчужныхъ зеренъ очень разнообразна: отъ маковаго зерна до вишни. Бываютъ, впрочемъ, жемчужины гораздо большихъ размѣровъ; такъ, жемчужина, пріобрѣтенная испанскимъ королемъ Филиппомъ II за 80.000 червонцевъ, имѣла величину съ голубиное яйцо. Но такія крупныя жемчужины представляютъ собою исключительную рѣдкость. Вещество, изъ котораго состоитъ жемчужина, расположено въ ней концентрически, волнистыми слоями; и эта волнистость слоевъ обусловливаетъ собою блескъ жемчуга, переливающійся различными, всегда нѣжнѣйшими, цвѣтами. Жемчужины имѣютъ преимущественно молочный цвѣтъ, наиболѣе цѣнимый; но бываютъ жемчужины зеленоватыя, желтыя, бурыя, черныя и др. Высокими достоинствами обыкновенно отличаются жемчужины, свободно лежащія въ раковинѣ; но очень цѣнныя зерна жемчуга встрѣчаются и между тѣми, которыя прирастаютъ къ внутренней сторонѣ створокъ и отдѣляются отъ этихъ створокъ тѣмъ или инымъ способомъ, всегда съ нѣкоторымъ поврежденіемъ въ мѣстѣ отдѣленія. Въ настоящее время умѣютъ находить жемчугъ и въ тропическихъ моряхъ (у береговъ Африки, Америки, Австраліи и у многихъ острововъ Тихаго океана), и въ прѣсноводныхъ озерахъ и рѣкахъ Европы, даже на далекомъ сѣверѣ; но въ древности настоящія жемчужныя раковины (Maleagrina margaritifera) считали произведеніемъ только Индійскаго океана Персидскаго залива и Краснаго моря, гдѣ тогда и былъ добываемъ жемчугъ (*Брандтъ*, Учебникъ зоологіи, ч. II, Спб. 1876, стр. 201—212; *Брокгаузъ и Ефронъ*, Энциклопедич. Словарь XIa, стр. 855—857; *Бобринецкій*, Учебникъ зоологіи, Кіевъ 1897, стр. 571—573).

Древніе считали жемчугъ драгоцѣнностію высшаго достоинства и любили украшаться имъ, что особенно нужно сказать о римлянахъ. Богатыя римскія женщины убирали жемчугомъ головы, носили жемчужные серьги, ожерелья, перстни и даже унизанную жемчугомъ обувь. Римскія женщины не оставались безъ подражательницъ и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи (1 Тим. **2**, 9). Жемчугъ несомнѣнно былъ извѣстенъ и евреямъ. По крайней мѣрѣ онъ, во времена Христа Спасителя, было очень распространенъ въ Палестинѣ (Мѳ. **7**, 6).

Чтобы удовлетворить постоянному и значительному спросу на жемчугъ, среди палестинскихъ евреевъ существовали тогда купцы, которые исключительно занимались торговлею жемчугомъ, при чемъ не останавливались даже предъ чрезвычайными издержками, стараясь пріобрѣтать, между прочимъ, крупныя, а потому рѣдкія и очень дорогія жемчужины (Мѳ. **13**, 45. 46); значитъ, во времена Христа, въ Палестинѣ былъ спросъ и на такія драгоцѣнности (ср. упоминанія о жемчугѣ Апок. **17**, 4. **18**, 12. 16. **21**, 21). Съ вѣроятностію можно также предполагать, что жемчугъ былъ употребляемъ евреями и въ ветхозавѣтныя времена; но прямыхъ и опредѣленныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію указаній на это въ писаніяхъ Ветхаго Завѣта не имѣется. Правда, въ русскомъ (синод.) переводѣ ветхозав. Библіи, именно въ кн. Притчей (**8**, 10. **20**, 15. **31**, 10) словомъ *жемчугъ* передано еврейское реченіе *peninim*. Но подъ этимъ реченіемъ ученые изслѣдователи еврейскаго текста Библіи (напр., Delitzsch) склонны разумѣть скорѣе *кораллъ*, нежели *жемчугъ*. Возможно, впрочемъ, что древніе евреи реченіемъ peninim обозначали и кораллъ, и жемчугъ, принимая во вниманіе ихъ одинаковое, морское происхожденіе; но гдѣ именно въ подлинномъ ветхозав. текстѣ peninim обозначаетъ жемчугъ,—опредѣлить нельзя: здѣсь возможны лишь догадки, всегда малоосновательныя, колеблющіяся, а потому не имѣющія положительной цѣнности. Подобную колеблемость въ данномъ случаѣ обнаружили и русскіе (синод.)

переводчики. Они не вездѣ перевели словомъ *жемчугъ* еврейское *peninim*. Такъ, напр., Іов. **28**, 18 *peninim* (въ концѣ стиха) они передали выраженіемъ *рубины*, а слово *жемчугъ* (въ началѣ того же стиха) поставили вмѣсто евр. gabisch, которое значитъ (*Gesenius, Delitzsch*) *кристаллъ* (*Schenkel, Riehm, Guthe*: „Perlen").

Русскому наименованію *жемчугъ* соотвѣтствуютъ: арабское—*зеньчугъ*, греческое—маргаритъ (μαργαρίτης), нѣмецкое—Perlen. Старинное русское названіе крупнаго жемчуга—*бурмицкое зерно*, мелкаго—*кафимское зерно*, т. е. зерно, привезенное изъ города Кафы (нынѣ Ѳеодосія); древнерусское выраженіе—*скатный жемчугъ* значитъ—жемчугъ круглый, катящійся, т. е. лучшій жемчугъ (*Пыляевъ*, Драгоцѣнные камни, стр. [3]231—233).

См. *Щегловъ*. О драгоцѣнныхъ камняхъ, СПБ. 1824. *Пыляевъ*. Драгоцѣнные камни, 3-е изд., СПБ. 1896. Атласъ минераловъ, составленный д-ромъ *И. Г. фонъ-Курромъ*, съ текстомъ *Генике*, 2-е, изд. СПБ. 1897, стр. 1—16. *Schenkel*, BL. II, S. 36—42. *Riehm*. HW². I, S. 333—339 [и въ другихъ библейскихъ Энциклопедіяхъ и Словаряхъ подъ соотвѣтствующими названіями—у *Vigouroux, Cheyne, Hastings*'а].

Прот. *Н. Елеонскій*

Камонъ—городъ въ Галаадѣ, въ немъ былъ погребенъ Іаиръ, судія израильскій (Суд. **10**, 3—5). Мѣстоположеніе Камона съ точностію не опредѣлено. Впрочемъ, на юго-востокъ отъ Геннисаретскаго озера и на югъ отъ потока Ярмукъ найдены развалины съ именемъ *Каммъ (Kamm)*; эту-то мѣстность и находятъ возможнымъ сближать съ библейскимъ Камономъ.

См. *Riehm*, HW². I, S. 830; *Buhl*, Geographie des a Palästina, S. 256; *Guthe*, KBW, S. 353 [а также *Vigouroux, Hastings, Cheyne*].

Прот. *Н. Елеонскій*.

Кампанелла Ѳома (Campanella Tommaso,—Thomas: 1568—1639 гг.) извѣстенъ какъ послѣдній крупный представитель философіи ренессанса (эпохи возрожденія), вообще какъ реформаторъ наукъ, какъ авторъ знаменитой утопіи, подъ заглавіемъ „Солнечный городъ", и какъ борецъ за универсальную монархію подъ духовнымъ протекторатомъ папы. Эти черты выясняются біографіей Кампанеллы.

Наука, поэзія, религіозность,—говоритъ онъ самъ,—были съ дѣтства цѣлями и мотивами его стремленія. Хотя онъ очень молодымъ сдѣлался доминиканцемъ, но скоро оставилъ Аристотеля и схоластику и полюбилъ философію Телезія. Говорятъ, что послѣ продолжительнаго разговора съ какимъ-то старымъ евреемъ онъ исчезъ изъ монастыря и, странствуя по разнымъ городамъ Италіи, за разныя ереси не одинъ разъ былъ преслѣдуемъ инквизиціею и даже арестованъ. Выпущенный на свободу изъ римской темницы, онъ въ 1598 г. возвратился на свою родину, въ Калабрію, съ важными намѣреніями. Чтобы обезпечить себя отъ могущихъ возникнуть опасностей, Кампанелла написалъ извѣстное сочиненіе „Della monarchia di Spagna", гдѣ излагаетъ задачу Испаніи—объединить міръ подъ духовнымъ владычествомъ папы; Готчеинъ это сочиненіе назвалъ самою лучшею изъ программъ контръ-реформаціи.—Въ слѣдующемъ году Кампанелла устроилъ возстаніе, чтобы наканунѣ новаго вѣка освободить свой край отъ господства испанцевъ и отъ церковнаго авторитета Рима и основать новую самостоятельную державу въ Калабріи съ новою церковію, для которой онъ думалъ быть пророкомъ и главою. За это онъ былъ арестованъ, подвергнутъ мученію и непремѣнно былъ бы казненъ, еслибы его преступленіе не подлежало и церковному суду. Этотъ судъ принялъ во вниманіе монашество обвиняемаго и, отказываясь дать приговоръ, тянулъ дѣло, такъ что Кампанелла остался живъ, но въ тюрьмѣ, при чемъ философія и поэзія служили ему немалою утѣхой. Между прочимъ, здѣсь онъ написалъ свою упомянутую уже нами утопію „Солнечный городъ", будто-бы какъ образецъ церковно-религіозной реформы, а позже перевелъ его самъ съ итальянскаго языка на латинскій, какъ прибавленіе къ своему учебнику „политики". Сочиненіе это, которое долгое время считалось плодомъ игривой фантазіи, основываетъ счастіе гражданъ на учрежденіи общности имѣнія, женщинъ, развлеченій, воспитанія и на здоровомъ потомствѣ. Распредѣленіе труда будетъ тогда, яко бы, такъ искусно и такъ

справедливо, что никому не придется работать больше 4—5 часовъ въ день; всѣ принимаютъ участіе въ работѣ. Но это сочиненіе есть не только утопія, оно, сверхъ того, есть свидѣтельство неудачнаго предпріятія Кампанеллы и его друзей. Сходство идей этого сочиненія съ данными обвиненія, указанными въ процессуальныхъ актахъ, говоритъ, что въ немъ мы имѣемъ отраженіе революціонныхъ стремленій авнора, изложенныхъ систематически. А именно: 1) Кампанелла училъ, что онъ самъ будетъ законодателемъ новаго общества (въ сочиненіи это приписывается метафизику); 2) принципы новаго государства основаны на законахъ естественныхъ; 3) христіанство должно быть реформировано на этихъ самыхъ законахъ; 4) Христосъ былъ великій человѣкъ, но не Богъ; 5) Богъ одинъ, и Ему мы должны кланяться въ видѣ солнца; 6) передъ концомъ міра будетъ еще время счастія и единенія людей. Изъ этихъ положеній мы видимъ не только переходъ отъ языческаго міросозерцанія ренессанса къ деизму (этотъ переходъ со многимъ историческимъ матеріаломъ находимъ въ подробномъ изложеніи въ ученомъ трудѣ Кампанеллы: Atheismus triumphatus), но и то, что Кампанелла считалъ себя, главу возстанія, выше Моисея, Магомета и Христа.

Въ тюрьмѣ его взгляды, конечно, перемѣнились; по крайней мѣрѣ, Кампанелла не переставалъ доказывать, что онъ сожалѣетъ о прошломъ и что сдѣлался вѣрнымъ сыномъ церкви и папы, хотя въ этомъ ему трудно было кого-нибудь увѣрить, такъ какъ онъ это и раньше утверждалъ всегда, даже когда былъ вождемъ возстанія, тѣмъ не менѣе онъ не разъ,—даже съ непонятнымъ энтузіазмомъ, — отдавалъ всѣ свои душевныя силы съ полнымъ сознаніемъ на служеніе главѣ церкви. Мы имѣемъ, „меморіалы“, которые изъ заключенія онъ присылалъ разнымъ высокимъ учрежденіямъ и лицамъ. Въ этихъ „меморіалахъ“ онъ давалъ отчетъ о своей очень прилежной литературной дѣятельности. О ней надо сказать нѣсколько словъ. —Въ философическихъ своихъ трудахъ онъ продолжалъ борьбу противъ Аристотеля. Слѣдуя Телезію („De sensu rerum“, „Philosophia realis epilogistica“), онъ производитъ все отъ тепла и холода, прибавляя къ этимъ двумъ принципамъ субстратъ: матерію. Въ своей „Метафизикѣ“ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что вещи мы не такъ узнаемъ, какъ онѣ даны, а только какъ онѣ намъ кажутся.—Все существующее a) дѣйствуетъ и страдаетъ; b) знаетъ о себѣ и о другомъ; c) любитъ себя и другое; посему, начала всего міра и каждой вещи въ немъ суть: potentia, sapientia, amor. Эти „прималитеты“ въ Богѣ, въ абсолютномъ единствѣ, въ мірѣ они являются, какъ necessitas, fatum и harmonia. (Ученіемъ Кампанеллы о „прималитетахъ“ воспользовался въ новое время Ламеннэ въ своей „Esquisse“). Эту послѣднюю создаетъ душа міра: она даетъ жизнь и духъ всему и регулируетъ содѣйствіе и симпатію между ними.

Эта философія есть часть общей системы наукъ, которая должна была въ себѣ заключать 10 томовъ (Instauratio scientiarum). Раньше чѣмъ трудъ Кампанеллы былъ напечатанъ, о немъ уже узнали даже за границей. Именно два нѣмца, Scioppius и Adami, посѣтили его въ тюрьмѣ и получили отъ него нѣкоторыя рукописи. Adami сдѣлался его первымъ толкователемъ и издателемъ, а преждевременнымъ напечатаніемъ отличнаго труда Кампанеллы „Apologia pro Galileo“ даже повредилъ арестованному.— Этотъ не переставалъ посылать „меморіалы“, обѣщая великія изобрѣтенія,—въ томъ числѣ и папѣ. Цѣлію этихъ „меморіаловъ“ было обратить вниманіе на свою тяжелую судьбу у лицъ съ вліяніемъ и, наконецъ, достичь свободы. Но подобныя попытки не удавались. Папа, повидимому, цѣнилъ его знанія, настойчивость его домогательствъ и, вѣроятно, жалѣлъ, что не могъ спасти его. Желая, по крайней мѣрѣ, чтобы заключенный думалъ о полезныхъ вещахъ, Павелъ V послалъ Кампанеллѣ предложеніе заняться вопросами миссіи. Съ большимъ интересомъ схватился несчастный за идею, которая могла ему принести даже спасеніе: вполнѣ согласно съ основными чертами своей философіи, теоретической и практической, онъ написалъ на предложенную папою тему въ теченіе одного года большое сочиненіе, „Volumen quadripartitum“, которое въ своихъ четырехъ частяхъ обращается къ христіанамъ, евреямъ, магоме-

танамъ и язычникамъ; второе заглавіе его сочиненія заключаетъ въ себѣ одинъ стихъ изъ Пс. 22, 28: *чтобы всѣ народы земли одумались и возвратились.* Смыслъ этихъ словъ объясняетъ авторъ въ началѣ своего труда, изъ котораго мы извлекаемъ нѣчто для ознакомленія съ его этикой. Ея начало—самообладаніе. Оно побуждаетъ насъ искать родственное своей душѣ, а таковое для Ангеловъ и людей находится въ Богѣ. Противъ этого стремленія возстаетъ тѣло, но душа вспомнитъ свое происхожденіе и возвратится къ своему началу. Чтобы это легче удалось, Богъ напоминалъ намъ неоднократно черезъ своихъ посланниковъ: Авраама, Моисея, Христа, Магомета. Кто изъ нихъ правъ? Отсюда возникаетъ задача: найти истинное Слово Божіе. Съ этою цѣлію и написано предлежащее сочиненіе: такъ какъ мы всѣ сыны Адама, то мы всѣ приглашаемся этимъ сговориться въ важнѣйшемъ, чтобы всѣ секты, которыми напоминается объ истинномъ Богѣ, къ Нему возвратились.

Въ первой книгѣ Volum. quadrip., посвященной христіанству, содержатся интересныя посланія: князьямъ итальянскимъ—чтобы они основали въ Римѣ подъ предсѣдательствомъ папы христіанскій интернаціональный трибуналъ; королю Испаніи—задача: основать политическое объединеніе міра, которую авторъ изложилъ въ упомянутой уже Monarchia di Spagna; королю Англіи—въ посланіи къ нему авторъ присоединяется къ многочисленнымъ католическимъ полемистамъ противъ Іакова I; нѣмецкимъ князьямъ—коихъ онъ убѣждаетъ, черезъ своего друга Т. Адами, что Лютеръ и они не правы; схизматикамъ, а именно церкви абиссинской, гдѣ Кампанелла возражаетъ противъ монофизитизма, и посланіе къ великому князю московскому и къ греческимъ іерархамъ, въ которомъ онъ придаетъ римской церкви роль культуртрегерства въ Россіи, высказывается готовность придти съ разными монахами обучать населеніе, чтобы оно могло понять глубину Христовой вѣры, и обращаетъ вниманіе великаго князя на языческій востокъ. Остальныя части сочиненія показываютъ внимательное изученіе религіозныхъ воззрѣній магометанъ и евреевъ, даже языческихъ народовъ.

Съ 1618 г. сочиненіе пришлось не кстати: Павелъ V скоро затѣмъ умеръ, но еще передъ смертію онъ успѣлъ обратить вниманіе своего преемника на основную мысль Кампанеллы: на необходимость систематизировать дѣло миссіи римско-католической церкви. Григорій XV во второмъ году своего понтификата послушался и учредилъ самую извѣстную въ широкихъ кругахъ конгрегацію de propaganda. Хотя и раньше уже пользовались сочиненіемъ Кампанеллы разные монахи, однако авторъ пока еще ничего не достигъ и оставался въ тюрьмѣ. Только преемникъ Григорія—Урбанъ VIII могъ его освободить изъ власти испанцевъ и уже черезъ годъ онъ основалъ не менѣе извѣстное collegium de propaganda. Теперь, конечно, была очередь и за вышеупомянутымъ сочиненіемъ Кампанеллы. Оно должно было служить основою и для „конгрегаціи", и для „коллегіума", поэтому и подверглось тщательному пересмотру церковной цензуры, а въ 1629 году получило давно уже ожидаемое одобреніе.

Личная вражда вліятельныхъ чиновниковъ при куріи воспрепятствовала напечатанію этого труда, но самъ авторъ еще 10 лѣтъ позже сказалъ о немъ, что это—образецъ богословской риторики и компендіумъ дѣла миссіонерскаго. Пока еще Кампанелла проживалъ въ Римѣ, онъ напечаталъ нѣкоторыя другія сочиненія, напр., De Monarchia Messiae, гдѣ, какъ и раньше, спасеніе человѣческаго рода ищетъ въ духовномъ единеніи, главой котораго долженъ быть папа. Но испанцы не перестали преслѣдовать его и, наконецъ, даже вынудили его бѣжать во Францію (1634 г.). Тамъ онъ въ большой бѣдности продолжалъ работать и напечаталъ цѣлый рядъ своихъ сочиненій и среди нихъ очень объемистую „Метафизику". Кардиналъ Ришелье приглашалъ его предсѣдательствовать на частныхъ собраніяхъ ученыхъ и былъ намѣренъ сдѣлать его президентомъ проектированной тогда академіи наукъ; но этого Кампанелла уже не дождался.

Въ дополненіе надо еще сказать, что Кампанелла написалъ множество прекрасныхъ сонетовъ, которые обезпечиваютъ ему мѣсто между лучшими поэтами Италіи. Его „Солнечный градъ" до послѣдняго времени оказывалъ большое и разнообразное вліяніе;

Готчеинъ даже доказывалъ въ особомъ трудѣ, что іезуитское государство въ Парагваѣ было опытомъ осуществить основныя начала Кампанелловой „Утопіи", но въ этомъ надо сомнѣваться.

Литература. *L. Amabile,* Opera IV—X, Napoli 1880—1890 (новыя изслѣдованія и документы о Кампанеллѣ). *C. Sigwart,* Th. Campanella und seine politischen. Idem. 1866, и въ Kleine philosophische Schrifte 2 Aufl.. Freiburg im Breisgau 1889. *E. Gotheim,* Th. Campanella въ «Zeitschrift für Literaturgeschichte» 1894. *G. di Sante,* Le dottrine filosofico-religiose di T. Campanella, Lanciano 1895; *Felici:* Le origion e le cause della riforma secondo T. Campanella, Roma 1897. Проф. *Ив. Ив. Квачала:* Th. Campanella und die Pädagogie Deutsche Schule 1905 и „Посланіе Кампанеллы къ великому князю московскому" (въ „Сборникѣ учено-литер. общества при юрьевскомъ университетѣ" за 1905 г.). [Дальнѣйшія указанія литературы о Кампанеллѣ см., напр., у *P. Mandonnet* въ Dictionnaire de théologie catholique par Vacant et Mangenot II, col. 1443—1447, ср. и *Ianner* у Wetzer und Welte; Kirchenlexikon II^2, Sp. 1774—1777. *Томасъ Кампанелла,* Государство солнца (Civitas solis); переводъ съ латинскаго, съ біографическимъ очеркомъ, примѣчаніями и дополненіями А. Г. Генкеля; съ портретомъ Кампанеллы, Спб. 1907. Проф. *И. И. Квачала,* Ѳома Кампанелла въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія" 1906 г., № 10, стр. 341—356; 1907 г., № 1, стр. 110—125].

Проф. *Ив. Квачала.*

Кампанъ см. „Звонъ" въ „Энц." V, 677—678 и „Колокола" въ „Энц." ниже.

Кампиты см. „Мелетіане".

Кампо-Санто („Святое поле")—итальянское названіе кладбища знатныхъ лицъ особаго устройства. „Кампо-Санто" имѣетъ видъ четырехугольника, окруженнаго закрытыми снаружи и открытыми внутри аркадами. Подъ арками, стѣны которыхъ украшаются скульптурными и живописными изображеніями, помѣщаются гробницы самыхъ богатыхъ и знатныхъ семействъ, а во внутренней части четырехугольника, внѣ арокъ,—могилы лицъ менѣе состоятельныхъ и также со скульптурными памятниками. Самое знаменитое Кампо-Санто находится въ Пизѣ. Оно сооружено въ 1278—83 годахъ Джіованни Пизано въ готическомъ стилѣ. По его образцу построены Кампо-Санто въ Болоньѣ, Генуѣ, Неаполѣ, Миланѣ и нѣкоторыхъ другихъ итальянскихъ городахъ. Постройка Кампо-Санто въ Берлинѣ, начатая Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, не закончена и теперь. Замѣчательны фрески Петра Корнеліуса, предназначавшіяся для этого кладбища.

С. Троицкій.

Камчатская епархія (1840 — 1898 гг.). Вся прибрежная полоса сѣверо-восточной Азіи отъ устья р. Уди до Чукотскаго носа, заключающая въ себѣ удскій край, охотскую область, Камчатку и Гижигинскій округъ съ Чукотскою землей, а также и русскія владѣнія на сѣверо-западномъ берегу Америки, входили до 1840 г. въ составъ иркутской епархіи, а съ 1 декабря 1840 г. они составили новоучрежденную епархію камчатскую, или камчатско-алеутскую, во главѣ съ епископомъ, носившимъ титулъ камчатскаго, курильскаго и алеутскаго. Этотъ титулъ данъ государемъ, а Св. Синодъ предполагалъ именовать епископа сѣверо-американскимъ и камчатскимъ. Епископская каѳедра опредѣлена была въ г. Ново-Архангельскѣ, на о. Ситхѣ, въ мѣстѣ главнаго управленія россійско-американской компаніи. Съ открытіемъ компаніей аянскаго залива была перенесена въ аянскій портъ въ 1844 г. изъ Охотска компанейская факторія, а затѣмъ въ 1849 г. упраздненъ охотскій портъ и управленіе морскими силами перенесено въ Петропавловскъ. Послѣднее стояло въ зависимости отъ совершавшагося тогда присоединенія амурскаго края. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилось два проекта о перенесеніи архіерейской каѳедры и духовной семинаріи изъ Ново-Архангельска въ Аянскъ и въ Петропавловскъ. Первый проектъ возникъ въ 1847 г. по мысли епископа камчатскаго Иннокентія (Веніаминова), второй—въ 1849 г. по мысли генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева. Преосвященный Иннокентій вмѣстѣ съ проектомъ перенесенія архіерейской каѳедры въ Аянскъ проектировалъ и присоединеніе къ камчатской епархіи, ради удобства сообщенія, всей якутской области отъ иркутской епархіи. 4 іюня 1852 г. Св. Синодъ согласился на присоединеніе

якутской области къ камчатской епархіи, а относительно перенесенія каѳедры и семинаріи, въ виду неопредѣленнаго еще тогда положенія центра гражданскагѳ управленія краемъ, предположено было остаться de jure при старомъ, при чемъ de facto архіерею предоставлено проживать, гдѣ и сколько пожелаетъ, въ зависимости отъ нуждъ и удобствъ. Эти постановленія Синода были Высочайше утверждены 26 іюля 1852 г. Въ виду того, что якутская область содержала въ себѣ православнаго населенія свыше 200.000 душъ, а вся остальная часть епархіи только немногимъ болѣе 20.000, преосв. Иннокентій сталъ ходатайствовать о перенесеніи архіерейской каѳедры въ Якутскъ, гдѣ къ тому же было и удобное помѣщеніе—монастырь. Но Св. Синодъ, принявъ во вниманіе, что вся камчатская епархія учреждена въ цѣляхъ миссіи среди обитателей нашего сѣверо-американскаго края и острововъ, отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, позволивъ только преосвященному самому проживать по своему усмотрѣнію, гдѣ и сколько признаетъ лучшимъ. Онъ и проживалъ то въ Якутскѣ, то въ Аянскѣ, то въ Ново-Архангельскѣ.

Въ это время камчатская епархія занимала до 20.000.000 кв. верстъ пространства и имѣла населенія до 250.000 душъ, въ томъ числѣ свыше 225.000 православныхъ и только до 12.000 русскихъ. Остальные принадлежали къ разнымъ народамъ—въ Азіи: якуты, тунгусы, камчадалы, курильцы, ламуты, юкагиры, чуванцы, чукчи, коряки, олюторцы; въ Америкѣ: алеуты, кадьякцы, колоши, кенайцы, чугачи, угаленцы, мѣдновцы, кыльчане, аглегмюты, кускоквимцы, квихпакцы, креолы—отъ браковъ русскихъ съ туземцами и друг. Главную массу населенія составляли якуты—до 180.000, самую малочисленную курильцы—72 души. Владѣнія наши въ Америкѣ представляли особый міръ, якутская область имѣла свой этнографическій обликъ и только Камчатка болѣе или менѣе подходила къ типу русскихъ епархій. Ко всему этому, произошло фактическое присоединеніе обширнаго амурскаго края къ Россіи, и здѣсь, кромѣ появившихся казачьихъ переселенческихъ селеній, мѣстные аборигены—коснѣвшіе въ язычествѣ орочены, манегры, гольды, манчжуры, гиляки, негидальцы, тунгусы—также требовали о себѣ миссіонерскихъ и пастырскихъ заботъ. Послѣ неоднократныхъ ходатайствъ преосв. Иннокентія, Св. Синодъ согласился перенести архіерейскую каѳедру камчатской епархіи изъ Америки въ Азію, сначала, временно, въ Якутскъ, а потомъ, когда будетъ обстроенъ новый край, навсегда на Амуръ, и учредить для отдаленныхъ частей епархіи два викаріатства: якутское и ново-архангельское. Постановленіе Св. Синода получило Высочайшее утвержденіе 11 января 1858 г. Семинарія изъ Ново-Архангельска была перенесена въ Якутскъ и соединена тамъ съ духовнымъ училищемъ. 8 декабря 1858 г. возведенъ былъ на степень города Благовѣщенскъ, лежащій на Амурѣ и избранный для центральнаго управленія амурскимъ краемъ, а 21 декабря состоялось и Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы камчатской архіерейской каѳедрѣ быть въ Благовѣщенскѣ. Преосв. Иннокентій прибылъ въ Благовѣщенскъ 24 мая 1860 г. Въ Благовѣщенскѣ оказался только одинъ священникъ. Объ открытіи тотчасъ же епархіальнаго управленія нельзя было и думать. Продолжало дѣйствовать якутское духовное правленіе, а преосвященный самъ цѣлые 2 года провелъ въ путешествіяхъ, и только съ 1863 г. окончательно обосновался въ Благовѣщенскѣ. Консисторія была открыта 25 октября 1863 г. Съ 10 іюня 1870 г. титулъ епископа былъ измѣненъ: слово алеутскій замѣнено словомъ благовѣщенскій. Преемственный порядокъ архіереевъ камчатскихъ былъ слѣдующій: 1) *Иннокентій* (Веніаминовъ), знаменитый миссіонеръ, впослѣдствіи митрополитъ московскій; хиротонисанъ во епископа камчатскаго 15 декабря 1840 г., въ 1850 г. возведенъ въ архіепископа, 5 января 1868 г. назначенъ митрополитомъ московскимъ, скончался въ 1879 г. („Камчатскія Еп. Вѣд.“ 1897 г., №№ 17 и 18). Обстоятельный очеркъ его жизни и дѣятельности см. въ „Энц.“ V, 963—972). 2) *Веніаминъ* (Благонравовъ), извѣстный ученый и дѣятель, съ 18 марта 1868 г. по 31 марта 1873 г., когда былъ переведенъ въ Иркутскъ (о немъ см. отдѣльный очеркъ и очеркъ иркутской епархіи въ „Энц.“ III, 294—297. V, 1031). 3) *Павелъ* (Поповъ), переведенный 31 марта 1873 г. съ енисейской каѳедры (см. въ

„Энц.“ V, 435); скончался 25 мая 1877 г. 4) *Мартиніанъ* (Михаилъ Муратовскій), назначенъ изъ епископовъ селенгинскихъ, викаріевъ иркутской епархіи, 17 октября 1877 г. (см. въ „Энц.“ V, 1031—1032) и 11 мая 1885 г. переведенъ въ Симферополь, гдѣ и скончался въ 1898 г. 5) *Гурій* (Сергій Буртасовскій), сынъ діакона г. Казани, высшее образованіе получилъ въ казанской академіи, на 4-мъ курсѣ которой (въ 1871 г.) принялъ монашество; потомъ былъ учителемъ иркутской семинаріи, смотрителемъ иркутскаго духовнаго училища, начальникомъ иркутской миссіи (съ 1880 г.), ректоромъ благовѣщенской семинаріи; 22 іюля 1885 г. хиротонисанъ во епископа камчатскаго, 24 октября 1892 г. переведенъ въ Самару, съ 1904 г. святительствуетъ въ Симбирскѣ, гдѣ и скончался 5 января 1907 г. 6) *Макарій* (Дарскій), назначенный 25 октября 1892 г. изъ епископовъ-викаріевъ селенгинскихъ (о немъ см. въ „Энц.“ V, 1032); скончался 7 сентября 1897 г., простудившись при обозрѣніи епархіи. Погребенъ въ каѳедральномъ соборѣ. (См. „Камч. Е. В.“ 1897 г., №№ 18, 20, 23). Онъ былъ заботливымъ архипастыремъ и его кончина была оплакана епархіей. 7) *Евсевій* (Никольскій), назначенный 4 октября 1897 г. изъ епископовъ-викаріевъ киренскихъ (см. „Энц.“ V, 1033 и „Камч. Е. В.“ 1898 г. №№ 1 и 3 и 1899 г. № 9). По Высочайше утвержденному 4 іюня 1898 г. мнѣнію государственнаго совѣта согласно опредѣленію Св. Синода изъ камчатской епархіи образованы двѣ новыя: благовѣщенская [см. „Энц.“ II, 623—634] и владивостокская [см. „Энц.“ III, 533—542]; преосвященный Евсевій перешелъ во Владивостокъ [см. „Энц.“ III, 535—536, гдѣ и портретъ преосв. Евсевія], а камчатская епархія прекратила свое существованіе. Въ епархіи въ разное время были два *викаріатства*: ново-архангельское и якутское.

Ново-архангельское викаріатство учреждено (по опредѣленіямъ Св. Синода 27 ноября и 5 декабря 1857 г., Высочайше утвержденнымъ 11 января 1858 г.) тогда, когда разрѣшено было архіерейскую каѳедру камчатской епархіи перенести изъ Америки въ Азію. Викаріатство было учреждено спеціально для россійскихъ сѣвероамериканскихъ владѣній, для духовнаго управленія которыхъ первоначально была учреждена и самая камчатская епархія. Первымъ ново-архангельскимъ епископомъ, по представленію преосв. Иннокентія, былъ избранъ ректоръ ново-архангельской семинаріи архимандритъ 1) *Петръ* (Ѳеодоръ Екатериновскій), который и былъ хиротонисанъ въ Иркутскѣ двумя архіереями 29 марта 1859 г. Онъ былъ сынъ священника саратовской епархіи, высшее образованіе получилъ въ московской академіи, въ которой и принялъ монашество. По окончаніи академическаго курса въ 1844 г., былъ учителемъ, инспекторомъ и ректоромъ иркутской семинаріи, въ 1857 г. переведенъ въ ново-архангельскую; 9 ноября 1866 г. онъ переименованъ во епископа якутскаго, въ 1867 г. вышелъ на покой, но потомъ былъ епископомъ уфимскимъ, томскимъ, снова вышелъ на покой и скончался членомъ московской синодальной конторы и управляющимъ новоспасскимъ монастыремъ въ Москвѣ 27 мая 1889 г. Послѣ него былъ назначенъ 2) *Павелъ* (Поповъ), переименованный 9 ноября 1866 г. изъ епископовъ-викаріевъ якутскихъ (о немъ см. въ „Энц.“ V, 435).—Въ 1870 г. викаріатство упразднено вслѣдствіе образованія новыхъ сибирскихъ епархій.

Якутское викаріатство учреждено опредѣленіями Св. Синода 27 ноября и 4 декабря 1857 г., Высочайше утвержденными 11 января 1858 г., но условно, съ того времени, когда камчатскій епископъ, проживавшій въ Якутскѣ, получилъ возможность переселиться на новозанятый Амуръ. Это осуществилось только въ 1859 г. и первый викарій якутскій 1) *Павелъ* (Поповъ) былъ хиротонисанъ въ Иркутскѣ только 6 марта 1860 г. Въ 1866 г., 9 ноября, онъ переименованъ во епископа ново-архангельскаго (см. выше). Послѣ него были: 2) *Петръ* (Екатериновскій), переименованный 9 ноября 1866 г. изъ епископовъ-викаріевъ ново-архангельскихъ (см. выше); 3 іюля 1867 года онъ былъ уволенъ на покой.—3) *Діонисій* (Димитрій Васильевичъ Хитровъ), 9 февраля 1868 г. хиротонисанъ во епископа якутскаго, викарія камчатской епархіи, а съ образованіемъ 12 января 1870 г. самостоятельной якутской епархіи назначенъ

епископомъ якутскимъ и вилюйскимъ. Скончался въ 1883 г. въ Уфѣ. О немъ см. отдѣльный очеркъ въ „Энц.“ IV, 1101—1103.

С. Рункевичъ.

Камчатскія Епархіальныя Вѣдомости (1894—1899 г.) стали выходить, при епископѣ камчатскомъ Макаріи, съ 1894 г., по 2 раза въ мѣсяцъ, въ двухъ отдѣлахъ—оффиціальномъ и неоффиціальномъ, по цѣнѣ 6 р. съ пересылкою, при благовѣщенской духовной семинаріи въ г. Благовѣщенскѣ, гдѣ была архіерейская каѳедра камчатской епархіи. Составленіе оффиціальнаго отдѣла поручалось секретарю консисторіи, а редакторомъ „Вѣдомостей“ назначенъ ректоръ семинаріи, протоіерей *Вячеславъ Мстиславскій.* Первый № вышелъ 15 января. Съ 1896 г. редакторомъ былъ преподаватель семинаріи *П. Верещагинъ.* На № 9 въ 1899 г. „Вѣдомости“ окончили свое существованіе, будучи переименованы въ „Благовѣщенскія“. Изъ помѣщенныхъ въ „Камч. Е. В.“ статей можно отмѣтить: матеріалы для исторіи камчатской епархіи (1894 и 1895 гг.), миссія на Амурѣ (1896 г.), религіозно-обрядовый бытъ переселенцевъ зазейскаго края (1896 и 1897 гг.), камчатская духовная миссія (1895 г.), очерки о сектантахъ и раскольникахъ и миссіи среди нихъ (1894—1899 гг.), большая статья о благотворительности въ древней христіанской церкви (1894 и 1895 гг.) и роли въ этомъ дѣлѣ пастыря церкви.

С. Рункевичъ.

Камышловское духовное училище, екатеринбургской епархіи, см. „Энц.“ V, 350.

Камышъ и тростникъ. Растенія, обозначаемыя этими названіями, во многомъ сходны между собою. Поэтому они въ Библіи, при ихъ наименованіи, строго не различаются, нерѣдко смѣшиваются и даже отожествляются. Чтобы разграничить эти растенія, насколько возможно, и получить болѣе или менѣе ясное представленіе о различіи между ними, ихъ удобнѣе обозрѣть вмѣстѣ, въ одной статьѣ.

I) *Камышъ* (Arundo donax Linn.), о которомъ упоминается въ библейскомъ текстѣ, принадлежитъ къ семейству злаковъ, къ роду тростниковъ [1]). Выходящіе изъ узловатаго, горизонтально лежащаго, корня въ большомъ количествѣ и густо стоящіе колѣнчатые стебли камыша достигаютъ въ высоту до 5 — 7 аршинъ, въ толщину имѣютъ до $^1/_2$ вершка; они покрыты, какъ и у всѣхъ злаковъ, узкими длинными листьями и заканчиваются крупною цвѣтною метелкой, распадающеюся на многочисленные колосья. Камышъ росъ и доселѣ растетъ въ Египтѣ; но родина его — преимущественно теплыя страны Азіи, откуда онъ чрезъ Карію и острова Средиземнаго моря—Кипръ и Критъ—проникъ въ южныя страны Европы. Въ Палестинѣ камышъ—распространенное растеніе и въ древности, и въ настоящее время. Для своего произрастанія камышъ нуждается, подобно другимъ болотнымъ растеніямъ, въ постоянной и обильной влагѣ. Поэтому библейскими писателями было замѣчено, что камышъ засыхалъ и исчезалъ, какъ скоро изсякалъ,—вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ причинъ,—потокъ, его питавшій (Иса. **19**, 6). Изъ камыша евреи приготовляли жезлы или трости, уступавшіе, впрочемъ, деревяннымъ въ прочности (Иса. **36**, 6. **42**, 3. Іезек. **29**, 6. 7). Камышевую трость (κάλαμος), вмѣсто скипетра, дали въ правую руку Христу воины, насмѣхавшіеся надъ нимъ (Мѳ. **27**, 29. 30. Мрк. **15**, 19); на камышевую трость была наложена губка, напоенная уксусомъ и поднесенная къ устамъ распятаго на крестѣ Спасителя (Мѳ. **27**, 48. Мрк. **15**, 36). Изъ камыша были приготовлены линейныя мѣры — трости измѣренія (Іезек. **40**, 3, сля. Апок. **11**, 1). Вообще, камышъ какъ въ древности имѣлъ, такъ и въ настоящее время имѣетъ многоразличное практическое примѣненіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произрасталъ и произрастаетъ (такъ, камышевыя трости въ Италіи издавна употребляются въ качествѣ подпорокъ для виноградныхъ лозъ). Поэтому ка-

---

[1]) Камышомъ и тростникомъ часто называютъ и ситовникъ (Scirpus lacustris Linn.) изъ семейства осоковыхъ или ситниковыхъ (Cyperaceae). См. *Маевскій,* Флора средней Россіи, стр. 480—481; *Страсбургеръ,* Учебникъ ботаники (2-е изд., Москва 1904), стр. 526.

мышъ искусственно разводится теперь, какъ и прежде,—при томъ иногда даже на сухихъ поляхъ,—и причисляется къ культурнымъ растеніямъ.—Слѣдуетъ замѣтить, что камышъ, только что описанный, представляетъ собою нѣчто совершенно отличное отъ того, такъ называемаго, камыша, который употребляется у насъ въ обыденной жизни, при заготовкѣ, напр., извѣстныхъ сортовъ мебели, построеніи нѣкоторыхъ частей одежды. Послѣдняго сорта камышъ есть продуктъ одного деревянистаго растенія, принадлежащаго къ семейству пальмъ (Palmae).

II. *Тростникъ* (Arundo phragmites Linn., Phragmites communis Trin.) слѣдуетъ отличать отъ камыша. Правда, тростникъ тоже принадлежитъ къ злакамъ и имѣетъ съ камышомъ, по внѣшнему виду, большое сходство; но стебель тростника значительно ниже, тоньше, гораздо менѣе твердъ и проченъ, нежели у камыша; поэтому тростникъ никогда не могъ имѣть такого обширнаго практическаго примѣненія, какъ камышъ; отсюда естественно, что ничего не извѣстно объ опытахъ его культуры. Тростникъ встрѣчается всюду въ сырыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ. Онъ всегда обильно произрасталъ и въ Палестинѣ, вокругъ озеръ, особенно Меромскаго, и по берегамъ нѣкоторыхъ рѣчекъ и потоковъ. Въ Библіи нерѣдко упоминается о тростникѣ, такъ, напр., говорится, что въ чащахъ тростника обитаютъ животныя, при томъ очень крупныя (Пс. **67**, 31. Іов. **40**, 16), что высокій, но сравнительно тонкій тростникъ сильно колеблется при незначительномъ даже вѣтрѣ (3 Цар. **14**, 15. Мѳ. **11**, 7. Лук. **7**, 24), что тростникъ немедленно начинаетъ произрастать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появляются воды и долго не пересыхаютъ (Иса. **35**, 6. 7). Впрочемъ, вѣроятнѣе всего, что въ приведенныхъ мѣстахъ одинаково разумѣются какъ тростникъ, такъ и камышъ.

Кромѣ тростника обыкновеннаго, Библія называетъ еще тростникъ благовонный (*аиръ*: П. Пѣсн. **4**, 14) и тростникъ писчій. 1) *Тростникъ благовонный* (Acorus Calamus Linn.) принадлежитъ къ семейству Aráceae. Корневище этого растенія, узловатое и довольно объемистое, лежитъ подъ землею горизонтально, имѣетъ пряный запахъ и острый горьковатый вкусъ; листья, пучками выходящіе изъ корня, при основаніи плотно, полукругомъ, облегаютъ другъ друга, затѣмъ расходятся; они узки, длинны, вообще похожи на листья тростника, издаютъ сильное благоуханіе; съ боку изъ листьевъ, еще не разошедшихся, выходитъ стебель, несущій зеленоватое соцвѣтіе, при чемъ верхняя половина стебля, значительно утолщенная, покрыта множествомъ мелкихъ цвѣтовъ, столь плотно сидящихъ, что, при бѣгломъ взглядѣ, цвѣтки представляютъ собою сплошную поверхность, кажутся однимъ большимъ цвѣткомъ, имѣющимъ форму початка (къ порядку початкуцвѣтныхъ, Spadiciflorae, принадлежатъ растенія, очень различныя по внѣшности и сходныя лишь по устройству соцвѣтія). Родина тростника благовоннаго — южная Азія, преимущественно Индія; впрочемъ, растеніе это было заносимо, между прочимъ, въ Палестину, Европу; его и теперь можно встрѣтить, въ одичавшемъ состояніи, какъ въ св. Землѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ. Въ Библіи, именно въ Исх. **30**, 23, благовонный тростникъ названъ, какъ составная часть священнаго мvра; у Иса. **43**, 24 и Іерем. **6**, 20—какъ составная часть куренія, доставляемая изъ далекихъ странъ; у Іезек. **27**, 19—какъ предметъ торговли, привозимый южными арабами на тирскій рынокъ, наконецъ, въ П. Пѣсн. **4**, 14 — какъ благовонное растеніе, разводимое въ садахъ. 2) *Тростникъ писчій* (Arundo scriptorum, κάλαμος)—особый видъ тростника со стеблемъ, заполненнымъ внутри мягкою сердцевиной; изъ него приготовляли трости, которыми въ древности, вмѣсто современныхъ перьевъ, начертывали письмена на мягкомъ матеріалѣ. Писчій тростникъ произрасталъ въ Египтѣ, затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на Евфратѣ и въ Каріи, въ окрестностяхъ Книда (см. „Книдъ"). Стебли писчаго тростника размягчали, снова засушивали, разрѣзывали и нарѣзанныя трости приспособляли къ письму — чинили съ помощію писчаго ножичка (Іерем. **36**, 23). Писчій тростникъ, начиная съ XVII в. по р. Хр., былъ мало-по-малу вытѣсненъ изъ Европы перьями; на азіатскомъ же востокѣ онъ находится въ употребленіи и въ настоящее время. Писчія трости прямо на-

званы 3 Мак. **4**, 15. 3 Іоан. 15, затѣмъ подразумѣваются Іер. **36**, 23.

Всѣ вышепоименованныя растенія евреи называли, вслѣдствіе ихъ сходства между собою, однимъ и тѣмъ же словомъ *kaneh* (*kaneh* отъ *kanah* прямо, правильно стоять); исключеніе составляетъ *тростникъ писчій*: онъ не имѣетъ еврейскаго названія, потому что о немъ въ еврейскомъ текстѣ Библіи прямо нигдѣ не упоминается. Правда, въ Псал. **44**, 2, по русскому переводу, мы читаемъ о трости книжника скорописца; но въ еврейскомъ подлинникѣ этого псалма русскому слову *трость* (греч. κάλαμος) соотвѣтствуетъ реченіе *ét*, которымъ обозначали металлическій грифель—орудіе, употреблявшееся для начертанія письменъ на твердомъ матеріалѣ—глиняныхъ дощечкахъ, камняхъ. Слово *kanah* (тростникъ) евреи употребляли, какъ имя собственное, для обозначенія потоковъ и городовъ (І. Нав. **16**, 8. **17**, 9. **18**, 28). Еврейское *kaneh* перешло въ языки греческій и латинскій. Словами *кане, канна* (κάνη, κάννα) греки называли камышъ; у римлянъ словами *канна, кана* (canna, cana—отсюда—canalis) былъ обозначаемъ тростникъ, въ отличіе отъ камыша—arundo.

Наименованіе „kaneh" въ русск. (синод.) переводѣ Библіи передано словами *камышъ, тростникъ*. Но этими словами переведены и другія еврейскія реченія, именно: „агмонъ", „суфъ", „аху", „гоме". Сдѣлаемъ, въ дополненіе къ сказанному, нѣсколько краткихъ замѣчаній объ этихъ реченіяхъ. а) *Агмонъ* (*'agmon* отъ *'agam* — болото, прудъ) значитъ вообще болотное растеніе. Это реченіе передано въ русскомъ переводѣ словомъ *тростникъ* у Иса. **9**, 14. **19**, 15, **58**, 5; а у Иса. **35**, 7—*камышъ*. б) *Суфъ* (*suph*)—водоросль, морская трава. Слову этому соотвѣтствуетъ въ русскомъ пер. у Іон. **2**, 6 выраженіе *морская трава*; а у Иса. **19**, 6 и въ Исх. **2**, 3. 5—реченіе *тростникъ*. в) *Аху* ('achu)—слово египетское, трижды употребленное въ еврейскомъ текстѣ Библіи, при чемъ имъ обозначены—„трава, растущая на берегу Нила, нильская трава", употребляемая въ пищу крупнымъ рогатымъ скотомъ (Быт. **41**, 2 и 18), затѣмъ—вообще „болотная зелень, болотное растеніе" (Іов. **8**, 11); въ первыхъ двухъ случаяхъ *аху* въ русск. пер.—тростникъ, въ послѣднемъ—камышъ. г) *Гоме* (home'), значащее папирусъ (см. „Папирусъ"), у Іов. **8**, 11—тростникъ.

Изъ вышеизложеннаго, между прочимъ, видно, что древніе евреи имѣли нѣсколько различныхъ наименованій для обозначенія болотныхъ растеній; но наименованія эти указываютъ лишь на признаки, общіе или всѣмъ названнымъ растеніямъ или большей ихъ части, напр., на ихъ произрастаніе въ болотистыхъ, вообще сырыхъ мѣстностяхъ, на очень прямой и очень стройный стебель многихъ изъ нихъ. Отсюда можно заключить, что древніе евреи не имѣли и не находили нужнымъ имѣть отчетливыхъ точныхъ понятій о различныхъ родахъ и видахъ болотныхъ растеній, но довольствовались самыми общими и неопредѣленными представленіями о болотной растительности. Эта неопредѣленность отразилась по необходимости и на перев. Библіи,—между прочимъ, на переводѣ LXX (чрезъ него и на славянскомъ) и вообще на греческихъ переводахъ, Вульгатѣ и русскомъ (синодск.); въ послѣднемъ, какъ мы видѣли, одно и то же еврейское слово переводится различными словами (*кане*—камышъ, тростникъ,—аиръ) и, наоборотъ, различныя наименованія—однимъ и тѣмъ же реченіемъ (кане, агмонъ, суфъ, гоме—-тростникъ). Ясно, что переводчики въ указанныхъ случаяхъ вынуждены были руководствоваться болѣе или менѣе вѣроятными соображеніями.

См. *Разумовскій*, Обозрѣніе растеній, упоминаемыхъ въ Свящ. Писаніи, Москва 1871, стр. 52—57; *Брокгаузъ* и *Ефронъ*, „Энциклопедическій Словарь" XIV, 1, стр. 233—234; *Keil* и *Delitzsch*, Commentar II, 1 (Lpzg.[2] 1869), S. 168, Anm. 1; IV, 2, 1864, S. 88, Anm. 1; *Riehm*, HW[2] I, S. 826; II, S. 1417—1420; *Viktor Hehn*, Kulturpflanzen und Hausthiere, Berlin 1902, S. 303—307; *Guthe*, KBW., 1903, S. 352. 552. 584.

Прот. *Н. Елеонскій.*

Кана (kanah — „тростникъ, камышъ, мѣсто тростника"; Κανά, Χελκανά, Καρανά, Κανθάν; vallis arundineti, Cana, Кана́).

І) Городъ въ колѣнѣ Завулоновомъ, называемый Галилейскимъ для отличія отъ Каны въ предѣлахъ Тирскихъ, въ колѣнѣ Асировомъ. Здѣсь въ Канѣ Галилейской на бракѣ Господь претворилъ воду въ вино

(Ін. **2**, 1, 11); отсюда происходилъ Наѳанаилъ (Ін. **21**, 2); здѣсь же Господь заочно исцѣлилъ сына одного царедворца изъ Капернаума (Ін. **4**, 46). І. Флавій упоминаетъ о Канѣ, какъ мѣстѣ временнаго своего пребыванія („Жизнь", 16), какъ о мѣстѣ, куда убѣжали части войска Антіоха II (262—246 г. до р. Хр.), разбитаго аравитянами („Древн." 13 кн. **15**, 1; „о войнѣ" 1 кн. **4**, 7), наконецъ, какъ о временномъ лагерѣ Ирода великаго („О войнѣ іуд." **1**, 17 : 5).

Мѣсто этого города съ точностію не опредѣлено. Кану указываютъ теперь въ Kanet el Dschelil, — мѣстности, находящейся въ трехъ часахъ пути къ сѣверу отъ Назарета, на пути изъ Акры въ Назаретъ, между Іотапатой и Сепфоридой. Крестоносцы (съ Зевульфа 1102 г.) находили Кану въ нынѣшнемъ hirbet Kana, развалинахъ въ 8 километр. ($7^1/_2$ верстахъ) къ сѣверу отъ Seffurije. Имя Kana el Dschelil (Кана Галилейская) слышалъ Робинсонъ (Palästina III, 432, 444) въ Назаретѣ отъ одного христіанина, а Вильсонъ (Мет. I, 287) близъ указываемаго мѣста отъ одного пастуха.

Объ этой же Канѣ говоритъ игуменъ Даніилъ, путешествовавшій къ св. мѣстамъ (XII в.): „отъ Назарета до Кана Галилейска 7 верстъ. Кана Галилея же есть село на людскомъ пути. И ту обрѣтохомъ дружину добру и многу, идущу въ Акру"... Жители въ Kanet el Dschelil доселѣ употребляютъ водоносы; показываютъ здѣсь и мѣсто, гдѣ, по предположенію, происходилъ бракъ. Антонинъ изъ Пьяченцы (570 г.) указываетъ другое мѣсто для Каны въ Kefr Kenna, — селеніи, находящемся въ 3 римскихъ миляхъ (немного менѣе 4 верстъ) на пути изъ Діокезаріи въ Назаретъ, а нынѣ представляющемъ собою красиво расположенную деревню съ каменными домами, прекраснымъ источникомъ и хорошими садами. Это мнѣніе о Kefr Kenna, какъ мѣстѣ Каны Галилейской, съ XVI в. было значительно распространеннымъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ католическихъ назаретскихъ монаховъ, которымъ хотѣлось имѣть Кану ближе къ Назарету, чѣмъ та— Галилейская. У нихъ въ церкви находятся двѣ массивныя купели, высѣченныя изъ камня, которыя они выдаютъ за евангельскіе водоносы, и въ которыхъ совершаютъ крещеніе. Теперь болѣе склоняются къ первой изъ указанныхъ мѣстностей, Kana el Dschelil, какъ мѣсту упоминаемой въ Евангеліи Каны Галилейской, проф. (*А. А. Олесницкій*, Св. Земля II, стр. 413—414).

II) Кана — городъ на границѣ колѣна Асирова (І. Нав. **19**, 28), вѣроятно, Kana, большое селеніе въ 12 килом. ($11^1/_4$ верстъ) къ юго-вост. отъ Тира, на пути къ Сафету. Нѣкоторые полагаютъ, что городъ этотъ долженъ быть сѣвернѣе, ниже Сидона. Въ „Ономастикѣ" Евсевія (P. de Lagarde 271; 110) этотъ городъ ошибочно отожествляется съ вышеуказанною Каной Галилейской (*Keil.* и *Del.* на Нав., S. 157).

См. статьи: въ Kurzes Bibelwört. *H. Guthe* [у *Hastings*'а, *Cheyne, Vigouroux*; *I. Hastings*, A. Dictionary of Christ and the Gospels, Edinburgh 1906, p. 267: Rev. *Arthur W. Cooke*]; въ Kirchl. Handlex. *Meusel*'я; въ „Опытѣ библейск. словар. † о. *П. Ѳ. Солярскаго*.

Свящ. *И. Богоявленскій.*

Кана—потокъ; онъ служилъ въ древности границею между колѣномъ Ефремовымъ и полуколѣномъ Манассіинымъ (І. Нав. **16**, 8; **17**, 9). Раумеръ полагаетъ, что Кана— теперешній Ф а л а н к ъ (Falaik, Falik), берущій начало въ горахъ Ефремовыхъ, направляющійся съ востока на западъ чрезъ Саронскую равнину и впадающій въ Средиземное море на половинѣ пути между Кесаріею и Яффой. Потокъ поддерживается, въ своихъ низовьяхъ, болотами и озерами, находящимися на прибрежной равнинѣ. Библейское названіе потока „Нахалъ-Кана" значитъ „тростниковый потокъ"; поэтому можно думать, что въ древности въ его окрестностяхъ имѣли мѣсто тростниковыя чащи. — Слѣдуетъ замѣтить, что на современныхъ картахъ Палестины именемъ „Кана" названъ не одинъ и тотъ же потокъ. У Рима, напр., этимъ именемъ обозначенъ на картѣ потокъ, впадающій въ Средиземное море сѣвернѣе Фаланка и нынѣ извѣстный подъ именемъ И с к а н д е р у н е (Iskanderune).

См. *Robinson*, Physische Geographie des Heiligen Landes (Lpzg. 1865), S. 106—107; *Raumer*, Palästina, 4 Aufl., S. 51: Karte

von Palästina; *Schenkel*, BL. III, S. 480; *Riehm*, HW.[2] I, S. 80: Karte von Palästina.

Прот. *Н. Елеонскій.*

Канада (Dominion of Canada) — федеральный союзъ провинцій и территорій, включающій всѣ британскія владѣнія въ сѣверной Америкѣ, кромѣ Ньюфаунленда, Вестъ-индскихъ колоній и Бализи. Канада занимаетъ территорію въ 8.588.853 квадратныхъ километровъ (около 10 милл. квадр. верстъ) съ населеніемъ болѣе пяти милліоновъ.

Открытая европейцами въ 1497 году, Канада съ 1506 года принадлежала Франціи и въ 1674 г. получила свое собственное правительство (conseil souverain), состоявшее изъ губернатора, папскаго викарія и четырехъ совѣтниковъ. Власть находилась въ рукахъ католическаго дворянства и духовенства,—и управленіе страною велось въ нетерпимомъ католическомъ духѣ. Орденъ іезуитовъ пользовался громаднымъ вліяніемъ на всѣ государственныя дѣла, католическая религія была объявлена исключительно господствующею; даже книгопечатаніе было запрещено. Въ широкихъ размѣрахъ была организована миссія среди индійскихъ общинъ; вездѣ были основаны католическіе монастыри и школы. Особенно замѣчательна миссіонерская дѣятельность іезуитовъ,—и повѣсть объ ихъ изумительномъ безстрашіи и самоотверженіи среди кровожадныхъ дикарей составляетъ поучительную страницу въ исторіи христіанскаго миссіонерства. Постоянный антагонизмъ Канады съ англійскими колоніями въ сѣверной Америкѣ, проникнутыми пуританскимъ республиканскимъ духомъ, привелъ къ войнѣ, окончившейся парижскимъ миромъ 10 февраля 1763 года, подчинившимъ Канаду Англіи. Уже въ слѣдующемъ году начались притѣсненія католиковъ англійскимъ правительствомъ. Всѣ католики были устранены отъ государственной службы и высшія должности были переданы англійскимъ придворнымъ; въ Канадѣ были введены англійскіе законы противъ католиковъ. Недовольство населенія Канады заставило англійскій парламентъ дать въ 1774 г. такъ наз. Квебекскій актъ, обезпечившій Канадѣ свободу вѣроисповѣданія, возвратившій католическому духовенству прежніе доходы и возстановившій старое гражданское право. Во главѣ управленія Канадою сталъ законодательный совѣтъ изъ 23 членовъ. Эти реформы настолько удовлетворили населеніе Канады, что всѣ попытки присоединить Канаду къ Соединенымъ штатамъ не встрѣтили сочувствія въ большинствѣ населенія, и Канада до сихъ поръ остается вѣрною британской коронѣ. Религіозная свобода въ Канадѣ существуетъ доселѣ, и государственной церкви здѣсь нѣтъ. Число жителей по вѣроисповѣданіямъ въ 1891 году распредѣлялось такъ:

Католиковъ	1.990.465.	[по друг. даннымъ	2.229.600]
Англиканъ, методистовъ, пресвитеріанъ и др.	2.550.523	[англиканъ	680.620]
		[пресвитеріанъ	842.442]
		[методистовъ	916.886]
Лютеранъ	63.979		
Конгрегаціоналистовъ	28.155		
Разныхъ религій	133.406		
Неизвѣстно какой религіи	33.983		
Всего	4.832.679.		

Католическая церковь управляется кардиналомъ, 5 архіепископами и 18 епископами, англиканская—19 епископами, пресвитеріанская—ежегодно собирающимся синодомъ, методисты имѣютъ до двухъ тысячъ пасторовъ, баптисты — до пятисотъ. Во всѣхъ провинціяхъ, кромѣ Новаго Брауншвейга, первоначальное образованіе обязательно. Въ Онтаріо, Квебекѣ и сѣв.-зап. территоріи для католиковъ существуютъ отдѣльныя школы; въ другихъ провинціяхъ школы общія для всѣхъ вѣроисповѣданій. Всѣ главныя секты имѣютъ свои среднія и высшія учебныя заведенія.

Съ теченіемъ времени миссіонерская дѣятельность въ Канадѣ не расширяется, а сокращается вслѣдствіе вымиранія краснокожихъ. Осѣвшіе въ провинціи Квебекъ краснокожіе, извѣстные подъ общимъ именемъ ирокезовъ, обращены въ христіан-

ство еще во времена французскаго владычества. Между индійцами Верхней Канады (провинція Онтаріо) съ 1791 года трудится евангелическая миссія, но съ незначительнымъ успѣхомъ. Гораздо бо́льшимъ успѣхомъ пользуется миссія методистовъ, имѣющая двадцать миссіонерскихъ становъ на берегахъ озеръ Гуронъ, Онтаріо и Эри. Начало миссіи методистовъ относится къ 1820 году. [Среди славянскихъ поселенцовъ Канады теперь немало и православныхъ, которые находятся подъ духовнымъ попечительствомъ русскаго епископа сѣверо-американскаго; для удовлетворенія ихъ религіозныхъ нуждъ обыкновенно посылаются православные священники изъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатовъ (напр., изъ г. Миннеаполиса), но нынѣ постепенно организуются въ Канадѣ постоянные православные приходы съ мѣстными причтами].

Литература. *Brasseur de Bourbourg,* Histoire du Canada (Paris 1852); *Sagard-Théodat,* Histoire du Canada (2-е изд., Paris 1865—66); *Tuttle,* History of Canada (Boston 1878); *Garneau,* Histoire du Canada (Monreal 1883), *Deut,* The Last Forthy Jears, or Canada since the Union of 1841 (Toronto 1883); [A. Fournet y Vacant et Mangenot, Dictionnaire de théologie cotholique I, col. 1453—1505]. Проф. *А. И. Воейковъ* въ «Энцикл. Словарѣ» *Брокг. и Ефрона* 27, 235—243; † проф. *Ал. П. Лопухинъ,* Римскій католицизмъ въ Америкѣ, 58—112. *П. Г. Мижуевъ,* Очеркъ исторіи и современнаго состоянія Канады, изд. Г. Ѳ. Львовича (Спб. 1905).

С. Троицкій.

Кандакія (Κανδάκη; Candaces; Кандакіа): Дѣян. **8**, 27.—Царица Еѳіопіи или Мероэ, государства, находившагося въ древней Еѳіопіи, въ Африкѣ, къ югу отъ Египта. Во времена римлянъ еѳіопское государство простиралось большею частію до Сіены, а иногда и далѣе Ѳивъ. Имя Канданіи было общимъ названіемъ царицъ еѳіопскихъ (Плиній, Н. № 6, 35; Діонъ Кассій кн. 5); со временъ Александра в. до временъ Евсевія кессар. тамъ много было царицъ съ этимъ именемъ. Есть основаніе думать, что эта страна до извѣстной степени была обращена въ іудейство іудеями, проникшими въ нее изъ Египта во времена Псамметиха. Въ Новомъ Завѣтѣ упоминается евнухъ одной изъ этихъ царицъ Кандакій, занимавшій у нея высокое положеніе казначея (о сокровищницѣ еѳіопской см. Иса. **45**, 14). Евнухъ этотъ былъ іудейскимъ прозелитомъ и посѣщалъ Іерусалимъ для поклоненія. На обратномъ пути онъ встрѣтилъ Ап. Филиппа, который обратилъ евнуха въ христіанство (Дѣян. **8**, 27 — 39). Возвратившись въ отечество, евнухъ,—по словамъ Евсевія (Ц. И. **2**, 1),—первый проповѣдывалъ тамъ познаніе о Богѣ и І. Христѣ. Евсевій (ibid.) и св. Ириней (Прот. ер. **3**, 12) говорятъ, что онъ обратилъ въ христіанство всю страну. Еѳіопское преданіе даетъ евнуху имя Индиха.

См. статьи въ Kurz. Bibelwörtb. *H. Guthe;* [у *Hastings'a, Cheyne, Vigouroux*]; въ „Опыт. библ. слов.“ † о. *П. Ѳ. Солярскаго;* Жизнь и труды Ап. Павла *Фаррара,* стр. 181.

Свящ. *И. Богоявленскій.*

Кандидіанъ или Кантидіанъ, св. мученикъ египетскій, неизвѣстнаго времени. Вмѣстѣ съ Кандидіемъ онъ побитъ камнями. *Память его 5 августа.*

См. АА. SS. Boll. 5 августа II, 72; Макар. Ч. Минея (одно имя Катидіянъ, Quotidianus?).

Хр. Л—въ.

Кандидій, *Кантидій* или *Катидій,* св. мученикъ египетскій, неизвѣстнаго времени. Вмѣстѣ съ Кандидіаномъ онъ побитъ камнями. *Память его 5 августа.*

Хр. Л—въ.

Кандія см. „Критъ“.

Кандидъ, св. мученикъ севастійскій, IV столѣтія. Это одинъ изъ 40 мучениковъ, пострадавшихъ въ царствованіе имп. Ликинія въ 320 году. См. „Іоаннъ“. *Память его 9 марта.*

Хр. Л—въ.

Кандидъ, св. мученикъ трапезунтскій, III—IV столѣтія. Вмѣстѣ съ Валеріаномъ, Акилою и Евгеніемъ онъ пострадалъ въ царствованіе имп. Діоклитіана. *Память его 21 января.*

Хр. Л—въ.

Кандило (латин. candela), наша лампада,—сосудъ съ возжигаемымъ въ немъ во время богослуженія елеемъ, деревяннымъ масломъ. Въ такомъ значеніи употребляется данное слово въ греческихъ и славянскихъ литургическихъ памятникахъ. Такъ, въ чинѣ елеосвященія по евхологію лавры преподобнаго Аѳанасія аѳонскаго № 189 XIII в. читаемъ: „потомъ (послѣ чтенія символа вѣры) предстоятель вливаетъ въ кандило елей" (проф. *А. А. Дмитріевскій*, Описаніе литургическихъ рукописей II, стр. 185; ср. рукоп. Синайской библ. XIV в. № 965 и 994. ibid., стр. 320. 323). „Параекклисіархъ,—говорится въ изложеніи полунощницы по рукописи Московской Синодальной библ. XIII в. № 381,—заперевъ двери въ притворъ, зажигаетъ кандила" († проф. *И. Д. Мансветовъ*, Церковный уставъ, стр. 204). Въ томъ же духѣ высказывается и славянскій уставъ. „На бдѣніи всенощномъ, — замѣчается въ послѣдованіи на 26-е сентября,—іерей помазуетъ отъ кандила святымъ елеемъ крестообразно себе и братію". „Дается святый елей братіи отъ кандила Предтечева", говорится въ послѣдованіи на 29-е августа. Изъ болѣе раннихъ памятниковъ о кандилѣ упоминаютъ сочиненіе Епифанія кипрскаго объ ересеяхъ (ер. 68) и составленное Кирилломъ скиѳопольскимъ житіе Евѳимія (*Suicerus*, Thesaurus ecclesiasticus, II, подъ даннымъ словомъ). Употребляемыя для освѣщенія, кандила развѣшивались или отдѣльно на укрѣпленныхъ въ сводъ церкви цѣпяхъ, снурахъ и т. п. († *П. И. Савваитовъ*, Путешествіе Антонія новгородскаго, стр. 72), или же подвѣшивались къ такъ называемымъ хоросамъ,—кругамъ.

Свящ. *А. Петровскій.*

Кандорскій Иванъ Михайловичъ, протоіерей, духовный писатель конца XVIII и начала XIX столѣтія. Первоначально Кандорскій былъ священникомъ Никитской, за Яузою, церкви въ Москвѣ, а потомъ Варваринской, что на Варваркѣ, церкви; въ санъ протоіерея возведенъ 1 мая 1810 г. Его перу принадлежитъ нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій назидательнаго характера, свидѣтельствующихъ о большой духовной ревности К. Изъ нихъ извѣстны: 1) „Образованіе духа и сердца въ непрестанномъ богомысліи", М. 1799; 2) „Благоговѣйный зритель природы, или утреннія, полуденныя, вечернія и нощныя размышленія славнаго Гервея", перев. съ франц., М. 1800, изд. 2-е 1822 г.; 3) „Жертва величію Божію, или умиленныя мысли о дѣлахъ его", въ 4-хъ ч., М. 1801—1802; 4) „Духъ, или избранныя мысли изъ душеспасительныхъ поученій московскаго митрополита Платона", въ 2-хъ ч., М. 1804, 2-е изд. 1823; 5) „Вѣра честнаго человѣка, самымъ сильнымъ образомъ отражающая противниковъ христіанства", перев. съ франц., М. 1803; 6) „Литтеральное и нравственное изъясненіе молитвы Господней: Отче нашъ", М. 1806; 7) „Чадолюбецъ, размышляющій о нравственномъ поврежденіи и исправленіи дѣтей своихъ, сообразно 1) съ примѣрами живаго опыта, 2) съ правилами здраваго разсудка и 3) особенно съ евангельскою притчею о блудномъ сынѣ", М. 1807; 8) „Благодарственная рѣчь Платону, митроп. московскому, говор. въ Виѳаніи церкви св. великом. Варвары протоіереемъ Ив. К—мъ по произведеніи его въ сіе достоинство", М. 1810; 9) „Вольнодумецъ, убѣждаемый: въ несправедливости его разсужденій, въ истинѣ безсмертія души и въ любви Евангельской Вѣры, съ особенными историческими, философическими и нравственными примѣчаніями", М. 1811; 10) „Нравственный пластырь для такъ называющихся старообрядцевъ, или доброжелательное посланіе отъ нѣкоего ревнителя по благочестіи св-я Грекоросс-ія церкви Христовы къ наставнику Ѳеодосіевскаго согласія при воззрѣніи на послѣдняя: то есть 1-е на приближающійся часъ смертный, 2-е на будущій страшный судъ и 3-е на неумытное дѣлъ нашихъ мздовоздаяніе", М. 1811.

Литература. *Геннади*, Справоч. словарь II, 99—100; Русск. Біограф. Словарь „Иб—Кл.", 445—446, † архіеп. *Филаретъ*, Обзоръ русск. д. лит. II, 419—420.

А. К—въ.

Кандорскій Илья Михайловичъ, священникъ московской Покровской, что въ Кудринѣ, церкви, извѣстенъ, какъ писатель

и переводчикъ религіозно-нравственныхъ книгъ, жилъ въ XVIII в. Ему принадлежатъ: 1) „Христіанинъ, здраво разсуждающій о презрѣніи суетъ мірскихъ“, съ кат. 3 ч., М. 1795; 2) „Сердечныя чувствованія, излитыя отъ отца къ сыну при послѣднихъ часахъ жизни“, М. 1798; 3) „Духовное единеніе, служащее къ возстановленію для христіанина добрыхъ его правилъ“, перев. съ иностраннаго Илья Михайловъ, М. 1799; 4) посвященное имп. Маріи Θеодоровнѣ сочиненіе: „Миръ души, проистекающій изъ соблюденія мира съ Богомъ, съ самими собою и съ ближними“, ч. I, М. 1802 (въ „Русск. Біогр. Слов.“ ошибочно приписано прот. Іоанну К—у).

Литература. *Геннади*, Справочн. словарь II, 100; Русск. Біограф. Словарь „Иб—Кл.“, 446; † архіеп. *Филаретъ*, Обзоръ р. дух. лит. II, 387.

А. К—въ.

Канивецкій Епифаній, епископъ воронежскій. К. родился въ 1750 г., по происхожденію малороссіянинъ; образованіе получилъ въ кіевской Дух. Академіи, потомъ былъ учителемъ въ переяславльской и новгородской семинаріяхъ. Въ 1806 г. К. былъ перемѣщенъ въ Александроневскую (с.-петербургскую) Академію на классъ герменевтики и церковной исторіи; въ 1807 г. произведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ виленскаго Свято-Духова монастыря; въ 1808 г. опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ богословія въ казанскую Академію и переведенъ въ казанскій Спасо-Преображенскій монастырь. 26 марта 1816 г. К. былъ назначенъ на воронежскую каѳедру и рукоположенъ въ епископа [„Энц.“ III, 844] здѣсь онъ и оставался до самой смерти—24 мая 1825 г.— К. принадлежатъ: „Слово на день св. Іоанна Златоустаго ноября 13: Объ обязанностяхъ наставника“, СПб. 1807; „Слово на день тезоименитства имп. Маріи Θеодоровны и в. к. Маріи Павловны“, СПб. 1807; „О благотворномъ вліяніи св. вѣры на людей“, СПб. 1807. (V).

Литература. † проф. *И. А. Чистовичъ*, Ист. Спб. Академіи, 138; *Геннади*, Справоч. словарь I, 344; † архіеп. *Филаретъ*, Обзоръ р. дух. лит. II, 431.

А. К—въ.

Канизій Петръ. Это былъ первый нѣмецкій іезуитъ, учредитель іезуитскаго ордена въ Германіи, Австріи и Швейцаріи, „обратная сторона Лютера“, какъ его называли почитатели-католики, „молотъ на еретиковъ“, „второй апостолъ Германіи“. Родился Канизій въ Нимвегенѣ 8-го мая 1521 года; дома получилъ тщательное, гуманистическое образованіе, 14-ти лѣтъ поступилъ въ кёльнскій университетъ; въ 1540 г., получивъ званіе магистра философіи, посвятилъ себя строжайшей, самоуглубленной жизни—и въ февралѣ этого года произнесъ обѣтъ безбрачія. Въ 1543 году, въ день своего рожденія, вступилъ въ іезуитскій орденъ: въ этомъ орденѣ сначала въ теченіе пяти лѣтъ, подъ руководствомъ самого Игнатія Лойолы, основателя и главы іезуитовъ, подготовлялся къ дѣятельности. По окончаніи подготовительнаго періода онъ состоялъ преподавателемъ въ ингольштадтскомъ университетѣ (въ 1549 году), затѣмъ придворнымъ проповѣдникомъ въ Вѣнѣ (1552 г.); въ качествѣ соборнаго проповѣдника дѣйствовалъ на регенсбургскомъ рейхстагѣ (1556 г.), принималъ участіе въ вормскомъ съѣздѣ по дѣламъ религіи (1557 г.), на аугсбургскомъ рейхстагѣ (1559 г.), на Тридентскомъ соборѣ (1547 и 1562 г.), на рейхстагѣ регенсбургскомъ (1576 г.), основалъ орденскую коллегію въ Фрейбургѣ, въ которомъ и скончался 21-го декабря 1597 г.

Это былъ человѣкъ богато одаренный, искусный и рѣшительный, обладавшій увлекательнымъ краснорѣчіемъ, ученый и строгій; мистикъ до экстаза, „апостолъ молитвы“. Его достойная удивленія неутомимая и многосторонняя церковно-государственная дѣятельность, поставлявшая своею цѣлію возвращеніе католичеству его прежняго значенія, поколебленнаго протестантизмомъ, продолжалась до конца его жизни. Лютеръ былъ для него злѣйшимъ еретикомъ, протестанство—губительною язвой, исчадіемъ ада. Онъ защищалъ примѣненіе внѣшней силы въ дѣлахъ вѣры, инквизицію. Однако же это не мѣшало Канизію быть искреннимъ и горячимъ поборникомъ реформъ внутри церкви, народнаго образованія, просвѣщенія, улучшенія воспитанія клира и прогресса богословской науки. Онъ заявилъ себя и литературною дѣятельностію, большею

частію, на латинскомъ языкѣ,—изданіемъ свв. Отцовъ (издалъ творенія св. Кирилла александрійскаго, „письма" Бл. Іеронима, „Рѣчи и проповѣди" папы Льва в. и др,),—гомилетическими (изъясненіе Евангелій, которыя читаются въ теченіе года на богослуженіи), катихизическими, аскетическими и полемическими трудами, въ которыхъ онъ показываетъ свое довольно широкое знакомство съ Библіею, со святоотеческою письменностію и схоластическимъ богословіемъ. Въ своихъ произведеніяхъ Канизій преслѣдовалъ собственно тѣ же практическія цѣли, какъ и въ своей дѣятельности,—назиданіе и просвѣщеніе народа въ духѣ католичества. Наиболѣе широкое распространеніе и особенную извѣстность изъ его литературныхъ трудовъ получили произведенія катихизическія.

Катихизисъ Канизія собственно одинъ, хотя и извѣстенъ въ разныхъ переработкахъ (см. подробнѣе о нихъ ниже статью „Катихизисы католическіе"). Катихизисы Канизія были напечатаны во всѣхъ странахъ Европы и переведены на многіе языки. Его „малый катихизисъ" оставался главнымъ катихизисомъ въ католической церкви почти въ теченіе двухъ столѣтій. До 1683 года онъ успѣлъ уже выдержать до 400 изданій. Катихизисъ Канизія—по своимъ особенностямъ и задачамъ—представляетъ собою противовѣсъ знаменитому катихизису Лютера и можетъ быть разсматриваемъ въ качествѣ главнаго памятника реакціи противъ реформаціи въ Германіи. Катихизисъ Канизія, а равно и его гомилетическіе труды вызвали въ протестантскомъ лагерѣ оживленную полемическую отповѣдь.

Въ 1864 г. Канизій былъ причисленъ къ лику святыхъ. День церковной памяти его—27 апрѣля. Папа Левъ XIII своимъ окружнымъ посланіемъ предписалъ католическому міру праздновать 1-го августа 1897 года, какъ день юбилейной памяти Канизія, по случаю истеченія 300 лѣтъ со дня его кончины. Это было несомнѣннымъ отвѣтомъ на таковое же празднованіе въ протестантскомъ мірѣ памяти Меланхтона.

Литература. Epistulae et acta ed. *Braunsberger*, Frib. Brisgov 1896 sqq. 3 tom. *Riess*, Der selige P. Canisius, Frbrg 1865. *Braunsberger*, Entstehung und Entwicklung der Katechismen d. sel. P. Canisuis, Frbrg. 1893. *I. B. Reiser*, Petrus Canisius als Katechet, 2 Aufl. Mainz 1882. [*Benrath* въ R. E. von Herzog-Hauck III³, 708—710. A. Baumgartner въ Kirchenlexikon von Wetzer und Welte II² (Freiburg im Breisgau 1883), Sp. 1796—1803. Prof. *X. Le Bachelet* у Vacant et Mangenot, Dictionnaire de tréologie catholique I, col. 1507—1537. *W. Friedensburg*, Zwei Briefe des Petrus Canisius, 1546 und 1547 въ „Archiv für Reformationsgeschichte" № 8, Berlin 1905].

С. Заринъ.

Канисъ Карлъ (Kahnis Karl)—нѣмецкій лютеранскій богословъ. Род. 22, XII, 1814, ум. 20, VI, 1888; съ 1850 г.—профессоръ богословія въ Лейпцигѣ. По своимъ убѣжденіямъ—умѣренный конфессіоналистъ, противникъ Прусской уніи и горячій защитникъ вѣроисповѣдныхъ особенностей лютеранства. Его сочиненія: „Внутреннее развитіе нѣмецкаго протестантизма" (Der innere Gang des deutschen Protestantismus, Lpzg 1854, 3 Aufl. 1874); „Проповѣди" (Predigten, Lpzg 1866—71, 2 Bde); „Христіанство и лютеранство" (Christentum und Luthertum, Lpzg 1871); „Нѣмецкая реформація" (Die deutsche Reformation, Lpzg 1873); „Лютеранская догматика" (Lutherische Dogmatik, 2 Aufl., Lpzg 1875); „Развитіе церкви—въ біографіяхъ" (Gang der Kirche in Lebensbildern, Lpzg 1881); „Христіанство и философія" (Christentum und Philosophie, Lpzg 1884).

Н. Сахаровъ.

Канонархъ (греч. κανών — канонъ и ἄρχω — начинаю) означаетъ начинателя, руководителя канона. Такъ называется въ монастыряхъ клирикъ—предначинатель и распорядитель церковнаго пѣнія. Въ богослужебномъ чинѣ греческой церкви канонархъ—одно изъ лицъ клира, обязанное предначинать пѣніе тропарей канона. Въ церковномъ уставѣ, такъ называемомъ „Типиконѣ", есть особая глава (27-я) „о канонарсѣ", въ которой указывается, какъ онъ долженъ канонархать стихиры. Обыкновенно канонархъ долженъ провозгласить во всеуслышаніе всѣмъ, что будетъ пѣться и на какой напѣвъ или гласъ; затѣмъ онъ долженъ провозглашать хору каждую строку пѣснопѣнія, которая и повто-

ряется затѣмъ хоромъ. Онъ же указываетъ и образцы такъ называемыхъ „подобновъ“. Канонархъ также поетъ—прокименъ и аллилуія на вечерни и „Богъ Господь“ или „аллилуія“ на утрени. Голосъ канонарха долженъ быть сильнымъ, звучнымъ, произношеніе отчетливое, ясное; отъ него требуется знаніе церковныхъ гласовъ и „подобновъ“, умѣніе дѣлить пѣснопѣніе на строки—начальныя, среднія и конечныя. Необходимость канонарховъ нѣкогда вызывалась недостаточностію пѣвческихъ книгъ, въ древнія времена очень дорого стоившихъ. Въ настоящее время канонархи существуютъ только въ монастыряхъ, придерживающихся древняго чина богослуженія и при томъ при исполненіи лишь пѣснопѣній гласовыхъ и „подобновъ“; пѣніе же гармоническое—партесное въ канонархѣ не нуждается.

См. Пособіе къ изученію устава богослуженія правосл. церкви. Прот. *К. Т. Никольскаго*; Музыкальный словарь *Римана*, въ переводѣ по изд. Юргенса.

Протоіерей *А. Митропольскій.*

Canonica vita см. „Каноникъ“ въ „Энц.“ VIII, стлб. 268—271.

Canonicae horae см. „Каноникъ“ въ „Энц.“ VIII, стлб. 268—271.

Канонизація святыхъ есть особый актъ церковной власти, которымъ умершій подвижникъ благочестія причисляется къ лику святыхъ. Актъ канонизаціи не долженъ быть отождествляемъ ни съ начальнымъ моментомъ почитанія святого вообще, ни съ начальнымъ моментомъ его оффиціальнаго культа.

Историческій очеркъ канонизаціи долженъ ограничиваться только фактами, относящимися къ установленію и регламентаціи этого акта. Исходнымъ моментомъ канонизаціи нужно признать осуществленіе надзора епископами и другими церковными властями за отправленіемъ культа въ подвѣдомственныхъ имъ предѣлахъ. Основаніе (ratio) установленія канонизаціи заключалось въ стремленіи предотвратить проникновеніе въ церковный культъ святыхъ сомнительнаго или нежелательнаго элемента. Поэтому свидѣтельствамъ источниковъ о положительныхъ дѣйствіяхъ церковныхъ властей по установленію культа святыхъ предшествуютъ по времени свидѣтельства объ ихъ отрицательныхъ дѣйствіяхъ въ этомъ направленіи по устраненію сомнительныхъ культовъ. Этотъ порядокъ засвидѣтельствованъ 17 прав. 6 Карѳагенск. соб. 401 г. (по счету Книги правилъ, 94 прав.). Соборъ предписываетъ епископамъ разрушать (evertantur) алтари, построенные *какъ бы* въ память мучениковъ; но предвидитъ, что это вызоветъ народный мятежъ (tumultus populares):—въ такомъ случаѣ епископы должны ограничиться убѣжденіемъ народа, чтобы онъ не собирался въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поставлены эти алтари, и чтобы правомыслящіе не привязывались къ таковымъ мѣстамъ никакимъ *суевѣріемъ*.—Римскіе епископы съ V в. (Геласій I) усвоили себѣ право давать разрѣшеніе на посвященіе (dedicatio) церквей иораторій извѣстному святому, чѣмъ имѣли въ виду предотвратить посвященія ихъ въ честь неизвѣстныхъ (сомнительныхъ) святыхъ и даже еретиковъ. Во франкскомъ королевствѣ законодательство Каролинговъ засвидѣтельствовало аналогичный порядокъ, говоря de sanctis noviter sine auctoritate inventis и предписывая, чтобы такіе святые не почитались nisi episcopo probante. Епископы и мѣстные соборы отъ устраненія злоупотребленій перешли такимъ образомъ постепенно къ предупрежденію ихъ, что влекло за собою предварительное одобреніе или неодобреніе культа святого.—Съ X вѣка отдѣльные епископы въ цѣляхъ придать культу святыхъ большій авторитетъ и способствовать его распространенію за предѣлами своихъ діоцезовъ (епархій) стали обращаться за одобреніемъ къ римскому престолу. Съ этого именно времени и возникаетъ канонизація въ томъ смыслѣ, какой ей придается въ настоящее время. Папа въ большинствѣ такихъ случаевъ не могъ располагать непосредственными свѣдѣніями, относящимися къ лицу, о культѣ котораго шло дѣло; естественно, явилась потребность въ томъ, чтобы были представлены необходимыя свѣдѣнія и чтобы они были потомъ подвергнуты обсужденію съ точки зрѣнія возможности допущенія или установленія культа даннаго лица, какъ

святого. Такъ развилась подготовительная часть акта канонизаціи. Первая извѣстная по источникамъ канонизація—Ульриха, епископа аугсбургскаго 993 г., совершенная папой Іоанномъ XV (Cumque perlecta esset vita praedicti s. episcopi, ventum est ad miracula, quae sive in corpore, sive extra corpus gesta sint, videl. coecos illuminasse, daemonos ab obsessis corporibus effugasse... Quae omnia lepida satis urbanitate expolita recepimus et communi consilio decrevimus, memoriam illius, i. e. s. Udalrici episcopi, affectu piissimo, devotione fidelissima venerandam. См. у Mansi XIX, 169). Канонизація совершалась папой съ соборомъ епископовъ римской провинціи. Но съ паденіемъ значенія собора на Западѣ участіе его въ канонизаціи не стало признаваться необходимымъ. Мѣсто собора заняла коллегія кардиналовъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Съ перенесеніемъ дѣлъ о канонизаціи въ вѣдѣніе высшей церковной власти фактически пало право мѣстныхъ церковныхъ властей на канонизацію, хотя прямо оно и не было отмѣнено. Послѣднее произошло при папѣ Александрѣ III († 1181), который въ своемъ декреталѣ, вошедшемъ въ Corpus juris canonici, запретилъ публичное почитаніе кого-либо, какъ святого, безъ утвержденія римской церкви, т. е. папы (с. 9 de reliquiis III, 45). Съ этого же времени началось употребленіе термина—canonisatio (canonisare) отъ canon—списокъ, catalogus святыхъ. Вскорѣ отъ римскаго престола стало зависѣть и допущеніе почитанія святого въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ или церковномъ обществѣ (напр. орденѣ)—*беатификація*. Въ дальнѣйшемъ исторія канонизаціи примыкаетъ къ нынѣ дѣйствующему порядку. Послѣ того, какъ дѣла о беатификаціи и канонизаціи были сосредоточены въ Congregatio rituum (Сикстъ V † 1590), канонизаціонная процедура получила подробную и точную регламентацію въ постановленіяхъ папъ Урбана VIII † 1644 г. (декреты 13 марта, 2 окт. 1625 г., 12 марта 1631 г. и 12 марта 1642 г.; бреве—Coelestis Hierusalem 5 іюля 1634 г.; конституція Sacrosancta 15 марта 1642 г.), Иннокентія XI † 1689 (декретъ Sanctissimus 15 окт. 1678 г.) и Бенедикта XIV † 1758 (постановл. Sollicitudini 1 окт. 1745 г.).

Исторія канонизаціи въ восточной церкви (греческой) почти совсѣмъ не обработана. Самый ранній документъ, касающійся канонизаціи—впрочемъ, весьма поверхностно,—это грамата константинопольскаго патріарха Іоанна Калеки (Апрена) къ кіевскому митроп. Θеогносту (1339 г.) о мощахъ святителя Петра. Патріархъ глухо упоминаетъ объ извѣстныхъ Θеогносту „чинѣ и обычаѣ“, какихъ „держится въ таковыхъ случаяхъ церковь Божія“, т. е. въ случаяхъ прославленія угодниковъ чудесами (ὡς ἔχει τάξεως καὶ συνηθείας ἐν τοῖς τοιούτοις ἡ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησία), и предписываетъ, „получивъ относительно сего (святого) твердое и несомнѣнное удостовѣреніе“, поступить по тому-же чину церкви—почтить и ублажить угодника пѣснопѣніями и священными славословіями. (Текстъ грамоты съ перев. см. у *Е. Е. Голубинскаго*, стр. 382—383; послѣдующія цитаты оттуда же). Въ чемъ состоялъ порядокъ и обычай,—остается неизвѣстнымъ. Неизвѣстно также, считали-ли себя русскіе митрополиты, въ періодъ зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, обязанными испрашивать указанія относительно каждаго причтенія къ лику святыхъ, или хотя бы докладывать объ этомъ post factum. Повидимому, нѣтъ. Слово константинопольскаго патріарха Филоθея о причтеніи къ лику святыхъ Григорія Паламы, архіеписк. солунскаго, видимо, свидѣтельствуетъ о примитивномъ установленіи культа его. Патріархъ говоритъ, что жители Солуня со стоящими во іереяхъ, согласившись (εἰς ταὐτὸ συνιόντες), ставятъ Григорію икону, совершаютъ праздникъ въ день его кончины и воздвигаютъ ему храмъ, *не дожидаясь великихъ соборовъ и какихъ-либо общихъ рѣшеній* (κοινὰς ψήφους), но довольствуются приговоромъ и объявленіемъ свыше (τῇ ἄνωθεν ψήφῳ τε καὶ ἀνακηρύξει, вѣроятно, чудесами святого) и свѣтлымъ и несомнѣннымъ созерцаніемъ дѣлъ (фактовъ) и вѣрою (*Голубинскій*, стр. 384). Грамоты патр. константинопольскаго Кирилла Лукариса о канонизаціи Герасима кефалоникійскаго 1622 г. и о канонизаціи Іоанна критскаго и 98 его сподвижниковъ 1632 г., далѣе грамота патр. константинопольскаго Гавріила о канонизаціи Діонисія закинθскаго позволяютъ констатировать уже болѣе развитой поря-

докъ канонизаціи (текстъ грамоты у *Голубинскаго*, стр. 385—405). Во-первыхъ, канонизація совершается патріархомъ съ сунодомъ; во-вторыхъ, она совершается по просьбѣ мѣстныхъ жителей, направляемой къ патріарху чрезъ мѣстнаго епископа (митрополита) (донесеніе — ἀναφορά) (1-я и 3-я грам.). Въ грамотѣ патр. Гавріила упоминается, кромѣ донесеній, еще обширная записка (δέλτος) о жизни и дѣяніяхъ св. Діонисія. На основаніи указанныхъ грамотъ, остающихся пока единственными источниками для исторіи института греческой канонизаціи, все же нельзя съ точностію установить порядокъ канонизаціи въ его цѣломъ. Остается невыясненнымъ, признавался ли описанный порядокъ *необходимымъ* для установленія культа святого вообще, или только для установленія общественнаго празднованія, наконецъ, былъ ли этотъ порядокъ хотя бы въ послѣднемъ случаѣ единственнымъ. Общихъ правилъ или постановленій о причтеніи къ лику святыхъ греческая церковь не имѣетъ, или, по крайней мѣрѣ, они не сдѣлались достояніемъ науки.

Въ русской церкви канонизація, какъ церковно-юридическій институтъ, если его строго отдѣлять отъ фактовъ установленія культа, также не выработанъ до настоящаго времени. До половины XVI в. свидѣтельства объ установленіи культа святыхъ церковными властями имѣются только относительно нѣкоторыхъ святыхъ. Но изъ нихъ не видно какого-либо установившагося фактическаго порядка или обыкновенія; все зависѣло отъ конкретныхъ особенностей отдѣльнаго случая и отъ усмотрѣнія властей. Чаще всего послѣднимъ приходилось только присоединяться къ установившемуся уже культу и такимъ образомъ давать ему утвержденіе (ratihabitio) post factum. Обыкновенно предположеніями возникновенія культа были—обрѣтеніе мощей, чудеса и народная вѣра въ святость подвижника. Присоединеніе церковной власти къ начавшемуся культу святого матеріально имѣло всѣ послѣдствія канонизаціоннаго акта, а самое присоединеніе состояло въ совершеніи властями церковныхъ службъ въ честь святого или въ дозволеніи ихъ совершенія (факты см. у *Голубинскаго*, стр. 40—93). Важное значеніе въ исторіи канонизаціи имѣли соборы при митр. Макаріи (1547 и 1549), которые предприняли общую, такъ сказать, ревизію культа святыхъ въ русской церкви и канонизацію цѣлаго ряда новыхъ святыхъ. Макаріевскіе соборы стояли въ связи съ значительнѣйшими общими фактами русской церковной и политической жизни и отчасти обусловливались ими. Эти факты—окончаніе собиранія удѣльной Руси, ростъ политическаго и церковнаго самосознанія (теорія третьяго Рима), общее упорядоченіе церковной жизни (Стоглавый соборъ). Изъ 39 святыхъ, занесенныхъ въ соборные списки (которые въ точности не сохранились), вновь канонизованы 9, остальные 30 уже ранѣе почитались, какъ святые; соборы подтвердили почитаніе однихъ и расширили почитаніе другихъ изъ нихъ, переведя изъ разряда мѣстнопочитаемыхъ въ общепочитаемые (*Голубинскій*, стр. 107). Результаты работъ Макаріевскихъ соборовъ, весьма важные въ исторіи культа святыхъ, очень незначительны для развитія канонизаціи, какъ института. Предпринимая канонизацію цѣлаго ряда святыхъ, соборы не издали какихъ-либо, хотя бы самыхъ общихъ, правилъ или принципіальныхъ положеній о канонизаціи святыхъ вообще. Ревизія культа святыхъ тоже не привела къ цѣннымъ результатамъ: соборы не составили полнаго списка русскихъ святыхъ, едва ли даже и ставили передъ собою эту задачу во всей ея широтѣ. Самый фактъ канонизаціи на соборѣ при содѣйствіи и отчасти иниціативѣ царя умаляется въ своемъ значеніи тѣмъ, что соборы не издали на будущее время правила о соборѣ, какъ исключительно компетентной власти въ дѣлахъ о канонизаціи. Въ послѣдующее время, до учрежденія Синода, правда, часто встрѣчаются случаи канонизаціи соборомъ, съ разрѣшенія или повелѣнія царя, митрополита или патріарха, но также встрѣчаются факты установленія культа святыхъ помимо собора, царя и первосвятителей. Поэтому культъ святыхъ не могъ быть приведенъ въ упорядоченный видъ. Русская высшая церковная власть не имѣла (какъ, впрочемъ, не имѣетъ и доселѣ) полнаго оффиціальнаго списка канонизованныхъ святыхъ, не могла предотвратить случаевъ произвольнаго установленія культовъ по мотивамъ корыстнымъ,

сама повторяла акты канонизаціи одного и того же святого, а въ концѣ XVII в. при патр. Іоакимѣ былъ даже случай, если не кассированія (для Анны Комниной) канонизаціи (деканонизація?), то по крайней мѣрѣ отмѣны на неопредѣленное время культа святой (*Голубинскій*, стр. 159 сл.; *Суворовъ*, стр. 276. 277).—За синодальный періодъ въ исторіи канонизаціи имѣетъ важное значеніе установившійся(—почти 150-лѣтняя давность—) порядокъ, по которому канонизаціи къ общему празднованію совершаются исключительно Св. Синодомъ и государемъ: Св. Синодъ представляетъ—въ формѣ всеподданнѣйшаго доклада—мотивированное мнѣніе государю; государь утверждаетъ его своей резолюціей (Согласенъ съ мнѣніемъ Св. Синода, Согласенъ и проч.). Но и за синодальный періодъ не было установлено какихъ-либо правилъ даже относительно канонизацій къ общему празднованію. Что же касается канонизацій къ мѣстному празднованію, то изъ нихъ только нѣкоторыя восходятъ на разрѣшеніе Св. Синода, а въ большинствѣ случаевъ дѣло остается въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было въ XVII в. и въ болѣе раннее время.

Понятіе канонизаціи. Актъ канонизаціи можно понимать двояко: а) Онъ есть признаніе церковію извѣстнаго умершаго члена ея святымъ, праведнымъ, т. е. угоднымъ Богу, достигшимъ вѣчнаго блаженства; установленіе культа, при такомъ пониманіи, является только необходимымъ слѣдствіемъ факта признанія объективной святости лица. б) Онъ есть предписаніе или допущеніе церковію чествованія умершаго члена ея (установленіе культа); святость канонизуемаго (не объективная, а убѣжденіе въ святости или вѣрѣ въ нее) представляется уже какъ предположеніе или условіе канонизаціи. При первомъ пониманіи, канонизація будетъ *объявленіемъ* прежде существовавшаго факта (актъ декларативный); при второмъ, она создаетъ новый фактъ, до нея не существовавшій (актъ конститутивный). Какое изъ двухъ пониманій правильно, — это могли бы рѣшить подлинные документы (акты) канонизацій, но они не даютъ твердаго основанія для принятія одного пониманія и исключенія другого. Partes decicae изъ католическихъ канонизаціонныхъ актовъ — однѣ не рѣшаютъ вопроса въ виду ихъ общности напр. canonisavimus et numero confessorum Christi decrevimus adjungendum... catalogo sanctorum adscripsimus et annumerandum decrevimus collegio confessorum...); другія даютъ основанія для перваго пониманія (изъ декрета папы Льва XIII 8 декабря 1881 г.... beatos Johannem Baptistam de Rubeis, Laurentium de Brundusio... *sanctos esse decernimus et definimus ac sanctorum catalogo adscribimus,* statuentes ab ecclesia universali illorum memoriam quolibet anno... pia devotione recoli debere); наконецъ, третьи приводятъ ко второму пониманію (выше приведенная цитата о канонизаціи Ульриха аугсбургскаго). Въ указанныхъ ранѣе грамотахъ константинопольскихъ патріарховъ канонизація понимается, какъ установленіе празднованія (культа). Въ канонизаціонныхъ актахъ русской церкви не отдавали предпочтенія ни тому, ни другому пониманію (впрочемъ, мнѣніе Св. Синода о канонизаціи свят. иркутскаго Иннокентія составлено рѣшительно въ смыслѣ послѣдняго). Въ литературѣ по вопросу о канонизаціи тоже двойственность. Перваго пониманія держится извѣстный протестантскій канонистъ Гиншіусъ, къ послѣднему склоняется большинство канонистовъ и теологовъ, но не рѣшительно. — Католическая церковь отличаетъ отъ канонизаціи беатификацію (причтеніе къ лику блаженныхъ—beati). Отличіе, по господствующему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что канонизація есть предписаніе культа святого въ цѣлой церкви, а беатификація — допущеніе культа въ отдѣльной части церкви.

Предположенія и условія канонизаціи. Предположеніями канонизаціи въ католической церкви признаются: 1) принадлежность къ церкви, 2) возрастъ разумѣнія и способности различать добро и зло, 3) смерть канонизуемаго (канонизація можетъ быть только послѣ смерти). Въ греческой и русской церквахъ не установлено никакихъ предположеній; первое, какъ необходимое, не можетъ быть обойдено; относительно остальныхъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только положительными опредѣленіями церкви. — Условія канонизаціи въ католической церкви: 1) святая жизнь и 2) проявленіе чудодѣйственной силы.

Признаки святой жизни заключаются въ такъ называемыхъ героическихъ добродѣтеляхъ (virtutes in gradu heroico), т. е. въ такихъ добродѣтеляхъ, которыя, превосходя естественныя силы человѣка, являютъ высшую ступень совершенства и потому выдѣляютъ ихъ обладателей изъ многочисленнаго сонма обыкновенныхъ праведниковъ. Къ virtutes in gradu heroico относятся три богословскихъ добродѣтели—вѣра, надежда и любовь и четыре основныхъ (cardinales)—благоразуміе, справедливость, мужество и умѣренность, — съ ихъ предположеніями и слѣдствіями. Всѣ добродѣтели должны быть проявлены не въ единичныхъ только случаяхъ, а въ большомъ ихъ числѣ, дѣйствительно героически, добровольно и съ радостью. Но по отношенію къ кардинальнымъ добродѣтелямъ считается достаточнымъ, если подвижникъ благочестія обнаружилъ in gradu heroico тѣ изъ нихъ, которыя были наиболѣе свойственны и приличны его положенію. Признаніе наличности чудодѣйственной силы регламентируется слѣдующими положеніями: требуются не прижизненныя чудеса, а посмертныя; когда беатификація имѣла мѣсто per viam cultus immemorialem aut indulto, для канонизаціи требуются 4 чуда, установленныя посредствомъ показаній свидѣтелей - очевидцевъ. При беатификаціи simplicium servorum Dei per viam non cultus (о значеніи этихъ терминовъ ниже) 2 или 4 чуда, смотря по тому, какъ удостовѣрены добродѣтели—свидѣтельскими показаніями очевидцевъ или только показаніями по слуху: для канонизаціи въ такихъ случаяхъ достаточно наличности 2 чудесъ, удостовѣренныхъ свидѣтелями-очевидцами. Вообще чудеса могутъ быть удостовѣряемы только очевидцами.—Въ греческой церкви также при канонизаціи *обыкновенно* имѣлись въ виду, какъ условія послѣдней, 1) святость жизни и 2) чудеса. Болѣе точныхъ и ближайшихъ опредѣленій признаковъ святой жизни, а равно требованій относительно количества чудесъ и способа удостовѣренія нѣтъ. Въ видѣ исключенія могутъ быть указаны упоминанія въ грамотѣ патр. Гавріила о дѣяніяхъ божественныхъ, сверхчеловѣческихъ (πράξεις ἐνθέους καὶ ὑπὲρ ἄνθρωπον=virtutes in gradu heroico?), о подвигахъ свыше смертнаго естества (ὑπὲρ φύσιν βροτείαν ἐξασκήσας). Кромѣ святой жизни и чудесъ въ греческой церкви, по свидѣтельству патр. Нектарія, требовалось, какъ „весьма необходимое“ (ἀναγκαιώτατον), нетлѣніе мощей (τῶν λειψάνων ἀφθορία) или благоуханіе отъ костей (εὐῶδις τῶν ὀστῶν ὀσφρήσει) подвижниковъ. — Въ русской церкви условіями (скорѣе мотивами) канонизацій къ общему празднованію были: 1) обрѣтеніе мощей, 2) чудеса и 3) святая жизнь. Ближайшія свѣдѣнія относительно указанныхъ пунктовъ сводятся къ слѣдующимъ: при всѣхъ канонизаціяхъ къ общему празднованію за синодальный періодъ акту канонизаціи предшествовало обрѣтеніе (случайное открытіе) или намѣренное открытіе (вскрытіе) мощей угодника, признанныхъ всецѣло или отчасти нетлѣнными; при канонизаціи св. Серафима саровскаго послѣднее обстоятельство (нетлѣнность мощей) не было признано необходимымъ для канонизаціи, но мощи были вскрыты и освидѣтельствованы комиссіей, а послѣ канонизаціи положены на вскрытіи. Относительно количества чудесъ никакихъ опредѣленій нѣтъ; цифровыя данныя о чудесахъ при канонизаціяхъ къ общему празднованію за синодальный періодъ не позволяютъ вывести какого-либо нормативнаго положенія. Предположительно можно вывести, что минимумъ чудесъ для канонизаціи къ общему празднованію значительно выше минимума католической церкви. При дознаніи о чудесахъ принимаются показанія лицъ, надъ которыми чудеса совершились или которыя были очевидцами ихъ, но прямо не исключаются и свидѣтельства по слуху. Установленныхъ авторитарно критеріевъ для сужденія о святости жизни канонизуемыхъ нѣтъ. Не осталась безъ слѣда въ русской церкви и высказанная патр. Нектаріемъ мысль о благоуханіи отъ костей угодниковъ, какъ условіи канонизаціи. Въ русской церкви благовонный запахъ считался (считается?) свойствомъ мощей.

Форма установленія предположеній и условій (реквизитовъ) канонизаціи. Актъ канонизаціи. Въ католической церкви канонизаціи предшествуетъ беатификація. Процедура послѣдней распадается на двѣ части: 1) подготовительной стадіи и 2) самаго акта беатификаціи. Общая форма подготовительной стадіи—состязатель-

ный процессъ, матеріалъ для котораго добывается слѣдственнымъ порядкомъ. Первый подготовительный процессъ ведется предъ епископомъ, гдѣ погребенъ беатифицируемый. Иниціатива исходитъ отъ частныхъ лицъ, выступающихъ чрезъ выбраннаго ими повѣреннаго (procurator), какъ одна изъ сторонъ въ процессѣ. Другой стороной является promotor fiscalis; его обязанность состоитъ въ опроверженіи ex officio доводовъ, приводимыхъ прокураторомъ. Этотъ подготовительный процессъ слагается изъ 1) спеціальнаго процесса de non cultu vel de paritione decretorum и 2) общаго процесса de sanctitate vitae et miraculis. Спеціальный процессъ требуется въ виду того, что декретами Урбана VIII (см. выше) публичный культъ подвижника запрещенъ до его беатификаціи. Предъ судомъ епископа въ этой стадіи процесса должно быть доказано отсутствіе публичнаго культа или — иначе — соблюденіе подлежащихъ декретовъ—откуда и самое названіе (а также и ранѣе упомянутая беатификація per viam non cultus). Послѣ спеціальнаго слѣдуетъ общій процессъ, имѣющій цѣлью доказать наличность требуемыхъ добродѣтелей и установленнаго числа чудесъ. Къ актамъ процесса епископъ присоединяетъ свое заключеніе относительно дѣла и личности свидѣтелей. Подлинные акты препровождаются въ Римъ. Папа формально передаетъ дѣло конгрегаціи обрядовъ (commissio introductionis causae) для предварительнаго разсмотрѣнія. Здѣсь рѣшается вопросъ: утвердить или отвергнуть постановленіе епископа? При утвердительномъ рѣшеніи вопроса и по утвержденіи этого рѣшенія папой, обсуждается еще вопросъ: слѣдуетъ ли предпринять общее разслѣдованіе по дѣлу (inquisitio generalis)? Этимъ и оканчивается предварительная стадія процесса. *Собственно - беатификаціонный процессъ* слагается изъ генеральной и спеціальной инквизицій. Онѣ имѣютъ мѣсто потому, что процессъ ординарія (епископа) имѣетъ значеніе только предварительнаго освѣдомленія папы, которому исключительно принадлежитъ право на канонизацію. Генеральная инквизиція имѣетъ цѣлію выяснить общіе вопросы о славѣ святости, чудесахъ и проч. Спеціальная инквизиція изслѣдуетъ, доказаны ли требуемая святость и надлежащее количество чудесъ даннаго подвижника. Въ обоихъ случаяхъ свѣдѣнія добываются чрезъ епископовъ мѣстъ, гдѣ подвижникъ жилъ, умеръ, творилъ чудеса и гдѣ вообще о немъ можно что-либо узнать. Правильность производства и матеріальные результаты его выясняются въ состязательной формѣ. — Канонизаціонный процессъ аналогиченъ беатификаціонному. Начинается онъ ходатайствомъ прокуратора и подачей матеріала въ конгрегацію обрядовъ. Послѣ разсмотрѣнія вопроса въ конгрегаціи, папа, если соглашается на возбужденіе дѣла, даетъ послѣдней порученіе (commissio). Такъ же, какъ при беатификаціи, собираются необходимыя свѣдѣнія чрезъ подлежащихъ епископовъ. Послѣ поступленія производства послѣднихъ, оно провѣряется съ точки зрѣнія формальной правильности его и по отношенію къ его матеріальнымъ результатамъ.—Постановленія о беатификаціи и канонизаціи дѣлаются въ консисторіи. Опубликованіе беатификаціонныхъ и канонизаціонныхъ актовъ совершается съ особымъ торжествомъ по спеціальнымъ чинамъ, содержащимся въ Rituale Romanum.—Наряду съ описаннымъ порядкомъ канонизаціи и беатификаціи (c. или b. formalis) существуетъ и иной порядокъ: папа безъ предшествующаго формальнаго производства дѣлаетъ распоряженіе о празднованіи святому или блаженному (с. или b. aequipollens). — Относительно формы установленія реквизитовъ канонизаціи въ греческой церкви свѣдѣній нѣтъ. Въ русской церкви дознаніе, предваряющее канонизацію, имѣло и имѣетъ своимъ предметомъ обслѣдованіе останковъ святого (мощи) и чудесъ. Это дознаніе носитъ старинное названіе „обыскъ". Послѣднее дало поводъ усматривать въ формѣ нашего дознанія, предваряющаго канонизаціонный актъ, форму судебнаго процесса (слѣдственнаго), какъ это имѣетъ мѣсто въ католической церкви. Но и существо и исторія нашего дознанія не позволяетъ отождествлять его форму съ судебной; слово „обыскъ", кромѣ спеціальнаго значенія — судебнаго изслѣдованія, имѣло и имѣетъ общее значеніе — всякаго изслѣдованія, удостовѣренія въ сущности дѣла (напр., брачный обыскъ). Нашъ обыскъ всегда былъ и остается донынѣ административнымъ актомъ. Онъ не регламенти-

рованъ даже правилами, издаваемыми въ порядкѣ управленія (инструкціи, наказы), а предоставленъ усмотрѣнію высшей власти, которая сообразуется всякій разъ съ конкретными особенностями даннаго случая и всякій же разъ даетъ соотвѣтственныя указанія (письменныя или [и] устныя?) исполнительнымъ органамъ. Этимъ объясняется отсутствіе строго выработанной формы нашего „обыска". Цѣль обыска по отношенію къ чудесамъ — установить ихъ наличность и достовѣрность; по отношенію къ мощамъ—выяснить ихъ подлинную принадлежность канонизуемому святому, нетлѣнность (до послѣдней канонизаціи) или вообще ихъ состояніе и принять мѣры къ ихъ сохранности въ первоначальномъ видѣ (опись, опечатаніе). „Обыскъ" производится коммиссіей, но составъ ея, а равно и требованія, какимъ должны удовлетворять ея члены, не опредѣлены какими-либо постоянными правилами (міряне не исключены). Относительно жизни святого разслѣдованій въ *оффиціальной формѣ* не предпринимается; въ актахъ канонизаціи, — по крайней мѣрѣ напечатанныхъ,—нѣтъ авторитарно-критическихъ изслѣдованій, касающихся житій канонизуемыхъ. Вся процедура, предваряющая канонизацію въ русской церкви, какъ и въ католической, производится негласно.—Что касается формы канонизаціоннаго акта, то она есть Высочайше утвержденный всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода государю императору; форма публикаціи акта—пропечатаніе канонизаціоннаго акта въ оффиціальномъ органѣ Св. Синода или синодальный указъ. Свое дѣйствіе канонизаціонный актъ получаетъ не съ момента публикаціи, а съ момента церковнаго торжества, соединяемаго съ открытіемъ мощей угодника (до этого времени угодника поминаютъ, какъ простого умершаго,—поютъ панихиды, совершаютъ заупокойныя литургіи). Все сказанное относится только для канонизаціи къ общему празднованію. Канонизаціи же къ мѣстному празднованію, составляя предметъ административныхъ распоряженій церковныхъ властей, рѣдко высшей власти, не связаны даже тѣми немногочисленными требованіями, какимъ должны удовлетворять канонизаціи къ общему празднованію. Нерѣдко культъ мѣстнаго святого есть только фактъ религіознаго быта, терпимый епархіальной властью (tolerantia ordinarii католической церкви).

Послѣдствія канонизаціи, какъ акта, предписывающаго или дозволяющаго религіозное почитаніе подвижника благочестія, заключается въ этомъ почитаніи, въ культѣ. Католическое дѣленіе святыхъ на sancti и beati имѣетъ своимъ слѣдствіемъ и различіе въ ихъ культѣ. Первые признаются и должны быть признаваемы за святыхъ всѣми членами церкви; они призываются въ публичныхъ молитвахъ во всей католической церкви, какъ ходатаи предъ Богомъ; въ ихъ память могутъ быть освящаемы церкви; память каждаго изъ нихъ церковь празднуетъ одинъ или нѣсколько дней въ году; изображенія святыхъ со знаками святости (вѣнецъ, нимбъ — лучи вокругъ головы) могутъ быть выставляемы во всѣхъ церквахъ и почитаются, какъ иконы; останки святыхъ (reliquiae) открыто выставляются въ церквахъ для поклоненія вѣрующихъ. Культъ блаженныхъ имѣетъ болѣе ограниченный объемъ. Существенное его отличіе отъ культа святыхъ состоитъ въ томъ, что онъ не можетъ быть предписанъ для цѣлой церкви, онъ только допускается въ такихъ предѣлахъ (очень рѣдко). Запрещается расширять публичное отправленіе культа блаженнаго за предѣлы, въ которыхъ этотъ культъ дозволенъ. Изображенія и реликвіи блаженныхъ безъ особаго дозволенія папы не могутъ выставляться въ храмахъ и ораторіяхъ, особенно гдѣ совершается месса. Также требуется особое разрѣшеніе папы на освященіе престоловъ и на празднованіе въ честь блаженныхъ, на дневныя службы имъ и на призываніе ихъ въ публичныхъ молитвахъ. Въ православной церкви различаются святые общіе и мѣстные [1]). Но въ разрядѣ общихъ свя-

---

[1]) [Что до „блаженныхъ", то у православныхъ это титло прилагается собственно лишь къ нѣкоторымъ (католическимъ) святымъ западной церкви, чтимымъ издревле, но въ частностяхъ теоретическихъ воззрѣній не непререкаемыхъ: таковы извѣстные Августинъ и Іеронимъ. Изъ «восточныхъ» мужей именуется блаженнымъ только Ѳеодоритъ, епископъ киркій, но почему и въ какомъ точно смыслѣ?—это не ясно по историческимъ даннымъ и второе не можетъ быть рѣшено иначе,

тыхъ должно различать святыхъ общихъ всѣмъ автокефальнымъ церквамъ востока и общихъ только для одной изъ нихъ (напр., русской). По отношенію къ послѣднимъ недостаточно выяснено:—ограничивается ли ихъ культъ предѣлами данной автокефальной церкви *юридически* (ихъ почитаніе за предѣлами данной церкви не допускается), или только фактически (они не почитаются, но могутъ быть почитаемы). Точно такъ же и по отношенію къ мѣстнымъ святымъ остается открытымъ вопросъ: ставятся ли границы ихъ культу правомъ, или послѣдній только фактически не распространенъ за данные предѣлы? Празднованіе мѣстнымъ святымъ не только дозволяется, но и предписывается. Самый культъ святого состоитъ въ томъ, что ему совершается ежегодное празднованіе (спеціальная служба), поются молебны, и вообще къ нему обращаются съ молитвой; во имя его освящаются престолы и церкви; изображенія почитаются, какъ иконы; мощи выставляются въ церквахъ для чествованія вѣрующихъ. Культъ мѣстныхъ святыхъ, ограничиваясь болѣе тѣсною территоріей, по содержанію ничѣмъ не отличается отъ культа общихъ святыхъ. Ограниченіе культа святого предѣлами какихъ-либо церковныхъ обществъ (напр., женскими монастырями, обществами хоругвеносцевъ и т. п.) не допускается.

Литература. *Justus Fontaninus*, Codex constitutionum, quas summi pontifices ediderunt in sollenni canonisatione sanctorum a Ioanne XV ad Benedictum XIV ab anno 993 ad annum 1729, Roma 1729. *Prosper Lambertini (папа Бенедиктъ XIV)*, De servorum Dei beatificatione et beatorum canonisatione, Bologna 1734—38. *Bangen*, Die römische Kurie, Münster 1854 (SS. 214—246). *P. Hinschius*, System des katholischen Kirchenrechts IV, Berlin 1888, S. 239 ff. (лучшее изслѣдованіе, опирающееся на глубокое изученіе источниковъ). Въ русской литературѣ канонизація, какъ церковно-юридическій институтъ, стала предметомъ изслѣдованія только за послѣдніе годы. *В. Васильевъ*, Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ („Чтенія въ Общ. Истор. и древн. росс." 1893 г., кн. 3 и отд.) Академикъ проф. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви, М. 1903, 2 изд. (1 изд. Серг. Посадъ 1894). Проф. *Ник. С. Суворовъ*, Рецензія на книгу Голубинскаго: „Журн. Мин. Народ. Просв." 1903 іюль, стр. 263—308. Проф. *Е. Н. Темниковскій*, Къ вопросу о канонизаціи святыхъ, Ярославль 1903. Свѣдѣнія объ отдѣльныхъ канонизаціяхъ даются въ житіяхъ святыхъ и въ изслѣдованіяхъ имъ посвященныхъ: проф. *В. О. Ключевскій*, Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, М. 1871; *И. Некрасовъ*, Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси, I ч. (единственная): О первичныхъ редакціяхъ жизнеописаній подвижниковъ сѣверной Руси XV—XVII вв., Одесса 1870; *Ар. Кадлубовскій*, Очеркъ по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, Варшава, 1902. [Фактическія данныя о святыхъ даютъ † архіеп. *Сергій* (Спасскій), Полный мѣсяцесловъ Востока, I—II томы его изданія: Владиміръ 1901; *Joh. Ev. Martinov* S. J., Annus ecclesiasticus graeco-slavicus; Bruxelles 1863; Prof. *Nicolaus Nilles* S. J., Kalendarium manuale utriusque ecclesiae orientalis et occidentalis: vol. I—III, Oeniponte 1896. 1897. 1885. О послѣднемъ трудѣ въ связи съ замѣчаніями по вопросамъ канонизаціи см. у *Н. Г—скаго* въ «Странникѣ» 1904 г., № 1, стр. 196—201 (№ 6, стр. 996—997). См. *v. Moy*, Beatification und Canonisation въ Kirchenlexikon von W e t z e r und W e l t e II², Sp. 140 154. († G. F. Jacobson—) Prof. *N. Bonwetsch* въ R. E. von H e r z o g-H a u c k X³, S. 17—18. *Ortolan*, Canonisation dans l'Église romaine и *Bois*, Canonisation dans l'Eglise russe въ Dictionnaire de la théologie catholique ed. par E. M a n g e n o t, fasc. XV (Paris 1905). Ср. также прот. *П. А. Смирнова*, Прославленіе святыхъ въ церкви христіанской православной: къ торжеству прославленія... Серафима Саровскаго, Спб. 1905 (изъ Прибавленій къ «Церковнымъ Вѣдомостямъ»); свящ. *Влад. Левашевъ*, Святость жизни и чудотворенія—главнѣйшія основанія канонизаціи святыхъ въ «Душеполезномъ Чтеніи» 1905 г. № 8, стр. 632—635. *Н. Н. Г.*].

Евг. Темниковскій.

какъ догадкой, что тутъ просто компромиссъ непримиренныхъ авторитетныхъ сужденій объ этомъ великомъ церковномъ дѣятелѣ V вѣка. *Н. Г.*]

Каноникъ (церковно-юридическій титулъ) *въ римско-католической церкви.* Такъ называются священнослужители, совершающіе при соборахъ и коллегіатскихъ церквахъ общее богослуженіе. Какъ члены мірскихъ—приходскихъ соборныхъ и коллегіатскихъ капитуловъ (см. это слово), они называются *canonici saeculares*, а какъ члены ордена, соединявшіе священнослуже-

ніе съ тремя орденскими обѣтами, они назывались *canonici regulares*.—Первоначально—въ христіанской древности—названіе „каноникъ" было примѣняемо къ каждому клирику, когда онъ вносился въ списокъ—„κανών" священнослужителей извѣстной церкви (1-го вселенскаго Никейскаго собора 325 г. прав. 16: πρεσβύτεροι ἢ διάκονοι ἢ ὅλως ἐν τῷ κανόνι ἐξεταζόμενοι). Сообразно этому всѣ клирики назывались *canonici*. Такое выраженіе находится уже въ 15 прав. лаодикійскаго собора: περὶ τοῦ μὴ δεῖν πλέον τῶν κανονικῶν ψαλτῶν... ἑτέρους τινὰς ψάλλειν ἐν ἐκκλησίᾳ.

Отсюда этотъ терминъ былъ заимствованъ западною церковію (Турск. соб. 567 г., прав. 20: unus lector c a n o n i c o r u m suorum и др.). Съ понятіемъ „каноникъ", какъ клирика, тѣсно связывается понятіе *vita canonica*—совмѣстная жизнь приходскаго духовенства. Уже въ IV в. Евсевій, еп. верчелльскій († 371 г.), объединилъ около себя клиръ своего епископскаго города. Въ V в. его примѣру послѣдовалъ блаж. Августинъ, еп. иппонскій, введшій у себя совмѣстную жизнь клириковъ въ одномъ и томъ же домѣ (monasterium), но отличавшій ихъ отъ монаховъ. Это направленіе нашло себѣ подражаніе въ Африкѣ, Галліи и Испаніи. Постепенное распространеніе христіанства заставляло клириковъ жить внѣ епископскаго города, отчего начала страдать церковная дисциплина. Тогда епископы постарались ввести для клира совмѣстную жизнь, которая стала обозначаться техническимъ терминомъ *vita canonica*, а жившіе такъ клирики—canonici (теперь уже въ новомъ смыслѣ). Совмѣстная жизнь клириковъ была упорядочена на Аахенскомъ соборѣ (816 г.). Согласно послѣднему законоположенію, наряду съ правилами Хродеганга, клирики жили вмѣстѣ въ опредѣленномъ домѣ со своимъ епископомъ или своимъ настоятелемъ, проводили вмѣстѣ „каноническіе часы" и подчинялись дисциплинѣ настоятеля. Такъ называемые „каноническіе часы" (*horae canonicae*), примѣръ которыхъ данъ и въ Ветхомъ, и въ Новомъ Завѣтѣ, состояли въ томъ, что каноники вмѣстѣ молились въ опредѣленное время дня, имѣли общій столъ, общую спальню въ одномъ опредѣленномъ домѣ (называемомъ claustrum, также monasterium), должны были вмѣстѣ проводить христіанскую и братскую жизнь, заниматься ручною работой, духовнымъ чтеніемъ, молитвою соотвѣтственно различнымъ степенямъ посвященія. Это была жизнь на подобіе монастырской; существенно отличалась vita canonica отъ послѣдней тѣмъ, что члены ея не давали монашескихъ обѣтовъ и имѣли собственность, при чемъ различіемъ степеней, посвященія и духовныхъ функцій, соединявшихся съ ними, обусловливалось различіе въ положеніи членовъ. За столомъ и ежедневно на собраніяхъ читалось Свящ. Писаніе и глава (capitulum) правилъ, откуда впослѣдствіи получилъ свое названіе „капитулъ" (см.).

Vita canonica не могла удержаться долго, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ. Въ ней происходили преобразованія и измѣненія, чему обязаны своимъ возникновеніемъ *canonici regulares*. Начало ихъ появленія падаетъ на XI в. Частная собственность каждаго клирика грозила опасностію для всей vita canonica, и папа Николай II на соборѣ 1059 г., а также Александръ II въ 1063 г. предписали клиру стремиться къ совершенной, апостольской общности имущества, отказавшись совсѣмъ отъ частной собственности. Такъ какъ этотъ образъ жизни основывался на примѣрѣ блаж. Августина, то изъ его твореній было заимствовано много правилъ этой жизни. Руководствовавшіеся этими правилами каноники и стали называться *canonici regulares*. Съ теченіемъ времени они образовали цѣлыя конгрегаціи, имѣвшія свою особую организацію. Но въ концѣ XIV и началѣ XV в. обѣтъ бѣдности былъ забытъ, и canonici regulares лишились свего значенія, постепенно сокращаясь въ своемъ числѣ. Насчитывается до 24 такихъ конгрегацій, имѣвшихъ значительное вліяніе въ жизни западной церкви.

Должность каноника называется *каноникатомъ*. Во многихъ мѣстахъ, кромѣ дѣйствительныхъ членовъ (canonici *numerarii)*, есть также canonici *supernumerarii*, раздѣляющіеся на три класса: а) canonici *honorarii*,—назначаемые папою или епископомъ; b) *сверхштатные*,—кандидаты на освобождающуюся вакансію,—сюда же canonici *juniores*, domicellares; c) *сверхштатные*, хотя и дѣйствительные, полно-

правные члены капитула, canonici и такъ сказ. заслуженные каноники (*jubilati*), пробывшіе въ качествѣ каноника 40 лѣтъ.

Къ канонику какъ коллегіатскихъ, такъ и соборныхъ церквей, при полученіи имъ каноннката и знаковъ послѣдняго, предъявляются извѣстныя требованія относительно возраста (отъ 14 и 22 лѣтъ), правъ, образованія (степень доктора богословія или каноническаго права). — Содержаніе канониковъ опредѣляется по степенямъ и не вездѣ одинаково. — Для всѣхъ канониковъ обязательно участіе въ богослуженіи.—Съ каноникатомъ соединяется *canonia*—titulus juris, право быть членомъ капитула, имѣть stallum (мѣсто) въ хорѣ; также голосъ въ рѣшеніяхъ капитула; право пользоваться доходами имуществъ. Капитулъ можетъ устанавливать правила, регулирующія внутреннее управленіе (въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ одобренія епископа). Каноники имѣютъ право собраній capitulariter для совѣщаній безъ позволенія епископа. Ему принадлежитъ печать. О другихъ правахъ и обязанностяхъ канониковъ см. въ ст. „Капитулъ". „Энц. VIII, столб. 534-539).

Литература. *Thomassin,* Vet. et nova disciplina eccles. (по-французски: Ancienne et nouvelle discipline de l'Église, I—III vol., in-fol. Paris 1678—1679). *Holstenius,* Codex regularum monasticarum et canonicarum, I—VI. Augsbourg 1759; *Malegarius,* Instituta et progressus clericalis canonicorum ordinis. Венеція 1648. *Schubert.* De origine et condit. eccles. collegi. *Caes. Benvenut. de Crema,* De vita et commut. clericorum, Constant. 1736. *Barbosa,* De canonicis et dignitatibus aliisque beneficiariis eorumque officiis in choro et capitulo, Lugd. 1640.1700. *van Espen,* De instituto et officiis canonicorum, Lovan. 1685. *Pennotus,* Historia canonicorum regularium. Roma 1624. *Chaponel,* Histoire des chanoing. Paris 1699. [*W. Smith* and *S. Cheetham,* A Dictionairy of Christian Antiquities I, London 1875, p. 281 — 283. *Wetzer* und *Welte,* Kirchenlexikon II², Sp. 1829—1835. 1835—1842. *F. X. Kraus,* Real-Encyklopädie der christlichen Alterthümer I, S. 191].

П. Смирновъ.

Каноникъ *въ англиканствѣ и въ Англіи.* Въ Англіи уставъ Хродеганга не нашелъ особенно радушнаго пріема; лишь немногіе епископы пробовали ввести его, — напр., Leofric (1040—1072 г.) въ Exeter, и Thomas Bayeue въ York (въ 1070—1100 гг.),— но всегда почти безуспѣшно. Регулярные каноники явились въ Англіи въ 1105 г, а премонстратскіе въ 1146 г. (главное аббатство было въ Welbeck, въ Ноттингэмширѣ). Что касается англійскихъ каѳедральныхъ капитуловъ, то они до времени реформаціи принадлежали или монашескимъ орденамъ (Бенедиктинскому, напр., въ Winchester, Canterbury; Августинскому—въ Carlisle), или же секулярнымъ каноникамъ (напр., въ York, London, Linkoln и др.). Капитулы обычно состояли изъ декана (dean), избираемаго капитуломъ, прецентора (precentor), завѣдывавшаго церковными службами, канцлера (chancellor), начальника образовательной части, казначея (treasurer), архидіаконовъ (позднѣе въ родѣ нашихъ благочинныхъ) и канониковъ (іереевъ, діаконовъ и иподіаконовъ). Число канониковъ въ каждомъ капитулѣ было очень значительно; въ Exeter ихъ было 18, а въ Lincoln 54; всѣ они имѣли особыя сидѣнія (stallum) въ хорѣ собора. Но не всѣ каноники получали пребенды (доходы съ имѣній собора); послѣдними пользовались большею частію canonici seniores.

Послѣ реформаціи наступила перемѣна въ положеніи соборныхъ капитуловъ. Теперь соборы въ Англіи дѣлятся на два класса: на соборъ стараго основанія (old foundation) и соборы новаго основанія (new foundation). Соборы „стараго основанія" (числомъ 13) — это тѣ соборы, кои во времена дореформаціонныя обслуживались секулярными каноннками; они сохранили свое капитулярное устройство сравнительно безъ большихъ перемѣнъ. Капитулъ состоитъ изъ декана, прецентора, канцлера, казначея и извѣстнаго числа канониковъ—пребендаріевъ (получающихъ пребенду—жалованье). Послѣдніе дѣлятся на канониковъ резиденціальныхъ (canon residentiary), всегда находящихся при соборѣ, и канониковъ нерезиденціальныхъ (canon non-residentiary), не имѣющихъ пребенды, хотя и пользующихся въ нѣкоторыхъ случаяхъ правомъ голоса въ капитулахъ (напр., при избраніи депутатовъ на конвокаціи и др.). Деканы прежде выбирались капитулами, но теперь, по The Ecclesiastical Commissioners Act, 1840 г., право назначать декановъ составляетъ привилегію короны (кромѣ 4-хъ валлійскихъ

епархій: St. David's, LLandaff, St. Asaph, Bangor, гдѣ право это въ рукахъ епископовъ; въ двухъ епархіяхъ, 1 и 2-ой, сами епископы прежде—до 1840 г.—были деканами). Каноники-пребендаріи выбираются епископами (кромѣ 3 канониковъ при соборѣ св. Павла въ Лондонѣ, назначаемыхъ короною). Число резиденціальныхъ канониковъ не должно быть болѣе 6 и менѣе 4-хъ. Прочіе члены духовенства при соборахъ стараго основанія носятъ названіе „пристъвикаріевъ" или же „хорал-викаріевъ" (priest-vicars, or vicars-choral).

Соборы новаго основанія (числомъ пока 16)—это тѣ соборы, кои до Генриха VIII обслуживались канониками регулярными (монахами, большею частію Бенед. ордена): въ нихъ, по уничтоженіи монастырей, мѣсто пріора и братіи было занято деканомъ и капитуломъ. Характерная черта новыхъ капитуловъ та, что въ нихъ епископъ есть членъ капитула. Далѣе членами капитула состоятъ деканъ, назначаемый короною, и небольшое число канониковъ, назначаемыхъ или короною, или Лордомъ-Канцлеромъ, или же самими епископами. Всѣ прочіе члены духовенства называются здѣсь minor-canons („майнор-каноники"), кромѣ Christ Church въ Оксфордѣ, гдѣ они называются капелланами (chaplain). Должность прецентора выполняется однимъ изъ „майнор-канониковъ", а дѣленія на резиденціальныхъ и нерезиденціальныхъ канониковъ вовсе не существуетъ; службы выполняются по очереди всѣми канониками. При этихъ же соборахъ каждый епископъ имѣетъ право назначать особыхъ канониковъ (изъ приходскаго духовенства), числомъ не болѣе 24: они называются почетными канониками (honorary canon); жалованья они не получаютъ, хотя и имѣютъ свои сидѣнія (stall) въ соборахъ, и иногда вызываются епископами въ соборы для проповѣди. Каноники есть при двухъ коллегіальныхъ церквахъ, при Вестминстерѣ въ Лондонѣ (6) и въ соборѣ при Виндзорѣ (4).

При нѣкоторыхъ соборахъ на мѣста канониковъ всегда назначаются или профессора какого-нибудь университета, или даже начальники колледжей. Такъ, 5 каноникатовъ при Christ Church въ Оксфордѣ, два при соборѣ въ Ely, два въ Durham, одинъ при соборѣ въ Rochester всегда принадлежатъ профессорамъ. Каноникатъ при соборѣ въ Norwich принадлежитъ начальнику (master) St. Catherine's College въ Кембриджѣ; каноникатъ при соборѣ въ Gloucester связанъ съ начальникомъ Pembroke College въ Оксфордѣ.

Что касается современныхъ католическихъ капитуловъ въ Англіи, то они обычно состоятъ изъ 10 канониковъ, подъ начальствомъ провоста (provost, лат. praepositus); изъ канониковъ одинъ называется „canon theologian", а другой „canon penitentiary", согласно постановленіямъ Тридентскаго собора. Въ Ирландіи капитулы имѣются лишь при десяти епархіяхъ (изъ 28); въ нихъ предсѣдательствуютъ деканы (deans).

Литература. *W. J. Hook*, A. Church Dictionary. London 1887. *W. E. Addis* и *T. Arnold*, A. Catholic Dictionary. London 1903. *E. L. Cutts*. Dictionary of the Church of England, London 1895. Sir *W. G. J. Thillimore*, The Ecclesiastical Law of the Church of England, 2 vls., London 1895. *G. Moroni*, Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica, VII. Venezia 1841. *E. Hatch*, The Growth of Church Institutions, London 1887.

К. Фаминскій.

Каноникъ—названіе богослужебной книги православной церкви, гдѣ содержатся избранные каноны Богородицѣ, Спасителю, Ангелу Хранителю (и др.) и нѣкоторыя молитвы; см. „Энц." II, 837.

П. С—въ.

Канонъ ветхозавѣтный. По общепринятому въ православно-богословской литературѣ опредѣленію, канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ есть собраніе богодухновенныхъ писаній, унаслѣдованное христіанскою церковію отъ церкви іудейской и содержащее въ себѣ слово Божіе, возвѣщенное ветхозавѣтному Израилю чрезъ богодухновенныхъ мужей.

Слово канонъ, по-греч. κανών, означаетъ трость, правило, а потомъ: прáвило, образецъ, предписаніе; далѣе: собраніе образцовыхъ произведеній; въ Новомъ Завѣтѣ: правило жизни (Гал. **6**, 16. 2 Кор. **10**, 13—16). То же значеніе этому слову придается у отцовъ церкви (Ириней ліонск. Пр. ерес. **3**, 11. 1. Климентъ ал.

Стром. **6**, 15. **7**, 16) и въ соборныхъ вѣроопредѣленіяхъ, называемыхъ **канонами**. У отцовъ церкви (Ириней, Прот. ерес. **3.** 11. **4.** 35. І. Златоустъ, Бес. на Быт. 58, 3. Ѳеодоритъ, Толк. на П. П. **2**, 1. 3) и въ соборныхъ опредѣленіяхъ (Лаод. соб. 60 прав.) канономъ называется собраніе священныхъ богодухновенныхъ писаній, а входящія въ канонъ писанія называются **каноническими** (Аѳанасій. 39 пасх. посл.: Βιβλία κεκανωνισμένα). [Для выясненія самыхъ понятій „канонической", „апокрифической" и пр. см. Prof. *Theodor Zahn:* Geschichte des neutestamentlichen Kanons, I, 1 (Erlangen 1888), 122 сл.; Grundriss der Geschichte des neutestamentlichen Kanons (Lzpg [1]1901), 1 сл., а съ точки зрѣнія такъ назыв. прогрессивнаго богословія см. и у Lic. *Edgar Hennecke:* Neutestamentlichen Apokryphen in deutschen Uebersetzung (Tübingen und Leipzig 1904), 3 сл.; Handbuch zu den neutestamentlichen Apokryphen (ibid. 1904), VII—IX. 1.— 4. *G. Hölscher*, Kanonisch und Apokryph: ein Kapitel aus der Geschichte des alttestamentlichen Kanons, Lpzg 1905 (и ср. къ сему Prof. *E. Schürer* въ „Theolog. Literaturzeitung" 1906, 4, Sp. 98 — 101). — *Н. Н. Г.*].

Соединяемое съ терминомъ канонъ понятіе о богодухновенности ветхозавѣтныхъ писаній основывается на ясномъ признаніи Іисусомъ Христомъ (Мрк. **12**, 36 = Пс. **109**, 1) и Апостолами (Дѣян. **1**, 16 = Пс. **40**, 10. 2 Петр. **1**, 20. 2 Тим. **3**, 15—16) ветхозавѣтныхъ каноническихъ писаній богодухновенными.

Такимъ образомъ *каноническія книги* суть священныя богодухновенныя ветхозавѣтныя и новозавѣтныя писанія, заключающія въ себѣ слово Божіе, написанныя пророками и Апостолами и составляющія Библію.

Въ *Ветхомъ Завѣтѣ* каноническихъ книгъ 22, при чемъ этотъ счетъ, заимствованный отъ евреевъ, предполагаетъ соединеніе нѣсколькихъ книгъ въ одну. Въ православно-богословской литературѣ раздѣляются ветхозавѣтныя и новозавѣтныя книги на законоположительныя, историческія, учительныя и пророческія; законоположительныя ветхозавѣтныя книги: 1) Бытіе, 2) Исходъ, 3) Левитъ, 4) Числъ и 5) Второзаконіе; историческія: 6) Іисуса Навина, 7) Судей и Руѳь, 8) 1 и 2 Царствъ, 9) 3 и 4 Царствъ, 10) 1 и 2 Паралипоменонъ, 11) 1 Ездры и Неемія, 12) Есѳирь; учительныя: 13) Іова, 14) Псалтирь, 15) Притчи Соломона, 16) Екклезіастъ, 17) Пѣснь Пѣсней; пророческія: 18) Исаіи, 19) Іереміи, 20) Іезекіиля, 21) Даніила, 22) Двѣнадцати малыхъ пророковъ. Въ греко-славянской и русской Библіи помѣщаются еще неканоническія ветхозавѣтныя книги: 2 и 3 Ездры, Товитъ, Іудиѳь, 1, 2 и 3 Маккавейскія, Премудрости Соломона, Премудрости Іисуса, сына Сирахова, Посланіе Іереміи и Варуха. Новозавѣтныхъ каноническихъ книгъ 27; законоположительныя: 1) Евангеліе Матѳея, 2) Марка, 3) Луки, 4) Іоанна; историческая—5) книга Дѣяній апостольскихъ; учительныя: Соборныя посланія Апостоловъ: 6) Іакова, 7 и 8) 1 и 2 Петра, 9, 10 и 11) 1, 2 и 3 Іоанна, 12) Іуды и 14 посланій Апостола Павла, 13) къ Римлянамъ, 14 и 15) 1 и 2 къ Коринѳянамъ, 16) къ Галатамъ, 17) къ Ефесеямъ, 18) къ Филиппійцамъ, 19) къ Колоссянамъ, 20 и 21) 1 и 2 къ Ѳессалоникійцамъ, 22 и 23) 1 и 2 къ Тимоѳею, 24) къ Титу, 25) къ Филимону, 26) къ евреямъ; пророческая книга: 27) Апокалипсисъ. Въ Новомъ Завѣтѣ неканоническихъ книгъ нѣтъ.

Признавая каноническія книги богодухновенными, неканоническія полезными,—особенно для оглашенныхъ,—и для всѣхъ христіанъ, православная церковь всегда предостерегала христіанъ отъ чтенія *апокрифическихъ* книгъ, коихъ всегда было не мало въ обращеніи средн іудеевъ и христіанъ. Эти книги, въ большинствѣ носящія ложныя надписи лицъ, коимъ онѣ не принадлежали по происхожденію, наполнены нелѣпыми баснословными сказаніями, часто и еретическими мыслями. Таковы апокрифы о ветхозавѣтныхъ лицахъ: книга Еноха, Завѣты 12 патріарховъ, Восхожденіе Исаіи, Апокалипсисъ Варуха и мн. др. О нововавѣтныхъ лицахъ: Евангеліе Никодима, Евангеліе Ѳомы, Евангеліе Іакова. Ветхозавѣтныхъ апокрифовъ насчитываютъ до 115, а новозавѣтныхъ до 99 сочиненій (*Вигуру*, Руков. къ чтенію и изученію Библіи, М. 1897, I, 67—90) [1]).

Происхожденіе канона. **Начало собранію книгъ Ветхаго Завѣта, какъ писаній священныхъ, дано Моисеемъ, повелѣвшимъ его книгу положить**

[1]) Объ апокрифахъ см. † проф. *И. Я. Порфирьева.* Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (Казань 1872), О новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (Спб. 1890); проф. прот. *А. В. Смирнова*, Мессіанскія ожиданія и вѣрованія іудеевъ около временъ Іисуса Христа (Каз. 1899) и др. (см. *Апокрифы*).

„одесную ковчега во свидѣтельство народу“ и читать въ праздникъ кущей юбилейныхъ годовъ (Втрз. **31**, 9. 26—27). Эта книга, соотвѣтственно ея помѣщенію и назначенію, называется у Іисуса Навина „книгою закона Божія“, въ которую Іисусъ Навинъ вписалъ и свои слова (І. Нав. **24**, 26—27) и положилъ все это предъ Господомъ, т. е. присоединилъ свою книгу къ писанію Моисея и положилъ вмѣстѣ съ послѣднимъ въ скиніи. Самуилъ также вписалъ въ эту книгу „оправданія царствія“ и положилъ предъ Господомъ (1 Цар. **10**, 25). Затѣмъ въ Библіи упоминаются „друзья Езекіи“, какъ собиратели книги Притчей Соломона (Притч. **25**, 1). По іудейскому преданію, обществу друзей Езекіи приписывается собраніе и изданіе книгъ Притчей, Екклезіаста, Пѣсни Пѣс. и Исаіи (Baba Batra. 15-a Sanh. 20). Кѣмъ собирались и хранились другія священныя ветхозавѣтныя книги за это время, прямыхъ свидѣтельствъ въ Библіи нѣтъ, но, несомнѣнно, онѣ были распространяемы, тщательно изучались священными писателями, особенно пророками, и считались, „книгою Господнею“ (Ис. **32**, 32—33), т. е. священнымъ писаніемъ. Писанія Моисея, несомнѣнно, хранились въ храмѣ (4 Цар. **22**, 8—10. 2 Пар. **34**, 14) [1]). При разрушеніи Іерусалима и сожженіи храма ветхозавѣтныя книги, несомнѣнно, не погибли. Въ плѣну ихъ читалъ пророкъ Даніилъ (Дан. **9**, 1—2), а также зналъ и читалъ пророкъ Іезекіиль (Іез. **16**, **20**, **23**, глл.). По возвращеніи изъ плѣна, ихъ читали и знали пророки Аггей, Захарія (**7**, 12) и Малахія (**2**, 4—6. **4**, 4—6), Ездра и Неемія (1 Ез. **3**, 2—5. Неем. **9—10** гл.).

Съ именами Ездры, Нееміи и Малахіи соединяется *заключеніе* ветхозавѣтнаго канона, т. е. окончательное собраніе священныхъ каноническихъ писаній, не допускающее дальнѣйшаго увеличенія числа и состава ихъ. Объ этомъ можно заключать изъ книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова, при коемъ уже ветхозавѣтный канонъ имѣлъ нынѣшніе составъ и раздѣленіе: законъ, пророки и писанія (Прем. Сир. **44**, 3—5. **45**, 6) или прочія книги (предисловіе къ сей книгѣ). Во второй Маккавейской книгѣ говорится о собраніи Нееміею особой „библіотеки“ съ сказаніями о царяхъ, пророкахъ, Давидѣ (2 Мак. **2**, 13) и о дарованіи Іереміею переселенцамъ въ Вавилонъ списка закона Господня (**2**, 1—3). И здѣсь можно видѣть указаніе на участіе Нееміи въ собраніи священныхъ книгъ и отдѣловъ канона. Іосифъ Флавій утверждаетъ, что ко времени, современника Ездры и Нееміи, Артаксеркса Лонгимана, собраны были уже 22 богодухновенныя книги, раздѣлявшіяся на законъ (5 книгъ), пророковъ (13 книгъ) и 4 книги пѣсней и ученій; къ этимъ книгамъ уже ничего потомъ нельзя было ни прибавить, ни отнять, ни перетолковать (Прот. Апіона, **1**, 8). Это число книгъ осталось, по свидѣтельству христіанскаго преданія, неизмѣннымъ для іудеевъ и въ послѣдующее время и вошло въ отеческія и православно-богословскія исчисленія ветхозавѣтныхъ каноническихъ книгъ. Въ талмудѣ цѣнны два свидѣтельства: „Моисей принялъ законъ [Тору] на Синаѣ, передалъ его Іисусу (Навину), Іисусъ (Навинъ)—старѣйшинамъ, старѣйшины — пророкамъ, а пророки—мужамъ великой синагоги“ (Pirke Abath, **1**, 1). Еще: „Мудрые имѣли у себя и оставили послѣ себя законъ, пророковъ и писанія соединенными въ одно цѣлое. Моисей написалъ пятокнижіе и книгу Іова. Іисусъ Навинъ написалъ свою книгу и послѣдніе восемь стиховъ Второзаконія. Самуилъ—книги Самуила (т. е. 1 и 2 Царствъ), Судей и Руѳь. Давидъ, при помощи 10 мужей, написалъ книгу псалмовъ. Іеремія написалъ свою книгу, книги Царей (т. е. 3 и 4 Царствъ) и Плачъ. Езекія и его общество написали Исаію, Притчи, Пѣснь Пѣсней и Когелетъ (т. е. Екклезіастъ). Мужи великой синагоги написали Іезекіиля, 12 пророковъ, Даніила и Есѳирь. Ездра написалъ свою книгу и генеалогіи Хроникъ (т. е. Паралипоменонъ) до своего времени, до возвращенія изъ Вавилона. Кто же закончилъ ихъ (т. е. генеалогіи и Паралипоменонъ)? Неемія, сынъ Хелкіи“ (Baba Batra 13—15 fol.). Изъ этихъ свидѣтельствъ ясно, что ветхозавѣтныя каноническія книги писались, собирались и хранились непрерывнымъ рядомъ авторитетныхъ мужей и обществъ, закончившихъ свое дѣло великою

---

[1]) Подробныя цитаты, подтверждающія нашу мысль, приведены въ нашемъ „Общемъ введеніи“, 59—74.

синагогой, Ездрой и Неемiей. Такимъ образомъ, эти свидѣтельства совпадаютъ съ вышеприведенными указанiями о заключенiи канона. Косвенное подтвержденiе сему мнѣнiю можно находить въ свидѣтельствахъ книгъ: Ездры объ Ездрѣ, какъ знающемъ законъ Бога Небеснаго, совершенномъ его учителѣ, книжникѣ (1 Ез. **7**, 6—26), и—Неемiи объ общенародномъ еврейскомъ собранiи, на которомъ Ездра долгое время читалъ „книгу закона Господня“ (Неем. **8**, 1—18); въ коей находились кромѣ законоположительныхъ книгъ и писанiя историческiя, пророческiя и псаломскiя (Неем. **9**, 24—34. **12**, 46). Посему можно думать, что Ездра читалъ народу собранiе всѣхъ священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Христiанскiе писатели и отцы церкви признавали Ездру собирателемъ, хранителемъ и издателемъ „истиннаго“ списка ветхозавѣтныхъ книгъ (Ириней, Прот. ерес. **3**, 21. Златоустъ, Бес. на посл. къ Евр. **8**, 4. Синопсисъ св. Аѳанасiя, 20 стр. Евсевiй, Церк. Ист. **5**, 8 и мн. др. Tiberias, 103—104 рр.).

———

Итакъ, согласно iудейскому и христiанскому преданiю, можно Ездрѣ, Неемiи и великой синагогѣ прiурочивать послѣднее собранiе священныхъ книгъ и окончательное установленiе объема и состава ветхозавѣтнаго канона [1]).

Iудейскiй ветхозавѣтный канонъ раздѣляется на три отдѣла: законъ, пророки и писанiя. Въ первый отдѣлъ (תורא) входитъ одно пятокнижiе Моисея. Во второй отдѣлъ (נביאים) входятъ: книги Iисуса Навина, Судей, Царствъ; это — старшiе пророки (נ.. ראשונים) Затѣмъ, книги пророковъ: Исаiи, Iеремiи, Iезекiиля и 12 малыхъ; это—младшiе пророки נ.. אחרונים. Третiй отдѣлъ писанiя. כתובים Въ него входятъ: Псалтирь, книга Iова, Притчи, Екклезiастъ, Пѣснь Пѣсней, Руѳь, Плачъ Iеремiи, Есѳирь, Даниiлъ, книги: 1-я Ездры, Неемiи и Хроники (т. е. Паралипоменонъ). Въ этомъ отдѣлѣ часто выдѣляются въ синагогальныхъ спискахъ: Пѣснь Пѣсней, Руѳь, Плачъ, Екклезiастъ и Есѳирь и составляютъ отдѣльный сборникъ, называемый „пять свитковъ“, по богослужебному употребленiю сихъ книгъ въ праздники.

Исторiя канона послѣ заключенiя. Палестинскiе и вавилонскiе iудеи относились съ глубочайшимъ уваженiемъ къ ветхозавѣтному канону, тщательно изучали его, хранили, какъ величайшую святыню, и въ эпоху гоненiй жертвовали не рѣдко жизнiю, чтобы не дать погибнуть священнымъ свиткамъ и не оставить ихъ безъ исполненiя (1 Мак. **1**, 56—57. **2**, 50. **12**, 9. 2 Мак. **7**, 9. 11. 37..). Среди еврейскихъ ученыхъ было распространено соферимское направленiе, состоявшее въ исчисленiи словъ и буквъ священныхъ книгъ, въ опредѣленiи средней ихъ буквы и средняго слова и т. п. занятiяхъ, свидѣтельствующихъ о крайнемъ благоговѣнiи этихъ ученыхъ къ свящ. книгамъ (Kidduschim 30a. Bab. Meg. 18б. Nedarim 37b. Несомнѣнно, что канонъ ветхозавѣтный у палестинскихъ и вавилонскихъ iудеевъ ограничивался вышеисчисленными каноническими книгами, при чемъ обычное количество книгъ опредѣляется въ 24. Это видно изъ частыхъ упоминанiй въ литературѣ еврейской о „24 книгахъ“ священныхъ (Sanh. 100b. 115a.b) и не рѣдкаго исчисленiя ихъ (Baba Batra. 13—15 fol. Taanit. 8a. Pirke Abath. 1, 2) [1]).

---

[1]) См. подробныя сему доказательства и разборъ иныхъ мнѣнiй въ нашемъ “Общемъ введенiи“, 82—133, *Keil*, Einleitung. 497—505.

[1]) Подробно многочисленные примѣры по сему вопросу изъ еврейской литературы приводятся въ сочиненiяхъ: *Fürst*, Kanon d. Alt. Testaments nach Ueberlieferungen in Talmud und Midrasch, Lpzg 1868; *Wogné*, Histoire de la Bible, Par. 1881, 1—91. Однако, у Prof. *J. Rendel Harris*, Fragments of Philo Judaeus, Cambridge 1886, p. 104 можно находить цитатъ изъ книги Iисуса, сына Сирахова, приводимый въ качествѣ λόγιον (см. у Proff. *H. L. Strack* въ „Theol. Literaturblatt“ 1899, 24, Sp. 275 и въ Realencyclopädie IX³, 750; *E. Schürer*, Geschichte des jüdischen Volkes II³, S. 310,13, а равно ср. у *насъ* въ книгѣ „Благовѣстiе св. Апостола Павла по его происхожденiю и существу“ т. II, стр. 163,330). Но разумѣется, это обстоятельство еще не служитъ къ несомнѣнному подтвержденiю мысли *Moriz Friedländer*'а (Griechische Philosophie im Alten Testament: eine Einleitung in die Psalmen - und Weisheitsliteratur, Berlin 1904, S. 183), яко бы Филонъ не только зналъ эти писанiя, а даже прямо считалъ ихъ каноническими.

Н. Г.

Отличіе этого 24-книжнаго канона отъ принятаго у Флавія и отцовъ церкви 22-книжнаго канона, по общему мнѣнію, объясняется раздѣленіемъ нѣкоторыхъ книгъ (напр., Руѳь отъ Судей, Плачъ отъ книги Іереміи), соединяемыхъ Флавіемъ и раздѣляемыхъ въ еврейско-палестинскомъ счисленіи [1]).

Труднѣе рѣшить спорный вопросъ объ объемѣ и составѣ канона, принятаго у александрійскихъ іудеевъ. Извѣстно, что въ спискахъ перевода LXX толковниковъ находились съ давняго времени и неканоническія книги, не рѣдко вперемѣшку съ каноническими. Какъ относились къ нимъ александрійскіе іудеи? Судя по цитатамъ Филона, въ коихъ совершенно отсутствуютъ неканоническія книги, и высказываемому имъ порицанію сектантовъ-ѳерапевтовъ за внесеніе въ канонъ своихъ мистическихъ и мнимо-пророческихъ сочиненій, думаютъ *Claudrees Hornemann,* Observationes ad illustrationem doctrinae de canone Veteris Testamenti ex Philone, Hauniae (Копенгагенъ) 1776. † *Carl Sieyfried,* Philo als Ausleger d. A. T., Jena 1875), что александрійскіе іудеи признавали канонъ въ объемѣ палестинскаго 24—книжнаго канона; остальнымъ же книгамъ, находившимся впослѣдствіи въ греческихъ спискахъ Библіи, не придавали каноническаго достоинства. Пользовавшійся греческимъ спискомъ Библіи въ переводѣ LXX толковниковъ, Іосифъ Флавій ограничивалъ канонъ 22 книгами еврейско-палестинскаго канона. Между палестинскими и александрійскими іудеями были постоянное живое религіозное общеніе и взаимный обмѣнъ посланіями и письмами по вопросамъ вѣры, богослуженія, учрежденія и соблюденія праздниковъ (2 Мак. **1**, 1—9. 18. 3 Мак.). При такомъ живомъ общеніи нельзя предполагать существенной разности въ воззрѣніяхъ на объемъ и составъ свящ. канона, за который іудеи рѣшались жертвовать жизнію (1 Мак. **2**, 50. 2 Мак. **7** гл.). Во всякомъ случаѣ, нѣтъ ясныхъ положительныхъ основаній допускать разность въ составѣ и объемѣ канона александрійскихъ и палестинскихъ іудеевъ (*Keil,* Einleitung in d. A. Testament, 1873, 642—644; *Buhl,* Kanon und Text d. A. T., 1891, 45). Такова исторія ветхозавѣтнаго канона въ іудейской церкви.

Исторія канона въ христіанской церкви. Іисусъ Христосъ придавалъ ветхозавѣтнымъ каноническимъ книгамъ величайшій авторитетъ непогрѣшимости (Мѳ. **5**, 17—18), называя ихъ „писаніемъ и закономъ“ (Мѳ. **21**, 42. **22**, 29. Ін. **10**, 24. 35. **17**, 12), признавалъ ихъ богодухновенными (Мрк. **12**, 35 = Пс. **109**, 1). Онъ утверждалъ раздѣленіе ихъ на три отдѣла: законъ, пророки и псалмы или писанія и признавалъ существеннымъ ихъ содержаніемъ пророчествованія о Немъ и Его служеніи (Лк. **24**, 34. 44). Апостолы также называли ветхозав. книги священными писаніями (Рим. **1**, 2. 2 Тим. **3**, 15), словомъ Божіимъ (Рим. **3**, 2), древнимъ завѣтомъ (2 Кор. **3**, 14) и признавали ихъ богодухновенность (2 Петр. **1**, 21. Евр. **3**, 7—10.=Пс. **94**, 7—10): *всяко писаніе богодухновенно и полезно ко обличенію и исправленію...* (2 Тим. **3**, 15—16), говоритъ Апостолъ Павелъ о всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ. Въ какомъ объемѣ ветхозавѣтный канонъ принимали Іисусъ Христосъ и Апостолы? Изъ подробнаго сличенія ихъ многочисленныхъ цитатъ съ ветхозавѣтными книгами заключаютъ [1]), что всѣми ветхозавѣтными каноническими книгами пользуются свящ. новозавѣтные писатели и въ большинствѣ предваряютъ свои цитаты авторитетнымъ предисловіемъ: „какъ написано“ или: „такъ говоритъ писаніе“ (Рим. **1**, 17. **2**, 24. Евр. **4**, 3). Что же касается неканоническихъ книгъ, входившихъ въ греческіе списки Библіи, то если и видно знакомство съ ними у новозавѣтныхъ писателей, то нѣтъ при цитатахъ изъ нихъ авторитетнаго эпитета: „такъ говоритъ Писаніе“, или: „какъ написано“, а тѣмъ болѣе: „какъ говоритъ Духъ Святый“. Да подвергаются значительному сомнѣнію и мнимо-ясные цитаты изъ нихъ въ новозавѣтныхъ книгахъ по сходству цитуемыхъ выраженій съ каноническими писаніями (напр., Мѳ. **6**, 14=Пр. I. Сир. **28**, 2. Мѳ. **4**, 4 = Прем. Сол. **16**, 26. Втрз.

---

[1]) См. у *Herzog,* Realéncyklopädie, IX³, 752: Здѣсь указывается и новая литература о „22-книжномъ канонѣ Флавія“.

[1]) Ср. *Dittmar,* Vetus Testamentum in Novo, Götting. 1899.

8, 2. Мѳ. **5**, 28 = Пр. I. Сир. **42**, 13. Мѳ. **7**, 12. = Тов. **4**, 15. Евр. **11**, 33—38 = 1 Мак. **1**, 53. **2**, 18. 2 Мак. **5**, 27. **10**, 6. 1 Цар. **14**, 6. 3 Цар. **4** гл. 2 Цар. **7** гл. Дан. **3** и **6** гл. 1 Цар. **18**, 11; см. наше „Общее введеніе", 135 — 143; *Keerl*, Die Apokryphen Frage mit Berücksichtigung der darauf bezüglichen Schriften. Lpzg. 1855). Происхожденіе Апостоловъ изъ среды палестинскихъ іудеевъ, гдѣ строго опредѣлены были составъ и объемъ ветхозавѣтнаго канона, приводятъ къ тому же выводу. Тѣмъ болѣе нѣтъ ясныхъ слѣдовъ цитаціи въ новозавѣтныхъ книгахъ изъ апокрифическихъ сочиненій (Посл. Іуды 6 и 11 ст. = кн. Еноха), какъ авторитетныхъ каноническихъ писаній, потому что мнимо-цитуемые апокрифы едва ли и существовали при написаніи новозавѣтныхъ книгъ (см. „Общее введеніе", 128—133). Общій выводъ тотъ, что Іисусъ Христосъ и Апостолы ограничивали ветхозавѣтный канонъ объемомъ и составомъ іудейско-палестинскаго канона. Что же касается неканоническихъ книгъ, то знакомство съ ними, хотя не въ равномъ авторитетѣ съ каноническими книгами, могло быть у новозавѣтныхъ писателей, напр. книгу Премудрости Соломона могъ знать Апост. Павелъ („Христ. Чт". 1903—1904 гг. ст. проф. *Н. Глубоковскаго*, Книга Премудрости Соломона и ученіе Ап. Павла), а еще также книгу Премудрости Іисуса, сына Сирахова, и Маккавейскія книги,—только, придавали имъ авторитетъ лишь писаній полезныхъ, назидательныхъ, мудрыхъ, но не канонически-богодухновенныхъ [1]). Этотъ взглядъ апостольскій на объемъ ветхозавѣтнаго канона и авторитетъ неканоническихъ книгъ легъ въ основу отношенія къ ветхозавѣтнымъ каноническимъ и неканоническимъ книгамъ *православной христіанской церкви* съ древнѣйшаго и до настоящаго времени.

Исторію ветхозавѣтнаго канона въ христіанской церкви разныхъ исповѣданій удобно раздѣлить на слѣд. періоды: I—III вв.; IV—V вв.; VI — XVI вв. по р. Хр. Въ *первый періодъ* (I—III вв.) сужденіе *православно-восточной* церкви о ветхозавѣтномъ канонѣ, его составѣ и объемѣ и о неканоническихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ выразилось въ 85 апостольскомъ правилѣ, въ твореніяхъ Мелитина и Оригена и въ составѣ перевода Пешито. Въ 85 апостольскомъ правилѣ перечислены слѣд. книги: Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числъ, Второзаконіе, Іисуса Навина, Судей, Руѳь, Царствъ, Паралипоменонъ, Ездры двѣ, Есѳирь, Маккавейскія, Іова, Псалтирь, Притчи, Екклезіастъ, Пѣснь Пѣсней, 12 малыхъ пророковъ, Исаіи, Іереміи, Іезекіиля, Даніила. Для чтенія „юнымъ" назначается книга Премудрости Іисуса, сына Сирахова (Книга правилъ святыхъ Апостолъ, святыхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ, Москва 1893). Мелитонъ нарочно путешествовалъ въ Палестину, чтобъ точно узнать „о числѣ и составѣ" свящ. канона и въ письмѣ къ брату Онисиму исчисляетъ однѣ лишь каноническія книги: пять книгъ Моисея, Іисуса Навина, Судей, Руѳь, 4 книги Царствъ, 2 Паралипоменонъ, Псалмы, Притчи, Екклезіастъ, Пѣснь Пѣсней, Іова, Исаіи, Іереміи, Іезекіиля, Даніила, 12 малыхъ пророковъ и Ездры (Евсевій, Церк. Ист. **6**, 26). Перечисляются лишь каноническія книги, съ пропускомъ книги Есѳирь. Оригенъ, при объясненіи перваго псалма, говоритъ: „нужно знать, что у евреевъ 22 книги принято по числу буквъ ихъ алфавита" и перечисляетъ каноническія книги съ еврейскимъ ихъ наименованіемъ и съ пропускомъ 12 мелкихъ пророковъ,—думаютъ,—по ошибкѣ переписчика (Евсевій, Церк. Ист. **11**. Origenis oper. II, 328). Къ книгѣ Іереміи присоединяются Плачъ и Посланіе. При объясненіи книги Числъ онъ замѣчаетъ, что неканоническія книги: Товита, Іудиѳи, Премудрость Соломона и Сираха „слѣдуетъ читать оглашеннымъ, потому что они не могутъ употреблять твердой пищи, заключающейся въ таинственныхъ богодухновенныхъ писаніяхъ" (Com. in Num. 27). Въ переводѣ Пешито, употребительномъ въ сирійской церкви, происшедшемъ во 2 и 3 вв., не было и первоначально, и потомъ (при Ефремѣ Сиринѣ и Афраатѣ) неканоническихъ книгъ, почему у Ефрема Сирина неканоническія книги не толкуются. Общій выводъ изъ обозрѣнныхъ памятниковъ тотъ,

[1]) *Сперанскій*, Очеркъ судьбы неканоническихъ книгъ Ветхаго Завѣта; „Христ. Чт." 1881 г., №№ 11—12.

что въ древней православно-восточной церкви руководились еврейскимъ 22-книжнымъ канономъ, хотя, при неясности свѣдѣній о послѣднемъ, включали въ него нѣкоторыя неканоническія книги (напр., Маккавейскія въ 85 апост. правилѣ, Посланіе Іеремiи у Оригена) и исключали каноническія (книгу Есѳирь у Мелитона). Неканоническія книги не исключались изъ состава библейскихъ списковъ и назначались для чтенія оглашеннымъ (Оригенъ) и юношамъ (85 апост. прав. о Прем. І. Сир.). На составъ и объемъ еврейскаго канона обращалось здѣсь вниманіе вслѣдствіе обращенія евреевъ въ христіанство, частой полемики съ необращавшимися (св. Іустинъ, Разгов. съ Трифономъ 71. 120), происхожденія изъ мѣстностей съ еврейскимъ населеніемъ многихъ отцовъ и учителей церкви и ученаго знакомства съ свящ. книгами по еврейскому тексту и еврейскою богословскою литературой (Оригенъ и составители Пешито). Въ *западной церкви*, за указанное время, не было лицъ, знавшихъ еврейскій канонъ, не было научнаго или полемическаго сношенія съ евреями, а потому всѣ каноническія и неканоническія книги, существовавшія въ переводѣ LXX толковниковъ и сдѣланномъ съ него и распространенномъ тамъ латинскомъ переводѣ, признавались въ равномъ достоинствѣ и авторитетѣ и цитовались, какъ „божественное писаніе" (Климентъ рим. цитуетъ Прем. Сол., Прем. І. Сир., Іудиѳь; Ириней ліон.— Варуха, Прем. Сол.; Кипріанъ—всѣ неканон. книги, кромѣ Іудиѳи...). Только Викторинъ пиктавійскій (пуатьесскій) замѣчаетъ о канонѣ „изъ 24 книгъ", напоминающемъ талмудическое счисленіе.

Второй періодъ (IV—V вв.). Въ это время сужденія *православно-восточной* церкви о ветхозавѣтномъ канонѣ выразились въ 60 правилѣ Лаодикійскаго собора, въ 39 пасх. посланіи св. Аѳанасія, въ Оглас. поученіяхъ (IV) Кирилла іер., въ твореніи Григорія Богослова: „О томъ, какія подобаетъ чести книги Ветхаго и Новаго Завѣта", въ посланіи Амфилохія къ Селевку и въ твореніи Епифанія кипрскаго (De pond. et mens. 4). Особенно характерно выражено сужденіе о канонѣ въ 60 прав. Лаод. собора: „читати подобаетъ книги Ветхаго Завѣта: 1) Бытіе міра, 2) Исходъ изъ Египта, 3) Левитъ, 4) Числъ, 5) Второзаконіе, 6) Іисусъ Навинъ, 7) Судіи и Руѳь, 8) Есѳирь, 9) Царствъ первая и вторая, 10) Царствъ третія и четвертая. 11) Паралипоменонъ первая и вторая, 12) Ездры первая и вторая, 13) книга Псалмовъ ста пятидесяти, 14) Притчи Соломона, 15) Екклезіастъ, 16) Пѣснь Пѣсней, 17) Іовъ, 18) дванадесять пророковъ, 19) Исаія, 20) Іеремія, Варухъ, Плачъ и Посланіе, 21) Іезекіиль, 22) Даніилъ. Сіи книги подобаетъ въ церкви чести, какъ опредѣленныя и означенныя правилами (κανών), какъ псалмы и книги священныя" (Книга правилъ, 171—172 стр.). Итакъ, 22-книжный канонъ палестинскій остается руководственнымъ въ православно-восточной церкви и въ этотъ періодъ, при чемъ всѣмъ книгамъ подведенъ впервые точный счетъ, требующій, какъ видно, часто соединенія нѣсколькихъ книгъ въ одну цифру. О неканоническихъ книгахъ, кромѣ Варуха и Посланія Іереміи, совершенно не упоминается. Въ другихъ твореніяхъ о неканоническихъ книгахъ замѣчается, что онѣ назначаются для чтенія оглашеннымъ (у св. Аѳанасія), признаются „полезными и почтенными" (у св. Епифанія); изъ числа каноническихъ книгъ исключаются Варухъ и Посланіе Іереміи (у Григорія Богосл., Амфилохія и Епифанія). Св. Епифаній указываетъ и мотивъ признанія 22-книжнаго канона: потому что „въ ковчегѣ у евреевъ" столько ихъ хранилось, а неканоническія книги „не были положены въ ковчегѣ" (De pond. et mens. 4). 22-книжный канонъ во всѣхъ твореніяхъ признается неизмѣннымъ. Въ греческихъ спискахъ ветхозавѣтныхъ книгъ, сохранившихся отъ этого періода (александрійскій, ватиканскій, синайскій кодексы), помѣщаются неканоническія книги вмѣстѣ съ каноническими, въ цитатахъ отеческихъ не рѣдко онѣ цитуются, какъ „святое писаніе", за богослуженіемъ и онѣ, особенно на паримiяхъ, читались. Въ переводахъ армянскомъ, коптскомъ и эѳіопскомъ онѣ также находятся. Такимъ образомъ, неканоническія книги въ православно-восточной церкви допускались при составѣ Библіи, хотя не въ равномъ авторитетѣ съ „22-мя" каноническими книгами.

Въ *западной* церкви въ этотъ періодъ

выяснилось отношеніе къ неканоническимъ книгамъ, оставшееся руководственнымъ для католической церкви на все послѣдующее время. Оно выразилось: въ декретѣ папы Дамаса (отъ 374 года) „о принимаемыхъ и непринимаемыхъ книгахъ", въ опредѣленіяхъ соборовъ: иппонскаго (393 г.) и карѳагенскихъ (397 и 419 гг. прав. 37), въ декретахъ папъ Иннокентія (отъ 405 г.) и Геласія (отъ 495 г.) и въ сочиненіи Августина „О христіанской наукѣ". Различаясь незначительно въ частностяхъ (расположеніи и наименованіи книгъ, отдѣловъ и т. п.), во всѣхъ этихъ памятникахъ существенно сходенъ взглядъ, уравнивающій авторитетъ каноническихъ и неканоническихъ книгъ, не упоминающій о 22 книгахъ еврейскаго канона. У бл. Августина такъ, напр., исчисляются книги: „весь канонъ Писаній заключаетъ слѣд. книги: пять книгъ Моисея, книгу Іисуса, Судей, Руѳь, четыре книги Царствъ, двѣ Паралипоменонъ, Іова, Товіи, Есѳирь, Іудиѳь, двѣ книги Маккавейскія и двѣ Ездры. Это книги историческія. Затѣмъ слѣдуютъ пророческія: книга Псалмовъ, три книги Соломона—Притчи, Пѣснь Пѣсней, Екклезіастъ. Къ нимъ же должны быть причислены книги Премудрости Соломона и и Премудрости Іисуса, сына Сирахова. Далѣе слѣдуютъ въ собственномъ смыслѣ пророческія книги: Исаіи, Іереміи, Іезекіиля, Даніила. Таковы 44 книги авторитетныя для Ветхаго Завѣта" (De doctr. christ. 2, 8. 13).

Отъ этихъ опредѣленій и счисленій, оффиціально принятыхъ въ западной церкви, отличаются счисленія и сужденія Руфина и Іеронима, также сходныя между собою. Оба эти ученые мужа ссылаются, какъ и отцы восточной церкви, на еврейскій 22-книжный канонъ и имъ ограничиваютъ объемъ и составъ ветхозавѣтнаго канона, принятаго въ христіанской церкви: „въ еврейскомъ, сирійскомъ и халдейскомъ языкахъ,— говоритъ Іеронимъ,—существуетъ 22 буквы, соотвѣтственно сему и священныя книги исчисляются числомъ 22, хотя для этого многія книги соединяются и считаются за одну, напр., Самуила (1—2 Царствъ), Царей (3—4 Цар.), Хроники (1—2 Паралипоменонъ), Ездры (Ездры и Нееміи)". Встрѣчавшіяся у нѣкоторыхъ отцовъ восточной церкви включенія Варуха и Посланія Іереміи въ число 22 каноническихъ книгъ здѣсь отсутствуютъ. Неканоническія книги „читаются въ церкви для назиданія народа, а не въ подтвержденіе авторитета церковныхъ догматовъ" („Hieronym [—Pseudo?—], Prologus Galeatus et Prolog. in libr. Solomon juxta LXX. *Ruphin.* Comment. in Symbol. Apost. § 36—38). Къ Іерониму и Руфину примыкаетъ и Иларій пиктавійскій (пуатьесскій), считающій „22 книги" въ ветхозавѣтномъ канонѣ (Prolog. in Psalm.), хотя упоминающій о томъ, что „нѣкоторые причисляютъ Товита и Іудиѳь и тогда образуется 24 книги по числу буквъ греческаго алфавита".—Но приведенныя мнѣнія не были общераспространенными и оффиціально принятыми въ западной церкви.

Въ третій періодъ (VI—XVI вв.) въ *восточной церкви* оставался, господствовавшій въ предыдущіе періоды, установленный отцами и соборами взглядъ на составъ и объемъ ветхозавѣтнаго канона и достоинство и назначеніе неканоническихъ книгъ. На трулльскомъ соборѣ утверждены были всѣ опредѣленія соборныя и апостольскія о каноническихъ и неканоническихъ книгахъ. Такъ какъ въ счисленіи сихъ книгъ, какъ мы видѣли, есть разность между постановленіями лаодикійскаго собора (60 пр.), 85 апост. правила, отличающими каноническія книги отъ неканоническихъ и 37 прав. карѳагенскаго собора, не указывающими такой разности, то канонисты этого періода Зонара, Аристинъ, Вальсамонъ, Матѳей Властарь пытались согласить ихъ; при этомъ, ссылаясь на авторитетъ апостольскаго правила и Аѳанасія вел., ограничивали канонъ 22 книгами, отдавая, очевидно, преимущество этому опредѣленію предъ счисленіемъ карѳагенскаго собора. То же видно и въ Кормчей, при толкованіи 60 прав. лаодикійскаго собора.—Іоаннъ Дамаскинъ признаетъ 22-книжный канонъ „по числу письменъ еврейскаго языка" и дѣлитъ его на четыре пятикнижія. Неканоническія книги онъ признаетъ „прекрасными и очень полезными", но не входящими въ число 22-хъ книгъ, потому что „онѣ не были въ ковчегѣ" (Излож. прав. вѣры 4, 17 гл.). Тотъ же 22-книжный канонъ признаетъ Никифоръ, патр. константинопольскій, считая неканоническія книги спорными (δσαι

ἀντιλέγονται): три Маккавейскія, Премудрость Соломона и Сираха, псалмы Соломона и пѣсни его (т. е. апокрифическія сочиненія), Есѳирь, Іудиѳь, Сусанну (Дан. 13 гл.) и Товію. Очевидно, о послѣднихъ книгахъ не вполнѣ точныя свѣдѣнія имѣлъ авторъ. Въ библейскихъ спискахъ греческихъ и переводныхъ, напр. сирійскомъ гекзатіарномъ (ок. 613—616 гг.), неканоническія книги помѣщались.

Въ западной католической церкви офиціально признаннымъ и руководственнымъ оставался взглядъ на составъ и объемъ канона, утвердившійся въ предыдущіе вѣка. Такъ, въ опредѣленіяхъ папъ Ормизды (VI-го в.), Николая 1-го (IX-го в.), Евгенія IV-го (XV-го в.), въ канонѣ Льва великаго (VI-го в.), въ сочиненіяхъ канонистовъ Діонисія малаго (VI-го в.), Бурхарта вормскаго (XI-го в.) и Граціана (XII-го в.) принимался канонъ Августина и Карѳагенскаго собора, иногда и повторялся этотъ канонъ съ пропускомъ канона Лаодикійскаго собора. Въ опредѣленіяхъ Флорентійскаго (отъ 1439 г.) и Тридентскаго (1546 г.) соборовъ признаны „канонически-богодухновенными“ всѣ книги, находящіяся въ латинской Вульгатѣ, и изречена анаѳема на всякаго, „кто не считаетъ священными и каноническими сихъ книгъ въ цѣломъ ихъ содержаніи и во всѣхъ ихъ частяхъ, какъ онѣ читаются и принимаются въ церкви католической“ (Трид. соб. IV засѣд. отъ 8 апр. 1546 г.). Въ перечнѣ нѣтъ только 2 и 3 книги Ездры, 3-й Макав. книги и Плача и Посланія Іереміи. Думаютъ, что Плачъ и Посланіе подразумѣваются въ книгѣ Іереміи, а книга Ездры и Маккавейская намѣренно исключены изъ канона, какъ и доселѣ исключаются въ католической церкви. Въ большинствѣ богословскихъ католическихъ трудовъ принимался этотъ же канонъ и число книгъ въ Ветхомъ Завѣтѣ опредѣляется въ 45, а вмѣстѣ съ Новымъ Завѣтомъ въ 70 или 72 книги (Кассіодоръ, Рабанъ Мавръ и др.). Но были и за этотъ періодъ, какъ за предыдущіе, богословы, принимавшіе канонъ въ составѣ и объемѣ 22-книжнаго еврейскаго канона. Таковы: папа Григорій великій, Примазій адруметскій, Валафридъ, Страбонъ, Рупертъ Дейцъ, Гуго-сенъ-Викторъ, Петръ клюнійскій, Петръ Манжеръ, даже Ѳома Аквинатъ, флорентійскій архіепископъ Антонинъ (мож. быть членъ и предсѣдатель Флорентійскаго собора † 1459 г.) и „ученый экзегетъ и богословъ, знаменитый апологетъ и полемистъ“ (по выраженію католическихъ богослововъ) кардиналъ Кайетанъ, признавали канонъ ветхозавѣтный согласно съ православно-восточною Церковію. Особенно характерно мнѣніе послѣдняго: „закончимъ,—говоритъ Кейетанъ,—толкованіе историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта книгою Есѳирь, потому что остальныя книги: Іудиѳь, Товіи, Маккавейскія, помѣщены Іеронимомъ внѣ каноническихъ и вмѣстѣ съ Премудростію Соломона и Екклезіастикомъ (т, е. Іисуса с. Сирахова) между апокрифами. Не смущайся, читатель, если въ священныхъ соборныхъ опредѣленіяхъ и у святыхъ докторовъ найдешь ихъ помѣщенными среди каноническихъ книгъ. Ибо опредѣленія соборовъ и докторовъ должны быть основываемы на ученіи Іеронима. Сіи книги не суть каноническія, т. е. руководительныя для утвержденія вѣры, но онѣ принимаются въ назиданіе нравовъ. Съ этимъ различеніемъ можешь принимать опредѣленія Флорентійскаго собора, Карѳагенскаго, Лаодикійскаго и папъ Иннокентія I и Геласія I“.

Въ четвертый и послѣдній періодъ (XVI—XX вв.) *въ православно-восточной Церкви* отношеніе къ ветхозавѣтному канону, его составу и объему, и къ неканоническимъ книгамъ покоилось на установленныхъ уже положеніяхъ. На Константинопольскомъ (1672 г.) и Іерусалимскомъ (того же 1672 г.) соборахъ, по поводу опубликованныхъ на Западѣ исповѣданій Кирилла Лукариса и Митрофана Критопула, въ коихъ унижался въ протестантскомъ духѣ авторитетъ неканоническихъ ветхозавѣтныхъ книгъ и низводился въ терминологіи до степени „апокрифовъ“, признанъ канонъ въ объемѣ и составѣ, принятыхъ Лаодикійскимъ соборомъ. Неканоническія книги, „неразумно и злостно“ названныя въ исповѣданіи Кирилла „апокрифами“, признаны Священнымъ Писаніемъ и „неизмѣнною и дѣйствительною“ частію Священнаго Писанія (*Kimmel,* Monumenta fidei ecclesiae orientalis, 1850). Это соборное опредѣленіе было подписано апокрисіаріемъ русскаго царя Алексѣя Михайловича свято-

гробскимъ архимандритомъ Іосафатомъ (см. „Общее введеніе“, 197—204).

Согласно всѣмъ вышеизложеннымъ сужденіямъ, счисленіямъ и опредѣленіямъ соборовъ и отцовъ православно-восточной Церкви, въ катихизисѣ митр. Филарета слѣд. образомъ исчисляются ветхозавѣтныя книги: 1) Книга Бытія, 2) Исходъ, 3) Левитъ, 4) Числъ, 5) Второзаконіе, 6) Іисуса Навина, 7) книга Судей и вмѣстѣ съ нею, какъ бы ея прибавленіе, книга Руѳь, 8) первая и вторая книги Царствъ, какъ двѣ части одной книги, 9) третья и четвертая книги Царствъ, 10) первая и вторая книги Паралипоменонъ, 11) книга Ездры первая и вторая его же или—по греческому наименованію—книга Нееміи, 12) Есѳирь, 13) книга Іова, 14) Псалтирь 15) Притчи Соломона, 16) Екклезіастъ его же, 17) Пѣснь Пѣсней его же, 18) книга пророка Исаіи, 19) Іереміи, 20) Іезекіиля, 21) Даніила, 22) двѣнадцати пророковъ. Неканоническія книги, согласно сужденію Аѳанасія великаго, какъ несуществующія на еврейскомъ языкѣ, „назначены отцами для чтенія вступающимъ въ Церковь“ (Простр. Катихизисъ, М. 1842, 10—12). Тотъ же взглядъ и такое же исчисленіе помѣщаются во „Введеніи въ прав. богословіе“ митр. Макарія; неканоническія книги признаются полезными, назидательными, но не богодухновенными. („Введеніе въ прав. богословіе“, Спб. 1847, §§ 124 и 126). Къ сему можно добавить, что вь славянскомъ и русскомъ изданіяхъ Библіи неканоническія книги всегда помѣщались вмѣстѣ съ каноническими. То же должно сказать и о неканоническихъ дополненіяхъ, существующихъ въ нѣкоторыхъ каноническихъ книгахъ (**151** псаломъ, дополненіе къ **36** главѣ 2 Паралипоменонъ Даніила: **3**, 25—95 ст. **13** и **14** главы, Есѳирь: **1**, 1. **2**, 13. **3**, 17. **4**, 1. **8**, 13. **10**, 3 [1]).

[1]) Однако, касательно положенія неканоническихъ книгъ въ Библіи наряду съ богодухновенными писаніями см. и наши замѣчанія иного характера, напр., въ «Христ. Чтеніи» 1901 г. № 10, стр. 622—624 и ср. въ книгѣ «Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу» т. II. стр. 436; вопросъ о нихъ требуетъ спеціальнаго разсмотрѣнія и церковно-авторитетнаго рѣшенія.—*Н. Г.*

Въ западной католической церкви за разсматриваемый періодъ оставалось неизмѣннымъ и оффиціально признаннымъ сужденіе о канонѣ, его составѣ и объемѣ, установленное въ предыдущіе періоды. Послѣднее соборное опредѣленіе было высказано на Ватиканскомъ соборѣ 1871 г. (Ses. III, cap. II, can. 4). Здѣсь изречена анаѳема на всякаго, „кто не признаетъ богодухновенности книгъ, утвержденныхъ тридентскимъ соборомъ“. Но, какъ и въ предыдущіе періоды, и теперь среди католическихъ богословъ, знакомыхъ съ исторіей канона въ православно-отеческихъ твореніяхъ, высказывались мнѣнія о различіи авторитета каноническихъ и неканоническихъ книгъ. Среди католическихъ богослововъ этого періода, въ ихъ ученыхъ трудахъ, принятъ былъ терминъ „прото[перво-]каноническія“ книги, означавшія писанія, принятыя въ еврейскомъ канонѣ, и „девтеро[второ-]каноническія“, не принятыя въ еврейскій канонъ, но существовавшія въ Вульгатѣ и авторизованныя западными соборами и отцами. Защитники православно-восточнаго взгляда на канонъ, очень авторитетные католическіе богословы: Беллярминъ, Сикстъ сіенскій, Ями, Янъ, Дюпэнъ и др., обратили вниманіе на эту терминологію и утверждали, что „девтероканоническія книги не были общепризнанными во всей Церкви во времена Апостоловъ и позднѣе, по причинѣ неопредѣленности ихъ авторитета. Древнѣйшіе отцы считали ихъ апокрифами и неканоническими, назначая ихъ читать только оглашеннымъ; позднѣе дозволили ихъ чтеніе вѣрнымъ, но не для подтвержденія вѣры, а для назиданія“ (*Sixt. Sinens.*, Bibliotheca sancta, 44 p.).

Протестанты, признавъ руководственною, при чтеніи и изученіи ветхозавѣтныхъ книгъ, Библію въ еврейскомъ текстѣ, ограничили и ветхозавѣтный канонъ лишь еврейскимъ объемомъ и составомъ его. Такъ, въ цюрихскомъ (1529 г.) изданіи Библіи неканоническія книги напечатаны отдѣльно отъ каноническихъ—съ замѣткою, что эти книги „древними не помѣщались между библейскими писаніями и не находятся у евреевъ“. Въ изданіяхъ Библіи съ переводомъ Лютера (съ 1534 г.) онѣ названы „апокрифами“, „т. е. книги, кото-

рыя не должны считаться равными Свящ. Писанію, но могутъ читаться, какъ полезныя и добрыя". Лютеръ и Карлштадтъ высказывались и болѣе рѣзко: Лютеръ предлагалъ исключить изъ канона Есѳирь, Екклезіастъ и Паралипоменонъ, а Карлштадтъ признавалъ Варуха, неканоническіе отдѣлы Даніила, Есѳирь наполненными апокрифическими сказаніями (De canon. Script. lib., 89—95 pp.) Формула Конкордіи, исповѣданія галликанское (1552 г.), англиканское (1562 г.), гельветское (1564 г.) признали канонъ въ объемѣ еврейскаго канона, а неканоническія книги „полезными и назидательными, но не авторитетными для ученія вѣры". Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ полемики защитниковъ и противниковъ неканоническихъ книгъ, находившихъ въ нихъ „множество ересей", стала распространяться мысль о совершенномъ выдѣленіи ихъ изъ состава Библіи. Въ лондонскомъ Библейскомъ обществѣ (отъ 3 мая 1826 г.) было постановлено печатать и распространять Библію въ составѣ лишь однихъ каноническихъ книгъ. Такъ, въ его изданіяхъ принято и доселѣ. Въ протестантскихъ изданіяхъ Библіи также въ большинствѣ случаевъ это разграниченіе соблюдается. Неканоническія книги обычно въ протестантской литературѣ называются „апокрифами".

Литература. *Fürst*, Der Kanon des Alten Testaments nach den Ueberlieferungen in Talmud und Midrasch, Lpzg 1868. [*Rud. Cornely*, Historica et critica Introductio in U. T. libros sacros, Parisiis 1885, p. 19—144. Max Schlössinger въ The Jewish Encyclopedia III, p. 140—154. *F. Vigouroux* въ Dictionnaire de la Bible III, col. 134—168. Prof. *N. L. Strack* въ RE. von Herzog-Hauck IX³, S. 741—768. Prof. *Karl Budde* въ Encyclopaedia Biblica ed. by Prof. T. K. Cheyne and I. S. Black I, col. 647—764. Rev. Prof. *V. H. Stauton*, Rev. Prof. *Alexander Stewart* и Rev. *F. H. Woods* въ A. Dictionary of the Bible ed. by I. Hastings I, p. 348—350. 288—290. III, col. 604—616. Prof. *E. Mangenot* у Vacant et Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique. I, col. 1550—1555 („Notron"); 1555—1574 („Critérium de la canonicité"); 1574—1582 („Canon chrétien de l'Ancien Testament"). Sir *Henry H. Howorth*, The Origin and Authority of the Biblical Canon in the Anglican Church въ „The Journal of Theological Studies" VIII, 29 (October, 1906), p. 1—40. *Его-же*, The Modern Roman Canon and The Book of Esdras A. ibid. VII, 27. (April, 1906), p. 343—354. *I. B. Glutigny*, O. F. M., Les commencements du canon de l'Ancien Testament, Rom 1906. *W. H. Green*, Allgemeine Einleitung in das Alte Testament: Der. Kanon, aus Engl. übers. von O. Becher, Stuttgart 1906.] *Loisy*, Histoire du Canon de l'Ancien Testament, Paris 1890. *Buhl*, Kanon und Text des Alten Testaments, Lpzg 1891. *Wildeboer*, Die Entstehung des alttestamentlichen Kanons, Gotha 1891. *Budde*, Der Kanon des Alten Testaments, Giessen 1900 и др. Русская: проф. *П. А. Юнгеровъ*, Общее историко-критическое введеніе въ священныя ветхозавѣтныя книги, Казань 1902, стр. 48—218. *Н. К. Дагаевъ*, Исторія ветхозавѣтнаго канона, Спб. 1898. † Проф. *С. М. Сольскій*, Исторія собранія ветхозав. книгъ въ одинъ свящ. кодексъ, или Исторія ветхозав. канона въ „Тр. Кіев. дух. Акад." 1870 г., III. Арх. (еп.) *Михаилъ* (Лузинъ), Библейскій канонъ въ „Чт. въ об. люб. дух. просв." 1872 г., мартъ. *Сперанскій*, Очеркъ судьбы неканон. книгъ В. Завѣта въ „Хр. Чт." 1887 г., №№ 9—12; 1882 г., №№ 1—2.

П. Юнгеровъ.

Канонъ новозавѣтный. Въ священномъ новозавѣтномъ канонѣ находится 27 книгъ, принадлежащихъ восьми богодухновеннымъ писателямъ,—съ одной стороны,—Апостоламъ (Матѳей, Іоаннъ, Іаковъ, Петръ, Іуда и Павелъ), съ другой,—непосредственнымъ ученикамъ и сотрудникамъ апостольскимъ (Маркъ и Лука). Часто поднимается вопросъ, не написано ли священныхъ новозавѣтныхъ книгъ больше,—не утеряны ли какія-нибудь изъ нихъ, и на этотъ вопросъ западные богословы, особенно протестантскіе, обыкновенно даютъ отвѣтъ утвердительный: они говорятъ объ утерянныхъ посланіяхъ св. Павла къ Коринѳянамъ, къ Лаодикійцамъ, къ Филиппійцамъ. Но всѣ мѣста посланій Ап. Павла, на которыя обычно ссылаются, допускаютъ иное толкованіе и даннаго мнѣнія вовсе не подтверждаютъ. Такъ, 1 Кор. **5**, 9: „писахъ вамъ въ посланіи не примѣшатися блудникамъ" можетъ быть связываемо съ непосредственно предшествующимъ, — съ рѣчью о коринѳскомъ кровосмѣсникѣ, изъ которой ясно открывалась для читателей необходимость такого именно отношенія къ блудникамъ; если въ данномъ мѣстѣ усматривать указаніе на недошедшее къ намъ посланіе къ Коринѳянамъ, предшествующее

каноническому первому посланію къ Коринѳянамъ, тогда трудно изъяснить слова **5**, 11: „нынѣ же *писахъ* вамъ“, вмѣсто которыхъ можно бы ожидать: „нынѣ же *пишу* вамъ“, какъ указаніе различія нынѣшняго писанія отъ предшествующаго; нельзя даннымъ словамъ придавать и такой смыслъ: „*скорѣе* я вамъ писалъ“, ибо употребленная здѣсь частица (νυνί) такого значенія не имѣетъ; *нынѣ же писахъ вамъ*, т. е. изъ моихъ же наставленій о кровосмѣсникѣ видно, что я разумѣю не всякихъ блудниковъ, а именно блудниковъ — христіанъ. Точно такъ же столь часто привлекаемыя нѣкоторыя мѣста 2 посланія къ Коринѳянамъ (**2**, 1—4. **7**, 8. 12 и др.), въ доказательство утраты посланія къ Коринѳянамъ, посредствующаго между 1 и 2 каноническими писаніями Апостола къ этой церкви, не подкрѣпляютъ разсматриваемаго тезиса, поскольку всѣ они вполнѣ ясны, при свѣтѣ 1 посланія къ Коринѳянамъ, особенно же при сопоставленіи ихъ съ рѣчью о коринѳскомъ кровосмѣсникѣ (см. объ этомъ нашу статью: О второмъ посланіи св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ въ „Трудахъ К. Д. Академія“ 1902 г., т. 2-й). Далѣе, слова Апостола въ посланіи къ Филиппійцамъ: „писать вамъ *о томъ же* для меня не тягостно, а для васъ назидательно“ (**3**, 1) находятъ для себя объясненіе въ непосредственно предшествующемъ: „радуйтесь о Господѣ“,—въ желаніи св. Павла постоянно напоминать вѣрующимъ о необходимости христіанской радости,—и вовсе здѣсь не требуется предположеніе, что въ сохранившемся посланіи къ Филиппійцамъ св. Павелъ желаетъ повторить писанное имъ раньше въ недошедшемъ къ намъ посланіи къ этой общинѣ. Въ Кол. **4**, 16 рѣчь идетъ не о посланіи *къ Лаодикіи*, а о посланіи *отъ Лаодикіи*, т. е. не о посланіи, адресованномъ Лаодикійцамъ, а о посланіи, пересылаемомъ только изъ Лаодикіи, которая получила его изъ другого мѣста; по наиболѣе вѣроятному предположенію, это есть посланіе къ Ефесянамъ (см. наше изслѣдованіе: Посланіе св. Апостола Павла къ Ефесянамъ, Кіевъ 1904, стр. 112—122).

При томъ уваженіи, съ какимъ Церковь всегда относилась къ апостольскимъ писаніямъ, при той тщательнѣйшей заботѣ, какую она неизмѣнно прилагала объ ихъ сохраненіи, рѣшительно непонятно, почему могли безслѣдно исчезнуть нѣкоторыя апостольскія произведенія. Если Церковь сохранила намъ посланія апостоловъ, написанныя къ отдѣльнымъ лицамъ, имѣющія совершенно частный поводъ и назначеніе, то тѣмъ болѣе она передала бы намъ посланіе св. Павла къ Лаодикійцамъ, или его первое посланіе къ Филиппійцамъ, если бы таковыя произведенія дѣйствительно когда-н. существовали. Апостольское писаніе могло,—допустимъ,—затеряться въ какой-л. отдѣльной церкви, но безслѣдное исчезновеніе его во всѣхъ церквахъ рѣшительно, по нашему мнѣнію, не мыслимо. Наукѣ, вѣдь, не удалось до сихъ поръ открыть такой новый документъ, который бы, по чисто объективнымъ основаніямъ, могъ претендовать на апостольское происхожденіе. Въ свое время предполагали, что вновь открытое посланіе къ Лаодикійцамъ есть то самое посланіе, о которомъ упоминается въ Кол. **4**, 16, но очень скоро науку должно было постигнуть полное разочарованіе: вынуждены были признать это посланіе подложнымъ,—жалкою компиляціей, составленной изъ различныхъ посланій св. Павла.

Такимъ образомъ священный новозавѣтный канонъ есть полный сборникъ апостольскихъ писаній.

Протестантство не имѣетъ истиннаго ученія о Церкви, а потому, естественно, оно извратило и понятіе о канонѣ. По его взгляду, новозавѣтный канонъ есть нѣчто случайное; въ него внесены извѣстныя книги, но могли быть причислены и другія писанія, потому что при установленіи канона не имѣлось твердаго критерія и наряду съ апостольскимъ помѣщали и неапостольское; здѣсь опредѣляющимъ образомъ дѣйствовали привычка, церковная практика, богослужебное употребленіе той или иной книги, такъ что въ общемъ новозавѣтный канонъ совпадаетъ съ простымъ каталогомъ книгъ, читаемыхъ при богослуженіи. Иначе, конечно, и не могутъ разсуждать тѣ, которые не знаютъ Церкви, какъ благодатнаго союза, одушевляемаго Духомъ Божіимъ, — вѣрной и неизмѣнной хранительницы апостольской истины, и отвергаютъ подлинность большинства, или, по крайней мѣрѣ, значительной части новоза-

вѣтныхъ писаній. Въ дѣйствительности же было только такъ, что иныя новозавѣтныя книги оставались неизвѣстными нѣкоторымъ церквамъ, или были книгами спорными, что происходило по разнымъ причинамъ: — потому ли, что эти книги рѣдко употреблялись и рѣдко читались (напр., 2 и 3 посланія Іоанна, посланіе Іуды), или по той причинѣ, что онѣ имѣли слишкомъ общее назначеніе (посланіе Іакова, 2 посланіе Петра, посланіе къ Евреямъ), такъ что ихъ апостольское происхожденіе не могло быть завѣрено голосомъ какой-н. одной авторитетной церкви. Образованіе новозавѣтнаго канона есть, безъ сомнѣнія, великая критическая церковная работа, но это работа не созидательная, творческая, какъ представляютъ ее обыкновенно протестанты, а работа, критически провѣряющая и утверждающая то, чѣмъ Церковь изъ начала владѣла, какъ своимъ неизмѣннымъ достояніемъ.

[Отсюда слѣдуетъ, что установленіе новозавѣтнаго канона должно восходить къ апостольскимъ временамъ. Возможно, что больше всѣхъ потрудился здѣсь св. Іоаннъ Богословъ. Эта мысль впервые была раскрыта со всею обстоятельностію † ректоромъ Моск. Дух. Академіи протоіер. *А. В. Горскимъ* въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ святыхъ отцовъ“ XXIV (1871), стр. 297—327 въ статьѣ: „Образованіе канона священныхъ книгъ Новаго Завѣта“, но она принимается теперь (особенно по отношенію къ Евангеліямъ) и многими западными учеными различныхъ направленій, каковы, напр., Prof. *Wilhelm Bousset* въ „Theologische Literaturzeitung“ 1898, 3, Sp. 70 (въ отчетѣ о книгѣ A. Resch'a) и Prof. *Frederic Godet*, Introduction au Nouveau Testament: Introduction particulière II (Neuchatel 1904), p. 38—39. 41—42. 133. 134. 135. 136.—*Н. Н. Г.*].

Церковь имѣла твердый, опредѣленный критерій при установленіи новозавѣтнаго канона. Это—происхожденіе того или иного писанія отъ Апостола или непосредственнаго ученика апостольскаго (Евангеліе Марка, представляющее, согласно преданію, запись устной проповѣди Ап. Петра; Евангеліе Луки, написанное, согласно тому же преданію, подъ руководствомъ Ап. Павла). Въ свою очередь апостольское происхожденіе документа опредѣлялось (какъ только-что сказано) *историческимъ* преданіемъ, — согласіемъ церквей, равно чистотою раскрываемаго въ немъ ученія, согласнаго съ ученіемъ, неизмѣнно хранимымъ въ Церкви, т. е. *догматическимъ* преданіемъ, такъ что преданіе, которое вообще шире Писанія, первоначальнѣе его, является основоположнымъ началомъ при установленіи канона. „Изъ преданія я узналъ (ἐν παραδόσει μαθών),—говоритъ Оригенъ,—о существованіи четырехъ Евангелій, которыя одни только безъ всякаго сомнѣнія принимаются всею поднебесною Церковію Божіей“ (*Euseb.* h. e. **6**, 26: 4; по ed. Schwegler, p. 225).

Нельзя сказать, что Церковь произвольно то расширяла, то сокращала канонъ, что обыкновенно утверждаютъ протестантскіе ученые (Гарнакъ, Юлихеръ и др.). Никогда собственно не было такъ, чтобы Церковь сначала принимала извѣстную книгу въ канонъ, считала ее богодухновенною, а затѣмъ исключила ее изъ канона. Мнѣнія частныхъ церквей, а тѣмъ болѣе мнѣнія отдѣльныхъ отцовъ и учителей Церкви, нельзя смѣшивать съ голосомъ Церкви вообще. На это различіе ясно указываетъ Оригенъ, который, считая посланіе къ Евреямъ только по мыслямъ Павловымъ, въ то же время замѣчаетъ: „не безъ основанія древніе мужи передали его, какъ Павлово“ (*Euseb.* h. e. **6**, 26: 13). Кромѣ того, столь часто повторяемое положеніе, что Климентъ александрійскій и Оригенъ считали такія произведенія, какъ „Пастырь“ Ермы, посланіе Варнавы, посланіе Климента римскаго и др., каноническими писаніями (Цанъ и др.), едва ли можетъ быть строго доказано. О „Пастырѣ“ Ермы Оригенъ выражается осторожно, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: „каковое писаніе (т. е. Пастырь) мнѣ представляется очень полезнымъ и, *какъ полагаю*, богодухновеннымъ“ (ut puto, divinitus inspirata. In. Rom. **16**, 14: Migne gr. XIV, 1282); въ другомъ мѣстѣ: „если однако это писаніе можетъ быть принято“ (in Num. hom. **8**, 1. Migne gr. XII, 622); въ третьемъ мѣстѣ: „если мы осмѣлимся пользоваться тою книгой, которая обращается въ церквахъ, но не считается всѣми божественною“ (in Matth. **14**, 21; Migne gr. XIII, 1240). Климентъ ал., пользуясь посланіемъ Климента рим. къ Коринѳянамъ, посланіемъ Варнавы и Пастыремъ, нигдѣ не употре-

бляетъ формулъ цитацiи, обычныхъ у него при пользованiи священными книгами: „писано", „Писанiе глаголетъ", „Духъ Святый глаголетъ", а выражается необычно: „сила, глаголющая Ерму въ откровенiи" (*Strom.* **1**, 29, 2, по ed. Potter. I, p. 426. 430; о посланiи Варнавы: *Strom.* **2**, 7. 20; о посланiи Климента: *Strom.* **1**, 7; **4**, 24), и это показываетъ, что онъ не смѣшивалъ этихъ,—безъ сомнѣнiя, уважаемыхъ имъ произведенiй,—съ книгами каноническими. Сомнительно, по нашему мнѣнiю, и то, что св. Ириней лiонскiй считалъ каноническими посланiе Климента къ Коринѳянамъ и „Пастырь" Ермы (противъ Цана, Гарнака, Вейса, Блека и др.). Ссылаются обыкновенно на **4**, 20: 2 его сочиненiя „Противъ ересей" (по ed. *Grabe* cap. 37, p. 330. 331), гдѣ находится одно мѣсто, взятое, какъ говорить и Евсевiй (h. e. **5**, 8: 7; по ed. Schwegler, p. 173), изъ Пастыря („прежде всего вѣруй, что одинъ Богъ, все создавшiй и устроившiй и все приведшiй изъ небытiя въ бытiе"), предваряемое словами: „хорошо говоритъ писанiе" (γραφή). Но нужно сказать, что „писанiе" (γραφή—безъ члена) употребляется иногда у св. Иринея для обозначенiя обыкновеннаго произведенiя (**1**, 25: 4, 5. 27: 4; 31: 2; **3**, 12: 12; **4**, 41: 4); Евсевiй кесарiйскiй, прилагая (h. e. **5**, 8: 7) къ „Пастырю" наименованiе „писанiе" (γραφή), вовсе не считалъ его произведенiемъ священнымъ (см. ниже). Въ отношенiи къ посланiю Климента рим. св. Ириней употребляетъ (**3**, 3) только выраженiе: „церковь римская отправила полезнѣйшее писанiе" (ἱκανωτάτην γραφήν, т. е. ἐπιστολήν).

Съ другой стороны, не было и такого момента, чтобы Церковь сначала не принимала извѣстной новозавѣтной книги въ священный канонъ, а впослѣдствiи ее включила, т. е. сперва не считала ее апостольскою, а затѣмъ признала таковою. Уже въ писанiяхъ мужей апостольскихъ находятся указанiя на всѣ новозавѣтныя книги, кромѣ посланiя къ Филимону, 3 посланiя Iоанна и посланiя Iуды [см. The New Testament in the Apostolic Fathers], что̀ объясняется, конечно, отсутствiемъ повода цитовать эти писанiя, имѣющiя частное назначенiе и слишкомъ специальное содержанiе. Есть даже здѣсь сравнительно ясныя указанiя на 2 посланiе Петра (*Clem.* Ad. Cor. 11), совершенно опредѣленныя указанiя на апостольское происхожденiе посланiя къ Евреямъ (*Clem.* Ad. Cor. 36. 17. 9; ср. *Euseb.* h. e. **3**, 38:3) и Апокалипсиса (*Iren.* Contra haer. **5**, 30: Migne gr. VII, 1203). Нѣкоторыя новозавѣтныя книги были неизвѣстны частнымъ церквамъ (см. ниже), хотя и нельзя разъяснить, почему именно онѣ оставались неизвѣстными; другiя книги оспаривались (напр., посланiе къ Евреямъ въ римской церкви: *Euseb.* h. e. **3**, 3:5), но спорныя книги (ἀντιλεγόμενα) не то же, что книги „неапостольскiя", какъ утверждаетъ De-Bemmè и др., признанныя впослѣдствiи апостольскими. Церковь не дѣлаетъ неапостольскаго апостольскимъ, а утверждаетъ только апостольское, и этимъ письменнымъ апостольскимъ достоянiемъ она, — повторимъ, — изначала владѣла. Сомнѣнiя Кая, пресвитера римскаго, Дiонисiя александрiйскаго и другихъ въ подлинности Апокалипсиса суть сомнѣнiя частныя; такой же субъективный характеръ имѣетъ, напр., мнѣнiе Тертуллiана о написанiи посланiя къ Евреямъ Варнавою (De pudic. 20).

Такимъ образомъ, исторiя новозавѣтнаго канона состоитъ въ *устраненiи*, — на основѣ историческаго и догматическаго преданiя Церкви,—тѣхъ книгъ, которыя незаконно иногда претендовали на каноничность въ нѣкоторыхъ частныхъ церквахъ (напр., Апокалипсисъ Петра), а не въ Церкви вообще, и, наоборотъ, въ *принятiи*,—по указаннымъ основанiямъ,—тѣхъ новозавѣтныхъ писанiй, которыя инымъ частнымъ церквамъ были неизвѣстны, или оставались для нихъ спорными. На этихъ собственно двухъ моментахъ и движется вся исторiя новозавѣтнаго канона. Она есть какъ бы постепенное сглаженiе въ данномъ отношенiи различiя, заявлявшаго себя и на практикѣ, между всею Церковiю и частными церквами и отдѣльными мнѣнiями. Въ собственномъ смыслѣ можетъ быть рѣчь не объ *образованiи* канона (творческая дѣятельность Церкви), а объ *установленiи* канона (работа критически провѣряющая и утверждающая изначала данное), и только протестантскiе богословы могутъ доказывать, что „канонъ образовался" около 150—170 г. что до поло-

вины II в. не было даже „канона Евангелій“ (Гарнакъ, Юлихеръ, Гильгенфельдъ, Вейсъ и др.).

Церковный канонъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ составлялъ необходимый противовѣсъ канону еретиковъ, которые, стараясь оправдать свое ученіе ссылками на подлинныя писанія Апостоловъ, часто, въ своихъ цѣляхъ, прямо отвергали апостольское происхожденіе многихъ новозавѣтныхъ документовъ, а иногда прямо сочиняли подложныя апостольскія произведенія. Такъ, евіониты не признавали посланій Ап. Павла, считая его отступникомъ отъ закона и имѣли одно только Евангеліе Матѳея (*Iren.* Adv. Haer. **1**, 26:2. **3**,15:1; ср. *Euseb.* h. e. **3**, 27:4); наоборотъ, Маркіонъ относился съ уваженіемъ единственно къ Ап. Павлу и въ его канонѣ находилось лишь извращенное имъ Евангеліе Луки (*Tertull.* Adv. Marc. **4**, 3; *Iren.* Adv. Haer. **1**, 27:2, **3**, 12:12) и 10 посланій св. Павла, которыя онъ исказилъ своими пропусками (*Iren.* Adv. Haer. **1**, 27:2. **3**, 12:12). Св. Ириней ліонскій говоритъ, что еретики „приводятъ несказанное множество апокрифическихъ и подложныхъ писаній, которыя они сами составили для того, чтобы поражать людей несмысленныхъ и незнающихъ писаній истинныхъ“ (**1**, 20:1), а въ другомъ мѣстѣ сообщаетъ, что Валентиніане „свое недавнее сочиненіе озаглавливаютъ „Евангеліемъ истины“, хотя оно ни въ чемъ несогласно съ Евангеліями Апостоловъ“ (**3**, 11:9). Въ „Церковной исторіи“ (**6**, 12) Евсевія кесарійскаго находимъ извѣстіе, что еп. антіохійскій Серапіонъ (200 г.) воспретилъ обращеніе среди принадлежащей ему росской церкви „Евангелія Петра“, какъ евангелія еретическаго, составленнаго преемниками Маркіона, хотя раньше, до ближайшаго ознакомленія съ этимъ евангеліемъ, онъ разрѣшилъ его чтеніе.

Трудно указать опредѣленные періоды въ исторіи новозавѣтнаго канона. Наиболѣе естественно, по нашему мнѣнію, различать три такіе періода. Въ первый періодъ, продолжающійся приблизительно до 170 г.,—вѣкъ мужей апостольскихъ и христіанскихъ апологетовъ—указанное нами раньше различіе въ мнѣніяхъ и практикѣ частныхъ церквей и отдѣльныхъ церковныхъ писателей относительно новозавѣтныхъ книгъ почти вовсе не выступаетъ; цитація новозавѣтныхъ книгъ тогда еще сравнительно свободная; часто обращаются къ „живому и пребывающему“ голосу устнаго апостольскаго преданія, а что въ сочиненіяхъ св. Игнатія Богоносца и Іустина Мученика стараются не одинъ разъ объяснить изъ апокрифовъ, то, вѣрнѣе, имѣетъ свою основу именно въ устномъ преданіи (напр., *Ignat.* Ad. Smyrn. 3; Ad. Ephes. 19). Во второй періодъ, заканчивающійся приблизительно третьимъ вѣкомъ, отмѣченное различіе уже ясно выступаетъ въ мнѣніяхъ и практикѣ частныхъ церквей и отдѣльныхъ отцовъ и учителей Церкви. Наоборотъ, въ третій періодъ—IV в. это различіе уничтожается и канонъ новозавѣтный является твердо установленнымъ.

Послѣ этихъ общихъ принципіальныхъ соображеній о новозавѣтномъ канонѣ считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на важнѣйшихъ моментахъ его исторіи, какъ они намѣчаются для насъ въ такъ называемомъ „фрагментѣ Мураторія“ (римская церковь), въ переводѣ Пешито (сирійская церковь), у Тертулліана (карѳагенская церковь), у св. Иринея ліонскаго (галльская церковь), Климента александрійскаго и Оригена (александрійская церковь), а затѣмъ у Евсевія кесарійскаго и въ послѣдующей церковной письменности IV и начала V в.

1. *Фрагментъ Мураторія.* Драгоцѣнный въ наукѣ фрагментъ, открытый ученымъ Муратори, въ Миланской библіотекѣ (*L. A. Muratorii* Antiquitates Italicae medii aevi III, Mediolani 1740, 851 sqq.), дошелъ къ намъ безъ начала и конца. По наиболѣе распространенному мнѣнію, онъ первоначально былъ написанъ на языкѣ греческомъ и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ представляетъ уже переводъ, сдѣланный, судя по нѣкоторымъ его особенностямъ (напр., латинизированное Catafryges = οἱ κατὰ Φρύγας=монтанисты), не ранѣе второй половины IV в. Такъ часто встрѣчающіяся въ немъ ошибки въ орѳографіи и грамматикѣ принадлежатъ небрежному писцу, что подтверждается присутствіемъ подобныхъ же погрѣшностей и въ другихъ частяхъ сборника, заключающаго въ себѣ разсматриваемый фрагментъ, напр., въ не-

посредственно слѣдующемъ за фрагментомъ отрывкѣ изъ сочиненія Амвросія медіоланскаго объ Авраамѣ. Фрагментъ писанъ на Западѣ, поскольку Римъ называется здѣсь прямо urbs, сравнительно же обстоятельное замѣчаніе о римскомъ епископѣ Піѣ (строки 73—75) показываетъ, что онъ назначался не для римлянъ, а для церкви, стоящей въ близкомъ отношеніи къ Риму. Время происхожденія документа опредѣляется словами: „Пастырь“ же написалъ недавно, въ наши времена, Ермъ, въ городѣ Римѣ, когда на каѳедрѣ римской церкви находился его братъ, епископъ Пій (стрк. 73—77). Изъ этихъ словъ можно заключать, что время, отдѣляющее фрагментиста отъ смерти еп. Пія († 154 годъ), сравнительно небольшое, и потому написаніе фрагмента обыкновенно относятъ на 200 — 210 г.; допускать болѣе раннее его происхожденіе (170 — 180 г.) едва ли возможно, ибо, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ фрагмента, Церковь уже осудила не только еретиковъ Маркіона, Валентина и Василида, но и монтанистовъ (стрк. 65, 81 — 85), между тѣмъ послѣднее совершилось въ Римѣ около 195 г. Писателемъ фрагмента не могъ быть ни Кай, пресвитеръ римскій, ни Ипполитъ, потому что первый отрицалъ подлинность Апокалипсиса, происхожденіе котораго отъ Іоанна Богослова ясно признается въ данномъ фрагментѣ, а второй вовсе не держался взгляда, что Апокалипсисъ написанъ ранѣе посланій Ап. Павла (стрк. 48 сл.). Памятникъ, должно быть, принадлежитъ неизвѣстному члену римской церкви.

Фрагментъ Мураторія не есть просто списокъ (каталогъ) новозавѣтныхъ книгъ, а своего рода ихъ историческое обозрѣніе,—такъ называемый синопсисъ. Въ нашихъ цѣляхъ достаточно обратить вниманіе на слѣдующее въ его содержаніи.

Въ дошедшемъ къ намъ видѣ фрагментъ начинается неясными словами о Евангеліи Марка ((ali) quibus tamen interfuit et ita posuit), которымъ несомнѣнно предшествовала рѣчь о Евангеліи Матѳея. Далѣе говорится о происхожденіи Евангелія Луки (2—8) и Евангелія Іоанна, въ связи съ его первымъ посланіемъ (9 — 34). Слѣдуетъ рѣчь о происхожденіи кн. Дѣяній Апостольскихъ, написанной будто бы Лукою на основаніи лично имъ видѣннаго и пережитаго, почему и не упоминается въ ней о путешествіи св. Павла въ Испанію (34—39), и затѣмъ рѣчь о посланіяхъ Ап. Павла (39 — 63). Послѣднія, въ количествѣ 13, перечисляются въ такомъ порядкѣ: 1 и 2 посланія къ Коринѳянамъ, посланія къ Ефесянамъ, Филиппійцамъ, Колоссянамъ, Галатамъ, Ѳессалоникійцамъ (1 и 2), Римлянамъ, какой порядокъ посланій соотвѣтствуетъ будто бы времени ихъ происхожденія; потомъ, каноническими признаются посланіе къ Филимону, одно къ Титу и два къ Тимоѳею, при чемъ дѣлается замѣчаніе о подложныхъ посланіяхъ къ Лаодикійцамъ и Александрійцамъ, измышленныхъ въ оправданіе ереси Маркіона, и о подложности „многаго другаго“ (alia plura), что никакъ не можетъ быть принято въ каѳолической церкви, ибо нельзя смѣшивать желчь съ молокомъ (63—68).

Сдѣлавши указанное замѣчаніе о книгахъ апокрифическихъ, фрагментистъ продолжаетъ: „посланіе же (Sane = [μέντοι?] конечно, разумѣется) Іуды и два (посланія), надписываемыя именемъ Іоанна, имѣются въ каѳолической (церкви)“, и далѣе слѣдуетъ весьма темное, много затрудняющее ученыхъ, мѣсто: „и (et) Премудрость, написанная друзьями Соломона въ честь его самого“. (68—71). Подъ двумя посланіями Іоанна, по всей вѣроятности, разумѣются 2 и 3 посланія, поскольку о первомъ его посланіи была уже рѣчь раньше. Упоминаніе въ спискѣ новозавѣтныхъ каноническихъ книгъ о книгѣ Премудрости (Соломоновой) является совершенно неожиданнымъ, и потому вм. чтенія „*и* (et) Премудрость“ лучше принять корректуру: „какъ (ut) Премудрость“; замѣчаніе это относится только ко 2 и 3 посланію Ап. Іоанна и тогда смыслъ его можетъ быть тотъ, что какъ кн. Премудрости составлена друзьями Соломона (изъ его изреченій) въ честь его самого, такъ и данныя посланія, имѣющія совершенно частное назначеніе („избранной госпожѣ“ и „Гаію возлюбленному“), написаны Апостоломъ какъ бы въ честь своихъ друзей. Не настаиваемъ на справедливости этой своей догадки, но, во всякомъ случаѣ, гипотеза Трегеллеса (Tregelles), принимаемая Цаномъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ неправильнымъ переводомъ словъ: Σοφία Σαλομῶντος ὑπὸ Φίλω-

νος εἰς τιμὴν αὐτοῦ συγγράφεῖσα („Премудрость Соломона, написанная Филономъ въ честь его“), гдѣ вм. ὑπὸ Φίλωνος („Филономъ“) поставлено по ошибкѣ: ὑπὸ φίλων („друзьями“), не имѣетъ для себя никакой реальной опоры, ибо не можетъ быть рѣчи о церковномъ чтеніи этого сочиненія на Западѣ, какъ это признаетъ Цанъ.—Не менѣе спорно и дальнѣйшее мѣсто фрагмента: „только принимаемъ (tantum recipimus) Апокалипсисъ Іоанна и Петра, который нѣкоторые изъ нашихъ не желаютъ читать въ церкви“ (стрк. 71—73). Предполагаютъ здѣсь выпаденіе словъ или цѣлой строки, гдѣ Апокалипсисъ Іоанна сопоставлялся, по его каноничности, съ 1 посланіемъ Петра, а затѣмъ была рѣчь о 2 посланіи Петра, къ которому (т. е. посланію) и относится замѣчаніе, что нѣкоторые не желаютъ читать его въ церкви,—предполагать это едва ли есть какія-нибудь основанія, и гипотеза (Цана и др.) мотивируется только отсутствіемъ другихъ указаній на признаніе въ западной церкви каноничности Апокалипсиса Петра. Равнымъ образомъ совершенно произвольно считать tantum невѣрнымъ переводомъ греч. μόνην („Апокалипсисъ Іоанна и Петра *одно*, т. е. посланіе — принимаемъ, которое“ и дал.). Лучше слѣдовать, по нашему мнѣнію, обычному пониманію, что изъ Апокалипсисовъ принимались въ римской церкви того времени только Апокалипсисъ Іоанна и Апокалипсисъ Петра, хотя, впрочемъ, послѣдній нѣкоторые не желали читать въ церкви. — Наконецъ, въ фрагментѣ находится важное для насъ замѣчаніе о „Пастырѣ“ Ермы (73 — 80), именно, что эта книга неканоническая и не можетъ быть читаема публично предъ народомъ въ церкви, но ее слѣдуетъ читать частнымъ образомъ.

Какъ видно, въ Мураторіевомъ фрагментѣ ясно признаются каноническими: 4 Евангелія, кн. Дѣяній Апостольскихъ, 13 посланій св. Павла, 1 посланіе Іоанна, посланіе Іуды и Апокалипсисъ Іоанна. Нѣтъ упоминанія о посланіи Іакова, 2 посланіи Петра и посланіи къ Евреямъ; нѣсколько неясное указаніе находится на 3 посланіе Іоанна. О первомъ посланіи Петра, по всей вѣроятности, была рѣчь въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о второмъ Евангеліи, которое, согласно преданію, есть Евангеліе Петрово, и кромѣ того самъ фрагментистъ упоминаетъ о 1 посланіи Ап. Іоанна только въ связи съ четвертымъ Евангеліемъ. Книгою, хотя допущенною для публичнаго церковнаго чтенія, но нѣкоторыми оспариваемою, считается „Апокалипсисъ Петра“. Книгою, исключенной изъ чтенія публичнаго, но рекомендуемою для частнаго употребленія, является „Пастырь“ Ермы.

2. *Пешито.* О канонѣ сирійской церкви въ разсматриваемое время (конецъ II в. и III в.) можно судить по переводу *Пешито.* Во всѣхъ дошедшихъ къ намъ спискахъ этого перевода, кромѣ рукописи Бодлеянской [въ Оксфордѣ], находится 22 новозавѣтныя книги: не достаетъ 2 посланія Петра, 2 и 3 посланія Іоанна, посланія Іуды и Апокалипсиса. Есть въ переводѣ посланіе св. Іакова и посланіе къ Евреямъ, что говоритъ о независимости канона сирійской церкви отъ канона церкви римской. Нѣкоторые ученые (католики Гугъ, Корнели) высказыв...отъ предположеніе, что указанныя пять новозавѣтныхъ писаній первоначально находились въ Пешито и опущены были уже впослѣдствіи, послѣ св. Ефрема Сирина, подъ вліяніемъ сомнѣній Θеодора мопсуетійскаго. Но рѣшительно невѣроятно, чтобы сирійская церковь поступила такъ въ то время, когда каноническое достоинство этихъ книгъ было уже общепризнано. Что же касается возраженія, что св. Ефремъ Сиринъ, не зная греческаго языка, пользуется тѣмъ не менѣе названными писаніями и, слѣд., онъ читалъ ихъ въ сирійскомъ переводѣ, то, по изслѣдованію біографовъ св. Ефрема (Ленгерке и др.), послѣдній, не владѣя разговорнымъ греческимъ языкомъ, зналъ однако этотъ языкъ настолько, что могъ имъ пользоваться при изъясненіи Писанія.

О состояніи канона сирійской церкви до появленія перевода Пешито трудно сказать что-н. опредѣленное. Есть указанія, что у сирійцевъ существовало „Евангеліе раздѣльное“ и „Евангеліе смѣшанное“ („по четыремъ“, — Діатессаронъ Таціона; ср. *Euseb.* h. e. 4, 29: 6), и вѣроятнѣе полагать, что первое Евангеліе предшествовало второму, а не наоборотъ. Въ сирійскихъ фрагментахъ Евангелій, обнародованныхъ Кюретономъ въ 1858 г. (Syr. Curetonianus) и англичанками—сестрами Гибсонъ

и Льюисъ въ 1892 г. (Syr. Levisianus), усматриваютъ остатки болѣе древняго, нежели Пешито, перевода „Евангелія раздѣльнаго“. Въ такъ называемомъ „Ученіи Аддея“ есть указанія только на 4 Евангелія, посланія св. Павла и кн. Дѣяній Апостольскихъ. Едва ли сирійская церковь имѣла первоначально 3-е посланіе къ Коринѳянамъ, находимое у св. Ефрема Сирина; по крайней мѣрѣ, для такого утвержденія нѣтъ никакихъ данныхъ.

3. О состояніи новозавѣтнаго канона въ разсматриваемое время въ церкви карѳагенской и галльской можно судить по сочиненіямъ *Тертулліана* († 220 г.) и *св. Иринея ліонскаго* († 202 или 208 г.).

Особенность канона Тертулліана та, что посланіе къ Евреямъ онъ считаетъ принадлежащимъ Варнавѣ (De pudic. 20), что составляетъ, какъ сказано, его частное субъективное мнѣніе [хотя въ послѣднее время оно пріобрѣтаетъ многихъ солидныхъ защитниковъ]. Не находится въ его сочиненіяхъ указанія на посланіе Іакова и второе посланіе Ап. Петра; можетъ быть, чисто случайно—нигдѣ у него не цитуются 2 и 3 посланія Іоанна, ибо, судя по выраженію „Іоаннъ въ *первомъ* посланіи отрицаетъ, чтобы мы могли быть безъ грѣха (De pudic. 19), онъ зналъ не одно только первое посланіе Іоанново. Съ другой стороны, Тертулліанъ опредѣленно удостовѣряетъ подлинность Апокалипсиса (Contra Marc. 14) и посланія Іуды (De cult. fem. 3: Migne lat. I, 1008). Къ „Пастырю“ Ермы, частное чтеніе котораго рекомендуется въ фрагментѣ Мураторія, онъ относится отрицательно, какъ къ сочиненію, оправдывающему принятіе падшихъ въ церковь (De pudic. 20).

У св. Иринея ліонскаго нѣтъ указаній на 2-е посланіе Петра и посланіе Іуды; есть слабый намекъ въ сочиненіи „Противъ ересей“ **5**, 1 (по перев. † о. П. А. Преображенскаго, стр, 577) на посланіе Іакова. Вопреки протестантскимъ ученымъ нужно сказать, что св. Ириней зналъ посланіе къ Евреямъ и пользовался имъ (Contra haer. **2**, 30. **4**, 11: 4; ср. *Euseb.* h. e. **5**, 26). Посланіе къ Филимону, должно быть, не цитуется чисто случайно. Объ отношеніи св. Иринея къ посланію Климента рим. и къ „Пастырю“ Ермы сказано нами раньше.

4. Обращаясь къ церкви александрійской, мы должны имѣть въ виду канонъ *Климента ал.* (ок. 200 г.) и *Оригена* († 254 г.).

По словамъ Евсевія кесарійскаго, Климентъ „въ своихъ Начертаніяхъ (Ипотипозахъ), говоря кратко, дѣлаетъ извлеченіе *изъ всего завѣтнаго Писанія*“ (h. e. **6**, 14: 1), и слѣд. онъ пользовался всѣми новозавѣтными книгами, въ томъ числѣ и 2-мъ посланіемъ Петра, хотя его цитаты часто вообще довольно свободны. Сохранились въ латинскомъ переводѣ Кассіодора (Migne lat. LXX, 1120; ср. Migne gr, IX, 729) отрывки его толкованія не только на 1 посланіе Ап. Петра, но и на второе и третье посланія Іоанна и посланіе Іуды. „О посланіи къ Евреямъ говоритъ (т. е. Климентъ), что оно принадлежитъ Павлу и написано имъ къ евреямъ на еврейскомъ языкѣ, но Лука тщательно перевелъ его и издалъ для эллиновъ“ (*Euseb.* h. e. **6**, 14: 2). Климентъ ал. пользовался Апокалипсисомъ Петра (*Euseb.* h. e. **6**, 14: 1), посланіемъ Варнавы, посланіемъ Климента рим., Пастыремъ (см. раньше), Ученіемъ XII Апостоловъ (Strom. I, 20 по ed. Potter., p. 377; ср. Учен. XII Ап. **3**, 5), но мы уже раньше сказали, что онъ не считалъ этихъ книгъ священными. По словамъ одного изслѣдователя, онъ ясно различалъ „специфически священныя книги отъ прочей литературы“ (*H. Kutter,* Clem. Alex. und das Neue Testament, Giessen 1897, S. 46).

По свидѣтельству Оригена, общепризнанными въ Церкви являются 4 Евангелія, 13 посланій св. Павла, 1 посланіе Петра, 1 посланіе Іоанна и Апокалипсисъ (*Euseb.* h. e. **6**, 25: 3 — 14); сюда же нужно присоединить и книгу Дѣяній Апостольскихъ. Въ отличіе отъ Климента ал. Оригенъ считаетъ посланіе къ Евреямъ только по мыслямъ Павловымъ, а „кто именно написалъ посланіе, объ этомъ по истинѣ знаетъ только Богъ“ (*Euseb.* h. e. **6**, 25: 11 — 14); самъ онъ, впрочемъ, не одинъ разъ цитуетъ это посланіе, какъ несомнѣнно Павлово и каноническое (см. мѣста, приведенныя у *J. Kirchhofer*'а, Quellensammlung II, 244 — 246). О 2 посланіи Петра Оригенъ гово-

ритъ, что оно оспаривается (ἀμφιβάλλεται. *Euseb.* h. e. **6**, 25: 8), но самъ онъ въ своихъ комментаріяхъ, дошедшихъ къ намъ на латинскомъ языкѣ, не одинъ разъ имъ пользуется, какъ писаніемъ Ап. Петра (in Lev. hom. **4**, 4; in Num. hom. **13**, 8), и нѣтъ основанія предполагать, что такая цитація введена переводчикомъ Руфиномъ. О второмъ и третьемъ посланіи Іоанна Оригенъ выражается довольно нерѣшительно: „оставилъ, можетъ быть, второе и третье (ἔστω δὲ καὶ δευτέραν καὶ τρίτην), хотя не всѣ признаютъ ихъ за подлинныя“ (*Euseb.* h. e. **6**, 25: 10). Въ отношеніи къ посланію Іакова употребляетъ выраженіе: „обращающееся (φερομένην) подъ именемъ Іакова“ (Comm. in Ioan. **19**, 6; Migne gr. XIV, 569) и о посланіи Іуды говоритъ: „если кто принимаетъ и посланіе Іуды“ (in Matth. **17**, 30; Migne gr. XIII, 1569), но самъ онъ несомнѣнно считалъ эти посланія подлинными (in Rom. **4**, 1; Migne gr. XIV, 961; о посланіи Іуды: in Matth. **10**, 17; Migne gr. XIII, 877). Вообще, во время Оригена спорными были: 2 посланіе Петра, 2 и 3 посланія Іоанна, посланія Іакова и Іуды и посланіе къ Евреямъ. Но уже Діонисій александрійскій (260 г.), въ своей жаркой полемикѣ противъ хиліастовъ, отвергаетъ принадлежность Апокалипсиса Іоанну Богослову, опираясь на различіи стиля и духа этого писанія отъ четвертаго Евангелія и перваго посланія, и склоняется считать писателемъ Апокалипсиса пресвитера Іоанна, „мужа святаго и богодухновеннаго (*Euseb.* h. e. **7**, 25), какое сомнѣніе Діонисія александрійскаго не осталось безъ вліянія на Евсевія кесарійскаго и другихъ.

Вліяніе Оригена на установленіе новозавѣтнаго канона было, безъ сомнѣнія, весьма велико. Указывая на спорность въ его время нѣкоторыхъ новозавѣтныхъ книгъ, онъ самъ въ то же время признаетъ ихъ апостольское происхожденіе. Нигдѣ, судя по цитаціи, онъ не отожествляетъ съ „завѣтными“ книгами посланіе Варнавы и Пастыря, хотя часто ими пользуется (напр., De princip. **3**, 2: 4); по русск. пер. при Казанской Академіи, вып. I, 256, 257), и посланіе Варнавы называетъ (Contra Cels. **1**, 63) „соборнымъ“ (καθολικὴ), имѣя въ виду только его назначеніе.

5. Какъ бы дѣлая выводъ изъ предшествующей исторіи новозавѣтнаго канона, Евсевій кесарійскій, внимательно изучившій древнюю церковную письменность и практику церквей, говоритъ (h. e. **3**, 25: 1—2) слѣдующее. „На первомъ мѣстѣ надобно поставить святую четверицу Евангелій; за ними слѣдуетъ писаніе о Дѣяніяхъ Апостоловъ; послѣ этого должны войти въ списокъ посланія Павла, за которыми надобно дать мѣсто обращающемуся (φερομένην) первому посланію Іоанна, равнымъ образомъ извѣстному посланію Петра; а наконецъ, если покажется (εἴγε φανείη), помѣстить и Апокалипсисъ Іоанна. *Эти писанія признаны всѣми*“ (καὶ ταῦτα μὲν ἐν ὁμολογουμένοις). Какъ видно, Евсевій говоритъ вообще о посланіяхъ Павла и, слѣд., посланіе къ Евреямъ, — хотя онъ зналъ о его пререкаемости, — причисляетъ къ „омологуменамъ“, въ виду незначительности сомнѣній относительно его происхожденія (ср. h. e. **3**, 3: 5). Возбуждаетъ удивленіе его взглядъ на Апокалипсисъ, признаваемый несомнѣнно подлиннымъ у Климента и Оригена. Тутъ сказалось вліяніе на Евсевія сирійской церкви, равно сомнѣній Діонисія александрійскаго и, быть можетъ, антіохійскаго пресвитера Лукіана.— Кромѣ книгъ общепризнанныхъ (τὰ ὁμολογούμενα) Евсевій перечисляетъ еще книги спорныя (τὰ ἀντιλεγόμενα). Здѣсь у него различаются два класса книгъ (h. e. **3**, 25: 3—6). Первый классъ образуютъ писанія, которыя, хотя пререкаемы (ἀντιλεγόμενα), однако приняты многими (γνώριμα τοῖς πολλοῖς). Это—посланія Іакова, Іуды, 2 посланіе Петра и 2 и 3 посланія Іоанна. Другой классъ составляютъ книги явно незавѣтныя (οὐκ ἐνδιάθηκα) и въ этомъ смыслѣ подложныя (νόθα), хотя онѣ и извѣстны церковнымъ писателямъ. Это—Дѣянія Павла, Пастырь, Апокалипсисъ Петра, посланіе Варнавы, такъ называемыя Ученія Апостоловъ (τῶν ἀποστόλων αἱ λεγόμεναι Διδαχαί) и, если угодно (εἰ φανείη), Апокалипсисъ Іоанна, который одни отвергаютъ, а другіе причисляютъ къ подлиннымъ“; къ подложнымъ нѣкоторые относятъ и „Евангеліе отъ евреевъ“ [1]).

---

[1]) Евсевій отличаетъ отъ книгъ спорныхъ книги „нелѣпыя и нечестивыя“ (τὰ ἄτοπα καὶ δυσσεβῆ), о которыхъ ни

Таково сужденіе Евсевія кесарійскаго, какъ историка, о новозавѣтномъ канонѣ. Но самъ онъ, подобно Оригену, считаетъ всѣ новозавѣтныя книги подлинными, исключая только Апокалипсисъ Іоанна (h. e. **3**, 18: 2. **3**, 39: 6. **3**, 28. **7**, 25), хотя иногда его цитуетъ, какъ писаніе ап. Іоанна (Demonstr. **8**, 2: 31). Въ Церк. Ист. **2**, 23: 25 онъ прямо говоритъ о семи соборныхъ посланіяхъ.

6. По порученію Константина великаго Евсевій долженъ былъ изготовить для церкви константинопольской 50 экземпляровъ Библіи (De vita Const. **4**, 34. 36—37). Въ виду раньше сказаннаго не невѣроятно предположеніе, что въ этихъ спискахъ Апокалипсиса не доставало, т. е. новозавѣтный канонъ состоялъ только изъ 26 книгъ. Такой канонъ находимъ у Кирилла іерусалимскаго, † 386 г. (Catech. **4**, 36; Migne gr. XXXIII, 500), хотя самъ св. Кириллъ несомнѣнно пользовался Апокалипсисомъ (Catech. **15**, 16),—у Григорія Богослова, † 390 г. (De genuin. Script.; Migne gr. XXXVII, 474), хотя и Григорій Бог. также пользуется Апокалипсисомъ (Serm. **42**, 9: Migne gr. XXXVI, 469),—въ 85 правилѣ Апостольскихъ Постановленій, въ 60 правилѣ Лаодикійскаго собора (считаемомъ неподлиннымъ).

Но рѣшительное вляніе на Востокѣ получилъ новозавѣтный канонъ, находимый у св. Аѳанасія александрійскаго († 373 г.). Въ своемъ 39 пасхальномъ посланіи, написанномъ около 365 г. (по Цану—367 г.), св. Аѳанасій перечисляетъ всѣ 27 новозавѣтныхъ книгъ, которыя являются „источниками спасенія" (Migne gr. XXVI, 1176). Этотъ новозавѣтный канонъ находимъ у св. Василія великаго, † 379 г. (пользуется Апокалипсисомъ въ Contra Eunom. **2**, 14. **4**, 2), Григорія нисскаго, 395 г. (пользованіе Апокалипсисомъ въ Contra Eunom. 2), Епифанія кипрскаго, † 403 г. (Haer. **76**, 5). И послѣ св. Аѳанасія ал. были на Востокѣ сомнѣнія въ подлинности Апокалипсиса и нѣкоторыхъ соборныхъ посланій (Антіохійская школа); но въ общемъ новозавѣтный канонъ можно считать теперь заключеннымъ; упоминаній объ „антилегоменахъ" уже нѣтъ, и книги „читаемыя въ церкви" (ἀναγινωσκόμενα), полезныя для приступающихъ къ оглашенію „словомъ благочестія" (—такими книгами св. Аѳанасій въ своемъ пасхальномъ посланіи считаетъ: Ученіе Апостоловъ и Пастырь, наряду съ книгами: Премудрость Соломона, Книга премудрости Іисуса сына Сирахова, Есѳирь, Іудиѳь и книга Товита—) рѣшительно отдѣляются у св. Аѳанасія отъ книгъ каноническихъ (κανονιζόμενα).

Не безъ вліянія восточной церкви заключенъ новозавѣтный канонъ на Западѣ (дѣятельность здѣсь св. Аѳанасія, блаж. Іеронима, долго пребывавшаго на Востокѣ, и др.). Спорными въ нѣкоторыхъ церквахъ здѣсь долгое время оставались: посланіе къ Евреямъ, 2 посланіе Петра и посланіе Іакова. Въ такъ называемомъ „канонѣ Моммсена" [1]) (открытомъ этимъ ученымъ въ 1886 г.), написанномъ въ Африкѣ, около 360 г., не достаетъ,—кромѣ посланія къ Евреямъ и посланія Іакова,—еще и посланія Іуды („Hermes", Bd. XXI, 1886, S. 142—156; XXV, 1890, S. 636 ff.), хотя, быть можетъ, этотъ кодексъ имѣетъ не церковное, а совершенно частное назначеніе. Но на соборѣ въ Римѣ, въ 382 г., при папѣ Дамасѣ, а затѣмъ на соборахъ въ Африкѣ (Иппонскій—393 г., Карѳагенскій—419 г.) новозавѣтный канонъ былъ окончательно установленъ, при чемъ, если въ опредѣленіи Иппонскаго собора о посланіяхъ св. Павла говорится: „13 посланій Павла, его же одно (посланіе) къ Евреямъ (Mansi III, 924), то въ постановленіяхъ Карѳагенскаго собора уже прямо читаемъ о 14 посланіяхъ Павла (Mansi IV, 430), какъ одномъ, нераздѣльномъ цѣломъ. Замѣчаются на Западѣ и въ послѣдующее время отступленія отъ принятаго на соборахъ канона (напр., допущеніе въ нѣкоторыхъ Библіяхъ посла-

---

одинъ церковный писатель не упоминаетъ. Это—Евангеліе Петра, Ѳомы, Матѳея и другихъ; Дѣянія Андрея, Іоанна и иныхъ Апостоловъ (**3**, 25: 6—7).

[1]) [Этотъ латинскій перечень былъ изданъ Моммсеномъ по рукописи X вѣка № 12.266 одной библіотеки (Philippsia) въ англійскомъ городкѣ Cheltenham, почему у англійскихъ писателей называется еще Cheltenham catalogue, см. о немъ у *Th. Zahn*, Gesch. d. neutest. Kanons, II, 1, 5. 143—156, а также см. у *Erw. Preuschen'a*, Analecta, p. 138—140.—*Н. Н. Г.*].

нія къ Лаодикійцамъ и 3 посланія къ Коринѳянамъ), но это уже былъ критическій или некритическій произволъ.

Такимъ образомъ, вся исторія новозавѣтнаго канона движется,—повторимъ,—на двухъ моментахъ: a) принятіи всею Церковію завѣтныхъ книгъ, бывшихъ въ нѣкоторыхъ частныхъ церквахъ и у отдѣльныхъ отцовъ и учителей неизвѣстными или спорными (спорныя книги падаютъ, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ на соборныя посланія—посланіе Іакова, 2 посланіе Петра, 2 и 3 посланія Іоанна и посланіе Іуды; сюда же относится Апокалипсисъ, бывшій предметомъ споровъ главнымъ образомъ на Востокѣ, и посланіе къ Евреямъ, оспариваемое нѣкоторыми преимущественно на Западѣ), и b) устраненіи книгъ, незаконно претендовавшихъ на каноничность (Апокалипсисъ Петра) или, по крайней мѣрѣ, на близость къ книгамъ каноническимъ (посланіе Климента рим., посланіе Варнавы, Пастырь, Ученіе Апостоловъ). Въ Церкви всегда было живо общецерковное преданіе, общецерковный духъ и смыслъ, и это мы ясно видѣли на тѣхъ отцахъ и учителяхъ, которые, указывая, какъ историки и ученые изслѣдователи, на фактъ нѣкотораго разногласія во взглядѣ на иныя завѣтныя книги, въ то же время сами, въ силу этого общецерковнаго духа и смысла, признаютъ всѣ 27 завѣтныхъ книгъ и пользуются ими въ своихъ твореніяхъ. Канонъ новозавѣтный не есть, слѣд., случайный продуктъ времени; онъ—издревле хранимое, неизмѣнное достояніе Церкви и потому имѣетъ для насъ всегда пребывающее значеніе.

Литература. Наиболѣе цѣнными являются труды профессора эрлангенскаго университета *Theodor Zahn*'а: Geschichte des neutestamentlichen Kanons, 2 Bd. 1888—1892; Forschungen zur Geschichte des neutestam. Kanons und der altkirchlichen Literatur I—VII Theile (Erlangen und Leipzig 1881—1903); Grundriss der Geschichte des neutestam. Kanons, Lpzg 1904; Die bleibende Bedeutung d. neutestam. Kanons für die Kirche, Lpzg 1898; его же статья о новозавѣтномъ канонѣ въ Real-Encyklopädie, V. Herzog-Hauck IX³, S. 768—806.—Противникомъ Цана по вопросамъ о новозав. канонѣ является *А. Гарнакъ:* Das Neue Testament um das Jahr 200, Freiburg i. B. 1889 [это рѣзкая критика на 1-ю часть перваго тома Gesch. d. neutest. Kanons *Th. Zahn*'а, который отвѣчалъ брошюрой: Einige Bemerkungen zu Adolf Harnack's Prüfung..., Erlangen und Leipzig 1889]; см. также его Dogmengeschichte, ibid. 1888 [и о Мураторіевомъ фрагментѣ въ Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius I (Lpzg 1893). S. 646—647; II, 2 (ibid. 1904), S. 330—333].

Изъ болѣе раннихъ трудовъ: Prof. *J. Kirchfofer*, Quellensammlung z. Geschichte d. neutestam. Kanons bis auf Hieronymus, Zürich 1844 [не вполнѣ надежное пособіе, нынѣ уже достаточно устраненное книжкой *Erwin Preuschen*'а, Analecta: Kürzere Texte zur Geschichte der Alten Kirche und des Kanons, Freiburg i. B. und Leipzig 1893 въ Sammlung ausgewählter kirchen-und dogmengeschichtlicher Quellenschriften als Grundlage für Seminarübungen herausgegeben unter Leitung von Prof. G. Krüger, VIII-tes Heft. Prof. Dr. *Gerardus Kauschen*: Florilegium patristicum III (Bonnae 1905); Die wichtigeren neuen Funde aus dem Gebiete der ältesten Kirchengeschichte (Bonn 1905). См. также и отдѣльныя общедоступныя изданія, напр., Das Muratorische Fragment und die monarchianische Prologe zu den Evangelien herausg. von Privatdoc. *Hans Lietzmann* въ редактируемыхъ имъ „Kleine Texte für theologische Vorlesungen und Uebungen“, № 1, Bonn 1902. Для вопроса о патристическихъ данныхъ для исторіи новозавѣтнаго канона см. сборникъ The New Testament in the Apostolic Fathers by a Committee of the oxford Society of Historical Theology, Oxford 1905. Prof. *Carl August Credner*: Zur Geschichte des Kanons, Halle 1847; Geschichte Kanons herausg. v. G. Volkmar, Berlin 1860; *Ed. Reuss*, Histoire du canon des saintes écritures, Strasbourg 1863; *A. Hilgenfeld*, Der Kanon und die Kritik des N. Testament, 1863; † Bishop. *B. F. Westcott*, A. General Survey of the History of the Canon of the N. T., 6 ed. Cambridge and London 1889, а также статьи † Prof. *A. Sabatier* въ Encyclopédie des sciences religieuses par *F. Lichtenberger* II, p. 587—607; а также статьи *F. Vigouroux* въ Dictionnaire de la Bible III, col. 167—184; Rev. Canon *J. Armitage Robinson* въ Encyclopaedia Biblica ed. by Prof. T. K. Cheyne und I. S. Black I, col. 674—681; Rev. Prof. *Alexander Stewart* и Rev. Prof. *V. H. Stauton* въ A. Dictionary of the Bible ed. by I. Hastings I, p. 290—292. III, p. 529—542. Ср. еще *L. Gaussen*, Le canon des Samtes Écritures, vol. I—II, Lausanne 1860. *Alfred Loisy*, Histoire des canon du Nouveau Testament, Paris 1891. Prof. *F. H. Chase* въ сборникѣ: Criticism of the New Testament; St. Margaret's Lectures 1902 (London 1902); p. 96—144. Prof. *Bernhard Weiss*, Die Entstehungs geschichte des

Neuen Testaments, Berlin 1901. Prof. *H. I Holtzmann*, Die Entstehung des Neuen Testaments въ «Religionsgeschichtliche Volksbücher» herausg. von Fr. Michael Schiele I, 2, Halle a. Saale 1904. Prof. *E. Mangenot* у Vacant et Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique I, col. 1582—1605. Rev. *Theodore N. Robinson*, The Authorship of the Muratorian Canon въ «The Expositor» 1905, VI, p. 481—495, яко бы Мураторіевъ канонъ есть трудъ извѣстнаго Ипполита и стоялъ въ связи съ началомъ его трактата противъ Кая, но противъ сего см. Rev. Prof. *Vernon Bartlet*, Melito on the Muratorian Canon въ «The Expesitor» 1906, IX, p. 210—224, гдѣ авторъ доказываетъ, что это есть—скорѣе—канонъ Мелитона. См. еще *I. Chapman*, Clément d'Alexandrie et encore le fragment de Muratori въ „Revue Bénédictine" 1904, 4, p. 369—374, что Мураторіевъ канонъ идетъ отъ „Ипотипотизъ" (о коихъ и у *G. Mercati* въ «Stuoti e Testi» 12 и по отдѣльному оттиску: Un frammento delle Ipotiposi di Clemente Alessandrino..., Roma 1904, p. 3—15 и ср. къ сему *A. Souter* въ «The Journal of Theological Studies» VII, 25: October, 1905, p. 143—144) Климента александрійскаго, но противъ этой догадки рѣшительно выступилъ Prof. *Ad. Harnack* въ «Theologiche Literaturzeitung» 1904, 23, Sp. 636—637. *Iohannes Leitpoldt*, Geschichte des neutestamentlichen Kanons, Lpzg 1907. *H. H. Reinhold Seeberg*, Kuss und Kanons: см. Aus. Religion und Geschichte I (Lpzg 1906), S. 118 — 122.— *Н. Н. Г.*].

Изъ введеній лучшими являются введенія: *Карнеми, Блека, Вейса, Тренкле* [*G. Salmon*'a Historical Introduction to the N. T., 8-e изд., Dublin 1894; † Prof. *F. Godet*, Introduction au Nouveau Testament: Iotroduction particulière II, Neuchatel 1904].

Изъ спеціальныхъ изслѣдованій: 1) о канонѣ Тертулліана: *H. Roensch*, Das Neue Testament Tertullians, Lpzg 1871; 2) о канонѣ св. Иринея ліонскаго: *A. Camerlynk*, S. Irénée et le canon du Nouveau Testament, Louvain 1896; 3) о канонѣ Климента алекс. цит. сочиненіе Куттера [и ср. еще *P. Mordaunt Barnard*, Clement of Alexandrias Biblical Text въ «Texts and Studies», ed. by I. Armitage Robinson V, 5, Cambridge 1899].

Д. Богдашевскій.

Канонъ по его церковно-юридическому смыслу и по фактическому составу (канонъ св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ). **Синопсисъ церковныхъ каноновъ; ихъ изданія; каноны въ западной церкви; практическое значеніе каноновъ вселенской Церкви.** Канонъ (κανών).— Въ житейскомъ быту древнихъ грековъ слово канонъ означало орудіе для проведенія прямой линіи, нормальную мѣру, образецъ для чего-нибудь, списокъ лицъ, принадлежащихъ къ извѣстному званію, сословію, занятію, податное обложеніе, сборъ съ землевладѣльцевъ. Въ аналогичномъ значеніи употреблялось слово канонъ и у священныхъ и церковныхъ писателей и въ церковномъ правѣ. Въ Свящ. Писаніи Новаго Завѣта это слово употреблялось въ значеніи правила вѣры и жизни христіанской (Гал. **6**, 16 и ср. Филип. **3**, 16). Подъ „правиломъ" здѣсь разумѣется не единичный какой-нибудь пунктъ вѣроученія или образа жизни христіанской, а вся совокупность христіанской вѣры и жизни вообще. Въ такомъ значеніи употреблялось слово канонъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Напр., Ириней, епископъ ліонскій, въ сочиненіи противъ ересей (**1**, 9), называетъ κανὼν τῆς ἀληθίας символъ вѣры, произносимый каждымъ членомъ церкви при его крещеніи, ученіе Спасителя, содержащееся въ Евангеліи (**3**, 2. **4**, 35); Фирмиліанъ кареагенскій (Cyp. Ep. 75 ed. Pam.) разумѣетъ подъ словомъ канонъ ученіе апостольское. Поликратъ ефесскій, одинъ изъ малоазійскихъ епископовъ, называетъ свою практику относительно празднованія Пасхи согласною съ правиломъ вѣры (ὁ κανὼν τῆς πίσεως у Евсев. Ц. Ист. **5**, 24). Оригенъ признавалъ четыре Евангелія согласно церковному канону (ibid. **6**, 25). Климентъ александрійскій считалъ обязательнымъ для христіанъ изъяснять Ветхій Завѣтъ согласно церковному канону, т. е. ученію Христову (Strom. **6**). Равнымъ образомъ очень часто κανὼν ἐκκλησιαστικός, ἀπαξολιxὸς употреблялся въ первые три вѣка и въ началѣ четвертаго вѣка въ смыслѣ совокупности церковныхъ правилъ, принятыхъ въ практикѣ церковной; напр., въ посланіи Константина великаго къ епископу Евсевію кесарійскому и въ посланіи его же къ собору (Евсев. Жизнь Константина вел. **3**, 61. 62), въ правилахъ Никейскаго перваго вселенскаго собора (1—3. 6. 9. 10), въ правилахъ Василія в. (3. 4. 12 и др.), въ правилахъ собора Арелатскаго (пр. 13), у Кипріана

въ посланіяхъ (75), у Евсевія въ его „Исторіи“ (**6**, 24) и пр.

Канонъ церковный называется евангельскимъ и апостольскимъ, потому что основывался на евангельскомъ ученіи и апостольскомъ преданіи. (Подробнѣе см. у *Bickell*, Geschichte des Kirchenrechts, Giessen 1843, S. 2—8).

На ряду съ указаннымъ значеніемъ общаго характера употреблялось слово канонъ и въ первые три вѣка христіанства въ значеніи точномъ — опредѣленной нормы церковной жизни и практики, установленной по опредѣленному вопросу. Изданіе такихъ нормъ принадлежало соборамъ епископовъ и началось со времени возникновенія собраній епископовъ для соборнаго обсужденія и рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ церковной жизни. Первымъ примѣромъ изданія такихъ нормъ можно считать постановленіе т. наз. „Апостольскаго собора“ въ Іерусалимѣ 51—52 года о необходимости для вѣрующихъ изъ язычниковъ Моисеева обрядоваго закона (Дѣян. **15**, 19. 20. 28. 29). Затѣмъ въ „Исторіи“ Евсевія мы находимъ свидѣтельство, что спорный вопросъ о времени празднованія Пасхи былъ разрѣшенъ на соборныхъ совѣщаніяхъ епископовъ, постановившихъ „общимъ правиломъ праздновать таинство воскресенія Господня изъ мертвыхъ не иначе, какъ въ день воскресный“ (**5**, 23), также по поводу спора, возбужденнаго римскимъ пресвитеромъ Новатомъ, объ умѣстности принятія въ общеніе церковное падшихъ во время гоненія состоялись разсужденія на соборахъ въ Римѣ и въ другихъ провинціяхъ западной римской имперіи, кончившіяся установленіемъ правила благопріятнаго для падшихъ, искавшихъ общенія съ церковію (**6**, 43). Въ посланіяхъ Кипріана карѳагенскаго (70 и 73 ed. Pamel.) содержатся свѣдѣнія о Карѳагенскихъ соборахъ 255 и 256 годовъ, на которыхъ постановлено не признавать церковно-юридическаго значенія за крещеніемъ, совершаемымъ еретиками внѣ церкви православной. Съ IV вѣка нѣкоторые изъ соборовъ оставили намъ цѣлыя серіи постановленій по отдѣльнымъ вопросамъ церковной дисциплины, называемыхъ канонами. Съ этого времени канонъ церковный получилъ опредѣлительное значеніе нормы, установленной соборомъ епископовъ (Вас. вел. пр. 47. Григ. нисскаго пр. 6. Григ. неок. пр. 8. Номок. Фот. I, 4). Равнымъ образомъ и по содержанію канонъ получилъ специфическое значеніе правила, относящагося къ управленію, дисциплинѣ и жизни церковной, а опредѣленія соборныя относительно вѣроученія выдѣлялись въ особую группу соборныхъ опредѣленій подъ именемъ догматовъ вѣры. Послѣдніе заповѣдано сохранять безъ всякаго измѣненія, какъ обязательное ученіе, первыя же повелѣно соблюдать, пока онѣ не будутъ измѣнены компетентною церковною властію (6-го всел. соб. пр. 1 и 2).

Каноны соборные сопоставлялись древними церковными учителями съ государственнымъ закономъ; имъ придавалось такое же значеніе въ области права церковнаго, какое принадлежало закону въ области права государственнаго. Говоря иначе, соборные каноны стали главнѣйшимъ источникомъ положительнаго церковнаго права, между тѣмъ прежде преобладалъ обычай, какъ источникъ церковнаго права. Обычаемъ церковнымъ называется норма церковнаго права, имѣющая на практикѣ обязательную силу, свойственную канонамъ церковнымъ, но не основывающаяся на прямомъ постановленіи соборной церковной власти (Вас. пр. 4. 87), а только допускаемая ею къ употребленію. Тертулліанъ (De cor. milit., cap. 3) сопоставляетъ обычай, какъ источникъ церковнаго права, съ Свящ. Писаніемъ. „Если какое-либо правило,—говоритъ онъ,—не опредѣлено Писаніемъ, однако же повсюду соблюдается, значитъ, оно утверждено обычаемъ, основаннымъ на преданіи“. Августинъ въ сочиненіи „О крещеніи противъ Донатистовъ (De bapt. contra Donat., cap. 2) замѣчаетъ, что во время споровъ между Кипріаномъ, епископомъ карѳагенскимъ, и папою Стефаномъ о крещеніи еретиковъ обычай имѣлъ руководящее значеніе въ вопросахъ церковныхъ. По поводу этого же вопроса Фирмиліанъ, епископъ Кесаріи каппадокійской, писалъ Кипріану карѳагенскому: „Римляне не во всемъ сохраняютъ начальныя преданія; у нихъ не все соблюдается такъ, какъ въ Іерусалимѣ. Да и въ другихъ весьма многихъ областяхъ многое измѣняется по различію мѣ-

ста. Преданіе, которое заступается за еретиковъ и признаетъ у нихъ крещеніе, принадлежитъ одной только римской церкви и есть преданіе человѣческое. Это есть обычай ложный, не согласной съ истиною“ (Кипріана сочиненія въ рус. пер. I, стр. 327. 334). По случаю спора между помѣстными церквами о постѣ въ св. четыредесятницу и о времени празднованія Пасхи св. Ириней ліонскій писалъ Виктору, епископу римскому, желавшему навязать обычай своей церкви другимъ церквамъ, слѣдующее: „Разногласятъ не только объ этомъ дѣлѣ (о празднованіи Пасхи), но и о самомъ образѣ поста; ибо одни думаютъ, что должно поститься одинъ день, другіе два, иные—больше, а иные—сорокъ. Такое различіе въ соблюденіи поста произошло не въ наше время, а гораздо прежде, у нашихъ предковъ, которые, вѣроятно, не соблюдали въ этомъ большой точности и простой, частный свой обычай передавали потомству. Тѣмъ не менѣе однако же всѣ они сохраняли миръ, и мы живемъ между собою въ мирѣ, и разногласіемъ касательно поста утверждается согласіе въ вѣрѣ“ (Евсевій, Цер. Ист. 5, 24). Съ развитіемъ положительнаго церковнаго законодательства, т. е. съ появленіемъ соборныхъ постановленій, обязательныхъ для всей православной церкви, мѣстные обычаи церкви постепенно стали объединяться путемъ каноновъ въ однообразной практикѣ. Такъ, напр., разногласія въ практикѣ помѣстныхъ церквей относительно времени празднованія Пасхи были уничтожены соглашеніемъ епископовъ на Никейскомъ первомъ вселенскомъ соборѣ. Разногласія относительно способа принятія въ церковь еретиковъ и раскольниковъ были устраняемы постановленіями разныхъ соборовъ (1 всел. соб. 19. 2 всел. соб. 7. 6-го всел. соб. 95. Лаод. 7. 8).

Развитіе законодательной дѣятельности на соборахъ въ изданіи каноновъ однако же не прекратило дѣйствіе обычая въ тѣхъ случаяхъ, на которые не было издано канона. Первый вселенскій соборъ прямо признаетъ дѣйствіе церковнаго обычая, какъ источника церковнаго права, наряду съ канонами соборными (пр. 18). О томъ же свидѣтельствовала и церковная практика (Вас. в. пр. 1. 4. 47. 87). Сами правила соборныя и отеческія часто вспоминаютъ о существующихъ обычаяхъ по тому или другому предмету и утверждаютъ ихъ силу. Такъ, напр., отцы второго вселенскаго собора узаконяютъ, чтобы церкви у иноплеменныхъ народовъ управлялись по обычаю, который должно соблюдать (пр. 2). Отцы третьяго вселенскаго собора предоставили епископамъ кипрской церкви самимъ поставлять епископовъ своей страны, согласно древнему обыкновенію, и для предотвращенія притязаній со стороны постороннихъ епископовъ на епархіи, имъ не принадлежащія, въ родѣ притязанія антіохійскаго епископа посвящать епископовъ кипрской страны, постановилъ на будущее время, общимъ правиломъ, чтобы всякая церковная митрополія сохраняла неприкосновенно свои права, какія ей принадлежали по обычаю издревле водворившемуся, и въ тѣхъ предѣлахъ, какіе утверждены за ней тѣмъ же обычаемъ (пр. 8). Халкидонскій соборъ (пр. 28. 30) упоминаетъ, что порядокъ производства выборовъ былъ опредѣленъ обычаемъ, а также, что въ египетской странѣ существовалъ обычай, по которому мѣстные епископы ничего важнаго не дѣлали безъ соизволенія своего архіепископа. Трулльскій соборъ (пр. 69) свидѣтельствуетъ о нѣкоемъ древнѣйшемъ преданіи, по которому царской власти и достоинству не возбранялось, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ мірянъ, входить въ алтарь, когда онъ восхощетъ принести дары Творцу; онъ же прилагаетъ чиноположеніе и обычай принятія въ церковь разнаго рода неправомыслящихъ (пр. 95; ср. 2-го всел. соб. пр. 7). Седьмой вселенскій соборъ упоминаетъ объ обычаѣ почтанія иконъ и другихъ обычаяхъ, нарушенныхъ иконоборцами, и объ обычаѣ порученія хорепископамъ поставлять чтецовъ (пр. 7. 14). Василій великій свидѣтельствуетъ объ обычаѣ, какой наблюдался при испытаніи и производствѣ служителей церкви на церковныя должности (пр. 89). Θеофилъ, архіепископъ александрійскій, упоминаетъ объ обычаѣ чтить день воскресный и объ обычаѣ, какой соблюдался въ Θиваидѣ относительно епископовъ, бывшихъ въ общеніи съ аріанами (пр. 1. 2). Въ правилахъ неоднократно встрѣчается замѣчаніе, что должны быть соблюдаемы обычаи страны или помѣстной церкви (6-го

всел. соб. пр. 39. 102. Карo. 81. Васил. в. 1). Иногда церковныя правила, издавая свои постановленія, приводятъ въ основаніе ихъ уже существующій обычай. Такъ, первый вселенскій соборъ, опредѣляя іерархическое положеніе трехъ главныхъ областныхъ епископовъ—римскаго, александрійскаго, антіохійскаго,—опирается на древнихъ обычаяхъ (пр. 6). Относительно епископа іерусалимскаго тотъ же соборъ постановилъ: „Понеже утвердися обыкновеніе и древнее преданіе, чтобы чтить епископа, пребывающаго въ Іерусалимѣ, то да имѣетъ онъ послѣдованіе чести“ (пр. 7). Правило о томъ, что епископы не могутъ вести брачной жизни, а низшимъ клирикамъ это дозволительно, образовалось на практикѣ гораздо ранѣе Трулльскаго собора; здѣсь уже этотъ обычай подтверждается въ виду соблазнительныхъ уклоненій отъ него въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и ригористической практики римской церкви (6-го всел. соб. пр. 12. 13). Вообще нужно сказать, что церковный обычай очень часто предшествовалъ изданію правилъ и далъ очень много готовыхъ нормъ для положительнаго церковнаго законодательства. Обширное вліяніе имѣетъ церковный обычай, въ связи съ апостольскимъ преданіемъ, въ дѣлѣ устроенія чина и развитія частностей церковнаго богослуженія, въ исторіи развитія монастырской дисциплины и устава о соблюденіи постовъ.

Но, какъ ни благопріятно относился канонъ къ дѣйствію обычая, все же развитіе положительнаго законодательства постепенно сокращало область дѣйствія послѣдняго. Теперь на долю обычая осталось регулированіе такихъ частностей церковно-правовыхъ отношеній, которыя ускользаютъ отъ вниманія законодателя. Этого мало. Теперь обычай теряетъ значеніе самостоятельнаго источника права и подчиняется контролю со стороны канона. Въ частности, отношеніе обычая къ канону можетъ быть троякое: а) Обычай можетъ восполнять пробѣлы, допущенные въ положительномъ законодательствѣ относительно частностей; такой обычай называется обычай praeter leges. б) Обычай можетъ распространить смыслъ существующаго канона на практикѣ. Разительный примѣръ (возможности и спорности) такого примѣненія представляетъ то, что 12 правило Трулльскаго собора, запрещающее епископамъ вести брачную жизнь, было истолковано церковнымъ обычаемъ въ томъ смыслѣ, что для епископовъ обязательно принимать на себя прежде посвященія монашескій образъ. Въ этомъ случаѣ обычай называется по своему отношенію къ канону обычаемъ secundum leges. в) Но обычай не можетъ идти по своему содержанію и направленію противъ каноновъ—contra leges. Наоборотъ канонъ, какъ положительное законодательство, долженъ давать направленіе обычаю и контролировать его по его содержанію. И мы, дѣйствительно, видимъ, что правила церковныя не рѣдко запрещаютъ и исправляютъ обычаи мѣстныхъ церквей, идущіе вразрѣзъ съ установившимся порядкомъ совершенія богослуженія, съ основными началами и церковной дисциплины (Перв. всел. соб. 15. 18. Трул. пр. 7. 12. 13. 28. 29. 33. 45. 55. 56. 81. 82. Сед. всел. соб. 5. 7. Кипріана, письмо 63 къ Цецилію по рус. перев., стр. 344. 347). Само собою понятно, что церковный обычай не долженъ противорѣчить духу христіанскаго ученія, существеннымъ задачамъ церкви и основнымъ нормамъ церковнаго устройства и порядка. Обычай безъ разсужденія, безъ разума, безъ истины,—говоритъ Кипріанъ,—есть старое заблужденіе—не болѣе (Письмо 58 къ Квинту, 60 къ Юбаяну, 61 къ Помпею по рус. пер., стр. 279. 291. 304). Правда, бываютъ обычаи въ церковной практикѣ, которые трудно оправдать съ точки зрѣнія церковнаго ученія и церковной дисциплины, каковъ, напр., долго господствовавшій въ нашей русской церкви обычай наслѣдственной передачи мѣстъ церковной службы отъ отцовъ къ дѣтямъ или обычай зачисленія этихъ мѣстъ за невѣстами, или настоящій деспотическій обычай исключительнаго предпочтенія монаховъ при замѣщеніи начальственныхъ должностей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Эти обычаи терпятся по снисхожденію или по вниманію къ какимъ-нибудь обстоятельствамъ мѣста и времени, дѣлающимъ ихъ до извѣстной степени извинительными. Но такіе обычаи все-таки не имѣютъ права на существованіе и прекращаются по распоряженію церковной власти, коль скоро она найдетъ ихъ дальнѣйшее существованіе неизвинительнымъ.

Есть еще обычай особаго рода, состоящій въ неисполненіи существующихъ канововъ — desuetudo, ἄχρησις. Возникновеніе его условливается тѣмъ обстоятельствомъ, что церковные каноны не рѣдко дѣлаются неисполнимыми на практикѣ въ полной ихъ силѣ по разнымъ обстоятельствамъ мѣста и времени. Не мало примѣровъ такого неполнаго примѣненія церковныхъ каноновъ указывается въ самихъ церковныхъ канонахъ (напр., Васил. в. пр. 3. 9. 21. Григ. нисск. пр. 7. 8. Трул. пр. 102), и они считаются терпимыми. Легко найти такіе примѣры и въ дѣйствующей практикѣ нашей русской церкви; напр., такой примѣръ представляетъ практика наложенія епитиміи на кающихся. Нужно замѣтить, что терпимое desuetudo возникаетъ только тогда, когда неисполненіе или неполное исполненіе закона совершается съ вѣдома и дозволенія церковной власти, а не по произволу частнаго лица или низшаго органа церковнаго управленія; въ послѣднемъ случаѣ неисполненіе закона будетъ нарушеніемъ его, подлежащимъ наказанію. О значеніи desuetudo, какъ источника права церковнаго, нужно сказать, что оно не создаетъ новыхъ нормъ его, строго говоря, а служитъ, скорѣе, показателемъ того, въ какой мѣрѣ прилагается правило на практикѣ. Desuetudo можетъ существовать на практикѣ только до тѣхъ поръ, пока это допускается церковною властію. Само собою понятно, что это допущеніе позволительно только въ виду уважительныхъ причинъ— крайней необходимости и общественной пользы.

Въ вопросѣ объ отношеніи обычая къ церковному канону полезно принять во вниманіе толкованія Вальсамона на Номоканонъ Фотія т. 1, гл. 3.

Составъ каноновъ вселенской церкви формировался постепенно по мѣрѣ развитія положительнаго церковнаго законодательства. Это дѣло началось еще до перваго вселенскаго собора и производилось помѣстными церквами—каждою для своей надобности. Доказательство на это мы имѣемъ въ примѣрѣ понтійской церкви, имѣвшей свое собраніе каноновъ, въ которомъ помѣщались каноны Анкирскаго и Неокесарійскаго помѣстныхъ соборовъ, а потомъ къ нимъ были присоединены правила перваго вселенскаго собора. Съ появленіемъ вселенскихъ соборовъ, они стали контролировать практику помѣстныхъ церквей и самый составъ употреблявшихся въ нихъ правилъ. Важнѣйшимъ объединяющимъ элементомъ для сборниковъ помѣстныхъ церквей послужили каноны, издававшіеся самими вселенскими соборами, такъ какъ епископы, присутствовавшіе на вселенскихъ соборахъ, обыкновенно уносили съ собою копіи соборныхъ постановленій и пріобщали ихъ къ составу мѣстныхъ сборниковъ каноновъ, а также и сами соборы заботились о томъ, чтобы поставить въ извѣстность помѣстныя церкви относительно состоявшихся на нихъ постановленій (Трулльск. всел. соб. пр. 1). Четвертый вселенскій соборъ уже прямо утверждаетъ къ руководству во всѣхъ помѣстныхъ церквахъ одинъ сборникъ каноновъ съ опредѣленнымъ составомъ. Правда, онъ выражается (пр. 1) обще, не перечисляя подробно правилъ, обязательныхъ для употребленія („отъ святыхъ отецъ на каждомъ соборѣ донынѣ изложенныя правила соблюдати признали мы справедливымъ"). Но дѣянія соборныя свидѣтельствуютъ, что у отцовъ четвертаго вселенскаго собора былъ подъ руками Βίβλος τῶν κανόνων— сборникъ правилъ съ опредѣленнымъ составомъ. И ссылки на эту „книгу правилъ", находящіяся въ соборныхъ дѣяніяхъ, показываютъ, что эта „книга правилъ" по своему составу и по характеру изложенія правилъ была сходна съ сборникомъ правилъ, который въ концѣ пятаго вѣка былъ переведенъ на латинскій языкъ римскимъ аббатомъ Діонисіемъ малымъ. Значитъ, эта книга правилъ заключала въ себѣ правила трехъ вселенскихъ соборовъ—Никейскаго, Константинопольскаго и Ефесскаго—и пяти помѣстныхъ: Анкирскаго, Неокесарійскаго, Гангрскаго, Антіохійскаго и Лаодикійскаго, съ подведеніемъ ихъ подъ одну общую нумерацію. Къ этому составу „книги правилъ" были присоединены правила собора Халкидонскаго тотчасъ по его окончаніи. Въ этомъ составѣ „книга правилъ" была утверждена къ руководству въ области государственныхъ отношеній законами императора Юстиніана: Sancimus vicem legum obtinere sanctas ecclesiasticas regulas, quae a sanctis quatuor conciliis expositae sunt aut confirmatae, hoc est in Nicaena et in

Constantinopolitana et in Ephesina prima et in Chalcedonia. Praedictorum quatuor synodorum dogmata sicut sanctas scripturas accipimus et regulas sicut leges observamus (Nov. 131, c. 1. Nov. 6, c. 1, § 8. Cod. de episcop. l. 45). Трулльскій соборъ 692 года во второмъ своемъ правилѣ уже поименно перечислилъ правила, какими слѣдуетъ руководствоваться всѣмъ помѣстнымъ церквамъ, причисливъ къ правиламъ вселенскихъ соборовъ правила собора Халкидонскаго, а къ правиламъ помѣстныхъ соборовъ правила соборовъ Сардикійскаго, Карѳагенскаго и Константинопольскаго 394 г. при патріархѣ Нектаріѣ. Кромѣ того, Трулльскій соборъ поставилъ во главѣ соборныхъ правилъ сборникъ правилъ, преданныхъ именемъ святыхъ и славныхъ Апостоловъ, а въ концѣ причислилъ къ составу правилъ также правила, изданныя единолично древними уважаемыми отцами церкви. Также поступилъ и седьмой вселенскій соборъ (пр. 1), присовокупивши къ составу обязательныхъ правилъ постановленія Трулльскаго собора съ значеніемъ правилъ шестого вселенскаго собора. Послѣднее приращеніе къ составу правилъ вселенской церкви составляютъ правила двухъ помѣстныхъ Константинопольскихъ соборовъ IX вѣка, бывшихъ при патріархѣ Фотіѣ, именно:— двукратнаго 861 года и въ храмѣ св. Софіи 879 года. Въ этомъ окончательномъ видѣ составъ правилъ вселенской православной церкви былъ принятъ въ Номоканонъ XIV титуловъ (второе предисловіе) и утвержденъ въ Базиликахъ, византійскомъ сводѣ законовъ X вѣка (Basil. V, 3: 2).

Каноны св. Апостоловъ. (Κανόνες τῶν ἁγίων 'Αποστόλων). О происхожденіи этого сборника каноновъ сказано раньше („Энц." I стлб. 976—981). Здѣсь намъ остается указать въ общихъ чертахъ содержаніе этихъ правилъ и отношеніе къ нимъ послѣдующихъ правилъ.

Апостольскія правила, по своему содержанію, касаются всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ церковнаго управленія, жизни клира и мірянъ. Управленіе епископіею принадлежитъ епископу; ему ввѣрены людіе Господни, и онъ воздаетъ отвѣтъ о душахъ ихъ. Пресвитеры и діаконы безъ воли епископа ничего да не совершаютъ (пр. 34. 39. 40. 41. 58). Епископъ отнюдь не долженъ вмѣшиваться въ дѣла чужой епископіи безъ приглашенія или соизволенія мѣстнаго епископа (пр. 12. 13. 32. 35), также переходить изъ одной епископіи въ другую безъ распоряженія надлежащей церковной власти (14—16). Высшее управленіе дѣлами церкви извѣстнаго народа принадлежитъ собору епископовъ подъ главенствомъ перваго изъ нихъ. Соборъ долженъ собираться дважды въ годъ (34. 37. 74). Епископъ поставляется двумя или тремя епископами, а пресвитеръ и діаконъ и прочіе причетники однимъ епископомъ (1. 2). Производство на священныя степени, полученное за деньги или чрезъ мірскихъ начальниковъ или ради родственныхъ отношеній, не дѣйствительно (29. 30. 76). Въ клиръ не могутъ быть приняты: новокрещенные и недавно обратившіеся отъ порочнаго образа жизни (80), обличенные по суду въ любодѣяніи, прелюбодѣяніи или въ иномъ какомъ запрещенномъ дѣлѣ (61), обязавшіеся послѣ крещенія вторымъ бракомъ или живущіе съ наложницей, имѣющіе въ супружествѣ вдову или отверженную отъ сопружества, или блудницу, или рабыню или позорищную, вступившій въ незаконный бракъ, напр., женившійся на племянницѣ или на сестрѣ первой умершей жены (17—19),—скопецъ, самъ себя оскопившій, глухой и слѣпой (22. 78). Изъ лицъ, вступившихъ въ клиръ безбрачными, могутъ вступить въ бракъ только чтецы и пѣвцы (26). А вступившіе въ клиръ женатыми не должны изгонять отъ себя женъ своихъ подъ видомъ благочестія, *не исключая и епископовъ* (5).

Клирики не должны принимать на себя мірскихъ попеченій, быть поручителями за другихъ, вдаваться въ народныя управленія, упражняться въ воинскомъ дѣлѣ (6. 20. 81. 83). Они должны содержаться на средства церкви и на добровольныя пожертвованія, если не имѣютъ своихъ средствъ содержанія (4. 38. 40. 41. 59). Изъ постановленій, касающихся мірянъ, укажемъ правила о посѣщеніи богослуженія и о постѣ. Прав. 9 требуетъ, чтобы христіане приходили къ богослуженію въ воскресные и праздничные дни, не оставляли церкви до конца службы и пріобщались евхаристіи,

нарушающихъ этотъ порядокъ правило подвергаетъ отлученію. Пр. 69 обязываетъ всѣхъ какъ клириковъ, такъ и мірянъ поститься въ св. Четыредесятницу предъ Пасхой, а также въ среду и пятокъ на каждой недѣлѣ подъ страхомъ церковнаго наказанія. Извиненіемъ непощенія можетъ служить только немощь тѣлесная. Отношеній общественныхъ касаются: правило 82, запрещающее производить въ клиръ рабовъ безъ согласія господъ и къ ихъ огорченію, и правило 84, подвергающее церковному наказанію всякаго клирика и мірянина, который досадитъ царю или князю не по правдѣ.

Сборникъ Апостольскихъ правилъ есть опытъ кодификаціи нормъ церковныхъ, возникшихъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ христіанства на основаніи апостольскаго преданія. Онъ хорошо очерчиваетъ главныя стороны управленія епископіею и митрополіею, вообще управленія помѣстной церкви. Поэтому онъ вполнѣ справедливо положенъ въ основаніе кодекса правилъ древней вселенской церкви. Отсутствіе его было бы невознаградимымъ пробѣломъ въ содержаніи этого кодекса. Соборныя постановленія IV и послѣдующихъ вѣковъ содержатъ въ себѣ новыя нормы только касательно высшихъ инстанцій церковнаго управленія и суда, возникшихъ послѣ союза византійскаго государства съ церковію Христовою. Что же касается управленія епископіею и митрополіею, то здѣсь только повторяются въ позднѣйшихъ правилахъ нормы, содержащіяся въ сборникѣ Апостольскихъ правилъ съ нѣкоторыми дополненіями и разъясненіями. Естественно поэтому, что въ позднѣйшихъ правилахъ мы не рѣдко встрѣчаемъ ссылки на сборникъ правилъ Апостольскихъ. Такъ, уже правила Никейскаго перваго вселенскаго собора неоднократно ссылаются, какъ на основаніе своихъ постановленій, на правила преждесуществовавшія (пр. 1. 2. 5), и эти древнія правила мы находимъ въ составѣ сборника Апостольскихъ правилъ (пр. 21. 80. 32). Однажды (пр. 15) Никейскій соборъ прямо указываетъ, что древнія правила, на которыя онъ ссылается, суть именно правила, содержащіяся въ сборникѣ Апостольскихъ правилъ (пр. 14. 15). Далѣе: въ правилахъ Антіохійскаго собора 341 года находится много постановленій, очень сходныхъ съ правилами Апостольскими не только по содержанію, но и по изложенію и порядку расположенія, и именно:

Ант.	Апост.
2	9—13
3	15—16
4	28
5	31
6	32
7	33
9	34
13	35
17	36
20	37
21	14
24	38. 40
25	41

При внимательномъ чтеніи и сравненіи тѣхъ и другихъ правилъ оказывается, что заимствованіе должно быть усвоено правиламъ Антіохійскаго собора, а не Апостольскимъ. Это видно прежде всего изъ того, что антіохійскія правила, сходныя съ Апостольскими, не скрываютъ того, что они позаимствованы изъ опредѣленій прежде существовавшихъ, между тѣмъ какъ Апостольскія правила если гдѣ и дѣлаютъ ссылки, то только на Свящ. Писаніе В. и Н. Завѣта (Ант. 3. 21, 23, прав. Апост. 16. 14. 76). Потомъ по содержанію своему антіохійскія правила представляются болѣе точными и подробными сравнительно съ правилами Апостольскими (срав. Ант. 1. 4 и 6 съ Апост. 7. 28. 32). Не естественно предположить, чтобы правила менѣе опредѣленныя произошли послѣ болѣе опредѣленныхъ и при томъ изъ этихъ послѣднихъ. Въ числѣ правилъ Апостольскихъ, сходныхъ съ антіохійскими, есть нѣсколько такихъ, которыя представляютъ ясные признаки болѣе ранняго происхожденія сравнительно съ послѣдними. Такъ, 34-е правило Апостольское дѣлитъ областное церковное управленіе по народностямъ (ἔθνος) и главу епископовъ народа называетъ первымъ изъ нихъ. Соотвѣтствующее ему 9 правило антіохійское имѣетъ уже въ виду раздѣленіе византійской имперіи на діэцезы и провинціи съ митрополіями, введенное при Константинѣ в., и называетъ главнаго

епископа по провинціи митрополитомъ—терминъ, который сталъ употребителенъ со времени Никейскаго собора. Другой примѣръ. Правило Апостольское 41 говоритъ о церковномъ имуществѣ неопредѣленно, не упоминая прямо о недвижимой собственности, и самое управленіе этимъ имуществомъ представляется въ простой формѣ, ввѣряя одному епископу. Такая редакція правила сообразна съ доникейскимъ періодомъ, когда недвижимая церковная собственность была рѣдкостію и мало извѣстна обществу и правительству свѣтскому, и когда управленіе дѣлами церковными отличалось патріархальностію. Между тѣмъ соотвѣтствующее ему 25 правило антіохійское прямо упоминаетъ о недвижимой церковной собственности, что естественно въ четвертомъ христіанскомъ вѣкѣ; а управлять этимъ имуществомъ, по антіохійскому правилу, долженъ епископъ, съ вѣдома и согласія состоящихъ при немъ пресвитеровъ и діаконовъ и подъ контролемъ областного собора, чѣмъ указывается опять на развитіе формъ церковнаго управленія, т. е. на четвертый вѣкъ. Ясно, что въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ Апостольскія правила древнѣе антіохійскихъ, имъ соотвѣтствующихъ, и послужили источникомъ для послѣднихъ. Далѣе: ясное указаніе на сборникъ Апостольскихъ правилъ мы находимъ въ актахъ Константинопольскаго собора 394 года. Этотъ соборъ былъ созванъ для рѣшенія спорнаго дѣла между епископами Вагадіемъ и Агапіемъ изъ-за епископства города Востры. Вагадій былъ заочно осужденъ и сверженъ съ епископской каѳедры двумя епископами и на его мѣсто былъ возведенъ Агапій. По жалобѣ Вагадія отцы собора рѣшили: „не подобаетъ впредь епископу судимому извергаему быти отъ священнаго чина ни двумя, ни даже тремя епископами, но по приговору большого собора и, аще возможно, всѣхъ епископовъ той области, какъ и Апостольскими правилами постановлено“, т. е. 74 правиломъ, содержащимся въ сборникѣ Апостольскихъ правилъ. Въ дѣяніяхъ Ефесскаго собора 431 года есть ссылка на Апостольскія правила, которая должна относиться къ 31 правилу Апостольскому. Равно въ дѣяніяхъ же соборовъ Ефесскаго 431 года, Константинопольскаго 448 года и Халкидонскаго 451 года упоминается о требованіи правилъ,—въ случаѣ суда надъ епископомъ,—предъявлять ему троекратное приглашеніе на судъ. Объ этомъ обычаѣ нѣтъ указаній нигдѣ, кромѣ 74 правила апостольскаго (*Bickell,* Geschichte des Kirchenrechts, S. 84—85). Затѣмъ прямыя или косвенныя указанія на правила Апостольскія встрѣчаются въ правилахъ четвертаго вселенскаго собора (2. 3. 30; ср. Апост. 29. 30. 6), Трулльскаго шестого вселенскаго собора (28. 57. 99. 80. 3. 6. 13. 30. 22. 7. 50. 10. 55; срав. Апост. 3. 9. 17. 18. 19. 26. 29. 31. 37. 43. 64), седьмого вселенскаго (3. 10. 15. 5. 12; ср. Апост. 1. 6. 29. 30 38) и Двукратнаго собора (8. 9. 13. 15, ср. Апост. 24. 27. 31).

Нѣкоторыя нормы, содержащіяся въ сборникѣ Апостольскихъ правилъ, оказались впослѣдствіи несоотвѣтствующими обстоятельствамъ времени и были замѣнены другими. Такъ, вмѣсто пятаго Апостольскаго правила, запрещающаго священнымъ лицамъ,—не исключая и епископа,—изгонять отъ себя женъ своихъ подъ предлогомъ благочестія, на Трулльскомъ соборѣ постановлено, что епископы послѣ рукоположенія уже не могутъ жить въ бракѣ съ своими женами и потому еще прежде рукоположенія должны разлучиться навсегда съ ними по взаимному согласію, съ тѣмъ, чтобы онѣ поступили въ монастырь (6 всел. соб. пр. 12. 48). Равнымъ образомъ въ правилахъ шестого (пр. 8) и седьмого (пр. 6) вселенскихъ соборовъ постановлено епископамъ провинціи собираться на соборъ одинъ разъ въ году вмѣсто двухъ разъ, какъ было положено въ правилахъ Апостольскихъ (37) и подтверждено въ правилахъ Халкидонскаго собора (19).

Каноны вселенскихъ соборовъ. Вселенскимъ соборомъ называется собраніе пастырей церкви по возможности изъ всѣхъ помѣстныхъ церквей для совмѣстнаго рѣшенія вопросовъ, касающихся всей церкви. Въ случаѣ необходимости, препятствующей какой-нибудь помѣстной церкви послать на соборъ представителей, она могла заявить о своемъ согласіи съ соборными постановленіями и посредствомъ посланій. Вселенскій соборъ былъ учре-

жденіемъ экстреннымъ, къ которому обращались при особенной надобности. Исторія свидѣтельствуетъ, что поводомъ къ созванію вселенскихъ соборовъ служило каждый разъ появленіе разногласій въ пониманіи важнѣйшихъ догматовъ вѣры. Но, послѣ устраненія догматическихъ недоразумѣній или заблужденій, отцы вселенскихъ соборовъ пользовались случаемъ, чтобы по общему совѣщанію урегулировать и вопросы церковной дисциплины, не рѣдко возникавшіе на практикѣ. Вселенскихъ соборовъ было семь, именно: Никейскій 325 г., оставившій намъ 20 правилъ, Константинопольскій 1-й 381 года, оставившій 7 правилъ [1]), Ефесскій въ 431 году—8 правилъ, Халкидонскій 451 г.—30 правилъ (по собраніямъ времени Зонары и Вальсамона, а у Іоанна Схоластика 28), Константинопольскій 2-й 553 г., Константинопольскій 3-й—680 года и Никейскій 2-й 787 года—22 правила. Пятый и шестой вселенскіе соборы занимались исключительно догматическими вопросами и правилъ касательно дисциплины не оставили. Съ именемъ шестого вселенскаго собора восточная церковь принимаетъ 102 правила Константинопольскаго собора 691 года т. наз. Трулльскаго. Правила Трулльскаго и седьмого вселенскаго собора содержатъ въ себѣ повтореніе, рѣдко—исправленіе нормъ, изданныхъ на прежнихъ соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ. Укажемъ содержаніе важнѣйшихъ правилъ вселенскихъ соборовъ.

Изъ правилъ *перваго вселенскаго собора* заслуживаютъ особаго вниманія 4, 5 и 6. Въ 4 пр. постановлено, чтобы епископы поставлялись по общему голосу всѣхъ епископовъ, находящихся въ извѣстной провинціи и съ утвержденія митрополита, т. е. епископа главнаго города этой провинціи (ср. Апост. 34). Пятое правило устанавливаетъ, чтобы въ каждой провинціи епископы собирались дважды въ годъ на соборъ для обсужденія текущихъ церковныхъ дѣлъ общаго характера и для разсмотрѣнія жалобъ на дѣйствія епископовъ со стороны подвѣдомаго клира и мірянъ (ср. Апост. 37). Въ 6 пр. подтверждается, на основаніи древняго обычая, власть епископовъ важнѣйшихъ городовъ византійской имперіи надъ подчиненными имъ епископами, именно: власть римскаго епископа надъ западными епископами, александрійскаго—надъ епископами Египта, Ливіи и Пентополя, антіохійскаго—надъ епископами восточными. Можно отмѣтить еще 13 пр. этого собора, которымъ подтверждается древній обычай не лишать св. причастія кающагося, находящагося при смерти.

Правила *второго вселенскаго собора*, при своей малочисленности, имѣютъ весьма важное значеніе по своему содержанію. Въ 2 и 6 пр. вводится новая инстанція церковнаго управленія и суда, соотвѣтствующая діэцезу въ гражданскомъ управленіи византійской имперіи и заключающая въ своемъ вѣдѣніи по нѣсколько митрополій. Апеллировать на рѣшенія собора епископовъ діэцеза къ царю или къ вселенскому собору запрещается. Такихъ церковно-административныхъ округовъ въ восточной церкви упомянуто въ правилахъ пять: александрійскій, антіохійскій, асійскій, понтійскій и ѳракійскій. Въ 7 пр. этого собора излагается порядокъ принятія въ православную церковь кающихся еретиковъ, соблюдавшійся въ константинопольской церкви. Правило указываетъ два способа: а) крещеніе для тѣхъ еретиковъ, которые погрѣшаютъ въ ученіи о Св. Троицѣ и совершаютъ крещеніе неправильно, т. е. не въ три погруженія, и б) мѵропомазаніе для тѣхъ, которые совершаютъ крещеніе правильно.

Изъ 8 правилъ *третьяго вселенскаго собора* первыя шесть составляютъ извлеченіе изъ окружнаго посланія, отправленнаго отъ собора ко всѣмъ помѣстнымъ церквамъ объ отлученіи Несторія и его единомышленниковъ. Правила 7 и 8 составлены по особымъ случаямъ, изъясненнымъ въ самомъ содержаніи ихъ, именно: въ 7 пр. запрещается слагать другой символъ вѣры кромѣ составленнаго на первомъ вселенскомъ соборѣ, по поводу

[1]) Такое количество правилъ принято въ сборникахъ правилъ, начиная съ Синтагмы въ XIV титуловъ. У Іоанна же Схоластика усвояется этому собору только шесть правилъ. Седьмое правило,—полагаютъ,—есть ни что иное, какъ извлеченіе изъ посланія константинопольской церкви къ Мартирію, епископу антіохійскому, писаннаго спустя 80 лѣтъ послѣ настоящаго собора. *Beverеg.* t. II, p. 100—101, Annot.

доставленія собору филадельфійскимъ пресвитеромъ Харисіемъ поврежденнаго изложенія вѣры, а въ 8 пр., по поводу жалобы, принесенной собору кипрскими епископами на дѣйствія антіохійскаго патріарха, дано кипрскимъ епископамъ право самимъ поставлять у себя епископовъ, внѣ зависимости отъ антіохійскаго патріарха, согласно древнему преданію. Къ этимъ правиламъ присоединяется въ сборникахъ церковныхъ правилъ посланіе собора къ епископамъ Памфиліи о бывшемъ ихъ епископѣ Евстаѳіѣ, добровольно отрекшемся отъ митрополичьей каѳедры. Въ славянской Кормчей это посланіе считается 9-мъ пр. Ефесскаго собора.

Важнѣйшее изъ правилъ *четвертаго вселенскаго собора*, касающихся церковнаго управленія, есть 28 правило. Въ этомъ правилѣ, во-первыхъ, опредѣленъ административный и судебный округъ константинопольскаго патріарха. Изъ вниманія къ положенію константинопольскаго епископа, какъ епископа столицы восточной половины имперіи, его вѣдѣнію подчинены этимъ правиломъ три гражданскіе діэцеза—асійскій, понтійскій и ѳракійскій. Послѣ этого образовалось въ восточной церкви четыре великіе церковно-административные округа (которые потомъ стали называться патріархатами)—Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій. Объ Іерусалимскомъ въ правилахъ не упомянуто, а говорится въ дѣяніяхъ соборныхъ: въ 8 засѣданіи собора состоялось полюбовное соглашеніе между Максимомъ, епископомъ антіохійскимъ, и Ювеналіемъ, епископомъ іерусалимскимъ, при чемъ вѣдѣнію послѣдняго предоставлены три Палестины, а антіохійскому обѣ Сиріи и Аравія (Вальс. толк. на 6 пр. Ник.). Во-вторыхъ, въ 28-мъ пр. константинопольская патріаршая каѳедра сравнена въ своихъ преимуществахъ съ каѳедрою древняго Рима: „Отцы праведно разсудили, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и синклита и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому и будетъ вторый по немъ“ (ср. пр. 17. 9). Въ правилахъ этого собора (17) высказано также весьма важное въ практическомъ отношеніи положеніе, что распредѣленіе границъ между епископіями и вообще внѣшній распорядокъ ихъ должны сообразоваться съ гражданскимъ административнымъ распорядкомъ. Изъ другихъ правилъ этого собора можно указать—на правило, запрещающее ставить на священныя степени безъ назначенія къ извѣстной церкви подъ опасеніемъ недѣйствительности посвященія, совершеннаго вопреки сему правилу,—на пр. 9-е, которымъ запрещается клирикамъ, имѣющимъ тяжебное дѣло противъ клирика же или епископа, обращаться съ жалобою въ свѣтскія судилища,—на 26-е пр., обязывающее епископа управлять церковнымъ имуществомъ не иначе, какъ при помощи эконома, дабы домостроительство церковное не безъ свидѣтелей было, дабы отъ сего не расточалося ея имущество и дабы не падало нареканія на священство,—на 4-е пр., подчиняющее монаховъ вѣдѣнію мѣстныхъ епископовъ и обязывающее ихъ безотлучно пребывать въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они отреклись отъ міра, и запрещающее имъ вмѣшиваться не только въ житейскія, но и въ церковныя дѣла, безъ особаго позволенія епископа, и то въ случаѣ особенной надобности,—на 24-е пр., которое постановляетъ, чтобы монастыри, освященные по волѣ епископа, навсегда оставались монастырями, а не были обращаемы въ помѣщенія житейскаго характера, а также сохранялись бы за монастыремъ и принадлежащія ему имущества.—Нужно замѣтить, что 28-е пр. собора Халкидонскаго возбудило противъ себя протестъ со стороны римскихъ легатовъ и подало поводъ къ пререканіямъ папы Льва великаго съ соборомъ и къ перепискѣ его съ императоромъ и константинопольскимъ патріархомъ Анатоліемъ. Папа такъ и не призналъ 28-го правила Халкидонскаго.

Соборъ Труллъскій былъ созванъ при императорѣ Юстиніанѣ II затѣмъ, чтобы пересмотрѣть дѣйствующія церковныя правила и придать силу и твердость церковной дисциплинѣ, расшатанной продолжительными догматическими спорами и смутами и устранить замѣченные безпорядки въ жизни клира и народа. Онъ служилъ какъ бы дополненіемъ къ пятому и шестому вселенскимъ соборамъ, не оставившимъ правилъ, и потому называется у Зонары и Вальсамона пято-шестымъ. Ближе же всего онъ

служилъ прибавленіемъ къ шестому вселенскому собору, бывшему только одинадцатью годами ранѣе его. Поэтому въ восточной церкви принято считать эти правила правилами *шестого вселенскаго собора.* Такъ они называются въ правилахъ VII всел. соб. (пр. 6) и Константинопольскаго собора 861 года. Съ такимъ названіемъ и въ такомъ значеніи онѣ помѣщаются во всѣхъ послѣдующихъ собраніяхъ правилъ. Но папа Сергій, современникъ собора, не хотѣлъ подписать его правилъ,—и доселѣ римская церковь не признаетъ вселенскаго характера и значенія за этимъ соборомъ, утверждая, что на немъ не было уполномоченныхъ представителей римской церкви, что подъ актами его подписался только одинъ изъ западныхъ епископовъ. Настоящая же причина заключалась въ томъ, что Трулльскія правила не нравились папамъ по своему содержанію, ибо онѣ вновь подтвердили равноправность константинопольской патріаршей каѳедры съ римскою (пр. 36) и сдѣлали нѣсколько постановленій въ осужденіе римскихъ обычаевъ, напр., обязательнаго безбрачія духовенства (13), поста въ субботніе дни св. Четыредесятницы (пр. 55). Трулльскій соборъ составилъ 102 правила. Онѣ касаются весьма многихъ вопросовъ церковной дисциплины и являются какъ бы цѣлымъ сводомъ правилъ. Эта многочисленность правилъ Трулльскаго собора объясняется указанною выше задачей, какую взялъ на себя соборъ. Большая часть его правилъ есть возобновленіе прежнихъ правилъ, забытыхъ на практикѣ, или дальнѣйшее развитіе ихъ примѣнительно къ потребностямъ времени. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ. Относительно церковнаго управленія имѣютъ высокую важность 36 и 8 правила. Правило 36 повторяетъ постановленіе Халкидонскаго собора о равноправности константинопольской патріаршей каѳедры съ римскою, а кромѣ того указываетъ іерархическій порядокъ патріаршихъ каѳедръ въ восточной церкви, поставляя на первомъ мѣстѣ константинопольскую каѳедру, затѣмъ александрійскую, антіохійскую и іерусалимскую, а во вселенской церкви оставляя первое мѣсто за каѳедрою римской. Правило 8-е обязываетъ митрополитовъ созывать ежегодные соборы епископовъ, согласно древнему правилу, но въ виду затрудненій, не рѣдко встрѣчающихся на практикѣ, къ двукратному собранію въ теченіе года, дозволяетъ ограничиться единократнымъ собраніемъ въ каждый годъ. Относительно клира весьма важны правила 33, 12, 13 и 48. Въ 33 прав. соборъ осуждаетъ обычай армянской страны принимать въ клиръ только тѣхъ, кто происходитъ изъ священническаго рода, и въ противоположность ему провозглашаетъ начало, дѣйствовавшее и прежде въ церковной практикѣ, что при производствѣ въ клирики не слѣдуетъ смотрѣть на родъ производимаго, а нужно обращать вниманіе только на нравственныя качества. Въ 12, 13 и 48 правилахъ рѣшается окончательно вопросъ о брачной жизни клириковъ. Въ нихъ,—вопреки обычаю римской церкви обязывать клириковъ къ безбрачію,—дозволяется священнику и діакону жить въ бракѣ, заключенномъ до посвященія въ санъ, епископы же обязываются къ безбрачію, и если будутъ избраны изъ лицъ женатыхъ, то должны прежде посвященія разойтись съ своими женами, съ ихъ свободнаго согласія, съ обязательствомъ для послѣднихъ поступить навсегда въ монастырь. Относительно мірянъ можно отмѣтить правила 64, 70, 80 и 56. Въ 64 пр. запрещается мірянину всенародно произносить слово назиданія, что принадлежитъ только іерархіи, облеченной властію церковнаго учительства. Въ 70 пр. запрещается женамъ говорить поученія въ церкви во время богослуженія. Правило 80 угрожаетъ отлученіемъ тому христіанину, который не придетъ къ богослуженію церковному въ теченіе трехъ воскресныхъ или праздничныхъ дней сряду. Въ 56 пр. осуждается обычай, замѣченный въ армянской странѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, соблюдающійся и теперь въ католической церкви, — ѣсть сыръ и яйца по субботамъ и воскресеніямъ св. Четыредесятницы,— осуждается, какъ отступленіе отъ чина вселенской церкви. Въ 53, 54 и 72 правилахъ содержатся весьма важныя постановленія о бракѣ. Въ 54 пр. указаны предѣлы запрещенія брака по причинѣ родства и свойства; запрещены браки въ предѣлахъ четырехъ степеней родства и свойства включительно, подъ угрозою разлученія въ случаѣ нарушенія указанной нормы. Правило 53 узаконяетъ родство духовное,

соблюдавшееся, какъ видно, на практикѣ и прежде, и запрещаетъ воспріемнику жениться на воспринятой дочери и ея плотской матери. Въ 72 правилѣ содержится норма относительно смѣшанныхъ браковъ. Правило дозволяетъ, на основаніи апостольской заповѣди, христіанину продолжать брачное сожитіе съ нехристіаниномъ, заключенное прежде обращенія его въ христіанство, съ согласія невѣрующей стороны. Но оно строго, подъ угрозою разлученія отъ брачнаго сожитія, запрещаетъ православному христіанину бракъ съ такимъ лицомъ, съ которымъ не можетъ быть у него религіознаго общенія,—съ язычникомъ и еретикомъ; ибо „не подобаетъ,—говоритъ правило, — смѣшивати несмѣшиваемое, ниже совокупляти съ овцею волка, и съ частію Христовою жребій грѣшниковъ". Еще слѣдуетъ указать на 95 правило о принятіи еретиковъ въ православную церковь; оно цѣликомъ воспроизводитъ 7 правило II всел. собора, но въ концѣ для нѣкоторыхъ заблуждающихъ указываетъ еще третій способъ принятія въ православную церковь, кромѣ двухъ предусмотрѣнныхъ въ правилѣ II всел. собора—крещенія и мѵропомазанія, а именно: покаяніе и причащеніе евхаристіи. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на послѣднее 102 правило Трулльскаго собора, касающееся наложенія епитиміи на кающихся. Правило смотритъ на епитимію, какъ на врачество душевныхъ недуговъ; цѣлію пастырскаго дѣйствованія при наложеніи епитиміи должно быть уврачеваніе заболѣвшаго. Поэтому при наложеніи епитиміи внушается обращать строгое вниманіе на качество грѣха и готовность согрѣшившаго къ обращенію и съ этимъ обстоятельствомъ соображать родъ епитиміи и мѣру ея, по всей же строгости покаянныхъ правилъ поступать только съ тѣми, которые не имѣютъ склонности къ исправленію.—Трулльскій соборъ не ограничился исправленіемъ замѣченныхъ недостатковъ въ церковной жизни, возобновленіемъ забытыхъ правилъ и установленіемъ новыхъ. Для достиженія своей цѣли онъ призналъ необходимымъ точно обозначить тѣ правила, которыми должна руководствоваться церковная практика. Поэтому во 2 правилѣ своемъ онъ перечисляетъ всѣ правила, какія должны составлять полный сводъ церковнаго права. Онъ ставитъ во главѣ правила Апостольскія, потомъ правила четырехъ вселенскихъ соборовъ, далѣе перечисляетъ правила восьми помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ, а въ концѣ правило присовокупляетъ, что перечисленныя правила никому самовольно нельзя отмѣнять или перемѣнять или принимать другія, съ подложными надписаніями составленныя людьми, дерзнувшими торговать истиною. Изъ каноническихъ памятниковъ, употреблявшихся прежде на практикѣ, соборъ запретилъ пользоваться постановленіями Апостольскими, преданными чрезъ Климента, потому, что въ нихъ внесено иномыслящими нѣчто подложное и чуждое благочестія. — Это второе правило Трулльскаго собора имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи церковнаго права; оно служитъ основою при опредѣленіи состава правилъ древней церкви. Послѣ этого составъ церковныхъ правилъ вселенской церкви дополненъ немногими каноническими статьями, именно: правилами самого Трулльскаго собора на основаніи 1 пр. VII всел. собора, правилами VII всел. собора и правилами двухъ помѣстныхъ Константинопольскихъ соборовъ— въ храмѣ св. Апостоловъ и въ храмѣ св. Софіи.

Правила *седьмого вселенскаго собора* направлены къ возстановленію церковнаго порядка, потрясеннаго продолжительными церковными волненіями, и къ очищенію пороковъ клира, павшаго весьма низко въ нравственномъ отношеніи подъ вліяніемъ мірской власти, произвольно распоряжавшейся въ церковныхъ дѣлахъ въ періодъ иконоборчества. Соборъ въ нѣсколькихъ правилахъ (4—6. 19) вооружается противъ симоніи при производствѣ на церковныя степени и при другихъ случаяхъ церковной жизни; обличаетъ щегольство и распущенность нравовъ духовенства (15. 16. 18. 22); подтверждаетъ правило, что избраніе и поставленіе на церковныя степени при помощи мірскихъ начальниковъ не дѣйствительно. (пр. 3); внушаетъ клирикамъ питаться, по примѣру Апостола, дѣлами рукъ своихъ (15), напр., „учити отроковъ и домочадцевъ, читая имъ божественное писаніе, ибо для сего и священство получаютъ" (10); запрещаетъ строить двойные монастыри т. е. для мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ, такъ какъ

это не согласно съ идеею монастыря, какъ мѣста уединенія отъ мірскихъ соблазновъ (20); старается возвратить къ своему первоначальному назначенію епископіи и монастыри, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращенные въ простыя жилища, подъ угрозою отлученія на тѣхъ, кто захватилъ ихъ въ свои руки, такъ какъ дома Божія не слѣдуетъ дѣлать домомъ купли (13); запрещаетъ отчуждать церковныя имущества, принадлежащія епископіямъ и монастырямъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ; а если ужъ онѣ не даютъ никакой выгоды, то позволяетъ уступать ихъ клирикамъ или земледѣльцамъ, но никакъ не мѣстнымъ начальникамъ (12); заповѣдуетъ отбирать лживыя сочиненія, писанныя противъ почитанія иконъ, и отдавать на храненіе въ архивъ константинопольской епископіи вмѣстѣ съ прочими еретическими книгами (9). Въ первомъ своемъ правилѣ седьмой вселенскій соборъ, подобно Трулльскому, заповѣдуетъ сохранять неизмѣнно правила прежнихъ соборовъ и св. отецъ, причисляя къ ихъ составу, между прочимъ, и правила Трулльскаго собора подъ именемъ правилъ шестого вселенскаго собора (ср. пр. 6).

Каноны помѣстныхъ соборовъ. По правиламъ древней церкви (Апост. 37. I всел. соб. 5), епископы каждой митрополіи должны были ежегодно собираться два раза для обсужденія и рѣшенія текущихъ дѣлъ административныхъ и судебныхъ, превышающихъ полномочія отдѣльнаго епископа. Кромѣ того собирались епископы одной или нѣсколькихъ митрополій нарочито для рѣшенія недоумѣнныхъ вопросовъ церковной практики, возникавшихъ по особымъ обстоятельствамъ мѣста и времени. Постановленія нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ соборовъ вошли въ составъ правилъ древней вселенской церкви. По своему свойству, правила мѣстныхъ соборовъ обязательны собственно для той помѣстной церкви, епископами которой они постановлены. Но,—въ виду единства основныхъ началъ церковнаго устройства и управленія,—постановленія одной помѣстной церкви могли быть приняты и дѣйствительно принимались къ руководству и въ другихъ помѣстныхъ церквахъ, по свободному согласію сихъ послѣднихъ. Въ періодъ вселенскихъ соборовъ, правила помѣстныхъ соборовъ утверждались къ всеобщему руководству постановленіями этихъ соборовъ. Примѣръ этого мы видимъ въ правилахъ четвертаго вселенскаго собора (прав. 1), въ правилахъ Трулльскаго (пр. 2) и седьмого (пр. 1) вселенскихъ соборовъ. Послѣ утвержденія вселенскими соборами правила помѣстныхъ соборовъ получили значеніе, равное съ правилами вселенскихъ соборовъ.

Изъ помѣстныхъ соборовъ, правила которыхъ приняты въ составъ церковныхъ правилъ, первый былъ соборъ:

1) *Анкирскій*, происходившій въ Анкирѣ, главномъ городѣ Галатіи, въ 314 г., подъ предсѣдательствомъ епископа антіохійскаго Виталія. Онъ созванъ былъ послѣ окончанія жестокаго гоненія на христіанъ при Максиминѣ, по поводу отреченія многихъ изъ христіанъ отъ вѣры во Христа во время гоненія. Соборъ имѣлъ въ виду установить порядокъ, какимъ падшіе во время гоненія могли быть снова принимаемы въ общеніе съ церковію, въ случаѣ ихъ раскаянія. Этому предмету посвящена первая половина правилъ (всѣхъ 25); вторая половина тоже излагаетъ правила о наложеніи епитиміи за разныя нравственныя грѣхопаденія. Изъ правилъ не епитимійнаго характера можно отмѣтить правило 13-е, запрещающее хорепископу поставлять пресвитеровъ и діаконовъ безъ порученія со стороны епископа города.

2) *Неокесарійскій* соборъ 315 г. составилъ 15 правилъ, которыя касаются нравственной жизни клира и народа. Въ первомъ отношеніи замѣчательны правила: 1-е, запрещающее пресвитеру и діакону жениться послѣ посвященія подъ опасеніемъ изверженія изъ сана; 9-е, запрещающее пресвитеру священнослуженіе, если онъ согрѣшилъ тѣломъ до посвященія въ санъ и самъ покаялся въ своемъ грѣхѣ, и 8-е, заграждающее доступъ къ священному сану тому, кто имѣетъ жену, обличенную въ прелюбодѣяніи. Во второмъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе: — 2-е правило, которое подвергаетъ отлученію до самой смерти жену, которая, овдовѣвши послѣ брака, выйдетъ во второй разъ за брата перваго мужа своего, и 7-е правило, запрещающее пресвитеру участвовать въ брачномъ пирѣ второбрачнаго, чтобы этимъ

участіемъ не подать повода думать, что онъ одобряетъ подобные браки.

3) *Гангрскій* соборъ былъ около 340 г. въ митрополіи пафлагонійской (въ Малой Азіи). Предметомъ разсужденій этого собора было лжеученіе Евстаѳія, епископа севастійскаго (въ Арменіи), и секты, называвшейся его именемъ. Евстаѳіане учили, что брачная жизнь не угодна Богу, и поэтому многіе изъ нихъ расторгали свои браки, а также зазирали женатыхъ пресвитеровъ и не хотѣли принимать отъ нихъ евхаристіи; не посѣщали общественныхъ богослужебныхъ собраній, а сходились для молитвы въ частные дома; постились во дни воскресные, дни же, установленные церковію для поста, не соблюдали; изъ ложно-аскетическихъ побужденій замѣняли обычное платье монашескою одеждой; женщины подъ предлогомъ благочестія стригли себѣ волосы и носили мужскую одежду; учили, что богатые не могутъ имѣть надежды на спасеніе, если не раздадутъ всего своего имущества и пр. Противъ этихъ-то ложно аскетическихъ и противообщественныхъ мнѣній и направлены постановленія собора Гангрскаго, коихъ числомъ 21. Въ славянской Кормчей 19 правилъ, такъ какъ опущены послѣднее 21 правило и еще 10 правило о превозношеніи дѣвствующихъ Господа ради надъ живущими въ бракѣ.

4) *Антіохійскій* соборъ былъ созванъ въ 341 году по случаю освященія храма, заложеннаго по волѣ императора Константина, но доконченнаго уже при сынѣ его Констанціѣ. Епископы (около 100), собравшіеся на это торжество, по окончаніи его, составили соборъ, на которомъ постановили 25 правилъ по церковному управленію. Правила эти касаются весьма важныхъ сторонъ церковнаго управленія, какъ-то: избранія и постановленія епископовъ и прочихъ клириковъ, отношенія епископовъ другъ къ другу и къ областному митрополиту, ежегодныхъ соборовъ, порядка суда надъ клириками и епископами по дѣламъ церковнымъ и тяжебнымъ, управленія церковными имуществами и пр. Всѣ эти правила составляютъ повтореніе и развитіе подобныхъ же правилъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ правилъ апостольскихъ, а отъ части въ правилахъ Никейскаго собора. Только 11-е и 12-е правила составляютъ постановленіе собора, которое не имѣетъ для себя основанія въ Апостольскихъ правилахъ; въ нихъ говорится объ отношеніи сихъ епископовъ къ царю. Именно, въ нихъ запрещается клирикамъ, изверженнымъ своимъ епископомъ, также епископамъ, изверженнымъ на помѣстномъ соборѣ, обращаться съ апелляціей на церковный судъ къ царю, а внушается искать суда у церковныхъ судей во второй инстанціи, подъ опасеніемъ лишенія всякой надежды на оправданіе за неисполненіе этого правила. Запрещается и вообще епископамъ и клирикамъ стужати слуху царя; если-же будетъ ужъ какая-нибудь серьезная надобность въ этомъ, то всякій, отправляющійся къ царю, обязанъ испросить на это согласіе мѣстнаго епископа или митрополита и получить отъ того или другого дозволительную грамоту.

5) *Лаодикійскій* соборъ былъ во Фригіи,—какъ полагаютъ, — въ концѣ четвертаго вѣка, незадолго до второго вселенскаго собора. Правила его, числомъ 60 [1]), касаются различныхъ подробностей богослужебнаго чина, дисциплины клира, жизни мірянъ, брака, отношеній православныхъ къ еретикамъ и представляютъ немало характерныхъ указаній на церковную обрядность и обычаи жизни тогдашнихъ христіанъ. Какъ на болѣе важныя правила этого собора, можно указать на слѣд.: 57-е пр. — не подобаетъ въ малыхъ городахъ и селахъ поставлять епископовъ, но періодевтовъ, а поставленнымъ уже прежде ничего не творити безъ воли епископа города; 13-е пр. о томъ, что не позволительно сборищу народа избирать имѣющихъ произвестися во священство; 19-е пр., въ которомъ, между прочимъ, внушается, что однимъ только священнымъ лицамъ позволительно входить въ алтарь и тамъ пріобщаться; 52-е — о томъ, что нельзя въ св. Четыредесятницу совершать браковъ или праздновать дни рожденія; 10-е и 31-е— о недозволительности бракосочетаній между православными и еретиками; 1-е пр.—о томъ, что вступившихъ во второй бракъ законнымъ порядкомъ можно по снисхо-

---

[1]) 60-е правило образовалось изъ схоліи къ 59 правилу, перечисляющей книги В. и Н. Завѣта.

жденію принимать въ церковное общеніе, послѣ непродолжительной епитиміи, состоящей въ молитвѣ и постѣ.

6) *Сардикійскій* соборъ былъ созванъ въ 344 году въ Сардикѣ (въ Иллиріи, на границѣ восточной и западной римской имперіи) по настоянію западнаго императора Константа изъ епископовъ восточныхъ и западныхъ. Цѣлію созванія собора было желаніе положить конецъ раздѣленію между западными епископами, защищавшими св. Аѳанасія, архіепископа александрійскаго, и православную вѣру, и между сильною аріанскою партіей епископовъ, на Востокѣ. Эта цѣль не была достигнута. Восточные епископы, большая часть которыхъ держалась ереси Арія и преслѣдовала св. Аѳанасія, защитника православія, узнавши о прибытіи его на соборъ и о намѣреніи западныхъ епископовъ поддержать его вмѣстѣ съ православіемъ, оставили Сардику и въ Филиппополѣ (во Ѳракіи) и составили свой соборъ, на которомъ осудили св. Аѳанасія и папу Юлія. Оставшіеся затѣмъ западные епископы и немногіе изъ восточныхъ православныхъ открыли соборъ въ Сардикѣ, на которомъ признали Никейскій символъ вѣры, оправдали св. Аѳанасія и сверхъ того составили 21 правило (въ нашей „Книгѣ правилъ“ считается 20 правилъ, потому что 18 и 19 правила соединены въ одно). Изъ этихъ правилъ важнѣйшія тѣ, которыя касаются инстанцій церковнаго суда и сношеній епископовъ съ царемъ. По первому вопросу Сардикійскій соборъ допускаетъ двѣ инстанціи суда надъ епископомъ. Прежде всего жалоба клирика или епископа на епископа разсматривается на соборѣ епископовъ мѣстной провинціи. Если осужденный епископъ останется недоволенъ приговоромъ суда и пожелаетъ, чтобы его дѣло было разсмотрѣно новымъ составомъ судей, то объ этой апелляціи доводитъ до свѣдѣнія епископа римскаго, и если онъ найдетъ основаніе уважить апелляцію, то поручаетъ разсмотрѣніе дѣла епископамъ сосѣдней провинціи, или же можетъ послать на мѣсто своихъ довѣренныхъ пресвитеровъ для производства суда вмѣстѣ съ епископами провинціи (пр. 3. 4. 5). По второму пункту Сардикійскій соборъ осуждаетъ очень распространенный обычай епископовъ прибѣгать ко двору съ ходатайствомъ о предоставленіи своимъ знакомымъ мірскихъ должностей и достоинствъ, находя такой обычай зазорнымъ и вреднымъ для церкви. Соборъ находитъ приличнымъ для епископовъ оказывать помощь сирымъ, вдовамъ, бѣднымъ, терпящимъ обиды и несправедливости; соборъ обязываетъ епископовъ ходатайствовать за преступниковъ, осужденныхъ на заточеніе, ссылку и пр.—съ цѣлію облегчить наложенное наказаніе, если они обратятся къ церкви съ просьбою о помощи. Но епископы должны приносить свои ходатайства не лично, а чрезъ своихъ діаконовъ, съ вѣдома и разрѣшенія митрополита и при содѣйствіи епископа того города, гдѣ находится въ извѣстное время дворъ. Если же ходатайство приносилось царю въ Римѣ, то оно должно быть представлено римскому епископу на предварительный просмотръ и отъ него уже препровождаться ко двору, съ присовокупленіемъ и его собственнаго представительства, въ случаѣ умѣстности и важности ходатайства (пр. 7—9. 20). Изъ другихъ правилъ нужно еще обратить вниманіе на пр. 6-е, запрещающее поставлять епископа въ какое-либо село или малый городъ, для котораго довольно и пресвитера, „да не уничижается имя епископа и власть. Аще же обрящется нѣкій градъ, возрасшій количествомъ людей, то можетъ быть признанъ достойнымъ имѣти епископа“. Важно также правило 11-е, запрещающее епископу оставлять свою паству безъ нужды на время болѣе трехъ недѣль. Обращаетъ на себя вниманіе еще правило 10: „Подобаетъ наблюдати, да богатый или ученый, отъ свѣтскаго житія удостоиваемый епископомъ быти, не прежде поставляется, развѣ когда совершитъ служенія чтеца и діакона и пресвитера. Очевидно же, что для каждой степени чина должно быть предоставлено не слишкомъ малое время, въ продолженіе котораго могли бы усмотрѣны быти его вѣра, благонравіе, постоянство и кротость. Не прилично, дерзновенно и легкомысленно—поставляти поспѣшно епископа или пресвитера или діакона; ни знаніе, ни поведеніе не даетъ на сіе права“.

Каноны 7) *Карѳагенскаго собора*, принятые въ собраніе правилъ съ именемъ Карѳагенскаго собора, составляютъ сводъ правилъ, дѣйствовавшихъ въ африканской

церкви, редактированный на Кареагенскомъ соборѣ 419 года. Въ немъ содержатся правила африканскихъ соборовъ конца четвертаго и начала пятаго вѣка. Главную составную часть его представляютъ правила соборовъ, бывшихъ при кареагенскомъ архіепископѣ Авреліѣ и подъ его предсѣдательствомъ, а именно: Иппонскаго собора 393 года, Кареагенскаго 28 августа 397 г., Кареагенскаго 16 или 17 іюня 401 г., Кареагенскаго 13 сент. 401 г., Милевитскаго 27 авг. 402 г., Кареагенскаго 25 авг. 403 г., Кареагенскаго въ іюнѣ 404 г., Кареагенскаго 23 авг. 405 г., Кареагенскаго 13 іюля 407 г., Кареагенскихъ 14 іюля 409, 410, 1 мая 418 и 419. Къ этимъ соборамъ при Авреліѣ нужно присовокупить два собора, бывшіе при его предшественникахъ—Гратѣ 345—348 гг. и при Генефліѣ 390 года. Въ частности, источники свода правилъ Кареагенскаго собора 419 г. нужно представить въ слѣд. видѣ: Правило 1 свода (по нашей „Книгѣ правилъ") принадлежитъ собору 419 года первому его засѣданію 25 мая, Прав. 2—4—Кареа. при Генефліѣ 390 г., правило 5—Кареагенскому при Гратѣ 345—348 гг., пр. 6—13—Каре. при Генефліѣ 390 г., пр. 14—33—Иппонскому собору 393 г., пр. 34—36—Каре. 13 сент. 401 г., пр. 37—Каре. 1 мая 418 г., пр. 38—42—Каре. 419 г. перваго его засѣданія 25 мая, пр. 43—Каре. 28 авг. 397, пр. 44—57—Иппонскому 393, пр. 58—67—Каре. 28 авг. 397, пр. 68—76—Каре. 16 или 17 іюля 401, пр. 77—96—Каре. 13 сент. 401, пр. 97—101—Милевитскому 27 авг. 402, пр. 102—103—Каре. 25 авг. 403, пр. 104—Каре. въ іюнѣ 404, пр. 105—Каре. 23 авг. 405, пр. 106—120—Каре. 13 іюня 407, пр. 121—Каре. 14 іюля 409, пр. 122—Каре. іюня 410, пр. 123—141—Каре. 1 мая 418, пр. 142—147—Каре. 419 втораго его засѣданія 30 мая. Въ собраніи Діонисія малаго за послѣднимъ 133 (по его изданію) канономъ Кареагенскаго собора помѣщены заключительная рѣчь Аврелія и подписи его и другихъ присутствовавшихъ съ нимъ въ послѣднемъ засѣданіи 21 епископовъ. Далѣе у Діонисія съ продолжающимся счетомъ каноновъ (134—138) помѣщены: посланіе африканскихъ епископовъ къ папѣ Бонифацію, посланіе Кирилла александрійскаго и Аттика константинопольскаго къ африканскимъ епископамъ и символъ вѣры. Этихъ документовъ нѣтъ въ „Книгѣ правилъ"; въ ней содержится только, внѣ счета правилъ, въ качествѣ приложенія, посланіе африканскаго собора къ папѣ Целестину по дѣлу Аппіарія, каковое посланіе у Діонисія помѣщено въ видѣ послѣдняго 138 правила. Это посланіе принадлежитъ одному изъ послѣдующихъ Кареагенскихъ соборовъ,—полагаютъ,—собору 525 года.

Въ греческихъ собраніяхъ правилъ Кареагенскаго собора правила эти почти въ каждомъ изъ нихъ имѣютъ свой особый порядокъ, раздѣленіе и счетъ. Въ то время, какъ одни изъ этихъ собраній удерживаютъ счетъ Діонисія малаго, или по крайней мѣрѣ приближаются къ нему, другія значительно расширяютъ ихъ счетъ; нѣкоторыя же и противъ расширеннаго счета увеличиваютъ число этихъ каноновъ. Разнообразіе это происходитъ отъ того, что нѣкоторыя правила въ собраніяхъ съ расширеннымъ счетомъ раздѣлены на два, на три и болѣе. Издатели Синтагмы Ралли и Потли (Раллиса и Потлиса), слѣдуя трапезунтскому списку, удержали счетъ, совпадающій со счетомъ Діонисія въ количествѣ правилъ, только не вездѣ одинаково съ послѣднимъ раздѣляющій правила. Какъ на особенность изложенія кареагенскихъ правилъ въ синтагмѣ Ралли, слѣдуетъ указать на то, что сборникъ раздѣленъ на нѣсколько дѣяній, чего нѣтъ ни въ собраніи Діонисія малаго, ни въ изданіи Юстелли (Codex canonum ecclesiae africanae). Къ первому дѣянію отнесены разсужденія о никейскихъ канонахъ, бывшія на соборѣ 419 года, и первыя 33 правила по изложенію Діонисія малаго. Второе дѣяніе обнимаетъ правила 34—56, третье—57—65 правила, четвертое 66—85 пр., пятое 86—93 пр., шестое—94—133. Послѣ 133 правила помѣщены тѣ же документы, что и у Діонисія малаго, только внѣ счета правилъ. Издатели Пидаліона, слѣдуя рукописямъ и собственнымъ соображеніямъ, раздѣлили кареагенскіе каноны на 141, сохранивъ для справокъ и древній счетъ ихъ примѣнительно къ толкованіямъ Зонары и Вальсамона. При этомъ они опустили

всѣ предисловія къ соборамъ и надписи соборовъ, вошедшихъ въ сводъ карѳагенскихъ правилъ 419 года, отбросили оглавленія къ канонамъ, соединяли правила однородныя по содержанію и раздѣляли правила, трактующія о разныхъ предметахъ, разсужденія отцовъ обращали въ правила. Въ результатѣ такой неблагодарной работы оказались слѣд. особенности изданія Пидаліона: нѣкоторыя правила, содержащіяся въ другихъ изданіяхъ, оказались опущенными въ Пидаліонѣ, именно 14, 43, 81, 99, 103, 120, 143 по „Книгѣ правилъ“; другія раздѣлены на два, на три правила, напр., изъ 104 пр. выкроены въ Пидаліонѣ 100, 101 и 102 правила; иныя же, наоборотъ, соединены въ одно правило, напр., 131—132 соединены въ 128 правило. Къ раздѣленію карѳагенскихъ правилъ въ Пидаліонѣ приближается въ нѣкоторыхъ случаяхъ и раздѣленіе ихъ въ „Книгѣ правилъ“. Всего ближе подходитъ къ латинскому изложенію правилъ Карѳагенскаго собора 419 года, сдѣланному Діонисіемъ малымъ, греческій переводъ ихъ, напечатанный Юстелли подъ заглавіемъ Codex canonum ecclesiae africanae въ его изданіи Bibliotheka juris canonici. Этотъ переводъ заимствованъ Юстелли изъ греческаго собранія правилъ, изданныхъ Тиліемъ. († проф. *Т. В. Барсовъ*, О правилахъ Карѳагенскаго собора въ „Христ. Чтен.“ 1879 г., ч. 1, стр. 215—223). Для болѣе удобнаго пользованія разными изданіями правилъ Карѳагенскаго собора 419 г. мы прилагаемъ здѣсь сравнительную таблицу изложенія и счета ихъ въ разныхъ изданіяхъ, съ указаніемъ также соборовъ, правила которыхъ вошли въ сводъ Карѳагенскаго собора 419 года.

Источники Свода.	Діонисій малый.	Синтагма Ралли.	Пидаліонъ.	Книга правилъ.
Карѳ. 419.	1	1	Дѣян. 1. 1	1
390 г. при Генефлiѣ.	2	2	2	2
	3	3	3	3
	4	4	4	4
348 г. при Гратѣ.	5	5	5	5
390 г. при Генефлiѣ.	6	6	6	6
	7	7	7	7
	8	8	8	8
	9	9	9	9
	10	10	10	10
	11	11	11	11
	12	12	12	12
	13	13	13	13
Иппонскій соборъ 393 г.	14			14
	15	15	14	15
			15	16
			16	17
			17	18
	16	16	18	19
			19	20
			20	21
			21	22
			22	23
	17	17	23	24
	18	18	24	25
			25	26
			26	27
	19	19	27	28
	20	20	28	29
	21	21	29	30
	22	22	30	31
	23	23	31	32
	24	24	32	33
401 г. 13 сентября.	25	25	33	34
	26	26	34	35
	27	27	35	36
418 г. 1 мая.	28	28	36	37
419 г. 25 мая, первое засѣданіе.	29	29	37	38
	30	30	38	39.
	31	31	39	40
	32	32	40	41
	33	33	41	42
397 г. 28 авг.	34	Дѣян. 2. 34	—	43
Иппонскій 393 г.	35	35	42	44
	36	36	43	45
	37	37	44	46
	38	38	45	47
	39	39	46	48
	40	40	47	49
	41	41	48	50
	42	42	49	51
	43	43	50	52
	44	44	51	53
	45	45	52	54
			53	55
	46	46	54	56
	47	47	55	57
397 г. 28 авг.		—	56	58

Источники Свода.	Діонисій малый.	Синтагма Ралли.	Пидаліонъ.	Книга правилъ.
397 г. 28 августа.	48	48	57	59
	49	49	58	60 (короче)
	50	50	59	61
	51	51	60	62 (кор.)
	52	52	61	63
	53	53	62	64
	54	54	63	65 (кор.)
	55	55	64	66
	56	56	65	67
		Дѣян. 3.		
Карө. 401 г. 16 или 17 іюля.	57	57	66	68
	58	58	67	69
	59	59	68	70
	60	60	69	71
	61	61	70	72
	62	62	71	73
	63	63	72	74
	64	64	73	75 (кор.)
	65	65	74	76 (кор.)
		Дѣян. 4.		
Карө. 401 г. 13 сентября.	66	66	75	77
	67	67	76	78
	68	68	77	79
	69	69	78	80
	70	70	—	81
	71	71	79	82
	72	72	80	83
	73	73	81	84
	74	74	82	85
	75	75	83	86
	76	76	84	87
	77	77	85	88
	78	78	86	89
	79	79	87	90
	80	80	88	91
	81	81	89	92
	82	82	90	93
	83	83	91	94
	84	84	92	95
	85	85	93	96 (кор.)
		Дѣян. 5.		
Карө. 402 г. 27 авг.	86	86	95	97
	87	87	96	98
	88	88	—	99
	89	89	97	100
	90	90	98	101
Карө. 403 г. 25 авг.	91	91	99	102 (кор.)
	92	92	—	103
Карө. 404 г.	93	93	100	104 (кор.)
		Дѣян. 6.		
405 г. 23 авг.	94	94	103	105 (кор.)
Карө. 407 г. 13 іюня.	95	95	104	106
	96	96	105	107

Источники Свода.	Діонисій малый.	Синтагма Ралли.	Пидаліонъ.	Книга правилъ.
Карө. 407 г. 13 іюня.	—	—	106	108
	97	97	107	109
	—	—	108	110
	98	98	109	111
	99	99	110	112
	100	100	111	113
	101	101	112	114
	102	102	113	115
	103	103	114	116
	104	104	115	117
	105	105	116	118
408 г.	106	106	117	119 (кор.) 120
409 г. 14 іюля.	107	107	118	121 (укороченъ съ ущербомъ для смысла).
410 г.	108	108	119	122 (укороченъ съ ущербомъ для смысла).
Карө. 418 г. 1 мая.	109	109	120	123
	110	110	121	124
	111	111	122	125
	112	112	123	126
	113	113	124	127
	114	114	125	128
	115	115	126	129
	116	116	127	130
	117	117	128	131
	118	118	—	132
	119	119	129	133
	120	120	130	134
	121	121	131	135
	122	122	—	136
	123	123	132	137
	124	124	133	138
	125	125	134	139
	126	126	135	140
	127	127	136	141 142
Карө. 419 г. 30 мая, второе засѣданіе.	128	128	137	143
	129	129	138	144
	130	130	139	145
	131	131	140	146
	132	132	141	147
	133	133	—	
	134	—	—	—
	135	—	—	—
	136	—	—	—
	137	—	—	—
	138	—	—	—

Каноны Кароагенскаго собора были приняты въ Синтагму XIV титуловъ съ оговоркою, что въ нихъ содержится не мало нормъ, составляющихъ особенность мѣстной церковной дисциплины. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если обратить вниманіе на содержаніе правилъ Кароагенскаго собора. Важнѣйшія постановленія соборовъ африканской церкви касаются слѣдующихъ предметовъ: а) Въ нихъ встрѣчается не мало постановленій о *повременныхъ соборахъ*. Въ Африкѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, было два рода соборовъ: — соборъ епископовъ одной извѣстной провинціи подъ предсѣдательствомъ примаса (episcopus primae saedis) или митрополита и соборъ епископовъ изъ всѣхъ африканскихъ провинцій въ главномъ городѣ сѣверной Африки— Кароагенѣ подъ предсѣдательствомъ ея епископа, который назывался полнымъ или общимъ соборомъ африканской церкви. Особенность управленія африканской церкви состояла въ томъ, что въ ней не только провинціальные, но и общіе соборы созывались ежегодно, а чтобы не утруждать путешествіями всѣхъ епископовъ, было принято, чтобы каждая церковная провинція выбирала и посылала отъ себя на общій соборъ по два или болѣе представителя. Этотъ общій соборъ, состоявшій изъ представителей митрополій, и рѣшалъ текущія дѣла, касавшіяся всей африканской церкви. При этомъ, конечно, не исключалась возможность созванія всѣхъ вообще епископовъ африканской церкви, если представлялась въ томъ надобность. Такъ продолжалось до 407 года, когда на Кароагенскомъ соборѣ этого года было постановлено, что на будущее время нѣтъ надобности утруждать ежегодными собраніями и представителей отъ митрополій, что текущія дѣла должны рѣшаться въ каждой митрополіи по принадлежности, а если встрѣтятся дѣла, касающіяся всей африканской церкви, тогда и только тогда долженъ созываться общій соборъ по особому приглашенію отъ кароагенскаго епископа и имѣетъ засѣдать въ томъ городѣ, гдѣ встрѣтится надобность или гдѣ будетъ признано удобнѣе (пр. 14. 27. 84. 87. 106—по „Книгѣ правилъ“). Общій соборъ кароагенской церкви считался послѣднею инстанціей управленія и суда въ дѣлахъ африканской церкви; обращаться съ апелляціей на рѣшенія африканскихъ соборовъ за море, т. е. къ римскому епископу, строго запрещалось правилами кароагенской церкви (пр. 37. 118. 139). Между тѣмъ папы, опираясь на постановленія Сардикійскаго собора, предоставляющія ему право принимать апелляціи на судъ мѣстныхъ соборовъ и посылать для разсмотрѣнія дѣла своихъ уполномоченныхъ, предъявили свои притязанія на высшій судъ и въ дѣлахъ африканской церкви. Особенно ясно выразилось это стремленіе папъ въ дѣлѣ Апіарія, пресвитера города Сикки. Апіарій, будучи лишенъ сана и отлученъ отъ церковнаго общенія своимъ епископомъ Урбаномъ, искалъ себѣ защиты у римскаго епископа Зосимы. Зосима не только принялъ Апіарія въ церковное общеніе, но и послалъ своихъ легатовъ въ Африку съ цѣлію ходатайствовать о возстановленіи его въ прежнемъ его санѣ. Это вмѣшательство римскаго епископа въ дѣла африканской церкви побудило кароагенскаго епископа Аврелія собрать соборъ въ Кароагенѣ въ 419 году. На соборѣ пастыри африканской церкви предложили папскимъ посламъ изложить письменно возложенныя на нихъ порученія. Оказалось, что главное изъ этихъ порученій состояло въ томъ, чтобы требовать признанія за римскимъ епископомъ права разсматривать апелляціи на приговоры африканскихъ епископовъ, а второе въ томъ, чтобы стараться, въ частности, о возстановленіи Апіарія въ прежнемъ санѣ. Легаты ссылались въ подтвержденіе своихъ требованій на правила Никейскаго собора. По справкамъ однако же оказалось, что въ спискахъ Никейскихъ правилъ, имѣвшихся у африканскихъ епископовъ, нѣтъ тѣхъ правилъ, на которыя указывали римскіе послы. Для лучшаго разъясненія дѣла африканскіе епископы обратились къ епископамъ александрійскому, антіохійскому и константинопольскому съ просьбою прислать имъ копіи съ подлинныхъ правилъ Никейскаго собора, а къ папѣ написали, что они готовы исполнить его желанія, если послѣднія будутъ согласны съ никейскими правилами, ожидаемыми съ Востока; если же правилъ, на которыя ссылается папа, не найдется въ числѣ подлинныхъ никейскихъ правилъ, то они не потерпятъ вмѣшательства папы въ

дѣла ихъ церкви. Въ томъ же году въ Карѳагенѣ были получены списки съ никейскихъ правилъ отъ александрійскаго патріарха Кирилла и константинопольскаго Аттика. Конечно, въ нихъ не оказалось того, что цитовали папскіе послы,—и африканскіе епископы въ огражденіе себя отъ папскихъ притязаній послали папѣ экземпляръ подлинныхъ никейскихъ правилъ. Апіарій, впрочемъ, все-таки былъ принятъ африканскими епископами въ церковное общеніе, согласно желанію папы. Но его дѣло этимъ не кончилось. Апіарій вскорѣ снова запятналъ себя разными преступленіями и снова былъ осужденъ епископами и отлученъ отъ церковнаго общенія. По прежнему примѣру, Апіарій опять обратился съ жалобами на приговоръ мѣстныхъ епископовъ къ римскому епископу Целестину, и папа снова принялъ его въ общеніе и опять послалъ въ Африку своихъ уполномоченныхъ, чтобы склонить епископовъ къ возстановленію обвиняемаго въ его санѣ. Это новое вмѣшательство папы въ дѣла африканской церкви побудило карѳагенскаго епископа Аврелія созвать соборъ въ Карѳегенѣ около 425 г. На соборѣ Апіарій былъ уличенъ въ своихъ преступленіяхъ въ присутствіи римскихъ пословъ. Тогда африканскіе епископы рѣшили послать папѣ Целестину посланіе отъ лица собора, съ настойчивымъ требованіемъ, чтобы на будущее время папа не дозволялъ себѣ принимать въ общеніе отлученныхъ въ Африкѣ. Ссылаясь на правила Никейскаго собора, отцы Карѳагенскаго собора говорятъ въ своемъ посланіи: „Опредѣленія Никейскаго собора какъ клириковъ низшей степени, такъ и самихъ епископовъ отсылаютъ къ собственнымъ ихъ митрополитамъ. Разумно и праведно призналъ онъ, что какія бы ни возникли дѣла, они должны быть оканчиваемы въ своихъ мѣстахъ. Ибо Отцы судили, что ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать Св. Духа, чрезъ которую правда іереями Христовыми и зрится разумно и содержится твердо, и наипаче, когда каждому, аще настоитъ сомнѣніе о справедливости рѣшенія ближайшихъ судей, позволено приступати къ соборамъ своей области и даже къ общему собору. Развѣ есть кто-либо, кто бы повѣрилъ, что Богъ нашъ можетъ единому токмо нѣкоему вдохнути правоту суда, а безчисленнымъ іереямъ, сошедшимся на соборъ, откажетъ въономъ?.. О томъ, чтобы нѣкіе аки бы отъ ребра твоея святыни были посылаемы, мы не обрѣтаемъ опредѣленія ни единаго собора отцовъ. Итакъ, не соизволяйте, по просьбѣ нѣкоторыхъ, посылати сюда вашихъ клириковъ изслѣдователями, и не попускайте сего, да не явимся мы вносящими дымное надмѣніе міра въ церковь Христову, которая желающимъ зрѣти Бога приноситъ свѣтъ простоты и день смиренномудрія“. Африканская церковь порицала мірское надмѣніе не въ однихъ папахъ, но и у себя дома: 48-мъ правиломъ она постановила, „да не именуется епископъ перваго престола экзархомъ іереевъ или верховнымъ священникомъ, или чѣмъ-либо подобнымъ, но токмо епископомъ перваго престола“. За исключеніемъ митрополитовъ, которымъ принадлежало преимущество чести и власти по самому положенію ихъ каѳедры, прочіе епископы митрополіи въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ держались принципа старѣйшинства по посвященію, такъ что епископы, младшіе по посвященію, должны были относиться съ почетомъ и уваженіемъ къ старѣйшимъ епископамъ (пр. 97. 100). б) Въ африканской церкви соблюдался также свой обычай и относительно суда надъ священниками и діаконами, именно: между тѣмъ какъ въ другихъ церквахъ священникъ и діаконъ наряду съ прочими клириками подлежали суду одного своего епископа, въ африканской церкви мѣстный епископъ судилъ съ участіемъ сосѣднихъ епископовъ по выбору обвиняемыхъ,—священника при участіи шести, а діакона при участіи трехъ епископовъ (пр. 12. 29. 37). в) Особенной дисциплины держалась африканская церковь и относительно брачной жизни священниковъ и діаконовъ, требуя отъ нихъ воздержанія отъ женъ (пр. 3. 4. 34. 87; ср. Трул. 12. 13. 30. Іоанна Курсъ закон. т. II, стр. 371). г) Встрѣчается въ правилахъ Карѳагенскаго собора любопытное постановленіе относительно имущества клириковъ; въ 41 пр. говорится: „аще епископы, пресвитеры, діаконы или какіе бы то ни было клирики, никакого стяжанія не имѣющіе, по поставленіи своемъ, во время своего епископства или клиричества, купятъ на свое имя землю

или какія-либо угодія: то да почитаются похитителями стяжаній Господнихъ,—развѣ токмо, пріявъ увѣщанія, отдадутъ оныя церкви. Аще же что дойдетъ къ нимъ въ собственность по дару отъ кого-либо, или по наслѣдію отъ родственниковъ: съ тѣмъ да поступятъ по своему произволенію" (ср. 38. 40. 41. 4. 59 прав. Апост. и 24 и 25 пр. Ант.). д) Въ правилахъ карѳагенскихъ опредѣленно указано, кто не можетъ представлять обвиненій противъ клириковъ и быть свидѣтелемъ. Обвинителями не могутъ быть лица порочныя, т. е. тѣ, кто состоятъ въ отлученіи, рабы и отпущенники тѣхъ, на кого падаетъ обвиненіе, также всѣ тѣ, кому запрещали быть обвинителями гражданскіе законы, также тѣ, на комъ лежитъ пятно безчестія, какъ-то „позорищные" и занимающіеся постыдными дѣлами, также еретики, язычники и іудеи. Впрочемъ, это только по дѣламъ, касающимся церковныхъ преступленій. По дѣламъ же тяжебнымъ, личнымъ всѣ эти лица могутъ подавать жалобы. Въ свидѣтели по дѣламъ обвинительнымъ не допускаются тѣ же лица, какія не могутъ быть обвинителями, и лица, имѣющія отъ роду менѣе 14 лѣтъ (пр. 8. 28. 143—146). е) Карѳагенскія правила запрещаютъ клирику предпочитать свѣтскія судилища духовнымъ, въ случаѣ возбужденія противъ него обвиненія или жалобы, подъ опасеніемъ лишенія мѣста, запрещается даже обращаться къ царю съ просьбою о направленіи дѣлъ въ свѣтскія судилища, а можно просить у царя только суда епископскаго (пр. 15. 117). Міряне же могли обращаться, по своему желанію, къ суду царской власти и по дѣламъ тяжебнымъ (пр. 70. 107). ж) Пастыри карѳагенской церкви считали своимъ долгомъ давать защиту бѣднымъ отъ насилія богатыхъ, содѣйствовать отпущенію рабовъ на волю и просити царя, чтобы онъ предоставилъ церковной власти имѣть по этимъ дѣламъ ходатаевъ, знакомыхъ съ законами и потому правоспособныхъ съ успѣхомъ вести эти дѣла въ свѣтскихъ судахъ (пр. 93. 86. 109). з) Просили пастыри африканской церкви у царей защиты и себѣ самимъ, и церквамъ православнымъ. Такъ, истощивши всѣ средства къ примиренію съ Донатистами и къ обращенію ихъ къ единенію съ православными и видя съ ихъ стороны ожесточенныя нападки и насилія, православные пастыри въ 404 году 25 іюня на общемъ соборѣ выбрали особыхъ депутатовъ для представленія Гонорію просьбы о защитѣ противъ насилій Донатистовъ. „Царскому человѣколюбію,—говорятъ отцы собора,—предлежитъ попещися, чтобы каѳолическая церковь, благочестною утробой Христу ихъ родившая и крѣпостію вѣры воспитавшая, была ограждена ихъ промышленіемъ: дабы въ благочестивыя ихъ времена дерзновенные человѣки не возгосподствовали надъ безсильнымъ народомъ посредствомъ нѣкоего страха, когда не могутъ совратити оный посредствомъ убѣжденія... Противъ неистовства оныхъ отщепенцевъ просимъ дати намъ божественную (θεῖον—царскую) помощь, не необычайную и не чуждую святымъ Писаніямъ. Ибо Ап. Павелъ, какъ показано въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, соумышленіе людей безчинныхъ препобѣдилъ воинскою помощію. Итакъ, мы просимъ о томъ, да неукоснительно подастся охраненіе каѳолическимъ церквамъ въ каждомъ градѣ и разныхъ мѣстахъ, принадлежащихъ къ каждому владѣнію. Подобаетъ и о семъ просити благочестивыхъ самодержцевъ, да соблюдается законъ, изданный блаженной памяти отцомъ ихъ Ѳеодосіемъ, о взыскиваніи по 10 фунтовъ золота съ еретиковъ рукополагающихъ и рукополагаемыхъ, такожде и съ владѣльцевъ, у которыхъ будетъ усмотрѣно собраніе ихъ... Еще и о томъ подобаетъ просити, да будетъ благочестіемъ ихъ возобновленъ законъ, который отнимаетъ у еретиковъ право получать или оставлять что-либо по закону и по завѣщанію" (пр. 104. 105. 78. 120). и) Просили также пастыря церкви православной гражданское правительство и объ истребленіи остатковъ язычества—идоловъ и капищъ, стоявшихъ еще во многихъ приморскихъ мѣстахъ, въ селахъ и укромныхъ владѣніяхъ безъ всякой благовидности,—о запрещеніи пиршествъ, привнесенныхъ отъ языческаго заблужденія, непристойныхъ плясокъ на поляхъ и улицахъ городскихъ, оскорбляющихъ честь матерей и цѣломудріе благочестивыхъ женъ, особенно же во дни памяти мучениковъ,—о воспрещеніи представленія позорищныхъ игръ въ день воскресный и въ другіе свѣт-

лые дни христіанскія вѣры (пр. 69. 71. 72. 95). і) Если бы кто изъ клириковъ пожелалъ идти къ царю по своимъ надобностямъ, то онъ долженъ былъ получить отпустительную грамоту, въ которой должно быть обозначено о его желаніи и надобности, явиться съ нею къ римскому епископу и отъ него получить тоже грамоту, открывающую доступъ ко двору. Если бы у него явилась какая надобность внезапно представиться ко двору въ бытность въ Римѣ, то онъ все-таки долженъ испросить грамоту у римскаго епископа. к) О продажѣ церковной собственности постановлено было въ африканской церкви слѣдующее: „не продавать церковной собственности; но если сія собственность не приноситъ доходовъ и настоитъ великая нужда, то представлять о семъ первенствующему епископу области и съ опредѣленнымъ числомъ епископовъ совѣщатися, что учинити должно. Аще же толикая нужда настоитъ для церкви, что не возможно совѣщатися прежде продажи: то да призоветъ епископъ во свидѣтельство хотя сосѣднихъ епископовъ и да попечется представити собору всѣ прилучившіяся церкви его обстоятельства. Аще же сего не сотворитъ, то продающій явится повиннымъ предъ Богомъ и соборомъ и лишится своей чести“ (пр. 35. 42). л) Относительно жизни мірянъ слѣдуетъ отмѣтить постановленіе о бракѣ,—что ни оставленный женою своею, ни отпущенная мужемъ—не могутъ уже вступать въ бракъ съ другимъ лицомъ, но должны примириться между собою и жить въ бракѣ или же оставаться такъ въ разлученіи; африканскіе отцы желали, чтобы и со стороны гражданскаго правительства былъ изданъ законъ въ этомъ смыслѣ (пр. 115).

8) *Константинопольскій* соборъ при Нектаріи *394 г.* Онъ былъ созванъ для рѣшенія спора между двумя епископами Агапіемъ и Вагадіемъ о томъ, кому изъ нихъ должна принадлежать по праву епископская каѳедра въ Бострѣ (въ Аравіи). По этому случаю соборъ постановилъ правило, что епископа нельзя судить и извергать изъ сана двоимъ или троимъ епископамъ, что для суда надъ епископомъ требуется приговоръ большого собора или,—лучше,—всѣхъ епископовъ извѣстной митрополіи.

9) *Константинопольскій* соборъ въ храмѣ св. Апостоловъ *861 г.* На немъ присутствовали: 318 епископовъ и мѣстоблюстители папы, которые были посланы въ Константинополь для окончательнаго изглажденія слѣдовъ иконоборческой ереси. Засѣданія собора происходили въ храмѣ св. Апостоловъ; этою подробностію онъ отличается отъ другого Константинопольскаго собора при Фотіи, происходившаго въ храмѣ св. Софіи. Но онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ *двукратнаго* или *первовторого.* „Двукратнымъ“ онъ именуется потому, что „двукратно“ собирался для однихъ и тѣхъ же предметовъ: дѣянія и рѣшенія перваго собранія не могли быть написаны и подписаны отцами собора, потому что сему воспрепятствовали иконоборцы своими смутами; по возстановленіи спокойствія, держано было второе собраніе, на которомъ подписаны прежнія разсужденія собора. На этомъ же второмъ собраніи были составлены дошедшія до насъ правила собора, числомъ 17. Правила эти, подобно правиламъ VII вселенскаго собора, имѣютъ въ виду исправить многіе безпорядки, вкравшіеся въ церковную жизнь во время церковной смуты; особенно много говорится въ нихъ о жизни монашеской (пр. 1—6). Въ первомъ правилѣ запрещается лицу, пожертвовавшему свое имѣніе для устроенія монастыря, именоваться и считаться владѣльцемъ монастыря, распоряжаться имъ. Въ 6 правилѣ содержится постановленіе объ имуществѣ самихъ монаховъ. „Монахи не должны имѣть ничего собственнаго, но все имъ принадлежащее да утверждается за монастыремъ... Желающимъ монашествовати предоставляется свобода завѣщевати о имѣніи своемъ прежде постриженія и передавати оное, кому хотятъ. По вступленіи ихъ въ монашество, монастырь имѣетъ власть надъ всѣмъ ихъ имуществомъ, и имъ не предоставлено распоряжати ничѣмъ собственнымъ, ни завѣщевати. Аще кто обрящется усвоившій себѣ нѣкое стяжаніе, не предоставивъ онаго монастырю, у таковаго игуменъ или епископъ да возьметъ оное стяжаніе, и въ присутствіи многихъ, продавъ, да раздастъ нищимъ и нуждающимся“. Въ 9 правилѣ содержится руководственное наставленіе пастырю, какъ ему обращаться съ согрѣшившими его пасомыми. „Подо-

баетъ священнику Божію вразумляти неблагонравнаго наставленіями и увѣщаніями, иногда же и церковными епитиміями, а не устремлятися на тѣла человѣческія съ бичами и ударами. Аще же нѣкіе будутъ совершенно непокоривы и вразумленіямъ чрезъ епитиміи не послушны: таковыхъ никто не возбраняетъ вразумляти преданіемъ суду мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ. Понеже пятымъ правиломъ Антіохійскаго собора постановлено, производящихъ въ церкви возмущеніе и крамолы обращати къ порядку внѣшнею властію". Въ 10 правилѣ опредѣлено понятіе святотатства: „Святотатство есть присвоеніе себѣ всего посвященнаго Богу и богослуженію, не только сосудовъ и священныхъ предметовъ, употребляющихся въ олтарѣ при богослуженіи, но вещей, употребляющихся внѣ олтаря, въ церкви".

10) *Соборъ въ храмѣ св. Софіи былъ въ Константинополѣ въ 879 году*, при вторичномъ возведеніи Фотія на патріаршій престолъ. На немъ присутствовало много епископовъ (383) и представители папы и всѣхъ восточныхъ патріарховъ. Соборъ этотъ имѣлъ въ виду возстановить миръ между восточными епископами, нарушенный насильственнымъ низведеніемъ съ престола Игнатія, а также рѣшить вопросъ о болгарской церкви, служившій яблокомъ раздора между константинопольскимъ патріархомъ и римскимъ папой. Примирительное направленіе этого собора выразилось въ 1 его правилѣ (всѣхъ 3), въ которомъ постановлено, что клирики или міряне, отлученные константинопольскимъ патріархомъ, должны признаваться таковыми же у римскаго папы, и наоборотъ, и что папа римскій впредь не будетъ дѣлать никакихъ нововведеній въ преимуществахъ своей каѳедры.

Каноны св. отецъ. Кромѣ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ въ составъ правилъ древней вселенской церкви входятъ правила св. отецъ, т. е. правила, данныя нѣкоторыми уважаемыми пастырями древней церкви единолично. Правила эти составлены изъ посланій, написанныхъ одними пастырями въ отвѣтъ на вопросы, предложенные другими. Писавшіе эти посланія сообщали въ нихъ о практикѣ своей церкви, или давали свой личный совѣтъ, основанный тоже на дѣйствовавшей практикѣ. Пастыри, писавшіе каноническія посланія, смотрѣли на содержавшіеся въ нихъ отвѣты, какъ на свое личное мнѣніе, а не какъ на правило, имѣющее обязательную силу, прямо предупреждая читавшихъ, что для признанія ихъ мнѣнія за правило требуется соборное постановленіе многихъ епископовъ. Такъ, Діонисій александрійскій въ концѣ своего посланія къ Василиду еп. пентапольскому говоритъ: „Сіи вопрошенія ты, возлюбленне, яко почитающій насъ, безъ сомнѣнія, а не яко не знающій, предложилъ намъ, располагая насъ быти единомысленными и единодушными съ тобою, какъ и есмы. Я же не такъ, какъ учитель, но такъ, какъ прилично намъ бесѣдовати другъ другу, со всякою простотою, мое мнѣніе на средину предложилъ. Разсуди объ этомъ, благоразсудительнѣйшій сыне мой, и напиши мнѣ, аще что представится тебѣ справедливѣйшее или лучшее, или же, аще усмотришь тако быти" (пр. 4). Григорій нисскій въ своемъ посланіи къ Литоію еп. мелитинскому въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „поелику наше мнѣніе не столько достойно вѣры, чтобы имѣло власть свойственную правиламъ: то къ реченному уже присоединимъ сужденіе по правиламъ" (пр. 6). Василій в. неоднократно высказывалъ то же самое. Напр., въ 30 пр. онъ говоритъ: „о похищающихъ женъ мы не имѣемъ древняго правила, но составили собственное мнѣніе"; или въ 47 пр.: „Если мнѣніе наше угодно будетъ, надобно большинству епископовъ изложить правило" (ср. 9. 10. 13). Однако же, несмотря на то, что каноническія посланія древнихъ пастырей не имѣли значенія правилъ, они были приняты на практикѣ къ руководству во многихъ помѣстныхъ церквахъ, а потомъ стали вноситься въ сборники правилъ. Такъ, въ номоканонъ Іоанна Схоластика были внесены правила Василія вел. въ количествѣ 68, а въ Синтагму въ XIV титуловъ внесены авторомъ и посланія другихъ извѣстнѣйшихъ пастырей. На Трулльскомъ соборѣ эти посланія утверждены къ руководству наряду съ правилами соборными и получили вслѣдствіе этого значеніе сихъ послѣднихъ. Къ числу правилъ св. отецъ, утвержденныхъ на Трулльскомъ соборѣ, относятся слѣдующія:

1) *Діонисія александрійскаго* († 264 г.) четыре наставленія по вопросу о времени прекращенія поста предъ Пасхою и по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ домашней жизни, предложеннымъ ему для разрѣшенія Василидомъ, епископомъ пентапольскимъ.

2) *Петра александрійскаго* († 311 г.) 15 правилъ. Первыя 14 извлечены изъ слова его о покаяніи и говорятъ о принятіи въ церковное общеніе отпадшихъ отъ вѣры во время гоненія на христіанъ, а послѣднее взято изъ слова его на Пасху и защищаетъ обычай поститься въ среду и пятокъ и праздновать день воскресный.

3) *Григорія неокесарійскаго* († 272 г.) посланіе о тѣхъ, которые, во время нашествія варваровъ-готовъ, ѣли идоложертвенное и совершали другія тяжкія преступленія. Посланіе раздѣляется по одной редакціи на 11 правилъ (у Беверегія = Févериджа, Ралли, Питры), а по другой редакціи—на 12 правилъ (въ Пидаліонѣ и Книгѣ правилъ). Послѣднее правило, объясняющее степени публичнаго церковнаго покаянія, не принадлежитъ Григорію неокесарійскому. Это видно уже изъ того, что оно стоитъ внѣ связи съ предыдущимъ содержаніемъ посланія; предыдущее правило (10—11), въ которомъ св. отецъ внушаетъ пастырямъ, какъ они должны исполнять заповѣдь, содержащуюся въ его пастырскомъ посланіи, очевидно, составляетъ заключеніе посланія. Кромѣ того, даннаго правила о степеняхъ публичнаго покаянія не было въ древнихъ рукописныхъ собраніяхъ, содержащихъ правила съ толкованіями Зонары, ни въ Синопсисѣ Аристина. Оно явилось сначала въ видѣ схоліи, поставленной на поляхъ, а потомъ было внесено въ самый текстъ правилъ. Вальсамонъ уже имѣлъ его подъ руками въ собраніи правилъ и написалъ на него толкованіе.

4) *Св. Аѳанасія александрійскаго* (326—371 г.)—посланіе къ монаху Аммуну о дѣвствѣ и бракѣ, какъ двухъ путяхъ жизни и спасенія, посланіе къ Руфиніану о принятіи увлеченныхъ аріанскою ересью, и извлеченіе изъ 39 посланія его о праздникахъ, въ которомъ перечисляются книги Свящ. Писанія В. и Н. Завѣта, принятыя въ канонъ священныхъ книгъ.

5) *Св. Василія великаго* (370—378 г.) правила въ количествѣ 92; они извлечены изъ его четырехъ посланій къ Амфилохію, епископу иконійскому, а послѣднія шесть изъ посланія къ Діодору, епископу Тарскому, посланія къ Григорію пресвитеру, посланія къ хорепископамъ, посланія къ подчиненнымъ ему епископамъ, изъ 27 и 29 главъ книги о Св. Духѣ къ Амфилохію. Правила Василія вел. пользовались въ восточной церкви большимъ уваженіемъ и еще до утвержденія на Трулльскомъ соборѣ они были приняты въ собраніе церковныхъ правилъ Іоанна Схоластика въ количествѣ 68. По своему содержанію, правила Василія вел. касаются главнымъ образомъ двухъ вопросовъ—о бракѣ (около 30) и наложеніи церковной епитиміи за различныя преступленія (около 45); въ томъ и другомъ вопросѣ его правила служатъ весьма важнымъ памятникомъ древней церковной дисциплины. Изъ другихъ правилъ Василія вел. можно указать на 1 правило, гдѣ дается понятіе о видахъ уклоненія отъ православія — ереси, расколѣ и самочинномъ сборищѣ. „Еретиками древніе назвали, — говоритъ св. отецъ, — въ самой вѣрѣ отчуждившихся; раскольниками — раздѣлившихся въ мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ церковныхъ предметахъ и о вопросахъ, допускающихъ уврачеваніе, а самочинными сборищами — собранія, составляемыя нѣкоторыми пресвитерами или епископами и ненаученымъ народомъ“; напр., „аще кто, бывъ обличенъ во грѣхѣ и удаленъ отъ священнослуженія, не покорился правиламъ, а самъ удержалъ за собою предстояніе и священнослуженіе, и съ нимъ отступили нѣкоторые другіе: сіе есть самочинное сборище“. Нельзя также не остановиться вниманіемъ на двухъ послѣднихъ правилахъ, гдѣ говорится о значеніи въ церковной практикѣ неписанныхъ церковныхъ преданій. „Изъ сохраненныхъ въ церкви догматовъ и проповѣданій нѣкоторыя мы имѣемъ отъ письменнаго наставленія, а нѣкоторыя пріяли отъ апостольскаго преданія, по преемству въ тайнѣ; и тѣ, и другія имѣютъ едину и ту же силу для благочестія. И сему не воспрекословитъ никто, хотя мало свѣдущій въ установленіяхъ церковныхъ“. Затѣмъ, указавши нѣкоторые примѣры изъ церковной практики, доказывающіе его мысль, св. отецъ говоритъ: „Много есть неписан-

наго, что дошло до насъ отъ отцевъ, что мы обрѣли оставшееся отъ невымышленнаго обыкновенія въ неповрежденныхъ церквахъ, и что имѣетъ не малую важность". „Мню,—говоритъ онъ еще,—яко апостольское есть и сіе, да держимся неписанныхъ преданій". „Ибо хвалю вы,—говоритъ Апостолъ,—яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите"; и въ другомъ мѣстѣ: „держите преданія, яже пріясте или словомъ, или посланіемъ".

6) *Св. Григорія нисскаго* (372—394 г.) посланіе къ Литоію, епископу мелитинскому, раздѣленное на 8 правилъ. Они содержитъ наставленія относительно врачеванія различныхъ душевныхъ недуговъ. Средства врачеванія имъ указываемыя, или епитиміи гораздо строже, чѣмъ у Василія в. Въ основаніе классификаціи душевныхъ недуговъ св. отецъ полагаетъ древнее ученіе о трехчастномъ составѣ душевныхъ силъ.

7) *Св. Григорія Богослова* (370—390 г.) и *св. Амфилохія* (394 г.) отрывки, содержащіе перечисленіе священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, признаваемыхъ церковію каноническими.

8) *Тимоѳея архіепископа александрійскаго* (380—385 г.)—отвѣты на вопросы, предложенные ему отъ подчиненныхъ ему епископовъ по частнымъ случаямъ пастырской практики и по разнымъ сомнѣніямъ совѣсти. Первоначально (въ Номоканонѣ XIV титуловъ, въ Синопсисѣ Аристина) было 15 правилъ, въ собраніяхъ Вальсамонова времени къ нимъ прибавлено еще три правила. Въ количествѣ 18 они помѣщаются въ Синтагмѣ Ралли, въ Пидаліонѣ и въ нашей Книгѣ правилъ. Изъ нихъ, какъ на болѣе важныя, можно указать на правила 8 и 10, позволяющія разрѣшать постъ св. Четыредесятницы для жены родившей и для больного человѣка, пр. 11, запрещающее священнику благословлять незаконные браки, пр. 14, запрещающее священнику молиться за самоубійцу, который намѣренно лишилъ себя жизни, 15 пр., запрещающее вступить въ новый бракъ лицу, которое разведется съ супругомъ по причинѣ его бѣсноватаго состоянія, и правило 18, разъясняющее, что грѣхи вмѣняются человѣку со времени развитія въ немъ смысла, съ десятилѣтняго возраста и позднѣе.

9) *Ѳеофила архіеп. александрійскаго* (395—413 г.)—14 правилъ, извлеченныхъ изъ его наставленій разнымъ лицамъ и изложенныхъ въ видѣ рѣшеній на частные случаи, которые были предложены на его разсмотрѣніе подчиненными ему епископами. Изъ нихъ можно указать особо на 7-е правило, говорящее объ избраніи и поставленіи священныхъ лицъ. „О имѣющихъ рукоположитися сей да будетъ уставъ. Весь соборъ священнослужителей да согласится и да изберетъ, и тогда епископъ да испытаетъ избраннаго, и съ согласіемъ священства да совершитъ рукоположеніе среди церкви, въ присутствіи народа, и при возглашеніи епископа, аще можетъ и народъ свидѣтельствовати о немъ. Тайно да не бываетъ рукоположеніе".

10) *Св. Кирилла архіеп. александрійскаго* († 444 г.) посланія — одно къ антіохійскому патріарху Домну по жалобѣ одного изъ епископовь антіохійскаго округа, другое — къ епископамъ ливійскимъ о неправильныхъ рукоположеніяхъ, допущенныхъ въ Ливіи. Посланія раздѣлены на 5 правилъ. Не смотря на немногочисленность правилъ, въ нихъ мы находимъ указаніе на нѣсколько важныхъ нормъ церковнаго управленія: а) священнослужителя нельзя лишать правъ священнослужителя безъ точнаго изслѣдованія взведеннаго на него обвиненія, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формъ; б) священнослужители не могутъ произвольно отказываться отъ служенія, имъ порученнаго; в) епископъ имѣетъ право свободно распоряжаться церковными доходами и пожертвованіями въ пользу церкви, въ извѣстныхъ предѣлахъ (пр. 1. 3. 2).

11) *Геннадія патріарха константинопольскаго* († 471 г.) — окружное посланіе къ папѣ Льву I и всѣмъ митрополитамъ восточнымъ (459 г.) противъ рукоположеній въ священныя степени за деньги.

12) Такого же содержанія посланіе *Тарасія патр. константинопольскаго* († 809 г.)—къ папѣ Адріану, посланное въ 787 году.

Синопсисъ церковныхъ каноновъ. Кромѣ подлиннаго текста церковныхъ правилъ употреблялся въ древней православной Церкви еще краткій текстъ ихъ, передававшій только существенныя положенія церковной дисциплины, безъ изложенія поводовъ и мотивовъ установленія правила. Краткій текстъ церковныхъ правилъ представляетъ собою явленіе параллельное краткимъ извлеченіямъ изъ пространнаго свода византійскихъ свѣтскихъ законовъ, каковыя извлеченія вошли въ употребленіе со времени Юстиніана. Вѣроятно, и по времени своего происхожденія краткій текстъ церковныхъ правилъ совпадаетъ съ появленіемъ сокращенныхъ сборниковъ византійскаго права. Различаютъ три редакціи Синопсиса церковныхъ правилъ: 1) редакцію, приписываемую въ рукописяхъ Стефану ефесскому; 2) редакцію Симеона магистра и логоѳета и 3) редакцію Алексѣя Аристина [1]). Эти редакціи отличаются одна отъ другой бо́льшею или меньшею полнотой содержанія и порядкомъ расположенія соборовъ и отцовъ, правила которыхъ приняты въ той или другой редакціи. Текстъ правилъ во всѣхъ редакціяхъ въ существенныхъ чертахъ одинъ и тотъ же. Счисленіе правилъ въ разныхъ редакціяхъ также приблизительно одинаково, если не брать въ разсчетъ разностей, происходящихъ въ извѣстной редакціи отъ слiянія правилъ, которыя въ другихъ редакціяхъ излагаются раздѣльно. Впрочемъ, есть разности въ счетѣ правилъ и болѣе существенныя, связанныя съ сокращеніемъ или дополненіемъ самого состава того или другого каноническаго памятника. Такъ, правилъ Карѳагенскаго собора въ первой редакціи значится только 22, во второй 84, а въ третьей 134. Счетъ правилъ Василія в. въ Синопсисѣ принятъ особый для каждаго изъ трехъ посланій къ Амфилохію, а не общій для всѣхъ этихъ посланій, какъ у Схоластика и въ Синтагмѣ въ XIV титуловъ. Въ краткомъ текстѣ встрѣчаются пропуски правилъ сравнительно съ текстомъ подлиннымъ. Такъ, въ Синопсисѣ (напечатанномъ у Юстелли) нѣтъ правилъ: 5-го Никейскаго, 20-го Антіохійскаго, 4-го Ефескаго, 1-го и 19-го Халкидонскаго и 2-го и 5-го Сардикійскаго. Наконецъ, краткій текстъ иногда неточенъ и въ передачѣ смысла подлиннаго текста правилъ. Это замѣчается: въ 72 и 75 правилахъ Апостольскихъ, въ 19 пр. Анк., въ 4 пр. Неокесар. и 4 пр. Гангрскаго соборовъ, въ 2 и 3 пр. Антіохійскаго собора, въ 11, 22, 27, 28, 45, 48 и 60 правилахъ собора Лаодикійскаго.

Древнѣйшая редакція Синопсиса церковныхъ правилъ усвояется въ рукописяхъ *Стефану ефесскому.* Единственный, доселѣ извѣстный, экземпляръ его находится въ рукописи вѣнской придворной библіотеки (*Lambetii* III, № 48). Онъ описанъ и изданъ проф. М. Е. Красноженомъ въ диссертаціи: Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви, Москва 1892, стр. 21. 206—221. Къ сожалѣнію, рукопись дефектна:—конца Синопсиса нѣтъ. По парижской рукописи № 1370 (напечатанной Юстелли въ его Bibliotheca juris canonici t. II, p. 673—709 подъ неправильнымъ заглавіемъ „Синопсисъ Аристина") эта редакція заключала въ себѣ краткое изложеніе: правилъ Апостольскихъ, правилъ соборовъ—Никейскаго, Анкирскаго, Неокесарійскаго, Гангрскаго, Антіохійскаго, Лаодикійскаго, Константинопольскаго, Ефесскаго, Халкидонскаго, Сардикійскаго, Карѳагенскаго, Трулльскаго, Василія в. изъ трехъ посланій его къ Амфилохію. Совершенно сходна съ описанною редакціей Синопсиса правилъ какъ по тексту правилъ, такъ и по составу каноническихъ статей и другая редакція, усвояемая въ рукописяхъ и изданіяхъ *Симеону магистру и логоѳету.* Различіе только въ томъ, что во второй редакціи каноническія статьи расположены

[1]) Прежде различали еще редакцію Доксопатра. Но изслѣдованія † проф. А. С. Павлова доказали неосновательность такого мнѣнія. Единственная рукопись, содержащая въ себѣ Синопсисъ съ именемъ Доксопатра, находится въ Ватиканской библіотетѣ. Сравненіе Синопсиса этой рукописи, по описанію Монфокона, съ Синопсисомъ Аристина по одному изъ самыхъ древнихъ экземпляровъ его, находящемуся въ московской Синодальной библіотекѣ № 237, показываетъ, что тотъ и другой сходны между собою во всѣхъ отношеніяхъ, а вся разница только въ именахъ авторовъ. Отсюда естественно слѣдуетъ заключеніе, что въ Ватиканской рукописи имя Доксопатра поставлено случайно. *Павловъ,* Замѣтка о греческихъ рукописяхъ (Одесса 1874), стр. 20—28.

не по хронологическому порядку, а по канонической важности ихъ,—именно такъ, что въ началѣ помѣщены правила Апостольскія, потомъ идутъ правила соборовъ вселенскихъ, до Халкидонскаго включительно, потомъ правила соборовъ помѣстныхъ, оканчивая Кареагенскимъ, и наконецъ правила Василія великаго. Составъ каноническихъ статей въ обѣихъ редакціяхъ позволялъ бы отнести ихъ происхожденіе ко времени послѣ появленія Синтагмы въ XIV титуловъ въ ея первоначальной редакціи. Но этому препятствуетъ то обстоятельство, что правила Трулльскаго собора и Кареагенскаго собора еще не пріобрѣли себѣ въ рукописяхъ одного опредѣленнаго положенія и, видимо, являются статьями новыми, прибавочными. Поэтому правильнѣе будетъ отнести происхожденіе Синопсиса въ обѣихъ указанныхъ редакціяхъ ко времени собранія правилъ Іоанна Схоластика, къ половинѣ шестого вѣка.

Болѣе извѣстна третья редакція Синопсиса каноновъ—*Аристина*. Она носитъ имя Аристина не потому, чтобы послѣдній былъ ея составителемъ, а потому, что въ XII в. онъ написалъ толкованіе на нее. Въ Синопсисѣ правилъ съ именемъ Аристина правила расположены въ хронологическомъ порядкѣ. По составу своему этотъ Синопсисъ равенъ Номоканону Фотія, заключая въ себѣ полный кодексъ правилъ соборныхъ и отеческихъ, утвержденный на вселенскихъ соборахъ. Кромѣ того, практическія потребности заставляли время отъ времени дополнять его привнесеніемъ статей, происшедшихъ послѣ временъ вселенскихъ соборовъ (*Montreuil*. Histoire du droit bysantin t. III, p. 405—415. *Павловъ*, Замѣтки о греч. рук., стр. 20—28). Синопсисъ Аристина имѣлъ обширное употребленіе на практикѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ многочисленность рукописей, содержащихъ его, а также и фактъ пересмотра и толкованія его Аристиномъ по порученію императора Іоанна Комнина.

Каноновъ изданія. Лучшимъ изъ древнихъ изданій было изданіе 1) *Беверегія (Бевериджа)*: Synodicon sive Pandectae canonum SS. Apostolorum et Consiliorum ab ecclesia graeca receptorum, nec non canonicarum SS. Patrum epistolarum: una cum scholiis antiquorum singulis eorum annexis. Totum opus in duos tomos divisum *S. Beveregius* ecclesiae anglicanae presbyter recensuit, prolegomenis munivit et annotationibus auxit, Oxonii *1672*. Основаніемъ для этого изданія послужили для Беверегія двѣ рукописи оксфордской Бодлеевой библіотеки; но были приняты во вниманіе и другія рукописи. Беверегій не держался рабски расположенія матеріала въ рукописяхъ, а позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія. Онъ расположилъ матеріалъ въ своемъ изданіи слѣд. обр. Въ первомъ томѣ онъ помѣстилъ каноны Апостольскіе, соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, а во второмъ правила св. отецъ. Подъ каждымъ изъ правилъ помѣщены толкованія на нихъ Вальсамона, Зонары и Аристина, а въ концѣ второго тома приложены обширныя ученыя примѣчанія относительно текста, смысла и значенія правилъ. По общему признанію ученыхъ авторитетовъ, это было въ свое время самое полное и самое критическое изданіе каноновъ вселенской церкви. Оно пользовалось безраздѣльно заслуженнымъ авторитетомъ какъ въ наукѣ, такъ и въ церковной практикѣ до конца XVIII вѣка, сохранивъ свое научное значеніе и доселѣ.

Съ теченіемъ времени, когда экземпляры Пандектъ Беверегія становились рѣже и рѣже, пользованіе этимъ изданіемъ на практикѣ дѣлалось все труднѣе и труднѣе. Нужда заставила православныхъ грековъ употреблять на практикѣ вмѣсто печатнаго собранія правилъ сборники рукописные. За недостаткомъ надлежащаго контроля за изготовленіемъ и распространеніемъ такихъ рукописныхъ сборниковъ, въ нихъ вкралось много неисправностей и ошибокъ. Въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчались,—по свидѣтельству издателей Пидаліона,—правила разбитыя, испорченныя, ложно приписываемыя тому или другому отцу или собору, одни правила принимались вмѣсто другихъ, толкованія вмѣсто правилъ, встрѣчались толкованія часто испорченныя и ложныя. Такое плачевное состояніе средствъ къ познанію церковныхъ правилъ въ православной греко-восточной церкви, естественно, должно было вызвать у ревнителей церкви заботу о новыхъ печатныхъ изданіяхъ церковныхъ правилъ, которыя дѣлали бы болѣе доступнымъ пріобрѣтеніе исправныхъ собраній правилъ и устраняли бы употреб-

леніе на практикѣ рукописныхъ сборниковъ съ испорченнымъ чтеніемъ правилъ. Плодомъ сознанія указанной потребности въ печатныхъ сборникахъ правилъ явилось у православныхъ грековъ во второй половинѣ XVIII вѣка нѣсколько такихъ изданій. 2) *Въ 1761 году Спиридонъ Милiа*, мѣстоблюститель Филадельфіи, издалъ въ Парижѣ сборникъ правилъ подъ именемъ Синодиконъ, по порученію патріарха константинопольскаго Іоанникія, а 3) *въ 1787 году* было сдѣлано изданіе правилъ въ Венеціи подъ именемъ Силлоги, по порученію и на иждивеніе епископа назаретскаго Неофита (Ралли въ предисловіи къ четвертому тому Синтагмы приписываетъ это изданіе іеромонаху *Агапію*, одному изъ составителей Пидаліона). Эти изданія не получили широкаго распространенія. Гораздо извѣстнѣе третье собраніе правилъ, изданное греками въ концѣ XVIII в., это 4) Пидаліонъ—Кормчая. Составителями этого сборника были упомянутый выше іеромонахъ *Агапій* и монахъ *Никодимъ*, по порученію патріарха Неофита. Въ 1789 году трудъ ихъ былъ представленъ на цензуру патріаршаго синода и послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, по указанію синода, лучшими греческими канонистами и дидаскалами, былъ утвержденъ къ напечатанію въ качествѣ руководственной книги къ познанію церковныхъ правилъ.

Первое изданіе было сдѣлано въ Лейпцигѣ *въ 1800 году*, второе въ Аѳинахъ *въ 1841 году*, и третье въ Закинѳѣ *въ 1864 году*. Въ виду такого оффиціальнаго характера изданія Пидаліона, онъ былъ сопричисленъ константинопольскою патріархіей къ древнимъ Номоканонамъ, которые употребляла православная Церковь до и послѣ него, по свидѣтельству одного хартофилакса констант. патріархіи (*Biener*, De coll. can., p. 40). Въ Пидаліонѣ изданъ только полный текстъ правилъ. Издатели Пидаліона въ общемъ предисловіи къ изданію, а также въ частныхъ предисловіяхъ къ той или другой канонической статьѣ, въ особенности къ правиламъ св. отецъ, указываютъ на Пандекты Беверегія, какъ на авторитетный источникъ своего изданія, и обѣщаютъ цѣликомъ перепечатать текстъ ихъ. Но на дѣлѣ они не исполнили своего обѣщанія. Сравненіе текста правилъ по Пидаліону съ текстомъ Пандектъ свидѣтельствуетъ о множествѣ мелкихъ разночтеній между первымъ и послѣднимъ. Этого мало. Издатели Пидаліона иногда позволяютъ себѣ полную передѣлку изложенія правилъ, помѣщеннаго въ Пандектахъ Беверегія. Такъ они поступаютъ главнымъ обр. по отношенію къ соборамъ Сардикійскому и Карѳагенскому. Поводъ къ этому составители Пидаліона находятъ въ недостаткахъ въ изложеніи правилъ упомянутыхъ соборовъ. „Правила этого (Карѳагенскаго) собора,—говорятъ они,—не только въ количествѣ не сходятся въ разныхъ изданіяхъ, но иногда и правила, различныя по существу, представляются соединенными, а тѣ, которыя по существу составляютъ одно правило, раздѣлены на два, на три. Кромѣ того, весьма часто надписанія или указанія содержанія правилъ исчисляются и толкуются вмѣсто самихъ правилъ Зонарою. Вальсамономъ, Аристиномъ и Анонимомъ, А еще важнѣе то, что правила эти (карѳагенскія) не суть на самомъ дѣлѣ опредѣленія, а по большей части собесѣдованія отцовъ, изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ, или,—просто сказать,—дѣянія соборныя, которыя могли быть правилами, но не суть правила въ ихъ первоначальномъ видѣ. Поэтому мы позаботились, сколько позволяли намъ наши силы, обработать эти правила: раздѣлить различныя по существу и соединить одинаковыя, отбросить надписанія, а вопросоотвѣты передѣлать въ опредѣленія и правила“. Кромѣ этихъ соображеній, составители Пидаліона оправдываются въ своихъ реформаторскихъ пріемахъ еще примѣромъ другихъ, которые подобнымъ же образомъ передѣлали въ опредѣленія и правила 29-е и 30-е четвертаго вселенскаго собора то, что было прежде дѣяніями и собесѣдованіями, а также тѣхъ, кто передѣлалъ въ правила собесѣдованія Сардикійскихъ отцовъ. Ссылка составителей Пидаліона на примѣръ предшественниковъ метитъ, вѣроятно, въ Беверегія, который дѣйствительно положилъ начало передѣлкѣ въ изложеніи правилъ сардикійскихъ и карѳагенскихъ. Въ Герветовскомъ (Parisiis 1561) изданіи правилъ во главѣ каждаго сардикійскаго правила стоитъ имя епископа, сдѣлавшаго отцамъ собора то или другое предложеніе, а въ концѣ—одобреніе и при-

нятіе предложеннаго всѣми отцами собора; но у Беверегія предложенія епископовъ бо́льшею частію опущены, а одобренія собора вездѣ удержаны. Въ Пидаліонѣ опущено то и другое и так. обр. сами собою образовались положенія въ формѣ правилъ. Кареагенскія правила, по изданію Гервета, вездѣ представляются съ надписаніями, въ которыхъ высказывается сущность принятаго отцами рѣшенія по извѣстному предмету. Въ самомъ изложеніи кареагенскихъ правилъ не рѣдко выступаютъ епископы съ своими предложеніями, возраженіями и выраженіемъ согласія съ предложеніемъ.

Однако у Беверегія опущены уже надписанія нѣкоторыхъ правилъ (напр., 11, 16 и др.) и имена епископовъ, предлагавшихъ собо́ру то или другое мнѣніе, въ нѣкоторыхъ правилахъ (напр., 7. 22 и др.). Въ Пидаліонѣ не нашло мѣста ни одно изъ надписаній и опущены имена епископовъ, заявлявшихъ на соборѣ свои мнѣнія, во всѣхъ правилахъ.—Потомъ составители Пидаліона усвоили себѣ право раздѣлять и соединять правила Кареагенскаго собора по своему усмотрѣнію. Вслѣдствіе этого въ Пидаліонѣ является 12 новыхъ правилъ кареагенскихъ. Сравнительно съ текстомъ ихъ у Беверегія, а именно: изъ 15-го правила по Беверегію въ Пидаліонѣ выдѣланы 14, 15, 16 и 17 правила, изъ 16-го правила—18, 19, 20, 21 и 22, изъ 51-го правила—55 и 56, изъ 96-го правила—100, 101 и 102, изъ 99-го правила—105 и 106, изъ 113-го правила—122 и 123. Съ другой стороны составители Пидаліона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣлали соединеніе правилъ кареагенскихъ, именно: 118 и 119 правила соединили въ одно 128 правило, 122 и 123 правила—въ 131, 133 и 134 правило—въ 141. Нѣкоторыя правила составители Пидаліона опускали. Въ правилахъ сардикійскихъ они опустили 18 правило по изданію Беверегія, такъ что въ Пидаліонѣ стало послѣ этой операціи 20 правилъ сардикійскихъ вмѣсто 21, какъ у Беверегія. Составители Пидаліона опустили заключительную рѣчь епископа Аврелія на соборѣ 419 года, помѣщенную у Беверегія въ формѣ 135 правила, также правила 14, 18, 37, 74, 92, 95 и 135. Кромѣ того, въ Пидаліонѣ опущено все то, что у Беверегія предпослано изложенію кареагенскихъ правилъ, именно: предисловіе толкователей, рѣчь Аврелія, Даніила, Фавстина и др., посланіе Зосимы къ Фавстину, исповѣданіе вѣры. Зато въ Пидаліонъ внесено посланіе собора къ папѣ Бонифацію и изъ рѣчи Аврелія въ церковномъ собраніи въ Милевитаніи сдѣлано 94-е правило. Общее число правилъ кареагенскихъ въ Пидаліонѣ 141. Подлѣ своего счисленія издатели Пидаліона ставятъ счисленіе Діонисія малаго и Беверегія. Свободное отношеніе составителей Пидаліона къ тексту правилъ по изданію Беверегія не ограничивалось правилами сардикійскими и кареагенскими. Они позволяли себѣ измѣнять дѣленіе правилъ также и въ правилахъ отеческихъ,—вѣроятно,—потому, что дѣленіе каноническихъ посланій отцовъ на правила сдѣлано не самими авторами ихъ, а другими и, слѣд.,—по мнѣнію составителей Пидаліона,—не составляетъ чего-нибудь непреложнаго. Такъ, они дѣлятъ 1 правило Неокесарійскаго собора по Беверегію на два, почему общее число правилъ неокесарійскихъ выходитъ у нихъ 12, а не 11, какъ у Беверегія. Притомъ же о 12-мъ правилѣ сего собора въ Пидаліонѣ замѣчено, что это правило не представляется подлиннымъ, потому что и выраженія, въ какихъ оно излагается, буквально взяты изъ 85 пр. Василія великаго, позднѣйшаго по времени источника, и Зонара совсѣмъ не упоминаетъ о немъ, и потому еще, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ оно надписывается σχόλιον. Тѣмъ не менѣе издатели Пидаліона не рѣшились совсѣмъ выпустить это правило по совѣту мудраго киръ-Дороѳея, въ виду того, что оно имѣетъ мѣсто въ Пандектахъ Беверегія. Равнымъ обр. и 2-е пр. Ѳеофила александрійскаго и 4-е Кирилла александрійскаго издатели Пидаліона раздѣлили на два правила. Предисловіе посланія Василія в., которое у Беверегія числится въ качествѣ 87-го правила, въ Пидаліонѣ помѣщено безъ счета въ качествѣ предисловія къ 87 правилу, почему въ итогѣ въ Пидаліонѣ вышло 92 правила, а не 93, какъ у Беверегія. По отношенію же ко всѣмъ остальнымъ правиламъ самодѣятельность составителей Пидаліона обнаружилась только въ выборѣ при разночтеніяхъ текста, казавшагося имъ лучшимъ

(*Никольскій*, Греческая Кормчая книга, Москва 1888, стр. 68—81). По всему сказанному выходитъ, что составители Пидаліона не держались точно ни буквы текста изданія Беверегія, ни помѣщеннаго въ немъ изложенія правилъ во многихъ случаяхъ. Чѣмъ же они руководствовались, какой текстъ признавали для себя за авторитетный? Г. Никольскій, дѣлавшій обстоятельныя справки насчетъ происхожденія текста правилъ въ Пидаліонѣ, не находитъ возможнымъ дать на поставленный вопросъ категорическій отвѣтъ. Справки г. Никольскаго показываютъ, что текстъ правилъ въ Пидаліонѣ не составляетъ буквальнаго воспроизведенія ни изданія Беверегія, ни другихъ извѣстныхъ изданій, что съ другой стороны у составителей Пидаліона были подъ руками тексты, не сходные ни съ однимъ изъ извѣстныхъ текстовъ, что у нихъ были подъ руками и тексты рукописные (варіанты къ пр. 13 Апост., 13-му Ник., 22-му четв. всел. соб., къ 3, 6, 76, 95 и 102 Трул.). Въ такомъ случаѣ нельзя ли признать текстъ правилъ въ Пидаліонѣ текстомъ своднымъ, составленнымъ по разнымъ источникамъ? Г. Никольскій не считаетъ возможнымъ допустить и такого мнѣнія, на томъ основаніи, что составители Пидаліона указываютъ въ числѣ разночтеній къ печатаемому ими тексту и такія, которымъ они отдаютъ предпочтеніе предъ своимъ печатнымъ текстомъ. Г. Никольскій въ концѣ концовъ дѣлаетъ предположеніе, не составляетъ ли текстъ правилъ въ Пидаліонѣ перепечатки текста въ Синодиконѣ Спиридона Миліи? Основаніемъ для такого предположенія можетъ служить то, что издатели Пидаліона въ своихъ предисловіяхъ къ отеческимъ правиламъ говорятъ, что предлагаемыя правила находятся во второмъ томѣ Пандекта Беверегія и въ первомъ томѣ Синодикона, прибавляя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что это Синодиконъ Миліи (предисл. къ Двукр. и Неок. соборамъ, къ правиламъ Діонисія и Григорія неокесарійскихъ). См. *Никольскій*, Греч. Кормчая, стр. 85—97.

5) *Книга правилъ*. Въ 1839 году издана была Св. Синодомъ русской церкви Книга правилъ. При изданіи ея руководствовались Пандектами Беверегія и Пидаліономъ. Относительно Пидаліона мы находимъ свидѣтельства въ письмѣ (48-мъ) московскаго митрополита Филарета къ А. Н. Муравьеву. Это же можно видѣть и изъ сравненія этихъ двухъ изданій. Книга правилъ такъ же, какъ и Пидаліонъ, содержитъ только полный текстъ правилъ безъ Синопсиса ихъ, излагаетъ ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ въ Пидаліонѣ. Книга правилъ въ счисленіи и раздѣленіи правилъ Карѳагенскаго собора слѣдуетъ, — говоря вообще, — Пидаліону. Но все-таки нельзя сказать, чтобы Книга правилъ слѣдовала въ точности одному Пидаліону, какъ своему образцу. Текстъ правилъ въ Книгѣ правилъ ближе подходитъ къ тексту Пандектъ Беверегія, чѣмъ къ тексту Пидаліона (*Никольскій*, Греческая Кормчая, стр. 76. 86—7. 95—97). Равно и въ счисленіи правилъ Книга правилъ не всегда сходна съ Пидаліономъ, а иногда придерживается и Пандектъ Беверегія. Такъ, напр., правила сардикійскія излагаются въ Книгѣ правилъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ содержатся въ Пандектахъ Беверегія, т. е. безъ указанія епископовъ, предлагавшихъ правила, но съ заключеніями соборными. При изложеніи правилъ Карѳагенскаго собора Книга правилъ приняла нѣсколько вновь образованныхъ правилъ Пидаліона чрезъ раздѣленіе нѣкоторыхъ (напр., 15 и 16) правилъ Пандектъ Беверегія, а также выпустила нѣкоторыя правила (18 и 135 Бевер.) по примѣру Пидаліона.

Но въ другихъ случаяхъ Книга правилъ позволяетъ себѣ быть самостоятельной по отношенію къ Пидаліону, удержавши нѣкоторыя изъ правилъ (14, 43, 81, 99 и 103), опущенныхъ въ Пидаліонѣ, и опустивши одно (94) правило Пидаліона, образованное имъ изъ дѣянія. Кромѣ того, Книга правилъ сама образовала два правила изъ матеріала, содержащагося у Беверегія, именно: правило 120-е изъ части 109-го пр. Беверегія и правило 142-е изъ отдѣльной статьи, слѣдующей у Беверегія за толкованіемъ 128 правила.

Есть и еще примѣры свободнаго отношенія Книги правилъ къ своимъ источникамъ. Такъ, 29-е правило Халкидонскаго собора Книга правилъ излагаетъ согласно редакціи его въ Пидаліонѣ, а слѣдующее 30-е правило читается въ Книгѣ правилъ одинаково съ Беверегіемъ (*Ни-*

кольскій, Греческая Кормчая, стр. 4. 76—79).

6) Въ 1852—1859 г. сдѣлано въ Аѳинахъ новое изданіе церковныхъ канововъ подъ заглавіемъ Синтагмы (Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων ὑπὸ Ῥάλλη καὶ Πότλη, t. I—VI). Это изданіе преслѣдуетъ главнымъ обр. научные интересы. Въ немъ, какъ и у Беверегія, правила напечатаны и по подлинному и по сокращенному тексту. Каноническія статьи расположены въ хронологическомъ порядкѣ, съ подраздѣленіемъ соборовъ на вселенскіе и помѣстные. Издатели пользовались всѣми предшествовавшими изданіями правилъ для провѣрки текста правилъ. Такъ, напр., карѳагенскія правила провѣрены по подлинному латинскому тексту ихъ, изданному у Бруиса, и изъ этой провѣрки извлекли не мало указаній для выбора вѣрнѣйшаго чтенія. Кромѣ того, издатели Ралли (Раллисъ) и Потли (Потлисъ) Синтагмы имѣли рукописное собраніе правилъ XIII в., найденное въ Трапезунтѣ. Они придаютъ этому рукописному кодексу высокую цѣну, отдавая ему предпочтеніе предъ всѣми доселѣ изданными рукописями. Въ основаніе своего изданія текста правилъ издатели Синтагмы приняли текстъ Пидаліона, какъ текстъ, уже одобренный патріаршимъ синодомъ константинопольской церкви и утвердившійся на практикѣ. Встрѣчающіяся въ немъ неисправности они исправляли по трапезунтскому рукописному кодексу, но не исключительно. Во многихъ случаяхъ они сдѣлали поправки по предшествовавшимъ печатнымъ изданіямъ. Одного общаго правила, котораго держались издатели Синтагмы, при исправленіи текста правилъ, усмотрѣть трудно. Въ каждомъ частномъ случаѣ они руководились особыми соображеніями, подходящими къ случаю. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указываются варіанты прежнихъ изданій, также трапезунтской рукописи.

Что касается изложенія и раздѣленія правилъ, то издатели Синтагмы стараются воспроизвести изложеніе ихъ въ первоначальномъ видѣ. Такъ, напр., правила Карѳагенскаго собора они излагаютъ согласно подлинному латинскому тексту, находящемуся въ сборникѣ Діонисія. Кромѣ того, согласно трапезунтской рукописи, они вводятъ раздѣленіе правилъ карѳагенскихъ на шесть дѣяній. Въ то же время издатели Синтагмы не забываютъ дѣленія карѳагенскихъ правилъ въ Пидаліонѣ и для удобства пользованія своимъ изданіемъ помѣщаютъ на ряду съ своимъ счисленіемъ счисленіе Пидаліона. Халкидонскаго собора пр. 29-е изложено у Ралли согласно Гервету и Беверегію, безъ позднѣйшихъ сокращеній. Подъ правиломъ 30-мъ того же собора у Ралли приведенъ отрывокъ самаго дѣянія, изъ котораго образовано правило. Въ изложеніи правилъ св. отецъ Синтагма Ралли держится Пидаліона и изданій, съ нимъ согласныхъ (*Никольскій,* Греч. Кормчая, стр. 74 — 76. 78. 80. 86—90).

7) Новѣйшій издатель греческаго текста канововъ есть Іоаннъ (Джіованни) Питра, кардиналъ римской церкви, подарившій каноническую науку своимъ изданіемъ: Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta, t. I—II, Romae 1864.

Изданіе Питры было плодомъ его многолѣтнихъ кропотливыхъ изысканій и работъ надъ рукописнымъ матеріаломъ въ различныхъ библіотекахъ рукописей. Богатство собраннаго имъ матеріала изложено въ подстрочныхъ указателяхъ варіантовъ и въ аппаратѣ ученыхъ примѣчаній, предваряющихъ и замыкающихъ каждый каноническій памятникъ. Питра преслѣдуетъ въ своемъ изданіи исключительно научныя цѣли и старается возстановить каноническіе памятники въ ихъ подлинномъ видѣ. Онъ примыкаетъ своимъ изданіемъ къ изданіямъ Беверегія и Ралли. Только онъ располагаетъ каноническіе памятники въ своемъ изданіи безъ группировки ихъ по категоріямъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ, а въ исторической ихъ послѣдовательности. Краткій текстъ правилъ обходитъ.

Кардиналъ Питра по своимъ воззрѣніямъ крайній папистъ. Эта крайность воззрѣній приводитъ его къ одностороннимъ сужденіямъ о достоинствахъ и недостаткахъ предшествовавшихъ ему изданій, принадлежащихъ православнымъ грекамъ. Вслѣдствіе этой односторонности, онъ относится съ крайнимъ пренебреженіемъ къ Пидаліону, какъ изданію, не уважающему текста соборныхъ правилъ и наполненному невѣжественныхъ сужденій (вѣроятно, разумѣются сужденія о главенствѣ папы), а издателя

Синтагмы, Ралли, награждаетъ за его ученый трудъ пожеланіемъ, чтобы онъ присоединился къ католической церкви (*Никольскій*, Греч. Кормчая, стр. 5. 28).

Каноны въ западной церкви. Западная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ жила общею нераздѣльною жизнію съ церковію восточной. Естественно, поэтому, что источники права, дѣйствовавшіе въ восточной церкви, должны были имѣть силу и въ западной церкви. И это мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Не говоря уже о правилахъ вселенскихъ соборовъ, которыя по самому свойству своему должны были дѣйствовать по всей вселенской церкви, — и правила помѣстныхъ сборовъ восточной церкви принимались къ руководству на Западѣ. Они помѣщались во всѣхъ мѣстныхъ собраніяхъ правилъ западной церкви— римскихъ, испанскихъ, галльскихъ и отъ части африканскихъ, какъ необходимая составная часть, и помѣщались впереди правилъ мѣстныхъ соборовъ. Но все-же не всѣ правила восточной церкви признавались на Западѣ, не всѣ употреблялись въ томъ же составѣ и изложеніи, въ какомъ помѣщались въ греческихъ собраніяхъ.

Изъ правилъ вселенскихъ соборовъ большимъ уваженіемъ на Западѣ пользовались правила перваго вселенскаго собора. По согласному свидѣтельству западныхъ соборовъ и папъ, правила эти занимали выдающееся положеніе среди другихъ правилъ восточныхъ и западныхъ. Они признавались основнымъ церковнымъ закономъ и помѣщались большею частію во главѣ другихъ правилъ. Конечно, такимъ уваженіемъ обязаны правила никейскія тому обстоятельству, что произошли при первомъ собраніи предстоятелей всей церкви, еще въ то время, когда почти не было замѣтно признаковъ разногласія между восточною и западною церковію. Правила Никейскаго собора встрѣчаются въ западныхъ собраніяхъ во многихъ особыхъ переводахъ. Раздѣленіе и изложеніе правилъ никейскихъ въ западныхъ переводахъ по большей части согласно съ греческимъ текстомъ. Но въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, содержащихъ т. наз. исидоровскій переводъ галльской редакціи, шестое правило изложено въ смыслѣ папскихъ притязаній; именно оно начинается: ecclesia romana semper habuit primatum и надписывается заглавіемъ: De primatu ecclesiae Romanae. Хотя рукописей, содержащихъ шестое правило никейское въ такомъ изложеніи, встрѣчается очень немного, однакоже такое изложеніе было въ употребленіи въ Римѣ и, конечно, пользовалось сочувствіемъ папъ. Въ этомъ именно изложеніи приводили шестое правило Никейскаго собора папскіе послы въ шестнадцатомъ засѣданіи Халкидонскаго собора. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ къ правиламъ Никейскаго собора присоединялись правила собора Сардикійскаго подъ одною общею нумераціей, такъ что подписи отцовъ Никейскаго собора слѣдовали за правилами сардикійскими. Поэтому не рѣдко на западныхъ сборахъ и у церковныхъ писателей подъ именемъ никейскихъ приводились правила сардикійскія. Съ такимъ же приращеніемъ употреблялись правила никейскія и въ Римѣ. Разительнымъ свидѣтельствомъ тому служитъ инструкція, предъявленная послами папы Зосимы африканскимъ епископамъ въ 419 году по вопросу о правѣ римскаго епископа принимать апелляціи на судъ африканскихъ епископовъ. Въ ней, въ основаніе требованія папы, приводились буквально пятое и четырнадцатое правила сардикійскія подъ именемъ никейскихъ. По справкѣ, наведенной африканскими епископами по подлинному списку никейскихъ правилъ, принесенному съ собора епископомъ Цециліаномъ, тамъ не оказалось правилъ, приведенныхъ римскими послами. То же самое подтвердилось и списками правилъ никейскихъ, посланными въ Карѳагенъ константинопольскимъ епископомъ Аттикомъ и александрійскимъ Кирилломъ, вслѣдствіе нарочитой просьбы объ этомъ со стороны африканскихъ епископовъ. По документальномъ разъясненіи этого дѣла въ послѣдующее время сардикійскія правила стали помѣщаться въ западныхъ собраніяхъ правилъ отдѣльно отъ Никейскихъ, но не рѣдко съ сохраненіемъ еще признаковъ прежняго смѣшиванія ихъ съ послѣдними.

Изъ правилъ второго вселенскаго собора встрѣчаются въ западныхъ собраніяхъ правилъ только первыя четыре (у Діонисія три, но потому, что второе и третье онъ излагаетъ нераздѣльно). Правилъ третьяго

вселенскаго собора, употребляющихся въ восточной церкви, совсѣмъ не встрѣчается въ западныхъ собраніяхъ правилъ; вмѣсто нихъ западная церковь сохранила у себя подъ именемъ третьяго собора посланіе св. Кирилла александрійскаго съ его двѣнадцатью анаѳематизмами противъ Несторія. Правила Халкидонскаго собора употребляются въ западныхъ собраніяхъ въ количествѣ 27, ибо 28-е правило, уравнивающее въ правахъ цареградскаго епископа съ римскимъ, возбудило протестъ на самомъ соборѣ и не было признано римскими папами, не смотря ни на какія усилія византійскаго правительства, а послѣднія два правила не помѣщались и въ древнихъ греческихъ собраніяхъ. Правилъ Трулльскаго собора совсѣмъ не признаетъ западная церковь—за то, что они осуждаютъ нѣкоторые обычаи римской церкви.

Изъ помѣстныхъ соборовъ восточной церкви западная не признала соборовъ Константинопольскихъ, бывшихъ при Фотіи и ему благопріятныхъ, въ 861 и 879 годахъ. А вмѣсто того западная церковь принимаетъ Константинопольскій соборъ 869 г., бывшій противъ Фотія и не принятый восточною церковію, и считаетъ его восьмымъ вселенскимъ соборомъ. Правила св. отецъ восточной церкви то же не приняты къ руководству на Западѣ.

Кромѣ правилъ восточной церкви, западная церковь имѣла много своихъ правилъ, изданныхъ на помѣстныхъ соборахъ. Нѣкоторыя изъ правилъ западныхъ соборовъ, какъ мы знаемъ, были приняты въ составъ церковныхъ правилъ и въ восточной церкви, большая же часть ихъ составляла мѣстно дѣйствующее право. Каждая изъ помѣстныхъ западныхъ церквей имѣла правила, постановленныя на мѣстныхъ соборахъ. Путемъ взаимнаго общенія между церквами мѣстныя правила одной церкви сообщались другой и вносились въ ея сборники. Такъ, напр., въ собраніяхъ правилъ испанскихъ помѣщались правила африканскихъ и галльскихъ соборовъ, въ собраніяхъ галльскихъ помѣщались правила африканскія и испанскія. Кромѣ соборныхъ постановленій очень рано въ западной церкви получаютъ руководительное значеніе въ церковной практикѣ папскія посланія. На основаніи постановленій Сардикійскаго собора, предоставившаго римскому епископу право высшаго суда во всей западной церкви, многіе западные епископы изъ разныхъ странъ съ половины IV вѣка стали обращаться къ римскому епископу за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ административной практикѣ. Папы охотно давали наставленія по поводу предложенныхъ на ихъ разрѣшеніе вопросовъ и поручали своимъ вопрошателямъ, чтобы сообщали ихъ отвѣты и прочимъ епископамъ, какъ обязательное руководство на практикѣ (напр., посланіе папы Дамаса къ епископу таррак(г)онскому, въ Каталоніи). Въ пятомъ и шестомъ вѣкахъ уже соборы западныхъ церквей признавали папскія посланія обязательными на практикѣ наряду съ соборными постановленіями. Естественно, что папскія посланія, подъ именемъ папскихъ декретовъ, стали вноситься затѣмъ и въ собранія правилъ съ значеніемъ распоряженій, равносильныхъ правиламъ соборнымъ; съ конца пятаго вѣка они составляли необходимую составную часть всѣхъ собраній правилъ западной церкви—какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ.

Сообразно съ указаннымъ развитіемъ церковнаго законодательства на Западѣ, измѣнялось и значеніе термина „канонъ". Первоначально слово „канонъ" и въ западной церкви понималось въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и на Востокѣ: Canon autem graece, latine regula nuncupatur по *Grat.* D. dist. III. Потомъ, съ признаніемъ за папскими декретами силы церковнаго правила, канонами стали называться какъ соборныя постановленія, такъ и папскіе декреты. *Grat.* ad c. 2, dist. III: Canonum alii sunt decreta pontificum, alii statuta conciliorum. Наконецъ, когда папскіе декреты возвысились надъ всѣми прочими источниками церковнаго права, слово „канонъ" получило еще болѣе обширное значеніе всякаго церковнаго постановленія, изъ какого бы источника оно ни проистекало. *Grat.* in princ. dist. III. §: Ecclesiastica constitutio canonis nomine censetur.

Практическое значеніе каноновъ вселенской церкви. Каноны вселенской церкви, изданные и утвержденные на седми вселенскихъ соборахъ, составляютъ основной

источникъ церковнаго права, обязательный для всѣхъ помѣстныхъ церквей, входящихъ въ составъ православной церкви, и на всѣ времена. Такъ понимали значеніе своихъ каноновъ сами вселенскіе соборы—шестой (пр. 2) и седьмой (пр. 1). Такъ понимала эти каноны и наша русская церковь. Простымъ и нагляднымъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что каноны древней церкви составляли главнѣйшую часть Кормчей книги, которою она управлялась[1]). Эта точка зрѣнія не отмѣнена и съ появленіемъ новѣйшихъ источниковъ мѣстно-русскаго церковнаго законодательства. Духовный Регламентъ признаетъ основаніемъ церковнаго управленія Законъ Божій, въ Свящ. Писаніи предложенный, потомъ каноны или правила соборныя и святыхъ отецъ. Въ Прибавленіи къ Дух. Регламенту о церковномъ причтѣ говорится, что священникамъ и діаконамъ достаточно было бы наставленій, преподанныхъ Апостоломъ Павломъ (Дѣян. **20**. 1 Тим. **3**. Тит. **1**), если бы они надлежащимъ образомъ исполняли ихъ. Но въ виду уклоненій отъ этихъ наставленій со стороны клириковъ, св. отцы на соборахъ были вынуждены издать дополнительныя правила. То же явленіе повторилось и съ русскимъ духовенствомъ. И вотъ явилась надобность сочинять „собственныя сверхъ прежнихъ исправленія, образомъ древнихъ отцевъ, однако же Слову Божію согласныя“. Равно въ концѣ прибавленія о монахахъ дѣлается ссылка на древнія церковныя правила, помѣщенныя въ Кормчей книгѣ. Изъ этого видно, что изданіемъ Дух. Регламента и Прибавленія къ нему не имѣлось въ виду устранить древнія церковныя правила и постановленія прежнихъ соборовъ, а только дополнить ихъ новыми предписаніями въ виду современныхъ потребностей русской жизни.

Эта точка зрѣнія сохраняется и въ постановленіяхъ, и въ практикѣ русской церкви до настоящаго времени. Въ уставѣ дух. консисторій основаніями епархіальнаго управленія и суда называются Законъ Божій, въ Свящ. Писаніи предложенный, правила св. Апостоловъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ (ст. 6). Объ употребленіи церковныхъ правилъ въ епархіальной практикѣ находится достаточно свидѣтельствъ въ матеріалахъ, относящихся къ дѣятельности московскаго митрополита Филарета (Сборникъ, изд. Общ. люб. д. пр. по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія Филарета м. московскаго, Москва 1883; т. I, стр. 111. 272. 442. 458—9. 466. 473—4. 481. 489. 616. 632—3. 723. 733. 747. 754; т. II, стр. 51—54). Самъ Св. Синодъ въ своихъ постановленіяхъ и указахъ ссылается на правила древней церкви, какъ на основанія своихъ постановленій (напр., Уст. кон. ст. 3. 195. Цир. ук. 6 іюня 1867 г. № 28. Ук. 26. іюня 1867 г. № 30. Ук. 8 янв. 1891 г. № 1). Какъ пользуется Св. Синодъ правилами древней церкви въ своихъ постановленіяхъ и рѣшеніяхъ, объ этомъ подробнѣе показано въ статьѣ анонимнаго автора: „Основанія рѣшеній Св. Синода по духовно-судебнымъ дѣламъ“ и въ ея продолженіи: „Общія начала, какими руководствуется Св. Синодъ въ приложеніи правилъ древней церкви („Прав. Обозр.“ 1874 г., стр. 40—58. 190—215). Въ „Отчетахъ оберъ-прокурора Св. Синода“ правила древней церкви называются основными законами православной церкви; изданіе ихъ въ переводѣ на русскій языкъ, по мнѣнію оберъ-прокурора, должно дать твердость духовному суду (Отч. оберъ-пр. 1836 г., стр. 91, 1837 г., стр. 122, 1838 г., стр. 108). Русское правительство также держится того начала въ своемъ законодательствѣ по дѣламъ церковнымъ, что „всякая вновь предпринимаемая законодательная мѣра, къ какому бы предмету духовнаго управленія и суда она ни относилась, должна быть согласна по духу и сущности съ древними вселенскими постановленіями, всегда долженствующими сохранять свою обязательную силу“ (*Елагинъ*, Предполагаемая реформа церковнаго суда, вып. 1, стр. 103). Иногда наше свѣтское правительство въ

[1]) Этотъ же взглядъ церкви православной выраженъ въ епископскомъ обѣщаніи, произносимомъ предъ хиротоніею, въ которомъ епископъ обязывается предъ церковію, подъ страхомъ лишенія сана, хранить ненарушимо всѣ каноны и уставы церковные, а также въ святительскомъ поученіи новопоставленному іерею, гдѣ ему заповѣдуется слѣдовать церковнымъ правиламъ.

своихъ указахъ, адресованныхъ Св. Синоду, прямо указываетъ на согласіе своихъ постановленій съ каноническими правилами. Изъ новѣйшаго времени можно указать на указъ императора Александра III, отъ 12 іюня 1890 г., Св. Синоду, которымъ онъ заявляетъ о своемъ утвержденіи составленнаго Св. Синодомъ положенія объ управленіи военнымъ духовенствомъ (ср. у проф. *И. С. Бердникова*, Основныя начала права православной церкви, Казань 1902, стр. 383—385).

Но соотвѣтствуетъ ли теоретическому ученію практика помѣстныхъ церквей православной церкви? На практикѣ мы видимъ, что значительная часть правилъ древней церкви не примѣняется или примѣняется не вполнѣ. На практикѣ мы видимъ, что во всѣхъ помѣстныхъ православныхъ церквахъ существуетъ много постановленій церковной и свѣтской власти мѣстнаго происхожденія, которыя замѣняютъ собою правила древней церкви. И между ними не мало найдется такихъ, которыя значительно отступаютъ отъ нормъ древней вселенской церкви. Какъ же примирить практику съ теоріей,—съ ученіемъ объ обязательности правилъ древней вселенской церкви? Прежде всего, нельзя понимать эту обязанность въ смыслѣ безусловной неизмѣняемости и неотмѣняемости правилъ древней вселенской церкви для послѣдующаго времени. Характеръ неизмѣнности принадлежитъ только такимъ опредѣленіямъ соборовъ, которыя касаются догматовъ вѣры. Это ясно выражено въ самыхъ постановленіяхъ соборныхъ. „Вѣра всѣхъ въ церкви Божіей прославившихся мужей,—говоритъ 1 правило Трулльскаго собора,—да пребываетъ до скончанія вѣка непоколебимою". Относительно же постановленій соборныхъ, касающихся церковной дисциплины, сказано: „Никому да не будетъ позволено вышеозначенныя правила измѣняти (точнѣе: подмѣнивать—παραχαράττειν) или отмѣняти (точнѣе: отвергать—ἀθετεῖν) или кромѣ предложенныхъ правилъ пріимати другія съ подложными надписаніями составленныя нѣкіими людьми, дерзнувшими корчемствовати истиною" (Трул. 2). По справедливому объясненію † Іоанна, епископа смоленскаго (Курсъ церк. законов. т. II, стр. 343—344), указаннымъ правиломъ Трулльскаго собора порицаются и запрещаются произвольныя дѣйствія частныхъ лицъ или отдѣльныхъ церквей властей, проявляющіяся въ извращеніи или отверженіи правилъ, а не исключается возможность закономѣрной дѣятельности церковной власти по усовершенствованію нормъ церковной жизни или приспособленію къ новымъ обстоятельствамъ общественной жизни. Что Трулльскій соборъ не представлялъ соборныхъ постановленій не подлежащими измѣненію,—это видно изъ постановленій его самого, въ которыхъ нерѣдко предлагаются новыя нормы въ замѣну нормъ, которыя были постановлены прежде другими соборами (ср., напр., Неок. 15 съ Трул. 19; Карѳ. 50 съ Трул. 29; Апост. 5. 51 съ Трул. 12; Анк. 10 съ Трул. 6. 40). Указанное отличіе нормъ церковной дисциплины, какъ нормъ, допускающихъ измѣненіе, отъ догматовъ вѣры, какъ нормъ, не подлежащихъ измѣненію, было до такой степени общеизвѣстнымъ и общепризнаннымъ, что оно было принято и въ свѣтское византійское законодательство. Quatuor synodorum dogmata sicut sanctas scripturas accipimus et regulas sicut leges observamus, говорится въ 131, cap. 1 новеллы Юстиніана. Это положеніе принято и въ Номоканонъ Фотія (tit. I, с. 2). Но съ другой стороны и измѣняемость церковныхъ правилъ нельзя считать безпредѣльною. Правила церковныя далеко не одинаковы между собою по своей важности для организаціи церкви и церковной дисциплины. Есть правила очень маловажныя, почти безразличныя, напр., правила о времени созванія повременныхъ соборовъ епископовъ (I-го всел. соб. 5-е и VI-го всел. соб. 8-е). Перемѣна такихъ правилъ не можетъ представлять никакихъ затрудненій. Есть правила, носящія на себѣ печать историческихъ обстоятельствъ жизни церкви, напр., правило 15-е Неок. соб. о томъ, что въ городѣ не можетъ быть болѣе семи діаконовъ; не удивительно, что оно было потомъ отмѣнено Трулльскимъ соборомъ (пр. 16). Но есть правила, имѣющія существенное значеніе въ строѣ церковной жизни, находящіяся въ тѣсной связи съ догматическимъ ученіемъ о церкви и ея полномочіяхъ. Такія правила, конечно, не могутъ подлежать перемѣнѣ, какъ и самые догма-

ты, на которыхъ они опираются. Бо́льшая часть такихъ нормъ указана еще въ ученіи Основателя и Главы церкви Христа Спасителя и Его Апостоловъ. Къ такимъ основнымъ нормамъ церковнаго порядка относятся слѣд.: церковь есть общество отличное отъ государства по своему происхожденію и по своимъ задачамъ. Она есть происхожденія непосредственно божественнаго; имѣетъ своею задачей устроять блаженное состояніе людей въ будущемъ небесномъ царствѣ Христовомъ. Она есть общество организованное, получившее свою основную организацію не отъ государства, а отъ своего Основателя—Христа. Главнымъ условіемъ этой организаціи служитъ богоустановленная церковная іерархія; ей принадлежатъ законодательственныя, правительственныя и судебныя полномочія въ церкви jure divino. Церковь едина для всей вселенной. Она дѣлится на помѣстныя церкви, пользующіяся автономіей въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Помѣстныя церкви суть только части церкви вселенской и должны находиться въ тѣсномъ органическомъ общеніи между собою. Христіанскія общины, отдѣлившіяся отъ единенія съ церковію вселенской по той или другой причинѣ, находятся внѣ церкви; онѣ секты и могутъ войти въ каноническое общеніе съ церковію по уничтоженіи причины ихъ отдѣленія отъ церкви установленнымъ для этого чиномъ. Крещеніе есть дверь въ церковь для евреевъ, магометанъ и язычниковъ, а секты христіанскія принимаются въ церковь посредствомъ муропомазанія или покаянія, за немногими исключеніями. Христіанская община дѣлится на два класса—клиръ и міррянъ. Христіанская община не можетъ организоваться безъ епископа. Высшая власть въ церкви принадлежитъ собору епископовъ—помѣстному или вселенскому, т. е. собранію представителей всѣхъ помѣстныхъ церквей. Члены клира живутъ по особымъ установленнымъ для нихъ правиламъ. Епископъ поставляется соборомъ епископовъ, а низшіе клирики епархіальнымъ епископомъ. Члены церкви, презирающіе церковный порядокъ жизни и не покоряющіеся увѣщаніямъ церковной власти, подлежатъ исключенію изъ состава церковнаго общества и пр. Всѣ такія и подобныя имъ по важности нормы церковной дисциплины не подлежатъ измѣненію никакой церковной власти, хотя бы и вселенскаго собора. Есть еще церковныя нормы, связанныя съ нравственнымъ христіанскимъ ученіемъ, напр., норма о брачной жизни клириковъ, о повторяемости брака для міррянъ, о брачномъ разводѣ и т. д. Этого рода нормы допускаютъ измѣненія, какъ показываютъ правила церковныя (Апост. 5, Карѳ. 4, 34, VI-го всел. соб. 12. 13. 48) и практика. Тѣмъ не менѣе вопросъ о степени ихъ измѣняемости не можетъ быть рѣшаемъ произвольно и легкомысленно, а только примѣнительно къ положительнымъ нормамъ, выразившимся уже въ церковныхъ правилахъ. Вообще, при всякихъ отступленіяхъ отъ церковныхъ правилъ или дополненіяхъ ихъ, предпринимаемыхъ церковною властію помѣстной церкви, слѣдуетъ обращаться за совѣтомъ и руководствомъ къ тѣмъ же правиламъ древней вселенской церкви. Правила эти составлены при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ церковной жизни, которыя уже не могутъ повториться въ исторіи церкви. Поэтому ихъ по всей справедливости можно считать точнымъ выраженіемъ духа Христова ученія о церковной дисциплинѣ и разума церкви, руководимой въ своихъ постановленіяхъ Духомъ Божіимъ; ибо,—по выраженію отцовъ седьмого вселенскаго собора (пр. 1),—всѣ они (соборы и св. отцы) отъ „единаго и того же Духа бывъ просвѣщены, полезное узаконили“.

Въ какихъ же формахъ можетъ закономѣрно выразиться отступленіе отъ церковныхъ правилъ, изданныхъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ? Во-первыхъ, въ формѣ дополнительнаго законодательства помѣстныхъ церквей. Исторія церковнаго законодательства показываетъ, что греко-восточная церковь послѣ періода вселенскихъ соборовъ пополняла источники церковнаго права синодскими постановленіями патріаршихъ синодовъ. Извѣстно также, что и въ настоящее время всѣ помѣстныя церкви православнаго Востока имѣютъ свои дополнительные источники церковнаго права мѣстнаго происхожденія и характера. Такая правообразующая дѣятельность помѣстныхъ церквей считается вполнѣ законною. Основаніе для признанія за помѣстными церквами права законодательной дѣятельности, кромѣ

потребности времени, можно находить въ тѣхъ правилахъ вселенскаго канона, которыя позволяютъ помѣстнымъ церквамъ жить и дѣйствовать по мѣстнымъ обычаямъ (II-го всел. соб. 2; III-го всел. соб. 8; IV-го всел. соб. 28. 30; VI-го всел. соб. 39. Вас. в. пр. 1). Здѣсь подъ обычаемъ можно разумѣть не только нормы, установившіяся путемъ практики, безъ положительнаго законодательства, но и законныя постановленія помѣстной церкви, изданныя формальнымъ образомъ. Занявъ положеніе, параллельное обычаю, нормы права помѣстной церкви въ своемъ развитіи должны руководствоваться началами, регулирующими отношеніе обычая къ положительному церковному праву. Мѣстное церковное законодательство должно считать прямою сферой своей дѣятельности пробѣлы въ правилахъ древней церкви. Затѣмъ оно можетъ быть вынуждено современными обстоятельствами издать постановленія, отступающія отъ правилъ Церкви. Подобныя отступленія могутъ быть терпимы (напр., Апост. 5. Карѳ. 4. 34. VI-го всел. соб. 12. 13), если дѣлаются не легкомысленно, а по нуждѣ, ради пользы церковнаго общества. Они не выражаются отмѣною нормъ древнихъ церковныхъ правилъ, а составляютъ терпимыя отступленія отъ нихъ. Онп подлежатъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія правилъ древней церкви. Чѣмъ ближе къ послѣднимъ по своему духу они будутъ, тѣмъ выше будетъ ихъ каноническое достоинство. Подобныя отступленія могутъ не нарушать общенія между помѣстными церквами.

Во-вторыхъ, отступленіе отъ правилъ древней церкви можетъ выразиться въ снисходительномъ примѣненіи въ пастырской практикѣ требованій древнихъ церковныхъ правилъ. Этотъ способъ примѣненія древнихъ правилъ былъ допущенъ уже самими этими правилами и называется технически οἰκονομία (Вас. в. пр. 1. 3. 47. VI-го всел. соб. 37. 102). Оно примѣнялось еще съ древнихъ временъ въ практикѣ наложенія церковной епитиміи и принятія въ церковь еретиковъ и раскольниковъ. Нынѣ приложеніе этого пріема имѣетъ гораздо болѣе обширные предѣлы въ церковной дисциплинѣ. Такъ, напр., въ древней церкви даже до шестого вселенскаго собора вѣрующіе обязаны были посѣщать богослуженіе часто, во всѣ воскресные и праздничные дни (VI-го всел. соб. 80), подъ угрозою церковнаго наказанія; нынѣ же они приглашаются къ праздничному богослуженію возможно чаще. Равнымъ обр. требованіе соблюденія постовъ (Апост. 69. VI-го всел. соб. 56) нынѣ смягчено въ очень значительной степени. Пониженіе этихъ и подобныхъ требованій церковной дисциплины для настоящаго времени дѣлается изъ снисхожденія къ слабости человѣческой, въ надеждѣ на милосердіе Божіе, Который можетъ помиловать кающагося члена церкви за одно слово, за одинъ вздохъ искренняго раскаянія (еписк. *Іоаннъ*, Курсъ цер. законовѣдѣнія, т. I, стр. 17—34; т. II, стр. 343—4. Проф. *Н. К. Соколовъ*, Изъ чтеній по церковному праву, Москва 1874, стр. 145—162. † проф. *В. Ѳ. Кипарисовъ*, О церковной дисциплинѣ, Сергіевъ-Посадъ 1897, гл. I—III, Проф. *И. С. Бердниковъ*, Къ вопросу о церковной дисциплинѣ, Казань 1902).

Проф. *И. Бердниковъ*.

Каноны церковные (canones ecclesiastici). Канонами называются церковные законы, которыми установляется въ церкви внѣшняя жизнь вѣрующихъ и все то, что нужно для сохраненія въ ней надлежащаго порядка и для достиженія цѣли, ради которой она существуетъ. Въ смыслѣ общаго, обычнаго и соотвѣтствующаго преданію порядка слово „канонъ“ употреблено нѣсколько разъ Никейскимъ соборомъ 325 г.

Правила древнѣйшихъ соборовъ не могли быть называемы канонами потому, что самые соборы составлялись въ ограниченныхъ предѣлахъ какой-либо провинціи или страны и не претендовали на соблюденіе ихъ во всѣхъ другихъ христіанскихъ странахъ; между тѣмъ со словомъ „канонъ“ въ древне-церковномъ словоупотребленіи соединялось понятіе обще-церковной нормы, одинаково обязательной для всѣхъ христіанскихъ общинъ и всѣми одинаково признаваемой. Съ тѣхъ поръ какъ, благодаря первому христіанскому императору Константину вел., составился первый вселенскій соборъ, и постановленія этого собора, утвержденныя императоромъ, были приняты въ руководство всею христіанскою церковію, къ отдѣльнымъ

соборнымъ постановленіямъ стали прилагать названіе каноновъ. Съ IV до IX вѣка идетъ рядъ соборовъ, на которыхъ при свободѣ, предоставленной дѣйствіямъ церковной власти, — обсуждается обширный и разнообразный кругъ предметовъ церковнаго управленія и дисциплины, и опредѣленія соборовъ получаютъ общеобязательное для всѣхъ членовъ церкви значеніе положительнаго закона. Постепенно образуется основной церковный канонъ, и на соборѣ Трулльскомъ 692 года, а потомъ на VII вселенскомъ 787 года утверждается полный его составъ и опредѣляется каноническое значеніе различныхъ памятниковъ церковнаго законодательства. Свѣтская верховная власть своимъ признаніемъ и утвержденіемъ сообщаетъ канонамъ церкви авторитетъ государственныхъ законовъ и сопровождаетъ ихъ нарушеніе юридическими послѣдствіями въ гражданскомъ обществѣ, являясь охранительницею церковнаго законодательства. „Церковные каноны,—говорится въ законодательствѣ императора Юстиніана (въ конституціи 530 года), — имѣютъ такую же силу въ государствѣ, какъ и государственные законы“; „что запрещаютъ они,—то запрещаютъ и законы“. Тѣхъ же принциповъ держалось и позднѣйшее законодательство. Общимъ принципомъ государственнаго законодательства не только въ дѣлахъ церковныхъ, но и въ дѣлахъ свѣтскихъ, служило правило, что вообще свѣтскіе законы должны слѣдовать церковнымъ канонамъ и что они теряютъ свою силу, если противорѣчатъ установленнымъ церковію догматамъ. Впрочемъ, церковныя постановленія, не находящіяся въ необходимой связи съ основными канонами церковными, могли быть измѣняемы или отмѣняемы свѣтскою властію, и обыкновенно такія измѣненія и отмѣны были дѣломъ весьма обычнымъ, противъ котораго церковь никогда не протестовала, но возможности противорѣчія законовъ свѣтскихъ церковнымъ канонамъ все-таки не допускалось. Это было общимъ принципомъ свѣтскаго законодательства. Такое положеніе дѣла показываетъ, что церковныя правила или каноны вообще въ греко-римской имперіи имѣли большій авторитетъ, чѣмъ свѣтскіе законы. Съ юридической точки зрѣнія это впослѣдствіи объяснялось тѣмъ, что свѣтскіе законы имѣютъ только одну санкцію — государственную. Такъ объясняютъ дѣло Вальсамонъ и Властарь. „Необходимо,—говоритъ Властарь, — чтобы каноны имѣли больше силы, чѣмъ законы, ибо законы составляются только царями и отъ нихъ получаютъ свою силу, между тѣмъ какъ каноны составляются по мысли и стараніямъ св. отцовъ и по волѣ тѣхъ же царей и утверждаются ими“. Такъ понималось сравнительное значеніе церковнаго и свѣтскаго законодательства до самаго паденія византійской имперіи. Что касается современной церковной практики, административной и судебной, то она въ рѣдкихъ случаяхъ обращается къ древнему канону, какъ къ источнику; дѣйствительнымъ основаніемъ для практики въ вопросахъ управленія и суда служатъ различные указы, опредѣленія Синода и гражданскіе уставы.

Литература. *Никодимъ (Милашъ),* еп. далматинскій, Православное церковное право, перев. Петровича, СПБ. 1897. Проф. *М. А. Остроумовъ,* Введеніе въ православное церковное право, т. I, Харьковъ 1893. † Проф. *Н. К. Соколовъ,* Изъ лекціи по церковному праву, вып. 1, Москва 1874. Проф. *Н. С. Суворовъ,* Курсъ церковнаго права, т. I, Ярославль 1889.

М. Красноженъ.

Каноны церковные (собранія ихъ). Греческое слово κανών въ первоначальномъ (матеріальномъ) смыслѣ означало прямую палку, которая служитъ для опоры, или для измѣренія и взвѣшиванія (какъ коромысло у вѣсовъ), или для проведенія прямой линіи, или для уравненія плоскостей (какъ линейка, угольникъ); въ позднѣйшемъ и переносномъ смыслѣ оно получило значеніе образца, руководста, правила (regula); наконецъ, въ церковной терминологіи, первый примѣръ которой встрѣчается въ одномъ изъ посланій Ап. Павла (Галат. **6**, 15. 16), слово это стало означать правило христіанской вѣры и жизни и въ особенности—дисциплинарныя постановленія церковныхъ соборовъ, въ отличіе, съ одной стороны, отъ догматическихъ соборныхъ опредѣленій (ὅροι δόγματα), съ другой — отъ свѣтскихъ или гражданскихъ законовъ (νόμοι, leges).

Со времени Никейскаго соб. 325 года, издавшаго 20 дисциплинарныхъ правилъ, т. е. такихъ опредѣленій, которыя относи-

лись не къ вѣроученію, какъ установленный тѣмъ же соборомъ противъ Арія догматъ о божествѣ І. Христа, а къ разнымъ сторонамъ церковной дисциплины, или внѣшняго церковнаго порядка, слово χανών стало примѣняться къ отдѣльнымъ дисциплинарнымъ опредѣленіямъ соборовъ. Въ первые три вѣка подъ канономъ разумѣлось вообще все то, что для церкви служитъ руководящею нормой, какъ согласующееся съ преданіемъ; но не было примѣра, чтобы постановленія какого-либо отдѣльнаго собора были названы канонами. Слѣдующіе за Никейскимъ вселенскіе соборы Константинопольскій 381 года, Ефесскій 431 года и Халкидонскій 451 года, кромѣ установленія догматовъ вѣроученія, постановляли также правила для регулированія внѣшняго церковнаго порядка, т. е. каноны. Императоръ Юстиніанъ окончательно придалъ канонамъ четырехъ вселенскихъ соборовъ значеніе общеобязательныхъ церковныхъ нормъ, предписавъ почитать догматы, установленные на четырехъ соборахъ, какъ Свящ. Писаніе, каноны же соблюдать наравнѣ съ императорскими законами. Слѣдующій вселенскій соборъ 553 года, состоявшійся при Юстиніанѣ, равно какъ 6-ой вселенскій соборъ, собиравшійся въ 680 году при Константинѣ Погонатѣ, занимались исключительно догматическими вопросами и никакихъ дисциплинарныхъ каноновъ послѣ себя не оставили. Пробѣлъ этотъ былъ восполненъ созваннымъ въ 692 году (императоромъ Юстиніаномъ II Ринотметомъ) соборомъ, обыкновенно называемымъ Трулльскимъ, такъ какъ онъ засѣдалъ ἐν τρούλλῳ, т. е. въ залѣ императорскаго дворца со сводами (онъ же нерѣдко называется пято-шестымъ и просто шестымъ). Трулльскій соборъ, какъ созывавшійся спеціально для установленія дисциплинарныхъ каноновъ, издалъ ихъ болѣе, чѣмъ всѣ вселенскіе соборы вмѣстѣ взятые, включая сюда и каноны 7-го вселенскаго собора (Трулльскій соборъ издалъ 102 пр., тогда какъ вселенскіе соборы издали: 1-ый—20, 2-й—7, 3-й—8, 4-й—30 и 7-й—22 пр.). Только названные 7 вселенскихъ соборовъ признаетъ православная церковь.

Кромѣ вселенскихъ соборовъ, каноны были установлены и на нѣкоторыхъ т. наз. помѣстныхъ соборахъ (τοπιχαὶ σύνοδοι). Каноны помѣстныхъ соборовъ первоначально имѣли значеніе только въ тѣхъ церквахъ, пастырями которыхъ они были составлены; но такъ какъ основанія церковной жизни были тогда повсюду одинаковы, то впослѣдствіи каноны нѣкоторыхъ помѣстныхъ соборовъ были признаны обязательными для всей церкви. Такое значеніе получили соборы: Анкирскій 314 года, издавшій 25 каноновъ, Неокессарійскій 314 года, издавшій 15 каноновъ, Антіохійскій 341 года, издавшій 25 каноновъ, Сардикійскій 344 г., издавшій 20 каноновъ, Гангрскій (362—370 г.), издавшій 21 канонъ, Лаодикійскій (343—381 г.), издавшій 60 каноновъ, Карѳагенскій 419 года, подъ именемъ котораго въ аѳинской Синтагмѣ помѣщены 133, а въ славянской Книгѣ правилъ 147 каноновъ, принадлежащихъ соборамъ—Карѳагенскимъ 390, 397, 401, 402, 405 годовъ, Иппонскому 393 года и др., Константинопольскій 861 года, издавшій 17 каноновъ, и Константинопольскій 879 года, издавшій 3 канона.

Нѣсколько каноновъ было составлено не соборами, а отдѣльными отцами церкви, которые писали ихъ обыкновенно въ видѣ отвѣтовъ на вопросы, кѣмъ-либо предложенные. Эти отвѣты или пастырскія посланія сначала имѣли значеніе частнаго мнѣнія или мѣстнаго распоряженія; но Трулльскій соб. 692 года усвоилъ имъ значеніе правилъ обязательныхъ, наравнѣ съ правилами соборными. 2-мъ правиломъ Трулльскаго соб. такое значеніе дано правиламъ св. Діонисія александрійскаго († 265 г.), Григорія неокессарійскаго († 270), Петра александрійскаго († 311 г.), Аѳанасія александрійскаго († 373 г.), Василія вел. († 379 г.), Тимофея александрійскаго († 385 г.), Григорія Богослова († 389 г.), Амфилохія иконійскаго († 395 г.), Григорія нисскаго († 395 г.), Ѳеофила александрійскаго († 412 г.), Кирилла александрійскаго († 444 г.), Геннадія константинопольскаго († 471 г.); впослѣдствіи сюда же отнесено посланіе Тарасія константинопольскаго къ папѣ Адріану († 809 г.).

Кромѣ того, Трулльскій соборъ включилъ въ число каноновъ правило Константинопольскаго соб. при патріархѣ Нектаріи 394 г., а также постановленіе Кипріана карѳаген-

скаго и бывшаго при немъ Кареагенскаго соб. 255 г.

Во главѣ всѣхъ каноновъ Трулльскимъ соборомъ поставлены правила, „преданныя именемъ святыхъ и славныхъ Апостоловъ". Апостольскія правила представляютъ собою кратко формулированныя дисциплинарныя нормы, обыкновенно съ обозначеніемъ того дисциплинарнаго наказанія, которымъ должны быть подвергаемы нарушители этихъ нормъ. По своему содержанію многія Апостольскія правила могутъ быть разсматриваемы, какъ выраженіе древнѣйшаго преданія, непосредственно связаннаго съ апостольскимъ временемъ, но нельзя отрицать и того, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ,—безъ всякаго сомнѣнія,—не апостольскому, а позднѣйшему времени. Апостольскія правила первоначально не были извѣстны всѣмъ церквамъ въ полномъ своемъ составѣ и сохранялись въ разныхъ церквахъ по частямъ. О времени происхожденія дошедшей до насъ редакціи Апост. правилъ существуютъ различныя мнѣнія, при чемъ спорнымъ является вопросъ о взаимномъ отношеніи между правилами Апостольскими и правилами Антіохійскаго соб. 341 г., имѣющими между собою большое сходство. По всей вѣроятности, Антіохійскій соб. заимствовалъ нѣкоторыя свои постановленія изъ Апостольскихъ правилъ. Вообще, надо сказать, что составленіе сборника Апост. правилъ принадлежитъ не одной рукѣ и эпохѣ; это видно уже изъ того, что въ первоначальномъ сборникѣ церковныхъ правилъ, переведенномъ Діонисіемъ малымъ въ концѣ V вѣка на латинскій языкъ, содержалось только 50 правилъ. Но уже во второй половинѣ слѣдующаго столѣтія авторъ систематическаго сборника церковныхъ правилъ Іоаннъ Схоластикъ зналъ всѣ нынѣ принятыя восточною церковію 85 Апостольскихъ правилъ. Трулльскій соборъ призналъ ихъ каноническими также въ количествѣ 85. Съ этого времени Апост. правила занимаютъ первое мѣсто въ составѣ каноническаго кодекса восточной церкви.

Что касается соборныхъ каноновъ, то на Востокѣ каноническій матеріалъ первоначально собирался безъ всякихъ попытокъ систематизаціи, въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ дѣлалось то отступленіе отъ строгой хронологіи, что каноны Никейскаго соб. ставились на первомъ мѣстѣ, хотя Анкирскій и Неокесарійскій соборы собирались и издали свои каноны раньше Никейскаго.

Первый систематическій сборникъ въ восточной церкви относится къ началу VI вѣка. О немъ упоминаетъ въ предисловіи къ своему сборнику Іоаннъ Схоластикъ. Сборникъ этотъ былъ раздѣленъ на шестьдесятъ титуловъ и содержалъ каноны: апостольскіе, первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ и помѣстныхъ, до Сардикійскаго включительно; каноновъ св. отцевъ въ немъ не было. По примѣру этого сборника, сдѣлалъ такой же, т. е. систематическій, сводъ общепризнанныхъ церковныхъ правилъ Іоаннъ Схоластикъ, бывшій сначала адвокатомъ (отсюда его прозваніе—Схоластикъ), а впослѣдствіи пресвитеромъ антіохійскимъ и (съ 557 г.) патріархомъ константинопольскимъ († 578 г.). Около 550 г., въ бытность антіохійскимъ пресвитеромъ, онъ составилъ систематическій каноническій сборникъ, носящій заглавіе: *συναγωγὴ κανόνων ἐκκλησιαστικῶν εἰς ν' τίτλους διῃρημένη*, т. е. собраніе церковныхъ каноновъ, раздѣленное на 50 титуловъ. Къ тому каноническому матеріалу, который содержался въ прежнемъ сборникѣ (въ 60 титулахъ), Іоаннъ Схоластикъ прибавилъ два каноническія посланія (2-е и 3-е) Василія в. къ Амфилохію, раздѣливъ ихъ на 68 правилъ. Эта прибавка сообщила прежнему каноническому кодексу греческой церкви мѣстный характеръ, такъ какъ каноническія посланія отцовъ восточной церкви были неизвѣстны на Западѣ такъ же, какъ на Востокѣ были неизвѣстны декреты римскихъ папъ. Въ своемъ сборникѣ Іоаннъ Схоластикъ расположилъ правила не по порядку соборовъ, а по сходству содержанія каноновъ, размѣстивъ весь каноническій матеріалъ подъ 50 рубриками или титулами. Сборникъ этотъ былъ во всеобщемъ употребленіи на Востокѣ, а также извѣстенъ былъ и на Западѣ.

Вскорѣ послѣ сборника Іоанна Схоластика появился въ Константинополѣ новый сборникъ каноновъ: *Σύνταγμα κανονικόν* въ 14 титулахъ или отдѣлахъ, съ подраздѣленіемъ каждаго отдѣла на главы. Авторъ этой канонической Синтагмы неизвѣстенъ. Въ сравненіи съ трудомъ Іоанна Схоластика,

этотъ сборникъ имѣетъ преимущество какъ въ матеріальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніи. Кромѣ 85 Апост. правилъ, 10 соборовъ и 2-хъ каноническихъ посланій Василія в. (раздѣленныхъ на 68 правилъ), принятыхъ Схоластикомъ, неизвѣстный авторъ новаго сборника внесъ въ него дѣянія и каноны собора Карѳагенскаго 419 г., опредѣленіе Константинопольскаго помѣстнаго собора, бывшаго при патріархѣ Нектаріи въ 394 г., еще одно посланіе Василія в. (раздѣленное на 16 правилъ), а также каноны другихъ отцовъ церкви. Въ формальномъ отношеніи сборникъ имѣетъ то преимущество, что соединяетъ выгоды систематическаго и хронологическаго порядка изложенія каноновъ. Авторъ раздѣлилъ свой сборникъ на двѣ части—систематическую и хронологическую; въ первой онъ не приводитъ полнаго текста каноновъ, а только цитируетъ ихъ цифрами; такимъ образомъ эта часть является указателемъ ко второй части, гдѣ приведенъ полный текстъ каноновъ въ хронологическомъ порядкѣ. Время составленія сборника неизвѣстно, но надо полагать, что онъ появился послѣ Іоанна Схоластика († 578 г.) и раньше Трулльскаго соб. 692 г. Въ IX вѣкѣ каноническая Синтагма въ XIV тит. была дополнена канонами позднѣйшаго происхожденія, а именно канонами соборовъ Трулльскаго 692 г., Никейскаго II (7-го вселенскаго) 787 г., Константинопольскаго т. наз. Двукратнаго 861 г. и Константинопольскаго въ храмѣ св. Софіи 879 г. Трудъ дополненія усвояется знаменитому константинопольскому патріарху Фотію [1]).

Одновременно съ полнымъ кодексомъ, въ греческой церкви развивался другой—сокращенный кодексъ, такъ наз. синопсисъ, въ которомъ каноны излагались не въ первоначальномъ полномъ текстѣ, а въ краткомъ извлеченіи. Не представляя той обширности, которою характеризуется полный кодексъ, „синопсисъ“ былъ очень удобенъ при примѣненіи его на практикѣ, и вслѣдствіе этого достигъ общаго распространенія. Составленіе „синопсиса“ не было дѣломъ одного лица: „синопсисъ“ образовывался постепенно, по мѣрѣ роста полнаго текста церковныхъ правилъ. На нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ синопсиса сохранились имена лицъ, бывшихъ, по всей вѣроятности, авторами тѣхъ редакцій, которыя носятъ ихъ названіе (синопсисъ Стефана ефесскаго, Симеона магистра). Для насъ „синопсисъ“ церковныхъ правилъ важенъ потому, что,—снабженный въ XII вѣкѣ толкованіями извѣстнаго канониста Аристина,—онъ положенъ былъ въ основаніе нашей печатной Кормчей.

Изъ позднѣйшихъ каноническихъ сборниковъ восточной церкви наиболѣе извѣстны:

Алфавитная Синтагма греческаго іеромонаха Матѳея Властаря, изданная въ 1335 г. Въ началѣ помѣщено обширное предисловіе, содержащее историческій обзоръ источниковъ церковнаго права; затѣмъ слѣдуетъ Синтагма, раздѣленная на 24 отдѣла, по числу буквъ греческой азбуки; каждый отдѣлъ, въ свою очередь, дѣлится на столько главъ, сколько именъ, начинающихся съ извѣстной буквы. Всѣхъ главъ въ 24 отдѣлахъ 303. Здѣсь приведены сначала каноны, относящіеся къ предмету содержанія главы, потомъ соотвѣтствующіе гражданскіе законы.

Весьма большое количество дошедшихъ до насъ рукописей Синтагмы Властаря указываетъ на самое широкое распространеніе ея во всемъ православномъ мірѣ. Съ XV вѣка она дѣлается извѣстною и въ Россіи.

Сборникъ Константина Арменопула (номофилакса и судьи въ Ѳессалоникахъ), подъ заглавіемъ: ἐπιτομὴ τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, составленный около 1345 г. и раздѣленный на 6 отдѣловъ (1-й о епископахъ; 2-й о пресвитерахъ, діаконахъ и иподіаконахъ; 3-й о клирикахъ; 4-й о монахахъ и монастыряхъ; 5-й о мірянахъ; 6-й о женщинахъ), въ которыхъ помѣщенъ сокращенный текстъ церковныхъ правилъ, къ нимъ относящихся. Сборникъ этотъ представляетъ собою дополненіе къ главному сборнику того же автора, извѣстному подъ именемъ Шестокнижія или руководства къ познанію гражданскихъ законовъ (ἑξάβιβλος, πρόχειρον νόμων).

---

[1]) [См. о семъ предметѣ солидное изслѣдованіе *В. Н. Бенешевича*, Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII вѣка до 883 г. Къ древнѣйшей исторіи источниковъ права греко-восточной церкви. Спб. 1905.—*Н. Н. Г.*].

Πηδάλιον, что совершенно равно русскому названію: книга Кормчая. Это названіе взято съ символическаго изображенія церкви въ видѣ корабля, управляемаго среди волнъ житейскаго моря правилами св. Апостоловъ, соборовъ и отцовъ церкви. Символъ этотъ, встрѣчающійся уже въ христіанскихъ катакомбахъ II и III столѣтій и объясненный въ Апостольскихъ Постановленіяхъ (кн. III, гл. 58), изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа книги съ подробнымъ объясненіемъ. Пидаліонъ представляетъ собою оффиціальное изданіе константинопольской церкви, состоявшееся по распоряженію константинопольскаго патріарха и напечатанное въ Лейпцигѣ въ 1800 г. Изданіе этой книги было вызвано многими неисправностями бывшихъ до того времени въ употребленіи рукописныхъ сборниковъ церковнаго права. Составителями Пидаліона были монахъ Агапій и іеромонахъ Никодимъ; трудъ ихъ, по распоряженію патріарха и его синода, просмотрѣнъ и исправленъ былъ учителемъ и проповѣдникомъ Дороѳеемъ. Въ составъ Пидаліона вошли церковныя правила, изложенныя на древне-греческомъ языкѣ, съ толкованіями Зонары и Вальсамона, частью Аристина, изложенными на ново-греческомъ діалектѣ, и, кромѣ того, каноны Іоанна Постника (582 — 595 г.), Никифора Исповѣдника (806 — 815 г.) и Николая Грамматика (1084—1111 г.), имѣвшіе большое практическое значеніе въ восточной церкви. Изъ гражданскихъ законовъ взяты только совершенно согласные съ церковными канонами и помѣщены въ видѣ примѣчаній къ послѣднимъ. Въ концѣ Пидаліона помѣщено нѣсколько статей церковно-юридическаго содержанія. Въ 1841 г. вышло 2-е, а въ 1864 г. 3-е изданіе Пидаліона.

Такъ назыв. аѳинская Синтагма представляетъ собою новѣйшее частное изданіе источниковъ права восточной церкви, предпринятое въ Аѳинахъ (1852 — 1859 г.) президентомъ аѳинскаго кассаціоннаго суда (ареопага) Раллисомъ и адвокатомъ и профессоромъ Потлисомъ. Трудъ Раллиса и Потлиса, носящій названіе σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων..., заключаетъ въ 6 томахъ всѣ памятники церковнаго права восточной церкви, а именно въ 1-мъ томѣ—Номоканонъ Фотія, во 2-мъ—правила Апостольскія и семи вселенскихъ соборовъ съ толкованіями Зонары, Аристина и Вальсамона; въ 3-мъ—помѣстные соборы; въ 4-мъ—каноническія посланія св. отцовъ, въ 5-мъ—постановленія византійскихъ императоровъ и рѣшенія патріарховъ, и въ 6-мъ—алфавитную Синтагму Матѳея Властаря. Характеръ этого изданія не практическій, а научно-историческій.

Литература. Проф. *Д. И. Азаревичъ*, Исторія византійскаго права, Ярославль 1876—77. Проф. *И. С. Бердниковъ*, Краткій курсъ церковнаго права православной церкви, изд. 2-е, Казань 1903. Свящ. *Н. Ильинскій*, Синтагма Матѳея Властаря [Москва 1892] и *его же*, Переводъ Синтагмы [Собраніе по алфавитному порядку всѣхъ предметовъ, содержащихся въ священныхъ и божественныхъ канонахъ, составленное и обработанное смиреннѣйшимъ іеромонахомъ Матѳеемъ, или алфавитная синтагма М. Властаря, Симферополь 1891]. Архим. († еп.) *Іоаннъ*, Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія, т. I и II, Спб. 1852. Проф. *М. Е. Красноженъ*, Краткій очеркъ церковнаго права и дополненіе къ нему. Юрьевъ 1900—1904. *Онъ же*, Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви: Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ, Москва 1892. Еп. *Никодимъ* (*Милашъ*), Православное церковное право, переводъ съ сербскаго Петровича, Спб. 1897. *И. Никольскій*, Греческая Кормчая книга (Пидаліонъ), Москва. 1888 [изд. подъ редакціею о. *Н. А. Копьева*]. Проф. *М. А. Остроумовъ*, Введеніе въ православное церковное право, ч. I, Харьковъ 1893. † проф. *А. С. Павловъ*, Курсъ церковнаго права, Св.-Троицкая Сергіева лавра 1902. † проф. *Н. К. Соколовъ*, Изъ лекцій по церковному праву, вып. I. Москва 1874. *И. Стратилатовъ*, Древность и важность Ап. правилъ, Спб. 1865. Проф. *Н. С. Суворовъ*, Курсъ церковнаго права, т. I. Ярославль 1889. *Онъ-же*, Учебникъ церковнаго права, изд. 2-е, Москва 1902. *Biener*, De collectionibus canonum ecclesiae graecae, Berolini 1827. Das kanonische Recht der griechischen Kirche (въ „Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes“. Bd. XXVIII). *Hefele*, Conciliengeschichte, Freiburg im Breisgau 1873. *Mortreuil*, Histoire du droit byzantin, Paris 1853. *Zachariae v. Lingenthal*, Die griechischen Nomocanones «въ Изв. Спб. Академіи Наукъ» т. XXIII, № 7. *Zhishman*, Das Eherecht der orientalischen Kirche, Wien 1864.

М. Красноженъ.

Канонъ, какъ правило монастырской жизни. — Кромѣ общаго значенія церковной нормы вообще, слово „канонъ“

имѣетъ нѣсколько значеній болѣе частнаго характера. Къ числу такихъ значеній относится значеніе нормы монастырской жизни. Въ такомъ значеніи слова „канонъ" употребляется въ аскетическихъ сочиненіяхъ и въ жизнеописаніяхъ аскетовъ, напр., въ жизнеописаніи св. Іоанна Пустынника, составленномъ Кирилломъ скиѳопольскимъ гл. 3: τὸν κανόνα τῆς λαύρας, въ сочиненіи Іоанна Мосха, Лугъ духовный, гл. 192: κάνονες τοῦ μοναστηρίου, въ жизнеописаніи св. Саввы—τοῦ κοινοβιακοῦ κανόνος (Дюканжъ). Замѣчательно также, что въ западной церкви монашеская жизнь называется vita regularis.

Канонъ—епитимія.—Другое значеніе частнаго характера, усвоенное слову канонъ, составляетъ значеніе мѣры церковнаго наказанія—епитиміи. Въ такомъ значеніи канонъ нерѣдко употребляется въ церковныхъ правилахъ, напр., у Василія великаго пр. 83: „волхвующіе да подлежатъ правилу шестилѣтія" (ὑπὸ τὸν κανόνα τῆς ἑξαετίας); въ 54 пр. Трулльскаго собора назначается за незаконные браки въ близкихъ степеняхъ родства правило семилѣтія (ὑπὸ τὸν τῆς ἑπταετίας κανόνα), т. е. епитимія лишенія причащенія св. таинъ въ теченіе семи лѣтъ. Дюканжъ указываетъ и другія цитаты. Отсюда и сборникъ покаянныхъ правилъ, усвояемый Іоанну Постнику, иногда называется κανονικὸν Ἰωάννου μονάχου, напр., въ рукописяхъ, указываемыхъ Ламбеціемъ, и въ отвѣтахъ константинопольскаго патріарха Николая на вопросы аѳонскихъ монаховъ (отв. 11; см. Ралли, Синтагма IV, стр. 425).

Каноникъ. Выше (стлб. 268—271) мы уже замѣтили, что канонъ въ обычной жизни древнихъ грековъ значилъ между прочимъ, списокъ лицъ, принадлежащихъ къ извѣстному классу общества. Это значеніе было усвоено слову „канонъ" и въ церковной жизни. Здѣсь оно употреблялось въ значеніи списка лицъ служащихъ церкви, въ значеніи каталога клириковъ, состоявшихъ при епископской каѳедрѣ. Выраженіе правилъ—ὁ τοῦ κανόνος (Ант. 2. 11), или ὁ ἐν τῷ κανόνι ἐξεταζόμενος (Ник. 16. 17) равнялось выраженію: ὁ τοῦ καταλόγου τοῦ ἱερατικοῦ (Апост. 8. 17. 18), а это значило: состоящій въ спискѣ лицъ служащихъ церкви. Это выраженіе, также выраженіе κανονικός (Лаод. 15. Вас. в. пр. 6) было однозначуще съ выраженімъ — клирикъ (Ник. пр. 17). Названіе каноникъ для лицъ, служащихъ церкви при каѳедрѣ епископа, было усвоено и въ западной церкви, какъ эти видно изъ правилъ нѣкоторыхъ соборовъ—Арвернскаго 535 г. пр. 15, Турскаго 567 года пр. 12, изъ сочиненій Григорія турскаго (lib. X, с. 31, п. 16) и пр.

Тамъ оно удерживается и до сего времени, тогда какъ на Востокѣ оно вышло изъ употребленія. На Западѣ это названіе въ теченіе времени получило нѣкоторые особые оттѣнки въ своемъ значеніи въ связи съ постановленіями о жизни клириковъ. Извѣстно, что въ западной Церкви блаж. Августинъ ввелъ общежитія для клириковъ, находящихся при епископской каѳедрѣ, и обязалъ духовенство жить въ этихъ общежитіяхъ по правиламъ монашескимъ, безъ формальнаго произнесенія монашескихъ обѣтовъ. Этому примѣру стали подражать и другіе епископы, а впослѣдствіи нововведеніе Августина было поддержано соборными постановленіями и законами свѣтской власти. Посему „каноникамн" стали называться духовныя лица, ведущія каноническій образъ жизни, т. е. живущія въ общежитіи при епископской каѳедрѣ (см. „Каноническая жизнь"). Это можно видѣть изъ слѣдующихъ постановленій. Соборъ Верненскій 755 г. пр. 11 постановилъ: De illis hominibus, qui dicunt, quod se propter Deum tonsurassent, placuit, ut in monasterio sint sub ordine regulari, aut sub manu episcopi sub ordine canonico, т. е.: „относительно тѣхъ людей, которые, какъ они говорятъ о себѣ, приняли постриженіе ради Бога, угодно собору, чтобы они или находились въ монастырѣ въ чинѣ монашескомъ, или же подъ надзоромъ епископа по правиламъ жизни канонической". Также по закону Карла великаго 805 гл. 9: Ut omnes clerici unum de duobus eligant, aut pleniter secundum canonicam, aut secundum regularem institutionem vivere debeant; т. е.: „всѣ клирики должны выбрать одно изъ двухъ — или жизнь каноническую, или жизнь по правиламъ монашескимъ". Потому, когда X — XII в. общежитія клириковъ стали выходить во многихъ мѣстахъ изъ употребленія, явилось различіе канони-

ковъ регулярныхъ отъ мірскихъ (canonici regulares, живущіе по правиламъ общежитія, въ отличіе отъ тѣхъ, которые жили отдѣльно по себѣ — canonici saeculares). Впослѣдствіи времени это различіе уже потеряло силу въ виду необязательности для высшихъ членовъ епископскихъ капитуловъ вести жизнь въ общежитіяхъ. Только низшіе члены каѳедральнаго клира до поры продолжали жить въ общежитіи при каѳедрѣ епископа, подъ именемъ canonici domicellares. Различались еще каноники сверхштатные, опредѣляемые въ ожиданіи освобожденія штатнаго мѣста въ епископскомъ капитулѣ: они назывались exspectatarii. Такимъ образомъ канониками въ западной церкви назывались и называются члены епископскаго капитула. Нѣкоторые изъ нихъ несутъ особыя служенія по отправленію богослуженія и по управленію епархіею и поэтому носятъ особыя почетныя названія; рядовые же каноники остаются съ общимъ своимъ названіемъ. На такомъ положеніи остаются каноники и по законамъ, дѣйствующимъ у насъ въ Россіи (Уставъ иностр. испов. 1896 г., ст. 25. 135).

Проф. *И. Бердниковъ.*

Канониконъ (κανονικόν). Этимъ терминомъ назывались въ греко-восточной церкви разнаго рода вещественныя пожертвованія, добровольно приносимыя вѣрующими въ храмъ и домъ епископа подъ именемъ начатковъ. Въ Ветх. Завѣтѣ, какъ извѣстно, на содержаніе первосвященника и священниковъ, совершавшихъ богослуженія въ храмѣ, была назначена десятая часть десятины, которую должны были доставлять колѣну Левіину прочія колѣна народа израильскаго (Лев. **27**, 20—32. Числ. **18**, 21. 26. 28. 31). Кромѣ того въ пользу священниковъ поступали приносимые израильтянами къ алтарю начатки, т. е. первые плоды полей и садовъ, первыя порожденія домашняго скота (Числ. **18**, 12—17. Исх. **22**, 29), а также все, что приносилось къ алтарю по обѣту или по обычному порядку въ приношеніе хвалебное, въ приношеніе за грѣхи и въ жертву повинности (Числ. **18**, 9. 14. Лев. **5**, 7. **6**, 8. 34. **7**, 7). Въ Новомъ Завѣтѣ постановленія закона Моисеева о десятинѣ и о жертвенныхъ приношеніяхъ потеряли свое значеніе за отмѣною жертвоприношеній. Въ Новомъ Завѣтѣ умѣстны только добровольныя приношенія того, что нужно для совершенія евхаристіи и отправленія богослуженія и на содержаніе храма и служащаго въ немъ духовенства. И эти приношенія усердно дѣлались первенствующими христіанами. То, что было нужно для совершенія евхаристіи и богослуженія—хлѣбъ, вино, елей, ладанъ и пр.,—приносилось въ храмъ и отдавалось совершителямъ богослуженія. А то, что было нужно для содержанія храма и духовенства, доставлялось въ домъ епископа (прав. Апост. 3, 4; Карѳ. 46; Ѳеоф. 4; VI-го всел. соб. 28. 59. 99. Пост. Ап. II, 25; VIII, 30. 31). Въ числѣ послѣднихъ приношеній были и денежныя пожертвованія—какъ регулярныя, такъ и экстренныя (1 Кор. **16**, 1. 2. Тертулліана Apol. c. XXXIX. Дѣян. Ап. **2**, 45. **4**, 34—37. **5**, 1—4. **11**, 29. 30). Все, что приносилось христіанами въ церковь или въ домъ епископа, составляло въ своей совокупности одно цѣлое—церковное достояніе; оно находилось въ завѣдываніи и распоряженіи епископа. Оно употреблялось частію на украшеніе храма и устроеніе богослуженія, частію на пособіе нуждающимся членамъ церковной общины и частію на содержаніе духовенства.

Выдача денегъ и вещественныхъ предметовъ членамъ клира носила характеръ вспоможенія и производилась только нуждающимся (1 Кор. **9**. 15. Прав. Ап. 41. 59). Назначеніе вспоможенія духовнымъ лицамъ зависѣло отъ епископа (Прав. Ап. 41. 59. Пост. Ап. II, 25—27; VIII, 30. 31). Съ теченіемъ времени добровольныя пожертвованія, соотвѣтствовавшія ветхозавѣтнымъ начаткамъ, превратились въ обязательный сборъ духовенства съ прихожанъ необходимыхъ средствъ содержанія (Гангр. 7. 8. Злат. бесѣда 4 на Ефес., 34 бес. на Матѳея. Justiniani Cod. lib. 1, t. 7. III: de ep. et cler. 39). Когда явились (около V вѣка) приходскія церкви въ городахъ и селахъ подъ управленіемъ пресвитеровъ, причтъ такихъ церквей, естественно, сталъ пользоваться правами на содержаніе отъ прихожанъ, подобными тѣмъ, какія прежде безраздѣльно принадлежали епископу. Нà такъ какъ приходъ

сельскій и городской и послѣ пріобрѣтенія имъ извѣстной автономіи въ дѣлѣ совершенія богослуженія, таинствъ и требъ церковныхъ не пересталъ быть въ канонической зависимости отъ каѳедры епископа, то эта зависимость служила основаніемъ продолженія и финансовой связи между приходомъ и каѳедрой епископа. Эта финансовая связь выражалась въ двухъ правахъ каѳедры епископа—въ правѣ получать извѣстную пошлину со всякаго поставляющагося въ ту или другую степень клира и въ правѣ получать съ прихожанъ каждаго прихода извѣстный сборъ. Пошлина съ поставляемыхъ собиралась съ каждаго поставляемаго при поставленіи. Сборъ же съ прихожанъ собирался ежегодно и лежалъ на обязанности настоятеля прихода, который и обязанъ былъ доставить его въ архіерейскій домъ. Размѣръ того и другого сбора опредѣлялся обычаемъ. Церковныя правила не касаются ихъ. Свѣтскіе же византійскіе законы считали своимъ долгомъ урегулировать ихъ до извѣстной степени. Относительно пошлины съ поставляемыхъ есть постановленія уже въ законахъ Юстиніана. Они опредѣляютъ размѣръ пошлины соотвѣтственно доходности мѣста и степени поставляемаго (Nov. 123, cap. 3. 16). Затѣмъ во второй половинѣ XI вѣка закономъ Исаака Комнина снова подтверждено запрещеніе брать съ посвящаемыхъ что-нибудь сверхъ таксы, установленной обычаемъ. Эта такса обозначена въ самомъ законѣ, а именно: при поставленіи въ чтецы одна золотая монета, при посвященіи въ діаконы и священники по три золотыя монеты (Толков. Вальсамона на Номок. т. I, гл. 34). Потомъ эта такса также рекомендуется къ исполненію и патріаршими постановленіями—патр. Михаила и Николая Грамматика (Синтагма Ралли V, 60—61. Толков. Вальс. на 65 пр. Карѳ.). Подобнымъ обр. таксированъ былъ сборъ съ прихожанъ въ пользу епископа въ законѣ Исаака Комнина въ слѣд. видѣ: „повелѣваемъ епископу получать ежегодно—отъ селенія, имѣющаго 30 дымовъ, одну золотую монету, двѣ серебряныхъ, одного барана, шесть модіевъ ячменя, девять мѣръ вина, шесть модіевъ пшеничной муки и 30 куръ, отъ селенія, имѣющаго 20 дымовъ, — половину золотой монеты, одну серебряную монету, полбарана, четыре модія ячменя, шесть ведеръ вина, четыре модія пшеничной муки и 20 куръ, а съ того селенія, гдѣ десять дымовъ, брать пять серебряныхъ монетъ, одного ягненка, два модія ячменя, три ведра вина, два модія муки и девять куръ". Этотъ законъ былъ повторенъ въ одной изъ новеллъ Алексія Комнина. Эти законы рекомендовались къ исполненію и въ постановленіяхъ патріарховъ Михаила Керулларія и Николая Грамматика (Толков. Вальс. на Номок. т. 1, гл. 24.—Отв. 59 въ Синт. Ралли IV, 491—492). Этотъ сборъ съ прихожанъ въ пользу епископа и назывался κανονικόν, чѣмъ указывалось на то, что священникъ управляетъ приходомъ по порученію и въ зависимости отъ епископа и за обладаніе приходомъ обязанъ платить епископу оброкъ, собираемый съ прихожанъ. Пошлина же, взимавшаяся при поставленіяхъ, называлась τὰ συνήθεια, τὰ ὑπὲρ χειροτονίας διδόμενα—„обычная пошлина, даръ, приносимый за хиротонію" (Толков. Вальс. на Номок. т. 1, гл. 34: Толк. на 65 Карѳ.; его же отв. 59. Синт. М. Властаря буква X, гл. 28. Постан. Николая Грамматика въ Синт. Ралли, т. V, p. 60).

Проф. *И. Бердниковъ.*

Каноническая жизнь (vita canonica). Подъ этимъ терминомъ разумѣется образъ жизни лицъ, записанныхъ въ спискахъ служителей церкви. Клирики должны жить по общимъ правиламъ христіанской нравственной дисциплины,—только они обязываются исполнять ихъ съ бóльшею строгостію, чѣмъ простые вѣрующіе. Чѣмъ ближе къ временамъ апостольскимъ, тѣмъ менѣе различія въ поведеніи клириковъ съ жизнію мірянъ, а чѣмъ дальше отъ эпохи первоначальнаго христіанства, тѣмъ болѣе смягченія въ требованіяхъ нравственной дисциплины отъ мірянъ сравнительно съ клириками. Повышенныя дисциплинарныя требованія отъ клириковъ касаются, напр., посѣщенія богослуженія, почитанія праздниковъ, соблюденія постовъ, исполненія обязанности причащенія, семейной жизни, частныхъ житейскихъ занятій, участія въ общественныхъ дѣлахъ, участія въ удовольствіяхъ и пр. Въ западной церкви съ пя-

таго вѣка выраженіе „каноническая жизнь“ получила еще особое значеніе. Главнымъ отличіемъ канонической жизни стало считаться обязанность клириковъ, состоящихъ при епископской каѳедрѣ, жить вмѣстѣ въ общежитіи, устроенномъ при архіерейскомъ домѣ, на готовомъ содержаніи отъ этого дома (см. „Каноникъ“). Это общежитіе, конечно, исключало семейную жизнь. Поэтому клирики, хотя и не давали монашескихъ обѣтовъ, но жили по-монашески, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ епископа, замѣнявшаго для нихъ настоятеля монастыря. Это нововведеніе было вызвано распущенностію нравовъ духовенства и желаніемъ епископовъ ослабить или прекратить эту распущенность ближайшимъ наблюденіемъ надъ жизнію духовенства. Введеніе этого обычая общежитій усвояется блаж. Августину, епископу иппонскому. Около 715 года Хродогангъ, епископъ мецкій, составилъ особыя правила для общежитій клириковъ, обязывающія клириковъ вести простой и строгій образъ жизни. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ правилъ. „Пусть всѣ каноники спятъ въ одной спальнѣ, — каждый на особой кровати; пусть въ ограду общежитія не входитъ никто изъ мірскихъ, особенно женщина“ (гл. 3). „Пусть послѣ вечерняго богослуженія никто не ѣстъ, не пьетъ до окончанія утренняго богослуженія. Пусть всѣ хранятъ молчаніе, и никто не говоритъ съ другимъ, развѣ въ случаѣ необходимости, и притомъ тихимъ голосомъ“ (гл. 4). „Первый столъ епископа съ гостями и богомольцами. Второй съ пресвитерами. Третій съ діаконами. Четвертый съ иподіаконами. Пятый съ клириками прочихъ степеней. Шестой съ аввами или кого пришлетъ пріоръ. Въ седьмомъ утѣшаются тѣ, кто находится внѣ стѣнъ общежитія, въ городѣ: это бываетъ по днямъ воскреснымъ или въ большіе праздники. Трапеза должна идти въ должномъ порядкѣ, точно установленномъ“ (гл. 21). Въ гл. 22 росписаніе порцій пищи. Въ гл. 23 говорится о винѣ, кому сколько отпускается, съ прибавочнымъ замѣчаніемъ: „если случится, что вина окажется мало, и епископъ будетъ не въ состояніи доставить установленную пропорцію, то братья не должны роптать, а должны съ благодарностію Богу принять то, что имъ дали“. Каноники должны услужать одинъ другому; никто не можетъ отказываться отъ обязанности приготовленія пищи для братіи. По окончаніи недѣли братъ, отправлявшій обязанность повара, долженъ вымыть и вычистить кухонную посуду и сдать ее на руки хранителю кладовой въ цѣлости и въ опрятномъ видѣ (гл. 24) и пр. Каноническій образъ жизни каѳедральнаго духовенства въ указанномъ смыслѣ былъ утвержденъ законами Карла великаго, а соборомъ Аахенскимъ 817 года былъ сдѣланъ обязательнымъ для всего духовенства не только каѳедральнаго, но и состоящаго при другихъ церквахъ, если оно по количеству достаточно для устроенія общежитія. Однако же эти предписанія исполнялись во всей силѣ не особенно долгое время. Съ умноженіемъ матеріальныхъ средствъ архіерейскихъ домовъ, съ десятаго вѣка стали выдавать высшему каѳедральному духовенству содержаніе на руки и оно стало жить самостоятельно. При каѳедрѣ епископа въ общежитіи оставались каноники низшихъ степеней подъ именемъ canonici domicellares. Но и эти послѣдніе, конечно, желали уйти изъ общежитія и постепенно достигли своего желанія, также получивши право пользоваться отъ архіерейскаго дома извѣстными, нѣсколько меньшими пайками содержанія (praebendae minores). Въ настоящее время отъ прежнихъ общежитій каѳедральнаго духовенства въ западной церкви осталась только обязанность для него въ установленное время являться въ каѳедральный капитулъ для участія въ общемъ пѣніи, совершеніи положеннаго по уставу богослуженія и въ благочестивыхъ упражненіяхъ. На Ватиканскомъ соборѣ 1860 года выражено было желаніе опять заводить по епархіямъ общежитія для духовныхъ лицъ, не занимающихъ никакой должности, чтобы они вмѣстѣ жили, молились и предавались ученымъ занятіямъ. А гдѣ это неисполнимо, тамъ по крайней мѣрѣ должно быть вмѣнено упомянутымъ духовнымъ лицамъ въ непремѣнную обязанность ежедневно являться къ положенному богослуженію и проводить извѣстное время въ чтеніи духовныхъ книгъ и размышленіи по поводу прочитаннаго.

См. *Walten*, Lehrbuch des Kirchenrechts, Ausg. 14, Bonn. 1871, S. 332—337. *Vering*,

Lehrbuch des Kirchenrechts, Ausg. 2. 1881, S. 456. 570—573.

Проф. *И. Бердниковъ.*

Каноническое испытаніе (κανονικὴ ἐξέτασις, δοκιμασία). Клирики должны быть примѣромъ для мірянъ въ знаніи вѣры православной и исполненіи христіанскихъ обязанностей. Отсюда естественно возникаетъ необходимость,—при выборѣ кандидатовъ въ клиръ, въ особенности на высшія степени клира, — обращать вниманіе на качества вѣры и жизни кандидатовъ и употреблять соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы не допустить въ клиръ лицъ недостойныхъ. Это и называется каноническимъ испытаніемъ кандидатовъ священства (1 Тим. **3**, 10). Недостатки въ образѣ жизни кандидата священства могутъ быть только нежелательныя несовершенства, — они не заграждаютъ доступа въ священный санъ. Но бываютъ дефекты противъ вѣры и нравственности очень тяжкіе, не совмѣстимые съ ношеніемъ священнаго сана; они совершенно устраняютъ отъ священнаго сана, хотя бы открылись уже послѣ принятія сана (Ник. 9. 10). Отвѣтственность за выборъ въ священство лицъ недостойныхъ лежитъ главнымъ образомъ на органѣ церковной власти, которому принадлежатъ право посвященія (1Тим. **5**, 22). Ему же принадлежитъ право пріискивать средства къ предотвращенію поставленія лицъ недостойныхъ.

Какое же средство къ тому рекомендовали и употребляли Апостолы и послѣдующіе пастыри церкви? Свидѣтельство церковнаго общества. Апостолъ Павелъ внушалъ Тимоѳею принимать во вниманіе при оцѣнкѣ кандидатовъ церковнаго служенія даже свидѣтельство внѣшнихъ, т. е. не христіанъ. Но если, — говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, — будущій епископъ долженъ имѣть доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ, то тѣмъ болѣе такого свидѣтельства нужно спрашивать отъ своихъ братій. И дѣйствительно Апостолы при своихъ поставленіяхъ на церковное служеніе обращались за рекомендаціею достойнымъ кандидатовъ къ обществу вѣрующихъ (Дѣян. **1**, 15—18. **6**, 3—6. **16**, 1. 2). Также поступать заповѣдали Апостолы и своимъ преемникамъ на пастырскомъ служеніи, по свидѣтельству Климента римскаго (1 посл. къ Кор., гл. 44). И это соблюдалось во всѣхъ помѣстныхъ церквахъ до второй половины IV вѣка. По поводу низложенія съ каѳедры Аѳанасія александрійскаго императоромъ Констанціемъ и назначенія на его мѣсто Григорія, Юлій, епископъ римскій, писалъ императору: „гдѣ такой церковный канонъ, чтобы посылать на каѳедру человѣка, совершенно чужаго городу, не тутъ крещеннаго, неизвѣстнаго народу, непрошеннаго ни пресвитерами, ни епископами, ни гражданами?". Аѳанасій александрійскій писалъ въ своей апологіи (2) противъ правильности назначенія на его мѣсто Григорія: „Народъ не можетъ любить того, кого не хотѣлъ имѣть своимъ духовнымъ пастыремъ и не довѣритъ своихъ дѣтей тому, о комъ не знаетъ, какой онъ жизни, нравственности и вообще, что онъ за человѣкъ".

Во второй половинѣ четвертаго вѣка (Лаод. 13) право участія народа въ выборѣ кандидатовъ епископства было ограничено лучшими гражданами города. Эта норма была подтверждена и законами императора Юстиніана (Nov. 123, c. 1. Nov. 137, cap. 2). Еслибы кто-нибудь изъ гражданъ заявилъ противъ намѣченнаго большинствомъ голосовъ кандидата въ епископы обвиненіе въ какомъ-нибудь серьезномъ преступленіи, заграждающемъ доступъ къ священству, то церковная власть, которой принадлежитъ право посвященія, должна произвести строгое изслѣдованіе по поводу этого обвиненія, и если справедливость его не подтвердится, тогда уже совершать посвященіе. Если же церковная власть не обратитъ вниманія на предъявленное обвиненіе и совершитъ посвященіе безъ изслѣдованія его, то посвященіе должно считаться недѣйствительнымъ. Такъ по церковнымъ правиламъ (1 Тим. **3** 10. Ник. 9. 10. Карѳ. 61 по Книгѣ правилъ) и по гражданскимъ законамъ (Nom. t. 1, c. 8. 23). Вмѣшательство свѣтской власти въ выборы епископовъ въ періодъ иконоборства побудило представителей церковной власти устранить мірянъ отъ участія въ избирательныхъ собраніяхъ. „Нынѣ, — говоритъ Вальсамонъ въ толкованіи на Номоканомъ (tit. 1. cap. 23),—уже не въ обычаѣ, чтобы избраніе въ епископы совершалось клириками и первыми гражданами города; нынѣ архіереи

избираютъ архіереевъ наединѣ. Матѳей Властарь указываетъ и мотивъ такой практики въ томъ, что „противъ избираемыхъ могутъ быть высказываемы со стороны избирателей различныя обвиненія, которыхъ, во избѣжаніе соблазна, не должны слышать постороннія лица—міряне (Синтагма Ралли, т. VI, стр. 496).

Въ настоящее время въ греческой церкви, находящейся въ предѣлахъ турецкой имперіи, архіереи поставляются по мнѣнію и голосу синода митрополитовъ. Средствами, обезпечивающими выборъ достойнаго кандидата, признаются слѣдующія. Кандидатъ, для полученія правоспособности къ избранію въ архіерейство, долженъ представить письменное свидѣтельство о своемъ добромъ поведеніи изъ мѣстностей, въ которыхъ онъ жилъ ранѣе, чѣмъ занялъ извѣстное положеніе въ патріархіи или при какомъ-либо изъ архіереевъ.

Онъ долженъ быть извѣстенъ въ церкви своимъ вѣрнымъ служеніемъ въ качествѣ клирика при патріархіи или у кого-нибудь изъ архіереевъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти лѣтъ и имѣть достаточныя познанія въ церковныхъ дѣлахъ и нужную для управленія епархіею опытность. Можетъ считаться въ числѣ кандидатовъ архіерейства и тотъ, кто не проходилъ пятилѣтняго служенія при патріархѣ или у кого-нибудь изъ архіереевъ, но, при достаточномъ богословскомъ образованіи, извѣстенъ церкви и пользуется общимъ уваженіемъ за добродѣтель и ученость. Св. Синодъ патріархіи ведетъ списокъ кандидатовъ архіерейства, изъ котораго, въ случаѣ надобности, и избираетъ достойнаго для замѣщенія открывшейся вакансіи (Собр. уставовъ константиноп. патр. IV, п. 1. 3. 4). Но въ чинѣ посвященія упоминается и объ участіи въ поставленіи епископовъ клира и народа,—о первомъ въ самой формулѣ посвященія, о второмъ въ возглашеніи діакона: Повели! Повелите! и въ пѣніи клира ἄξιος, выражающемъ согласіе клира и народа съ избраніемъ собора епископовъ. (Проф. *А. А. Дмитріевскій*, Ставленникъ. Кіевъ 1904, стр. 250 — 251). Въ избраніи же константинопольскаго патріарха участвуютъ, — по дѣйствующей практикѣ,—міряне самымъ существеннымъ образомъ, такъ какъ въ избирательномъ собраніи мірянамъ принадлежитъ подавляющее большинство голосовъ (Собр. устав. кон. патр. Устав. о выб. патр. гл. 3). При вступленіи патріарха константинопольскаго въ должность произносится логоѳетомъ приглашеніе къ вступленію отъ лица „священнаго лика святыхъ архіереевъ, благоговѣйнаго клира вселенскаго престола и лучшихъ людей націи и всего православнаго народа богохранимыхъ епархій и царствующаго града“ (*Дмитріевскій*, Ставленникъ, стр. 182).

У насъ, со времени учрежденія Св. Синода, разсадникомъ кандидатовъ архіерейства служитъ заведенный Петромъ I институтъ ученаго монашества. Ученые монахи должны бы готовиться къ архіерейству учеными занятіями, прохожденіемъ должностей преподавателя, инспектора, смотрителя и ректора въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Аттестатъ объ окончаніи курса въ духовно-учебномъ заведеніи, послужной списокъ о службѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и рекомендація епархіальныхъ архіереевъ объ ихъ личныхъ качествахъ и служатъ рекомендаціею годности ихъ къ избранію и посвященію въ архіереи. Кандидаты въ архіереи намѣчаются въ засѣданіи Св. Синода по предложенію одного изъ членовъ онаго, а главн. обр. первоприсутствующаго въ Синодѣ. Въ чинѣ же посвященія въ архіереи и у насъ сохраняются слѣды участія клира и мірянъ въ избраніи епископовъ въ возглашеніяхъ діакона: Повели! Повелите! и въ пѣніи клира (и народа): ἄξιος вслѣдъ за возглашеніемъ посвящающаго.

Въ древности и при поставленіи священниковъ и діаконовъ требовалась рекомендація со стороны клира и народа. Кипріанъ карѳагенскій свидѣтельствуетъ о себѣ, что при поставленіи клириковъ онъ обыкновенно совѣтовался съ клиромъ и народомъ и общимъ голосомъ обсуждалъ нравы и заслуги каждаго (Твор. Кипр. въ рус. пер., Кіевъ 1860, стр. 110). Этотъ образъ дѣйствій былъ не личнымъ только обычаемъ Кипріана, а общимъ правиломъ въ карѳагенской церкви, какъ это видно изъ 22 пр. 4-го Карѳагенскаго собора. Блажен. Августинъ,—по свидѣтельству его жизнеописателя Поссидія,—при поставленіи священниковъ и діаконовъ также согласовался

съ мнѣніемъ клира и народа, считая этотъ обычай древнимъ преданіемъ церковнымъ. Это наблюдалось и въ практикѣ римской церкви, какъ свидѣтельствуетъ Сирицій. Блаж. Іеронимъ говоритъ, что пресвитеры и прочіе клирики должны быть выбираемы столько же народомъ, сколько и епископами. Въ 7 правилѣ Θеофила алекс. говорится: „весь соборъ священнослужителей да согласится и да изберетъ (рукополагаемаго), и тогда епископъ да испытаетъ, и съ согласія священства совершитъ рукоположеніе среди церкви въ присутствіи народа и при возглашеніи епископа, аще можетъ и народъ свидѣтельствовати о немъ“.

По правиламъ, дѣйствующимъ теперь въ константинопольскомъ патріархатѣ, никто не можетъ быть представленъ къ хиротоніи безъ письменной просьбы прихода. Когда въ приходѣ сдѣлается вакантнымъ мѣсто священника или діакона, избраннѣйшіе обитатели прихода вмѣстѣ съ клиромъ и эпитропами, собравшись вмѣстѣ, избираютъ кандидата изъ своихъ же сосѣдей, а—при недостаткѣ людей достойныхъ въ своемъ приходѣ—изъ жителей другого прихода и обращаются съ просьбою къ патріарху о посвященіи избраннаго кандидата. Кандидатъ священнаго сана 1) долженъ имѣть опредѣленныя въ правилахъ качества касательно возраста, тѣлеснаго цѣломудрія, безупречнаго поведенія и достаточнаго познанія въ религіозныхъ предметахъ; 2) долженъ представить удостовѣреніе о добромъ своемъ поведеніи отъ избраннѣйшихъ членовъ прихода, а также 3) представить также выпускное свидѣтельство духовной или свѣтской школы, при неимѣніи же послѣдняго, подвергается равносильнымъ испытаніямъ, главнымъ обр. въ священныхъ наукахъ. Ищущіе пресвитерскаго сана строжайшимъ образомъ испытываются въ знаніи науки о совершеніи богослуженія (Уставъ центр. патр. эпитропіи 1898 г., прилож.). Предъ посвященіемъ въ священники и діаконы кандидатъ долженъ представить удостовѣреніе отъ духовника о безпрепятственности къ принятію священнаго сана (κανονικὴ συμμαρτυρία). Въ удостовѣреніи духовникъ пишетъ, что онъ изслѣдовалъ глубины сердца исповѣдника и собралъ о немъ добрыя мнѣнія постороннихъ достовѣрныхъ людей, и на основаніи всего этого признаетъ его достойнымъ священства по чистотѣ жизни. Это удостовѣреніе подписывается—кромѣ духовника—и тѣми лицами, которыя дали о немъ благопріятныя показанія. Образчикъ удостовѣренія напечатанъ въ приложеніи къ Пидаліону. Въ чинѣ посвященія въ діаконы и священники также требуется согласіе и доброе свидѣтельство о посвящаемомъ и со стороны клира и народа пѣніемъ ἄξιος.

Въ древней русской церкви изысканіе достойныхъ кандидатовъ священства обезпечивалось съ одной стороны заботами прихожанъ, съ другой—справками епархіальнаго архіерея. Прихожане въ древней русской церкви пользовались правомъ выбора себѣ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ. О состоявшемся выборѣ прихожане составляли актъ и представляли его архіерею вмѣстѣ съ кандидатомъ. Въ актѣ прописывалось, что избранный кандидатъ грамотѣ умѣетъ, смиренъ, церковному правилу искусенъ, отъ божественныхъ книгъ сказателенъ, не пьяница, не зернщикъ, не татъ, не разбойникъ, не душегубецъ, женатъ первымъ бракомъ по закону, на дѣвкѣ, съ вѣнчаніемъ (Ак. Эксп. т. IV). Тѣ же самыя требованія указывались и въ правилахъ о приходскихъ выборахъ, изданныхъ въ 1722 году (Собр. Зак. т. IV, № 394). Съ отмѣною заручныхъ приходскихъ выборовъ въ 1797 году, прошенія объ опредѣленіи на церковныя мѣста велено было подавать за подписомъ однихъ только желающихъ поступить на нихъ, съ приложеніемъ одобреній отъ прихожанъ о честномъ ихъ поведеніи. Но и это одобреніе оказывалось въ XIX вѣкѣ большею частію не нужнымъ, такъ какъ для кончившихъ курсъ духовныхъ училищъ и семинарій лучшей рекомендаціею о степени образованія и о поведеніи стали служить школьные аттестаты.

Епископъ съ своей стороны долженъ былъ провѣрить рекомендацію прихожанъ объ избранномъ кандидатѣ. Въ древнее время русской исторіи эта провѣрка дѣлалась посредствомъ своего рода повальнаго обыска, въ которомъ спрашивали о поведеніи избраннаго кандидата его окольныхъ жителей, знавшихъ его изъ дѣтства, его собственнаго духовника и окрестныхъ свя-

щенниковъ (Правила Владимір. собора 1274 года). Въ архіерейскомъ Служебникѣ XVI вѣка (Син. № 680, стр. 89—99: см. Опис. рук. Син. биб. отд. III, ч. I, стр. 100—102) порядокъ удостовѣренія относительно нравственныхъ качествъ кандидатовъ священства представляется въ слѣд. видѣ. „Коли который діакъ похочетъ у священство, и пріидетъ благословитися къ святителю, святитель посылаетъ съ нимъ къ его дому на то установленнаго рядника и велитъ испытывати родуплемени его и сосѣдъ тамъ близъ сущихъ о немъ: добру ли родителю и законну, отца и матери, сынъ? Не имѣетъ ли на себѣ каковыя вещи, которыя возбраняютъ человѣку священство? Будетъ ли не тать, не душегубецъ, не разбойникъ?

Когда сущіи окрестъ его православніи крестьяне ничтоже таковаго отлученія нань возглаголютъ, тогда тотъ рядникъ святительскій, извѣщавши о немъ исправнѣ, о житіи пребыванія его, взимаетъ его съ собою, и поставляетъ предъ святителемъ, и повѣсть вся, яже о немъ испыталъ. Аще ли издалеча пришелъ будетъ хотяй ставитися, таковый приноситъ съ собою грамоты къ святителю отъ своихъ ужикъ и сосѣдъ поручальныя, есть ли онъ добру родителю и закону сынъ, и таковое вещи на себѣ не имать, для которыхъ бы онъ не достоинъ былъ священства. И коли будетъ достоинъ священства, святитель, благословивъ его, повелѣваетъ готовитися къ совершенію". Въ юго-западной церкви испытаніе благонадежности ставленика производилось двумя лицами—относительно грамотности и знанія церковнаго устава урядникомъ, къ тому приставленнымъ, относительно нравственности—духовникомъ, и на свидѣтельствѣ и п ручительствѣ ихъ святитель основывался при поставленіи во священствѣ. И замѣчательно, что святитель не удовлетворялся письменнымъ удостовѣреніемъ объ отсутствіи нравственныхъ препятствій къ посвященію извѣстнаго кандидата, а требовалъ еще публичнаго заявленія съ его стороны объ этомъ предъ актомъ посвященія. „И во время божественныя службы, прежде начатія литургіи, святитель ставъ на своемъ мѣстѣ во всемъ своемъ сану, и приводимъ бываетъ предъ него ставитися хотяй, и святитель речетъ духовному его отцу трижды: достоинъ ли священству? А тотъ духовникъ молвитъ предъ святителемъ: владыко святый, по его исповѣди, достоинъ священству. И святитель речетъ: по слюбу и по порученію твоему, отца его духовнаго, совершаемъ его у священство. На то свидѣтели тые священницы, которые тогда служатъ. И писарь святительскій имаетъ тое у реистръ написати" (проф. *А. С. Павловъ*, Памятн. кан. права, стр. 899—908).

Порядокъ удостовѣренія епархіальнаго архіерея въ безпрепятственности посвященія въ священный санъ извѣстнаго просителя, соблюдавшійся въ кіевской митрополіи, былъ переходомъ къ канцелярской формѣ удостовѣренія, вошедшей въ употребленіе впослѣдствіи, извѣстной подъ именемъ ставленническаго допроса. Въ ставленническомъ допросѣ отбиралось отъ ставленника показаніе о всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни, а именно: когда и гдѣ онъ родился, кто были его родные, сколько ему лѣтъ, гдѣ онъ учился, на комъ женатъ, не имѣетъ ли слабости или болѣзни, несовмѣстной съ священнымъ саномъ, не былъ ли подъ судомъ, не обязанъ ли воинской повинностію, не записанъ ли въ подушный окладъ или въ какую общественную и частную службу, былъ ли у вѣрноподданнической присяги? и пр. Къ концу допроса ставленникъ удостовѣрялъ, что онъ давалъ свои показанія по сущей правдѣ и что въ случаѣ, если бы онъ былъ уличенъ во лжи, то готовъ подвергнуться суду и наказанію по всей строгости церковныхъ правилъ и государственныхъ законовъ за лжесвидѣтельство. Тѣмъ не менѣе его показанія провѣрялись, насколько было возможно это сдѣлать канцелярскимъ путемъ: напр., объ образованіи требовались свѣдѣнія отъ начальника духовныхъ училищъ, семинаріи и академіи, о несудимости дѣлались справки въ дѣлахъ духовныхъ правленій и консисторій, о прежней службѣ у тѣхъ лицъ или заведеній, гдѣ служилъ ставленникъ, о родителяхъ, о лѣтахъ справлялись по клировымъ вѣдомостямъ и исповѣднымъ росписямъ и пр. Вмѣстѣ съ показаніемъ объ обстоятельствахъ своей жизни ставленникъ на допросѣ давалъ письменное обязательство вести трезвую и благоприличную жизнь

и избѣгать разныхъ недостатковъ, напр., обязывался имѣть и носить приличную духовному сану одежду, сапоги (а не лапти), обязывался доносить епархіальному начальству о раскольникахъ, выучить ставленную грамоту и пр. Эти обязательства были въ разное время различны (*Розановъ*, Исторія московскаго епархіальнаго управленія, ч. 1, стр. 65—66; ч. 2, кн. 1, стр. 102—106; кн. 2, стр. 133 — 143; ч. 3, кн. 1, стр. 51 — 54; кн. 2, стр. 151 — 154).

Ставленническій допросъ употребляется и въ дѣйствующей практикѣ русской церкви съ прежнимъ значеніемъ, но съ тѣмъ различіемъ, что нынѣ показанія ставленника можно легче провѣрить по тѣмъ документамъ, которые прилагаются къ прошенію объ опредѣленіи на мѣсто церковное. Канцелярское дѣлопроизводство при посвященіи въ діакона и священника состоитъ въ слѣд. Ищущій мѣста діакона подаетъ епархіальному архіерею прошеніе съ точнымъ обозначеніемъ города и села и церкви, при которой онъ желаетъ получить мѣсто, присовокупляя къ просьбѣ и мотивы, если таковые имѣются. Къ прошенію прилагаются: 1) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, 2) свидѣтельство объ окончаніи курса духовной семинаріи или какого-нибудь другого средняго или низшаго учебнаго заведенія, 3) метрическое свидѣтельство о бракѣ, съ точнымъ указаніемъ, что оба супруга вступили въ первый законный бракъ, 4) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности. Лица не духовнаго происхожденія— крестьяне, мѣщане, купцы — прилагаютъ къ прошенію, кромѣ упомянутыхъ документовъ, еще увольнительное свидѣтельство отъ того сословія, къ которому принадлежитъ проситель. Если проситель состоитъ на службѣ гражданской, то онъ долженъ представить удостовѣреніе отъ своего начальства объ исправности по службѣ и о своемъ поведеніи, а также о дозволеніи вступить въ духовный санъ. Епархіальный архіерей испрашиваетъ надлежащія справки изъ консисторіи и посылаетъ просителя на испытаніе. Экзаменъ поручатся нарочитому лицу или особой коммиссіи при духовной семинаріи, какъ это ведется въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, и производится по программамъ, утвержденнымъ епархіальнымъ архіереемъ. Консисторія, получивъ отъ экзаменатора свѣдѣнія объ удовлетворительности отвѣтовъ ставленника, наводитъ справки о штатѣ той церкви, къ которой просится ставленникъ, и о средствахъ содержанія причта этой церкви и дѣлаетъ соотвѣтствующее представленіе архіерею. Архіерей налагаетъ резолюцію о предоставленіи мѣста просителю, а консисторія вызываетъ просителя къ ставленническому допросу. Содержаніе этого допроса по существу то же самое, что и прежде. Къ концу его прибавлено много обязательствъ для ставленника относительно трезвенной, добропорядочной жизни, рачительнаго исполненія обязанностей службы, безпрекословнаго послушанія распоряженіямъ епархіальнаго начальства, непритязательности къ прихожанамъ по поводу вознагражденія за требоисправленія и пр. Кромѣ того, ставленникъ даетъ при допросѣ еще слѣд. подписку: „Я, нижеподписавшійся, соблюдая свято и ненарушимо данную мною присягу на вѣрность подданства Его Императорскому Величеству, нынѣ, при вступленіи въ должность діакона, обязуюсь проходить сію должность согласно съ церковными правилами, уставами, предписаніями и наставленіями начальства, въ совершенномъ ему послушаніи, и вести себя благоговѣйно, честно, воздержно и некорыстолюбиво, въ увѣренности, что проступки служителя церкви, причиняя болѣе соблазна въ обществѣ, нежели проступки мірянина, по справедливости подлежатъ болѣе строгому взысканію“. Подпись ставленника: „къ сей подпискѣ руку приложилъ и присягу принялъ такой-то“. На этой же подпискѣ пишется удостовѣреніе духовника, что ставленникъ „къ присягѣ приведенъ и исповѣданъ, при чемъ, по исповѣди, никакихъ препятствій къ рукоположенію его во діакона не оказалось“. Подобнымъ же образомъ производится ставленническій допросъ кандидату во священники,—съ тѣмъ добавленіемъ, что отъ ставленника во священники отбирается еще особая подписка въ томъ, что онъ, на основаніи указа Св. Синода 8 марта 1861 г., непремѣнно будетъ имѣть въ своей или церковной библіотекѣ указанныя въ указѣ, а также и другія необходимыя для приходскаго священника отеческія творенія, вѣро-

учительныя и нравоучительныя сочиненія, и книги руководственныя по церковному управленію и исполненію пастырскихъ обязанностей. А послѣ исповѣди ставленникъ во священника произноситъ „клятвенное обѣщаніе“, которое и подписываетъ собственноручно (*Дмитріевскій*, Ставленникъ, стр. 38—44. 73—84). Въ ставленной грамотѣ діакону и священнику говорится отъ лица епископа: „сего мужа, имя рекъ, всякимъ первѣе опаснымъ истязаніемъ прилежно испытавше и достовѣрными свидѣтельствами о немъ увѣрившеся, къ симъ же вящше извѣстившеся по исповѣди его ко отцу его духовному, имя рекъ, судихомъ достойна быти святаго сана іеродіаконскаго или іерейскаго“ (тамъ же, стр. 336. 339). Въ чинѣ посвященія также требуется отъ клира и народа выраженіе согласія съ состоявшимся назначеніемъ діакона или священника въ пѣніи—ἄξιος.

Проф. *И. Бердниковъ*.

Каноническое посланіе (ἐπισολή κανονική). Каноническими посланіями называются посланія уважаемыхъ пастырей древней церкви, какія они писали другимъ пастырямъ въ отвѣтъ на ихъ вопросы каноническаго содержанія и значенія съ изложеніемъ своихъ мнѣній, или же начальственныя разъясненія недоумѣнныхъ вопросовъ, адресованныя къ подчиненнымъ епископамъ, клирикамъ и монахамъ. Сами по себѣ, по своему первоначальному происхожденію и значенію, посланія пастырей имѣли мѣстное и временное значеніе. Но—во вниманіе къ авторитету знаменитыхъ пастырей—ихъ мнѣнія и распоряженія по вопросамъ пастырской практики принимались къ руководству и въ другихъ епархіяхъ и помѣстныхъ церквахъ и получали такимъ обр. значеніе памятниковъ, содержащихъ общепризнанныя каноническія нормы. На этотъ характеръ и значеніе ихъ и указываетъ присвоенное имъ названіе каноническихъ.

Въ качествѣ общепризнанныхъ руководственныхъ распоряженій по вопросамъ пастырской практики каноническія посланія древнихъ пастырей стали вноситься и въ сборники церковнаго права, употребительные на практикѣ:—въ Номоканонъ Іоанна Схоластика и въ Номоканонъ XIV титуловъ. На Трулльскомъ соборѣ (пр. 2) каноническія посланія были признаны источникомъ церковнаго права наравнѣ съ правилами соборовъ. Въ сборникахъ правилъ каноническія посланія являются раздѣленными на правила и называются правилами (Трул. 2).

На Трулльскомъ соборѣ признаны и утверждены въ качествѣ источниковъ церковнаго права посланія и правила слѣд. двѣнадцати отцовъ церкви: Діонисія архіепископа александрійскаго, Петра александр., Григорія неокесарійскаго, Аѳанасія алек., Василія архіепископа Кесаріи каппадокійскія, Григорія нисскаго, Григорія Богослова, Амфилохія иконійскаго, Тимофея александр., Ѳеофила александр., Кирилла александр. Къ нимъ присоединено впослѣдствіи посланіе Тарасія патріарха константинопольскаго къ папѣ римскому Адріану 787 г.

Обычай пастырей посылать оффиціальныя посланія по дѣламъ церковнымъ не прекратился послѣ времени вселенскихъ соборовъ, но существуетъ и доселѣ. Только эти посланія не называются каноническими, а носятъ названіе окружныхъ посланій (напр., нѣкоторыя посланія константинопольскаго патріарха), а всего чаще называются просто грамотами или посланіями. Въ примѣръ можно указать на посланіе Никифора Исповѣдника, патріарха константинопольскаго, которое съ раздѣленіемъ на правила помѣщалось въ средневѣковыхъ сборникахъ церковныхъ правилъ въ качествѣ руководственной статьи (Синт. Ралли, т. IV, 431). Древніе русскіе митрополиты не рѣдко писали посланія въ Новгородъ, Псковъ и въ другія мѣста русской церкви. Извѣстны, напр., посланія митрополитовъ: Кипріана, Фотія, Іоны и др. И константинопольскіе патріархи также не рѣдко обращались съ своими грамотами и посланіями къ русскимъ митрополитамъ и князьямъ по вопросамъ, возникавшимъ въ русской церкви. Онѣ напечатаны въ изданіи † проф. *А. С. Павлова*, Памятники древне-русскаго каноническаго права, Спб. 1880. Эти посланія и грамоты имѣютъ значеніе памятниковъ церковнаго права временнаго и мѣстнаго характера. Поэтому они и не называются каноническими.

Посланія римскихъ епископовъ сначала имѣли то же значеніе на Западѣ, какое было усвоено практикою, а потомъ и зако-

нодательствомъ каноническимъ посланіямъ уважаемыхъ отцовъ церкви. Съ конца пятаго вѣка они стали вноситься въ западные сборники церковныхъ правилъ, напр., Діонисія малаго, Исидора севильскаго, подъ именемъ epistolae decretales. А въ средніе вѣка папскіе декреты получили преобладающее значеніе въ исторіи развитія церковнаго законодательства на Западѣ, параллельно развитію папскаго всевластія.

Каноническіе отвѣты (ἀπόκρισεις κανονικαί). Каноническіе отвѣты можно считать однимъ изъ видовъ каноническихъ посланій; они сходны съ послѣдними по своему значенію и содержанію, только отличаются нѣсколько внѣшнею формой изложенія—въ вопросахъ и отвѣтахъ. Нѣкоторые изъ каноническихъ отвѣтовъ, именно отвѣты Тимоѳея епископа александрійскаго, наряду и въ числѣ каноническихъ посланій, приняты къ руководству во 2 пр. Трулльскаго собора. Въ средневѣковыхъ сборникахъ церковныхъ правилъ встрѣчаются каноническіе отвѣты болѣе поздняго происхожденія. Въ примѣръ можно указать отвѣты константинопольскаго патріаршаго синода при патр. Николаѣ Грамматикѣ на вопросы монаховъ (Синт. Ралли, т. IV), отвѣты Вальсамона на вопросы Марка, патріарха александрійскаго (тамъ же), отвѣты хартофилакса Петра, отвѣты Иліи критскаго на вопросы монаха Діонисія, отвѣты Никиты солунскаго, Іоанна китрскаго отвѣты на вопросы Кавасилы, отвѣты Димитрія Хоматина, отвѣты Никиты ираклійскаго и пр. (Синт. Ралли, т. V). Изъ памятниковъ древней русской церкви извѣстны каноническіе отвѣты митрополита Іоанна II († проф. *С. Павловъ*, Памят. др. кан. права, стр. 1—20). Средневѣковые каноническіе отвѣты, происшедшіе послѣ вселенскихъ соборовъ и не принятые въ составъ Номоканона, служатъ памятниками каноническаго права историческаго характера.

Кромѣ того, въ средневѣковыхъ сборникахъ церковныхъ правилъ восточной церкви встрѣчается еще много отвѣтовъ, мнѣній и разсужденій о разныхъ каноническихъ вопросахъ, возбуждавшихъ недоумѣніе на практикѣ, отвѣтовъ, составленныхъ не въ качествѣ начальственныхъ разъясненій, а въ смыслѣ разсужденій и изслѣдованій доброхотныхъ, предлагаемыхъ на общую пользу по чувству ученой любознательности. Многіе изъ нихъ напечатаны въ Синтагмѣ Ралли, т. IV и V. Такіе отвѣты и мнѣнія хотя и имѣли руководственное значеніе на практикѣ, но по своему внутреннему характеру должны быть отнесены скорѣе къ ученымъ трудамъ, чѣмъ къ памятникамъ церковнаго законодательства.

Проф. *И. Бердниковъ*.

Каноническое право. Подъ этимъ терминомъ разумѣется совокупность церковноправовыхъ нормъ, которыя содержатся въ правилахъ древней вселенской церкви:—правилахъ апостольскихъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ.

Каноническое право, по характеру нормъ въ немъ содержащихся, отличается прежде всего отъ нормъ государственнаго законодательства—jus civile, такъ какъ его нормы установлены властію церковною. Потомъ каноническое право имѣетъ свои отличительные признаки и по сравненію съ правомъ церковнымъ. Каноническое право по объему своихъ источниковъ уже церковнаго права, которое обнимаетъ собою не только правила древней вселенской церкви, но и нормы позднѣйшаго происхожденія до нормъ дѣйствующаго права включительно.

Понятіе о каноническомъ правѣ, принятое въ западной церкви, значительно разнится отъ изложеннаго выше пониманія нашей православной церкви. Въ западной церкви подъ каноническимъ правомъ разумѣются нормы, содержащіяся въ средневѣковомъ сборникѣ церковнаго права—Corpus juris canonici. А въ этомъ сборникѣ содержатся не одни правила древней вселенской церкви, но и папскіе декреты, отрывки изъ римскаго права, законы франкскихъ королей, изреченія отцовъ церкви, выдержки изъ историческихъ сочиненій, вообще матеріалъ очень разнообразный по своему достоинству. Правила древней церкви въ Corpus juris canonici стушевываются предъ папскими постановленіями и другими нормами средневѣковаго происхожденія. Церковные порядки, рекомендуемые въ этомъ сборникѣ, уже значительно отступаютъ отъ нормъ, содержащихся въ правилахъ древней вселенской церкви. Кромѣ этого, нормы, содержащіяся въ католическомъ Corpus

juris, canonici касаются не однихъ церковныхъ отношеній, какъ правила древней церкви, но и отношеній гражданскихъ, въ виду широкаго участія церковной власти на Западѣ въ дѣлахъ гражданскаго общежитія.

Каноника (*τὰ κανονικά*). Такъ называется наука, излагающая въ систематическомъ видѣ нормы, содержащіяся въ древнихъ церковныхъ правилахъ и дающія руководство къ правильному и основательному пониманію ихъ. Другое названіе этой науки, соотвѣтствующее первому, — это „каноническое право". Послѣднее названіе носила эта наука при первоначальномъ введеніи преподаванія ея въ нашихъ Духовныхъ Академіяхъ. Тѣмъ и другимъ названіемъ дается понять, что главнымъ содержаніемъ указанной науки должны служить правила древней вселенской церкви. И исторія преподаванія этой науки въ нашихъ Духовныхъ Академіяхъ показываетъ, что первоначально преподаваніе ея состояло именно въ практическомъ, а потомъ систематическомъ ознакомленіи съ правилами древней церкви. Но практическій характеръ этой науки скоро направилъ ея вниманіе къ дѣйствующимъ постановленіямъ мѣстно-русской церковной и свѣтской власти и поставилъ для нея задачею привести эти мѣстныя постановленія въ одно стройное систематическое построеніе вмѣстѣ съ правилами древней вселенской церкви. Въ этомъ построеніи правила древней церкви должны занять положеніе фундамента, а позднѣйшія и дѣйствующія постановленія—значеніе дальнѣйшихъ частей его.

Три такомъ составѣ содержанія разсматриваемой науки, первоначальное названіе ея каноническимъ правомъ оказывалось уже не точнымъ. И вотъ явилось другое названіе ея болѣе общаго характера—„церковное законовѣдѣніе" (въ Запискахъ по церковному законовѣдѣнію протоіерея *Скворцова*, Кіевъ 1857, изд. 2-е, и въ Курсѣ церковнаго законовѣдѣнія архим. Іоанна, Спб. 1851), — болѣе соотвѣтствующее матеріалу, который она обрабатываетъ и построяетъ въ систему. При дальнѣйшихъ успѣхахъ въ болѣе тщательной обработкѣ и систематизаціи матеріала разсматриваемая наука получила названіе „церковнаго права", которое можно считать окончательно утраченнымъ за нею [хотя даже въ уставѣ Духовныхъ Академій 1884 г. замѣчается двойственность, поскольку въ § 100 п. 7 упоминается въ ряду академическихъ наукъ „церковное право", а въ § 141 говорится о докторахъ „каноническаго права"].

Система науки церковнаго права раздѣляется на двѣ части:—внутреннее церковное право и внѣшнее церковное право. Первая часть, послѣ предварительныхъ понятій о церковномъ правѣ и его источникахъ, сообщаетъ объ устройствѣ церкви, какъ особаго общественнаго союза и о полномочіяхъ церковной власти. Во второй говорится объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ въ исторіи и по дѣйствующему праву и объ имущественныхъ средствахъ Церкви, во многомъ зависящихъ отъ государства. Вопросы, входящіе въ первую часть церковнаго права, имѣютъ тѣсное соприкосновеніе съ богословіемъ. Поэтому естественно, что и церковное право издавна считалось и считается въ составѣ богословскихъ наукъ. Здѣсь оно относится къ отдѣлу практическаго богословія, а по отношенію къ богословію теоретическому,—по выраженію московскаго митрополита Филарета,—оно отстоитъ дальше всѣхъ другихъ богословскихъ наукъ. Тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, оказывается, что и съ теоретическимъ богословіемъ церковное право имѣетъ тѣсную органическую связь.

Тѣсная связь церковнаго права съ догматикою обнаруживается въ томъ, что въ той и другой наукѣ говорится о церкви, ея происхожденіи, задачахъ, средствахъ, организаціи. Только въ каждой изъ этихъ наукъ указанные вопросы разсматриваются съ разныхъ сторонъ: — въ догматикѣ со стороны духовной, въ церковномъ правѣ со стороны внѣшней организаціи, юридическихъ отношеній. Догматика выясняетъ внутреннюю, духовную природу церкви, ея назначеніе, средства; церковное право занимается внѣшнею организаціей церкви, какъ общественнаго союза, ея устройствомъ, дисциплиной, ея отношеніемъ къ государству. Церковная іерархія разсматривается въ догматикѣ, какъ богоучрежденный проводникъ благодати въ церкви; въ церковномъ же правѣ она разсматривается, какъ церковное пра-

вительство. Таинства церковныя разсматриваются въ догматикѣ, какъ средства благодатнаго освященія, а въ церковномъ правѣ они имѣютъ значеніе по тѣмъ правовымъ послѣдствіямъ, которыя влекутъ за собою для принимающихъ ихъ. Такъ, крещеніе и мνропомазаніе имѣютъ значеніе въ области церковнаго права съ той стороны, что отверзаютъ дверь въ церковь; причащеніе св. таинъ разсматривается, какъ средство церковнаго общенія; покаяніе,—какъ средство, поддерживающее общеніе грѣшника съ церковію; таинство священства,—какъ законный способъ поставленія на священное служеніе въ церкви; браковѣнчаніе—какъ средство къ проведенію церковной дисциплины въ жизнь семейную и пр. При этомъ нужно замѣтить, что догматическое ученіе о церкви, объ устройствѣ іерархіи церковной, о пастырскихъ полномочіяхъ, о формѣ совершенія таинствъ и ихъ спасительномъ дѣйствіи, какъ составляющее содержаніе нашей вѣры, не можетъ подлежать пересмотру или критикѣ въ церковномъ правѣ. Отсюда особенности того или другого исповѣданія христіанской вѣры необходимо отражаются и въ основныхъ началахъ церковнаго права того исповѣданія.—Въ подобномъ же отношеніи находится церковное право и къ наукѣ о нравственности. Нравственное богословіе изображаетъ идеалъ христіанской нравственности, къ осуществленію котораго должны стремиться всѣ христіане, желающіе удостоиться въ будущей жизни блаженства съ праведными. Въ церковномъ правѣ предъявляются членамъ церкви извѣстныя требованія, какъ обязательныя правила жизни, подъ угрозою за неисполненіе ихъ церковнаго суда и наказанія. Требованія эти по степени строгости не одинаковы для разныхъ классовъ членовъ церкви. Исторія показываетъ, что они могутъ быть и ослабляемы въ церковной дисциплинѣ сравнительно съ первыми временами христіанства въ виду слабости силъ человѣческихъ. Но требованія церковной дисциплины по своему характеру никогда, при всей снисходительности, не могутъ противорѣчить идеалу христіанской нравственности.—Совершеніе таинствъ церковныхъ и все вообще богослуженіе имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ церковно-правовыми отношеніями. Поэтому богослужебные чины, въ особенности чины совершенія таинствъ церковныхъ, служатъ выраженіемъ церковно-правовыхъ нормъ. Отсюда исторія богослужебныхъ чинопослѣдованій содержитъ въ себѣ очень много важныхъ для исторіи церковныхъ институтовъ, напр., покаяннаго института, брачнаго института и др. Потому же памятники, содержащіе въ себѣ указанія на порядокъ отправленія христіанскаго богослуженія, тѣ же самыя чинопослѣдованія богослужебныя, служатъ вмѣстѣ и памятниками познанія церковно-правовыхъ нормъ.—церковное право соприкасается, наконецъ, и съ церковною исторіей. Формы церковнаго управленія, церковнаго суда, правила церковной дисциплины, не имѣющія тѣсной связи съ догматическимъ ученіемъ, допускаютъ измѣненія, сообразно историческимъ обстоятельствамъ мѣста и времени. И исторія показываетъ, что многіе изъ церковныхъ институтовъ испытали въ теченіе вѣковъ важныя измѣненія въ своей внѣшней организаціи. Это обстоятельство обязываетъ канониста—для правильнаго освѣщенія настоящей организаціи церковнаго общества и состоянія церковной дисциплины—обращаться къ помощи историческаго метода изложенія матеріала. Но, обращаясь къ содѣйствію фактовъ церковной исторіи, канонистъ воздерживается отъ того, чтобы вторгаться въ чужую область. Онъ преслѣдуетъ свою задачу при помощи историческаго матеріала; онъ слѣдитъ исторически развитіе церковныхъ институтовъ, напр., церковнаго суда, брачнаго института, покаянной дисциплины и т. д. съ цѣлію выяснить истинную природу того или другого института, остающуюся неизмѣнною среди смѣны историческихъ его формъ. Историкъ же имѣетъ въ виду изобразить бытъ церковнаго общества въ то или другое время, въ томъ или другомъ мѣстѣ, со всѣми его хорошими и слабыми сторонами. Поэтому, если онъ касается тѣхъ же церковныхъ институтовъ, которыми занимается, съ своей точки зрѣнія церковное право, напр., покаянной дисциплины, то изображаетъ ихъ въ связи съ общею картиной церковной жизни извѣстнаго времени и въ тѣхъ особенностяхъ, съ какими они являются въ описываемое время.

Но церковное право излагаетъ не однѣ нормы, регулирующія внутренній строй жизни

церкви, какъ общества, но и государственные законы, опредѣляющіе ея внѣшнее правовое положеніе. А эти законы, благодаря взаимному довѣрію, установившемуся между церковію и государствомъ въ византійской имперіи со времени христіанскихъ императоровъ, предоставляли церкви значительное вліяніе и на дѣла общественно-государственнаго характера. Такое вліятельное положеніе церкви въ государствѣ продолжалось въ византійской имперіи до паденія ея и по преемству усвоено русскимъ государствомъ, а на Западѣ въ средніе вѣка перешло въ господство церкви надъ государствомъ. Это положеніе обязывало и свѣтскаго юриста изучать нормы церковнаго права, и не только тѣ, которыя произошли путемъ государственнаго законодательства, но и нормы, регулирующія внутреннюю жизнь церкви, такъ какъ первыя были бы мало понятны безъ сравнительнаго изученія съ первыми. И опытъ показываетъ, что дѣйствительно издавна, съ византійскаго періода, образованные юристы занимались изученіемъ церковнаго права и принимали участіе въ разработкѣ его составленіемъ практическихъ сборниковъ и толкованій на правила и законы по дѣламъ церковнымъ. Точно такъ же и на Западѣ изученіе церковнаго права составляло необходимую составную часть курса въ юридическихъ школахъ, и образованнымъ юристомъ считался тотъ, кто былъ doctor juris utriusque, т. е. римскаго и каноническаго права, по причинѣ тѣсной историко-культурной связи между ними у западныхъ народовъ. Въ виду того, что указанное выше вліятельное положеніе церкви въ государствѣ имѣетъ силу и доселѣ, особенно, у насъ въ Россіи, было далеко не лишнимъ дѣломъ введеніе преподаванія церковнаго права на юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ.

Для юриста, конечно, имѣетъ важность по преимуществу изученіе т. наз. внѣшняго церковнаго права, т. е. законовъ, опредѣляющихъ правовое положеніе церкви и другихъ религіозныхъ обществъ въ государствѣ. Но нельзя считать не важнымъ и ознакомленіе съ нормами, регулирующими внутреннюю жизнь церкви, такъ какъ безъ этого у юриста не было бы надлежащаго критерія для оцѣнки характера и достоинства дѣйствующихъ вѣроисповѣдныхъ законовъ государства. Въ судебной практикѣ встрѣчаются, напр., дѣла о преступленіяхъ раскольниковъ, сектантовъ, о религіозныхъ преступленіяхъ вообще. Въ этихъ дѣлахъ, конечно, весьма важно для образованнаго юриста знать не только государственную, но и церковную точку зрѣнія. Еще болѣе необходимо основательное знакомство съ церковнымъ правомъ при проектированіи законовъ о вѣротерпимости, о брачномъ разводѣ, о бракоразводномъ процессѣ и т. п., если желаютъ, чтобы эти законы не были насиліемъ для религіозной совѣсти народа.

Изъ юридическихъ наукъ всего болѣе точекъ соприкосновенія у церковнаго права съ правомъ государственнымъ. Это понятно само собою, въ виду того положенія, какое занимаетъ церковь въ государствѣ. Затѣмъ, оно соприкасается во многихъ отношеніяхъ съ правомъ гражданскимъ (по брачному институту и по имущественнымъ отношеніямъ церковныхъ установленій), съ полицейскимъ правомъ (по вопросу о содѣйствіи свѣтской администраціи сохраненію церковнаго благочинія во время отправленія богослуженія и предупрежденію религіозныхъ преступленій, по вопросу о погребеніи и пр.), съ уголовнымъ правомъ и судопроизводствомъ (по вопросу о наказаніи за дѣянія, оскорбляющія религіозное чувство, и о судопроизводствѣ надъ духовными лицами по дѣламъ уголовнымъ и пр.), съ гражданскимъ судопроизводствомъ (по дѣламъ брачнымъ) и пр. Кромѣ того, весьма важное значеніе имѣетъ изученіе церковнаго права для историка русскаго права, въ виду огромнаго вліянія, какое имѣли въ первоначальное время нашей русской исторіи нормы церковно-византійскаго права на развитіе нормъ государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права.

Въ древнее время изученіе церковнаго права состояло въ практическомъ ознакомленіи съ источниками его. Для облегченія этого изученія составлялись сборники церковныхъ правилъ и государственныхъ постановленій по церковнымъ дѣламъ, въ которыхъ матеріалъ былъ изложенъ по сходству содержанія и подведенъ подъ извѣстныя рубрики. Позднѣе накопленіе новаго законодательнаго матеріала потребовало отъ

образованныхъ юристовъ новой работы по приведенію въ ясность источниковъ дѣйствующаго права. Эта дѣятельность обнаружилась въ XII вѣкѣ толкованіями Аристина, Зонары и Вильсамона на церковныя правила и государственныя постановленія, собранныя въ номоканоны. Съ тою же цѣлію выясненія нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ, возникавшихъ на практикѣ, являлись время отъ времени каноническіе трактаты практики — дѣлового характера. Дальнѣйшіе успѣхи развитія церковнаго законовѣдѣнія были остановлены на Востокѣ паденіемъ византійской имперіи.

Подобное же начало имѣло развитіе науки церковнаго права на Западѣ. Преподаваніе церковнаго права на Западѣ въ юридическихъ школахъ состояло первоначально въ чтеніи текста правилъ, объясненіи ихъ смысла, примиреніи правилъ, противорѣчащихъ другъ другу, и въ примѣненіи предписаній правилъ къ частнымъ случаямъ жизни. Объясненія правилъ, которыми сопровождалось изученіе ихъ, назывались глоссами. Для удобства преподаванія, законодательный матеріалъ подводился подъ извѣстныя рубрики, по системѣ, принятой въ Институціяхъ Юстиніана: personae, res actiones. Самымъ извѣстнымъ образчикомъ такого изложенія законодательнаго матеріала служитъ курсъ церковнаго права, преподанный монахомъ Граціаномъ въ XII вѣкѣ въ Болонской юридической школѣ, изванный имъ Concordia discordantium canonum, а на языкѣ школы получившій впослѣдствіи названіе декрета. Съ изданіемъ папою Григоріемъ IX сборника папскихъ декретовъ, составившаго вторую часть Corpus juris canonici, стали появляться руководства къ познанію церковныхъ законовъ, расположенныя по системѣ расположенія декретовъ въ упомянутомъ сборникѣ: judex, judicium, clerus, connubia, crimen. Послѣ появленія нѣмецкой реформаціи началась критическая разработка источниковъ и другихъ вопросовъ церковнаго права, положившая начало болѣе научному пониманію и изложенію матеріала какъ въ системахъ, такъ и въ отдѣльныхъ монографіяхъ. Методъ исторической школы въ разработкѣ юриспруденціи, появившійся въ началѣ XIX вѣка, былъ воспринятъ и преподавателями въ области церковнаго права и положилъ начало строго научной разработкѣ его. Первый курсъ церковнаго права, составленный съ такими пріемами, былъ трудъ Эйгорна: Grundsätze des Kirchenrechts der katholischen und der evangelischen Religions partei in Deutschland, Göttingen 1831—1833, Bd. I—II. Видное мѣсто въ разработкѣ и построеніи системы церковнаго права въ Германіи занимаетъ Шульте, очистившій эту систему отъ примѣси спеціальнаго догматическаго матеріала (*Schulte*, Katholische Kirchenrecht, Th. I—II, Giessen 1856—1860). Самыя распространенныя руководства къ изученію церковнаго права составляютъ учебники Вальтера и Рихтера. Учебникъ Вальтера выдержалъ 14 изданій (первое 1822 г., послѣднее 1871), а учебникъ Рихтера 8 изданій (первое 1842 г., послѣднее, изданное подъ редакціей Дове и Каля, 1886 г.). Далѣе обращаютъ на себя вниманіе системы церковнаго права: Филипса Kirchenrecht, Bde. 1—8, Ausg. 3, 1855—1889, Гиншіуса Das Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten in Deutschland, Bde. I—VI, Berlin 1869—1897, Шерера Handbuch des Kirchenrechts, Bde. I—II, 1886—1891, Vering'a Lehrbuch des katholischen, orientalischen und protestantischen Kirchenrechts, Aufl. 3, 1893, Каля, Lehrsystem des Kirchenrechts und der Kirchenpolitik, Bd. I. Ereiburg i. B. und Leipzig 1894. [Prof. *Rudolph Sohm,* Kirchenrecht I, Lpzg 1892, а также ср. еще, напр., у *Sehling,* Art. „Kirchenrecht“ въ Real-encyclopädie von H e r z o g-H a u c k, X³, 5. 463—466. *I. Vives,* Compendium juris canonici, ed. IV, Roma 1905. Prof. Dr. theol. et. jur. *Johann B. Haring,* Grundzüge des katholischen Kirchenrechts, erste Abtheil., Graz 1906. Проф. *Ульрихъ Штутцъ*, Церковное право въ перев. подъ редакціею проф. Е в г. Н. Т е м н и к о в с к а г о, Ярославль 1905].

Западные канонисты занимаются въ своихъ системахъ церковнаго права, конечно, правомъ своего вѣроисповѣданія— католическаго и протестантскаго. Но ихъ труды имѣютъ важное значеніе и для изслѣдователей восточной православной церкви,—въ виду того, что въ періодъ до-никейскій и въ періодъ вселенскихъ соборовъ западная церковь жила одною не-

раздѣльною жизнію съ церковію восточной и церковная дисциплина въ основныхъ чертахъ была одинакова какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Кромѣ того нѣкоторые изъ западныхъ канонистовъ въ своихъ системахъ касаются и порядковъ греко-восточной церкви послѣ раздѣленія церкви, а именно Вальтеръ и Верингъ.

Потомъ западные канонисты и византиологи посвятили много трудовъ прямо разработкѣ источниковъ и вопросовъ православнаго церковнаго права. Прежде всего мы обязаны западнымъ ученымъ лучшими изданіями памятниковъ церковнаго права и византійскаго законодательства (это мы видѣли выше въ отдѣлѣ объ изданіяхъ текста церковныхъ правилъ). Потомъ западные же ученые оказали существенныя услуги и разработкѣ исторіи церковнаго права православной церкви. Уже въ самыхъ изданіяхъ каноническихъ памятниковъ содержатся болѣе или менѣе полныя историческія свѣдѣнія о помѣщенныхъ въ нихъ памятникахъ. А затѣмъ имѣется много нарочитыхъ трудовъ у западныхъ ученыхъ по исторіи источниковъ церковнаго права православной церкви. Изъ нихъ болѣе замѣчательны слѣд.: 1) *Bickell,* Geschichte des Kirchenrechts, Bd. I, Lief. I, 1843, Lief. 2, 1849, по изд. Röstell; 2) *Löning,* Geschichte des deutschen Kirchenrechts, Bde 1—2, 1878; 3) *Ballerini,* De antiquis collectionibus canonum, Venetiae 1753—1757; 4) *Maassen,* Geschichte der Quellen und der Litteratur des canonischen Rechts in Abendlande bis zum Ausgange der Mittelalters, Bd. I, 1871; эта книга содержитъ въ себѣ дополненія и исправленія къ изслѣдованію братьевъ Баллерини на основаніи новыхъ данныхъ, которыя Маассенъ тщательно собиралъ во всѣхъ западно-европейскихъ библіотекахъ рукописей. 5) *Biener,* De collectionibus canonum ecclesiae graecae, Berlin 1827; 6) *Mortreuil,* Histoire du droit bysantin, Paris 1843—1846, vol. I—III; 7) *Zachariä von Lingenthal:* Die griechische Nomocanones, 1877;—Die Handbücher des geistlichen Reshts aus den Zeiten des untergehenden bysantinischen Reichs, 1881;—Uber den Verfasser und die Quellen des (Pseudo-Photianischen) Nomocanon in XIV Titeln, 1885. 8) *Hefele,* Conciliengeschichte, Bde I—VIII, 1855—1887.

Западные ученые не оставляютъ своимъ вниманіемъ и внутренней исторіи права православной церкви, исторіи различныхъ институтовъ, входящихъ въ ея область, напр., управленія, суда, брака и проч. Прекрасный примѣръ этого представляютъ труды Чижмана по брачному праву и управленію восточной церкви (*Zhishman:* Das Eherecht der orientalischen Kirche, 1864;—Die Synoden und die Episcopalämter in der morgenländischen Kirche, 1867), также сочиненіе [покойнаго католика Исидора] Зильбернагля (*I. Silbernagl,* Verfassung und Gegenwärtiger Bestand sämmtlicher Kirchen des Orients, 1865 [а 2-е изд., сдѣланное по смерти автора Dr'омъ Ios. Schnitzer, Regensburg 1904: см. о немъ Simeon Vailhé въ „Theologische Revue" 1905, Nr. 15, Sp. 452—454]).

Въ Россіи изученіе церковнаго права долгое время состояло просто въ практическомъ ознакомленіи съ правилами, помѣщавшимися въ Кормчей и въ богослужебныхъ книгахъ. Школьное преподаваніе церковнаго права было введено въ нашихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ во второй половинѣ XVIII в. Преподаваніе состояло въ ознакомленіи съ содержаніемъ церковныхъ правилъ по Кормчей книгѣ и въ сравненіи славянскаго текста правилъ съ греческимъ для лучшаго уразумѣнія ихъ смысла. Дозволялось преподавателю сопровождать это ознакомленіе основательною и благоразумною критикой съ точки зрѣнія примѣнимости ихъ къ практикѣ. При преобразованіи духовныхъ школъ при Александрѣ I, церковное право было внесено въ кругъ богословскихъ наукъ и стало преподаваться въ системѣ. Въ 1835 году преподаваніе церковнаго права было введено и въ русскихъ университетахъ. Здѣсь оно стояло въ связи съ богословіемъ, преподавалось профессоромъ богословія, а слушателями были студенты-юристы православнаго исповѣданія. Въ уставѣ 1863 г. церковное право причислено было къ составу наукъ юридическаго факультета подъ именемъ церковнаго законовѣдѣнія. Какое значеніе имѣло для юридическаго факультета это причисленіе, мы уже говорили выше. Церковное право сохраняетъ свое положеніе въ составѣ наукъ юридическаго факультета и по уставу 1884 г., доселѣ дѣйствующему.

Школьное преподаваніе церковнаго права въ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ школахъ имѣло своимъ естественнымъ послѣдствіемъ появленіе научныхъ трудовъ по этому предмету—системъ и монографій. Послѣднія трудно было бы перечислить даже съ приблизительною полнотой. Остановимся только на систематическихъ изложеніяхъ церковнаго права. Первая система по церковному праву была издана профессоромъ богословія и церковнаго права въ кіевскомъ университетѣ протоіереемъ *Іоанномъ М. Скворцовымъ* въ 1848 г. подъ заглавіемъ: „Записки по церковному законовѣдѣнію". Это были, вѣроятно, дѣйствительно записки, которыя читалъ профессоръ студентамъ кіевскаго университета. Печатно онѣ изданы для бóльшаго удобства студентамъ пользоваться руководствомъ. Какъ первый опытъ у насъ печатнаго изданія систематическаго руководства по церковному законовѣдѣнію, книга проф. Скворцова была для своего времени изрядною книжицей, какъ выразился о ней Иннокентій (Борисовъ), архіепископъ харьковскій. И теперь еще она можетъ быть пригодна для нѣкоторыхъ справокъ. Архимандритъ *Іоаннъ* (впослѣдствіи епископъ смоленскій), въ бытность его ректоромъ и профессоромъ с.-петербургской Духовной Академіи, задумалъ составить „Курсъ церковнаго законовѣдѣнія" по очень обширному плану. По проекту, курсъ долженъ былъ состоять изъ трехъ частей. Въ первой предполагалось обозрѣть источники церковнаго права какъ въ историческомъ отношеніи (т. е. по ихъ происхожденію), такъ и въ каноническомъ отношеніи (т. е. по ихъ содержанію и важности). Во второй части предполагалось сдѣлать общій сводъ основныхъ церковныхъ законовъ, извлеченныхъ изъ разныхъ источниковъ; этотъ сводъ долженъ былъ составить собою систему общаго права церкви. Третья часть предназначалась къ изложенію въ ней дѣйствующаго права русской церкви. Къ сожалѣнію, этому плану талантливаго канониста не суждено было осуществиться, кажется, не по винѣ автора.

Въ 1851 году вышла только первая часть курса, въ которой помѣщено введеніе въ церковное законовѣдѣніе и обозрѣніе древнихъ—каноническихъ источниковъ его. Только впослѣдствіи авторъ успѣлъ—отъ части въ видѣ отдѣльныхъ монографій, помѣщенныхъ въ духовныхъ журналахъ („Правосл. Собесѣдникѣ" и „Христ. Чтеніи"),—предложить читающей публикѣ то, что должно было входить во вторую и третью часть курса. На содержаніи первой части курса архимандрита Іоанна, гдѣ помѣщено толкованіе на каждое правило древней вселенской церкви, сказался методъ преподаванія церковнаго права, какого держались первоначально въ нашихъ академіяхъ духовныхъ. Въ 1872 году было издано [подъ редакціею † проф. Т. В. Барсова] при „Христіанскомъ Чтеніи" въ русскомъ переводѣ „Краткое изложеніе каноническаго права единой святой соборной и апостольской церкви", составленное на румынскомъ языкѣ *А. Шагуною*, митрополитомъ Румынъ въ Венгріи и Семиградіи. Этотъ курсъ представляетъ смѣсь догматики съ церковнымъ правомъ. Книга можетъ быть отчасти пригодна по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ ней о состояніи и практикѣ румынской церкви. Въ 1874—1875 годахъ профессоръ московскаго университета *Н. К. Соколовъ* предпринялъ печатаніе своихъ лекцій по церковному праву. Но, къ сожалѣнію, успѣлъ напечатать только два выпуска, изъ которыхъ въ первомъ было помѣщено введеніе въ науку церковнаго права, а во второмъ—трактатъ о составѣ церковнаго общества. Лекціи г. Соколова были встрѣчены читающею публикой очень сочувственно за эрудицію автора и стройное изложеніе матеріала. Въ 1882 году вышелъ „Краткій курсъ церковнаго права" о. *М. П. Альбова*, представляющій собою сокращеніе лекцій, читанныхъ авторомъ въ военно-медицинской академіи. Этотъ курсъ заключаетъ въ себѣ далеко не всѣ отдѣлы, входящіе въ науку церковнаго права, и по своему исполненію есть трудъ, составленный на скорую руку. Въ 1888—1889 годахъ вышелъ *нашъ* „Краткій курсъ церковнаго права" съ „дополненіемъ" къ нему. Появленіе его было вызвано потребностію въ руководствѣ по церковному праву для слушателей курса въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ. Теперь предпринята авторомъ радикальная передѣлка этого курса по новой системѣ и съ существенными дополненіями, простирающимися до введенія вновь цѣлыхъ отдѣловъ. Уже изданъ первый вы-

пускъ этого второго изданія, Казань 1903 г. Въ 1889—1890 годахъ явился „Курсъ церковнаго права“ *Н. С. Суворова*, бывшаго профессора ярославскаго юридическаго Лицея, а теперь состоящаго профессоромъ въ московскомъ университетѣ. Въ 1898 году на основаніи „Курса“ составленъ тѣмъ же авторомъ „Учебникъ церковнаго права“, вновь переизданный въ 1902 году. Курсъ и учебникъ церковнаго права проф. Суворова представляютъ собою попытку познакомить русскую ученую публику и учащуюся молодежь съ выводами и пріемами западно-европейской литературы по церковному праву. Эта задача имѣетъ научную важность. Жаль только, что ученый авторъ не сочелъ нужнымъ объяснить откровенно русской православной публикѣ, что въ основѣ западно-европейскихъ системъ по церковному праву лежатъ вѣроисповѣдныя начала или католическія, или протестантскія, которыми и объясняются воззрѣнія католическихъ и протестантскихъ авторовъ на основные каноническіе вопросы, и которыя, поэтому, не могутъ быть приняты православнымъ читателемъ безъ критики съ точки зрѣнія ученія православной церкви. Мало этого; самъ авторъ не рѣдко,—особенно въ основныхъ каноническихъ вопросахъ (напр., въ вопросѣ о церковномъ законодательствѣ, о юрисдикціи церковной власти, объ отношеніи между церковію и государствомъ),—стоитъ на протестантской точкѣ зрѣнія, отожествляя ее съ ученіемъ православной церкви. Въ 1893 году напечатана въ Харьковѣ первая часть „Очерка православнаго церковнаго права“ профессора харьковскаго университета *М. А. Остроумова*, заключающая въ себѣ обозрѣніе памятниковъ церковнаго законодательства въ древней церкви и въ церкви константинопольской послѣ періода вселенскихъ соборовъ. Авторъ обнаруживаетъ въ своемъ трудѣ основательное знакомство съ ученою литературой предмета и сдѣлалъ бы большое одолженіе наукѣ церковнаго права, если бы поторопился продолженіемъ такъ удачно начатаго своего труда. Въ 1897 году напечатанъ русскій переводъ „Православнаго церковнаго права“ *Никодима (Милаша)*, епископа далматинскаго, напечатаннаго на сербскомъ языкѣ въ 1890 году въ Задрѣ. Нельзя не поблагодарить переводчика г. Петровича за то, что онъ познакомилъ русскую ученую публику съ такимъ важнымъ для науки церковнаго права трудомъ. Авторъ можетъ быть причисленъ къ западнымъ ученымъ по мѣсту своей службы и образованія и по обширному знакомству съ западно-европейскою литературой. Но въ то же время онъ строго православный ученый, стоящій на точкѣ зрѣнія древней церковной дисциплины. По своимъ научнымъ достоинствамъ и по своему солидному направленію, Курсъ церк. права епископа Никодима можетъ быть противопоставленъ Курсу церковнаго права проф. Суворова, какъ коррективъ ученыхъ увлеченій послѣдняго. Кромѣ того, онъ весьма важенъ въ томъ отношеніи, что сообщаетъ свѣдѣнія о дѣйствующемъ правѣ и практикѣ греческой церкви въ предѣлахъ турецкой имперіи и помѣстныхъ церквей православнаго востока. Проф. *М. Е. Красноженъ*, „Краткій очеркъ ц. права“, Юрьевъ 1900. Это изданіе назначено въ пособіе студентамъ-слушателямъ профессора для приготовленія къ экзамену; оно удовлетворяетъ своему назначенію. „Курсъ церковнаго“ права † проф. *А. С. Павлова*, Сергіевъ-Посадъ 1902 г. Изданіе сдѣлано по смерти автора „Богословскимъ Вѣстникомъ“ подъ наблюденіемъ доцента московской Д. Академіи И. М. Громогласова. Нельзя не поблагодарить за это редакцію журнала „Богословскій Вѣстникъ“ и г. Громогласова:—своимъ содѣйствіемъ изданію проф. Павлова они сослужили великую службу канонической наукѣ. Каноническая наука должна была знать ученые взгляды такого заслуженнаго и выдающагося по своимъ дарованіямъ профессора на коренные вопросы церковнаго права и его опытъ систематическаго изложенія научнаго матеріала. Курсъ проф. Павлова излагаетъ содержаніе науки въ довольно краткой концепціи. Поэтому, онъ не можетъ служить нагляднымъ показателемъ всей обширной эрудиціи, которою обладалъ авторъ и показалъ въ другихъ своихъ печатныхъ трудахъ. Но и при краткости изложенія научнаго матеріала Курсъ проф. Павлова хорошо знакомитъ со всѣмъ существеннымъ содержаніемъ науки, при ясномъ изложеніи. Система одна изъ лучшихъ, хотя и не безъ недостатковъ (см. рецензіи *Н. С. Суворова* въ „Жур. Мин.

Н. Пр.“ 1903 г., янв., и *Е. Н. Темниковскаго* въ отдѣльной брошюрѣ: О курсѣ ц. права † проф. А. С. Павлова, Ярославль 1903).

Проф. *И. Бердниковъ*.

Канонъ *въ богослужебномъ языкѣ*.— Именемъ канона называется на богослужебномъ языкѣ рядъ пѣснопѣній, — ирмосовъ и тропарей—при чемъ послѣдніе слѣдуютъ составу, размѣру и напѣву первыхъ. Заключая въ себѣ соотвѣтственные другъ другу ирмосы и тропари, канонъ представляетъ нѣчто цѣлое, правильное и стройное какъ по внѣшнему составу, такъ и по содержанію. Въ первомъ отношеніи канонъ (полный) распадается на девять пѣсней, сообразно съ девятью пѣснями Свящ. Писанія, и каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ одинъ ирмосъ и нѣсколько тропарей. Первая пѣснь составлена примѣнительно къ пѣсни Моисея, воспѣтой по переходѣ евреевъ чрезъ Чермное море (Исх. **15**); вторая указываетъ на обличительную пѣснь того же Моисея (Втор. **32**); третье — на пѣснь Анны, матери прор. Самуила (1 Цар. **2**); четвертая приспособляется къ мыслямъ и выраженіямъ пѣсни пр. Аввакума (Авв. **3**); пятая составляется изъ пѣсни пр. Исаіи, содержащей пророчество объ Іисусѣ Христѣ и благодарность за имѣющія открыться съ пришествіемъ Мессіи благодѣянія; шестая воспроизводитъ мысли молитвы пр. Іоны (**2**); седьмая и восьмая составлена примѣнительно къ двумъ благодарственнымъ пѣснямъ трехъ отроковъ, вверженныхъ въ пещь огненую (Дан. **3**); и, наконецъ, образцомъ для девятой служитъ славословіе Божіей Матери, произнесенное ею при свиданіи съ св. Елизаветою (Лк. **1**). Изъ числа 9 пѣсней во всѣхъ праздничныхъ канонахъ обычно не достаетъ второй, потому что, приспособляемая въ содержаніи къ покаянной и обличительной пѣсни Моисея, она не соотвѣтствуетъ духовной радости, которою проникнуто богослуженіе праздничныхъ дней. Вторая пѣснь усвоена преимущественно канонамъ Постной Тріоди, отличающимся чувствомъ раскаянія и сердечнаго сокрушенія. Въ однихъ канонахъ пѣсни написаны прозою, а въ другихъ стихами, при чемъ въ началѣ большинства канововъ полагаются акростихи, т. е. такія изреченія, изъ которыхъ буквы, — каждая порознь,—повторяются въ послѣдовательномъ порядкѣ въ начальныхъ буквахъ всѣхъ ирмосовъ и тропарей. Наконецъ, какъ стихотворные, такъ и прозаическіе каноны писаны въ греческомъ подлинникѣ языкомъ мѣрнымъ, приспособленнымъ къ какому-либо одному изъ восьми гласовъ.

По содержанію каждый изъ каноновъ выражаетъ сущность празднуемаго событія или свойства и подвиги воспоминаемаго святого. Въ нихъ то излагается снесеніе ветхозавѣтныхъ пророчествъ и преобразованій съ новозавѣтными святыми лицами, то раскрывается важность и внутреннее значеніе празднуемаго историческаго событія, то изливаются благочестивыя чувствованія, возбуждаемыя въ душѣ пѣснописца различными дѣйствіями домостроительства нашего спасенія. Напр., въ канонѣ на Рождество Христово св. Косьмы маюмскаго раскрывается мысль, что родившійся отъ Дѣвы Маріи не простой человѣкъ, но вмѣстѣ и Богъ, отъ вѣчности восхотѣвшій явиться на землѣ во плоти для спасенія людей и въ предопредѣленное время дѣйствительно явившійся такъ, какъ было предсказано въ Ветхомъ Завѣтѣ. Проникнутый этою мыслію, авторъ канона прославляетъ нисшедшаго на землю Богочеловѣка, приписывая Ему наименованіе, свойства и дѣйствія, усвояемыя древними пророками. Въ канонѣ на тотъ же праздникъ Іоанна Дамаскина изображаются тѣ спасительныя дѣйствія, которыми сопровождается явленіе во плоти Сына Божія. Онъ представляется въ немъ, какъ благодѣтель, примирившій насъ съ Богомъ отцомъ, освободившій отъ власти діавола и спасшій людей отъ грѣха, проклятія и смерти. Въ канонѣ на крещеніе св. Косьма излагаетъ исторію крещенія Господня со всѣми чудесными явленіями, ознаменовавшими торжественное вступленіе І. Христа въ служеніе роду человѣческому, и призываетъ вѣрующихъ прославлять крещающагося Господа, чтобы сдѣлаться достойными причастниками плодовъ Его крещенія. Какіе это плоды — указываетъ другой канонъ на Богоявленіе—Іоанна Дамаскина. (О содержаніи каноновъ на другіе великіе праздники см. подъ соотвѣтствующими словами).

Въ указанномъ видѣ, т. е. въ составѣ ирмосовъ и тропарей, канонъ обязанъ сво-

имъ происхожденіемъ пѣснописцу VIII в. Іоанну Дамаскину: онъ первый положилъ начало соединенію ирмосовъ съ тропарями. До него же канонъ ограничивался или одними библейскими пѣснями, или же пѣснями съ прибавленіемъ тропарей. Въ составѣ пѣсенъ канонъ извѣстенъ по уставу Бенедикта нурсійскаго. Для праздничныхъ бдѣній онъ назначаетъ три пѣсни по выбору настоятеля, при чемъ каждая изъ нихъ сопровождается припѣвомъ „аллилуія" († проф. *И. Д. Мансветовъ*, Церковный уставъ, стр. 376); для субботней утрени берется вторая пѣснь (Втор. 32), а для другихъ дней недѣли какая-нибудь изъ слѣдующихъ, по одной на каждый день (Ibid., стр. 377). Къ этому прибавлялась пѣснь изъ Евангелія и пѣснь трехъ отроковъ, извѣстная у Бенедикта подъ именемъ „benedictiones". Отсутствіе тропарей замѣтно также и въ канонѣ синайской утрени, совершаемой въ монастырѣ Нила синайскаго. Описывающіе ее авва Софроній и Іоаннъ (VI—VII в.) разсказываютъ, что авва Нилъ и его ученики, исполнивъ Псалтирь, начали медленно пѣть пѣсни (3-ю, 6-ю, 8-ю и 9-ю), безъ тропарей, не дѣлая ни на третьей, ни на шестой пѣсни междопѣсній, но только „Отче нашъ" и „Господи помилуй". Исполнивъ пѣсни безъ тропарей, они начали „Слава въ вышнихъ Богу" (*Мансветовъ* ibid., стр. 41. 31, прим. 5). Замѣчаніе разсказа, что пѣсни библейскія исполнялись безъ тропарей, даетъ понять, что въ другихъ мѣстахъ они уже входили въ составъ канона. Съ ними оказываются знакомыми и авторы разсказа, о чемъ можно судить по обращенному ими къ настоятелю монастыря вопросу: почему онъ не позволяетъ прибавлять тропарей къ пѣсни трехъ отроковъ? (*Мансветовъ* ibid., стр. 31, прим. 1). Давъ канонамъ современную форму, Іоаннъ Дамаскинъ, какъ авторъ службы одного воскреснаго дня, составилъ и исполняемые на ней каноны, хотя и не всѣ (см. „Энц." II, стлб. 832); послѣдованія другихъ дней съ канонами появились позднѣе.

Какъ по современному, такъ и древнему уставу, канонъ входитъ въ составъ повечерія, утрени и всенощного бдѣнія. О канонахъ утрени, кромѣ вышеупомянутыхъ памятниковъ, сообщаютъ такіе изъ древнѣйшихъ уставовъ, какъ Типиконъ константинопольскаго Евергетидскаго монастыря по рукоп. XII в. № 788 библ. аѳинскаго университета (проф. *А. А. Дмитріевскій*, Описаніе литургическихъ рукописей I, стр. 257. 259), уставъ Аѳанасія аѳонскаго (ibid., стр. 247), Типиконъ XII—XIII в. туринской университетской библ. № 216 (ibid., стр. 798. 802. 803 сл.), Студійскій Уставъ XII в. по рукописи Москов. Синод. библ. № 330 (*Мансветовъ*, Церковный уставъ, стр. 381—2) и т. п. Тѣ же самые памятники свидѣтельствуютъ объ исполненіи канѳновъ на бдѣніи (*А. А. Дмитріевскій*. l. cit. стр. 257. 259. 263. 265; 798. 802, 803) и на повечеріи (ibid., стр. 807; *Мансветовъ* l. cit., стр. 386), въ частности — на повечеріи великаго поста (*А. А. Дмитріевскій*, ibid., стр. 516, 518, 519 и т. д.). Для повечерія среды четвертой недѣли поста полагается „великій канонъ", т. е. канонъ Андрея критскаго [1]) (*Мансветовъ* ibid., стр. 382). Что касается распредѣленія и выбора канѳновъ, то они вполнѣ тожественны съ современнымъ порядкомъ, т. е. каноны Октоиха соединяются съ канонами Минеи (Евергетидскій Типиконъ. *А. А. Дмитріевскій* ibid., стр. 259. 260—261 сл.), въ дни предпразднствъ и попразднствъ каноны Октоиха опускаются и поются каноны праздника, предпразднства съ канонами Минеи и т. п. (*А. А. Дмитріевскій*, ibid., стр. 263. 268. 270; 269. 276).

Кромѣ канѳновъ полныхъ, существуютъ еще каноны не полные, состоящіе изъ двухъ, трехъ и четырехъ пѣсенъ и потому носящіе названіе *двупѣснцевъ*, *трипѣснцевъ* и *четырехпѣснцевъ*. Каноны этого рода составляютъ отголосокъ неполнаго употребленія библейскихъ пѣсенъ на утрени (см. выше).

Употребляемое для обозначенія состоящаго изъ извѣстнаго числа ирмосовъ и тропарей пѣснопѣнія, слово „канонъ" встрѣчается въ богослужебныхъ книгахъ еще съ значеніемъ „правило"—положенное количество псалмовъ и молитвъ, прочитывае-

---

[1]) О немъ ср. у *М. Добронравова*, «Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ великомъ канонѣ» въ журналѣ „Вѣра и Разумъ" за 1907 годъ.—*Н. Н. Г.*

мыхъ монахами наединѣ въ своихъ келліяхъ. Извѣстнѣйшими памятниками этого правила являются слѣдующіе. Прежде всего отвѣтъ аввы Варсануфія на вопросъ одного старца: „како подобаетъ пребывати сущему на единѣ?“ Въ отвѣтѣ содержится краткое наставленіе о пѣніи псалмовъ въ келліи, о числѣ вечернихъ и ночныхъ псалмовъ и чередованіи ихъ съ молитвами, о чтеніи житій святыхъ и испытаніи помысловъ (Руководство къ духовной жизни преподобныхъ отцовъ Варсануфія великаго и Іоанна, Москва 1883, стр. 63—64). Подобнаго же содержанія отвѣтъ аввы Исаіи на вопросъ одного брата: „како долженъ есмь быти въ келліи?“ (Пандекты, слово 29, л. 250). Уставъ Карейской келліи, или правила, составленныя Саввою сербскимъ для руководства брату, живущему въ устроенной имъ келліи (напечатанъ † арх. *Леонидомъ* въ изданіи „Общества любит. древ. письменности“ 1883 г., стр. 90—102). Порядокъ службы по этому правилу близко подходитъ къ церковному и обнимаетъ тѣ же часы суточной службы, что и Часословъ. Разница заключается въ слѣдующемъ. Псалтирь, по Карейскому уставу, должна прочитываться ежедневно въ полномъ составѣ, а то, что остается непрочитаннымъ во время службъ, должно быть окончено въ промежуткѣ между ними. На утрени въ теченіе всего года читается по три каѳизмы, равно на третьемъ, шестомъ и девятомъ часѣ. Въ субботу вечеромъ совершается всенощная, особаго состава. Въ самомъ ея началѣ, послѣ трисвятаго и „помилуй мя, Боже“, читаются канонъ и глава изъ Четвероевангелія, а послѣ шестопсалмія—три или четыре каѳизмы. Далѣе служба идетъ обычнымъ порядкомъ, но библейскія пѣсни стихословятся отдѣльно, и уже за ними слѣдуетъ канонъ, воскресный или святому. Изложеніе келейнаго правила встрѣчается далѣе въ Студійскомъ уставѣ XII в. по рук. моск. Синод. библ. № 330. Соотвѣтствующее позднѣйшимъ молитвамъ на сонъ грядущимъ, оно состояло въ томъ, что каждый благоговѣйный монахъ долженъ былъ у себя въ келліи прочитать 12 псалмовъ въ четыре пріема, съ двумя тропарями и богородичнымъ послѣ каждаго отдѣленія. Только въ послѣднемъ отдѣленіи—вмѣсто второго псалма — читалась молитва Манассіи, за нею нѣсколько тропарей, стихиръ покаяннаго содержанія и заупокойныхъ, и въ заключеніе произносились молитвы: „и даждь намъ, владыко“ и „величая, величаю“. Въ XIII в. келейное правило становится извѣстнымъ и въ русской церкви: въ нее оно привезено съ Аѳона печерскимъ игуменомъ Досиѳеемъ. Судя по его указанію, аѳонскіе келліоты ежедневно прочитывали полпсалтири, произносили 600 молитвъ Іисусовыхъ и клали одни триста поклоновъ, а другіе пятьсотъ.

[Ср. и у *W. Smith*, and *S. Cheetham* A. Dictionary of Christian Antiquities I (London 1875), p. 277—278].

Свящ. *А. Петровскій.*

Канонъ литургіи (католической). Такъ называется та главная и почти неизмѣняемая часть мессы, которая начинается послѣ „Святъ, Святъ, Святъ“... и оканчивается „Отче нашъ“. Указанное названіе усвоено этой части литургіи вслѣдствіе ея устойчивости, установленной церковными законами. Отсюда она и называется legitimum (Оптатъ Милевскій I, 11 у Migne lat. XI, col. 965), а также canon (Григорій в. Epist.: lib. IX, epist XII; lib. XIV, epist. II и др.). Она называется, кромѣ того, secretum или secretam, т. е. молитвою тайной въ силу обычая, существовавшаго въ Римѣ, но сдѣлавшагося повсемѣстнымъ на Западѣ только къ концу X-го вѣка—эту часть литургіи читать тихо. Изъ другихъ названій—mystica preces къ ней прилагается потому, что послѣдняя часть литургіи представляетъ собою существенное дѣйствіе святого жертвоприношенія,—дѣйствіе, посредствомъ котораго совершается таинственное жертвоприношеніе Іисуса Христа (ср. Блаж. Августинъ „De Trinitate“ lib. III, cap. V, n. 10 у Migne lat. XLII, col. 874). Вслѣдствіе своего основного, существеннѣйшаго значенія въ литургіи и въ богослуженіи вообще, означенная часть католической литургіи называется, наконецъ, „*молитвою*“ по преимуществу, „*дѣйствіемъ*“ по преимуществу (preces: Иннокентій I, Epist. XXV у Migne lat. XX, col. 553. Григорій в. Epist. lib. IX, ep. XII ibid. lat. LXXVII, col. 956; actio). Отсюда выраженіемъ infra actionem обозначается то мѣсто „канона“

въ литургіи, гдѣ въ извѣстные праздники годового круга должны дѣлаться вставки, этимъ праздникамъ спеціально присвоенныя. Въ текстахъ литургій „канонъ" часто обозначается именемъ *canon actionis*.

I. *Современный составъ и значеніе канона и литургіи.*

1) Первые слова канона Te igitur тѣсно соединяютъ его съ торжественнымъ благодареніемъ, выражаемымъ въ „префаціи" (такъ называется молитва, которою заканчивается вторая часть католической литургіи). Возблагодаривъ Бога за Его благодѣянія, соединивъ въ этомъ актѣ свой голосъ съ ангельскимъ пѣніемъ „Святъ, Святъ, Святъ", священникъ проситъ Его—ради Іисуса Христа милостиво принять и благословить дары, предлежащіе на алтарѣ, чтобы это жертвоприношеніе послужило во благо всѣмъ тѣмъ, за коихъ оно принесено. Сначала воспоминается церковь земная, прежде всего въ лицѣ высшихъ церковныхъ властей—папы, епархіальнаго епископа, всѣхъ другихъ епископовъ, священниковъ и — вообще — всѣхъ, принадлежащихъ къ церкви католической и апостольской. Далѣе слѣдуетъ поминовеніе вѣрующихъ, которые имѣютъ спеціальное участіе въ плодахъ литургіи по какимъ-либо особымъ основаніямъ и побужденіямъ,—по намѣренію священника, ради ихъ матеріальныхъ приношеній или присутствія на литургіи. Будучи соединены вѣрою и молитвой со священникомъ, который приноситъ дары, вѣрующіе приносятъ ихъ всѣ вмѣстѣ, духовно участвуя въ совершеніи литургіи. Дары приносятся также въ единеніи, *communicantes*, съ церковію небесной. Вотъ почему, далѣе, воспоминаются различные мученики, заступничество коихъ испрашивается. Въ началѣ этой молитвы помѣщаются вставки, относящіяся къ восьми годовымъ праздникамъ, — Рождеству, Богоявленію, Вел. Четвергу и Вел. Субботѣ, Пасхѣ, Вознесенію, Пятидесятницѣ и ся канупу.

2) Простерши руки надъ дарами, священникъ умоляетъ Бога, ради совершаемаго жертвоприношенія, даровать вѣрующимъ блага этой жизни, избавить отъ вѣчныхъ мученій и вписать въ число своихъ избранныхъ.

3) *Quam oblationem.* Эта молитва образуетъ естественную связь между предшествующимъ и послѣдующимъ. Въ послѣдній разъ, но съ особенною торжественностію, священникъ умоляетъ Бога, чтобы Онъ содѣлалъ совершаемое жертвоприношеніе жертвою совершенной, на спасеніе всѣхъ.

4) Приступая къ самой консекраціи, священникъ дѣлаетъ надъ гостіею и чашей пять крестовъ, въ воспоминаніе пяти ранъ Іисуса Христа, затѣмъ беретъ въ лѣвую руку гостію, правою рукой совершаетъ надъ нею крестное знаменіе и, наконецъ, произноситъ тѣ самыя слова, которыя на послѣдней вечерѣ произнесъ Самъ Спаситель („Сіе есть тѣло Мое"). Эти именно слова считаются въ католической церкви совершительными. Послѣ этого священникъ воздаетъ поклоненіе Іисусу Христу и обѣими руками поднимаетъ гостію вверхъ, чтобы вѣрные могли ее видѣть и поклониться; прислуживающій призываетъ ихъ къ этому звономъ колокольчика. То же самое дѣлаетъ священникъ и чашею, произнося надъ нею слова консекраціи („сія есть чаша крови Моей новаго и вѣчнаго завѣта, таинство вѣры, каковая кровь будетъ излита за васъ и за многихъ во оставленіе грѣховъ").

5) Іисусъ Христосъ повелѣлъ совершать евхаристію въ воспоминаніе о Немъ. Вотъ почему, вслѣдъ за консекраціей, священникъ воспоминаетъ таинства страданія, воскресенія и вознесенія, каковыя имѣютъ особенно близкое, спеціальное отношеніе къ евхаристіи. Чтобы совершонная евхаристическая жертва имѣла дѣйственное значеніе для вѣрующихъ, священникъ въ молитвѣ *Supra quae propitio* проситъ Бога, чтобы Онъ милостиво воззрѣлъ на тѣхъ, которые принесли Ему дары, — подобно тому, какъ Онъ принялъ приношенія Авеля, Авраама и Мельхиседека. — Та же самая мысль, только еще съ большею ясностію и глубиной, раскрывается въ молитвѣ: *Supplices te rogamus*, въ которой просятъ Бога принять освященные дары изъ непорочныхъ рукъ Ангела, предстоящаго алтарю. (Подъ „Ангеломъ" одни, напр., Ѳ. Аквинатъ, разумѣютъ Самого Іисуса Христа, другіе—Ангела молитвы, Архангела Михаила и под.). Эта молитва соотвѣтствуетъ греческому призыванію, но она облечена въ символическую форму и не имѣетъ той

точности, которою отличается формула греческая.

6) Засимъ слѣдуетъ молитва о томъ, чтобы Іисусъ Христосъ распространилъ плоды принесенной жертвы и на умершихъ, души которыхъ находятся въ чистилищѣ,— о смягченіи ихъ страданій или объ ускореніи освобожденія ихъ оттуда.

7) За молитвою о помилованіи душъ усопшихъ слѣдуетъ послѣдняя молитва канона—Nobis quoque peccatoribus—о прощеніи грѣховъ священника и грѣховъ предстоящихъ, при чемъ въ знакъ покаянія священникъ ударяетъ себя одинъ разъ въ грудь. Канонъ заканчивается возгласомъ: *Per quem haec omnia semper bona creas,* гдѣ подъ „этими дарами" разумѣются хлѣбъ и вино.

II. *Происхожденіе канона католической литургіи.*

Канонъ литургіи западной церкви по существу тожественъ съ канономъ восточнымъ. 1-ое посланіе св. Климента рим. къ Коринѳянамъ (§§ 59—61) и 1-ая апологія св. Іустина муч. (§ 65) устанавливаютъ, повидимому, твердо, что первоначальная литургія, въ своемъ общемъ расположеніи, была одна и та же и на Востокѣ, и на Западѣ.

Во всякомъ случаѣ можно заключать, что римскій канонъ,—кромѣ нѣсколькихъ видоизмѣненій, введенныхъ позже,—носитъ печать апостольскаго происхожденія. Чтобы отыскать точныя детали канона римской церкви, слѣдуетъ спуститься до конца IV вѣка. Послѣднія измѣненія, которымъ онъ подвергся, были остановлены папою Григоріемъ (590—604 г.). Авторъ Liber pontificalis, принадлежавшій началу VI в., говоритъ о канонѣ, какъ о формулѣ уже установившейся и въ содержаніи совершенно извѣстномъ. Вообще полагаютъ, что съ начала V-го вѣка порядокъ канона католической литургіи былъ тотъ же самый, что и теперь. Такимъ образомъ, его исторія не простирается за предѣлы двухъ вѣковъ. Вотъ вкратцѣ нѣкоторые основные моменты этой исторіи.

1) „Liber pontificalis" (изд. Дюшена, t. I, p. 128; ср. p. 56—57) приписываетъ Каллисту I (117—126 г.) введеніе въ канонъ (intra actionem) ангельской пѣсни: „Святъ, Святъ, Святъ"..; однако, этотъ гимнъ, содержащійся одинаково во всѣхъ литургіяхъ, несомнѣнно составлялъ часть *первоначальнаго* зерна мессы. Въ большей части литургій восточныхъ „префація" (такъ называется молитва, которой оканчивается вторая часть литургіи и которая непосредственно предшествуетъ третьей — разсматриваемой — части литургіи) соединена съ третьею частію литургіи краткимъ переходомъ. Напротивъ, въ Римѣ, равно какъ и въ Александріи, и въ Миланѣ, начиная съ IV вѣка, Memento („Помяни"...) предшествуетъ консекраціи.

2) Иннокентій I въ своемъ XXV письмѣ епископу Децентію (Migne lat. XX, col. 553) свидѣтельствуетъ, что сначала онъ представляетъ Богу жертвенные дары, затѣмъ называетъ тѣхъ, за которыхъ они принесены. Слѣдовательно, во время Иннокентія I молитва Te igitur..., въ коей содержится прошеніе о томъ, чтобы предлежащіе дары были приняты Богомъ, входила уже въ составъ канона мессы и тамъ предшествовала Memento.

3) Иногда діаконъ читалъ, во время Memento, послѣ: „и всѣхъ предстоящихъ" (et omnium circumstantium), имена принесшихъ къ алтарю жертвенные дары. Затѣмъ священникъ продолжалъ молитву словами: „вѣра которыхъ Тебѣ вѣдома" (quorum fides tibi cognita est), — словами, которыя разомъ относились и къ принесшимъ дары, и къ предстоящимъ.

4) Въ эпоху, предшествующую Григорію в., молитва, начинающаяся словомъ: „Communicantes"..., не только существовала въ римскомъ канонѣ литургіи, но и допускала вставки, которыя дѣлались нѣсколько разъ въ году—во дни праздниковъ. Такъ, въ текстѣ литургіи, связанномъ съ именемъ Геласія, предписывалось пять разъ въ году, кромѣ Пасхи, производить такія вставки, которыя должны были помѣщаться въ указанной молитвѣ между Communicantes и Sed et memoriam venerantes. При папѣ Вигиліѣ (537—555 г.) канонъ получилъ вставки этого рода, въ видѣ capitula, даже во дни празднованія святыхъ (Epist. ad Euth. у Migne lat. LXIX, col. 18), но папа Григорій I сразу прекратилъ вторженіе дневныхъ службъ въ канонъ мессы, ограничивъ эти вставки, какъ это сохранилось и доселѣ, главными праздниками — Рождествомъ,

Богоявленіемъ, Великимъ Четвергомъ и Великой Субботой, Пасхою и ея кануномъ, Вознесеніемъ, Пятидесятницей и ея кануномъ. Во главѣ святыхъ, заступничество коихъ въ названной молитвѣ испрашивается, поставляется обычно Приснодѣва и Богоматерь Марія; далѣе слѣдуютъ имена двѣнадцати Апостоловъ (въ порядкѣ греческаго текста, а не Вульгаты), имена 12 мучениковъ, изъ коихъ 6 святителей—всѣ римскіе епископы, исключая св. Кипріана.— Во всѣхъ литургіяхъ, за исключеніемъ литургіи св. Григорія и тѣхъ, которыя отъ нея происходятъ,—поминовеніе (Memento) умершихъ соединяется съ поминовеніемъ живыхъ и съ Communicantes, такъ что имена живыхъ, святыхъ и усопшихъ составляли одинъ общій списокъ. Отсюда происходило то, что нѣкоторые вѣрующіе смѣшивали тѣхъ, кому молились, и тѣхъ, за кого молились. Григорій I устранилъ это неудобство, отдѣливши отъ Communicantes поминовеніе умершихъ.

5) Молитва Hanc igitur характеристична для римскаго канона: она предназначена для того, чтобы окончить жертвоприношеніе, начатое въ Te igitur и прерванное молитвою Communicantes. Въ эпоху, предшествовавшую Григорію в., во многихъ мессахъ въ молитву Hanc igitur были включены разнообразныя варіаціи, спеціально относившіяся къ обстоятельствамъ или частнымъ нуждамъ лицъ, за которыхъ совершалась месса. Чтобы возвратить молитвѣ ея истинную цѣль, Григорій в. исключилъ всѣ эти упоминанія, кромѣ молитвы о новообращенныхъ въ Пасху и Пятидесятницу, и резюмировалъ ихъ въ формулѣ: diesque nostros in tua pace disponas.

Что касается молитвы Quam oblationem, то она существовала уже въ началѣ V-го вѣка.

6) Авторъ кн. Liber pontificalis, повидимому, ошибочно приписалъ (по изд. Дюшена т. I, p. 127) папѣ Александру внесеніе въ литургію молитвы: Pridie quam pateretur („т. е. наканунѣ страданій"). На самомъ же дѣлѣ, слова, воспоминающія установленіе евхаристіи, являются центромъ самаго канона литургіи, и ихъ внесеніе въ литургію основывается на предписаніи Самого Іисуса Христа (ср. ibid. I. 709). Во всякомъ случаѣ, формула: „Qui pridie quam pateretur", отличается отъ восточныхъ возношеній, которыя всѣ содержатъ въ себѣ слова: ἐν τῇ νυκτὶ ᾗ παρεδίδοτο (ср. Cagin, Paleographie musicale, Solesmes 1896, t. V, p. 55. Duchesne, Origine de la liturgie gallicane въ „Revue d'histoire et de littérature religieuse" 1900, t. V, p. 38).

7) Молитва: „Unde et memores"... почти буквально содержится уже въ литургіи, изложенной въ памятникѣ (изъ шести книгъ) „De sacramentis" (lib. IV, cap. VI, n. 27 у Migne lat. XVI, col. 445). Она состоитъ собственно изъ молитвы: Supra quae propitio,—за исключеніемъ словъ: Sanctum sacrificium, immaculatam hostiam. Liber pontificalis (t. I, p. 239) свидѣтельствуетъ, что папа Левъ I предписалъ внести въ канонъ sanctum sacrificium. Слѣдовательно, молитва Supra quae составляла уже часть канона. Здѣсь святымъ и непорочнымъ называется приношеніе Мельхиседека, состоявшее изъ хлѣба и вина. Манихеи, какъ извѣстно, чувствовали отвращеніе къ вину, которое и не было допущено въ ихъ литургію. Быть можетъ, имѣя въ виду этотъ фактъ, св. Левъ I и выставилъ на видъ святость даровъ, принесенныхъ царемъ Салимскимъ (Liber pontif. t. I, p. 241). Впрочемъ,—по свидѣтельству діакона Иларія, писателя конца IV вѣка,—эта молитва существовала уже во время папы Дамаса (Quaestiones ex utroque Testamento y Migne lat. XXXV, col. 2239).

8) Какъ извѣстно, въ греческихъ литургіяхъ „призываніе" имѣетъ форму обращенія, въ коемъ испрашивается, чтобы Духъ Св. сошелъ на евхаристическіе дары, дабы, пресуществленные въ тѣло и кровь Іисуса Христа, они могли служить источникомъ освященія для тѣхъ, кто ихъ принимаетъ. Во время Геласія и римская литургія содержала, безъ сомнѣнія, такого же содержанія обращеніе, какъ это видно, напр., изъ письма этого папы къ Елпидію (у Migne lat. LIX, col. 143). Но тогда почему же это обращеніе отсутствуетъ въ призываніи грегоріанскомъ: „Supplices te rogamus"? Такъ какъ форма древняго призыванія давала поводъ вѣрить, что пресуществленіе совершается по силѣ этой молитвы, то Григорій I измѣнилъ воззваніе такимъ образомъ, чтобы избѣжать этого смѣшенія и сохранилъ только конечную

часть: ut quotquot ex hac altaris и проч.

9) Выше мы видѣли, что поминовеніе усопшихъ первоначально было соединено съ поминовеніемъ живыхъ (и съ Communicantes) и что во время Иннокентія I и то, и другое было помѣщено предъ консекраціей. Весьма возможно, что до Иннокентія оба поминовенія были присоединены, какъ въ бо́льшей части литургій, къ призыванію, т. е. помѣщались предъ консекраціей. Поставивши поминовеніе усопшихъ на настоящемъ мѣстѣ, Григорій I другую часть оставилъ въ прежнемъ видѣ. Этимъ онъ, быть можетъ, имѣлъ намѣреніе приблизить римскій ритуалъ къ обряду греческому.

10) „Признаніе“ (exomologesis, т. е. молитва о прощеніи грѣховъ священника), на которое отвѣчаютъ „Nobis quoque peccatoribus“, также существуетъ уже въ древнихъ литургіяхъ: то оно непосредственно слѣдовало за призываніемъ, то отдѣлялось отъ послѣдняго поминовеніемъ. Трудно опредѣлить съ точностью, въ какую именно эпоху „Nobis quoque peccatoribus“, въ современной формѣ, заняло мѣсто въ римскомъ канонѣ. Извѣстно только, что оно составляло часть послѣдняго до Григорія I.

11) Заключеніе „Per quem haec omnia“ уже задолго до Григорія I оканчивало канонъ, какъ и въ настоящее время.

Литература. *Probst:* Liturgie des IV Jahrhundertes und deren Reforme, Münster 1893; Die abendländische Messe vom fünften bis zum zehnten Jahrhundert, Münster 1896. *Duchesne,* Origines du culte chrétien, 3-e edit. Paris 1902. *Kraus,* Real-Encyclopädie der christlichen Alterthümer II (Freiburg im Breisgau 1886) S. 317 sqq. Prof. *Paul Drews,* Studien zur Geschichtes des Gottesdienstes und gottesdienstlichen Lebens, Bd. I: Zur Entstehungsgeschichte des Kanons in der römischen Messe, Tübingen 1902. Prof. *F. X. Funk,* Ueber den Kanon der römischen Messe въ „Historisches Jahrbuch“ t. XXIV (München 1903), S. 62 — 92. 283—302. *A. Baumstark,* Liturgia romana e liturgia dell' Esarcato: Il rito detto in sequito patriarchino e le origini del canon missae romano, ricerche storiche, Rom. 1904. Ср. Dictionnaire de théologie catholique par A. Vacant II (Paris 1905), col. 1540—1550.

С. Заринъ.

Канонъ и каноника. Въ философіи словомъ κανόνες обозначаются логическія правила (Целлеръ). Эпикуръ „каноникою“ (τὸ κανονικόν) называетъ свою логику, которую онъ противопоставляетъ діалектикѣ и опредѣляетъ, какъ ученіе о нормахъ (canones) познанія и истины.

П. В. Т—въ.

Канонъ чистаго разума:—этотъ терминъ Кантовской философіи обозначаетъ „совокупность основоположеній a priori для правильнаго употребленія извѣстныхъ познавательныхъ способностей вообще“. „Такъ, общая логика въ своей аналитической части есть канонъ для разсудка и разума вообще, но только по формѣ, потому что она отрѣшается отъ всякаго содержанія“ (*Кантъ,* Критика чистаго разума, по рус. пер. Н. М. Соколова стр. 556; — по нѣм. изд. Кербаха стр. 604).

П. В. Т—въ.

Каноны (постановленія) **церковные святыхъ Апостоловъ**—Κανόνες ἐκκλησιαστικοὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων. Подъ такимъ названіемъ извѣстенъ древній литературный памятникъ, въ первый разъ изданный въ свѣтъ по эѳіопскому переводному тексту еще въ 1693 году *Людольфомъ* (въ его Commentarius ad suam historiam Aethiopicam, p. 314—323), а по греческому оригинальному тексту (по вѣнской рукописи Codex Vindobonensis hist. gr. 7—XII вѣка) обнародованный впервые въ 1843 г. *Биккелемъ* (въ его Geschichte d. Kirchenrechts, Giessen 1843, S. 107—132) подъ заглавіемъ: Αἱ διαταγαὶ αἱ διὰ Κλήμεντος καὶ κανόνες ἐκκλησιαστικοὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων, подъ какимъ названіемъ оно было переиздано затѣмъ *Делагарде* и *Питрой.* По мнѣнію Биккеля, подтвержденному вѣскими соображеніями, первоначальнымъ названіемъ памятника нужно признать: Κανόνες ἐκκλησιαστικοὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων, (см. также у Функа, Гарнака и Шаффа). Добавочныя же слова: αἱ διαταγαὶ αἱ διὰ Κλήμεντος—составляютъ позднѣйшую вставку, нисколько не указывающую на авторство Климента (римскаго), съ именемъ котораго обыкновенно связывались и другіе извѣстные теперь древніе памятники церковно-каноническаго характера („Постановленія апостольскія“, „85 правилъ апостольскихъ“), — вѣроятно, потому только,

что преданіе приписывало Клименту рим. участіе, если не въ кодификаціи церковныхъ правилъ, то по крайней мѣрѣ въ составленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ проведеніи ихъ въ жизнь молодого христіанскаго общества. Памятникъ извѣстенъ въ литературѣ также и подъ другими названіями. У Делагарде (въ Analecta Ante-Nicaena II, Londini 1854, p. 451—460) онъ изданъ подъ названіемъ: Constitutiones ecclesiae Aegyptiacae, у митр. *Ф. Вріеннія* (въ его изданіи „Ученія 12 апостоловъ“ 1883 г.) онъ называется Ἐπιτομὴ ὅρων τῶν ἁγίων ἀποστόλων καθολικῆς παραδόσεως (согласно названію въ Codex Ottoberianus), а у *Гильгенфельда* (въ Novum Testamentum extra canonem receptum, fascicul. IV, Lipsiae 1866, p. 93—106) онъ получаетъ уже названіе: „Duae viae vel judicium Petri“. Что касается Делагарде, то онъ, издавая памятникъ (въ коптской редакціи), имѣлъ въ виду, очевидно, его распространеніе въ коптской (египетской) христіанской общинѣ. Названіе у Вріеннія объясняется главнымъ образомъ фрагментарностію изданнаго имъ текста, какъ части цѣлаго произведенія. Мнѣніе же Гильгенфельда основывается на гадательномъ отожествленіи Руфиномъ (въ Expositio in symbolum apostolorum, глав. 38) памятника подъ заглавіемъ: „Duae viae vel judicium (secundum) Petri“ съ произведеніемъ, которое у Аѳанасія александрійскаго нерѣшительно называется: „Διδαχὴ καλουμένη τῶν ἀποστόλων“ (Epist. festiv. 39; ср. русск. пер. твореній Аѳанасія ал. т. III, стр. 520). Усматривая въ этомъ памятникѣ указаніе именно на Κανόνες ἐκκλησιαστικοί, Гильгенфельдъ, вслѣдъ за Аѳанасіемъ ал., выражаетъ сомнѣніе въ подлинности этого послѣдняго названія и находитъ болѣе правильнымъ обозначеніе Руфина. Не смотря на сбивчивость въ рѣшеніи вопроса о названіи памятника, тѣмъ не менѣе въ западной литературѣ обозначеніе: „Κανόνες ἐκκλησιαστικοὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων“ (въ отличіе отъ Διατάξεις τῶν ἀποστόλων) является общепринятымъ.

Въ настоящее время существуетъ обширный матеріалъ для изученія текста этого памятника. Не въ примѣръ другимъ произведеніямъ древности, послѣдній извѣстенъ теперь изъ цѣлаго ряда рукописей, изъ которыхъ однѣ рукописи даютъ полный текстъ, а другія—только часть его.

Полный текстъ для всего памятника можно читать: а) на *греческомъ* языкѣ въ рукописи вѣнской (Vindobonensis hist. gr. 7, отъ XII вѣка), по которой сдѣланы изданія *Биккелемъ* (op. c.), Делагарде (Reliquiae juris ecclesiastici antiqu. graecc, Lipsiae 1856, p. 74—79), *Питрой* (Juris eccles. Graec. historia et monumenta I, 1864, p. 75—88), *Гильгенфельдомъ* (op. c.), *Гарнакомъ* (Die Lehre d. zwölf Apostel nebst Untersuchungen zur ältesten Geschichte der Kirchenverfassung und des Kirchenrechts въ „Texte u. Unters.“ Lpzg 1884) и *Функомъ* (Tübingen 1887), б) на *эѳіопскомъ* языкѣ въ изданіи *Людольфа* (op. c.), присоединившаго къ нему латинскій переводъ, в) на *коптскомъ* языкѣ въ цѣломъ рядѣ рукописей сѣверо-африканскаго и южно-африканскаго происхожденія, которыя изданы: *Таттамомъ* съ переводомъ на англійскій языкъ (The Apostolical Constitutions, or Canons of the Apostles in Coptic, London 1848, p. 1—30), *Делагарде* безъ перевода (Aegyptiaca, Gottingae 1883—1897, p. 239—248), *Бурьяномъ* (Les canons apostoliques de Clément de Rome: Recueil de traveax relatifs á la philolog. et á l'archéologiqu. égypt. et assyr. V, Paris 1883—1884, 202—206) точно также безъ перевода и г) на *арабскомъ* языкѣ (рукопись до сихъ поръ еще не издана). Часть текста (4—14 гл.) представляютъ рукописи: а) *греческія* (1) Codex Ottoberianus gr. 408, XIV вѣка, 2) Codex Mosquensis 125, X вѣка, хранящаяся въ синодальной московской библіотекѣ, и 3) Codex Parisinus gr. 1555 A отъ XIV в.), которыя (за исключеніемъ Cod. Paris., лишь только описаннаго *Шерманомъ* въ его Eine neue Handschrift zur Apostolischen Kirchenordnung въ „Oriens christianus“ II, 1902, p. 398—408) можно читать въ изданіяхъ—*Вріеннія* (Константинополь 1883), *Гарнака* (Die Quellen der sogenannten apostolischen Kirchenordnung... въ „T. u. Unters“ Lpzg 1886), *Шаффа* (New-York 1885, 1886, 1889) и вышеупомянутыхъ ученыхъ, сдѣлавшихъ полныя изданія греческаго текста; б) *сирійскія* (3—14 гл.), изъ которыхъ парижская издана *Делагарде* (Reliquiae

juris ecclesiastici atniquissimae syriace, Lipsiae 1856, p. 19—23), римская—*Баумштаркомъ* (Στρωμάτιον ἀρχαιολογικόν, Rom. 1900, 15—31), кэмбриджская—*Арендцомъ* („The Journal of Theological Studies“ III, 1901—1902, 59—80) и в) *латинская* (18—30 гл.), обнародованная вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ греческимъ текстомъ *Гаулеромъ* (Didascaliae apostolorum fragmenta Veronensia Latina... Lipsiae 1900, 92—101).

Уже самая многочисленность и разноязычность редакцій памятника служитъ достаточнымъ основаніемъ къ заключенію, что „каноны церковные“ пользовались въ древности большимъ почетомъ и уваженіемъ и были широко распространены въ различныхъ областяхъ древне христіанскаго міра, главнымъ же образомъ въ областяхъ верхняго и нижняго Египта. Вмѣстѣ съ такъ наз. „Ученіемъ 12 апостоловъ“, „Постановленіями апостольскими“, „85 правилами апостольскими“ и „каноны церковные“ представляютъ въ высшей степени любопытный и важный (ср. у проф. *Ал. П. Лебедева*, Такъ называемые церковные каноны въ „Прибавл. къ Твор. св. отц.“ 1887 г., стр. 385) въ церковно-историческомъ отношеніи памятникъ, изображающій церковно-каноническій строй древней христіанской церкви.

Все содержаніе памятника въ составѣ 30 главъ (по раздѣленію, введенному Делагарде въ 1856 г.),—независимо отъ введенія (1—3 гл.) и заключенія (30 гл.),—распадается на 2 части: а) часть нравоучительную (4—14 гл.) и б) часть церковно-правовую (15—29 гл.). Послѣ обращенія къ „сынамъ и дщерямъ“ анонимный авторъ, прикрываясь „велѣніями Самого Господа“, живописуетъ общую картину нравственной жизнедѣятельности человѣка подъ образомъ двухъ путей—жизни и смерти, къ которымъ пріурочиваются различныя добродѣтели и противоположные имъ пороки. Рѣчь ведется въ видѣ діалога отъ лица Апостоловъ—Іоанна, Матѳея, Петра, Андрея, Филиппа, Симона, Іакова, Наѳанаила, Ѳомы и Кифы. Часть церковно-каноническая состоитъ изъ предписаній, опредѣляющихъ положеніе, свойства и обязанности различныхъ членовъ церковнаго клира: епископовъ (16 гл.), пресвитеровъ (17—18 гл.), чтецовъ (19), діаконовъ (20. 22), вдовицъ-діакониссъ (21), а также мірянъ (23), при чемъ опредѣляется служеніе въ церкви вдовицъ (24—29). Въ этой части рѣчь влагается точно также въ уста Апостоловъ.

Сравнительное историко-критическое изученіе текста приводитъ изслѣдователя къ тому выводу, что „каноны церковные“ не являются продуктомъ оригинальнаго литературнаго творчества, а составляютъ переработку другихъ древнихъ памятниковъ. Для нравоучительной части ученые изслѣдователи (Гарнакъ, Функъ) совершенно резонно указываютъ первоисточникъ въ „Посланіи Варнавы“ и „Ученіи 12 апостоловъ“ (ср. также „Первое посланіе Климента рим. къ коринѳянамъ“ и „Пастырь“ Ермы), въ которыхъ точно также нравственная жизнедѣятельность христіанина представляется подъ образомъ двухъ путей—смерти и жизни—и почти въ такихъ же чертахъ и подробностяхъ (см. сопоставленіе у Гарнака и проф. Ал. П. Лебедева—цит. соч.). Исходя изъ несомнѣннаго факта компилятивности первой части памятника, нѣкоторые ученые стараются доказать компилятивность и второй его части — церковно-канонической. Кравуцкій (Über das altkirchliche Unterrichtsbuch Die zwei Wege oder die Entscheidung des Petrus въ „Theol. Quartalschr.“ LXIV, 1882, S. 359—445) первый пришелъ къ тому выводу, не рѣшившись, впрочемъ, указать самые первоисточники. Гарнакъ же (Die Quelle der sog. Apostolischen Kirchenordnung..; ср. Gesch. der altchr. Lit. II, 1, S. 532), а за нимъ Дюшень, Функъ (съ нѣкоторыми поправками) и Ахелисъ стараются доказать, что для второй части первоисточниками служили точно также два произведенія, изъ которыхъ одно (начала III в. по Гарнаку) имѣло своимъ предметомъ установленіе клира (κατάστασις τοῦ κλήρου) (16—21 гл.), а другое (нѣсколько позднѣйшаго времени по Гарнаку) — установленіе церкви (κατάστασις τῆς ἐκκλησίας) (22—28 гл.). Барденгеверъ находитъ слѣды пользованія первымъ посланіемъ Климента рим. къ коринѳянамъ (Gesch. d. altchristliche Litter. II, 1903, S. 264), а Сальмонъ (Dictionary of Christian Biography, IV, London, 1887, 806—815) думаетъ, что „каноны церков-

ные“ составляютъ непосредственную передѣлку „Двухъ путей“, памятника іудейскаго происхожденія. Функъ, соглашаясь съ учеными выкладками Гарнака, въ то же время считаетъ ихъ очень проблематичными. Вообще положительныя доказательства компилятивности второй части лежатъ внѣ сферы строго научныхъ утвержденій, за недостаткомъ къ тому твердыхъ фактическихъ данныхъ. Можно предполагать, что „каноны церковные“ сами въ свою очередь послужили источникомъ для позднѣйшихъ компиляцій. „Постановленія апостольскія“, — памятникъ конца IV вѣка,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ носятъ явныя черты вліянія „каноновъ церковныхъ“ (впрочемъ, вопросъ объ отношеніи послѣднихъ къ „Постановленіямъ апостольскимъ“ до сихъ поръ остается еще открытымъ). Несомнѣнно, что „каноны церковные“ составляютъ весьма важное звено въ историческомъ процессѣ поступательной разработки церковно-каноническихъ нормъ древней христіанской церкви и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія со стороны ученыхъ изслѣдователей.

За недостаткомъ внѣшнихъ свидѣтельствъ вопросъ о происхожденіи и авторѣ памятника въ наукѣ рѣшается только въ формѣ предположеній. Исходя изъ того факта, что „каноны церковные“ несомнѣнно были распространены главнымъ образомъ въ египетскихъ провинціяхъ, — доказательствомъ чего служатъ многочисленныя рукописи египетскаго происхожденія,—ученые изслѣдователи почти единогласно признаютъ его отечествомъ Египетъ (Гарнакъ, Барденгеверъ, Ал. П. Лебедевъ, Ахелисъ). Однако не лишено основаній и предположеніе о сирійскомъ происхожденіи памятника. „Каноны церковные“—не псевдонимъ, ложно прикрывающійся именемъ Апостоловъ по примѣру апокрифовъ, а анонимъ, самымъ указаніемъ на имена Апостоловъ желающій оттѣнить только мысль о преемственности апостольскихъ преданій—вѣры, нравственности и церковно-каноническихъ установленій. Характеръ изображенія церковно-каноническаго строя въ „канонахъ церковныхъ“ указываетъ, что памятникъ появился въ свѣтъ приблизительно въ концѣ III вѣка (Гарнакъ, Барденгеверъ, Ал. П. Лебедевъ) и никакъ не позднѣе половины IV (Функъ) или конца IV столѣтія (Гаулеръ).

Литература. О манускриптахъ и изданіяхъ памятника см. въ самомъ текстѣ (стлб. 450.). Въ изданіяхъ приводятся обыкновенно и библіографическія свѣдѣнія. Кромѣ того въ западной литературѣ есть довольно много отдѣльныхъ изслѣдованій и статей, посвященныхъ изученію памятника. Таковы: *A. Krawutzcky*, Über das altkirchliche Unterrichtsbuch „Die zwei Wege oder die Entscheidung des Petrus (въ „Theol. Quartalschrift“ LXIV, 1882, S. 359—445; Über die Zwölfapostellehre, ibid. LXVI, 1884, S. 547—606); Prof. *Ad. Harnack*, Die Lehre der zwölf Apostel (въ „Texte u. Untersuch.“ II, Heft 1—2, Lpzg 1884, 1893, S. 193—241); *его же*, Die Quellen der sog. apostol. Kirchenordnung... („Texte u. Unters.“ II, Heft 5. Lpzg 1886; ср. Gesch. der altchristl. Litter. I, 1893, S. 451—466, и II, 1, 1897, S. 532. 712); prof. *G. Krüger*, Geschichte der altchristlichen Lit., Lpzg 1895, S. 224—225; prof. *F. X. Funk*, Zur Apostellehre und apostolischen Kirchenordnung въ „Theol. Quartalschr.“ LXIX, 1887, S. 276—306. 355—374); *его же*, Kirchengeschichtl. Abhandlungen u. Untersuchungen II, Paderborn 1899, 236—251; [*его же*, Didascalia et Constitutiones apostolorum, I—II Bände, Paderborn 1905: ср. „Biblische Zeitschrift“ IV (1906), 4, S. 444—445, „The Journal of Theological Studies“ VIII, 30 (January, 1907), p. 304—309 и самъ *Funk* въ „Theologische Quartalschrift“ 1907, I, S. 127—131]; prof. *O. Bardenhewer*, Geschichte d. altkirchlichen Literatur II, 1903, S. 262—269.—Въ переводѣ на русскій языкъ памятникъ можно читать въ магистерской диссертаціи *А. Ө. Карашева*, О новооткрытомъ памятникѣ—Ученіе двѣнадцати апостоловъ (Москва 1896), гдѣ въ приложеніи (LIII—LIX стр.) параллельно съ греч. текстомъ по изданію Функа переведены 1—13 главы; а также въ статьѣ («Приб. къ Твор. св. отц.» 1887 г., XL, кн. IV стр. 377 сл.) проф. *Ал. П. Лебедева*, Такъ называемые церковные каноны (canones ecclesiastici) и ихъ значеніе въ вопросѣ о церковныхъ должностяхъ въ древности, гдѣ въ сокращенномъ видѣ переведена вторая каноническая часть памятника (14—30 гл.) по сокращенному изданію Гарнака (Die Quellen der sogenannten apostolisch. Kirchenordnung...). Историко-критическія и библіографическія свѣдѣнія о «канонахъ церковныхъ» можно найти въ указанныхъ статьяхъ *А. Ө. Карашева* (отношеніе «каноновъ церковныхъ» къ «Ученію 12 апостоловъ» главнымъ образомъ) и проф. *Ал. П. Лебедева* (у котораго особенно цѣнна и интересна характеристика церковной организаціи въ древней христіанской общинѣ на основаніи даннаго памятника). Въ сочиненіи проф.

Н. А. Заозерскаго, Историческое обозрѣніе источниковъ права православной церкви (Москва 1891) передается (ср. 92—98) содержаніе «к. ц.» и опредѣляется въ общихъ чертахъ отношеніе ихъ къ «Ученію». См. также коротенькія замѣтки о «канонахъ церковныхъ» въ переводномъ курсѣ церковнаго права *У. Штутце* (Церковное право, перевед. подъ ред. проф. Е. Н. Темниковскаго, Ярославль 1905, стр. 7) и у проф. *М. А. Остроумова*, Введеніе въ православн. церк. право (т. I, Харьковъ 1893, стр. 158). Въ другихъ русскихъ курсахъ церковнаго права (проф. И. С. Бердникова, Н. С. Суворова, А. С. Павлова, еп. Іоанна) «к. ц.» даже не упоминаются, хотя они по своей несомнѣнной древности, обилію сообщаемаго въ нихъ церковно-каноническаго матеріала заслуживали бы полнаго вниманія со стороны ученыхъ канонистовъ, какъ это прекрасно и показано въ вышеприведенной интересной и содержательной статьѣ проф. Ал. П. Лебедева. Въ изслѣдованіи проф. *П. П. Пономарева*, Изъ исторіи св. преданія (въ «Прав. Собесѣдн.» 1901 г., т. I, стр. 569) есть замѣтка о значеніи «к. ц.» въ исторіи церковнаго преданія. [*Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon III², Sp. 1026—1032. Prof. *Hans Achelis* y Herzog-Hauck, R. E. 1, S. 734—741. Prof. *F. Nau* y Vacant et Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique II, col. 1605—1625. *DL. E. O'Leary*, The Apostolic Constitutions and Cognate Documents; with Special Reference to their liturgical Elements, New-York 1906. Объ эѳіопскихъ canones ecclesiastici въ изданіи *Horner*'а см. «Theologische Revue» 1905, 1, Sp., 27 ср. также у *В. Бочкарева*, Литература Апостольскихъ постановленій; Такъ называемая дидаскалія апостоловъ, въ сирійской редакціи, въ книгѣ: «Историко-каноническіе очерки», Юхвовъ, Смолен. губ. 1906, стр. 95—118; 119—150; эти книжки, предваряемыя предисловіями, составлены преимущественно по Функу].

Проф. *Л. Писаревъ*.

Кантакузинъ Іоаннъ см. „Іоаннъ Кантакузинъ" въ „Энц." VII, 52—56.

Кантеміръ кн. Антіохъ Дмитріевичъ (1709—1744 г.)—сынъ молдавскаго господаря, переселившагося въ Россію послѣ неудачнаго для Петра I Прутскаго похода, извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ одинъ изъ первыхъ писателей въ сатирическомъ родѣ. Живя въ Россіи съ двухлѣтняго возраста, онъ вполнѣ обрусѣлъ и прекрасно ознакомился съ недостатками современнаго ему русскаго общества, которые онъ, какъ человѣкъ по тому времени высокопросвѣщенный, ясно сознавалъ. Первыми наставниками его были грекъ священникъ Аѳанасій Кондоиди (впослѣдствіи еп. вологодскій: см. „Энц." III, 708—709) и ученикъ московской Академіи Ильинскій; первый училъ иностраннымъ языкамъ, второй русскому языку. Широкое и всестороннее образованіе получилъ Кантеміръ при посредствѣ вызванныхъ въ Академію Наукъ иностранныхъ ученыхъ. Любимымъ его предметомъ была нравственная философія, вліяніе которой очевидно на его сатирахъ. Несправедливо лишенный богатаго отцовскаго наслѣдства, Кантеміръ долженъ былъ жить на скромное жалованье гвардейскаго офицера. При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, ограниченной въ самодержавныхъ правахъ такъ называемыми „верховниками", Кантеміръ вмѣстѣ съ извѣстнымъ историкомъ Татищевымъ составилъ и подалъ государынѣ отъ лица дворянства прошеніе царствовать самодержавно. Двадцати двухъ лѣтъ Кантеміръ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ, а потомъ переведенъ посланникомъ въ Парижъ; добросовѣстнымъ исполненіемъ на данномъ поприщѣ обязанностей Кантеміръ снискалъ общее уваженіе.

Всѣхъ сатиръ Кантеміра девять; онѣ написаны силлабическимъ стихомъ, который доведенъ имъ до возможной степени совершенства. Главное содержаніе сатиръ—осмѣяніе враговъ просвѣщенія; ихъ видѣлъ Кантеміръ въ невѣжественномъ дворянствѣ и духовенствѣ. Нападки на послѣднее въ сатирахъ Кантеміра встрѣчаются постоянно, начиная съ его первой сатиры „На хулящихъ ученіе". Здѣсь въ числѣ хулящихъ ученіе онъ выводитъ ханжу-монаха Критона, который произноситъ цѣлую рѣчь противъ науки, какъ плодящей ереси и развращающей добрые нравы. Въ этой же сатирѣ Кантеміръ рисуетъ образъ невѣжественнаго епископа, считающаго науку лишнею для архипастырскаго служенія и полагающаго его суть во внѣшнихъ знакахъ епископскаго достоинства. „Епископомъ хочетъ быть,—пишетъ онъ,— уберися въ расу, сверхъ той тѣло риза полосата пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата, клобукомъ покрой главу, брюхо бородою, клюку пышно повели везти предъ тобою" и, сидя въ каретѣ, благословляй всѣхъ, хотя бы сердце „трещало съ гнѣву". Приведен-

ные стихи считаютъ направленными противъ еп. ростовскаго Георгія Дашкова,—врага извѣстнаго псковскаго еп. Ѳеофана Прокоповича, чтимаго Кантеміромъ за его любовь къ просвѣщенію и реформѣ Петра в. Встрѣчающіеся въ началѣ второй сатиры („На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ") стихи: „задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати ища, конный свой заводъ раздарилъ некстати", также направлены противъ еп. Георгія. Кромѣ этого епископа Кантеміръ осмѣялъ въ своихъ сатирахъ троицкаго архимандрита Варлаама, котораго нѣкоторые за благочестіе прочили въ патріархи. Ѳеофана Прокоповича Кантеміръ восхваляетъ въ третьей сатирѣ, называя его „дивнымъ первосвященникомъ, которому сила высшей мудрости открыла всѣ свои тайны; пастыремъ недремно радѣющемъ о своемъ стадѣ". Противъ низшаго духовенства въ сатирахъ Кантеміра разсыпано также не мало сатирическихъ замѣчаній относительно его невѣжества, пьянства, зависти и т. п. недостатковъ.

Не смотря на указанныя нападки на духовенство, Кантеміръ былъ писателемъ религіознымъ и высоконравственнымъ. Онъ бичуетъ въ сатирахъ, кромѣ враговъ просвѣщенія, дурное обращеніе съ крѣпостными, пьянство, развратъ, щегольство и картежничество высшаго общества, а также профессіональные грѣхи купцовъ и судей. Лирика Кантеміра одушевлена религіозными чувствами; въ ней немало переложеній псалмовъ. Перу Кантеміра принадлежатъ также слѣдующіе религіознаго характера труды: „Письма о природѣ и человѣкѣ" и „Симфонія на Псалтирь". Въ первомъ изъ этихъ сочиненій онъ проводитъ мысль, что природа даетъ человѣку счастье и научаетъ его познавать Творца; только безумный и ослѣпленный страстями можетъ сказать: „нѣсть Богъ". Симфонія Кантеміра—объемистый трудъ, доведенный до конца; онъ посвященъ Екатеринѣ I. Въ посвященіи Кантеміръ говоритъ, что этотъ трудъ „сочинися аки бы самъ собою, за частое въ священныхъ псалмахъ упражненіе"; въ предисловіи къ Симфоніи Кантеміръ, ссылаясь на новизну дѣла, пишетъ: „понеже дѣло сіе и новое и необыкновенное, неиноземскаго (каковъ породою азъ есмь), но природнаго въ словеноросcійскомъ діалектѣ искусства требуетъ, доброхотно признаю, яко не не многая крыются прегрѣшенія"... Его Симфонія, дѣйствительно, была у насъ первымъ въ такомъ родѣ трудомъ, и, конечно, не безгрѣшнымъ.

Кромѣ самостоятельныхъ трудовъ, у Кантеміра есть и переводные, преимущественно съ латинскаго и французскаго языковъ; съ перваго онъ переводилъ нѣкоторыя произведенія классиковъ (Эпиктета, Анакреона и др.); съ французскаго же перевелъ замѣчательную по тому времени книгу Фонтенеля „Разсужденія о множествѣ міровъ". Книга эта замѣчательна тѣмъ, что разрушала суевѣрную космографію, усвоенную русскимъ обществомъ.

Литература. Собраніе сочин. подъ редакціей Ефремова, изд. Глазунова. СПБ. 1867. *В. Я. Стоюнинъ*, Кн. Ант. Кант. въ Лондонѣ („Вѣстн. Евр." 1867 г., т. I и II); *его же*, Кн. Ант. Кант. въ Парижѣ (Вѣстн. Евр." 1880 г., т. IV). *Ѳ. Сементковскій*, А. Д. К., его жизнь и литературная дѣятельность (СПБ. 1893 г. въ серіи: Біографическая библіотека Павленкова); *его же*, Родоначальникъ нашей обличительной литературы въ „Истор. Вѣстн." за мартъ 1894 г. [*Брокгаузъ и Ефронъ*, Энцикл. Словарь, полут. XXVII, стр. 314—317].

П. Ласкѣевъ.

Канторъ (cantor, psalmista, ψάλτης, ψαλτῳδός ᾠδός). Среди клириковъ древней церкви, какъ особый, опредѣленный родъ, числились канторы, установленіе которыхъ, повидимому, относится къ IV в. Упоминаемые еще въ такъ назыв. Апостольскихъ постановленіяхъ (II, 25, § 12; III, 11; VIII, 10, § 2 и др.), и въ Апостольскихъ правилахъ (26, 43, 69), они въ 15 прав. Лаодикійскаго собора (365 г.) обозначаются точнѣе какъ κανονικοὶ ψάλται, т. е. пѣвцы, внесенные въ κανών или клировой списокъ, при чемъ обязанность ограничивалась тогда лишь пѣніемъ въ церкви. Нужда въ ихъ установленіи, какъ показывалъ церковный опытъ, была самая настоятельная. Дѣло въ томъ, что введенное съ апостольскихъ временъ общее пѣніе скоро,—вслѣдствіе нѣкоторой небрежности и неумѣнья многихъ христіанъ, — стало исполняться уже неудовлетворительно. Очевидно, необходимы были лица спеціальныя, которыя бы управляли пѣніемъ вѣрующихъ и обучали ихъ.

Такими, по постановленію Лаодикійскаго собора, и явились канторы. Введеніе ихъ не отмѣняло общаго пѣнія, а, наоборотъ, имѣло цѣлію развить его, улучшить и привести въ порядокъ. Это выдѣленіе канторовъ, установленное Лаодикійскимъ соборомъ въ качествѣ временной мѣры, чтобы возобновить древнее пѣніе и чтеніе псалмовъ, засвидѣтельствовано фактами, собранными блаж. Августиномъ, Іоанномъ Златоустомъ, Василіемъ великимъ и др., утверждавшими, что въ ихъ время обычай общаго пѣнія въ церквахъ появился снова. Вообще, въ первыя времена христіанства, непосредственно за введеніемъ пѣнія въ церкви, мѣсто кантора было однимъ изъ немаловажныхъ среди церковныхъ должностей. Онъ завѣдывалъ не однимъ только пѣніемъ въ хорѣ и обученіемъ церковному пѣнію мальчиковъ и мірянъ, но на немъ лежала также обязанность приготовлять отдѣлы чтенія для великихъ праздниковъ и вести церковный календарь. Титулъ „кантора" былъ тамъ особенно почетнымъ, и его должность часто занималась лицами высшаго ранга. Форма утвержденія канторовъ въ ихъ должности была та же, что и при поставленія другихъ низшихъ церковныхъ должностей и степеней, т. е. было лишь простое утвержденіе (въ этой должности) епископомъ или хорепископомъ, но не было рукоположенія. Иногда ихъ могли утверждать даже пресвитеры, пользуясь слѣдующей формулой, данной 4-мъ Каѳагенскимъ соборомъ (10 прав.): „Вѣруй сердцемъ въ то, что ты поешь устами, и докажи дѣлами то, во что ты вѣруешь сердцемъ".

Въ римско-католической церкви канторъ (пѣвецъ),—также episcopus chori, chori regens, praecentor (запѣвало),—при соборахъ и коллегіатскихъ церквахъ тотъ каноникъ, который обучаетъ и управляетъ хоромъ. Въ IV в. это—на Западѣ, какъ и на Востокѣ,—было тѣ, кто пѣлъ псалмы и гимны при богослуженіи, въ VI, — при Григоріи великомъ,—они были при пѣвческихъ школахъ. И на Западѣ мѣсто кантора считали очень виднымъ. Соединяясь прежде съ personatus и доставляя кантору значительные доходы, эта должность, послѣ уничтоженія vitae canonicae (см. выше стлб. 404—407), стала исполняться черезъ замѣстителя кантора (chorvicare, servitium chori), самому же кантору принадлежитъ только высшій надзоръ за своими помощниками и порядкомъ, касающимся пѣнія во время богослуженія.

У евреевъ канторомъ называется также пѣвецъ при богослуженіи въ синагогахъ.

Литература. *W. Smith* and *S. Cheetham*, A Dictionary of Christian Antiquites I (London 1875), p. 285. [424: Confessor, IV] *Martene*, De ant. Eccl. ritibus I (*Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon II², col. 1876—1877, ср. въ The Jewish Encyclopedia VI, p. 284—287. *F. X. Kraus*, Real-Encyklopädie der christlichen Alterthümer I, S. 191—192].

П. Смирновъ.

Кантъ Иммануилъ считается отцомъ новѣйшей философіи; родился въ Кёнигсбергѣ 22 апрѣля 1724 г. (н. с.); его отецъ былъ сѣдельникомъ, собственно шорникомъ. Вся семья была глубоко піэтистическою. Въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи она, повидимому, стояла очень высоко, и Кантъ всегда вспоминалъ о ней съ глубокимъ почтеніемъ и благодарностію. На способности Канта обратилъ вниманіе пасторъ и профессоръ Шульцъ. Благодаря его заботамъ, Кантъ прошелъ коллегію и поступилъ въ кёнигсбергскій университетъ. По окончаніи университета Кантъ нѣкоторое время былъ домашнимъ учителемъ и воспитателемъ въ частныхъ семьяхъ. Въ 1755 г. онъ началъ читать лекціи въ родномъ университетѣ, какъ приватъ-доцентъ. Его неоднократно приглашали различные университеты, но онъ никогда не покидалъ Кёнигсберга. Только въ 1770 г. онъ получилъ штатную каѳедру логики и метафизики. Онъ читалъ лекціи до 1796 г., когда прекратилъ ихъ вслѣдствіе старческой слабости. Онъ скончался 12 февраля 1804 г. (н. ст.).

Кантъ былъ человѣкомъ мысли, но не человѣкомъ дѣлъ. Онъ умѣлъ глубоко и проникновенно обдумывать вопросы, но всегда уклонялся отъ попытокъ проводить свои теоріи въ дѣйствительную жизнь. Это видно между прочимъ изъ его собственнаго заявленія, что онъ говорилъ и писалъ *лишь* то, что думалъ, но *не все* то, что думалъ. Молчаніе, понятно, онъ предпочиталъ тогда, когда за откровенное слово грозила опасность. Онъ былъ республиканцемъ по своимъ убѣжденіямъ и утверждалъ

что изъ „республиканизированія государствъ должно выросли сѣмя вѣчнаго міра“, но de facto онъ всегда былъ вѣрноподданнымъ прусскаго короля. Онъ выразилъ это, когда у него произошли столкновенія со властями изъ-за его религіозныхъ сужденій. Кантъ былъ раціоналистомъ въ религіи, въ ходѣ міровой жизни онъ не хотѣлъ видѣть непосредственнаго воздѣйствія божества. Въ предисловіи къ сочиненію „Общая естественная исторія и теорія неба“ онъ писалъ: религія не должна становитъ границы механическому объясненію явленій природы; напротивъ, возможность механическаго объясненія является лучшимъ доказательствомъ первоначальной цѣлесообразности. Когда онъ издавалъ сочиненіе „Религія въ границахъ одного только разума“, онъ получилъ такой указъ отъ короля: „Прежде всего посылаемъ вамъ милостивый привѣтъ, нашъ достойный и высокоученый любезный вѣрноподданный. Наша высокая персона съ большимъ неудовольствіемъ замѣчаетъ, что вы пользуетесь своею философіей для искаженія и униженія нѣкоторыхъ главныхъ и основныхъ ученій Свящ. Писанія и христіанства. Мы требуемъ отъ васъ немедленно добросовѣстнаго отчета и надѣемся, что впредь вы не будете совершать подобныхъ поступковъ. Вашему долгу скорѣе соотвѣтствуетъ примѣненіе вашего вліянія и вашахъ талантовъ къ осуществленію нашихъ отеческихъ намѣреній въ отношеніи страны; въ противномъ же случаѣ,—въ случаѣ продолжающагося упорства,—неукоснительно послѣдуютъ неблагопріятныя для васъ распоряженія“. Кантъ, высказавъ въ своемъ отвѣтѣ королю, что ученому принадлежитъ право самостоятельныхъ мнѣній въ области религіи, заключилъ однако отвѣтъ слѣдующимъ заявленіемъ: я считаю наиболѣе надежнымъ „въ качествѣ вѣрнѣйшаго подданнаго Его Величества торжественно заявить, что отнынѣ я буду совершенно воздерживаться отъ всякаго публичнаго выраженія какъ въ лекціяхъ, такъ и въ сочиненіяхъ своихъ мнѣній, касающихся религіи какъ естественной, такъ и откровенной“. Это обѣщаніе Кантъ считалъ для себя обязательнымъ только при жизни того короля, которому его далъ.

Будучи человѣкомъ слабой комплекціи, натурою созерцательной, Кантъ могуче дисциплинировалъ свою волю: онъ былъ человѣкомъ необыкновенной аккуратности и необыкновеннаго трудолюбія. Но насколько онъ былъ человѣкомъ кабинета, а не живой жизни,—можно видѣть изъ того, что онъ, читавшій въ университетѣ 46 разъ курсъ физической географіи и оказавшій серьезныя услуги этой наукѣ, никогда не отъѣзжалъ далеко отъ Кёнигсберга, и Паульсенъ предполагаетъ, что онъ даже никогда не видалъ моря, хотя оно находится всего въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ его родного города.

Въ силу своей аккуратности Кантъ такъ регулировалъ свою жизнь (время обѣда, прогулокъ), что о жителяхъ Кёнигсберга говорили, что они ставили часы по Канту. Трудолюбіе Канта открывается не только изъ обширныхъ, разностороннихъ и геніальныхъ твореній, но еще нагляднѣе оно видно изъ его профессорской дѣятельности. Онъ читалъ въ кёнигсбергскомъ университетѣ: логику—54 раза (т. е. семестра), метафизику—49 разъ, нравственную философію—28 разъ, естественное право — 12 разъ, энциклопедію философіи — 11 разъ, естественное богословіе—1 разъ, педагогику—4 раза, антропологію —24 раза, физическую географію—46 разъ, теоретическую физику—20 разъ, математику—16 разъ, механическія науки—2 раза, минералогію—1 разъ. Онъ читалъ иногда въ семестръ по пяти предметовъ, употребляя на лекціи 26—28 часовъ въ недѣлю. Задачею философіи Кантъ полагалъ воспитаніе мудрости. Люди вообще очень часто и ученые не рѣдко односторонни: они,—по выраженію Канта, — циклопы, и ихъ одноглазіе мѣшаетъ имъ правильно видѣть вещи. Задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы дать питомцу науки второй глазъ, „который дастъ ему возможность видѣть свой предметъ также и съ точки зрѣнія другихъ людей. Въ этомъ состоитъ гуманное направленіе науки. Каждому человѣку нужно имѣть особенно устроенный второй глазъ: медикъ нуждается въ критикѣ нашего познанія природы, юристъ—въ критикѣ нашего познанія права и нравственности, богословъ—въ критикѣ нашей метафизики, а геометру нужна критика познаній нашего разума вообще. Итакъ, второй глазъ есть ни что иное, какъ самопознаніе человѣческаго ра-

зума, безъ котораго у насъ не было бы никакого масштаба для измѣренія величины нашихъ знаній".

Раннѣйшія произведенія Канта посвящены естественно-научнымъ проблеммамъ, позднѣйшія—проблеммамъ моральнымъ. Въ мірѣ физическомъ онъ наиболѣе удивлялся звѣздному небу, въ мірѣ духовномъ—нравственному закону въ человѣкѣ и надъ его гробомъ написаны слѣдующія слова изъ его „Критики практическаго разума": „Звѣздное небо надо мною, нравственный законъ во мнѣ".

Основныя положенія философіи Канта суть слѣдующія.

Міръ, который мы знаемъ, по Канту, не есть міръ дѣйствительно существующій, а лишь наше представленіе, образованное воздѣйствіемъ на насъ какого-то внѣшняго X (вещи въ себѣ—Ding an sich) и нашею познательною природой, сообщившею этому воздѣйствію образъ міра сего. Все, что на насъ воздѣйствуетъ отвнѣ, мы представляемъ въ пространствѣ и времени (переживаемыя нами душевныя состоянія мы представляемъ совершающимися лишь во времени, но не въ пространствѣ). Пространство и время, это—апріорныя формы чувственности, чистыя формы интуиціи; они не существуютъ сами по себѣ и не даются намъ опытомъ, потому что они суть условіе всякаго опыта, они прежде опытны [ср. ниже въ статьѣ „Категоріи"]. Наши ощущенія мы располагаемъ въ пространствѣ и во времени, но это еще не есть познаніе. Познаніе есть результатъ дѣятельности разсудка и выражается въ сужденіяхъ. Нашему разсудку присущи опредѣленныя формы сужденій, сообразно съ которыми мы разсматриваемъ являющееся намъ въ пространствѣ и времени по *количеству* (единичность, множественность, всеобщность), *качеству* (дѣйствительность, отрицаніе, ограниченіе), *отношенію* (обладаніе и принадлежность—предметъ или субстанція и свойство, причина и дѣйствіе, общность или взаимодѣйствіе), *модальности* (возможность, дѣйствительность, необходимость). Наша чувственная природа и нашъ разсудокъ и построяютъ временно-пространственный конечный міръ явленій. То, что на самомъ дѣлѣ производитъ явленія и что абсолютно непостижимо для насъ, Кантъ назвалъ „ноуменомъ". Въ изученіи явленій наши познавательныя способности должны бы имѣть единственный и вполнѣ достаточный матеріалъ, но наша мысль не ограничивается ими. Кромѣ имѣющихся у насъ апріорныхъ формъ чувственности и апріорныхъ формъ разсудка, мы владѣемъ еще способностію разума (по Канту, разсудокъ — способность сужденій, разумъ — источникъ идей). Разумъ побуждаетъ человѣка направлять свои изслѣдованія все далѣе, восходить отъ познаннаго къ непознанному, отъ дѣйствія къ причинѣ, побуждая не останавливаться ни на чемъ конечномъ и условномъ. Такимъ образомъ то, къ познанію чего направляетъ разумъ — безконечное и безусловное, абсолютно непостижимо. Но человѣкъ роковымъ образомъ впадаетъ въ заблужденіе и представляетъ себѣ, что та цѣль, которую ему намѣчаетъ разумъ, имъ достигнута. Вслѣдствіе этого заблужденія возникаютъ три идеи, которыя разумъ намѣчаетъ, какъ цѣль, а человѣкъ представляетъ, какъ факты. Это суть идея души, какъ послѣдняго основанія нашихъ душевныхъ состояній, идея міра, субстрата явленій, идея Бога, какъ безусловнаго все обусловливающаго. Такъ мысль создаетъ три объекта, изслѣдованіе которыхъ создаетъ три мнимыя науки—раціональную психологію, раціональную космологію, раціональную теологію—науки о душѣ, мірѣ и Богѣ. О душѣ учатъ, что она есть личность, что она проста, недѣлима, безсмертна. Кантъ подвергаетъ критикѣ всѣ доводы въ защиту этихъ положеній и находитъ, что они обусловливаются смѣшеніемъ понятій и упущеніемъ изъ виду многихъ сторонъ вопроса. Такъ, безсмертіе души доказываютъ тѣмъ, что душа, какъ непространственная (не экстенсивная) величина, не можетъ распасться на части (у ней нѣтъ частей), между тѣмъ смерть, разложеніе состоитъ именно въ распаденіи на части. Разсуждая такъ, упускаютъ изъ виду, что если душа не экстенсивна, то она интенсивна: какъ и всякая сила, она можетъ имѣть большую и меньшую напряженность и можетъ сводиться къ 0 (какъ яркость свѣта). Результатъ психологическаго анализа Канта не тотъ, чтобы доказать, что ученіе раціональной психологіи не основательно, а только тотъ,

чтобы выяснить, что оно не обосновано и не можетъ быть обосновано. Попытки построить ученіе о мірѣ, какъ основанныя на незаконномъ перенесеніи формъ опытнаго познанія къ тому, что не дается въ опытѣ, приводятъ, по Канту, различныхъ мыслителей къ совершенно противоположнымъ утвержденіямъ, которыя съ одной стороны оказываются законными, съ другой—совершенно неправильными. Оказывается, что равно возможно доказывать и опровергать положенія: 1) міръ конеченъ и безконеченъ; 2) міръ состоитъ изъ недѣлимыхъ элементовъ (атомовъ) и въ мірѣ все сложно; 3) въ мірѣ существуютъ свободныя причины и въ мірѣ все совершается по необходимости; 4) въ ряду міровыхъ причинъ есть необходимое существо и въ мірѣ все случайно. Таковы, по Канту, четыре космологическія антиноміи. Для пониманія нравственной и религіозной философіи Канта существенное значеніе имѣетъ третья антиномія. Противорѣчіе между свободою и необходимостію должно явиться неизбѣжно, разъ допущено смѣщеніе явленій и „вещей въ себѣ“. Явленія мы обсуждаемъ съ точки зрѣнія категоріи причинности, а затѣмъ произвольно законъ явленій бытія начинаемъ считать закономъ самаго бытія. Субъектъ свободы (человѣческій духъ „самъ въ себѣ“, не подлежащій условіямъ пространства и времени) мы начинаемъ разсматривать, какъ явленіе, ставимъ его въ ряду другихъ явленій и тѣмъ самымъ заключаемъ его въ оковы необходимости. Но, разъ мы разграничимъ явленія и „вещи въ себѣ“, для насъ станетъ понятною возможность свободной причинности. Когда мы дѣйствуемъ по идеѣ долга, руководясь чистою идеей добра, представленіемъ того, что должно быть,—мы имѣемъ, что причиною нашей дѣятельности является то, что должно быть, но чего еще нѣтъ. Причина лежитъ въ будущемъ, а дѣйствіе—въ настоящемъ, будущее предшествуетъ настоящему. Эти противорѣчія получаются лишь потому, что условія времени прилагаются къ тому, что имъ не подлежитъ: идея добра не подчинена условіямъ времени, она имѣетъ внѣвременный характеръ. Не подлежитъ условіямъ времени и субстратъ душевныхъ явленій; поэтому онъ можетъ быть мыслимъ свободнымъ. Всѣ явленія моей душевной жизни, какъ явленія, подчинены закону необходимости, но основанія моего нравственнаго поведенія, моя воля „сама въ себѣ“ можетъ быть мыслима свободною. Эта воля „сама въ себѣ“, опредѣляемая идеею добра, называется у Канта умопостигаемымъ характеромъ, а совокупность душевныхъ явленій, въ которыхъ онъ открывается, называется характеромъ эмпирическимъ. Построенія раціональнаго богословія, по Канту, также не обоснованы и произвольны, какъ построенія психологическія и космологическія. Въ представленіе Бога вносятъ много антропоморфизмовъ, а самыя доказательства бытія Божія обыкновенно утверждаются на смѣшеніи понятій или на произвольномъ расширеніи основаній. Такъ, онтологическое доказательство говоритъ: „всесовершенное существо непремѣнно существуетъ, потому что въ число его признаковъ, какъ совершеннѣйшаго, входитъ существованіе“. Но, во-1-хъ, если бы даже было такъ, то получилось бы, что мы мыслимъ всесовершеннѣйшее существо существующимъ, а не то еще, что оно существуетъ въ дѣйствительности; изъ необходимости мысли не слѣдуетъ необходимость вещи. Во-2-хъ, существованіе вовсе не есть признакъ ни совершенства, ни несовершенства. Космологическое доказательство заключаетъ отъ условности міра къ существованію его безусловной причины. Здѣсь категорія причинности, приложимая къ явленіямъ, переносится къ субстрату этихъ явленій („вещи въ себѣ“—міру) и затѣмъ дѣлается другой скачекъ, утверждается, что эта причина міра есть существо совершеннѣйшее—Богъ. Телеологическое доказательство заключаетъ отъ цѣлесообразнаго строя міра къ существованію премудраго устроителя—Творца. Но открываемая нами всегда въ частныхъ фактахъ, цѣлесообразность относительна, и если изъ нея еще что и можетъ быть выведено, то развѣ существованіе устроителя и устроителей дѣйствующихъ по цѣлямъ, а вовсе не то, что это есть не высочайшее существо—всесовершеннѣйшій Богъ. Бытіе такого Бога не можетъ быть доказано теоретически; Онъ есть идеалъ, достовѣрность существованія котораго долженъ признать разумъ практическій. Чистый разумъ, по Канту, даетъ формы, въ которыя мы заключаемъ наши

познанія и принципы, руководясь которыми, мы ихъ пріобрѣтаемъ и расширяемъ. Но чистый разумъ не есть весь разумъ. Есть еще разумъ практическій, который диктуетъ правила нашей волѣ. Единственно, что можно считать хорошимъ безъ ограниченія, это—добрая воля. Но какая воля добрая? Та, которая стремится дѣйствовать по долгу, а долгъ есть обязанность совершить дѣйствіе изъ уваженія къ закону. Нравственный законъ, присущій человѣку, даетъ ему приказанія, какъ онъ долженъ поступать. Какъ приказывающій, нравственный законъ есть *категорическій императивъ* (безусловное повелѣніе: см. о семъ ниже въ статьѣ „Категорическій императивъ"). Когда приказанія имѣютъ въ виду достиженіе какой-либо цѣли, они представляютъ собою гипотетическіе императивы. Приказанія, независимыя отъ частныхъ цѣлей, должны быть называемы категорическими. Если мнѣ приказываютъ: не говори въ данномъ случаѣ того-то и того-то, потому-то и потому-то, это будетъ гипотетическое приказаніе (т. е. предполагающее, что изъ его исполненія выйдетъ благо). Если моя воля опредѣляетъ: я не долженъ лгать, не долженъ лгать никогда и ни для какихъ цѣлей, это будетъ приказаніе категорическое. Въ частныхъ случаяхъ можетъ оказаться, что это правило приведетъ къ кажущемуся вреду, но самоопредѣленіе моей воли безусловно и всеобще. *Я долженъ всегда дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы правило моей воли могло быть общимъ закономъ.* Вообще я всегда долженъ поступать не такъ, чтобы каждый мой отдѣльный поступокъ производилъ добро, но такъ, чтобы моя воля всегда была доброю. Отсюда получается, что моя воля, самоопредѣляющая себя къ дѣйствію, есть сама въ себѣ и цѣль. Человѣкъ, его личность есть цѣль сама въ себѣ. Другіе люди представляютъ собой то же, что̀ и я. Поэтому практическій императивъ можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: *дѣйствуй такъ, чтобы признавать человѣчность какъ въ твоей личности, такъ и въ личности другого цѣлію и чтобы никогда не пользоваться ею, какъ средствомъ.* Таланты, знанія, силы человѣка можно употреблять для различныхъ цѣлей, какъ средство, но приспособлять принципы воли, выражающіе личность человѣка, къ какимъ-либо цѣлямъ нельзя. Въ нравственной сферѣ человѣкъ автономенъ. Онъ подчиненъ только своему собственному и въ то же время всеобщему нравственному закону. Пытались представлять, что человѣкъ обязанъ подчиняться нравственному закону или потому, что этого требуетъ Богъ, или потому, что это ведетъ къ собственному благополучію. Всѣ такія попытки вывести обязанность подчиняться долгу изъ внѣшнихъ основаній Кантъ называетъ этерономіею (ἕτερος—другой, νόμος—законъ; значитъ, законъ отвнѣ, чужой) и противополагаетъ имъ свой принципъ автономіи, по которому воля сама для себя есть законъ. Мысль, что всякое разумное существо должно считать себя создателемъ всеобщаго законодательства на основаніи правилъ своей воли и судьею себя и своихъ дѣйствій, приводитъ у Канта къ республикѣ цѣлей. Республикою онъ называетъ систематическую связь разумныхъ существъ, объединенныхъ общими законами. Разумное существо есть членъ царства цѣлей, когда, утверждая всеобщіе законы, самъ повинуется имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и глава царства, когда въ качествѣ законодателя не подчиняется ни чьей сторонней волѣ. Въ нравственной автономіи человѣка открывается его высокое достоинство. Его нельзя измѣрять внѣшнею продажною цѣнностію (какъ цѣну полезныхъ вещей); это—достоинство внутреннее, не подлежащее никакому сравненію и никакой оцѣнкѣ.

Такъ, человѣкъ, какъ нравственная личность, оказывается, по Канту, безмѣрно великимъ и въ то же время, какъ личность познающая, онъ совершенно ничтоженъ. Въ области міра чувственнаго, съ которымъ онъ связанъ всецѣло своими познавательными способностями, онъ на самомъ дѣлѣ ничего не можетъ познать, но въ области міра нравственнаго человѣкъ является законодателемъ и судіею. Между двумя мірами—чувственнымъ и моральнымъ—открывается бездна, черезъ которую Кантъ пытается перебросить мостъ въ своей *критикѣ способности сужденія.* Онъ разсматриваетъ здѣсь сужденія о прекрасномъ, возвышенномъ и, наконецъ, сужденія съ точки зрѣнія цѣлей. Прекрасное вызываетъ въ насъ чувство незаинтересованнаго удовольствія (для прекраснаго не замѣчается

никакой дальнѣйшей цѣли—служить чему-либо). Корень его, по Канту, заключается въ томъ, что въ прекрасномъ открывается какая-то таинственная связь между объективными законами природы и законами нашего разсудка. Прекрасное есть символъ нравственнаго (то и другое имѣютъ цѣль въ себѣ). Отъ прекраснаго должно отличать возвышенное: возвышенное безмѣрно, хаотично, безформенно (океанъ, буря). Возвышенное въ природѣ порождаетъ въ насъ двойной родъ чувствъ: сознаніе своего физическаго ничтожества и сознаніе нравственнаго величія. Человѣкъ — ничто въ сравненіи съ океаномъ, какъ физическая сила; но онъ неизмѣримо выше его, какъ нравственная личность. Кромѣ сужденій эстетическихъ мы руководимся еще сужденіями телеологическими, оцѣниваемъ все съ точки зрѣнія цѣлей. Теоретическій разумъ объясняетъ намъ все механически, но разумъ практическій разсматриваетъ все механически произведенное, какъ назначенное для высшихъ цѣлей. Съ этой точки зрѣнія Кантъ разсматриваетъ исторію, утверждая, что даже борьба и затрудненія, въ которыхъ оказывался человѣкъ, въ концѣ концовъ содѣйствовали развитію его высшихъ способностей.

Въ нравственномъ отношеніи человѣкъ характеризуется независимостію, но въ дѣйствительности это качество принадлежитъ человѣку лишь въ томъ случаѣ, если онъ на самомъ дѣлѣ желаетъ и дѣйствуетъ разумно, т. е. такъ, чтобы всякій иной человѣкъ могъ желать того же и дѣйствовать такъ же. Нравственный законъ, по Канту, есть въ сущности безусловный разумъ, ничему не подчиненный и въ себѣ самомъ имѣющій послѣднее основаніе. Но, какъ таковой, безусловный разумъ не совпадаетъ ни съ отдѣльными единичными стремленіями и наклонностями индивидуумовъ, ни съ суммою ихъ. Въ такомъ случаѣ, что же онъ такое? Этотъ вопросъ естественно направляетъ мысль къ тому, чтобы человѣческій разумъ вывести изъ высшаго принципа, изъ божественнаго перворазума и такимъ образомъ связать автономію человѣка съ теономіею, его свободу съ его зависимостію отъ Бога. Кантъ могъ бы, идя послѣдовательно, истолковать такимъ образомъ нравственность изъ религіи, но Кантъ не сдѣлалъ этого. Кантъ остановился на независимости практическаго разума, т. е. нравственнаго закона, какъ послѣдняго, ничѣмъ не обосновываемаго или объясняемаго факта. Здѣсь естественно долженъ былъ напрашиваться вопросъ, въ чемъ лежитъ причина той дисгармоніи, которая фактически открывается между отдѣльными человѣческими разумными существами и разумомъ, какъ таковымъ, или между дѣйствительными желаніями разума и его чистою волей, какъ она находитъ себѣ выраженіе въ нравственномъ законѣ? Отвѣтъ таковъ: человѣкъ не есть только разумное существо, но онъ есть еще существо чувственное, и какъ его теоретическій разумъ весь матеріалъ для своего познанія долженъ получить изъ чувственнаго міра, такъ его практическій разумъ—вопреки столь рѣзко утверждаемой его независимости—въ конкретныхъ требованіяхъ и дѣйствіяхъ опять-таки связанъ съ чувственною стороной человѣческой природы. Нравственный законъ, какъ таковой, содержитъ въ себѣ только форму поведенія (всеобщая значимость правилъ); если онъ проявляется въ дѣйствіяхъ, то матеріалъ долженъ быть данъ отвнѣ—изъ чувственнаго міра, ближайшимъ образомъ изъ чувственныхъ естественныхъ стремленій. Эта реализація всеобщаго разума, который возвѣщаетъ себя индивидуумамъ, какъ постулятъ въ нравственномъ законѣ, такимъ образомъ in concreto всегда связана съ условіями, которыя лежатъ совсѣмъ не въ разумѣ, но прямо противоположны ему и находятся въ чувственности. Такая чувственность для реализаціи чистаго разума служитъ необходимымъ матеріаломъ и субстратомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчнымъ препятствіемъ, которое не позволяетъ никогда достигнуть цѣли. Подобно тому, какъ въ локомотивѣ треніе, сопротивленіе матеріи служитъ необходимымъ субстратомъ и вмѣстѣ неизбѣжнымъ препятствіемъ поступательнаго движенія колесъ, такъ въ кантовской морали чувственность для разума есть необходимое средство и неизбѣжное препятствіе для его самостоятельной реализаціи; поэтому независимость разума не есть дѣйствительность, но всегда только идеалъ, задача, постулятъ, осуществленіе котораго въ безконечномъ процессѣ есть вѣчно werdende и никогда seiende. Въ практиче-

ской области происходитъ, слѣдовательно, то же, что въ теоретической: какъ тамъ безконечное никогда не есть дѣйствительно познанный предметъ, но всегда только регулятивный принципъ, вѣчно достигаемый и никогда недостижимый идеалъ знанія, такъ здѣсь безусловная независимость есть всегда только задача, идеалъ для дѣйствія; отсюда собственно можно было бы сдѣлать такое заключеніе, что вообще безконечное и безусловное не есть реальность, но только осуществляемое или лучше только становленіе, стремленіе. Кантъ не пошелъ столь далеко; напротивъ, обсуждаемое отношеніе разума и чувственности онъ сдѣлалъ исходнымъ пунктомъ для того, чтобы вывести нравственную вѣру въ Бога и безсмертіе.

Прежде всего существованіе нравственнаго закона утверждаетъ, по Канту, существованіе свободы.

Долгъ—великое, возвышенное слово. Происхожденіе долга можетъ быть только въ томъ, что возвышаетъ человѣка надъ самимъ собою, какъ частію чувственнаго міра, и что связываетъ его съ порядкомъ вещей чисто интеллектуальныхъ. Началомъ долга можетъ быть только *личность*, т. е. свобода или независимость отъ механизма природы, — свобода, разсматриваемая, какъ способность существа, несомнѣнно принадлежащаго къ чувственному міру, но въ то же время подчиненнаго практическимъ законамъ, свойственнымъ только ему одному и предписываемымъ его собственнымъ разумомъ, а слѣдовательно подчиненнаго своей личности, поскольку это существо принадлежитъ къ разумному міру. Есть ли хотя одинъ человѣкъ, сколько-нибудь честный, который не отказался бы когда-нибудь отъ лжи хотя бы и безвредной, единственно затѣмъ, чтобы не презирать самого себя? Не поддерживается ли человѣкъ, пораженный крупнымъ несчастіемъ, сознаніемъ того, что онъ сохранилъ въ немъ свое человѣческое достоинство?

Человѣкъ живетъ и не хочетъ сдѣлаться недостойнымъ жизни. Эта идея достоинства, понятно, неотдѣлима отъ идеи свободы. Но это свое достоинство человѣкъ не можетъ поднять на ту высоту, которая рисуется ему какъ идеалъ, и затѣмъ между нравственнымъ достоинствомъ человѣка и его внѣшнимъ положеніемъ не рѣдко оказывается несоотвѣтствіе: праведникъ страдаетъ, а нечестивый благоденствуетъ. Эти факты, по Канту, обусловливаютъ постулаты безсмертія души и бытія Божія.

Дѣятельность человѣка, какъ существа чувственно-разумнаго, имѣетъ своею цѣлію достиженіе высочайшаго блага, каковая цѣль распадается на двѣ частныя цѣли: 1) святость или добродѣтель, 2) счастіе. Для достиженія первой цѣли требуется безконечное усовершенствованіе. Отсюда слѣдуетъ, что безсмертіе души есть необходимый постулятъ идеи высочайшаго блага, поскольку въ нее входитъ понятіе высочайшаго нравственнаго совершенства. Второй цѣли человѣкъ не можетъ достигнуть своими силами. Должно, чтобы было такое существо, которое бы хотѣло и могло произвести гармонію между счастіемъ и добродѣтелію. Желаніе произвести такую гармонію заставляетъ предполагать въ этомъ существѣ благость, святость, правду, а возможность произвести ее заставляетъ предполагать въ немъ всемогущество, всевѣдѣніе, вѣчность, неизмѣнность и т. д., т. е. таковое существо есть Богъ. Такимъ образомъ бытіе Бога и безсмертіе души суть постулаты нравственной дѣятельности человѣка (признаніе обоихъ этихъ постулатовъ, по Канту, меньше знанія и больше мнѣнія).

Нельзя отказаться отъ того, что съ этими обоими постулатами—Богомъ и безсмертіемъ — открывается возможность полнаго примиренія того дуализма, который — по Кантовской морали — утверждается между разумомъ и нравственностію, и безъ сомнѣнія уже въ этомъ заключается уступка религіи, дѣлаемая независимою моралью. Еще болѣе дается уступокъ, когда утверждается, что нравственный субъектъ самъ не можетъ достигнуть послѣдней цѣли— высшаго блага, что для этого онъ нуждается въ сверхъестественной силѣ. Поэтому нравственная воля, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны (достиженія конечной цѣли) уже не является независимою, но зависимою отъ высшей Божественной воли.

Кантъ остается при томъ, что нравственная воля не должна имѣть никакого отношенія ни къ Божественному Законодателю, ни къ высшему благу, какъ опредѣляющему мотиву. Воля черезъ это, по Канту, запятналась бы, нравственная дѣятельность

стала бы простою легальностію, необходимымъ послушаніемъ внѣшнему авторитету ради его авторитета и его силы, и если бы стремленіе къ высшему благу было опредѣляющимъ мотивомъ, то это было бы эвдемонистическое и ненравственное стремленіе къ наградѣ. Нравственная автономія остается, такимъ образомъ, строго замкнутою въ себѣ, ненуждающеюся и неспособною къ божественному воздѣйствію. Гдѣ же остается мѣсто религіи подлѣ такой самоопредѣляющей и самодовольной нравственности? *Въ томъ,*— отвѣчаетъ Кантъ, — *состоитъ религія, что мы наши нравственныя обязанности сознаемъ, какъ божественныя заповѣди.* Но эти обязанности не потому обязанности, что мы видимъ въ нихъ божественныя заповѣди, но потому, что мы ихъ признаемъ божественными заповѣдями, что непосредственно сознаемъ обязанностями. Нравственность есть такимъ образомъ заключащаяся въ себѣ сущность религіи. Что религія мыслится какъ отношеніе человѣка къ Богу,—это есть только внѣшній придатокъ; это воображаемое отношеніе къ Богу не стоитъ ни въ какомъ необходимомъ отношеніи съ существомъ нравственности, но примыкаетъ къ нему отвнѣ, какъ платье или украшеніе, чтобы прикрыть ея суровыя формы и сдѣлать для слабаго человѣка пріятною и привлекательной. Убѣжденіе въ возможности привлечь на себя дѣйствія благодати (отличной отъ насъ природы) есть мечта, такъ какъ мы не можемъ никакого сверхчувственнаго предмета познать въ опытѣ, ни тѣмъ менѣе— вліять на него такъ, чтобы привлечь его къ себѣ. Это видъ суевѣрія привлекать къ себѣ небесныя явленія, это—мечты, въ которыхъ хотя и можетъ быть согласный методъ, однако мнимыя внутреннія вліянія должны сводиться на нравственныя, какъ разумныя. Религія всегда будетъ убыточнымъ самообманомъ. Это не суевѣріе только совершеніемъ нравственно безразличныхъ дѣйствій (культа) благорасположить Бога, но это есть нелѣпая мечта стремиться къ мнимому общенію съ Богомъ, такъ какъ это чувство непосредственнаго присутствія высшаго существа и отличіе этого чувства отъ всякаго другого, даже отъ нравственнаго, было бы воспріятіемъ воззрѣнія, для котораго въ человѣческой природѣ нѣтъ никакого органа. Такая галлюцинирующая мечта была бы нравственною смертію для разума, безъ котораго не можетъ утверждаться никакая религія, такъ какъ всякая религія, какъ и вся нравственность, должна утверждаться на правилахъ. Отсюда церковная вѣра, если она не можетъ обойтись безъ твердо установленныхъ положеній (которыя содержатъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ чистую нравственность), во всякомъ случаѣ должна имѣть принципомъ, что она должна представлять конечною цѣлію религію добраго образа жизни и что безъ всего прочаго она можетъ обойтись. Религія, по Канту, заключается слѣдовательно въ благоповеденіи и совпадаетъ съ моралью. Все прочее, что приходитъ сверхъ этого, состоитъ или во внѣшнемъ культѣ, или во внутреннихъ религіозныхъ возбужденіяхъ:—частію это плодъ самообмана, частію нѣчто полезное для человѣческой слабости. Полезное, поскольку несомнѣненъ фактъ, что человѣкъ слабъ, его природѣ присуще радикальное зло, отдѣльные злые поступки указываютъ на живущую въ человѣкѣ наклонность ко злу, которая не находитъ для себя дальнѣйшаго объясненія. Для начальной борьбы съ этимъ радикальнымъ зломъ и могутъ быть полезны и внѣшнія, и постороннія побужденія къ нравственной дѣятельности. Цѣлію нравственной дѣятельности каждаго лица должно быть осуществленіе въ себѣ нравственнаго идеала человѣка. Такой нравственный идеалъ представленъ въ лицѣ вѣчнаго Сына Божія—Христа. Вѣрить во Христа значитъ осуществлять въ себѣ идеалъ угоднаго Богу человѣка, но не значитъ вѣровать въ Іисуса Назаретскаго. Жизнь Іисуса Назаретскаго и Его чудеса, по Канту, должно толковать моральнымъ образомъ.

Совершенная праведность, т. е. чистая или божественно-настроенная воля обнаруживается въ постоянномъ и рѣшительномъ торжествѣ надъ всѣми искушеніями; высшее выраженіе святости есть добровольно принятое страданіе во имя нравственнаго принципа. Для грѣшнаго человѣка страданіе есть необходимый моментъ въ процессѣ избавленія отъ зла, оно есть неизбѣжное наказаніе за грѣхъ; но страданіе человѣка безгрѣшнаго (Сына Божія), не будучи слѣдствіемъ собственнаго грѣха, можетъ имѣть

замѣщающую силу, или покрывать грѣхи человѣчества. Для истинной религіи необходима практическая вѣра въ нравственный идеалъ, т. е. въ совершенство праведнаго человѣка или Сына Божія, который есть разумное основаніе, цѣль и смыслъ всего существующаго. У праведника эмпирическій характеръ (явленіе) и умопостигаемый („вещь въ себѣ") совпадаютъ. Сужденіе умопостигаемаго характера объ эмпирическомъ есть совѣсть. Признавать воплощеніе этого идеала фактически совершившимся въ лицѣ Іисуса Христа не противорѣчитъ разуму, если только такую историческую вѣру подчинять моральной, т. е. относить ее исключительно къ тому, что въ жизни Христа имѣетъ нравственный смыслъ. Для достиженія нравственныхъ цѣлей человѣку помогаютъ другіе люди, общество, иначе церковь. Церковь должна быть одна и ея основа—чистая разумная вѣра; эту разумную вѣру, имѣющую свой непосредственный источникъ въ нравственной природѣ человѣка, затемняетъ вѣра историческая, породившая множество религій и церквей. Исторія христіанской церкви есть исторія борьбы разумной вѣры съ историческою. Историческая вѣра требуетъ отъ человѣка, кромѣ нравственности, еще внѣшняго богопочитанія: согласно съ этой вѣрою можно достигнуть благоволенія Божія особенными средствами. Это значитъ,—говоритъ Кантъ,—дѣлать Бога фетишемъ, идоломъ, доступнымъ ласкательству. Богослуженіе имѣетъ свою поддержку въ бѣгущемъ работы легкомысліи людей: трудно быть хорошимъ слугою, легче быть фаворитомъ; люди почитаютъ божественныя заповѣди для того, чтобы не исполнять ихъ. Кантъ допускаетъ нѣкоторую полезность исторической или церковной вѣры для юнаго человѣчества, но для зрѣлаго она ненужна: она требуется, пока человѣкъ не укрѣпился въ добрѣ, а тамъ ей можно указать двери. Этимъ взглядомъ Канта на историческую вѣру обусловливается неустойчивость его воззрѣній на откровеніе, благодать, чудеса, таинства, обрядовыя дѣйствія. Откровеніе, по его мнѣнію, возможно, но не необходимо; благодатная помощь тоже возможна (по крайней мѣрѣ, невозможность ея нельзя доказать), но на нее не слѣдуетъ разсчитывать. Чудеса противорѣчатъ законамъ опыта и не содѣйствуютъ выполненію нравственныхъ обязанностей. Кантъ раздѣляетъ ихъ на физическія и нравственныя, но не находитъ въ прошедшемъ никакого факта, который должно бы было признать дѣйствительно чудеснымъ. Кантъ, правда, не видитъ нужды оспаривать, что въ прошедшемъ были чудеса, хотя и рекомендуетъ ихъ объяснять въ нравственномъ смыслѣ, но онъ приходитъ къ заключенію, что въ настоящемъ и будущемъ чудеса уже не бываютъ и не могутъ быть. И благоразумныя привительства, — говоритъ Кантъ,— приняли за правило допускать, что въ древности бывали чудеса, но новыхъ отнюдь не дозволять. Обрядовыя дѣйствія, по Канту, имѣютъ значеніе лишь, какъ внѣшнее выраженіе внутренняго настроенія, но не сами по себѣ. Таково ученіе Канта о религіи.

Должно признать, что въ отдѣльныхъ сужденіяхъ Канта заключается не мало справедливаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ должно признать, что въ своихъ нравственныхъ сужденіяхъ онъ неправъ во многомъ, а въ сужденіяхъ о религіи неправъ въ существенномъ. Намъ кажется, что одно изъ положеній философіи Лейбница и его школы или даже—вѣрнѣе—его эпохи, развитое до своихъ крайнихъ выводовъ, и составляетъ въ значительной части содержаніе философіи Канта. У Лейбница личность есть самозамкнутая монада, которая ни во что не можетъ проникнуть и въ которую не можетъ проникнуть ничто. Эта теорія непроницаемости личнаго духа, теорія невозможности взаимодѣйствія, развивавшаяся уже въ XVII столѣтіи, принимается Кантомъ. Скептическое направленіе, шедшее совсѣмъ съ другой стороны (Монтэнь, Юмъ), нашло въ ней свое обоснованіе. Если человѣческій духъ абсолютно непроницаемъ, то онъ абсолютно не можетъ познать дѣйствительности. Таковъ гносеологическій принципъ Канта. Но изъ этой же обособленности духа слѣдуетъ и его независимость и то, что онъ долженъ дѣйствовать по законамъ собственной природы. Таковъ этическій принципъ Канта. Христіанская религія призываетъ къ тѣснѣйшему богообщенію. Сынъ Божій субстанціально соединяется съ человѣческой природой. Духъ Божій живетъ въ чистыхъ человѣческихъ сердцахъ. Но, по

теоріи Канта, ничто не можетъ проникать въ человѣка. Духъ Божій не живетъ въ человѣкѣ; Сыну Божію не за чѣмъ было воплощаться, такъ какъ никакое воплощеніе не соединитъ Его съ людьми. Человѣкъ абсолютно разобщенъ съ Богомъ и дѣйствуетъ только отъ себя и чрезъ себя. Таковъ теологическій принципъ Канта. Принципъ духовной непроницаемости, усвоенный Кантомъ отъ его вѣка и развитый имъ до крайнихъ логическихъ выводовъ, породилъ его гносеологическія, этическія и религіозныя заблужденія.

Кантъ остановился на представленіи въ сущности очень вульгарномъ и некритическомъ, что территорія познанія для нашего духа ограничивается геометрическою поверхностію нашего тѣла. Позволительно думать, что если бы великій кёнигсбергскій мыслитель жилъ въ наше время, онъ иначе бы отнесся къ поставленному имъ во главу зданія принципу. Тогда въ физикѣ, какъ несомнѣнная истина, господствовала теорія непроницаемости. Теперь она колеблется съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Открываются лучи всепроникающіе и какъ бы оказывается, что все можетъ проникать всюду. Во время Канта только смѣялись надъ мыслію о дѣйствіи духа на разстояніи. Теперь такія дѣйствія тщательно изучаются. Но никакая сила не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ; всякое дѣйствіе предполагаетъ собою взаимопроницаемость. Въ сферѣ нравственной люди это чувствовали и инстинктивно понимали всегда. „Да будутъ всѣ едино"—вотъ идеалъ человѣческаго общества. „Едино" не въ смыслѣ внѣшней гармоніи, внѣшняго распорядка, а въ смыслѣ внутренняго единенія, духовнаго сліянія, при которомъ каждый бы чувствовалъ чувства своего ближняго. При такомъ единеніи каждый бы и давалъ своему ближнему отъ своихъ духовныхъ богатствъ и получалъ бы отъ него, чего не имѣлъ самъ. Терминологія языка показываетъ, что именно такъ люди всегда понимали идеалъ морали. Что̀ значитъ сострадать несчастному или больному? По точному значенію слова, значитъ взять на себя часть его страданій. Но какъ же можно взять на себя страданія сироты, лишившагося отца, или человѣка, лежащаго въ тяжкой болѣзни? Очевидно, ихъ можно взять только духовно, и однако несомнѣнно, что искреннее состраданіе всегда приносило и приноситъ облегченіе страдающему.

Благополучіе совершенное—блаженство состоитъ въ удовлетвореніи любви, въ обладаніи или общеніи съ тѣмъ, что любишь. Чѣмъ выше объектъ любви и чѣмъ тѣснѣе единеніе съ любимымъ, тѣмъ выше блаженство. Высочайшій объектъ любви есть Богъ. Тѣснѣйшее единеніе съ Богомъ и съ тѣми, кто близокъ къ Богу, есть идеалъ блаженства. *Да будутъ вси едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино* (Ін. **17**, 21). Теорія непроницаемаго индивидуализма, принятая Кантомъ, не допускаетъ принятія этихъ христіанскихъ представленій. Самозамкнутый индивидуумъ, усовершаясь морально и интеллектуально, въ сущности не сближается ни съ кѣмъ и не пріобщается ни къ чему высшему. Что̀ это за процессъ усовершенствованія? Что̀ это за безсмертіе въ пустынѣ? Вѣдь о другихъ лицахъ мы имѣемъ, по Канту, лишь субъективныя представленія, мы не можемъ выйти изъ предѣловъ собственной личности. Значитъ, мы обречены вѣчно оставаться одинокими, въ сущности никому и ни на что ненужными. И между Богомъ и нами вѣчно будетъ непереходимая бездна, Бога никогда не будетъ въ насъ, значитъ, мы вѣчно будемъ безбожными.

Вотъ—выводы, которые, намъ кажется, слѣдуютъ изъ философіи Канта. Кантъ ихъ не дѣлалъ, но для насъ они являются маяками, предупреждающими, что если принять философію Канта въ ея цѣломъ, то можно разбиться о нѣкоторыя скалы. Но въ отдѣльныхъ положеніяхъ этой философіи много добраго. Изъ четырехъ основныхъ истинъ религіи, которыя обыкновенно принимаются человѣческимъ сознаніемъ, двѣ Кантъ утверждаетъ безъ колебанія. Четыре истины суть: бытіе Божіе, провидѣніе, свобода и безсмертіе человѣка. Относительно первой и послѣдней Кантъ безусловно не выражаетъ никакихъ сомнѣній. Онъ принимаетъ и третью (свободу), но въ сужденіяхъ о ней онъ обнаруживаетъ неясность и какую-то неустойчивость. Нужно имѣть въ виду, что такая неясность въ сужденіяхъ о свободѣ существуетъ у многихъ философовъ,

и относительно нѣкоторыхъ мы думаемъ, что въ концѣ концовъ о нихъ нельзя рѣшить, были ли они детерминистами или индетерминистами? Вторую истину религіи (провидѣніе) Кантъ, повидимому, отрицаетъ. Но здѣсь происходитъ нѣчто противоположное тому, что мы видѣли по отношенію къ третьей истинѣ. Ту Кантъ призналъ и однако за нимъ опасно слѣдовать въ его признаніи, эту (вѣру въ провидѣніе) Кантъ отвергъ и однако затѣмъ онъ дѣлаетъ одинъ за другимъ шаги въ сторону ея признанія. Благодать можетъ быть возможна, историческая вѣра иногда можетъ быть полезна, культъ можетъ служить естественнымъ выраженіемъ настроенія. Что это такое: отступленіе отъ своихъ принциповъ, отрицаніе самого себя? Поучительно поразмыслить надъ этими разсужденіями философа, въ которыхъ онъ отступается отъ выводовъ, слѣдующихъ изъ его принциповъ, и дѣлаетъ одну за другою уступки сначала отвергнутымъ имъ общечеловѣческимъ вѣрованіямъ.

Сочиненія Канта. Gedanken von der wahren Schätzung der lebendigen Kräfte, 1746. De igne Principiorum primorum cognitionis metaphysicae dilucidatio. Allgemeine Naturgeschichte und Theorie d. Himmels— всѣ въ 1755 г. Monadologia physica, 1756. Die fälsche Spitzfindigkeit d. syllogistischen Figuren, 1762. Der einzig mögliche Beweisgrund zu einer Demonstration d. Dascins Gottes, 1763. Versuch den Begriff d. negativen Grössen in die Weltweisheit einzuführen, 1763. Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze natürlichen Theologie und der Moral, 1764. Beobachtungen über d. Gefühl d. Schönen und Erhabenen, 1764. Träume eines Geistersehers erläutert durch Träume d. Metaphysik, 1766. Von dem ersten Grunde d. Unterschiedes der Gegenden im Raume, 1768. De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis, 1770. *Kritik der reinen Vernunft*, 1781. Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können, 1783. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, 1785. *Kritik der praktischen Vernunft*, 1788. Kritik der Urteilskraft, 1790. Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft, 1793. Der ewige Frieden, 1795. Streit der Fakultäten, 1798. Anthropologie, 1798. Кромѣ этихъ сочиненій Канту принадлежитъ еще значительное число менѣе важныхъ статей разнаго содержанія, часть ихъ вошла въ названные труды. На русскомъ языкѣ доселѣ нѣтъ полнаго перевода сочиненій Канта. „Критика чистаго разума“ переводилась неоднократно (Владиславлевымъ, Гуревичемъ, Н. М. Соколовымъ); „Критика практическаго разума“— также (Смирновымъ, затѣмъ—подъ редакціею Грота); „Критика способности сужденія“—Н. М. Соколовымъ; „Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ“—† Владим. С. Соловьевымъ; „Физическая монадологія“—Флоренскимъ, „Религія въ границахъ одного только разума“—студентами московской Дух. Академіи подъ редакціею проф. П. В. Тихомирова.

Литература о Кантѣ необозрима. Съ 1896 г. *Файгингеръ* (Faihinger) издаетъ спеціальный органъ для изученія Канта— „Kantstudien“. Руководящими трудами для изученія Канта являются *Куно Фишеръ* (3-ій и 4-ый томы его Исторіи новой философіи) и *Паульсенъ*: Имман. Кантъ, его жизнь и ученіе. Оба автора имѣются на русскомъ языкѣ. Изложеніе и разборъ религіозной философіи Канта на русскомъ языкѣ можно найти въ слѣдующихъ трудахъ: *Скворцова*, Критическое обозрѣніе кантовской религіи въ предѣлахъ одного разума, Спб. 1837, † проф. *В. Д. Кудрявцева*—Религія, ея сущность и происхожденіе, М. 1872; проф. *М. Д. Муретова*, Герменевтическая теорія Канта („Богосл. Вѣстн.“ 1892 г.), *Кирилловича*:—„Ученіе Канта о радикальномъ злѣ и ученіе Канта о церкви („Вѣра и Разумъ“ 1893 и 1894 гг.), Ученіе Канта объ оправданіи („Богосл. Вѣстн.“ 1893 и 1894 гг.); о. проф. протоіер. *Т. И. Буткевича*, Религія, ея сущность и происхожденіе I; Харьковъ 1902; проф. *С. С. Глаголева*, Религіозная философія Канта („Вѣра и Разумъ“ 1904 г. № 3 и отдѣльно) Харьковъ 1904). [*T. Simon*, Kant als Bibelausleger въ „Neue kirchliche Zeitschrift“ XV, S. 113 — 138, и ср. „Biblische Zeitschrift“ III (1905), 1, S. 75. Проф. *Д. И. Богдашевскій*, Философія Канта, вып. 1: Анализъ критики чистаго разума и критики практическаго разума, Кіевъ 1898 изъ „Трудовъ Кіевской Дух. Академіи“ за 1898 г.].

С. Глаголевъ.

Канты, *кантычки*—пѣсни духовнаго содержанія съ поэтическимъ сюжетомъ и большею частію медленнымъ, важнымъ напѣвомъ. Нужно отличать канты отъ псальмъ, т. е. переложеній псалмовъ, и собственно духовныхъ стиховъ народнаго происхожденія. Въ XVII и XVIII вв. канты были принадлежностію школьнаго обихода, преимущественно латино - польскихъ - католическихъ и уніатскихъ, а потомъ и въ русскихъ юго-западныхъ школахъ, но быстро проникли и въ народное употребленіе. Въ соединеніи съ народными мелодіями канты пріобрѣли широкое распространеніе, сдѣлав-

шись любимымъ народнымъ пѣніемъ, почему вошли въ составъ и „Богогласниковъ“. Въ XVIII в. въ великой Россіи даже такіе враги всякихъ новшествъ, какъ старообрядцы, ввели канты въ употребленіе въ своихъ скитахъ.—Отъ XVII и особенно XVIII в. въ архивахъ и библіотекахъ сохраняется значительное количество нотныхъ рукописей съ кантами, еще недостаточно обслѣдованныхъ и съ литературной, и съ музыкально-этнографической стороны. Существующія изслѣдованія занимаются предпочтительно собственно духовными стихами, псальмами и виршами.

Ср. проф. *В. Н. Перетцъ*, Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы: Изъ исторіи русской пѣсни, т. I, СПБ. 1900.

А. Преображенскій.

Канунъ см. „Навечеріе“.

Канутъ или Кнутъ II, **великій,** король Англій и Даніи (1014—1035 г.), по смерти отца Свейна Габельборта избранный королемъ, принялъ крещеніе съ именемъ Ламберта и началъ распространять христіанство въ Даніи. Такъ какъ въ Англіи христіанство въ это время уже утвердилось, то Канутъ пользовался помощію англійскаго духовенства. Напр., прибывъ въ 1019 г. изъ Англіи въ Данію, онъ привезъ съ собою много священниковъ и нѣсколько епископовъ, посвященныхъ англійскими епископами, и поручилъ имъ проповѣдывать Евангеліе въ Даніи, Швеціи, Норвегіи и даже въ Исландіи. Канутъ в. обратилъ много языческихъ храмовъ въ христіанскіе, построилъ нѣсколько новыхъ церквей и монастырей, служившихъ школами для духовенства, и обезпечилъ ихъ богатыми доходами. Все духовенство было изъято изъ вѣдѣнія свѣтскихъ судовъ. Въ 1022 г. былъ назначенъ епископомъ Зеландіи Гербрандъ. Основаны были въ 1026 г. новыя епархіи въ Шоненѣ и Фюненѣ. Канутъ в. предпринялъ путешествіе въ Римъ къ папѣ Іоанну XIX и пробылъ тамъ всю зиму. Мотивы этого путешествія были отчасти политическіе, отчасти религіозные: ему хотѣлось добиться уменьшенія слишкомъ тяжелыхъ поборовъ въ пользу Рима съ англійскихъ и датскихъ епископовъ и возвысить свою власть союзомъ съ Римомъ, а съ другой стороны онъ думалъ паломничествомъ искупить жестокости своего царствованія. Хотя въ церковномъ отношеніи Данія зависѣла отъ Гамбурга, Канутъ в. ввелъ въ ней англійскіе церковные законы. Изъ данныхъ въ 1032 г. законовъ для придворныхъ видно, что Канутъ в. стремился уничтожить поединокъ, какъ средство рѣшенія судебныхъ дѣлъ, замѣнивъ его свидѣтельскими показаніями, и лишь въ затруднительныхъ случаяхъ допускалъ „Божій судъ“ чрезъ испытаніе каленымъ желѣзомъ.

Литература. *Münter*, Geschichte der Einführung des Christenthums in Dänemark und Norwegen I, Lpzg 1823, 405 сл., 410 сл.; *Dahlmann*, Gesch. von Dänemark bis zur Reformation I, 108; *Saxo Grammaticus*, Hist. Dan. LL. XVI, lib. 10, ed. Stephanius, Sor. 1644, стр. 192—203; примѣч. ib. 1645, 209—213; *Fehr* въ Kirchenlexicon v. Wetzer-Welte II[2], 1878—1879 г.; *Робертсонъ* и *Герцогъ*, Исторія хр. церкви I, стр. 970; † *Н. А. Осокинъ*, Исторія среднихъ вѣковъ, I, стр. 305—6; *Лависсъ* и *Рамбо*, Всеобщая исторія, I, 628—631; II, 670 сл.; *Нилъ Поповъ*, Обращеніе въ христіанство скандинав. странъ: „Миссіонеръ 1874“, № 42, стр. 365—368.

С. Троицкій.

Канутъ—святой католической церкви, четвертый съ этимъ именемъ король датскій (1080—1086 г.). Второй сынъ короля Свенда Эстридсена и зять Роберта, графа фландрскаго, онъ вступилъ на престолъ послѣ своего старшаго брата Гаральда въ 1080 г.; отличался благочестіемъ и безпредѣльною преданностію папскому авторитету. Канутъ ввелъ нѣкоторыя полезныя реформы въ своемъ государствѣ, облегчилъ тяжелую участь многочисленныхъ рабовъ-христіанъ англо-саксовъ, съ которыми до сихъ поръ обращались, какъ съ простымъ скотомъ, и покровительствовалъ земледѣлію. Суровый аскетъ, питавшійся овощами и водою, онъ хотѣлъ навязать безбрачіе духовенству и истребить послѣдніе остатки умиравшаго язычества какъ въ своемъ государствѣ, такъ и за его предѣлами. Съ этою цѣлію онъ въ первый же годъ своего царствованія предпринималъ крестовый походъ противъ языческаго населенія въ Ливоніи, но побѣды его здѣсь не сопровождались какимъ-либо прочнымъ результатомъ. Питая уваженіе къ духовнымъ лицамъ, Канутъ

поднялъ епископское званіе до ранга наивысшей знати въ государствѣ и избралъ изъ среды епископовъ судей и министровъ. Народъ съ неудовольствіемъ переносилъ самовластіе духовенства и посягательства на ихъ древніе обычаи и привычки. Когда Канутъ, убѣждаемый духовенствомъ, задумалъ узаконить „десятину" въ качествѣ обязательнаго налога,—народъ, отягченный поборами, возмутился. Чиновники государственнаго казначейства были убиты, и самъ король умерщвленъ въ г. Одансе, на ступенькахъ алтаря въ церкви св. Албана, въ 1086 г. Жена Канута бѣжала на свою родину, въ графство Фландрское, вмѣстѣ съ сыномъ Карломъ, а датскій тронъ перешелъ къ Олафу, третьему сыну короля Свенда. Римская церковь признала Канута за мученика и канонизовала его въ 1100 г. Сынъ Канута Карлъ, сдѣлавшись графомъ фландрскимъ, былъ также убитъ въ церкви г. Брюжа въ 1127 году и причисленъ къ лику святыхъ папою Александромъ III въ 1164 году. Житіе св. Канута, написанное на латинскомъ языкѣ англійскимъ монахомъ Эльнотомъ (Oelnotus, De vita et passione Canuti), напечатано въ Копенгагенѣ въ 1602 г., въ Ганау (15 верстъ отъ Франкфурта на Майнѣ) въ 1633 и въ 1657 г. въ 4°. Существуетъ еще житіе, писанное на итальянскомъ языкѣ Андреемъ Анжелетти.

[См. *Saxo Grammaticus*, Hist. Dan. LL. XVI, lib. 11, p. 214—222,—прим. 222—223; Acta sanctorum *Bolland*. Julii III, 118 см., *F. Lichtenberger* въ Encyclopédie II, p. 615—616; *Wetzer* und *Welte* въ Kirchenlexicon II², Sp. 1879].

Н. В. П—въ.

Канцелярія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Высочайшимъ указомъ 11 мая 1722 г. Сенату предписано было „въ Синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, чтобъ имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать и быть ему оберъ-прокуроромъ". Затѣмъ 13 іюня того же 1722 г. оберъ-прокурору была преподана Высочайше утвержденная инструкція, которою опредѣлялись его права и обязанности и указывалось его положеніе въ государственномъ управленіи. Здѣсь онъ именуется „окомъ государя" въ Святѣйшемъ Синодѣ и „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ" въ области церковнаго управленія; по этой инструкціи онъ является посредникомъ между Синодомъ и государственною властію, блюстителемъ за правильнымъ, своевременнымъ и законномѣрнымъ теченіемъ дѣлъ, производящихся въ Синодѣ, и вообще по управленію церковному. Въ виду такого положенія оберъ-прокурора въ государственномъ и церковномъ управленіи, естественно и необходимо имѣть ему въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи особую Канцелярію—учрежденіе, чрезъ которое онъ могъ бы дѣйствовать въ отправленіи многочисленныхъ и сложныхъ оберъ-прокурорскихъ обязанностей. Въ первое время существованія должности оберъ-прокурора не было, однако, образовано отдѣльно для него Канцеляріи. Инструкціею 13 іюня 1722 г. ему, между прочимъ, повелѣно было „въ своей дирекціи имѣть Канцелярію синодскую и служителей оной" (т. е., по современному словоыраженію, быть директоромъ Канцеляріи Святѣйшаго Синода). Въ этой-то Канцеляріи сначала и было выдѣлено особое небольшое дѣлопроизводство для веденія дѣлъ собственно оберъ-прокурорскихъ. Но съ теченіемъ времени такой порядокъ веденія этихъ дѣлъ становился все болѣе затруднительнымъ. Усложнялись дѣла государственныя; развивались и преобразовывались государственныя учрежденія,—такъ, образованы были министерства, учреждено и нѣкоторое время существовало и Министерство духовныхъ дѣлъ; развивалась жизнь общественная. Умножались и усложнялись и собственно церковныя дѣла; преобразовывались и появлялись новыя учрежденія и въ главномъ управленіи Синода, и въ управленіяхъ епархіальныхъ,—такъ, между прочимъ, увеличеніе денежныхъ капиталовъ, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи Синода, требовало особаго за ними наблюденія въ соотвѣтственныхъ учрежденіяхъ, особаго же наблюденія требовали переданныя въ вѣдѣніе Св. Синода двѣ обширныя типографіи, все бо̀льшее распространеніе духовно-учебныхъ заведеній привело къ образованію, для завѣдыванія ими, въ вѣдѣніи оберъ-прокурора особой Коммиссіи духовныхъ училищъ, а въ связи со всѣмъ этимъ по необходимости увеличивалось число служащихъ, состоящихъ въ ближайшемъ под-

чиненія оберъ-прокурору. При развитіи государственности и общественности, когда дѣла церковныя болѣе и болѣе соприкасались въ различныхъ отношеніяхъ съ дѣлами другихъ вѣдомствъ и общества, являлась необходимость выясненія и разграниченія правъ церкви и другихъ вѣдомствъ, мѣстъ и лицъ, защиты интересовъ церкви (особенно по дѣламъ тяжебнымъ и имущественнымъ) и вообще ходатайствъ по дѣламъ церковнымъ предъ Высочайшею властію, высшими государственными учрежденіями и различными мѣстами. Все это увеличивало и создавало новыя обязанности оберъ-прокурора и постепенно все настоятельнѣе заставляло чувствовать необходимость въ учрежденіи особой для него Канцеляріи, которое наконецъ и состоялось въ 1836 г.

Ближайшія побужденія къ образованію отдѣльной Канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода выяснены были въ представленномъ въ 1836 г. на Высочайшее воззрѣніе оберъ-прокуромъ гр. Пратасовымъ, вскорѣ по вступленіи его въ эту должность, всеподданнѣйшемъ докладѣ о положеніи дѣлопроизводства при оберъ-прокурорѣ, гдѣ они представляются въ слѣдующемъ видѣ. „На оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, при установленіи сей должности,—говорится въ докладѣ,—возложены были различныя обязанности, которыя усугублялись по мѣрѣ распространенія круга дѣйствій Синода и вѣдомства онаго. Съ теченіемъ времени обязанности сіи несравненно увеличились: 1) по учрежденіи Коммиссіи духовныхъ училищъ, въ видѣ особаго духовнаго департамента, важнаго по цѣли, многосложнаго по занятіямъ и средствамъ, и 2) по упраздненіи бывшаго Министерства духовныхъ дѣлъ: ибо съ сего времени обращены на оберъ-прокурора различныя обязанности, лежавшія на министрѣ, чрезъ котораго духовное и гражданское начальства сносились по взаимнымъ надобностямъ. Въ послѣднее время оберъ-прокуроръ получилъ еще въ свое управленіе Главный Контроль по духовному вѣдомству. Наконецъ, онъ обязанъ представлять отчетъ Вашему Императорскому Величеству о ходѣ дѣлъ по всему управленію. Для исполненія всѣхъ сихъ обязанностей оберъ-прокуроръ имѣетъ при себѣ 1) оставленное въ завѣдываніи его отъ бывшаго Департамента духовныхъ дѣлъ одно Отдѣленіе [1]) и 2) при дѣлахъ Св. Синода Канцелярію, состоящую изъ одного чиновника съ однимъ канцелярскимъ служителемъ. Между тѣмъ въ сихъ Отдѣленіи и Канцеляріи производится нынѣ дѣлъ и бумагъ почти вдвое противу числа тѣхъ, которыя проходятъ чрезъ Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій при 3-хъ отдѣленіяхъ съ особой канцеляріей. Въ сихъ, ограниченныхъ по числу чиновниковъ, Отдѣленіи и Канцеляріи производятся нынѣ слѣдующія дѣла: 1) исполненіе по опредѣленіямъ Св. Синода и журналамъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, которыми предоставляется оберъ-прокурору о различнаго рода предметахъ или представлять на Высочайшее благовоззрѣніе, или входить въ сношеніе съ лицами и мѣстами гражданскаго вѣдомства, или чинить какіе либо распоряженія; 2) разсмотрѣніе поступающихъ изъ Правительствующаго Сената на заключеніе оберъ-прокурора тяжебныхъ дѣлъ, до церкви собственно или людей духовнаго званія касающихся; 3) разсмотрѣніе всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ на рѣшенія низшихъ мѣстъ духовнаго вѣдомства и Святѣйшаго Синода; собраніе по онымъ справокъ съ самыми дѣлами, отписка по онымъ, или доклады Вашему Величеству; 4) разсмотрѣніе прошеній и жалобъ, подаваемыхъ на имя оберъ-прокурора по дѣламъ, производящимся въ епархіяхъ или Св. Синодѣ; 5) различныя сношенія съ епархіальными начальниками и предписанія секретарямъ консисторій отъ оберъ-прокурора въ качествѣ наблюдающаго за порядкомъ въ канцеляріяхъ среднихъ и низшихъ мѣстъ духовнаго вѣдомства; 6) разсмотрѣніе донесеній о происшествіяхъ въ церквахъ и о поведеніи духовенства, а также составленіе разныхъ опредѣленныхъ

[1]) Разумѣется существовавшее съ 1824 г. въ видѣ особаго учрежденія, Отдѣленіе духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія. Существовавшее въ то время въ вѣдѣніи оберъ-прокурора другое подобное же Отдѣленіе духовныхъ дѣлъ греко-унитскаго исповѣданія не упоминается здѣсь вѣроятно потому, что въ докладѣ ближайшимъ образомъ выясняется, въ какомъ положеніи находилось завѣдываніе дѣлами собственно православнаго исповѣданія.

уставами вѣдомостей и списковъ; 7) производство дѣлъ по типографіямъ и книжнымъ лавкамъ; 8) распоряженіе суммами типографскими, бывшаго библейскаго Общества, штатными синодскими и всякаго рода чрезъ Синодъ переходящими; 9) производство объ опредѣленіи и увольненіи чиновниковъ Канцеляріи Св. Синода и Отдѣленія, а также секретарей всѣхъ консисторій; 10) о награжденіи чиновниковъ по всему вѣдомству; 11) собраніе свѣдѣній и составленіе годового отчета о распоряженіяхъ и ходѣ дѣлъ по всему духовному вѣдомству. Таковое разнообразіе главныхъ предметовъ,—не касаясь другихъ, не столько важныхъ,—сосредоточивается въ Отдѣленіи и Канцеляріи, состоящей изъ одного чиновника съ канцелярскимъ служителемъ, сопряжено съ множествомъ переписки и требуетъ неминуемо трудовъ такихъ, которые очевидно внѣ способовъ Отдѣленія и Канцеляріи, въ нынѣшнемъ положеніи оныхъ. Отъ сего 1) не всѣмъ дѣламъ дается одинаковое движеніе,—такъ, многосложныя дѣла по тяжбамъ о церковной собственности, поступающія изъ Правительствующаго Сената, поручаются къ разсмотрѣнію чиновнику особыхъ порученій, который не рѣдко командируется въ епархіи: то на время отсутствія его,—иногда, по роду порученія, и продолжительнаго,—дѣла сіи, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ достояніе церкви и частныхъ лицъ, остаются безъ движенія; 2) не всѣ дѣла могутъ быть разсматриваемы съ тѣмъ подробнымъ соображеніемъ всѣхъ обстоятельствъ и вниманіемъ, которыхъ они требуютъ, а другія не съ должною поспѣшностію производятся; 3) нѣтъ способовъ разсматривать и повѣрять своевременно доставляемыя изъ епархіи свѣдѣнія, тогда какъ въ будущемъ предвидится надобность привесть еще въ бо́льшую извѣстность различные предметы, входящіе въ составъ духовнаго вѣдомства, какъ собственно по церковному управленію, такъ по экономической части, относительно важныхъ церковныхъ имѣній, въ Бессарабіи и Грузіи находящихся, о которыхъ доселѣ весьма мало извѣстно; 4) нѣтъ также способовъ ввесть должную отчетность въ дѣлопроизводство и нѣтъ возможности постоянно наблюдать за ходомъ дѣлопроизводства по канцеляріямъ среднихъ и низшихъ присутственныхъ мѣстъ духовнаго вѣдомства. Въ семъ положеніи сколько терпятъ самыя дѣла, столько стѣсняется и оберъ-прокуроръ, который, сверхъ всего вышеозначеннаго, управляя большими Канцеляріей Синода и Коммиссіей духовныхъ училищъ и Контролемъ по всему вѣдомству, столь мало имѣетъ средствъ для исполненія обязанностей, на немъ собственно лежащихъ". Для „отвращенія" всѣхъ перечисленныхъ неудобствъ, въ докладѣ выражены были „мѣрою существенной надобности опредѣляемыя" предположенія объ упраздненіи существовавшей при дѣлахъ Синода оберъ-прокурорской Канцеляріи (правильнѣе сказать—дѣлопроизводства) и объ учрежденіи вмѣсто нея, независимо отъ Отдѣленія духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія, особой при оберъ-прокурорѣ Канцеляріи, съ передачею въ нее дѣлъ изъ прежней оберъ-прокурорской Канцеляріи и тѣхъ дѣлъ изъ Отдѣленія, какія по существу и важности подлежатъ особому производству, а также дѣлъ секретныхъ, въ частности объ учрежденіи въ составѣ новой Канцеляріи должности юрисконсульта, для производства дѣлъ судныхъ, какъ „требующихъ внимательнаго соображенія съ силою законовъ", и объ образованіи при оберъ-прокурорѣ, на случай обсужденія болѣе затруднительныхъ и особенно важныхъ вопросовъ по этой части, консультаціи изъ лицъ, начальствующихъ въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ главнаго духовнаго управленія. Предположенія эти были удостоены 1 августа 1836 г. Высочайшаго одобренія и тогда же утвержденъ былъ штатъ вновь образованной отдѣльной Канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода. По этому штату положены были въ Канцеляріи должности директора и юрисконсульта (обѣ въ V классѣ, съ содержаніемъ по 4.000 руб.), 2-хъ секретарей (старшаго—въ VII и младшаго—въ VIII кл., содерж. по 2.000 р.), 2-хъ помощниковъ секретарей (IX кл., содерж. 1.200 р.), журналиста—онъ же архиваріусъ (IX кл., содерж. 1.200 р.), экзекутора—онъ же казначей (VIII кл., содерж. 1.500 р.), 8-ми канцелярскихъ служителей (4-хъ высшаго разряда, содерж. по 750 р., и 4-хъ средняго, по 400 р.), 2-хъ курьеровъ (содерж. по 300 р.) и 2-хъ сторожей (содерж. по 200 р.),—всего 20 лицъ. Потребная на содержаніе ихъ и на другіе расходы (на

паекъ и обмундированіе канцелярскихъ служителей средняго разряда—120 р., на обмундированіе курьеровъ—200 р. и сторожей—60 р., на наемъ курьерскихъ лошадей—2.500 р., на канцелярскіе расходы, освѣщеніе и отопленіе—3.000 р.) сумма была исчислена въ 29.200 р. и отнесена на счетъ % съ капитала Коммиссіи духовныхъ училищъ, что признано было „весьма удобнымъ и справедливымъ“ въ виду того, что чрезъ Канцелярію имѣли проходить и всѣ тѣ распоряженія Коммиссіи, которыя представляются на Высочайшее усмотрѣніе.

Такъ получила существованіе отдѣльная въ составѣ центральнаго управленія Св. Синода Канцелярія оберъ-прокурора, въ значительно отличномъ отъ современнаго ея состоянія видѣ. Послѣдующій затѣмъ опытъ $2^1/_2$ лѣтъ показалъ, съ одной стороны, цѣлесообразность мѣры, принятой учрежденіемъ Канцеляріи, для болѣе успѣшнаго веденія дѣлъ оберъ-прокурорскихъ, а съ другой—необходимость болѣе точнаго опредѣленія круга дѣлъ, чрезъ нее проходящихъ, и нѣкотораго расширенія штата ея, вызывавшагося умноженіемъ ея дѣлъ въ связи съ намѣченными преобразованіями въ другихъ учрежденіяхъ главнаго духовнаго управленія. 22 февраля 1839 г. всеподданнѣйше докладывая объ указываемой опытомъ необходимости преобразованій въ составѣ главнаго духовнаго управленія, оберъ-прокуроръ гр. Пратасовъ, между прочимъ, выражалъ: „съ самаго вступленія моего въ настоящую должность... я видѣлъ уже всю обширность предлежавшей мнѣ дѣятельности, но только на опытѣ могъ открыть тѣ препятствія, которыя надлежало мнѣ преодолѣвать на пути къ усовершенію столь важнаго вѣдомства, и вполнѣ убѣдиться, что нѣкоторыя изъ нихъ вовсе при настоящихъ средствахъ непреодолимы. Духовное православное вѣдомство, совершенно отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ отраслей Правительства, состоя изъ частей между собою разнородныхъ, имѣетъ свое особое управленіе, свой судъ и полицію, свою систему обученія, свои источники доходовъ и свой контроль. Всѣ сіи части, несмотря на множество предшествующихъ благодѣтельныхъ постановленій Правительства, требовали и еще долго будутъ требовать усиленныхъ мѣръ къ улучшенію ихъ: всѣ прежнія средства коснулись только высшихъ и среднихъ слоевъ духовнаго званія, но не проникли до низшихъ и основныхъ; сверхъ того многія изъ прежнихъ распоряженій были сдѣланы въ половину; иныя и вовсе оставлены... Всѣ сіи предметы требуютъ зрѣлаго соображенія и неусыпнаго надзора со стороны главнаго духовнаго управленія, чего не можетъ быть безъ упрощеннаго устройства составляющихъ оное мѣстъ и безъ самаго правильнаго раздѣла трудовъ между ими“. Въ это время дѣлопроизводство главнаго духовнаго управленія раздѣлялось между слѣдующими мѣстами: 1) въ Св. Синодѣ съ Канцеляріей его, 2) въ Коммиссіи духовныхъ училищъ, 3) въ Отдѣленіи духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія, 4) въ Отдѣленіи духовныхъ дѣлъ греко-унитскаго исповѣданія, 5) въ Контролѣ духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія, 6) въ Хозяйственномъ комитетѣ и 7) въ Канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода. Послѣдняя,— по словамъ того же доклада, — „служа общею связью всѣмъ прочимъ вышеисчисленнымъ непосредственно подчиненнымъ (оберъ-прокурору) канцеляріямъ, сосредоточиваетъ сверхъ того въ себѣ наблюденіе за успѣшнымъ ходомъ дѣлъ даже и по всѣмъ консисторіямъ, для которыхъ немедленно (т. е. по учрежденіи Канцеляріи) установлены были и единообразныя формы ежемѣсячной отчетности въ дѣлопроизводствѣ, дабы не ставалось въ нихъ ни одного дѣла, о коемъ главное духовное управленіе не имѣло бы свѣдѣній и не видѣло бы причины остановки“, каковыя „мѣры,—по словамъ доклада,—произвели ожидаемыя слѣдствія“. Для устраненія неудобствъ въ производствѣ дѣлъ, состоящихъ въ вѣдѣніи оберъ-прокурора, и вообще для лучшаго ихъ устройства, гр. Пратасовъ, между прочимъ, предполагалъ упразднить Коммиссію духовныхъ училищъ, съ образованіемъ вмѣсто нея при Св. Синодѣ Духовно-учебнаго управленія, Хозяйственный комитетъ преобразовать въ Хозяйственное управленіе при Св. Синодѣ съ передачею въ это учрежденіе, какъ сосредоточивающее въ себѣ переписку оберъ-прокурора по синодальнымъ имуществамъ, всего дѣлопроизводства о томъ же изъ Канцеляріи оберъ-прокурора, дать „совершенное единство“ Канцеляріи и

двумъ Отдѣленіямъ духовныхъ дѣлъ—православнаго и греко-унитскаго исповѣданія, съ введеніемъ того и другого въ составъ Канцеляріи, и измѣнить штаты всѣхъ этихъ мѣстъ, на содержаніе же ихъ отнести вообще тѣ суммы, которыя ассигновались тогда на содержаніе перечисленныхъ учрежденій, съ незначительнымъ прибавленіемъ, но безъ отягощенія государственной казны. Всѣ эти предположенія были Высочайше одобрены, а затѣмъ, послѣ окончательной ихъ обработки, вскорѣ представлены были на Высочайшее утвержденіе.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату 1 марта 1839 г. повелѣно было соединить находившіяся при оберъ-прокурорѣ Св. Синода Отдѣленія духовныхъ дѣлъ православнаго и греко-унитскаго исповѣданія въ одинъ составъ съ Канцеляріею оберъ-прокурора и утверждены были выработанные въ соотвѣтствіи съ этимъ „Учрежденіе" (положеніе) Канцеляріи, опредѣляющее кругъ ея дѣйствій, и штатъ ея въ новомъ видѣ, съ введеніемъ ихъ съ 1 апрѣля того же года. По этому новому штату положены были слѣдующія должности въ Канцеляріи: директоръ (IV кл., съ содержаніемъ 9.000 р.), вице-директоръ (V кл., 7.000 р. сод.), юрисконсультъ (V кл., 4.500 р. сод.), чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ (VII кл., 2.000 р. сод.), 3 начальника отдѣленія (VI кл, по 4.500 р. сод.), въ каждомъ отдѣленіи по 2 столоначальникъ (одинъ старшій—VII кл. и одинъ младшій—VIII кл., по 2.550 р. сод.) и по 2 помощника ихъ (одинъ старшій—IX кл., 1.700 р. сод., и одинъ младшій—X кл., 1.200 р. сод.), а въ 1-мъ отдѣленіи, кромѣ того, общій журналистъ (IX кл., 2.550 р. сод.), затѣмъ — экзекуторъ и казначей (VIII кл., 2.550 р сод.), архиваріусъ (VII кл., 2.550 р. сод.) съ помощникомъ (VIII кл., 1.200 р. сод.), врачъ (VII кл., 2.000 руб. сод.), 10 канцелярскихъ чиновниковъ высшаго оклада (по 750 р. сод.) и 10 средняго (по 400 р.), 2 курьера (по 300 р.) и 4 сторожа (по 200 р.),—всего 53 лица. Весь расходъ, потребный на содержаніе ихъ и на другія указанныя въ штатѣ статьи (на паекъ и обмундированіе канцелярскихъ чиновниковъ средняго оклада—120 р., на усиленіе Канцеляріи чиновниками—3.500 р., на обмундированіе курьеровъ—200 руб. и сторожей—60 р., на канцелярскіе расходы, освѣщеніе и отопленіе — 6.000 р. и на наемъ курьерскихъ лошадей — 4.000 р.), опредѣленъ былъ въ 105.190 р. Въ составъ этой суммы вошли 60.210 р., отпускавшіеся на основаніи Высочайшаго указа Правительствующему Сенату 23 декабря 1838 г. изъ государственнаго казначейства на Отдѣленія духовныхъ дѣлъ православнаго и греко-унитскаго исповѣданія, а остальная сумма — 44.980 р. отнесена на % съ духовно-учебнаго капитала (сюда же вошли и производившіеся ранѣе на Канцелярію изъ того же источника 29.200 р.). Новый штатъ Канцеляріи оберъ-прокурора въ окладахъ содержанія примѣненъ былъ къ росписаніямъ, составленнымъ для министерствъ и главныхъ управленій, ближайшимъ же образомъ къ штату Министерства государственныхъ имуществъ. Высочайшій указъ 1 марта 1839 г. имѣетъ то важное значеніе въ исторіи Канцеляріи оберъ-прокурора, что съ этого времени она получила болѣе опредѣленное, твердое и прочное, чѣмъ прежде, положеніе какъ въ отношеніи своего состава, установленнаго новымъ ея штатомъ, такъ особенно относительно круга ея дѣйствій, опредѣленнаго утвержденнымъ для нея „Учрежденіемъ" (положеніемъ), а также опредѣленное положеніе ея среди другихъ государственныхъ учрежденій, въ ряду которыхъ ей предоставлено занимать „равную степень" съ подобными ей учрежденіями прочихъ вѣдомствъ (§§ 7 и 8 Учрежд.). Такое свое положеніе въ главныхъ и общихъ чертахъ она сохраняетъ и до настоящаго времени. Въ виду этого-то и принято въ Канцеляріи оберъ-прокурора считать временемъ ея основанія 1839 г. (хотя и не совсѣмъ точно, такъ какъ въ видѣ отдѣльнаго учрежденія она образована была, какъ сказано выше, въ 1836 г.).

Въ томъ положеніи, какое опредѣлено было штатомъ 1 марта 1839 г., Канцелярія оберъ-прокурора просуществовала до 1861 г. Въ этомъ году, вслѣдствіе послѣдовавшаго общаго по всѣмъ вѣдомствамъ распоряженія о сокращеніи дѣлопроизводства и штатовъ учрежденій, представленъ былъ на Высочайшее воззрѣніе новый штатъ

Канцеляріи, который и былъ утвержденъ 2 декабря 1861 г. Сокращеніе штата Канцеляріи достигалось главнымъ образомъ тѣмъ, что по этому новому штату полагалось въ ней вмѣсто 18-ти слѣд. должностей: 3-хъ начальниковъ отдѣленій, 6-ти столоначальниковъ и 9-ти помощниковъ ихъ— только 12: 4 старшихъ чиновника (= начальникамъ отдѣленій), 4 помощника ихъ (= столоначальникамъ) и 4 младшихъ чиновника (= помощникамъ столоначальниковъ), упразднена была должность чиновника особыхъ порученій VII кл., обязанности казначея, экзекутора и архиваріуса были соединены въ одномъ лицѣ (вм. 2-хъ) съ назначеніемъ ему по экзекуторской части помощника, изъ низшихъ чиновниковъ Канцеляріи постоянные оклады содержанія назначены были только тѣмъ, которые будутъ заниматься веденіемъ дѣлъ, а прочимъ установлялось вознагражденіе по трудамъ изъ общей для того суммы. Весь же штатъ 2 декабря 1861 г. представлялся по своему составу и средствамъ содержанія въ такомъ видѣ: директоръ (IV кл., 3.431 р. 4 коп.), вице-директоръ (V кл, 2.001 р. 44 коп.), юрисконсультъ (V кл., 2.001 р. 44 к.), помощникъ юрисконсульта (VI кл., 1.286 р. 64 к.), 2 чиновника особыхъ порученій (VI кл., 1.200 р.), 4 старшихъ чиновника (VI кл., по 1.350 р.), 4 помощника ихъ (VII кл., по 800 р.), 4 младшихъ чиновника (IX кл., по 600 р.), экзекуторъ, казначей и архиваріусъ (VII кл., 729 р. 3 к.), помощники экзекутора (IX кл., 486 р. 6 к.) и архиваріуса (IX кл., 343 р. 10 к.), журналистъ (VIII кл., 729 р. 3 к.), чиновникъ по дѣламъ юрисконсульта (X кл., 343 р. 10 к.), врачъ (VII кл., 571 р. 78 к.), 7 чиновниковъ для письма (XII и XIV кл., по 214 р. 43 к.); независимо отъ этого оберъ-прокурору предоставлено было (примѣч. 3 къ штату) опредѣлять въ Канцелярію сверхштатныхъ чиновниковъ, на содержаніе которыхъ не было ассигновано особой суммы; затѣмъ было положено 2.130 р. 50 к. на вознагражденіе писцовъ, 1.571 р. на усиленіе Канцеляріи чиновниками, 582 р. 96 коп. на содержаніе курьеровъ и сторожей, 2.023 р. 84 коп. на канцелярскіе расходы, освѣщеніе и отопленіе и 2.200 р. на наемъ курьерскихъ лошадей; общій расходъ по этому штату былъ исчисленъ въ 35.331 р. 97 коп. (16.184 р. 13 к. изъ казны и 19.147 р. 84 к. изъ средствъ духовнаго вѣдомства) [1]).

Штатъ Канцеляріи оберъ-прокурора 1861 г. оставался въ дѣйствіи до 1872 г., когда, по пересмотрѣ сообразно условіямъ времени штатовъ всѣхъ учрежденій центральнаго управленія Св. Синода, утверждены были, 20 іюня, новые ихъ штаты, въ томъ числѣ и штатъ Канцеляріи. По этому штату положены въ Канцеляріи слѣдующія 22 штатныя должности: директора (IV кл., 6.000 р.), вице-директора (V кл., 4.000 р.), юрисконсульта (V кл., 5.000 р.) съ помощникомъ (VI кл., 2.500 р.), 2-хъ чиновниковъ особыхъ порученій (VI кл., по 2.000 р.), 3-хъ начальниковъ отдѣленій (VI кл., по 2.000 р.), 5-ти столоначальниковъ (2-хъ старшихъ — VII кл., по 1.400 р., и 3-хъ младшихъ—VIII кл., по 1.200 р) съ 5-ю помощниками (IX кл., по 900 р.), экзекутора, онъ же архиваріусъ (VII кл., 900 р.), журналиста (IX кл., 900 р.) и врача (VII кл., 600 р.),—весь же расходъ на содержаніе по этимъ должностямъ и на другія статьи (на жалованье канцелярскимъ чиновникамъ и на наемъ писцовъ 6.400 р., на канцелярію юрисконсульта—1.500 р., на канцелярскіе расходы — 2.400 р., на содержаніе курьеровъ и сторожей—1.620 р., на наемъ курьерскихъ лошадей — 1.800 р.) опредѣленъ въ 54.520 р. (отпущенныхъ изъ казны). Этотъ штатъ съ небольшими въ немъ измѣненіями остается въ силѣ и до настоящаго времени и такимъ образомъ онъ оказался долговѣчнѣе 3-хъ предшествующихъ (штатъ 1836 г. существовалъ $2^1/_2$ г., 1839 г.—около 23 л., 1861 г.—$11^1/_2$ л., 1872 г. существуетъ уже 35 г.). Эти измѣненія произведены были по Высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ Государственнаго Совѣта: 21 марта 1894 г., которымъ упразднена въ Канцеляріи оберъ-прокурора должность вице-директора и учреждена новая (3-я) должность чиновника особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ (V кл.), при

[1]) Довольно значительная разница отдѣльныхъ цифръ въ этомъ штатѣ сравнительно съ цифрами штата 1839 г., превышающими первыя, объясняется тѣмъ, что тогда разсчетъ дѣлался на ассигнаціи, а теперь на серебро.

чемъ на покрытіе расхода по содержанію этой должности обращена часть (3.000 р.) суммы, отпускавшейся на содержаніе должности вице-директора, а другая часть (1.000 р.) той же суммы предоставлена въ распоряженіе оберъ-прокурора на усиленіе средствъ Канцеляріи; 24 апрѣля 1895 г., по которому учреждена еще новая (4-я) должность чиновника особыхъ порученій (V кл., съ сод. 3.000 р.), и 27 мая 1902 г., возстановившаго въ Канцеляріи на прежнихъ основаніяхъ должность вице-директора, съ обращеніемъ на содержаніе по этой должности суммы (1.000 р.), предоставленной въ 1894 г. въ распоряженіе оберъ-прокурора, и съ отпускомъ для того новаго ассигнованія (3.000 р.) изъ казны. Кромѣ этихъ измѣненій въ штатѣ Канцеляріи оберъ-прокурора, произведенныхъ въ законодательномъ порядкѣ, другія менѣе значительныя измѣненія происходили по отдѣльнымъ распоряженіямъ по вѣдомству. Такъ, въ составъ служащихъ при Канцеляріи время отъ времени входили лица, опредѣляемыя съ особаго въ каждомъ случаѣ Высочайшаго разрѣшенія, по всеподданнѣйшимъ докладамъ оберъ-прокурора, въ званіи состоящихъ при немъ (съ назначеніемъ имъ V и VII кл., но безъ производства содержанія), избираемыя имъ изъ лицъ, лично ему извѣстныхъ по своему усердію къ церкви, каковая мѣра вызывалась тѣмъ, что, въ виду состоянія средствъ государственнаго казначейства, трудно было разсчитывать на образованіе новыхъ штатныхъ должностей, а между тѣмъ при умноженіи нуждъ и усложненіи дѣлъ по церковному управленію оказывалась надобность въ служебныхъ дѣятеляхъ для собиранія и провѣрки различныхъ свѣдѣній и для исполненія служебныхъ порученій въ разныхъ мѣстностяхъ (въ настоящее время въ такомъ положеніи находится только одно лицо). Съ 1869 г. при Канцеляріи образованъ составъ причисленныхъ къ ней для занятій въ разныхъ учрежденіяхъ главнымъ образомъ центральнаго управленія Св. Синода, для приготовленія къ замѣщенію впослѣдствіи штатныхъ должностей въ этихъ учрежденіяхъ, секретарскихъ должностей въ духовныхъ консисторіяхъ и т. п.; для 12 такихъ лицъ Св. Синодомъ ежегодно назначается особая сумма изъ спеціальныхъ синодальныхъ средствъ (по 600 р. каждому изъ нихъ), остальныя же или вовсе не получаютъ содержанія, или получаютъ по особымъ назначеніямъ (изъ тѣхъ же спеціальныхъ средствъ или изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи того учрежденія, въ которое они командируются для занятій). Въ вѣдѣніи Канцеляріи же находятся со стороны служебно-административной секретари духовныхъ консисторій, какъ чиновники, поставленные закономъ въ непосредственное вѣдѣніе оберъ-прокурора (по ст. 285 Уст. дух. конс.). Находясь всегда въ С.-Петербургѣ, Канцелярія оберъ-прокурора 3 раза за время своего существованія, именно въ 1856, 1883 и 1896 гг., временно открывала присутствіе въ Москвѣ, когда выѣзжали туда вмѣстѣ съ оберъ-прокуромъ директоръ Канцеляріи съ нѣсколькими ея чинами на время торжествъ коронованія императоровъ Александра II, Александра III и Николая II. Канцелярія оберъ-прокурора помѣщается въ домѣ духовнаго вѣдомства по Литейному проспекту (д. № 34), гдѣ занимаетъ 2-й этажъ по лицевой сторонѣ.

Обязанности и кругъ дѣйствій Канцеляріи оберъ-прокурора отчасти предначертаны были во всеподданнѣйшемъ докладѣ оберъ-прокурора гр. Пратасова 1 авг. 1836 г., но вполнѣ точно были опредѣлены только въ Высочайше утвержденномъ 1 марта 1839 г. „Учрежденіи“ Канцеляріи. По этому „Учрежденію“ предметы занятій ея составляютъ: 1) приготовленіе на Высочайшее усмотрѣніе всеподданнѣйшихъ докладовъ по духовному вѣдомству и веденіе имъ особаго реестра; 2) составленіе общихъ вѣдомостей объ исполненіи Высочайшихъ повелѣній по всему духовному вѣдомству; 3) дѣла по всеподданнѣйшимъ и частнымъ жалобамъ на рѣшенія Св. Синода и подвѣдомыхъ ему мѣстъ и лицъ; 3) ежемѣсячные рапорты о полученіи указовъ Правительствующаго Сената; дѣла: 5) по учрежденію и устройству епархій, 6) о построеніи архіерейскихъ домовъ, монастырей, соборовъ, церквей и вообще зданій по духовному вѣдомству, 7) объ устроеніи приходовъ и о пособіи причтамъ, 8) о церковныхъ имѣніяхъ; 9) награжденіе лицъ духовнаго званія и назначеніе имъ и семействамъ ихъ пенсій; 10) разсмотрѣніе

свѣдѣній о происшествіяхъ въ церквахъ и вообще по епархіямъ и составленіе по этимъ свѣдѣніямъ всеподданнѣйшихъ докладовъ и вѣдомостей; дѣла: 11) о православномъ заграничномъ духовенствѣ, 12) о присоединеніи къ православной церкви какъ христіанъ другихъ исповѣданій, такъ и нехристіанъ, и обо всемъ, касающемся иновѣрцевъ, 13) о раскольникахъ, 14) бракоразводныя и о бракахъ лицъ православнаго исповѣданія съ лицами другихъ исповѣданій; 15) сношенія о людяхъ, присуждаемыхъ ко взысканіямъ, наказаніямъ и содержанію въ монастыряхъ; 17) дѣла, присылаемыя изъ Правительствующаго Сената на разсмотрѣніе оберъ-прокурора; 18) опредѣленіе правъ разныхъ лицъ по ихъ происхожденію; 19) опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ Канцелярій оберъ-прокурора и Святѣйшаго Синода и подвѣдомыхъ Синоду мѣстъ; 20) представленіе этихъ чиновниковъ къ повышенію чинами за выслугу лѣтъ; 21) представленіе вообще всѣхъ чиновъ духовнаго вѣдомства къ наградамъ за отличіе и къ пенсіямъ; 22) собираніе и сообщеніе куда слѣдуетъ свѣдѣній для Адресъ-календаря и для списка кавалеровъ; 23) сообщеніе въ III-е Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи свѣдѣній о вольнонаемныхъ служителяхъ; 24) собираніе и сообщеніе въ Академію Наукъ свѣдѣній о родившихся и бракомъ сочетавшихся въ обѣихъ столицахъ; 25) веденіе реестра прибывающимъ въ столицу иногороднымъ лицамъ духовнаго званія; 26) собираніе и разсматриваніе срочныхъ вѣдомостей о ходѣ дѣлъ по всѣмъ мѣстамъ главнаго духовнаго управленія, а также по синодальнымъ конторамъ, консисторіямъ и духовнымъ правленіямъ; 27) переписка по дѣламъ, которыя, за неполученіемъ отзывовъ или неисполненіемъ требованій, остаются въ мѣстахъ духовнаго вѣдомства безъ движенія; 28) переписка по отношеніямъ и просьбамъ, поступающимъ къ оберъ-прокурору, и по собственному его усмотрѣнію, объ ускореніи производствомъ дѣлъ въ Св. Синодѣ и епархіальныхъ управленіяхъ; 29) собираніе свѣдѣній о состояніи духовнаго вѣдомства и составленіе изъ нихъ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ; 30) дѣла, подлежащія особой тайнѣ, и другія важнѣйшія, по усмотрѣнію оберъ-прокурора (§ 2 Учрежд. Канц.); затѣмъ по должности юрисконсульта при оберъ-прокурорѣ, введенной въ штатъ Канцеляріи, должны были предварительно разсматриваться въ ней всѣ тяжебныя и вообще судныя дѣла, поступающія изъ Правительствующаго Сената (§ 4 Учр.), а на собираемыя въ Канцеляріи засѣданія Консультаціи при оберъ-прокурорѣ, первоначально, при учрежденіи ея (въ 1836 г.), получившей назначеніе обсуждать особенно важные вопросы по суднымъ и тяжебнымъ дѣламъ, было возложено разсмотрѣніе вообще „предметовъ особенной важности" (§ 5 Учр.). Такимъ образомъ въ главныхъ своихъ чертахъ обязанности Канцеляріи оберъ-прокурора состоятъ въ изготовленіи бумагъ, представляемыхъ на Высочайшее воззрѣніе, перепискѣ съ высшими учрежденіями и съ другими вѣдомствами, наблюденіи за правильностію дѣлопроизводства преимущественно въ подвѣдомственныхъ Св. Синоду учрежденіяхъ, въ завѣдываніи наличнымъ составомъ служащихъ по духовному вѣдомству и собираніи разнаго рода статистическихъ свѣдѣній. Оставаясь въ этихъ общихъ чертахъ въ силѣ и до настоящаго времени, Учрежденіе Канцеляріи 1839 г. разновременно подвергалось по различнымъ обстоятельствамъ частичнымъ измѣненіямъ въ отношеніи круга ея дѣйствій, здѣсь указаннаго. Такъ, по Высочайшему повелѣнію 14 мая 1867 г., послѣдовавшему по всеподданнѣйшему докладу объ упраздненіи Духовно-учебнаго управленія въ вѣдѣніе Канцеляріи оберъ-прокурора, передана была оттуда переписка по управленію духовными академіями и училищами дѣвицъ духовнаго званія, равно какъ дѣла по т. н. инспекторской части духовно-учебныхъ заведеній. На Канцелярію же возложено было оберъ-прокуроромъ исполненіе по утверждаемымъ имъ журналамъ Учебнаго при Св. Синодѣ комитета, учрежденнаго одновременно съ закрытіемъ Духовно-учебнаго управленія, въ частности по отчетамъ о ревизіи духовно-учебныхъ заведеній, особенно же по назначеніямъ, перемѣщеніямъ и увольненіямъ служащихъ по учебно-воспитательной части въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ (собственно послѣ измѣненія по уставамъ 1884 г. прежняго выборнаго ихъ порядка съ утвержденія епархіальныхъ преосвящен-

ныхъ порядкомъ административнымъ по журналамъ Учебнаго комитета, утверждаемымъ оберъ-прокуроромъ, или, въ надлежащихъ случаяхъ, по опредѣленіямъ Св. Синода). Съ 1903 г. по распоряженію оберъ-прокурора въ Канцеляріи сосредоточено все дѣлопроизводство о женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, состоящихъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, въ томъ числѣ и по учебно-воспитательной части (находившейся до этого времени въ завѣдываніи Учебнаго комитета), съ оставленіемъ лишь части финансово-хозяйственной въ вѣдѣніи Хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ. Въ то же время въ кругъ дѣйствій Канцеляріи входили новыя занятія по случаю изданія новыхъ законоположеній, имѣющихъ отношеніе до всѣхъ вообще вѣдомствъ,—такъ, напр., въ Канцеляріи возникло съ изданіемъ въ 1874 г. Устава о всесословной воинской повинности обширное дѣлопроизводство по вопросамъ объ отношеніи къ этой повинности мѣстъ и лицъ духовнаго вѣдомства и др. Нѣкоторыя изъ дѣлъ, указанныхъ въ Учрежденіи Канцеляріи,—напротивъ,—впослѣдствіи отошли изъ ея вѣдѣнія, одни — вслѣдствіе отмѣны узаконеній, требовавшихъ вообще производства этого рода дѣлъ (напр., см. п. 4, 23, 24 § 2 Учрежд.), другія — съ постепеннымъ переходомъ въ иныя учрежденія центральнаго управленія, какъ имѣющія ихъ въ ближайшемъ своемъ вѣдѣніи (напр., см. п. 5, 6, 7, отчасти 9 § 2). Назначенные по штату Канцеляріи оберъ-прокурора юрисконсультъ съ помощникомъ и низшимъ канцелярскимъ чиновникомъ съ теченіемъ времени, въ видахъ удобства при производствѣ возложенныхъ на него дѣлъ, обособились отъ Канцеляріи въ Юрисконсультскую часть при оберъ-прокурорѣ (для чего усматривается основаніе и въ виду введенія въ штатъ особой суммы „на канцелярію“ юрисконсульта), которая и дѣйствуетъ нынѣ въ качествѣ отдѣльнаго учрежденія центральнаго управленія.

Распредѣленіе занятій, возложенныхъ на Канцелярію оберъ-прокурора, по отдѣльнымъ ея дѣлопроизводствамъ (отдѣленіямъ и столамъ) зависитъ по Учрежденію Канцеляріи отъ непосредственнаго распоряженія оберъ-прокурора (§ 3). Сначала, при первоначальномъ образованіи Канцеляріи, по штату 1 авг. 1836 г., они распредѣлялись между 2-мя дѣлопроизводствами, затѣмъ по штату и „Учрежденію“ (§ 1) Канцеляріи 1 марта 1839 г.—между 3-мя отдѣленіями по 2 стола въ каждомъ, по штату 2 дек. 1861 г.—между 4-мя отдѣленіями съ 2-мя же въ каждомъ столами и, наконецъ, по дѣйствующему нынѣ штату 20 іюня 1872 г. распредѣляются между 3-мя отдѣленіями съ 5-ю въ нихъ столами (въ 1-мъ отдѣленіи—два, во 2-мъ—одинъ и въ 3-мъ—два). По утв. 31 дек. 1870 г. товарищемъ оберъ-прокурора Ю. Толстымъ „Росписанію“ предметовъ занятій между отдѣленіями Канцеляріи, остающемуся (за небольшими измѣненіями) въ силѣ до настоящаго времени, эти занятія распредѣлены между ними слѣдующимъ образомъ. *На 1-е отдѣленіе возложены дѣла*: по отправленію всеподданнѣйшихъ докладовъ и храненію ихъ въ продолженіе года; объ учрежденіи новыхъ должностей по духовному вѣдомству; объ опредѣленіи и увольненіи въ отпуски и отъ службы чиновниковъ центральнаго управленія и секретарей духовныхъ консисторій; о представленіи чиновниковъ духовнаго вѣдомства къ чинопроизводству, къ наградамъ за отличія, къ знаку отличія безпорочной службы, къ орденамъ св. Владиміра и св. Анны по статутамъ; о назначеніи пенсій и единовременныхъ пособій чиновникамъ духовнаго вѣдомства и семействамъ ихъ; объ опредѣленіи и увольненіи курьеровъ и сторожей Канцеляріи и о назначеніи имъ добавочнаго жалованья; по составленію разныхъ коммиссій по духовному вѣдомству и о назначеніи членовъ въ коммиссіи другихъ вѣдомствъ; по коммиссіи, учрежденной для разбора дѣлъ синодальнаго архива; по собранію и сообщенію срочныхъ вѣдомостей и свѣдѣній—въ 1-е Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи (нынѣ Собственная Е. И. В. Канцелярія) о неисполненныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, въ Комитетъ министровъ о дѣлахъ, относящихся до устройства Сибирскаго края (нынѣ отмѣнено), государственному секретарю о дѣлахъ, остающихся въ Государственномъ Совѣтѣ не разрѣшенными (также отмѣнено), во II-е отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи (впослѣдствіи, въ 1882 г.,

преобразованное въ Кодификаціонный отдѣлъ при Государственномъ Совѣтѣ, который затѣмъ въ свою очередь вошелъ, въ 1894 г., въ составъ Государственной Канцеляріи) постановленій по духовному вѣдомству для внесенія въ Полное собраніе законовъ, въ Департаментъ герольдіи (нынѣ въ Собственную Е. И. В. Канцелярію) о чинахъ первыхъ 4-хъ классовъ и свѣдѣній для Адресъ-календаря, въ Капитулъ орденовъ о кавалерахъ св. Владиміра и св. Анны (нынѣ не сообщаются), начальнику с.-петербургской губерніи о лицахъ, подлежащихъ внесенію въ общій списокъ присяжныхъ засѣдателей (нынѣ предсѣдателю особой коммиссіи, завѣдующей этимъ дѣломъ), въ Придворную контору (нынѣ въ Управленіе гофмаршальской части) о георгіевскихъ кавалерахъ, въ Редакцію „Правительственнаго Вѣстника“ статей разнаго рода для напечатанія; по сообщенію Археографической коммиссіи древнихъ актовъ и рукописей, принадлежащихъ разнымъ учрежденіямъ духовнаго вѣдомства; о посѣщеніи Высочайшими особами духовныхъ учрежденій; по приглашенію къ Высочайшему двору духовныхъ особъ и лицъ, служащихъ по духовному вѣдомству; о назначеніи чиновниковъ въ духовныя церемоніи; объ отъѣздѣ оберъ-прокурора Св. Синода изъ С.-Петербурга; по составленію и отправленію поздравительныхъ писемъ оберъ-прокурора къ епархіальнымъ преосвященнымъ съ праздниками Рождества Христова и св. Пасхи; по исправленію списка чиновниковъ для Комитета министровъ; по частной перепискѣ оберъ-прокурора, товарища его, директора и вице-директора Канцеляріи; по хозяйственной и распорядительной части Канцеляріи; по духовно-учебной части (дѣла о женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства вскорѣ послѣ утвержденія Росписанія переданы были изъ 1-го во 2-е отдѣленіе Канцеляріи, въ вѣдѣніи котораго находятся и понынѣ). *2-му отдѣленію ввѣрены дѣла:* по охраненію и распространенію православной вѣры; о миссіяхъ и миссіонерахъ; о присоединеніи къ православію иновѣрцевъ и раскольниковъ; о крещеніи евреевъ, магометанъ и язычниковъ; о совращеніяхъ изъ православія; о раскольникахъ и единовѣрцахъ; объ учрежденіи епархій, устройствѣ и преобразованіи монастырей, общинъ, братствъ, попечительствъ и благотворительныхъ обществъ; о постройкѣ церквей; о народномъ образованіи; о школахъ народныхъ, церковно-приходскихъ и др.; о программахъ по закону Божію въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и о законоучителяхъ; о восточной православной церкви; о лицахъ духовнаго сана, прибывающихъ изъ-за границы; о церквахъ при посольствахъ, миссіяхъ и консульствахъ за границею и о заграничномъ духовенствѣ; о духовной цензурѣ и о книгахъ, подносимыхъ Высочайшимъ особамъ и Св. Синоду; о духовныхъ періодическихъ и др. изданіяхъ; о духовно-музыкальныхъ сочиненіяхъ; о чудотворныхъ и др. иконахъ; о крестныхъ ходахъ; о бракахъ и разводахъ. *3-е отдѣленіе вѣдаетъ дѣла:* о событіяхъ въ Царствующемъ домѣ; о назначеніи архіереевъ, увольненіи ихъ на покой, о переводѣ и объ отпускахъ ихъ и главныхъ священниковъ (нынѣ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства); о вызовѣ преосвященныхъ для присутствованія въ Св. Синодѣ; о распоряженіяхъ по случаю кончины преосвященныхъ; о духовенствѣ придворнаго и военнаго вѣдомствъ; объ обезпеченіи духовенства и о пособіяхъ причтамъ (этого рода дѣла вѣдаетъ нынѣ собственно Хозяйственное управленіе); о вступленіи въ духовное званіе и объ оставленіи его; по жалобамъ и доносамъ на епархіальныя начальства по предметамъ, не относящимся къ родамъ дѣлъ 1-го и 2-го отдѣленій Канцеляріи; о вопросахъ, возбуждаемыхъ судебными мѣстами, по случаю исполненія новыхъ судебныхъ уставовъ (дѣла этого рода производились во время утвержденія „Росписанія“); о духовныхъ лицахъ, присужденныхъ къ взысканіямъ, наказаніямъ и проч.; о заключаемыхъ въ монастыри духовныхъ и свѣтскихъ лицахъ (кромѣ раскольниковъ); о всякаго рода метрическихъ документахъ и видахъ для лицъ духовныхъ (кромѣ заграничнаго и иностраннаго духовенства); объ отсрочкахъ духовнымъ лицамъ и свидѣтельствахъ для жительства въ С.-Петербургѣ и о высылкѣ отсюда духовныхъ лицъ, прибывающихъ безъ надлежащаго разрѣшенія; о происшествіяхъ; о кладбищахъ; о перевозѣ мертвыхъ тѣлъ; о награжденіи духовныхъ лицъ;

о наградахъ свѣтскимъ лицамъ за заслуги по духовному вѣдомству; о назначеніи пенсій и пособій духовенству военнаго вѣдомства и семействамъ ихъ; по части особаго присутствія объ обезпеченіи духовенства (закрытаго 16 февр. 1885 г.); о надѣлѣ угодьями архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей; о церковныхъ имуществахъ, укрѣпленіи, куплѣ и продажѣ ихъ; по собранію свѣдѣній для всеподданнѣйшаго отчета, распоряженію по печатанію его и разсылкѣ печатныхъ экземпляровъ. Это „Росписаніе" было утверждено съ тѣмъ, чтобы въ случаяхъ надобности или экстренности директоръ Канцеляріи могъ, по усмотрѣнію своему, поручать какое-либо дѣло тому или другому дѣлопроизводителю, не стѣсняясь настоящимъ распредѣленіемъ. Въ виду этого и возникавшіе впослѣдствіи въ Канцеляріи новые роды дѣлъ ввѣрялись, по ближайшему распоряженію директора, тому или другому отдѣленію. При отправленіи своихъ обязанностей по дѣлопроизводству, по отдѣленіямъ и столамъ, должностныя лица Канцеляріи дѣйствуютъ „на общемъ основаніи" (§ 1 Учрежд. 1839 г.), т. е. на тѣхъ основаніяхъ, которыя указаны для такихъ лицъ въ другихъ вѣдомствахъ въ Общемъ Наказѣ министерствамъ (Учр. Мин. въ т. I Св. зак.), при чемъ вице-деректору Канцеляріи, при первомъ назначеніи на эту должность по введеніи ея въ штатъ Канцеляріи (въ 1839 г.), кромѣ того преподано было отдѣльное руководство въ Положеніи объ обязанностяхъ вице-директора, утвержденномъ оберъ-прокуроромъ гр. Пратасовымъ 12 апр. 1839 г. Для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ въ Канцеляріи оберъ-прокурора происходятъ засѣданія консультаціи при оберъ-прокурорѣ, въ первое время ея существованія и въ послѣдующее до 1880 г. собиравшіяся для обсужденія вообще наиболѣе важныхъ или затруднительныхъ дѣлъ, въ послѣднее же время—въ продолженіе оберъ-прокурорства статсъ-секретаря Побѣдоносцева—они собирались только въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось совмѣстное, со стороны всѣхъ учрежденій центральнаго управленія, обсужденіе тѣхъ или другихъ важныхъ дѣлъ, имѣющихъ отношеніе ко всѣмъ этимъ учрежденіямъ (напр., объ измѣненіи и дополненіи штата Контроля при Св. Синодѣ, по вопросу о передачѣ, на основаніи общаго по всѣмъ вѣдомствамъ Высочайшаго повелѣнія, дѣлъ изъ центральнаго управленія въ управленія мѣстныя, въ 1903 г., ежегодно—для разсмотрѣнія представленій къ наградамъ свѣтскихъ лицъ, служащихъ по духовному вѣдомству, и др.). Наконецъ, для разработки нѣкоторыхъ мѣропріятій при Канцеляріи оберъ-прокурора учреждались коммиссіи или совѣщанія подъ предсѣдательствомъ товарища оберъ-прокурора, директора Канцеляріи или вообще одного изъ высшихъ чиновъ вѣдомства (такъ, напр., въ послѣднее время учреждались коммиссіи по предположенію о выработкѣ инструкціи секретарямъ духовныхъ консисторій, въ 1897—1904 г., для составленія новыхъ устава и штата женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства, состоящихъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, въ 1898—1900 гг., а по утвержденіи этихъ устава и штата—для выясненія нѣкоторыхъ недоумѣній, возникшихъ при введеніи ихъ въ дѣйствіе, въ 1903 г., и по выработкѣ новыхъ программъ для тѣхъ же училищъ, въ 1903 и 1907 гг., и др.).

Въ общемъ дѣятельность Канцеляріи оберъ-прокурора совершенно безпристрастно заслуживаетъ вниманія какъ по обширности ея, такъ по существу ея и значенію. Во многихъ случаяхъ на Канцеляріи лежитъ распорядительная часть, требующая незамедлительности въ исполненіи, напр., по дѣламъ о пенсіяхъ, о снабженіи разныхъ лицъ видами на жительство, билетами на проѣздъ къ мѣсту службы и въ служебныхъ командировкахъ и т. п. Здѣсь разработываются разныя мѣропріятія и отдѣльныя распоряженія по духовному вѣдомству, составляется бо́льшая часть всеподданнѣйшихъ докладовъ по вѣдомству. Изъ наиболѣе важныхъ по значенію дѣлъ, производившихся въ Канцеляріи, можно отмѣтить дѣла: по разработкѣ дѣйствовавшихъ до послѣдняго времени правилъ для духовной цензуры; по составленію и приведенію въ дѣйствіе уставовъ духовно-учебныхъ заведеній 1867 и 1884 гг.; по выработкѣ положенія 1876 г. о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ; по утвержденію новыхъ устава и штата московскаго синодальнаго училища церков-

наго пѣнія и другихъ вновь учреждаемыхъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства; по предположеніямъ объ измѣненіяхъ въ Уставѣ о воинской повинности списка учебныхъ заведеній по разрядамъ въ отношеніи льготъ ихъ воспитанниковъ по образованію при исполненіи воинской повинности и списка должностей, освобождающихъ отъ призыва изъ запаса въ армію, насколько въ этихъ случаяхъ дѣло касалось духовно-учебныхъ заведеній и должностныхъ лицъ духовнаго вѣдомства; по вопросамъ о расколѣ и сектахъ; по упомянутымъ выше работамъ, касающимся составленія инструкціи секретарямъ духовныхъ консисторій, устава, штата и программъ для женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства и по предположеніямъ о дѣлахъ, подлежащихъ передачѣ изъ центральнаго въ мѣстныя управленія; о способахъ призрѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и другихъ учрежденіяхъ вѣдомства дѣтей воинскихъ чиновъ, погибшихъ въ минувшую войну съ Японіей. Многіе изъ этихъ и другихъ вопросовъ подлежали представленію на уваженіе Государственнаго Совѣта и потому требовали особенно тщательной обработки. Независимо отъ того, въ Канцеляріи составлялись обширныя записки и справки по разнымъ вопросамъ, по особымъ порученіямъ оберъ-прокуроровъ. Нѣкоторыя изъ работъ Канцеляріи являются и въ печати,—таковы ежегодно составляемые всеподданнѣйшіе отчеты по вѣдомству—обширный и сложный трудъ, вѣдомость мужскимъ и женскимъ монастырямъ и общинамъ (изданная дважды, послѣднее изданіе — 1902 г., стр. 129+14), отдѣльный списокъ различныхъ благотворительныхъ учрежденій при монастыряхъ, Обзоръ дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія за время царствованія императора Александра III (1901 г., стр. XVIII+727) и другія менѣе значительныя. Но Канцелярія является не только служебнымъ учрежденіемъ собственно духовнаго вѣдомства, но и учрежденіемъ обще-государственнаго порядка и значенія. Въ ней разсматриваются законоположенія, вырабатываемыя другими вѣдомствами и присылаемыя ими на заключеніе оберъ-прокурора (напр., по проектамъ новаго Устава о службѣ гражданской, Устава о гербовомъ сборѣ, списка бумагъ и документовъ, подлежащихъ оплатѣ гербовымъ сборомъ и отъ него освобождаемыхъ, новаго Устава о паспортахъ и др.), составляются записки и справки по этимъ дѣламъ и изготовляются отзывы. Составляются записки по разнымъ вопросамъ, статистическія и другія, по просьбамъ высшихъ государственныхъ учрежденій и другихъ вѣдомствъ. Журнальная часть Канцеляріи,—кромѣ исполненія прямыхъ обязанностей по пріему, записи и распредѣленію по дѣлопроизводствамъ бумагъ, поступающихъ отъ разныхъ мѣстъ и лицъ, записи и отправленія бумагъ, исходящихъ изъ Канцеляріи,—несетъ особые труды по разсылкѣ въ весьма значительномъ количествѣ отправляемыхъ знаковъ отличія для всѣхъ награждаемыхъ по духовному вѣдомству, а также крестовъ, облаченій, иконъ и проч., по разсылкѣ въ подвѣдомственныя административныя учрежденія новыхъ изданій Свода законовъ и Полнаго собранія законовъ, по разсылкѣ мѣстамъ и лицамъ печатныхъ изданій Канцеляріи и др. Состоящій при Канцеляріи на основаніи „Учрежденія“ ея 1839 г. (§ 6), архивъ, отдѣльный отъ общаго Архива Св. Синода, содержитъ въ себѣ, кромѣ оконченныхъ производствомъ дѣлъ отдѣленій Канцеляріи, подлинныя Высочайшія повелѣнія по духовному вѣдомству, много дѣлъ, тайнѣ подлежащихъ, и другія, сдаваемыя по особымъ распоряженіямъ оберъ-прокуроровъ, составляющія секретное архивное отдѣленіе. Вообще, въ архивѣ Канцеляріи хранится много разныхъ документовъ и дѣлъ высокой важности и государственнаго значенія, представляющихъ цѣнный матеріалъ для научныхъ изслѣдованій. Особенно много такого рода дѣлъ и бумагъ поступило въ архивъ за время оберъ-прокурора Св. Синода, статсъ-секретаря Побѣдоносцева; по значительному количеству и по важному значенію своему они по справедливости заслуживаютъ быть выдѣленными въ особый отдѣлъ подъ наименованіемъ „Побѣдоносцевскаго“. Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія архива старыя дѣла Канцеляріи до 1870 г. (кромѣ дѣлъ секретнаго отдѣленія) сданы въ Архивъ Св. Синода, но, при постоянномъ пополненіи архива Канцеляріи вновь поступающими въ него дѣлами и бумагами, онъ является весьма переполненнымъ.

Въ заключеніе перечислимъ начальствующихъ лицъ Канцеляріи оберъ-прокурора отъ начала ея существованія до настоящаго времени. Первымъ директоромъ Канцеляріи былъ Константинъ Степановичъ Сербиновичъ (съ 17 сент. 1836 г.), состоявшій предъ тѣмъ на службѣ по Министерству народнаго просвѣщенія редакторомъ „Журнала М. Н. П.“; за нимъ слѣдовали: 2) Карлъ Егоровичъ Франкъ (съ 18 іюня 1853 г.), 3) Павелъ Ивановичъ Гаевскій (съ 8 іюня 1858 г.), 4) Александръ Ѳедоровичъ Тюринъ (съ 7 января 1860 г.),— всѣ трое изъ вице-директоровъ Канцеляріи, 5) Николай Александровичъ Сергіевскій (съ 1 марта 1866 г.), бывшій предъ этимъ инспекторомъ Московской Практической академіи коммерческихъ наукъ, а ранѣе служившій по центральному управленію Св. Синода, 6) Иванъ Александровичъ Нарокомовъ (съ 31 окт. 1869 г.), изъ членовъ Учебнаго комитета при Св. Синодѣ, 7) Іосифъ Семеновичъ Сидорскій (съ 1 янв. 1890 г.), предъ тѣмъ состоявшій недолгое время причисленнымъ къ Учебному комитету, а ранѣе проходившій службу по Министерству народнаго просвѣщенія въ должности помощника попечителя Варшавскаго учебнаго округа, и 8) нынѣ состоитъ директоромъ (съ 6 января 1896 г.) Дмитрій Николаевичъ Соловьевъ, бывшій предъ этимъ директоромъ Спб. VI гимназіи и одновременно состоявшій (съ 12 мая 1886 г.) въ духовномъ вѣдомствѣ въ званіи члена Училищнаго совѣта при Св. Синодѣ. Должность вице-директора Канцеляріи послѣдовательно занимали слѣдующія лица: 1) Карлъ Егоровичъ Франкъ (съ 31 марта 1839 г.), назначенный съ должности начальника упраздненнаго въ 1839 г. Отдѣленія духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія, 2) Платонъ Ивановичъ Довголевскій (съ 1853 г.), бывшій предъ тѣмъ начальникомъ отдѣленія Канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода, 3) Павелъ Ивановичъ Гаевскій (съ 1856 г.), изъ причисленныхъ къ Министерству государственныхъ имуществъ, 4) Александръ Ѳедоровичъ Тюринъ (съ 1858 г.), назначенный съ должности прокурора Грузино-Имеретинской Св. Синода конторы, 5) Василій Ивановичъ Авчинниковъ (съ 1860 г.), изъ чиновниковъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ, 6) Михаилъ Абрамовичъ Воскресенскій (съ 1866 г.), изъ начальниковъ отдѣленія Канцеляріи, 7) Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ (съ 1875 г.), 8) Игнатій Климентовичъ Зинченко (съ 1888 г.),— два послѣдніе изъ членовъ Учебнаго комитета при Св. Синодѣ; затѣмъ съ 13 ноября 1893 г., по полученіи Зинченко новаго назначенія, должность вице-директора оставалась незамѣщенною до упраздненія ея 21 марта 1894 г., по возстановленіи же этой дожности въ 1902 г. на нее назначенъ (22 авг. 1902 г.) начальникъ отдѣленія Канцеляріи Викторъ Ивановичъ Яцкевичъ, занимающій эту должность и въ настоящее время.

Источниками для исторія Канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода могутъ служить дѣла архива Канцеляріи и Полное собраніе законовъ (за 1722, 1824, 1836, 1838, 1839, 1861, 1867, 1872, 1894, 1895 и 1902 гг.) и отчасти Сводъ законовъ (собственно т.т. I и III по изд. 1842, 1857, 1876, 1892, 1896 гг. и по продолженіямъ къ нимъ), затѣмъ всеподданнѣйшіе отчеты по вѣдомству православнаго исповѣданія и Обзоръ дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія за время царствованія императора Александра III (Спб. 1901). Сводку дѣйствующихъ постановленій о Канцеляріи (не вездѣ точную и неполную, притомъ доведенную только до 1884 г.) находимъ у † проф. *Т. В. Барсова* въ Сборникѣ дѣйствующихъ руководственныхъ церк. и церк.-гражд. постановленій по вѣд. прав. испов. т. I, Спб. 1885, стр. 16—21. Собственно же изслѣдованія или хотя бы краткаго очерка исторіи этого учрежденія еще не было. Небольшія данныя можно находить у проф. *Ѳ. В. Благовидова,* Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст., Казань 1900, † проф. *Т. В. Барсова*: Синодальныя учрежденія прежняго времени, Спб. 1897, и Св. Синодъ въ его прошломъ, Спб. 1895, † *И. А. Чистовича,* Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго (XIX) ст., Спб. 1894, проф. *Н. А. Заозерскаго,* О церковной власти, Сергіевъ Посадъ 1894, проф. *Н. С. Суворова*: Курсъ церковнаго права, Ярославль 1889—90, и Учебникъ церковнаго права, 1898, проф. *П. В. Знаменскаго,* Учебное руководство по исторіи русской церкви, Спб. 1904, проф. *А. П. Доброклонскаго,* Руководство по исторіи русской церкви, вып. IV (синод. періодъ), М. 1893, прот. *А. А. Бѣляева,* Исторія русской церкви, ч. 2-я, М. 1900, въ Исторіи христіанской церкви въ XIX ст., изд. † А. П. Лопухина, т. 2: Православный востокъ, Петроградъ 1901, и др. Но всѣ эти сочиненія собственно источниками

по исторіи Канцеляріи оберъ-прокурора служить не могутъ, такъ какъ сообщаютъ свѣдѣнія о ней весьма краткія, а по мѣстамъ неточныя (напр., встрѣчаются ошибочныя указанія на 1839 г., какъ годъ учрежденія Канцеляріи, что̀ могло бы имѣть нѣкоторый смыслъ, какъ показано выше, только при особомъ объясненіи) и даже невѣрныя (напр., въ одной изъ названныхъ книгъ указывается на состояніе при Канцеляріи Контроля при Св. Синодѣ, чего на самомъ дѣлѣ никогда не было).

С. Ф. С.

Канцелярія розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ. Еще до учрежденія Святѣйшаго Синода „при духовныхъ персонахъ у дѣлъ раскольническихъ“ были особые „мірскіе судьи“, которые были обязаны оказывать духовнымъ лицамъ въ дѣлахъ по расколу „всякое вспоможеніе“. Эти свѣтскіе судьи содѣйствовали розыску и обнаруженію заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ расколу, отбирали отъ нихъ сказки о томъ, что они намѣрены оставаться въ расколѣ, вносили ихъ въ раскольническіе списки, облагали ихъ установленными сборами и пошлинами, взимали эти сборы и пошлины и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ рапортовали Синоду. Въ началѣ такихъ лицъ было всего три, но потомъ, когда дѣла раскола перешли въ руки Синода, подобныя же лица, съ особою инструкціей, были назначены и въ другія мѣста. Объ оставленіи ихъ въ распоряженіи духовнаго вѣдомства Св. Синодъ просилъ государя въ первомъ же своемъ засѣданіи, и государь уважилъ эту просьбу. Канцелярія съ указаннымъ выше названіемъ (или „розыскная раскольническихъ дѣлъ канцелярія“, или раскольническая розыскная канцелярія“, или просто „канцелярія Плещеева“) образована была въ Москвѣ при полковникѣ Плещеевѣ, бывшемъ такимъ свѣтскимъ лицомъ, дѣйствовавшимъ по расколу въ пользу духовнаго вѣдомства, при чемъ въ ней были положены: судья, секретарь, два канцеляриста, семь копіистовъ, сторожъ, капралъ и 12 солдатъ. Одно время, съ назначеніемъ Плещеева герольдмейстеромъ, канцелярія эта перестала дѣйствовать; но затѣмъ, съ назначеніемъ на мѣсто Плещеева судьи Топильскаго, она снова приходитъ въ порядокъ, а съ закрытіемъ въ 1724 г. приказа церковныхъ дѣлъ, даже значительно расширяется, такъ какъ въ нее были переданы всѣ дѣла о расколѣ. Съ дух. дикастеріей эта канцелярія сносилась промеморіями, состоя „подъ вышнею дирекціею“ Синода. Синодъ даже желалъ сдѣлать эту канцелярію коллегіею съ назначеніемъ Топильскаго ея вице-президентомъ и съ приданіемъ ему товарища Своей мысли объ этомъ Синодъ не оставлялъ даже послѣ того, какъ „сборы съ раскольниковъ и бородачей“ были переданы изъ вѣдѣнія Сената въ особую контору въ Москвѣ. Въ дух. вѣдомствѣ остался сборъ съ неисповѣдовавшихся (штрафъ), который было приказано собирать по синодальной области въ дух. дикастеріи, а въ епархіяхъ — приказнымъ управителямъ архіерейскихъ домовъ; Топильскій же опредѣленъ ассесоромъ въ моск. синод. правленія канцелярію. Ближайшимъ образомъ судьба канцеляріи розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ опредѣлена не была, и только, когда Топильскій 7 марта 1727 г. спросилъ, что дѣлать съ личнымъ составомъ этой канцеляріи, ея дѣлами и тѣми вещами, которыя были отобраны у раскольниковъ, ему было приказано дѣла передать въ московскую раскольническую контору, а вѣдомости объ исповѣдовавшихся и означенныя вещи — въ московскую синодальную канцелярію, чиновники же частію взяты въ другія синодальныя учрежденія, а частію переданы въ раскольническую контору.

Н. М—въ.

Канцелярія Святѣйшаго Синода. По открытіи Св. Синода, первою его заботой было устроить собственную канцелярію, при чемъ было предложено, что въ составъ ея должны войти дьяки, подъячіе и прочіе служители бывшихъ патріаршихъ приказовъ. Подобное предположеніе основывалось на особомъ указѣ импер. Петра I, который, по подписаніи манифеста объ учрежденіи Синода, предписалъ московскому вице-губернатору Воейкову выслать въ Петербургъ въ новоучрежденную „Духовную Коллегію“ всѣ дѣла бывшаго духовнаго патріаршаго приказа вмѣстѣ со всѣми служащими послѣдняго; но этотъ указъ относительно высылки служащихъ не могъ быть исполненъ въ точности—въ виду того, что они по закрытіи патріаршихъ приказовъ уже успѣли разой-

тись по другимъ учрежденіямъ и при томъ лучшіе, худшихъ же Синоду брать не хотѣлось. Объ этомъ затрудненіи Св. Синодъ и представилъ Петру I въ первомъ же своемъ засѣданіи, происходившемъ въ присутствіи государя, при чемъ монаршею резолюціей утвержденъ былъ „реестръ требуемымъ въ Синодъ секретарямъ и подъячимъ". Однако и послѣ этого контингентъ служащихъ собирался съ такимъ затрудненіемъ, что, напр., первымъ оберъ-секретаремъ пришлось, вмѣсто чиновника, назначить ассесора Синода іеромонаха Варлаама (Овсянникова), а письмоводство поручать пѣвчимъ. Еще въ маѣ 1721 г. Синодъ жаловался, что „какъ въ секретаряхъ, такъ и въ подъячихъ въ Синодѣ обстоитъ великая нужда, понеже день отъ дня дѣла умножаются и ни по которой мѣрѣ безъ секретарей и безъ довольнаго числа подъячихъ въ дѣлахъ управиться ни можно". Такому затрудненію въ пріисканіи нужныхъ служащихъ немало способствовало и то обстоятельство, что въ началѣ Синодъ не имѣлъ права назначать себѣ служащихъ безъ Сената, отчего первое время происходило между этими „сильными правительствами" довольно столкновеній. Въ докладныхъ пунктахъ 19 ноября 1721 г. Синодъ, между прочимъ, писалъ: „понеже Синодъ съ Сенатомъ уравненъ есть, того ради можетъ, какъ и Сенатъ, изъ подчиненныхъ своихъ въ своей командѣ секретарей опредѣлять...; по сему требуется опредѣленіе, дабы и впредь Синоду изъ подчиненныхъ своихъ въ секретари опредѣлять и тотъ чинъ въ Синодѣ сказывать было позволено, чтобы Синодальное правительство не пріобщено было къ числу коллегій отъ сенатскихъ указовъ зависящихъ". Государь уважилъ эту просьбу, и только послѣ этого Синоду удалось сформировать свою канцелярію. По крайней мѣрѣ, въ поданныхъ Правит. Сенату отъ Св. Синода 12 ноября 1722 г. штатахъ показаны „обрѣтающимися" въ Св. Синодѣ тѣ чины, которые „и быть долженствовали". По этимъ штатамъ въ Синодѣ положено было: оберъ-секретарь 1, секретарей 4, переводчиковъ 6, протоколистъ, архиваріусъ, актуаріусъ и регистраторъ; 15 канцеляристовъ; 15 подканцеляристовъ, 45 копіистовъ, одинъ вахмистръ и 6 сторожей. Кромѣ того, для карауловъ и въ разныя мѣста посылокъ при Синодѣ состояли 2 лейбъ-гвардіи поручика, 46 солдатъ, сержантъ, капралъ, 15 солдатъ (инвалидовъ), 3 матроса и 4 кучера. Вмѣсто рекетмейстера (бухгалтера) и рентмейстера (должностей, бывшихъ въ другихъ коллегіяхъ), въ Синодѣ былъ коммисаръ съ расходчикомъ (казначей и счетчикъ). Однако проектъ этихъ штатовъ утвержденъ не былъ и дѣйствовалъ фактически, безъ утвержденія. Точно также не былъ утвержденъ и штатъ 1725 г. и только въ 1741 году проектъ штата синодальной канцеляріи былъ Высочайше утвержденъ, а затѣмъ штатъ этотъ измѣнялся въ 1797, 1819, 1839, 1843, 1859 и 1864 годахъ. Нынѣшній составъ канцеляріи дѣйствуетъ по штату Высочайше утв. 20 іюня 1872 г. Нынѣ канцелярія Св. Синода состоитъ изъ управляющаго, его помощника, 6 оберъ-секретарей, 14 секретарей, экзекутора, журналиста-протоколиста, канцелярскихъ чиновниковъ и служителей, вольнонаемныхъ писцовъ, среди которыхъ есть и женщины, работающія на пишущихъ машинахъ; при канцеляріи состоятъ: 3 курьера, вахтеръ и 6 сторожей. Должность управляющаго канцеляріею учреждена въ 1839 г., образовавшись изъ должности существовавшей до того времени должности старшаго чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, при чемъ канцелярія, бывшая до того времени въ непосредственномъ завѣдываніи и управленіи самого оберъ-прокурора, поставлена была въ управленіе и непосредственное завѣдываніе управляющаго, дѣйствующаго лишь подъ наблюденіемъ оберъ-прокурора; въ исторіи канцеляріи Св. Синода обязанности управляющаго канцеляріею лежали, частію, на оберъ-секретарѣ (до 1797 г. былъ одинъ, а съ этого года явился и второй), частію на самомъ оберъ-прокурорѣ и, наконецъ, съ 1836 г. на старшемъ чиновникѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Канцелярія Св. Синода, являясь центромъ всѣхъ синодальныхъ учрежденій, отличается обширнѣйшимъ дѣлопроизводствомъ, охватывающимъ всѣ стороны церковной жизни и дѣятельности православнаго духовенства. Въ 6 ея отдѣленіяхъ изготовляются доклады, докладываются Св. Синоду и составляются опредѣленія по слѣдующимъ дѣламъ: административнымъ, учебнымъ, пенсіоннымъ, строительнымъ, денеж-

нымъ, объ открытіи приходовъ, учрежденіи штатовъ, назначеніи казеннаго жалованья, по опекунскимъ, объ укрѣпленіи за учрежденіями духовнаго вѣдомства недвижимостей, о продажѣ земель и лѣсовъ, по раскольническимъ, сектантскимъ, уніатскимъ, брачнымъ и бракоразводнымъ, суднымъ, цензурнымъ, по духовнымъ завѣщаніямъ, о миссіяхъ, по сношенію съ восточными церквами и т. п. Уже это краткое перечисленіе предметовъ вѣдомства синодальной канцеляріи указываетъ на важность ея значенія для жизни и дѣятельности всего вѣдомства. Сообразно съ этимъ и требованія, предъявляемыя служащимъ въ ней, весьма высоки во всѣхъ отношеніяхъ.

Постепенное образованіе синодальной канцеляріи можно прослѣдить по книгѣ покойнаго профессора *Т. В. Барсова*, Синодальныя учрежденія прежняго времени, Спб. 1897, а жизнь и дѣятельность ея въ первые годы по учрежденіи Святѣйшаго Синода (1721—1725)—по докторской диссертаціи *С. Г. Рункевича*, Учрежденіе и первоначальное устройство Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721 — 1725 гг.), Спб. 1900.

Н. Марковъ.

Канцелярія синодальнаго правленія въ Москвѣ учреждена въ 1723 г. (по подражанію открытой въ Москвѣ конторѣ Правит. Сената) „для управленія надлежащихъ до Синода дѣлъ“, подъ предсѣдательствомъ синодальнаго совѣтника, изъ двухъ ассесоровъ, при которыхъ полагалась канцелярія изъ секретаря и чиновниковъ разныхъ наименованій. Учрежденіе это должно было дѣйствовать по особой инструкціи, которая въ 1724 г. была дополнена. Изъ инструкціи этой усматривается, что компетенція этого учрежденія была весьма обширна, при чемъ всѣ синодальныя учрежденія въ Москвѣ въ важныхъ дѣлахъ и затруднительныхъ случаяхъ должны были обращаться въ новоучрежденную канцелярію, которую самъ Св. Синодъ какъ бы на мѣсто себя поставлялъ во главѣ тѣхъ учрежденій, обязывая ее въ то же время въ „великоважныхъ“ дѣлахъ присылать обстоятельныя доношенія, безъ упущенія времени. Въ 1725 году въ этой канцеляріи состояло на службѣ: 2 секретаря, 1 протоколистъ, 1 регистраторъ, 6 канцеляристовъ, 6 подканцеляристовъ и 35 копіистовъ, 22 пристава и 2 сторожа, каковой составъ указываетъ на обширное дѣлопроизводство канцеляріи, развившееся очень быстро вскорѣ послѣ ея учрежденія. Съ раздѣленіемъ Св. Синода на два апартамента (18 іюля 1726 г.) и съ измѣненіемъ его компетенціи, столь обширное учрежденіе въ Москвѣ было признано излишнимъ, а потому указомъ 23 іюня 1727 г. канцелярія была упразднена, при чемъ дѣла ея были переданы въ московскую дикастерію, служащіе же частію уволены и частію—переведены (лучшіе) въ канцелярію Св. Синода. Съ 1728 г. до начала 1732 г. самъ Св. Синодъ пробылъ въ Москвѣ, почему, естественно, ему и не было надобности думать о какомъ-либо замѣняющемъ его учрежденіи въ Москвѣ. Но уже въ концѣ 1731 г. предъ переѣздомъ въ Петербургъ вопросъ объ этомъ учрежденіи возникъ самъ собою, такъ какъ государыня спросила Синодъ, кто же будетъ оставленъ въ Москвѣ для управленія синодскихъ дѣлъ? Въ виду этого Св. Синодъ создалъ особое учрежденіе съ особою канцеляріей, наименовавъ его „Св. правит. Синодъ въ Москвѣ“. долженствовавшій дѣйствовать подъ наблюденіемъ Синода с.-петербургскаго и обращаться къ послѣднему во всѣхъ важныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ. Этою инструкціей московскій Синодъ обязывался: 1) наблюдать за всегдашнимъ и неопустительнымъ отправленіемъ богослуженія въ кремлевскихъ и прочихъ соборахъ и во всѣхъ церквахъ, съ правомъ на неисправныхъ налагать штрафъ и наказывать „на тѣлѣ“; 2) производить въ іеромонахи, іеродіаконы, іереи и діаконы во всей синодальной области, наблюдая, чтобы ставленники при испытаніи не были обижаемы и притѣсняемы; 3) смотрѣть за пришлымъ въ Москву духовенствомъ и 4) имѣть наблюденіе надъ всѣми находящимися въ Москвѣ синодальными учрежденіями, при чемъ съ с.-петербурскимъ Синодомъ ему предоставлялось сноситься вѣдѣніями, а въ подчиненныя мѣста посылать указы. Но 20 іюня 1734 г. московскій Св. Синодъ былъ упраздненъ и вновь возстановлена канцелярія синодальнаго управленія, которой предписывалось дѣйствовать по вышеприведенной инструкціи. Возстановленная канцелярія очень скоро возбудила противъ себя

неудовольствіе Св. Синода своею медлительностію, и въ бытность Синода въ Москвѣ на коронаціи Елизаветы Петровны зашла рѣчь объ уничтоженіи ея, что и послѣдовало при отъѣздѣ Синода въ С.-Петербургъ, когда 2 декабря 1742 г. Высочайше повелѣно было „быть въ Москвѣ отъ Святѣйшаго Синода конторѣ“, которой приказано дѣйствовать по инструкціи, данной упраздненной канцеряціи. Контора эта существуетъ и нынѣ, при чемъ присутствіе ея состоитъ подъ предсѣдательствомъ митрополита московскаго (носящаго съ 1868 г. званіе первоприсутствующаго конторы), или за его отсутствіемъ — одного изъ викаріевъ, изъ нѣсколькихъ членовъ (обыкновенно заштатныхъ архіереевъ и архимандритовъ моск. монастырей); при конторѣ состоитъ канцелярія, во главѣ которой стоитъ управляющій, несущій обязанности и прокурора конторы. Компетенція ея довольно ограниченна, а именно: она завѣдуетъ ставропигіальными монастырями, представляетъ кандидатовъ въ ихъ настоятели, наблюдаетъ за прибывающимъ въ Москву бѣлымъ духовенствомъ и имѣетъ высшій надзоръ надъ монашествующимъ духовенствомъ московскихъ монастырей; она же вѣдаетъ дѣло варенія, освященія мvра и разсылаетъ его по епархіямъ.

Исторію учрежденія см. у проф. *Т. В. Барсова*, Синодальныя учрежденія прежняго времени, Спб. 1897, и дѣла Архива Свят. Синода, а о „конторѣ“ см. ниже статью *А. А. Завьялова* [См. еще ниже статью „Коллегія экономіи“].

Н. М—въ.

Канцелярія синодальная экономическаго правленія—возстановленная коллегія экономіи (см. подъ словомъ „коллегія“). Во главѣ канцеляріи стояли: первоприсутствующій, ассесоръ, совѣтникъ; дѣлопроизводство же и часть исполнительная были вручены: тремъ секретарямъ, семи канцеляристамъ, семи подканцеляристамъ, 18 копіистамъ, 3 коммисарамъ, при каждомъ изъ нихъ по одному монаху, знакомому съ хозяйствомъ, 20 солдатамъ, 2 капраламъ и 3 сторожамъ. Весь этотъ канцелярскій штатъ былъ замѣщенъ служащими въ бывшей коллегіи экономіи. По своему положенію она была подчинена непосредственно самому Св. Синоду, почему Св. Синодъ и распорядился объявить (опредѣл. 28 ноября 1744 г.), что губернскія и воеводскія канцеляріи должны принимать указы, посылаемые ею; опредѣленіемъ же 7 декабря 1744 г. было предложено москов. дух. дикастеріи сноситься съ нею отношеніями, а отъ нея принимать указы. Такимъ образомъ эта канцелярія заняла относительно епархіальныхъ учрежденій высшее положеніе. Какъ вспомогательные органы канцеляріи были приданы экономы, объѣзжавшіе вотчины, и управители, жившіе въ вотчинахъ, дѣйствовавшіе по особымъ инструкціямъ, утвержденнымъ Св. Синодомъ. Назначеніе этой канцеляріи было—правильное завѣдываніе церковными вотчинами, устройство ихъ и поднятіе въ нихъ экономіи и матеріальнаго благосостоянія. Съ особою заботливостію въ этомъ отношеніи была составлена инструкція для экономовъ и управителей, и въ началѣ дѣйствія ихъ по этимъ иструкціямъ принесли несомнѣнную пользу въ смыслѣ приращенія казеннаго интереса и увеличенія доходности церковныхъ имѣній. Но затѣмъ начались безпорядки и нестроенія. Съ одной стороны злоупотребляли своими полномочіями экономы и управители, а съ другой — открылись недостатки и въ самой системѣ завѣдыванія церковными вотчинами. Ближайшему завѣдыванію канцеляріи были поручены синодальный домъ съ находившимися въ немъ учрежденіями, синодальныя вотчины и вотчины домовыхъ, т. е. приписныхъ къ синодальному дому, монастырей, которыя находились въ разныхъ епархіяхъ. Въ виду того, что въ этихъ монастыряхъ благочиніе и внутренній порядокъ были поручены вѣдѣнію епарх. архіереевъ, а завѣдываніе хозяйствомъ вотчинъ монастырскихъ и судъ и расправа надъ вотчинными крестьянами — канцеляріи (опред. 17 ноября 1759 г.), на практикѣ получилось нестроеніе, приведшее даже по мѣстамъ къ крестьянскимъ бунтамъ. Для упорядоченія дѣлъ управленія церковными вотчинами, послѣ множества переписки и проектовъ, 21 марта 1762 г. была образована, подъ вѣдѣніемъ Сената, коллегія экономіи въ Москвѣ, а въ С.-Петербургѣ—контора съ переводомъ въ нее служащихъ въ канцеляріи экономическаго правленія, при чемъ всѣ духовныя лица послѣдней были отставлены и самое учре-

жденіе получило совершенно свѣтскій характеръ. Но это отнятіе отъ духовенства дѣла управленія церковными имѣніями въ началѣ слѣдующаго царствованія было признано учиненнымъ „безъ всякаго предъидущаго порядка и разсмотрѣнія", при чемъ указомъ 26 іюня 1762 г. коллегія экономіи, просуществовавшая всего нѣсколько мѣсяцевъ, была закрыта, а вмѣсто нея предписано продолжать дѣйствовать канцеляріи эконом. правленія по прежнему. Однако дѣйствія ея продолжались также нѣсколько мѣсяцевъ—до 12 мая 1763 г., когда по проекту открытой въ ноябрѣ 1762 г. коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ было открыто новое учрежденіе для завѣдыванія церковными имуществами—коллегія экономіи духовныхъ имѣній.

Н. М—въ.

Капа (лат. capa, cappa, производимое одними отъ caput—голова, другими отъ capere—обхватывать; франц. cape, chape).

1. Этимъ словомъ прежде всего обозначалось верхнее платье—широкое, длинное, безъ рукавовъ, иногда съ капюшономъ (въ родѣ пелерины), и имъ обыкновенно покрывались въ случаѣ дождя, почему теперь по-латыни называется pluviale (отъ pluvium—дождь). Понятно, что это платье первоначально носилось на Западѣ одинаково свѣтскими и духовными лицами, но съ XII вѣка сдѣлалось привилегіею духовенства [Нынѣ *капа* или *каппа*—въ видѣ нашей священнической ризы, у которой пришитъ кусокъ матеріи, напоминающій прежній капюшонъ,—употребляется у католиковъ во время церковныхъ процессій, вечерни, заутрени, похоронъ].

Въ русской православной церкви существуетъ и еще нѣкоторое подобіе латинской „капы" — монашеская мантія (на французскій языкъ переводимая словомъ *chape*).

2. *Капами* назывались также палатки, въ которыхъ хранились ковчеги или раки съ мощами святыхъ; древніе христіанскіе короли брали такія палатки съ собою во время военныхъ походовъ. Лица, носившія эти палатки, назывались капланами (capellani, chapelaines). Извѣстна, напр., „капа" св. Мартина, которая была помѣщена въ базиликѣ въ Турѣ (во Франціи) и охраненіе которой было поручено графамъ анжуйскимъ. Византійскіе императоры точно также имѣли при своихъ арміяхъ мощи святыхъ, и раки, въ которыхъ хранились эти мощи, назывались κάϑα.

См. *F. Lichtenberger*, Encyclopedie des sciences religieuses. T. III, Paris 1878, p. 63; *Ch. Dezobry* et *Th. Bachelet*, Dictionnaire général de biographie et d'histoire, 3-ième édit., Paris 1863, 1-ière partie, pp. 451. 529.

Н. П—въ.

Капелла (лат. capella, франц. chapelle). По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, производящихъ слово „капелла" отъ „капа" (см. выше столб. 517 „капа"), капеллою первоначально называлась базилика въ Турѣ (во Франціи), гдѣ помѣщалась „капа" св. Мартина. Въ собственномъ смыслѣ капеллами на Западѣ называютъ маленькія церкви, не имѣющія ни купелей для крещенія, ни погостовъ или кладбищъ для погребенія умершихъ, т. е., иначе говоря, безприходныя („приписныя") или домовыя церкви. Между капеллами различаются:

1) *Святыя капеллы* (chapelles saintes)—маленькія церкви, воздвигнутыя на мѣстѣ мученической кончины какого-либо святого или для храненія въ нихъ святыхъ мощей.

2) *Капеллы палатиновъ* (chapelles palatines), которыя иногда были двухъэтажными, при чемъ нижняя капелла предназначалась для служащихъ при дворцѣ, ихъ семей и для публики, а верхняя—для самого короля, который могъ входить въ нее чрезъ особые корридоры непосредственно изъ своихъ внутреннихъ покоевъ. Таковы: капеллы Карла великаго въ Аахенѣ, составляющія нынѣ часть собора, sainte chapelle (или chapelle palatine) въ Парижѣ. Подобныя же капеллы устраивались иногда въ замкахъ феодальныхъ князей и въ епископскихъ дворцахъ.

3) *Капеллы, соединенныя съ церквами.* Это—маленькія церкви, устраивавшіяся (начиная съ XIII-го вѣка) частными, но привилегированными особами, желавшими имѣть свое собственное мѣсто для молитвы; капеллы эти пристраивались къ соборной церкви и соединялись съ нею внутреннимъ переходомъ.

4) *Капеллы внутри церкви.* Это— придѣлы съ особымъ алтаремъ, устраиваемые внутри церкви около главнаго алтаря, посвящаемаго обычно Божіей Матери, и справа, и слѣва по бокамъ стѣнъ, начиная отъ главнаго алтаря по направленію къ противоположной сторонѣ.

5) *Капеллы умершихъ* (chapelles des morts), воздвигавшіяся въ средніе вѣка посреди или около кладбищъ; въ послѣднемъ случаѣ на сторонѣ капеллы, обращенной къ кладбищу, устраивались окна, изъ которыхъ падалъ на кладбище свѣтъ отъ лампы, повѣшенной на серединѣ капеллы и горѣвшей всю ночь.

6) Капеллами назывались иногда также извѣстныя стороны внутри церкви. Такъ, напр., въ XVI вѣкѣ южная половина (южный трансептъ) собора св. Петра въ Римѣ называлась Capella del Re di Francia (т. е. „капелла короля Франціи").

Въ переносномъ смыслѣ капеллою называется: I) то внутреннее въ церкви помѣщеніе, гдѣ исполняется музыка, а также и самый хоръ церковныхъ пѣвчихъ и музыкантовъ, директоръ которыхъ во Франціи носитъ наименованіе maître de chapelle. II) Имя капеллы присваивается на Западѣ также совокупности церковныхъ предметовъ, украшеній и священническихъ одѣяній, употребляемыхъ при богослуженіи. III) Наконецъ словомъ „капелла" обозначаются гробъ и катафалкъ (иногда съ навѣсомъ или балдахиномъ на верху) для умершихъ, освѣщенный множествомъ свѣчей. По-французски это понятіе выражается словами: chapelle ardente (пылающая, горящая капелла).

См. у *Viollet-le-Duc,* Dictionnaire de l architecture française. *Ch. Dezobry* et *Th. Bachelet,* Dictionnaire général de biographie et d'histoire, 1-ière partie, 3-ieme édit. (Paris 1863), p. 529 — 530. *F. Lichtenberger,* Encyclopédie des sciences religieuses. III, p. 63. [*Wetzer* und *Welte,* Kirchenlexikon VII², Sp. 106. *F. X. Kraus,* Real-Encyclopädie der christlichen Alterthümer I, S. 192—193. Ср. еще ниже „Каплица"].

Н. В. П—въ.

Капелла въ *музыкальномъ смыслѣ.* Это названіе у насъ присвоено въ настоящее время преимущественно хору придворныхъ пѣвчихъ, исполняющихъ церковно-богослужебное пѣніе въ присутствіи Высочайшихъ особъ, хотя этимъ именемъ можетъ быть названъ и всякій другой болѣе или мѣнѣе значительный или извѣстный хоръ (какъ и всякое музыкальное сочиненіе, назначенное для хорового исполненія: a capella). Самое слово „капелла" производятъ отъ испанскаго слова „саро"—покрышка (см. ниже подъ словами: „капелланъ"). Такъ называлось прежде небольшое зданіе съ религіозными изображеніями на стѣнахъ или съ образами. Они часто встрѣчаются въ католическихъ странахъ по дорогамъ, во дворахъ церквей или въ домахъ частныхъ лицъ. Внутри церквей часто вдаются во внѣшнюю стѣну комнаты, въ коихъ тоже происходитъ служба и кои не рѣдко принадлежатъ какому-нибудь семейству. Это тоже называлось капеллою. Иногда въ такихъ капеллахъ исполнялись концерты духовной музыки. Оттого капеллою стали называть общество музыкантовъ и пѣвцовъ, занимающихся преимущественно духовною музыкою. Во главѣ такого общества стоялъ капельмейстеръ (Настольный словарь, изд. *Толля,* 1861 г.). Въ Россіи слово „капелла" стало употребляться не ранѣе XVII в., когда вмѣстѣ съ насажденіемъ у насъ „польскаго художества" въ видѣ разныхъ „псальмовъ", „кантовъ" и „канцертовъ", повсемѣстно въ Россіи стали устрояться „капельдіи" или пѣвческіе архіерейскіе хоры, до сихъ поръ еще не бросившіе свои польскіе цвѣтные кафтаны со всякими позументами и откидными назадъ рукавами. Въ XVIII вѣкѣ, когда вмѣсто польскаго художества стала водворяться въ Россіи западная концертная итальянская музыка при посредствѣ нарочито вызываемыхъ въ Россію иностранныхъ капельмейстеровъ и композиторовъ, слово „капелла" стало предпочтительно усвояться хору придворныхъ пѣвчихъ, носившихъ дотолѣ названіе „государевыхъ пѣвчихъ діаковъ". Историческое прошлое хора придворныхъ пѣвчихъ діаковъ, его возникновеніе и устройство обслѣдованы извѣстнымъ бывшимъ профессоромъ московской консерваторіи протоіереемъ Дмитріемъ Разумовскимъ въ сочиненіяхъ его: „Церковное пѣніе въ Россіи" и „Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки и государевы пѣвчіе діаки" 1895 г. Изъ нихъ узнаемъ, что спеціальный хоръ придворныхъ пѣвчихъ по

лучилъ начало при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ. Великокняжескіе пѣвцы считались въ придворной службѣ — діаками и пользовались отъ двора опредѣленнымъ содержаніемъ. Особенною славою хоръ царскихъ пѣвцовъ пользовался при Царѣ Іоаннѣ Грозномъ, который самъ очень любилъ церковное пѣніе и содержалъ значительное число діаковъ. Но окончательное развитіе онъ получилъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Царскіе пѣвчіе діаки и подъдіаки занимали первое мѣсто среди другихъ хоровъ русскихъ. Они должны были сопровождать царя въ путешествіяхъ и походахъ и вообще вездѣ быть, гдѣ былъ царь. Они, какъ и всѣ пѣвчіе патріаршіе, митрополичьи и епископскіе, признавались служилыми людьми и были ограждены законами отъ оскорбленій значительною пеней. Число государевыхъ пѣвчихъ сначала простиралось отъ 30 до 35 человѣкъ, но въ XVII в. доходило до 70-ти. Они раздѣлялись на шесть станицъ, изъ коихъ каждая станица составляла особый небольшой хоръ. Въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ различались уставщики, демественники, вершники, нижники, путники,—названія, данныя имъ въ зависимости отъ умѣнья ихъ пѣть по строчнымъ безлинейнымъ нотамъ. Жалованье они получали деньгами, дровами, одеждою, годовыми и особыми наградами въ случаѣ причастія особъ царскаго дома; они ѣздили по праздникамъ „славить", и никто не могъ отказать имъ въ пріемѣ; за славленье они получали деньги и подарки. Они имѣли очень красивую форму, которая была четырехъ родовъ: *платье прихожее*, которое выдавалось при поступленіи, *платье ходильное* для постояннаго употребленія, платье *доброе* особенно роскошное, надѣваемое ими въ царскія именины и по большимъ праздникамъ, и *платье дорожное*. Пѣвцы иногда въ особую награду получали „приставство" по разнымъ монастырямъ, соединенное, разумѣется, съ „кормленіемъ".

При полнотѣ голосовъ, хоръ царскихъ пѣвчихъ обладалъ совершенно полнымъ знаніемъ современнаго церковнаго пѣнія. Благодаря покровительству Россійскихъ государей, пѣвчіе дьяки были не только пѣвцами-хранителями древняго пѣнія, но и пѣвцами, слѣдившими за современнымъ движеніемъ пѣнія и усвоявшими себѣ все, что было новаго. Въ половинѣ XVII в., по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, для хора государевыхъ пѣвчихъ вызываются изъ Кіева мастера и творцы партеснаго „строчнаго" пѣнія, которое потомъ быстро распространилось по всей Великороссіи. Въ царствованіе Петра великаго, особенно любившаго церковное пѣніе и принимавшаго личное въ немъ участіе, хоръ придворныхъ пѣвчихъ достигъ высокой степени своего совершенства и явился проводникомъ новаго европейскаго вліянія. Съ половины XVIII в. въ Россію, ко двору, вызываются изъ-заграницы одинъ за другимъ иностранные капельмейстеры и композиторы (Арайя, Старцоръ, Цопписъ, Галуппи, Сарти и др.), которые, стоя во главѣ музыкальнаго дѣла въ Россіи, даютъ ему новое направленіе и полагаютъ начало новой, такъ называемой „концертной" эпохѣ въ исторіи русскаго церковнаго пѣнія. Во главѣ этого направленія становится придворная пѣвческая капелла съ ея иностранными руководителями (и русскими ихъ учениками), которая въ лицѣ директора капеллы Бортнянскаго, ученика Галуппи, пріобрѣла законодательное значеніе въ области современнаго церковно-пѣвческаго искусства и исключительное право на цензурованіе и употребленіе духовно-музыкальныхъ сочиненій въ храмахъ не иначе, какъ съ разрѣшенія и одобренія директора капеллы (Указъ Св. Синода отъ 14 февраля 1816 г. № 26.143). Подъ руководствомъ директора капеллы А. Θ. Львова, трудами учителей капеллы Воротникова и Ломакина, составляется особый „придворный" напѣвъ и издаются капеллою нотныя богослужебныя книги въ гармоническомъ видѣ. Въ 1869 году, въ директорство Бахметева, это изданіе было пересмотрѣно и остается неизмѣннымъ и доселѣ.

Въ 1883 г., вмѣсто Бахметева, управленіе капеллою поручается Балакиреву, извѣстному знатоку русской народной музыки, ближайшему преемнику въ музыкальномъ творчествѣ и послѣдователю Глинки. Сотрудникомъ его назначается извѣстный русскій композиторъ Римскій-Корсаковъ. Съ этого времени направленіе въ дѣятельности капеллы становится болѣе народнымъ, національнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Оно сказалось въ такихъ новыхъ изданіяхъ капеллы, какъ „Всенощное бдѣніе

древнихъ напѣвовъ“ (1888 г.), считающееся въ церковномъ клирѣ и пѣвческой практикѣ книгою капитальною, классическою, образцовою въ полномъ смыслѣ. Въ настоящее время исключительное право капеллы на разрѣшеніе къ употребленію въ церквахъ тѣхъ или другихъ музыкальныхъ сочиненій оспаривается Синодомъ, о чемъ ведется полемика въ текущей журналистикѣ между музыкальными критиками (см. „Нов. Время“ №№ 10.334, 10.376 статьи *Компанейскаго* и *Иванова*).

Протоіерей *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Свящ. *Металловъ*, Очеркъ исторіи правосл. церковнаго пѣнія. Прот. *Д. Разумовскій*, Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки и государевы пѣвчіе діаки.

Протоіерей *А. Митропольскій*.

Капелла придворная пѣвческая, хоръ для пѣнія въ дворцовыхъ церквахъ царскаго дома, унаслѣдовалъ свой современный строй отъ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ. — Исторія капеллы чрезвычайно скудна фактами вслѣдствіе отсутствія спеціальныхъ изслѣдованій. Извѣстно, что въ 1713 г. хоръ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ былъ переведенъ изъ Москвы въ Петербургъ и въ царствованіе Петра вел. былъ пополняемъ посредствомъ вызова пѣвчихъ синодальнаго и др. архіерейскихъ хоровъ, доходя обыкновенно до 40 человѣкъ. По смерти Петра вел. пѣвчіе его были распущены, и въ придворномъ хорѣ, какъ онъ сталъ теперь называться, осталось всего лишь 15 человѣкъ. Въ царствованіе имп. Анны Іоанновны хоръ сталъ увеличиваться и ко второй половинѣ столѣтія, по свидѣтельству Штелина, капелла состояла изъ 15 дискантовъ, 13 альтовъ, 13 теноровъ и 12 басовъ, не считая „младшихъ воспитанниковъ“. Съ этого времени начинается извѣстность капеллы, какъ образцоваго пѣвческаго учрежденія, и на это именно время падаетъ служба въ уставщикахъ капеллы (—должность уставщика была равносильна позднѣйшей директорской должности—) М. Ф. Полторацкаго, который, будучи еще придворнымъ пѣвчимъ, обратилъ на себя вниманіе отличнымъ голосомъ и искуснымъ пѣніемъ и для усовершенствованія былъ посылаемъ заграницу.

Въ 1742 г. во время торжествъ по случаю коронованія императрицы Елизаветы Петровны въ Москвѣ была поставлена опера Метастазіо „Милосердіе Тита“, и для исполненія хоровъ въ ней по приказанію императрицы были приглашены пѣвчіе придворнаго хора, для которыхъ итальянскія слова опернаго либретто были переписаны въ партіи русскими буквами. Съ этого времени придворная капелла должна была участвовать во всѣхъ придворныхъ оперныхъ спектакляхъ, гдѣ нуженъ былъ хоръ. Есть, впрочемъ, извѣстія, что еще въ 1737 г. придворный хоръ участвовалъ въ исполненіи оперы Арайя „Albia a o“. Развитіе театральныхъ зрѣлищъ при дворѣ и въ столицѣ, а равно и подчиненіе придворнаго пѣвческаго хора итальянцамъ—капельмейстерамъ и композиторамъ, не могли не отозваться на капеллѣ съ одной стороны весьма благопріятно — усовершенствованіемъ ея вокально-пѣвческаго искусства, съ другой — имѣвшимъ печальныя послѣдствія привнесеніемъ въ богослужебное церковное пѣніе характера итальянской оперной музыки. И сами композиторы — итальянцы, служившіе при русскомъ дворѣ, стали писать музыку на слова священныхъ пѣсней, и такимъ образомъ свѣтскій стиль быстро распространялся по церковнымъ хорамъ всей Россіи. Цопписъ, Галуппи и Сарти въ царствованіе имп. Екатерины II были главными представителями такого направленія. Талантливые малолѣтніе пѣвчіе придворной капеллы Березовскій и Бортнянскій были учениками этихъ композиторовъ (первый—Цопписа, второй—Галуппи) и по мысли своихъ учителей для завершенія своего музыкальнаго образованія путешествовали въ Италію—тогдашнюю законодательницу въ области вокальной музыки. Бортнянскому суждено было по возвращеніи въ капеллу занять мѣсто капельмейстера придворнаго хора, а съ 1796 г. сначала директора вокальной музыки, потомъ управляющаго придворною пѣвческою капеллой (до конца жизни, 1825 г.), и довести какъ вокальную часть, такъ и оффиціальное положеніе капеллы до блестящаго состоянія. Въ 1817 г. Бортнянскимъ были введены новые штаты капеллы и улучшено матеріальное положеніе пѣвчихъ. Въ то же время Бортнянскій выхлопоталъ разрѣшеніе прекратить участіе придворной капеллы въ театральныхъ представленіяхъ,

а своими сочиненіями содѣйствовалъ отвлеченію вниманія отъ эффектныхъ, но мало отвѣчавшихъ цѣли, церковныхъ сочиненій Сарти, Галуппи и т. п. Бортнянскому, какъ директору капеллы, тогда единственнаго компетентнаго музыкальнаго учрежденія, было предоставлено Высочайшею властію право одобрять къ печати и, съ согласія Св. Синода, къ употребленію при богослуженіи вновь составляемыя духовно-музыкальныя сочиненія. При слѣдующемъ директорѣ, Ф. П. Львовѣ, капелла, въ остальномъ жившая еще отблескомъ славы Бортнянскаго, приступаетъ къ изданію различныхъ нотныхъ сочиненій, и главнымъ образомъ т. наз. „обихода придворнаго пѣнія“, вышедшаго тогда еще подъ названіемъ „Круга простого церковнаго пѣнія, при Высочайшемъ дворѣ употребляемаго“, и только для двухъ голосовъ—тенора и баса, а затѣмъ сочиненій Бортнянскаго, прот. Турчанинова, Березовскаго, Галуппи и др. Это издательство положило начало существованія нотнаго склада при капеллѣ.

При слѣдующемъ директорѣ А. Ф. Львовѣ (1837—1861 г.) капелла, въ замѣнъ далеко неполнаго и только для двухъ голосовъ изложеннаго „круга“, издаетъ подъ редакціей Львова полный обиходъ нотнаго церковнаго пѣнія, при Высочайшемъ дворѣ употребляемаго, на 4 голоса, въ составленіи котораго принимали участіе главнымъ образомъ учителя пѣнія П. М. Воротниковъ и Г. Я. Ломакинъ. Вновь изданный обиходъ упрочилъ всеобщую извѣстность и употребительность придворнаго напѣва, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднялъ и авторитетъ капеллы, ставшей при Львовѣ, благодаря обиходу и цензурнымъ правамъ капеллы, вершительницею судебъ церковнаго пѣнія во всей Россіи. Кромѣ обихода, являются въ такомъ же переложеніи:—октоихъ знаменнаго роспѣва, сокращенный ирмологій знаменнаго роспѣва, а также греческаго роспѣва: воскресные и праздничные ирмосы, ирмосы четыредесятницы и страстной седмицы, воскресные утренніе антифоны и утреня.—Пѣніе капеллы при Львовѣ вновь было доведено до значительнаго совершенства; слава ея проникла и за предѣлы Россіи: бывшій въ СПБ. въ 50-хъ годахъ Берліозъ ставитъ пѣніе капеллы на недосягаемую высоту. Ежегодные концерты капеллы всегда привлекали большое количество посѣтителей, чему отчасти способствовала извѣстность самого Львова, какъ композитора.

Съ 1837 г. начинается дѣятельность капеллы по обученію церковному пѣнію и регентскому дѣлу сначала пѣвчихъ различныхъ полковъ, а потомъ и другихъ лицъ, приведшая въ 1848 г. къ первому положенію о регентскомъ классѣ, получившемъ опредѣленный характеръ постояннаго музыкально-учебнаго заведенія только съ 1884 г.

Въ 1839 г. при капеллѣ учреждается инструментальный классъ, для спавшихъ съ голоса пѣвчихъ, неоффиціально существовавшій еще со временъ Бортнянскаго, съ перерывомъ между 1845 и 1856 гг. Классъ этотъ существуетъ и до настоящаго времени.

Съ 1861 по 1883 г., въ директорство Н. И. Бахметева, капелла продолжала существовать на тѣхъ же основаніяхъ и шла въ томъ же направленіи, какъ при Львовѣ. За весь этотъ періодъ наиболѣе крупными фактами въ исторіи капеллы являются: 1) Измѣненіе въ способѣ пополненія хора малолѣтними пѣвчими. До сихъ поръ наборъ пѣвчихъ производился посредствомъ реквизиціи лучшихъ голосовъ изъ архіерейскихъ и др. хоровъ южной Россіи, при чемъ капелла обыкновенно получала пѣвцовъ болѣе или менѣе уже опытныхъ въ церковномъ пѣніи. Теперь же капелла стала набирать мальчиковъ внѣ архіерейскихъ и др. хоровъ, принявъ обязанность первоначальнаго обученія пѣнію на себя. 2) Подъ руководствомъ Бахметева былъ вновь переизданъ обиходъ придворнаго напѣва съ значительными измѣненіями сравнительно съ обиходомъ Львова, внесшими болѣе правильности и звучности гармоніи; однако нѣкоторыя гласовыя мелодіи въ обиходѣ Бахметева потеряли свою характерность и, приближаясь иногда къ речитативу, удаляли гласовое пѣніе отъ его подлинника. Тѣмъ не менѣе бахметевскій обиходъ пользуется распространенностью и остается образцовымъ до настоящаго времени. 3) Цензурныя полномочія капеллы, переходившія со временъ Бортнянскаго отъ одного директора къ другому, ко времени Бахметева представлялись неограниченными: только на этомъ основаніи послѣдній на-

чалъ дѣло по поводу литургіи, составленной Чайковскимъ, не бывшей на разсмотрѣніи директора капеллы и напечатанной безъ его разрѣшенія. Однако по разъясненію Правит. Сената права директора капеллы простираются лишь на то, чтобы одобрять или не одобрять къ исполненію дух.-музыкальныя сочиненія въ церквахъ, и не касаются тѣхъ, которыя къ тому не предназначаются. Результаты процесса не могли не отразиться неблагопріятно на положеніи капеллы.

Собственныя духовныя сочиненія Бахметева, не смотря на свою эффектность и хоровую звучность, не могли содѣйствовать упроченію авторитета капеллы, такъ какъ иногда чрезмѣрно усиливали ту слащавость и „пряность", начало которыхъ было положено еще сочиненіями Львова.

Съ 1883 по 1895 г. капелла жила иной жизнію. Во главѣ ея былъ поставленъ начальникъ, которому подчинялись управляющій и его помощникъ. Графъ С. Д. Шереметевъ, назначенный на должность начальника, пригласилъ извѣстныхъ дѣятелей національнаго направленія въ русской музыкѣ: М. А. Балакирева на постъ управляющаго и Н. А. Римскаго-Корсакова — помощникомъ управляющаго. Музыкально-художественное значеніе капеллы постепенно развивалось и именно въ направленіи, характерномъ для приведенныхъ именъ. Въ это время капеллою была сдѣлана попытка издать первую простую, но вмѣстѣ съ тѣмъ художественную гармонизацію древнихъ церковныхъ напѣвовъ; къ сожалѣнію, попытка остановилась послѣ выпуска въ свѣтъ „Пѣнія при всенощномъ бдѣніи древнихъ роспѣвовъ". Тогда же были изданы капеллою сочиненія и переложенія Римскаго-Корсакова.

Послѣ 1895 г. должность управляющаго занимали — до 1901 г. А. С. Аренскій, а съ 1901 до 1903 г. — С. В. Смоленскій, по уходѣ котораго капелла управляется начальникомъ—гр. А. Д. Шереметевымъ и помощникомъ Н. С. Кленовскимъ.

А. Преображенскій.

Капелланъ см. „Капланъ" ниже стлб. 544.

Каперсъ (Capparis spinosa, евр. abijjonah — абійона) — кустарникъ, состоящій изъ многочисленныхъ тонкихъ и гибкихъ стеблей—или колеблющихся въ воздухѣ, или разстилающихся по землѣ. Каперсъ имѣетъ свѣтлозеленые кругловатые листья, подъ которыми, при ихъ основаніи, находятся небольшіе, искривленные и острые терны; красивые, бѣлые или розовые, цвѣты каперса состоятъ изъ четырехъ лепестковъ со множествомъ (60—80) длинныхъ, краснаго цвѣта, тычинокъ; его мясистые, имѣющіе форму желудя и обтянутые желтоватою кожицей, плоды заключаютъ въ себѣ много сѣмянъ; послѣднія своимъ вкусомъ напоминаютъ вкусъ перца. Каперсовый кустарникъ распространенъ въ Азіи, въ Африкѣ, южной Европѣ; всегда произрасталъ въ Палестинѣ. Онъ укореняется въ трещинахъ старинныхъ стѣнъ, въ разсѣлинахъ скалъ, на грубой необработанной почвѣ, при чемъ быстро разрастается; въ маѣ онъ обильно покрывается цвѣтами, которые, впрочемъ, продолжаютъ появляться на немъ въ теченіе всего лѣта. Цвѣточныя почки каперса, а равно его плоды и нѣжныя вершины стеблей съ древнихъ временъ употреблялись въ пищу; преимущественно ихъ прибавляли ко многимъ кушаньямъ, въ качествѣ приправы, возбуждающей аппетитъ. О каперсѣ Библія упоминаетъ однажды; въ Еккл. **12**, 5 говорится: тогда „разсыплется каперсъ". Смыслъ этихъ словъ, въ связи съ контекстомъ, можетъ быть такой. Въ Еккл. **12**, 1—6 описываются тяжелые старческіе годы по прошествіи дней юности (ст. 1), когда у состарѣвшагося человѣка померкнетъ свѣтъ въ очахъ (2 ст.), силы оставятъ его (ст. 3) и все будетъ возбуждать въ немъ только ужасъ (ст. 4. 5); тогда-то,—говоритъ Екклезіастъ, — и *каперсъ разсыплется*, т. е. потеряетъ свою силу и не возбудитъ уже аппетита къ пищѣ въ человѣкѣ, отходящемъ въ вѣчный домъ свой, разбивающемся, какъ кувшинъ у источника (ст. 5. 6).—Каперсъ, какъ кажется, культивировался въ Палестинѣ, на ряду съ другими растеніями, которыя облагались десятиннымъ сборомъ. Заключать объ этомъ можно на основаніи сохранившагося въ Талмудѣ разсужденія о каперсовомъ кустарникѣ и обложеніи его продуктовъ десятиною.

См. *Keil* и *Delitzsch*, Commentar IV, 4 (1875), S. 400—402; *Schenkel*, BL. III, S. 498; *Riehm*, HW. I. S. 833—834; *Guthe*, KBW., S. 355.

Прот. *Н. Елеонскій.*

Капернаумъ („кепар“ = „село“, „деревня“ и Нахум; послѣднее слово одни принимаютъ за собственное имя, и тогда Капернаумъ = селеніе Наума; дѣйствительно еще въ XVI в. здѣсь указывали гробницу пр. Наума; другіе за имя нарицательное— „отрада“, „утѣшеніе“, сообразно съ чѣмъ въ названіи Капернаумъ видятъ указаніе на красоту мѣстности)—одинъ изъ палестинскихъ городовъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Капернаумъ не упоминается, а изъ показаній евангелистовъ можно видѣть, что онъ лежалъ на сѣверо-западномъ берегу Генисаретскаго озера (Ін. **6**, 17. 24), на границѣ между колѣнами Нефѳалимовымъ и Завулоновымъ. Въ евангельской исторіи Капернаумъ извѣстенъ, какъ главное мѣсто Галилейской дѣятельности І. Христа. Здѣсь Онъ пребывалъ нѣкоторое время съ Своею Матерію еще до первой Пасхи и отсюда путешествовалъ на Пасху въ Іерусалимъ (Ін. **2**, 12—13). Послѣ Пасхи Іисусъ Христосъ избралъ Капернаумъ постояннымъ Своимъ мѣстопребываніемъ (Мѳ. **4**, 13), провелъ въ немъ бóльшую часть времени Своего общественнаго служенія, почему Капернаумъ и называется Его городомъ (Мѳ. **9**, 1). Въ немъ были избраны на апостольское служеніе Петръ, Андрей, Іаковъ, Іоаннъ (Мѳ. **4**, 18—22. Лк. **5**, 1—11) и впослѣдствіи Матѳей (Мѳ. **9**, 9). Пребывая въ Капернаумѣ, І. Христосъ постоянно проповѣдывалъ въ синагогѣ, въ частныхъ домахъ и въ окрестностяхъ (Мѳ. **4**, 13, 23. Лк. **4**, 31—37) и творилъ множество чудесъ: исцѣлилъ слугу сотника (Мѳ. **8**, 6 сл.: Лк. **7**, 1), тещу Симона-Петра (Мѳ. **8**, 14. Лк. **4**, 38—39), сына царедворца (Ін. **4**, 46), разслабленнаго (Мѳ. **9**, 1), изгналъ злого духа изъ бѣсноватаго (Лк. **4**, 33). Вблизи Капернаума при озерѣ Господь училъ народъ притчами (Мѳ. **13**, 1 сл.) и предложилъ о Себѣ бесѣду, какъ о хлѣбѣ жизни (Ін. **6**, 22—71). Но жители Капернаума не были внимательны къ Его дѣламъ и ученію. При цвѣтущемъ благосостояніи города, лежавшаго на пути отъ Дамаска въ Іерусалимъ, въ Газу и Египетъ, Тиръ и Сидонъ, при доставляемомъ подобнымъ положеніемъ изобиліи и богатствѣ, они не заботились объ исправленіи своей жизни; роскошь и разнаго рода пороки испортили ихъ нравы; ученіе Іисуса Христа и сотворенныя Имъ чудеса не производили на нихъ благотворнаго дѣйствія, почему Онъ и предрекъ имъ печальную участь (Мѳ. **11**, 23—24), которая въ свое время и постигла ихъ. Въ войнахъ съ римлянами Капернаумъ вмѣстѣ съ другими городами былъ совершенно разрушенъ, и на его мѣстѣ остаются теперь однѣ рыбачьи хижины и жалкія развалины, къ которымъ —въ виду полнаго запустѣнія—трудно даже пробраться. По свидѣтельству путешественниковъ, ни одна тропа не пролегаетъ сюда, ни одно живое существо, кромѣ змѣи и ящерицы, не встрѣчается здѣсь. Въ настоящее время развалины древняго города извѣстны подъ именемъ Тель-Хумъ, мѣстечка, лежащаго на два часа пути сѣвернѣе Магдалы. Здѣсь его помѣщаютъ Риттеръ и Вильсонъ. Впрочемъ, другіе изслѣдователи, напр., Робинсонъ и Сеппъ, ото жествляютъ древній Капернаумъ съ мѣстностью Ханъ-Миніе, лежащею въ долинѣ Геннисаретской въ разстояніи часа пути отъ Магдалы при источникѣ Аинъ-етъ-Тинъ. Въ подтвержденіе своего взгляда Робинсонъ ссылается на свидѣтельства двухъ путешественниковъ VII—VIII ст.,—французскаго еп. Аркульфа и св. Виллибальда, а равно и на показаніе Іосифа Флавія, упоминающаго не только о селеніи Капернаумъ, но и объ источникѣ того же имени („о войнѣ іуд.“ **3**, 10 : 8), источникъ же находится только при селеніи Ханъ-Миніе. Сеппъ ссылается на этимологію слова Миніе. Оно происходитъ отъ „Mini“, каковымъ именемъ на языкѣ раввиновъ назывались іудейскіе еретики (въ частности христіане). Въ одномъ же мѣстѣ Талмуда прямо говорится: „жители Капернаума тожественны съ минеями“. Не смотря на эти соображенія, мнѣніе Робинсона и Сеппа не признается въ библейской литературѣ состоятельнымъ. Развалины Ханъ-Миніе не представляютъ ничего, что могло бы свидѣтельствовать о древнемъ Капернаумѣ. Евангеліе, Талмудъ и отцы церкви единогласно называютъ его цвѣтущимъ и великимъ городомъ, вознесшимся до небесъ своимъ ве-

личіемъ (Мѳ. **11**, 23); здѣсь были и синагоги, и складочныя мѣста для товаровъ, и христіанскія базилики, изъ которыхъ одна была построена, по свидѣтельству Епифанія кипрскаго, при Константинѣ великомъ. Въ Ханъ-Миніе слѣдовъ развалинъ такихъ построекъ нѣтъ; а Тель-Хумъ представляетъ развалины большого города. Не соотвѣтствуетъ Ханъ-Миніе библейскому Капернауму и по своему географическому положенію. Капернаумъ лежалъ близъ сѣверной оконечности озера (Мрк. **6**, 30—45. Ін. **6**, 1—25), тогда какъ первый — на западной сторонѣ. Наконецъ, самое имя Тель-Хумъ есть ничто иное, какъ арабское сокращеніе и измѣненіе имени Капернаумъ [Въ пользу Khân Minget для Капернаума высказался было извѣстный оксфордскій профессоръ *William Sanday*, посѣтившій Палестину (см. у него Sacred Sites of the Gospels, Oxford 1903), но потомъ и онъ возвратился къ принятому мнѣнію, что гораздо вѣроятнѣе Tell Hûm; см. его статью въ „The Journal of Theological Studies" V, 17 (October, 1903), p. 42—48: The Site of Capernaum и ср. книжку Outlines of the Life of Christ, London 1905, а также у J. Hastings въ A Dictionary of Christ and the Gospels I, Edinburgh 1906, p. 269**a**—270**б**. Тѣмъ не менѣе professor *William Knight* высказывается въ пользу Khan Minyeh: см. его The Site of Capernaum въ „The Expositor" 1906, VII, p. 48—56. Rev. *Asad Mansur*, The Site of Capernaum ibid. 1907, IV, p. 360—373].

Священникъ *А. Петровскій.*

Капистранъ см. „Іоаннъ Капистранъ" въ „Энц." VII, стлб. 101—102.

Капитолина, св. мученица Кесаріи каппадокійской, IV столѣтія. Родственница каппадокійскаго архіепископа Фирмиліана, или его духовная дочь,—Капитолина раздала свое имущество бѣднымъ и отпустила на волю рабовъ. За исповѣданіе Христа она была приведена къ каппадокійскому претору Зиликинѳію и заключена въ темницу, а по отказѣ поклониться идолу Серапису была обезглавлена вмѣстѣ со своею служанкою Еротіидой въ 304 году. Храмъ въ честь мученицъ находился въ Константинополѣ близъ св. муч. Фоки (въ Перѣ). *Память ея 27 октября.*

См. AA. SS. Boll. октябрь XII, 212; Макар. Ч.-Минея; Прологъ.—*Сергій.*

Хр. Л—въ.

Капитонъ, св. священномученикъ херсонскій, IV столѣтія. По смерти епископовъ Василія, Евгенія, Елпидія, Агаѳодора и Елевѳерія херсоняне обратились къ имп. Константину вел. съ просьбой послать имъ новаго епископа. Императоръ послалъ имъ Капитона въ сопровожденіи 500 воиновъ. Епископъ, прибывъ въ Херсонъ, поучалъ народъ христіанской вѣрѣ (и творилъ чудеса). Изъ Херсона онъ отправился, вѣроятно, въ Византію, но противный вѣтеръ прибилъ его корабль къ устью р. Днѣпра, гдѣ Капитонъ и скончался, по греческому прологу, 22 декабря. *Память его 7 марта.*

См. AA. SS. Boll. мартъ I, 639; Супрасльская минея XI вѣка; Макар. Ч.-Минея («Христосъ ми да начинаетъ слово единомудръ»); славянская печатная минея; Прологъ.—*Сергій.*

Хр. Л—въ.

Капитонъ, св. мученикъ, неизвѣстнаго мѣста и времени. Онъ обезглавленъ вмѣстѣ съ Памфиломъ. *Память его 12 августа.*

См. AA. SS. Boll. августъ II, 731; Синаксаристъ Никодимовъ; прологъ. Въ славянской редакціи Василіева минологія значится: „память святого въ Оливріи". «По всей вѣроятности,—говоритъ † архіеп. *Сергій*,—это—цареградская мѣстность, гдѣ совершалась память ихъ».

Хр. Л—въ.

Капитонъ, извѣстный лжеучитель, жившій и дѣйствовавшій въ самыя первыя времена возникновенія раскола. По его имени въ первое время всѣхъ вообще раскольниковъ называли „капитонами", также и ученики Капитона называли себя „староверцами", но непосредственной генетической связи между тѣми и другими не было. „Неистовство" Капитона было обнаружено еще въ 1639 г., т. е. гораздо ранѣе появленія раскола. По своимъ убѣжденіямъ Капитонъ былъ крайній аскетъ. „Вериги на себѣ носилъ каменныя: плита сзади, а другая спереди, по полтора пуда въ обѣихъ, а всего вѣсу три пуда, петля ему бѣ

поясъ, а крюкъ въ потолкѣ, а обѣ желѣзны, и то ему постеля,—вроцѣпя крюкъ въ петлю, повисаше спати". Подобную же жизнь проводили и ученики Капитона.

Аскетизмъ Капитона и его послѣдователей проявлялся, между прочимъ, въ крайнемъ постничествѣ. Даже въ праздники Рождества Христова и Пасхи Капитонъ не разрѣшалъ на сыръ, масло и рыбу и вмѣсто пасхальныхъ яицъ раздавалъ братіи красныя луковицы; въ довершеніе же всего— „субботу разсудилъ по-жидовски поститися". Но однимъ только отступленіемъ отъ церковнаго устава лжеученіе Капитона не ограничивалось. Выходя изъ мысли, что для достиженія святости ничего болѣе не требуется, кромѣ веригъ и поста, онъ пришелъ мало по малу къ полному отверженію іерархіи. Поэтому капитоновщина впервые и получила названіе „безпоповщины". Скоро явились среди учениковъ Капитона лица, которыя довели начала капитоновщины до конца. Продолжая возвышать подвигъ поста, они стали проповѣдывать постъ до „уморенія". Первымъ проповѣдникомъ такого ученія былъ нѣкто Василій Волосатый.

Капитонъ жилъ болѣе 100 лѣтъ. Въ продолженіи своей жизни мѣстопребываніе имѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ: сначала въ лѣсахъ ветлужскихъ, потомъ въ предѣлахъ вологодскихъ, гдѣ около 1630 г. основалъ Княгининскую пустынь. Отсюда перешелъ въ костромскіе предѣлы и въ 1634 г. близъ села Даниловскаго основалъ пустынь Троицкую на пустоши Колесниково. Впрочемъ, и здѣсь онъ прожилъ недолго, именно до 1639 года, когда на него послѣдовалъ доносъ. Нѣкоторое время послѣ того Капитонъ продолжалъ еще укрываться въ костромскихъ предѣлахъ, а потомъ переселился въ вязниковскіе предѣлы владимірской губерніи. Здѣсь застало его начало „Никоновскихъ новинъ". Выступивши ихъ противникомъ, Капитонъ до нѣкоторой степени сблизился чрезъ это въ своихъ взглядахъ со старообрядчествомъ. Этимъ и объясняется, почему отличительный признакъ капитоновщины—самоистребленіе—проникъ въ темную массу старообрядчества и получилъ здѣсь очень широкое примѣненіе. Только въ расколѣ самоистребленіе, проявлявшееся обыкновенно въ видѣ самосожженія, получило другое внутреннее оправданіе. Въ капитоновщинѣ оно вытекало изъ началъ крайняго аскетизма, въ расколѣ же служило средствомъ избѣжать печати антихриста.

Въ лѣсахъ за Вязниковскою слободой Капитонъ и умеръ — неизвѣстно, ранѣе 1667 года или позже. Его разыскивали всюду, но онъ умѣлъ укрываться отъ самыхъ тщательныхъ поисковъ.

Литература. Проф. *П. С. Смирновъ*, Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ (Спб. 1898), стр. XXXII—XXXV, прим. 45; также стр. 59—62.

В. Верюжскій.

Капитулъ (capitulum) *въ римско-католической церкви* есть организованная при каѳедральномъ (*каѳедральный* капитулъ) и другихъ церквахъ (*коллегіатскій* капитулъ) коллегія клириковъ съ самостоятельнымъ корпоративнымъ устройствомъ. Названіе „капитулъ" происходитъ изъ предписанія правилъ vitae canonicae (см. слово „канонникъ"), когда ежедневно собиравшійся клиръ долженъ былъ прочитывать главу (capitulum) правилъ. Потомъ capitulum стало обозначать мѣсто собранія, въ которомъ происходило чтеніе, далѣе собраніе и совокупность совмѣстно живущихъ клириковъ. Первоначально объединенный клиръ извѣстнаго церковнаго округа назывался пресвитеріемъ (πρεσβυτέριον, presbyterium) и составлялъ совѣтъ епископа, помогая ему въ то же время при богослуженіи. Потомъ въ III и IV вв., съ распространеніемъ христіанства, расширился кругъ дѣятельности клира, но за-то ослабѣла его организація,—и только въ IX в. онъ опять былъ объединенъ. Такъ какъ vita canonica была обязательна для всего духовенства, то, вмѣстѣ съ каѳедральными капитулами, возникли и коллегіатскіе. Въ IX в. и отчасти въ X в. для клириковъ жизнь въ т. наз. капитулахъ сдѣлалась общимъ правиломъ. Возникши изъ vita canonica, капитулъ заимствовалъ оттуда же множество должностей. Въ XIII в. canonici regulares пришли въ упадокъ, но самый капитулъ явился постояннымъ церковнымъ учрежденіемъ. Во главѣ его въ средніе вѣка стоялъ „пробстъ"—praepositus (настоятель), который вмѣстѣ съ предсѣдатель-

ствомъ въ капитулѣ управлялъ имѣніями. Наблюденіе же за дисциплиною членовъ капитула лежало на „деканѣ“. Въ организаціи капитула различались его члены, canonici—(въ соборномъ капитулѣ—canonici majores, cathedrales, а въ коллегіатскомъ капитулѣ—canonici collegiales)—по присущимъ имъ большимъ или меньшимъ правамъ. Полноправный (capitularis)—тотъ, кто имѣлъ т. наз. canonia, canonica и canonicatus, т. е. votum in capitulo и stallum in choro, и пользовался доходомъ изъ прибылей отъ общаго имущества. Положеніе остальныхъ членовъ капитула было опредѣлено окончательно съ XIII в. Такъ наз. juniores,—клирики низшихъ степеней посвященія и находящіеся въ школѣ капитула для образованія юноши,—были безъ права голоса. Число членовъ и старшихъ и младшихъ не было опредѣлено; оно зависѣло отъ количества доходовъ съ общаго имущества. Со временемъ это измѣнилось сообразно внутреннимъ и внѣшнимъ вліяніямъ; однако удержался обычай,—не смотря на эти измѣненія,—принимать юношей для приготовленія при капитулахъ. Они получали содержаніе изъ опредѣленныхъ для этого доходовъ и были въ свою очередь обязаны къ vita communis. Они раздѣлялись также по различнымъ степенямъ, находились подъ руководствомъ „схоласта“ и пользовались иногда нѣкоторою долей доходовъ изъ общаго имущества. Отъ вновь вступающихъ членовъ капитула требовались опредѣленныя качества, обусловленныя рожденіемъ, воспитаніемъ, положеніемъ, поведеніемъ и т. д. Къ должностымъ лицамъ капитула принадлежали завѣдывавшіе текущими дѣлами капитула. Сюда относятся primicerius или cantor (также praeceptor), завѣдывавшій, какъ настоятель низшаго клира, богослуженіемъ и хоровымъ пѣніемъ; scholasticus, начальникъ школы, которому поручался надзоръ и надъ школами въ епископскомъ городѣ и діоцезѣ; custos, наблюдавшій за всѣми церковными, необходимыми для богослуженія, принадлежностями и утварью; sacrista или thesaurius, распоряжавшійся въ великіе праздники и торжественные дни употреблявшимися драгоцѣнностями; cellerarius, на которомъ лежали хозяйственныя обязанности; camerarius, завѣдывавшій имѣніями отдѣльныхъ учрежденій; portarius, сносившійся съ міромъ во время vita communis, потомъ наблюдавшій за принадлежавшими капитулу зданіями. Между встрѣчающимися въ капитулѣ оффиціальными лицами были еще praelati. Съ развитіемъ дворянства въ капитулъ устремились молодые люди дворянскихъ фамилій, для которыхъ различныя должности капитула сдѣлались доходною статьей. Тогда вмѣсто собственно „каноникові“, которые по ихъ положенію и другимъ основаніямъ не могли отправлять богослуженія, были поставлены vicarii, mansionarii. Сь послѣдней половины среднихъ вѣковъ организація капитуловъ опредѣлилась уже политическими условіями и отношеніями. Французская революція неблагопріятно отозвалась на церковномъ устройствѣ во Франціи, Германіи и Швейцаріи. Въ 1803 г. капитулы были лишены политическаго значенія и превратились въ чисто церковные институты, отчасти самостоятельные. „Пробстъ“ является теперь тоже предсѣдателемъ капитула; „деканъ“—руководителемъ богослуженія; сохранились и другія должностныя лица. Въ различныхъ мѣстахъ и государствахъ къ членамъ капитула (capitulares, canonici numerarii и т. д.) предлагаются различныя требованія относительно степени посвященія, возраста, практики и т. п.; съ нарожденіемъ новыхъ должностей измѣнились и самыя права и обязанности каноникoвъ различныхъ наименованій. Измѣнилось положеніе и „викаріевъ“. Они болѣе не замѣстители отдѣльныхъ каноникoвъ, но исполняютъ вмѣстѣ съ ними обязанности какъ въ хорѣ, такъ и въ дѣлахъ епископа.

Первоначально, когда господствовала въ капитулѣ vita communis, функціи капитула, какъ сената епископа, не были особенно замѣтны вслѣдствіе объединенія въ vita communis всего клира. Съ другой стороны, въ важнѣйшихъ, касающихся всего епископата, случаяхъ дѣйствовало духовенство другихъ, именно—коллегіатскихъ церквей, находившихся въ епископскомъ городѣ, а также и жители города, чрезъ своихъ членовъ. Декретаріи Григорія IX сохраняютъ и расширяютъ права соборнаго капитула въ ущербъ самостоятельности епископовъ, остальнаго клира и гражданъ. По нимъ

соборный капитулъ является въ совѣтѣ епископа, при управленіи діоцезомъ, автономнымъ органомъ. Начало сего идетъ съ XIII в., когда капитулъ достигъ того, что при выборѣ епископа были исключены права остальныхъ церквей и гражданъ епископскаго города. Теперь капитулу, какъ корпораціи, принадлежитъ право самостоятельно рѣшать свои дѣла (jus statuendi или condendi statuta). Капитулъ избираетъ собственныхъ должностныхъ лицъ, имѣетъ свою печать, управляетъ всѣмъ имуществомъ, можетъ въ собраніяхъ выносить свои заключенія, которыя касаются его внутреннихъ отношеній. Дѣла капитула исполняются или должностными лицами капитула, или отдѣльными членами его попеременно, или общимъ собраніемъ членовъ капитула. Въ отношеніи къ своему епископу капитулъ образуетъ постоянный совѣтъ при немъ и участвуетъ въ управленіи діоцезомъ. Онъ заботится о поддержаніи единства церковнаго, чистоты ученія и нравовъ, церковной дисциплины. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по каноническимъ правиламъ для епископа обязательны согласіе (consensus) или совѣтъ (consilium) членовъ капитула,—тогда распоряженія перваго не имѣютъ законной силы безъ капитула. Къ первому относятся—отчужденіе церковныхъ имуществъ, важнѣйшія измѣненія въ состояніи бенефицій діоцеза; введеніе новыхъ, обязательныхъ для епархіи, праздниковъ, назначеніе новыхъ церковныхъ налоговъ. Совѣтъ капитула епископу предписывается при назначеніи и отрѣшеніи церковныхъ властей и другихъ духовныхъ лицъ, при совершеніи конфирмаціи, въ случаяхъ, касающихся интересовъ самаго капитула, а равно во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ церковнаго управленія и т. п. Важнѣйшее право соборнаго капитула состоитъ въ выборѣ епископа. Выборъ долженъ быть производимъ не позднѣе трехъ мѣсяцевъ со дня открытія вакансіи; иначе—право выбора переходитъ къ высшему начальству. По предписанію Тридентскаго собора при sedes vacanta соборный капитулъ получаетъ управленіе діоцезомъ (чрезъ викарія), для завѣдыванія епископскимъ имуществомъ опредѣляетъ эконома, при чемъ оба—съ замѣщеніемъ каѳедры—отдаютъ отчетъ новому епископу. Управленіе діоцезомъ также переходитъ въ руки соб. капитула и при sedes impedita, когда епископъ не можетъ осуществлять своихъ правъ (лишенъ свободы, въ плѣну). Кромѣ этого, члены соб. капитула имѣютъ права чести и отличія. Они имѣютъ священныя степени, носятъ крестъ капитула, особую одежду. Иногда пробстъ и деканъ имѣютъ архіерейскія митры. Каноники получаютъ гражданскіе знаки отличія.

II. *Въ протестантской* церкви отдѣльные соборные и коллегіатскіе капитулы, какъ остатки католичества, удержались въ Пруссіи и Саксоніи (Бранденбургѣ, Мерзебургѣ, Наумбургѣ и др.) до настоящаго времени. Бо́льшею же частію послѣ реформаціи капитулы, примкнувшіе со своими епископами къ новому ученію, уничтожились. Теперь это уже не церковныя учрежденія, а только корпораціи, которыя сохраняютъ и опредѣляютъ своимъ членамъ непремѣнные доходы, владѣя правами, данными или обычаемъ или государственнымъ законодательствомъ.

III. *Въ англиканской* церкви капитулъ составляетъ учрежденіе, относящееся къ управленію церковію [см. выше „каноникъ въ англиканствѣ и въ Англіи“: стлб. 271—274]. Онъ находится при епископѣ, который, подчиняясь самъ одному изъ двухъ архіепископовъ англиканской церкви, въ свою очередь располагаетъ капитуломъ. Въ капитулъ входятъ деканъ (dean), каноники (canons), пребендаріи, архидіаконы (archdeacons) и другія духовныя лица, съ юристомъ-викаріемъ въ заключеніи. Самъ епископъ, многіе деканы и другіе получаютъ свое назначеніе непосредственно отъ короны. Кругъ дѣятельности этого капитула невеликъ. Члены архіепископскаго капитула входятъ, наряду съ епископами, въ составъ House of Convocation, имѣющаго своимъ назначеніемъ внутреннее управленіе церкви.

Литература. *Scarfantonius*, De capitulis, I—II, Luc. 1723; *Ab Ickstadt*, De capitulorum metropolitanorum et cathedr. archiepiscop. Germaniae origine, progressu et juribus, Amstel. 1764; *Mayer*, Thes. nov. jur. eccl. I, 33 sq.; *Dürr*, De capitulis clausis in Germania, y Schmidt'a, Thes. jur. eccl. III, 122 sq.; *Bouix*, De capitulis, Paris 1852; *Lingen* et *Reuss*, Causae selectae in S. Congr. Conc., Ratisb. 1871; *Ph. Schneider*, Die bischöflichen Domcapitel, ihre Entwicklung und rechtliche Stellung, Mainz

1892; prof. *P. Hinschius*, Das Kirchenrecht der Katoliken und Protestanten in Deutschland, Berlin 1877—1886; *Schöttl*, Antheil der Domcapitel an der Diöcesanregierung, Eichstadt 1846; *Gehring*, Das Kathol. Domcapitel Deutschlands, Regensb. 1851; *Huller*, Die juristische Persönlichkeit der katt Domkapitel in Deutschland, Ramberg 1860; *Ch. Smidt*, Histoire du chapitre de Saint-Thomas pendant le moyen âge, Strasbourg 1855. *R. W. Dixon*, History of the Church of England from the abolition of the Romam-jurisdiction [*Wetzer* and *Welte*, Kirchenlexikon II², col. 1903—1908. *W. Smith* and *S. Cheetham*, A Dictionary of Christian Antiquities I, p. 288—289. Проф. *Ульрихъ Штуцъ*, Церковное право въ перев. подъ редакціей проф. Евг. Н. Темниковскаго, Ярославль 1905, стр. 268—270. 272. 312]. См. еще при статьѣ „каноникъ" въ „Энц." VIII, стлб. 271—274.

П. Смирновъ.

Капитулъ *въ западно-русской уніатской церкви.* Подъ именемъ капитуловъ въ западно-русской уніатской церкви до половины XVIII вѣка были извѣстны древніе крылосы (см. „крылосъ"). Съ первыхъ же временъ уніи въ организацію крылосовъ-капитуловъ привзошли измѣненія, клонившіяся не къ развитію ихъ, а къ ограниченію ихъ правъ и полномочій. При м. Поцеѣ обязанности крылоса по дѣламъ епархіальнаго управленія перешли къ особымъ должностнымъ лицамъ изъ монаховъ—оффиціаламъ, суррогатамъ, авдиторамъ, нотаріямъ, а судебная власть—къ консисторіямъ. За крылосами осталось лишь право охраны каѳедральныхъ имѣній при жизни епископа и по его смерти. Въ этомъ смыслѣ еп. Поцей еще въ 1598 г. преобразовалъ свой владимирскій крылосъ, „хотя имѣти его яко капитулу". Другіе крылосы и безъ особаго преобразованія фактически были поставлены въ то же положеніе подъ громкимъ именемъ капитуловъ. Въ 1668 г. капитулы-крылосы лишились и права завѣдыванія каѳедральными имѣніями во время вакантности каѳедръ, такъ какъ м. Коленда исхлопоталъ королевскій „привилей", которымъ митрополиту предоставлено право управлять вакантными епископскими каѳедрами и владѣть ихъ имѣніями. Съ теченіемъ времени, за недостаткомъ образованія въ средѣ бѣлаго духовенства, городскія церкви и почти всѣ каѳедральные соборы мало по малу перешли въ вѣдѣніе монаховъ-базильянъ. Ко времени замостскаго собора въ вѣдѣніи капитуловъ находились только каѳедральныя церкви во Владимирѣ, Брестѣ и Пинскѣ. Но эти уцѣлѣвшіе капитулы были низведены на степень простого каѳедральнаго причта, весьма незначительнаго и ничтожнаго по составу. Если нѣкоторые „капитульные священники" занимали тѣ или другія второстепенныя епархіальныя должности (суррогатовъ, нотаріемъ), то это были исключенія, а все епархіальное управленіе было въ рукахъ базильянъ.

Съ поднятіемъ образованія въ бѣломъ духовенствѣ, благодаря учрежденнымъ папою алюмнатамъ (во Львовѣ и Вильнѣ), начался подъемъ клира и новый періодъ въ исторіи уніатскихъ капитуловъ. Съ половины XVIII вѣка началась организація капитуловъ уже по образцу латинскихъ. Были организованы капитулы—въ Перемышлѣ (1756 г.), въ Луцкѣ (въ 1750-хъ годахъ), во Львовѣ (1771 г.), Владимирѣ (1769 г.), Брестѣ (1769 — 1775 г.), въ Вильнѣ (1778 г.) и Радомышлѣ (1788 г.). Они состояли изъ нѣсколькихъ высшихъ сановниковъ-прелатовъ: архипресвитера, архидіакона, кустоша, канцлера, схоластика и кантора; въ нѣкоторыхъ капитулахъ были и каноники. Эта корпорація высшаго клира была выдѣлена изъ ряда прочаго духовенства и организована на началахъ самоуправленія—съ правомъ собраній, свободнаго избранія своихъ членовъ, самосуда и самостоятельнаго распоряженія доходами съ капитульныхъ фундушей, безъ всякой зависимости отъ епархіальной администраціи и консисторскаго суда. Напротивъ, сама она стояла при епископѣ, какъ равноправный ему стражъ церковныхъ правъ и порядковъ. Наблюденіе за неприкосновенностію правъ и соблюденіемъ законовъ какъ епископомъ, такъ и оффиціалами и консисторіей составляло главную обязанность капитула, которая лежала на немъ, какъ на цѣлой корпораціи. Кромѣ того, члены капитула имѣли еще частныя обязанности по дѣламъ каѳедры. Каноники несли обязанности чередного богослуженія въ каѳедральной церкви, а прелаты—помимо богослужебныхъ обязанностей въ великіе праздники—имѣли каждый свои спеціальныя обязанности. Архипресвитеръ обязанъ руководить дѣлами капитула и каѳедральнаго собора, архидіаконъ — за-

ботиться о соблюденiи обрядовъ и защищать имущественныя права каѳедры, канцлеръ—вести капитульные акты и хранить епископскiй и капитульный архивъ, кустошъ—смотрѣть за каѳедральною церковiю, за цѣлостiю утвари и ризницы, за исправностiю служителей, за богадѣльней и дѣятельностiю церковнаго братства, схоластикъ—наблюдать за каѳедральною школой и епархiальною семинарiей въ экономическомъ и учебно-педагогическомъ отношенiи, канторъ—заботиться о хорѣ каѳедральной церкви, нанимать пѣвцовъ и наблюдать за правильностiю пѣнiя и чтенiя.

Унiатскiе капитулы организованы епископами вопреки желанiямъ базильянъ и латинскаго клира, безъ разрѣшенiя папы, и по учрежденiи не получили папскаго утвержденiя. Это повлекло быстрый ихъ упадокъ еще до паденiя Польши. Съ паденiемъ Польши оказавшiеся въ предѣлахъ Австрiи львовскiй и перемышльскiй капитулы долгое время не могли подняться изъ состоянiя упадка. Лишь въ 1813 году они возстановлены, а въ 1864 г. добились папскаго утвержденiя. Въ Западной Руси, подъ русскимъ владычествомъ, при организацiи унiатскихъ епархiй (полоцкой въ 1772 г., луцкой и брестской въ 1798 г.) капитулы не были учреждены вновь, не были возстановлены даже тѣ, которые существовали раньше. Лишь впослѣдствiи луцкiй и брестскiй капитулы стали оживать. Въ 1808 г. луцкiй заявилъ о своемъ существованiи и правахъ,—въ томъ же году брестскiй капитулъ организованъ сызнова еп. Булгакомъ. Но и послѣ этого существованiе обоихъ было лишь номинальнымъ; они не пользовались свойственными капитулу правами и не несли обязанностей при каѳедрѣ. Каѳедральныхъ соборовъ въ луцкой и брестской епархiяхъ не существовало; брестская семинарiя находилась въ распоряженiи базильянъ, въ луцкой каѳедральной школѣ единственнымъ учителемъ былъ самъ каѳедральный схоластикъ; высшее наблюденiе за ходомъ епархiальныхъ дѣлъ сосредоточивалось въ римско-католической коллегiи и главномъ управленiи духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданiй. Въ 1818 г. поднятъ вопросъ о капитулахъ и нашелъ себѣ энергичную поддержку въ духовенствѣ брестской епархiи. Въ 1821 г. онъ готовъ былъ разрѣшиться въ благопрiятномъ для капитуловъ смыслѣ, но въ 1822 г. начался поворотъ въ жизни унiатской церкви, при которомъ латинское нововведенiе уже не нашло себѣ поддержки. При церковныхъ преобразованiяхъ, выработанныхъ въ 1822—1828 гг., организацiя каѳедральнаго клира приняла характеръ установленiй восточной церкви и капитулы были преобразованы въ каѳедральные соборы по образцу православной церкви.

Литература. *Harasiewicz,* Annales Ecclesiae Ruthenae, Leopoli 1862 an. Свящ. *А. И. Ситкевичъ:* Западно-русскiй крылосъ и его судьба въ унiи до половины XVIII вѣка, Гродна 1903, и Унiатскiе капитулы въ XVIII вѣкѣ (въ „Христ. Чтенiи“ 1904 г., кн. 9—12). *П. О. Бобровскiй,* Русская греко-унiатская церковь въ царствованiе импер. Александра I, СПБ. 1890.

Свящ. *Андрей Ситкевичъ.*

Капитулярiи. Выраженiе capitulare или capitulatio, исходя отъ раздѣленiя на capitula, впервые встрѣчается въ 779 г. и означаетъ особый родъ королевскихъ указовъ.

Обыкновенно подъ capitularia каролинговъ разумѣютъ и соотвѣтствующiя имъ edicta, praeceptiones, decreta или decretiones меровингскихъ королей и предписанiя арнульфскихъ мажордомовъ. Отъ грамотъ (diplomata или mandata) капитулярiи отличаются своею особою формой и отсутствiемъ печатей и подписей. Отъ меровингскихъ королей дошли до насъ только отдѣльныя капитулярiи и лишь отъ времени трехъ первыхъ поколѣнiй послѣ Хлодвига, затѣмъ этотъ видъ законодательства исчезаетъ до Карла Мартела, а при Карлѣ великомъ достигаетъ высшей точки развитiя; почти на такой же высотѣ оно стоитъ при Людовикѣ Благочестивомъ, но съ его смертiю исчезаетъ въ восточной Франконiи и продолжается лишь въ западной Франконiи и въ Италiи до конца IX вѣка. Капитулярiи представляютъ изъ себя частiю предписанiя всему народу, частiю инструкцiи королевскимъ чиновникамъ и въ особенности королевскимъ посламъ (missi dominici). Содержанiе ихъ чрезвычайно разнообразно и касается всѣхъ сторонъ жизни государства и церкви; не только внѣшняя организацiя церкви и отношенiя ея къ свѣтской власти,

но и церковная дисциплина, организація орденовъ, обученіе и даже культъ подробно регулируются въ капитуляріяхъ. Относительно происхожденія капитулярій, основанія обязательности ихъ и зависящаго отъ этого ихъ дѣленія и отношенія къ родовому праву (leges) въ наукѣ существуютъ различные взгляды. Господствующій взглядъ (Бруннера, Шрёдера и др.) примыкаетъ къ дѣленію Бореціемъ постановленій ахенскаго рейхстага 813 г. на три вида: capitularia legibus addenda, capitularia per se scribenda и capitularia missorum. Противъ такого дѣленія ничего нельзя возразить, пока оно просто устанавливаетъ различіе между капитуляріями, дополняющими и измѣняющими родовое право, капитуляріями, имѣющими самостоятельное значеніе и инструкціями для чиновниковъ. Но какъ скоро въ основу дѣленія капитулярій ставится ихъ происхожденіе и утверждается, что capitularia legibus addenda имѣютъ такое же значеніе, какъ родовое право (какъ leges), и устанавливаются съ согласія всего народа, между тѣмъ capitularia per se scribenda, въ качествѣ королевскаго права, устанавливаются однимъ королемъ безъ участія народа;—тутъ воззрѣніе Бореція и его послѣдователей подвергается основательной критикѣ. Амира, Зеелигеръ, Зигфридъ Ричель и отчасти Данъ отрицаютъ всякое принципіальное различіе между этими двумя видами капитулярій. Capitularia legibus addenda уже потому не могутъ служить выраженіемъ родового права, что при каролингахъ о родовыхъ собраніяхъ не было и рѣчи. Различныя воззрѣнія существуютъ и на роль рейхстага въ изданіи капитулярій. Амира приписываетъ законодательную власть лишь королю, который добровольно прибѣгаетъ къ содѣйствію рейхстага. Зеелигеръ видитъ въ рейхстагѣ самостоятельный законодательный органъ франкской монархіи. Оба воззрѣнія примиряетъ Ричель, указывая на то, что капитуляріи— не особая форма законодательства, но лишь особая форма обнародованія уже составленныхъ законовъ, а въ составленіи всѣхъ законовъ безъ исключенія несомнѣнно участвовали рейхстаги и соборы. Было ли это участіе рейхстаговъ въ составленіи законовъ однимъ обычаемъ или оно основывалось на обычномъ правѣ,—вопросъ этотъ для современниковъ былъ непонятенъ. Но нельзя считать рейхстагъ представительствомъ всего народа. Рѣшенія его были обязательны для каждаго отдѣльнаго члена государства лишь въ силу долга повиновенія королю.

Потребности въ систематическомъ сборникѣ капитулярій впервые удовлетворилъ аббатъ Ансегизъ изъ Фонтанелы (823 г.), собраніе котораго получило значеніе оффиціальнаго. Затѣмъ извѣстны сборники Бенедикта Levita, діакона изъ Майнца, Исаака, епископа лангрскаго, и Герара, епископа турскаго, и, наконецъ, короля Лотаря (въ серединѣ IX в.).

Литература. Лучшее изданіе: Monumenta Germaniae hist. Legum sectio II, Capit. regum Francorum ed. Boretius et Krause I, II, 1883—1897; *Boretius,* Die Kapitularien in Langobardenreich, 1864; *Его-же,* Beitrage zur Kapitularienkritik, 1874; *Amira* въ „Göttingische gelehrte Anzeigen" 1888, 57 сл., 1896, 193 сл.; *Seeliger,* Die Kap. d. Karolinger, 1893; *Rietschel* въ R. E. v. Herzog-Hauck X³, 43—46, гдѣ указана и остальная иностранная литература [*Wetzer* u. *Welte,* Kirchenlexikon II², II, 1897—1903. I, 3. 885. *W. Smith* and *S. Cheetam,* A Dictionary of Christian Antiquitis I (London 1775), p. 285—288]; *А. Я. Дородницынъ* (нынѣ еп. Алексій), Церковно-законодательная дѣятельность Карла великаго, Москва 1889, 18—22 и др.; *Робертсонъ* и *Герцогъ.* Исторія хр. церкви I (Спб. 1890), 661—662; † *М. Н. Петровъ,* Лекціи по всемірной исторіи II (Харьковъ 1888), стр. 26; *М. М. Стасюлевичъ,* Исторія среднихъ вѣковъ II, 53—75; † проф. *Н. А. Осокинъ,* Исторія среднихъ вѣковъ I, 241 сл.; *Лависсъ* и *Рамбо,* Всеобщая исторія I, 355—357.

С. Троицкій.

Капланъ (capellanus, kapellan, kaplan, chapelain). (Первоначально капелланами назывались лица, носившія капы (см. „капа" выше стлб. 517—518) при войскахъ во время военныхъ походовъ, позже—секретари, чтецы и даже слуги королей, феодальныхъ князей и знатныхъ особъ. Впослѣдствіи капелланами стали именоваться священники капеллъ (см. „капелла" выше стлб. 518—519) и лица, владѣвшія капелланіями или доходами отъ капеллъ). А капеллою у католиковъ называется или домовая церковь (во дворцѣ, при епископѣ или вообще при частномъ лицѣ) или второстепенная церковь при главной. Потому и капланы суть или

помощники главнаго священника (въ родѣ нашего викарнаго), или домовые священники (придворный, папскій, епископскій и пр.). Самое слово капланъ происходитъ отъ capa или capella,—короткая мантія св. Мартина, патрона Франціи; духовныя лица, на обязанности которыхъ лежало охраненіе этой мантіи и ношеніе ея съ другими реликвіями въ торжественныхъ процессіяхъ, назывались во франкскомъ государствѣ—capellanus; а такъ какъ реликвіи находились при дворцовой церкви, и хранители ихъ должны были совершать въ этой церкви службы,—то названіе capellanus переходитъ вообще на главное лицо въ придворномъ духовенствѣ; сначала это былъ простой священникъ, затѣмъ игуменъ, а при Карлѣ великомъ—епископъ и даже архіепископъ. По примѣру франкскихъ королей, заводятъ у себя каплановъ аристократы, епископы, а впослѣдствіи и папы.—Когда словомъ capella стали обозначаться вообще маленькія церкви (часовни, молитвенные дома и пр.), то и названіе capellanus переходитъ на духовныхъ лицъ, служащихъ при этихъ церквахъ. По постановленію Тридентскаго собора, епископы должны побуждать священниковъ въ многолюдныхъ приходахъ приглашать къ себѣ помощниковъ, при чемъ эти послѣдніе содержатся на личныя средства главнаго священника, а потому находятся въ зависимости отъ него,—назначаются и увольняются по его желанію, хотя и съ вѣдома епископа. Впослѣдствіи (въ Германіи), когда при церквахъ образуются спеціальные фонды (Benefizienstiftungen), положеніе каплановъ улучшается. Католическое церковное право различаетъ нѣсколько видовъ каплановъ: capellani curati, помогающіе главному священнику во всѣхъ его обязанностяхъ; sacellani, vicarii, primissarii, назначаемые для совершенія опредѣленнаго числа мессъ; capellani expositi, perpetui, постоянные священники для отдаленныхъ отъ центра прихода мѣстностей; capellani ad nutum episcopi amovibiles, назначенные епископомъ и независимые отъ главнаго священника.

Литература. *Wetzer* und *Welte,* Kirchenlexikon VII², S. 117—124. *P. Hinschius,* System des Katholischen Kirchenrechts II, S. 321 ff.—Протест.: *Herzog-Hauck,* Real-encyklopädie X³, S. 46—48. *E. Friedberg,* Lehrbuch des Kirchenrechts, 4 Aufl. Lpzg 1895, S. 175 ff. (*Ch. Dezobry et Th. Bachelet,* Dictionnaire général de biographie et d'histoire, 1-ière partie, 3-ième édit. (Paris 1863), p. 529; *Джемсъ С. Робертсонъ,* Исторія христіанской церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней, перев. † А. П. Лопухина, I (Спб. 1890), стр. 706—707).

Н. Сахаровъ (и *Н. В. П—въ*).

Каплица (отъ capella)—въ польской рим.-католической церкви означаетъ домовый костелъ или же придѣлъ, устроенный въ видѣ особой пристройки при большомъ костелѣ, а въ особенности — небольшой кладбищенскій костелъ. Можно думать, что каплица или капелла первоначально была названіемъ храма вообще, ибо польскія названія священства и священника происходятъ отъ того же корня („kapłanstwo", „kapłan"). Отъ поляковъ названіе „каплица" во времена уніи перенято и русскими, и доселѣ въ Зап. Руси оно употребляется въ приложеніи къ кладбищенскимъ церквамъ и часовнямъ или усыпальницамъ. [Ср. „Капелла" выше стлб. 518—519).

Свящ. *А. С—вичъ.*

Каппа см. „Капа" въ „Энц." VIII, стлб. 517—518.

Каппадокія (Καππαδοκία, Cappadocia) страна на востокѣ Малой Азіи. Слово „Каппадокія" персидскаго происхожденія и значитъ земля хорошихъ людей. Границы и политическое положеніе Каппадокіи неоднократно измѣнялись. Нѣкогда самостоятельное государство,—Каппадокія въ 363 г. до Р. Христова была покорена персами. Отнятая у персовъ Александромъ Македонскимъ, она по смерти его и послѣ убійства Евмена пергамскаго снова пріобрѣла самостоятельность и управлялась своими царями. Одинъ изъ такихъ царей Аріаратъ (163—130 до р. Хр.) упоминается въ 1 Маккавейской книгѣ (**15**, 22). Къ нему, какъ и къ другимъ царямъ и странамъ, послано было изъ Рима съ Нуминіемъ посланіе съ просьбой не притѣснять дружественныхъ Риму іудеевъ (см. „Карія"). При Тиверіѣ въ 17 г. по р. Хр. Каппадокія была покорена римлянами, соединена съ Понтомъ и Малою Арменіей и образовала одну изъ римскихъ провинцій. Территорія ея была ограничена съ юга Тавромъ,

съ востока—Евфратомъ, съ запада—озеромъ Татта (нынѣ Тузъ-Чöллю), съ сѣвера—Черным морем. Эта-то римская провинція и упоминается въ Дѣян. **1**, 9, какъ отечество іудеевъ, пришедшихъ на праздникъ Пятидесятницы въ Іерусалимъ, и въ 1 Петр. **1**, 1, какъ мѣстожительство христіанъ, которымъ адресовано первое (а слѣдовательно и второе: см. 2 Петр. **3**, 1) посланіе Апостола Петра. Жители Каппадокіи, индо-германскаго происхожденія, называются у Геродота сирійцами, а у Страбона „бѣлыми сирійцами" (λευκοσύροι), въ отличіе отъ сирійцевъ въ собственномъ смыслѣ.

Насажденное здѣсь во времена апостольскія христіанство быстро распространилось по всей Каппадокіи и по сосѣднимъ съ нею странамъ; епископъ Кесаріи каппадокійской, носившей нѣкогда имя Мазака, былъ епископомъ не только всей Каппадокіи, но и Понта, Писидіи, Ликаоніи, Малой и Великой Арменіи. Изъ Каппадокіи были родомъ Св. Григорій Чудотворецъ, епископъ неокесарійскій, Григорій назіанскій, Василій великій и Григорій нисскій. Въ 1074 г. Каппадокія подпала подъ власть турокъ. Кромѣ Кесаріи въ Каппадокіи замѣчательны города: Тіана, Комана, Кукузы, Назіанза и Нисса. Нынѣ кесарійскій митрополитъ, носящій титулъ „всечестный изъ всечестныхъ и экзархъ всей Анатоліи", считается первымъ митрополитомъ константинопольскаго патріархата и имѣетъ резиденцію въ сосѣдней съ Кесаріею деревнѣ Зинциндере. Подъ его властью находится весь санджакъ Кесаріи, а также нѣкоторые города округовъ аданскаго, иконійскаго и севастійскаго. Ему подчиненъ одинъ викарный епископъ, носящій титулъ назіанзскаго. Вблизи Кесаріи съ XIV вѣка живетъ и армянскій епископъ. Въ католической церкви съ 1365 г. существуетъ Archidioecesis Caesariensis in partibus infidelium съ четырьмя титулярными суффраганами. Въ Кесаріи каппадокійской нынѣ насчитывается до 40.000 жителей, изъ коихъ грековъ до 3.000. Съ 1882 г. въ Кесаріи при монастырѣ св. Іоанна Предтечи въ Зинциндере существуетъ богословская школа (ἱεραρχὴ σχολή), учрежденная мѣстнымъ митрополитомъ Іоанномъ († 1902 г.). По своему внутреннему устройству и назначенію она соотвѣтствуетъ нашимъ духовнымъ семинаріямъ и съ успѣхомъ выполняетъ свою задачу, снабжая малоазійскія епархіи клириками и учителями. Преподаватели ея избираются преимущественно изъ кандидатовъ аѳинскаго университета. Въ этой школѣ (называемой также гимназіею Родоконаки) обучается свыше 100 учениковъ, стекающихся сюда со всѣхъ концовъ Малой Азіи. По окончаніи курса они получаютъ право на поступленіе въ аѳинскій университетъ. Въ Зинциндере существуетъ и женская школа, также основанная митроп. Іоанномъ, съ курсомъ нашихъ женскихъ гимназій. Число воспитанницъ около 50. Здѣсь существуютъ еще и два дѣтскихъ пріюта для мальчиковъ и дѣвочекъ съ даровымъ содержаніемъ и обученіемъ. Основаны они тѣмъ же митроп. Іоанномъ и содержатся на средства, ежегодно собираемыя съ епархіи. Много школъ есть и въ окружающихъ Кесарію селахъ. Кромѣ монастыря Предтечи замѣчателенъ другой ставропигіальный монастырь Безплотныхъ Силъ въ селѣ Таксіархіонъ, лежащемъ въ трехъ часахъ пути отъ Кесаріи. Жители кесарійской митрополіи говорятъ большею частію на турецкомъ языкѣ.

Литература. *H. Guthe*, Kurzes Bibelwörterbuch. 356 [а также словари *Vigouroux, Hastings, Cheyne; Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon II, 1919—1920; проф. *С. А. Терновскій*, Очерки изъ церковно-исторической географіи, Казань 1899, стр. 246—252. 140. 255]; † о. *П. Ѳ. Солярскій*, Опытъ библ. словаря II, 377—8; Исторія хр. церкви въ XIX в., въ изд. † *А. П. Лопухина* т. II, 139, 182—183; Ἀναστάσιος Μ. Λεβίδος, Αἱ ἐν μονολίθοις μοναὶ τῆς Καππαδοκίας καὶ Λυκαονίας, Константинополь 1899; «Церковныя Вѣдомости» 1905 г., № 50, 2.216—2.217.

С. Троицкій.

Каппель (Cappelus, Cappel)—знаменитая во Франціи фамилія, къ которой въ теченіе двухъ столѣтій (XV—XVII) принадлежало много государственныхъ дѣятелей и ученыхъ. Къ ней относятся ученые богословы:

1) *Вильгельмъ (Гильомъ) Каппель*—профессоръ и деканъ богословскаго факультета въ Парижѣ. Въ 1491 г., будучи ректоромъ университета, онъ протестовалъ про-

тивъ буллы Иннокентія VIII, желавшаго обложить университетъ десятиною. Свой протестъ В. Каппель подкрѣпилъ угрозою уволить изъ университета всякаго, кто сталъ бы исполнять папское повелѣніе.

2) *Людовикъ Каппель I*, по прозванію Moniambert,—пасторъ и протестантскій богословъ (1534 г., 15 янв. — 1586 г., 6 янв.). Онъ былъ сынъ знаменитаго юриста и, несмотря на раннюю смерть отца, получилъ прекрасное воспитаніе и образованіе. 22 лѣтъ Людовикъ Каппель I приступилъ въ Бордо къ изученію права, но здѣсь ему была предложена каѳедра греческаго языка, которую онъ послѣ и занялъ. Потомъ онъ, познакомившись съ приверженцами реформатской церкви, принялъ ея ученіе и для лучшаго усвоенія его занялся богословіемъ въ Женевѣ, гдѣ въ то время дѣйствовалъ Кальвинъ. По возвращеніи оттуда въ Парижъ (1560 г.) выборъ его, естественно, остановился на богословіи, на что особенно должно было повліять участіе его вмѣстѣ съ кальвинистами въ борьбѣ за свободу религіозной совѣсти. Именно, когда были созваны генеральные штаты (1566 г.), Людовикъ Каппель I потребовалъ внесенія въ наказъ отъ Иль-де-Франса исповѣданія вѣры реформатской церкви. Не мало способствовала горячая дѣятельность Людовика Каппеля I появленію извѣстнаго Толерантнаго эдикта (17 января 1562 г.). Ревность его въ этомъ отношеніи была настолько извѣстна кальвинистамъ, что они пожелали видѣть его въ духовномъ санѣ. Послѣ посвященія въ Парижѣ Каппель былъ посланъ въ Мо въ качествѣ проповѣдника. Возникшее гоненіе на кальвинистовъ заставило его покинуть Мо и удалиться въ Женеву, а оттуда въ Седанъ, гдѣ для него было безопасно, такъ какъ это было уже булонское герцогство. Въ 1569 г. Людовикъ Каппель I дѣйствовалъ, какъ проповѣдникъ, въ Антверпенѣ, но и отсюда долженъ былъ опять вернуться въ Седанъ. Послѣ этого онъ жилъ пасторомъ въ Клермонѣ, но событія Варѳоломеевской ночи (1572 г.) принудили его опять бѣжать въ Седань. Людовикъ Каппель I ищетъ тогда поддержки для кальвинистовъ у протестантскихъ князей, для чего онъ отправился въ Германію. По возвращеніи оттуда Вильгельмъ Оранскій пригласилъ его быть профессоромъ богословія въ Лейденѣ (1575 г.). Въ слѣдующемъ году Л. Каппель I уже является проповѣдникомъ и профессоромъ богословія въ Седанѣ. Въ іюнѣ 1581 г. онъ былъ депутатомъ Шампани на національномъ соборѣ въ la Rochelle. Умеръ Людовикъ Каппель I въ Седанѣ 6 января 1586 г., 52 лѣтъ. Въ изданной въ Лейденѣ Меурзіемъ диссертаціи Людовика Каппеля I перечисляются труды его, среди которыхъ названа также — vita prucellis belli civilis perturbatissima; это, вѣроятно, неизданная нигдѣ автобіографія самого Людовика Каппеля I.

См. *Haag*, La France protestante. *Herzog-Hauck*. R. E. III³, 717--718.

3) *Іаковъ Каппель III — Тиллуа* (Jacques Cappel)—сынъ Іакова Каппеля II (род. 1529 г., † 1586 г.), протестантскій богословъ, рожденный въ Rennes въ 1570 г. Онъ изучалъ богословіе въ Седанской протестантской академіи, затѣмъ въ 1593 г. удалился въ родовое имѣніе, гдѣ организовалъ богослуженіе для реформатовъ. Въ 1596 г. онъ былъ приглашенъ герцогомъ булонскимъ, княземъ Седана, проповѣдникомъ этого города и пасторомъ, а въ 1599 г. и профессоромъ еврейскаго языка въ протестантской академіи. Въ 1610 г. Іаковъ Каппель III сдѣлался профессоромъ богословія. Его благочестіе, ученость и мягкость характера стяжали ему величайшее уваженіе. Работалъ онъ до самой смерти и умеръ — послѣ болѣе, чѣмъ двухлѣтней болѣзни,—7 сентября 1624 г. Перечень его многочисленныхъ изданныхъ и неизданныхъ сочиненій находится въ приложеніи къ сочиненію De Cappellorum gente Людовика Каппеля I. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежатъ главнѣйшія: Apologie pour les églises réformées contre les blames de L. Lessius P. Cotton et autres (Sedan, 1611 г.); Les livres de Babel ou Histoire du siége romain, distribuée par controverses etc. (1616); La Doctrine des églises réformées de France contre livre de l'Institution catholique de Cotton (1619); Historia sacra et exotica ab Adamo usque ad Augustum (1613); Observationes in Epistolam ad Hebraeos (1624); Observationes in N. T. exceptis Actibus apostolorum et Apocalypsis D. Joannis (1657); De Ponderibus et nummis lib. II et de Mensuris lib. III.

См. *Haag*, La France protestante, III т., *F. Lichtenberger*, Encyclopédie des sciences religieuses II, 623. *Herzog-Hauck*, R. E. III³, 718.

4) *Людовикъ Каппель II* (Louis Cappel),—младшій братъ Іакова Каппеля III,—пасторъ и профессоръ въ Сомюрѣ, родоначальникъ библейской критики. Онъ родился 15 октября 1585 г. въ деревнѣ Сантъ-Элiеръ, по дорогѣ въ Седанъ, куда удалился его отецъ Іаковъ Каппель II послѣ лишенія (за принадлежность къ кальвинизму) должности въ Реннѣ. Въ честь своего дяди Людовика Каппеля I, бывшаго тогда проповѣдникомъ и профессоромъ богословія въ Седанѣ, новорожденный получилъ имя Людовика. Вскорѣ послѣ рожденія Людовика умерли и дядя, и отецъ его. Вдова тогда рѣшилась возвратиться въ имѣніе мужа—Тиллуа, гдѣ она черезъ отреченіе отъ кальвинизма вступила въ права владѣнія, но терзанія совѣсти изъ-за совершеннаго отступничества привели ее къ смерти. Послѣ смерти матери Людовикъ до восьми лѣтъ оставался на попеченіи арендатора имѣнія Тиллуа, пока въ 1593 г. туда не прибылъ старшій Іаковъ, который и освободилъ своихъ братьевъ отъ католическаго воспитанія, взявъ Людовика съ собой въ Седанъ. Тамъ онъ съ 17 лѣтъ началъ изучать богословіе. 20-ти лѣтъ онъ занимался съ дочерью герцога булонскаго. По рекомендаціи Джона Камеро (род. 1579 г., † 1625 г.), Людовикъ, будучи 24 лѣтъ, отправился на средства бордосской церкви путешествовать по Великобританіи, Бельгіи и Германіи. Два года онъ слушалъ въ Оксфордѣ арабскій языкъ, два года посѣщалъ другія академіи. По возвращеніи Людовику была предложена каѳедра еврейскаго языка въ Сомюрѣ. Въ 1615 г. его избираютъ пасторомъ сомюрской церкви, но въ 1618 г. онъ отказывается отъ этой должности, оставшись только проповѣдникомъ, такъ какъ она приносила ущербъ его дѣятельности въ академіи. Съ 1621—1624 г. онъ пребывалъ въ Седанѣ у брата Іакова, вслѣдствіе возникшихъ неурядицъ. Въ 1626 г., по возвращеніи въ Сомюръ, совѣтъ академіи назначаетъ его также профессоромъ богословія. Въ академіи Людовикъ Каппель II и остается до самой своей смерти († 8 іюня 1658 г.), поставивши ее вмѣстѣ съ своими друзьями—профессорами М. Амиро (Moses Amyraldus, Moyse Amyraut) и де-ла-Пласе (Placäus, Josué de la Place) на высоту научнаго положенія. Людовикъ былъ женатъ; изъ пяти его сыновей остались въ живыхъ только два. Старшій Іоаннъ, къ великому огорченію отца, принялъ католичество. Младшій—Іаковъ Каппель IV (род. 14 авг. 1639 г.) былъ профессоромъ еврейскаго языка въ Сомюрѣ. Отмѣна въ 1685 г. Нантскаго эдикта заставила его бѣжать въ Англію, гдѣ онъ и занимался обученіемъ латинскому языку. Умеръ онъ въ 1722 г., 83 лѣтъ отъ роду; вмѣстѣ съ нимъ прекратила свое существованіе знаменитая фамилія Каппелей.

Людовикъ Каппель II, профессоръ въ Сомюрѣ, былъ выдающимся ученымъ—гебраистомъ и критикомъ. Собственно задачею его жизни было изслѣдовать исторію ветхозавѣтнаго текста и разбить, уничтожить неосновательныя мнѣнія о томъ, что̀ пользовалось всеобщимъ значеніемъ. Свое раннѣйшее сочиненіе: „Arcanum punctationis revelatum sive diatriba de punctorum vocalium et accentuum apud Hebraeos verâ et genuinâ antiquitate“ Людовикъ Каппель называлъ первымъ плодомъ своихъ занятій. Онъ кончилъ его въ 1622—23 гг. въ Седанѣ и спрашивалъ о немъ мнѣнія базельскаго ученаго Буксторфа отца (старшаго). Указавъ на трудность изслѣдованія, послѣдній совѣтовалъ Людовику не касаться этой темы ни въ лекціяхъ, ни въ книгѣ, чтобы не вызвать опасныхъ выводовъ; но Людовика поддержалъ другой ученый Эрпеній (van Erpre) въ Лейденѣ, который и напечаталъ это сочиненіе безъ имени автора. Сущность этого изслѣдованія заключается въ томъ, что Людовикъ Каппель II, не вѣря въ божественное происхожденіе самого ветхозавѣтнаго библейскаго текста, старался доказать, что еврейская пунктуація не существовала до Моисея, не была введена въ текстъ имъ и другими свящ. писателями, не была изобрѣтена для облегченія пониманія текста Ездрою и мужами Великой Синагоги, но она была придумана только послѣ завершенія вавилонскаго Талмуда іудейскими учеными и прибавлена къ графическому изображенію издавна передававшагося произношенія звуковъ. Такое утвержденіе отнюдь не было новымъ; его за-

щищалъ еще Илія Левита, но доказательства послѣдняго не отличались основательностію и документальностію историческихъ свидѣтельствъ. Противъ этого сочиненія Людовика Каппеля II выступилъ, 20 лѣтъ спустя, Буксторфъ-сынъ (младшій) въ своемъ Tractatus de punctorum origine, antiquitate et autoritate, oppos. arcano punctat. revel. L. Cappelli (1648). Въ своемъ обстоятельномъ сочиненіи: Vindiciae arcani punctationis, изданномъ послѣ его смерти сыномъ его Іаковомъ Каппелемъ IV, Людовикъ Каппель V опровергъ мнѣніе Буксторфа-сына и подробно подкрѣпилъ свое положеніе. Второе извѣстное сочиненіе Людовика Каппеля II, относящееся къ области исторіи ветхозавѣтнаго текста,—это: Critica sacra sive de variis, quae in saeris V. T. libris occurunt, lectionibus libri VI, in quibus ex variarum lectionum abservatione quamplurima S. Scripturae loca explicantur, illustrantur, atque adeo emendantur non pauca. Cui subjecta est ejusdem Criticae adversus justum consorem justa defensio (Edita in lucem studio et opera Joannis Cappeli, auctoris filii). Разночтенія параллельныхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта и отклоненія древнихъ переводовъ отъ масоретскаго текста убѣдили его, что господствовавшему среди протестантовъ мнѣнію о неповрежденности еврейскаго текста не достаетъ историческаго обоснованія. Шесть книгъ „Critica sacra“ заключаютъ въ себѣ изслѣдованія въ 1-й) о параллельныхъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта, при чемъ онъ пытается доказать, что разночтенія ихъ не должны быть объясняемы изъ преднамѣренной порчи ихъ; во 2-й) о цитатахъ Ветхаго Завѣта въ Новомъ Завѣтѣ; въ 3-й) о разночтеніяхъ Keri и Ketib, рукописяхъ восточныхъ и западныхъ іудеевъ, печатныхъ Библіяхъ, масоретскомъ и самарянскомъ текстахъ Пятокнижія; въ 4-й) объ уклоненіяхъ отъ масоретскаго текста въ переводѣ LXX, а въ 5-й)—въ другихъ древнихъ переводахъ, въ Талмудѣ и другихъ писаніяхъ іудеевъ; въ 6-ой) показывается, какъ должно судить о разночтеніяхъ, и какъ предполагаемая здѣсь опасность не колеблетъ воззрѣнія на Свящ. Писаніе, а равно не имѣетъ она никакого значенія для вѣры и нравственности; раскрывается и то, какъ возстановить первоначальный текстъ. По своему „вольнодумному“ характеру эта книга долго не могла быть напечатана и не напечаталась бы совсѣмъ, если бы три католическіе монаха (Моринъ, іезуитъ Петавій и миноритъ Мерсеннъ) не пользовались королевской привилегіей печатать во Франціи. Оконченное въ 1534 г., это сочиненіе появилось въ свѣтъ только въ 1550 г. Разбора ея коснулся Буксторфъ-сынъ въ упомянутомъ выше своемъ сочиненіи, и когда Людовикъ Каппель выпустилъ Justa defensio, то Буксторфъ-сынъ отвѣтилъ ему Anticritica seu vindiciae veritatis hebraicae adversus Lud. Cappelli criticam quam vocat Sacram. Противъ другого своего противника, Арнольда Бота, онъ защищался въ сочиненіи De critica nuper a se edita ad Jacobum Usserium epistola apologetica (1689) и De eadem illa critica, responsio ad Jacobi Usserii epistolam (1652).— Третье сочиненіе Людовика Каппеля II, касающееся исторіи ветхозавѣтнаго текста, „Diatriba de veris et antiquis Hebraeorum literis“ направлено было противъ изданнаго Буксторфомъ-сыномъ сочиненія „De litterarum Hebraicarum genuina antiquitate“. Послѣдній доказывалъ, что квадратное письмо есть древне-еврейское, употреблявшееся уже Моисеемъ; такъ назыв. самарянское письмо не считается за древне-еврейское. Каппель, напротивъ, доказываетъ первенство самарянскаго письма. Въ этихъ сочиненіяхъ Людовикъ Каппель II поднималъ вопросы, которые имѣли большое значеніе для протестантовъ въ ихъ полемикѣ съ римскою церковію. Въ признаніи ихъ богословы, современные ему, и богословы послѣдующаго времени раздѣлились на два лагеря: одни защищали его взгляды, другіе встали на сторону Буксторфа—младшаго. Кромѣ названныхъ сочиненій Людовику Каппелю II принадлежатъ еще: Templi Hierosolymitani delineatio triplex (именно по Библіи, по Іосифу Флавію и по Талмуду) и Chronologia sacra (Цюрихъ 1673 и Парижъ 1655); потомъ Historia apostolica illustrata (Genevae 1634 и Salmurii 1683); изъ неизданныхъ: 1) Ἀρχαιογραφία sive de antiqua Hebraeorum, Chaldaeorum, Syrorum, item Graecorum et Latinorum scribendi ratione; 2) Antiqua lectio, hoc est de vera et legitima maximeque antiqua ratione legendi Hebraica liber; 3) Antiqua ratio legendi et pronunciandi hebraice scripta, quae temporibus

LXX interpretum et Hieronymi usurpata fuit, въ которыхъ содержатся прекрасно разработанныя предпосылки къ сочиненіямъ объ исторіи ветхозавѣтнаго текста.

Литература. *Dorner*, Geschichte der protestantischen Theologie, München 1867; *Diestel*, Geschichte des A. T. in christlichen Kirche, Jena 1869; *Georg Schnedermann*, Die Controverse des Ludovicus Cappellus mit den Buxtorfen (Inauguraldissertation), Lpzg 1878; *Michel Nicolas* въ „La Revue de theologie de Strasbourg“, t VIII; *Haag*, La France protestante. *F. Lichtenberger*, Encyclopédie des sciences religieuses II, p. 624. [*Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon II², col. 1920—1922. *Herzog-Hauck*, R. E. III³, S. 718—720. См. также соотвѣтствующіе отдѣлы Введеній въ В. Завѣтъ].

П. Смирновъ.

Капская земля—англійская колонія въ южной Африкѣ вмѣстѣ съ Транскеемъ и Грикалэндомъ занимаетъ площадь въ 573.300 квадратныхъ километровъ (больше 600 тыс. квадр. верстъ) съ населеніемъ около 170.000 душъ. Европейскихъ колонистовъ около 500.000, остальное населеніе—туземцы, большею частію язычники. Такой составъ населенія открываетъ широкое поле для дѣятельности христіанскихъ миссій. Впервые завладѣли Капскою землей голландцы въ 1652 г., и реформатская церковь занимаетъ здѣсь первое мѣсто по числу своихъ приверженцевъ. Во главѣ прихода стоитъ церковный совѣтъ (kerkeraad); 6—12 приходовъ образуютъ округъ (ring); представители округовъ черезъ 3—4 года собираются на генеральный синодъ и выбираютъ комитетъ для высшаго управленія церковію. Къ этой „церкви буровъ“ принадлежали въ 1899 г. 226.000 европейскихъ колонистовъ и около 70.000 туземцевъ, почти исключительно кафровъ. Англиканская церковь насчитываетъ около 90.000 европейцевъ и столько же туземцевъ. Управляется она митрополитомъ (въ Капштадтѣ) и шестью епископами. Методисты заявили себя особенно успѣшною проповѣдію среди туземцевъ. Методистовъ европейцевъ здѣсь всего около 30.000, тогда какъ обращенныхъ ими туземцевъ насчитывается болѣе 120.000 (см. „Энц.“ III, 320—323). Также успѣшна миссіонерская дѣятельность и конгрегаціоналистовъ или индепендентовъ (см. „Энц.“ V, 888—902). Индепендентовъ туземцевъ не менѣе 30.000, а индепендентовъ бѣлой расы всего 4—5 тысячъ. Пресвитеріанъ бѣлой расы около 8 тысячъ, туземцевъ—около 24 тысячъ. Англійскіе баптисты (см. „Энц.“, II, 265—267) явились здѣсь позднѣе и насчитываютъ всего лишь около 3 тысячъ бѣлыхъ и около 10.000 туземцевъ. Приверженцевъ другихъ мелкихъ сектъ англійскаго происхожденія между бѣлыми насчитывается до 12.000, между туземцами—до 10.000. Лютеране въ количествѣ около 7.000 объединены „нѣмецкимъ, евангелическо-лютеранскимъ синодомъ южной Африки“, подчиненнымъ ганноверской консисторіи. Миссіонерская дѣятельность лютеранъ выразилась въ обращеніи около 35.000 туземцевъ. Меннонитовъ въ Капской землѣ около 3.000. Существуетъ также здѣсь и французская реформатская община. Всего протестантовъ различныхъ сектъ насчитывается въ Капской землѣ около 400.000 бѣлыхъ и около 380.000 туземцевъ. Католиковъ здѣсь 11.000 бѣлыхъ и 10.000 туземцевъ. Кромѣ того по переписи 1891 г. здѣсь было 30.099 евреевъ, 15.100 магометанъ, 1.400 послѣдователей другихъ сектъ, около 4.600 неизвѣстной религіи или безъ всякой религіи и 754.000 язычниковъ. Быстро распространяется христіанство и въ другой важной южно-африканской англійской колоніи—Наталѣ, гдѣ съ 1888 г. число христіанъ возрастаетъ ежегодно на 30%; въ 1896 г. было около 73.000 христіанъ, главнымъ образомъ послѣдователей различныхъ англійскихъ сектъ.

Литература. *W. Götz* въ R. E. v. Herzog-Hauck X³, 48—50; проф. *А. И. Воейковъ* въ „Энц. Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона 27, 397—399; въ обѣихъ статьяхъ указана литература.

С. Троицкій.

Каптеревъ Николай Θеодоровичъ—заслуженный ординарный профессоръ московской Духовной Академіи, докторъ церковной исторіи. Сынъ священника села Клёнова московской губерніи, подольскаго у., онъ родился 8 іюля 1847 года; учился въ звенигородскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ виθанской духовной семинаріи,

гдѣ окончилъ курсъ въ 1868 г. и въ томъ же году поступилъ студентомъ въ московскую Духовную Академію. Въ 1872 г. Николай Θеодоровичъ окончилъ курсъ въ Академіи и оставленъ былъ при ней въ качествѣ приватъ-доцента, а въ слѣдующемъ — 1873 г. избранъ былъ доцентомъ по каѳедрѣ древней гражданской исторіи, каковую занимаетъ и до настоящаго времени. Въ 1874 г., послѣ публичной защиты диссертаціи, онъ получилъ степень магистра богословія; въ 1891 г.—степень доктора церковной исторіи. Въ 1883 г. Н. Θ. Каптеревъ избранъ былъ въ экстраординарные профессоры, въ 1896 г.—въ ординарные, а въ 1898 г. получилъ званіе заслуженнаго ординарнаго профессора.

Ученыя сочиненія проф. Н. Θ. Каптерева касаются или сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ, начиная съ XVI вѣка до средины XIX, или событій русской церковной исторіи, по большей части такъ или иначе связанныхъ съ указанными сношеніями съ православнымъ Востокомъ. Къ сочиненіямъ перваго рода принадлежатъ его книги: 1) Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, Москва 1885 (удостоено Академіею Наукъ Уваровской преміи); 2) Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ 1669—1707 гг., Москва 1891 (докторская диссертація); 3) Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія и 4) Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ текущемъ столѣтіи (1815 — 1844). Обѣ послѣднія книги изданы Императорскимъ Палестинскимъ обществомъ, въ изданіяхъ котораго онѣ занимаютъ 43-й выпускъ.

Кромѣ этихъ книгъ, относительно сношеній русскихъ съ православнымъ Востокомъ, проф. Каптеревымъ напечатано въ разныхъ духовныхъ журналахъ нѣсколько другихъ изслѣдованій, именно: 1) Русская благотворительность Синайской обители въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ; 2) Русская благотворительность монастырямъ св. горы Аѳонской въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ (оба изслѣдованія напечатаны въ журналѣ „Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1881 и 1882 гг.); 3) Ахридскіе архіепископы и подчиненные имъ іерархи разныхъ каѳедръ, являвшіеся въ Москву за милостынею въ XV, XVII и въ началѣ XVIII столѣтія („Прибавленія къ твореніямъ св. отцовъ“ 1888 г.); 4) Пріѣздъ въ Москву Павловскаго аѳонскаго монастыря архимандрита Исаіи въ 1688 году съ грамотами отъ прежде бывшаго константинопольскаго патріарха Діонисія, сербскаго патріарха Арсенія и валахскаго господаря Щербана съ просьбою, чтобы государи освободили ихъ отъ турецкаго ига („Прибавленіе къ творен. св. , отцовъ“ 1889 г.); 5) Пріѣздъ бывшаго константинопольскаго патріарха Аѳанасія (Пателара) въ Москву въ 1653 году („Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1889 г.): 6) Пріѣздъ въ Москву за милостынею сербскихъ іерарховъ разныхъ каѳедръ и настоятелей разныхъ сербскихъ монастырей въ XVI, XVII и въ началѣ XVIII столѣтій („Приб. къ твор. св. отцовъ“ 1891 г.); 7) Пріѣздъ въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія въ 1649 году (ibid.); 8) Господство грековъ въ іерусалимскомъ патріархатѣ съ первой половины XVI до половины XVIII вѣка („Богословскій Вѣстникъ“ 1897 г.).

По русской церковной исторіи проф. Н. Θ. Каптеревымъ изданы книги: 1) Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси, Москва 1874 (магистерская диссертація); 2) Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ; выпускъ первый, Москва 1887 (см. объ этой книгѣ рядъ статей въ „Братскомъ Словѣ“ за 1887 г.).

Въ разныхъ духовныхъ журналахъ по русской церковной исторіи проф. Каптеревымъ напечатаны слѣдующія статьи: 1) Слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь („Чтенія въ общ. любит. духовн. просв.“ 1881 г.); 2) Пріѣздъ въ московскій Успенскій соборъ Никона патріарха и дѣло ростовскаго митрополита Іоны („Прибавл. къ твор. св. отцовъ“ 1887 г.); 3) Оправданіе на несправедливыя обвиненія. Полемическая статья, по поводу нападеній на его книгу „Патріархъ Никонъ“ („Православное Обозрѣніе“ 1888 г.); 4) О сочиненіи противъ раскола Иверскаго архимандрита грека

Діонисія, написанномъ до собора 1667 года („Правосл. Обозрѣніе“ 1888 г.); 5) О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія славяно-греко-латинской академіи („Прибавл. къ твор. св. отцовъ“ 1889 г.); 6) Сужденіе большого московскаго собора о власти царской и патріаршей („Богосл. Вѣстникъ“ 1892 г.); 7) Въ чемъ состоитъ истинное монашество по воззрѣніямъ преп. Максима Грека? (ibid. 1903 г.); 8) Отзывъ о книгѣ М. Семенцовскаго „Братья Лихуды“, написанный по порученію Академіи Наукъ (Спб. 1904), за который автору присуждена золотая Уваровская медаль; [9) Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси въ ихъ отношеніи къ власти царской и къ приходскому духовенству („Богосл. Вѣстникъ“ 1905 г., IV, 657—690, V, 27—64); 10) Къ вопросу о церковной реформѣ (по поводу книги И. В. Преображенскаго) ibid. 1905 г., XI, 501—524; 11) Царь и московскіе церковные соборы XVI и XVII столѣтій ibid. 1906, X, 326—360, XI, 467—502, XII, 631—682].

Объ ученыхъ работахъ проф. Каптерева слѣдуетъ сдѣлать такое общее замѣчаніе: всѣ онѣ,—кромѣ книги „Свѣтскіе архіерейскіе чиновники“,—написаны авторомъ главнымъ образомъ на основаніи архивныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, почему всѣ эти изслѣдованія по матеріалу, а также и по обработкѣ являются оригинальными, впервые освѣщаютъ и уясняютъ такія стороны нашей исторической жизни, которыя доселѣ оставались въ тѣни, будучи мало или вовсе необслѣдованными раннѣйшими учеными.

Кромѣ профессорской и ученой дѣятельности проф. Каптеревъ извѣстенъ еще и какъ мѣстный общественный дѣятель. Съ 1894 по 1902 годъ онъ состоялъ городскимъ старостой Сергіевскаго Посада (гдѣ находится московская Духовная Академія), при чемъ за время его управленія Посадомъ сдѣлано слѣдующее: мужская классическая прогимназія преобразована въ полную гимназію; открыта въ Посадѣ женская восьмиклассная гимназія; построено вмѣсто стараго и тѣснаго мужского городского училища новое обширное зданіе, а самое училище преобразовано изъ двухклассного въ четырехклассное; построено новое хорошее зданіе для городского женскаго училища; открыта въ Посадѣ (главнымъ образомъ на средства московскаго губернскаго земства) прекрасная общественная больница, съ даровымъ коечнымъ и амбулаторнымъ леченіемъ для всѣхъ жителей Посада; устроены городскія со всѣми приспособленіями бойни и т. под. Отказавшись въ 1902 г. отъ должности городского старосты, проф. Каптеревъ не покинулъ однако своей общественной дѣятельности и состоитъ въ настоящее время: предсѣдателемъ попечительнаго совѣта при женской гимназіи, предсѣдателемъ сергіево-посадскаго отдѣленія попечительства о тюрьмахъ; предсѣдателемъ сергіевскаго отдѣленія попечительства о народной трезвости, казначеемъ мѣстнаго отдѣленія общества Краснаго Креста, а также членомъ всѣхъ существующихъ въ Посадѣ благотворительныхъ и другихъ обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя ему обязаны и самымъ своимъ возникновеніемъ и своею начальною организаціей.

Н. В. П—въ.

Каптеревъ Петръ Ѳеодоровичъ—воспитанникъ виѳанск. духов. семинаріи, по окончаніи курса въ 1872 г. въ моск. Дух. Акад. со степенью кандидата богословія, былъ избранъ преподавателемъ филос., психол. и педагог. въ петербургск. Духовн. Семинаріи. 1 августа 1878 г., согласно прошенію, уволенъ отъ службы при семинаріи и поступилъ смотрителемъ училища при петербургской Волковск. купеческ. богадѣльнѣ. Читалъ лекціи по педагог. на высш. женск. курсахъ Преподавалъ логику и психол. въ Александровск. лицеѣ (*А. Н. Надеждинъ.*, Ист. Спб. правосл. Дух. Сем. 1809—1884, Спб. 1885, стр. 573), училищѣ правовѣдѣнія, но и въ нихъ преподавательскую дѣятельность оставилъ. Въ настоящее время состоитъ на службѣ въ Собственной Его Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и сотрудничаетъ въ журналахъ: „Воспитаніе и Обученіе“, „Образованіе“, „Русская Школа“. Въ 1877 г. онъ издалъ „Педагогическую психологію для народныхъ учителей, воспитателей и воспитательницъ“ (предварительно печаталась въ журналѣ: „Народная Школа“),—трудъ компилятивный, но во

многихъ отношеніяхъ полезный; 2-е совершенно передѣланное изданіе начало выходить съ 1883 г.; вышла однако только 1-я часть; многіе отдѣлы 2-й напечатаны въ видѣ журнальныхъ статей; въ области психологіи авторъ примыкаетъ къ англійской школѣ и вообще держится реалистическаго пониманія (реценз. на „Педагог. психолог." см. въ „Женск. Образ." за 1883 г. № 8 и „Педаг. Хрон." за 1883 г. №№ 27—28). Отдѣльно же изданы имъ: „Дидактическіе очерки" (Спб. 1885), „Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума" (Спб. 1890), „Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ съ указаніями для родителей о его наблюденіи" В. Прейера. переводъ (см. рец. въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1896 г. № 12, стр. 358—364), „Новая русская педагогія, (ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели" Спб. 1899), —вмѣстѣ съ А. П. Мальцевымъ: „Вопросы матерямъ о дѣтяхъ" (Спб. 1881, см. рец. въ „Педагогич. Хрон." 1881 г. № 33). Ему принадлежатъ какъ редакція издававшейся группою членовъ основаннаго въ Петербургѣ въ 1881 г. „Родительскаго кружка", весьма солидной у насъ въ области педагогической науки, хотя и не имѣвшей практическаго успѣха, „Энциклопедіи семейнаго воспитанія" (въ 5-ти частяхъ и 50 выпуск.), такъ и нѣсколько статей въ ней („Задачи и основы семейнаго воспитанія", вып. I; см. рец. въ „Педагог. Сборн." 1898 г., № 8, „О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ", „О дѣтской подражательности"; см. рец. ibid. № 11 и др.). Много статей по психологіи и педагогикѣ, какъ, равнымъ образомъ, и рецензій на русскія и иностранныя сочиненія по этимъ предметамъ помѣщено имъ въ журналахъ: „Женское Образов.", „Образованіе", „Рус. Школа", „Семья и Школа", „Знаніе", „Педагог. Сборн.", „Педагог. Лист.", „Воспит. и Обученіе".

Вотъ, главнѣйшія изъ нихъ: „Этюды по психологіи народовъ" (миѳологія, какъ первоначальное религіозное и научное міровоззрѣніе человѣчества — „Знаніе" 1874 г. № 10), „Какъ образовать стойкій характеръ?" („Семья и Шк." 1874 г. № 10), „О дѣтскихъ типахъ" („Педагог. Сборн." 1885 г. № 3), „Педагогика—наука или искусство?" (ibid. 1885 г. № 12), „Дѣтскіе годы С. Т. Аксакова" (психол.-педагогич. этюдъ—ibid. 1890 г. № 3), такой же этюдъ о дѣтствѣ Обломова („Женск. Образ." 1891 г. № 3), „Новое направленіе въ педагогикѣ" („Педаг. Сборн." 1891 г. № 3), „Объ общественныхъ задачахъ образованія" („Рус. Шк." 1892 г. № 1—2), „О національномъ образованіи" („Образов." 1892 г. № 9), „О разнообразіи и единствѣ общеобразовательныхъ курсовъ" („Педаг. Сборн." 1893 г. № 1), „О подражательности въ политическомъ и педагогическомъ отношеніяхъ" („Образов." 1893 г. № 7—8), „Школа и школьники XVII в." (ibid. 1894 г. № 2), „О характерныхъ психическихъ свойствахъ женщинъ" (публичная лекція—ibid. 1894 г. № 4—10), цѣлый рядъ статей по психологіи ребенка въ „Женск, Образ." (1891 г. № 5), „Образов." (1892 г. № 2—3), „Воспит. и Обуч." (1893 г. №№ 2, 3, 6, 7, 10—12) и „Рус. Шк." (1894 г. № 1—2. См. у Брокгауза „Энц. Слов." т. XIV, стр. 400), „Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста" (Рус. Шк." 1896 г. №№ 2—4), „Страничка изъ исторіи первоначальнаго воспитанія дѣтей въ Россіи" (по поводу 25-лѣтія Фребелевскаго Общ.—ibid № 12), „Образователь дѣтскихъ садовъ, его послѣдователи и противники" („Образ." 1896 г. №№ 1—4), „Родители и дѣти" („Воспит. и Обуч." 1897 г. №№ 1—3), „Изъ исторіи нравственнаго развитія дѣтей" (ibid. № 8), „Пироговъ, какъ общественный дѣятель и педагогъ" (ibid. № 12), „Изъ дѣтскихъ типовъ" (ibid. 1898 г. №№ 10, 11; 1899 г. №№ 4, 6 и 9), „Идеалы женскаго образованія" („Образ." 1898 г. № 3—4), „Развитіе семейныхъ чувствованій въ связи съ исторіей семьи" (ibid. 1899 г. №№ 1—2), „О нравственномъ закаливаніи" (ibid. № 10), „Основы классической школы" („Русск. Шк." 1899 г. № 11—12), „Первоначальное воспитаніе дѣтей по ученію русскихъ педагоговъ XVIII в." („Воспит. и Об." 1899 г. №№ 10 и 12), „Характерныя черты средняго образованія въ Англіи" („Образ." 1900 г. № 3), „Трагизмъ судьбы Гоголя" (ibid. №№ 9—10), „Отвѣтственность родителей предъ дѣтьми" („Воспит. и Обуч." 1900 г. № 11), „О дѣтскомъ страхѣ" (ibid. №№ 2—4), „О дѣтскомъ послушаніи" (ibid. №№ 7—9), „Аристократія ума въ школѣ и жизни" („Образ." 1901 г. №№ 3—4), „Наша будущая средняя школа" (ibid. №№ 10—11), „Общеобразовательный школьный курсъ" (ibid. № 12), „О народномъ образованіи" (ibid. 1902 г. № 7—8), „Педагогич. прогрессъ", „Семья и ея задачи" („Русск. Шк." 1904 г.).

А. Ласкѣевъ.

Каптырь—не совсѣмъ понятно образованное отъ греческаго „κάπα"—шапка (славянскаго „капъ") слово, употребляемое у раскольниковъ для обозначенія головного покрывала. Каптыри или каптуры „собольи

съ пухомъ" носили и русскія царицы въ XVI—XVII в.

Свящ. *А. П—скій.*

Капустинъ Андрей Ив. (архим. Антонинъ), см. „Энц." I, 870—871.

Капуцинки (Capucinae, Filiae Passionis). Капуцинки появились почти одновременно съ капуцинами. Вдова Марія Лаврентіа Лонга († 1542 г.) основала въ Неаполѣ „госпиталь неизлѣчимыхъ" и монастырь „іерусалимскихъ женъ", гдѣ она и поселилась съ 1534 г. съ 19 другими женщинами, при чемъ жили по 3-му правилу св. Франциска. Таинства у нихъ совершали театинцы. Въ 1538 г. надзоръ за монахинями отъ театинцевъ перешелъ къ капуцинамъ. Монахини приняли строгія правила св. Клары и стали носить длинный капюшонъ, вслѣдствіе чего ихъ прежнее названіе „Дщерей страстей Господнихъ" замѣнилось названіемъ „Капуцинокъ". Въ 1575 г. онѣ переселились въ Римъ. Переселившись затѣмъ въ Миланъ, онѣ много помогали Карло Борромео во время чумной эпидеміи. И теперь существуетъ нѣсколько монастырей капуцинокъ во Франціи, Италіи, Испаніи и Америкѣ. Если установленное число обитательницъ монастыря—33—на лицо, то монастырь становится подъ юрисдикцію генерала капуциновъ, а если менѣе,—то епархіальнаго епископа.

Литература. *Helyot*, Hyst. des Ordres VII, 203 и сл.; *Heimbucher*, Ord. und Congr. I, 361 и сл. *Herzog-Hauck*, RE. X³, 53. См. ниже о «капуцинахъ» стлб. 565—566.

С. Троицкій.

Капуцины (Ordo fratrum minorum s. Francisci Capucinorum)—католическій монашескій орденъ, основанный въ началѣ XVI в. въ герцогствѣ Урбино (Италія) и отличающійся строгостію устава. Основатель его Маттео ди Басси (Matteo di Bassi, Bascius) принадлежалъ сначала къ францисканскому ордену, но не находилъ въ немъ удовлетворенія, такъ какъ видѣлъ, что этотъ орденъ далеко отступилъ отъ своихъ первоначальныхъ идеаловъ. Желая во всемъ подражать примѣру самого св. Франциска, Matteo рѣшилъ организовать свой новый орденъ по завѣтамъ этого подвижника—не только въ отношеніи правилъ монашеской жизни, но и въ отношеніи внѣшности. Согласно составленному имъ и утвержденному въ 1528 г. папою Климентомъ VII уставу, богослуженіе въ монастырѣ должно совершаться по старому чину, безъ малѣйшихъ упущеній; каждый монахъ долженъ неукоснительно присутствовать при каждой службѣ и кромѣ того, по крайней мѣрѣ, два часа въ день проводить въ тайной молитвѣ; предписывается молчаніе въ теченіе цѣлаго дня, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ; въ противоположность францисканцамъ,—строго запрещается выпрашивать мяса, яицъ и сыра, но, если даютъ—принимать; продовольственные запасы для монастыря не слѣдуетъ дѣлать больше, чѣмъ на три дня, много—на недѣлю,—и не прикасаться къ деньгамъ; мясо и вино вообще не запрещаются, но предписывается строжайшее воздержаніе; одежда должна быть бѣдная, грубая и тѣсная (узкая): она должна состоять изъ капюшона пирамидальной формы (capitium, отсюда названіе новаго ордена, признанное за послѣднимъ оффиціально съ 1536 г.) и длинной коричневой мантіи; рекомендуется ходить всегда босикомъ; въ исключительныхъ случаяхъ разрѣшается носить сандаліи; ходить можно только пѣшкомъ; другіе способы передвиженія строго запрещаются. Число монаховъ въ одномъ монастырѣ не должно превышать 12.

Во главѣ капуциновъ поставленъ былъ „генеральный викарій", избираемый самою братіей изъ своей среды (на 3 года) и подчиненный начальнику францисканскаго ордена. Въ первые же годы, при выборѣ викарія, произошли недоразумѣнія, повлекшія за собою исключеніе изъ ордена самого основателя и его ближайшихъ сотрудниковъ. Главою капуцинъ становится Бернардинъ Окино (Bernhardin Ochino), энергичный проповѣдникъ, не боявшійся порицать публично недостатки папства (въ 1543 г. перешедшій въ протестантство и сдѣлавшійся ярымъ противникомъ папизма). Это, конечно, не прошло ему даромъ, и ордену съ трудомъ удалось умилостивить разгнѣваннаго папу (Павла III) и отстоять свое существованіе. Орденъ былъ преобразованъ (1544 г.), и съ тѣхъ поръ капуцины становятся послушнымъ орудіемъ папства,

конкуррируя въ усердной ультрамонтанской дѣятельности съ своими коллегами—іезуитами. Съ половины XVI столѣтія (когда въ 1573 г. по просьбѣ Карла IX было отмѣнено запрещеніе селиться капуцинамъ внѣ Италіи) орденъ быстро распространяется: въ 1573 г. онъ появляется во Франціи, въ 1593 г.—въ Германіи, затѣмъ въ Швейцаріи, Испаніи, Португаліи. Въ 1619 г. онъ освобождается отъ подчиненія францисканцамъ, получаетъ своего генерала, право участвовать въ процессіяхъ съ собственнымъ крестомъ и т. д. Вскорѣ капуцины появляются въ Америкѣ, Африкѣ, Азіи, повсюду энергично работая ad majorem papae gloriam. Гоненіе на монаховъ въ XVIII вѣкѣ значительно сократило число капуцинскихъ монастырей, но въ послѣднее время они вновь распространяются. По послѣднимъ даннымъ (Statistica generalis по 1 янв. 1889 г.) насчитывается 536 монастырей и 100 госпицій, гдѣ живетъ (по статистикѣ 1894 г.)—3.328 патеровъ, 1.327 клириковъ и 2.519 „мірскихъ братьевъ“, принадлежащихъ къ этому ордену. Есть капуцины и въ Россіи (въ Польшѣ). Если іезуиты ареною для своей дѣятельности избрали науку, политику и школу, то капуцины отличаются болѣе въ области миссіонерства и проповѣдничества, и нельзя отрицать, что они до сихъ поръ имѣютъ большое вліяніе на католическій народъ.

Кромѣ мужского, существуетъ еще женскій капуцинскій орденъ, основанный въ Неаполѣ въ 1538 г. (основательница—Maria Laurentia Longa) и подчиненный генералу капуциновъ. Нѣсколько монастырей этого ордена существуютъ во Франціи Италіи, Испаніи и Америкѣ.

Литература.—Католич. сочиненія: *Helyot*, Histoire des Ordres VII, 164—180; *Heimbucher*, Orden und Kongregation I, 315—328; *Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon VII², 124—138. Протестантскія соч.: *Leop. Ranke*, Römische Päpste II, 144 ff. (русскій переводъ I, Спб. 1869, стр. 137). *K. Benrath.* Bernhardin Ochino, Lpzg. 1875, S. 10 ff. 22 ff. 134 ff. *Zöckler* y Herzog-Hauck. Real-Encyklopädie X³, S. 50—54. [*Робертсонъ и Герцогъ*, Исторія хр. церкви въ перев. † А. П. Лопухина II, стр. 829. *К. А. Кустодіевъ*, Свѣдѣнія о капуцинахъ и іезуитахъ въ Астрахани въ прошломъ и въ началѣ настоящаго [XIX-го] столѣтія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1860—1861 г. *Лависсъ* и *Рамбо*, Всеобщая исторія V, стр. 34].

Н. Сахаровъ.

Капуціанты (capuciati) — фанатики XIII в., имѣвшіе отличительнымъ знакомъ своего общества бѣлые капишоны, къ которымъ прикрѣплялись маленькія свинцовыя бляхи. Ихъ миссія, по мнѣнію однихъ, заключалась въ очищеніи церкви отъ еретиковъ и злоупотребленій, чтобы возстановить первоначальныя единство и свободу; по мнѣнію другихъ,—силою заставить тѣхъ, кои ведутъ войну, жить въ мирѣ. Капуціанты называли себя учениками нѣкоего Дюранда (Durand), дровосѣка или плотника—изъ Оверньяна, — который около 1182 г. объявилъ, что Пресвятая Дѣва, явившись, передала ему образъ свой и своего Божественнаго Сына съ надписью: „Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, даруй намъ миръ“; что она приказала ему образовать общество, члены котораго клятвенно обязались бы жить между собою въ мирѣ и другихъ заставляли бы сохранять его. Капуціанты распространились особенно въ Бургундіи, вошли здѣсь въ столкновеніе съ властями и, допустивши крайности, были разсѣяны владѣтельными князьями и епископами, которые для борьбы съ этими фанатиками выставляли войска.

[См. у *F. Lichtenberger* въ Encyclopédie II, p. 628; *Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon II², Sp. 1929—1930; *Herzog-Hauck*, Real-Encyklopädie III³, S. 722—723. *Vacant* et *Mangenot*, Dictionnaire de théologie catholique II, 1695—1696].

Н. В. П—въ.

Караджичъ, *Вукъ Стефановичъ*,—преобразователь сербской орѳографіи и языка сербской словесности, отъ котораго ведетъ свое начало новая сербская литература, собиратель и издатель сербскихъ народныхъ произведеній и переводчикъ Новаго Завѣта на сербскій языкъ, родился въ селѣ Тршичѣ, неподалеку отъ города Лозницы, въ Сербіи, въ округѣ Подринскомъ, уѣздѣ Ядрскомъ, 26 октября 1787 г. Онъ скончался въ Вѣнѣ 26 января 1864 года.

Вукъ происходилъ изъ семьи герцеговинскихъ поселенцевъ, перебравшихся въ эти края въ первой половинѣ XVIII вѣка, и

долженъ былъ называться Стефановичъ, по имени своего отца Стефана, согласно сербскому обычаю, но, живя въ Австріи, ради дѣтей, принялъ, какъ свою фамилію, старинное родовое прозвище—Караджичъ. У сербовъ существуетъ обычай давать новорожденнымъ — вмѣсто календарныхъ именъ—народныя. Обычай этотъ оправдывается существованіемъ празднованія „Славы“ въ каждомъ сербскомъ домѣ, когда вся семья, весь родъ справляютъ свой общій праздникъ,—такъ сказать свои „именины“. „Слава“ переходитъ отъ отца къ сыну и всегда связана съ именемъ святого, обозначеннаго въ святцахъ, и потому пріурочивается къ опредѣленному числу мѣсяца, хотя бы въ семьѣ не было никого, кто бы носилъ это имя. Такъ какъ родители, Стефанъ и Егда, простые зажиточные селяне, потеряли пятерыхъ дѣтей отъ болѣзней, то, будучи очень обрадованы появленіемъ на свѣтъ сына, назвали его „Вукомъ“, т. е. *волкомъ*,—именемъ, употребительнымъ у сербовъ и въ старину, —тѣмъ болѣе пришедшимся кстати, что, по народному повѣрью, вѣдьмы не посмѣютъ напасть на волка, и младенецъ не погибнетъ отъ болѣзни. Отецъ желалъ видѣть своего сына священникомъ, и одинъ изъ его родственниковъ, Ефта Савичъ, по прозванію Чотричъ, научилъ его читать и писать. Когда возникла въ Лозницѣ небольшая школа, отецъ сталъ посылать туда Вука. Здѣсь послѣдній повторилъ „бекавицу“ (азбуку) и принялся за „часловацъ“ (часословъ). Вскорѣ отецъ отвезъ сына въ Троношскій монастырь съ тою цѣлію, чтобы Вукъ тамъ больше научился и приготовился къ принятію духовнаго сана. Ученики въ монастыряхъ, состоя при старцахъ и монахахъ, исполняли черныя работы, пасли стада, и за это въ свободное время монахи учили ихъ чтенію и письму и вообще начаткамъ наукъ. Вукъ долженъ былъ пасти козъ. Но отецъ его, нанимавшій пастуха для своихъ стадъ и недовольный, что сына мало учатъ, нашелъ это невыгоднымъ и взялъ сына изъ монастыря. Пася стадо, мальчикъ Вукъ всячески старался не забыть своихъ свѣдѣній, и отецъ ему купилъ житіе Алексія человѣка Божія, Жертву Авраамову, мѣсяцесловъ и требникъ, не теряя надежды, что его сынъ станетъ священникомъ. Въ 17 лѣтъ Вукъ пользовался въ родномъ селѣ большою славой грамотѣя и „ученаго“ начетчика и потому большимъ почтеніемъ со стороны народа, который высоко цѣнилъ рѣдкое въ то время умѣнье читать и писать: на сельскихъ праздникахъ Вука сажали на почетное мѣсто, женщины цѣловали ему руку, какъ особо почитаемому лицу, самъ спахія-бегъ, пріѣзжая для сбора податей, пользовался помощію Вука, какъ грамотнаго, и сажалъ его во время обѣда за свой столъ, рядомъ съ собою.

Когда весною 1804 г. вспыхнуло возстаніе сербовъ, подъ главенствомъ Кара-Георгія, положившее начало освобожденію Сербіи отъ Турціи, Вукъ сталъ писаремъ въ отрядѣ Георгія Чурчіи, дѣйствовавшемъ въ Ядрскомъ уѣздѣ. Вскорѣ этотъ округъ былъ опустошенъ турками, отрядъ Чурчіи разсѣянъ, и отецъ Вука превратился въ бѣдняка, потому что его имущество и стада погибли. Тогда Вукъ отправился за Саву, въ Сремъ, чтобы учиться, такъ какъ дома ему нечего было дѣлать. Извѣстный сербскій писатель и ученый, впослѣдствіи епископъ Лукіанъ Мушицкій, преподававшій въ училищѣ при митрополіи въ Карловцахъ, отмѣчаетъ въ своей запискѣ о сербахъ, пріѣзжавшихъ изъ-за Дуная и Савы въ австрійскіе предѣлы учиться: „Вукъ Стефановичъ 18 (лѣтъ) изъ нахіе Зворничке, предѣла Ядра, села Тршича; пріиде въ Карловце, 805, мѣсяца марта,—прежде прочелъ въ Сербіи часословъ, зналъ помалѣ писати, абдерати, субтмирати и мултиплицирати. Изыде изъ Карловцевъ съ концемъ 806, наўчивъ Сербски и Нѣмецки добро читати, славенску граматіку совершилъ; цѣлу аріѳметику и катихисісъ“ (архивъ б. сербскаго Ученаго Дружства, нынѣ Королевской Академіи Наукъ въ Бѣлградѣ). Узнавъ въ Карловцахъ, къ своему большому горю, по его словамъ (Мала Песнарица, 1814 г., предисловіе), что на свѣтѣ есть больше наукъ, кромѣ псалтыри и часослова, 19-лѣтній Вукъ вернулся въ Сербію, гдѣ сталъ писаремъ у протоіерея Якова Ненадовича, одного изъ вождей сербскаго возстанія. Лукіанъ Мушицкій совѣтовалъ своимъ ученикамъ въ Карловцахъ, чтобы они записывали народныя пѣсни, и хотя этотъ совѣтъ казался имъ страннымъ, но Вукъ сталъ записывать теперь народныя пѣсни, осо-

бенно былины (юнацкія), столь любимыя у сербовъ и цѣнимыя ими уже потому, что онѣ воскрешали въ памяти народной всю прошлую исторію сербскаго народа. Послѣ занятія Бѣлграда Кара-Георгіемъ, Вукъ переѣхалъ туда и сталъ писаремъ въ Правительствующемъ Совѣтѣ. Здѣсь онъ сблизился съ секретаремъ этого совѣта Іованомъ Савичемъ (Юговичемъ), человѣкомъ университетскаго образованія, бывшимъ раньше учителемъ въ Карловцахъ, и сталъ у него учиться нѣмецкому языку. Когда въ 1808 г. Юговичъ открылъ въ Бѣлградѣ „великую школу", Вукъ Караджичъ учился въ ней годъ. Опасно заболѣвъ, Вукъ отправился сначала въ родное село Тршичъ, затѣмъ искалъ исцѣленія на минеральныхъ водахъ въ Мехадіи и въ больницѣ въ Новомъ Садѣ и Вѣнѣ. Слѣды этой болѣзни остались навсегда,—онъ потерялъ возможность владѣть лѣвою ногою и принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи костыля, что отразилось и на его дальнѣйшей дѣятельности. „Моя штула (костыль),—говорилъ Вукъ впослѣдствіи И. И. Срезневскому,—заставила меня искать покоя, покойнаго чтенія книги, покойнаго записыванія на бумагѣ того, что слышало ухо и видѣли глаза". Вернувшись въ 1810 году въ Бѣлградъ, Вукъ становится сначала учителемъ въ школѣ, а въ 1811 г. секретаремъ откупщика перевозовъ и таможенъ въ Кладовѣ, откуда ѣздилъ въ Неготинъ и Виддинъ. Въ 1813 г. онъ былъ уѣзднымъ начальникомъ въ Брзой Паланкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ судьею. Этотъ характеръ службы далъ Вуку возможность не только записывать незнакомыя ему слова и пѣсни въ различныхъ мѣстахъ, но и подмѣтить особенности разныхъ сербскихъ говоровъ,—благодаря его необычайнымъ филологическимъ дарованіямъ. Несчастный для сербовъ 1813 годъ заставилъ его вновь переѣхать сначала въ Карловцы, а затѣмъ въ Вѣну, гдѣ въ ту пору стала выходить первая сербская газета: „Новине Сербске изъ царствующега града Віенне", подъ редакціей Давидовича и Фрушича. Вукъ написалъ для этой газеты статью съ описаніемъ новѣйшихъ событій въ Сербіи на обычномъ народномъ языкѣ. Чистота и простота языка и жизненная оригинальность его формъ привлекли вниманіе къ автору статьи извѣстнаго ученаго изслѣдователя славянскихъ языковъ и старо-славянскихъ памятниковъ Копитаря, который еще раньше совѣтовалъ издавать сербскую газету на живомъ языкѣ народа. Копитарь былъ въ ту пору цензоромъ всѣхъ славянскихъ изданій. Такъ завязалось знакомство даровитаго самоучки Вука Караджича съ ученымъ Копитаремъ, имѣвшее рѣшительное вліяніе на всю послѣдующую дѣятельность знаменитаго собирателя сербскихъ народныхъ пѣсенъ и переводчика Новаго Завѣта на новый сербскій языкъ.

По побужденію Копитаря, Вукъ Стефановичъ напечаталъ въ 1814 году въ Вѣнѣ небольшой сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, имъ записанныхъ: „Мала простонародньа Славено-Сербска песнарица". — „Хотя я и не пѣвецъ,—писалъ Вукъ въ предисловіи,—но эти пѣсни я помнилъ, когда еще 12 лѣтъ тому назадъ, живя въ самомъ счастливомъ положеніи смертныхъ, стерегъ овецъ и козъ"—и при этомъ мечтаетъ о появленіи сборниковъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ Сремѣ, Бачкѣ, Банатѣ, Славоніи, Далматіи, Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи. Въ 1815 г. онъ издалъ второй выпускъ своей „песнарицы". Въ 1814 г. Караджичъ напечаталъ въ Вѣнѣ составленную имъ подъ вліяніемъ и по указаніямъ Копитаря первую сербскую грамматику живого языка: „Писменица Сербскога Језика по говору простога народа".

„Песнарицы" и „письменица" Вука Караджича опредѣлили всю дальнѣйшую его дѣятельность, обратили общее вниманіе европейской науки, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, на сербовъ, ихъ языкъ и народное творчество и положили начало коренному перевороту въ языкѣ сербской литературы и торжеству фонетической системы въ сербскомъ правописаніи. Вукъ Караджичъ нанесъ рѣшительный ударъ господствовавшему до него „славено-сербскому" языку, выдвинувъ сербскую народную словесность и сербскій живой языкъ: отъ него ведетъ свое истинное начало новая сербская литература. Для этой цѣли онъ устранилъ вліяніе церковно-славянскаго языка русской редакціи на языкъ сербской литературы и разорвалъ существовавшую до него связь между языкомъ русской и сербской книги; но слѣдуетъ признать, что эта связь разрушалась общимъ

ходомъ жизни. Извѣстно, что грамматика Мелетія Смотрицкаго въ изданіи Поликарпова 1723 г., привезенная русскимъ учителемъ Максимомъ Суворовымъ къ сербамъ въ 1726 г. вмѣстѣ съ „Лексикономъ треязычнымъ“ (1704 г.) и „Первымъ ученіемъ отрокомъ“ Θеофана Прокоповича (1723 г.) положили начало установленію языка словено-сербской литературы (См. наше изслѣдованіе: Начало русской школы у сербовъ въ XVIII в., Спб. 1903). Грамматики Стефана Вуяновскаго (Вѣна, 1793) и Мразовича (Вѣна, 1793) находились въ самой тѣсной связи съ грамматикой Смотрицкаго. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка языкъ сербской книги представлялъ смѣсь русскихъ, славянскихъ и сербскихъ народныхъ словъ и формъ. Досиѳей Обрадовичъ (1744—1811 г.) уже выступалъ на борьбу съ этою неестественною смѣсью (проф. *К. Θ. Радченко*, Досиѳей Обрадовичъ и его литературная дѣятельность, Кіевъ 1897). Возникла теорія о двухъ языкахъ и двухъ сербскихъ литературахъ—высшей и низшей. Соларичъ, епископъ Лукіанъ Мушицкій и другіе считали церковно-славянскій языкъ, отожествляя его съ языкомъ русскихъ церковныхъ книгъ, даже „ветхимъ сербскимъ“. Мушицкій утверждалъ, что для высшихъ потребностей знанія и для людей образованныхъ слѣдуетъ писать на языкѣ славено сербскомъ, а для народа на живомъ народномъ. Вукъ Караджичъ, взявъ за образецъ грамматику Мразовича, перевелъ въ „Писменицѣ“ спряженія и склоненія на сербскій языкъ, давъ формы живого народнаго языка, и произвелъ перемѣны въ сербской азбукѣ и правописаніи. Тутъ онъ уже исключилъ изъ сербской азбуки: ъ, ы, я, ю, ѣ, щ, ѳ, ѵ, а также знаки славянскаго алфавита: ѕ, ѹ, ѿ, ѯ, ѱ, юсы и знакъ є, который употреблялся въ значеніи мягкаго *е* въ сербской письменности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ввелъ въ систему сербскаго правописанія знаки: ђ (сначала въ видѣ дь), љ, њ, ћ, џ (дж) и ј (сначала въ видѣ ї) и замѣнилъ *ѣ* согласно его произношенію въ сербскихъ нарѣчіяхъ: ије, је, е, и. Тутъ же онъ далъ распредѣленіе трехъ главныхъ сербскихъ нарѣчій: южнаго, восточнаго и западнаго, для которыхъ впослѣдствіи опредѣлилъ названія: герцеговинскаго, ресавскаго и сремскаго, сопровождая первое изданіе Сербскаго словаря (1818 г.) уже болѣе разработанною грамматикой.

Въ 1815 и 1816 гг. Вукъ Караджичъ ѣздилъ въ Карловцы и гостилъ въ монастырѣ Шишатовцѣ у архимандрита Лукіана Мушицкаго. Тутъ онъ записывалъ пѣсни отъ пѣвцовъ-сербовъ, перебѣжавшихъ въ Австрію, и собиралъ слова для словаря. Копитарь побуждалъ и вдохновлялъ Караджича, а по его возвращеніи въ Вѣну, руководилъ его работами надъ словаремъ и переводилъ сербскія слова на нѣмецкій и латинскій языки. Результатомъ этихъ совмѣстныхъ трудовъ Караджича и Копитаря было первое изданіе знаменитаго „Сербскаго Рѣчника“ (Вѣна 1818; 2-ое изд. 1852 г.; 3-е изд. Бѣлградъ 1898 г.). Въ первое изданіе,—по словамъ Караджича,—вошло 26.270 словъ, а во-второе 47.427; третье изданіе пополнено по записямъ Вука Караджича. Этотъ капитальный словарь представляетъ въ сущности compendium для изученія не только сербскаго языка, но и сербскихъ обычаевъ, нравовъ и преданій. Въ „Рјечник'ѣ“ Караджичъ окончательно ввелъ новые знаки и ј, что повело вскорѣ къ ожесточенному спору,—особенно по поводу введенія іоты, знака, заимствованнаго изъ латиницы. Вскорѣ въ этомъ увидѣли признакъ пропаганды католицизма среди сербовъ чрезъ посредство Вука Караджича, дѣйствовавшаго подъ руководствомъ и при участіи ревностнаго католика ученаго Ернея (Варѳоломея) Копитаря (1780—1844; см. о немъ въ особой статьѣ). Песнарицы, Письменица и Рѣчникъ окончательно опредѣлили весь характеръ дальнѣйшей дѣятельности Вука Караджича. Въ Письменицѣ Караджичъ выставилъ принципъ фонетическаго правописанія: „пиши, какъ говоришь“, который и провелъ систематически въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ.

Уже за эти первые свои труды Вукъ Караджичъ получилъ европейскую извѣстность. Еще до изданія „Рјечника“ онъ познакомился,—чрезъ посредство Копитаря,—съ Яковомъ Гриммомъ, а Мушицкій переводилъ для Гёте пѣсни изъ „Песнарицы“ Вука. Въ 1819 г. Яковъ Гриммъ помѣстилъ въ въ „Göttingenische gelehrte Anzeigen“ статью о Сербскомъ словарѣ Караджича. Въ 1816 г. въ вѣнской „Allgemeine Literaturzeitung“

(№ 21) помѣщенъ былъ переводъ нѣсколькихъ пѣсенъ изъ „Песнарицы“, а въ 1817 г. Ганка издалъ чешскій переводъ многихъ сербскихъ пѣсенъ (Prostonarodni Srbská Muza).

Издавъ эти свои основные труды, Караджичъ сталъ предпринимать путешествія по Европѣ и прежде всего отправился въ 1819 г. въ Россію, гдѣ онъ надѣялся получить поддержку для своихъ дальнѣйшихъ изданій и работъ. Онъ провелъ девять мѣсяцевъ въ этой своей поѣздкѣ. Посѣтивъ по пути Львовъ и Краковъ, гдѣ его избрали въ члены „Краковскаго общества наукъ“, онъ побывалъ въ Петербургѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Твери, Москвѣ, Тулѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Кишиневѣ. Московское „Общество любителей россійской словесности“ почтило его избраніемъ въ свои члены, а Россійская Академія Наукъ въ С.-Петербургѣ присудила ему 31 іюля 1819 г. серебряную медаль за сербскій словарь. Тогда же въ средѣ вліятельнаго въ то время библейскаго общества возникла мысль о переводѣ Новаго Завѣта на сербскій языкъ, и Караджичъ вскорѣ по возвращеніи въ Вѣну принялся за этотъ переводъ. Къ этому времени относится знакомство Караджича со многими выдающимися людьми въ Россіи, какъ, напр., съ Румянцевымъ, Карамзинымъ, Шишковымъ, Тургеневымъ, Жуковскимъ, Востоковымъ, Дмитріевымъ, Калайдовичемъ, Малиновскимъ и др. Въ 1823 г. Вукъ Караджичъ путешествовалъ по Германіи, всюду знакомился и завязывалъ связи съ учеными, которые интересовались не только даровитою его личностію, но и открытымъ новымъ міромъ прекрасной сербской народной словесности и ея языкомъ. Въ 1824 г. вышелъ въ Лейпцигѣ нѣмецкій переводъ сербской грамматики Караджича съ обстоятельнымъ введеніемъ Якова Гримма: Ueber die neueste Auffassung langer Heldenlieder aus dem Munde des Volkes in Serbien, со статьею Фатера о сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ и съ переводомъ пѣсни о женитьбѣ Максима Черноевича.

Во время своей поѣздки въ Германію Караджичъ получилъ отъ іенскаго университета почетный дипломъ на степень доктора философіи. Къ этому же времени относятся многочисленныя знакомства Караджича со многими выдающимися нѣмецкими и славянскими учеными, съ которыми онъ велъ по временамъ переписку, какъ Гёте, Фатеръ, Ранке, датскій ученый Торнсонъ, Гриммъ, Добровскій и мн. др. Эти его знакомства постоянно расширялись. Въ 1825—1826 г. вышелъ переводъ собранія сербскихъ народныхъ пѣсенъ на нѣмецкомъ языкѣ Тальфи (псевдонимъ г-жи Робинзонъ, изъ первыхъ буквъ ея именъ: Teresa Amalien Leonora Von Jakob), сдѣланный ею по совѣту Гёте и на основаніи пословнаго перевода, приготовленнаго Свѣтичемъ (Хаджичемъ). Этимъ нѣмецкимъ переводомъ воспользовался Джонъ Боурингъ для своего англійскаго перевода сербскихъ пѣсенъ, изданнаго въ 1827 г. Въ 1828 г. Караджичъ далъ матеріалъ нѣмецкому историку Леопольду Ранке для вскорѣ изданной имъ книги: Die Serbische Revolution.

Женившись въ 1818 г. на нѣмкѣ Аннѣ Краусъ, которая во время его болѣзни въ 1813 г. въ Вѣнѣ смотрѣла за больнымъ, Вукъ Караджичъ поселился въ Вѣнѣ, изъ которой лишь уѣзжалъ на время. Въ 1820 г. онъ ѣздилъ въ Сербію, гдѣ предполагалъ основать ланкастерскія школы взаимнаго обученія, подобныя тѣмъ, какія онъ видѣлъ въ Россіи. Тогда же онъ былъ нѣкоторое время секретаремъ князя Милоша Обреновича, котораго собирался учить читать и писать. Пробылъ онъ въ Сербіи недолго. Съ тѣхъ поръ онъ много разъ пріѣзжалъ въ Сербію, но не надолго. Самый продолжительный періодъ его пребыванія тамъ относится къ 1829—1831 г., когда онъ былъ членомъ коммиссіи для составленія законовъ. Каждая его поѣздка въ Сербію обогащала его собранія народныхъ пѣсенъ, сказокъ, поговорокъ и т. д. Извѣстно, что Караджичъ, сводя варіанты народныхъ пѣсенъ, умѣлъ внести единство, какъ глубокій знатокъ языка и духа сербскаго народа. Въ 1821 г. Караджичъ издалъ: „Народне српске приповјетке“, которыя выходили въ видѣ приложенія къ вѣнской сербской газетѣ (2-е изд. Вѣна 1853 г., 3-е посмертное Вѣна 1870 г., новое изданіе, значительно пополненное изъ другихъ трудовъ Караджича, вышло въ Бѣлградѣ въ 1897 г.). Сборники народныхъ пѣсенъ были издаваемы Караджичемъ нѣсколько разъ и постоянно росли въ объ-

емѣ и составѣ. Въ 1823—1824 г.г. онъ напечаталъ три тома сербскихъ народныхъ пѣсенъ въ Лейпцигѣ, а 4-й томъ въ 1833 г. въ Вѣнѣ. Начиная съ 1841 по 1862 г., вышло новое ихъ изданіе въ Вѣнѣ (1841, 1845, 1846 и 1862 гг.), законченное послѣ его смерти изданіемъ еще двухъ томовъ въ 1865—1866 гг., приготовленныхъ имъ къ печати. Сербское правительство, купившее у наслѣдниковъ Караджича въ 1886 г. право на изданіе всѣхъ его сочиненій и собраній, а также всѣ его книги и рукописи, съ 1887 г. приступило къ новому пересмотрѣнному и исправленному изданію всѣхъ этихъ сборниковъ сербскихъ пѣсенъ народныхъ. Собраніе сербскихъ пословицъ Вукъ Караджичъ напечаталъ въ болѣе полномъ видѣ въ Цетиньѣ въ 1836 г. и впослѣдствіи въ 1849 г. въ Вѣнѣ.

Караджичъ написалъ также немало статей и отдѣльныхъ трудовъ по описанію народнаго быта, обрядовъ, преданій. Онъ отзывался и по другимъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ судьбамъ языка и литературы у сербовъ, издавалъ альманахъ „Даница“ (5 выпусковъ съ 1826 по 1834 г.) и т. п. Едва выступивъ на литературное поприще, Караджичъ еще съ 1815 по 1817 г. помѣстилъ въ „Новинахъ Сербскихъ“ рядъ критическихъ статей, въ которыхъ весьма обстоятельно и рѣзко разобралъ по содержанію, языку и формѣ повѣсти Милована Видаковича, одного изъ самыхъ видныхъ и популярныхъ въ то время писателей славяно-сербской школы, и нанесъ ему такой ударъ, что значеніе Видаковича, какъ писателя, совершенно пало. Защищая перемѣны въ сербской азбукѣ и ороографіи и вообще произведенный имъ переворотъ въ сербской литературѣ, Вукъ Караджичъ принималъ самое живое участіе въ возникшей полемикѣ и то выступалъ со статьями въ журналахъ и газетахъ, то издавалъ отдѣльныя брошюры. Немало статей и отдѣльныхъ работъ посвящено имъ новой исторіи Сербіи (біографія Милоша Обреновича—по-русски въ 1825 г., по-сербски въ 1828 г.; „Правительствующій Совѣтъ Сербскій“ — Вѣна 1860 г. и т. п.).

Вукъ Караджичъ впервые познакомилъ науку надлежащимъ образомъ также съ живымъ болгарскимъ языкомъ и его формами. Издавая въ 1822 г. добавленіе („Додатак“) къ Аделунгову словарю, онъ напечаталъ 273 болгарскихъ слова, соблюдая точное ихъ произношеніе и примѣняя свою сербскую ороографію. Тутъ же помѣщено имъ 27 болгарскихъ народныхъ пѣсенъ и стихотвореній. Кромѣ того, даны отрывки перевода св. Евангелія посербски и поболгарски (Лук. **10**, 30—35 и **15**, 10—31) и молитвы Господней. Наконецъ, тутъ даны Вукомъ Караджичемъ и краткія основы болгарскаго нарѣчія. Болгарскія пѣсни онъ записалъ со словъ одного болгарина изъ Разлога, чѣмъ объясняется почти полное отсутствіе членовъ въ языкѣ этихъ пѣсенъ; одну изъ нихъ Караджичъ напечаталъ еще въ 1815 г. во второй „Песнарицѣ“.

Выше было упомянуто, что Вукъ Караджичъ, по предложенію библейскаго общества въ Петербургѣ, принялся еще въ 1819 г. за переводъ Новаго Завѣта на сербскій языкъ. По его словамъ, онъ держался церковно-славянскаго текста, изданнаго вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ въ Петербургѣ въ 1820 г. и одобреннаго Св. Синодомъ. При этомъ онъ пользовался нѣмецкимъ лютеровскимъ переводомъ по совѣту петербургскаго библейскаго общества и въ сомнительныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ помощи Копитаря, который толковалъ ему греческій текстъ и наводилъ нужныя справки (Скупљени граматички и полемички списи. В. К., Београд 1896, т. III, стр. 336—364). Въ теченіе 6 мѣсяцевъ Караджичъ перевелъ Новый Завѣтъ на сербскій языкъ и послалъ свой трудъ въ Петербургъ. Переводъ этотъ попалъ на рецензію и просмотръ (чрезъ посредство жившаго тогда въ Бессарабіи бывшаго бѣлградскаго митрополита, грека по происхожденію, Леонтія) къ Аѳанасію Стойковичу, сербу, занимавшему каѳедру физики въ харьковскомъ университетѣ. Стойковичъ, какъ сербскій писатель, держался славено-сербской школы и относился враждебно къ реформамъ Вука Караджича въ языкѣ и ороографіи сербской книги [1]). Онъ, поэтому,

---

[1]) Рѣзкія сужденія Караджича объ Аѳанасіи Стойковичѣ см. въ письмахъ Вука Караджича къ Лукіану Мушицкому отъ

передѣлалъ по своему переводъ Вука Караджича. Въ совершенно передѣланномъ видѣ сербскій переводъ Новаго Завѣта былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1824 г., но вскорѣ запрещенъ и даже изъятъ изъ употребленія. Впослѣдствіи онъ былъ изданъ въ Лейпцигѣ въ 1834 г. Рукопись Караджича съ поправками и помарками Стойковича хранится въ вѣнской Придворной библіотекѣ, куда передалъ ее Караджичъ чрезъ посредство Копитаря, какъ значится въ латинской припискѣ на ней Копитаря отъ 1832 г. (см. статьи Даничича въ газетѣ „Видовдан“ за 1862 г.). Узнавъ о судьбѣ своего перевода, Вукъ Караджичъ издалъ въ 1824 г. отрывки его подъ заглавіемъ: „Огледи светога писма на српском језику“, а именно, переводъ Евангелія отъ Матѳея, гл. **6** и **13**, отъ Луки главы **12**, **15**, **16**, (ст. 19—31), **24**, (ст. 13—36), Іоанна **15** и **17**, отрывки изъ посланій Апостоловъ Петра и Павла и Апокалипсиса. Но цѣлаго текста своего перевода Новаго Завѣта Вукъ Караджичъ долго не рѣшался печатать, и онъ вышелъ лишь въ 1847 г. въ Лейпцигѣ съ предисловіемъ, въ которомъ переводчикъ, между прочимъ, перечислилъ 30 турецкихъ и 49 славянскихъ словъ, имъ употребленныхъ въ переводѣ, 47 — „посербленныхъ“ изъ славянскихъ и 84 имъ составленныхъ, но не употребляющихся въ народномъ языкѣ. Изданіе этого сербскаго перевода вызвало оживленную полемику. Въ виду близкихъ отношеній между Караджичемъ и Копитаремъ, который, вслѣдствіе своей католической ревности, относился враждебно къ Шафарику за то, что послѣдній былъ протестантъ, и къ хорватскому вождю „иллировъ“ Людевиту Гаю, заподозрѣвая его въ измѣнѣ католицизму, а также ко всѣмъ тѣмъ славянскимъ дѣятелямъ, кто имѣлъ связи и сношенія съ русскими, напр., Ганкѣ, раздались у сербовъ голоса, что переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный Вукомъ Караджичемъ, представляетъ плодъ католической пропаганды. Оскорбительнымъ для священной православной книги казалось и то, что эта книга была напечатана „вуковицей“, т. е. орѳографіей Караджича съ сохраненіемъ латинскаго знака j. Сербское духовенство отнеслось враждебно къ этому переводу и изданію, и когда Караджичъ, ища одобренія духовной власти, обратился къ гостившему въ 1847 г. въ Вѣнѣ черногорскому владыкѣ Петру II съ просьбою благословить его переводъ, то владыка отклонилъ отъ себя просьбу, ссылаясь на то, что въ Австріи живутъ болѣе ученые, чѣмъ онъ, православные епископы *(Медаковичъ*, П. П. Негошъ). Полемика, вызванная изданіемъ перевода Караджича Новаго Завѣта, получила особенное значеніе, когда противъ него выступилъ секретарь бѣлградскаго митрополита Петра — В. Лазичъ, затѣмъ видный членъ общества сербской словесности Стеичъ („Гласникъ“, т. II) и наконецъ архимандритъ, впослѣдствіи пакрацкій и славонскій епископъ Никаноръ Груичъ, издавшій въ 1852 г. въ Землинѣ брошюру съ обстоятельнымъ разборомъ: „Примѣтве... на преводъ Новога Завѣта, коне господинъ Вукъ С. Караџић писао“. Въ 1850 г. въ Сербіи было издано особое постановленіе о запрещеніи употребленія „вуковицы“ и ввоза и распространенія перевода Новаго Завѣта, несмотря на всѣ хлопоты и оправданія Вука Караджича. Даже Изм. Ив. Срезневскій, находившійся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Вуку Караджичу и считавшійся въ числѣ его учениковъ и друзей, въ своемъ отзывѣ о переводѣ Новаго Завѣта, признавая за нимъ многія достоинства, все же считалъ его неудачнымъ и недостигающимъ цѣли,—особенно въ виду того, что Караджичъ заботливо избѣгалъ употребленія русскихъ и славянскихъ словъ, но сохранилъ турецкія. Срезневскій порицалъ даже орѳографію Вука („Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1848 г., т. LVII, отд. VI, стр. 139 — 157). Оскорбительнымъ для текста православной книги казалось употребленіе въ немъ латинской буквы j, изъ-за которой полемика въ это время особенно сильно разгорѣлась. Самымъ сильнымъ защитникомъ реформъ Вука Караджича какъ въ орѳографіи, такъ и въ вопросѣ объ языкѣ письменности явился одинъ изъ извѣстныхъ „вученятъ“, т. е. учениковъ Вука, впослѣдствіи знаменитый ученый филологъ Юрій Даничичъ, напечатавшій въ 1847 г. брошюру: „Рат за српски језик“. Но и онъ

---

9 марта и 16 апрѣля 1820 г. изъ Вѣны:— „Гласник“ Сербскаго Ученаго Дружества, т. 75.

не могъ остановить нападокъ на переводъ Караджича и его ороографію. Похвала переводу въ русской газетѣ „Сѣверная Пчела" (№ 243 за 1847 г.) вызвала острыя возраженія въ бѣлградской газетѣ „Подунавка", на которыя возражалъ Караджичъ въ брошюрѣ: „Господину са два крста". Было много и другихъ брошюръ и статей, укорявшихъ переводъ Караджича въ тенденціи и неприличіи. Эти нападки на нововведенія Караджича и заподазриванія чистоты его дѣйствій и намѣреній дали поводъ и нѣкоторое право Гильфердингу выразить мнѣніе, что Караджичъ, издавая свой переводъ Новаго Завѣта, былъ лишь орудіемъ Копитаря и латинской пропаганды (Собр. сочин. Гильфердинга, т. II, стр. 79—81). Подозрѣніе, тяготѣвшее надъ Караджичемъ, со стороны русскихъ могло усиливаться и тѣмъ обстоятельствомъ, что Вукъ Караджичъ, который съ 1826 года получалъ пенсію отъ русскаго правительства [1]) и различныя пособія, прося субсидію у Россійской Академіи Наукъ на новое изданіе словаря и сербскихъ народныхъ пѣсенъ, отказался замѣнить нѣмецкій переводъ сербскихъ словъ русскими въ новомъ изданіи „Рјечника", какъ то ему было предложено русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ Татищевымъ (Сборникъ отдѣл. Русск. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ, т. 37, стр. 593; письмо Татищева отъ 8 дек. 1839 г.).

Караджичъ не рѣшался отвѣтить на нападки и критическія замѣчанія архимандрита Грунча въ „Примѣтвахъ", но все же началъ готовить свой отвѣтъ, оставшійся въ рукописи и нынѣ напечатанный въ собраніи его сочиненій („Скупљени грам. и полем. списи", Бѣлградъ 1896, т. 3).

Отмѣтимъ также сочиненіе Вука Караджича: „Примјери српско-славенскога језика" (Вѣна 1857 г.), свидѣтельствующее объ ясности сужденія и знаніяхъ даровитаго самоучки-филолога въ старославянской письменности вообще и старо-сербской въ частности.

Вліяніе реформы Вука Караджича постепенно прервало запреты и протесты сторонниковъ „славено-сербской" школы. Въ 40-ыхъ и 50-ыхъ годахъ все болѣе распространяется употребленіе живого народнаго языка въ сербской письменности, но послѣдній запретъ съ „вуковицы" въ Сербіи былъ снятъ лишь по смерти Вука Караджича въ силу распоряженія сербскаго правительства отъ 12 марта 1868 года. Послѣ возвращенія изъ Сербіи въ Вѣну въ 1831 году, Вукъ Караджичъ часто отправлялся въ поѣздки по славянскому югу. Въ Россію онъ ѣздилъ еще разъ въ 1833 г., когда хлопоталъ въ Петербургѣ о помѣщеніи своего сына Саввы въ русское учебное заведеніе (см. статью Томича о Караджичѣ въ „Дело" за 1897 г., вып. за сентябрь, стр. 459). Въ 1834 г. онъ первый разъ посѣтилъ адріатическое Приморье, былъ въ Бокѣ Которской, Дубровникѣ и Черногоріи. И впослѣдствіи Караджичъ дѣлалъ частыя поѣздки въ Далматію, Славонію, Хорватію, Приморье и Сербію, но ему не удалось посѣтить ни разу Боснію, Герцеговину и Старую Сербію, находившіяся подъ властію Турціи. Пѣсни онъ записывалъ отъ выходцевъ изъ этихъ областей и получалъ записи, сдѣланныя по его указаніямъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ дѣятельности Вука Караджича было принятіе хорватами той же штокавщины, какая стала языкомъ письменности у сербовъ, своимъ литературнымъ языкомъ. Такимъ образомъ произошло объединеніе православныхъ сербовъ и католическихъ хорватовъ въ литературѣ. Это составляетъ главную заслугу въ литературѣ хорватскаго патріота Людевита Гая и ознаменовало литературный „иллиризмъ". Въ 1850 г. состоялось формальное соглашеніе между хорватами и сербами относительно единства языка въ письменности и согласованія въ правописаніи. Между подписавшими это соглашеніе значится также имя Вука Караджича. Съ той поры установлено соотвѣтствіе между вуковской сербской кириллицей и хорватскій латиницей — „гаевицею", такъ, что одно и то же сочиненіе является и хорватскимъ, и сербскимъ, смотря по азбукѣ и шрифту, въ виду тожества языка.

Около Вука Караджича группировались

---

[1]) Вукъ Караджичъ писалъ Фесслю въ Грацъ 8 мая 1829 г., что Императоръ Николай I назначилъ ему ежегодную пенсію во сто дукатовъ съ 4 іюня 1826 г. „во уваженіе засвидѣтельствованія Мин. Нар. Просв. о пользѣ, приносимой сербской словесности": см. „Archiv f. sl. Phil." Ягича, т. 22 (за 1900 г.), стр. 633—634.

молодые слависты и начинающіе сербскіе писатели и поэты. Такъ, Срезневскій, Бодянскій, Прейсъ, Миклошичъ, Даничичъ пользовались его указаніями и свѣдѣніями.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ умеръ 26 января 1864 г. и былъ погребенъ въ Вѣнѣ на Марксовомъ кладбищѣ. Въ сентябрѣ (8, 9 и 10-го) 1888 г. сербы торжественно праздновали столѣтіе со времени рожденія Караджича. 30 сентября 1897 г. останки Караджича были перевезены въ Бѣлградъ и похоронены у паперти соборной митрополичьей церкви.

Литература. Отмѣчаемъ нѣкоторые цѣльные и болѣе важные труды. Матеріалъ (переписка, статьи) разбросанъ въ сербскихъ журналахъ и газетахъ и теперь ждетъ новой разработки.

Risto Kovačić, Život i rad Vuka Stef. Karadžića. (Dubrovnik 1881). Проф. *Пл. А. Кулаковскій*, Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ (Москва 1882). Проф. *Стојан Новаковић*, Историја Српске књижевности (нѣсколько изданій). Проф. *Нилъ А. Поповъ*, Къ вопросу о реформѣ Вука Караджича, Спб. 1882 (оттиски изъ „Журн. Мин. Народн. Просв.“). *Его же*, Россія и Сербія (два тома, Москва 1868). *А. Г. Степовичъ*, Очерки исторіи Сербо-хорватской литературы (Кіевъ 1899). *Его же*, Борьба и смѣна главнѣйшихъ теченій и направленій въ новой сербской словесности (вступительная лекція въ университетѣ св. Владиміра, 1895 г.). *Сима Н. Томић*, Вук Стефановић Караџић (въ бѣлградскомъ журналѣ „Дело“ за 1897 г.). Проф. *Изм. И. Срезневскій*, В. С. Караджичъ въ сборникѣ „Братская помочь“ (Москва 1876). Проф. *Vatroslav Jagić*, Zasluge Vuka Karadžica (изъ сборника Književnik, Zagreb). По отдѣльнымъ вопросамъ: *Даничић*, Рат за Српски језик 1847; ср. о немъ статью *Павича* въ „*Rad*“ Югославянской Академіи (Загребъ) т. *LXXVII*, стр. 169 и слѣд. Проф. *А.С. Будиловичъ*, Общеславянскій языкъ (два тома, Варшава 1892). Проф. *Пл. А. Кулаковскій*, Лукіанъ Мушицкій, Спб. 1881 (оттиски изъ „Журн. Мин. Нар. Просв.“). *Его же*, Начало Русской школы у сербовъ въ XVIII в. (Спб. 1903). Скупљени граматички и полемички списи Вука С. Караџића (три тома. Београд. 1894—1896): тутъ собраны статьи и изслѣдованія по языку Караджича и перепечатаны также нѣкоторыя полемическія статьи противъ реформы Караджича; тамъ же перепечатаны „Примѣтве“ Грунча на переводъ „Новаго Завѣта“ и статьи Стенча и др. Переписка Вука Караджича и его письма разсѣяны по разнымъ журналамъ и изданіямъ, напр., „Српска Зора“ за 1877 г., „Јавор“, „Гласник Српског ученог Друштва“ (особенно т. 75-ый, гдѣ помѣщены письма Караджича къ Лукіану Мушицкому), „Србадија“ за 1875 г.; „Споменик“— различные выпуски, изд. Сербской Королевской Академіи; „Archiv für slawische Philologie“ Ягича (напр., т. II за 1877 г. и т. XXII за 1900 г.; „Сборникъ отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (т. 37); нѣкоторыя изъ писемъ западно-европейскихъ ученыхъ къ Караджичу переведены въ сборникѣ „Родное племя“ (Москва 1876). Для вопроса объ отношеніи хорватовъ къ реформѣ Вука Караджича см. докторскую диссертацію проф. *Пл. А. Кулаковскаго:* Иллиризмъ (Варшава 1894); *Jurmin*, Povjest književnosti hrvatske i srpske (Zagreb 1893), *его же*, Hrvatski preporod (Zagreb 1903). Болѣе полную библіографію трудовъ В. Караджича см. въ книгѣ *Пл. А. Кулаковскаго* о В. Караджичѣ, стр. 237—244. По вопросу о переводѣ Новаго Завѣта на сербскій яз. см. очеркъ *Ив. Снѣгирева*: Новый Завѣтъ на сербскомъ нарѣчіи (Казань). Объ епископѣ Никанорѣ Груичѣ см. статью о немъ *Георгія Магарашевича* въ „Rad“ Юго-сл. Акад. Наукъ т. 156 (Zagreb 1904).

Проф. *Платонъ Кулаковскій.*

Караимы. Слово „караимы“—еврейское и въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „читающіе“. Иногда употребляется по смыслу совпадающее обозначеніе „Бенэ микра“—сыны чтенія. Караимы представляютъ религіозную фракцію въ еврействѣ, образовавшуюся на основѣ оппозиціи раввинизму, т. е. исключительному господству раввиновъ въ области догматическихъ и моральныхъ опредѣленій и дедукцій изъ закона Моисеева (Тора). Сами караимы [сильно отличающіеся отъ евреевъ по этнографическому типу, даже по произношенію древне-еврейскихъ буквъ (цаде за русское *ч*), и не говорящіе на еврейскомъ жаргонѣ, а въ Крыму употребляющіе татарскій языкъ] выражаютъ свою религіозную обособленность, называя раббанитовъ, т. е. сторонниковъ раввиновъ,—„Бенэ мишна“—сынами преданія, вѣрующими преданію, котораго хранителями выступали раввины. Слѣдовательно, если бы мы пожелали найти сходное съ караимствомъ явленіе въ области христіанства, то проще всего было бы указать на протестантизмъ, и въ связи съ суровымъ ригоризмомъ древнѣйшихъ караимовъ,—на кальвинизмъ.

Какъ возникло караимство, — вопросъ этотъ рѣшается различно. Одни думаютъ,

что его генезисъ обусловленъ исключительно или главнымъ образомъ мѣстными событіями въ средѣ вавилонскихъ экзилархов (т. называемые представители вавилонской еврейской общины послѣ паденія Іерусалима,—„князья изгнанія"); указываютъ на то, что лицо, обычно считаемое за основателя и первоглаву караимской фракціи, Ананъ, сынъ Давида, былъ обойденъ избраніемъ послѣ смерти своего дяди экзиларха Соломона (половина VIII вѣка по р. Хр.), но слишкомъ наивно думать, что крупныя историческія явленія могутъ быть порождаемы и направляемы случайностями: личная судьба Анана могла дать лишь толчекъ общему движенію, подготовленному уже заранѣе сложными культурными факторами и условіями. Другіе поставляютъ происхожденіе караимовъ въ связь и зависимость отъ исламизма, гдѣ образовались двѣ фракціи: суннитовъ и шіитовъ, т. е. людей, вѣрующихъ преданіямъ о Магометѣ, и признающихъ только коранъ. Нельзя отрицать сходства между мусульманскими шіитами и еврейскими караимами, по времени генезиса оба явленія сближаются, сосуществуютъ, а если примемъ во вниманіе черты арабизма въ теософіи караимовъ, то возможно внѣшнюю параллель превратить во внутреннюю связь шіитства съ караимствомъ. У караима Іосифа Гароэ, сына Аврама изъ Басры (910—930 г.), близость къ теософіи арабовъ выражается не только формально—въ заимствованіи терминологіи, но и матеріально—въ философическихъ и богословскихъ концепціяхъ. Гораздо труднѣе поставить караимство въ связь съ еврейскимъ саддукействомъ. Мы столь мало знаемъ о саддукеяхъ въ вѣка, слѣдовавшіе за паденіемъ Іерусалима, что протянуть живую историческую нить между саддукействомъ и караимствомъ невозможно; съ другой стороны эпикурейская плотяная мораль саддукеевъ (см. Aboth de rabbi Nathan [и по русск. перев. Н. А. Переферковича] т. 5) и ихъ отрицательное отношеніе къ вѣрѣ въ духовный міръ и въ будущую загробную жизнь не могутъ быть обнаружены въ сочиненіяхъ караимовъ. Объ Ананѣ передаютъ, что онъ заставлялъ своихъ единомышленниковъ въ дни субботніе доходить до самоотреченія, у караима Салмана бенъ Іерухама (885—960 г.) въ книгѣ толкованія псалмовъ сказано, что караимы живутъ въ Іерусалимѣ и презираютъ блага міра,—это іерусалимскіе постники, оплакивающіе Сіонъ; у караима Сагля бенъ Мацліахъ (950 г.) въ полемическомъ посланіи противъ ученика Саадіи, Іакова бенъ Шемуэль, есть элементы аскетической морали, а все посланіе носитъ проповѣдническій колоритъ; у древняго караима Даніила, бенъ Моше Алькумиси изъ Ирака (820 г.), левиратные браки ограничиваются только супружествомъ бездѣтной вдовы умершаго съ его родными братьями (не то въ исторіи Вооза и Руѳи) ради обузданія чувственности. У караима Аарона, бенъ Еліягу изъ Никомидіи (1300—1369 г.) въ сочиненіи „Древо жизни" (Ецъ гахаимъ) есть рѣчь о продолженіи жизни за гробомъ и загробномъ воздаяніи (термины: „техіятъ метимъ" — оживленіе мертвыхъ, „оламъ габба"—грядущій вѣкъ, „ганъ еденъ"—садъ наслажденія, рай), тоже въ сочиненіи этого караима „Кетеръ тора"—вѣнецъ закона; у караима Иліи Башіяца изъ Андріанополя (1420—1491 г.), въ сочиненіи „Милоть Иліи" (Адеретъ Еліягу) есть въ рѣчи о времени совершенія молитвъ упоминаніе объ утренней молитвѣ (шахаритъ), которая совершается въ подражаніе молитвѣ Ангеловъ; даже у древняго караима, знаменитѣйшаго послѣ Анана, Беньямина изъ Нагавенди (800—830 г.) есть намекъ на ангелологію; по крайней мѣрѣ, онъ считаетъ—подобно извѣстному Филону, что міротвореніе и міропромышленіе требуютъ посредниковъ между Сущимъ и Тварью. Изложеннымъ документально показывается мнимость связи караимства съ саддукействомъ. Сопоставленіе караимства съ саддукействомъ извѣстно самимъ караимамъ: „Мы не цедукимъ (саддукеи), но цаддикимъ" (благочестивые),—пишетъ Салманъ бенъ Іерухамъ,—„мы лиліи, показавшіяся послѣ зимы" (ср. Пѣсн. пѣсн. 2, 12). Караимовъ можно сближать съ саддукеями только внѣшне: какъ саддукеи противостояли фарисеямъ, такъ караимы противостали раввинамъ, особенно важнѣйшимъ изъ нихъ, т. наз. гаонату въ Сурѣ и Пумбадитѣ.

Исторія караимства, насколько она отражается въ письменныхъ памятникахъ, изъ

которыхъ нѣкоторые дошли до насъ только фрагментарно, допускаетъ подраздѣленіе на 3 періода: 1) эпоха постепеннаго роста караимства (отъ половины VIII-го до конца IX-го вѣка):—въ эту эпоху караимы разрабатываютъ свою доктрину—антитрадиціонализмъ и расширяютъ кругъ воздѣйствія своихъ идей—изъ Вавилоніи караимы расходятся въ Палестину, Египетъ, Аравію и Грецію, пропагандируя ту мысль, что Бавель—Вавилонъ значитъ смѣшеніе, ибо тамъ спутанное ученіе; сочиненія караимовъ въ эту эпоху пишутся преимущественно на еврейскомъ языкѣ съ примѣсью арамаизмовъ на подобіе языка вавилонскаго талмуда. 2) Эпоха расцвѣта караимской литературы (отъ IX до XII вѣка): сочиненія этого періода написаны по большей части на арабскомъ языкѣ, ихъ содержаніе—горячая полемика съ раббанитами (аггресивное направленіе), но есть и экзегетическія работы, стоящія внѣ полемики. 3) Эпоха постепеннаго упадка литературной продуктивности караимовъ (отъ XII вѣка донынѣ); сочиненія этой эпохи блѣдны, какъ и самая жизнь караимовъ, распавшихся небольшими общественными группами въ Турціи, Греціи, Галиціи, въ Крыму и въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, но проблески единичныхъ талантовъ встрѣчаются и здѣсь; пишутся сочиненія этой эпохи на еврейскомъ языкѣ, подражательномъ по отношенію къ языку древне-еврейскому (т. наз. mussiv—муссивный стиль).

Сущностію караимства, какъ показываетъ самое его названіе, является приверженность къ буквальному смыслу Св. Писанія (т. е. Торы) въ его законодательныхъ частяхъ (при рѣчи о Богѣ антропоморфизмы и антропопатизмы библейскаго текста допускаютъ и таинственно-аллегорическое толкованіе) и отрицательное отношеніе къ традиціи въ области религіозной жизни. Ученіе Вѣчнаго—совершенно (Пс. **19**, 3), ничего не прибавляй къ закону и ничего не убавляй отъ него (Второз. **4**, 2), никому кромѣ Моисея, хотя бы онъ и сотворилъ знаменіе, не вѣрь (Числ. **23**, 19). Богъ не человѣкъ, чтобы измѣнять Свое слово; послѣднимъ пророкомъ (Малах. **4**, **4**) сказано отъ Бога: „Помните законъ Моисея" (изъ Адеретъ Еліягу). Караимы кристаллизовали законъ Моисея, уничтоживъ бывшую въ ходу у раввиновъ аккомодацію, приспособляемость закона къ нуждамъ современности, эластичность въ толкованіи заповѣдей и Моисеевыхъ институтовъ. Стремясь дать базисъ всѣмъ учрежденіямъ и явленіямъ общественной и индивидуальной жизни въ законѣ, караимы должны были тщательно и исключительно его изучать; отсюда ихъ значеніе, какъ экзегетовъ дословной стороны священнаго текста. Караимы поставляли главною своею задачей изученіе Торы, хотя занимались и другими священными книгами: ихъ ученыя занятія можно характеризовать, какъ номоцентризмъ. „Горе тому, кто убиваетъ время за книгою, а къ закону Господню обращается спиною" (Іафетъ сынъ Галева 950—990 г.); „сказано: поучайся въ законѣ Господнемъ день и ночь, сообрази, какое время не принадлежитъ ни дню, ни ночи, въ это время и отступай отъ книги жизни": такъ у Іуды сына Иліи Гадасса (1075—1160 г.). Другимъ свойствомъ библіологическихъ занятій караимовъ является индивидуализмъ въ области библейскаго истолкованія: „Не держись авторитета, но изслѣдуй все самъ: сынъ да отступаетъ отъ отца, братъ отъ брата, ученикъ отъ своего учителя, если будетъ найдено основаніе въ Библіи" (афоризмъ Беньямина изъ Нагавенда IX вѣка). „Нельзя ссылаться на другого, какъ Адамъ на Еву, а Ева на змія; это значило бы ходить съ закрытыми глазами" (Сагль бенъ Мацліахъ X вѣка). Впрочемъ, это освобожденіе отъ традиціонныхъ взглядовъ происходило въ долгой вѣковой исторической эволюціи. У самого Анана еще много сходнаго съ раввинизмомъ, напр., регламентированіе закланія птицъ для ѣды по аналогіи ритуальнаго закланія голубей и горлицъ, вообще стремленіе нормировать „шехиту". И впослѣдствіи рѣзкое движеніе противъ всего, стоящаго въ связи съ преданіемъ, вызвало дробленіе въ самой караимской средѣ на крайнихъ караимовъ (прогрессистовъ) и умѣренныхъ (ананитовъ). Что касается до культовой практики у караимовъ, то она упрощена въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не отыскивалось извѣстнаго библейскаго основанія для обряда, но въ общемъ она отличается тѣмъ же микрологизмомъ, какъ и мелочныя казуистичныя предписанія

раввиновъ. Караимы, какъ и раббаниты, ходили въ желѣзномъ корсетѣ суроваго номизма: достаточно пересмотрѣть опредѣленія Анана о субботнемъ покоѣ, чтобы съ этимъ согласиться. У караимовъ уничтоженъ обычай приходить въ дни кущей въ синагогу съ „лулавомъ" и „этрогомъ", т. е. съ букетомъ древесныхъ вѣтвей въ одной рукѣ и съ плодомъ въ другой; отмѣнено празднованіе хануки, очищенія храма отъ паганизаціи (языческаго оскверненія) при Антіохѣ IV Епифанѣ (25-го кислева), ибо объ этомъ событіи нѣтъ извѣстія въ еврейской Библіи; отмѣненъ обычай тефилинъ (филактерій), мезузы, цицитъ и субботнихъ свѣчъ ради внѣшняго отличія отъ раббанитовъ. Какъ извѣстно, евреи при молитвѣ облекаются въ плащъ (талиѳъ), имѣющій по угламъ голубыя кисти—цицитъ, а на лобъ навязываютъ особые молитвенные ящички, капсулы, заключающія изреченія изъ Свящ. Писанія—это тефилинъ—молитвенницы (филактеріи), каковыя помѣщаются и при порогѣ еврейскаго дома (мезуза—порогъ). При наступленіи темноты въ пятницу евреи зажигаютъ субботнія свѣчи, съ этого начинается субботствованіе; караимы же проводятъ навечеріе субботы въ темнотѣ. Вмѣсто двухдневнаго празднованія моадимъ (важныхъ календарныхъ дней) введено караимами однодневное празднованіе и въ области опредѣленія новомѣсячія сохраненъ древній эмпиризмъ вмѣсто установленнаго раббанитами опредѣленія новолунія путемъ вычисленія. Равно отвергнутъ караимами извѣстный Гиллеловъ циклъ (19-лѣтній періодъ), бывшій въ ходу для согласованія луннаго года съ солнечнымъ, и возстановленъ древній обычай наблюденія за жатвою ячменя въ Палестинѣ, при чемъ—въ случаѣ ея запозданія—вводился 13-ый мѣсяцъ, по имени Веадаръ, безъ всякой заранѣе выработанной схемы. Въ сферѣ синагогальнаго богослуженія былъ изгнанъ у караимовъ т. наз. пайтаническій (поэтическій) элементъ, и всѣ молитвословія должны были носить строго библейскій характеръ, представляя рецитацію (повтореніе) библейскихъ подобранныхъ по смыслу мѣстъ. Но караимы, наложивъ суровое veto на проявленія религіозной лирики, приписали синагогѣ значеніе іерусалимскаго храма, а потому вновь ввели установленія касательно левитской (ритуальной) чистоты, опущенныя раввинами по несоотвѣтствію времени послѣ храма (См. у Нисса бенъ Ноахъ, караима изъ Басры, „Изъясненіе 10 заповѣдей"; жилъ во 2-ой половинѣ IX вѣка).

Повидимому, древнѣйшія караимскія общины не имѣли іерархической организаціи; здѣсь всѣ члены равно призывались учиться, изслѣдовать Тору и исполнять то, что они сами признаютъ безспорно опредѣленнымъ въ Писаніи (Сагль бенъ Мацліахъ, X-го вѣка). Только впослѣдствіи образовался и у караимовъ институтъ хахамовъ—мудрецовъ, но къ этимъ лицамъ относились крайне требовательно, ихъ авторитетъ былъ соразмѣренъ съ ихъ поведеніемъ. Хахамы должны были особенно чтить имя Божіе, но оскверненіемъ имени Божія считались даже такіе поступки: купить и не тотчасъ заплатить, много пить и ѣсть, свою невинность доказывать кулакомъ и бранью и т. п. (Илія Башіаца, XV вѣка). Въ бытѣ караимовъ господствовали патріархальныя черты, — все держалось на непоколебимости семьи: „Носи родителей въ твоихъ нѣдрахъ, какъ молодыхъ ягнятъ, образъ любви къ Богу—любовь дѣтей къ родителямъ" (Малах. 1, 6): такъ у Іуды Гадасси, XI вѣка, въ книгѣ „Букетъ кипрскихъ цвѣтовъ". На воспитаніе и религіозное обученіе дѣтей обращалось серьезное вниманіе: отецъ долженъ былъ предпочитать свое руководство обученіемъ сына занятіямъ его съ наемнымъ лицомъ (Илія Башіаца, XV вѣка). Заповѣди Десятословія всасывались съ молокомъ матери; ихъ называли средствомъ нравственной гигіены и профилактики духовныхъ язвъ: см. Ааронъ, сынъ Іосифа, врачъ (1270 — 1300 г.) въ сочиненіи „Изъясненіе Пятокнижія".

Намъ остается сказать объ отношеніи караимства къ христіанству. Изъ сочиненій самихъ караимовъ трудно опредѣлить, насколько былъ благопріятнымъ взглядъ на христіанъ у караимовъ (см. *Graetz*, Geschichte der Juden V, S. 204). Несмотря на общность въ противодѣйствіи консервативному іудейству, христіане рѣзко расходились съ караимами въ воззрѣніи на законъ Моисеевъ, который для караимовъ самодовлѣющее цѣлое, для христіанъ же только „пѣстунъ во Христа", а потому общее у христіанъ и караимовъ исключительно одно:

наименованіе тѣхъ и другихъ у раббанитовъ словомъ „минимъ", т. е. еретиками. [Караимовъ вообще немного (около 20 тысячъ?), и главная масса ихъ проживаетъ въ предѣлахъ Россійской имперіи, гдѣ центрами караимства служатъ—въ особенности Евпаторія, уѣздный городъ таврич. губ., на берегу Чернаго моря (тамъ главная синагога, хахамъ и Александровское караимское училище), и частію Троки (новыя), уѣздный городъ виленской губ., въ 9 верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Ландварово, на полуостровѣ Трокскаго озера (здѣсь караимы со временъ Витовта, XIV в.; имѣется караимское учебное заведеніе). По переписи 1897 г. всѣхъ караимовъ въ Россійской имперіи — муж. пола 6.208 чел., женск. пола 6.261, а всего—12.569 человѣкъ: см. Первая всеобщая перепись населенія Россійской имперіи 1897 г., изд. подъ редакц. А. Н. Тройницкаго. Общій сводъ по имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населенія, II (Спб. 1905), стр. 390--391. — Въ таврической губерніи въ 1905 г. имѣлось: русско-караимскихъ начальныхъ школъ 9 (съ 5 учителями, 16 учительницами, 5 вѣроучителями, 131 учениками и 235 ученицами); караимскихъ конфессіональныхъ школъ (на подобіе магометанскихъ мектебовъ), подчиненныхъ гахаму, 6 (съ 5 учителями и 2 учительницами, 134 учениками и 39 ученицами); караимская духовная 6-классная семинарія въ г. Евпаторіи, таврич. губ., съ 8 учителями и 30 учащимися: см. *Х. А. Монастырлы* въ сборникѣ: Труды особаго совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ; изданіе Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ редакціей А. С. Будиловича, Спб. 1905, стр. 289. *Н. Н. Г.*].

Литература. Лучшія работы изученія караимства: Зихронъ Ларишонимъ (остатки книгъ по законовѣдѣнію Анана, Беньямина Нагавенди и Даніила Алкумиси), Спб. 1903, изданіе А. Я. Гаркави. Ликуте Кадмоніотъ, Вѣна 1865, изданіе Пинскера [объ этомъ изданіи и о взглядахъ С. Пинскера (род. 17 марта 1801 г., ум. 28 октября 1864 г.), см. и въ The Jewish Encyclopedia X, New York and London 1905, p. 52. b] *Neubauer*, Beiträge zur Geschichte des Karäerthums, Lpzg 1866. *Jost*, Geschichte des Judenthums und seiner Secten II, S. 294 — 332. *Graetz*, Geschichte der Juden V, S. 196—244, особенно тамъ die Note 17, S. 497—516. *Winter* und *Wünsche*, Geschichte der rabbinischen Litteratur, S. 67 — 118. *Карпелесъ*, Исторія еврейской литературы I, стр. 359—401. [Въ смыслѣ изслѣдованій особенно важны (антикараимскіе) труды *А. Я. Гаркави*: Извѣстія караима Абу-Юсуфъ Якуба аль-Киркисани объ еврейскихъ сектахъ въ «Запискахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества» т. VIII (Спб. 1894), стр. 247—278—321; статья въ «Энциклоп. Словарѣ» Брокгауза и Ефрона т. XIV, полут. 27 (Спб. 1895), стр. 426—431 (а на стр. 431—432 неизвѣстнаго автора объ «управленіи духовныхъ дѣлъ караимовъ»); Историческіе очерки караимства (изъ этюдовъ о еврейскихъ актахъ) въ книжкахъ «Восхода» 1896 г. май—іюнь, стр. 111—129; 1897 г., февраль, стр. 87—108, май, стр. 112 — 132; 1898 г., февраль, стр. 3—24; статья *его же* въ «The Jewish Encyclopedia» VII (New York and London 1904), p. 438—446 (и p. 446—447 замѣтка *Kaufmann Kohler*'а «Karaism»; ср. еще ibid. VIII, p. 305 b о караимскихъ манускриптахъ; IX, p. 115 о Musa тифлисскомъ, основателѣ караимской секты въ началѣ IX в.). а также ibid. XII, (New York and London 1906), p. 250 b (о кавказскихъ караимахъ). 263 — 266 (о караимахъ въ Троки). Dr. *I. Hamburger* въ Real-Encyclopädie des Judentums III, 4 (Lpzg 1897), S. 106—114. *Eugène Lévesque*, Caraites въ Dictionnaire de la Bible par F. Vigouroux II (Paris 1899), col. 242—246. Rev. *W. O. E. Oesterley*, The Karaites въ журналѣ «Church and Synagogue» VII, 2 (London: April 1905), p. 72—73. Prof. *V. Ryssel* въ Realencyclopädie von Herzog-Hauck X³, S. 54—70 (и поправки S. 881—882). Въ энциклопедическихъ трактатахъ указана и вся важнѣйшая литература, но см. еще *J. Junowitsch*, Die karaeischen Fest—und Fasttage von Samuel ben Moses Hama'arabi: Dissertat., Strassburg 1904. *S. Gitelsohn*, Die Civilgesetze der Karäer von Samuel al-Magrebi nach einer Berliner Handschrift herausgegeben. Diss. Strassburg 1904. Dr. *Samuel Poznanski*, The Karaite Literary Opponents of Sandiah Gaon in the thenth Century въ «The Jewish Quarterly Review» XVIII, 70 (January, 1906), p. 209—250; XIX, 73 (October 1906), p. 59—83. Rev. *A. Lukyn Williams*, The «Chizzuk Emunah» as it appears to an Englishman, London 1906--1907; здѣсь тщательно разбирается этотъ трудъ караима р. Исаака бен-Абрама отъ 1593 г., всецѣло направленный противъ христіанства: ср. «Church and Synagogue» IX, 1 (January, 1907), p. 29—30. *Israel Abrahams*, A Short History of Jewish Literature from the Fall of the Temple (70 C. E.) to the Era of Emancipation (1786 C. B.), London 1906, p. 42 — 46.—*Н. Н. Г.*].

Е. Воронцовъ.

Каракалла — римскій императоръ (211—217 г.). Полное имя его было Bassianus M. Aurelius Antoninus. Прозваніе Каракаллы перешло къ нему отъ „каракаллы“ — длинной галльской плащевидной накидки [caracalla, у позднѣйшихъ греческихъ писателей καρακάλιον: ср. о ней и у *W. Smith* and *S. Cheetham*, A Dictionary of Christian Antiquities I, London 1875, p. 291a], которую онъ очень любилъ и ввелъ въ употребленіе въ Римѣ. Онъ родился въ г. Ліонѣ 4 апрѣля 188 г.; имѣя отъ роду 8 лѣтъ, получилъ отъ отца своего императора Септимія Севера титулъ „цезаря“ и сталъ называться Маркомъ Авреліемъ Антониномъ. Медали, дошедшія до насъ отъ Каракаллы, дѣйствительно, имѣютъ такую надпись: Antonius Pius Aug. Каракалла наслѣдовалъ своему отцу въ 211 г. (964 г. отъ основанія Рима) вмѣстѣ съ Гетой, своимъ братомъ, котораго ненавидѣлъ и умертвилъ въ слѣдующемъ году. Знаменитый римскій юристъ Папиніанъ отказался написать публичное оправданіе этого братоубійства и за это осужденъ былъ на казнь; съ нимъ погибло еще до 20.000 сторонниковъ Геты. По своей жестокости Каракалла былъ равенъ Калигулѣ и Нерону, а своимъ безуміемъ превосходилъ ихъ. Онъ деморазировалъ войско и тратилъ на него до 280 милліоновъ сестерцій въ годъ. Жестокость и безуміе Каракаллы проявлялись особенно во время военныхъ его экспедицій. Въ Германіи онъ купилъ цѣною золота право называться побѣдителемъ; въ Антіохіи, пригласивъ къ себѣ Авгаря, царя эдесскаго, онъ заковалъ его въ цѣпи. Отправившись въ Александрію, какъ будто бы для поклоненія богу Серапису, онъ приказалъ своимъ солдатамъ избивать жителей города въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей. Потомъ Каракалла предпринялъ походъ противъ парѳянъ и, не увидѣвъ ихъ, возвратился въ Римъ; однако, повелѣлъ устроить себѣ тріумфальную встрѣчу и присвоилъ названіе „Парѳянина“. Макринъ, префектъ преторіи, убилъ его 8 апрѣля 217 г. Каракалла презиралъ науки. Величайшимъ удовольствіемъ его было—управлять въ циркѣ колесницею въ костюмѣ кучера. Послѣ смерти Каракалла, согласно обычаю, былъ причисленъ сенатамъ къ рангу боговъ. Каракалла издалъ эдиктъ, по которому всѣ свободные жители провинцій получили права римскаго гражданства (около 212 г.); вмѣстѣ съ допущеніемъ египтянъ въ сенатъ, это былъ единственный значительный актъ его царствованія. Каракалла нисколько не интересовался христіанами: худшіе изъ римскихъ императоровъ не были наиболѣе свирѣпыми по отношенію къ новой религіи. Послѣдняя въ царствованіе Каракаллы пользовалась сравнительно миромъ. Гоненіе противъ христіанъ, вспыхнувшее въ 211 г. въ Африкѣ (во время котораго появилось замѣчательное апологетическое сочиненіе Тертуліана „Посланіе къ Скапулѣ“), было только продолженіемъ гоненія, начатаго при императорѣ Септиміѣ Северѣ.

Н. В. П—въ.

Караманъ Матѳей (Caraman Matija). хорватско-далматинскій ученый, родился въ началѣ XVIII в. въ Сплѣтѣ, умеръ 7 мая 1771 г. По окончаніи курса въ римско-католической семинаріи въ Сплѣтѣ, онъ преподавалъ затѣмъ философію и богословіе въ Задрѣ, гдѣ въ то время былъ римско-католическимъ архіепископомъ Викентій Змаевичъ (1713—1745 г.), испросившій у папы Бенедикта XIII въ 1729 г. разрѣшеніе устроить у себя въ Задрѣ семинарію для подготовленія священниковъ въ хорватско-глаголическіе приходы (т. е. въ тѣ приходы, гдѣ богослуженіе совершалось по славянско-глаголическимъ книгамъ и латинскому обряду) и самъ одушевленный идеею исправленія богослужебныхъ глаголическихъ книгъ. Эти исправленія хорватскихъ глаголическихъ текстовъ примѣнительно къ языку церковно-богослужебныхъ кирилловскихъ книгъ, употреблявшихся у православныхъ славянъ и русскихъ уніатовъ, начались гораздо ранѣе этого времени: по рѣшенію римской „Пропаганды“ и папы Урбана VIII еще въ первой половинѣ XVII в. поручено было далматинскому францисканцу Рафаилу Леваковичу быть исправителемъ „librorum ecclesiasticorum linguae illyricae“, и онъ, пребывая въ Римѣ и пользуясь помощію проживавшихъ тамъ въ то время русскихъ уніатовъ—еп. Меѳодія Терлецкаго и др., занимался исправленіемъ хорватскихъ глаголическихъ книгъ примѣ-

нительно къ языку современныхъ печатныхъ кирилловскихъ текстовъ и успѣлъ издать въ исправленномъ видѣ бревіарій, миссалъ и пр. (см. ниже статью „Левановичъ"). Для продолженія этого дѣла Змаевичъ избралъ Карамана и послалъ его въ Римъ, чтобы дать ему возможность лучше подготовиться къ отвѣтственному дѣлу исправленія глаголическихъ книгъ, и потому исходатайствовалъ ему у „Пропаганды" командировку въ Россію съ цѣлію наиболѣе основательнаго ознакомленія съ церковно-славянскимъ языкомъ кирилловскихъ текстовъ. Такимъ образ. въ качествѣ апостолическаго миссіонера онъ посланъ былъ въ 1732 г. въ Россію и,—благосклонно принятый въ Москвѣ,—занимался здѣсь изученіемъ церковно-славянскаго языка. По возвращеніи въ Римъ, онъ получилъ отъ „Пропаганды" порученіе приготовить новое исправленное изданіе глаголическаго миссала, которое было также разсмотрѣно русскими базиліанами и Максиміліаномъ Завадскимъ и др., архим. минскимъ Иннокентіемъ Пѣговичемъ и епископомъ луцкимъ Сильвестромъ Рудницкимъ. Въ 1739—1741 гг. онъ издалъ „Bukvar slavenskich pismenich" (1739) и затѣмъ миссалъ (1741). Языкъ исправленныхъ и изданныхъ книгъ былъ русско-славянскій, чѣмъ достигалось до нѣкоторой степени единство въ церковномъ языкѣ славянскомъ, хотя характеръ содержанія книгъ былъ, конечно, римско-католическій. Папа Бенедиктъ XIV въ награду за труды назначилъ Карамана сперва аббатомъ двухъ монастырей, апостольскимъ визитаторомъ коллегій въ Ассизи, Торнѣ и Лоретто и епископомъ въ Осерѣ (1743 г.), а въ 1746 г. архіепископомъ въ Задрѣ. Но противъ его системы исправленія по образцу современныхъ печатныхъ кирилловскихъ текстовъ возражалъ дубровницкій римско-католическій священникъ Стефанъ Роза (Ружичъ), который написалъ даже противъ Карамана книжку „Annotazioni in ordine alla versione slava del missale Romano" и приложилъ ее къ своему переводу Новаго Завѣта отъ 1750 г. (см. ниже статью „Катанчичъ"), прося папу Бенедикта XIV издать ее въ печати. Въ своей критикѣ Роза порицалъ редакцію Карамана, доказывая между прочимъ, что нарѣчіе дубровницко-боснійское и есть настоящее славянское, а редакція Караманова исполнена ошибокъ и даже еретичества и т. д. Конечно, „Пропаганда" потребовала отъ Карамана объясненій, и онъ сдѣлалъ это въ одномъ рукописномъ сочиненіи „Considerazioni" 1753 г., посвященномъ папѣ. Въ этомъ сочиненіи онъ признаетъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ богослуженія языкъ народный употребляется, но бревіарій и миссалъ должны быть отпечатаны на старославянскомъ языкѣ, такъ какъ старо-славянщина есть „мать всѣхъ нарѣчій славянскихъ" и въ то же время есть церковный языкъ всѣхъ славянъ православныхъ, для пріобрѣтенія которыхъ въ нѣдра церкви римско-католической полезно издавать на ихъ языкѣ и церковно-богослужебныя глаголическія книги. Эта послѣдняя точка зрѣнія пока восторжествовала, и папа Бенедиктъ XIV въ 1754 г. одобрилъ отповѣдь Караманову въ „Considerazioni". Глаголическія богослужебныя книги, правда, продолжали издавать, но съ половины XIX столѣтія эти изданія, будучи освобождаемы отъ руссизмовъ, исправлялись по образцу глаголическихъ текстовъ XIV—XVI столѣтій. Таковъ, между прочимъ, глаголическій миссалъ новѣйшаго изданія 1893 „Missale Romanum slavonico idiomate" подъ редакціей каноника А. Порчича.

Литература. Для ознакомленія съ судьбою глаголическаго богослуженія и глаголическихъ богослужебныхъ книгъ на славянскомъ юго-западѣ можно указать, напр. слѣд. труды: Dr *Ginzel*, Geschichte der Slawen-Apostel Cyrill und Method (Wien 1861); *Fr. Rački*, Vick i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda slovjenskih apoštolov I—II (Zagreb 1859, хорв.); *Jvan Krst. Tkalčić*, Slavensko bogoslužje u Hrvatskoj (Zagreb 1904, хорв.); *А. В. Михайловъ*, Къ вопросу о литературномъ наслѣдіи св. Кирилла и Меѳодія въ глаголическихъ хорватскихъ миссалахъ и бревіаріяхъ (Варшава 1904); *его же*, О новыхъ изданіяхъ хорватскихъ глаголистическихъ текстовъ (Варшава 1905).

И. С. П—въ.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ, знаменитый русскій литераторъ и историкъ, родился 1 декабря 1766 г., умеръ 22 мая 1826 г. Онъ выросъ въ деревнѣ отца, симбирскаго помѣщика (Михаила Егоровича), въ ранней юности лишившись матери (Екатерины Петровны). Выучившись грамотѣ

у дьячка, онъ пристрастился къ чтенію старинныхъ романовъ. На развитіе въ Карамзинѣ религіознаго чувства, по собственному его признанію, повліялъ тотъ случай въ дѣтствѣ, когда онъ благополучно избавился отъ печальныхъ послѣдствій встрѣчи съ медвѣдемъ, который какъ разъ въ тотъ моментъ былъ убитъ громомъ. На 14-мъ году Н. М. Карамзинъ былъ отданъ въ пансіонъ московскаго профессора Шадена, умнаго педагога и высоконравственнаго человѣка, который находилъ, что въ системѣ воспитанія первое мѣсто должна занимать религія. Здѣсь Карамзинъ практически познакомился съ нѣмецкимъ и французскимъ языками; учился и другимъ языкамъ, какъ новымъ, такъ и древнимъ. Понятно, что при такой подготовкѣ онъ началъ свою литературную дѣятельность переводами. Литературная дѣятельность Карамзина шла первое время (1785—1788 г.) подъ вліяніемъ масонскаго кружка Новикова. Масонство, оцѣниваемое съ православной точки зрѣнія, имѣло въ себѣ положительную сторону, заключавшуюся въ противодѣйствіи невѣрію и въ благотворительной дѣятельности, и отрицательную, состоявшую въ самочинныхъ обрядахъ, получавшихъ значеніе таинствъ. Такихъ же приблизительно взглядовъ на масонство держался и Карамзинъ, которому не нравилась мистическая сторона этого общества. Большое значеніе имѣла для впечатлительнаго Карамзина его поѣздка заграницу (по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи) въ 1789—1790 гг.; плодомъ этой поѣздки явились знаменитыя въ исторіи русской литературы „Письма русскаго путешественника“, которыя по своему легкому слогу, интересному идейному содержанію и умѣренному сентиментализму надолго привлекли къ себѣ симпатіи русской читающей публики. Являя себя въ „Письмахъ“ пламеннымъ патріотомъ, Карамзинъ въ то же время твердо стоялъ за общечеловѣческое просвѣщеніе. Интересно отмѣтить его отношеніе къ Вольтеру: осуждая въ послѣднемъ цинизмъ и насмѣшки надъ религіею, Карамзинъ цѣнилъ его, какъ проповѣдника религіозной терпимости и былъ согласенъ съ нимъ въ томъ, что благодѣтельныя для народа реформы должны идти отъ просвѣщеннаго правительства. Вообще, просвѣщенію Карамзинъ придавалъ особенное значеніе и въ просвѣщенности англичанъ видѣлъ „истинный ихъ палладіумъ“, а не въ конституціи. „Письма“ были печатаемы въ „Московскомъ журналѣ“, который издавался Карамзинымъ въ продолженіе 2-хъ лѣтъ (1791 и 1792 гг.), и потомъ въ сборникѣ „Аглая“ (въ двухъ выпускахъ 1793 и 1794 гг.). Другой сборникъ подъ названіемъ „Аониды“ появился тоже въ 2-хъ книжкахъ въ 1796 и 1797 гг. При изданіи „Пантеона иностранной словесности“ (въ 3-хъ томахъ съ 1798 до 1803 гг.) онъ, какъ и многіе другіе русскіе писатели, испыталъ такія затрудненія со стороны цензоровъ, запрещавшихъ между прочимъ печатать „республиканцевъ“ Демосѳена, Цицерона и Саллюстія, что хотѣлъ прекратить занятія литературой и по этому поводу писалъ своему другу извѣстному Дмитріеву: „умирая авторски, восклицаю: да здравствуетъ россійская литература!“. Но еще далеко было до авторской смерти Карамзина. Въ 1801 г. онъ помѣстилъ нѣсколько краткихъ біографій въ „Пантеонѣ россійскихъ авторовъ“, изданномъ П. П. Бекетовымъ; а въ слѣдующемъ году сталъ издавать свой новый журналъ „Вѣстникъ Европы“ (1802—1803 г.). Здѣсь вполнѣ опредѣлились общественные взгляды Карамзина. Онъ считалъ освобожденіе крестьянъ мѣрою преждевременной и опасной, но допускалъ постепенное усовершенствованіе и медленный прогрессъ въ общественной жизни. Особенное вниманіе онъ обращалъ на народное образованіе и привѣтствовалъ проектируемыя для этого при императорѣ Александрѣ I мѣры, какъ зарю новой для Россіи эпохи. Въ „Вѣстникѣ Европы“ (за 1803 г. № 5) имъ была помѣщена статья „О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи“, гдѣ проводится тотъ взглядъ, что „учрежденіе сельскихъ школъ несомнѣнно полезнѣе всѣхъ лицеевъ“. По мнѣнію автора статьи, должность сельскихъ учителей должна быть предоставлена сельскимъ пастырямъ, дабы на первомъ планѣ стояло нравственное воспитаніе учащихся. Кромѣ того, Карамзинъ мечталъ о дружескомъ сближеніи помѣщиковъ со священниками и высказывалъ пожеланія, чтобы духовныя лица обладали, между прочимъ, познаніями въ естественныхъ наукахъ, — въ

физикѣ, ботаникѣ и, особенно, въ медицинѣ („Вѣстн. Европы“ 1803, № 17: письмо за подписью: Лука Еремеевъ). Эти мысли Карамзина нашли себѣ практическое приложеніе,—хотя нѣсколько въ иномъ видѣ,—гораздо позднѣе. Въ своемъ журналѣ Карамзинъ помѣстилъ нѣсколько историческихъ статей и задумалъ, наконецъ, написать полную исторію Россіи. Съ этою цѣлію онъ выхлопоталъ себѣ въ концѣ 1803 г. чрезъ попечителя московскаго округа М. Н. Муравьева званіе исторіографа и ежегодную пенсію въ 2.000 руб.; независимо отъ сего на изданіе труда Карамзина было потомъ назначено государемъ 60.000 р. Карамзинъ съ жаромъ предался научнымъ занятіямъ; первые 8 томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“ были имъ изданы въ теченіе 1816 — 1818 гг., 9-й томъ — въ 1821 г., 10 и 11—въ 1824 г.; 12 томъ былъ изданъ уже по смерти автора Д. Н. Блудовымъ. Для Карамзина при составленіи исторіи на первомъ планѣ была художественная задача—прекраснымъ изложеніемъ привлечь вниманіе не только русскихъ, но и иностранцевъ къ интереснымъ и глубокопоучительнымъ событіямъ изъ русской исторіи. Онъ достигъ своей цѣли и, по выраженію Пушкина, открылъ для русскихъ читателей исторію ихъ отечества. Первое изданіе разошлось въ 25 дней въ количествѣ 3.000 экземпляровъ, несмотря на довольно высокую цѣну (55 р.); еще при жизни Карамзина его „Исторія“ была переведена на французскій языкъ (Thomas'омъ и Jauffret'омъ), на нѣмецкій (Гауэншильдомъ), польскій и итальянскій языкъ (Москини и Гамба). Но добросовѣстность Карамзина заставила его не ограничиваться однимъ художественно - патріотическимъ изложеніемъ фактовъ, а обратиться къ серьезному детальному изученію источниковъ. Состояніе русской исторической науки ко времени Карамзина было не высокое: исторія Татищева была только сводомъ лѣтописей, исторія Щербатова не отличалась критицизмомъ и талантливостію, а „Несторъ“ Шлецера только еще выходилъ; памятниковъ было издано мало. Приходилось обращаться къ рукописямъ, которыя Карамзинъ находилъ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ синодальномъ хранилищѣ и въ частныхъ собраніяхъ рукописей Мусина-Пушкина и Румянцева. Примѣчанія къ „Исторіи“ Карамзина изумляють своею ученостію; цѣнность ихъ увеличивается оттого, что они знакомятъ читателей съ нѣкоторыми источниками, и до сихъ поръ не общедоступными и частію даже утраченными; въ заслугу Карамзину нужно поставить еще то, что онъ первый указалъ подложность нѣкоторыхъ памятниковъ. Въ авторѣ „Исторіи Государства Россійскаго“ чрезвычайное трудолюбіе счастливо соединилось съ пламеннымъ патріотизмомъ, высокимъ нравственнымъ чувствомъ и мощнымъ художественнымъ талантомъ. Въ письмѣ къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Карамзинъ самъ говоритъ про себя: „я писалъ съ любовію къ отечеству, ко благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности“. Развитіе русской исторіи ставится имъ въ причинную зависимость отъ развитія монархической власти, усиленіе которой онъ привѣтствуетъ, какъ спасеніе для русской земли отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ нестроеній. Поступки историческихъ дѣятелей онъ оцѣнивалъ, кромѣ того, и съ нравственной точки зрѣнія, указывая на соотвѣтствіе, или несоотвѣтствіе ихъ съ нравственнымъ закономъ.

Въ виду указанныхъ качествъ „Исторіи“ Карамзина воспитательное ея значеніе для русскаго общества не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она привлекла на себя вниманіе не одного русскаго общества, вызвавъ и въ иностранной печати нѣсколько сочувственныхъ рецензій: Геренъ восхищался „истинно-нѣмецкимъ“ прилежаніемъ Карамзина и его ученостію („Göttingische gelerte Anzeigen“ 1822 г., т. II, № 133 и 134, стр. 1321); неизвѣстный французскій критикъ называлъ „Исторію“ Карамзина добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ, проникнутымъ національнымъ чувствомъ („Moniteur Universel“ 1820 г., 1 ноября, № 306), и др. Общая идея и нѣкоторые частные пункты Карамзиновской „Исторіи“ разбирались разными русскими критиками, въ числѣ которыхъ видимъ: Арцыбашева, М. Ѳ. Орлова, М. П. Погодина, Полевого, Ходаковскаго, Ѳ. Булгарина, М. Н. Муравьева (декабриста), Лелевеля и Соловьева (историка). Критика, указавъ на несомнѣнныя научныя достоинства „Исторіи Государства Россій-

скаго", указала и на ея болѣе или менѣе важные недостатки, къ которымъ относится: 1) Одностороннее описаніе первоначальнаго быта славянскихъ племенъ, въ характерѣ которыхъ Карамзинъ отмѣчаетъ преимущественно хорошія качества; 2) идеализація первыхъ русскихъ князей, какъ бы представителей самодержавія; 3) сбивчивое изложеніе удѣльнаго періода, на который онъ смотрѣлъ, какъ на безводную пустыню африканскую; 4) односторонній взглядъ на литовское княжество; 5) чрезмѣрное восхваленіе Іоанна III, и 6) стремленіе подогнать факты подъ предвзятую мѣрку, особенно замѣтное въ изложеніи царствованія Іоанна IV, котораго въ первую половину его царствованія Карамзинъ представляетъ чуть не ангеломъ, а во вторую—совершенно неожиданно олицетвореніемъ всякаго зла и порока. Осуждали Карамзина даже за его политическія убѣжденія, особенно рельефно выразившіяся въ представленной государю Александру I „Запискѣ о древней и новой Россіи" (1810 г.) и въ запискѣ „Мнѣнія русскаго гражданина" (1819 г.); такъ, баронъ М. А. Корфъ считаетъ изложенное въ этихъ запискахъ лишь искусною компиляціей всего того, что Карамзинъ слышалъ вокругъ себя. Но мы знаемъ, что убѣжденія Карамзина были основаны на многостороннемъ знаніи современныхъ ему обстоятельствъ, на многолѣтнемъ изученіи русской исторіи и на горячей любви къ отечеству. Вотъ подлинныя слова Карамзина: „если государство при извѣстномъ образѣ правленія созрѣло, окрѣпло, обогатилось, — не троньте этого правленія; видно, оно сродно государству и введеніе другого было бы гибельно". На великія заслуги Карамзина въ области развитія русскаго слова и русскаго самосознанія прекрасно указалъ въ своемъ юбилейномъ „словѣ" извѣстный ученый преосвященный митроп. Макарій (Булгаковъ). Даже противники Карамзина согласны въ томъ, что на его „Исторіи Государства Россійскаго" воспиталось не одно поколѣніе русскихъ людей и что она является какъ бы „знаменемъ" національнаго направленія.

Сочиненія Н. М. Карамзина имѣютъ 5 болѣе или менѣе полныхъ изданій: І-е—8 томовъ, Москва 1803—1804 г.; II-е—М. 1814 г. III-е М. 1820 г. IV—въ 9 част., Спб. 1834—1835. V-е изд. А. Смирдина въ 3 т., Спб. 1848. Исторія Государства Россійскаго имѣетъ слѣдующія изданія: І-е—8 т. Спб. 1818 г., II-е изд. Сленина 12 т., Спб. 1819—1829, и къ нему «Ключъ» П. Строева М. 1836 г., III-е изд. Смирдина 1830—1831 г., IV-е изд. его же 1833 г., V-е изд. Эйнерлинга въ 3 т., заключающихъ въ себѣ 12 кн., Спб. 1842—1843 (тоже съ «ключемъ»), VII-е — 1892 въ приложеніи къ журналу «Сѣверъ» и VIII изданіе Суворина въ «Дешевой Библіотекѣ» (безъ примѣчаній). Лучшими считаются II и V изданія.

Лучшая біографія Карамзина принадлежитъ *М. П. Погодину*, Н. М. Карамзинъ. Подробный разборъ «Исторіи» сдѣланъ Соловьевымъ («Отечественныя Записки» 1853—1856, 6 статей). Вышеупомянутое слово митропол. *Макарія* помѣщено въ книгѣ «Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 1 декабря 1866 г., въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина», Спб. 1867 г., стр. 96—98. Библіографическія данныя и литература о Карамзинѣ указаны: у *С. И. Пономарева*, Матеріалы для библіографіи литер. о Карамзинѣ (въ 36-мъ т. „Сборн. Отдѣл. русскаго языка и словесн. Имп. Ак. Наукъ"); у *Межова*, Русская историческая библіографія 1800—1854, т. II, Спб. 1893; у *Геннади*, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ т. II, Берлинъ 1880; у *Мезіера*, Русская словесность: Библіографическій указатель, часть II, Спб. 1902, стр. 131—135. См. еще у *П. Н. Милюкова* и † проф. *А. Кирпичникова* въ словарѣ Брокгауза и Ефрона полут. XXVII, стр. 440—447; † проф. *К. Н. Бестужева-Рюмина* въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ" т. «Ибакъ-Ключаревъ, стр. 500—514.

А. В. Поповъ.

Карасевъ, Алексѣй Николаевичъ, сынъ крестьянина, родился въ 1854 году. Былъ учителемъ начальнаго и городского училища въ гор. Пензѣ и въ то же время преподавалъ пѣніе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и управлялъ церковными хорами. Въ 1887 г., по приглашенію кіевскаго „Общества грамотности", былъ руководителемъ церковнаго пѣнія на лѣтнихъ курсахъ и съ тѣхъ поръ почти ежегодно приглашался на курсы пѣнія различными учрежденіями (духовнымъ вѣдомствомъ, земствомъ и обществомъ трезвости) въ разные города Россіи (въ Кіевъ дважды, въ Инсары, Новочеркасскъ, Липецкъ, Екатеринодаръ, Черниговъ, Владикавказъ, Тулу, Саратовъ, Пермь и др.); подъ его руковод-

ствомъ прошли 15 пѣвческихъ и регентскихъ курсовъ, на которыхъ было болѣе 1.500 слушателей. Прослуживъ въ должности народнаго учителя 34 года и получивъ пенсію въ размѣрѣ 240 р. въ годъ изъ городскихъ суммъ, въ 1903 г., по приглашенію вятскаго „Попечительства о народной трезвости“, онъ занялъ должность наблюдателя и руководителя народныхъ хоровъ въ вятской губерніи и въ теченіе двухъ лѣтъ организовалъ до 16 школъ хорового и церковнаго пѣнія. Въ ноябрѣ 1906 г. былъ отпразднованъ заслуженный 25-лѣтній юбилей его многополезной дѣятельности. Въ настоящее время Карасевъ занимается изданіемъ произведеній извѣстнаго духовнаго композитора и регента † Гр. Ѳ. Львовскаго и переработкою своихъ руководствъ и пособій по пѣнію. Изъ нихъ наиболѣе извѣстна „Методика пѣнія“, часть 1-ая („руководство къ постановкѣ и преподаванію хорового пѣнія въ народныхъ, церковно-приходскихъ школахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ“), допущенная Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ. Приложеніемъ къ ней служатъ „Уроки пѣнія“, часть 1-ая, въ которыхъ помѣщены церковныя пѣснопѣнія на одинъ и два голоса. „Методика пѣнія“, часть 2-ая, въ которой второй отдѣлъ занимаетъ: организація церковнаго пѣнія и пѣвческаго хора, обзоръ духовно-музыкальной литературы, выборъ духовно-музыкальныхъ сочиненій и списокъ ихъ съ указаніемъ пригодности для хора по степени трудности, бесѣды о значеніи и исполненіи духовно-музыкальныхъ пѣснопѣній въ порядкѣ годового церковно-пѣвческаго Обихода и проч. Приложеніемъ къ этой части служатъ „Уроки пѣнія“, часть 2-ая („пособіе для учащихся старшаго и средняго возраста и для церковныхъ пѣвческихъ хоровъ“), въ которыхъ помѣщены духовно-музыкальныя произведенія на 3 и 4 голоса.—Большимъ пособіемъ въ дѣлѣ начальнаго обученія пѣнію являются изобрѣтенныя Карасевымъ „Подвижныя ноты“ и „Объясненіе къ нимъ“, допущенныя Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ пособія при обученіи пѣнію въ церковно-приходскихъ школахъ. Кромѣ того, имъ издана „Нотная грамота“, въ 2 частяхъ, которая является первымъ и единственнымъ опытомъ самоучителя пѣнія, и „Музыкальная хрестоматія“, куда вошли произведенія лучшихъ музыкальныхъ авторовъ.—Всѣ сочиненія Карасева пользуются большимъ успѣхомъ, нѣкоторыя изъ нихъ выдержали до 15 изданій и разошлись въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ [Ср. книжку *Ст. П. К.* (датированную: Москва. 1899 г. 15 ноября), Изданія по обученію пѣнію, составленныя А. Н. Карасевымъ, и краткій очеркъ его музыкально-педагогической и издательской дѣятельности. Къ экспонатамъ Парижской Всемірной Выставки. Кіевъ 1900].

А. Н. Г.

Каратаевъ, Иванъ Прокофьевичъ, извѣстный собиратель старопечатныхъ книгъ, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, Императорской Публичной Библіотеки и Московскаго общества исторіи, род. въ 1817 г., ум. 22 февраля 1886 г. И. П. Каратаевъ принадлежалъ къ купеческому сословію. По его собственному признанію, въ немъ очень рано развилась любовь къ старопечатнымъ книгамъ; первымъ его руководителемъ по части интересовавшаго его предмета явилось извѣстное библіографическое сочиненіе Сопикова. Такъ какъ И. Каратаевъ не получилъ систематическаго образованія, то можно думать, что въ образовательномъ отношеніи ему много помогли сдѣланныя имъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ знакомства съ нѣкоторыми знатоками и собирателями старопечатныхъ книгъ (напр., съ Авеpинымъ, Сахаровымъ, Царскимъ и Погодинымъ). Будучи убѣжденъ, что въ Россіи находятся „величайшія, несравненныя сокровища по части старопечатныхъ книгъ“, онъ совершилъ цѣлый рядъ поѣздокъ во внутреннія губерніи и составилъ замѣчательную коллекцію старопечатныхъ книгъ, которая еще въ 1861 г. поступила въ Императорскую Публичную Библіотеку. Даже въ библіотекѣ петербургской Духовной Академіи въ 1877 г. онъ разыскалъ книги, которыя, по его словамъ, будто бы не были извѣстны библіографамъ. Напечатаны слѣдующіе труды Каратаева: 1) Хронологическая роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1730 г. (Спб. 1861); книга удостоена Демидовской преміи по отзыву

А. Х. Востокова (см. Тридцать первое присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб. 1862, стр. 168—169); 2) Библіографическія замѣтки о старопечатныхъ славянскихъ изданіяхъ (Спб. 1872); 3) Осьмогласникъ 1491 г., напечатанный въ Краковѣ кирилловскими буквами (Спб. 1876), и 4) Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1730, вып. 1: 1491—1600 (Спб. 1878); т. I: съ 1491 по 1652 (Спб. 1883) (и въ „Сборникѣ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ", т. 34, № 2). См. рецензію и дополненія † архим. *Леонида* (Кавелина) въ „Журн. Мин. Нар. Пр." 1884 г., ч. CCXXXIII, май, стр. 39—54 и у гр. *Милорадовича* въ „Библіографѣ" 1885 г., № 3.

См. *Д. Языковъ*, Обзоръ трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. 6: Русскіе писатели, умершіе въ 1886 г. Спб. 1889, стр. 61—63.

А. В. Й—въ.

Карашевичъ, Платонъ Ивановичъ, митрофорный протоіерей—настоятель каѳедр. Исаак. собора. Сынъ протоіерея волын. епархіи, Карашевичъ высшее богосл. образованіе получилъ въ спб. Дух. Академія, въ которой кончилъ курсъ въ 1851 г. со степенью магистра; до 1856 г. служилъ въ спб. Семинаріи наставникомъ, а въ 1856 г. рукоположенъ во священники къ Исаак. собору, гдѣ служилъ до самой смерти, послѣдовавшей 16 февраля 1886 г. О. Карашевичъ слѣдилъ за замѣчательными произведеніями отечественной литературы и самъ работалъ надъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи спб. епархіи за послѣднія 25 лѣтъ. Въ дух. литературѣ извѣстно его изслѣдованіе: Очеркъ исторіи правосл. церкви на Волыни, Спб. 1855.

А. Родосскій.

Карашевъ, Александръ Ѳедоровичъ—магистръ богословія, преподаватель рязанской духовной семинаріи. Сынъ священника ростовскаго уѣзда, ярославской губ., онъ родился въ 1862 г.; среднее и высшее образованіе получилъ въ ярославской Семинаріи и московской Духовной Академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1887 г. со степенью кандидата богословія; въ 1888 году опредѣленъ на должность преподавателя церковной исторіи въ рязанскую духовную семинарію; съ 1889 г. по 1894 г. состоялъ помощникомъ редактора „Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей". Въ 1896 г., послѣ публичной защиты своего сочиненія: О новооткрытомъ памятникѣ „Ученіе двѣнадцати апостоловъ" (Διδαχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων), Москва 1896, стр. VII+143+XCVI, онъ получилъ степень магистра богословія. Оффиціальными оппонентами на магистерскомъ диспутѣ, происходившемъ 14 марта 1896 г., были орд. проф. Н. А. Заозерскій и (нынѣ †) э.-орд. проф. В. Ѳ. Кипарисовъ (описаніе диспута см. въ корреспонденціяхъ Н. В. Попова: „Русское Слово" 1896 г., № 76, отъ 19 марта; „Московскія Вѣдомости" 1896 г., № 81, отъ 22 марта; „Церковный Вѣстникъ", 1896 г. № 13, отъ 28 марта; ср. „Церковныя Вѣдомости" 1896 г., № 14, отъ 6 апр., стр. 510—511).—Когда А. Ѳ. Карашевъ писалъ свое сочиненіе о названномъ памятникѣ, послѣдній, впервые изданный въ 1883 г. Филоѳеемъ Вріенніемъ, митроп. серронскимъ, еще не былъ и въ западной наукѣ освѣщенъ всесторонне; при чемъ впослѣдствіи явилось много данныхъ, разъясняющихъ исторію происхожденія и значеніе памятника. Поэтому сочиненіе Александра Ѳедоровича съ самаго начала и доселѣ нуждается въ дополненіяхъ, поправкахъ и пр.; однако все же на русскомъ языкѣ оно является до сихъ поръ единственнымъ подробнымъ научнымъ изслѣдованіемъ этого особо важнаго памятника — съ текстомъ и переводомъ его.

Кромѣ магистерской диссертаціи, А. Ѳ. Карашеву принадлежатъ: рѣчь объ указанномъ памятникѣ, произнесенная предъ защитой магистерской дессертаціи (Рязань 1896), замѣтка подъ заглавіемъ: Позволительно ли по христіанскому ученію подавать милостыню съ разборомъ? (въ журналѣ „Трудовая Помощь" за 1902 г.); [„трактатъ: Отношенія христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ (до Константина в.) къ военной службѣ, Рязань 1906 изъ „Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей"].

Н. В. П—въ.

Кардиналы римско-католическіе. Институтъ кардиналовъ—характерное учрежденіе римской церкви, направленное къ возвышенію и укрѣпленію папскаго могущества въ римско-католическомъ мірѣ. Самое слово cardinalis, происходя отъ cardo (крюки, на которыхъ висятъ и вращаются двери), въ приложеніи къ человѣку филологически должно обозначать такое лицо, которое является какъ бы главнымъ остовомъ, неподвижнымъ центромъ, напр., государства или церкви. Въ сферѣ государственной этотъ титулъ усвоялся префектамъ Египта и преторій асійскаго округа (при императорѣ Ѳеодосіи), нѣкоторымъ начальникамъ флота и арміи (съ I до V в. по р. Хр.) и др. приближеннымъ къ государю сановникамъ. Въ первой половинѣ II в. этотъ титулъ перешелъ въ римскую церковь. Вполнѣ естественно предположить, что онъ прежде всего сталъ иногда примѣняться къ лицу римскаго первосвященника; дѣйствительно, такое употребленіе этого термина встрѣчается во многихъ западныхъ сочиненіяхъ, и самъ папа Геласій (въ V в.) называлъ себя episcopus ordinarius *cardinalis* pontifex. Но и ближайшія къ папѣ лица, сочлены римскаго пресвитеріума, какъ „ближе другихъ прилегающіе къ тому cardo, чрезъ который все приходитъ въ движеніе“ (по замѣчанію папы Льва IX въ посланіи къ патріарху константинопольскому Михаилу), назывались уже со II в. (наряду съ прочими наименованіями) и presbyteri et diaconi *cardinis* nostri или *cardinales*. Такъ какъ кардиналами могли быть и на самомъ дѣлѣ были лица всѣхъ трехъ степеней священства, то въ интересахъ отчетливости прослѣдимъ первоначальную исторію института кардиналовъ для каждой степени священства отдѣльно.

Приблизительно въ концѣ I в. по р. Хр. Римъ въ церковномъ отношеніи былъ раздѣленъ на 7 округовъ, которые назывались „діаконіями“ отъ имени своихъ управителей—7 діаконовъ первенствующихъ (diaconi primores). Каждая діаконія являлась благотворительнымъ учрежденіемъ и въ то же время церковнымъ зданіемъ, въ которомъ совершали богослуженіе пресвитеры и клирики. Семь діаконовъ, имѣвшіе надзоръ за округами діаконій, назывались еще (кромѣ вышеприведеннаго наименованія) patres diaconiarum, capita regionum, а въ 6-мъ канонѣ римскаго собора при папѣ Сильвестрѣ (314—335 г.) прямо титулованы „кардиналами“. Эти кардиналы-діаконы по недѣльной чредѣ присутствовали при священнослуженіи папы въ Латеранской базиликѣ Спасителя, состояли членами римскаго пресвитеріума и предсѣдательствовали на соборахъ областного ихъ клира.

Исторія кардиналовъ-пресвитеровъ даетъ первое болѣе или менѣе опредѣленное извѣстіе отъ второй половины II в.,—извѣстіе о томъ, что папа Гигинъ (139—142 г.) въ каждомъ „титулѣ“ учредилъ многихъ пресвитеровъ и клириковъ, присвоивъ пресвитеру начальнику „титула“ названіе cardinalis. Римскіе „титулы“, бывшіе первоначально частными домашними церквами, со II в. въ виду возрастанія христіанской общины въ Римѣ стали, въ количествѣ 25, крещальными церквами (ecclesiae baptismales),—соотвѣтственно чему Римъ былъ раздѣленъ на 25 крещальныхъ округовъ. Другое важное, идущее отъ древности, извѣстіе о кардиналахъ-пресвитерахъ относится къ 384 г., когда папа Марцеллъ (Маркеллъ) для крещенія обращающихся въ христіанство и для погребенія мучениковъ устроилъ 25 „титуловъ“ въ Римѣ на подобіе діоцезовъ (quasi diocoeses); такъ какъ городскіе „титулы“ существовали и раньше, то новаго въ этомъ извѣстіи то, что „титулы“, quasi-діоцезы, должны были заключать въ себѣ значительный округъ приходскихъ церквей, находившихся въ окрестностяхъ римскихъ. Эти округи церквей, зависѣвшіе отъ „кардинальскихъ титуловъ“, при папѣ Александрѣ III (1159—1181 г.) стали обозначаться терминомъ „кардиналіи“ (cardinaliae). Кардиналы-пресвитеры, начальники „титуловъ“, состояли членами римскаго пресвитеріума, въ великіе праздники вмѣстѣ съ прочими кардиналами принимали обязательно участіе въ священнослуженіи папы въ Латеранской церкви и со времени распоряженія папы Симплиція (468—483 г.) до временъ папы Гонорія II (1124 г.) совершали очередное служеніе по недѣлѣ въ такъ называемыхъ патріархальныхъ церквахъ (св. Маріи, св. Петра, св. Лаврентія и св. Павла). Юрисдикція кардиналовъ-пресвитеровъ въ ихъ округахъ подходила

къ епископской и была утверждена конституціею папы Іоанна VIII (872—882 г.) „de jure cardinalium“ и особенно папы Гонорія III („His quae“... 1216 г.), который споръ между „кардиналами“ титула Лаврентія и клириками подчиненныхъ этому титулу церквей рѣшилъ въ томъ смыслѣ, что послѣдніе обязаны слушаться своихъ кардиналовъ-пресвитеровъ на словахъ и на дѣлѣ обязаны подчиняться налагаемымъ отъ нихъ исправительнымъ и карательнымъ мѣрамъ.

Что касается кардиналовъ-епископовъ, то первое опредѣленное упоминаніе о нихъ падаетъ на довольно позднее время—папы Стефана IV, который въ 817 г., какъ передаетъ Liber pontificalis, распорядился, чтобы 7 кардиналовъ-епископовъ совершали по недѣльной чредѣ мессы въ Латеранской церкви, а въ великіе праздники участвовали бы тамъ въ священнослуженіи всѣ. По документамъ XI в., кардиналами были епископы Остіи, Албаніи, Порто, Сильвы-Кандиды, Пренесте, Сабинума и Тускулума. Несомнѣнно, что „римскіе епископы“ (епископы отдѣльныхъ близъ Рима лежащихъ церквей въ собственно папскомъ діоцезѣ) издавна принимали живое участіе въ совѣтѣ и въ выборѣ папы и исполняли миссію его легатовъ; но, такъ сказать, постоянныхъ помощниковъ папы изъ числа епископовъ уже къ VIII в. установилось только семь, которые съ этого времени стали называться episcopi *cardinales* Romanae sedis, episcopi collaterales, episcopi Romanae ecclesiae, или episcopi curiae. Кардиналы-епископы были членами римскаго пресвитеріума и имѣли свои діоцезы, которые состояли изъ нѣкоторыхъ городскихъ римскихъ и подгородныхъ приходскихъ церквей, не находившихся въ зависимости отъ кардинальскихъ титуловъ.

Второй періодъ исторіи кардинальства можно начать со времени избирательнаго декрета папы Николая II (1059 г.), который только кардиналамъ предоставилъ право выбора папы. Вскорѣ титулъ кардинала запрещено было носить клирикамъ провинціальныхъ церквей [1]). Кардиналамъ постепенно предоставлены были почетные аттрибуты и инсигніи. Либеральное разсужденіе на 40-мъ засѣданіи Констанскаго собора о безполезности и тягостности „сословія“ кардиналовъ, при томъ же не учрежденнаго ни Апостолами, ни соборами, не было поддержано тогдашними богословами; апологетами кардинальства оказались даже свободомыслящіе ученые того времени I. Герсонъ и Петръ де-Алліако. Къ возвышенію кардинальства послужили и особыя условія избранія въ кардиналы, выработанныя и установленныя папою Львомъ X въ 1513 г., Тридентскимъ соборомъ, а потомъ спеціальнымъ декретомъ папы Сикста V (1585—1590 г.). Отъ кандидата кардинальства требуются тѣ же качества, что и отъ кандидата въ епископы, за исключеніемъ слѣдующаго: кардиналъ-діаконъ не долженъ быть моложе 22 лѣтъ (для полученія епископскаго сана требуется другой возрастъ); рожденные внѣ законнаго брака — даже въ томъ случаѣ, если они чрезъ послѣдовавшій затѣмъ бракъ родителей будутъ признаны по законамъ римской церкви законнорожденными и, такимъ образомъ, не лишаются права на занятіе епископской каѳедры, — даже и въ этомъ случаѣ все равно не могутъ быть кардиналами; кандидатъ кардинальства, состоявшій въ законномъ бракѣ, не долженъ имѣть ни дѣтей, ни внуковъ; у него не должно быть среди кардиналовъ близкаго (до второй степени) родственника. Чинъ нареченія въ кардинальскій санъ, употребляемый теперь, окончательно редактированъ въ XII — XIII в.; изложенъ онъ въ Ordo Romanus Кайетана.

---

[1]) Провинціальныя церкви дѣлились на tituli minores и tituli majores; пресвитеры послѣднихъ иногда позволяли титуловать себя кардиналами, очевидно, въ подражаніе пресвитерамъ «титуловъ» «кардинальскихъ» города Рима (tituli cardinales). Окончательное строгое запрещеніе для клириковъ провинціальныхъ церквей украшать себя титуломъ кардинала послѣдовало въ буллѣ папы Пія V отъ 1567 г. Кромѣ того, имѣющій дѣло съ историческими документами долженъ не упускать изъ вида другой случай несобственнаго употребленія имени «кардиналъ», которое прилагалось иногда къ епископамъ, временно причисленнымъ къ извѣстному cardo по причинѣ разоренія или уничтоженія ихъ собственныхъ діоцезовъ. Въ посланіяхъ папы Григорія великаго еще упоминается 12 кардиналовъ-иподіаконовъ, которые, можетъ быть, имѣли какія-либо полномочія отъ папы въ извѣстныхъ провинціяхъ.

Новонареченные кардиналы при торжественной обстановкѣ въ Сикстинской капеллѣ даютъ присягу „никогда ни задумывать, ни соглашаться, не допускать что-либо ни противъ величія папства, не противъ личности папъ,... помогать въ сохраненіи и поддержаніи, по мѣрѣ силъ своихъ, всего римскаго папства и верховныхъ правъ св. Петра“. Можно еще отмѣтить, что иногда кардиналы назначались по рекомендаціи римско-католическихъ королей и князей, для защиты церковныхъ интересовъ ихъ странъ, и носили въ такомъ случаѣ титулъ cardinalis protector nationis. Всѣхъ привилегій кардинальства насчитывается до 300. Папы не пренебрегали никакими маловажными по существу вещами, чтобы только возвысить и отличить своихъ „князей церкви“. Иннокентій IV далъ имъ красную шляпу, Павелъ II пожаловалъ имъ красную камилавку и митру изъ шелковой камки (для торжественныхъ процессій) и право выѣзжать на бѣлой лошади съ краснымъ покрываломъ и золотыми поводьями. Согласно декрету папы Урбана VIII отъ 1630 г., кардиналовъ въ обращеніяхъ вѣрующіе обязаны называть „достопочтеннѣйшими и свѣтлѣйшими“ (Reverendissimi et Eminentissimi), каковой титулъ до тѣхъ поръ принадлежалъ только гофмейстеру ордена Іоаннитовъ и тремъ нѣмецкимъ курфюрстамъ. Кардиналы имѣютъ тронъ въ своей собственной церкви, извѣстный установленный для нихъ экипажъ и гербъ, носятъ золотое кольцо съ сапфиромъ на рукѣ и пр. Внѣшнимъ знакамъ почета соотвѣтствуетъ и высокое положеніе кардиналовъ въ іерархической лѣстницѣ, достигнутое ими постепенно. Первоначально преимущество первостоянія при совершеніи богослуженія опредѣлялось степенью священства: только на соборахъ, являясь представителями папы, кардиналы имѣли преимущество предъ всѣми епископами. Уже въ сравнительно позднее время избирательный декретъ папы Николая II (1059 г.), соборы Клермонскій (1095 г.), Ліонскій (1245 г., при папѣ Иннокентія IV) окончательно установили и подтвердили право первостоянія кардиналовъ независимо отъ степени священства предъ епископами. Но въ римскихъ уставахъ XIV—XV в. замѣтны еще нѣкоторые слѣды древней богослужебной практики: „патріархамъ“ указывается въ нихъ мѣсто между кардиналами-епископами. Со времени же папы Евгенія IV (1431—1447 г.) и до нашихъ дней кардиналы-діаконы стоятъ выше „патріарховъ“. Особыя преимущества кардиналовъ при священнослуженіи папы наглядно выражаются въ томъ, что они цѣлуютъ (въ извѣстный моментъ) руку папы, тогда какъ „патріархи“, митрополиты и епископы цѣлуютъ его колѣно. Если случится участвовать въ торжественныхъ процессіяхъ правовѣрнымъ государямъ, то императоръ долженъ занимать мѣсто среди старшихъ кардиналовъ-епископовъ, а король—позади ихъ. Папы заботились объ особой неприкосновенности кардиналовъ; судьею послѣднихъ былъ только папа. Тридентскій соборъ и папа Сикстъ V (1585 — 1590 г.), подтвердили почти епископскую ихъ юрисдикцію, которую, впрочемъ, — по причинѣ многократныхъ столкновеній между епископами и кардиналами — вынуждены были ограничить папа Гонорій III и особенно папа Иннокентій XII (въ 1691 г.): кардиналамъ оставлены дисциплинарная юрисдикція въ ихъ кардинальскихъ титулахъ и право визитаціи подвѣдомственныхъ имъ церквей. Состоя при римской куріи, кардиналы участвуютъ въ годовыхъ доходахъ священной коллегіи (Rotulus); имъ принадлежитъ—jus optandi—важное право, согласно которому старшіе живущіе въ Римѣ кардиналы (именно по старшинству, т. е. безъ различія трехъ классовъ) могутъ требовать (optare) себѣ освободившуюся вакансію (епископскую, пресвитерскую или діаконскую) подгороднягo „кардинальскаго титула“, и важную обязанность „легата отъ ребра“—legatus a latere (см. „Легаты“)—могутъ нести только кардиналы. Эти „князья церкви“, надѣленные всякими привилегіями, суть самыя приближенныя лица къ папѣ, его агенты; чрезъ нихъ онъ управляетъ римско-католическою церковію. Это управленіе сосредоточено въ консисторіи (см. „Консисторія римско-католическая“), въ конгрегаціяхъ (см. „Конгрегаціи“), членами которыхъ состоятъ исключительно кардиналы, и въ различныхъ трибуналахъ римской куріи (см. „Курія римская“). Отмѣтимъ особо важное значеніе кардиналовъ-начальниковъ нѣкоторыхъ трибуналовъ: кардиналъ-епископъ, президентъ трибунала „Пенитенціарія“ (съ 1744 г.), по особому полномочію папы даетъ

индульгенціи, напутствуетъ его самого передъ смертью и пр.; кардиналъ-п р о д а т а р і й, президентъ трибунала „Датарія“, завѣдуетъ канцеляріею, назначенной первоначально для пріема адресованныхъ на имя папы прошеній, а теперь—для управленія церковными имѣніями; кардиналъ - к а м е р г е р ъ (cammerlengo) завѣдуетъ финансами и въ случаѣ смерти папы является мѣстоблюстителемъ папскаго престола; кардиналъ - с т а т с ъ - с е к р е т а р ь отвѣчаетъ за министра иностранныхъ дѣлъ; помощникомъ ему (съ 1838 г.) служитъ кардиналъ — с т а т с ъ - с е к р е т а р ь в н у т р е н н и х ъ д ѣ л ъ и др. Пока существовала „Церковная область“ (до 1870 г.), въ рукахъ кардиналовъ (особенно статсъ-секретаря и его помощника) сосредоточивалась и вся административно-юридическая власть въ папскихъ владѣніяхъ. Но и послѣ 1870 г. церковно-іерархическое значеніе кардинальства сохранилось въ своей силѣ. Властвуя надъ каждымъ въ отдѣльности кардиналомъ, папа почти безсиленъ противъ священной коллегіи [1]); послѣдняя de facto осуществляетъ ту власть, которая въ идеѣ принадлежитъ папѣ.

Предложенный краткій историческій очеркъ кардинальства показываетъ, что этотъ институтъ ведетъ свое начало не отъ Христа и не отъ Апостоловъ. Предоставленіе кардиналамъ - священникамъ и кардиналамъ-діаконамъ высшаго положенія въ іерархической лѣстницѣ сравнительно съ епископами (не кардиналами) приводитъ къ тому, что послѣдніе иногда домогались получить пресвитерство въ кардинальскомъ титулѣ; не менѣе странно и то, что кардиналы-пресвитеры пользуются правомъ посвященія въ низшія церковныя должности (хиротезія), а кардиналы-діаконы совершаютъ литургію, какъ пресвитеры. Такое положеніе вещей съ большою опредѣленностію осуждается 23-мъ правиломъ IV вселенскаго собора.

[1]) Въ различныя времена количество кардиналовъ не было одинаковымъ. Достаточно указать, что Констанцскій соборъ остановился на цифрѣ 24, какъ достаточно опредѣляющей число кардиналовъ; окончательное распоряженіе сдѣлано было въ 1586 г. папою Сикстомъ V, который по аналогіи съ 70 старѣйшинами израильскими (Числ. **2**, 17) нашелъ всего болѣе приличною въ данномъ случаѣ цифру 70. Въ число 70 кардиналовъ входятъ 6 подгороднихъ епископовъ, 50 пресвитеровъ и 14 діаконовъ; но священная коллегія рѣдко имѣла это количество своихъ членовъ. Установился такой порядокъ, что папа не публикуетъ всѣхъ именъ избранныхъ имъ кандидатовъ на вакантныя кардинальскія мѣста, а хранитъ ихъ до поры до времени въ своемъ умѣ (собственно, „въ груди“, *inpetto).*

Литература. *И. В. Баженовъ,* Римскіе кардиналы, ихъ права и положеніе въ римской церкви (въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1895 г., вып. I, стр. 57—99). *Philips,* Kirchenrecht VI (1864). *Клейнеръ,* Dissertatio de origine et antiquitate muneris cardinalium (въ „Thesaurus juris eccles.“ A. S c h m i d t, tom. II). [*Wetzer* u. *Welte,* Kirchenlexikon II², 1948—1955. *W. Smith* and *S. Cheetham,* A Dictionary of Christian Antiquities I, London 1875, p. 291—292. Prof. Dr. *Sägmüller,* Die Tätigkeit und Stellung der Kardinale bis Papst Bonifaz VIII, 1896 (о ней *K. Wenck* въ «Theologische Literaturzeitung» 1897, Nr. 7) и въ «Theologische Quartalschrift» 1906, IV, 595—615. *Vacant* et *Mangenot,* Dictionnaire de théologie catholique II, col. 1717—1724. Проф. *Ульрихъ Штутцъ,* Церковное право въ перев. подъ ред. проф. Е в г. Н. Т е м н и к о в с к а г о, Ярославль 1905, стр. 256—259. См. и ниже статью «Курія римская»].

А. В. П—въ.

Каремъ—городъ, данный въ удѣлъ колѣну Іудину и находившійся на горахъ (І. Нав. **15**, 48. 59). Въ настоящее время на мѣстѣ древняго Карема расположено обширное, цвѣтущее селеніе *Айнъ-Каримъ,* отстоящее на два часа пути къ западу отъ Іерусалима. Въ Айнъ-Каримѣ построенъ францисканскій монастырь въ честь Іоанна Крестителя, почему и самое селеніе называется также селеніемъ св. Іоанна. По преданію, древній Каремъ былъ именно тотъ городъ въ удѣлѣ Іудиномъ на горахъ, или *градъ Іудинъ въ горнихъ,* въ которомъ Пресв. Дѣва Марія посѣтила Елизавету, мать Іоанна Предтечи, и въ которомъ послѣдній родился (Лк. **1**, 39—44).

См. *Keil* u. *Delitzsch,* Commentar II,1 (1863), S. 128; *Furrer,* Wanderungen durch heilige Land (Zürich ²1891), S. 246—247; *Guthe,* KBW., S. 356—357. [Словари *Vgouroux, Hastings, Cheyne*].

Прот. *Н. Елеонскій.*

Каринскій Мих. Ив.—философъ. Сынъ московскаго священника, родившійся 4 ноября 1840 г., М. И. Каринскій учился въ

московской Д. Семинаріи и потомъ въ московской же Дух. Академіи. По окончаніи курса въ послѣдней [въ составѣ XXIII-го курса: 1858—1862 гг.] четвертымъ магистромъ богословія, онъ былъ преподавателемъ сначала въ виѳанской, потомъ въ московской Дух. Семинаріяхъ, а съ 1869 по 1894 г. состоялъ профессоромъ философіи [съ 15 августа 1869 г. по метафизикѣ, съ 13-го мая 1874 г. по каѳедрѣ исторіи философіи] въ с.-петербургской Дух. Академіи. Въ 1880 г. за свое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Классификація выводовъ" онъ получилъ отъ Спб. университета степень доктора философіи. Другія сочиненія М. И. К—го: "Египетскіе іудеи" [въ „Христ. Чт." 18070 г., ч. II, въ № 7, стр. 121—163, и въ № 9, 398—461; это магистерская диссертація, объ условіяхъ происхожденія которой см. у † проф. П. И. Горскаго-Платонова, Голосъ стараго профессора по дѣлу профессора А. П. Лебедева съ покойнымъ профессоромъ о. протоіереемъ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ съ приложеніемъ статьи: „Изъ наблюденій стараго профессора", Москва 1900, стр. 12—13], „Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи" (Спб. 1873), „Къ вопросу о позитивизмѣ" („Прав. Обозр." 1875), „Подложные стихи въ сочиненіи іудейскаго философа Аристовула" („Журн. Мин. Нар. Просв." 1876), „Аполлоній Тіанскій" тамъ же 1877 г.), „Явленіе и дѣйствительность" („Прав. Обозр." 1878), „О связи философскихъ взглядовъ съ физико-астрономическими въ древнѣйшій періодъ греческой философіи" („Хр. Чтен." 1883 г.), „Учебники логики М. М. Троицкаго" („Журн. Мин. Нар. Пр." 1889 г.), „Безконечное Анаксимандра" (Спб. 1890), „Объ истинахъ самоочевидныхъ" (Спб. 1893) и „Разногласіе въ школахъ новаго эмпиризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ" („Журн. Мин. Нар. Пр." за 1900-ые годы)—еще не оконченное.

М. И. Каринскій въ Россіи, безспорно, принадлежитъ къ философскимъ мыслителямъ, какого въ настоящее время наша философія можетъ ставить въ рядъ съ западными работниками, оставившими крупный и неизгладимый слѣдъ въ своей области (имѣю въ виду главнымъ обр. его „Классификацію выводовъ" и „Самоочевидныя истины"). Какъ писатель, онъ принадлежитъ къ числу довольно трудныхъ (по языку); но его лекціи имѣли большой успѣхъ и въ литографированныхъ изданіяхъ пользовались вполнѣ заслуженно очень широкой извѣстностію и внѣ круга его учениковъ и слушателей;—по методу обра-

Заслуж. ординарный профессоръ, докторъ философіи

Михаилъ Ивановичъ Каринскій.

ботки своего матеріала онѣ напоминаютъ Куно Фишера. Жаль, что доселѣ онѣ не появились еще въ печати.

За работами М. И. К-го уже установилась прочная репутація необыкновенной добросовѣстности въ передачѣ и критикѣ чужихъ мыслей, глубины и проницательности анализа, осторожности и критичности въ выводахъ. Можетъ быть, благодаря послѣднему свойству ему и не удалось построить цѣльной философской системы; но за-то все, что онъ сдѣлалъ, носитъ печать полной самостоятельности, солидности и,—мнѣ бы хотѣлось сказать,—безспорности. Историческое положеніе философствованія М. И. К-го опредѣляется главнымъ образомъ его „Обзоромъ" нѣмецкой философіи,

гдѣ раскрываются по поводу разсматриваемыхъ доктринъ и его собственные взгляды по разнымъ принципіальнымъ вопросамъ — преимущественно—методологическаго свойства. Систематическое разрѣшеніе выяснившихся въ „Обзорѣ“ и отчасти въ послѣдующихъ статьяхъ задачъ предпринято М. И. К—имъ въ „Классификаціи“ и „Самоочевидныхъ истинахъ“. Въ общемъ философское ученіе М. И. К-го имѣетъ видъ хорошо задуманной, хотя и не законченной, себѣ самой вѣрной и по своей схемѣ простой и естественной системы.

Постановку задачъ для своей философіи М. И. Каринскій обосновываетъ на тщательномъ критическомъ анализѣ нѣмецкихъ философскихъ ученій, развившихся на почвѣ Кантовскаго критицизма. Этотъ анализъ захватываетъ, прежде всего, фихте-гегелевское направленіе философіи—въ системахъ Фихте, Шеллинга и Гегеля и въ школѣ Гегеля. Затѣмъ подвергаются разбору позднѣйшія оригинальныя попытки разрѣшить ту же задачу, какую взяло на себя фихтегегелевское направленіе:—философскія системы Тренделенбурга, Лотце, Гербарта, Дробиша, полукантіанцевъ, Шопенгауэра и Гартмана. Впослѣдствіи къ полученнымъ здѣсь выводамъ присоединилось столь же тщательное изученіе позитивизма и англійской философіи.

Въ сознаніи всѣхъ представителей нѣмецкой философіи XIX вѣка результаты Кантовой философіи представляютъ тотъ общій исходный пунктъ, съ котораго можно выслѣдить развитіе каждаго изъ позднѣйшихъ направленій философіи и уяснить его смыслъ и значеніе. Въ основныхъ результатахъ „Критики чистаго разума“ мы имѣемъ центръ, изъ котораго тотчасъ, какъ радіусы, начинаютъ расходиться въ различныя стороны разнообразныя направленія послѣдующаго періода философіи. Существенные результаты критической философіи,—именно мысль, что чистыя созерцанія (пространство и время) и чистыя понятія (категоріи и идеи) ни въ какомъ случаѣ не пріобрѣтаются путемъ того же пассивнаго усвоенія, какимъ пріобрѣтается содержаніе знанія, но составляютъ необходимую принадлежность познавательной способности,—эта мысль составляетъ общій исходный пунктъ всего дальнѣйшаго движенія; она представляетъ тотъ фундаментъ, на которомъ закладываются всѣ разнообразныя постройки всего дальнѣйшаго періода. Какимъ образомъ, не отрицая этихъ результатовъ критической философіи, можно было бы спасти права знанія, проникнуть въ сокровенную сущность вещей, какъ онѣ существуютъ сами въ себѣ? Въ этомъ состоитъ тотъ общій вопросъ, на разрѣшеніе котораго одинаково направлены усилія всѣхъ позднѣйшихъ системъ. Критическій разборъ всѣхъ этихъ системъ даетъ право М. И. Каринскому утверждать, что ни одно изъ міровоззрѣній, развившихся внутри этихъ направленій, не имѣетъ надлежащей прочности, не можетъ избѣгнуть сильныхъ возраженій. Результатъ этотъ представляется ему особенно важнымъ въ виду того, что, по его мнѣнію, существовавшими послѣ Канта философскими направленіями исчерпаны всѣ предположенія о возможности предметнаго знанія, которыя не разрушали бы сполна критической философіи, и едва ли теперь осталось мѣсто для новой, вполнѣ оригинальной философской системы, которая оставалась бы вѣрна основнымъ положеніямъ „Критики чистаго разума“. Отсюда онъ выводитъ, что на почвѣ критической философіи невозможно построить прочнаго міросозерцанія, которое не отрицало бы возможности предметнаго знанія. Если же такъ, то для философіи предстоитъ дилемма: или воротиться къ субъективизму „Критики“, отказавшись отъ всякихъ попытокъ перейти границы, очерченныя ею для знанія, или поставить въ вопросъ всѣ результаты „Критики“, признать необходимость иной, новой теоріи знанія. Такимъ образомъ, вопросомъ будущаго становится проблемма познанія, отъ новаго разрѣшенія которой и долженъ зависѣть вопросъ о философскомъ знаніи.

Теорія познанія, желающая достигнуть прочныхъ результатовъ, должна исходить изъ яснаго сознанія того основного недостатка Кантовской гносеологіи, отъ котораго зависитъ обнаружившаяся въ исторіи несостоятельность какъ ея самой, такъ и направленій, изъ нея развивавшихся. Основная ошибка критической философіи, по мнѣнію М. И. Каринскаго, состоитъ въ томъ, что она признала лежащія въ основѣ операцій мысли предположенія о бытіи,

которыя должны господствовать надъ мыслію, служить закономъ для всѣхъ мыслительныхъ отправленій. Какъ скоро признаны были нѣкоторыя положенія въ качествѣ необходимыхъ предположеній мысли,—основною задачею философіи, искавшей предметнаго знанія, естественно сдѣлалось проникнуть чрезъ эту преграду до бытія. И безспорно, необходимо было неимовѣрное напряженіе мысли, чтобы различными путями достигнуть этой цѣли. Самъ Кантъ долженъ былъ употребить гигантскія усилія, чтобы объяснить господство этихъ предположеній надъ самыми явленіями. Но, удивляясь изумительной находчивости мысли, старавшейся объяснить господство „законовъ мысли" то надъ міромъ явленій, то надъ міромъ реальнаго бытія, не менѣе нужно удивляться и тому, что вовсе не задались вопросомъ о дѣйствительной силѣ этихъ „законовъ мысли" *надъ самой мыслію*. Человѣкъ привыкаетъ говорить о необъяснимыхъ далѣе физическихъ законахъ тѣлъ, механическихъ законахъ движенія, химическихъ законахъ сродства и пр.; а потому для него нисколько не кажется страннымъ принять существованіе нѣкоторыхъ необъяснимыхъ далѣе законовъ мысли, не доказанныхъ (по ихъ сущности) предположеній о бытіи, которымъ безмолвно и безъ всякихъ разсужденій должно подчиняться мышленіе. А между тѣмъ это вовсе не такъ просто и понятно, какъ кажется съ перваго взгляда. Мысль есть вѣчное стремленіе къ свѣту, вѣчный позывъ понять темное и необъясненное, непрерывная критика всякихъ, принятыхъ безъ достаточнаго основанія, мнѣній, настойчивый запросъ о правахъ всякаго положенія на значеніе научной истины, дѣятельность, стремящаяся все сдѣлать для себя яснымъ до послѣднихъ основаній, насквозь прозрачнымъ. Сказать, что эта мысль *должна* невольно признавать нѣкоторыя необъяснимыя далѣе предположенія, *должна безусловно подчиняться имъ*,—это значитъ сказать, что она должна перестать быть мыслію, какъ скоро встрѣчается съ этими предположеніями.

Самъ М. И. Каринскій къ построенію своей теоріи познанія хочетъ приступить, исходя изъ слѣдующей чрезвычайно простой, естественной и безспорной мысли, раскрываемой въ предисловіи къ „Классификаціи", а также и къ „Самоочевиднымъ истинамъ". Познавательною формой является сужденіе, а формою убѣжденія въ истинѣ извѣстнаго сужденія является выводъ его изъ извѣстныхъ посылокъ. Слѣдовательно, задачею гносеологіи, имѣющей своимъ главнымъ предметомъ условія достовѣрности познанія, должно быть изученіе правильныхъ формъ вывода и тѣхъ послѣднихъ посылокъ всякаго знанія, которыя нужно признать „истинами самоочевидными", ни откуда не выводимыми, недоказуемыми и тѣмъ не менѣе достовѣрными. Первая часть этой задачи, казалось бы, намѣчается только ради методологической полноты и наглядности въ постановкѣ проблемы, а не потому, чтобы надъ нею надо было серьезно и много работать: —уже со времени, по меньшей мѣрѣ, Канта, а на самомъ дѣлѣ гораздо раньше, стало общимъ мѣстомъ положеніе, что формальная логика есть настолько прочно установленная и хорошо разработанная дисциплина, что здѣсь возможны только незначительныя и несущественныя дополненія и улучшенія. Можно было ожидать, что М. И. Каринскій, ограничившись только указаніемъ на значеніе теоріи выводовъ, перейдетъ прямо къ изслѣдованію о послѣднихъ посылкахъ знанія. Но, повидимому, не во вкусѣ этого самостоятельнаго и привыкшаго строить только на имъ самимъ заложенныхъ основаніяхъ мыслителя было — въ такомъ важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ созданіе теоріи знанія, признать что-либо уже окончательно сдѣланнымъ. Онъ берется за пересмотръ теоріи выводовъ, главнымъ вопросомъ которой, по его мнѣнію, является ихъ классификація, и приходитъ къ цѣннымъ и плодотворнымъ,—можетъ быть, впрочемъ, не столько для гносеологіи, сколько собственно для самой логики,—результатамъ. „Классификація выводовъ" является капитальнымъ трудомъ въ логической литературѣ, выдающимся по оригинальности замысла, по новизнѣ и простотѣ общей точки зрѣнія, по мастерству обработки и по солидности достигнутыхъ результатовъ. Такимъ образомъ, въ системѣ М. И. К-го трудъ его по логикѣ занимаетъ вполнѣ естественное мѣсто, будучи,—помимо своего общенаучнаго значенія, — органически свя-

занъ съ его дальнѣйшими, чисто гносеологическими изслѣдованіями.

Сужденій, которыя не нуждаются ни въ какомъ доказательствѣ, или такъ наз. аксіомъ, очень немного. Сужденій, которыя служатъ простымъ, точнымъ выраженіемъ наблюдаемыхъ фактовъ, правда, безчисленное множество; но они рѣдко входятъ въ системы наукъ въ качествѣ научныхъ положеній; по большей части они служатъ только посылками для вывода научныхъ истинъ. Почти все содержаніе знанія составляютъ истины выводныя, такъ что выводъ можно по справедливости назвать тою формой нашего убѣжденія въ истинѣ, которая всего чаще примѣняется въ наукѣ. Постоянно также пользуемся мы имъ и въ жизни. Отсюда понятно, почему логика съ самаго начала своего существованія всегда ставила своею существенною задачей обозрѣть разнообразныя формы выводовъ, которыми пользуется человѣкъ въ наукѣ и жизни. Успѣла ли она разрѣшить эту задачу? Даетъ ли она полную и правильную классификацію выводовъ? На этотъ вопросъ М. И. К-скій отвѣчаетъ отрицательно, что̀ и даетъ ему основаніе подвергнуть вопросъ пересмотру.

Наиболѣе острую противоположность въ ученіи о формулахъ выводовъ со времени Бэкона представляли, съ одной стороны, взгляды слишкомъ одностороннихъ приверженцевъ ученія объ индукціи, съ другой,— взгляды тѣхъ, которые нормальнымъ типомъ вывода признавали выводъ отъ общаго къ частному (силлогизмъ). Тѣ и другія системы логики, какъ считающія силлогизмъ за выводъ, такъ и отрицающія значеніе его какъ вывода, имѣютъ свои крупные и существенные недостатки. Главные изъ таковыхъ состоятъ въ томъ, что, съ одной стороны, противоположность дедуктивныхъ и индуктивныхъ выводовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ становится совершенно неуловимою (— это, напр., надо сказать о 3-ей фигурѣ силлогизма—), а съ другой,—нѣкоторые выводы только насильственно могутъ быть втиснуты въ традиціонныя формулы. Самъ М. И. К-скій въ основу своей классификаціи беретъ опредѣленіе вывода, какъ перенесеніе одного изъ основныхъ элементовъ сужденія на соотвѣтствующее мѣсто въ другомъ сужденіи. Основными элементами сужденія являются субъектъ и предикатъ. Отсюда два класса выводовъ: выводы, основывающіеся на сличеніи субъектовъ и состоящіе въ перенесеніи предиката съ одного субъекта на другой, и—выводы, основывающіеся на сличеніи предикатовъ и состоящіе въ перенесеніи субъектовъ. Подъ эту схему подходятъ всѣ такъ наз. дедуктивные и индуктивные выводы и по ней весьма естественно располагаются и такіе выводы, которые, какъ сказано, въ традиціонныя формулы могутъ втискиваться лишь насильственно. Намъ нѣтъ нужды входить въ детали этой оригинальной теоріи. Замѣтимъ только, что ничего подобнаго разсматриваемой работѣ М. И. К-го давно уже не создавалось и въ западной логической литературѣ. Книга его имѣетъ право оставаться въ исторіи логики памятникомъ произведеннаго переворота въ воззрѣніяхъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ этой науки.

Свое широко задуманное и доселѣ еще не оконченное гносеологическое изслѣдованіе (о самоочевидныхъ истинахъ) М. И. К-скій ставитъ въ связь съ потребностями той же теоріи доказательства, въ интересахъ которой предпринимался имъ и пересмотръ классификаціи выводовъ. Всякое доказательство какой угодно мысли, разсматриваемое съ логической точки зрѣнія, есть выводъ этой мысли изъ другихъ мыслей, принимаемыхъ за истинныя. Несомнѣнно, что мысли доказывающія, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, посылки сами могутъ требовать доказательства и выводиться изъ другихъ мыслей; эти другія мысли также въ свою очередь, если вызываютъ сомнѣніе, могутъ сдѣлаться предметомъ доказательства и т. п Однако этотъ процессъ доказательства посылокъ, очевидно, не можетъ идти въ безконечность, иначе не могло бы состояться доказательство ни одной истины, такъ какъ состоятельность его предполагаетъ, что твердо установлены всѣ посылки, изъ которыхъ эта истина выводится. Поэтому самая возможность доказывать истины неизбѣжно предполагаетъ существованіе истинъ, не нуждающихся въ доказательствѣ, достовѣрныхъ безъ доказательства. Рѣшить, въ чемъ заключается право ихъ на эту достовѣрность, и составляетъ одну изъ задачъ (собственно гносеологическую) теоріи доказательства.

Но въ вопросѣ о томъ, нужно ли признавать послѣдними посылками знанія, имѣю-

щими совершенно особое исключительное право на достовѣрность, самыя общія положенія, называемыя истинами самоочевидными и лежащія въ основаніи наукъ, каковы, напр., аксіомы математики, законъ причинности и др., мы встрѣчаемся съ двумя діаметрально противоположными рѣшеніями. Кантъ и новѣйшіе эмпирики—вотъ представители этихъ противоположныхъ направленій философской мысли. Понятно, что попыткѣ собственнаго рѣшенія вопроса М. И. Каринскій долженъ былъ предпослать тщательный критическій разборъ названныхъ ученій. Это онъ и дѣлаетъ въ „Самоочевидныхъ истинахъ" и въ печатающихся доселѣ статьяхъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.". Положительное рѣшеніе еще впереди, и надо надѣяться, что почтенный философъ успѣетъ повѣдать его міру.

Критическій разборъ Кантовой гносеологіи, которую М. И. Каринскій признаетъ не только недостаточно критичною, но и прямо догматическою какъ по постановкѣ своей задачи, такъ и по деталямъ ея разработки, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ вещей, какія когда-либо писались о Кантѣ. Въ русской философской литературѣ появленіе этой работы произвело шумъ и даже вызвало полемику [проф. Александра Ивановича Введенскаго въ „Вопр. фил. и псих." 1894 г., № 25, стр. 621—660: О Кантѣ и дѣйствительномъ и воображаемомъ; 1895 г., № 29, стр. 430—477: Ученіе Канта о смѣнѣ душевныхъ явленій, — обѣ статьи противъ „Истинъ самоочевидныхъ"; см. отвѣтныя статьи М. И. Каринскаго тамъ же 1895 г., № 26, стр. 20—46; № 27, стр. 242—273; № 28, стр. 314—360].

О Каринскомъ см. статьи въ «Прав. Об.» 1880 г., 6—7; *Э. Л. Радлова* въ «Рус. Об.» 1890, сент. [и въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1895 годъ ч. 297 (за февраль), стр. 406—429, ч. 302 (за декабрь), стр. 281—308: Ученая дѣятельность М. И. Каринскаго]; проф. *Алексѣя И. Введенскаго* въ «Вопр. фил. и псих.» 1891 г. [№ 9, стр. 104—108: рец. о «безконечномъ Анаксимандра» М. И. К-скаго; 1893 г., № 22, стр. 266 — 272: рец. «Объ истинахъ самоочевидныхъ», М. И. К-скаго]; проф. *В. С. Серебреникова* тамъ же 1894 г., май, № 23 [стр. 409 — 423: тутъ лишь отчетъ о книгѣ М. И. К-скаго, Объ истинахъ самоочевидныхъ. Ср. у † проф. *И. А. Чистовича*, С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 гг.), Спб. 1889, стр. 133—134]. *П. Тихомировъ.*

Каріаѳіаримъ („городъ лѣсовъ"), или, что то же, Киріаѳъ-Ваалъ, Киріаѳъ-Іаримъ (І. Нав. **15**, 60. **18**, 14), Киріаѳъ (І. Нав. **18**, 28), Ваалъ (І. Нав. **15**, 9), Ваалъ Іудинъ (2 Цар. **6**, 2),—одинъ изъ городовъ западной части Палестины. Во время завоеванія земли обѣтованной онъ находился въ союзѣ съ Гаваономъ (І. Нав. **9**, 17), а при ея раздѣленіи достался колѣну Іудину (І. Нав. **15**, 60), хотя иногда и причисляется къ Веніаминову (І. Нав. **18**, 28). Въ періодъ судей въ Каріаѳіаримѣ находился ковчегъ завѣта, по возвращеніи отъ филистимлянъ, пока не былъ перенесенъ Давидомъ въ Іерусалимъ (1 Цар. **6**, 21. **7**, 1—2. 2 Цар. **6**, 2—3. 1 Пар. **13**, 5—6. 2 Пар. **1**, 4). Изъ Каріаѳіарима происходилъ пророкъ Урія, современникъ пр. Іереміи, убитый Іоакимомъ за смѣлыя обличенія (Іер. **26**, 20 сл.). По возвращеніи іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна городъ былъ заселенъ (1 Езд. **2**, 25. Неем. **7**, 29) и во времена Евсевія и бл. Іеронима былъ извѣстенъ подъ своимъ библейскимъ названіемъ. По ихъ словамъ, онъ находился въ 9 или 10 римскихъ миляхъ разстоянія отъ Іерусалима на западъ къ Лиддѣ. Въ настоящее время древній Каріаѳіаримъ уже не существуетъ, но его полагаютъ въ селеніи Каріаѳъ-ель-Енабъ, лежащемъ къ сѣверо-западу отъ Іерусалима. Въ XII в. въ Каріаѳіаримѣ была построена крестоносцами церковь, превращенная съ XVI в. въ конюшню.

Свящ. *А. Петровскій.*

Каріонъ, преподобный инокъ египетскій неизвѣстнаго времени [начала IV-го вѣка?]. Оставивъ жену и двухъ дѣтей, онъ ушелъ въ скитъ и принялъ постриженіе. Во время голода въ Египтѣ жена его съ сыномъ Захаріею и дочерью пришла къ нему въ скитъ и черезъ рѣку вела съ нимъ слѣдующій разговоръ.—„Вотъ ты монахъ, а теперь голодъ въ Египтѣ; кто же будетъ кормить дѣтей твоихъ?"—„Пришли ихъ мнѣ". Жена переправила къ нему Захарію.—„Ты возьми себѣ дочь, а я возьму сына", закончилъ свой разговоръ преподобный. Каріонъ воспитывалъ Захарію въ монастырѣ, и вся братія знала, что мальчикъ — сынъ Каріона. Впрочемъ, позже монахи возроптали по поводу пребыванія въ скитѣ За-

харія. Тогда Каріонъ сказалъ сыну: „Уйди отсюда: видишь, отцы ропщутъ". Сынъ на это замѣтилъ: „всѣ знаютъ, что я — твой сынъ". Итакъ, отецъ съ сыномъ отправились въ Ѳиваиду и тамъ остановились ненадолго въ одной келліи. Когда и здѣсь начался ропотъ, они снова вернулись въ скитъ. Однако ропотъ не унимался. Тогда Захарія погрузился въ озеро до ноздрей и вышелъ изъ воды настолько больнымъ, что его едва узналъ и отецъ. Во время пріобщенія св. Таинъ Захарія открылся св. пресвитеру Исидору, который произнесъ: „чадо, въ прошлую недѣлю ты причащался, какъ человѣкъ, нынѣ же приступаешь ко св. Таинству, какъ ангелъ". Передъ своею кончиной Каріонъ сказалъ братіи: хотя я и перенесъ плотскихъ трудовъ болѣе, нежели Захарія, однако я не дошелъ въ мѣру моего сына, — ради его смиренія и молчанія. Послѣ кончины Каріона старецъ Моисей засвидѣтельствовалъ, что сошелъ Духъ Святой на Захарію. Послѣдній, наступивъ на свой куколь, произнесъ: если человѣкъ не сотрется такимъ образомъ, то не можетъ быть монахомъ. Передъ кончиною Захаріи Моисей спросилъ его: „что ты видишь?" Захарія въ свою очередь спросилъ его: „не лучше ли молчать, отче?" И старецъ согласился, что лучше молчать. При кончинѣ Захарія авва Исидоръ замѣтилъ ему: „веселися, чадо мое Захаріе, ибо тебѣ открылись врата царства небеснаго". Захарія былъ положенъ отцами въ скитѣ. *Память Каріона и Захаріи 5 декабря.*

См. Макар. Ч. Минея; прологъ. [Prof. *F. Nau*, Carion et Zacharie, moines de Scété (commencement du IV-e, siècle) въ „Revue de l'Orient chrétien" 1905 2, p. 209—212].

Хр. Лопаревъ.

Каріонъ *(Истоминъ)*, іеромонахъ Чудова монастыря, скончался не ранѣе сентября 1717 г. Онъ родился, приблизительно, въ концѣ четвертаго десятилѣтія XVII вѣка въ городѣ Курскѣ отъ незнатныхъ родителей. На основаніи того, что мать Каріона Евдокія и другіе члены фамиліи Истоминыхъ (Ипполитъ, Ѳеофанъ) ушли въ монастырь, можно заключить, что Каріонъ подросталъ въ религіозной семьѣ. Свое образованіе онъ довершилъ въ Москвѣ, — по всей вѣроятности,—сначала въ Спасской и Патріаршей школахъ, а потомъ гораздо позднѣе,—съ пріѣздомъ братьевъ Лихудовъ въ 1686 г.,—въ Славяно-греко-латинской Академіи. Довольно рано онъ принялъ монашество (когда и гдѣ,—точно неизвѣстно) и въ первое время нуждался въ стороннихъ увѣщаніяхъ не оставлять принятаго имъ на себя ангельскаго званія [1]). Съ 1679 г. началась служба Каріона на книжномъ печатномъ дворѣ сначала въ низшей должности книжнаго писца и чтеца, съ которою онъ соединялъ должность учителя греческаго языка въ типографской школѣ [2]). 4-го марта 1682 г. указомъ государя Каріонъ былъ назначенъ справщикомъ печатнаго двора; въ это время онъ имѣлъ санъ іеродіакона, и годовой окладъ его жалованья равнялся 40 руб. Выступивъ на литературное поприще, Каріонъ обратилъ на себя вниманіе патріарха (Іоакима), который сталъ давать ему разныя порученія (преимущественно по письменной части) и увеличилъ окладъ его жалованья къ 1684 г. до 60 руб. Особое довѣріе патріарха къ Каріону выразилось въ томъ, что послѣдняго вмѣстѣ съ игуменомъ Игнатіемъ Іоакимъ 31 декабря 1684 г. послалъ вести слѣдствіе надъ смоленскимъ владыкою Симеономъ. Въ 1689 г.,—приблизительно за годъ до своей смерти,—Іоакимъ успѣлъ сдѣлать своего секретаря іеромонахомъ. Но въ томъ же году Каріона постигло серьезное испытаніе: по подозрѣнію въ соучастіи съ Ѳеодоромъ Шакловитымъ и Сильвестромъ Мед-

[1]) Такой именно характеръ увѣщанія носитъ посланіе къ нашему Каріону Каменевича-Рвовскаго, о которомъ см. *А. А. Титова*, Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву, вып. II, (Москва 1892), стр. 239 (№ 451, л. 171) и которое напечатано тамъ же въ приложен. на стр. 40—52 подъ интереснымъ заглавіемъ: „Книга, глаголемая Божій градъ..., отъ смиреннаго іеродіакона Тимофея московскаго къ *падшему* брату нашему, іеродіакону же, Каріону... въ лѣто 7189, марта 18".

[2]) Такъ полагаетъ *С. Н. Брайловскій* (Одинъ изъ пёстрыхъ XVII ст., стр. 64), но его рецензентъ *С. Ѳ. Долговъ* несогласенъ съ нимъ („Отчетъ о 37-омъ присужденіи наградъ гр. Уварова", Спб. 1897, въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію", т. II, № 1, стр. 240—241).

вѣдевымъ, который приходился ему родственникомъ, онъ временно (съ 11 декабря 1689 г. по іюль 1690 г.) былъ удаленъ съ печатнаго двора. По смерти Іоакима († 17 марта 1690 г.), Каріонъ сумѣлъ еще болѣе приблизиться къ новому патріарху (съ 24 августа 1690 г.), Адріану, который долженъ былъ хорошо знать Каріона, какъ бывшій настоятель Чудова монастыря. На основаніи сохранившихся въ черновыхъ бумагахъ Каріона списковъ съ грамотъ и писемъ, писанныхъ имъ отъ лица патр. Адріана, и на основаніи помѣщенныхъ тамъ же копій съ писемъ къ Адріану царя Петра и другихъ, мы, не рискуя ошибиться, можемъ судить, что Каріонъ и при новомъ патріархѣ игралъ роль секретаря или дѣлопроизводителя. Конечно, Каріонъ старался поддержать и усилить расположеніе къ себѣ патріарха и каждый праздникъ писалъ ему прозаическое или стихотворное поздравленіе. Характерно, что патріархъ поручилъ Каріону написать для него духовное завѣщаніе (Сборн. Чуд. мон. № 99/301, л. 294—300). При такой своей близости къ патріарху, Каріонъ Истоминъ имѣлъ обширное знакомство въ духовномъ мірѣ и пріобрѣлъ дружбу многихъ іерарховъ, которые цѣнили его почтительность, сердечность, обиліе и разнообразіе знаній. Онъ былъ, напр., въ дружественныхъ отношеніяхъ съ митрополитомъ казанскимъ и свіяжскимъ Маркелломъ, съ митроп. кіевскимъ Варлаамомъ и съ ростовскимъ св. Димитріемъ. Послѣдній, при писаніи Четьихъ-Миней возымѣвъ нужду въ какой-то справкѣ, пишетъ монаху Θеологу: „А о чемъ совѣта прошу, о томъ подумай съ благоразумными, якоже съ пречестнѣйшимъ господиномъ Каріономъ и съ господиномъ Θеодоромъ Поликарповымъ, имъ же низко челомъ (бью)“ (Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, Москва 1849, стр. 49—50). А вотъ отрывокъ изъ стихотворнаго письма Каріона къ св. Димитрію, свидѣтельствующій о самыхъ дружественныхъ между ними отношеніяхъ: „Не видѣхомся давно уже право. Живи много лѣтъ во Господѣ здраво... Въ любви кланяемся“ (Сборн. Чуд. мон. № 100/302, л. 244). Пользуясь благоволеніемъ патріарха и пріобрѣтая обширныя знакомства въ духовномъ мірѣ, честолюбивый и даровитый монахъ упорно въ то же время старался снискать себѣ расположеніе у всѣхъ членовъ многочисленнаго царскаго семейства и писалъ каждому „по потребѣ ихъ“ (на дни рожденія, тезоименитства, вѣнчанія, погребенія и пр.); можно даже думать, что онъ особенно добивался чести быть учителемъ царевича Алексѣя Петровича (см. у С. Н. Брайловскаго, Одинъ изъ пёстрыхъ XVII столѣтія, стр. 72 — 76). Подношеніемъ сочиненій, писаніемъ надгробныхъ эпитафій (или,—по выраженію самого Каріона,—стиховъ „на гробъ“) и оказаніемъ другихъ услугъ Каріонъ пріобрѣлъ обширныя знакомства въ средѣ разнаго рода служилыхъ людей. При такихъ связяхъ, знанія и разносторонняя дѣятельность Каріона должны были встрѣтить справедливую оцѣнку и награду [1]). 4 марта 1698 г. патріархъ назначилъ Каріона Истомина начальникомъ печатнаго двора съ годовымъ вознагражденіемъ въ 100 р., кромѣ особыхъ доходовъ, напр., за услуги патріарху (см. хотя бы расходн. книги печатн. двора, хранящ. въ библ. Синод. типогр. за 207 г., № 99, л. 2). Эту многотрудную должность [2]) Каріонъ исполнялъ недолго: лишившись въ 1700 г. своего покровителя-патріарха, онъ долженъ былъ 15 ноября 1701 г., по указу царя Петра Алексѣевича, уступить мѣсто начальника типографіи Θеодору Поликарпову. Петръ I видимо не благоволилъ, да и не могъ съ довѣріемъ относиться къ монаху, который былъ родственникомъ Сильвестра Медвѣдева, панегиристомъ царевны Софьи (Брайловскій, стр. 68) и довѣреннымъ лицомъ послѣдняго всероссійскаго патріарха, при томъ же, какъ кажется, раздѣлявшимъ

---

1) *С. Н. Брайловскій* въ своемъ сочиненіи (Одинъ изъ пёстрыхъ XVII столѣтія, стр. 89) утверждаетъ, что Каріонъ Истоминъ 17 января 1697 г. былъ избранъ архимандритомъ Симонова монастыря, признавая Каріона Истомина за одно лицо съ Каріономъ Заблонскимъ. Но о необходимости отличать Каріона Истомина отъ другихъ одноименныхъ ему монаховъ, жившихъ въ то же время, см. ниже статьи: „Каріонъ Заблонскій, архимандритъ Симонова монастыря“ и „Каріонъ, архимандритъ калужскаго Лаврентіева монастыря“.

2) О книгахъ, напечатанныхъ во время службы Каріона Истомина на печатномъ дворѣ, см. *Брайловскій*, стр. 39—59.

его взгляды объ отношеніи къ иностранцамъ [1]). Каріонъ Истоминъ продолжалъ оставаться въ тѣни до 1712 г., когда онъ по просьбѣ митрополита Іова былъ посланъ въ Новгородъ въ помощь братьямъ Лихудамъ, обучавшимъ новгородское юношество и занимавшимся переводомъ книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ на русскій. О дѣятельности Каріона въ Новгородѣ достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ. Въ сентябрѣ 1717 г. мы застаемъ его въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ имъ въ это время было еще написано слово объ иконахъ Оковецкихъ (Строевъ, Библіологическій словарь, изданный Бычковымъ, Спб. 1882, стр. 164).

Теперь обратимся къ сочиненіямъ Каріона [2]). До нась дошли (на л. 308—343 (353) [3]) Сборн. Чуд. мон. № 99/301) отрывки катихизиса Каріона, изложенные, впрочемъ, не въ формѣ вопросо-отвѣтной и представляющіе собою смѣсь стиховъ и прозы: Въ первомъ отдѣлѣ излагается ученіе о Богѣ и Св. Троицѣ (при чемъ Каріонъ прибѣгаетъ къ сравненію съ солнцемъ, въ которомъ три „лица“: кругъ, лучъ и свѣтъ) и ученіе о каждомъ лицѣ Св. Троицы отдѣльно. Во второмъ отдѣлѣ излагаются 10 заповѣдей Моисея и противополагается ученіе Христа закону ветхозавѣтному. Въ третьемъ отдѣлѣ говорится о семи таинствахъ, въ четвертомъ—о семи основныхъ грѣхахъ и въ пятомъ—о 14 добродѣтеляхъ (семи духовныхъ и семи тѣлесныхъ) [4]). Катихизисъ предназначался, повидимому, для школьнаго употребленія (Брайловскій, стр. 232) и, какъ школьное руководство, имѣлъ своими достоинствами краткость и ясность. Изъ богословскихъ сочиненій Каріона упомянемъ „Имя новое“ (т. е. имя Іисуса Христа), написанное въ 1687 г. и посвященное патріарху Іоакиму (рук. Синод. библ. № 265, по ст. кат. № 471), сочиненіе, направленное противъ кальвинистовъ и лютеранъ, отрицающихъ архіерейство (Сборн. Чуд. мон. № 99/301, л. 92—101), и неоконченную пасхалію (ibid. л. 106—116). Проповѣди Каріона дошли до насъ въ сборникѣ, который озаглавленъ авторомъ именемъ „Веселіилъ“ (Сборн. Чуд. мон. № 98/300, л. 1—147), и частію отдѣльно отъ „Веселіила“ (№ 98/300, л. 170—256, 513—532; № 99/301, л. 70—91, 265—271; № 100/302, л. 142, 236). Слова большею частію написаны на тексты Свящ. Писанія; нѣкоторыя пріурочены къ праздникамъ; излагаются вообще въ нихъ обязанности христіанина. Кромѣ книгъ библейскихъ, Каріонъ Истоминъ въ подтвержденіе своихъ мыслей приводитъ свидѣтельства изъ отцовъ церкви (что̀ показываетъ его „ученость“); но кромѣ того онъ прибѣгаетъ изрѣдка къ разнымъ „исторіямъ“ и баснословнымъ разсказамъ (напр., о карѳагенскомъ жителѣ Псафонѣ). Хотя Каріонъ Истоминъ слѣдовалъ теоріи и образцамъ западно-русскихъ схоластиковъ, но не чуждался и современной ему дѣйствительности: обличалъ непочитаніе церковныхъ учителей и родителей, пьянство, безвѣріе и др. пороки, съ грустію отмѣчалъ пьянство священниковъ и совѣтовалъ

[1]) Въ одной изъ проповѣдей Каріонъ убѣждаетъ не читать книгъ „еретическихъ“—люторскихъ, кальвинскихъ и римскихъ (Сборн. Чуд. мон. № 99/301, л. 2-9) и не водить знакомства съ „проклятыми еретиками по Кокуемъ“ (№ 98/300, об. л. 76): а въ Кукуѣ, нѣмецкой слободѣ, по свидѣтельству Гордона, часто пировалъ Петръ I (*Браилов.*, стр. 249, прим. 2).

[2]) Полный перечень сочиненій Каріона въ хронологическомъ порядкѣ см. у *Брайловскаго*, стр. XXXI—XXXVII [но въ б—кѣ Чудова монастыря имѣются еще неизвѣстныя въ библіографіи сочиненія Каріона Истомина].

[3]) Цифра, заключенная въ скобахъ, показываетъ неправильный (вслѣдствіе недосмотра) счетъ листовъ въ самой рукописи.

[4]) Въ послѣднихъ двухъ отдѣлахъ, а также въ рѣшеніи вопроса о времени пресуществленія Св. Даровъ (въ третьемъ отдѣлѣ) сказывается католическое вліяніе. Это мѣсто изъ Каріонова катихизиса о пресуществленіи приведено у *Брайловскаго*, стр. 223; оно почти буквально заимствовано изъ „Хлѣба Животнаго“ Сильвестра Медвѣдева (см. ibid., стр. 226). Вообще, сходство между отрывками катихизиса Каріона и „Хлѣбомъ Животнымъ“ Сильвестра Медвѣдева настолько близко, что можетъ возникнуть вопросъ, не являются ли отрывки катихизиса Каріона просто выписками изъ тетрадей Сильвестра Медвѣдева, уничтоженныхъ послѣ его осужденія? (Рецензія на сочиненіе С. Брайловскаго у *С. Долгова* въ „Отчетѣ о 37-омъ присужденіи наградъ гр. Уварова“, Спб. 1897, въ „Запискахъ Импер. Ак. Н. по Ист.-фил. Отдѣл.“, т. II, № 1, стр. 249).

имъ заняться учительствомъ. Нужно замѣтить, что нѣкоторыя проповѣди Каріона Истомина, какъ видно изъ приписокъ къ нимъ, произносились въ присутствіи великихъ государей и даже самимъ патріархомъ; понятно, что Каріонъ Истоминъ использовалъ нѣкоторыя темы, такъ сказать, историко-общественнаго характера и написалъ слова по поводу перваго и второго крымскихъ походовъ, по поводу усмиренія стрѣлецкаго бунта 1698 г. и по поводу заключеннаго въ 1700 г. съ турками перемирія. Каріонъ написалъ еще сочиненіе противъ раскольниковъ, которое можно также считать проповѣдью и которое содержитъ нѣсколько интересныхъ историческихъ подробностей (Брайловскій, стр. 245—247). Остается сказать о другихъ трудахъ Каріона. Ему, по всей вѣроятности (Брайловскій, стр. 318—323), принадлежатъ записки о стрѣлецкомъ бунтѣ, редактированныя, впрочемъ, Сильвестромъ Медвѣдевымъ, озаглавленныя авторомъ „Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся, во гражданствѣ“. „Созерцаніе“ считается драгоцѣннымъ источникомъ для исторіи царствованія Петра I (издано г. Прозоровскимъ въ 1894 г.); Каріону же Истомину приписывается и „Лѣтописецъ великія земли Россійскія... изъ древнихъ ветхихъ и продолженный до 1705 г.“ (Изъ этого лѣтописца на страницахъ „Памятниковъ Древней Письмен.“ т. VII за 1881 г. † архимандритомъ Леонидомъ Кавелинымъ напечатанъ „Чинъ поставленія на царство царя и великаго князя Алексѣя Михайловича“). Въ виду того, что по большей части сочиненія Каріона Истомина оставались рукописными и имѣли ограниченный кругъ читателей, не лишне указать на принадлежащую ему „Службу и житіе св. Іоанна Воина“, выдержавшую 6 изданій (первое—1695 г., послѣднее—Москва 1762). Много произведеній Каріона Истомина написано силлабическими стихами. Таковы: 1) Отрывки изъ наставленія дѣтямъ, какъ держать себя (Сборн. Чуд. мон. № 100/302, л. 49), названные однимъ изслѣдователемъ „Домостроемъ XVII в.“ (см. у Брайловскаго, стр. 261 sgg.); книга Едемъ (№ 98/300, л. 279—обор. л. 283), заключающая въ себѣ краткую евангельскую исторію съ добавленіемъ апокрифическаго характера и имѣющая цѣлію дать объясненіе къ иконамъ; 3) книга Вразумленіе (№ 99/301, л. 172—об. л. 178), поднесенная царю Петру Алексѣевичу въ 1683 г. и содержащая разныя наставленія; 4) книга Стамна духоносная (№ 100/302, л. 77), состоящая изъ отдѣльныхъ стихотвореній въ честь святыхъ; 5) акаѳисты, молебны и моленія нѣкоторымъ святымъ, стихи на праздники, стихи о чудотворцахъ, мученикахъ и мученицахъ, надписи на различныхъ религіозныхъ предметахъ, поздравительныя и похвальныя стихотворенія, обращенныя къ разнымъ лицамъ изъ царской фамиліи, стихи „на гробъ“ и другого содержанія стихотворенія. Изъ педагогическихъ трудовъ Каріономъ Истоминымъ написаны: 1) рукописный Малый букварь 1692—1693 [1]) г. съ рисунками; 2) печатный Малый букварь, изданный дважды въ теченіе одного 1694 г. [2]), имѣющій нѣкоторыя, иногда довольно значительныя, отличія отъ предыдущаго; 3) Большой букварь, изданный въ Москвѣ въ 1696 г. и 4) Полисъ сіесть градъ царства небеснаго (Сборн. Чуд. мон. № 100/302, л. 17—25 и об. л. 26) [3]).

---

[1]) Собственно букварь написанъ въ 1692 г.; но подлинникъ не сохранился, а дошла копія 1693 г. (Хранится въ Библ. Моск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, № 248/249).

[2]) Одно изъ этихъ изданій 1694 г. воспроизведено въ концѣ прошлаго вѣка подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Д. Ровинскій.* Букварь, изготовленный монахомъ Каріономъ Истоминымъ, для обученія царевича Алексѣя Петровича, въ 1692 г. Гравированъ Леонтіемъ Бунинымъ. Спб., 1891. Ц. 10 р. [Но есть изданіе 1692 года: 40 листовъ Букваря и 3 листа предисловія, гравировалъ *Леонтій Бунинъ* въ Москвѣ въ 1692 году съ своихъ рисунковъ. Большая рѣдкость!].

[3]) *С. Брайловскій* еще приписываетъ Каріону Истомину „Малую грамматику“ (въ Импер. Эрмит. № 89), снабженную авторскою подписью „іеромонахъ Каріонъ Заулонскій“ (или Заболонскій; послѣднее слово написано неразборчиво), — считая, что Каріонъ Истоминъ и Каріонъ Заулонскій одно лицо (Одинъ изъ пёстрыхъ XVII стол., стр. 4, 300 и др.). *С. Долговъ* же, различая этихъ двухъ Каріоновъ (Отчетъ о 37-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 236 — 237), конечно, сомнѣвается въ принадлежности Малой грамматики Каріону Истомину (ibid., стр. 253).

Кромѣ оригинальныхъ произведеній, Каріону принадлежитъ довольно свободный переводъ книги Юлія Фронтина Strategematicon— О случаяхъ военныхъ (Библ. Моск. Гл. Арх. М. И. Д., № 257/462) [1]).

Личность Каріона Истомина замѣчательна въ томъ отношеніи, что онъ былъ однимъ изъ даровитыхъ людей своего времени, подготовившихъ эпоху преобразованій Петра I своимъ стремленіемъ и заботами о просвѣщеніи. Пусть въ виршахъ Каріона мы не видимъ поэтическаго таланта:—онъ шелъ по стопамъ Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева, рѣшивъ сдѣлаться придворнымъ стихотворцемъ. Нельзя назвать его вполнѣ самостоятельнымъ и оригинальнымъ и въ области проповѣднической, хотя здѣсь выгодно отличаетъ его отъ ближайшихъ предшественниковъ простота плана. Для насъ важно то, что онъ не затворился въ своей кельѣ отъ жизни, ратовалъ за просвѣщеніе и настаивалъ на необходимости ввести въ Россіи свободную и совершенную науку (Сборн. Чуд. мон. № 99/301, обор. л. 12). Каріонъ Истоминъ не ограничился одними пожеланіями, но и своимъ трудомъ послужилъ дѣлу просвѣщенія, сколько могъ, издавъ буквари и сдѣлавъ попытку изложенія правилъ орѳографіи въ Малой грамматикѣ, если только она ему принадлежитъ. Характерно для букварей Каріона Истомина то, что въ нихъ есть нѣкоторое осуществленіе принципа наглядности съ цѣлію облегчить усвоеніе грамоты учащемуся юношеству и что они одинаково предназначены для мальчиковъ и для дѣвочекъ. Каріонъ Истоминъ видимо признавалъ необходимость болѣе гуманныхъ воспитательныхъ пріемовъ, чѣмъ тѣ, которые употреблялись въ его время: для родителей, не желающихъ „давать ранъ“ своимъ дѣтямъ, онъ рекомендовалъ въ качествѣ воспитательнаго средства вмѣсто „удареній“—поклоны. Но при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ просвѣщенію и прогрессу, Каріонъ Истоминъ крѣпко держался за традиціи православной церкви. Въ его сочиненіяхъ нравственно-религіозный элементъ все-таки преобладаетъ надъ общественно-практическимъ, который онъ старался примирить и совмѣстить съ первымъ. Въ Полисѣ Каріонъ Истоминъ пытался охватить всю современную ему науку, какъ духовную, такъ и свѣтскую. Конечно, ученость его была далеко не глубокая и характеръ имѣла чисто компилятивный, а по разнообразію темъ, на которыя писалъ Каріонъ, его можно назвать энциклопедистомъ своего времени. Какъ въ представителѣ переходной эпохи, въ немъ нѣтъ рѣзко обозначенныхъ чертъ: не былъ онъ бойцомъ и виднымъ вожакомъ какой-либо партіи. Мы видѣли, что нѣкоторое вліяніе имѣлъ на него Сильвестръ Медвѣдевъ; но, съ другой стороны, онъ учился и у братьевъ Лихудовъ. Такъ какъ Каріонъ не принадлежалъ ни къ партіи „западниковъ“, ни къ партіи „восточниковъ“, то это дало поводъ г. Брайловскому отнести его къ числу „пёстрыхъ“. Навсегда останется памятною удивительная любовь къ просвѣщенію этого „пёстраго“ чудовскаго іеромонаха, личнаго секретаря послѣднихъ двухъ всероссійскихъ патріарховъ, труженика печатнаго дѣла, педагога и писателя Каріона Истомина.

Литература. *С. Н. Брайловскій,* Одинъ изъ пёстрыхъ XVII-го столѣтія; въ двухъ частяхъ съ приложеніями (къ первой части приложено на стр. 115—213 описаніе сборниковъ Чудовской библіотеки №№ 98/300, 99/301, 100/302 и 89/291, — заключающихъ въ себѣ произведенія Каріона Истомина). Послѣ выхода въ свѣтъ этого труда (Спб. 1902 и въ „Запискахъ Импер. Ак. Н. по ист.-филол. отд.“ т. V, № 5), утратили для біографіи Каріона свое значеніе, но сохранили его отчасти для характеристики нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній Каріона Истомина очерки *того же автора:* Каріонъ Истоминъ, его жизнь и сочиненія (въ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, Москва 1889 г., апрѣль, стр. 346—374; май, 439—464; іюнь, 538—592); дополненія къ этимъ очеркамъ въ „Прибавл. къ тв. св. отцовъ“ 1889 г., IV, стр. 596; въ „Рус. Фил. Вѣстн.“ 1890 г., I, стр. 603, и въ „Журн. М. Н. Пр.“ 1891 г., № 8, стр. 434—7. *П. Пекарскій,* Наука и литература при Петрѣ Великомъ I—II, Спб. 1862 г. Митроп. *Евгеній,* Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійской

[1]) Въ Сборн. Чуд. мон. № 291, л. 41—42 помѣщенъ еще взятый Каріономъ Истоминымъ съ бѣлорусской рукописи и исправленный имъ переводъ сочиненія блаж. Августина „о видѣніи Бога“; но въ сочиненіяхъ блаж. Августина нѣтъ соотвѣтствующаго переведенному Каріономъ Истоминымъ.

церкви (изд. 2-е, Спб. 1827, т. I, стр. 318—320), и друг. (см. у *Брайловскаго*, Одинъ изъ пёстрыхъ, стр. VII—XXX, и въ „Чтеніяхъ О. Л. Д. Пр.“ за апрѣль 1889 г., стр. 347—357).

А. В. Поповъ.

Каріонъ (*Заблонскій* или, по „Спискамъ іерарховъ“ Строева, *Зауханскій*), архимандритъ Симонова монастыря, скончался 28 октября 1703 г. О немъ есть замѣтка Каріона Истомина въ Сборн. Чуд. монаст. № 300, л. 461: „И въ Симоновъ поставили (—17 января 1697 г., какъ нужно думать по связи рѣчи, такъ какъ выше говорится о поставленіи другихъ лицъ, имѣвшемъ мѣсто именно въ указанное число—) архіереи же Каріона Заблонскаго во архимандриты“. С. Н. Брайловскій (Одинъ изъ пёстрыхъ XVII-го столѣтія, Спб. 1902, стр. 4) отожествляетъ Каріона Заблонскаго съ Каріономъ Истоминымъ, приписывая послѣднему „Малую грамматику“ (въ Импер. Эрмит. № 89), которая имѣетъ подпись автора: іеромонахъ Каріонъ „Заулонскій или Заболонскій“ (такъ читаетъ г. Брайловскій) или „Зауменскій“ (по чтенію г. Пекарскаго). Но авторомъ Малой грамматики, писанной около 1696 г. (см. Брайловскій ibid., стр. 302, прим. 2), могъ быть іеромонахъ Каріонъ Заблонскій, какъ лицо отдѣльное отъ Каріона Истомина (ср. С. О. Долговъ, въ рецензіи на сочиненіе С. Брайловскаго въ „Отчетѣ о 37-мъ присужденіи нагр. гр. Уварова“, стр. 253), сдѣлавшійся архимандритомъ только въ 1697 г., человѣкъ, получившій, по нашему мнѣнію, солидное образованіе, такъ какъ скорѣе къ нему мы склонны отнести тѣ біографическія данныя, которыя И. А. Шляпкинъ относитъ къ Каріону Истомину въ „Дополнительныхъ данныхъ къ біографіи Каріона Истомина“ (въ приложеніи къ его сочин. „Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709)“, Спб. 1891, стр. 76—80). Уже С. Н. Брайловскій указалъ на эту ошибку (въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1891 г., № 8—августъ,—стр. 434—437 и Одинъ изъ пёстрыхъ XVII-го столѣтія, стр. XXIX), сказавъ, что И. А. Шляпкинъ смѣшиваетъ двухъ Каріоновъ и что его „данныя“ отчасти относятся къ біографіи другого Каріона (не Истомина).

Вотъ сообщаемыя г. Шляпкинымъ свѣдѣнія, относящіяся къ біографіи другого Каріона (не Истомина) [1]). Сынъ діакона въ монастырѣ Покрова Пресв. Богородицы Добринѣ, родившійся въ концѣ 50-хъ годовъ XVII в., Каріонъ (не Истоминъ) лишился отца въ раннемъ возрастѣ (ок. 1660 г.) и, достигнувъ лѣтъ 20-ти, принялъ монашество въ томъ же монастырѣ Добринѣ. Въ 1681 г. онъ по указу патріарха былъ посланъ въ Кіевъ для изученія философскихъ наукъ. Въ Кіевѣ въ Братскомъ монастырѣ онъ былъ поставленъ въ іеромонахи архіепископомъ черниговскимъ Лазаремъ Барановичемъ. Въ 1690 г., изучивъ философію, онъ явился въ Москву; здѣсь онъ представлялся и говорилъ орацію великимъ государямъ и получилъ отъ нихъ подарокъ. И только. Куда же могъ дѣваться Каріонъ-„философъ“, сдѣлавшійся извѣстнымъ при дворѣ? Не онъ ли, послѣ 7-лѣтняго пребыванія—искуса въ Чудовомъ монастырѣ, обративъ на себя вниманіе властей предназначенной имъ для царевича Малой грамматикой, поставленъ былъ 17 января 1697 г. архимандритомъ Симонова монастыря.

Какъ бы то ни было, но Каріонъ Истоминъ не могъ быть архимандритомъ Симонова монастыря. Важно то обстоятельство, что самъ Каріонъ Истоминъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ (писанныхъ послѣ 17 января 1697 г.), а равно и патріаршій указъ отъ 4 марта 1698 (см. у Брайловскаго, Одинъ изъ пёстрыхъ XVII столѣтія, стр. 37) и царскій указъ отъ 15 ноября 1701 г. (ibid., стр. 38) именуютъ его іеромонахомъ. Каріонъ Истоминъ никогда не забываетъ проставить свою фамилію (что, какъ извѣстно, для монаха не обязательно), очевидно,—для отличія отъ другого или другихъ Каріоновъ. И если указанныя біографическія свѣдѣнія не могутъ быть отнесены къ личности архимандрита Симонова монастыря Каріона Заблонскаго, то во всякомъ случаѣ послѣдній отдѣльное лицо отъ іеромонаха Каріона Истомина, служившаго на печатномъ дворѣ. Архиман-

[1]) См. также «Годичный актъ въ московской Духовной Академіи 1-го октября 1889 г.», Москва 1889, стр. 13, прим. 10, гдѣ приведена «сказка» того Каріона, который учился въ Кіевѣ философіи.

дритъ Симонова монастыря Каріонъ показанъ въ „Спискахъ іерарховъ“ Строева умершимъ 28 октября 1703 г., что совпадаетъ съ надписью въ притворѣ соборнаго храма Симонова монастыря (см. рецензію С. Долгова въ Отчетѣ о 37-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1897, въ „Записк. Импер. Акад. Наукъ по ист.-филол. отдѣл.“ т. II, № 1, стр. 237—238).

А. В. П—въ.

Каріонъ, *архимандритъ калужскаго Лаврентьева монастыря* (съ 1698 г.), въ „Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей“ (ч. 1, стр. 380, въ „Сборникѣ Импер. русск. истор. общества“, Спб. 1887) смѣшанный съ Каріономъ Истоминымъ, умеръ 26 января 1722 г. О немъ въ „Описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Свят. Правительствующаго Синода“ (т. I, стр. CCLXVIII), помѣщенъ документъ, въ которомъ, между прочимъ, читается: „да онъ же судія охранилъ и укрылъ важнаго раскольника и укрывателя, и оберегателя, и во всемъ потатчика раскольническаго, калужскаго архимандрита Каріона, который въ томъ городѣ больше 20 лѣтъ чинилъ соблазнъ и противность церкви святой“ (см. С. О. Долгова въ Отчетѣ о 37-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1897, въ „Запискахъ Импер. Акад. Наукъ по историко-филолог. отдѣл.“, т. II, № 1, стр. 238).

А. В. П—въ

Карія. Каріею въ древности называли область, занимавшую юго-западный уголъ Малой Азіи. Съ юга и запада Карія была омываема Средиземнымъ моремъ, на сѣверѣ граничила съ Лидіею, на востокѣ съ Фригіею, Памфиліею и Ликіею; ее населяло племя, принадлежавшее, вмѣстѣ съ родственными ему лидійцами, къ семитской группѣ. Карійцы, храбрые и воинственные, но въ то же время грубые и вѣроломные, занимались военною службой по найму и были склонны къ пиратству. Въ историческое время они боролись съ греками за свою самостоятельность, однако могли отстоять лишь внутреннюю малодоступную часть своей страны; а долину рѣки Меандра, впадающей въ Средиземное море, и прибрежную полосу съ запада, отъ Ефеса до Милета, захватили іоняне, дорійцамъ достались, завоеванные ими, южные и юго-западные берега. Во время цвѣтущаго состоянія лидійскаго царства, карійцы находились въ зависимости отъ этого царства; затѣмъ они послѣдовательно зависѣли отъ царства персидскаго и царства Селевкидовъ. Наконецъ, въ 129 году до р. Хр. Карія была включена въ составъ римской провинціи „Асіи“. 1 Макк. **15**, 15—23 повѣствуетъ, что римскій сенатъ отправилъ посланіе, благопріятное іудеямъ и запрещавшее причинять имъ какое-либо зло, въ различныя страны и мѣстности, въ томъ числѣ и въ Карію (ст. 23) [1]. Это потому, что въ нѣкоторыхъ іонійскихъ городахъ, основанныхъ въ Каріи, напр., въ Милетѣ и Магнезіи на р. Меандрѣ, существовали колоніи іудеевъ [но возможно полагать, что это постановленіе сената было около 47 г. до р. Хр.: см. Іосиф. Флав. Древности **14**, 8:5 и ср. H. Willrich, Juden und Griechen, S. 71 сл.].

См. *Raumer*, Palästina (4 Aufl., Lpzg 1860: Karte von Palaestina (въ верхнемъ лѣвомъ углу этой карты—дополнительная малая карта странъ, упоминаемыхъ въ Библіи, со включеніемъ сюда и Малой Азіи); *Schenkel*, BL. III, S. 498; *Riehm*, HW. I², S. 833—834; *Guthe*, KBW., S. 357. [Словари *Vigouroux, Hastings, Cheyne*, а также ср. у † о. *П. Ѳ. Солярскаго*, Опытъ библ. слов. II, 379—380].

Прот. *Н. Елеонскій.*

Каркая—мѣстность на южной границѣ Палестины и, — вмѣстѣ, — колѣна Іудина, упоминаемая у І. Нав. **15**, 3. Каркая находилась недалеко отъ конечнаго западнаго пункта южной палестинской границы—отъ потока Египетскаго, впадающаго въ Средиземное море (нынѣ долина ель-Аришъ—el Arisch). Такъ какъ южная граница Палестины проходила по узкимъ долинамъ, прорѣзывающимъ горныя мѣстности, то всего вѣроятнѣе, что одна изъ такихъ долинъ носила въ древности названіе „Каркая“.

См. *Keil* u. *Delitzsch*, Commentar I, 2 (2 Aufl.), S. 383—384; II, 1 (1863), S. 110—111; *Riehm*, HW. I², S. 834; *Guthe*, KBW., S. 357. [Словари *Vigouroux, Hastings, Cheyne*, † о. *П. Ѳ. Солярскаго*].

Прот. *Н. Елеонскій.*

---

[1] [Въ Комплютенской Библіи значится здѣсь (не Карія, а) «Карида», а это, по Стефану Византійскому, былъ городъ во Фригіи].

Каркоръ — мѣстность по ту (восточную) сторону Іордана. Здѣсь, во времена Судей, расположились станомъ цари мадіанитянъ Зевей и Салманъ, а съ ними и ихъ ополченіе изъ жителей востока до 15 тысячъ (Суд. **8**, 10). Эта остановка послѣдовала послѣ побѣды, которую судія Гедеонъ одержалъ надъ мадіанитянами въ долинѣ Изреельской, что и вынудило ихъ бѣжать за Іорданъ и искать спасенія въ пустынѣ. Но пустыня ихъ не укрыла. Гедеонъ устремился за врагами и нанесъ имъ въ каркорскомъ станѣ окончательное пораженіе, при чемъ Зевей и Салманъ были взяты въ плѣнъ и умерщвлены (Суд. **6**, 33. **7**, 22. 23. **8**, 4. 10—12. 19). Полагаютъ (напр., Кейль), что Каркоръ находился на границѣ колѣна Гадова и владѣвій моавитянъ не далеко (на сѣверо-западъ) отъ современныхъ развалинъ Аммана—древняго Раббатъ-Аммона, или Раввы (Второз. **3**, 11).

См. *Keil* u. *Delitzsch*, Commentar II, 1, S. 267—268; *Riehm*, HW. I², S. 834 [Словари *Vigouroux*, *Hastings*, *Cheyne*].

Прот. *Н. Елеонскій.*

Карловацкая (Карлштадтская) *епархія* состоитъ изъ бывшихъ епархій—Карловацко-Зринопольской, Костайницкой и Северинской и является величайшей епархіей въ Карловецкой митрополіи. Православные сербы стали переселяться въ Карловацкую епархію съ начала XVI вѣка по преимуществу изъ Босніи, по причинѣ турецкихъ притѣсненій съ одной стороны и разныхъ льготъ, получаемыхъ отъ австрійскихъ властей для защиты границъ противъ турокъ,—съ другой. Бывали случаи, что австрійскія власти и сами принуждали сербовъ переходить въ австрійскія земли. Православная церковь въ Карловацкой епархіи находилась въ очень тяжелыхъ условіяхъ, въ особенности до перехода въ Австрію патріарха Арсенія III Черноевича (см. „Карловецкая митрополія" и „Карловцы"), вслѣдствіе уніатской пропаганды въ монастырѣ Марча, служившемъ религіознымъ центромъ православныхъ сербовъ. Усилія римско-католической пропаганды были направлены къ тому, чтобы оторвать отъ православной церкви всю Карловацкую епархію цѣликомъ, но, — благодаря энергіи патріарха Арсенія Черноевича и впослѣдствіи епископа Аѳанасія Любоевича, явившагося, не смотря на воспрещеніе придворнаго военнаго совѣта, на церковно-народный конгрессъ въ Крушѣдолъ,—Карловацкая епархія получила своего православнаго епископа и причислена къ Карловецкой митрополіи. Однако и послѣ этого уніатская пропаганда вела отчаянную борьбу противъ православныхъ сербовъ и въ 1753 году, не смотря на всѣ усилія и хлопоты тогдашняго знаменитаго епископа Даніила Якшича, обращавшагося за помощью и къ русскому Двору, былъ отнятъ насильственно монастырь Марча, а въ 1770 году—округъ Жумберакъ, состоящій изъ 26 церквей и 500 домовъ. Попытки уніатской пропаганды возобновлялись и въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка въ Тржитѣ и не прекращаются до настоящаго времени. Помимо упомянутыхъ епископовъ: Аѳанасія Любоевича (1770—1712 г.) и Даніила Якшича (1751—1771 г.), выдающимися епископами Карловацкой епархіи были: Лукіанъ Мушицкій (1828—1837 г.) и Ѳеофанъ Живковичъ (1874—1890 г.). Карловацкая епархія насчитываетъ по статистикѣ 1900 года—333.830 чел., живущихъ въ 144 приходахъ.

Литература. *Waniček*, Spezialgeschichte der Militärgrenze. *Schwicker*, Zur Geschichte der kirchlichen Union in der croatischen Militärgrenze („Archiv für öster. Geschichte" LII, 2). *Грбић*, Карловачко владичанство. *Д. Руварац*, Српска митрополија Карловачка око половине XVIII века. [см. ниже ст. „Карлштадтъ"].

Священникъ *Д. Якшичъ.*

Карловецкая митрополія. Православные сербы, жившіе въ предѣлахъ австрійской имперіи до 1690 года, подчинялись церковной юрисдикціи Печской патріархіи. О церковной жизни православныхъ сербовъ въ предѣлахъ австрійской имперіи до 1690 года сохранилось мало свѣдѣній. Извѣстно, что православнымъ сербамъ приходилось вести крайне тяжелую борьбу за свою вѣру. Въ 1690 году сербы, переселившіеся изъ Турціи въ Австрію при императорѣ Леопольдѣ I, въ числѣ 37 тысячъ семействъ, подъ предводительствомъ печскаго патріарха Арсенія III Черноевича, находились въ зависимости отъ печской патріар-

хіи, но въ 1710 году получили отъ печскаго патріарха Каллиника церковную автокефальность. Не смотря на это, австрійскіе сербы сохраняли духовную зависимость отъ печской патріархіи до 1766 года, когда послѣдняя, сама лишившись самостоятельности, должна была подчиниться цареградской патріархіи.

Церковнымъ центромъ переселившихся сербовъ былъ монастырь Крушедолъ, но въ 1716 г. турки сожгли этотъ монастырь и тогдашній митрополитъ Викентій Поповичъ перенесъ митрополичью каѳедру въ Карловцы, гдѣ она находится и до сихъ поръ, получивъ отсюда названіе „Карловецкой“ митрополіи. Переселившіеся сербы, въ которыхъ австрійское правительство крайне нуждалось для защиты своихъ границъ отъ нападеній турокъ, получили отъ императора Леопольда I грамоту, въ которой сербамъ давалось: 1) право выбора архіепископа, признающагося главою сербовъ какъ въ дѣлахъ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ; 2) сербское населеніе получаетъ самостоятельное управленіе; 3) сербскимъ переселенцамъ обѣщано возвратить ихъ на прежнія мѣста жительства, какъ только Австріи удастся освободить оныя отъ турокъ; 4) по смерти серба-мірянина, не оставившаго послѣ себя наслѣдниковъ, имущество его должно поступать въ собственность архіепископа и мѣстной приходской церкви, а въ случаѣ смерти архіепископа и епископовъ ихъ имущества поступаютъ въ собственность архіепископіи; 5) архіепископъ разрѣшаетъ постройки сербскихъ православныхъ церквей и назначаетъ духовенство по всѣмъ подвѣдомственнымъ ему епархіямъ; 6) сербское православное духовенство не подлежитъ юрисдикціи никакой свѣтской власти, за исключеніемъ императора; 7) сербское православ. духовенство освобождается отъ всякихъ податей; 8) недвижимыя имущества церкви признаны навсегда собственностію православныхъ церквей, монастырей, или епархіальныхъ архіереевъ; 9) предоставляется полная свобода отправлять богослуженіе по обрядамъ и правиламъ греко-восточной церкви. Эти привилегіи были потомъ многократно подтверждаемы австрійскими императорами въ послѣдующія времена. Такъ какъ Австріи не удалось освободить отъ турокъ прежнія мѣста жительства сербовъ, то послѣднимъ пришлось оставаться въ новомъ отечествѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сербамъ пришлось убѣдиться и въ томъ, что данныя имъ привилегіи мало признаются австрійскими властями и римско-католическимъ духовенствомъ, вслѣдствіе чего вся жизнь православныхъ сербовъ въ Австро-Венгріи была и остается до настоящаго дня постоянною борьбой за вѣру православную и народныя права. Иного, впрочемъ, трудно было и ожидать, потому что австрійскіе императоры вели войну противъ турокъ часто на деньги римскихъ папъ, обязываясь за это распространять между завоеванными римско-католическую вѣру. По словамъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля Бертенштейна, на протяженіи всей исторіи христіанской церкви не было такихъ религіозныхъ преслѣдованій, какія практиковались въ XVIII вѣкѣ въ Австріи противъ православныхъ сербовъ. Уніатская и іезуитская пропаганда велась не только по религіознымъ, но и по политическимъ причинамъ, потому что австрійское правительство всегда боялось вліянія православной Россіи на своихъ православныхъ подданныхъ. Желая защитить свою православную вѣру отъ римской пропаганды, народъ сербскій требовалъ даже отъ своихъ митрополитовъ присяги въ томъ, что они будутъ хранить православную вѣру. Не смотря на противодѣйствія и стойкость народа и его іерархіи, римская пропаганда въ Хорватіи во второй половинѣ XVIII вѣка насильственно отняла отъ православной церкви монастырь Марчу и округъ Жумберакъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать того, что иногда исполнялись сербскія привилегіи, но это было только тогда, когда Австрія нуждалась въ военной помощи сербовъ, въ 1740 году составлявшихъ почти половину австрійской арміи (45.615 чел.). Многое сербамъ удавалось отстоять и черезъ подкупъ правящихъ сферъ.

Вслѣдствіе тяжелыхъ условій, какъ политическихъ, такъ особенно религіозныхъ, сто тысячъ австрійскихъ сербовъ переселилось въ 1751 году въ южную Россію, названную „Новая Сербія“, послѣ того какъ русская императрица Елизавета Петровна утвердила условія, предложенныя Хорватомъ и назначила сербамъ „земли плодоносныя, обширныя и для житья человѣче-

скаго выгодныя". Съ воцареніемъ императора Іосифа II (эпоха „просвѣщенія") настали лучшія времена для православныхъ сербовъ. Императоръ Іосифъ II говорилъ, что „бòльшія по возможности переселенія сербской націи изъ Турціи гораздо желательнѣе, нежели всякія другія" и что „сербы и другіе православные, ради торговли, заслуживаютъ всякаго поощренія и защиты отъ притѣсненій, ибо они занимаются самыми полезными производствами". Но императоръ-преобразователь умеръ, не успѣвши осуществить своихъ плановъ, а жизнь государственная пошла своимъ естественнымъ путемъ. Императоръ Францъ I опять начинаетъ дѣйствовать противъ православной церкви и въ 1814 г., въ письмѣ къ митрополиту карловецкому Стефану Стратимировичу, предлагаетъ—въ интересахъ бòльшаго сближенія народовъ австрійской имперіи—оставить юліанскій календарь и принять грегоріанскій. Встрѣтивъ отказъ со стороны митрополита, правительство возобновило пропаганду въ пользу уніи въ Тржитѣ горне-карловацкой епархіи въ Хорватіи, но и эта попытка въ концѣ концовъ осталась безъ успѣха. Въ 1848 году, во время возстанія мадьяръ противъ Австріи, сербы подъ руководствомъ своего митрополита Іосифа Раячича пришли на помощь Австріи, за что императоръ Францъ Іосифъ I, по требованію сербовъ, утвердилъ сербское „воеводство" и митрополитъ карловецкій получилъ титулъ „патріарха". Когда же миновала опасность и когда мадьяры признали австрійскаго императора своимъ королемъ, тотъ же Францъ Іосифъ I въ 1860 году упразднилъ сербское воеводство и оставилъ только карловецкому митрополиту титулъ „патріарха". Въ шестидесятыхъ годахъ, подъ вліяніемъ западно-европейскаго либерализма, среди австрійскихъ сербовъ началось броженіе, направленное противъ церкви и ея іерархіи. Введеніемъ выборнаго начала было предоставлено народу, еще не подготовленному къ либеральнымъ учрежденіямъ, слишкомъ большое вліяніе на дѣла церкви и духовенства, вслѣдствіе чего подрывался церковный авторитетъ, а народъ сталъ деморализироваться. Кромѣ того, началась борьба между народомъ и іерархіей, не прекращающаяся и до сихъ поръ. Въ то же время начинаетъ распространяться между православными сербами и назаренская секта, отрицающая іерархію. Въ 1783 г. подчинены карловецкой митрополіи епархіи: буковинская и эрдельская; а въ 1828 году и далматинская „in spiritualibus". Въ 1864 году епархія арадская и эрдельская стали автокефальною румынскою митрополіей съ каѳедрой въ Сибинѣ (Германштадтѣ), а далматинская и буковинская съ 1870 года составляютъ автокефальную митрополію буковинско-далматинскую съ каѳедрою въ Черновцахъ. Особенно выдающимися митрополитами-патріархами карловецкими были: Арсеній III Черноевичъ (1690—1706 г.), Моисей Петровичъ (1726—1730 г.), Викентій Іоанновичъ (1731—1737 г.), Павелъ Ненадовичъ (1749—1768 г.), Стефанъ Стратимировичъ (1790—1836 г.) и Іосифъ Раячичъ (1842—1861 г.). Вслѣдствіе тяжелыхъ условій, въ которыхъ находилась православная сербская церковь въ карловецкой митрополіи, богословская наука развивалась слабо. Для богословскаго образованія духовенства существовали богословскія училища: въ Карловцахъ, въ Вршцѣ, Пакрацѣ и въ Плашкомъ. Въ 1868 г. эти училища, вслѣдствіе своей неудовлетворительности, были закрыты, за исключеніемъ карловецкаго, открытаго еще въ 1794 г. митрополитомъ Стефаномъ Стратимировичемъ.

Карловецкая митрополія насчитываетъ двадцать семь монастырей, находящихся преимущественно въ Сремѣ на Фрушкой горѣ. Большинство этихъ монастырей, получавшихъ въ XVI, XVII, XVIII и даже въ XIX вѣкахъ помощь изъ Россіи, въ настоящее время обладаетъ значительными матеріальными средствами. Карловецкая митрополія имѣетъ свою церковную автономію, признанную IX статьею венгерскаго закона 1868 года. Вопросы догматическо-каноническаго характера рѣшаетъ Синодъ, состоящій изъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ подъ предсѣдательствомъ патріарха. Патріарха выбираетъ церковно - народный конгрессъ, которому принадлежитъ право рѣшенія всѣхъ дѣлъ, касающихся церковной автономіи. На церковно-народномъ конгрессѣ всегда присутствуетъ королевскій коммиссаръ, а также въ большинствѣ случаевъ и на засѣданіяхъ Синода. Карловец-

кая митрополія состоитъ изъ семи епархій: карловецкой (архидіэцевія) съ каѳедрою въ Карловцахъ; карловацкой (карлштадтской) съ каѳедрою въ Плашкомъ (Хорватія); пакрацкой съ каѳедрою въ Пакрацѣ (Славонія); будимской съ каѳедрою въ Будимѣ; темишварской съ каѳедрою въ Темишварѣ; вршацкой съ каѳедрою въ Вршцѣ и бачкой съ каѳедрою въ Новомъ Садѣ (Neusatz). Карловецкая митрополія въ 1900 году насчитывала 1.062.848 чел., живущихъ въ 715 приходахъ.

Литература. Арх. († еписк.) *Арсеній* (Иващенко), Церковный и политическій бытъ прав. сербовъ и волоховъ въ австрійскихъ земляхъ съ IX ст. до настоящаго времени (въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» 1870 г., октябрь). Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи прав. церквей. *Schwicker*, Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Арх. *Дучич*, Историја српске православне цркве. *Czoernig*, Ethnographie der österreichischen Monarchie. *Picot*, Les Serbes de Hongrie. *Nilles*, Symbolae ad illustrandam historiam Ecclesiae Orientalis in terris coronae s. Stephani, vol. II. *Березинъ*, Хорватія, Славонія, Далмація. Проф. *Пл. А. Кулаковскій*. Начало русской школы у сербовъ въ XVIII вѣкѣ. Свящ. *Д. Н. Якшичъ*, Сербская церковь Австро-Венгріи въ XIX вѣкѣ (въ „Исторіи христіанской церкви въ XIX вѣкѣ“ изд. † проф. А. П. Лопухина т. II). *Д. Руварац*, Шематизам источно-православне српске митрополије Карловачке за 1900 г. [Свящ. *Д. Н. Якшичъ*, Нѣсколько данныхъ о сношеніяхъ православныхъ сербскихъ монастырей Карловецкой митрополіи съ Россіей въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1906 г., февраль, стр. 304—311. Ср. *I. Bois* y Vacant et Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique II, col. 1754—1776. См. обзоръ за 1905—1906 г. у проф. *Г. А. Воскресенскаго* въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1907 г., № 1, стр. 160—185. См. также статьи „Карловацкая епархія“, „Карловцы“ и „Карлштадтъ“].

Свящ. *Д. Якшичъ.*

Карлштадтъ — серб. Карловац Горни, городъ въ Хорватіи, при сліяніи рр. Купы, Короны и Доброй, на ю.-з. отъ Загреба. По имени этого города носитъ титулъ горне-карловацкій православный епископъ въ предѣлахъ карловецкой митрополіи, хотя каѳедра епископа находится въ Плашкомъ—деревнѣ, въ 7-часовомъ разстояніи отъ Карлштадта. Нѣкогда къ титулу епископа — „горне-карловацкій“ прибавлялось еще и „зринопольскій“. (отъ Зринополь или Зринь — мѣстечка на лѣвомъ берегу р. Уны — притока Савы съ правой стороны). [См. выше стлб. 637—638 статья „Карловацкая епархія“].

И. С. П—въ.

Карлштадтъ, собственно Андрей Боденштейнъ (Andreas Rudolf Bodenstein), названный Карлштадтомъ по мѣсту своего рожденія (Karlsstadt во Франконіи), — нѣмецкій протестантскій богословъ и общественный дѣятель временъ реформаціи (род. 1480 г., † 1541 г.). Въ 1504 г.—преподаватель философіи въ виттенбергскомъ университетѣ; съ 1513 — профессоръ богословія тамъ же и архидіаконъ. Въ 1515 году предпринялъ путешествіе въ Римъ; распущенность нравовъ папскаго двора оттолкнула его отъ католичества; въ 1517 г. онъ примкнулъ къ Лютеру и сразу сдѣлался самымъ ярымъ протестантомъ. Въ 1519 г. произошелъ диспутъ между нимъ и Эккомъ въ Лейпцигѣ о благодати и добрыхъ дѣлахъ, при чемъ Карлштадтъ былъ признанъ побѣжденнымъ.

Во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ Карлштадтъ своими фанатическими сочиненіями и поступками вызвалъ въ Виттенбергѣ сильное волненіе, и только энергичныя мѣры возвратившагося Лютера успокоили народъ. Карлштадтъ принужденъ былъ оставить Виттенбергъ и удовольствоваться скромнымъ положеніемъ пфаррера въ мѣстечкѣ Орлямюндѣ, гдѣ продолжалъ свою фанатическую дѣятельность, поднявъ гоненіе на иконы. Въ 1524 г. былъ изгнанъ изъ Саксоніи за разногласіе съ Лютеромъ въ ученіи о причащеніи (Карлштадтъ отрицалъ вообще присутствіе Христа въ евхаристіи). Черезъ шесть лѣтъ онъ появляется въ Швейцаріи, сначала діакономъ въ Цюрихѣ, затѣмъ (1531 г.) пфарреромъ въ Альтштетенѣ и, наконецъ, (съ 1534 г.) профессоромъ богословія въ университетѣ и проповѣдникомъ въ церкви св. Петра въ Базелѣ.

Опредѣлить богословскіе взгляды Карлштадта довольно трудно, такъ какъ онъ неоднократно мѣнялъ ихъ. Основнымъ пунктомъ его убѣжденій является мысль, что человѣкъ спасается исключительно благодатію Божіей; благодать проявляется въ насъ какъ внутреннее просвѣщеніе черезъ Слово

Божіе; отсюда—отрицаніе не только католическаго ученія о добрыхъ дѣлахъ и связанныхъ съ этимъ ученіемъ церковныхъ дѣйствій и установленій, но и вообще всей церковной обрядности, внѣшности. При этомъ,—пылкій и деспотичный,—онъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ для проведенія своихъ убѣжденій въ жизнь, что̀ вело къ многочисленнымъ столкновеніямъ и ссорамъ, въ томъ числѣ и къ разладу съ Лютеромъ, который былъ значительно осторожнѣй и уступчивѣй.

Перу Карлштадта принадлежитъ множество мелкихъ сочиненій на лат. и нѣм. яз. въ защиту протестантства: De canonis scripturis, Wittenb. 1520; De predicatione verbi Dei contra Johan. Eckium, Wittenb. 1521; Predigt von Empfangung des heil. Sacraments, Wittenb. 1522 (Проповѣдь о принятіи св. Таинъ); Von Abthun der Bilder und dass kein Betler unter Christen seyn soll (Объ уничтоженіи иконъ и о томъ, что между христіанами не должно быть нищихъ); Super Coelibatu, Monachatu et Vidnitate axiomata, Wittenb. 1521; Vom Priesterthum und Opfer Christi, Jena 1523 (О священствѣ и Христовой жертвѣ); Vom Sabath und gebotenen Feiertagen (О субботѣ и объ узаконенныхъ праздничныхъ дняхъ); Ob man mit der Schrift beweisen könne, das Christus mit Leib, Blut und Seele im Sacrament seye? 1525 (Можно ли доказать на основаніи Св. Писанія, что Христосъ съ тѣломъ, кровью и душею присутствуетъ въ таинствѣ?) и др.

Литература. Между многочисленными изслѣдованіями о жизни и дѣятельности К. можно отмѣтить слѣд. важнѣйшія: *C. F. Jäger*, Andreas Bodenstein von Carlstadt, Stuttgart 1856, и *его же* статья о К. въ „Deutsche Zeitschrift“ за 1856 г.; *Diekhoff*, Die evangel. Abendmahlslehre im Reformationszeitalter I, 299 ff.; *его же* De Carolstadio Lutheranae doctrinae de Servo arbitrio contra Eckium defensore, Göttingen 1850, и *его же* статья о К. въ „Gotting. gelehrte Anzeigen“ за 1848 г. Кромѣ того см. статьи о К. у *Herzog-Hauck*, R. E. X³, 73—80; *Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon VII², 181—186. [*H. Barge*, Andreas Bodenstein von Karlstadt, I thl: Karlstadt und die Anfänge der Reformation; II Thl: Karlstadt als Vorkämpfer des laienchristl. Puritanismus, Lpzg 1905].

Н. Сахаровъ.

Карловцы, нѣм. Karlowitz, городъ въ Славонской б. Военной границѣ, на правомъ берегу Дуная, у сѣвернаго подножія Фрушкой горы. Небольшой городъ этотъ сталъ памятенъ въ исторіи извѣстнымъ Карловецкимъ миромъ 1699 г., заключеннымъ между Австріею, Россіей, Польшей и Венеціей, съ одной стороны, и побѣжденною Турціей, съ другой. Послѣ переселенія сербовъ съ Балканскаго полуострова изъ Печской патріархіи въ предѣлы Австріи,—сперва подъ предводительствомъ Арсенія III Черноевича въ концѣ XVII в. (1690 г.), а потомъ Арсенія IV Іоанновича Шакабенты (1737 г.),—Карловцы, хотя не сразу, однако уже скоро (по всей вѣроятности—съ 1719 г.; до этого времени патріархи сербскіе избирались и чаще всего пребывали въ монастырѣ Крушедолъ близъ Карловецъ) становятся каѳедральнымъ городомъ сербскаго архіепископа-митрополита-патріарха, центромъ управленія всею помѣстною церковію и вообще средоточіемъ мѣстнаго автономнаго народно-церковнаго управленія: здѣсь имѣетъ свою резиденцію архіепископъ-митрополитъ-патріархъ австро-угорскихъ сербовъ, здѣсь находятся органы епархіальнаго управленія для архіепископской епархіи (архидіэцезальная консисторія, архидіэцезальный административный отдѣлъ, школьный отдѣлъ), здѣсь собирается св. архіерейскій синодъ всѣхъ епископовъ митрополіи подъ предсѣдательствомъ архіепископа-митрополита-патріарха, собирается и народно-церковный конгрессъ и пр. Въ Карловцахъ находятся: православный сербскій богословскій институтъ („Православно-српско богословско училиште“) съ 4-годичнымъ курсомъ богословскаго факультета [см. о семъ подробнѣе у проф. И. С. Пальмова въ „Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія“ II, стр. 195—196], сербская великая гимназія и др. просвѣтительныя и благотворительныя заведенія. Рядъ сербскихъ православныхъ архіепископовъ-митрополитовъ-патріарховъ въ предѣлахъ Австро-Угріи, начиная съ перваго Арсенія III Черноевича, переселившагося сюда по приглашенію австрійскаго императора Леопольда I отъ 6 апр. 1690 г. 1) *Арсеній III* утвержденъ въ санѣ мѣстнаго патріарха въ 1695 г., умеръ въ Вѣнѣ 27 окт. 1706 г. и 24 ноября по-

гребенъ близъ Карловецъ въ монастырѣ Крушедолъ. 2) *Исаія Дьяковичъ*, бывшій епископомъ іенопольско-темишварскимъ, избранъ и поставленъ въ архіепископа и митрополита въ монастырѣ Крушедолъ 7 (18) янв. 1708, умеръ 20 іюля (1 авг.) того же года въ Вѣнѣ и погребенъ въ мон. Крушедолъ, а по смерти его назначенный администраторомъ митрополіи 8 августа 1708 г. *Стефанъ Метохіяцъ*, еп. бачскій, управлявшій до дня своей кончины 27 апрѣля 1709 г. 3) *Софроній Подгоричанинъ*, бывшій еп. пакрацко-славонскій, избранный въ архіепископа-митрополита въ монастырѣ Крушедолъ 23 апр. 1710 г., умеръ 7 янв. 1711 г. въ Карловцахъ, гдѣ и погребенъ, а по смерти его временно управлялъ митрополіей еп. бачскій *Христофоръ Митровичъ* до избранія новаго митрополита. 4) *Викентій Пòповичъ Хаджиловичъ* изъ Яньева, б. епископъ будимскій, избранъ въ архіепископа-митрополита въ монастырѣ Крушедолъ 6 мая 1713 г., умеръ 8 окт. 1725 г. въ Карловцахъ и погребенъ въ мон. Крушедолъ. 5) *Моисей Петровичъ*, утвержденный импер. австрійскимъ Карломъ VI въ званіи архіепископа-митрополита сербскаго въ Бѣлградѣ 10 сент. 1718 г., былъ потомъ соборно избранъ 7 (18) февр. 1726 г. въ митрополита карловецкаго, такъ что, благодаря этому, соединились временно митрополіи карловецкая и бѣлградская; умеръ 27 іюля 1730 г. въ Бѣлградѣ, гдѣ и погребенъ. 6) *Викентій Іоанновичъ*, б. епископъ арадскій, избранъ въ архіепископа-митрополита бѣлградскаго и карловецкаго 22 марта (2 апрѣля) 1731 г. въ Карловцахъ и умеръ 6 іюня 1737 г. въ Бѣлградѣ, гдѣ и погребенъ. 7) Патріархъ печскій *Арсеній IV Іоанновичъ (Шакабента)*, прибывшій изъ Печи (Ипека) въ Австрію въ 1737 г., поставленный временно на мѣсто умершаго Викентія Іоанновича Карломъ VI и признанный импер. Маріею Терезіей 21 окт. 1741 г. въ патріаршемъ званіи, былъ поставленъ также и архіепископомъ - митрополитомъ карловецкимъ, въ каковомъ званіи умеръ въ Карловцахъ 7 янв. 1748 г. и погребенъ въ монастырѣ Крушедолъ. 8) *Исаія Антоновичъ*, б. епископъ арадскій, избранъ въ архіепископа-митролита въ Карловцахъ 27 авг. 1748 г., умеръ въ Вѣнѣ 22 янв. 1749 г. и погребенъ въ Будапештѣ въ церкви св. Димитрія. 9) *Павелъ Ненадовичъ*, б. епископъ горне-карловацкій (карлштадтскій), избранъ въ архіепископа-митрополита 14 (25) іюля 1749, умеръ 15 авг. 1768 и погребенъ въ соборной карловецкой церкви. 10) *Іоаннъ Дьордьевичъ (Георгіевичъ)*, б. епископъ вершецкій и карансебешскій, избранъ въ архіепископа-митрополита 27 авг. 1769 г. и умеръ 13 (24) мая 1773 г. 11) *Викентій Іоанновичъ Видакъ*, епископъ темишварскій, интронизованъ 5 іюня 1774 г. и умеръ 18 (29) февр. 1780 въ Далю, гдѣ и погребенъ. 12) *Моисей Путникъ*, епископъ темишварскій, избранъ въ архіепископа-митрополита 10 (21) іюня 1781 г., умеръ въ Вѣнѣ 28 іюня (9 іюля) 1790 г. и погребенъ въ Сентъ-Андре (близъ Будапешта) въ Успенской церкви. 13) *Стефанъ Стратимировичъ* изъ Кулпина, епископъ будимскій, на соборѣ въ Темишварѣ избранъ въ архіепископа-митрополита 9 ноября 1790 г. и умеръ 4 окт. 1836 г. 14) *Стефанъ Станковичъ*, б. епископъ бачскій, избранъ въ архіепископа-митрополита 11 ноября 1837 г. и умеръ 31 іюля 1841 г. 15) *Іосифъ Раячичъ*, б. епископъ вершецкій, былъ избранъ въ архіепископа-митрополита карловецкаго 1 окт. 1842 г. и 15 дек. 1848 г. былъ удостоенъ званія патріарха, каковое званіе было усвоено и послѣдующимъ его преемникамъ, на основаніи императорскаго рескрипта; умеръ онъ 1 (13) дек. 1861 г. [см. о немъ „Энц." VII, 395—396]. 16) *Самуилъ Маширевичъ*, б. епископъ темишварскій и администраторъ архіепископата 25 іюля (6 авг.) 1864 г. избранъ въ архіепископа-митрополита, съ пожалованнымъ ему титуломъ сербскаго патріарха (13 авг.), умеръ 7 янв. 1870 г. 17) *Прокопій Ивáчковичъ*, б. митрополитъ румынскій въ Угріи и Трансильваніи, избранъ 19 (31) іюля 1874 г. въ архіепископа-митрополита карловецкаго и патріарха сербскаго; умеръ въ Бѣлой Церкви въ Банатѣ 29 апр. 1881 г. и погребенъ въ каѳедральной карловецкой церкви. 18) *Германъ Андьеличъ*, б. епископъ бачскій, назначенъ императоромъ на архіепископскую-патріаршую карловецкую каѳедру 10 янв. 1882 г.,

по представленію правительства; умеръ въ Карловцахъ 26 ноября 1888 г. 19). Только-что скончавшійся († 17 іюля 1907 г.) архіепископъ и митрополитъ карловецкій и патріархъ сербскій *Георгій Бранковичъ* (род. 13 марта 1830 г.), б. епископъ темишварскій, избранъ 21 апрѣля 1890 г. на карловецкую каѳедру, на которой, между прочимъ, отпраздновалъ 6 (19) дек. 1905 г. торжественно 50-лѣтній юбилей своего священства и плодотворной дѣятельности на пользу церкви и народа.

Въ предѣлахъ карловецкой архіепископіи-митрополіи-патріархіи находятся въ настоящее время слѣдующія епархіи—кромѣ митрополичьей карловецкой епархіи—1) *Пакрацкая* (каѳедра въ Пакрацѣ), 2) *Горнекарловацкая* или *карлштадтская* (каѳедра въ Плашкомъ), 3) *Будимская* (каѳедра въ Сентъ-Андре, близъ Будапешта), 4) *Темишварская* (каѳедра въ Темишварѣ), 5) *Вершецкая* (каѳедра въ Вершецѣ) и 6) *Бачская* (каѳедра въ Новомъ Садѣ, Neusatz). Но отъ времени поселенія сербовъ въ Австріи и до отдѣленія отъ нихъ православныхъ австро-угорскихъ румынъ въ 1864 г. во главѣ съ германштадтскимъ (сибиньскимъ) митрополитомъ, которому подчинены теперь румынскія арадская и карансебешская епископіи, число епархій карловецкой митрополіи было больше и въ разное время видоизмѣнялось. См. ниже о сербской церкви въ Австро-Угріи и о румынской церкви въ тѣхъ же предѣлахъ.

Литература. Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей—болгарской, сербской и румынской (Москва 1871); Д-ръ *Ст. Павловичъ* (переводъ съ франц. соч. *Эмиля Пико*), Срби у Угарскоі (Нови Сад 1883); архим. *Никифоръ Дучичъ*, Историја српске православне цркве (Београд 1894). [см. и выше стлб. 638—643, статью „Карловецкая митрополія"].

И. С. П—въ.

Карлъ Борромео или **Борромей** см. „Энц." II, 976—977.

Карлъ *великій* родился 2 апрѣля 742 года, повидимому, въ Аахенѣ. Еще мальчикомъ онъ былъ коронованъ 28 іюля 754 года папою Стефаномъ II въ соборѣ св. Діонисія Ареопагита (St. Denys) близъ Парижа вмѣстѣ со своимъ отцомъ Пипиномъ и младшимъ братомъ Карломаномъ въ короли Франконіи и получилъ званіе римскаго патриція. Онъ, какъ и его братъ, женился еще при жизни отца на франкской дѣвушкѣ Гимильтрудѣ и имѣлъ нѣсколько дѣтей отъ этого брака. По смерти Пипина (24 сент. 768 г.) Карлъ в. вмѣстѣ съ братомъ вступилъ въ управленіе государствомъ. Въ цѣляхъ примиренія съ лангобардами онъ—вопреки увѣщанію папы Стефана III—развелся съ женою и женился на дочери лангобардскаго короля Дезидерія Дезидератѣ, называемой также Ирмингардою. Но, увидѣвъ потомъ, что онъ сдѣлалъ политическую ошибку, Карлъ в. отпустилъ и вторую жену и, по смерти первой жены, въ 771 году женился на швабкѣ Гильдегардѣ. По смерти Карломана (4 дек. 771 г.) и послѣ того, какъ вдова его Герберга съ обоими сыновьями бѣжала въ Италію къ Дезидерію, Карлъ в. на 30 году жизни сдѣлался королемъ всей Франконіи. Съ этого времени почти все его правленіе проходитъ въ непрерывныхъ походахъ, предпринимаемыхъ большею частію для защиты христіанской культуры.

Въ продолженіе своего 46-лѣтняго царствованія онъ совершилъ 53 похода, 18 противъ саксовъ, 1 противъ аквитанцевъ. 5 противъ лангобардовъ, 7 противъ арабовъ въ Испаніи, 1 противъ тюрингенцевъ, 4 противъ аваровъ, 2 противъ бретонцевъ, 1 противъ баварцевъ, 4 противъ жившихъ къ сѣверу отъ Эльбы славянъ, 5 противъ сарацинъ въ Италіи, 3 противъ датчанъ и 2 противъ грековъ.

Обезпеченіе спокойнаго развитія христіанской культуры среди объединенныхъ германскихъ народностей и открытіе новыхъ широкихъ путей для ея развитія,—таковы были результаты всѣхъ этихъ войнъ. Особенно важное значеніе имѣли войны съ саксами, продолжавшіяся съ 772 до 804 года. Это была борьба не за земли и границы, а за принципы. Саксы были фанатичные поклонники Одина; ежегодно они появлялись на Рейнѣ, жгли церкви и монастыри, избивали духовенство и приносили военноплѣнныхъ въ жертву своимъ богамъ. Между тѣмъ франки были ревностными христіанами и борьба съ саксами вызывалась необходимостію защищать христіанскую культуру. Далѣе, между франка-

ми получилъ преобладаніе монархическій принципъ; тогда какъ въ болотахъ саксовъ господствовало древне - республиканское устройство, и племена объединялись подъ властію свободно избраннаго вождя только во время войны. Этимъ объясняется продолжительность войны: если одно племя было покорено, борьбу при первомъ удобномъ случаѣ начинало другое, а отсюда понятна и постепенно возраставшая ожесточенность войны. Въ концѣ концовъ богато одаренные саксы были включены въ число христіанскихъ культурныхъ народовъ. Въ 785 году приняли крещеніе главные вожди саксовъ Видукиндъ и Альбуанъ; съ этого времени саксы стали участвовать во франкскихъ рейхстагахъ на правахъ свободнаго народа и вынуждены были ввести и у себя церковную десятину, принятую уже во всей Франконіи. Законы противъ языческихъ обычаевъ были очень строги, и только добровольное покаяніе передъ священникомъ смягчало наказаніе (Capit. de partibus Saxoniae M. G. Legg. I, 48 сл.). Въ цѣляхъ взаимнаго сближенія и объединенія, въ 804 году много саксовъ было поселено во франкскихъ земляхъ и много франковъ въ саксонскихъ.

Изъ саксонскихъ миссіонеровъ замѣчательны: аббатъ Штурмъ фульдскій, сопровождавшій Карла во время большинства походовъ, Виллегадъ изъ Нордгумбріи, дѣйствовавшій съ 772 года во Фрисландіи, а съ 779 г. на берегахъ Везера, а при возстаніи 782 года онъ вынужденъ былъ удалиться и вернулся въ 785 году, умеръ же въ санѣ епископа бременскаго въ 789 г.; Людгеръ былъ первымъ епископомъ въ 804 г. въ Мюнстерѣ; Гатумаръ, учившійся въ Вюрцбургѣ, саксъ, въ 806 г. въ Прагѣ; Вихо около 783 г. въ Оснабрюккѣ, Герибертъ въ 803 г. въ Минденѣ; Пацификъ (Патто) въ 785 г. въ Верденѣ. Вообще, между 780 и 814 годами церковное дѣленіе страны саксовъ было закончено. Благодаря щедрой поддержкѣ Карла в. и его приближенныхъ, вездѣ были выстроены церкви и монастыри. Тогда какъ борьба съ саксами велась за распространеніе церкви, война съ лангобардами была войною за церковную свободу. Послѣ того, какъ Карлъ в. отослалъ его дочь, Дезидерій сдѣлался непримиримымъ врагомъ Карла. Онъ сталъ вынуждать папу Адріана помазать сыновей Карломана въ короли Франконіи и угрожалъ церковному государству и самому Риму. Осенью 773 года Карлъ в. предпринялъ походъ на Италію. Когда осада Павіи, гдѣ скрылся Дезидерій, затянулась, Карлъ в. въ пасху 774 года отправился въ Римъ, гдѣ былъ принятъ съ почестями, воздаваемыми экзархамъ и патриціямъ. Лѣтомъ 774 года Павія сдалась, Дезидерій былъ заключенъ въ монастырь, гдѣ и умеръ, а Карлъ в. въ грамотѣ отъ 6 іюня 774 года называетъ себя Rex Francorum et Langobardorum. Позднѣйшіе походы Карла сюда (въ 776, 780, 784 гг.) имѣли цѣлію подавленіе возстаній и взятіе Беневента. Для предупрежденія дальнѣйшихъ возстаній большія герцогства были раздѣлены на мелкія графства и въ важнѣйшихъ городахъ были оставлены франкскіе гарнизоны. Походы 778 и 797 годовъ противъ арабовъ въ Испаніи были предприняты для оказанія просимой помощи христіанамъ полуострова и для установленія границъ между христіанской Франконіей и мусульманской Испаніей. Подозрѣвая въ измѣнѣ баварскаго герцога Θассало, Карлъ в. въ 787 г. напалъ на Баварію, заключилъ герцога въ монастырь и раздѣлилъ герцогство на графства. Благодаря этому, Баварія избавилась отъ опасности сдѣлаться добычею славянъ. Когда авары напали на Баварію, Карлъ в. въ 791 г. началъ войну съ этимъ хищнымъ народомъ. Война окончилась въ 803 году почти полнымъ истребленіемъ аваровъ. Въ 799 г. къ Карлу в. въ Прагу пріѣхалъ папа Левъ III, прося защитить его отъ враждебной дворянской партіи въ Римѣ. Карлъ в. отпустилъ папу въ сопровожденіи многихъ архіепископовъ, епископовъ, герцоговъ и графовъ въ Римъ, поручилъ своимъ посламъ разслѣдовать дѣло, въ ноябрѣ 800 года самъ явился въ Римъ и перваго декабря предсѣдательствовалъ въ храмѣ св. Петра на судебномъ засѣданіи по этому дѣлу. Хотя неподсудность папы никакому суду и была признана, однако онъ былъ оправданъ только послѣ клятвы въ своей невиновности. Так. обр. Карлъ в. выполнилъ свою обязанность римскаго патриція и защитилъ папу. Въ благодарность за это папа сдѣлалъ его покровителемъ не

одной папской области, а и всей церкви, возстановивъ исчезнувшее на западѣ въ 476 г. императорское достоинство. Въ Рождество 800 года Карлъ в. присутствовалъ въ церкви св. Петра при богослуженіи, совершаемомъ папою. Въ концѣ богослуженія папа подошелъ къ королю и надѣлъ на него корону, при радостныхъ восклицаніяхъ народа, и затѣмъ помазалъ его, какъ императора, а сына его Пипина, какъ короля. Съ этого времени въ оффиціальныхъ актахъ титулъ Карла писался такъ: Karolus serenissimus augustus a Deo coronatus, magnus pacificus imperator, Romanum gubernans imperium, qui et per misericordiam Dei rex Francorum et Langobardorum. Принимая новое достоинство, Карлъ в. тѣмъ самымъ становился покровителемъ всего западнаго христіанства и въ силу этого пріобрѣталъ нѣкоторое верховенство не только надъ князьями своей страны, но и внѣ ея, поскольку оно нужно было для успѣховъ христіанства. Карлъ в. придавалъ такое значеніе новому титулу, что въ 802 году потребовалъ вторичной присяги отъ всѣхъ свободныхъ лицъ въ государствѣ. Одни источники (Алкуинъ, Ep. 206 ed. Jaffé 699, и Іоаннъ Діаконъ у Murat. R. ital. SS. I, 2, 312) говорятъ, что Карлъ велъ предварительные переговоры съ папою о новомъ титулѣ, другіе (Эйнгардтъ, Vita Carol. c. 28) утверждаютъ, что коронація явилась неожиданностью для Карла. Можно думать, что переговоры дѣйствительно велись, но тайно, чтобы не возбудить преждевременно неудовольствія въ Византіи. Византійское вліяніе, уже давно сведенное фактически почти къ нулю, теперь было уничтожено и юридически, и византійскій дворъ только въ 812 году призналъ за Карломъ в. титулъ Imperator et Basileus. Въ 805 году Карлъ в. завоевалъ Венецію, находившуюся въ номинальной зависимости отъ Византіи. Въ томъ же году онъ покорилъ нѣкоторыя славянскія племена. Походомъ на датчанъ въ 809 г. достигнута была безопасность сѣверной границы. Владѣнія Карла в. простирались теперь отъ Вислы до Атлантическаго океана и отъ Адріатики до Сѣвернаго моря; въ его земляхъ говорили на нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, монгольскомъ, славянскомъ, греческомъ, арабскомъ и басскомъ языкахъ, а его вліяніе шло еще дальше. Его главенство признавалъ Эгбертъ Вессенсъ, объединившій семь англосаксонскихъ государствъ и основавшій англійское королевство. Короли шотландскихъ островов называли себя его подданными. Ему подчинились испанскіе эмиры Цейдъ и Абдалла и готскій король въ Астуріи и Галиціи—Альфонсъ. Ему подчинились Балеарскіе острова, желая найти защиту отъ мавританскихъ разбойниковъ. Халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ и патріархъ іерусалимскій Георгій поручили его покровительству святыя мѣста Палестины. Единство имперіи поддерживалось личностію императора, которому присягали всѣ и отъ котораго зависѣли графы отдѣльныхъ округовъ. Средствомъ объединенія государства служили кромѣ того рейхстаги, которыхъ при Карлѣ в. было не менѣе 65. На нихъ присутствовали духовные и свѣтскіе князья и много частныхъ свободныхъ людей. Здѣсь вырабатывались обязательные для всего государства законы (Capitularia см. „Капитуляріи“ выше стлб. 542—544), которые и объявлялись особыми вѣстниками во всемъ государствѣ. Наряду съ „капитуляріями“ существовало въ различныхъ странахъ мѣстное право; по приказанію Карла в. были записаны Lex Saxonum, Angliorum et Werinorum (въ Тюрингіи), Frisionum и пересмотрѣны прежде записанные Lex Salica, Ripuariorum, Bayoariorum, Alamannorum. Для контроля надъ мѣстными властями каждый округъ (Missotium),—по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ—объѣзжали особые уполномоченные графы (Missi dominici): одинъ духовный, другой свѣтскій. Въ цѣляхъ возвышенія уровня нравственности въ духовенствѣ Карлъ в. постановилъ, чтобы клирики были монахами или канониками по правиламъ Хродеганга (Cap. 789 г. n. 71, M. G. Legg. I, 65). Для обезпеченія церкви существовала строго взыскиваемая десятина (Cap. Langob. 803 n. 19, l. c. 111). Епископы должны были объѣзжать свои епархіи и монастыри и давать отчетъ духовному послу. Духовенство пользовалось Privilegium fori (Cap. 803 г. n. 12, M. G. Legg. 1, 110), и свѣтскіе судьи могли вызывать ихъ только съ согласія епископа. Карлъ в. стремился улучшить церковное пѣніе, онъ вызвалъ пѣвцовъ изъ

Рима и устроилъ пѣвческія школы въ Суассонѣ, Мецѣ и Сен-Галленѣ. Насколько всестороння была его дѣятельность, показываютъ два предписанія Карла в. (M. G. Legg. I, 181, 176) ввести въ его имѣніяхъ образцовое хозяйство, чтобы они были разсадниками раціональной сельскохозяйственной культуры. Нѣкоторые капитуляріи (M. G. Legg. I, 133) касаются широко развившейся при немъ торговли.

Много заботился Карлъ о развитіи образованія. Мнѣніе, будто онъ не умѣлъ писать, основано на ошибочномъ пониманіи замѣчанія Эйнгардта (Vita c. 25), которое въ дѣйствительности говоритъ лишь о томъ, что Карлъ не обладалъ любимымъ въ то время искусствомъ разрисовывать иниціалы. Онъ хорошо говорилъ по-латыни, понималъ по-гречески и даже немного по-еврейски. Но болѣе всего онъ любилъ родной нѣмецкій языкъ, приказывалъ собирать древнія сказанія и пѣсни, записи которыхъ, къ сожалѣнію, потеряны, разрабатывалъ нѣмецкую грамматику, установилъ нѣмецкія названія для мѣсяцевъ и т. п. Уже въ первое путешествіе въ Италію (780—781 г.) онъ познакомился съ Алкуиномъ (см. „Энц.“ I, 540—542), пригласилъ его къ своему двору вмѣстѣ съ Павломъ Діакономъ, грамматикомъ Петромъ пизанскимъ и, вѣроятно, поэтомъ Теодульфомъ, готомъ по происхожденію, впослѣдствіи архіепископомъ орлеанскимъ. Къ этому ученому кружку, главою котораго былъ Алкуинъ, впослѣдствіи принадлежали Лейдрадъ изъ Нотики, впослѣдствіи архіепископъ ліонскій, Смарагдъ (аббатъ монастыря св. Михаила—St. Michiel), Павлинъ, впослѣдствіи архіепископъ аквилейскій, Ангильбертъ, аббатъ St. Requier, Адальгардъ, аббатъ корвейскій, Эйнгардтъ, біографъ Карла, и архитекторъ Рикульфъ, впослѣдствіи архіепископъ майнцскій, Ринботъ, аббатъ Lorsch'а, впослѣдствіи архіепископъ трирскій. Въ кружкѣ участвовали сыновья и дочери Карла в. и сестра его Гизела. Изъ придворной школы и изъ монастырской школы въ Турѣ, руководимой Алкуиномъ, вышло много дѣльныхъ и образованныхъ государственныхъ мужей и князей церкви, каѳедры которыхъ въ свою очередь сдѣлались разсадниками просвѣщенія, такъ что къ концу царствованія Карла в. все государство покрылось сѣтью школъ. Карлъ в. поручилъ Павлу Діакону составить сборникъ образцовыхъ поученій на всѣ годовые праздники (M. G. Legg. I, 45). Подобный же сборникъ былъ составленъ Алкуиномъ (Vita Alc., ed. Jaffe 17, 28). Заботы Карла в. коснулись даже неповрежденности библейскаго текста (M. G. Legg. I, 65 и 131). Темную сторону въ жизни Карла в. представляютъ его семейныя отношенія. Кромѣ трехъ упомянутыхъ женъ онъ имѣлъ еще шесть женъ, изъ которыхъ нѣкоторыя носятъ въ источникахъ названіе concubinae. Конкубинатъ по древнеримскому праву былъ явленіемъ вполнѣ законнымъ; допускала его и церковная практика. Повидимому, Карлъ в. не дозволялъ себѣ двоеженства и бралъ другую жену только послѣ смерти предшествующей. Выборъ женъ мотивировался отчасти политическими соображеніями: Карлъ в. выбиралъ ихъ изъ племенъ, съ которыми передъ этимъ велась война,—изъ лангобардовъ, алеманновъ, восточныхъ франковъ и саксовъ; брачные союзы, такимъ образомъ, служили къ упроченію мира. Еще въ 806 г. Карлъ в. завѣщевалъ государство своимъ тремъ сыновьямъ, рожденнымъ отъ законнаго брака, Карлу, Пипину и Людовику, при чемъ государство должно было оставаться нераздѣльнымъ (Cap. de divis. imperii, M. G. Legg. I, 140; Эйнгардтъ, Annal. ad ann. 806, M. G. SS. I, 193). Но въ 810 году умеръ Карлъ, а въ слѣдующемъ Пипинъ. Въ 811 же году Карлъ составилъ завѣщаніе относительно своего имущества (Эйнгардтъ, Vita 33) и на рейхстагѣ въ Аахенѣ въ сентябрѣ 813 года потребовалъ, чтобы собравшіеся здѣсь князья присягнули Людовику, какъ королю всего государства, а въ слѣдующемъ году состоялось его коронованіе. 22 января 814 года Карлъ заболѣлъ сильною лихорадкой и 28 января умеръ. Тѣло его въ полномъ императорскомъ облаченіи было положено въ сидячемъ положеніи на вызолоченный тронъ съ Евангеліемъ на колѣнахъ и погребено въ выстроенной имъ церкви въ Аахенѣ. Подъ императорскимъ одѣяніемъ была одѣта покаянная одежда, которую онъ обыкновенно носилъ. 29 декабря 1165 г. по распоряженію Фридриха Барбароссы тѣло его было положено въ мраморный саркофагъ, при чемъ была прочитана булла антипапы

Пасхалиса о канонизаціи Карла в., и днемъ памяти его было назначено 28 января, подъ какимъ числомъ онъ и упоминается во многихъ мартирологахъ (Boll. A. SS. Ian. II, 874). Этою канонизаціей Фридрихъ Барбаросса, отлученный отъ церкви, хотѣлъ внушить народу, что онъ идетъ по тому же пути, по которому шелъ самъ Карлъ великій, но канонизація эта не была признана всею церковію, и лишь въ Аахенѣ Карлъ чтится, какъ beatus. Уже вскорѣ послѣ смерти личность Карла в., какъ и другихъ великихъ людей, сдѣлалась предметомъ поэтическихъ народныхъ сказаній, которыя, по желанію Карла Толстаго, были съ трогательною наивностію записаны сангалленскимъ монахомъ (M. G. SS. II, 726—763; Jaffé, Mon. Carol. 631—700). Сказанія о немъ разбросаны и въ другихъ историческихъ памятникахъ (см. Wattenbach, Deutschl. Geschichtsquellen изд. 5, I, 178 примѣч. 1). Появившаяся въ XI вѣкѣ Historia de vita Caroli Magni, ошибочно приписанная архіепископу реймсскому Турпину, носила уже вполнѣ баснословный характеръ и служила однимъ изъ первыхъ источниковъ романтической героической поэзіи (Potthast, Bibl. hist. 554).

Литература. *Lorenz*, Karls d. Gr. Privat und Hofleben въ „Hist. Taschenbuch“ Раумера 1832; *Capefigue*, Charlemagne, Paris 1842; *v. Gagern*, Karl d. Gr., Darmstadt 1845; *Sporschil*, Karl. d. Gr., sein Reich und sein Haus, Braunschweig 1846; *Schröder*, Geschichte Karls d. Gr., Lpzg 1852; *Monnier*, Alcuin et Charlemagne, 2 изд. Paris 1864; *v. Döllinger*, D. Kaiserthum Karls d. Gr. въ „München Histor. Jahrbuch“ 1865; *Abel*, Jahrbucher d. fränkischen Reiches unter Karl d. Gr., Berlin 1866; *Simson* во второй части этого сочиненія, Lpzg 1883; Die Frauen K. d. Gr. въ „Katholik“ 1867, II, 92. [*Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon VII², 160—171. *W. Smith* and *H. Wace*, A Dictionary of Christian Biography I, 455—461. *F. Lichtenberger*, Encyclopédie III, 72]. *М. М. Стасюлевичъ*, Исторія среднихъ вѣковъ, т. I и II (изд. 2, Спб. 1885); *А. Я. Дородницынъ* (нынѣ еп. *Алексій*), Церковно-законодательная дѣятельность Карла великаго въ „Чт. Об. Л. Д. Просв.“ за 1887—1889 г. и отд. изд., Москва 1889; *Робертсонъ* и *Герцогъ*, Исторія хр. церкви I, 644—663; о. *В. Х. Преображенскій*, Восточныя и западныя школы при Карлѣ великомъ, Спб. 1881; *его же*, Вопросъ объ иконопочитаніи во времена Карла великаго въ „Христ. Чтен.“ за 1883 г.; проф. *М. Н. Петровъ*, Лекціи по всемірной исторіи, II (Харьковъ 1888), 23—27; *Ешевскій*, Эпоха переселенія народовъ и Каролинги, въ собр. сочин. т. II; *П. Кудрявцевъ*, Судьба Италіи отъ паденія зап. Римской имперіи до возстан. ея Карломъ великимъ; *Т. Фрейтагъ*, Картины средневѣковой жизни; *Лампрехтъ*, Исторія германскаго народа, Москва 1894, стр. 300 сл.; *Н. А. Осокинъ*, Исторія среднихъ вѣковъ I, 226—256; *Феликсъ Данъ*, Вѣрность до гроба, перев. въ „Русской Мысли“ 1888, 1—5; *Лависсъ* и *Рамбо*, Всеобщая Исторія I, 332—402; *С. М. Соловьевъ*, Политическое соединеніе Италіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1875 г., апрѣль; *Д. Брайсъ*, Священная Римская имперія, перев. Д. М. Петрушевскаго (Москва 1891), 32—60; *Григоровіусъ*, Исторія города Рима въ средніе вѣка II (Спб. 1887), 55—139.

С. Троицкій.

Карлъ V, король Германіи и римскій императоръ (1519—1556 г.), родился 24 февраля 1500 года въ Гентѣ, 28 іюня 1519 г. единогласно былъ избранъ германскимъ королемъ. Онъ вступилъ въ управленіе обширнымъ государствомъ въ трудное время. Съ запада угрожалъ воинственный французскій король, съ востока нападали дикія орды турокъ, религіозное раздѣленіе заставляло опасаться за внутреннюю цѣльность государства. Передъ Карломъ V лежала дилемма или разорвать съ прошлымъ и встать во главѣ новаго религіознаго движенія, охватившаго Германію, или попрежнему руководить судьбами подчиненныхъ ему народовъ вмѣстѣ съ Римомъ. Большинство нѣмецкаго народа возлагало самыя радужныя надежды на личность молодого императора, но, какъ всѣ Габсбурги, онъ имѣлъ осторожный, разсчетливый и подозрительный характеръ. Съ юности живя внѣ своего нѣмецкаго отечества, онъ не понималъ народныхъ идеаловъ и не сочувствовалъ имъ; его болѣе увлекала идея мірового господства императора, чѣмъ освобожденіе народа отъ узъ Рима; интересы своей династіи онъ ставилъ выше интересовъ народа. Кромѣ того Карлъ V былъ слишкомъ строго воспитанъ въ католиче-

скомъ духѣ, чтобы примкнуть къ новому движенію. На рейхстагѣ въ Вормсѣ (1521 г.) случилось то, чего боялись протестанты: ученіе Лютера было отвергнуто. Карлъ здѣсь поддерживалъ папу главнымъ образомъ потому, что папа обѣщалъ ему поддержку противъ Франціи. Послѣ этого, поручивъ управленіе Германіею своему брату Фердинанду, Карлъ V удалился въ Испанію, чтобы подавить возстаніе кастильскихъ городовъ и приготовиться къ войнѣ съ Франціею. Пока Карлъ V успѣшно воевалъ съ Францискомъ I, реформація распространялась въ Германіи болѣе и болѣе. Вскорѣ положеніе Карла V сдѣлалось затруднительнымъ. Съ одной стороны ему угрожали турки, съ другой—заключенная въ 1526 г. въ Коньякѣ лига между Францискомъ I, Климентомъ VII, Венеціею и Миланскимъ герцогомъ. Поэтому постановленія шпейерскаго рейхстага 1526 г. были благопріятны для протестантовъ. Вторая война съ Франціею (1527—1529 г.) также счастливо кончилась для Карла V миромъ въ Камбрэ. Но для протестантовъ Германіи эта новая побѣда императора была невыгодна. Надѣясь на могущество императора, католическая партія съ Фердинандомъ I во главѣ на слѣдующемъ шпейерскомъ сеймѣ (1529 г.) энергично выступила противъ приверженцевъ новаго ученія. Самъ Карлъ V съ 1521 г. непосредственно не вмѣшивался въ германскую религіозную распрю. Но, надѣвъ въ 1530 году императорскую корону въ Болоньѣ, онъ рѣшилъ самъ идти въ Германію, надѣясь легко покорить немногочисленныхъ приверженцевъ новой ереси. Твердость протестантовъ на рейхстагѣ въ Аугсбургѣ 1530 г. (см. „Энц.“ II, 150 сл.) заставила его убѣдиться въ своей ошибкѣ, однако не измѣнила его политики, защищавшей дѣло Рима. Постановленія рейхстага, поэтому, были неблагопріятны для протестантовъ, но вскорѣ опасность со стороны турокъ опять побудила императора къ уступчивости. Нюренбергскій религіозный миръ (1532 г.) отмѣнилъ аугсбургскія постановленія, и протестантамъ предоставлена была свобода до собора. Недовольный малымъ успѣхомъ своей личной дѣятельности въ Германіи, Карлъ V вернулся въ Испанію, чтобы предпринять походъ противъ Туниса (1535 г.). Реформація быстро охватывала сѣверъ Европы, а все вниманіе Карла V было отвлечено на югъ его государства Франціею. Въ 1536—1544 годахъ дважды была борьба между Карломъ V и Францискомъ I изъ-за обладанія Италіею и Бургундіей. По миру въ Креспи (1544 г.) Карлъ V отказался отъ Бургундіи, а Францискъ I отъ Неаполя, Аржуа и Фландріи.

Успѣхи союзныхъ съ Франціею турокъ заставили еще разъ императора сдѣлать дальнѣйшія уступки протестантамъ на рейхстагахъ въ Шпейерѣ въ 1541 и 1544 годахъ. Все болѣе и болѣе обострявшіяся отношенія между императоромъ и объединившимися въ шмалькальденскомъ союзѣ протестантскими князьями привели къ открытой войнѣ (1546—1547 г.), которая хотя и кончилась побѣдою императора при Мюльбергѣ, однако показала, что объ искорененіи протестантства въ Германіи не можетъ быть и рѣчи. Такъ называемый аугсбургскій интеримъ (см. „Энц.“ II, 152—153 и V, 993—994) вызвалъ сильное противодѣйствіе протестантовъ.

Въ то же время произошелъ разрывъ между императоромъ и Морицемъ Саксонскимъ. Карлъ V едва не былъ захваченъ Морицемъ въ плѣнъ въ Иннсбрукѣ и долженъ былъ согласиться на пассаускій договоръ 1552 г., по которому онъ обязывался освободить изъ плѣна Филиппа Гессенскаго, тестя Морица, и на аугсбургскій религіозный миръ 1555 года (см. „Энц.“ II, 153). Между тѣмъ императоръ началъ снова войну съ Франціею, желая возвратить города Мецъ, Тулъ и Вердюнъ, отданные Морицомъ Генриху II по фридевальдскому договору 1551 г. за обѣщанную помощь. Послѣ долгой безуспѣшной осады Меца, больной императоръ, отчаявшись въ успѣхѣ, удалился въ Нидерланды и въ Брюсселѣ сложилъ съ себя корону (1556 г.). Послѣдніе годы жизни онъ провелъ, какъ частный человѣкъ, въ монастырѣ св. Юста въ Испаніи и умеръ 21 сентября 1558 года.

Литература. *Guntram*, Kaiser Karl V,—1865; *Maurenbrecher*, Karl V und die deutschen Protestanten 1545—1555 (1865); *Baumgarten*, Geschichte Karls V, 2 тома 1885—1888; *Pastor* въ Kirchenlexikon von Wetzer und Welte VII[2], 171—181, гдѣ дается крат-

кій критическій обзоръ и остальной иностранной литературѣ о Карлѣ V [*F. Lichtenberger*, Encyclopédie III, 81]; *П. Кудрявцевъ*, Карлъ V въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1856 годъ и въ собр. соч. II (Москва 1887); *Робертсонъ* и *Герцогъ*, Исторія христіанской церкви II, 588—614. 691—707; *С. Моравскій* въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза и Ефрона 28, 527—530; проф. *М. Н. Петровъ*, Лекціи по всемірной исторіи III (Харьковъ 1888), 39 сл.; *Лампрехтъ*, Исторія германскаго народа III (М. 1894), стр. 194 сл. *Л. Ранке*, Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII ст., т. I (Спб. 1869); *Робертсонъ*, Исторія Карла V, перев. Барышева, М. 1839; Автобіографія Карла V въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1862 г. №№ 27 и 36; *Лависсъ* и *Рамбо*, Всеобщая Исторія IV, 345 сл.; *Брайсъ*, Священная Римская Имперія, 256—279; *Фр. ф. Бецольдъ*, Исторія реформаціи въ Германіи (1901 г.), 364 сл.

С. Троицкій.

Карлъ IX, король Швеціи, младшій сынъ Густава Вазы отъ второго брака съ Маргаретою Леонхювюдъ (1550 — 1611 г.). Карлъ IX былъ „единственный сынъ, достойный своего отца", „духъ Вазы, достигши въ немъ полнаго развитія и совершенства, проявился во всемъ богатствѣ содержанія". По завѣщанію отца Карлъ IX получилъ въ управленіе Сёдерманландское герцогство; послѣ кончины Іоанна III (см. „Энц." VII, столб. 108 — 113 на риксдагѣ въ Сёдерчёпингѣ (1505 г.) избранъ въ регенты государства съ титуломъ и полномочіями „риксфёрестондар'я". Послѣ пораженія Сигизмунда въ битвѣ при Стонгебру (1598 г.) и детронизаціи этого короля (1599 г.) учинилъ жестокую расправу съ своими политическими противниками, извѣстную въ исторіи подъ именемъ „Линчёпингской кровавой бани" (1600 г.); въ 1604 г. принялъ титулъ короля Швеціи, короновался въ Упсалѣ въ 1607 г.

По природѣ и образованію Карлъ IX былъ болѣе кальвинистомъ, чѣмъ лютераниномъ: „его суровое чувство долга, холодный резонирующій умъ, его фатализмъ и недостатокъ фантазіи" направляли его симпатіи „въ сторону болѣе раціоналистической формы религіи". „Кромѣ того, онъ, повидимому, получилъ полукальвинистическое образованіе, и это, унаслѣдованное съ дѣтства, впечатлѣніе усилилось еще болѣе, благодаря браку съ принцессою реформатскаго Пфальца". Тѣмъ не менѣе, когда началась такъ назыв. „литургическая смута", вызванная антипротестантскими тенденціями Іоанна III, Карлъ IX, отъ всей души ненавидѣвшій „папизмъ" и все, что сколько-нибудь напоминало о немъ, выступилъ рѣшительнымъ защитникомъ реформаціи и врагомъ „новыхъ и ненужныхъ перемѣнъ въ религіи", имѣя для себя твердую опору въ политическомъ завѣщаніи покойнаго отца; около него, какъ центра, сгруппировались непримиримые враги „религіи короля", и его княжество обратилось въ очагъ оппозиціонныхъ движеній. Самъ Карлъ IX, не обращая вниманія на протесты брата-короля, раздавалъ опальнымъ мѣста, ходатайствовалъ за нихъ предъ Іоанномъ III и всячески заботился объ ихъ безопасности. Ему же принадлежитъ мысль о созывѣ „всеобщаго собора" и починъ въ осуществленіи ея. Но на томъ же упсальскомъ соборѣ (1593 г.) въ первый разъ ясно обозначились и его симпатіи къ кальвинизму въ нежеланіи утвердить пункты, узаконявшіе экзорцизмъ и нѣкоторые обряды (элевацію, употребленіе соли и свѣчей и др.), заключавшіе въ себѣ, по его убѣжденію, „папистическую закваску". Самое серьезное столкновеніе на вѣроисповѣдной почвѣ произошло во время коронаціи по поводу королевской присяги. Карлъ IX отказался признать безусловный авторитетъ аугсбургскаго исповѣданія и постановленій упсальскаго собора, упоминаемыхъ въ присягѣ, и настоялъ на внесеніи въ текстъ присяги оговорки: „поколику они основаны на словѣ Божіемъ и пророческихъ и апостольскихъ писаніяхъ".—Не въ натурѣ Карла IX, экспансивной и властной, было „хранить свои убѣжденія для себя одного"; напротивъ, онъ считалъ своимъ долгомъ, дѣломъ совѣсти,—сдѣлать ихъ достояніемъ всего народа, но „въ силу присущаго ему чувства законности" онъ въ вопросахъ вѣры воздерживался прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ борьбы. Обладая солиднымъ богословскимъ образованіемъ и недюжиннымъ литературнымъ талантомъ, Карлъ IX для пропаганды своихъ идей обратился къ болѣе благородному средству,—къ перу. Литературная богословская полемика Карла IX представляетъ весьма

любопытный эпизодъ въ исторіи шведской реформаціи. Съ одной стороны—властный и высокомѣрный государь, чрезвычайно горячій и нетерпѣливый, въ минуты гнѣва наводившій ужасъ на всѣхъ окружающихъ, съ другой — „кроткій и благочестивый“ архіепископъ, бывшій свидѣтелемъ недавней крутой расправы Карла IX съ своимъ предшественникомъ по каѳедрѣ, сильный лишь знаніемъ и непоколебимою стойкостію въ своихъ убѣжденіяхъ. Какъ ни трудно было Карлу IX, но онъ подчиняется въ полемикѣ правилу, заимствованному О. Мартини у св. Амвросія: „neque imperiale est libertatem dicendi negare, neque sacerdotale quod sentiat non dicere“. Литературная борьба между Карломъ IX и О. Мартини началась по поводу предложеннаго Карломъ IX проекта новаго служебника (1600 г.). Духовенство, во главѣ съ архіепископомъ, отказалось принять проектъ, въ которомъ были усмотрѣны „нѣкоторыя опасныя мнѣнія, проповѣдуемыя кальвинистами и сакраментаріями“. Въ 1602 г. Карлъ IX, при содѣйствіи придворнаго предиканта Теод. Микроніуса, открытаго кальвиниста, издалъ „Христіанскій чинъ совершенія богослуженія въ придворной церкви“, взявъ за образецъ Гейдельбергскую агенду. О. Мартини въ представленномъ отзывѣ объ этой книгѣ („Христіанское сужденіе о чинѣ“ и пр.) обличилъ единомысліе пріемлющихъ новый чинъ съ кальвинистами. Карлъ IX отвѣтилъ опроверженіемъ обвиненія („Справедливый и христіанскій отвѣтъ и объясненіе на отзывъ архіепископа...“), но придворный требникъ все-таки скоро былъ изъятъ изъ употребленія, а Микроній вынужденъ былъ оставить Швецію. Во время коронаціонныхъ дней Карлъ IX еще разъ возбудилъ вопросъ о служебникѣ и посему случаю написалъ новое сочиненіе, въ которомъ не безъ юмора критикуетъ лютеранскій чинъ богослуженія. Въ слѣдующемъ году онъ издалъ другое сочиненіе на ту же тему. Епископы наконецъ взялись за исправленіе служебника, но составленный ими въ 1608 г. чинъ пришелся не по душѣ Карлу IX. На томъ дѣло и остановилось. Почти одновременно съ изданіемъ придворнаго служебника Микроній по порученію Карла IX составилъ и издалъ въ формѣ 56 тезисовъ изложеніе главныхъ пунктовъ кальвинскаго вѣроученія. О. Мартини, хотя и „осторожно“, опровергъ главнѣйшіе тезисы вѣроученія. Съ 1604 г. Карлъ IX прекращаетъ „приватную“ полемику съ архіепископомъ и пробуетъ склонить на свою сторону общественное мнѣніе. Съ этою цѣлію онъ печатаетъ „анонимно“ „Катехизисъ“, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ Гейдельбергскаго катехизиса, но расположеннымъ въ порядкѣ лютеранскаго, и переводъ нѣмецкаго труда („Нѣкоторые нарочитыя доказательства“ и пр.), заключавшаго въ себѣ апологію ученія Кальвина о „communicatio idiomatum“ и евхаристіи на основаніи цитатъ изъ твореній отцовъ церкви и сочиненій Лютера и Меланхтона. Архіепископъ въ томъ же году поспѣшилъ опровергнуть эту книгу, чѣмъ вызвалъ крайнее неудовольствіе Карла IX. Въ 1606 г. появился обстоятельный „Отвѣтъ“ Карла IX на „Доказательную книгу“ О. Мартини. По отзыву критики это—самая лучшая литературная работа Карла IX, какъ въ отношеніи остроты и логичности мыслей, такъ и по ясности изложенія. Государственный Совѣтъ, опасаясь, вѣроятно, худыхъ послѣдствій отъ продолженія полемики, запретилъ О. Мартини отвѣчать на послѣднее сочиненіе короля. Тѣмъ и закончилась достопримѣчательная полемика. Но Карлъ IX все еще не терялъ надежды на успѣхъ своего дѣла. Въ концѣ 1608 г. онъ пригласилъ въ Швецію пресвитеріанскаго предиканта, шотландца Джона Форбса или Форбезія, извѣстнаго Карлу IX своими „eruditio et modestia“. Карлъ IX устроилъ въ Упсалѣ диспутъ между нимъ и упсальскими теологами, не давшій однако никакихъ положительныхъ результатовъ. О. Мартини издалъ подробное опроверженіе тезисовъ Форбезія подъ заглавіемъ: „Examen confessionis J. Forbesii“. Ничѣмъ кончилась агитація шотландца и во второй пріѣздъ его въ Швецію въ 1610 г. Карлъ IX сложилъ оружіе. Несмотря на всѣ усилія, ему не удалось достигнуть своей цѣли, главнымъ образомъ по причинѣ рѣшительной оппозиціи его замысламъ со стороны духовенства, нашедшаго въ своемъ архіепископѣ талантливаго и неустрашимаго вождя. Въ концѣ концовъ Карлу IX пришлось слѣдовать, какъ онъ самъ говоритъ, нѣмецкой поговоркѣ: „Was ich nicht bessern kann,

das will ich lassen wie ich's kann". Въ остальныхъ случаяхъ его отношеніе къ церкви было совершенно „въ стилѣ Густава Вазы". Полемика настолько прочно установила за Карломъ IX репутацію кальвиниста, что въ одной, вышедшей въ 1605 г. въ Лифляндіи, книгѣ предлагалось „отлучить короля отъ истинной евангелической и апостольской церкви". Въ дѣйствительности же Карлъ IX не былъ ни лютераниномъ, ни кальвинистомъ въ строгомъ смыслѣ слова, а вѣрнѣе всего—*безконфессіональнымъ протестантомъ:* признавая за единственное правило вѣры „слово Божіе и пророческія и апостольскія писанія съ тремя главными символами", онъ относился „пренебрежительно" ко всякаго рода вѣроисповѣднымъ формуламъ, основаннымъ на „человѣческомъ авторитетѣ". По мнѣнію нѣкоторыхъ, безразличное отношеніе его къ конфессіямъ находитъ объясненіе и высшее оправданіе въ политической программѣ короля, конечною цѣлію которой было созданіе коалиціи всѣхъ протестантскихъ государствъ противъ Габсбургскаго дома. Литературная дѣятельность Карла IX не ограничивается одною полемикой. Ему принадлежатъ сверхъ того: проектъ церковнаго регламента, новыя изданія сочиненій Олая Петри, руководство для проповѣдниковъ, опыты исправленія Библіи. Наконецъ, онъ извѣстенъ какъ авторъ риѳмованной хроники-автобіографіи и гимнологъ, но его хроника и псалмы не отличаются особыми достоинствами.

Литература. *L. A. Anjou*, Svenska kyrkoreformations historia, 1854. *Th. Norlin*, Svenska kyrkans historia efter Reformation, B. 1, Lund 1864. Svensk Literaturhistoria af *H. Schück*, Stockh. 1890, B. 1. Свящ. *П. П. Румянцевъ*, Письма изъ Швеціи (въ «Христ. Чтеніи» за 1894 и 1896 гг.). Sveriges Historia från äldsta tid till våra dagar, B. III, S. 422—459.

П. Р—цевъ.

Карлъ XI, король Швеціи, сынъ Карла X,—типичный представитель шведскаго единодержавія (1655—1697 гг.). Онъ былъ творцомъ той стройной системы суверенно-бюрократическаго (коллегіальнаго) управленія, которая послужила Петру великому образцомъ при реорганизаціи внутренняго управленія Россіи. И въ церковномъ отношеніи время правленія Карла XI составляетъ эпоху громадной важности. Поставивъ себѣ цѣлію водвореніе и упроченіе началъ единодержавія въ области государственнаго правленія, Карлъ XI, естественно, долженъ былъ озаботиться проведеніемъ принципа „суверенитета" и въ церковной области. Этого онъ вполнѣ достигъ изданіемъ новаго церковнаго уложенія или регламента (Sveriges Kyrkolag) въ 1686 г., сохранившаго въ основныхъ своихъ положеніяхъ силу закона по настоящее время. „Суверенитетъ королевской власти нашелъ здѣсь свое завершеніе". Попытки духовенства сохранить хотя бы малую долю независимости въ отношеніи къ свѣтскому правительству потерпѣли полное крушеніе. Все, что въ законопроектѣ, выработанномъ по порученію короля духовнымъ сословіемъ, носило даже малѣйшій намекъ на „униженіе верховной власти", было исключено и замѣнено узаконеніями, предоставлявшими „намѣстнику Бога" фактическую власть управленія церковію. Такой участи подверглось и предложеніе духовнаго чина объ учрежденіи „государственной консисторіи" (Consistorium regni), предназначавшейся для контроля надъ выполненіемъ новой ординанціи. Функціи консисторіи „сами собою" перешли къ высшей государственной власти. По смыслу новаго регламента, епископская власть становится „даромъ королевской милости", почему изъ чина посвященія исключаются слова—„по изволенію Божію и церкви". Духовенство вынуждено было примириться со своею судьбой, зная непреклонную волю короля, не допускавшаго никакихъ уступокъ или компромиссовъ въ вопросѣ о суверенствѣ. Такимъ образомъ сформировался въ Швеціи своеобразный церковный строй, который, въ существенныхъ своихъ чертахъ, продолжаетъ существовать до настоящаго времени. Но насколько „жестоко-сердымъ", „тираномъ" и „эгоистомъ" казался современникамъ Карлъ XI въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ усиленію королевскаго суверенитета, настолько же терпимымъ и снисходительнымъ онъ зарекомендовалъ себя въ рѣше-

ніи вопросовъ, не имѣвшихъ отношенія къ церковной политикѣ. Здѣсь Карлъ XI является „глубоко-религіознымъ“ человѣкомъ, пекущимся о благѣ своей церкви. Попеченіе Карла XI о благоустроеніи церковномъ выразилось въ изданіи исправленныхъ книгъ: *служебника*, *гимнологія* и *катихизиса*. Карлъ XI принималъ въ этихъ трудахъ дѣятельное участіе въ качествѣ внимательнаго контролера и усерднаго поощрителя,—и только благодаря его „нетерпѣливости“ и постояннымъ напоминаніямъ предпринятыя изданія могли выйти въ свѣтъ еще при его жизни. Главными сотрудниками короля были: архіеп. О. Свебеліусъ, еп. Г. Спегель, прустъ І. Сведбергъ, отецъ Э. Сведенборга и еп. Э. Бенцеліусъ. Вопросъ объ изданіи новаго служебника (Handbok) вызванъ былъ необходимостію согласить его съ новымъ регламентомъ. Сначала дѣло поручено было королемъ Свебеліусу (1686 г.), но по настойчивому предложенію архіепископа было передано въ руки особой комиссіи, которая и закончила работу къ 1693 г. Съ большими трудностями и затратою времени сопряжено было изданіе новаго катехизиса и гимнологія. Первая редакція катехизиса принадлежитъ Спегелю; его трудъ былъ одобренъ и напечатанъ, но поднявшіеся вслѣдъ за симъ съ разныхъ сторонъ протесты принудили короля изъять его изъ употребленія. Послѣ безуспѣшныхъ работъ двухъ новыхъ комиссій составленіе катехизиса возложено было Карломъ XI на Свебеліуса, который съ успѣхомъ исполнилъ порученіе; катехизисъ Свебеліуса одобренъ былъ на риксдагѣ въ 1689 г. и принятъ во всеобщее употребленіе. Еще бо́льшія трудности пришлось преодолѣть при изданіи гимнологія (Psalmbok). Работа была поручена (1691 г.) Сведбергу. Составленный имъ при содѣйствіи „добрыхъ друзей и собратій“ гимнологій, послѣ аппробаціи архіепископа, богословскаго факультета и депутатовъ отъ духовенства на риксдагѣ, былъ отпечатанъ (1694 г.), но послѣдовавшая за симъ крайне рѣзкая критика еп. вестеросскаго Карлсона и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, усмотрѣвшихъ въ книгѣ разнообразныя ереси и недочеты, вызвала новую ревизію гимнологія (1695 г.). Несмотря на „краткое и ясное“ опроверженіе обвиненій, представленное Сведбергомъ комиссіи, гимнологій найденъ былъ неудобопріемлемымъ и изъятъ изъ употребленія. Только въ 1698 г. вышелъ въ свѣтъ всѣми аппробированный псаломникъ, признаваемый критикою за „дѣйствительно образцовое произведеніе“. Въ правленіе Карла XI были также начаты работы по изданію новой шведской Библіи. Королю хотѣлось имѣть изданіе, „по корректности и доброкачественности въ типографскомъ отношеніи не уступающее имѣющимся въ другихъ христіанскихъ государствахъ Библіямъ“ и при томъ возможно дешевое. Первоначально (1685 г.) дѣло „исправленія и пересмотра“ Библіи поручено было Свебеліусу и Спегелю, но въ 1691 г. передано въ особую „библейскую комиссію“. Трудъ былъ оконченъ въ 1691 г. и врученъ королю. Въ основу положенъ былъ текстъ шведской Библіи, изданной въ 1658 г. книгопечатникомъ г. Кейзеромъ, а для сличенія текста пользовались еврейскимъ и греческимъ текстомъ, Библіею Лютера и т. наз. Стренгнесскими обсерваціями“ (1600 г.). Начавшіяся пререканія о „новизнахъ“ и смыслѣ предписанія,—„исправлять лишь самое необходимое“,—затянулись на столь долго, что Карлъ XI сошелъ въ могилу, не дождавшись окончанія ихъ. Библія была отпечатана при его преемникѣ (1703 г.) и извѣстна подъ именемъ „Библіи Карла XII“.

Прилагая стараніе ко всяческому благоустроенію церкви, Карлъ XI лично подавалъ примѣръ неукоснительнаго исполненія уставовъ церковныхъ, того же требуя и отъ другихъ. Для насажденія благочестія среди подданныхъ онъ не гнушался и такими средствами, какъ обложеніе ослушниковъ тяжелыми пенями и болѣе суровыми наказаніями. Особенно заботился онъ объ охраненіи святости воскреснаго дня. Въ воскресные дни были запрещены всякія общественныя работы, театральныя зрѣлища и общественныя увеселенія. Мало того: во время богослуженія не позволялось никому,—за исключеніемъ врачей и духовныхъ лицъ,—не только ѣздить въ экипажахъ или верхомъ, но и ходить пѣшкомъ. Ревностный лютеранинъ, Карлъ XI весьма строго относился къ иновѣрцамъ; переходъ изъ лютеранства въ иное исповѣданіе влекъ за собою изгнаніе изъ страны. Несмотря на

значительные пробѣлы въ образованіи, Карлъ XI высоко цѣнилъ просвѣщеніе. Упсальскій университетъ въ его время славился такими выдающимися учеными, какъ Рудбекій, Пуффендорфъ и др.

Литература. Sveriges historia under konungarna af Pfalziska huset af Fr. Ferd. Carlson, II—V d-ar: Carl XI. *And. Fryxell*, Berättelser ur svenska Historia. D. XVIII. *H. Lundström*. Bidrag till de kyrkliga böckernas historia under Karl XI: sregering (Kyrkohistorisk Arskrifl, 1900). *L. A. Anjou*, Svenska kyrkans historia ifrån Upsala möte 1593 till slutet af 17: de århundradet, 1866. Sveriges Historia från äldsta tid till våra dagar, B. IV, S. 401—527.

П. Р—цевъ.

Карляйль (Carlisle, произносится Карляйль; по-римски Luguvallum, которое было сокращено въ Luell, съ прибавкою къ послѣднему слова Caer—городъ—Caer-Luell, откуда получилось сначала Carliol, а затѣмъ и современное Carlisle), городъ сѣверной Англіи, столица Кумберланда, и мѣстопребываніе каѳедры еп. карляйльскаго. Городъ этотъ очень древняго происхожденія. До прихода сюда римлянъ, здѣсь существовало поселеніе кельтовъ, которое и было занято первыми. Судя по массѣ находимыхъ остатковъ римскаго періода, городъ, видимо, былъ очень значительный. Не далеко отъ него проходила знаменитая стѣна императора Севера, построенная имъ для отраженія пиктовъ. По удаленіи отсюда римлянъ (въ V ст.), городъ былъ разоренъ пиктами; но въ VII в. король Нортумберландіи Egfrid вновь возстановилъ его, хотя не надолго; городъ былъ опять разоренъ датчанами. Возстановленъ онъ былъ 200 лѣтъ спустя, при Вильямѣ Руфѣ (Вильгельмѣ Красномъ-Рыжемъ), который построилъ здѣсь замокъ (1092 г.), признавая важное пограничное значеніе за этимъ городомъ. Дѣйствительно, послѣдній игралъ большую роль въ послѣдующей борьбѣ Англіи съ Шотландіею. Карляйль окончательно перешелъ въ руки Англіи въ 1217 г. Въ 1315 г. онъ подвергся неудачной осадѣ со стороны шотландцевъ, которымъ въ 1345 г. удалось сжечь его, хотя они и встрѣтили храброе сопротивленіе со стороны защитниковъ города, особенно самого епископа Джона Де-Кёркби (John de Kirkby, 1332—1352 г.), человѣка воинственнаго, принимавшаго участіе во многихъ осадахъ, битвахъ и стычкахъ. Во время гражданской войны въ Англіи, городъ былъ осажденъ Парламентскими войсками (1644 г.) и капитулировалъ въ 1646 г.

Карляйльская каѳедра тоже очень древняго происхожденія. Сначала Карляйль былъ въ епархіи епископа линдисфарнскаго; послѣднему, въ лицѣ св. Кудберта, онъ былъ переданъ королемъ Нортумбріи Egfrid'омъ. Послѣ переноса каѳедры изъ Линдисфарна въ Durham (995 г.; сначала въ Chester le-Street въ 883 г.) Карляйль сдѣлался частію этой дюргэмской епархіи. Въ 1092 г. Вильямъ Руфъ посѣтилъ городъ, построилъ замокъ и оставилъ правителемъ города богатаго священника норманна, по имени Walter'a. Послѣдній тотчасъ же началъ строить церковь во имя Пр. Богородицы; но дѣло постройки было закончено уже при Генрихѣ I. Король Генрихъ I основалъ при церкви (1123 г.) монастырь регулярныхъ августинскихъ канониковъ, и своего духовника Aetelwulf'a сдѣлалъ пріоромъ. Карляйль былъ во власти дюргэмскаго епископа до 1128 г., до смерти еп. Flambard'a. Генрихъ I былъ крайне недоволенъ этимъ епископомъ: желая уменьшить власть и силу владыкъ Дюргэма, онъ рѣшилъ урѣзать ихъ діоцезъ и выдѣлить Карляйль въ особую, независимую епархію. Первымъ епископомъ былъ сдѣланъ вышеупомянутый пріоръ Этельвульфъ (въ 1133 г.), духовникъ короля; церковь монастыря стала каѳедральнымъ соборомъ; капитулъ послѣдняго состоялъ изъ августинскихъ канониковъ, въ отличіе отъ прочихъ англійскихъ капитуловъ, большею частію бенедиктинскихъ. Во время реформаціи монастырь перешелъ къ коронѣ (въ 1540 г.), и послѣдній пріоръ Salkeld былъ сдѣланъ деканомъ капитула, открытаго Генрихомъ VIII; въ 1545 г. соборъ былъ переименованъ въ честь Св. Троицы. Среди епископовъ этой каѳедры послѣ реформаціи нужно упомянуть Джемса Ушера (James Usher, 1642—1656), автора знаменитой книги по библейской хронологіи: „Annales Veteris et Novi Testamenti“.

Каѳедральный соборъ былъ начатъ Вальтеромъ, но законченъ былъ уже при Генрихѣ I. Это было зданіе норманскаго стиля. Въ XIII в. послѣднее было перестроено въ древнеанглійскомъ стилѣ. Соборъ много страдалъ отъ пожаровъ (особенно въ 1292 г. и 1392 г.). Самая замѣчательная часть собора (въ архитектурномъ отношеніи) — это восточное окно (декоративнаго стиля Late Decorated style). Въ общемъ, соборъ представляетъ смѣсь почти всѣхъ стилей, включительно до Perpendicular style (чисто-англійскій стиль XV в., отличающійся богатствомъ разработки рисунка и украшеній). Въ соборѣ Карляйля погребенъ извѣстный англійскій богословъ архидіаконъ Paley (1791 г.), авторъ знаменитой книги „Evidences of Christianity".

Литература. *R. S. Ferguson*, Carlisle (1889). *C. K. Eley*, The Cathedral Church of Carlisle. (1900). *P. H. Ditchfield*, The Cathedrals of Great Britain (London 1902).

К. Фаминскій.

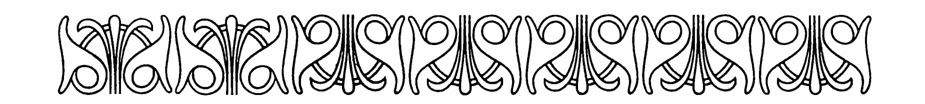
Кармановъ, Діомидъ Ивановичъ, былъ сыномъ посадскаго человѣка города Твери. Родился онъ въ 1740 году, а скончался въ 1795 году. Съ малыхъ лѣтъ стремясь къ знанію, Кармановъ, будучи еще мальчикомъ 12 или 13 лѣтъ, познакомился съ воспитанниками единственнаго тогда въ Твери учебнаго заведенія—Духовной Семинаріи. Узнавши, чему и какъ учатъ въ Семинаріи, онъ рѣшился пойти туда и пробылъ однимъ изъ приватныхъ учениковъ Семинаріи нѣсколько лѣтъ. Онъ слушалъ лекціи замѣчательнаго ректора тверской Семинаріи Макарія Петровича, ходя чуть не каждый день слушать ихъ изъ Твери въ Желтиковъ монастырь. Тверская Семинарія переживала въ то время одну изъ замѣчательныхъ эпохъ своей исторіи. Высокоталантливые дѣятели этой эпохи по примѣру Макарія Петровича смѣло ополчились противъ предразсудковъ того времени и ввели обученіе наукамъ въ Семинаріи на русскомъ языкѣ,—явленіе небывалое до того времени. Замѣчательно широко поставленный курсъ обученія въ тверской Семинаріи того времени утолилъ жажду знанія и далъ ему силы и средства для дальнѣйшаго пріобрѣтенія ихъ. Ставши впослѣдствіи первымъ публичнымъ нотаріусомъ города Твери, Кармановъ сдѣлался виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, отзывавшимся на всѣ запросы своего времени. Онъ хлопочетъ предъ преосв. Платономъ о возстановленіи преподаванія наукъ въ тверской Семинаріи на русскомъ языкѣ въ интересахъ дѣтей горожанъ, составляетъ не одно ходатайство предъ правительсгвомъ о нуждахъ города Твери, занимается разслѣдованіемъ прошлаго тверского края, произноситъ панегерикъ императрицѣ Екатеринѣ II, много сдѣлавшей для города Твери. Историческое изслѣдованіе Карманова надолго оставалось единственнымъ для исторіи города Твери и содержитъ въ себѣ немало цѣнныхъ свѣдѣній. Принималъ Кармановъ немалое и, кажется, довольно плодотворное участіе въ убѣжденіи раскольниковъ присоединиться къ православію, каковое присоединеніе выразилось въ концѣ концовъ въ формѣ единовѣрія. Изъ его сочиненій извѣстны:

1) Историческія извѣстія тверского княжества; 2) Историческія извѣстія о городахъ тверской губерніи; 3) Вопль купецкихъ и разночинческихъ дѣтей; 4) Рѣчь императрицѣ Екатеринѣ II благодарительная отъ тверского купечества и мѣщанства; 5) Рѣчь тверскому намѣстнику Я. Е. Сиверсу; 6) Письма Д. И. Карманова къ старообрядцамъ поповщинскаго толка; 7) Нѣсколько проповѣдей его на разные случаи.

Первыя пять сочиненій изданы въ 1893 г. архивною коммиссіей; письма къ старообрядцамъ протоіереемъ В. Ѳ. Владиславлевымъ.

Литература. *В. И. Колосовъ*, Д. И. Кармановъ: Собраніе сочиненій, относящихся къ исторіи тверского края, Тверь 1893; *его же*, Библіотека тверского археолога XVIII в. Д. И. Карманова, Тверь 1897. Прот. *В. Ѳ. Владиславлевъ*, Д. И. Кармановъ и его проповѣди, въ „Тверскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ" 1889 г. № 4. *Д. И. Кармановъ*, Собраніе сочиненій, относящихся къ исторіи тверского края со статьей о немъ *В. И. Колосова*, Тверь 1893. Письма *Д. И. Карманова* къ старообрядцамъ поповщинскаго толка со статьею прот. *В. Ѳ. Владиславлева* въ „Тверск. Епарх. Вѣд." за 1894—5 гг.

В. Колосовъ.

Іерархія первохристіанская: ея происхожденіе. На вопросъ: откуда ведетъ свое начало іерархія христіанской церкви? кратко и ясно отвѣчаютъ намъ такъ: „отъ самого Іисуса Христа и отъ сошествія на Апостоловъ Св. Духа и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжается чрезъ преемственное рукоположеніе въ таинствѣ священства“. Разумѣется, съ высшей догматической точки зрѣнія все, что происходитъ въ церкви великаго и святого,—все это совершается Христомъ и Св. Духомъ. Съ этой догматической стороны вопросъ разсмотрѣнъ въ „Энц.“ VI, 255—264, но что касается собственно *происхожденія* первохристіанской іерархіи, то здѣсь поможетъ намъ лишь историческая перспектива, ибо законы исторіи проявили свою силу и въ настоящемъ случаѣ.

Начнемъ съ епископата. Апостола Іакова обыкновенно называютъ первымъ іерусалимскимъ епископомъ, но съ этимъ наименованіемъ несправедливо соединять мысль, что въ Іерусалимѣ раньше, чѣмъ гдѣ-либо, возникъ епископатъ и что отсюда это установленіе перешло въ другія страны и церкви. Іакова мы именуемъ епископомъ, примѣняясь къ позднѣйшему словоупотребленію. На самомъ дѣлѣ онъ былъ епископомъ іерусалимскимъ въ качествѣ организатора іерусалимской церкви, какимъ считается и Ап. Петръ для римской церкви, если только сказаніе о его продолжительномъ пребываніи въ Римѣ не есть совершенная легенда. Іаковъ нигдѣ въ апостольскихъ писаніяхъ не именуется епископомъ: да онъ и не былъ епископомъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова: онъ сталъ во главѣ общины не по избранію отъ своей церкви (а избраніе — характеристическая черта епископской должности), но единственно потому, что былъ „братъ Господень“ по плоти. Примѣръ дѣятельности Іакова не имѣлъ никакого вліянія на появленіе и развитіе епископата. Указаніе на должность епископа встрѣчается только въ посланіяхъ Павла къ церквамъ и лицамъ, находившимся среди христіанскаго общества въ языческомъ мірѣ (Филипп. 1, 1; въ Пастырскихъ посланіяхъ), или же въ его рѣчахъ, обращенныхъ къ епископамъ языческихъ мѣстностей (Дѣян. 20, 28). Къ сожалѣнію, мы не обладаемъ никакими фактическими данными для разъясненія вопроса о происхожденіи епископата. Приходится прибѣгнуть къ предположеніямъ. Вѣроятно, дѣло происходило довольно просто. Образовалась, положимъ, какая-либо христіанская община. Нуженъ былъ руководитель для нея. Апостолъ Христовъ или какой-либо другой „евангелистъ“ предоставлялъ общинѣ выбрать изъ числа обращенныхъ предстоятеля, руководителя и управителя,— и вотъ появлялся руководитель общины, который потомъ, подобно прочимъ своимъ собратьямъ, получилъ имя епископа, при чемъ названіе это не новое: оно встрѣчалось въ языческомъ мірѣ [1]). Епископъ долженъ былъ въ воспоминаніе послѣдней Христовой вечери совершать евхаристію, т. е. литургію (она, вѣроятно, на первыхъ порахъ совершалась только въ дни воскресные); крестилъ новообращенныхъ; возбуждалъ паству къ пожертвованіямъ и раздавалъ ихъ бѣднымъ, страждущимъ, странникамъ, не исключая харизматическихъ пророковъ; входилъ

[1]) Подробнѣе о „епископахъ“ въ языческомъ мірѣ см. *Bruders*, Die Verfassung d. Kirche von ersten Jahrzenten d. apostolisch. Wirksamkeit an bis zum Jahre 175 (католич. произведеніе), Mainz 1904, S. 360. 363.

въ сношенія съ другими церквами. Вообще, онъ являлся лицомъ административнымъ въ общинѣ. Но его положеніе заставляло еще желать многаго, чтобы стоять во главѣ общины. И дѣйствительно, епископы, на ихъ счастіе, вслѣдствіе хода исторической жизни не остались на той ступени, на какой они стояли сначала. Они стали возрастать въ своемъ авторитетѣ по сравненію съ болѣе раннимъ положеніемъ. Но они возвысились не во всѣхъ мѣстахъ христіанскаго міра одновременно: въ однѣхъ церквахъ возвышеніе епископовъ произошло раньше, въ другихъ позже (первое встрѣчаемъ въ Малой Азіи, Сиріи, а второе въ Египтѣ и на Западѣ). Тѣмъ не менѣе въ срединѣ II вѣка или нѣсколько позднѣе этотъ фактъ сталъ несомнѣннымъ достояніемъ исторіи: всѣ епископы этой эпохи возросли въ своемъ значеніи. Такое возвышеніе епископата совершилось не путемъ какой-нибудь узурпаціи и не было плодомъ какихъ-либо деспотическихъ стремленій, какъ утверждаютъ иногда протестантскіе теологи, не долюбливающіе епископскій институтъ. Ничего такого не замѣчается. Дѣло происходило на почвѣ строгой законности и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ. Кончили жизнь, переселились въ вѣчность люди, которые оставили послѣ себя богатое наслѣдство. Прямыхъ наслѣдниковъ не оказалось. За отсутствіемъ ближайшихъ родственниковъ, наслѣдсгво по закону перешло къ боковой линіи. А такою боковою линіей оказались епископы, почему они и получили наслѣдство. Вотъ и все... Такой памятникъ, какъ Διδαχή, прекрасно разъясняетъ, въ чемъ дѣло. Здѣсь (гл. 15, ст. 1—2) заповѣдуется христіанамъ: „не показывайте пренебреженія къ епископамъ [1]); они должны почитаться вами вмѣстѣ съ *пророками* и дидаскалами (т. е. харизматическими лицами); ибо они совершаютъ для васъ служеніе пророковъ и дидаскаловъ“. Итакъ, писатель этого памятника требуетъ почтенія для епископовъ на томъ основаніи, что они стали исполнять въ общинѣ служенія пророковъ и дидаскаловъ. Другими словами: здѣсь предписывается оказывать епископамъ ту честь, которая доселѣ принадлежала другимъ лицамъ—пророкамъ и дидаскаламъ. Это значитъ, что теперь, когда писалъ авторъ Διδαχή, епископы стали замѣнять собою этихъ послѣднихъ, принявъ на себя ихъ миссію. Такъ дѣйствительно и было. Тотъ же памятникъ даетъ разумѣть, что въ иныхъ мѣстахъ, въ иныхъ церквахъ, уже не встрѣчалось пророковъ (13, 4). Вотъ наслѣдствомъ отъ этихъ-то вымирающихъ (съ постепеннымъ упадкомъ христіанскаго энтузіазма) пророковъ и дидаскаловъ и воспользовались епископы. Оно перешло къ нимъ, потому что епископы были самыми видными представителями общины, послѣ пророковъ и дидаскаловъ (ibid. 15, 1). Это было чрезвычайно выгодно для авторитета епископовъ. Они стали пользоваться такимъ же почетомъ, какимъ доселѣ пользовались пророки и дидаскалы, эти важныя лица, дѣйствовавшія во имя Св. Духа. Наслѣдіе, доставшееся епископамъ отъ пророковъ и дидаскаловъ, было очень значительно. Пророки и дидаскалы были проповѣдниками въ общинахъ, наставниками въ „правдѣ и знаніи Господа“ (ibid. 11, 2). Стать на мѣстѣ этихъ пророковъ и дидаскаловъ значило занять то видное положеніе, которое занимали вымиравшіе пророки и учители. Эти послѣдніе были мужи (какъ ихъ и называли) глаголавшіе слово Божіе (Евр. 13, 7). Теперь же, съ исчезновеніемъ специфическихъ проповѣдниковъ, такими должны были сдѣлаться епископы. Они стали возвѣстителями „здраваго слова“ (Тит. 2, 8), чѣмъ доселѣ были харизматическіе учители. Пророки и дидаскалы, по своей задачѣ, не были проповѣдниками мѣстными; они принадлежали многимъ или всѣмъ церквамъ, почему и были странствующими. Занявъ мѣсто этихъ лицъ, сами епископы такимъ образомъ являлись вождями не одной своей церкви, а—подобно харизматическимъ учителямъ—представителями всей церкви. Положеніе вещей, совершенно независимо отъ личной воли епископовъ, создавало условія, очень благопріятныя для развитія ихъ авторитета. Они стали учить въ церкви, какъ доселѣ это дѣлали пророки и дидаскалы. Но спрашивается: развѣ раньше этого времени епископы не учительствовали въ церкви? Ап. Павелъ въ Пастырскихъ посланіяхъ

[1]) Правда, въ указанномъ мѣстѣ «Ученія 12-ти» наряду съ епископомъ упоминается и діаконъ, но послѣдующая исторія своимъ теченіемъ отторгла діаконатъ отъ епископата.

требуетъ отъ епископовъ учительности (1 Тим. 3, 2. Тит. 1, 9), но послѣдующая церковь не настаивала на проявленіи этого качества. Это и понятно: институтъ апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ, который существовалъ такое продолжительное время съ его миссіею „глаголать слово Божіе", т. е. учить христіанъ, дѣлалъ не столь настоятельною потребность въ учительности епископата. Памятникъ Canones ecclesiastici, рисующій положеніе церкви конца II вѣка, говоря о требованіяхъ по отношенію къ епископу, замѣчаетъ: „если епископъ безграмотенъ (ἀγράμματος), то онъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ, кротокъ" и т. д. [1]). Подробнаго же рода замѣтку находимъ въ такъ наз. „Постановленіяхъ апостольскихъ", гдѣ говорится: „да будетъ епископъ, если возможно, обученъ, а если онъ будетъ безграмотенъ (ἀγράμματος), то да будетъ" и проч. (кн. II, гл. 1). Примѣры епископовъ, не имѣвшихъ никакого образованія, неучей, очень не рѣдки въ древнѣйшей церкви [2]). Слѣдовательно: если епископы, будучи поставлены на мѣстѣ пророковъ и дидаскаловъ, при этомъ начинаютъ дѣло новое для нихъ—учить народъ, то въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго и спорнаго [3]). Къ сожалѣнію, мы мало знаемъ такихъ епископовъ, которые носили бы на себѣ ясные слѣды той перемѣны въ положеніи епископовъ, о какой у насъ рѣчь. Впрочемъ, мы не совсѣмъ лишены возможности привести примѣръ двухъ епископовъ II вѣка, которые жили на рубежѣ, отдѣляющемъ церковь съ пророками и дидаскалами отъ церкви, гдѣ мѣсто этихъ лицъ въ извѣстномъ отношеніи только-что занято епископами. Разумѣемъ двухъ епископовъ малоазійскихъ II вѣка: Поликарпа смирнскаго и Мелитона сардійскаго, о которыхъ дается понимать въ источникахъ, что они (по терминологіи Διδαχή) „исполняли служеніе пророковъ", хотя они несомнѣнно были епископами; о Поликарпѣ даже замѣчено, что онъ былъ не только пророкомъ, но и дидаскаломъ (Евсевій., Церк. Ист. IV, 15; V, 24).

Итакъ, епископы, занявъ мѣсто прежнихъ пророковъ и дидаскаловъ, усвоили важное отличіе въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ они были до сихъ поръ. Они стали вождями христіанскихъ обществъ въ ученіи. Съ этихъ поръ,—приблизительно съ конца II вѣка,—первымъ предикатомъ епископскаго званія стало учительство. „Постановленія Апостольскія", опредѣляя признаки епископа, на первомъ мѣстѣ ставятъ: онъ есть „служитель слова" (II, 26) [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ епископы въ качествѣ наслѣдства отъ прежнихъ пророковъ и учителей получили и многое другое, весьма существенное. Впослѣдствіи епископы стали называться „первосвященниками" (ibid. II, 19) по наслѣдству отъ пророковъ, которымъ было усвоено это имя [2]). Если съ конца II вѣка начинаетъ упоминаться каѳедра епископовъ (и пресвитеровъ) [3]), то можно утверждать, что это та самая каѳедра, на которой первоначально возсѣдали пророки и дидаскалы [4]). Если въ памятникахъ часто упоминается о начаткахъ (Постан. Апост., Прав. Апостольск., Оригенъ) [5]), какъ нормальной принадлежности епископа, то изъ Διδαχή мы знаемъ (гл. 13), что начатки ранѣе назначались для вознагражденія пророковъ.

Замѣтимъ, что всѣ эти опредѣленія епископской должности, какія мы перечислили и разъяснили выше, сами по себѣ, быть можетъ, не абсолютно новы: они—explicite или implicite—были уже даны въ

¹) *Ad. Harnack* Die Quellen der apostolisch. Kirchenordn., S. 10.

²) Намъ извѣстно не мало поразительныхъ примѣровъ совершенной необразованности епископовъ (см. проф. *Ал. П. Лебедевъ*, Духовенство древней церкви, стр. 280). Правда, эти примѣры относятся къ III вѣку, но тѣмъ печальнѣе, конечно, было положеніе епископата въ указанномъ отношеніи ранѣе, во II вѣкѣ.

³) Интересно, что по извѣстію историковъ даже въ IV в. римскіе епископы не имѣли обычая проповѣдовать въ церкви. *Cassiodori* Historia tripart., lib. IX, cap. 38—39.

¹) *Сирійская дидаскалія* очень опредѣленно теперь указываетъ, въ чемъ должно было выражаться «учительство» епископа въ III в. *H. Achelis*, Die Syrische Didascalia, Lpzg 1904, 5. 15—17.

²) „Они (пророки) — первосвященники ваши". *Ученіе 12-ти* XIII, 3.

³) Gradus sacerdotii — cathedra doctoris (Оригенъ). Это и другія свидѣтельства указаны у *Harnack*'а, Die Lehre der zwölf Apost., S. 155.

⁴) О каѳедрѣ пророка говоритъ *Ермъ*, «Заповѣди» XI, 1.

⁵) Подробнѣе см. у проф. *Ал. П. Лебедева*, Духовенство древней церкви, 402—403.

Пастырскихъ посланіяхъ, но только они раскрывались путемъ жизненнаго развитія въ теченіе исторіи и получили здѣсь—съ постепенностію—свой должный смыслъ. Съ указаннымъ наслѣдствомъ епископатъ вскорѣ достигаетъ той высоты, на какой онъ и остается въ исторіи церкви.

Теперь попытаемся, на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи скудныхъ данныхъ, представить себѣ тотъ историческій процессъ, чрезъ который прошелъ епископатъ, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Процессъ этотъ показываетъ, какимъ образомъ епископскій институтъ, обладая сначала второстепеннымъ и даже третьестепеннымъ значеніемъ въ церковной общинѣ, наконецъ сталъ во главѣ этой послѣдней. Ап. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ (около 57 г.) говоритъ: „иныхъ Богъ поставилъ въ церкви, во-первыхъ, Апостолами, во-вторыхъ, пророками, въ-третьихъ, учителями; далѣе, инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможенія, *управленія*, разные языки“ (1 Кор. **12**, 28). Если здѣсь подъ именимъ лицъ, которымъ принадлежитъ управленіе (κυβερνήσεις), станемъ разумѣть такихъ предстоятелей церкви, которые потомъ получили наименованіе епископовъ (Гарнакъ), то для насъ открывается, что около 57 года епископы стояли очень не высоко на лѣстницѣ церковнаго предстоятельства. Они стояли не только ниже харизматическихъ учителей, но и двухъ—трехъ классовъ лицъ, обладавшихъ особливыми чрезвычайными дарованіями; они, можно сказать, отнесены Апостоломъ Павломъ не болѣе, какъ къ третьему разряду церковнаго чиноначалія. Спустя лѣтъ пять послѣ этого, тотъ же Апостолъ въ посланіи къ Ефесянамъ даетъ новый списокъ предстоятелей церковныхъ, болѣе краткій (потому что въ немъ не упомянуты лица, обладавшія чрезвычайными дарованіями), и въ этомъ перечнѣ „пастыри“, подъ которыми будемъ разумѣть епископовъ, занимаютъ второстепенное мѣсто, послѣ трехъ степеней харизматическихъ учителей (Ефес. **4**, 11). Положеніе дѣла въ общемъ осталось безъ перемѣны [1]). Затѣмъ въ исторіи нашего вопроса замѣчается большой пробѣлъ. Обращаемся къ срединѣ II вѣка. Въ такъ наз. „Ученіи двѣнадцати Апостоловъ“ церковное предстоятельство представлено въ яркой и довольно полной картинѣ. Первое мѣсто отводится здѣсь извѣстнымъ харизматическимъ учителямъ (гл. 11. 13), а второе по нимъ епископамъ съ діаконами (гл. 15). Видно, что удержались еще порядки апостольскаго времени (такъ было, вѣроятно, въ Египтѣ). Нормирующимъ началомъ, по этому памятнику, представляются въ церкви харизматическіе учители: не харизматическіе учители берутъ примѣръ съ епископовъ, а епископы съ этихъ послѣднихъ, ибо они заслуживали уваженія, какъ лица, подражающія (исполняющія) служенію пророковъ и дидаскаловъ (15, 1—2). Но въ то же время, когда появился памятникъ „Ученіе 12-ти“ или даже ранѣе того, въ важнѣйшей изъ церквей—римской замѣчается сильное теченіе, очень неблагопріятное для харизматическихъ учителей и выгодное для епископата. Разумѣемъ эпоху написанія книги „Пастыря“ Ермомъ. Правда, въ этомъ сочиненіи, когда перечисляются лица, составляющія церковное представительство, первое мѣсто, по обычаю, отводится харизматическимъ учителямъ, а уже послѣ нихъ упоминается епископъ съ діакономъ („Подобія“ IX, гл. 25—27); но, съ другой стороны, ясно открывается, что лучшая пора харизматическихъ учителей невозвратно прошла. Ермъ много непохвальнаго приписываетъ пророкамъ, находя въ нихъ „духъ земной, легкомысленный, лишенный силы“. По Ерму, пророки, „будучи суетными, суетно и отвѣчаютъ суетнымъ людямъ“; онъ даже ставитъ имъ въ вину, что они „желаютъ имѣть председательство“ („Заповѣди“, XI). Имъ, какъ видимъ, отказываютъ въ томъ, на что они имѣли право—быть впереди другихъ, находиться во главѣ прочихъ. Мало того: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда Ерму приходится одновременно говорить о епископѣ и харизматическомъ учителѣ, этотъ писатель, не согласно съ обычаемъ, епископу отводитъ высшее мѣсто въ сравненіи съ харизматическимъ учителемъ („Видѣнія“ III, гл. 5). Видно много признаковъ, что въ это время въ Римѣ и, можетъ быть, вообще на Западѣ честь и слава харизматическихъ учителей блекнутъ и

[1]) Въ Пастырскихъ посланіяхъ почему-то нѣтъ рѣчи и мѣста для харизматическихъ учителей, что въ настоящемъ случаѣ было бы для насъ очень важно.

уменьшаются, а авторитетъ епископата растетъ на ихъ счетъ. Епископы восхваляются за то, что „живутъ всегда непорочно“ („Подобія“ IX, 27). Видимо, пришелъ конецъ для харизматическихъ учителей и главнымъ образомъ для пророковъ.—Послѣ этого о нихъ нѣтъ рѣчей въ томъ родѣ, какъ это видимъ въ „Ученіи 12-ти“. Canones ecclesiastici знаютъ епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, но молчатъ о пророкахъ и дидаскалахъ. Значитъ, въ концѣ II вѣка на Востокѣ они уступили свое высокое мѣсто епископамъ. Въ „правилахъ Ипполита“ нѣтъ ни слова о пророкахъ и учителяхъ. Слѣдов., въ концѣ II и началѣ III вѣка на Западѣ или уже забыли, или начали забывать о нихъ. Во главѣ общины, по правиламъ Ипполита, стоитъ епископъ съ прочими іерархическими лицами.

Обыкновенно думаютъ, что діаконатъ возникъ въ іерусалимской церкви, ранѣе всѣхъ другихъ іерархическихъ степеней. Мы не раздѣляемъ этого воззрѣнія. Когда утверждаютъ, что діаконатъ возникъ въ Іерусалимѣ, тогда ссылаются на извѣстную исторію избранія Апостолами „семи“ мужей, которые должны были замѣнить Апостоловъ при раздачѣ пособій бѣднымъ изъ церковнаго достоянія (Дѣян. **6**, 1—5). Но если мы разсмотримъ, когда это было и сколько продолжалось, то увидимъ, что служеніе этихъ „семи“ въ цѣляхъ „ежедневнаго раздаянія потребностей“ продолжалось очень короткое время. Нужно помнить, что въ Іерусалимѣ сдѣлана была попытка устроить христіанскую общину на началахъ общенія имѣній. Вотъ при этомъ-то случаѣ и понадобилось избрать семь мужей, которые должны были сдѣлаться главными распорядителями при раздачѣ всего нужнаго лицамъ нуждающимся. Какъ скоро по сошествіи Св. Духа введено было общеніе имѣній въ Іерусалимѣ,—мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ оно длилось недолго. Лѣтъ черезъ пять по сошествіи Св. Духа, воздвигнуто было гоненіе на христіанъ со стороны іудеевъ, при чемъ христіане должны были временно покинуть Іерусалимъ: когда же они снова возвратились въ городъ (а это произошло въ томъ же году), то общеніе имѣній не возстановлялось. Съ этимъ вмѣстѣ кончилась и миссія „семи“ пещись о „раздаяніи потребностей“. Далѣе, изъ книги Дѣяній (гл. **8**) видно, что, напр., одинъ изъ нихъ, Филиппъ, дѣйствуетъ, какъ могущественный харизматическій учитель, а не какъ діаконъ. Къ разряду харизматическихъ лицъ слѣдуетъ вообще относить этихъ „семь“ мужей. Въ книгѣ Дѣяній (**6**, 8) о Стефанѣ говорится: онъ „исполненъ (былъ) вѣры и силы, совершалъ великія чудеса и знаменія въ народѣ“. Это ужъ не діаконъ, а лицо „апостольскаго“ достоинства. При этомъ нужно помнить, что указанные „семь“ мужей въ книгѣ Дѣяній не называются діаконами. Названіе діаконовъ приписано имъ въ позднѣйшее время. Діаконы, по нашему глубокому убѣжденію, появились впервые тамъ же, гдѣ появились и епископы, т. е. не въ іерусалимской церкви, а въ церквахъ, образовавшихся изъ обращенныхъ язычниковъ. По всѣмъ источникамъ, діаконъ является ближайшимъ и постояннымъ сотрудникомъ епископа. Онъ раздѣлялъ въ древности всѣ функціи епископа: онъ участвовалъ въ богослуженіи, совершаемомъ епископомъ, помогалъ матеріально бѣднымъ, посредствовалъ въ сношеніяхъ между епископомъ и другими церквами и пр. Епископъ не могъ обходиться безъ діакона. Возникновеніе епископата само собою вело къ появленію діаконата. Діаконъ былъ младшимъ братомъ епископа. Въ древности какая-нибудь небольшая община могла не имѣть пресвитеровъ, но безъ діакона обойтись она не могла. Св. Епифаній, епископъ кипрскій, пишетъ: „гдѣ (въ какой-либо общинѣ) не оказывалось человѣка, достойнаго епископства, тамъ мѣсто оставалось безъ епископа; гдѣ же была нужда и были люди достойные епископства, тамъ поставляемы были епископы. Если народа было немного и изъ нихъ не кого было ставить во пресвитеры, то довольствовались однимъ мѣстнымъ епископомъ. А безъ діакона епископу быть невозможно“, заявляетъ св. отецъ [1]). Слѣдовательно, если діаконатъ есть необходимое восполненіе епископата, то онъ и могъ возникнуть тамъ, гдѣ впервые появились епископы. Но такъ какъ епископы впервые появились, какъ мы знаемъ, въ странахъ языческаго міра, то тамъ же нужно

[1]) Св. Епифанія „О ересяхъ“: Ересь 75, гл. 4 (въ русскомъ переводѣ твореній его, т. V). Правда, Епифаній—писатель IV вѣка, но не сталъ бы онъ сочинять небылицъ.

искать и первыхъ христіанскихъ діаконовъ, напр., въ Македоніи (въ Филиппахъ: Филипп. 1, 1) и въ Малой Азіи (Пастырскія посланія).

Такова была первая стадія развитія діаконата. Все обѣщало ему блестящую будущность. Но не такъ было на дѣлѣ. Дальнѣйшее развитіе діаконата не было благопріятно для него. Вмѣсто того, чтобы расти, онъ сталъ малиться. Историческій процессъ не далъ діаконамъ ничего изъ того, чѣмъ воспользовались епископы. Разумѣемъ наслѣдіе, оставшееся отъ такъ называемыхъ харизматическихъ учителей (пророковъ и пр.). Этимъ наслѣдіемъ воспользовались епископы, на долю же діаконовъ ничего не пришлось. Какъ скоро это наслѣдство миновало діаконатъ, діаконы мало стали походить на епископовъ, потеряли сродство съ ними и вслѣдствіе того отторглись отъ близкой связи съ епископатомъ. Они сильно отстали въ развитіи отъ епископата [1]). Причинъ такого явленія набиралось немало. Во-первыхъ, епископы съ исчезновеніемъ харизматическихъ учителей, въ виду потребности времени, сдѣлались истолкователями слова Божія и христіанскаго ученія съ церковной каѳедры; а это намного возвысило ихъ авторитетъ. Примѣру епископа, хоть и не скоро, послѣдовали пресвитеры. Что же касается діаконовъ, то они остались въ сторонѣ отъ этой функціи въ первые три вѣка, отъ чего бы это ни зависѣло. Такимъ образомъ діаконъ отрывался отъ епископа, уступая мѣсто другимъ лицамъ. Ясно, что діаконамъ оставалось только занять слѣдующее низшее мѣсто. Къ указанной причинѣ присоединились и другія. Епископовъ стали уподоблять ветхозавѣтнымъ первосвященникамъ, пресвитеровъ—священникамъ, а діаконовъ—левитамъ (Постан. Апост. II, 25 ad fin). А такъ какъ левиты имѣли второстепенное церковное значеніе, то подобная аналогія повела къ уничиженію самого діаконата.

Обращаемся къ вопросу о происхожденіи пресвитерства. Кто такіе были пресвитеры первоначальнаго христіанства? Подъ понятіе пресвитеровъ тогда подходило много классовъ людей. Пресвитерами назывались старцы, принявшіе христіанство въ зрѣлыхъ лѣтахъ, христіане давно принявшіе христіанство и состарѣвшіеся въ исповѣдываніи новой религіи, всѣ вообще первообращенные въ какой-либо общинѣ христіане, люди вліятельные въ этой послѣдней (достаточные благотворители); могли называться почетнымъ именемъ пресвитеровъ и всѣ лица, исполнявшія опредѣленныя церковныя обязанности, или, иначе сказать, лица должностныя въ христіанской общинѣ, напр., епископы [1]). Въ виду того, что подъ понятіе пресвитеровъ подходило много лицъ въ данной христіанской общинѣ, на языкѣ первохристіанскомъ употребленіе слова „пресвитеръ" въ единственномъ числѣ почти не встрѣчалось; оно употреблялось большею частію во множественномъ числѣ. Это и понятно. Пресвитеры выступаютъ на сцену тогда, когда нужно было подать совѣтъ или вынести опредѣленное рѣшеніе. Пресвитеры составляли коллегію, которой принадлежало рѣшеніе какого-либо труднаго вопроса въ церкви; она выступала, когда нужно было произвести судъ, подать нужный совѣтъ и т. д. Пресвитерству больше всего принадлежала дисциплинарная часть въ церковномъ управленіи. Само собою понятно, что пресвитеры не были избираемы общиною и не были назначаемы кѣмъ-либо на эту должность. Пресвитерство, какъ видно изъ книги Дѣяній (11, 30), впервые въ въ опредѣленной формѣ появилось на почвѣ іудейской, въ самомъ Іерусалимѣ, на первыхъ же порахъ христіанской церкви здѣсь. Пресвитеры составили изъ себя нѣчто подобное іудейскому синедріону послѣ того, какъ христіане стали выдѣляться изъ состава іудейскаго народа и образовывать самостоятельную религіозную общину. Привычка видѣть во главѣ своей прежней общины синедріонъ побудила христіанъ изъ іудеевъ завести у себя подобіе синедріона. Такъ могъ возникнуть іерусалимскій пресвитерій. Что касается самого названія этого, то книги Новаго Завѣта, можно сказать, испещрены наименованіями: „старцы, старѣйшины", а поэтому нѣтъ ничего удививительнаго въ томъ, что передовыя лица христіанскаго общества въ Іерусалимѣ получили это имя. Можно утверждать, что изъ общаго числа пресвитеровъ іерусалимскихъ

[1]) Canones ecclesiastici уже ясно помѣщаютъ діакона ниже пресвитера. *Harnack*, Die Quellen u. s. w., S. 57.

[1]) *Bruders*, Die Verfassung der Kirche, S. 380. 382. 384.

нѣкоторые принимали на себя чисто церковныя функціи, напр., молитвенное помазаніе больнымъ (Іак. **5**, 14). Въ этомъ случаѣ они получали наименованіе „пресвитеровъ церковныхъ“. Но участвовали ли они, эти „пресвитеры церковные“, въ общественномъ богослуженіи апостольскаго времени,—мы не знаемъ. Одно съ несомнѣнностію можно полагать, что пресвитерство церковное впервые появилось на почвѣ іудейско-іерусалимской. Возможное дѣло, что этому сильно содѣйствовало обращеніе „многихъ“ іудейскихъ священниковъ въ христіанство (Дѣян. **6**, 7). Быть можетъ, они-то и составили первыхъ церковныхъ пресвитеровъ. Изъ Іерусалима этотъ институтъ легко и удобно могъ распространиться по христіанскому Востоку. Въ Пастырскихъ посланіяхъ можно уже находить слѣды пресвитерства церковнаго (1 Тим. **5**, 1), хотя на ряду съ этимъ здѣсь говорится и о пресвитерахъ—епископахъ (Тит. **1**, 5—7), и о пресвитерахъ—старцахъ вообще (Тит. **2**, 2). Какъ явленіе іудео-христіанскаго характера, институтъ церковнаго пресвитерства особенно успѣшно прививается въ Сиріи, Малой Азіи, вообще на Востокѣ. Медленнѣе на Западѣ. Во времена мужей апостольскихъ этого рода пресвитерство является прочно утвердившимся въ Сиріи и Малой Азіи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ свидѣтельствахъ мужей апостольскихъ опредѣленнаго указанія [1]) на то, участвовали ли пресвитеры этого времени въ общественномъ богослуженіи въ качествѣ непремѣнныхъ совершителей его. Пресвитеры этого времени дѣйствуютъ коллегіально и единодушно, но яснѣе всего обозначаются лишь судебныя и дисциплинарныя ихъ функціи. Какъ пресвитеры этой эпохи достигали своей должности,—остается неяснымъ. Вѣроятно, ихъ избиралъ и поставлялъ епископъ; участія народа въ выборѣ пресвитеровъ не видно.

Когда пресвитеры получили свое главное отличіе участвовать активно въ общественномъ богослуженіи,—не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, судя по содержанію памятника Canones ecclesiastici, можно утверждать, что въ концѣ II вѣка пресвитеры обладали этимъ правомъ; въ предстояніи епископа, они уже принимали дѣятельное участіе въ совершеніи евхаристіи. Такъ было на Востокѣ. Изъ „правилъ“ же Ипполита открывается, что или въ концѣ II вѣка или въ началѣ III-го пресвитеры и на Западѣ въ предстояніи епископа активно могли участвовать въ совершеніи литургіи (случалось даже, что они въ это время служили литургію и безъ епископа).

Вотъ и все, что мы можемъ сказать о развитіи пресвитерата въ I—II вѣкахъ. Еще должно было пройти немало времени, прежде чѣмъ пресвитеръ сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова помощникомъ епископа, его alter ego. Въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ пресвитеры не имѣли ни права, ни обязанности поучать съ церковной каѳедры христіанскимъ истинамъ; они не могли самостоятельно совершать богослуженіе ни въ городѣ, ни въ селѣ: каждый разъ они должны были получать для этого особое разрѣшеніе отъ предстоятеля церкви. Тогда еще не было ни независимыхъ приходовъ въ городахъ, ни сельскихъ церквей. Паствы у пресвитера не было. Пастыремъ считался только епископъ. Пресвитерій состоялъ при немъ въ качествѣ совѣта и свиты. Эти права, какихъ не было у пресвитеровъ I—II вѣка, они пріобрѣтаютъ постепенно [1]).

См. нѣсколько подробнѣе въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, 1907 г., № 3, стр. 460—474.

Ал. Лебедевъ.

Іуда Предатель. Обычное наименованіе Іуды Предателя въ синоптическихъ Евангеліяхъ: „Іуда Искаріотъ“ (Ἰούδας ὁ Ἰσκαριώτης: Мѳ. **10**, 4. Мрк. **3**, 19. Лк. **6**, 16), а въ четвертомъ Евангеліи (**6**, 71. **12**, 4. **13**, 2. 26) болѣе полно: „Іуда Симоновъ Искаріотъ“ (Ἰούδας Σίμωνος Ἰσκαριώτης). „Искаріотъ“—Ἰσκαριώτης есть форма грецизированная, которой соотвѣтствуетъ семитическая форма: Ἰσκαριώθ (по лучшимъ кодексамъ у Мрк. **3**, 19. **14**, 10. Лк. **6**, 16; въ D: Σκαριώθ). Какъ показываетъ самое наименованіе и древняя глосса: ὁ ἀπὸ Καριώτου-„отъ Каріота“,—„Искаріотъ“ означаетъ: „мужъ (гражданинъ) изъ Каріота“,—города въ Іудеѣ, въ колѣнѣ Іудовомъ (теперешній находящійся въ развалинахъ el-Karjeten, къ югу отъ Хеврона).

---

[1]) Проф. *Ал. П. Лебедевъ*, Духовенство древней церкви, стр. 61—65.

[1]) См., впрочемъ, у проф. *Ал. П. Лебедева*. Духовенство древней церкви, стр. 158—170.

Слѣдовательно, среди XII-ти Апостоловъ Іуда Искаріотъ былъ единственнымъ Апостоломъ, происходящимъ не изъ Галилеи, а изъ Іудеи. Наименованіе „Симоновъ“ указываетъ, что Іуда былъ сынъ Симона, или же носилъ имя своего отца, въ качествѣ второго имени, что среди іудеевъ того времени было, какъ извѣстно, довольно обычно.

Во всѣхъ перечисленіяхъ Апостоловъ Іуда Искаріотъ занимаетъ послѣднее мѣсто (Мѳ. **10**, 4. Мрк. **3**, 19. Лк. **6**, 16), причемъ выразительно указывается на его предательство (Мѳ. **10**, 4. Мрк. **3**, 19: „иже и предаде его“. Лк. **6**, 16: „иже и бысть предатель“). Поставляется Іуда попарно то съ Симономъ Кананитомъ (Мѳ. Мрк.), то съ Іудою Іаковлевымъ (Лк.). Быть можетъ, болѣе первоначально его поставленіе у Матѳея и Марка: зилотизмъ сближалъ его съ Симономъ Кананитомъ.

Избраніе Іуды ни чѣмъ не отличалось отъ избранія прочихъ Апостоловъ (ср. Дѣян. **1**, 17). Онъ былъ избранъ Самимъ Господомъ для проповѣди Евангелія за свою одушевленную вѣру въ грядущее мессіанское царство и, подобно другимъ Апостоламъ, благовѣствовалъ, исцѣлялъ болѣзни, воскрешалъ мертвыхъ, изгонялъ бѣсовъ (ср. Мѳ. гл. **10**. Мрк. **6**, 12—13. Лк. **10**, 17). Что выдѣляло Іуду изъ среды другихъ XII-ти Апостоловъ,—это его экономическія способности, почему онъ былъ, такъ сказать, казначеемъ небольшой Христовой общины, имѣя ковчежецъ и нося вметаемое въ него (Ін. **12**, 6) добровольными жертвователями, вѣрными послѣдователями Христа Спасителя (Лк. **8**, 3).

Первые три Евангелиста ничего не сообщаютъ изъ жизни Іуды Искаріота до его предательства, такъ что послѣднее, слѣдуя ихъ повѣствованію, является какъ бы неожиданнымъ. Только одинъ св. Іоаннъ передаетъ, что Христосъ провидѣлъ своего будущаго предателя (Ін. **6**, 70—72), что Іуда былъ одержимъ корыстолюбіемъ (Ін. **12**, 6). Вопросъ о томъ, почему Іуда предалъ Господа, рѣшается различно. Совершенно легкомысленными и не имѣющими никакой опоры въ евангельскомъ текстѣ являются попытки оправдать Іуду (въ послѣднее время такую не только глупо-безплодную, но прямо кощунственную попытку сдѣлалъ нашъ писатель Л. Андреевъ[1])),—провести взглядъ, что Іуда предалъ Господа въ надеждѣ, что Онъ спасется чудомъ, или чрезъ народное возстаніе, или другимъ какимъ-либо образомъ; или что Іуда, сгорая нетерпѣніемъ скорѣе увидѣть открывшееся политическое царство Мессіи, желалъ своимъ предательствомъ какъ бы вынудить Христа поскорѣе обнаружиться въ своей славѣ. Нѣтъ, Іуда возненавидѣлъ Господа. Гораздо вѣрнѣе взглядъ, что Іуда предалъ Христа изъ религіознаго фанатизма. Раздѣляя обще-іудейскія заблужденія о царствѣ Мессіи, какъ царствѣ политическомъ, будучи ложнымъ защитникомъ народности и ея завѣтовъ, зараженный политическимъ паніудаизмомъ, Іуда постепенно разочаровался во Христѣ, не могъ разумѣвать Его возвышеннаго духовнаго ученія и призналъ, что Христосъ не есть истинный Мессія, а лже-мессія, Котораго нужно предать во имя законной правды. Но однимъ этимъ мотивомъ предательство Іуды не объясняется. По ясному указанію Евангелистовъ, онъ предалъ Господа по сребролюбію (Мѳ. **26**, 15. Мрк. **14**, 10. 11. Лк. **22**, 5), и никакое перетолкованіе евангельскаго текста здѣсь невозможно; для скупца Іуды, носившаго скромный ковчежецъ и изъ него похищавшаго вметаемое, такая сравнительно малая сумма, какъ 30 сребренниковъ (23—25 р.), могла показаться соблазнительною. Сребролюбіе образуетъ мрачный фонъ души Іуды. О внѣшнихъ благахъ царства Мессіи помышляли и другіе Апостолы, но именно сребролюбіе оземленило Іуду, сдѣлало его грубымъ матеріалистомъ, безусловно глухимъ къ возвышенному ученію Христа. Іуда Предатель представляетъ собою какъ бы типъ всего іудейскаго народа, который былъ зараженъ *ложнымъ мессіанизмомъ*, но зараженъ именно вслѣдствіе своего *сребролюбія*—грубаго матеріалистическаго склада ума и чувства.

Іуда Предатель не былъ какимъ-то необходимымъ орудіемъ въ рукахъ божественнаго Промысла, какъ желаютъ это представить нѣкоторые ученые (напр., *Schmidt*

---

[1]) См. объ этомъ у *М. Г.* въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ 1907 г., № 38 (за 23-е сентября). стр. 73—82. и у проф. *А. А. Бронзова*. Декадентскій бредъ въ „Странникѣ“ 1907 г., № 10.—*Н. Н. Г.*

въ „Энциклопедіи "Hauck'a). „Самъ Премудрый зналъ, какъ устроить наше спасеніе, хотя бы и не случилось предательства. Посему-то, чтобы кто не подумалъ, что Іуда былъ служителемъ домостроительства, Іисусъ называетъ его несчастнѣйшимъ человѣкомъ" (св. І. Златоустъ).

Вопросъ, былъ ли Іуда при установленіи Господомъ таинства Евхаристіи и вкусилъ ли онъ святѣйшаго Тѣла и Крови Господа, не можетъ быть разрѣшенъ съ абсолютно-безспорною опредѣленностію. Лучше слѣдовать наиболѣе установившемуся церковному преданію, нашедшему свое выраженіе и въ памятникахъ церковной иконографіи,—что Іуда вкусилъ Тѣло и Кровь Господа, но вкусилъ „въ судъ и во осужденіе" (1 Кор. **11**, 29 [1]).

Спорнымъ является вопросъ о судьбѣ Іуды Искаріота. Евангелистъ Матѳей говоритъ, что Іуда, раскаявшись послѣ осужденія Христа(—какое раскаяніе было только слѣдствіемъ угрызенія совѣсти, а не живой вѣры во Христа—) и бросивши сребренники въ храмѣ,—вѣроятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась сокровищница (ср. Мрк. **12**, 41.—Ін. **8**, 20),—послѣ безплодной попытки возвратить ихъ первосвященникамъ,—пошелъ и удавился (Мѳ. **27**, 3—5). Это свидѣтельство вовсе не стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ кн. Дѣяній Апостольскихъ, гдѣ св. Петръ въ своей рѣчи, по поводу избранія Апостола на мѣсто отпавшаго Іуды, говоритъ о послѣднемъ, что „когда низринулся, разсѣлось чрево его и выпали всѣ внутренности его" (**1**, 18): послѣднее случилось послѣ удавленія Іуды, когда, по замѣчанію схоліаста (Евсевія кесарійскаго) „веревка порвалась, и Іуда упалъ на землю" (*Fr. Blass*, Acta, p. 47). Равнымъ образомъ нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что,—по свидѣтельству Матѳея (**27**, 6. 7),—Акелдама была куплена первосвященниками за деньги, брошенныя Іудою, а св. Петръ говоритъ объ Іудѣ, что онъ „пріобрѣлъ землю (χωρίον, село, участокъ) неправедною мздою" (Дѣян. **1**, 18). Обычное, но хорошее примиреніе этихъ свидѣтельствъ то, что „господиномъ участка былъ внесшій деньги, хотя бы его покупали и другіе" (св. І. Златоустъ), Акелдама же была пріобрѣтена на деньги Іуды. Удавленіе Іуды произошло,—должно быть,—чрезъ нѣсколько часовъ послѣ осужденія Христа: нѣтъ никакого основанія думать, что это случилось послѣ воскресенія Христа (блаж. Августинъ, О согласіи евангелистовъ, Ш, VII: 28 сл.).

Преданіе о судьбѣ Іуды, записанное у Папія и воспроизводимое затѣмъ у Аполлинарія, въ катенахъ и у блаж. Ѳеофилакта, имѣетъ характеръ народной легенды, опирающейся отчасти на неправильномъ пониманіи текста кн. Дѣяній объ Іудѣ (см. *Th. Zahn*, Forschungen z. Geschichte d. neutestam. Kanons und d. altkirchl. Literatur VI, Lpzg 1900, S. 153—157). По этому преданію, „Іуда не умеръ въ петлѣ, но еще жилъ, захваченный прежде, чѣмъ удавился". „Тѣло его распухло до такой степени, что онъ не могъ проходить тамъ, гдѣ могла проѣзжать повозка, и не только самъ не могъ проходить, но даже и одна голова его. А вѣки глазъ его настолько, говорятъ, распухли, что онъ не могъ вовсе видѣть свѣта, а самихъ глазъ его невозможно было видѣть, даже посредствомъ діоптры врача (μηδὲ ὑπὸ ἰατροῦ [διὰ] διόπτρας ὀφθῆναι δύνασθαι): такъ глубоко находились они отъ внѣшней поверхности". Далѣе подробнѣе говорится о томъ отвратительномъ видѣ, какой имѣло тѣло Іуды. „Послѣ большихъ мученій и терзаній онъ умеръ, говорятъ, на собственномъ участкѣ земли, и село это, вслѣдствіе отвратительнаго запаха, остается пустымъ и необитаемымъ даже до сего дне; даже теперь никто не можетъ пройти мимо этого мѣста, не закрывши руками (органа) обонянія. Столь великое наказаніе постигло уже на землѣ его тѣло" (Patrum ap. opera, ed. *Gebhardt* und *Ad. Harnack*, Fasc. I, Part. II, p 94; см. также Catenae in Act. Ap., ed. *Cramer*, p. 12. 13; блаж. *Ѳеофилактъ*, Толкованія на Новый Завѣтъ, т. V, Казань 1905, стр. 28). Это легендарное, обращавшееся въ народѣ, повѣствованіе о судьбѣ Іуды опирается на томъ неправильномъ пониманіи Дѣян. **1**, 18, будто Іуда еще жилъ нѣкоторое время послѣ предательства на купленномъ имъ собственномъ участкѣ земли; выраженіе кн.

[1]) Мы держимся другого взгляда, что Іуда сподобился только вкусить Тѣла, но не пріобщался искупительной Крови: см. «Христ. Чтеніе» 1897 г., № 5, стр. 812—813.—*Н. Н. Г.*

Дѣяній: πρηνὴς γενόμενος („когда низринулся") поняли въ смыслѣ: πρησθεὶς (у Папія), πεπρησμένος (армянскій переводъ кн. Дѣяній; см. *Th. Zahn*, Forschungen VI, S. 155), т. е. „воспаленный", „распухшій".

Образъ Іуды Искаріота—образъ мрачный, и такимъ онъ останется всегда, несмотря на всѣ попытки внести въ душу Іуды моментъ трагическій, возбуждающій наше сочувствіе. Христосъ предвидѣлъ его предательство; Онъ не одинъ разъ обличалъ и предостерегалъ Іуду во время тайной вечери (Ін. **13**, 10,—**13**, 18. 21. Мѳ. **26**, 21. 23. Мрк. **14**, 18. 20), но въ сердце Іуды вошелъ сатана (Ін. **13**, 27), и коварный ученикъ предалъ Христа на смерть. „Іудино лобзаніе" на вѣки останется синонимомъ предательства. Слова Христа Іудѣ послѣ этого лобзанія: ἑταῖρε ἐφ' ὃ πάρει (Мѳ. **26**, 50; въ Recept. менѣе завѣренное чтеніе: ἐφ' ᾧ) понимаются различно,—то въ формѣ вопроса („друже, на что ты пришелъ?"), то въ формѣ восклицанія („друже, на какое дѣло ты пришелъ!"), то какъ эллиптическая форма, при подразумѣваемомъ „твори" („друже, на что пришелъ, твори"). Первое пониманіе не можетъ быть принято потому, что оно несогласно съ обычнымъ греческимъ словоупотребленіемъ, гдѣ въ прямыхъ вопросахъ никогда не стоитъ ὃ вм. τί; при второмъ пониманіи несправедливо ὃ отожествляется съ οἷον; третье пониманіе представляется недостаточнымъ по той причинѣ, что Іуда уже совершилъ свое злое предательское дѣло, и не было нужды говорить, чтобы онъ его творилъ (въ слав. перев. у св. митроп. Алексія: „друже! на неже пріде, дерзай"). Принимая во вниманіе Лук. **22**, **48** и удерживая обычную во всѣхъ изданіяхъ Новаго Завѣта вопросительную форму рѣчи даннаго мѣста,—лучше восполнить вопросъ такъ: „друже! на что ты пришелъ (развѣ я не знаю)?" И какъ бы продолженіемъ этихъ словъ служитъ обращеніе (Лк. **22**, 48): „лобзаніемъ ли предаешь Сына человѣческаго?"

Іуда Искаріотъ—повторимъ—есть какъ бы типъ всего іудейскаго народа, предавшаго Христа на смерть вслѣдствіе ложнаго мессіанизма и своего грубаго, матеріалистическаго склада ума и чувства.

Литература. Въ западной литературѣ нельзя указать спеціальнаго изслѣдованія объ Іудѣ Предателѣ, ибо трудъ *Дауба* (Judas Ischariot, 3 H., 1816—1818) совершенно устарѣлъ и самъ по себѣ недостаточенъ. Объ Іудѣ Предателѣ можно читать въ комментаріяхъ на Евангелія (напр., Meyer, Schanz, Keil, Zahn и др.), въ сочиненіяхъ, извѣстныхъ подъ заглавіемъ „Жизнь Іисуса" (Keim, B. Weiss, Edersheim и др.), въ Энциклопедіяхъ Winer, Hauck, Vigouroux, Cheyne [Smith, Hastings: A Dictionary of the Bible II, 796—798; Extra Volume 838 и A Dictionary of Christ and the Gospels I, 907—913. The Jewish Encyclopedia VII, 371]. См. также: *Creizenach*, Judas Ischariot in Legende und Sage des Mittelalters, 1875. [*M. Kemp*, Opus polyhistor. de osculis, subnexisq. de Judae ingenio, vita, et fine, sacris epiphyllidibus, absolutum. C. effigie. 1680. Тутъ De persona Judae, De historia osculi Judae, De quaestionibus circa factum Judae, и пр. и пр. Rev. *W. A. Cox*, Judas Iscariot въ «The Interpreter» III, 4 (July, 1907), p. 414—422. *G. Marquardt*, Der Verrat des Judas Ischariot—eine Sage, München (1900). Judas Ischariot—eine psychologisches Problem: Vortrag von Pfarrer *M. Büttner Wilhelm Köhler*, Minden безъ даты. Prof. *Carl Clemen*, Paulus I, Giessen 1904, S. 176,3 Ср. еще въ „Biblische Zeitschrift" 1906, IV, 427].

На русскомъ языкѣ новый капитальный трудъ объ Іудѣ Предателѣ, еще не оконченный, принадлежитъ профессору моск. Дух. Ак. *М. Д. Муретову*: Іуда Предатель въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" 1905 г., кн. 7—8, стр. 539—559; кн. 9, стр. 39—68; 1906 г., кн. 1, стр. 37—68; кн. 2, стр. 246—262 [а равно см. его прежнюю статью подъ тѣмъ же заглавіемъ въ „Православномъ Обозрѣніи" 1883 г., № 11, стр. 37—82. Ср. еще у † *М. В. Барсова*, Сборникъ статей по истолковательному и назидательному чтенію Четвероевангелія, т. II, изд. 2-е Спб. 1893]. См. также *нашу* брошюру: Тайная вечеря Господа нашего Іисуса Христа, Кіевъ 1906 г., и у проф. *Ѳ. И. Мищенко*, Рѣчи св. Апостола Петра въ кн. Дѣяній Апостольскихъ, Кіевъ 1907, стр. 28—38.

Проф. *Д. Богдашевскій.*

Казанская Духовная Семинарія 1818—1842 г. *1) Открытіе ея.* Въ 1818 г. прекратила свое существованіе казанская Духовная Академія (старая), превратившись—по планамъ Комитета объ усовершенствованіи дух. училищъ—въ рядовую семинарію. По предположенію Комитета, утвержденному 26 іюня 1808 г., всѣ дух. школы были распредѣлены на четыре группы: академіи, семинаріи, уѣздныя и приходскія училища, между которыми установлена тѣсная связь—и учебная, и административная,

и экономическая. Во главѣ всѣхъ ихъ ставилась коммиссія дух. училищъ, а органами ея имѣли быть четыре академіи въ соотвѣтствіе четыремъ учебнымъ округамъ, на которые предположено было раздѣлить всю Россію. Въ казанскій округъ должны были войти семинаріи казанская, вятская, нижегородская, тамбовская, пензенская, астраханская, оренбургская, тобольская, иркутская съ имѣвшими открыться подъ вѣдомствомъ ихъ уѣздными и приходскими училищами. Преобразованіе духовныхъ школъ повелось постепенно, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ и способныхъ преподавателей. Въ 1808 г. былъ образованъ петербургскій учебный округъ, въ 1814 г. перешли къ московскому, въ 1819 г. была открыта академія въ Кіевѣ по новому штату. Еще раньше, въ 1818 г., было приступлено къ преобразованію семинарій казанскаго учебнаго округа, при чемъ старая казанская Академія была превращена въ новую семинарію, но реформированной академіи Казань дождалась только въ 1842 г.

Новая казанская Семинарія, принявъ отъ Академіи четырехъ ея учителей (остальные по неспособности разошлись по другимъ школамъ и епархіальному вѣдомству), библіотеку, архивъ, зданіе и все имущество,— была открыта съ подвѣдомыми ей уѣзднымъ и приходскимъ училищами 20 окт. 1818 г. Другія подчиненныя ей училища—алатырскія, чебоксарскія, симбирскія—были открыты нѣсколько позже. Между всѣми ими были распредѣлены—послѣ строгаго разбора — ученики Академіи. Изъ соотвѣтствующихъ курсу Семинаріи академическихъ классовъ въ Семинарію было принято 188 чел., обращено въ уѣздныя училища 18 и исключено 39.

Хотя семинарское зданіе, только что отстроенное послѣ пожара 1815 г., было довольно велико (оно состояло изъ трехъ корпусовъ), но очень скоро почувствовалось, что его размѣры не удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ, такъ какъ умножилось число и семинаристовъ, и учениковъ уѣзднаго и приходскаго училищъ, классы которыхъ помѣщались тутъ же: въ 1826 г. при 378 семинаристахъ было 852 ученика училищъ. Даже когда для послѣднихъ въ 1832 г. былъ пріобрѣтенъ свой домъ (рядомъ съ женскимъ монастыремъ), недостатки семинарскаго помѣщенія потребовали капитальныхъ передѣлокъ. Но вопросъ о нихъ снятъ былъ съ очереди, когда въ 1842 г. пожаръ Казани настолько повредилъ Семинарію, что пришлось перевести ее въ зданіе духовнаго училища, гдѣ она и оставалась до 1868 г. Ея же собственное зданіе на Воскресенской улицѣ, пролежавъ 20 лѣтъ въ развалинахъ и въ 1862—1865 г. бывъ отстроено, сдано было въ аренду и арендныя деньги обращены были въ пособіе профессорамъ Академіи. Лишь въ 1868 г. Семинаріи удалось возвратиться на старое мѣсто.

II) Управленіе. За время до 1842 г. казанская Семинарія, завися въ высшей инстанціи отъ коммиссіи дух. училищъ, а съ 1839 г.—отъ Духовно-учебнаго управленія, въ слѣдующей инстанціи была подчинена внѣшнему правленію московской Академіи, точнѣе—правленію по казанскому округу. Собственное правленіе Семинаріи состояло изъ ректора, инспектора и эконома, котораго, если онъ былъ неученый, въ дѣлахъ учебно-воспитательныхъ замѣнялъ одинъ изъ учителей. Это трехчленное правленіе правило не только Семинаріею, но и всѣми духовными школами епархіи—кромѣ выше названныхъ еще свіяжскими, чистопольскими (съ 1829 г.) и сызранскими (съ 1833 г.). Оно слѣдило за учебными успѣхами въ училищахъ, снабжало ихъ достойными учителями и даже служителями, пересылало штатные оклады, дѣлилось нештатными средствами, ревизовало хозяйственную часть, посылало членовъ семинарской корпораціи на экзамены въ училища. Чрезъ него по многимъ дѣламъ сносилось съ училищами даже духовенство.

III) Учебный строй. Въ учебномъ отношеніи Семинарія состояла изъ трехъ отдѣленій: низшаго, гдѣ преподавалась русская словесность съ церковнымъ краснорѣчіемъ и всеобщая гражданская исторія, средняго—съ философіей, математикой и физикой и высшаго, гдѣ изучались богословскія науки и церковная исторія. Преподаваніе шло на латинскомъ языкѣ и онъ особой каѳедры не имѣлъ; греческій изучался на всѣхъ отдѣленіяхъ, а прочіе языки (еврейскій, нѣмецкій и французскій) были соединены съ тѣми или другими основными предметами.

Учебными руководствами должны были

служить: по Свящ. Писанію—книга м. Амвросія Подобѣдова, по богословію изъяснительному (герменевтикѣ) — Institutiones germenevticae Рамбахія, по богословію созерцательному (догматическому) и нравственному — труды Ѳеофилакта, епископа переяславскаго, по обличительному богословію — Ирінея Фальковскаго, по собесѣдовательному—Руководство къ церковному краснорѣчію, по философіи Баумейстеръ и Брукке, по риторикѣ Бургій. Но на практикѣ учителя Семинаріи пользовались и другими руководствами и пособіями, употребляли также записки—академическія и свои собственныя.

Въ 1836 г. коммиссія дух. училищъ приступила къ пересмотру порядка и способовъ преподаванія учебныхъ предметовъ, закончившемуся уже въ 1840 г. частичнымъ преобразованіемъ Дух. Семинарій по мыслямъ—главнымъ образомъ—графа Протасова, оберъ-прокурора Св. Синода. Гр. Протасовъ и руководимое имъ Духовно-учебное управленіе исходили изъ желанія приспособить семинарское образованіе къ потребностямъ сельскаго населенія Россіи и создать изъ семинаристовъ не только служителей церкви, но и врачей, руководителей въ сельскомъ хозяйствѣ, землемѣровъ и пр. Въ виду такихъ практическихъ задачъ, въ Семинаріяхъ 1) введены были въ курсъ нѣкоторые новые предметы: естественныя науки, начала медицины, сельское хозяйство; кромѣ того, въ богословскомъ классѣ поставлены какъ самостоятельныя науки: ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ. примѣнительно къ мѣстнымъ и современнымъ потребностямъ, богословіе пастырское и собесѣдовательное; 2) расширено и усилено преподаваніе нѣкоторыхъ уже существовавшихъ наукъ; 3) философія сокращена (оставлены логика и психологія); 4) отмѣнено преподаваніе на латинскомъ языкѣ, какъ препятствующее успѣхамъ учениковъ; 5) языки еврейскій и новый предоставлены желающимъ; 6) мѣстные языки оставлены въ тѣхъ же училищахъ, гдѣ преподавались и ранѣе, съ назначеніемъ часовъ по усмотрѣнію начальства; 7) при преподаваніи геометріи признаны обязательными практическія измѣренія... Таковы были главныя особенности новаго устава. Понятно, что не всѣ онѣ сразу вошли въ жизнь въ казанской Семинаріи. Медицина, напр., и сельское хозяйство за неимѣніемъ конспектовъ и учебниковъ введены были только въ 1845 г. Къ тому времени Семинарія успѣла послать одного своего питомца въ горы-горѣцкое земледѣльческое училище для приготовленія къ занятію каѳедры сельскаго хозяйства. По ревизіи 1846 г. обнаружилось, что геометріи и алгебрѣ не дано еще практическаго характера, что изученіе Свящ. Писанія свелось къ сообщенію предварительныхъ свѣдѣній о библейскихъ книгахъ, что мало вниманія удѣлено сочиненіямъ. Послѣдній недостатокъ и, въ связи съ нимъ, неумѣніе казанскихъ семинаристовъ разсуждать и логично излагать свои мысли констатировались и позднѣйшими ревизскими отчетами.

Казанскую Семинарію 1818—1842 гг. въ отношеніи учебнаго строя отъ другихъ Семинарій отличало преподаваніе мѣстныхъ языковъ, столь необходимое въ епархіи, въ значительной степени населенной инородческими и иновѣрческими племенами. Уже въ старой казанской Академіи съ 1800 г. изучался татарскій языкъ, а въ 1818 г. предположено было ввести преподаваніе чувашскаго и черемисскаго языковъ. Татарскій языкъ вмѣстѣ съ преподавателемъ его перешелъ и въ Семинарію, но поставить его тамъ на надлежащую высоту не удалось, какъ не удалось связать его преподаваніе съ потребностями епархіи и съ практическими интересами миссіи. Виною тому было постоянное разногласіе между мѣстными преосвященными и Св. Синодомъ, при чемъ то Синодъ возбуждалъ миссіонерскую ревность въ архіереяхъ, то ревностные преосвященные никакъ не могли убѣдить Синодъ въ необходимости новой постановки миссіонерскаго дѣла въ епархіи и преподаванія въ Семинаріи инородческихъ языковъ.

Въ 1825 г. Амвросій Протасовъ поставилъ за правило, чтобы въ аттестатахъ оканчивавшихъ курсъ семинаристовъ прописывалось, знаютъ ли они татарскій языкъ, и только знающихъ производить на священническія мѣста въ татарскія села. Въ 1830 г. Синодъ принялъ и Государь одобрилъ проектъ преосв. Филарета относительно миссіонерства въ казанской епархіи и образованія миссіонеровъ при Семинаріи. Правилами его предписывалось назначать

въ инородческіе приходы только лицъ, знающихъ мѣстные языки, съ обязательствомъ проповѣдывать и поучать прихожанъ на ихъ нарѣчіи, какъ въ церкви и домахъ, такъ и въ школахъ, которыя они же должны завести; на инородческихъ же языкахъ они обязаны были читать апостолъ, Евангеліе, символъ вѣры и молитву Господню какъ въ церкви, такъ и при совершеніи требъ въ домахъ. Эти правила сдѣлались надолго руководственными для казанскаго епархіальнаго начальства, хотя Синодомъ и былъ отвергнутъ связанный съ ними другой проектъ преосв. Филарета—о лучшей постановкѣ преподаванія въ Семинаріи и училищахъ епархіи мѣстныхъ языковъ путемъ увеличенія числа уроковъ на счетъ другихъ предметовъ и чрезъ назначеніе жалованья преподавателямъ. Съ тѣхъ поръ семинарскимъ начальствомъ и архіереями принимались время отъ времени только палліативныя мѣры къ поднятію изученія мѣстныхъ языковъ. Когда вводился уставъ 1840 г.,—изученіе татарскаго языка предоставлено было волѣ самихъ семинаристовъ и на него записалось только 35 чел. Правленіе Семинаріи не удовлетворилось этимъ и обязало изучать его всѣхъ тѣхъ учениковъ высшаго и средняго отдѣленій, которые не записались на новые языки. Но самое изученіе было поставлено правленіями въ условія, не обѣщавшія успѣха: на татарскій языкъ отводился одинъ урокъ въ недѣлю въ послѣобѣденные часы... Когда въ томъ же 1840 г. попечитель казанскаго учебнаго округа составилъ проектъ о подготовкѣ при восточномъ отдѣленіи казанскаго Университета духовныхъ студентовъ къ миссіонерству въ Сибири и на Кавказѣ и къ преподаванію восточныхъ языковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ,—казанское семинарское правленіе въ видахъ усиленія изученія въ школахъ епархіи татарскаго языка, слабо и недостаточно (по его сознанію) поставленнаго, нашло полезнымъ и необходимымъ послать въ Университетъ изъ 14 изъявившихъ желаніе воспитанниковъ восьмерыхъ. Но планы попечителя округа были разстроены основаніемъ въ 1842 г. казанской Академіи, которой предположено было дать преимущественно миссіонерскій характеръ съ учрежденіемъ при ней sui generis восточнаго факультета въ интересахъ миссіи.

Но пока казанская Академія еще не успѣла сдѣлаться миссіонерскимъ центромъ для казанскаго духовно-учебнаго округа, казанская Семинарія служила чѣмъ-то въ родѣ такого центра: сюда присылались для изученія татарскаго языка воспитанники другихъ семинарій округа. И послѣ изученіе этого языка здѣсь стояло выше, чѣмъ въ другихъ Семинаріяхъ, хотя бы потому, что онъ преподавался академическими знатоками его: Троянскимъ (съ 1821 года), Саблуковымъ (съ 1849 г.), Н. П. Остроумовымъ (съ 1870 г.), прот. Е. А. Маловымъ (съ 1897 г.)

Близость казанской Семинаріи къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ Казани составляетъ вторую черту ея исторической жизни. Старая академія дала ей ректора, архим. Θеофана Александрова, автора „Записокъ по части догматической богословіи", и трехъ учителей—Троянскаго (автора татарской грамматики), прот. Таліева (преподавателя французскаго языка) и Мироносицкаго (автора не напечатанной еврейской грамматики). Впослѣдствіи она получала учителей изъ другихъ Академій, преимущественно московской, какъ туда же главнымъ образомъ отправляла своихъ лучшихъ питомцевъ. Съ 1842 г. она почти исключительно посылала ихъ въ новую казанскую Академію, отъ которой заимствовалась и учителями.

Близкія отношенія казанской Семинаріи къ мѣстному Университету выражались прежде всего въ томъ, что нѣкоторые университетскіе преподаватели обучали семинаристовъ естественной исторіи (адъюнкты Пелль и Китарры) и математикѣ (адъюнктъ Кайсаровъ). Затѣмъ, нѣкоторые семинарскіе преподаватели читали лекціи въ Университетѣ: архим. Θеофанъ по догматическому и нравственному богословію и церковной исторіи (1819—1823 г.), прот. В. Вишневскій по библейско-церковной исторіи (1820 — 1823 г.) и богословію (1823—1837 г.), архим. Гавріилъ Воскресенскій по церковному праву (1834 — 1835 г.), богословію и философіи (1835 — 1840 г.) Наконецъ, казанская Семинарія въ 1840 г. дала Университету адъюнкта русской словесности въ лицѣ своего учителя В. Сбоева.

IV) Экономическая и бытовая сторона.—По планамъ 1808 г. духовно-учебныя заведенія должны были содержаться на мѣстныя средства (главнымъ образомъ на свѣчные церковные доходы), и въ зависимости отъ количества послѣднихъ Семинаріи по штатамъ 1818 г. были раздѣлены на три разряда, каковые сохранились и при штатахъ 1820 г., а также 1836 г., когда окладъ жалованья учителей былъ увеличенъ въ полтора раза. Казанская Семинарія состояла въ 3-мъ разрядѣ. Ея ректоръ и „профессоры" получали по 600 р., съ 1836 г.—по 900 р. асс. (на серебро 257 р. 40 к.). Лишь съ 1867 г. послѣдняя цифра поднялась до 400 р., а съ слѣдующаго года до 500 р... Кромѣ штатныхъ окладовъ, учителя получали особое вознагражденіе за исправленіе должностей инспектора, его помощниковъ, библіотекаря, эконома, секретаря, преподавателей еврейскаго и новыхъ языковъ. Затѣмъ они, какъ и чиновники Семинаріи, пользовались казенными квартирами и на выгодныхъ для себя условіяхъ получали семинарскій провіантъ. Многіе изъ нихъ состояли настоятелями богатыхъ городскихъ церквей, а иногда получали сельскіе приходы, которыми завѣдывали изъ Казани. Изрѣдка получали денежныя награды, иногда въ размѣрѣ годового оклада. Но вообще положеніе учителей, особенно училищныхъ, было малообезпеченнымъ, и потому они не засиживались подолгу на своихъ мѣстахъ, что, разумѣется, не могло отражаться благопріятно на учебномъ дѣлѣ.—Въ казанской Семинаріи полагалось по штату 6 учителей, кромѣ ректора. Но были особые учители для татарскаго языка и сверхштатные преподаватели для параллельныхъ классовъ, въ виду многолюдства семинаріи отдѣлившихся отъ основныхъ. Уже въ 1824 г. раздѣлился классъ словесности, въ 1830 г.—философіи, въ 1832 г.—богословія, въ 1833 г.—каѳедра греческаго языка. Послѣ реформы 1840 г. въ Семинаріи осталось 8 штатныхъ преподавателей (считая ректора) и одинъ сверхштатный — для параллельнаго словеснаго отдѣленія.

Въ казанской Семинаріи по штату полагалось 100 казенныхъ стипендій по 120 р. (до 1820 г. по 70 р.) асс. или по 34 р. 28½ к. сер. Но,—при многолюдствѣ ея (число учениковъ съ 188 чел. въ 1818 г. дошло въ 1830 г. до 585 ч.) и бѣдности огромной части воспитанниковъ,—этого количества стипендій было недостаточно, и семинарскому начальству пришлось часть ихъ раздробить на полуказенныя. Затѣмъ въ 1832 г. удалось выхлопотать еще 70 бурсачныхъ окладовъ, каковые въ 1840 г. были переданы въ новооткрытую симбирскую Семинарію. Кромѣ бурсаковъ, на счетъ штатныхъ окладовъ содержались иногда бѣднѣйшіе квартирные ученики, а также не получившіе назначенія кончившіе казенные семинаристы, не имѣвшіе близкихъ родныхъ. Такой порядокъ завелся въ Казани въ 1820 г., а въ 1834 г. онъ былъ утвержденъ правилами, выработанными коммиссіею дух. училищъ. Живя въ Семинаріи на казенныхъ хлѣбахъ, такіе бѣдняки должны были готовиться къ духовному служенію, заниматься чтеніемъ, писаніемъ сочиненій, переводами подъ контролемъ семинарскаго начальства, которое иногда поручало имъ письмоводство, репетиторство, даже лекторство разныхъ языковъ. Наконецъ, семинарскимъ столомъ пользовались служители, подначальные церковники, состоявшіе въ больницѣ ученики Семинаріи и училищъ (даже своекоштные), пріѣзжавшіе въ городъ родственники учениковъ и служителей. Служителями были обычно провинившіеся церковники, а также исключенные ученики семинаріи и училищъ. Семинарія не только пользовалась ихъ услугами, но и должна была заботиться объ ихъ поведеніи и готовить къ церковно-служительскимъ должностямъ, хотя и терпѣла часто отъ ихъ недисциплинированности и распущенности. За исправными зачислялись пономарскія мѣста, а иные получали въ награду даже діаконскія. Но къ 1842 г. половина служительскихъ мѣстъ въ Семинаріи была уже замѣщена вольнонаемными, которые скоро совсѣмъ вытѣснили подневольныхъ служителей.

Большая часть семинаристовъ содержалась на свои средства и жила на частныхъ квартирахъ въ разныхъ слободахъ Казани, въ помѣщеніяхъ весьма не гигіеничныхъ и безъ всякаго почти надзора начальства. Въ виду послѣдняго иные по нѣскольку мѣсяцевъ не появлялись въ классы и вели жизнь далеко не нравственную. Распущенность и

вольность казанскихъ семинаристовъ бросались въ глаза даже пріѣзжимъ, въ родѣ ревизоровъ.

Бѣдность казанскаго духовенства и семинаристовъ заставляла начальство изыскивать особыя средства для содержанія послѣднихъ. Лучшіе изъ нихъ получали вознагражденіе за исправленіе обязанностей лекторовъ языковъ и другихъ предметовъ, по временамъ поручавшихся имъ, а также за несеніе обязанностей по надзору за воспитанниками и за хозяйственною частью, въ качествѣ старшихъ корпусныхъ и квартирныхъ, сеніоровъ, ихъ помощниковъ, письмоводителей, аптекарей, подлекарей, комиссаровъ, дежурныхъ по кухнѣ и столовой, келейниковъ, пѣвчихъ, церковныхъ старостъ и пр. Немалымъ подспорьемъ для бѣднѣйшихъ семинаристовъ служило зачисленіе за ними священно-и церковнослужительскихъ мѣстъ въ городахъ и селахъ епархіи, по силѣ синодальныхъ указовъ 1770 и 1799 годовъ. Сборы съ нихъ денежные и ружные производили или сами ученики—„доходники", или ихъ родные, или причты тѣхъ церквей. Этотъ способъ содержанія бѣдныхъ учениковъ былъ особенно въ ходу при преосвященныхъ Амвросіи Протасовѣ (1816—1826 гг.) и Филаретѣ Амфитеатровѣ (1828—1836 гг.), при которыхъ такимъ образомъ содержались какъ наличные ученики, такъ и отправленные для продолженія образованія въ Академіи, а также учителя, служители семинарскіе и училищные и престарѣлые и бѣдные священно-и церковнослужители. Но злоупотребленія имъ, состоявшія въ передачѣ, продажѣ, закладѣ мѣстъ, а равно въ частыхъ и долгихъ отлучкахъ для сбора доходовъ, повели къ тому, что преосвященные Іона Павинскій (1826—1828 гг.) и Владиміръ Ужинскій (1836—1848 гг.) стали относиться къ зачисленію мѣстъ съ крайнею разборчивостію, а послѣдній въ 1842 г. и совсѣмъ отмѣнилъ его.—Кромѣ того въ пользу семинаристовъ обращались доходы съ праздныхъ церковнослужительскихъ мѣстъ, штрафы съ духовенства, а также частныя пожертвованія, доходившія порою до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Наиболѣе видными благотворителями были мѣстные архіереи, жертвовавшіе большія суммы лично отъ себя и располагавшіе и другихъ къ пожертвованіямъ. Въ 1822 г. преосв. Амвросій разослалъ по училищамъ печатные подписные „листы для вписыванія именъ благотворителей, жертвующихъ въ пользу учениковъ, не имѣющихъ способовъ къ своему содержанію". А преосв. Филаретъ въ 1829 г. основалъ при семинарскомъ правленіи „Комитетъ для призрѣнія бѣдныхъ учениковъ казанской Семинаріи и низшихъ подвѣдомыхъ оной училищъ" и былъ первенствующимъ членомъ его съ ежегоднымъ взносомъ въ 500 р. Комитетъ этотъ, собравшій въ первый годъ 4344 р., а въ 1831 г. свыше 6500 р., оказывалъ помощь не только учившимся воспитанникамъ, но и окончившимъ, и этимъ еще болѣе закрѣплялъ характеризующую уставъ 1808 г. тѣсную связь между разными слоями духовенства и духовно-учебными заведеніями разныхъ ранговъ, начиная съ приходскихъ училищъ и кончая Академіями.

Литература. † *А. Благовѣщенскій,* Исторія казанской Дух. Семинаріи съ восемью низшими училищами за XVIII—XIX ст. (Казань, 1881 г., прилож. къ „Прав. Собесѣднику" 1881—1883 гг.). † *А. Ѳ. Можаровскій,* Краткая историческая записка о каз. Дух. Семинаріи за ея полуторавѣковое существованіе (Каз., 1869 г.). Прот. *Н. Каменскій,* (нынѣ архіеп. Никаноръ). Краткая исторія каз. Дух. Семинаріи (К. 1884). См. также въ „Энц." VII, 818—820.

К. Харламповичъ.

Казанская Духовная Академія новая [1]**), 1842—1907 г.** *I) Открытіе ея. Исторія помѣщеній.* Финансовыя и другія причины помѣшали открыть въ свое время каз. Академію по штатамъ 1808 г., но нужда въ ней скоро почувствовалась. Прежде всего оказалось неудобнымъ управлять изъ Москвы дух. школами всего востока Россіи, изъ которыхъ читинская находилась въ 12 тыс. верстъ. Запоздалыя донесенія о ходѣ учебной жизни, рѣдкія ревизіи, перерывъ занятій на долгое время за несвоевременнымъ назначеніемъ учителей,—все это возбуждало вопросъ о созданіи новаго центра для 12 семинарій, 38 уѣздныхъ и 42 приходскихъ училищъ казанскаго учебнаго округа. Другимъ побужденіемъ къ тому было усилившееся какъ разъ въ это время религіозное движеніе среди инородцевъ востока, сопровождавшееся от-

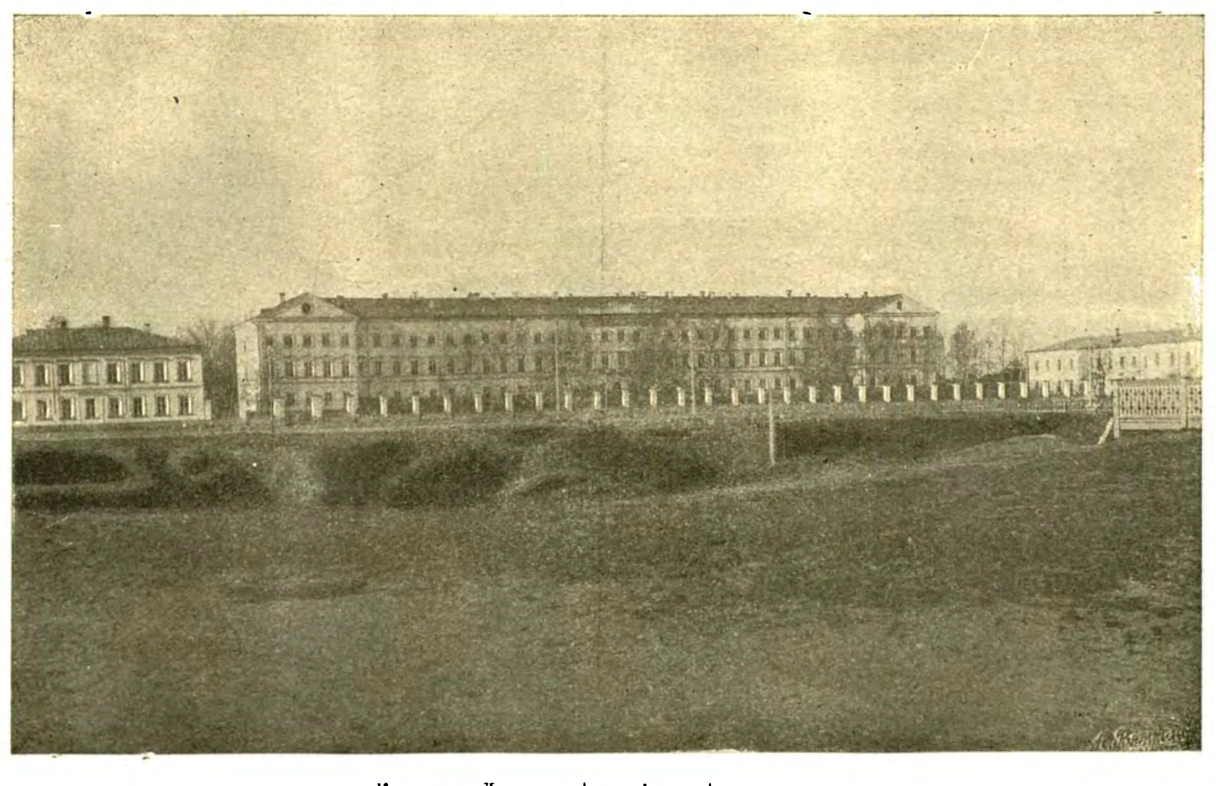
[1]) О старой см. „Энц". VII, 791—820.

паденіемъ крещеныхъ въ магометанство и распространеніемъ среди язычниковъ ламаизма. Московская же Академія была настолько чужда этимъ миссіонерскимъ, апологетико-полемическимъ интересамъ, что въ ней не преподавался даже татарскій языкъ, которому отведено было мѣсто въ старой казанской Академіи. Этими мотивами обусловилось синодальное опредѣленіе 25 мая 1842 г. объ открытіи въ Казани съ начала $1842/3$ уч. года Академіи, съ передачей въ ея завѣдываніе семинарій и училищъ, состоявшихъ тогда въ казанскомъ учебномъ округѣ, и съ порученіемъ ея правленію представить подробное соображеніе о томъ, какіе языки казанскихъ и сибирскихъ инородцевъ и въ какомъ объемѣ должны быть введены въ ея програму сообразно съ мѣстными потребностями. 6 іюня 1843 г. это опредѣленіе и штатъ Академіи были утверждены императоромъ Николаемъ I. 21 сент. 1842 г. послѣдовало открытіе академическаго правленія, а 8 ноября, послѣ пріемныхъ экзаменовъ студентовъ,— торжественное открытіе Академіи и по учебной части. Чтеніе лекцій началось 9 ноября 1842 г.

Для помѣщенія Академіи предполагалось снять въ аренду домъ Теренина на углу Петропавловскихъ улицы и переулка и уже закончены были переговоры съ владѣльцемъ, какъ вдругъ страшный пожаръ 24 авг. 1842 г. истребилъ лучшую часть города, домъ Теренина, Семинарію и въ послѣдней многія вещи, заготовленныя къ пріему академическихъ студентовъ. Такъ какъ казалось невозможнымъ найти для Академіи новое помѣщеніе, то архіеп. Владиміръ представилъ объ отложеніи открытія ея года на четыре, пока не будетъ построено новое зданіе. Но Св. Синодъ съ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ рѣшилъ не отступать предъ затрудненіями и временно помѣстить Академію въ Спасскомъ монастырѣ, въ кремлѣ. Здѣсь, въ большой тѣснотѣ, и размѣстились 30 студентовъ перваго курса. Засѣданія же правленія происходили въ зимнемъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ на первыхъ порахъ, пока не были приведены въ нѣкоторый порядокъ монастырскія зданія, читались и лекціи. Лѣтомъ 1844 г., въ виду пріѣзда въ Казань студентовъ новаго академическаго курса, для помѣщенія Академіи снять былъ обширный домъ Мельниковыхъ, гдѣ нынѣ „Щетинкинскіе Номера“ (Казанское подворье), на углу Проломной и Гостинодворской улицъ. Здѣсь свободно размѣстились не только 60 студентовъ, но и наставники. Была даже устроена домовая церковь. Тутъ Академія помѣщалась 4 года, пока не перешла въ 1848 г. въ собственныя зданія на Арскомъ полѣ, противъ „Русской Швейцаріи“, гдѣ пребываетъ и досселѣ.

Въ данномъ мѣстѣ Академіи было нарѣзано 13.328 кв. саженъ земли и здѣсь 8 мая 1845 г. была торжественно совершена закладка главнаго корпуса, въ который 28 іюля 1848 г. и совершился переходъ Академіи. 8 ноября 1848 г. освящена была устроенная въ главномъ же корпусѣ домовая церковь во имя архистратига Михаила. Въ теченіе 1847—1849 гг. были выстроены два каменные двухъэтажные флигеля для квартиръ наставниковъ Академіи, каменная стѣна вокругъ всего академическаго земельнаго участка, баня, холодныя постройки; службы при флигеляхъ закончены только въ 1853 г. Постройка и оборудованіе академическихъ зданій обошлись въ 115.890 р., на 47 т. р. дешевле смѣтной цѣны. Объясняется это тѣмъ, что постройка велась хозяйственнымъ образомъ, а строительный комитетъ отличался огромнымъ трудолюбіемъ, добросовѣстностью и опытностью.

Главный корпусъ имѣлъ размѣръ 31 саж. 2 арш. въ длину, 10 саж. 1 арш. въ ширину и 8 саж. въ высоту. Тѣмъ не менѣе уже въ 1855 г. возникъ вопросъ о расширеніи академическихъ зданій, въ виду расширенія библіотеки. Рѣшеніе этого вопроса сдѣлалъ неотложнымъ новый уставъ Академій 1869 г., увеличившій до 100 студентовъ первоначальный штатъ (въ 60 чел.). Въ 1871—1873 гг. были вчетверо увеличены флигеля, превратившіеся въ большіе корпусы (восточный и западный). Сюда изъ главнаго корпуса были переведены библіотека, канцелярія, больница, квартира ректора; кромѣ того здѣсь же,—съ выселеніемъ на частныя квартиры наставниковъ,—были помѣщены секретарь и библіотекарь съ ихъ помощниками и экономъ. Въ восточномъ корпусѣ былъ устроенъ залъ для торжественныхъ собраній. Но заново отремонтиро-

Казанская Духовная Академія съ Арскаго поля.

ванный въ 1871—1873 гг. главный корпусъ скоро опять оказался недостаточнымъ для помѣщенія студентовъ, когда въ 1879 г. штатъ ихъ былъ доведенъ до 160 ч. Въ виду этого въ 1887—1889 гг. сдѣланы были большія пристройки къ обоимъ концамъ его. Наконецъ, въ 1905 г. выстроенъ былъ еще одинъ каменный корпусъ для академической больницы.

Въ настоящее время академическія зданія состоятъ—кромѣ каменныхъ службъ и бани—изъ четырехъ корпусовъ: главнаго и двухъ боковыхъ, обращенныхъ фасадами къ Арскому полю и расположенныхъ въ передней части академическаго участка, въ саду. Главный корпусъ трехъэтажный, остальные двухъэтажные. Въ главномъ корпусѣ помѣщаются церковь, аудиторіи, столовая, студенческіе занятные номера и спальни, „профессорская комната" съ читальней, квартиры инспектора и двухъ его помощниковъ, а въ подвальномъ этажѣ—кухни, кладовыя, квартиры служителей, складъ изданій „Православнаго Собесѣдника". Въ боковомъ восточномъ корпусѣ, влѣво отъ главнаго, находятся актовый залъ, канцелярія съ архивомъ, квартиры ректора и академическихъ чиновниковъ. Весь западный корпусъ занимаетъ академическая библіотека. Во всѣхъ этихъ корпусахъ отопленіе амосовское, въ больничномъ водяное. Обслуживавшій нѣкогда (съ 1849 г.) Академію свой колодезь нынѣ заброшенъ и во всѣ ея зданія теперь проведена вода изъ городского водопровода. Освѣщеніе съ 1904 г. электрическое, до того же—керосиновое, а въ 40—60 годахъ Академія освѣщалась сальными свѣчами и сурѣпнымъ масломъ.

II) Внутренняя исторія новой казанской Академіи распадается на три періода въ зависимости отъ тѣхъ учебныхъ уставовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ она жила: 1) 1842—1870 г.—устава 1814 г., 2) 1870—1884 г.—устава 1869 г. и 3) 1884—1907 г.—устава 1884 г. Всего сильнѣе вліяніе этихъ уставовъ отразилось на сторонахъ административной, учебной и экономической, отчасти на жизни студентовъ, съ каковыхъ и будетъ прежде всего разсматриваться въ каждомъ періодѣ жизнь академіи.

Періодъ I (1842—1870 гг.). А. *Административная часть.* По проекту устава Дух. Академій 1814 г. на послѣднія возлагались три задачи: а) образовывать духовное юношество къ высшимъ должностямъ, б) распространять и поощрять ученость въ духовенствѣ ввѣреннаго каждой Академіи округа и в) управлять духовными училищами своихъ округовъ. Соотвѣтственно этому, административная часть въ Академіяхъ была распредѣлена между тремя академическими органами: а) правленіемъ Академіи внутреннимъ, б) академическою конференціей и в) правленіемъ Академіи внѣшнимъ или окружнымъ.

а) *Внутреннее правленіе казанской Академіи*, завѣдывавшее, подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ мѣстнаго архіерея, всѣми сторонами ея жизни, состояло изъ ректора, инспектора и эконома, а если послѣдній не имѣлъ академическаго образованія и не могъ принимать участія въ учебныхъ дѣлахъ, то еще изъ одного члена—изъ профессоровъ Академіи. Дѣлопроизводствомъ въ немъ завѣдывалъ секретарь съ нѣсколькими письмоводителями. Но отчасти по уставу, отчасти въ силу установившейся практики вся власть въ казанской Академіи сосредоточилась въ рукахъ одного ректора, который былъ ограниченъ только высшимъ начальствомъ. Такими ректорами—полновластными почти управителями казанской Академіи въ первый періодъ ея жизни были архимандриты: 1) *Іоаннъ Оболенскій* (1842—1844 гг.) изъ ректоровъ харьковской Семинаріи, съ кіевскимъ академическимъ образованіемъ. Впрочемъ, онъ,—человѣкъ сравнительно молодой, но болѣзненный и еще болѣе мнительный,—мало занимался дѣлами и мало входилъ въ жизнь Академіи, уклоняясь отъ прямыхъ своихъ обязанностей и предоставляя студентамъ полную свободу. Скончался въ 1851 г. настоятелемъ рязанскаго Троицкаго монастыря. 2) *Григорій Митькевичъ*, изъ ярославскихъ ректоровъ, черниговецъ, кіевлянинъ по высшему образованію (1844—1851 гг.). Незаурядный ученый и аскетъ, но въ то же время „человѣкъ въ высшей степени дѣловой и опытный, съ сильной волей, съ серьезнымъ, крѣпкимъ и властнымъ характеромъ", все знавшій, за всѣмъ слѣдившій—онъ былъ администраторъ по при-

званію. При немъ было выстроено новое зданіе Академіи и ему же принадлежитъ честь первоначальнаго ея устроенія по учебной и нравственной части. Ему же обязана Академія серьезною постановкой восточныхъ языковъ и послѣ—открытіемъ миссіонерскихъ отдѣленій. Онъ отличался тактомъ въ выборѣ изъ студентовъ Академіи будущихъ профессоровъ. Умеръ въ 1881 г. калужскимъ архіепископомъ (О немъ см. „Энц.“ IV, 692--693). 3) *Пароеній Поповъ*, воронежецъ родомъ, кіевлянинъ по Академіи, одесскій ректоръ, вызванный на чреду священнослуженія въ Петербургъ, ректорствовалъ въ Казани въ 1852—1854 гг. Ученѣйшій человѣкъ, одинаково знакомый съ богословіемъ и философіей, гуманный, кроткій и общительный, но въ то же время энергичный, онъ былъ и администраторомъ по призванію, но,—по выраженію историка казанской Академіи, — администраторомъ - аристократомъ, въ противоположность своему предшественнику. Онъ въ черновую работу не вмѣшивался, въ экономической области требовалъ больше нарядности во внѣшней обстановкѣ. Онъ сильнѣе тяготѣлъ къ ученымъ интересамъ. Архим. Пароеній первый изъ ректоровъ казанскихъ занялъ каоедру (догматическаго богословія). Онъ слѣдилъ за умственнымъ развитіемъ студентовъ, посѣщалъ лекціи и на экзаменахъ по всѣмъ предметамъ самъ спрашивалъ. Но миссіонерскихъ академическихъ каоедръ не жаловалъ, хотя впослѣдствіи на епископствѣ въ Сибири прославился своею миссіонерско-просвѣтительною дѣятельностію. Умеръ въ 1873 г. въ санѣ иркутскаго архіепископа (см. „Энц.“ V, 1031). 4) *Агаоангелъ Соловьевъ*, изъ костромскихъ ректоровъ, по высшему образованію москвичъ, правилъ Академіею въ 1854—1857 гг. Это былъ человѣкъ, склонный къ показной рисовкѣ, выдававшій себя за знатока общественныхъ приличій и разыгрывавшій аристократа. Эти черты его, при властности характера, замѣтно отразились и на студентахъ его времени, на развитіи у нихъ внѣшней выдержки, чувства приличія и эстетическихъ инстинктовъ. При немъ сталъ мѣняться старый типъ студента - бурсака. Но излишняя забота Агаоангела о здоровьѣ студентовъ и страхъ, какъ-бы они не переутомились, повели къ сокращенію числа учебныхъ часовъ, письменныхъ работъ и времени для экзаменовъ и къ пониженію образовательнаго уровня академической молодежи. Односторонне, богословски образованный, онъ не любилъ словесности, не зналъ и не цѣнилъ математики и физики, почему при немъ было ослаблено изученіе ихъ, а естественныя науки и совсѣмъ были изгнаны изъ академическаго курса. За-то онъ ревностно отнесся къ организаціи открытыхъ при немъ миссіонерскихъ отдѣленій (особенно противораскольническаго, въ которомъ самъ сдѣлался главнымъ преподавателемъ) и къ обогащенію библіотеки нужными для новыхъ отдѣленій книгами и рукописями. Наконецъ, онъ горячо заботился объ успѣхахъ новаго академическаго журнала „Православный Собесѣдникъ“, писаніе статей для котораго обратилъ въ какую-то повинность для наставниковъ, при чемъ однако очень стѣснялъ послѣднихъ своею цензорскою взыскательностію. Вообще же онъ, какъ ректоръ, занимался только высшимъ надзоромъ за общимъ теченіемъ дѣлъ, не входя въ разныя мелочи по канцеляріи и хозяйству, но желалъ быть настоящимъ начальникомъ и не допускалъ, чтобы въ Академіи что-либо дѣлалось помимо его. Скончался въ 1876 г. въ Житомірѣ въ санѣ волынскаго архіепископа (см. „Энц.“ I, 256 — 257; III, 775). 5) *Іоаннъ Соколовъ*, москвичъ по рожденію и образованію, предъ назначеніемъ въ Казань—ректоръ петербургской Семинаріи. Правилъ казанскою Академіей въ 1857—1864 гг. Докторъ богословія, съ репутаціей перваго русскаго канониста,—Іоаннъ отличался горделивымъ и нѣсколько презрительнымъ отношеніемъ къ людямъ и въ частности къ подчиненнымъ, былъ величественъ, грозенъ и внушителенъ; но, при своей видимой грубости, обладалъ общественнымъ тактомъ, знаніемъ свѣтскихъ приличій и пріемовъ, какіе при случаѣ умѣлъ обнаружить. Гордо державшійся по отношенію къ своему высшему начальству и презрительно въ отношеніи къ наставникамъ, которые жаловались даже на него за это синодальному оберъ-прокурору, Іоаннъ въ академическихъ дѣлахъ распоряжался всѣмъ единовластно и правленія не собиралъ. Журналы заготовлялись по написаннымъ имъ черновикамъ. Такъ же обстояло дѣло по внѣшнему правленію и даже по конференціи,

которая до 1862 г. не собиралась даже для удостоенія кончившихъ курсъ учеными степенями: послѣднее происходило въ кабинетѣ ректора въ присутствіи одного секретаря. Въ области экономической самовластныя распоряженія Іоанна, въ связи съ стремленіемъ его сравнить казанскую Академію съ петербургскою и увеличившеюся стоимостію вещей и продуктовъ, повели къ дефициту. Въ учебной сторонѣ, недовольный всѣмъ и даже миссіонерскими отдѣленіями, ректоръ Іоаннъ началъ преобразованія съ увеличенія числа семестровыхъ сочиненій до 9 въ годъ. Затѣмъ въ 1858 г. онъ самолично же произвелъ радикальную перетасовку всѣхъ предметовъ преподаванія, уничтоживъ миссіонерскія отдѣленія съ отмѣною однихъ предметовъ и передачей въ основныя отдѣленія другихъ, которые так. обр. стали общеобязательными, соединивъ словесность съ церковнымъ краснорѣчіемъ, расширивъ курсы философіи и возстановивъ математику. Соотвѣтственно этому была произведена перетасовка наставниковъ, въ результатѣ чего изъ Академіи бѣжали лучшіе профессора и важнѣйшія каѳедры опустѣли. Іоаннъ старался замѣстить послѣднія монахами или если и свѣтскими, то не казанцами. Самъ онъ преподавалъ догматику до 1859 г., затѣмъ отказался отъ чтенія лекцій. У начальства онъ былъ на плохомъ счету, особенно послѣ жалобы на него академическихъ наставниковъ и громкой исторіи о политической панихидѣ по убитымъ при усмиреніи крестьянамъ с. Бездны (1861 г.). Послѣ того онъ ушелъ еще дальше отъ академическихъ дѣлъ,—замкнулся въ своемъ кабинетѣ и оттуда правилъ Академіей. Въ 1864 г., поправивъ свою репутацію трудомъ „О монашествѣ епископовъ“, онъ былъ назначенъ ректоромъ петербургской Академіи. Въ 1869 г. скончался на смоленской каѳедрѣ (см. „Энц.“ VII, 141—156). 6) *Иннокентій Новгородовъ*, изъ ректоровъ каз. Семинаріи, кіевлянинъ по высшему образованію, 1864—1868 гг. Человѣкъ видимо общительный, привѣтливый, благожелательный и простой, но не снискавшій ни въ комъ ни уваженія, ни любви,—этотъ ректоръ отличался большимъ усердіемъ къ дѣлу, неутомимостію, вниканіемъ во все, но все это безъ пользы для Академіи. Онъ былъ администраторъ - юристъ, съ формально-канцелярскимъ направленіемъ, безъ широкихъ нравственныхъ принциповъ. Казуистъ, любитель справокъ и ссылокъ на законъ, Иннокентій былъ безпощаденъ, когда дѣло касалось формальной законности. Въ управленіи Академіею онъ былъ строгимъ ревнителемъ соблюденія всѣхъ §§-овъ устава, не отмѣненныхъ высшей властію. Такой характеръ ректора повлекъ бѣгство изъ Академіи многихъ студентовъ, для удержанія которыхъ пришлось усилить правила обязательной службы воспитанниковъ Академій и взысканія съ нихъ за содержаніе. Учебною частію онъ мало интересовался, и въ ней обращалъ вниманіе больше на юридическую, уставную сторону. Онъ уничтожилъ на экзаменахъ билеты, конспекты, замѣнилъ пятибальную систему восьмибальной. Отъ наставниковъ онъ требовалъ репетицій послѣ каждой лекціи. Иннокентій пытался совсѣмъ слить гомилетику со словесностію и заставить служить церковному краснорѣчію преподавателей классическихъ языковъ. Онъ возстановилъ миссіонерскія отдѣленія, но въ урѣзанномъ видѣ. Единственный изъ казанскихъ академическихъ ректоровъ, онъ умеръ на должности ректора въ 1868 г. (см. „Энц.“ V, 962.963). 7) *Никаноръ Бровковичъ*, изъ полоцкихъ ректоровъ, питомецъ петербургской Академіи, 1868—1871 гг. „Универсально образованный, въ полномъ смыслѣ человѣкъ науки, высокій богословъ и философъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знатокъ нѣсколькихъ спеціальностей изъ области свѣтскихъ наукъ, сильный мыслитель и вмѣстѣ эстетикъ, съ замѣчательно развитымъ вкусомъ, особенно въ музыкѣ и литературѣ“,—Никаноръ могъ стать и дѣйствительно сталъ не просто администраторомъ, начальственно только завѣдывающимъ учебною частію академической жизни, но личнымъ и живымъ участникомъ въ ея теченіи, даже главнымъ ея работникомъ. Онъ непосредственно по пріѣздѣ занялъ каѳедру основного богословія и началъ усиленно работать для „Православнаго Собесѣдника“. Рядомъ работъ онъ восполнилъ прежнее изданіе своего сочиненія противъ католичества „О видимомъ главенствѣ въ церкви“ и въ 1869 г. получилъ за этотъ трудъ степень доктора богословія;—это былъ первый и единственный докторъ въ казанской Академіи при дѣйствіи стараго академическаго устава. При дѣй-

ствіи этого устава онъ слѣдилъ за учебною жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ, посѣщая лекціи и аудиторіи, прочитывая журнальныя записи, выслушивая ежедневные отчеты студентовъ о прослушанныхъ ими лекціяхъ. Часто онъ бесѣдовалъ съ наставниками о постановкѣ преподаванія и о желательномъ направленіи той или другой науки. Очень общительный, онъ ничего не дѣлалъ втихомолку, а старался заинтересовать и другихъ въ проведеніи той или другой мѣры, чѣмъ и подготовлялъ корпорацію къ введенію совѣтскаго самоуправленія. Строгій блюститель законности, онъ проводилъ дѣла съ общаго согласія правленія, которое собиралъ неопустительно. Никаноръ сдѣлался живымъ центромъ академической корпораціи, которую соединилъ въ дружную и одушевленную семью, сохранилъ съ нею связь и на всю послѣдующую свою жизнь. По отношенію къ студенчеству, онъ продолжалъ заботу своего предшественника о привитіи правилъ внѣшняго приличія и о возстановленіи поколебавшейся въ началѣ 60-хъ годовъ дисциплины, при чемъ обнаружилъ не мелочной формализмъ, а „замѣчательно широкій взглядъ на жизнь и ревность преимущественно о духѣ дисциплины, возведеніе послѣдней къ высшимъ идеямъ общечеловѣческаго развитія и преимущественно къ идеѣ религіозности и церковности во всемъ поведеніи духовнаго воспитанника“. При своей близости къ студентамъ и знаніи психологіи онъ умѣло выбралъ для Академіи изъ ея питомцевъ цѣлую группу отличныхъ профессоровъ. Въ 1870 г. онъ сталъ „счастливымъ дѣятелемъ полнаго преобразованія“ казанской Академіи. Скончі. въ 1891 г. на одесской каѳедрѣ.

б) *Академическая конференція* вѣдала вопросы духовнаго просвѣщенія въ предѣлахъ учебнаго округа. Она не была частію академическаго организма, а состояла *при* академіи, и въ составъ ея входили наравнѣ съ учеными членами академической корпораціи и нѣкоторыя постороннія лица, какъ духовныя, такъ и свѣтскія. Но если академическія конференціи вообще составляли по идеѣ комитета 1808 г. существенную часть системы духовно-учебнаго управленія и выражали то же учено-коллегіальное начало въ администраціи, что и Коммиссія дух. училищъ, то въ казанской Академіи, явившейся въ то время, когда самая система была испорчена реформами гр. Протасова и самую Коммисію замѣнилъ бюрократическій институтъ — Духовно-учебное управленіе, конференція сдѣлалась чисто школьнымъ учрежденіемъ, въ которомъ всѣ дѣла вершились однимъ ректоромъ, а посторонніе ученые стали вытѣсняться, какъ помѣха къ домашнему веденію дѣлъ. Казанская Академія въ 60-хъ годахъ высказалась даже за полное удаленіе ихъ. Первыми дѣйствительными членами академической конференціи изъ постороннихъ Академіи лицъ были ректоръ Семинаріи архим. Климентъ, свіяжскій архимандритъ Мартирій, Іоанновскій въ Казани—Даніилъ, люди съ ученымъ или учебнымъ прошлымъ и знатоки языковъ, и прот. Талантовъ, профессоръ Университета. Выборы пятаго члена—Зилантовскаго архим. Гавріила, тоже университетскаго профессора, Св. Синодъ не утвердилъ, такъ какъ онъ былъ на дурномъ счету у начальства. Отъ себя Синодъ произвелъ выборы 23 духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ почетные члены конференціи. Въ послѣдній разъ избраны были: въ дѣйствительные члены прот. Ясницкій, знатокъ татарскаго языка (1867), и въ почетные м. Исидоръ и синодальный оберъ-прокуроръ Ахматовъ съ товарищемъ кн. Урусовымъ, при чемъ послѣдніе отказались отъ этого званія (1864 г.). Были и члены-корреспонденты—два за все время: перемѣщенный изъ Казани въ Иркутскъ архим. Даніилъ и священникъ астраханской епархіи Вас. Дилигенскій, знатокъ калмыцкаго языка.

Число постороннихъ дѣйствительныхъ членовъ ни разу не достигало до 10,—цифры, указанной въ проектѣ устава Дух. Академій. Въ Казани и не могло быть ихъ больше. Но и наличные, будучи завалены другими работами, сравнительно мало дѣлали для Академіи. Главная тяжесть конференціонныхъ работъ падала потому на членовъ самой академической корпораціи. Ими были ординарные и экстраординарные профессора и только однажды (въ 1854 г.) былъ избранъ баккалавръ—іером. Веніаминъ Благонравовъ въ уваженіе къ его учености, проявившейся въ составленныхъ имъ обширныхъ лекціяхъ по церковной исторіи. Впрочемъ, въ первые годы у конференціи и дѣлъ почти не было и засѣданій не было:—

ограничивались (и то не всегда) летучими журналами. И само начальство какъ будто забывало о ея существованіи, адресуясь даже по такимъ важнымъ дѣламъ, какъ вопросъ о введеніи въ курсъ Академіи восточныхъ языковъ и естественныхъ наукъ,— въ академическое правленіе. Лишь въ 1846 г. вѣдомство конференціи выясняется и расширяется и дѣятельность становится виднѣе. Но и теперь почти всегда ограничивались фиктивными засѣданіями, а ректоръ Іоаннъ всѣ дѣла вершилъ въ своемъ кабинетѣ. Только при Иннокентіи дѣйствительныя засѣданія стали чаще, при чемъ на нѣкоторыхъ присутствовалъ архіеп. Аѳанасій.

Постоянная дѣятельность конференціи, по академическому уставу, выражалась въ 1) цензурѣ дух. сочиненій по округу, 2) производствѣ экзаменовъ и 3) возведеніи въ ученыя степени. 1) Цензура дух. сочиненій въ Академіи и въ ея округѣ ввѣрена была состоявшему при Академіи *цензурному комитету*, открытому въ 1845 г. въ составѣ трехъ членовъ конференціи, избранныхъ на три года, безъ вознагражденія. Казанскій (какъ и кіевскій) ценз. комитетъ могъ разсматривать только мелкія сочиненія, поступавшія отъ лицъ окружного училищнаго вѣдомства. Лишь въ 1865 г. Академія исходатайствовала расширеніе полномочій своего цензурнаго комитета чрезъ дозволеніе ему разсматривать переводы священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Иногда конференція, съ разрѣшенія Синода, назначала временныхъ цензоровъ—для сочиненій на арабскомъ и мѣстныхъ языкахъ, если ихъ не знали постоянные члены комитета. Въ первыя 10 лѣтъ у комитета дѣла было очень мало, тѣмъ не менѣе представляемыя ему рукописи онъ держалъ по мѣсяцамъ и годами или всячески старался устранить отъ себя ихъ разсмотрѣніе, а то и вовсе забраковывалъ, опасаясь всякихъ непріятностей, какія въ тѣ времена доставляло печатное слово. Дѣятельность комитета оживилась лишь съ 1855 г., съ основанія „Православнаго Собесѣдника“, но и тутъ чуть не единовластно распоряжались ректоры Агаѳангелъ, Іоаннъ, Иннокентій... 2) Сильно чувствовалось ректорское вліяніе и на производствѣ экзаменовъ какъ пріемныхъ, когда ректорскій списокъ принятыхъ обусловливалъ судьбу и репутацію ихъ въ теченіе всего академическаго курса такъ и прочихъ—рождественскихъ, лѣтнихъ и курсовыхъ (двухгодичныхъ). Хотя конференція должна была по уставу переводить съ курса на курсъ и выпускать студентовъ, но властные ректоры иногда единолично производили оцѣнку познаній и развитія студентовъ. 3) Удостоеніе ученыхъ степеней было массовое—выпускныхъ студентовъ—и единичное.--Курсовыя сочиненія выпускныхъ раздавалъ для прочтенія наставникамъ ректоръ, наблюдая, чтобы каждому досталось равное число ихъ. Затѣмъ ректоръ, просмотрѣвъ самъ сочиненія и рецензіи, назначалъ засѣданіе конференціи. Человѣкъ 10—12 удостоивались степени магистра, остальные кандидата, при чемъ старшіе— съ правомъ получить степень магистра чрезъ опредѣленное число лѣтъ службы и съ одобреніемъ отъ начальства. Со степенью дѣйствительнаго студента конференція изъ первыхъ шести курсовъ выпустила только двоихъ. Но въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ, раздавъ сочиненія кромѣ наставниковъ и постороннимъ членамъ конференціи, при чемъ предъявилъ рецензентамъ самыя строгія требованія, подведеніемъ итоговъ занялся самъ, безъ созыва конференціи. Въ результатѣ было 5 магистровъ, 3 старшихъ кандидата, 13 кандидатовъ и 6 студентовъ. При такихъ же условіяхъ выпущены были студенты и слѣдующаго курса. Послѣ Іоаннъ сдѣлался милостивѣе и давалъ кандидатскую степень даже исключеннымъ студентамъ.—Въ 1865 г. Синодъ опредѣлилъ, чтобы сочиненіе на степень читалось прежде наставникомъ, давшимъ тему, а потомъ послѣдовательно двумя членами конференціи, послѣ чего подвергалось окончательному пересмотру въ общемъ собраніи конференціи подъ предсѣдательствомъ архіерея, которая и удостоиваетъ студента степени. Въ Синодъ должно отсылаться на утвержденіе все дѣло, но безъ сочиненія. Время утвержденія въ степени должно считаться со дня постановленія конференціи. Потомъ ректоръ Иннокентій еще болѣе усложнилъ правила, потребовавъ, чтобы каждый изъ трехъ рецензентовъ работалъ надъ сочиненіемъ независимо отъ другихъ, что повело за собою запаздываніе рѣшеній конференціи. Это было, впрочемъ, въ интересахъ высшаго начальства, такимъ образомъ за-

державшаго на дух.-учебной службѣ студентовъ, не удостоенныхъ пока степеней; въ 1864 г. Синодъ издалъ даже распоряженіе, уже прямо направленное къ тому, чтобы затянуть производство въ степени всѣхъ кончившихъ студентовъ. А по предложенію Иннокентія студенты, не пожелавшіе поступить на дух.-учебн. службу, и совсѣмъ не удостоивались магистерской и кандидатской степеней. Кромѣ общаго, по окончаніи курса, удостоенія ученой степени, были частные случаи удостоенія воспитанниковъ, кончившихъ курсъ кандидатами или студентами съ правами на высшую степень по прослуженіи на дух.-учебной службѣ извѣстнаго, большею частію двухгодичнаго срока. Но весьма рѣдки были случаи, чтобы добивались высшей ученой степени лица, окончившія Академію безъ этого права или съ правомъ получить ученую степень подъ условіемъ подачи новаго сочиненія или даже новаго экзамена, и къ такимъ лицамъ Академія относилась много строже. Былъ одинъ случай удостоенія магистерской степени кандидата петербургской Академіи. Этотъ магистръ—В. В. Миротворцевъ, преподаватель противобуддійскаго отдѣленія казанской Академіи (1868 г.). Въ 1869 г. казанская Академія удостоила, по мотивированному предложенію архіеп. Антонія, степени доктора богословія своего ректора, архим. Никанора, за сочиненіе „Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ церкви на основаніи Свящ. Писанія и преданія первыхъ вѣковъ христіанства“.

Иногда засѣданія конференціи принимали торжественный характеръ. Это было на публичныхъ экзаменахъ и на академическихъ актахъ, когда они предлагали публикѣ рѣчь устами академическаго оратора и отчетъ о годичной дѣятельности Академіи чрезъ своего секретаря. До ректора Агаѳангела акты справлялись очень торжественно, съ приглашеніемъ на нихъ почетныхъ лицъ города; на повѣсткахъ печаталась программа праздника. Акты длились съ часу дня до 4—5. При Агаѳангелѣ они справлялись часовъ въ 8 утра, до обѣдни, въ кругу только академическихъ членовъ конференціи. Акты оживились въ первые годы ректорства Іоанна, придавшаго имъ торжественность удачнымъ выборомъ темъ для рѣчей и даже внѣшнею обстановкой. Въ 1857 г. кромѣ рѣчи и отчета происходила даже раздача наградъ (5 студентовъ получили книжки „Прав. Собесѣдника“). Но блестящій актъ 1858 г., когда публика выслушала двѣ рѣчи (самого ректора и баккалавра Щапова), былъ послѣднимъ въ жизни дореформенной Академіи. Даже юбилейное торжество 1867 г. вышло блѣднымъ, безъ рѣчи.

Дѣятельность академической конференціи, кромѣ постоянныхъ функцій, выражалась въ выполненіи разныхъ временныхъ порученій. Впрочемъ, въ Казань высшее начальство обращалось не часто. Нужно отмѣтить порученіе 1858 г. принять вмѣстѣ съ другими Академіями участіе въ переводѣ на русскій языкъ Свящ. Писанія и прежде всего Евангелія. Казанской Академіи достался вмѣстѣ съ петербургскою переводъ Ев. Матѳея. Но когда въ нач. 1859 г. она отослала уже 10 главъ, ей порученъ былъ переводъ Ев. Луки, а также посланій къ Коринѳянамъ и Апокалипсиса; онъ былъ готовъ въ 1860 г. Въ 1863 г. конференціямъ петербургской и казанской Академій поручено было провѣрить 75 псалмовъ русскаго перевода Псалтири, изданнаго Библейскимъ Обществомъ. Работа была довѣрена іером. Григорію, который выполнилъ ее къ 1867 г. Въ этомъ году поручено было провѣрить сдѣланный петербургскою Академіей переводъ историческихъ книгъ Ветх. Завѣта и Екклезіаста;—для этого конференція образовала три коммиссіи. Затѣмъ казанская конференція исполняла порученія по разсмотрѣнію сочиненій, представленныхъ на преміи и для учебнаго употребленія, при чемъ больше браковала, чѣмъ одобряла...

Какъ учрежденіе, заправлявшее всѣмъ духовнымъ образованіемъ въ своемъ округѣ, академическая конференція высказывала иногда принципіальные свои взгляды на устройство дух.-учебнаго образованія, хотя постоянное наблюденіе за ходомъ учебной части лежало на окружномъ правленіи академіи. Въ 1846 г. она разослала по всему округу циркуляры о веденіи администраціею духовно-учебныхъ заведеній разныхъ документовъ и составленіи вѣдомостей и отчетностей, а также о постановкѣ учебно-административной части. Эти замѣчательные цир-

куляры, „требовавшіе полнаго обновленія старыхъ учебныхъ и воспитательныхъ пріемовъ, были въ свое время настоящимъ революціоннымъ кличемъ и встревожили всѣ школьныя начальства округа“. Въ 1849—1850 гг. конференція долго занималась вопросомъ объ устройствѣ какъ въ Академіи, такъ и въ окружныхъ Семинаріяхъ миссіонерскаго образованія. Въ 1859 г. конференція по одному случаю высказалась за желательность обновленія въ духовныхъ школахъ метода преподаванія чрезъ заимствованіе отъ свѣтскихъ училищъ усовершенствованныхъ пріемовъ. Въ 1862 г. по поводу проекта Св. Синода о поднятіи въ дух.-учебн. заведеніяхъ преподаванія классическихъ языковъ конференція, по мысли ректора Іоанна, пришла къ выводамъ, затрагивавшимъ всю постановку ученаго дѣла въ дух. школахъ и подсказывавшимъ коренную реформу его. Когда же, въ слѣдующемъ году, былъ присланъ на обсужденіе конференціи составленный особымъ комитетомъ при Синодѣ проектъ новаго семинарскаго устава, ректоръ Іоаннъ высказалъ еще болѣе радикальный взглядъ, предложивъ выдѣлить общее образованіе изъ круга дух.-учебн. вѣдомства. Но назначенный для разсмотрѣнія проекта академическій комитетъ приступилъ къ работѣ только чрезъ два года совмѣстно съ образованнымъ для той же цѣли епархіальнымъ комитетомъ. Въ общемъ ихъ собраніи былъ раскритикованъ петербургскій проектъ, какъ грѣшившій монашескими тенденціями, и высказана была мысль объ уничтоженіи при Синодѣ дух.-учебн. управленія съ сосредоточеніемъ всего учебнаго дѣла въ округѣ въ академической конференціи. Въ 1867 г. обсуждался вопросъ объ академической реформѣ, при чемъ члены корпораціи составили два проекта академическаго устава, но въ обоихъ конференціи приданъ чисто школьный характеръ, въ родѣ университетскаго совѣта, однако съ подчиненіемъ ей всѣхъ учебныхъ заведеній округа. Впрочемъ, какъ оказалось, оба проекта мало дали для устава Дух. Академій, составленнаго высшимъ начальствомъ, которое произвело реформу по своему усмотрѣнію и болѣе разумно, чѣмъ какъ подсказывали академическія конференціи.

в) *Внѣшнее или окружное правленіе* по уставу было чѣмъ-то въ родѣ особаго административнаго отдѣленія конференціи, спеціально назначеннаго для ближайшаго управленія дух.-учебн. заведеніями округа. Въ дѣйствительности съ паденіемъ при гр. Протасовѣ коллегіальнаго начала въ управленіи дух. училищами, внѣшнее правленіе было только ширмою для прикрытія единоличныхъ распоряженій ректора или вообще начальства Академій. Властный, начальственный тонъ академическаго правленія чувствовали не только семинарскія правленія, но и епархіальные преосвященные. Внѣшнее правленіе по уставу должно было состоять изъ пяти человѣкъ: ректора, двухъ членовъ, избранныхъ конференціею, и двухъ принадлежавшихъ къ составу внутренняго. Но въ Казани порча стараго устава сказалась въ томъ, что оно состояло изъ членовъ внутренняго правленія—ректора, инспектора и секретаря, къ которымъ былъ прибавленъ постоянный членъ конференціи Климентъ, ректоръ Семинаріи, но за выходомъ его въ 1850 г. онъ никѣмъ не былъ замѣщенъ. Только въ 1867 г. ректоръ Иннокентій вздумалъ включить въ составъ правленія члена конференціи прот. Вишневскаго, но Синодъ не утвердилъ его, такъ какъ тогда уже было предположено устроить на новыхъ началахъ духовно-учебную администрацію. Въ концѣ же 1867 г. пришелъ указъ объ упраздненіи внѣшняго правленія. Вѣдомство казанскаго академическаго окружнаго правленія по пространству и по числу учебныхъ заведеній превосходило другіе округа и постепенно возрастало: въ 1842 г. было 12 Семинарій, 38 уѣздныхъ и 42 приходскихъ училища; въ 1867 г., при упраздненіи правленія, было 16 Семинарій и 51 училище (въ 1852 г. училища уѣздныя и приходскія соединены были въ одинъ составъ духовныхъ училищъ) съ 458 начальствующими и учащими лицами и 14.193 учащимися (якутскія и камчатское Семинарія и училища были на особомъ положеніи). Принявъ отъ московской Академіи округъ въ разстроенномъ положеніи, казанское академическое окружное правленіе начало свою дѣятельность со смѣны разныхъ самодурныхъ смотрителей, съ слѣдствій по разнымъ неисправностямъ семинарскихъ правленій и незаконнымъ дѣйствіямъ ректоровъ Семинарій, съ разсмотрѣнія жалобъ учителей другъ на друга и на свои начальства

и ссоръ ихъ съ посторонними лицами, съ слѣдствій по дѣламъ учениковъ, иногда уголовнымъ. Слѣдствія такого рода длились иногда цѣлые годы и требовали цѣлыхъ сотенъ листовъ бумаги. Иногда внѣшнему правленію приходилось разбирать распри между семинарскими правленіями и преосвященными; особенно сильный разладъ въ началѣ 60-хъ годовъ произошелъ у еп. Порфирія сначала съ уфимскимъ, потомъ съ томскимъ семинарскимъ правленіемъ. Въ обоихъ случаяхъ академическое правленіе высказалось противъ преосвященнаго и навлекло на него ревизію. У ректора Іоанна вообще была мысль ограничить власть архіереевъ въ духовно-школьномъ управленіи... Въ 60-хъ годахъ подъ вліяніемъ общаго паденія дисциплины правленію пришлось разбирать нѣсколько дѣлъ о неуваженіи къ духовно-учебному и даже къ самому епархіальному начальству разныхъ учителей, особенно изъ молодыхъ людей. Было еще не мало дѣлъ по жалобамъ на скудость жалованья— съ конца 50-хъ годовъ. Большого труда стоило пріучить семинарскія правленія къ надлежащей отчетности, къ присылкѣ въ сроки и въ узаконенной формѣ отчетовъ, разрядныхъ списковъ воспитанниковъ, формуляровъ наставниковъ, конспектовъ по наукамъ, описей библіотекъ и др. документовъ. Въ 1846 г. были разосланы циркуляры на этотъ счетъ, но они мало упорядочили дѣло. Даже ближайшія къ правленію лица, какъ казанской Семинаріи ректоръ Климентъ, подолгу задерживали докладъ циркуляра или сопровождали его колкими замѣчаніями. Въ 1850 г. особенно рѣзкое пренебреженіе къ власти академическаго правленія обнаружилъ ректоръ нижегородской Семинаріи, не пожелавшій имѣть никакого дѣла съ посланнымъ Академіею ревизоромъ. Въ 50—60-хъ годахъ административныя полномочія правленія укрѣпились достаточно и подобнаго рода случаевъ противленія его власти не было. Тѣмъ не менѣе административное значеніе его всегда оставалось шаткимъ и въ большинствѣ случаевъ даже излишнимъ. Почти никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій и распоряженій оно не могло дѣлать и служило только лишнею передаточною инстанціей, да и то иногда обходимою. Его власть была скорѣе контрольною и слѣдственною, чѣмъ распорядительною, и потому его мало уважали въ округѣ. Не только епархіальные преосвященные обходили правленіе по дѣламъ своихъ учебныхъ заведеній, но и наставники Семинарій и даже кончившіе Академію иногда обращались прямо къ оберъ-прокурору Синода, минуя академическое правленіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ кругъ полномочій правленія все болѣе съуживался,—не только по волѣ и злоупотребленію духовно-учебнаго управленія, но и по его собственному желанію. Однако и при этомъ дѣла у него было не мало, при томъ иногда требовавшаго большой внимательности.

Въ 1840-хъ годахъ правленіе было завалено перепискою съ Семинаріями по поводу введенія въ ихъ курсъ естественныхъ наукъ и медицины, въ 50-хъ — раскола и миссіонерскихъ предметовъ; въ 1852 г. было длинное и сложное дѣло о введеніи новыхъ положеній въ устройствѣ дух. училищъ.

Обычными и постоянными предметами дѣятельности внѣшняго правленія были: распредѣленіе оканчивавшихъ студентовъ по свободнымъ мѣстамъ, представленіе Синоду кандидатовъ на мѣста ректоровъ и инспекторовъ Семинаріи, разсмотрѣніе экономическихъ отчетовъ по округу и записокъ и конспектовъ наставниковъ. На основаніи послѣднихъ въ Семинаріи посылались замѣчанія, для которыхъ еще больше поводовъ давали пріемные экзамены, открывавшіе тѣ или другія слабыя стороны преподаванія. Въ 1844 г. велѣно было обратить вниманіе на науки: физико-математическія, исторію и латинскій языкъ, въ 1848 г. — на латинскій и русскій языки, риторику, Писаніе, философію и исторію. Въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ обратилъ вниманіе на малое развитіе мыслительности и механическое заучиваніе уроковъ, подавляющее дарованія, чѣмъ особенно страдало въ Семинаріяхъ преподаваніе догматики, Писанія, философіи, математики и физики и языковъ. Это донесеніе Іоанна правленію было какъ бы протестомъ противъ всего строя духовнаго образованія, возбужденіемъ общаго вопроса объ его реформѣ и при томъ, кажется, въ первый разъ съ такою рѣшительностію и такъ оффиціально. Когда правленіе сдѣлало по этой запискѣ донесеніе въ Синодъ, послѣдній распорядился, чтобы

оно составило подробныя соображенія объ устройствѣ учебной части въ духовныхъ заведеніяхъ и представило ихъ на усмотрѣніе высшаго начальства. Болѣе полныя, живыя и надежныя свѣдѣнія о состояніи учебныхъ заведеній своего округа правленіе получало отъ ревизоровъ. На разсылку послѣднихъ ассигновалось въ годъ 715 р., но этихъ денегъ по величинѣ округа не хватило бы, и потому ревизоры посылались только въ курсовые годы и не на далекія разстоянія, только въ концѣ учебнаго года и не надолго. Нужныя свѣдѣнія правленіе добывало другимъ путемъ: училища ревизовались изъ тѣхъ Семинарій, къ вѣдомству которыхъ принадлежали; каждый новый смотритель училища или ректоръ Семинаріи при вступленіи въ должность ревизовалъ свое заведеніе и давалъ подробный отчетъ; наконецъ, правленіе иногда получало свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ той или другой епархіи отъ Синода изъ отчетовъ епархіальныхъ преосвященныхъ, производившихъ ревизіи вслѣдствіе ходатайства Академіи и по порученію Синода. Былъ случай, что ревизія въ пермской Семинаріи въ 1861—1862 г. была произведена Синодомъ чрезъ профессора петербургской Академіи (по политическому дѣлу), и казанская Академія, сама тогда находившаяся въ опалѣ у высшаго начальства, совсѣмъ не участвовала въ производствѣ этого дѣла и даже была устранена отъ замѣщенія 9 открывшихся послѣ ревизіи наставническихъ мѣстъ:—это поручено было сдѣлать митр. Филарету изъ воспитанниковъ московской Академіи. Но рука академическихъ ректоровъ простиралась даже на отчеты ревизоровъ (академическихъ):—нѣкоторые изъ нихъ носятъ слѣды поправокъ по требованію ректоровъ или даже ими самими.

Тяготясь своимъ многодѣланіемъ, точнѣе многобумажіемъ, внѣшнее правленіе съ начала 60-хъ годовъ старалось отстранить отъ себя многія изъ дѣлъ, издавая распоряженія, чтобы свѣдѣнія о личномъ составѣ учебныхъ заведеній, о пожертвованіяхъ на послѣднія, даже отчеты экономическіе и учебно-воспитательные посылались прямо въ Духовно-учебное управленіе. Этимъ совсѣмъ уже подрывалось административное значеніе Академіи и еще болѣе съуживалось ея административное значеніе въ округѣ. Полное упраздненіе окружныхъ правленій въ 1867 г. было — для Казани, по крайней мѣрѣ, — вполнѣ послѣдовательнымъ и не являлось историческимъ прыжкомъ.

Что касается внутреннихъ отношеній трехъ академическихъ органовъ, то они были проникнуты духомъ канцеляризма и проявлялись въ обмѣнѣ множествомъ бумагъ, въ которыхъ одни и тѣ же лица извѣщали себя, отъ себя требовали свѣдѣній и пр. и пр.

Ревизіи Академій. Сама казанская Академія ревизовалась по порученіямъ Синода обыкновенно по окончаніи каждаго двухгодичнаго курса и обыкновенно мѣстными преосвященными. Такіе ревизоры были обычно очень милостивы и въ жизнь Академіи не вносили большихъ перемѣнъ и отступленій отъ сложившагося строя. Заступленіемъ своихъ владыкъ Академія избавлялась отъ непріятныхъ результатовъ и строгихъ ревизій посторонних лицъ, какова была въ 1846 г. ревизія ректора петербургской Академіи еп. Аѳанасія или въ 1860 г. чебоксарскаго епископа Никодима. Впрочемъ, съ послѣднимъ ректоръ Іоаннъ держался „отдаленно, надменно и повелительно“ и отъ всѣхъ его замѣчаній отписался. Въ 1861 г. въ казанской Академіи была чрезвычайная ревизія по дѣлу о панихидѣ по бездненскимъ крестьянамъ, коснувшаяся всѣхъ сторонъ жизни ея и сдѣлавшая не мало неблагопріятныхъ для студентовъ и для начальства наблюденій...

Б. Учебная часть. а) *Общій составъ академическаго курса.* На основаніи Высочайше утвержденнаго предположенія Св. Синода 25 мая 1842 г. объ открытіи казанской Академіи, въ ней былъ введенъ тотъ же порядокъ обученія, что и въ другихъ Академіяхъ. Разницу должно было составить преподаваніе инородческихъ языковъ для миссіонерскихъ цѣлей, а также уменьшенное число преподавателей—14 (вмѣсто 18), — 6 профессоровъ и 8 (вмѣсто 12) баккалавровъ. Въ первые два года, при существованіи одного низшаго отдѣленія съ 4 профессорами и 4 баккалаврами, преподавались: Свящ. Писаніе, философія, словесность, физика и математика, общая и русская исторія, греческій и новые языки, раздѣленные между наличными наставниками. Физико-математическія науки и историческія

преподавались параллельно, такъ что низшее отдѣленіе Академіи подраздѣлялось на два спеціальныхъ—математическое и историческое, на которыя студенты записывались по своему выбору. Но въ 1844 г. Синодъ, уничтоживъ такое раздѣленіе въ петербургской Академіи и сдѣлавъ тѣ и другія науки общеобязательными, предложилъ ввести подобное измѣненіе и въ Казани, гдѣ рѣшили,—во избѣжаніе необходимости сократить объемъ этихъ наукъ,—замѣнить двухчасовыя лекціи полуторачасовыми. Въ началѣ 1845 г. правленіе казанской Академіи, для соотвѣтствія академическаго курса съ семинарскимъ, въ который съ 1840 г. вошли естественная исторія, сельское хозяйство и начала медицины, ввело въ преподаваніе медицину (каковая читалась только годъ врачемъ Академіи) и естественныя науки (онѣ до 1847 г. безмездно преподавались профессоромъ университета П. И. Вагнеромъ, а потомъ его академ. учениками до 1854 г., когда были упразднены). Впрочемъ, эти новыя каѳедры въ штатъ не были введены и окладомъ не были снабжены, какъ и открытыя въ янв. 1845 г. каѳедры инородческихъ языковъ, составлявшія вмѣстѣ съ естественно-научными особенность казанской Академіи. Исполняя синодальное опредѣленіе 25 мая 1842 г., правленіе Академіи въ первое же свое засѣданіе 21 сент. постановило запросить Семинаріи, на какихъ языкахъ говоритъ населеніе округа. Дождавшись только чрезъ два года затребованныхъ свѣдѣній, и то не полныхъ, правленіе постановило ввести въ преподаваніе только языки турецко-татарскій съ арабскимъ и монгольскій съ калмыцкимъ, съ цѣлію приготовить прежде всего преподавателей этихъ языковъ для Академіи и для нѣкоторыхъ Семинарій. Изученіе ихъ предоставлено было свободному выбору студентовъ, которые освобождены были за-то отъ еврейскаго и новыхъ языковъ. Предполагалось прежде посылать студентовъ въ университетъ, но,—въ виду ихъ малой подготовленности, — профессоры Университета А. К. Каземъ-бекъ (татар. и араб. яз.) и А. В. Поповъ (калм.) изъявили желаніе безмездно читать лекціи въ самой Академіи, начавъ курсъ въ янв. 1845 г. Въ 1849 г. этихъ профессоровъ замѣнили ихъ академическіе слушатели изъ студентовъ I курса.

Съ начала 1845 по 1854 г. академическій курсъ имѣлъ такой видъ. Въ низшемъ отдѣленіи преподавались: философія, исторія философскихъ системъ, словесность, исторія гражданская—общая и русская, физика, математика, языки нѣмецкій и французскій; въ высшемъ отдѣленіи: догматика вмѣстѣ съ основнымъ и сравнительнымъ богословіемъ, нравственное богословіе, церковное краснорѣчіе, пастырское богословіе, церковная археологія, каноническое право, патрологія, библейская и церковная исторія, русская церк. исторія, еврейскій языкъ; въ томъ и другомъ отдѣленіи совмѣстно: герменевтика и Свящ. Писаніе, естественныя науки, греческій языкъ и—нѣкоторымъ студентамъ обоихъ отдѣленій—языки татарскій, арабскій и монгольскій съ калмыцкимъ. Всѣ эти предметы, соединяясь между собою въ различныя и непостоянныя комбинаціи, были раздѣлены между 14 штатными преподавателями, имѣвшими въ среднемъ по 2—3 полуторачасовыхъ лекціи въ недѣлю.

Въ 1854 г. произошло измѣненіе въ числѣ и распредѣленіи наукъ академическаго курса вслѣдствіе открытія миссіонерскихъ отдѣленій. На первыхъ порахъ были открыты четыре отдѣленія: 1) противораскольничье, 2) противомусульманское, 3) противобуддійское и 4) черемисско-чувашское, но послѣднее было чрезъ два года закрыто, какъ мало нужное. Предположено было преподавать: въ первомъ отдѣленіи исторію раскола, полемику противъ него, миссіонерскую педагогику въ отношеніи къ расколу, славянскій языкъ и палеографію, въ остальныхъ трехъ по три науки, кромѣ языковъ: миссіонерскую педагогику, этнографію съ исторіею и подробнымъ изложеніемъ вѣрованій тѣхъ или другихъ инородцевъ и полемику противъ этихъ вѣрованій. Но такъ какъ штатъ преподавателей не былъ увеличенъ, то новые предметы пришлось распредѣлить между наличными 14-ью, которые и должны были читать по 4—5 самыхъ разнородныхъ наукъ и, кромѣ того, закрыть каѳедру естественной исторіи. Пострадала при этомъ и математика, отданная профессору физики и читавшаяся въ сокращеніи до 1856 г., когда была совсѣмъ уничтожена; да и теперь ее слушало только 5 студентовъ, не записавшихся на миссіонерскія отдѣленія. Штатъ казанской Академіи уве-

личенъ былъ только въ 1856 г. сравненіемъ ея съ прочими Академіями въ отношеніи числа баккалавровъ (12 вм. 8), разрѣшеніемъ приглашать практиканта для лучшаго усвоенія инородческихъ языковъ и дозволеніемъ ей (какъ и другимъ Академіямъ) на остаточныя средства или на счетъ духовно - учебныхъ капиталовъ опредѣлять еще до 2 ординарныхъ профессоровъ и до 4 баккалавровъ. Впрочемъ, этимъ дозволеніемъ казанская Академія по экономическимъ расчетамъ не воспользовалась ни въ это время, ни послѣ.—Въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ возстановилъ каѳедры математики и исторіи философіи, которая съ 1854 г. читалась профессоромъ философіи, и отдѣлилъ отъ другихъ каѳедръ европейскіе языки, поручивъ ихъ особымъ лекторамъ, а въ 1859 г. открылъ особую каѳедру греческаго и латинскаго языковъ. Взамѣнъ того была упразднена каѳедра пастырскаго богословія и гомилетики, присоединенныхъ первое къ нравственному богословію,—вторая—къ словесности, и сокращено число каѳедръ на миссіонерскихъ отдѣленіяхъ, которыхъ не жаловалъ Іоаннъ: на каждомъ отдѣленіи оставлено было по одному наставнику и уволенъ практикантъ разговорнаго татарскаго языка. Въ 1860 г. штатныхъ наставниковъ было 17, въ 1862 г. — 16, при чемъ ординарныхъ профессоровъ только 3. Всѣ три миссіонерскія отдѣленія въ прежнемъ ихъ видѣ были возстановлены только въ 1865 г. Наконецъ, въ 1868 г. открыта была еще новая каѳедра — педагогики, въ соотвѣтствіе съ введеніемъ послѣдней въ курсъ Семинарій.

б) *Постановка отдѣльныхъ предметовъ: 1) низшаго отдѣленія.*

Философскія науки, считавшіяся весьма важными во всѣхъ Академіяхъ, въ казанской съ самаго начала получили двухъ представителей—профессора и баккалавра. Профессоръ И. А. Смирновъ-Платоновъ, изъ баккалавровъ моск. Академіи, по философскому складу ума, широкому образованію и языкознанію, былъ дорогою находкой для казанской Академіи. Его философско-образовательное вліяніе на студентовъ не ограничивалось временемъ его академической службы, но продолжалось долгое время и по выходѣ его изъ Академіи. Ученикъ знаменитаго Ѳ. А. Голубинскаго (см. „Энц.“ IV, 495—502), Смирновъ-Платоновъ находился подъ сильнымъ его вліяніемъ, но много работалъ и самъ въ эклектическомъ направленіи. Особенно тщательно была разработана имъ опытная психологія, лекціи по которой въ сокращенномъ видѣ въ свое время были распространены по всему казанскому учебному округу. Подробно читалась и метафизика: логика и философское нравоученіе, заканчивавшее двухгодичный курсъ философіи, — кратко. Его лекціи по психологіи, метафизикѣ и нравственной философіи послѣ выхода его изъ Академіи (1847 г.) были отлитографированы въ руководство студентамъ. Второй профессоръ, Н. Соколовъ, читавшій исторію философіи по московскимъ академическимъ лекціямъ, а въ остальныхъ философскихъ курсахъ пользовавшійся записками Смирнова, ничего не внесъ въ разработку науки, какъ и случайные его сослуживцы — подневольные философы Ильминскій и Гремяченскій. Нѣсколько оживилъ изученіе философіи А. И. Лиловъ, казанецъ, сдѣлавшій „первую попытку поставить ея преподаваніе въ связи съ физіологіею на новыхъ примирительныхъ началахъ антропологическаго монизма“, но этотъ талантливый человѣкъ прослужилъ въ Академіи недолго (1858—1859 г.). Оставилъ еще слѣдъ М. И. Митропольскій (1859—1867 г.), петербуржецъ. Онъ первый въ Казани сталъ серьезно пользоваться въ преподаваніи философіи историческимъ методомъ изложенія. Добрую половину лекцій по опытной психологіи онъ посвящалъ ея исторіи съ древнѣйшихъ временъ до системъ Бенеке и Гербарта; по послѣднему главн. образ. онъ излагалъ и самую психологію. И по метафизикѣ онъ преимущественно знакомилъ студентовъ съ исторической и литературною сторонами ея. Въ 1865 г. онъ былъ выбаллотированъ въ совѣтѣ казанскаго Университета въ кандидаты для замѣщенія философской каѳедры, но за отказомъ министерства нар. просвѣщенія въ средствахъ на командировку за границу остался въ Академіи. Видными академическими философами были еще казанцы В. А. Снегиревъ (1868—1889 г.), отличавшійся энциклопедичностію знаній, гибкостію мысли и рѣдкою у философовъ ясностію изложенія (въ 1877 — 1886 гг. онъ преподавалъ логику и психологію и въ

Университетѣ), В. К. Мысовскій (1860 — 1865), сначала гегельянецъ, потомъ эклектикъ, и А. К. Волковъ (1897—1901 г.), петербуржецъ.

Словесность имѣла одного представителя, который, при томъ, преподавалъ еще лат. языкъ. Первый положилъ начало ея научному преподаванію С. И. Протопоповъ, въ монашествѣ Серафимъ. Велъ онъ его на основѣ господствовавшей тогда въ литературѣ эстетической теоріи Гегеля. Съ начала 1848 г. онъ предпринялъ курсъ исторіи рус. литературы, но разработалъ его далеко не весь и неравномѣрно въ разныхъ частяхъ. Заслуга его для каѳедры словесности и въ томъ, что онъ, пользуясь положеніемъ библіотекаря и потомъ инспектора, обогатилъ словесный отдѣлъ библіотеки. Его преемникъ и ученикъ И. Я. Порфирьевъ, принявъ его программу, сначала пользовался и его лекціями, которымъ далъ свою внѣшнюю обработку. Часть ихъ (общая грамматика и литературная эстетика) въ 1864 г. была отлитографирована. Самостоятельная дѣятельность И. Я. Порфирьева обратилась на слабо развитую у его предшественника историческую сторону, въ соотвѣтствіе съ общимъ историческимъ направленіемъ въ наукѣ съ 50-хъ годовъ. Въ его лекціяхъ по словесности это выразилось въ замѣнѣ анализа литературныхъ образцовъ цѣльными историческими очерками развитія того или другого вида прозы или поэзіи въ разныхъ литературахъ, начиная съ восточныхъ и классическихъ и кончая новыми европейскими. Это дѣло было тѣмъ полезнѣе, что въ 1862 г. исторіи общей литературы въ отдѣльномъ видѣ въ академической программѣ не было. Исторія рус. литературы, занимавшая въ первое время 1/4 курса (т. е. 1/2 года), потомъ стала расширяться на счетъ теоріи общей словесности и заняла 3/4 курса. Въ 1870 г. Порфирьевъ уже напечаталъ древній періодъ ея—до Петра в. Характерной чертой его является широкое развитіе отдѣловъ о народной устной словесности и объ апокрифической литературѣ, въ другихъ исторіяхъ почти не затрогивавшихся. Отдѣлы эти явились уже въ первыхъ его курсахъ подъ вліяніемъ народническихъ симпатій въ нашей ученой литературѣ въ началѣ 50-хъ годовъ и знакомства съ Соловецкой библіотекой (съ 1855 г.). Апокрифы послѣдней сдѣлались и темою докторской диссертаціи Порфирьева; рукописи ея вообще имѣли немалое вліяніе на направленіе всей его литературной дѣятельности. Любовь его къ наукѣ, всегдашнее оживленное преподаваніе, внимательное и симпатичное отношеніе къ слушателямъ и ихъ работамъ—все это оживило въ Академіи литературный интересъ и сдѣлало послѣдній преобладающимъ, — по крайней мѣрѣ до 60-хъ годовъ, до появленія крайне-матеріалистическаго направленія литературной критики, отрицавшаго въ искусствѣ не только идеалы, но и типы. Впрочемъ, успѣху словесности ставило препятствія и академ. начальство, считавшее ее слишкомъ пустымъ свѣтскимъ предметомъ и пытавшееся съ 1858 г. усилить ея значеніе и придать серьезность чрезъ присоединеніе къ ней гомилетики. Гомилетика отдѣлена была отъ словесности лишь въ 1867 г., а въ 1870 г. за послѣднею вновь признано надлежащее значеніе. Порфирьевъ пережилъ кромѣ реформы Академіи 1870 г. и реформу 1884 г. и скончался въ 1890 г., оставивъ по себѣ памятникомъ свою Исторію русской словесности, доведенную почти до Пушкина, выдержавшую много изданій и доселѣ служащую руководствомъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ.

Физико-математическія науки были поставлены первоначально очень высоко, имѣя, какъ и философскія, двухъ преподавателей. Но въ 1854 г. ректоромъ Агаѳангеломъ была упразднена особая каѳедра математики, а чрезъ два года и самая наука была вычеркнута изъ программы. Въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ возстановилъ эту каѳедру. Изъ двухъ представителей физико-математ. наукъ одинъ—проф. Гусевъ преподавалъ элементарную и высшую геометрію (потомъ вмѣсто нея алгебру) и физику, а другой—алгебру, аналитическую геометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе и механику. Но слабая подготовка слушателей не позволяла поставить преподаваніе спеціально; оно еще болѣе ослабѣло, когда въ 1844 г. были уничтожены отдѣленія физико-математическое и историческое и эти науки сдѣлались общеобязательными. Изъ казанскихъ математи-

ковъ нѣкоторый слѣдъ оставилъ А. А. Бобровниковъ (1847—1854 г.). расширившій свое преподаваніе математики математическою географіею и астрономіей.

Общая гражданская исторія читалась баккалавромъ Палимпсестовымъ (моск. Акад.) при пособіи главн. обр. Лоренца. По Лоренцу же велъ преподаваніе его ученикъ И. П. Гвоздевъ (1849—1873 г.). Въ казанской Академіи съ этой каѳедры читалась только государственная исторія. Культурная сторона исторіи по частямъ предоставлялась другимъ каѳедрамъ.

2) Предметы общіе на обоихъ отдѣленіяхъ. Русская исторія, читавшаяся прежде наставникомъ общей, съ 1844 г. была обособлена отъ послѣдней и раздѣлилась между двумя каѳедрами—гражданской и церковной исторій. Обѣ эти науки, имѣя двухъ преподавателей, читались по два года и получали очень солидную постановку. Въ 1848 г. обѣ каѳедры были предоставлены одному преподавателю. Новое раздѣленіе послѣдовало лишь въ 1870 г. Изъ казанскихъ академическихъ историковъ русскихъ выдались Морошкинъ, составившій себѣ имя своими историч. трудами по выходѣ изъ Академіи; Г. З. Елисеевъ (1844—1854 г.), москвичъ, находившійся въ своихъ лекціяхъ по церковной исторіи подъ вліяніемъ архіеп. Филарета, но самостоятельно разработывавшій мѣстную исторію, впослѣдствіи занявшійся журнальною дѣятельностью въ либеральномъ направленіи; А. П. Щаповъ (1856—1861 г.), казанецъ, „историкъ либеральнаго, крайне-народническаго типа“, своими одушевленными лекціями заохотившій студентовъ къ занятіямъ русскою исторіей, умѣвшій дать руководственныя нити для изученія ея и поднявшій каѳедру ея на небывалую до того высоту. Съ 60 года, со времени приглашенія на русскую исторію въ Университетъ, Щаповъ сталъ мало вниманія удѣлять Академіи, а въ слѣдующемъ году принужденъ былъ и совсѣмъ оставить Казань за свою рѣчь на политической панихидѣ. Умеръ въ 1876 г. въ Сибири. Его преемникъ, П. В. Знаменскій, казанецъ же, съ 1862 г. до 1870 г. преподавалъ обѣ исторіи, потомъ одну церковную. Въ преподаваніи гражданской онъ сначала держался Щаповской программы, только сглаживая ея крайне народническое и одностороннее направленіе. Лекціи его, какъ и Щапова, носили форму синтетическихъ руководительныхъ очерковъ разныхъ сторонъ русской исторической жизни. Первый курсъ его носилъ характеръ преимущественно юридическій, второй—политико-экономическій. Послѣднее, впрочемъ, обусловилось случайнымъ обстоятельствомъ—подготовкою къ занятію каѳедры русской исторіи въ Университетѣ, куда его звали, но куда его не допустило Министерство народнаго просвѣщенія требованіемъ отъ него кандидатскаго экзамена по историко-филологическому факультету. Собственною его ученой сферой была церк. исторія, по которой онъ уже въ 1870 г. выпустилъ краткое руководство (до Екатерины II). Продолженное и нѣсколько разъ исправлявшееся, оно выдержало нѣсколько изданій, затѣмъ съ нѣкоторою передѣлкой примѣнительно къ семинарской программѣ сдѣлалось семинарскимъ учебникомъ. Подъ конецъ своей службы въ Академіи онъ получилъ званіе почетнаго члена казанскаго Университета, члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ, почетнаго доктора русской исторіи московскаго Университета. Каѳедру занималъ до 1896 г., но чтеніе лекцій прекратилъ въ 1897 г. Объ его ученыхъ трудахъ см. „Энц.“ V, 720—724.

Естественныя науки съ 1845 г. преподавались профессоромъ Университета Н. И. Вагнеромъ, который въ два года предполагалъ пройти въ университетскомъ объемѣ зоологію и ботанику и въ ограниченномъ минералогію съ примѣненіемъ научныхъ свѣдѣній къ ремесламъ, искусствамъ, сельскому хозяйству и медицинѣ. Онъ знакомилъ студентовъ съ богатыми коллекціями Университета и положилъ начало академическимъ естественно-научнымъ кабинетамъ. Замѣнившій Вагнера (съ 1848 г.) его академическій ученикъ С. И. Гремяченскій, путемъ лекцій, чтенія, личнаго знакомства съ профессорами естественнаго факультета и ботаническихъ экскурсій такъ специализировался въ естественныхъ наукахъ, въ частности въ ботаникѣ, что не только не сократилъ его программы, но и расширилъ, введя химію и распространивъ свой курсъ на четыре года. Студентовъ онъ заинтересовалъ особенно благодаря своему демон-

стративному методу и экскурсіямъ. Послѣднія дали ему возможность сдѣлать открытія новыхъ видовъ растеній, обогатить кабинеты академіи и написать докторскую диссертацію „Прикаспійская волжско-уральская флора“, каковую онъ защищалъ при Университетѣ, предварительно выдержавъ докторскій экзаменъ (1854 г.). Онъ готовилъ для Семинарій учебникъ по естественнымъ наукамъ, составлялъ рецензіи на разныя книги и рукописи по естествовѣдѣнію, исполнялъ другія порученія и задавался мыслію сосредоточить вокругъ казанской Академіи естественно-научное образованіе казанскаго духовно-учебнаго округа, какимъ былъ для дух.-учебн. заведеній одинъ горыгорѣцкій институтъ. Но въ 1854 г. въ Академіи были закрыты и его сверхштатная каѳедра естественныхъ наукъ, и та штатная философская каѳедра, какую онъ занималъ, и ему пришлось выйти въ отставку. Умеръ Гремяченскій въ 1858 г. въ Италіи во время ученаго путешествія по Европѣ и Африкѣ, куда былъ отправленъ попечителемъ моск. Университета.

Медицина преподавалась только въ 184⁵/₆ уч. году врачемъ Академіи, профессоромъ Университета Скандовскимъ.

Языки. *Латинскій языкъ*, въ силу такъ сказать природности его у духовныхъ воспитанниковъ, въ Академіи не имѣлъ не только особой каѳедры, но даже и особыхъ классныхъ часовъ и преподавался обыкновенно между дѣломъ наставниками словесныхъ наукъ. Такъ было въ Казани до 1859 г.

Греческій языкъ, получившій въ 1842 году особаго преподавателя, чрезъ два года тоже пересталъ быть предметомъ самостоятельной каѳедры. Онъ изучался на двухъ отдѣленіяхъ: въ младшемъ штудировались древніе греческіе авторы, въ старшемъ—церковные авторы и св. отцы, съ комментаріями и иногда, въ младшемъ отдѣленіи, съ обзоромъ главныхъ классическихъ авторовъ. Въ 50-хъ годахъ преподаваніе греческаго языка оживилъ Г. С. Саблуковъ (москвичъ) сообщеніемъ громадной массы свѣдѣній историко-этнографическихъ, литературныхъ, бытовыхъ и археологическихъ, и послѣ него (1856 г.) А. И. Лиловъ (казанецъ) — первый, введшій въ курсъ новогреческій языкъ. Въ 1859 г. на оба классическіе языка былъ назначенъ В. Я Михайловскій (изъ петербургской Академіи). Онъ хотѣлъ увлечь студентовъ классиками и самъ сталъ переводить для печати „Германію“ Тацита, но равнодушіе студентовъ охладило его пылъ. Замѣнившій его въ 1863 г. А. А. Некрасовъ (тоже петербуржецъ) съ 1870 г. по 1904 г. преподавалъ одинъ греческій языкъ, при чемъ обнаружилъ незаурядное знаніе и его методики, благодаря чему пользовался большимъ вниманіемъ слушателей.

Еврейскій языкъ преподавался только въ старшемъ отдѣленіи и по неподготовленности студентовъ стоялъ не высоко. До 1859 г. онъ не былъ даже обязателенъ для студентовъ. Успѣхи въ немъ подрывались и частою смѣной наставниковъ. Лучшимъ временемъ его были 1850—1856 годы, когда его преподавалъ Г. С. Саблуковъ, ведшій дѣло сравнительнымъ методомъ, при чемъ пользовался своимъ знаніемъ арабскаго языка.

Новые языки (французскій и нѣмецкій) еще чаще мѣняли своихъ представителей, которыми были профессора и баккалавры Академіи. Попытка ректора Іоанна въ 1859 г. пригласить на новые языки лектора англійскаго языка въ Университетѣ Перси Беренсдорфа кончилась неудачей: къ дѣлу онъ относился небрежно, а потомъ уѣхалъ въ продолжительный заграничный отпускъ. Новые языки изучались путемъ перевода статей изъ христоматій на русскій языкъ и очень рѣдко—путемъ обратныхъ переводовъ. Первые преподаватели новыхъ языковъ дѣлали попытки читать исторію французской и нѣмецкой литературы, но этотъ пріемъ не привился. До 1858 г. каждый студентъ изучалъ по желанію одинъ изъ новыхъ языковъ; въ этомъ году ректоръ Іоаннъ сдѣлалъ обязательнымъ изученіе обоихъ.

Священное Писаніе и Герменевтика. Свящ. Писаніе, преподававшееся всѣ четыре года, было единственнымъ богословскимъ предметомъ, изучавшимся и въ младшемъ отдѣленіи, если не считать временно преподававшихся тамъ гомилетики и основного богословія съ обличительнымъ. Первый его профессоръ—инспекторъ Серафимъ Аретинскій, ученикъ Иннокентія Борисова (см. „Энц.“ V, 954—962), былъ

болѣе ораторъ, чѣмъ экзегетъ, и импровизировалъ лекціи на манеръ проповѣдей. Съ 1843 г. онъ открылъ еще праздничныя бесѣды съ студентами предъ обѣдней, состоявшія въ истолкованіи дневныхъ евангелій и другихъ избранныхъ мѣстъ изъ Свящ. Писанія. Первый ввелъ правильное, систематическое преподаваніе этой науки архим. Антоній Радонежскій (1844—1851 г.), лекціи котораго носили характеръ экзегетическій. Но особый интересъ къ этому предмету съумѣлъ возбудить замѣчательнѣйшій изъ профессоровъ іером. Серафимъ Протопоповъ (1851—1854 г.) какъ научнымъ характеромъ лекцій, такъ и мастерскою передачей свѣдѣній. У него одинаково хороши были и историческіе обзоры ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго канона и переводовъ библейскихъ книгъ на разные языки и—ясные и логическіе анализы содержанія ихъ. При немъ библейская археологія, преподававшаяся предъ тѣмъ со Свящ. Писаніемъ, была замѣнена герменевтикою, которая до того (въ 1853—1856 г.) преподавалась профессоромъ библейской исторіи. Преемникъ о. Серафима іером. Григорій Полежаевъ, казанецъ (1854—1867 г.), замѣнилъ его аналитическій методъ новымъ, который можно назвать синтетическимъ: — онъ, подъ вліяніемъ о. Ѳеодора Бухарева, разсматривалъ все Свящ. Писаніе и его отдѣльныя книги, какъ одно цѣлое, одну постепенно развертывавшуюся исторію божественнаго домостроительства спасенія рода человѣческаго.

3) *Предметы старшаго отдѣленія.* Догматическое богословіе до 1856 г. преподавалось совмѣстно съ введеніемъ въ богословіе или—по позднѣйшему названію—съ основнымъ богословіемъ и полемикою или обличительнымъ богословіемъ. Такъ какъ эта каѳедра считалась важнѣйшею, то ее занимали начальствующія лица въ Академіи, обычно монахи, люди не очень высокой науки и особаго склада ума. Съ 1844 по 1870 г. ихъ смѣнилось 14 человѣкъ, кромѣ временныхъ преподавателей, что тоже отражалось невыгодно на успѣхахъ дѣла. Первый профессоръ архим. Серафимъ читалъ по кіевскимъ лекціямъ и проводилъ догматическую систему едва ли не Иннокентіевскую, но уродуя ее и превращая ее въ своемъ изложеніи въ какіе-то катихизическіе уроки. Такъ же кратокъ и несодержателенъ былъ и его курсъ полемическаго богословія, обличавшаго не только христіанскія исповѣданія, но и нехристіанскія. Тогдашнее кіевское схоластическое образованіе и діалектическое направленіе богословскаго преподаванія еще сильнѣе сказалось въ Фотіи. Съ 1853 г. преподаваніе богословія оживилъ своими прекрасными лекціями ректоръ Парфеній, хотя тоже державшійся діалектическаго, разсудочнаго метода и руководившійся преимущественно католическими системами. Слѣдующій преподаватель архим. Агаѳангелъ внесъ ту особенность въ преподаваніе, что старался пріучить студентовъ къ педагогической дѣятельности и его репетиціи имѣли характеръ пробныхъ или практическихъ лекцій. Лучшимъ, самымъ цвѣтущимъ для догматики временемъ были 1854 — 1859 годы, когда на каѳедрѣ богословія сидѣли одинъ за другимъ инспекторъ Ѳеодоръ Бухаревъ и ректоръ Іоаннъ. Первый, москвичъ по образованію, извѣстенъ по своей педагогической и литературной дѣятельности, какъ человѣкъ съ сильнымъ философскимъ развитіемъ, съ свѣтлымъ богословскимъ умомъ, согрѣтымъ при томъ теплотою самой искренней вѣры, такъ что являлъ собою образецъ истинно святоотеческаго созерцанія. На многихъ производили глубокое впечатлѣніе его чтенія, составлявшія стройную и оригинальную систему. Началомъ, исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ этой системы было ученіе о Единородномъ Сынѣ Божіемъ, на которомъ почила вся до конца любовь Божія, Который единъ, есть путь, истина и животъ, внѣ котораго нѣтъ благоволенія Божія, нѣтъ никакой жизни, а одна только смерть,—объ Агнцѣ Божіемъ, принявшемъ на Себя вину грѣховныхъ нестроеній всего міра и загладившемъ ее своимъ самоотверженіемъ и смертію. Эта идея проходила чрезъ всѣ богословскіе курсы о. Ѳеодора—догматическіе, нравственные, обличительно-полемическіе, какъ проводилась имъ чрезъ всѣ другія, даже свѣтскія науки, и чрезъ всѣ стороны жизни. Онъ стремился къ тому, чтобы идея вочеловѣчившагося и искупившаго людей Единороднаго Сына Божія стала центромъ всѣхъ возможныхъ сторонъ чело-

вѣческой жизни и дѣятельности. Въ этихъ интересахъ,—чтобы популяризовать христіанскія, благодатныя начала во всѣхъ слояхъ общества и провести ихъ во всѣ стороны и углы мірской человѣческой жизни, безъ препятствій со стороны дух. начальства и своихъ обѣтовъ монашескаго послушанія, о. Θеодоръ рѣшилъ оставить Академію и даже разстричься. Остальная его жизнь была только литературнымъ выраженіемъ его идей.—Ректоръ Іоаннъ занялъ каѳедру догматическаго богословія въ 1857 г., когда его силы были уже надломлены и когда у него не было уже ни желанія, ни времени научно готовиться къ лекціямъ. Отгого послѣднія всегда были бѣдны литературными и историческими указаніями. Но зато „его находчивость, умѣнье въ каждомъ предметѣ найти непремѣнно какую-нибудь новую, интересную сторону, сильный, діалектическій умъ и способность быстро разбираться въ самомъ трудномъ сплетеніи мыслей и доказывать ихъ большею частію съ помощью какихъ-нибудь тоже совсѣмъ новыхъ и неожиданныхъ аргументовъ и всегда съ вѣсомъ и съ большою убѣдительностію, наконецъ, свободная, тоже сильная и оригинальная рѣчь, которая заставляла забывать и самые недостатки его аргументаціи, дѣлали то, что студенты съ напряженнымъ вниманіемъ и увлеченіемъ слушали каждую его лекцію“. Но самъ онъ скоро почувствовалъ себя слабымъ на каѳедрѣ и въ 1859 г. оставилъ ее. Послѣ него до 1867 г. смѣнилось три преподавателя догм. богословія, пока правленіемъ не было принято и Св. Синодомъ утверждено предложеніе архіеп. Антонія, чтобы этотъ предметъ преподавался непремѣнно съ основнымъ богословіемъ и при томъ—ректоромъ. Схоласт и формалистъ ректоръ Иннокентій не создалъ эпохи въ исторіи этой науки въ Казани. Но зато оставилъ крупный слѣдъ ректоръ Никаноръ, выдвинувшійся въ богословской наукѣ еще на петербургской академической каѳедрѣ. „Преподаваніе его имѣло оживленный, большею частію собесѣдовательный характеръ и отличалось тонкимъ и глубокимъ анализомъ свидѣтельствъ Свящ. Писанія, энциклопедической ученостію и особенно обширной эрудиціей по части богословскихъ и философскихъ наукъ“. „Въ лекціяхъ его открывались слушателю не только одни результаты его ученыхъ изысканій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый методъ, пріемы и средства, съ помощію которыхъ эти результаты были имъ получены, такъ что слушатель въ каждой его лекціи видѣлъ самый процессъ его научной работы и слѣдилъ за ней шагъ за шагомъ, что производило на аудиторію сильно развивающее вліяніе“. Особый интересъ лекціямъ Никанора придавало знакомство его съ литературами противорелигіозною и естественно-научной, особенно геологической и космологической. Въ 1870 г. онъ по силѣ новаго устава былъ замѣщенъ штатнымъ преподавателемъ, каковымъ по конкурсу сдѣлался Е. А. Будринъ.

Основное богословіе и обличительное, преподававшіяся прежде съ догматическимъ, въ 1856 г. были выдѣлены въ особую каѳедру. Эпохою въ преподаваніи ихъ было 24 окт. 1858 г.—день первой лекціи іером. Хрисанѳа Ретивцева (моск. академіи). Его научное направленіе, бывшее новостью не только въ казанской Академіи, но и въ русской богословской наукѣ, можно назвать философско-историческимъ. Оно сводилось къ цѣльному историческому обозрѣнію религій, при чемъ на послѣднія онъ смотрѣлъ не какъ на разсудочныя доктрины, а какъ на живое религіозное міросозерцаніе во всей его многосторонней исторической и жизненно-психологической цѣльности. Вліяніе на студентовъ Хрисанѳа, отличавшагося при томъ сильнымъ ораторскимъ талантомъ, было настолько велико, что успѣшно конкурировало съ авторитетомъ самого ректора Іоанна, блестящаго представителя стараго діалектическаго направленія. Хрисанѳъ оживилъ интересъ къ изученію не только богословскихъ, но и философскихъ наукъ. Казанская Академія, памятуя о такихъ его заслугахъ, въ 1877 г. избрала Хрисанѳа въ свои почетные члены, а въ 1878 г. возвела въ званіе доктора богословія honoris causa. По переходѣ Хрисанѳа въ петербургскую Академію (1865 г.) преподаваніе основного и обличительнаго богословія велось въ томъ же духѣ и поддерживалось на той же высотѣ Н. П. Рождественскимъ (1865—1869 г.), магистромъ, а потомъ и профессоромъ петербургской Академіи (1869—1882 г.), авторомъ „Христіанской апологетики“. Въ 1867 г. основ-

ное богословіе отдѣлено отъ обличительнаго и соединено съ догматическимъ (по старому), обличительное связано съ пастырскимъ, а къ нравственному богословію, отъ котораго отдѣлено пастырское, присоединена гомилетика.

Нравственное богословіе обычно поручалось инспекторамъ, отъ чего и страдало, ибо это или были люди не науки, или недолго засиживались на этой дисциплинѣ. Постояннаго преподавателя оно получило только въ 1862 г. въ лицѣ московскаго магистра А. И. Гренкова. Онъ, какъ и Хрисанѳъ, составилъ новую эпоху. Началъ онъ съ критики прежнихъ методовъ этой науки, которая у насъ склонялась къ католическимъ системамъ, построеннымъ слишкомъ ужъ юридически и оперировавшимъ съ объективною стороной христіанской морали, съ добрыми дѣлами. Гренковъ поставилъ для себя задачей—„съ одной стороны, въ объективной части науки уловить и показать самую сущность христіанственности въ христіанской морали, съ другой—восполнить эту объективную часть антропологическими элементами, описать выраженіе объективной моральной нормы въ человѣческой жизни, указать самый логическій процессъ охристіаненія этой жизни". Свою столь широкую программу Гренковъ осуществлялъ въ теченіе всей своей службы въ казанской Академіи (до 1899 г.), съ искусствомъ пользуясь историческимъ методомъ, какъ въ теологической, такъ и въ антропологической частяхъ своей системы.

Библейская и общая церковная исторія. При обычномъ соединеніи этихъ наукъ въ рукахъ одного преподавателя послѣдній, въ интересахъ экономіи времени, часто опускалъ библейскую исторію, какъ болѣе знакомую студентамъ. Съ 1856 г. она совсѣмъ перестала преподаваться, а въ 1865 г. ее и Синодъ исключилъ изъ круга академич. наукъ. Не дурнымъ преподавателемъ былъ съ 1844 г. А. И. Беневоленскій, читавшій библейскую исторію по Филарету и Буддею, а церковную по Неандеру, при чемъ послѣднюю онъ заканчивалъ новѣйшими религіозными движеніями на Западѣ въ XIX в. Но вызванное стремленіемъ его держаться на научной высотѣ ознакомленіе студентовъ съ противохристіанскими и противоправославными ученіями, примѣненіе къ библейской исторіи новѣйшихъ историческихъ пріемовъ побудили начальство заподозрить его въ чистотѣ православія и перевести въ 1850 г. съ церковной исторіи на канонику и греческій языкъ,—впрочемъ, съ оставленіемъ за нимъ библейской исторіи. Много содѣйствовалъ оживленію историческаго интереса въ Академіи его преемникъ іером. Веніаминъ Благонравовъ (1850—1858 г.), человѣкъ съ большою историческою эрудиціей, использовавшій для своего огромнаго рукописнаго курса весь историческій отдѣлъ академической библіотеки, имъ же значительно увеличенный путемъ выписки французскихъ и нѣмецкихъ книгъ; но главнымъ его руководителемъ былъ Неандеръ.

Выдѣленная при реформѣ учебныхъ курсовъ 1840 г. изъ церковной исторіи патрологія должна была идти въ параллель со Свящ. Писаніемъ въ теченіе всего курса, но въ Казани она стала преподаваться только въ старшемъ отдѣленіи и то съ 1844 г. Изъ преподавателей ея успѣлъ выдѣлиться только М. М. Зефировъ (1850—1856 г.), съ помощію Мёлера составившій довольно полныя лекціи до IX в., отличавшіяся богатствомъ свѣдѣній, яснымъ и увлекательнымъ изложеніемъ и выразительнымъ подборомъ замѣчательныхъ мѣстъ изъ отеческихъ твореній, выясняющихъ самый геній или духъ каждаго отца съ его характерными особенностями въ ученіи и даже въ изложеніи. Эти лекціи служили руководствомъ въ Академіи и при преемникахъ Зефирова. Студенты находили ихъ выше извѣстнаго ученія объ отцахъ церкви архіеп. Филарета какъ по степени ясности, опредѣленности и логичности, такъ и по сравнительной легкости для изученія. Лекціи эти съ разными измѣненіями и сокращеніями распространились по всѣмъ Семинаріямъ казанскаго округа.

Пастырское богословіе, какъ самостоятельная каѳедра, явилось въ Академіи только въ 1854 г., когда оно было замѣщено баккалавромъ Зефировымъ (до 1856 г.), который составилъ курсъ его, состоявшій изъ трехъ частей: 1) объ общихъ качествахъ, требуемыхъ отъ пастыря; 2) пастырской педагогики; 3) пастырской литургики. Курсъ этотъ, посланный въ 1859г. въ Петербургъ, тамъ гдѣ-то пропалъ. Послѣ Зефирова пастырское богословіе, сдѣлавшись

побочнымъ предметомъ преподаванія разныхъ профессоровъ, не обращало на себя большого вниманія. Лишь при новомъ уставѣ, соединенная опять съ гомилетикою, эта наука составила довольно раціональную каѳедру.

Гомилетика,—хотя была пересажена въ казанскую Академію прямо изъ кіевской, мѣста наибольшаго ее процвѣтанія подъ уходомъ знаменитаго Я. К. Амфитеатрова,—была тоже несчастной наукой, быть можетъ потому, что въ казанской Академіи очень рано развилось научное преподаваніе общей словесности, которое подрывало риторическое направленіе гомилетики. Впрочемъ при И. Я. Порфирьевѣ, который одно время преподавалъ и гомилетику, послѣдняя стала освобождаться отъ своей старой семинарско-риторической исключительности, стала дополняться новыми элементами изъ теоріи ораторской рѣчи вообще и вступила на путь историческаго изученія церковнаго проповѣдничества. Порфирьевъ ограничивался, впрочемъ, исторіею русскаго проповѣдничества; преемники его захватили въ содержаніе своихъ очерковъ проповѣдничество древней православной церкви и исторію церковной проповѣди на Западѣ.

Литургика (или экклезіастика) стала преподаваться только съ февраля 1845 г. Развитія большого не получила; она читалась часто смѣнявшимися профессорами по разнымъ чужимъ запискамъ (петербургской Академіи, кіевской). Лишь съ начала 1859 г. возбудился живой интересъ къ этой наукѣ, когда ее сталъ читать молодой баккалавръ А. С. Павловъ. Лекціи его не были систематическими, а представляли рядъ эпизодическихъ монографій историческаго направленія. Старая литургика преобразилась у него въ церковную археологію; руководителями его были Бинтеримъ, Бингамъ, Августи.

Каноника, начавшись одновременно съ литургикою, читалась на первыхъ порахъ по кіевскимъ запискамъ (прот. Скворцова), и только баккалавръ А. П. Владимірскій (1846—1850 г.) ввелъ въ лекціи историческій элементъ. Иные профессора посвящали цѣлыя лекціи чтенію памятниковъ законодательства—Кормчей Книги, Духовнаго Регламента, даже уставовъ академическаго и семинарскаго. Въ концѣ 50-хъ годовъ одинъ преподаватель читалъ канонику по печатному курсу церковнаго законовѣдѣнія Іоанна Соколова. Лишь съ 1859 г. оживилъ интересъ къ каноникѣ тотъ же А. С. Павловъ своими самостоятельно разработанными лекціями съ историческимъ направленіемъ. При обозрѣніи русскаго церковнаго права, особенно въ древній періодъ, онъ сдѣлалъ рядъ научныхъ открытій, послужившихъ первымъ фундаментомъ его ученой извѣстности. Въ 1864 г. онъ былъ избранъ въ казанскій Университетъ въ доценты вновь открытой каѳедры церковнаго права, почему былъ уволенъ,—вопреки своему желанію,—съ духовно-учебной службы. Его ученыя заслуги вообще и значеніе для казанской Академіи въ частности оцѣнены были послѣднею избраніемъ его въ почетные члены (1881 г.). Послѣ него, съ 1865 г. и доселѣ, каѳедру каноническаго права занимаетъ одинаково съ Павловымъ извѣстный въ наукѣ И. С. Бердниковъ, давшій вполнѣ прочную постановку этому предмету въ академическомъ курсѣ, а въ 1888—9 гг. напечатавшій премированный „Краткій курсъ церк. права“, имѣющій уже 2-ое изданіе 1903 г. (См. „Энц.“ II, 394—395).

3) Предметы миссіонерскихъ отдѣленій и судьба послѣднихъ. Миссіонерскія отдѣленія при казанской Академіи открыты были въ 1854 г., но еще задолго до того введено было въ курсъ преподаваніе восточныхъ языковъ. Послѣднее случилось въ началѣ 1845 г. при содѣйствіи профессоровъ Университета А. К. Каземъ-бека и А. В. Попова. Къ первому записалось на турецко-татарскій языкъ 11 чел. и изъ нихъ двое на арабскій, которымъ онъ преимущественно и занимался. У второго монголо-калмыцкій языкъ слушало 5 чел. Оба профессора занимались главн. обр. языками и свѣдѣнія по исторіи, этнографіи и религіи арабовъ, монголовъ и калмыковъ сообщали только между прочимъ. Тѣмъ не менѣе они успѣли приготовить нѣсколькихъ отличныхъ наставниковъ инородческихъ языковъ для Семинарій и двоихъ для Академіи —А. А. Бобровникова и Н. И. Ильминскаго. Послѣдніе составили цѣлую эпоху въ исторіи миссіонерскаго образованія не только въ самой Академіи, но и во всемъ академическомъ округѣ. Бобровниковъ спеціализировался на монгольскомъ языкѣ,

который для него былъ почти природнымъ. Въ Академіи онъ сталъ заниматься имъ еще до открытія его преподаванія, для чего по мысли еп. Владиміра ходилъ въ Университетъ на лекціи проф. Ковалевскаго, котораго продолжалъ слушать и по открытіи занятій въ Академіи. Будучи знакомъ съ буддійскимъ вѣроученіемъ еще до Академіи, онъ для курсовой работы взялъ тему „О различіи между христіанскимъ и буддійскимъ ученіемъ о любви къ ближнимъ“. Получивъ предъ окончаніемъ курса (1846 г.) порученіе отъ ректора написать для Семинарій руководство по калмыцкой грамматикѣ, Бобровниковъ выхлопоталъ командировку на три мѣсяца въ астраханскія и царицынскія степи. Изучивъ тамъ религіозно-нравственное состояніе калмыковъ, ихъ семейный и общественный бытъ и особенно языкъ, онъ въ 1848 г. составилъ грамматику послѣдняго, удостоившуюся награды отъ Синода и преміи отъ Академіи Наукъ и напечатанную въ 1849 г. Занявъ мѣсто Попова, котораго считалъ ниже себя по монголовѣдѣнію, Бобровниковъ сдѣлался не только академическимъ преподавателемъ, но и единственнымъ въ казанскомъ дух.-учебномъ округѣ ученымъ спеціалистомъ по монгольскому и калмыцкому языкамъ и рецензентомъ христіанско-просвѣтительныхъ трудовъ на этихъ языкахъ, присылавшихся въ Академію изъ округа. Но онъ относился отрицательно къ переводамъ на монгольскій языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, въ виду филологической неразработанности этого языка и страшной трудности передать на немъ чуждыя ему до того христіанскія понятія.—Иначе обстояло дѣло съ татарскимъ языкомъ, преподавателемъ котораго былъ Ильминскій (См. „Энц.“ V, 869—872). Сдѣлавшись по окончаніи курса замѣстителемъ Каземъ-бека, Ильминскій продолжалъ еженедѣльно ходить къ нему, для усовершенствованія въ своемъ предметѣ, знакомясь преимущественно съ внутреннею жизнью мусульманъ, ихъ вѣроученіемъ, обычаями и съ арабскимъ языкомъ. Съ марта 1847 г. онъ переселился въ татарскую слободу на краю города и здѣсь изучалъ живой татарскій языкъ и религіозную жизнь, при чемъ былъ допущенъ въ лучшія татарскія школы. При рѣдкомъ трудолюбіи онъ великолѣпно изучилъ бытъ и характеръ татарской народности и живую рѣчь. При такихъ познаніяхъ Ильминскій сразу сталъ живою миссіонерскою силой. Когда въ 1847 г. при казанской Академіи былъ основанъ подъ предсѣдательствомъ Каземъ-бека комитетъ для перевода книгъ на татарскій языкъ, въ виду массовыхъ отпаденій крещеныхъ татаръ въ магометанство, Ильминскій сталъ его ближайшимъ сотрудникомъ. Въ слѣдующіе два года онъ былъ командируемъ архіеп. Григоріемъ въ казанскую губернію для изученія религіознаго настроенія крещеныхъ татаръ и привезъ множество цѣнныхъ данныхъ о состояніи христіанскаго просвѣщенія старо-и новокрещеныхъ татаръ, о степени религіознаго вліянія на нихъ какъ православнаго духовенства, такъ и магометанства. Въ 1850 г. Ильминскій былъ вызываемъ архіеп. Григоріемъ въ Петербургъ для участія въ открытомъ имъ тамъ переводческомъ комитетѣ совмѣстно съ тѣмъ же Каземъ-бекомъ, съ 1849 г. профессоромъ петербургскаго Университета. Работы обоихъ комитетовъ имѣли дѣло съ книжнымъ татарскимъ языкомъ, на какомъ издавало свои переводы Библейское Общество и какой преподавалъ въ Академіи Каземъ-бекъ. Въ этомъ пунктѣ на первыхъ порахъ съ нимъ былъ согласенъ и Ильминскій, впослѣдствіи перешедшій къ живой татарской рѣчи. Въ новой ученой командировкѣ на Востокъ (1851—1854 г.) Ильминскій основательнѣйшимъ образомъ изучилъ арабскій, турецкій, персидскій и еврейскій языки, исторію Магомета, его вѣры и сектъ, литературу и древности ислама, состояніе западныхъ миссій и взаимныя отношенія магометанъ и христіанъ и пріобрѣлъ большой запасъ книгъ и рукописей по исламовѣдѣнію. Вернулся онъ въ Казань какъ разъ къ тому времени, когда уже назрѣлъ вопросъ объ учрежденіи при Академіи самостоятельныхъ миссіонерскихъ отдѣленій.

Первоначальною постановкой восточныхъ языковъ въ казанской Академіи нельзя было довольствоваться уже потому, что не было особыхъ каѳедръ ихъ, что занятія ими не были обязательны и не давали никакихъ правъ; при томъ же преподаваніе носило характеръ только филологическій, на что послѣ ревизіи 1846 г. обратилъ вниманіе и Синодъ, потребовавшій, чтобы баккалавры

инородческихъ языковъ „употребляли всевозможныя средства къ узнанію заблужденій мусульманства и свѣдѣнія свои сообщали слушателямъ“. Тогда профессоры Каземъбекъ и Поповъ и подали мысль объ учрежденіи при Академіи особаго отдѣленія миссіонеровъ. Мысль была принята академическимъ правленіемъ и преосв. Владиміромъ, но осуществленіе ея было задержано на много лѣтъ завязавшеюся перепиской изъ-за требованія статистическихъ свѣдѣній объ инородцахъ округа. Во все это время межеумочнаго положенія миссіонерскихъ каѳедръ преподаваніе носило попрежнему преимущественно филологическій характеръ. Изученіе этнографіи и вѣрованій инородцевъ предоставлялось почти одному усердію и любознательности студентовъ. Впрочемъ, при каѳедрѣ монголо-калмыцкой существовалъ одно время практикантъ лама Гомбоевъ, что дало Бобровникову возможность останавливаться на изложеніи буддійской философіи и религіи. Неопредѣленность положенія каѳедръ и постановки предметовъ обусловливали небольшое число занимавшихся ими и бѣгство ихъ. Только въ 1848 г. изученіе того или другого изъ восточныхъ языковъ стало обязательнымъ для всѣхъ студентовъ, что впрочемъ не рѣшило вопросовъ, связанныхъ съ назначеніемъ миссіонерскихъ каѳедръ и цѣлью изученія языковъ,—вопросовъ, рѣшенныхъ основаніемъ въ 1854 г. особыхъ миссіонерскихъ отдѣленій. Надъ выработкою окончательной редакціи проекта отдѣленій особенно потрудился архіеп. Григорій, благодаря настояніямъ котораго дѣло было доведено до благопріятнаго окончанія. Синодомъ было рѣшено (и Государемъ 13 ноября 1853 г. утверждено) открыть при казанской Академіи (какъ и при другихъ) отдѣленіе противораскольническое и завести при ней особый духовный журналъ съ противораскольническимъ преимущественно направленіемъ. Затѣмъ 24 мая 1854 г. Синодъ постановилъ учредить при казанской Академіи отдѣленіе противоязыческое и противомагометанское, при чемъ ей вмѣнялось въ обязанность слѣдить за успѣхами преподаванія мѣстныхъ языковъ въ Семинаріяхъ и училищахъ округа. Во исполненіе этихъ опредѣленій правленіе Академіи въ іюлѣ 1854 г. рѣшило слѣдующее: а) Противораскольническое отдѣленіе открыть съ начала учебнаго года изъ студентовъ обоихъ курсовъ съ предложеніемъ желающимъ изъ окончившихъ проучиться еще два года; учащихся на немъ освободить—старшихъ отъ герменевтики и естественныхъ наукъ, младшихъ—отъ исторіи философіи, математики и тоже естественныхъ наукъ; преподавать имъ исторію раскола, полемику противъ него, миссіонерскую педагогику, славянскую палеографію и славянскій языкъ; преподаваніе предоставить ректору съ однимъ баккалавромъ, а на палеографію пригласить профессора Университета Григоровича. б) Съ начала же $185^4/_5$ уч. года открыть отдѣленіе противъ язычниковъ и инородцевъ, съ подраздѣленіемъ его на татарское, монгольское и чувашско-черемисское; помѣщать туда студентовъ обоихъ курсовъ по желанію, преимущественно изъ тѣхъ епархій, гдѣ есть означенныя племена, съ освобожденіемъ ихъ отъ исторіи философіи, математики и естественныхъ наукъ, кромѣ ботаники; на татарскомъ отдѣленіи преподавать: исторію Мухаммеда, исламъ по его источникамъ, этнографію татаръ, миссіонерскую педагогику, языки татарскій и арабскій; на монгольскомъ—буддизмъ, шаманство, исторію монголовъ, миссіонерскую педагогику, практическую народную медицину по методѣ Каменецкаго и языки монгольскій и калмыцкій; на чувашско-черемисскомъ отдѣленіи—вѣроученіе, этнографію и языки этихъ племенъ и соотвѣтствующую часть миссіонерской педагогики; преподаваніе возложить на первомъ отдѣленіи на Ильминскаго и Саблукова, на второмъ на Бобровникова и въ третьемъ на прот. Вишневскаго.

При открытіи въ сентябрѣ 1854 г. миссіонерскихъ отдѣленій на нихъ записались съ обоихъ курсовъ: на противораскольническое 28 чел., кромѣ того одинъ окончившій и 6 священниковъ, на татарское 12, на монгольское 6 и на чувашско-черемисское 12. Послѣднее чрезъ два года было закрыто, такъ какъ число прошедшихъ чрезъ него показалось достаточнымъ для удовлетворенія потребностей края, хотя по положенію объ отдѣленіяхъ они не были связаны съ организаціей миссіонерства и питомцамъ ихъ оставался прежній служебный выходъ—учительство въ Семинаріяхъ.

Исторія другихъ отдѣленій была нѣсколько иная.

Противораскольническое отдѣленіе пользовалось особеннымъ вниманіемъ архіеп. Григорія и ректора Агаѳангела, который былъ его первымъ и сначала единственнымъ преподавателемъ. Его усиліями была обогащена множествомъ книгъ и рукописей академическая библіотека и ему же обязана своимъ первымъ разборомъ библіотека Соловецкаго монастыря, присланная въ Академію въ миссіонерскихъ цѣляхъ. Идя на встрѣчу интересамъ отдѣленія, Агаѳангелъ служилъ ему и своимъ не малымъ собраніемъ книгъ и рукописей. Онъ способствовалъ и численному умноженію отдѣленія путемъ записи на него лучшихъ студентовъ. Курсъ его открывался наукою пастырскаго благоразумія въ отношеніи къ раскольникамъ или пастырской педагогикой, продолжался исторіею расколовъ и сектъ въ русской церкви и обозрѣніемъ книгъ и рукописей, къ расколу относящихся, и заканчивался лекціями по противораскольнической полемикѣ. Руководителемъ его въ разныхъ частяхъ науки былъ архіеп. Григорій. Университетскій профессоръ В. И. Григоровичъ, приглашенный въ 1855 г. для лекцій по палеографіи, прочелъ вмѣстѣ съ тѣмъ курсъ сравнительнаго изученія славянскихъ нарѣчій и какъ имъ, такъ и своею богатою библіотекой заинтересовалъ немалое число студентовъ, одинъ изъ которыхъ А. И. Лиловъ былъ рекомендованъ имъ, какъ его достойный преемникъ по каѳедрѣ палеографіи. Кромѣ Лилова въ отдѣленіи съ 1857 г. появился еще одинъ работникъ И. М. Добротворскій, но въ этотъ моментъ Агаѳангелъ былъ замѣненъ ректоромъ Іоанномъ Соколовымъ, который раскола не любилъ и отъ души презиралъ его, чѣмъ и объясняется произведенный имъ разгромъ отдѣленія. Въ 1858 г. по его мысли была исключена изъ отдѣленскихъ предметовъ наука пастырскаго благоразумія, какъ ненужная въ особомъ видѣ. По его же настоянію была уничтожена каѳедра палеографіи, представитель которой ударился въ ненужную для раскола славянскую филологію, и Лиловъ, переведенный на философію, ушелъ изъ Академіи. Отдѣленіе получило особую постановку, отличную отъ задуманной: расколъ изъ спеціальнаго предмета превратился въ общеобязательный предметъ для всего старшаго курса Академіи. За уничтоженіемъ отдѣленія были вытѣснены посторонніе слушатели—священники и преподаванію придано не миссіонерское, практическое направленіе, а научное, теоретическое, чему способствовалъ и единственный теперь представитель его Добротворскій, истинный основатель научнаго изученія раскола въ казанской Академіи. Оставивъ почти совсѣмъ полемику противъ раскола, онъ занялся его исторіею и литературой и еще болѣе исторіей и ученіемъ русскихъ сектъ—бѣгуновъ, хлыстовъ, скопцовъ, духоборцевъ и молоканъ. Лекціи о послѣднихъ почти всѣ имъ напечатаны. Въ отношеніи къ расколу Добротворскій отдалъ дань модному тогда взгляду, что онъ есть оппозиція по отношенію къ правительству, но, въ противоположность Щапову, чуждъ былъ идеализаціи его, и расколъ признавалъ силою темной, безсознательно стихійной и крайне вредной. Въ 1865 г. онъ приглашенъ былъ на каѳедру церковной исторіи въ казанскій Университетъ, а въ Академіи его замѣнилъ магистръ петербургской Академіи Н. И. Ивановскій, который далъ преподаванію полемическое направленіе и еще до 70-хъ годовъ получилъ широкую извѣстность своими противораскольническими бесѣдами; составилъ онъ себѣ имя и въ педагогической литературѣ своимъ „Руководствомъ по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ“, выдержавшимъ съ 1886 г. нѣсколько изданій и служащимъ учебникомъ въ семинаріяхъ (см. „Энц.“ V, 775—776).

Отдѣленіе противомусульманское далеко уступало противораскольническому и по числу студентовъ, и по количеству преподавателей. Г. С. Саблукова допустить къ преподаванію въ 1854 г. не удалось, и единственнымъ работникомъ здѣсь оказался Н. И. Ильминскій, если не считать скоро полученнаго имъ практиканта татарскаго языка Ямбулатова. Облегченіемъ ему служило то, что его слушатели по лѣтамъ селились на казенный счетъ въ татарской слободѣ для упражненія въ разговорномъ языкѣ. Въ 1856 г. въ отдѣленіе былъ переведенъ Саблуковъ и слѣдующіе два года были лучшимъ временемъ его въ отношеніи

преподавательскаго состава и полноты курса. Саблуковъ преподавалъ татарскій и арабскій языки, а Ильминскій—мусульманское вѣроученіе съ полемикою противъ него. Впрочемъ, мало вѣря въ силу полемики противъ ислама, съ которымъ предпочиталъ бороться путемъ распространенія среди мусульманъ просвѣщенія и ознакомленія ихъ съ христіанской цивилизаціей, Ильминскій больше налегалъ на изученіе источниковъ ислама и сущности его ученія. Онъ самъ издалъ въ 50-хъ годахъ нѣкоторые изъ этихъ источниковъ. Наряду съ педагогическими и учеными трудами Ильминскій продолжалъ работать надъ переводами священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Въ это именно время у него произошелъ переворотъ во взглядахъ на характеръ переводовъ. Онъ пришелъ къ мысли, что для рѣшительнаго отклоненія крещеныхъ татаръ отъ мусульманства нужно снабдить ихъ книгами на ихъ разговорномъ языкѣ, а не на книжномъ, котораго они не понимаютъ и который, кромѣ того, весь проникнутъ мухаммеданскими идеями, и что алфавитъ для этого нужно употреблять не татарскій, а русскій—тѣмъ болѣе, что послѣдній лучше выражаетъ и самые звуки татарскаго языка. Эта мысль, воплотившись чрезъ нѣсколько лѣтъ въ дѣло, произвела цѣлый переворотъ въ системѣ миссіонерскаго дѣйствованія. Но большого труда стоило Ильминскому доказать справедливость своего убѣжденія, особенно при ректорахъ, которые не признавали исламъ за силу и которые въ ученой ревности профессоровъ татарскаго отдѣленія видѣли увлеченіе магометанствомъ. Одинъ изъ таковыхъ, Іоаннъ, въ 1858 г. произвелъ и здѣсь реформу; при чемъ предметы этого отдѣленія сдѣлались общеобязательными для младшаго курса и всѣ были отданы Саблукову, а Ильминскій переведенъ былъ на математику, почему ушелъ изъ Академіи. Вытѣсненъ былъ и практикантъ. Саблуковъ изъ многихъ предметовъ остановилъ главное вниманіе на противомусульманской полемикѣ, основателемъ которой въ Академіи и считается. Но, изъ-за нерасположенія Іоанна, и онъ оставилъ въ 1862 г. Академію, продолжая все же считаться въ Казани высшимъ авторитетомъ въ области исламовѣдѣнія и миссіонерства. Его мѣсто въ Академіи занялъ Ильминскій, тогда профессоръ турецко-татарскаго языка въ Университетѣ. Новое выступленіе его на академической каѳедрѣ совпало съ опубликованіемъ имъ новыхъ пріемовъ переводческой дѣятельности (статья „Объ образованіи инородцевъ посредствомъ книгъ, переведенныхъ на ихъ родной языкъ“ и букварь для крещеныхъ татаръ на ихъ языкѣ),—пріемовъ, къ которымъ онъ пришелъ нѣсколько лѣтъ назадъ, но только теперь практически провѣрилъ. 1863-й г., когда Ильминскій выступилъ со своею системой и образцомъ ея примѣненія, былъ настоящею эпохой и въ исторіи татарскаго отдѣленія: имъ эта исторія раздѣлилась „на два отличныхъ другъ отъ друга періода,—теоретическаго, книжнаго изученія мусульманства и общей полемики противъ него и—практическаго, ближайшаго ознакомленія съ религіознымъ положеніемъ и самой жизнью татаръ, изученія живого татарскаго языка и опытовъ дѣйствительнаго и именно христіанско-просвѣтительнаго вліянія на татарское, частнѣе—крещено-татарское населеніе“. Чрезъ послѣднее татарское отдѣленіе порѣшило дѣйствовать и на всю массу татарства, находя путь прямого дѣйствія на некрещеныхъ безполезнымъ и даже вреднымъ.

Возвратившись въ Академію, Ильминскій взялъ на себя преподаваніе языковъ за половинное вознагражденіе съ тѣмъ, чтобы другая половина его жалованья пошла на возстановленіе каѳедры противомусульманской полемики. На эту каѳедру попалъ Е. А. Маловъ, съ первыхъ же шаговъ опредѣлившійся не только какъ ученая сила на каѳедрѣ, но и какъ энергичный дѣятель на миссіонерскомъ поприщѣ. Составъ татарскаго отдѣленія одновременно увеличился практикантомъ, крещенымъ татариномъ Вас. Тимоѳеевымъ, съ которымъ Ильминскій повелъ переводы въ новомъ направленіи и который въ 1864 г. основалъ школу для дѣтей крещеныхъ татаръ, послужившую прочнымъ камнемъ для новой просвѣтительной системы и колыбелью нынѣшней центральной крещено-татарской школы. Въ это время опредѣлились вполнѣ задачи отдѣленія, которое, наряду съ теоретическимъ изученіемъ наукъ, поставило себѣ цѣлію переводить и издавать на народномъ языкѣ священныя, богослужебныя и вообще христіанско-просвѣти-

тельныя книги, обучать татарскихъ дѣтей въ школѣ, по вакатамъ дѣлать научно-миссіонерскія экскурсіи въ татарскія селенія и укрѣплять въ православіи крещеныхъ татаръ. Въ срединѣ 60-хъ годовъ отдѣленіе оказало большія услуги церкви по поводу новыхъ отпаденій крещеныхъ татаръ.

Въ 1865 г. по иниціативѣ преподавателей противомусульманскаго отдѣленія Св. Синодъ вновь преобразовалъ миссіонерскія отдѣленія, возстановивъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они существовали до 1858 г., уничтоживъ такимъ образомъ обязательность миссіонерскихъ предметовъ той или другой группы для всѣхъ студентовъ. Въ 1867 г. архіеп. Антоній, пораженный тѣмъ, что высшее начальство не пользуется спеціальными познаніями воспитанниковъ миссіонерскихъ отдѣленій (такъ, изъ 36 съ успѣхомъ кончившихъ татарское отдѣленіе только 8 получили мѣста по спеціальности—2 въ Академіи и 6 въ Семинаріяхъ), представилъ въ Синодъ обширныя соображенія о лучшей постановкѣ миссіонерскихъ предметовъ и о судьбѣ студентовъ, изучившихъ ихъ. Хотя представители миссіонерскихъ отдѣленій на запросъ оберъ-прокурора Св. Синода дали опредѣленный отвѣтъ, куда можно было бы обращать питомцевъ ихъ, наверху какъ-то были не склонны интересоваться отдѣленіями,—и послѣднимъ, при составленіи новаго академическаго устава, грозила серьезная опасность. Въ связи съ этимъ находится въ 1870 г. и выходъ изъ Академіи Ильминскаго, который оставался лучшимъ украшеніемъ и опорой миссіонерскихъ отдѣленій при дѣйствіи старой учебной программы.

Противобуддійское отдѣленіе въ казанской Академіи имѣло теоретическій характеръ въ силу отдаленности Казани отъ мѣстностей съ буддистскимъ населеніемъ. И записывались на него главн. обр. сибиряки изъ иркутской епархіи да отчасти ставропольцы, астраханцы и саратовцы. Въ 1854 г. ихъ было всего 7 чел., не больше было и послѣ. Не велики были и учебныя средства—одинъ преподаватель А. А. Бобровниковъ. Понятно, что ему нельзя было пройти въ два года всю программу отдѣленія. Нѣкоторою помощію для него сталъ съ начала 1855 г. практикантъ монгольскаго языка лама Гомбоевъ. Чрезъ полгода Бобровниковъ вышелъ изъ Академіи. Временно замѣщавшій его Гомбоевъ и другіе преподаватели, противъ своей воли попадавшіе на предметы монгольскаго отдѣленія и недолго ихъ занимавшіе, не могли высоко поставить преподаваніе на немъ. Дѣло наладилось лишь съ 1863 г. съ назначеніемъ В. В. Миротворцева. Иркутянинъ родомъ, онъ изучалъ монгольскій языкъ и этнографію въ петербургской Семинаріи и Академіи подъ руководствомъ университетскихъ профессоровъ Попова, Голстунскаго и ламы Гомбоева. Въ 1863 г. онъ при Университетѣ выдержалъ экзаменъ по предметамъ монголо-калмыцкаго разряда восточнаго факультета, по каковому въ 1869 г. получилъ и степень кандидата. Въ немъ казанская Академія нашла прекраснаго наставника-монголовѣда, съ помощью котораго успѣшно возстановила и поддерживала упавшее было монгольское отдѣленіе. „Преподаваніе свое съ самаго начала онъ повелъ по весьма широкой программѣ, обнимавшей всю исторію буддизма на Востокѣ и въ Россіи, его литературу, метафизику и нравственное ученіе". „Въ практическую дѣятельность противобуддійское отдѣленіе Академіи не пускалось и при немъ; но Миротворцевъ принималъ живѣйшее участіе въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касавшихся въ послѣднее время миссіонерскихъ отдѣленій, и глубоко сочувствовалъ тому практическому движенію, которое шло на противомусульманскомъ отдѣленіи"...

В) *Часть экономическая.* Первоначальный штатъ казанской Академіи простирался до 21.956 р., имѣвшихъ такое назначеніе: 10.368 р. на содержаніе личнаго состава, 6000 р. на содержаніе студентовъ (60 ч. по 100 р.), 3.500 р. на содержаніе дома, 715 р. на поѣздки по округу ревизоровъ—членовъ внѣшняго правленія, 572 р. библіотека и кабинеты, 430 р. больница, 200 р. канцелярскіе расходы и 72 р. выписка журналовъ. Изъ служащихъ въ Академіи наибольшее жалованье получалъ ректоръ—1.200 р., ординарные профессоры по 715 р., экстраординарные и баккалавры по 358 р., инспекторъ (сверхъ преподавательскаго вознагражденія), экономъ и лекарь по 258 р., секретарь и библіотекарь по 172 р., помощникъ библіотекаря по 115 р. Кромѣ того наставники, какъ имѣвшіе степень магистра, получали по

100 р. магистерскихъ, а также квартиру или 200 р. квартирнаго пособія (послѣ 150 р.). Штатъ этотъ въ 1856 г. былъ увеличенъ вслѣдствіе основанія миссіонерскихъ отдѣленій, поведшихъ открытіе новыхъ каѳедръ и двухъ должностей практикантовъ восточныхъ языковъ. Въ 1864 г. прибавки къ жалованью наставниковъ увеличили штатную сумму на личный составъ еще на 2.549 р. Въ 1865 г. увеличено содержаніе дома до 5.000 р. Къ 1866 г. опять увеличено жалованье наставникамъ, при чемъ прибавка шла сначала изъ аренды за домъ, построенный для Семинаріи. Были у наставниковъ и еще другіе источники содержанія: многіе изъ нихъ занимали въ самой Академіи должности, начиная съ инспекторской и кончая должностію секретаря какого-нибудь правленія, и внѣ ея, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ Университета и кончая училищемъ дѣвицъ духовнаго вѣдомства.

Штатная сумма распадалась на двѣ части: половина высылалась изъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, а другая поступала изъ свѣчныхъ доходовъ епархій казанской, симбирской и (съ 1865 г.). самарской и кавказской. На первыхъ порахъ штатной суммы было вполнѣ достаточно и бюджетный годъ оканчивался обычно съ остатками, каковые хранились въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ. Но съ 50-хъ годовъ, когда крымская война подняла стоимость съѣстныхъ припасовъ и всякихъ товаровъ, появились дефициты, изъ которыхъ Академія не выходила въ теченіе всѣхъ 60-хъ годовъ, до самаго преобразованія въ 1870 г. Особенно большихъ перерасходовъ требовало содержаніе дома, по которому самыми крупными статьями расхода были: содержаніе прислуги, отопленіе и освѣщеніе. Чтобы понять, какъ возникалъ по нимъ дефицитъ, достаточно привести двѣ-три параллели. Въ 1843 г. мѣсячное жалованье служителей равнялось 38 р., въ 1870 г. оно дошло до 115 р. Въ новомъ академическомъ зданіи на отопленіе шло 600 саж. дровъ, въ концѣ періода 693 саж., при чемъ цѣна ихъ поднялась болѣе чѣмъ вдвое: сажень березовыхъ дровъ въ 1846 г. стоила 1 р. 85 к., въ 1868 г.—4 р. 30 к. Вдвое же стали дороже освѣтительные матеріалы—сальныя свѣчи и сурѣпное масло.

Не менѣе сильно страдала академическая экономія и по статьѣ содержанія студентовъ. Ассигнованныхъ по штату 100 р., изъ которыхъ половина шла на одежду и половина на пищу, первоначально было вполнѣ довольно. Въ первые два года, когда число студентовъ было только 30, столъ у нихъ былъ не только сытный, но и роскошный; послѣ онъ былъ приведенъ въ норму, а затѣмъ начались уклоненія въ другую сторону, по дешевости повара, небрежности эконома и вслѣдствіе злоупотребленій всякаго рода, вызвавшія даже однажды сильную манифестацію студентовъ въ столовой (въ престольный праздникъ 8 ноября 1858 г.). Послѣ того составлено было нормальное росписаніе студенческаго стола, основанное на вычисленіяхъ количества припасовъ, требующихся на каждаго студента, и стоимости ихъ. Росписаніе это было какъ бы законодательнымъ актомъ, которымъ руководились экономы и даже ректоры. Новое росписаніе 1867 г. было вызвано разрѣшеніемъ архіеп. Антонія употреблять въ посты рыбу и масло. Но повышеніе цѣнъ на продукты повело къ тому, что въ 1859 г. по этой статьѣ было передержано 120 р., а въ 1863 г. уже 1.148 р. Не помогли дѣлу и общіе торги на поставку припасовъ для всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній Казани (1860—1865 г.) и введенные въ 1859 г. попечители по хозяйственной части. Цѣны на матеріалы для одежды были постояннѣе и дефицитъ по этой части росъ не такъ быстро. А обойтись и здѣсь безъ него нельзя было потому, что по эстетическимъ и другимъ побужденіямъ мѣнялась и форма одежды, и самый матеріалъ. Студентамъ полагалось: сюртукъ и шаровары изъ нанки и жилетъ изъ пике на одинъ годъ, на годъ же черный шелковый платокъ на два галстуха, три пары полусапоговъ, по 3 пары шерстяныхъ и бѣлевыхъ носковъ, по три пары бѣлья, 2 утиральника и 3 платка, на два года—шелковая шляпа и ватная фуражка и сюртучная суконная пара съ жилетомъ; для домашняго употребленія сюртучная пара изъ темносѣраго сукна и изъ такого же сукна шинель на 4 года. Но нанку скоро

смѣнилъ казинетъ, вмѣсто котораго иногда употреблялись домашнее трико, твинъ, ѳатинъ сѣраго или голубоватаго цвѣта. При ректорѣ Агаѳангелѣ длиннѣйшіе, чуть не до полу, сюртуки укоротились. Въ концѣ 60-хъ годовъ (при Никанорѣ) сѣрыя шинели съ капюшонами были замѣнены драповыми пальто на ватѣ.

Наиболѣе убыточныя статьи—содержаніе дома и студентовъ—за время отъ 1858 по 1868 г. дали дефициту свыше 20 тыс. руб., изъ коихъ 17 слишкомъ тысячъ было покрыто остатками, главн. обр. по статьямъ содержанія лицъ управленія и учащихъ, ревизорской и больничной. Передержка въ 2.864 р. 1868 г. была покрыта отпускомъ изъ Хозяйственнаго Управленія 2.700 р. Новый дефицитъ 1869 г. (1.905 руб.) побудилъ правленіе хлопотать опять о пособіи или о разрѣшеніи покрыть его изъ смѣты 1870 г. Но введеные въ этомъ году новые уставъ и штаты спасли академическую экономію отъ банкротства.

Г) *Студенты и ихъ жизнь. 1) Пріемъ студентовъ.* Въ составъ академическихъ курсовъ поступали перворазрядные воспитанники Семинарій (былъ только одинъ случай въ 1862 г. принятія ученика, прошедшаго одно среднее отдѣленіе), или вызываемые начальствомъ на казенный счетъ, или пріѣзжавшіе волонтерами, при чемъ для послѣднихъ оставлялось небольшое число казенныхъ стипендій. Волонтерами являлись обычно искавшіе миссіонерскаго образованія, между прочимъ кавказцы. Впрочемъ, съ 1852 г. Академіи распоряженіемъ оберъ-прокурора, мотивированнымъ недостаткомъ мѣстъ на духовно-учебной службѣ, лишены были права принимать сверхштатныхъ студентовъ даже на свое содержаніе. Попытка казанской Академіи съ 1864 г. выхлопотать разрѣшеніе принимать волонтеровъ и увеличить число казенныхъ стипендій, обусловленная недостаткомъ кандидатовъ на духовно-учебную службу, получила благопріятный исходъ лишь въ 1870 г., при новомъ уставѣ.—Количество стипендій на каждомъ курсѣ было 30, но ему не совсѣмъ соотвѣтствовала дѣйствительность: по разнымъ причинамъ число студентовъ или понижалось до 23, или повышалось до 39. Вызывались студенты преимущественно изъ Семинарій казанскаго округа, но иногда и изъ московскаго. Въ 1868 г. округи такъ перепутались между собою, что съ ними мало стали сообразоваться. Но принимались во вниманіе и все усиливались требованія относительно умственныхъ способностей, успѣховъ, поведенія и здоровья рекомендуемыхъ и желавшихъ поступить въ Академію. Съ 1846 же года стали обращать вниманіе и на знаніе инородческихъ языковъ.

Пріѣзжавшіе размѣщались въ Академіи и тутъ усиленно готовились къ экзаменамъ, стремясь не посрамить родной Семинаріи. Страхъ предъ экзаменами сталъ ослабѣвать лишь въ 60-хъ годахъ, вслѣдствіе ослабленія требованій отъ поступающихъ и уменьшенія числа экзаменовъ, отчасти подъ вліяніемъ либеральныхъ вѣяній и легкости поступленія въ Университеты. Экзамены производились по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса и весьма внимательно и строго. При пріемѣ имѣли значеніе не столько устные, сколько письменные отвѣты. Съ III по VII курсъ писались три сочиненія—по богословію, философіи и латинскому языку—на замысловатыя темы. При ректорѣ Агаѳангелѣ сократилось число дней и часовъ, отводимыхъ на экзамены, ради сохраненія здоровья студентовъ, требовалось отвѣтить кое-что, а главное произвести пріятное впечатлѣніе на ректора внѣшностію, веселымъ и бойкимъ видомъ. Коротки были экзамены и при Іоаннѣ. По экзаменаціоннымъ балламъ составлялся ректоромъ пріемный списокъ и на основаніи его распредѣлялись стипендіи: первые по списку сразу попадали на казенное содержаніе, другіе принимались условно, до усмотрѣнія, третьи, большею частію волонтеры, если не попали въ первые два разряда, примались своекоштными, платя за столъ 50 р. въ годъ или за столъ и одежду 100 р. Они назывались вольными слушателями, но при окончаніи курса получали обычныя права. Въ каждомъ курсѣ ихъ было немного, отъ 2 до 4. Наконецъ, четвертые совсѣмъ не принимались, по неуспѣшности или по нездоровью. Ихъ было 2—3, только однажды, при Іоаннѣ, 8. Кромѣ казенныхъ стипендій было немного частныхъ, одна общественная (Общества распространенія христіанства на Кавказѣ).—Въ первый періодъ жизни казанской Академіи число студентовъ на обоихъ курсахъ

колебалось между 40 (1865 г.) и 66 (1870 г.).

2) Жизнь студентовъ съ нравственной стороны. Сойдясь въ академическомъ корпусѣ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ Россіи,—изъ центральной полосы, Приуралья, Нижняго Поволжья, Кавказа, Восточной Сибири, а въ послѣднее время и изъ Западной Россіи—студенты сначала смотрѣли другъ на друга косо и жили врозь, группируясь лишь по землячествамъ, которыя въ жизни Академіи имѣли огромное значеніе. Потомъ общеніе студентовъ расширялось на весь курсъ и превращалось въ сплоченное товарищество. Въ нѣкоторыхъ же дѣлахъ и увеселеніяхъ сближались оба курса, старшій и младшій. Все студенчество было сплочено высокимъ до идеализма чувствомъ студенческаго достоинства и студенческимъ кодексомъ приличій. Но при всемъ томъ въ Академіи того времени не было насилія надъ личностію, партійнаго деспотизма, а была полная свобода нравственнаго самоопредѣленія, насколько этому не мѣшали внѣшнія вліянія, стремленіе начальства воплотить въ жизнь дисциплину. И среди городского общества всегда высоко стояла репутація академическихъ студентовъ, какъ солидныхъ, благородно-скромныхъ и дисциплинированныхъ молодыхъ людей.

Правила академической дисциплины опредѣлены были въ проектѣ устава Духовныхъ Академій и частнѣе развиты въ подробной инструкціи академическимъ старшимъ, данной еще при ректорѣ Григоріи. Этой инструкціей прежде всего узаконялся старинный институтъ старшихъ,—одного на каждую комнату,—изъ студентовъ старшаго отдѣленія. Это были посредники между студентами и начальствомъ, къ которому разъ или два въ недѣлю являлись съ докладами. Кромѣ того чередной старшій (череда продолжалась недѣлю) записывалъ ежедневно въ журналѣ о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и неисправностяхъ по занятнымъ комнатамъ, столовой и даже со стороны служителей. Ежемѣсячно каждый старшій давалъ подробный отчетъ о поведеніи подчиненныхъ ему студентовъ съ характеристикою ихъ, съ указаніемъ ихъ добродѣтелей и пороковъ, при чемъ послѣдніе, конечно, смягчались и характеристики пріобрѣтали похвальный характеръ. На основаніи этихъ отзывовъ и собственныхъ наблюденій инспекторъ ежемѣсячно доносилъ правленію о поведеніи студентовъ и правленіе вело особую книгу поведенія, по которой иногда вызывало наиболѣе отличившихся студентовъ и которая вліяла на окончательный списокъ воспитанниковъ. Книга поведенія около 60-го года прекратила свое существованіе.

Правила внѣшняго поведенія студентовъ основывались на трехъ принципахъ,—страхѣ Божіемъ, покорности начальству и непрерывной дѣятельности. Чрезъ всѣ эти правила проходилъ „идеалъ полувоенной, униформенной внѣшней дисциплины, по которому до царствованія имп. Александра II устраивались всѣ наши учебно-воспитательныя заведенія, духовныя же кромѣ того еще съ сословной примѣсью нравственныхъ началъ полу-монашескаго характера“...

Вставали студенты въ 6 ч. утра, будимые звонкомъ, потомъ инспекціей. Одѣвались однообразно. Въ 7 ч. молитва, при чемъ студенты стояли по комнатамъ вмѣстѣ съ своими старшими. Обязательна была и вечерняя молитва. Читали поочередно. Послѣ утренней молитвы завтракъ (бѣлый хлѣбъ съ квасомъ, а у богатыхъ—собственный чай). Въ 8 ч. лекціи, на которыхъ всѣ должны были присутствовать; нѣтчиковъ ловили и записывали. Послѣ лекцій обѣдъ, куда шли попарно, какъ и выходили, соблюдая во всемъ строгое благочиніе. За столомъ чередной чтецъ изъ младшаго курса читалъ дневное житіе изъ Четіихъ-Миней. Но все это не помѣшало произойти нѣсколькимъ „брюшнымъ бунтамъ“. Послѣ обѣда прогулки, но не далѣе академическаго сада. Агаѳангелъ завелъ для студентовъ катальныя горы, лѣтомъ же гимнастическія приспособленія и игры въ чушки и кегли, въ которыхъ и самъ принималъ участіе. Но добрая половина студентовъ сидѣла сиднемъ въ занятныхъ комнатахъ, лишь изрѣдка развлекаясь музыкой и пѣніемъ, которыя поощрялись, но не свѣтскаго характера. Въ 4—5 ч. вечерній чай и съ пяти—серьезное занятное время, когда не допускались самими студентами ни разговоры, ни хожденіе по комнатѣ. Въ 9 ч. ужинъ, въ 10—молитва и сонъ.

Въ праздники обязательное посѣщеніе академической церкви, отъ котораго увольнялись иногда только новички для молитвы

въ каѳедральномъ соборѣ и въ монастыряхъ. Въ церкви соблюдались особые обычаи, въ родѣ попарнаго подхожденія къ кресту, евангелію и иконамъ. До ректора Іоанна въ прощеное воскресенье совершался монастырскій обрядъ прощанія въ церкви или въ столовой, послѣ ужина. Въ 1857—1861 г. въ Академіи въ теченіе всего великаго поста совершались обязательныя преждеосвященныя литургіи.

Правомъ свободнаго выхода изъ Академіи студенты пользовались только 8 ноября, въ первые дни Рождества Христова и Пасхи и въ дни рекреацій, которыя до 1857 г. совершались ежегодно въ маѣ, разъ или два, на Подсѣкѣ; въ прочіе дни, собственно только въ воскресенье и четвергъ, можно было уйти не иначе какъ по записи, до 5, 8 и не далѣе 9 часовъ. Самовольныя отлучки преслѣдовались со строгостію не меньшею, чѣмъ пьянство. Все это въ связи съ отсутствіемъ знакомыхъ въ городѣ и бѣдностію—удерживало большинство студентовъ въ бурсацкой грубости и въ полномъ невѣжествѣ относительно свѣтскихъ приличій.

Такая строгая дисциплина къ концу 50-хъ годовъ стала ослабѣвать какъ въ силу неестественности мелочной опеки надъ довольно взрослыми людьми, такъ и потому, что повѣяло новымъ духомъ въ жизни общественной. Въ казанской Академіи этотъ переходъ отъ „ига законнаго“ къ „свободѣ благодатнаго царства“ совершился легко, безъ рѣзкостей и революцій, ибо навстрѣчу студенческому стремленію къ освобожденію отъ тягостей опеки пошли нѣкоторые благородные инспекторы, съумѣвшіе сблизить необходимую въ общежитіи дисциплину съ требованіями жизни, житейскаго порядка, приличія и порядочности. Таковы были архимандриты Серафимъ, Ѳеодоръ (Бухаревъ). Но все это, имѣя добрыя стороны, повело къ развитію въ студентахъ „какой-то бездисциплинной и безстрашной откровенности и безоглядности жизни“, въ результатѣ чего было нѣсколько непріятныхъ, сопровождавшихся увольненіями, исторій, въ томъ числѣ одна съ политическою паннихидой (1861 г.). Вызванная этой паннихидой ревизія Академіи обнаружила, что дисциплина успѣла уже значительно упасть, что студенты сдѣлались очень нерадивы къ своимъ какъ учебнымъ, такъ и религіознымъ обязанностямъ, перестали собираться на утренніи и вечернія молитвы, прекратили чтеніе въ столовой Четіихъ-Миней, даже общіе обѣды и ужины почти прекратились, водворилась полная почти свобода выхода изъ Академіи, развилось пьянство и пр. и пр. Дошло до того, что одинъ студентъ ежедневно уходилъ отъ лекцій въ уголовную палату, гдѣ состоялъ наемнымъ писцомъ. Впрочемъ, масса студентовъ по прежнему отличалась благородствомъ и по прежнему академическое студенчество стояло выше университетскаго по серьезности, прилежанію, развитію, идеализму.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ казанской Академіи, по примѣру Университета, явились корпоративныя студенческія учрежденія,—общія собранія для рѣшенія общихъ дѣлъ, собственная студенческая библіотека и касса. Библіотека завелась съ цѣлію доставить студентамъ возможность читать свѣжіе газеты и журналы. Многія редакціи присылали въ нее свои изданія безплатно. Редакція „Прав. Собесѣдника“ сдавала дублеты разныхъ періодическихъ изданій. Были пожертвованія отъ профессоровъ. Студенты ежегодно вносили копѣекъ по 50. Въ 186$^{3}/_{4}$ уч. годъ уже былъ свой библіотекарь. — Студенческая касса („банкъ“) явилась лѣтомъ 1864 г., какъ средство самопомощи студентовъ въ ихъ крайней нуждѣ, заставлявшей иныхъ кредитоваться на сторонѣ. Основной капиталъ составился по подпискѣ наставниковъ. Но выше 200 р. онъ никогда не поднимался. Ссуды выдавались изъ 5% въ мѣсяцъ. Расплачивались деньгами полученными изъ казны за мелкія принадлежности экипировки. Но нѣкоторые и вышли изъ Академіи должниками.

Переходное время 60-хъ годовъ, время первоначальнаго, необузданнаго пользованія свободой людей взрослыхъ, послѣ прежняго подзаконнаго, ребяческаго состоянія, въ казанской Академіи продолжалось около 6 лѣтъ. Вновь дисциплина стала возстанавливаться при ректорѣ Иннокентіи, хотя и не безъ жертвъ:—многіе ушли въ Университетъ. Послѣ него ректоръ Никаноръ своимъ умнымъ и въ высшей степени гуманнымъ отношеніемъ къ студентамъ далъ торжество ранѣе уже заявившимъ о себѣ новымъ принципамъ воспитанія, осно-

ваннымъ на полномъ довѣріи и уваженіи къ ихъ нравственному достоинству. Это уваженіе, исключавшее употребленіе старыхъ пріемовъ инспекторскаго надзора и дисциплинарныхъ взысканій въ родѣ голоднаго стола, доходило до того, что Никаноръ оставилъ у студентовъ неприкосновенными такія принадлежности ихъ корпоративнаго строя, которыя въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ стали уже преслѣдоваться, а библіотеку студенческую онъ даже обогатилъ передачею въ нее множества изданій изъ редакціи „Прав. Собесѣдника“.

3) *Учебныя занятія студентовъ.* а) Посѣщеніе лекцій на первыхъ порахъ, пока дѣло еще не наладилось, очень тяготило студентовъ и самихъ профессоровъ—тѣмъ болѣе, что каждая продолжалась два часа (было двѣ лекціи до обѣда, одна—послѣ). Въ 1844 г. лекціи сократились до $1^1/_2$ час., въ 1864 г.—до $1^1/_4$ час. Студенты преимущественно интересовались философіей, исторіей и физикой съ математикой, которыя были представлены недурными преподавателями. Понятно, что аккуратнѣе въ посѣщеніи лекцій были младшіе студенты, какъ слушавшіе общеобразовательные курсы и какъ люди искавшіе новаго — новыхъ путей и горизонтовъ. И болѣе образовательнаго вліянія оказывали на нихъ не лекціи, полныя фактическихъ данныхъ, а тѣ, которыя содержали въ себѣ болѣе общій или цѣлостный взглядъ на предметъ, или намѣчали новыя стороны его, или указывали пріемы для самостоятельной разработки его. Цѣнились живыя и руководительныя лекціи. Оттого иныя каѳедры, имѣвшія хотя и авторитетныхъ представителей, не пользовались вниманіемъ студентовъ, напр. богословскія. Интересъ къ богословію оживили архим. Ѳеодоръ Бухаревъ, впервые сказавшій сердечное, задушевное слово, и Хрисанѳъ Ретивцевъ, внесшій въ изученіе богословія новые, современные пріемы и сдѣлавшій богословское направленіе господствующимъ въ Академіи. Такое же значеніе для исторіи имѣлъ Щаповъ, каждая лекція котораго дышала поэзіей и жизнію и давала руководящіе образы и идеи. Съ него же, кажется, началось публичное выраженіе студентами удовольствія отъ лекцій. Но вообще отношеніе аудиторіи къ лекціямъ было спокойное и критическое. Лекціи записывались студентами, хотя это и не было обязательно, даже было противъ академическаго устава. Были и литографированныя лекціи. Въ 1851 г. были изданы въ 100 экз. записи по физикѣ, исторіи философіи, психологіи и метафизикѣ, въ 1864 — 1865 гг. лекціи Порфирьева по общей грамматикѣ и эстетикѣ, Красина по физикѣ, Митропольскаго по психологіи. Писаніе лекцій и выдача записокъ были дѣломъ не обязательнымъ для профессоровъ, отъ которыхъ иные ректоры требовали даже чтенія лекцій по книгѣ (Агаѳангелъ) или изустной рѣчи (Григорій).—Способомъ контроля аккуратности посѣщенія лекцій были репетиціи. Но онѣ рѣдко примѣнялись, только предъ экзаменами и не всѣми, несмотря на попытки нѣкоторыхъ ректоровъ настоять на ихъ введеніи и не только предъ экзаменами, но и въ началѣ каждой лекціи.

б) Серьезнѣе были домашнія занятія, на первыхъ порахъ состоявшіе почти исключительно въ писаніи сочиненій. Въ первые два года каждый студентъ писалъ въ годъ 10—11 общеобязательныхъ работъ, до 13 частныхъ и до двухъ проповѣдей. По опредѣленію правленія 1844 г., соблюдавшемуся до 1857 г., студенты обязаны были писать по одному сочиненію каждый мѣсяцъ, кромѣ іюня и декабря, когда производились экзамены, и по 3 проповѣди въ годъ въ старшемъ отдѣленіи и по одной—въ младшемъ; въ послѣдній годъ—одно курсовое сочиненіе. Съ 1857 по 1868 г. студенты писали по 10 сочиненій и одной проповѣди. Съ Никанора стали писать въ первые три года по 6 сочиненій и по 1 проповѣди. Темы съ самаго начала повелись теоретическія и держались до средины 50-хъ годовъ, когда, при усиленіи научныхъ средствъ Академіи, академическое образованіе стало получать болѣе фактическое и въ частности историческое направленіе. Теперь стали преобладать темы историческія и критическія даже въ области богословскихъ и философскихъ наукъ. А открытіе миссіонерскихъ отдѣленій при Академіи выдвинуло цѣлый рядъ вопросовъ по разработкѣ исторіи и обличенія раскола и по изученію ислама и буддизма какъ въ религіозномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Въ то же время оживленіе лите-

ратуры русской исторіи направило студенческія работы на русскую исторію и на исторію русской литературы. Ректоръ Іоаннъ любилъ назначать темы самыя современныя, животрепещущія, практическія. Послѣднее направленіе въ серединѣ 60-хъ годовъ захватило обильную область темъ полемическихъ—противъ увлеченій современнаго недомыслія разными матеріалистическими и соціалистическими толками и сочиненіями. Писались сочиненія съ такимъ большимъ усердіемъ, что ревизовавшій Академію въ 1854 г. архіеп. Григорій нашелъ его и вреднымъ для здоровья и мѣшающимъ другимъ занятіямъ студентовъ. Потому онъ ограничилъ объемъ курсовыхъ работъ 10 листами, семестровыхъ двумя и проповѣдей—однимъ. Заботившійся о здоровьѣ студентовъ ректоръ Агаѳангелъ строго проводилъ это постановленіе. Но съ 60-хъ годовъ, съ паденіемъ дисциплины, развилось небрежное отношеніе студентовъ къ сочиненіямъ. Ихъ перестали подавать въ срокъ, а иные и совсѣмъ не писали ихъ. Что касается проповѣдей, то къ нимъ и всегда студенты относились не серьезно, часто списывая ихъ съ печатныхъ. Лучшія проповѣди произносились въ академической церкви — при Григоріи и Агаѳангелѣ почти за каждой литургіей. При Іоаннѣ были проповѣди даже на современныя темы. Но при немъ же академическое проповѣдничество какъ-то само собою замолкло. — До конца 50-хъ годовъ нѣсколько сочиненій въ годъ писалось на латинскомъ языкѣ; послѣднія латинскія сочиненія были писаны въ 1856—1858 гг. Сначала сочиненія возвращались студентамъ съ обстоятельными рецензіями, но потомъ стали задерживаться профессорами или ректоромъ.

в) Усердно читались книги, хотя выборъ ихъ нѣсколько ограничивался ригоризмомъ начальства, старавшагося держать юношество въ цензурѣ и запрещавшаго читать даже такія сочиненія, какъ „Исторія цивилизаціи“ Гизо и „Паденіе римской имперіи“ Гиббона. Свѣтскіе журналы тоже не одобрялись. Только ректоръ Іоаннъ далъ студентамъ свободу въ этомъ отношеніи. Иногда студенты объединялись въ ассоціаціи, чтобы помогать другъ другу въ добываніи книгъ и вмѣстѣ читать ихъ. Иногда, сохраняя время, сообщали другъ другу подробные отчеты о прочитанныхъ каждымъ книгахъ. Чаще всего такіе кружки устраивались для изученія иностранныхъ языковъ и для чтенія французскихъ и нѣмецкихъ книгъ въ подлинникахъ.

Общій характеръ академическаго образованія—былъ по идеѣ энциклопедическій съ нѣкоторымъ наклономъ въ сторону богословско-философской спеціальности. Студенты все должны были изучить и къ преподаванію всякаго предмета быть готовы. Отсюда изученіе было не аналитическое, а синтетическое,—направлялось не на фактическую сторону, а только на основы наукъ, на руководящія идеи и методическіе пріемы. Но въ дѣйствительности большинство студентовъ, сообразно съ своими природными наклонностями и модными теченіями, избирали извѣстныя группы наукъ, удѣляя остальнымъ только оффиціальное, такъ сказать, вниманіе. Иногда и цѣлые курсы увлекались тою или другой спеціальностію. Первые годы были преимущественно временемъ теоретическихъ интересовъ, подъ вліяніемъ кіевской Академіи, давшей каз. Академіи первыхъ богослововъ, и московской, снабдившей ее философами, словесниками, историками и физико-математиками. Такъ какъ вліяніе московское было сильнѣе, то оно и утвердилось въ казанской Академіи, гдѣ преобладали, несмотря на наличность монаховъ, именно свѣтскіе научные интересы, а не богословскіе. Воцарилось собственно словесное направленіе, благодаря даровитому профессору С. И. Протопопову и его талантливому ученику И. Я. Порфирьеву. Литературное увлеченіе, начавшись въ 1844 г. на почвѣ Гегеліанской эстетики, приняло въ срединѣ 50-хъ годовъ характеръ преимущественно обличительный, какимъ была проникнута сама русская литература съ начала царствованія Александра II. Въ связи съ литературнымъ направленіемъ стояло изученіе новыхъ языковъ, до конца 50-хъ годовъ составлявшее выдающуюся черту учебной жизни студентовъ. Въ 50-хъ годахъ наряду съ литературнымъ интересомъ сталъ выдвигаться впередъ историческій, который скоро совсѣмъ переросъ первый. Этотъ интересъ, прежде всего въ области общей церковной исторіи,—обязанъ архим. Веніамину Благонравову, привлекшему студентовъ къ письменнымъ работамъ въ этой

области и умножившему въ библіотекѣ церковно-историческій отдѣлъ. А затѣмъ на оживленіе его повліяло учрежденіе миссіонерскихъ отдѣленій, „науки которыхъ открыли предъ студентами новое обширное поприще увлекательныхъ занятій историческаго и этнографическаго характера“. На первый планъ выступило изученіе русской и отчасти славянской исторіи (вліяніе Григоровича), оставивъ за собою позади всѣ предметы прежнихъ увлеченій: сама словесность приняла вмѣсто эстетическаго историческое направленіе. Для изученія же русской народности новый обильный матеріалъ дала Соловецкая библіотека. Главными вождями новаго историческаго направленія и при томъ въ народническомъ духѣ, съ славянофильскимъ характеромъ, стали Щаповъ, Добротворскій и Ильовъ. Прежнее государственное направленіе русской исторіи подверглось крайнему отрицанію. Историческое направленіе студенческихъ работъ съ 1856 года было надолго упрочено. Предъ исторіею стушевались всѣ другіе предметы академическаго курса. Но это увлеченіе, подавлявшее внѣисторическіе интересы, было слишкомъ одностороннимъ, сведшимся къ изученію одной русской исторіи и подорвавшимъ новые языки. Если престижъ богословія былъ спасенъ, то только цѣною отрѣшенія отъ стараго діалектическаго метода и перехода къ современному историческому методу, который у Хрисанѳа (съ 1858 г.) оживилъ преподаваніе невѣдомыми прежде свѣдѣніями изъ исторіи философіи и особенно философскихъ воззрѣній на природу. Успѣхъ лекцій Хрисанѳа и его своевременность въ виду появленія многихъ новыхъ ученій и громкихъ именъ, увлекавшихъ молодежь, обезпечили положеніе богословія и философіи, которыя стали конкурировать даже съ исторіею во вліяніи на студенческіе умы. И если полной побѣды это новое направленіе не одержало, то вслѣдствіе упадка языкознанія, который въ концѣ концовъ гибельно отразился и на самомъ историческомъ направленіи. Студенческія работы писались исключительно почти на темы по русской исторіи. Ко всему этому въ срединѣ 60-хъ годовъ присоединилось пониженіе умственнаго развитія и въ Семинаріяхъ, гдѣ упало даже искусство писательства, почему понизился цензъ и поступающихъ въ Академію. А упадокъ дисциплины въ Академіи и развитіе халатнаго отношенія къ дѣлу и совсѣмъ помѣшали утвердиться богословско-философскому направленію. Параллельно съ этимъ въ 60-ые годы историкъ казанской Академіи отмѣчаетъ появленіе въ ней новаго, не особенно распространеннаго направленія, которое онъ называетъ естественно-научнымъ диллетантизмомъ и которое было вызвано отчасти богословскими интересами, отчасти подражаніемъ такому же диллетантизму въ обществѣ. Лишь при ректорѣ Никанорѣ, уже въ концѣ 60-хъ годовъ, это увлеченіе популярно-естественными сочиненіями нашло себѣ серьезный выходъ въ приложеніи къ богословской апологетикѣ и полемикѣ.

4) *Оцѣнка успѣховъ, награды и наказанія.* Оцѣнка оффиціально производилась посредствомъ репетицій и экзаменовъ, а главнымъ образомъ—сочиненій. Къ экзаменамъ каждый наставникъ приготовлялъ конспектъ своей науки и разрядные списки студентовъ съ особыми баллами по успѣхамъ, способностямъ, прилежанію и по сочиненіямъ. До ректора Іоанна эти списки имѣли очень важное значеніе, при немъ потеряли и превратились въ алфавитные. Частные списки успѣховъ каждаго наставника провѣрялись на экзаменѣ начальствомъ, при чемъ составлялись общіе списки. Имена особенно отличившихся и малоуспѣшныхъ въ 1843—1862 годы вносились въ особую книгу, и дважды въ годъ эти студенты приглашались въ правленіе для полученія похвалы или строгаго внушенія съ угрозою лишенія казеннаго содержанія или даже исключенія изъ Академіи. Для того же поощренія студентовъ въ 1845 г. заведены были приватныя собранія наставниковъ и учащихся, на которыхъ были читаемы или только рекомендуемы лучшія сочиненія послѣднихъ. Происходили они раза два-три въ годъ. При Агаѳангелѣ они прекратились.

Экзамены, происходившіе дважды въ годъ, отнимали очень много времени. Каждый разъ недѣли за двѣ прекращались всѣ лекціи для репетицій. Самые строгіе экзамены были при ректорахъ Григоріи и Парѳеніи. При нихъ даже рождественскіе экзамены растягивались дней на 7—10, кромѣ особыхъ дней для сочиненій, полукурсовые

предъ вакатомъ шли 10—12 дней, а курсовые двухгодичные до 14. Испытанія производились ежедневно съ 8 час. утра до 2 час. дня и долѣе. Агаѳаигелъ сократилъ число дней и часовъ. При Иннокентіи завелась новая особенность, перешедшая и въ реформированную Академію, — промежутки между экзаменами въ 1—2 дня. Въ силу этого экзамены, продолжавшіеся прежде весь іюнь, теперь захватили и часть мая. Такъ какъ имъ предшествовали репетиціи, то лекціи стали кончаться передъ Пасхой. Происходили экзамены въ присутствіи воспитанниковъ и наставниковъ Академіи и нѣсколькихъ членовъ академической конференціи изъ мѣстнаго духовенства. Въ концѣ 50-хъ годовъ стали присутствовать только ректоръ съ инспекторомъ да наставникъ съ своими депутатами. Стали и студенты расходиться послѣ отвѣта. Мѣстные преосвященные часто посѣщали экзамены, особенно по богословскимъ предметамъ, при чемъ и сами экзаменовали и не только студентовъ, но и самого наставника. Отвѣтственность послѣдняго прекратилась только въ самомъ концѣ періода, при архіеп. Антоніи, который постановку балловъ предоставилъ наставнику съ депутатами, а не предсѣдателю коммиссіи. Этимъ измѣненіемъ подрывался и старый обычай давать къ экзамену не свое, читанное въ аудиторіи, а печатное, какъ менѣе отвѣтственное для наставника.

На экзамены въ казанской Академіи смотрѣли, какъ на средство провѣрить пониманіе науки студентомъ, его способность къ занятіямъ и степень развитія мыслительности,—не сколько знаетъ студентъ, а какъ знаетъ и для чего годится. Поэтому экзамены часто сводились къ возраженіямъ и длиннымъ бесѣдамъ съ экзаменаторами, при чемъ опытные ректоры, въ родѣ Парѳенія и Іоанна, сразу опредѣляли студента и складъ его ума. Во всякомъ случаѣ такая система была облегченіемъ для студентовъ. Другимъ облегченіемъ было то, что студенты спрашивались не по всѣмъ предметамъ, особенно при Агаѳангелѣ и Іоаннѣ. А затѣмъ студенты и сами облегчали себя при помощи фокусовъ съ экзаменскими билетами и конспектами, болѣе или менѣе обширными. Даже когда то и другое было отмѣнено при ректорѣ Иннокентіи, студенты находили способъ помогать себѣ, хотя все же достоинство экзаменскихъ отвѣтовъ понизилось.

Публичный экзаменъ предъ лѣтними каникулами, послѣ обыкновенныхъ экзаменовъ, производился въ присутствіи посторонней публики и „знатнѣйшихъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ“ и обставлялся такъ же торжественно, какъ и академическіе акты 8 ноября. Для него печатались особыя программы съ обозначеніемъ матерій, о которыхъ будутъ спрашиваться студенты, изъ болѣе занимательныхъ отдѣловъ всѣхъ наукъ. По каждому предмету вызывалось 3—2—1 студента, заранѣе знавшихъ, о чемъ ихъ спросятъ. Экзаменъ сопровождался чтеніемъ лучшихъ сочиненій (иногда 8), что, впрочемъ, съ 1851 г. не практиковалось, и пѣніемъ. Съ начала 50-хъ годовъ торжественность публичныхъ экзаменовъ очень пала. Ее напрасно пытался поднять ректоръ Іоаннъ. Въ 1866 г. былъ послѣдній публичный экзаменъ. Назначенный въ 1868 г. былъ отмѣненъ преосвященнымъ.

Экзамены (внутренніе) имѣли большое вліяніе на судьбу студентовъ. Послѣ первыхъ рождественскихъ или лѣтнихъ экзаменовъ рѣшалась участь студентовъ, принятыхъ въ числѣ сомнительныхъ:—ихъ теперь или переводили на казенное содержаніе, или совсѣмъ увольняли. Послѣ курсовыхъ экзаменовъ конференція переводила однихъ на старшій курсъ, другихъ — выпускала, при чемъ принимали во вниманіе всѣ отмѣтки наставниковъ и экзаменскія и всѣ данныя относительно поведенія каждаго студента и общую его репутацію. Тутъ нерѣдко талантливости отдавался перевѣсъ предъ трудолюбіемъ посредственности, какіе бы баллы послѣдняя ни имѣла. Случаевъ оставленія на второй курсъ въ старой Академіи не было. Не успѣвшіе увольнялись.

При выпускѣ кромѣ прочихъ условій требовалось представленіе ученаго сочиненія. Курсовымъ работамъ придавалось такое значеніе, что неудовлетворительностью ихъ можно было погубить плодъ 4-лѣтнихъ трудовъ, а удачное сочиненіе могло покрыть многіе изъяны. Темы давались въ началѣ четвертаго года и преимущественно богословскія. Преосвящ. Григорій Постниковъ поощрялъ темы по миссіонерскимъ предметамъ и даже самъ давалъ ихъ, назначая за лучшія сочиненія преміи (въ 30 р.). При

ректорѣ Агаѳангелѣ миссіонерскія темы стали преобладающими. Потомъ, при ректорѣ Іоаннѣ, курсовымъ сочиненіямъ придано исключительно историческое направленіе, послѣ замѣчанія со стороны Св. Синода въ 1866 г. уступившее мѣсто темамъ богословскимъ. Особенностію Іоанновскаго времени было и то, что ректоръ самъ навязывалъ каждому студенту опредѣленную тему, отъ которой нельзя было отказаться, при чемъ къ наставническимъ темамъ прибавлялъ и свои, иногда очень нелегкія для обработки. За немногими исключеніями студенты относились очень внимательно къ курсовымъ работамъ, перечитывали всю литературу (къ дачѣ темъ подгонялась и выписка книгъ въ библіотеку), иные изучали для нихъ иностранные языки. Иной студентъ такъ затягивался въ собираніе матеріаловъ, что для ихъ обработки у него не хватало времени и послѣднія недѣли онъ работалъ до истощенія силъ. Нѣкоторые вышли изъ Академіи съ тяжкими болѣзнями, нажитыми во время писанія курсовыхъ сочиненій. Начиная съ первыхъ курсовъ, писали сочиненія очень большія, листовъ въ 50—60. Впослѣдствіи попадались въ 100, 233, 264 и даже въ 307 листовъ. Но въ 1854 г. преосв. Григорій и ректоръ Агаѳангелъ возстали противъ многописанія и опредѣлили норму въ 10 листовъ, что само по себѣ было невозможно. Въ слѣдующихъ курсахъ не было ни одного сочиненія менѣе 20 листовъ, иныя достигали 100 листовъ, а Щаповское до 283 листовъ. Нѣсколько жидкихъ сочиненій встрѣчается только въ половинѣ 60-хъ годовъ, когда вообще понизился уровень академическаго образованія. Срокомъ подачи было начало мая, но иные и при томъ лучшіе запаздывали часто до іюля. Въ 1866 г. подача сочиненій и отзывовъ о нихъ (профессорскаго и двухъ членовъ конференціи) до того затянулась, что конференція о присужденіи ученыхъ степеней была собрана только въ янв. 1867 г. Преосв. Антоній распорядился послѣ того, чтобы всѣ сочиненія прочитывались и возвращались съ отзывомъ въ конференцію не позднѣе 1 сент., а правленіе съ своей стороны опредѣлило: 1) давать темы для курсовыхъ сочиненій еще до вакатa, по окончаніи экзаменовъ; 2) обязать студентовъ подавать сочиненія не позднѣе 1 мая; 3) наставникамъ же оканчивать ихъ чтеніе не позднѣе 1 авг. Но это распоряженіе не привилось.

На основаніи отзывовъ конференціи Синодъ утверждалъ присужденныя ею степени. Впрочемъ, что касается до магистрантовъ, то до 1863 г. въ Синодъ поступали и самыя ихъ сочиненія, которыя раздавались для отзыва архіереямъ и ученымъ людямъ изъ высшаго духовенства. Но рецензіи ихъ касались не столько ученой стороны, сколько православія и извѣстнаго рода приличій, требуемыхъ отъ произведеній дух. литературы. На основаніи подобныхъ соображеній Синодъ, начиная съ 1 курса и кончая 5-мъ, не разъ отказывалъ въ магистерской степени или старшихъ кандидатовъ превращалъ въ младшихъ.

За время 1842—1870 гг. въ казанской Академіи получили полное образованіе 345 челов., изъ нихъ 104 со степенью магистра, 35—со степенью кандидата съ правомъ полученія степени магистра по прослуженіи 2 лѣтъ и одинъ — 4 лѣтъ, 19 кандидатовъ съ правомъ полученія магистра по представленіи новыхъ лучшихъ сочиненій и одинъ—по выдержаніи новаго испытанія, 156—со степенью кандидата безъ особыхъ правъ, 4—со степенью студента съ правомъ на степень кандидата по прослуженіи 2 лѣтъ и 10—подъ условіемъ представленія новыхъ сочиненій. Остальные окончили со степенью студента.

Окончившихъ распредѣляло по мѣстамъ внѣшнее правленіе, соображаясь съ ихъ успѣхами и желаніями, а также съ вакансіями, о которыхъ еще весною ему сообщали учебныя заведенія округа. Отъ этого порядка отступалъ только ректоръ Іоаннъ, назначавшій студентовъ иногда вопреки ихъ желанію, по своему усмотрѣнію. Лучшіе изъ окончившихъ оставлялись при Академіи баккалаврами, слѣдующіе назначались въ наставники Семинарій и въ смотрители училищъ, еще ниже—въ инспекторы и учители училищъ, остальные, кому не хватало мѣстъ, обращались въ епархіальное вѣдомство. Иногда они по усмотрѣнію епархіальныхъ начальствъ опредѣлялись въ помощь болѣе занятымъ наставникамъ Семинарій съ вознагражденіемъ изъ экономическихъ средствъ. Свой проектъ распредѣленія внѣшнее правленіе передавало для разсмо-

трѣнія въ конференцію, которая отсылала на утвержденіе въ Духовно-учебное управленіе. Утвержденіе приходило мѣсяца чрезъ 2—4, раза два черезъ полгода. Получивъ его, внѣшнее правленіе предоставляло внутреннему отправить студентовъ на мѣста. Имъ выдавались прогоны (на пару лошадей) и деньги на первоначальное обзаведеніе (50 р.). Наконецъ, въ ихъ собственность обращались вся одежда, какую они носили въ Академіи, и все бѣлье, кромѣ столоваго; весьма многіе брали съ собой и постельныя принадлежности. — Съ 1868 г. въ казанской Академіи вошелъ въ дѣйствіе новый порядокъ назначенія, согласно съ требованіями новаго устава Дух. Семинарій (1867),—именно послѣ пробныхъ лекцій при Академіи или въ Семинаріяхъ.

Періодъ II (1870—1884 гг.). Преобразованіе казанской Академіи по Высочайше утвержденному 30 мая 1869 г. уставу и штату Дух. Академій совершилось 15 авг. 1870 г., каковою датой и начинается новый періодъ ея жизни. Сущность новаго устава заключалась въ предоставленіи Академіямъ большихъ правъ и большей свободы научной и нравственной ихъ персоналу и студентамъ. Эта, положенная въ основу устава 1869 г., идея измѣнила кореннымъ образомъ строй жизни и казанской Академіи въ разныхъ отношеніяхъ и съ разныхъ сторонъ.

А) *Административная часть. Органы управленія.* Если прежній уставъ и особенно сложившаяся практика предоставляли главное значеніе въ Академіи ея ректору, то теперь всѣ вопросы и дѣла по учебно-воспитательной и административной частямъ были предоставлены вѣдѣнію *Совѣта*. При этомъ различались два вида собраній Совѣта—общія, состоявшія изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и разсматривавшія важнѣйшія дѣла, и обыкновенныя, состоявшія изъ ректора, его помощниковъ по учебной части (проректоровъ), инспектора и изъ шести профессоровъ, по два отъ каждаго отдѣленія. Кромѣ того, разъ въ годъ происходили торжественныя собранія (академическіе акты), на которыхъ секретарь докладывалъ отчетъ о дѣятельности Академіи за минувшій годъ, а одинъ изъ профессоровъ—рѣчь научнаго содержанія, и открытыя собранія Совѣта (диспуты), на которыхъ, въ присутствіи посторонней публики (и дамъ), защищались диссертаціи на степени магистра или доктора. За время дѣйствія устава 1869 г. казанская Академія удостоила, послѣ защиты, докторской степени 8 человѣкъ (все членовъ корпораціи, для которыхъ докторство по уставу поставлено условіемъ для достиженія ординатуры) и магистерской—13. Кромѣ того, въ 1873 и 1878 г. удостоены докторской степени безъ защиты бывшіе профессоры Г. С. Саблуковъ и нижегородскій епископъ Хрисанѳъ, а въ 1882 г. магистерства—два преподавателя томской Семинаріи, безъ защиты же, въ виду отдаленности мѣста ихъ жительства. Наконецъ, Совѣту пришлось въ теченіе 1870—1877 годовъ имѣть сужденіе о студентахъ, кончившихъ курсъ Академіи въ 1870 г., при дѣйствіи стараго устава. Изъ нихъ въ разные сроки удостоены степени магистра 9 чел., степени кандидата съ правомъ полученія чрезъ два года службы степени магистра—5 чел., степени кандидата съ правомъ на полученіе магистерской степени по представленіи новаго сочиненія—1 чел., степени кандидата 17 чел., степени дѣйствительнаго студента—3 чел. Кромѣ того дана кандидатская степень одному дѣйств. студенту 1864 г. и магистерская — кандидату 1866 г.

Присужденіе ученыхъ степеней кончившимъ курсъ по уставу 1869 г. происходило такимъ образомъ. Въ концѣ каждаго учебнаго года Совѣтъ, получивъ свѣдѣнія отъ отдѣленія о студентахъ III курса, представившихъ диссертаціи на степень кандидата, и IV курса, державшихъ испытанія на степень магистра, имѣлъ сужденіе о степени удовлетворительности сочиненій и устныхъ отвѣтовъ. Студентовъ III курса, представившихъ неудовлетворительныя сочиненія или имѣвшихъ плохія отмѣтки, онъ увольнялъ изъ Академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента (такихъ было очень немного), прочихъ переводилъ на IV курсъ. Четвертокурсники, выдержавшіе хорошо устныя испытанія, выпускались съ званіемъ кандидата съ правомъ получить степень магистра безъ новаго устнаго испытанія (такихъ было большинство), осталь-

ные—получали кандидатство безъ этого права. Рѣшеніе Совѣта утверждалось мѣстнымъ преосвященнымъ, не восходя до Синода. Былъ въ 1881 г. случай пріобрѣтенія степени кандита частнымъ лицомъ—вольнослушателемъ Академіи діакономъ Добролюбскимъ.

Присужденіе ученыхъ степеней, свидѣтельствующее объ ученой производительности Академіи и о достиженіи ею ея задачъ, было однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ Совѣта. Къ числу такихъ же дѣлъ принадлежало избраніе въ почетные члены Академіи лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими дарованіями и заслугами церкви. Изъ 39 такихъ почетныхъ членовъ, избранныхъ въ 1870—1884 г., большинство составляли іерархи русской церкви, часть—бывшіе профессора Академіи. Изъ дѣятелей свѣтской науки—Соловьевъ, Срезневскій, гр. Уваровъ. Еще важнѣе для Академіи было замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ. Хотя уставъ 1869 г. открылъ нѣсколько новыхъ каѳедръ и раздѣлилъ нѣкоторыя старыя, наличность бывшихъ преподавателей и достойныхъ кандидатовъ изъ окончившихъ въ 1870 и 1872 г. не только позволила Совѣту не затрудняться этимъ вопросомъ, но даже прибѣгать къ конкурсамъ, чтобы изъ достойныхъ избрать достойнѣйшаго. Только каѳедра славянскихъ нарѣчій долго не могла получить постояннаго преподавателя: съ 1873 по 1880 г. ее временно занимали университетскіе преподаватели М. П. Петровскій, И. А. Снегиревъ и И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Кандидаты, желавшіе занять каѳедру, читали двѣ пробныя лекціи—одну по собственному избранію, другую по назначенію отдѣленія. Отъ кандидатовъ Академіи, занимавшихъ преподавательскія должности въ званіи приватъ-доцентовъ, требовалось еще защищеніе диссертаціи pro venia legendi. Наконецъ, занимающіе каѳедру по конкурсу должны были представить еще подробную программу предмета. Конкурировавшій въ 1873 г. на каѳедру древней церковной исторіи кіевскій магистръ С. А. Терновскій пробныя лекціи прочелъ по просьбѣ Совѣта казанской Академіи въ Кіевѣ и сужденіе объ ихъ удовлетворительности было произведено Совѣтомъ кіевской Академіи. Совѣтомъ же производилось избраніе должностныхъ лицъ Академіи, начиная съ инспектора и кончая экономомъ, представленіе къ чинамъ лицъ, служащихъ въ Академіи, промоція по службѣ наставниковъ Академіи, оставленіе на слѣдующее пятилѣтіе профессоровъ, прослужившихъ 25 и 30 лѣтъ, удостоеніе лучшихъ студенческихъ сочиненій денежныхъ премій, возбужденіе ходатайствъ о заграничныхъ командировкахъ (въ 1874 г. командированы на годъ въ Германію доцентъ Милославскій для изученія философіи и постановки ея въ Университетахъ; въ 1879 г. кандидатъ Царевскій на два года въ русскіе Университеты для изученія славянскихъ нарѣчій и палеографіи; въ 1881 г. проф. Красносельцевъ за границу).

Въ Совѣтъ, какъ главное административное учрежденіе въ Академіи, входили съ своими донесеніями всѣ представители академической администраціи: ректоръ съ различнаго рода представленіями, касающимися академическаго благоустройства, съ ежемѣсячными донесеніями о числѣ пропущенныхъ наставниками лекцій; инспекторъ съ донесеніями (ежемѣсячными) о поведеніи студентовъ, о не возвратившихся во время изъ отпуска; Правленіе Академіи съ ежемѣсячными донесеніями о наличныхъ суммахъ и съ представленіемъ на разсмотрѣніе смѣты расходовъ на слѣдующій годъ; отдѣленія Академіи съ донесеніями о подвѣдомыхъ имъ дѣлахъ по учебной части; комитетъ казанской дух. цензуры съ вѣдомостями о разрѣшенныхъ имъ къ печати книгахъ; коммиссія по изданію „Миссіонерскаго Сборника“ съ донесеніями о ходѣ своихъ работъ и съ отчетами; редакція академическаго журнала съ донесеніями о происшедшихъ въ ея составѣ перемѣнахъ и съ ходатайствомъ о назначеніи цензоровъ для статей, помѣщаемыхъ въ журналахъ, и пр. и пр. Въ уставѣ 1869 г. точно обозначено, какія изъ дѣлъ, подлежащихъ компетенціи Совѣта, рѣшаются въ обыкновенномъ собраніи его и какія въ общемъ, какія затѣмъ рѣшаются самимъ Совѣтомъ, какія утверждаются епархіальнымъ преосвященнымъ и какія чрезъ послѣдняго восходятъ въ Св. Синодъ.

Многіе вопросы прежде окончательнаго рѣшенія въ Совѣтѣ сдавались имъ для предварительнаго изученія въ коммиссіи.

Коммиссій административнаго характера было довольно много,—особенно на первыхъ порахъ послѣ введенія устава 1869 г., который, заключая въ себѣ только общія положенія объ устройствѣ Академіи, предоставилъ Совѣтамъ свободу выработать самимъ частности. Съ помощію коммиссій Совѣтъ выработалъ разнаго рода правила для студентовъ и инструкціи для служащихъ. Были коммиссіи и ученаго характера: а) коммиссія по объясненію неудобопонятныхъ словъ и выраженій въ пророческихъ книгахъ Св. Писанія, работавшая въ 1876—1882 гг.; б) коммиссія по изданію описанія рукописей Соловецкой библіотеки, находящихся въ библіотекѣ казанской Дух. Академіи, открытая въ 1875 г. и издавшая въ этотъ періодъ одинъ томъ (въ 1881 г.); в) коммиссія по изданію „Миссіонерскаго противомусульманскаго Сборника", съ 1872 г., издавшая до 1884 г. 16 выпусковъ его, кромѣ нѣкоторыхъ сочиненій, не вошедшихъ въ общій счетъ; наконецъ, г) комитетъ дух. цензуры, состоявшій изъ трехъ членовъ, избиравшихся Совѣтомъ и утверждавшихся Св. Синодомъ. Основанный въ 1845 г., казанскій комитетъ съ 1870 г. сократилъ свою дѣятельность, такъ какъ изъ вѣдѣнія его была изъята ценвура „Православнаго Собесѣдника" и другихъ академическихъ изданій, переданная теперь Совѣту; бывали годы, когда чрезъ комитетъ проходило не болѣе десятка книжекъ.

Второю, низшею административною инстанціей были *отдѣленія* Академіи—богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. Въ нихъ подвергались обсужденію всѣ дѣла по учебной части, о замѣщеніи каѳедръ, объ ученыхъ степеняхъ, разсмотрѣніе программъ, производство экзаменовъ и проч. Засѣданія отдѣленій для выслушанія защиты сочиненій pro venia legendi добивающимися званія привать-доцента были открытыя.

Въ составъ каждаго отдѣленія входили наставники извѣстной группы предметовъ, при чемъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ избирался на четыре года помощникъ ректора, который былъ руководителемъ отдѣленія и представителемъ его въ Совѣтѣ и Правленіи Академіи. Въ церковно-историческомъ отдѣленіи помощникомъ ректора почти во все время дѣйствія устава 1869 г. (именно съ 1873 г.) былъ проф. П. В. Знаменскій, въ церковно-практическомъ—И. Я. Порфирьевъ (1870—1882 года)—и съ ихъ именами связаны судьба и слава этихъ отдѣленій. Что касается богословскаго отдѣленія, то за отсутствіемъ тамъ ординарнаго профессора, исправленіе должности помощника ректора Синодомъ поручено было самому ректору; только въ 1879 г. оно перешло къ ордин. проф. Н. Я. Бѣляеву.

Правленіе Академіи по уставу 1869 г. вѣдало исключительно дѣла по хозяйственной части. Въ составъ Правленія входили ректоръ, инспекторъ, помощники ректора по учебной части и почетный блюститель по хозяйственной части. Засѣданій Правленія въ годъ бывало до 50 и даже до 68.

Уставъ 1869 г., вводя коллегіальное начало въ управленіе Академіями, оставилъ въ то же время извѣстную долю власти и за *ректорами*. Архим. *Никаноръ* счастливо сочеталъ въ своемъ лицѣ оба эти начала. „Благодаря его административному такту, профессорская корпорація скоро освоилась съ дарованными ей правами и привиллегіями. Но не пошатнулся и авторитетъ ректора, какъ начальника Академіи, и власть его не перестала быть властію". Академія помнила его заслуги и, когда онъ въ 1871 г. былъ назначенъ въ епископы аксайскіе, избрала его въ свои почетные члены.

Вторымъ ректоромъ казанской Академіи при дѣйствіи устава 1869 г. былъ ея питомецъ, первый магистръ перваго ея выпуска (1846 г.), прот. *Александръ Поликарповичъ Владимірскій* (см. „Энц." III, 630—631). Сначала преподаватель Академіи, потомъ (съ 30 сент. 1850 г.) профессоръ богословія въ Университетѣ, исполнявшій нѣсколько лѣтъ обязанности декана сначала I отдѣленія философскаго факультета, потомъ историко-филологическаго, о. А. П. Владимірскій вступилъ въ должность ректора Академіи съ достаточнымъ житейскимъ и педагогическимъ опытомъ и со способностію вести дѣла коллегіально. Къ этому присоединялся мягкій и сердечный характеръ его, исключавшій всякія рѣзкія отношенія между нимъ и подчинен-

ными, окрестившими его именемъ „папеньки" (обычнѣе у студентовъ—„папашки"). Но, съ другой стороны, много превосходя большинство корпораціи лѣтами и очень консервативный по убѣжденіямъ, этотъ ректоръ иногда слишкомъ усердно оберегалъ даже профессоровъ отъ вліянія новыхъ идей, почему задерживалъ у себя подчасъ книжки журналовъ съ самымъ невиннымъ содержаніемъ... Слишкомъ осторожный, онъ всегда боялся, „какъ бы чего не вышло", и не только самъ не проявлялъ иниціативы въ развитіи учебно-воспитательнаго дѣла, но и другихъ стѣснялъ и часто отказывалъ въ ходатайствахъ по дѣламъ законнымъ и уставомъ предусмотрѣннымъ. Не мало онъ затруднялъ и авторовъ, печатавшихся въ „Собесѣдникѣ" и вообще подъ академической фирмой.

Кромѣ ректоровъ начальственное значеніе въ Академіи имѣли инспектора, выбиравшіеся корпораціею изъ профессоровъ на четыре года и дѣйствовавшіе по инструкціи, данной имъ Совѣтомъ. Въ казанской Академіи въ данное время инспекторами были профессора: И. П. Гвоздевъ (избранный баллотировкой еще до введенія устава 1869 г.)—до 1872 г., И. С. Бердниковъ (1872—1876 г.), Н. И. Ивановскій (1876—1880 г.) и В. В. Миротворцевъ (1880—1884 г.). При избраніи инспекторовъ Совѣтъ казанской Академіи проводилъ тенденцію—„дать возможность всѣмъ профессорамъ, имѣющимъ право и готовность занимать должность инспектора, по очереди воспользоваться этимъ правомъ".

Б) *Учебная часть. Отдѣленія.* По § 110 устава 1869 г. Академія раздѣлялась на три отдѣленія: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. Къ предметамъ богословскаго отдѣленія были отнесены: догматическое богословіе съ историческимъ изложеніемъ догматовъ, нравственное богословіе, сравнительное, патристика, еврейскій языкъ и библейская археологія. Къ предметамъ церковно-историческаго отдѣленія—библейская исторія Ветх. и Новаго Завѣта, общая церковная исторія, исторія русской церкви, исторія и обличеніе русскаго раскола, общая гражданская исторія и русская гражданская исторія. Предметами церковно-практическаго отдѣленія стали: пастырское богословіе, гомилетика и исторія проповѣдничества въ церкви православной и на Западѣ, церковная археологія и литургика, церковное право, теорія словесности и исторія русской литературы съ обзоромъ важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ, русскій языкъ и славянскія нарѣчія. Кромѣ означенныхъ спеціальныхъ предметовъ были общеобязательные—для студентовъ всѣхъ отдѣленій: Свящ. Писаніе, основное богословіе, философія (логика, психологія, метафизика), исторія философіи, педагогика, одинъ изъ древнихъ языковъ (греческій или латинскій) и его словесность, одинъ изъ новыхъ языковъ (французскій, нѣмецкій или англійскій). Преподаватели первыхъ пяти общеобязательныхъ предметовъ причислялись къ богословскому отдѣленію, преподаватели языковъ—къ церковно-практическому.

Сорганизовавъ такимъ образомъ академическое преподаваніе, уставъ 1869 г. совершенно забылъ о той особенности, какая издавна отличала казанскую Академію,—о миссіонерскихъ отдѣленіяхъ и наукахъ. Послѣднія съ 1870 г. должны были прекратиться. Но благодаря настоянію казанскаго архіепископа Антонія и казанской Академіи, Св. Синодъ указомъ 24 іюня 1870 г. разрѣшилъ преподаваніе нѣкоторыхъ миссіонерскихъ предметовъ, хотя на условіяхъ довольно невыгодныхъ: 1) оставляя неприкосновеннымъ сдѣланное уставомъ распредѣленіе предметовъ, Синодъ (только) *допустилъ* въ казанской Академіи, при преобразованіи ея, преподаваніе противобуддійскаго и противомусульманскаго миссіонерскихъ предметовъ съ относящимися къ нимъ языками; 2) возложилъ это дѣло на двухъ наставниковъ съ предоставленіемъ имъ равныхъ правъ съ преподавателями другихъ предметовъ относительно жалованья и служебныхъ преимуществъ, но безъ причисленія ихъ къ какому-либо академическому отдѣленію; 3) предоставилъ назначить для миссіонерскихъ предметовъ особые часы сверхъ назначенныхъ уставовъ для другихъ наукъ; 4) не дѣлая слушаніе ихъ обязательнымъ для студентовъ, Синодъ 5) допустилъ къ нему вольнослушателей, не принадлежащихъ къ числу воспитанниковъ Академіи. Такая постановка миссіонерскихъ предметовъ не могла ни гарантировать опредѣленнаго числа слушателей, ни привлечь къ нимъ работниковъ. Вслѣдъ за выходомъ изъ противо-

мусульманскаго отдѣленія Ильминскаго, его оставилъ и Е. А. Маловъ, перешедшій на каѳедру еврейскаго языка и библейской археологіи. Оставилъ было Академію и практикантъ татарскаго языка свящ. В. Тимоѳеевъ, лишенный штатнаго оклада, но скоро возвратился, получивъ вознагражденіе изъ другого источника. Представителемъ противомусульманскаго отдѣленія сдѣлался доцентъ Н. П. Остроумовъ (1870—1877 г.), а послѣ него—приватъ-доцентъ М. А. Машановъ (съ 1878 г. и доселѣ); оба—казанцы и оба (особенно—первый) извѣстны въ наукѣ своими трудами по исламовѣдѣнію и полемикѣ съ мусульманствомъ. Хуже обстояло дѣло съ другимъ миссіонерскимъ предметомъ—противобуддистскимъ. Въ первые годы по введеніи новаго устава число слушателей его было не болѣе 2—3; и представитель его В. В. Миротворцевъ въ 1872 г. перешелъ на каѳедру русской исторіи. Въ виду того, что ему не нашлось замѣстителя, архіеп. Антоній предлагалъ Совѣту совсѣмъ закрыть эту миссіонерскую каѳедру. Хотя Совѣтъ, въ ожиданіи могущихъ явиться достойныхъ кандидатовъ и слушателей, не согласился съ предложеніемъ владыки, но преподаваніе миссіонерскихъ предметовъ противъ буддизма уже не возстановлялось до конца дѣйствія устава 1869 г.

Уставъ 1869 г. за время своего дѣйствія въ казанской Академіи мало выдвинулъ особенно крупныхъ ученыхъ силъ. Старѣйшіе профессора—наслѣдіе прежняго устава и даже питомцы другихъ Академій (петербургской и московской). Новые профессора или чужаки (С. А. Терновскій—кіевлянинъ) или учились при старомъ уставѣ. Таковы намѣченные ректоромъ Никаноромъ магистры выпуска 1870 г.: Ѳ. А. Кургановъ, доцентъ и (съ 1881 г.) профессоръ новой церковной исторіи, занимающій эту каѳедру и доселѣ, съ 1885 г. профессоръ церковной исторіи и въ казанскомъ Университетѣ, составившій себѣ почетное имя въ области своей спеціальности; Н. Ѳ. Красносельцевъ, доцентъ (съ 1884 г. профессоръ) по каѳедрѣ литургики и церковной археологіи, съ 1889 г. профессоръ церковной исторіи въ новороссійскомъ Университетѣ, человѣкъ тоже съ крупнымъ именемъ въ наукѣ († 1898 г.); Д. В. Гусевъ, по каѳедрѣ патристики, изслѣдователь твореній св. отцовъ, создавшій въ казанской Академіи цѣлую своеобразную школу († 1894 г.; см. „Энц.“ IV, 855—856); А. В. Вадковскій (нынѣ с.-петербургскій митрополитъ Антоній), доцентъ по каѳедрѣ гомилетики и пастырскаго богословія, прослужившій въ казанской Академіи все время дѣйствія устава 1869 г. и работавшій преимущественно въ области исторіи христіанской проповѣди (см. „Энц.“ I, 893—904); М. И. Богословскій, доцентъ по каѳедрѣ Свящ. Писанія Нов. Завѣта, занимающій ее и доселѣ (см. „Энц.“ II, 819—822); и названный выше Н. П. Остроумовъ. Таковъ же Я. А. Богородскій, окончившій Академію въ 1868 г. и занявшій въ ней въ 1871 г. каѳедру библейской исторіи, которую замѣщалъ до 1899 г. (см. „Энц.“ II, 787—789). Изъ воспитанниковъ казанской Академіи, окончившихъ ее уже при уставѣ 1869 г. и занявшихъ въ ней каѳедры, можно назвать еще П. А. Милославскаго, приватъ-доцента по каѳедрѣ метафизики (1872—1884 г.); В. В. Зефирова—по новой гражданской исторіи (1872—1887 г.); Д. Н. Бѣликова, доцента общей гражданской исторіи древней (съ 1878 г.), съ 1889 г. профессора богословія въ томскомъ Университетѣ, съ 1907 г.—педагогическихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ и нынѣ—предсѣдателя Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ (см. „Энц.“ II, 1237); П. А. Юнгерова, съ 1879 г. и доселѣ занимающаго каѳедру Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта; А. А. Царевскаго, съ 1880 г. доцента по каѳедрѣ русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, занимающаго ее и доселѣ; Н. П. Виноградова, съ 1881 г. приватъ-доцента по каѳедрѣ латинскаго языка и его словесности (см. „Энц.“ III, 506—508); А. А. Дмитріевскаго, оставленнаго въ 1882 г. приватъ-доцентомъ при каѳедрѣ литургики, съ 1884 г. занимающаго каѳедру литургики и археологіи въ кіевской Академіи (см. „Энц.“ IV, 1105—1108); А. И. Алмазова, извѣстнаго литургиста, занимающаго каѳедру церковнаго права въ новороссійскомъ Университетѣ (см. „Энц.“ I, 551—552).

Въ изслѣдуемый періодъ исторіи казанской Академіи замѣтно вообще стремленіе пополнять учебный составъ собственными питомцами. Исключеніемъ являются С. А.

Терновскій, кіевскій профессоръ, также † А. А. Олесницкій, назначенный Св. Синодомъ, согласно его желанію, на каѳедру Свящ. Писанія Ветх. Завѣта, но отказавшійся ѣхать въ Казань (1879 г.), преподаватели русскаго языка съ славянскими нарѣчіями, лекторы новыхъ языковъ, каковыми являются лекторы свѣтскихъ учебныхъ заведеній (впрочемъ, англійскій языкъ съ 1877 г. временно преподавалъ почти до конца періода Милославскій, потомъ Волковъ), и, наконецъ, временный приватъ-доцентъ при каѳедрѣ латинскаго языка, приватъ-доцентъ Университета и инспекторъ 1-й гимназіи Гвоздевъ (1879—1884 г.; за это время вообще замѣтно въ казанской Академіи усиленное преподаваніе классическихъ языковъ чрезъ приглашеніе приватъ-доцентовъ).

Въ казанской Академіи наставники согласно требованіямъ устава и желанію мѣстныхъ преосвященныхъ стремились изложить въ теченіе учебнаго курса всю систему, а не ограничивались только разработкой однихъ частныхъ вопросовъ или частныхъ отдѣловъ науки, что имѣло мѣсто только на IV курсѣ. Но послѣ ревизіи Академіи, произведенной въ 1874 г. архіеп. Макаріемъ (Булгаковымъ), Синодъ разрѣшилъ избирать для подробнѣйшаго изученія менѣе разработанные отдѣлы, а остальные излагать съ меньшею подробностью, указывая въ то же время готовыя руководства, по которымъ студенты могли бы приготовляться къ испытаніямъ. Въ связи съ этою же ревизіей казанская Академія въ въ 1875 г. получила отъ Синода разъясненіе, что хотя уставъ 1869 г. внушаетъ преподавать догматическое богословіе съ историческимъ изложеніемъ догматовъ, но нельзя допускать, чтобы послѣднему было удѣляемо все время въ подрывъ систематическому построенію догмат. богословія, какъ это было усмотрѣно въ казанской Академіи. Еще раньше, въ 1874 г., Синодомъ были присланы общія положенія относительно постановки практическихъ занятій на IV курсѣ, надъ выработкою которыхъ работала ранѣе коммиссія Совѣта казанской Академіи съ участіемъ трехъ преподавателей Семинаріи. Но принятый Совѣтомъ проектъ послѣдней—допущенія студентовъ Академіи къ слушанію уроковъ и преподаванію въ Семинаріи, въ качествѣ упражненій, не былъ одобренъ архіеп. Антоніемъ, почему практическія занятія въ казанской Академіи ограничивались произнесеніемъ практическихъ уроковъ по предметамъ семинарскаго курса въ академической аудиторіи. Архіеп. Антоній былъ противъ новаго устава почти во всѣхъ его пунктахъ. Онъ былъ, напр., противникомъ раздѣленія студентовъ не только на группы въ IV курсѣ, но и самаго раздѣленія на отдѣленія.

IV курсъ, по уставу 1869 г., предназначался, во-1-хъ, для приготовленія къ сдачѣ экзамена на степень магистра по извѣстной группѣ наукъ и, во-2-хъ, для практическаго приготовленія къ занятію преподавательской должности въ Духовныхъ Семинаріяхъ, почему и назывался практически-спеціальнымъ курсомъ. Группъ на немъ въ казанской Академіи, какъ и въ петербургской, сначала было семь, потомъ, съ 1874 г., восемь. Но на первыхъ порахъ студенты IV курса, кромѣ спеціальныхъ предметовъ, дослушивали нѣкоторыя науки общаго курса и прошли полный курсъ педагогики, не читанной имъ до того. Что касается практическихъ занятій, то въ казанской Академіи замѣтна тенденція осложнить ихъ письменными работами: собираніемъ матеріаловъ для магистерской диссертаціи, составленіемъ одной проповѣди и письменною разработкой намѣченныхъ преподавателями отдѣловъ своихъ спеціальностей. Съ 1880 г., въ виду послѣдовавшаго въ это время назначенія академистовъ на учительскія мѣста и въ дух. училища (кромѣ Семинарій), студенты IV курса стали знакомиться съ программами и планами преподаванія въ нихъ, съ одобренными Св. Синодомъ учебниками и пособіями для училищъ, съ детальными постановленіями касательно учебно-воспитательной части въ нихъ и съ методами преподаванія.

Въ виду того, что къ 15 іюня Совѣтъ Академіи долженъ былъ доставлять въ Учебный Комитетъ отмѣтки по окончательному испытанію студентовъ IV курса съ свѣдѣніями, по какимъ предметамъ каждый изъ нихъ выдержалъ пробные уроки и на какую учительскую каѳедру признается болѣе способнымъ,—экзамены ихъ производились въ концѣ апрѣля и заканчивались къ срединѣ мая,—ранѣе, чѣмъ прочихъ студентовъ.

Особенностію устава 1869 г. было и то, что прохожденіе академической программы разбито было на четыре годичные курса, съ ежегодными пріемами и выпусками студентовъ. Въ виду этого должно было увеличиться у каждаго профессора число недѣльныхъ лекцій: вмѣсто обычныхъ (предъ 1870 г.) двухъ ихъ стало (съ 1873 г.) отъ 3 до 6.

В) *Экономическая часть.* Уставъ 1869 г. оказался особенно благотворнымъ для казанской Академіи въ хозяйственномъ отношеніи, спасши ее отъ постоянныхъ дефицитовъ и обезпечивши содержаніе учащаго и служащаго персонала, а также студентовъ.

По штатамъ 1869 г. казанская Академія получила на содержаніе дома съ прислугой 7.000 р., на больницу 900 р., на церковь 100 р., на мелочные расходы 350 р., на канцелярскіе расходы и на писцовъ 850 р., на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертацій 3.000 р., на библіотеку и періодическія изданія 1.600 р. Если такимъ назначеніемъ и не вполнѣ удовлетворялись хозяйственныя и учебныя нужды Академіи,— особенно библіотечныя, то для нея открывалась теперь болѣе легкая, чѣмъ прежде, возможность испрашивать увеличеніе той или другой суммы и получать часто крупныя ассигнованія на ремонтъ зданій и внутреннее устройство его. Такъ, Св. Синодомъ было ассигновано 66.842 руб. на приспособленіе зданій въ связи съ введеніемъ самаго устава (1870 г.), въ 1871 г. отпущено 3 тыс. руб. на оборудованіе академической церкви, въ 1875 г. вновь отпущено на дополнительный ремонтъ 6.811 р., въ 1882 г.—1.559 р. Кромѣ того, въ 1881 и 1882 гг. отпущено 4.559 р. на обзаведеніе мебелью и другими хозяйственными принадлежностями. На первыхъ порахъ производились иногда крупныя работы на остатки отъ разныхъ статей академической экономіи, напр., въ 1872 г. на 4.843 р. такихъ остатковъ произведены ремонтъ и устроенъ водопроводъ отъ академическаго колодца къ корпусу и флигелямъ, а на 11.046 р.—устройство дубовой мебели. Но скоро начались ходатайства академическаго правленія объ увеличеніи штатной суммы на содержаніе дома, вызванныя расширеніемъ самаго зданія и умноженіемъ числа прислуги. И Синодъ долженъ былъ увеличивать ее—въ 1873 г. до 9 тыс., въ 1878 г. до 10 тыс. (при чемъ въ 1877 г. покрылъ дефицитъ въ 1.500 р.) и съ 1884 г. до 12 тыс. руб. Точно также была увеличена съ 1883 г. до 1.200 р. сумма, отпускавшаяся на содержаніе больницы. Въ 1876 г. особенно сталъ чувствоваться и малый размѣръ ассигнованія на библіотеку. Не разъ приходилось выходить за предѣлы смѣты или изъ ассигнованія извѣстнаго года платить за книги, выписанныя въ предыдущемъ году. Въ концѣ же 70-хъ годовъ на библіотечномъ бюджетѣ неблагопріятно отразилось, вслѣдствіе пониженія курса на наши деньги, сильное поднятіе въ цѣнѣ заграничныхъ изданій. Но повышеніе библіотечной суммы принесъ только уставъ 1884 г., а при дѣйствіи стараго казанской Академіи удалось только выхлопотать 1.190 р. на построеніе 34 новыхъ шкафовъ, да 4 тыс. руб. на изданіе „Описанія рукописей Соловецкой библіотеки“. Всего щедрѣе сдѣлано было уставомъ 1869 г. назначеніе 3 тыс. руб. на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертацій. На первыхъ порахъ остатки отъ этой статьи оказалось возможнымъ употреблять на изданіе „Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника“ (на что, впрочемъ, Синодъ въ 1876 г. отпустилъ еще 2 тыс. р. изъ суммъ на распространеніе православія между язычниками имперіи). Въ 1879 году Совѣтъ казанской Академіи хлопоталъ (и его ходатайство въ 1883 г. было уважено), чтобы право печатать на протокольныя суммы магистерскія сочиненія, принадлежащее по уставу тѣмъ, кто представитъ ихъ при окончаніи Академіи, было распространено и на тѣхъ, кто представитъ въ теченіе двухъ лѣтъ по окончаніи.

Болѣе существенно было повышеніе окладовъ содержанія преподавателей и должностныхъ лицъ. По штатамъ 1869 г. 9 ординарныхъ профессоровъ получили по 3 тыс. руб. и 9 экстраординарныхъ по 2 тыс. р., при чемъ ректору дано добавочныхъ 1500 р., инспектору—800 р. и тремъ помощникамъ ректора по 300 р., 8-ми доцентамъ назначено по 1200 р., тремъ лекторамъ по 600 р. Достаточность этихъ окладовъ свидѣтельствуется тѣмъ, что ихъ не повысилъ и уставъ 1884 г. При дѣйствіи же устава

1869 г. по этой статьѣ были даже остатки вслѣдствіе того, что не всѣ каѳедры бывали замѣщены. Размѣръ вознагражденія прочимъ служащимъ лицамъ установленъ слѣдующій:—помощнику инспектора 600 р., библіотекарю 800 р., его помощнику 500 р., секретарю 1000 р., помощнику его 500 р., эконому 800 р., врачу 500 р. Всѣ эти лица, кромѣ врача, пользовались казенной квартирой, какъ и ректоръ съ инспекторомъ, профессора же получали квартирное пособіе. Впрочемъ, съ 1880 г. были переведены на квартирное пособіе и служащіе въ Академіи, квартиры которыхъ понадобились для увеличеннаго комплекта студентовъ.

По штатамъ 1869 г. въ казанской Академіи положено 100 казеннокоштныхъ студентовъ съ платой по 170 р. Вполнѣ достаточная сначала,—сумма эта съ 1876 г. стала приводить къ дефициту, особенно послѣ неурожая въ казанской губерніи 1877 г. и значительнаго повышенія цѣнъ на всѣ жизненныя потребности. Съ 1878 г. на каждаго студента стало отпускаться по 190 р. Въ 1879 г. увеличены штаты казеннокоштныхъ студентовъ казанской Академіи на 60 чел., при чемъ это увеличеніе должно было произойти въ четыре года, начиная съ 1880 г. При дѣйствіи устава 1869 г. въ казанской Академіи училось немало своекоштныхъ студентовъ, жившихъ на частныхъ квартирахъ. На частныхъ квартирахъ позволялось жить также студентамъ, пользовавшимся частными стипендіями, а иногда и казенными, съ выдачею имъ денегъ на руки.

Г) *Студенты и ихъ жизнь. 1) Пріемъ студентовъ.* Въ казанской Академіи до 1880 г. число казенныхъ стипендій было 100, а съ этого года—160, раздѣленныхъ поровну между четырьмя курсами. Для заполненія ихъ ежегодно вызывалось изъ Семинарій извѣстное число окончившихъ воспитанниковъ, съ тѣмъ однако расчетомъ, чтобы и для волонтеровъ осталось сколько-нибудь вакансій (отъ 2 до 10). Вызывались студенты изъ Семинарій преимущественно бывшаго казанскаго округа, да еще такъ, чтобы попало въ Академію возможно большее число изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ—Сибири, Кавказа, астраханской губерніи, куда вообще неохотно шли въ учителя. Но въ данный періодъ начались уклоненія отъ поступленія въ Академію, а кромѣ того, иногда семинарскія начальства не могли никого и послать изъ окончившихъ. Объясняется это разрѣшеніемъ поступать въ Университеты прошедшимъ четыре класса Семинарій и уходомъ туда большинства лучшихъ воспитанниковъ. Но за-то въ казанскую Академію стало являться много волонтеровъ изъ окончившихъ ранѣе курсъ Семинарій, даже священниковъ; съ 1880 г. ихъ бывало иногда болѣе, чѣмъ вызванныхъ. Прибывшіе въ Академію подвергались медицинскому освидѣтельствованію, которое на первыхъ порахъ отличалось большою тщательностію (на основаніи его въ 1875 г. не было допущено четыре человѣка), и экзаменамъ. Предметами устныхъ испытаній были: догматическое богословіе, библейская и церковная исторія, классическіе языки (въ 1871 и 1883 г. оба, въ остальные годы — одинъ) и одинъ новый (съ 1872 г.). Изъ двухъ экзаменскихъ сочиненій одно писалось на богословскую тему, другое на философскую. Для пріема требовался баллъ не ниже трехъ, особенно по сочиненіямъ, на которыя казанская Академія обращала „особенное вниманіе, какъ на одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ въ оцѣнкѣ зрѣлости сужденій и знанія отечественнаго языка". Но были случаи пріема съ баллами и ниже 3, что въ 1876 г. разрѣшено было и Синодомъ подъ тѣмъ условіемъ, если двойка покрывается удовлетворительными отмѣтками изъ другихъ, но однородныхъ предметовъ. Въ виду того, что и при такомъ снисхожденіи иногда даже казенные воспитанники не выдерживали испытанія и попадали на свое содержаніе (такихъ въ этотъ періодъ было 6) или даже совсѣмъ не принимались (не принято 14),—въ 1881 г. Синодъ особымъ указомъ установилъ правила пріемныхъ испытаній, еще болѣе облегчавшія семинаристамъ доступъ въ Академію, и въ томъ же году распорядился принимать во вниманіе и семинарскіе аттестаты ихъ. Совѣтъ Академіи сталъ составлять порядковый списокъ новопоступающихъ, присоединяя къ среднему баллу экзаменскому средній баллъ аттестата. Кромѣ семинаристовъ (перворазрядныхъ), въ Казанскую Академію въ этотъ періодъ было принято два гимназиста, сдававшіе экзаменъ по катихизису

(вмѣсто богословія) и писавшіе сочиненіе по словесности (вмѣсто философіи). Лучшіе изъ выдержавшихъ (а въ первые годы и всѣ) принимались на казенное содержаніе (за исключеніемъ съ 1876 г. женатыхъ), прочіе на своекоштное, иные съ разрѣшеніемъ жить на частныхъ квартирахъ. Были случаи и добровольнаго перехода съ казенныхъ стипендій на свое содержаніе и еще болѣе — перечисленій своекоштныхъ въ казенные. Съ конца періода въ казанской Академіи появились и частныя стипендіи: въ 1881 г. три стипендіи имени бывшаго профессора Н. П. Соколова на завѣщанный имъ капиталъ въ 10 тыс. р., въ 1882 г. двѣ стипендіи имени прот. І. В. Рождественскаго на завѣщанные имъ 7.600 р., въ 1884 г. одна стипендія имени нижегородскаго епископа Хрисанѳа на завѣщанныя имъ 4 тыс. р. Конецъ періода ознаменовался учрежденіемъ „Общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ Академіи" (1883 г.).

2) Учебныя занятія. По принятіи въ Академію студенты избирали одно изъ трехъ отдѣленій и записывались на одинъ изъ древнихъ и новыхъ языковъ. Изъ отдѣленій въ общемъ всего менѣе записывалось на богословское (за все время—156 ч.), всего болѣе на церковно-практическое (177 чел.); на церковно-историческомъ было 166 чел. Но бывали курсы, изъ которыхъ на всѣ отдѣленія записывались поровну, и такіе, гдѣ богослововъ было вдвое болѣе, чѣмъ студентовъ церковно-практическаго отдѣленія. Что касается древнихъ языковъ, то до 1878 г., когда оба они стали обязательны для студентовъ, сначала предпочтеніе отдавалось латинскому, а въ 1876—1877 гг.—греческому. Изъ новыхъ языковъ наибольшею популярностію пользовался нѣмецкій (326 чел.), потомъ французскій (142 чел.) и наименьшею—англійскій (34 чел.). Три студента пытались изучить два новыхъ языка, но это оказалось практически неосуществимымъ. Наконецъ, три студента изучали миссіонерскія науки противъ буддизма и 44 — противъ мухаммеданства. Понятно, что бывали случаи и перехода съ однихъ отдѣленій и языковъ на другіе, что разрѣшалось въ первое полугодіе безъ условій, во второе — подъ условіемъ выдержанія экзаменовъ изъ тѣхъ предметовъ, на которые студенты переходили.

Занятія студентовъ первыхъ трехъ курсовъ состояли: а) Въ слушаніи, записываніи и,—на основаніи этихъ записей,—въ составленіи и усвоеніи читаемыхъ имъ лекцій. Число лекцій въ недѣлю сначала было отъ 19 до 25 (всего болѣе на церковно-историческомъ отдѣленіи), а съ 1878 г., когда введено обязательное изученіе обоихъ древнихъ языковъ,—отъ 22 до 30. б) Въ составленіи семестровыхъ и курсовыхъ сочиненій. Въ первые два года писалось по три сочиненія, изъ которыхъ на первомъ курсѣ одно по спеціальнымъ и два по общимъ предметамъ, а на второмъ — наоборотъ. Кромѣ семестровыхъ работъ студенты церковно-практическаго отдѣленія, по уставу, писали по одной проповѣди въ годъ. Въ 1872 г. Совѣтъ, согласно предложенія архіеп. Антонія, предложилъ писать проповѣди и студентамъ прочихъ отдѣленій—съ тѣмъ чтобы лучшія студенческія проповѣди произносились съ церковной каѳедры. Но до 1877 г. студенты богословскаго и церковно-историческаго отдѣленій рѣдко подавали проповѣди. Писаніе ихъ сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ студентовъ I, II и IV курсовъ съ 187⁶/₇ уч. года, и отъ этой работы не освобождала студента и болѣзнь.

Студенты III курса писали и къ 1 апрѣля подавали сочиненія на степень кандидата. На первыхъ порахъ темы для курсовыхъ работъ давались одинаково и изъ богословскихъ и изъ свѣтскихъ предметовъ, равно какъ и имѣвшія отношенія къ современной дѣйствительности. Но въ 1875 г. Св. Синодъ запретилъ послѣднія и указалъ, чтобы темы „не относились къ чисто свѣтскимъ наукамъ". Съ 1875 г. всѣ темы кандидатскихъ сочиненій имѣли строго богословскій характеръ. Изъ общеобязательныхъ предметовъ особенно много сочиненій написано по Свящ. Писанію (29). Изъ предметовъ богословскаго отдѣленія — по библейской археологіи (19) и по патрологіи (16). Изъ предметовъ церковно-историческаго отдѣленія—по русской церковной исторіи (42), по общей церковной исторіи (35) и по исторіи и обличенію русскаго раскола (24). На церковно-практическомъ отдѣленіи наиболѣе темъ дали гомилетика

и исторія проповѣдничества (35), каноническое право (33), литургика и церковная археологія (25) и исторія русской литературы (21). Кромѣ того, 23 сочиненія написано на темы имѣющія миссіонерскій характеръ. Огромное большинство сочиненій составлено на основаніи печатной литературы, но для 32 пособіями служили и рукописи Соловецкой библіотеки. О характерѣ отношенія студентовъ къ курсовымъ работамъ можетъ свидѣтельствовать еще то, что при 360 перешедшихъ на IV-й курсъ кандидатами только 19 выбыли по окончаніи III курса дѣйствительными студентами и что 8 кандидатскихъ работъ удостоено Іосифовской преміи. в) Въ репетиціяхъ и экзаменахъ. Первыя происходили въ теченіе года, вторые въ самомъ концѣ (въ маѣ—первыхъ числахъ іюня). Происходили послѣдніе въ присутствіи помощника ректора, преподавателя и депутата, назначеннаго Совѣтомъ.

Занятія студентовъ IV курса состояли а) въ приготовленіи къ сдачѣ экзамена на степень магистра по извѣстной группѣ наукъ и б) въ практическомъ приготовленіи къ преподавательству въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Группъ до 1874 г. было 7, потомъ 8 и каждая состояла изъ 2—4 предметовъ. Болѣе всего записывалось кандидатовъ на исторію и словесность (на двухъ группахъ исторіи — гражданской и церковной—было 75 ч., на словесности 52), всего менѣе на богословскіе предметы (18). Ежегодно въ каждой группѣ занималось отъ одного до пяти, рѣдко болѣе, человѣкъ. Занятія эти „состояли въ ознакомленіи съ лучшими древними и новыми источниками, учебниками и учебными пособіями, относящимися къ предметамъ группы, въ разборѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненій и руководствъ по наукѣ, въ ознакомленіи съ программами, составленными учебнымъ комитетомъ при Свят. Синодѣ для Дух. Семинарій, при чемъ преподавателями преимущественно были предлагаемы объясненія и разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, поставленныхъ въ программахъ, объясненіе и разрѣшеніе которыхъ при преподаваніи науки самими студентами въ Семинаріяхъ, по выходѣ изъ Академіи, могло бы затруднить, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кромѣ того студенты занимались составленіемъ уроковъ примѣнительно къ требованіямъ семинарскаго преподаванія, которые и произносились въ присутствіи преподавателя“ (Отчетъ за 187^5/$_6$ уч. годъ). Впослѣдствіи къ этому присоединились требованія писать одну проповѣдь въ годъ (1877 г.), собирать матеріалы для магистерскаго сочиненія (1878 г.), знакомиться съ программами и учебниками дух. училищъ (1880 г.). Испытанія студентовъ IV курса производились особыми коммиссіями профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи и очень часто архіепископа. Обнимали они всю группу избранныхъ каждымъ студентомъ предметовъ, а вопросы предлагались не только изъ системы науки, но и изъ библіографіи ея. Устными отвѣтами—на 5—и опредѣлялась удовлетворительность или неудовлетворительность сдачи экзаменовъ, независимо отъ письменныхъ работъ и занятій по ознакомленію съ учебниками и программами семинарскаго и училищнаго курса. Выдержавшихъ магистерское испытаніе было 243 студента, не выдержавшихъ 61. Но всѣ они получили степень кандидата богословія съ правомъ преподаванія въ Семинаріяхъ и училищахъ. Разница была та, что первые могли получить степень магистра путемъ подачи сочиненія и защиты его, безъ новаго устнаго испытанія. Но этимъ правомъ воспользовалась только пятая часть: 27 до 1884 г. и 14—послѣ (до 1892 г.).

3) О нравственной сторонѣ жизни казанскихъ студентовъ за второй періодъ можно сказать немного. Главные умственные интересы ихъ относились къ области исторіи и словесности, но и другія спеціальности имѣли своихъ сторонниковъ. Тѣмъ не менѣе излишняя дробность спеціальностей отозвалась неблагопріятно на умственномъ развитіи студентовъ, съузивъ горизонтъ мыслей и кругъ интересовъ, ослабивъ философское развитіе и крѣпость діалектики, которою прежде были сильны студенты. Это, разумѣется, дѣлало студентовъ менѣе устойчивыми въ столкновеніяхъ съ мнѣніями и ученіями противоправославными и противохристіанскими, съ которыми они не могли не знакомиться. Интересно, что казанская Академія этого именно періода дала одного кандидата, который, будучи священникомъ, перешелъ въ расколъ (Люцерновъ).

Поведеніе студентовъ регулировалось особою инструкціей, составленной въ 1870 и въ 1873 г. дополненной, и указомъ Св. Синода 1871 г., воспрещающимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ литературно-музыкальныя собранія. Студенты, если справедливы донесенія инспекторовъ въ Совѣтъ, за все время дѣйствія устава 1869 г. только четыре раза допустили крупныя нарушенія правилъ...

Періодъ III (1884—1907). 15 августа 1884 г. въ казанской Академіи введенъ былъ новый академическій уставъ, выработанный особою коммиссіей, въ составъ которой входилъ въ качествѣ представителя казанской Академіи проф. И. С. Бердниковъ, и Высочайше утвержденный 20 апр. того года. Вызванъ онъ былъ къ жизни не столько недостатками стараго [1]), сколько новыми вѣяніями въ высшихъ духовныхъ сферахъ,—вѣяніями, характеръ которыхъ опредѣлялся личностію новаго оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева. Ближайшій сотрудникъ импер. Александра III, онъ былъ противъ тѣхъ широкихъ правъ, какими пользовались корпораціи духовно-учебныхъ заведеній, и позаботился о сокращеніи ихъ и о возвышеніи административной власти ректоровъ ихъ и мѣстныхъ преосвященныхъ. Былъ онъ также недоволенъ тою неполнотой богословскаго образованія, какою сопровождалось существованіе въ Академіяхъ историческаго и практическаго отдѣленій наряду съ богословскимъ;—отсюда общеобязательность для студентовъ богословскихъ наукъ по новому уставу. Забота же о миссіонерскихъ нуждахъ русской церкви возвратила казанской Академіи ея прежнее значеніе чрезъ возстановленіе миссіонерскихъ—татарскаго и монгольскаго—отдѣленій. Матеріальную обезпеченность Академій, созданную уставомъ 1869 г., новый уставъ оставилъ въ прежнемъ видѣ, но въ дальнѣйшемъ послѣдовало значительное улучшеніе чрезъ сравненіе профессоровъ Академіи въ отношеніи пенсій съ университетскими. Въ теченіе послѣдняго періода послѣдовали, впрочемъ, измѣненія и въ первыхъ двухъ отношеніяхъ—административномъ и учебномъ.

А) *Административная часть.* Высшимъ органомъ управленія академіями уставъ 1884 г. поставилъ Совѣтъ, состоящій изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ,—слѣдовательно, аналогичный по составу съ прежнимъ „Общимъ собраніемъ Совѣта". Разница по сравненію съ послѣднимъ та, что изъ сферы его компетенціи изъяты многіе предметы,—не только всѣ дѣла хозяйственныя, но и нѣкоторыя учебно-воспитательныя и административныя. Компетенція Совѣта урѣзана была и съ другой стороны,—предоставленіемъ епархіальному преосвященному правъ: а) начальственнаго наблюденія какъ за исполненіемъ устава, такъ и за направленіемъ преподаванія и воспитанія, б) представленія Академіи предложеній не только для обсужденія, но и для исполненія, и в) разсмотрѣнія и утвержденія академическихъ постановленій по вопросамъ, которые прежде окончательно рѣшались Совѣтомъ и Правленіемъ Академіи, именно—о зачисленіи въ студенты Академіи, увольненіи ихъ изъ Академіи по прошеніямъ, о допущеніи постороннихъ лицъ къ слушанію академическихъ лекцій и присвоеніи званія дѣйствительнаго студента. До самаго послѣдняго времени казанскіе преосвященные твердо осуществляли свои права по отношенію къ Академіи, предоставляемыя имъ уставомъ 1884 г., равно какъ и Синодъ блюлъ свои прерогативы. Если же отъ самаго устава происходили отступленія, то только по ходатайствамъ Академіи, съ разрѣшенія высшаго начальства. Послѣднее рѣдко мирилось съ восхищеніемъ его правъ казанскою Академіей. Такой, напр., случай произошелъ въ 1902 г., когда корпорація Академіи исключила изъ своей среды одного профессора за напечатанный имъ противъ сослуживцевъ пасквиль подъ названіемъ „Русско-нѣмецкіе разговоры". Синодъ согласился на увольненіе его, но отмѣтилъ незаконность инціативы Совѣта. Расширеніе правъ послѣдняго произошло только 30 ноября 1905 г. въ силу синодальнаго указа, установившаго главныя основанія предстоящей реформы

[1]) Недостатки эти, состоявшіе гл. обр. въ дробности спеціализаціи, сознавались и заявлялись,—какъ іерархами русскими, такъ и Академіями. Казанская сдѣлала это дважды—при ревизіи ея архіеп. Макаріемъ въ 1874 г. и по поводу запроса о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ 1869 г.—въ 1880 году.

Дух. Академій и содержащаго какъ бы временныя правила, отнынѣ регулирующія ихъ жизнь (отношеніе этихъ временныхъ правилъ къ уставу 1884 г. опредѣлено указомъ синодальнымъ 22 февр. 1906 г.). Ими а) Академіи подчинены непосредственно Св. Синоду съ предоставленіемъ мѣстнымъ преосвященнымъ права „попечительнаго наблюденія“ надъ ними, б) Совѣтамъ предоставлено окончательное утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и самостоятельное въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, разрѣшеніе учебныхъ и воспитательныхъ вопросовъ, в) корпораціямъ дано право избирать ректора и инспектора Академій.

Эти же „временныя правила“ расширили составъ Совѣта чрезъ допущеніе въ его среду доцентовъ, которые по уставу 1884 г. (какъ и 1869 г.) могли быть только приглашаемы въ Совѣтъ съ правомъ совѣщательнаго голоса по всѣмъ вопросамъ, по которымъ признавалось нужнымъ имѣть ихъ мнѣнія или объясненія. Въ казанской Академіи въ такомъ положеніи сейчас находятся только и. д. доцента. Кромѣ же состоящихъ на дѣйствительной службѣ преподавателей въ составъ Совѣта входятъ тѣ выслужившіе пенсію профессора, которые пожелали дѣлить съ своими преемниками чтеніе лекцій.

Собранія Совѣта бываютъ трехъ родовъ: торжественныя, открытыя и обычныя. Торжественныя собранія (академическіе акты) почти всегда происходятъ въ день храмового праздника—8 ноября. На нихъ кто-либо изъ профессоровъ Академіи (большею частію недавно получившій повышеніе по службѣ) читаетъ рѣчь научнаго содержанія, а одинъ изъ членовъ Правленія отчетъ о состояніи Академіи за минувшій годъ, при чемъ публикѣ раздаются оттиски рѣчи и отчета. Актовъ не было въ 1905 и 1906 гг. Нельзя не отмѣтить, что однажды актовая рѣчь едва не имѣла роковыхъ послѣдствій для ея автора. Въ 1902 г. профессоръ Ѳ. В. Благовидовъ прочелъ рѣчь на тему: „Этюдъ изъ исторіи высшаго образованія въ Россіи за время царствованія императоровъ Александра и Николая I“—и ею оскорбились присутствовавшіе на актѣ попечитель округа и его помощникъ, а также архіепископъ и даже не присутствовавшій начальникъ жандармскаго корпуса. Въ Петербургъ послѣдовали донесенія, и автору предложено было оставить Академію, но онъ выпросилъ отсрочку, а затѣмъ дѣло и совсѣмъ замялось. Изъ обычныхъ академическихъ актовъ выдѣляется актъ 1892 г., когда съ большимъ торжествомъ, съ участіемъ депутатовъ отъ многихъ учрежденій и учебныхъ заведеній Казани и всей Россіи, былъ отпразднованъ 50-лѣтній юбилей существованія Академіи. Юбилей сначала предполагалось пріурочить къ 6 іюня—дню Высочайшаго утвержденія импер. Николаемъ I доклада Св. Синода объ открытіи Академіи. Но обострившійся къ веснѣ 1892 г. голодъ въ казанской губерніи, тифъ и слухи о приближающейся холерѣ заставили отодвинуть празднованіе къ 21 сент.—дню открытія правленія Академіи. Торжество съ молитвеннымъ поминовеніемъ усопшихъ дѣятелей академіи и посѣщеніемъ мѣстъ, гдѣ она первоначально ютилась, растянулось на четыре дня. Ознаменовано было между прочимъ поднесеніемъ диплома на званіе почетнаго члена петербургской Академіи ректору прот. А. П. Владимірскому и дипломовъ на званіе почетнаго члена казанскаго Университета и доктора русской исторіи отъ московскаго Университета—историку казанской Академіи проф. П. В. Знаменскому. Затѣмъ нужно отмѣтить особенно торжественное собраніе Совѣта 6 апр. 1885 г. въ день памяти славянскихъ первоучителей, свв. Кирилла и Меѳодія, собраніе 22 сент. 1896 г. по случаю столѣтія со дня рожденія имп. Николая I, празднованіе 50 лѣтняго юбилея ученой и учебной дѣятельности бывшаго ректора Академіи прот. А. П. Владимірскаго (10 окт. 1896 г.), прощаніе съ оставившимъ академію профессоромъ П. В. Знаменскимъ (26 окт. 1897 г.).

Открытыя собранія (коллоквіумы) для защиты магистерскихъ сочиненій по уставу de jure доступны только для „лицъ, извѣстныхъ Совѣту и компетентныхъ въ дѣлѣ богословской науки“, которымъ и посылаются повѣстки. Такой порядокъ строго соблюдался въ началѣ періода, соблюдается и теперь. Но одно время о нихъ печаталось въ газетахъ и допускалась широкая публика, даже дамы. А однажды дама выступила даже въ качествѣ неоффиціальнаго оппонента. Это была О. С. Лебедева, извѣстная

оріенталистка, возражавшая лектору французскаго языка, арабу П. К. Жузе, автору книги „Мутазилиты“ (6 мая 1899 г.) Въ разные годы число коллоквіумовъ было различное, отъ одного (1889 г.) до 8 (1899 г.). Наибольшее число ихъ падаетъ на 1897—1901 годы, на время управленія Академіей еп. Антонія (Храповицкаго). Изъ нихъ замѣчательны коллоквіумы 20 сент. 1887 г. и и 14 янв. 1903 г. На первомъ и. д. доцента московской Академіи І. А. Татарскій защищалъ сочиненіе „Симеонъ Полоцкій“. Предъ тѣмъ онъ защищалъ его въ московской Академіи, но ректоръ ея еп. Христофоръ (Смирновъ) подалъ особое мнѣніе о неудовлетворительности защиты и о неумѣніи автора держать себя во время ея, почему Синодъ и направилъ магистранта въ Казань для вторичнаго коллоквіума. То же неумѣніе держать себя повредило на коллоквіумѣ 14 янв. 1903 г. кандидату петербургской академіи свящ. Н. Климову, преподававшему богословіе въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ въ С.-Петербургѣ, защищавшему сочиненіе „Постановленія по дѣламъ прав. церкви и духовенства въ царствованіе Императрицы Екатерины II.“ Теперь самъ Совѣтъ казанской Академіи призналъ его защиту неудовлетворительною.

Бывали случаи непризнанія достойными магистерской степени авторовъ, и удовлетворительно защитившихъ свои диссертаціи, со стороны Св. Синода, куда—по новому уставу стали представляться онѣ съ отзывами оффиціальныхъ рецензентовъ. Такъ, въ 1899 г. отказано было въ степени и. д. доцента академіи И. В. Попову, сочиненіе котораго „Ламаизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія“ (Казань 1898) было найдено не достаточно критичнымъ по отношенію къ ламайству. Согласно указанію Синода, авторъ прибавилъ къ сочиненію еще одну главу и получилъ искомую степень за эту новую обработку подъ заглавіемъ:—„Критическій обзоръ главнѣйшихъ основоположеній ламаизма съ точки зрѣнія хр. ученія“ (Казань 1906). Въ 1903 г. вопреки даже отзыву синодальнаго рецензента, саратовскаго епископа (дотолѣ бывшаго ректоромъ петербургской Академіи) Іоанна (Кратирова), было отказано въ степени магистра Н. Мальцеву, сочиненіе котораго найдено было имѣющимъ по преимуществу литературно-критическій характеръ, а не богословскій („Психологія нравственнаго вліянія одной личности на другую“).

По этому поводу Синодъ опять издалъ указъ, не разъ имъ повторявшійся, чтобы Академіи давали темы для сочиненій богословскія. Въ частности казанская Академія руководилась синодальнымъ опредѣленіемъ 1895 г., по которому кандидаты, желавшіе превратить свои работы въ магистерскія, должны были испрашивать разрѣшенія Совѣта, утверждаемаго мѣстнымъ преосвященнымъ. За соблюденіемъ этого требованія особенно слѣдилъ въ Казани архіеп. Димитрій Ковальницкій (1902—1904 г.) Въ силу временныхъ правилъ Академіи удостоиваютъ теперь магистерской и докторской степени сами, безъ синодальной санкціи. Въ казанской Академіи первымъ такимъ магистромъ является архим. Михаилъ Богдановъ (20 мая 1906 г.), потомъ (въ 1907 г.) казанскій викарій.

Вопросъ о допущеніи къ диспуту и вообще о достоинствахъ ученыхъ трудовъ, представляющихся на степени, разрѣшается на обычныхъ собраніяхъ Совѣта, каковыхъ въ казанской Академіи въ годъ бываетъ иногда до 28 (1884 г.) Это одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, требующее особаго вниманія Совѣта какъ потому, что съ нимъ связаны судьба ищущихъ степени и ученая репутація Академіи, такъ и въ силу требованій и замѣчаній, какія много разъ выставлялъ и дѣлалъ Св. Синодъ по поводу ученыхъ работъ. За время дѣйствія новаго устава казанская Академія удостоила докторской степени, безъ защиты, слѣдующихъ лицъ: профессора Е. А. Будрина за сочиненіе „Антитринитаріи XVI вѣка“, I—II (Казань 1887), въ 1893 г.—по предложенію Синода — московскаго профессора М. Д. Муретова, о сочиненіи котораго „Ветхозавѣтный храмъ. Ч. I. Внѣшній видъ храма“ (М. 1890) тамошніе рецензенты (проф. А. П. Смирновъ и доц. А. А. Ждановъ) высказались разнорѣчиво, въ 1893 г. —Н. Ѳ. Красносельцева—степени доктора церковной исторіи за совокупность его ученыхъ трудовъ и финляндскаго архіепископа Антонія (въ мірѣ А. В. Вадковскаго, нынѣ митрополита с.-петербургскаго). Произведенный (безъ прошенія съ его стороны)

въ доктора богословія,—главн. обр. за книгу „Изъ исторіи христіанской проповѣди",—послѣдній только въ 1895 г. былъ утвержденъ Св. Синодомъ докторомъ церковной исторіи, при чемъ послѣдовалъ указъ, чтобы Совѣты Академій не возбуждали ходатайствъ о присужденіи докторства епархіальнымъ преосвященнымъ безъ ихъ почина и вѣдома. Въ 1894 г. докторомъ признанъ проф. М. И. Богословскій за сочиненіе „Дѣтство Господа нашего І. Христа" (Синодъ потребовалъ, чтобы въ новомъ изданіи это заглавіе было измѣнено), и въ 1895 г. проф. А. Ѳ. Гусевъ за труды противъ гр. Л. Н. Толстого (утвержденъ Синодомъ съ нѣкоторыми оговорками, которыя Совѣтъ постановилъ вписать въ дипломъ, ибо самъ Совѣтъ отказалъ автору въ искомой имъ докторской степени), и профессоръ каноническаго права въ новороссійскомъ Университетѣ А. И. Алмазовъ за сочиненіе „Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви" (т. I—III)—докторомъ церковнаго права. Въ 1896 г. признанъ докторомъ церковной исторіи кіевскій академическій профессоръ (изъ казанскихъ академическихъ питомцевъ) А. А. Дмитріевскій за I томъ „Описанія литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго востока", и получилъ отказъ кіевскій же профессоръ П. А. Лашкаревъ, представившій свое „Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ", которое не имѣло успѣха и въ Кіевѣ. Удостоены еще докторства въ 1897 г. проф. П. А. Юнгеровъ за „Книгу прор. Амоса", въ 1898 г. проф. В. И. Несмѣловъ за т. I „Науки о человѣкѣ", въ 1899 г. проф. В. А. Нарбековъ за „Номоканонъ Константинопольскаго патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона", кіевскій профессоръ С. Т. Голубевъ за II томъ „Митр. Петра Могилы" и признаны почетными докторами за совокупность ученыхъ трудовъ протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, профессора А. А. Царевскій и С. А. Терновскій, а въ 1900 г. получилъ эту степень профессоръ казанскаго Университета прот. А. В. Смирновъ за диссертацію „Мессіанскія ожиданія и вѣрованія іудеевъ во времена І. Христа". Въ 1901 г. большинствомъ 11 голосовъ противъ 8 открытымъ голосованіемъ,—въ виду разнорѣчивости мнѣній рецензентовъ,—признанъ докторомъ каноническаго права проф. Ѳ. В. Благовидовъ за сочиненіе „Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX ст." (Казань 1901), во 2-мъ его изданіи, послѣ того, какъ 1-ое изданіе (1899) не было признано Совѣтомъ заслуживающимъ степени доктора церковной исторіи, а равно удостоенъ докторства за совокупность трудовъ профессоръ-протоіерей Е. А. Маловъ. Въ этомъ же году послѣдовало разъясненіе Св. Синода, что только къ не состоящимъ на академической службѣ можно примѣнять § 143 устава о представленіи къ докторской степени безъ написанія представляемымъ особаго сочиненія. Въ 1902 г. удостоены степени доктора богословія профессоръ томскаго Университета прот. Д. Н. Бѣликовъ, за сочиненіе „Томскій расколъ. Историческій очеркъ съ 1834 г. по 1880 г.", въ 1903 г. проф. А. В. Поповъ за сочиненіе „Православные русскіе акаѳисты, изданные съ благословенія Св. Синода", въ 1904 г. проф. В. А. Керенскій за „Школу ричліанскаго богословія въ лютеранствѣ" и профессоръ с.-петербургской Академіи (изъ казанскихъ питомцевъ-магистровъ) И. И. Соколовъ за сочиненіе „Константинопольская церковь въ XIX ст.", въ 1905 г. архіеп. варшавскій Никаноръ (Каменскій) за сочиненіе „Экзегетико-критическое изслѣдованіе посланія св. ап. Павла къ Евреямъ".

Что касается магистерской степени, то ея за время дѣйствія устава 1884 г. казанскою Академіей удостоено 14 кандидатовъ, кончившихъ курсъ при прежнемъ уставѣ, послѣ разсмотрѣнія ихъ сочиненій, согласно прежней практикѣ, однимъ рецензентомъ и послѣ публичной защиты, и до 63 человѣкъ, кончившихъ Академію послѣ 1884 г., при чемъ ихъ диссертаціи разсматривались двумя рецензентами, разногласіе между которыми бывало иногда поводомъ къ отказу въ степени. Двумя же рецензентами разсматривались курсовыя сочиненія студентовъ. За время 1884—1907 г. кандидатской степени удостоено свыше тысячи человѣкъ. Изъ этого количества незначительная часть получила степень кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія и безъ представленія новаго сочиненія, а только по напечатаніи

и публичной защитѣ курсового сочиненія. Болѣе значительная часть удостоена кандидатства съ правомъ добиваться степени магистра лишь безъ новаго устнаго испытанія, но съ новою диссертаціей. Наконецъ, огромная масса студенчества получила просто степень кандидата (соотношеніе этихъ трехъ разрядовъ за время 1884—1892 гг. такое: 6—27—245). Былъ случай присужденія кандидатской степени Синодомъ съ предоставленіемъ казанской Академіи только выдать дипломъ. Онъ имѣлъ мѣсто въ 1892 г. Этотъ кандидатъ—завѣдывавшій Алтайскимъ миссіонерскимъ училищемъ іером. Меѳодій, дѣйствительный студентъ казанской Академіи, прошедшій три курса и вышедшій по болѣзни съ IV-го, но кандидатское сочиненіе представившій. Въ 1905 г. удостоенъ кандидатства свящ. М. Колобовъ, вольнослушатель Академіи, которому Синодомъ въ изъятіе изъ правилъ разрѣшено держать испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и подать сочиненіе на ученую степень.

Дѣйствительные студенты, которыми въ каждомъ курсѣ кончало отъ одного до пяти человѣкъ, дѣлились на три группы: а) однимъ предоставлялось право на полученіе степени кандидата по прослуженіи въ духовномъ или духовно-учебномъ вѣдомствѣ двухъ лѣтъ и по представленіи отъ мѣстнаго начальства удостовѣренія о своемъ благоповеденіи; б) другіе должны были для полученія кандидатства представить новое сочиненіе и г) третьи—выдержать испытанія по нѣкоторымъ предметамъ. Большинство дѣйствительныхъ студентовъ впослѣдствіи получило кандидатскую спепень, (иногда чрезъ 7 лѣтъ), при чемъ одинъ изъ нихъ — выдержавши дополнительныя испытанія въ московской Академіи (1894 г.). Въ 1898 г. за сочиненіе дано кандидатство свящ. Разумовскому, вышедшему по болѣзни въ 1895 г. съ III курса Академіи и чрезъ два года выдержавшему экзамены за III и IV курсы. Въ 1903 г. Совѣтъ присудилъ было кандидатскую степень дѣйствительному студенту московской Академіи выпуска 1870 г. архим. Мисаилу за сочиненіе, не требуя, по его старости, дополнительныхъ экзаменовъ, но архіеп. Димитрій опротестовалъ это рѣшеніе.

Изъ другихъ важныхъ дѣлъ, занимавшихъ Совѣтъ казанской Академіи по уставу 1884 г., нужно отмѣтить а) избраніе въ почетные члены Академіи, б) замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ, в) оставленіе профессорскихъ стипендіатовъ, г) удостоеніе премій, д) содѣйствіе наставникамъ въ ихъ ученыхъ занятіяхъ. а) Почетныхъ членовъ избрано 75, при чемъ ежегодно избиралось отъ одного до 9 чел. Большинство ихъ—іерархи русской церкви и греческой (Анѳимъ, патр. константинопольскій, Филоѳей Вріенній, митр. Никомидійскій), чиновники синодальнаго вѣдомства, ученые русскіе и греческіе (историкъ А. И. Пападопуло-Керамевсъ); представителей свѣтской русской науки немного (А. Ѳ. Бычковъ, Ѳ. И. Буслаевъ, Ѳ. И. Успенскій, В. О. Ключевскій). Обычно избраніе происходило единогласно, почти всегда по предложенію ректора и чрезъ архіепископа восходило на на утвержденіе Св. Синода. б) Вопросомъ о замѣщеніи свободныхъ каѳедръ Совѣтъ казанской Академіи долженъ былъ заняться уже при введеніи новаго устава, учредившаго новыя каѳедры и произведшаго нѣкоторыя перемѣны въ старыхъ. Часть профессоровъ при этомъ перешла на сродныя каѳедры, новая каѳедра пастырскаго богословія и педагогика замѣщена была помощникомъ инспектора Академіи магистромъ богословія, четыре привагъ-доцента—кандидаты богословія (изъ шести) оставлены при штатныхъ каѳедрахъ, при которыхъ они состояли, съ званіемъ исправляющихъ должность доцента и съ обязательствомъ въ теченіе двухъ лѣтъ получить степень магистра; на одну изъ штатныхъ каѳедръ миссіонерскихъ (противо-мусульманскую) перешелъ старый профессоръ о. Е. А. Маловъ, каѳедру котораго (библейская исторія и еврейскій языкъ) занялъ С. А. Терновскій за уничтоженіемъ одной изъ каѳедръ общей церковной исторіи. Противобуддійская каѳедра временно была поручена старому ея преподавателю Миротворцеву, и при этомъ предназначенъ къ постоянному замѣщенію ея профессорскій стипендіатъ М. С. Нефедьевъ. Въ дальнѣйшемъ каѳедры въ казанской Академіи замѣщались Совѣтомъ, съ утвержденія архіепископа, изъ бывшихъ или настоящихъ стипендіатовъ Академіи. Отступленій отъ этого обычая было немного. Такъ, въ 1885 г. на ка-

ѳедру гомилетики Совѣтъ избралъ бывшаго привать-доцента А. В. Говорова, въ 1886 г. на каѳедру введенія въ кругъ богословскихъ предметовъ—преподавателя казанской Семинаріи, магистра петербургской Академіи А. Ѳ. Гусева, обратившаго своими литературными трудами вниманіе высшаго начальства, которое и рекомендовало его казанской Академіи, въ 1891 г. на каѳедру пастырскаго богословія и педагогики магистра-свящ. А. В. Смирнова, по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій. О новѣйшей практикѣ казанской Академіи при замѣщеніи каѳедръ говоритъ слѣдующая справка. Въ 1902 г. освободилась каѳедра гомилетики. На нее было рекомендовано профессорами 7 человѣкъ (6—бывшіе стипендіаты) и кромѣ того было подано три прошеня магистрами. Избранъ стипендіатъ, оставленный при каѳедрѣ церковной исторіи Ал. Ѳ. Преображенскій. Наконецъ, въ 1906 г., избранъ на каѳедру монголовѣдѣнія только что окончившій Академію іером. Гурій, (Степановъ), не проходившій формальнаго искуса въ видѣ стипендіатства, но отправленный для приготовленія къ профессурѣ въ петербургскій Университетъ подъ видомъ ученой командировки. Нужно отмѣтить еще довольно обычное въ казанской Академіи съ 1894 г. явленіе, что выходящіе въ отставку старые профессора изъявляютъ желаніе продолжать чтеніе лекцій наряду съ своими преемниками, дѣля трудъ послѣднихъ и такимъ образомъ облегчая имъ написаніе магистерской степени, а съ другой стороны закрѣпляя въ Академіи старыя ученыя традиціи и направленія. Эти сверхштатные профессора работаютъ большею частію безплатно, пользуясь только пенсіею и правомъ голоса въ Совѣтѣ. в) Степендіатство—это нововведеніе, связанное съ уставомъ 1884 г., который далъ Совѣтамъ право оставлять при Академіи на годичный срокъ для приготовленія къ профессорству наиболѣе даровитыхъ студентовъ, окончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ, съ содержаніемъ въ размѣрѣ не свыше 700 р. въ годъ. Казанская Академія ежегодно оставляла двухъ стипендіатовъ или даже одного; только со временъ ректора Антонія (Храповицкаго) число ихъ вдругъ сильно возросло. Въ 1897 г. изъ окончившихъ студентовъ 6 человѣкъ было рекомендовано профессорами къ оставленію стипендіатами. Въ виду „исключительной талантливости курса“ рѣшено было Совѣтомъ шестерыхъ и оставить, при чемъ употребить на двухъ смѣтныя 1.400 р., одному дать 500 р., пожертвованныхъ архіеп. Іонаѳаномъ, а для трехъ просить изъ синодальныхъ средствъ 1.500 р., каковые и были даны. Въ 1898 г. оставлено было 4 стипендіата, въ 1899 г.—семь. Въ послѣднемъ случаѣ между тремя раздѣлено 1.400 р., двумъ испрошено отъ Синода по 450 р. и двумъ предложено быть стипендіатами безъ жалованья. И впослѣдствіи оставлялось болѣе двухъ стипендіатовъ, изъ которыхъ однимъ испрашивалось содержаніе отъ Синода, другіе содержались на мѣстныя средства, третьи жили на своемъ содержаніи; одинъ таковой оставленъ и въ 1907 г. Замѣчателенъ 1906 г., когда не было оставлено ни одного стипендіата. Стипендіаты по уставу оставляются на годъ. Въ 1884 г. съ особаго разрѣшенія Синода былъ оставленъ на два года М. Нефедьевъ для приготовленія къ занятію каѳедры калмыцкаго языка, общаго филологическаго обзора языковъ и нарѣчій монгольскаго отдѣла, этнографіи племенъ этого отдѣла и исторіи распространенія христіанства между ними. Въ учебное время онъ долженъ былъ заниматься въ петербургскомъ Университетѣ на факультетѣ восточныхъ языковъ, а въ лѣтніе мѣсяцы жить въ калмыцкихъ степяхъ. Другіе стипендіаты занимались по большей части въ Казани; немногіе только командировались въ столицы для ознакомленія съ тамошними архивами и библіотеками, для слушанія лекцій въ Академіяхъ и Университетахъ, а изрѣдка—въ Грецію (въ 1899 г. А. Ѳ. Преображенскій, въ 1900 г.—іером. Михаилъ Семеновъ). Въ послѣднемъ случаѣ Совѣтъ исходатайствовалъ у Синода по 300 р. сверхъ стипендіатскихъ. Въ 190²/з г. свой стипендіатскій годъ провелъ согласно своему желанію въ Парижѣ А. Вишняковъ, оставленный при каѳедрѣ исторіи иностранныхъ литературъ, но Совѣтъ не дозволилъ ему провести тамъ лишніе мѣсяцы, въ которыхъ онъ нуждался для завершенія занятій. Стипендіаты по истеченіи учебнаго года представляли въ Совѣтъ свои отчеты, изъ которыхъ нѣкоторые,—по засвидѣтельствованію профессора-спеціалиста объ ихъ ученыхъ достоинствахъ,—напечатаны въ

протоколахъ Совѣта Академіи. Нѣкоторые изъ стипендіатовъ въ качествѣ отчетовъ представляли готовыя магистерскія диссертаціи, забота о которыхъ въ Казани почитается важнѣйшимъ дѣломъ стипендіата. Несмотря на это, иные изъ стипендіатовъ, сдѣлавшись и. д. доцента, оказывались не въ состояніи представить въ два года магистерское сочиненіе и одному изъ нихъ (Нефедьеву) пришлось оставить академическую службу. Въ 1887 г. по той же причинѣ оставилъ службу В. В. Зефировъ, и д. доцента, бывшій приватъ-доцентъ. Другимъ выхлопотана двухлѣтняя отсрочка (Потѣхину въ 1891 г., Ястребову и Попову въ 1895 г.). Профессорскіе стипендіаты, не попавшіе на академическую каѳедру, опредѣляются Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ на преподавательскія мѣста въ Семинаріи по рекомендаціи Совѣта Академіи, преимущественно въ районѣ казанскаго дух. учебнаго округа. Уставъ 1884 г. пытался возстановить прежнюю связь Семинарій съ Академіями въ формѣ предназначенія преподавателей въ Семинаріи и училища академическими Совѣтами и посылки послѣдними ревизоровъ въ Семинаріи округа. Св. Синодъ указомъ 25—27 апр. 1884 г. къ казанскому дух.-учебному округу отнесъ Семинаріи: казанскую, вятскую, симбирскую, самарскую, астраханскую, пермскую, уфимскую, оренбургскую, тобольскую, томскую, иркутскую, благовѣщенскую и якутскую. Но въ дѣйствительности право предназначенія свелось только къ тому, что Совѣты Академій сообщаютъ въ іюнѣ въ Учебный Комитетъ фамиліи кончающихъ съ указаніемъ, какіе предметы они желали бы преподавать, а Комитетъ по своему усмотрѣнію раздаетъ вакантныя мѣста по всей Россіи кандидатамъ разныхъ Академій, посылая иногда въ самую Казань окончившаго петербургскую Академію (К. В. Харламповича). Казанская Академія ни разу не воспользовалась правомъ посылки ревизоровъ въ Семинаріи своего округа. Можно сказать, что уставу 1884 г. не удалось совсѣмъ возстановить,— въ интересахъ направленія преподаванія и подготовленія способныхъ преподавателей, — старыя отношенія между нею и семинаріями округа. г.) Удостоеніе премій за лучшія сочиненія. При казанской Академіи существуетъ нѣсколько капиталовъ, проценты съ которыхъ выдаются въ видѣ премій авторамъ лучшихъ сочиненій, какъ наставникамъ, такъ и студентамъ. Наставническихъ премій одна—Макаріевская. По духовному своему завѣщанію умершій въ 1882 г. почетный членъ казанской Академіи московскій митрополитъ Макарій (Булгаковъ) пожертвовалъ въ казанскую Академію 20 тыс. руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нихъ выдавалась премія профессорамъ и студентамъ. По составленнымъ въ 1883 г. правиламъ ежегодная сумма процентовъ (1.000 р.) дѣлилась на три части, изъ коихъ одна— 600 р. назначалась за лучшее изъ сочиненій наставниковъ, другая—300 р.—за лучшее изъ студенческихъ сочиненій, и третья—100 р.—на вознагражденіе рецензентовъ. Въ дѣйствительности Макаріевскія преміи выдавались не каждый годъ, при чемъ наставническая премія иногда понижалась до 570 р., иногда дѣлилась между двумя профессорами, иногда наставники получали студенческую премію (какъ бывшіе студенты), которая подчасъ понижалась до 285 р., а вознагражденіе рецензенту до 35 р. Въ 1896 г. послѣ большого перерыва было выдано двумъ профессорамъ по полной преміи въ 570 р. и 8 по половинной или студенческой въ 285 р. Въ 1898 г. выдана одна профессорская премія въ 595 р. и четыре студенческія по 300 р., при чемъ первая подъ условіемъ, что авторъ сочиненія не представитъ его на премію имени митр. Макарія при Синодѣ. Макаріевская студенческая премія выдается съ 1885 г. по рекомендаціи кого-нибудь изъ профессоровъ, но не каждый годъ, а въ иные годы двумъ студентамъ. Старѣе Макаріевской студенческая премія имени литовскаго митрополита Іосифа (Сѣмашко), высылаемая съ начала 70-хъ годовъ въ каждую Академію изъ Св. Синода, въ который, по завѣщанію Іосифа поступилъ капиталъ въ 9.888 р. Такъ какъ учреждено три преміи на 4 академіи, то въ каждую Академію одна премія высылалась три года сряду, а въ четвертый не отпускалась. Но вначалѣ въ казанской Академіи она присуждалась довольно рѣдко и размѣръ ея доходилъ до 250 р. Съ 1875 же года она понизилась до 165 р., на какомъ и

сейчасъ стоитъ. Съ 1874 г. въ казанской Академіи установился порядокъ, по которому члены Совѣта прежде баллотировки рекомендуемыхъ профессорами студенческихъ работъ читаютъ какъ рецензіи специалистовъ, такъ и самыя сочиненія. Въ 1896 г. Несторъ (Метаніевъ), еп. дмитровскій, внесъ 2 т. р. на преміи за лучшее сочиненіе по русской церковной исторіи. Размѣръ преміи—76 р. Въ 1904 г. было выдано 114 р. Кромѣ постоянныхъ студенческихъ премій, въ казанской Академіи бывали и случайныя, единичныя. Въ 1885 г. выдано было Городкову 300 р., представленныхъ архіеп. Палладіемъ (Раевымъ) въ 1882 г. въ память 100-лѣтія со дня рожденія митр. Филарета (Дроздова) за сочиненіе на тему: „Догматическое богословіе по сочиненіямъ Филарета, митрополита московскаго". Въ 1887 г. выдано 300 р. за сочиненіе о десятословіи Моисея, каковая тема дана неизвѣстнымъ лицомъ, пожертвовавшимъ деньги. Въ 1894 г. еп. (потомъ архіеп.) Никаноръ (Каменскій) представилъ 100 р. на премію за исторію Спасскаго монастыря въ Казани. Въ 1898 г. Николай (Зіоровъ), еп. алеутскій, внесъ 300 р. на выдачу премій за сочиненія на нѣсколько указанныхъ имъ темъ, но Совѣтъ Академіи вмѣсто того обратилъ деньги на содержаніе одного стипендіата.

д) Содѣйствіе совѣта ученымъ занятіямъ наставниковъ выражалось въ выпискѣ для нихъ изъ разныхъ архивовъ и др. учрежденій рукописей и въ исходатайствованіи имъ заграничныхъ командировокъ, иногда съ добавочнымъ къ жалованью пособіемъ. Такъ, въ 1885 г. исходатайствована двухгодичная командировка на Востокъ (въ разныя мѣста Сиріи, Египта и въ Джедду въ Аравіи) доц. М. А. Машанову съ прибавленіемъ 1200 р. въ годъ. Въ 1885 г. съ ученой цѣлью ѣздилъ въ Палестину проф. Н. Ѳ. Красносельцевъ, въ 1888 г. П. А. Юнгеровъ. Послѣдній въ 1889 г. путешествовалъ въ Германію, при чемъ слушалъ лекціи по Свящ. Писанію профессоровъ берлинскаго и лейпцигскаго Университетовъ. Въ 1893 г. командированъ на годъ въ Палестину С. А. Терновскій. Въ 1897 г. дана годичная заграничная командировка за границу съ субсидіей въ 600 р. (вм. просимыхъ 800) В. А. Керенскому, а П. К. Жузэ на лѣто въ Египетъ съ пособіемъ въ 150 р. В. А. Керенскій послѣ того ѣздилъ за границу въ лѣтніе мѣсяцы 1899-го, 1902-го и 1904 годовъ,—главнымъ образомъ,—для присутствованія на старокатолическихъ конгрессахъ. Въ 1900 г. былъ командированъ въ Зап. Европу И. И. Ястребовъ для осмотра этнографическихъ музеевъ и католическихъ миссіонерскихъ учебныхъ заведеній. Въ 1901 г. дана командировка А. Н. Потѣхину въ Великобританію для ознакомленія съ научнымъ положеніемъ психологіи и вспомогательными учрежденіями, но отказано почему-то (Синодомъ) свящ. А. И. Дружинину, собиравшемуся знакомиться въ Зап. Европѣ,—преимущественно въ Германіи, съ постановкою преподаванія педагогики и съ педагогическими семинаріями и литературой. Въ 1906 г. командированъ въ Константинополь на годъ доц. А. Ѳ. Преображенскій.

Многіе вопросы академической жизни прежде своего рѣшенія въ Совѣтѣ проходили чрезъ предварительное обсужденіе и подготовку коммиссій, въ составъ которыхъ Совѣтъ наряду съ профессорами избиралъ и доцентовъ. Изъ такихъ коммиссій— административнаго и ученаго характера—можно отмѣтить слѣдующія: для составленія учебныхъ плановъ по новому уставу (три коммиссіи 1884 г.), для составленія новыхъ правилъ испытаній на ученыя степени и новыхъ формъ дипломовъ, для разсмотрѣнія программъ предметовъ семинарскаго курса, пересмотрѣнныхъ профессорами Академіи и снабженныхъ ихъ замѣчаніями (1884 г.), для отзыва о программѣ противомусульманскихъ предметовъ въ оренбургской Семинаріи (1887 г.), для обсужденія вопроса объ обязательности еврейскаго языка для всѣхъ студентовъ I курса, для выработки проекта устройства при Академіи археологическаго музея (1888 г.), для составленія соображеній о лучшей постановкѣ миссіонерскаго отдѣленія при казанской Академіи (1889 г.), для разработки вопроса объ академическомъ юбилеѣ (1890 г.), дла выработки правилъ о чтеніи студентами книгъ (1891 г.), по пересмотру правилъ о преміяхъ имени митр. Макарія (1894 г.), по вопросу о желательныхъ измѣненіяхъ въ программѣ и методахъ преподаванія Свящ. Писанія въ Дух. Семинаріяхъ, о реформированіи двухгодичныхъ

миссіонерскихъ курсовъ (1896 г), по разъясненію и выработкѣ правилъ для лицъ, вновь поступающихъ въ Академію, для составленія инструкціи переводчикамъ—въ виду намѣренія продолжать изданіе русскаго перевода твореній св. отцовъ, для составленія правилъ исчисленія балловъ по семестровымъ сочиненіямъ и порядка представленія сочиненій (1897 г.), по вопросу объ учрежденіи каѳедры тибетскаго языка на миссіонерскомъ отдѣленіи и на курсахъ, объ учрежденіи при русскомъ археологическомъ институтѣ въ Константинополѣ двухъ стипендій дух. вѣдомства (1901 г.), для разсмотрѣнія проекта Учебнаго Комитета о порядкѣ назначенія кончившихъ Академіи, храненія ихъ документовъ и условій поступленія на свѣтскую службу (1903 г.). Въ ноябрѣ 1905 г. Совѣтомъ командированы были (по вызову оберъ-прокурора князя А. Д. Оболенскаго) въ Петербургъ проф. Н. И. Ивановскій, И. С. Бердниковъ и Л. И. Писаревъ для совмѣстнаго (съ представителями другихъ Академій) обсужденія вопроса объ академическихъ реформахъ. Въ концѣ 1905 г., въ силу синодальнаго указа отъ 30 ноября, образованы были коммиссіи для предварительной разработки вопросовъ, связанныхъ съ предстоящею реформой Дух. Академій: административная, воспитательная, учебная съ миссіонерскою подкоммиссіей и экономическая. Довольно часто составлялись коммиссіи для выработки положенія о стипендіи того или другого лица и каждый годъ для повѣрки академической библіотеки. Наконецъ, къ числу постоянныхъ, такъ сказать, коммиссій Совѣта нужно отнести редакцію „Противомусульманскаго Сборника“, коммиссію по изданію описанія рукописей Соловецкой библіотеки, находящихся въ библіотекѣ казанской Дух. Академіи, переводческую коммиссію, по изданію святоотеческихъ твореній въ русскомъ переводѣ и цензурный комитетъ. Въ составъ первой много уже лѣтъ входятъ профессора противомусульманскаго отдѣленія—о. Маловъ и Машановъ. Съ 1884 по 1907 г. редакціей издано 7 выпусковъ (съ № 17-го по 23-й). Труды редактора съ 1892 г. вознаграждаются 7 р. съ листа. Вторая состоитъ въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ проф. П. В. Знаменскаго. Основанная въ 1875 г. и издавшая въ 1881 г. I томъ описанія, въ настоящій періодъ она напечатала II томъ (1885 г.) и отдѣлъ 1-й III-го тома (1898 г.). Работа остановилась на богослужебныхъ рукописяхъ за недостаткомъ спеціалистовъ для ихъ описанія. Цензурный комитетъ при казанской Академіи—одна изъ ея особенностей, не имѣющая мѣста ни въ одной изъ прочихъ Академій (цензурный комитетъ отъ столичныхъ Академій отдѣленъ въ 50-хъ годахъ, въ кіевской уничтоженъ въ 1869 г.). Разсматриваетъ онъ главн. образомъ труды академическихъ профессоровъ и мелкія вещи—постороннихъ авторовъ, принадлежащихъ къ духовно-учебному вѣдомству казанскаго учебнаго округа. Въ 1902 г. синодальнымъ указомъ ему передана цензура органа казанскаго общества трезвости „Дѣятель“, прекратившагося въ 1906 г. Не широка его дѣятельность и по числу выпускаемыхъ номеровъ, часто не болѣе десяти (иногда три) въ годъ. Отношеніе Совѣта къ комитету выражается въ томъ, что онъ избираетъ изъ своей среды трехъ членовъ комитета, утверждаемыхъ Синодомъ, и пересылаетъ въ послѣдній отчетъ объ его дѣятельности. Въ теченіе многихъ лѣтъ въ составъ его входили профессора П. В. Знаменскій, А. К. Волковъ, М. И. Богословскій. Переводческая коммиссія образована въ 1897 г. и состоитъ подъ предсѣдательствомъ проф. Л. И. Писарева.

Для полноты обзора дѣятельности Совѣта нужно отмѣтить труды и отдѣльныхъ профессоровъ, выполнявшихъ порученія или Совѣта или другихъ учрежденій и лицъ, проходили они чрезъ Совѣтъ или нѣтъ, напр., отзывы о книгахъ на преміи по порученію Академіи Наукъ, Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, оберъ-прокурора, казанскаго архіепископа, и по частнымъ просьбамъ заинтересованныхъ лицъ (Е. Н. Воронца на предметъ исходатайствованія пенсіи въ Постоянной коммиссіи пособій нуждающимся ученымъ и публицистамъ изъ капитала императора Николая II при Импер. Академіи Наукъ—въ 1901 г.), составленіе проф. Машановымъ программы для изученія противомухаммеданской полемики для осетинскаго ардонскаго училища (1837 г.), составленіе проф. Миротворцевымъ соображеній объ учрежденіи миссіонерскихъ курсовъ (1889 г.) и т. п.

[Изъ особыхъ порученій, исполнявшихся академическими профессорами, особенную

важность имѣетъ участіе въ 1906 г. въ занятіяхъ Высочайше учрежденнаго „Предсоборнаго присутствія“. Сюда были призваны заслуженные ординарные профессоры И. С. Бердниковъ и Н. И. Ивановскій, орд. проф. В. И. Несмѣловъ и экстраорд. проф. М. А. Машановъ, но третій былъ только на одной сессіи, а на вторую не явился. Наиболѣе потрудились первые два и особенно проф. Бердниковъ, который много работалъ по подготовкѣ къ данному присутствію возбужденіемъ вопросовъ, составленіемъ записокъ и докладовъ и пр. Потомъ въ 1907 г. проф. И. С. Бердниковъ былъ приглашенъ въ спеціальную коммиссію при Св. Синодѣ для завершительнаго разсмотрѣнія и предрѣшенія дѣла о православномъ русскомъ приходѣ.]

Вторымъ административнымъ органомъ въ Академіи по уставу 1884 г. является Правленіе, состоящее изъ ректора, инспектора, трехъ членовъ—ординарныхъ профессоровъ, избираемыхъ Совѣтомъ на безсрочное время и утверждаемыхъ преосвященнымъ, а по дѣламъ хозяйственнымъ сверхъ того изъ эконома и почетнаго блюстителя по хозяйственной части. Впрочемъ, въ казанской Академіи послѣдній почти никогда не являлся въ засѣданіе, хотя нѣкоторые на этой должности оказали Академіи не мало матеріальной помощи. Такъ, А. М. Хохряковъ пожертвовалъ 1200 р. и къ юбилею Академіи ремонтировалъ иконостасъ академической церкви. Еще больше принесъ пользы теперешній попечитель (съ 1893 г.) П. В. Щетинкинъ. Въ члены Правленія при введеніи устава избраны были прежніе помощники ректора. Засѣданія Правленія происходятъ, по уставу, разъ въ недѣлю, а иногда до 73 разъ въ годъ. Главнымъ предметомъ занятій Правленія и теперь служатъ дѣла экономическія. Но уставъ 1884 г. ему же предоставилъ разсмотрѣніе вѣдомостей о поведеніи и проступкахъ студентовъ, разсмотрѣніе дѣлъ, касающихся учебныхъ занятій студентовъ, наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ въ зданіяхъ, составленіе правилъ и инструкцій для помощниковъ инспектора и для студентовъ. Составленныя въ казанской Академіи въ 1884 г. правила относительно поведенія студентовъ, въ виду многочисленныхъ синодальныхъ указовъ 1887 г., были въ 1888 г. пересоставлены и въ новой редакціи дѣйствуютъ до настоящаго времени. Въ 1888 г. Синодомъ переданы въ вѣдѣніе Правленія изъ Совѣта также дѣла объ увольненіи по прошеніямъ и исключеніи студентовъ Академіи. Правленскія дѣла, какъ и совѣтскія, по уставу дѣлятся на три категоріи: окончательно рѣшаемыя самимъ правленіемъ, представляемыя на утвержденіе преосвященнаго и представляемыя на утвержденіе Св. Синода. Уставъ 1884 г. нѣсколько расширилъ компетенцію епархіальныхъ преосвященныхъ за счетъ Синода, предоставивъ рѣшенію ихъ дѣла о заключеніи контрактовъ на поставки и подряды до 10 тыс. руб., вмѣсто суммы 2 тыс. руб., до которой простиралось ранѣе полномочіе ихъ въ расходованіи академическихъ суммъ.

Ректоры. По уставу 1884 г. усилены власть и значеніе ректоровъ Духовныхъ Академій. Общее положеніе устава, что ректоръ есть „непосредственный, ближайшій *начальникъ* Академіи по всѣмъ частямъ ея управленія“ и что послѣднее ввѣряется Совѣту и Правленію Академіи „*при ближайшемъ наблюденіи и руководствѣ* ректора“, проведено по всѣмъ сферамъ академической жизни. (Особымъ синодскимъ указомъ 1895 г. подтверждено, чтобы ректоры имѣли бдительный надзоръ за направленіемъ преподаванія). Съ цѣлью же наиболѣе полнаго осуществленія административной власти, ректоръ освобожденъ отъ штатной каѳедры съ предоставленіемъ ему права преподавать одинъ изъ богословскихъ предметовъ по своему избранію, при числѣ лекцій въ недѣлю не болѣе двухъ. Первый ректоръ при новомъ уставѣ прот. *А. П. Владимірскій* былъ вполнѣ пригоденъ для созданнаго имъ положенія: по своимъ лѣтамъ, по давней службѣ въ Академіи и по нравственному авторитету у студентовъ и у профессоровъ, онъ могъ незамѣтно перейти отъ прежняго значенія Предсѣдателя Совѣта и Правленія къ новому положенію начальника Академіи. Съ этимъ легко мирились, особенно въ виду его мягкаго характера. Но та же мягкость въ концѣ его управленія Академіею дала возможность слишкомъ усилиться значенію инспектора Н. Я. Бѣляева,—человѣка высокаго ума и профессорскаго авторитета, но съ властнымъ и непреклоннымъ характеромъ,—

который, стремясь „подтянуть“ студентовъ и усилить дисциплину, энергично проводилъ свои начинаніи и мѣры. Прот. А. П. Владимірскій при введеніи новаго устава оставилъ за собой преподаваніе введенія въ кругъ богословскихъ наукъ, а съ 1886 г.— одного только отдѣла этой науки. Въ 1895 г. онъ уволенъ въ отставку, при чемъ назначенъ (фиктивнымъ) членомъ Учебнаго Комитета. Умеръ въ 1906 г. въ Казани.

Преемникъ его *Антоній (Храповицкій)*, магистръ петербургской Академіи, архимандритъ, а съ 9 авг. 1897 г., епископъ чебоксарскій (съ 1899 г. чистопольскій) и настоятель Спасскаго монастыря въ Казани (о немъ см. „Энц.“ I, 904-905; III, 778-780; VII, 727-728) управлялъ Академіею до іюля 1900 г., въ то же время читая лекціи по пастырскому богословію. Молодой, живой, увлекающійся, во все вмѣшивающійся и все преобразующій по-своему,—новый ректоръ весьма замѣтно растревожилъ академическую жизнь и повелъ ее форсированнымъ шагомъ. Никогда не бывало столько, сколько при немъ, коллоквіумовъ, никогда столько не производилось магистровъ и докторовъ, не избиралось почетныхъ членовъ и профессорскихъ стипендіатовъ и не выпускалось окончившихъ (70 въ 1900 г.). При немъ возросло до максимума число студентовъ (290 въ 1900 г.) Пользуясь его снисходительностію и ради его имени, въ казанскую Академію поплыли студенты самыхъ отдаленныхъ Семинарій, даже свѣтскіе юноши. Принимались въ Академію по вліянію ректора и не выдержавшіе испытаній—одни Совѣтомъ, другіе архіепископомъ, третьи съ разрѣшенія Св. Синода. Въ это время Синодъ усиленно посылалъ въ казанскую Академію и иностранцевъ, особенно славянъ, встрѣчавшихъ въ этомъ ректорѣ чрезвычайно радушный пріемъ. Многаго ректоръ Антоній добивался для Академіи благодаря своимъ отношеніямъ къ архіепископамъ казанскимъ и особымъ связямъ въ Петербургѣ. Рѣдкія изъ ходатайствъ, возбужденныхъ имъ, не уважились въ Синодѣ. Но нельзя не отмѣтить, что при всемъ томъ этотъ ректоръ мало считался даже съ тою долей самоуправленія, какую оставилъ за профессорскою корпораціей уставъ 1884 г. Съ желаніями послѣдней онъ не всегда справлялся или навязывалъ ей свою волю и свою идею силою начальническаго авторитета, особаго краснорѣчія и, чаще всего, быстротою въ исполненіи своихъ плановъ и намѣреній. Затѣмъ, при своей необъятной снисходительности и доброжелательству онъ принялъ въ Академію и выпустилъ изъ нея много лицъ, недостойныхъ званія кандидата богословія, равно какъ низвелъ съ должной высоты званіе магистровъ, докторовъ и почетныхъ членовъ казанской Академіи, т. е. для чего-то принизилъ самую богословскую науку и подорвалъ ученый престижъ Академіи, ослабивъ въ ней самые ученые запросы. Наконецъ, наряду съ внѣшнимъ повышеніемъ религіозно-нравственнаго уровня студенчества и привлеченіемъ многихъ изъ него къ церковно-общественной дѣятельности, нельзя не поставить, какъ минусъ, чрезмѣрное и искуственное усиленіе при немъ въ Академіи монашескаго элемента съ его оттѣнками карьеризма. Назначенный въ 1900 г. епископомъ уфимскимъ, ректоръ Антоній уступилъ управленіе казанскою Академіей ея бывшему питомцу еп. Алексію Молчанову („Энц.“ VII, 727—728). Этотъ ректоръ и по характеру, менѣе властному, и по своимъ отношеніямъ къ старѣйшимъ членамъ корпораціи, какъ бывшимъ учителямъ, не могъ проявлять той самостоятельности и того давленія на Совѣтъ и Правленіе, какое замѣтно было у его предшественника. Онъ старался быть „первымъ между равными“. Правленіе его было „тихо и мирно“. При своемъ педагогическомъ опытѣ онъ умѣлъ умиротворять и студентовъ и оказывать на нихъ благотворное вліяніе, не разъ засвидѣтельствованное самими студентами. Преосв. Алексій старался поддерживать добрыя начинанія своего предшественника, однако при немъ усилились въ Академіи распадъ и паденіе добрыхъ старыхъ традицій. 26 марта 1905 г. преосв. Алексій (Молчановъ) назначенъ епископомъ въ Симферополь. Въ Академіи онъ преподавалъ тоже пастырское богословіе. Нынѣшній ректоръ казанской Академіи— еп. Алексій Дородницынъ изъ магистровъ московской Академіи (съ 6 сент. 1905 г.; о немъ см. „Энц.“ VII, 728) читаетъ исторію и обличеніе раціоналистическихъ сектъ.

Б) *Учебная часть.* 1) **Составъ наукъ.** Уставомъ 1884 г. уничтожены существовавшія съ 1870 г. отдѣленія бого-

словское, церковно-историческое и церковно-практическое, и всѣ почти богословскія науки, а также философскія, числомъ 17, сдѣланы обязательными для всѣхъ студентовъ. Эти науки суть слѣдующія: введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ, Свящ. Писаніе, библейская исторія, догматическое богословіе, нравственное богословіе, гомилетика съ исторіей проповѣдничества, пастырское богословіе, педагогика, церковное право, исторія церкви—вселенской до раздѣленія церквей, православно-восточной и русской, патристика, церковная археологія, литургика, логика, психологія, метафизика и исторія философіи. Затѣмъ обязательнымъ для каждаго студента является изученіе одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ.

Остальныя науки академическаго курса раздѣлены на двѣ группы. Къ первой (словесной) отнесены: теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ, русскій и церковно-славянскій языкъ (съ палеографіей) и исторія русской литературы, еврейскій языкъ и библейская археологія. Ко второй (исторической) отнесены: исторія и разборъ западныхъ исповѣданій (по синодальному указу 4 янв. 1897 г. превращена въ общеобязательную науку), исторія и обличеніе русскаго раскола, гражданская исторія общая и русская гражданская исторія.

Кромѣ означенныхъ группъ для казанской Академіи уставъ 1884 г. ввелъ еще одну — миссіонерскую, распадающуюся на два отдѣла: татарскій и монгольскій. Къ первому отнесены: исторія и обличеніе магометанства, этнографія татаръ, киргизовъ, башкиръ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвы, исторія распространенія христіанства между означенными инородческими племенами, арабскій и татарскій языки съ общимъ филологическимъ обзоромъ языковъ и нарѣчій означенныхъ племенъ. Монгольскій отдѣлъ составляютъ: исторія и обличеніе ламайства, этнографія монголовъ, бурятъ, калмыковъ, остяковъ, самоѣдовъ, якутовъ, чукчей, тунгусовъ, манджуръ, корейцевъ, гольдовъ, гиляковъ, коряковъ и др., исторія распространенія христіанства между означенными племенами, монгольскій языкъ съ его нарѣчіями—бурятскимъ и калмыцкимъ—и общій филологическій обзоръ языковъ и нарѣчій другихъ вышепоименованныхъ племенъ. Студенты казанской Академіи, избравшіе одинъ изъ этихъ отдѣловъ, освобождены отъ изученія наукъ первыхъ двухъ группъ, кромѣ одного древняго и одного новаго языка. Они же освобождены по особому ходатайству Совѣта отъ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, сдѣлавшихся съ начала 1897—8 уч. г. обязательными.

2) Судьба каѳедръ. Въ первое время по введеніи новаго устава каѳедру введенія въ кругъ богословскихъ наукъ (наука, замѣнившая прежнее основное богословіе), занималъ ректоръ Академіи прот. А. П. Владимірскій. Но съ начала 1886—7 уч. года онъ отказался отъ нея, пользуясь предоставленнымъ ректорамъ правомъ не занимать штатной каѳедры, и оставилъ за собою одинъ отдѣлъ науки—божественность христіанской религіи. Съ 1887 г. его замѣстителемъ сталъ А. Ѳ. Гусевъ, плодовитый писатель-богословъ, посвятившій свои силы въ послѣдніе годы борьбѣ съ ученіемъ гр. Толстого и выясненію вопросовъ о старокатоличествѣ. Въ 1902 г. онъ вышелъ въ отставку и въ 1904 г. умеръ (см. „Энц.“ IV, 848—854). Въ настоящее время каѳедру занимаетъ доцентъ К. Г. Григорьевъ.

Каѳедры Свящ. Писанія Ветх. и Новаго Завѣтовъ и церковнаго права занимаютъ прежніе профессора П. А. Юнгеровъ, М. И. Богословскій и И. С. Бердниковъ.

Каѳедра библейской исторіи, послѣ выхода въ отставку Я. А. Богородскаго (1899 г.), перешла къ доценту (нынѣ экстраорд. проф.) В. И. Протопопову; впрочемъ, первый продолжаетъ чтеніе лекцій (безплатно). Догматическое богословіе читалъ до 1898 г. Е. А. Будринъ, съ этого года П. П. Пономаревъ, съ которымъ однако первый продолжалъ дѣлить трудъ преподаванія до 1904 г., когда лѣтомъ прекратилъ чтеніе лекцій по особымъ причинамъ моральнаго свойства.

Нравственное богословіе до 1899 г. читалось прежнимъ профессоромъ А. И. Гренковымъ, теперь—доц. В. А. Никольскимъ. Гомилетика и исторія проповѣдничества сначала читались архим. Антоніемъ (Вадковскимъ), съ 1885 г. по 1902 г. А. В. Говоровымъ (см. „Энц.“ IV, 444—446), когда послѣдній принужденъ былъ

корпораціей выйти въ отставку—А. Ѳ. Преображенскимъ. Каѳедру пастырскаго богословія и педагогики, вновь образовавшуюся (по уставу 1869 г. первое соединено было съ каѳедрою гомилетики, вторая—съ нрав. богословіемъ) занялъ А. В. Поповъ, въ 1891 г. перешедшій на каѳедру словесности и уступившій мѣсто А. В. Смирнову. За назначеніемъ послѣдняго въ 1896 г. въ профессора богословія въ казанскій Университетъ, на его мѣсто избранъ свящ. А. И. Дружининъ, читавшій, впрочемъ, при ректорахъ Антоніи и Алексіи Молчановѣ только педагогику и дидактику; пастырское богословіе преподавали названныя лица. Занимавшій прежде каѳедру общей церковной исторіи новой, Ѳ. А. Кургановъ перешелъ на каѳедру исторіи церкви вселенской до раздѣленія церквей и православной восточной. Русскую церковную исторію до 1897 г. (послѣдній годъ безплатно) читалъ П. В. Знаменскій, потомъ И. М. Покровскій, избранный еще въ 1896 г. на его мѣсто. На каѳедрѣ патристики Д. В. Гусева замѣнилъ Л. И. Писаревъ. За назначеніемъ Н. Ѳ. Красносельцева профессоромъ новороссійскаго Университета, на каѳедру церк. археологіи и литургики былъ избранъ въ 1889 г. В. А. Нарбековъ. Въ этомъ же году, за смертью В. А. Снегирева, на каѳедру логики и психологіи избранъ А. Н. Потѣхинъ. Исторію философіи до 1900 г. читалъ А. К. Волковъ (см. „Энц.“ III, 702—704), котораго смѣнилъ доц. Н. В. Петровъ; впрочемъ А. К. Волковъ продолжалъ чтеніе лекцій до своей смерти (1902 г.). Каѳедру метафизики въ 1884—1886 г. занималъ В. В. Плотниковъ († епископъ Борисъ), съ 1888 г. и доселѣ—В. И. Несмѣловъ. Греческій языкъ и его словесность преподавалъ до 1896 г. старый профессоръ А. А. Некрасовъ, на мѣсто котораго избранъ Н. П. Родниковъ; однако до 1905 г. первый руководилъ студентовъ въ филологическомъ разборѣ и переводахъ трудныхъ мѣстъ въ Евангеліи отъ Матѳея, а второй—читалъ исторію греческой словесности и разбиралъ образцы ея. Каѳедру латинскаго языка съ его словесностью занимаетъ бывшій приватъ-доцентъ Н. П. Виноградовъ, съ 1894 г. экстаординарный профессоръ, инспекторъ Академіи. Новые языки преподаютъ наличные наставники Академіи, замѣнившіе прежнихъ лекторовъ со стороны.

На первой группѣ каѳедру теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ до 1890 г. занималъ И. Я. Порфирьевъ, читавшій, впрочемъ, вмѣсто послѣдней исторію русской литературы. Въ 1891 г. его замѣнилъ А. В. Поповъ. Доцентъ А. А. Царевскій, читавшій до 1884 г. русскій языкъ и славянскія нарѣчія, въ этомъ году перешелъ на каѳедру русскаго и церковно-славянскаго языка съ палеографіей и исторіей русской литературы, но вмѣсто послѣдней до конца 1891 г. онъ читалъ исторію иностранныхъ литературъ. Каѳедру еврейскаго языка и библейской археологіи занялъ С. А. Терновскій. За его выходомъ въ отставку въ 1904 г. она замѣщена Е. Я. Полянскимъ, но и Терновскій продолжаетъ читать лекціи (безплатно).

По второй группѣ каѳедру исторіи и разбора западныхъ исповѣданій (замѣнившую прежнюю каѳедру сравнительнаго богословія) занималъ до 1894 г. Н. Я. Бѣляевъ, бывшій и инспекторомъ Академіи (см. „Энц.“ II, 1277—1279). Преемникомъ его сталъ В. А. Керенскій. Исторію и обличеніе русскаго раскола читаетъ Н. И. Ивановскій. Общую гражданскую исторію древнюю до 1890 г. читалъ бывшій пр.-доцентъ Д. Н. Бѣликовъ, съ 1892 г.—И. П. Реверсовъ, уволенный изъ Академіи по иниціативѣ архіеп. Арсенія (Брянцева) въ виду неблагочиннаго его поведенія (въ 1903 г. Синодъ далъ Реверсову право быть принятымъ въ казанскую Академію на службу, въ случаѣ избранія его Совѣтомъ). Замѣстителемъ его является Н. Н. Писаревъ, принявшій священство. Новую общую исторію читалъ до 1887 г. прежній пр.-доцентъ В. В. Зефировъ, съ 1890 г.—С. А. Предтеченскій. Русскую гражданскую исторію до 1891 г.—В. В. Миротворцевъ, послѣ него—Ѳ. В. Благовидовъ (см. „Энц.“ II, 615—617).

Въ третьей группѣ на татарскомъ отдѣлѣ бывшій приватъ-доцентъ М. А. Машановъ продолжалъ преподавать арабскій языкъ и обличеніе мухамеданства. Татарскій языкъ, этнографію татарскихъ племенъ и исторію распространенія среди нихъ христіанства взялъ на себя Е. А. Маловъ, бывшій однимъ изъ фактическихъ устроителей стараго противомусульманскаго отдѣленія. Въ настоящее время онъ является живою исторіей послѣд-

няго, почти за весь періодъ его существованія, его основною силой и самымъ кореннымъ устоемъ.

Практикантами татарскаго языка состояли завѣдующіе крещено-татарской школой священники В. Т. Тимоѳеевъ (до 1895 г.) и Т. Е. Егоровъ (доселѣ). Для арабскаго языка съ 1891 г. учреждено сверхштатное практикантство, которое съ этого времени и до 1900 г. занималъ мусульманинъ Сахибъ Ахмеровъ, въ 1891 г. крестившійся. Къ этой же каѳедрѣ временно прикомандированъ въ 1893 г. архим. Рафаилъ, арабъ (нынѣ епископъ бруклинскій, близъ Нью-Іорка), оставившій, впрочемъ, занятія въ 1895 г. Съ 1895 г. практикантомъ арабскаго языка (съ 1900 г. единственнымъ) состоитъ арабъ, магистръ казанской Академіи П. К. Жузе, занимающійся, однако, не разговорнымъ только языкомъ, а и литературнымъ.

На монгольскомъ отдѣлѣ каѳедру исторіи и обличенія ламайства и монгольскаго языка съ бурятскимъ нарѣчіемъ до 1891 г. временно замѣщалъ проф. В. В. Миротворцевъ. По каѳедрѣ калмыцкаго нарѣчія, общаго филологическаго обзора языковъ и нарѣчій монгольскаго отдѣла, этнографіи племенъ этого отдѣла и исторіи распространенія христіанства между ними въ 1886 г. былъ допущенъ и. д. доцента М. С. Нефедьевъ, который за невыполненіемъ требованія академическаго устава о пріобрѣтеніи магистерской степени въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1888 по 1891 г. преподавалъ только съ особаго разрѣшенія Св. Синода, а потомъ—по найму. Въ 1893 г. его замѣнилъ И. И. Ястребовъ, въ монашествѣ архим. Иннокентій. За возведеніемъ его въ 1906 г. въ санъ епископа, викарія кіевской епархіи, на каѳедру избранъ іером. Гурій (Степановъ). Практикантомъ калмыцкаго языка съ 1886 г. состоялъ калмыкъ Дикъ (въ крещеніи Михаилъ) Бадмаевъ—до 1895 г. Послѣ него состоялъ до 1904 г. Лиджи Нормаевъ, а съ этого года свящ. М. С. Нефедьевъ.

Въ настоящій періодъ жизни Академіи миссіонерское отдѣленіе осуществляетъ цѣли и научныя, и практическія. Послѣднимъ преподаватели его служатъ особенно съ 1889 г., работая на двухгодичныхъ миссіонерскихъ курсахъ, подготовляя на нихъ дѣятелей миссіи. Объ этихъ курсахъ см. „Энц." VII, 690—692. Къ сказанному тамъ объ отношеніи Академіи къ курсамъ и о характерѣ миссіонерской дѣятельности казанской Академіи нужно прибавить еще слѣдующее. По синодальному указу 17 мая 1889 г. на миссіонерскихъ курсахъ читаются лекціи не только постояннымъ слушателямъ, но и случайнымъ—проѣзжающимъ чрезъ Казань миссіонерамъ, которымъ разрѣшено оставаться здѣсь для того болѣе или менѣе продолжительное время, и священникамъ инородческихъ приходовъ казанской епархіи. Затѣмъ: когда по поводу закрытія въ 1893 г. Миссіонерскаго пріюта оберъ-прокуроръ предложилъ казанской Академіи организовать при миссіонерскихъ курсахъ собесѣдованія съ магометанами,—Совѣтъ отклонилъ предложеніе, какъ противное всему характеру миссіонерскихъ дѣйствій Академіи противъ ислама. Нельзя не отмѣтить однако, что отношенія Академіи къ курсамъ и вся постановка преподаванія на послѣднихъ въ 1906 г. вызвали недовольство нынѣшняго архіепископа казанскаго Димитрія, который проектировалъ перевести курсы въ Свіяжскъ, но встрѣтилъ оппозицію въ VI отдѣлѣ предсоборнаго присутствія [собственно со стороны проф. М. А. Машанова, записка котораго и напечатана въ „Журналахъ и протоколахъ предсоборнаго присутствія": см. т. II, Спб. 1906, стр. 264—274. 274—282.]

В) *Экономическое положеніе* казанской Академіи по штатамъ 1884 г. скорѣе проиграло, чѣмъ выиграло, хотя штатная сумма съ 97.300 р. была увеличена до 125.300 р. Особенно это нужно сказать по поводу окладовъ на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы.

На содержаніе дома и прислуги по штатамъ назначено 10 тыс. руб., тогда какъ по ходатайствамъ казанской Академіи оно доведено было къ 1884 г. до 12 тыс. руб. На печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертацій ассигновано 2 т. р. (вм. прежнихъ 3-хъ). Содержаніе больницы оставлено то же, что и по штатамъ 1869 г.,—900 р., хотя въ казанской Академіи съ 1883 г. эта сумма была увеличена до 1.200 р. Увеличено было ассигнованіе на библіотеку и періодическія изданія до—2.500 р. (вм. 1600 р.) и ассигновано 1.400 р. на профессорскихъ стипендіатовъ. Остальныя статьи остались въ прежнемъ размѣрѣ: 850 р. на

канцелярскіе расходы и на писцовъ, 100 р. на содержаніе церкви и 350 р. на мелочные и экстраординарные расходы. Неудивительно потому, что въ теченіе 23 лѣтъ, протекшихъ со времени введенія штатовъ 1884 г., размѣръ этихъ ассигнованій не разъ оказывался недостаточнымъ и требовалъ увеличенія. Такъ съ 1890 г. увеличено на 2000 р. содержаніе дома и съ 1906 г. на 1.000 р. содержаніе служителей, съ 1906 г. увеличено на 200 р. содержаніе канцеляріи, съ 1896 г. на 300 р. содержаніе библіотеки (въ виду существованія миссіонерскаго отдѣленія). Ходатайство въ 1903 г. объ увеличеніи послѣдней цифры еще на 500 р. вызвало отказъ со стороны Синода со внушеніемъ Совѣту. Отказано и по возбужденному въ 1902 г. ходатайству объ увеличеніи протокольной суммы. Но за-то съ 1900 г. отпущено 500 р. на наемъ младшаго помощника библіотекаря. Кромѣ того казанской Академіи не разъ приходилось выхлопотывать себѣ, въ дополненіе къ штатнымъ суммамъ, единовременное ассигнованіе на покрытіе перерасходовъ и дефицитовъ и на другія нужды. Въ 1897 г. на покрытіе дефицита по библіотекѣ отпущено 1.200 р. и въ 1902 г. 1.000 р. на изданіе печатнаго каталога библіотеки, въ 1904 г.—2.800 р. на погашеніе библіотечнаго долга. Въ 1904 г. ассигновано 4.446 р. на устройство электрическаго освѣщенія и разрѣшенъ ежегодный дополнительный кредитъ на эксплоатацію самаго освѣщенія въ суммѣ 2.064 р. Не разъ Синодъ отпускалъ добавочныя средства на содержаніе и стипендіатовъ. Штатной суммы на содержаніе больницы стало хватать благодаря тому, что при послѣдней съ 1887 г. заведена была собственная аптека, значительно понизившая стоимость лекарствъ. Что касается ремонта академическихъ зданій, то по прежнему на крупныя передѣлки и новыя зданія приходилось испрашивать особые кредиты. Въ 1886 г. Синодомъ ассигновано 125.495 р. на распространеніе академическаго корпуса, въ 1901 г. на ремонтъ зданія 7.060 р., въ 1902 г.—1.000 р., въ 1904 г. 36.111 р. на постройку больницы и 18.279 р. на приспособленіе существующаго помѣщенія больницы подъ фундаментальную библіотеку. Изъ другихъ синодальныхъ ассигнованій въ это время нужно отмѣтить отпускъ въ 1886 г. тысячи рублей на изданіе „Описанія Соловецкой библіотеки“ и 2 т. р. на изданіе „Миссіонерскаго Сборника“, въ 1891 г. 2 т. р. на празднованіе 50-лѣтняго юбилея Академіи, въ 1902 г. 2 т. р. на продолженіе русскаго перевода св. отцовъ, въ 1903 г. 600 р. на изданіе II части „Зеркала очевиднаго“ Посошкова. На содержаніе каждаго изъ казенныхъ студентовъ назначена та сумма, до которой оно дошло въ 1878 г.,—190 р. Съ 1 янв. 1897 г. этотъ окладъ увеличенъ до 200 р. въ виду введенія въ казанской Академіи, по примѣру другихъ, форменной одежды (съ тою особенностію, что желающіе—и такіе нашлись—могли, по примѣру слушателей миссіонерскихъ курсовъ, носить подрясникъ темно-синяго сукна съ бархатнымъ синимъ поясомъ, а при выходѣ на улицу—сибирку безъ таліи и шляпу). Въ 1896 г. на устройство форменной одежды Синодъ ассигновалъ 1.050 р. Въ 1905 г. штатный окладъ увеличенъ до 210 р. Что касается числа казенныхъ стипендій, то оно въ началѣ періода равнялось 160, съ 1887 г. стала сокращаться до 100. Въ 1898 г. рѣшено Синодомъ число казенныхъ стипендій увеличить со 100 до 120. Кромѣ штатныхъ казенныхъ стипендій были и синодальныя, преимущественно для иностранцевъ и для инородцевъ казанскаго края. Въ 1899 ихъ было 31. Служащему персоналу назначено содержаніе въ слѣдующемъ размѣрѣ: ректору 4.200 р., 10 ординарнымъ профессорамъ (двѣ лишнія противъ прочихъ Академій ординатуры падаютъ на миссіонерскую группу) по 3 т. р., 10 экстраординарнымъ (одному лишнему—тоже миссіонеру) по 2 т. р., 10 доцентамъ (одному лишнему) по 1.200 р., 3 лекторамъ новыхъ языковъ и 2 практикантамъ восточныхъ языковъ по 600 р., двумъ помощникамъ инспектора, библіотекарю и эконому по 800 р., секретарю 1000 р., помощникамъ библіотекаря и секретаря и врачу по 500 р. (Съ 1901 г. возвышенъ окладъ библіотекаря Ѳ. И. Троицкаго на 400 р. и старшаго его помощника на 120 р.). Кромѣ того добавочнаго жалованья инспектору положено 1000 р., тремъ членамъ Правленія по 300 р. Еще болѣе улучшено было матеріальное положеніе

служащихъ, когда въ 1894 г. возвышенъ былъ окладъ пенсій преподавателей Дух. Академій какъ за 25-ти, такъ и за 30-лѣтнюю службу въ соотвѣтствіе съ университетскими преподавателями. Не разъ Св. Синодъ оказывалъ профессорамъ казанской Академіи пособія, связанныя съ ихъ учеными занятіями,—съ командировками за границу, на археологическіе съѣзды, съ поѣздкою въ столицы для архивныхъ изысканій при написаніи докторской диссертаціи (А. В. Попову 250 р. въ 1901 г.), съ напечатаніемъ докторскаго сочиненія (В. А. Нарбекову 600 р. 1899 г.), и переводилъ нѣкоторыхъ на высшій окладъ, создавъ званіе сверхштатнаго заслуженнаго профессора, носитель котораго получалъ пенсію въ 3 т. р. и сверхъ того 1.200 р. (такихъ, впрочемъ, было только два). Наконецъ, многіе наставники восполняли свой бюджетъ литературнымъ трудомъ, сотрудничая гл. обр. въ „Прав. Собесѣдникѣ", и педагогическимъ трудомъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Казани (въ Университетѣ, Дух. Семинаріи, Миссіонерскихъ курсахъ, въ окружномъ дух. училищѣ, въ юнкерскомъ училищѣ, гимназіяхъ, художественной школѣ, въ Родіоновскомъ женскомъ и въ учительскомъ институтахъ), даже агентурой въ страховомъ обществѣ и другими занятіями. Къ характеристикѣ матеріальнаго положенія казанскихъ академическихъ наставниковъ служитъ и то, что почти всѣ они обзавелись своими домиками, что свидѣтельствуетъ еще не столько объ ихъ состоятельности (иные строились въ долгъ), сколько о желаніи спастись отъ все возрастающихъ цѣнъ на квартиры.

Г) *Студенты и ихъ жизнь. 1) Пріемъ.* Число вызываемыхъ каждый годъ казенныхъ семинаристовъ доходило въ началѣ періода до 24, потомъ оно спустилось до 17, на какой цифрѣ и сейчасъ держится.

Академическіе курсы при небольшомъ числѣ казенныхъ степендій въ послѣдній періодъ пополнялись главнымъ образомъ не вызванными семинаристами, а пріѣзжавшими на свой счетъ и рискъ. Но въ первые годы по введеніи новаго устава не было велико и число волонтеровъ, которые могли бы быть приняты въ Академію, въ виду тѣсноты ея помѣщеній и невозможности для нихъ жить на частныхъ квартирахъ. Уставъ позволялъ жить внѣ Академіи только у родителей (въ 1897 г. это ограниченіе подтверждено синодальнымъ указомъ), да съ разрѣшенія Синода допускалось жить въ Іоанновскомъ монастырѣ, въ Миссіонерскомъ пріютѣ (въ Спасскомъ монастырѣ). Всѣ эти стѣсненія повели къ тому, что и съ расширеніемъ въ 1889 г. академическихъ зданій являлось небольшое сравнительно число волонтеровъ, человѣкъ 20—30, и общее число принятыхъ въ 1890—1902 гг. было только 40. Съ средины 90-хъ годовъ число волонтеровъ стало рости: съ 48 въ 1893 г. оно къ 1899 г. дошло до 70. Объясняется это какъ притягательностію ректора Антонія (Храповицкаго), такъ и частными разрѣшеніями Синода принимать священниковъ съ позволеніемъ жить на своихъ квартирахъ (въ 1897 г. было разрѣшено принять одного казанскаго діакона подъ условіемъ рукоположенія въ священники), а также направленіемъ Синодомъ въ казанскую Академію многихъ „братушекъ" и другихъ иностранцевъ, которымъ синодальный указъ или частное письмо товарища оберъ-прокурора В. К. Саблера къ ректору Антонію обезпечивали легкій пріемъ въ Академію. Въ иные годы число иностранцевъ доходило до 16. Кромѣ славянъ принимались японцы, сирійцы, арабы. Наряду съ иностранцами Синодъ протежировалъ миссіонерамъ. Въ 1897 г. зачисленъ имъ въ студенты камчатскій противосектантскій миссіонеръ свящ. Дьяконовъ (безъ экзаменовъ) и разрѣшенъ пріемъ (по экзамену) еще двухъ священниковъ, готовящихся къ миссіонерству, въ 1900 г. принятъ безъ экзамена іером. Меѳодій. Въ 1904 г. архіепископомъ принятъ въ надежду миссіонерства одинъ кавказецъ, хотя и не удовлетворительно державшій экзаменъ. Кромѣ духовныхъ лицъ и иностранцевъ, въ казанскую Академію въ ректорство Антонія (Храповицкаго) нахлынули воспитанники свѣтскихъ учебныхъ заведеній, которые издавна пользовались льготами при пріемѣ въ Духовныя Академіи,—гимназисты, реалисты, воспитанники военныхъ училищъ и студенты и даже кандидаты Университетовъ. Послѣдніе поступали безъ экзамена. Мало того, одному дана была Синодомъ возможность пройти академическій курсъ въ два года (1901 г.). Такая же льгота была

сдѣлана гвардейскому офицеру, который имѣлъ дипломъ ярославскаго Демидовскаго Лицея и военно-юридической Академіи (1901 г.). Правда, послѣ того Синодъ высказался противъ такихъ льготъ. Что касается гимназистовъ и воспитанниковъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, то Синодъ съ 1901 г. поставилъ условіемъ допущенія ихъ къ пріемнымъ испытаніямъ въ Академіяхъ предварительный экзаменъ ихъ въ Семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса и сравнилъ ихъ съ семинаристами въ самыхъ пріемныхъ экзаменахъ. Послѣ этого въ казанской Академіи число свѣтскихъ искателей духовной науки сильно сократилось. Этому же содѣйствовало установленіе Совѣтомъ въ 1902 г. конкурсной нормы въ 40 ч. съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы число всѣхъ студентовъ перваго курса съ принятыми сверхъ нормы (иностранцы и имѣющіе право на жительство въ частныхъ квартирахъ) не превышало 50. Въ этомъ году прибыло къ поступленію 40 ч., въ слѣдующемъ только 37, такъ что пришлось оказывать большую снисходительность... Въ 1906 г. были зачислены въ студенты экзаменовавшіеся (51 ч.) и два выдержавшіе испытаніе въ 1905 г. Въ числѣ принятыхъ— 10 священниковъ и 1 діаконъ, каковой наплывъ духовныхъ вызванъ разрѣшеніемъ Синода 1906 г. принимать въ Академію женатыхъ духовныхъ, съ предоставленіемъ имъ даже казенныхъ стипендій. Въ 1907 г. принято опять 10 духовныхъ,—1/4 всѣхъ поступившихъ.

Въ числѣ условій поступленія въ казанскую Академію были: выдержаніе экзамена, удовлетвореніе нѣкоторыхъ формальныхъ требованій, физическое здоровье. Съ 1884 по 1895 г. для пріемныхъ устныхъ испытаній назначались слѣдующіе предметы: догматическое богословіе, общая церк. исторія, русская гражданская исторія, одинъ изъ древнихъ языковъ (съ 1884 г. оба) и одинъ изъ новыхъ, для письменныхъ одинъ изъ богословскихъ предметовъ (Свящ. Писаніе, богословіе догматическое, нравственное, основное) и одинъ изъ философскихъ или исторія литературы. Въ 1896 г. вмѣсто русской гражданской исторіи поставлено нравственное богословіе, а съ 1897 г.— русская церковная исторія. Въ 1901 г. Академія объявила по семинаріямъ казанскаго округа, что баллъ по новому языку будетъ имѣть значеніе какъ при составленіи списка принятыхъ, такъ и при распредѣленіи стипендій. Съ 1902 г. по синодальному указу 19 дек. 1901 г. установлены одинаковые экзамены во всѣхъ Академіяхъ и при томъ постоянные: устные по Свящ. Писанію—отдѣльно Ветхаго и отдѣльно Новаго Завѣта, по догматическому богословію, церковной исторіи—общей и русской, одному древнему языку; письменные по нравственному богословію, философіи и поученіе. По указомъ 1904 г. изъ этого списка была вычеркнута рус. церк. исторія, велѣно понизить строгость требованій и сочиненія читать каждое двумъ рецензентамъ. Въ 1907 г. послѣдовало подтвержденіе этихъ указовъ. Чтобы быть принятымъ, требовалось выдержать экзамены удовлетворительно. Но являлись аспиранты или совершенно невѣжественные, или случайно получавшіе двойки. При одной двойкѣ, при томъ покрываемой съ избыткомъ баллами по другимъ предметамъ, и при наличности вакансіи можно было быть принятымъ. Но добивались часто пріема и совсѣмъ плохо отвѣчавшіе и надѣявшіеся на снисхожденіе Совѣта или архіерея. Въ виду этого въ 1897 г. была образована коммиссія по разъясненію и выработкѣ правилъ для лицъ, вновь поступающихъ въ Академію. Постановлено было и Совѣтомъ одобрено: не принимать имѣющихъ единицу или двѣ двойки (кромѣ особаго усмотрѣнія Совѣта); письменная двойка должна быть заглажена одною или даже двумя четверками по сочиненіямъ или четверкой по однородному устному предмету или общей четверкой. Тоже и устная двойка. При выводѣ балловъ брать средній баллъ по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, слагать съ удвоеннымъ среднимъ балломъ по устнымъ отвѣтамъ и сумму дѣлить на 5. Казенныя стипендіи предоставлять только тѣмъ присланнымъ казеннымъ, которые имѣютъ при одной двойкѣ общую четверку по всѣмъ прочимъ предметамъ, затѣмъ волонтерамъ, не имѣющимъ ни одной двойки и особенно выдающимся. Экзамены производить тщательно. При всемъ томъ продолжали оказывать снисхожденіе не удовлетворившимъ этимъ требованіямъ и Совѣтъ, и мѣстные преосвя-

щенные, а иногда и Синодъ. Экзамены пріемные производились въ августѣ, но для иныхъ дѣлались исключенія и въ Академію принимались иногда державшіе испытанія въ сентябрѣ и даже въ ноябрѣ (1897 г.). Вторымъ условіемъ для пріема было представленіе всѣхъ необходимыхъ документовъ и—съ 1901 г.—фотографическихъ карточекъ, которыя понадобились библіотекарю. Было нѣсколько случаевъ отказа псаломщикамъ изъ семинаристовъ, не прослужившимъ пяти лѣтъ и не представившимъ разрѣшенія на поступленіе въ Академію (по Уставу о воин. повин., изд. въ 1897 г.); впрочемъ иные, получивъ таковое, принимались. Условно же, до полученія разрѣшенія отъ Синода, принимались не вдовые священники и діаконы, если они ранѣе не запаслись имъ, и лица состоявшія на службѣ,—до увольненія съ нея. Имѣло, наконецъ, значеніе удостовѣреніе врача. Какъ составлялись курсы въ казанской Академіи и на какихъ условіяхъ принимались студенты,—видно, напр., изъ протоколовъ 1897 г. и 1898 г. Въ первомъ изъ этихъ годовъ приняты: 25 на казенное содержаніе, 34 на свое въ общежитіи, 2—на частной квартирѣ (священники) и, кромѣ того, 6 болгаръ на синодальныя стипендіи. Отказано: пяти за недостаткомъ мѣста въ академическихъ зданіяхъ, четыремъ за неудовлетворительностью сдачи экзамена и одному—за невыслуженіемъ пяти лѣтъ псаломщикомъ. Въ качествѣ стороннихъ слушателей допущено пять человѣкъ: два студента Семинаріи, сухумскій священникъ, казанскій діаконъ и вольнослушатель кіевской Академіи. Въ ноябрѣ приняты еще два священника и кончившій курсъ въ Ларинской гимназіи (въ Спб.). Въ 1898 г. изъ 70 экзаменовавшихся отказано четыремъ, какъ плохо выдержавшимъ, объ одномъ діаконѣ казанскомъ рѣшено ждать разрѣшенія Синода и постановлено ходатайствовать объ одномъ сиро-халдейцѣ, получившемъ двѣ двойки. Остальные были приняты, при чемъ 21 на казенное содержаніе, 4—на казенное съ обязательствомъ поступить на миссіонерское отдѣленіе, 6 священниковъ на свое содержаніе съ позволеніемъ жить на частныхъ квартирахъ и о 4 инородцахъ возбуждено ходатайство предъ Синодомъ объ особыхъ стипендіяхъ. Въ октябрѣ былъ принятъ еще одинъ болгаринъ. Можно отмѣтить еще, что въ 1895 г. былъ принятъ въ Академію студентъ, удовлетворительно выдержавшій экзаменъ въ 1894 г. Для нѣкоторыхъ студентовъ вопросы о казенномъ содержаніи и о принятіи въ Академію были такъ тѣсно связаны, что, поживъ на свое содержаніе, они принуждены были оставлять Академію. На помощь такимъ лицамъ приходили „Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ“ (см: стлб. 839—840) и частные благотворители съ своими стипендіями. Изъ такихъ лицъ на первомъ мѣстѣ въ настоящій періодъ стоитъ варшавскій протоіерей Тихонъ Горизонтовъ, основавшій четыре стипендіи своего имени по 5 т. р. въ 1892, 1894, 1895 (5100 р.), 1896 гг. За нимъ слѣдуютъ: архіеп. донской Макарій. завѣщавшій 5 т. р. (1895 г.), потомственный почетный гражданинъ г. Симферополя В. И. Ѳеолого, завѣщавшій въ 1897 г. 12.500 р., неизвѣстный, пожертвовавшій 5 т. р. на стипендію имени Антонія, архіепископа финляндскаго (1899 г.), Варсонофій (Кургановъ), еп. глазовскій, основавшій стипендію въ 5 т. р. имени херсонскаго архіепископа Никанора (1903 г.), архіеп. варшавскій Никаноръ и ставропольскій епископъ Агаѳодоръ, пожертвовавшіе по 6 т. р. (1905 г.), купецъ А. Н. Чарушинъ—5 т. р. (1906 г.). Въ 1901 г. образовались стипендіи имени проф. П. В. Знаменскаго въ 5 т. р., составленная изъ доходовъ отъ продажи его „Исторіи казанской Академіи“ и пожертвованій его (съ 1892 г.) [1]), и имени почившаго профессора И. Я. Порфирьева въ 2.564 р. 51 к., составившаяся на пожертвованія его сослуживцевъ и учениковъ, по подпискѣ (съ 1890 г.). Такимъ же образомъ положено начало образованію стипендіи имени Н. И. Ильминскаго, по случаю 10-лѣтія со дня его кончины (1901 г.; капиталъ къ 1 янв. 1907 г. возросъ до 3.190 р. 12 к.), и прот. А. П. Владимірскаго (съ 1906 г.; капиталъ—172 р.). Въ 1892 г. положено начало юбилейной стипендіи пожертвованіемъ 150 р. м. Палладіемъ и 105 р. прот. А. А. Виноградовымъ; но скоро послѣ того эти деньги причислены къ церковному капиталу. Въ 1894 г.

[1]) Съ 1903 г. имъ же положено начало образованію второй стипендіи, капиталъ для которой возросъ до 736 р. 47 к.

разрѣшенъ сборъ денегъ на стипендію окончившихъ въ этомъ году студентовъ XXXV курса, но обязавшіеся взносами студенты не внесли ничего Въ 1900 г. Никаноръ (Каменскій), еп. орловскій (нынѣ архіеп. варшавскій), положилъ основаніе стипендіи XV курса, пожертвовавъ 100 р. (имѣется 205 р. 66 к.). Въ 1900 г. положено начало стипендіи XLI курса (внесено доселѣ 97 р. 3 к.). Наконецъ тѣмъ же еп. Никаноромъ въ 1893 г. были присланы въ казанскую Академію на 4 года 2 тыс. руб. на временную стипендію, которая послѣ должна была перейти на 6 лѣтъ въ астраханскую Семинарію, а потомъ навсегда—въ астраханское училище. Еще раньше (1892 г.) пожертвовалъ 800 р. на содержаніе одного студента въ теченіе всего академическаго курса архіеп. Владиміръ (Петровъ). При ректорѣ Антоніи въ теченіе пяти лѣтъ нѣкоторые студенты III и IV курса пользовались заимообразнымъ пособіемъ изъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ; то же имѣло мѣсто и въ послѣднемъ учебномъ году. Въ 1906—7 уч. году въ казанской Академіи училось 120 студентовъ на казенныхъ стипендіяхъ, 23 на частныхъ, 17 пансіонеровъ и 9 приходящихъ, всего 169 чел., въ томъ числѣ 5 иностранцевъ (2 грека, 3 болгарина). Изъ нихъ 17 священниковъ, 1 діаконъ, 3 іеродіакона и 1 монахъ. Кромѣ студентовъ было 3 вольнослушателя.

2) *Занятія студентовъ* начинались съ выбора группы и языковъ. Въ первые годы по введеніи устава 1884 г. предпочтеніе отдавалось словесной группѣ до того, что иногда на нее записывалось втрое болѣе студентовъ, чѣмъ на историческую (1887 г.). Быть можетъ, туда влекло ихъ имя Порфирьева, ибо въ первый же годъ послѣ его смерти отношеніе измѣнилось: на историческую группу записалось на 6 чел. больше. Въ срединѣ 90-хъ годовъ опять многолюднѣе словесное отдѣленіе. Въ концѣ періода словесниковъ вообще бывало больше, чѣмъ историковъ. Но иногда на протяженіи двухъ лѣтъ отношеніе между ними такъ быстро мѣнялось, что едва ли можно дѣлать отсюда выводы объ умственныхъ интересахъ студентовъ. Въ $190^6/_7$ уч. году на всѣхъ курсахъ было 72 словесника и 61 историкъ. Что касается миссіонерской группы, то сюда шло всего меньше и меньше—на монгольскій отдѣлъ. Но бывали годы (1891), что она не привлекала къ себѣ ни одного студента. Въ виду этого Синодомъ въ 1899 г. разрѣшено по ходатайству Академіи принимать на миссіонерское отдѣленіе перворазрядныхъ воспитанниковъ ардонской Семинаріи. Это сразу увеличило составъ отдѣленія. Послѣ, правда, опять сюда стали записываться очень немногіе. Въ $190^6/_7$ уч. году на 4 курсахъ ихъ было 36 ч.) [1]).

Изъ древнихъ языковъ до 1887 г. больше привлекалъ латинскій, съ 1888 г. „грековъ“ стало втрое, даже вчетверо болѣе, чѣмъ латинистовъ. Такое отношеніе сохранялось до самаго послѣдняго времени. Только $190^6/_7$ г. числа тѣхъ и другихъ сравнялись. Процентное отношеніе между записывавшимися на новые языки до 1886 г. было прежнее, съ 1887 г. оно измѣнилось: по прежнему всего больше было нѣмцевъ, но англійскому языку стали отдавать предпочтеніе предъ французскимъ. Въ послѣдніе годы опять французовъ стало больше, чѣмъ англичанъ. (Въ $190^6/_7$ уч. году при 66 нѣмцахъ было 22 француза и 6 англичанъ). Хожденіе на лекціи въ этомъ періодѣ жизни казанской Академіи не было обязательно для студентовъ. Ходили и ходятъ къ любимымъ профессорамъ, наполняя ихъ аудиторіи, даже и изъ другихъ курсовъ. Къ „неинтереснымъ“ и не любимымъ ходятъ въ минимальномъ количествѣ, иногда по назначенію „декана“, для записи за ними лекцій. Такъ было съ самаго начала періода, при строжайшемъ инспекторѣ Н. Я. Бѣляевѣ (1885—1890 гг.), такъ остается и доселѣ, съ тою разницей, что въ оцѣнку достоинства профессоровъ теперь вошелъ политическій элементъ—характеръ ихъ убѣжденій: „черносотенные“ профессора мало популярны. Иные изъ нихъ и совсѣмъ не видятъ въ своихъ аудиторіяхъ студентовъ. Запись лекцій обязательна только по нѣкоторымъ предметамъ: по другимъ готовятся къ экзамену съ помощью печат-

[1]) Справедливо видятъ причину этого въ томъ, что и по уставу 1884 г. является неопредѣленнымъ положеніе питомцевъ миссіонерскаго отдѣленія и фактически высшее начальство далеко не всегда пользуется ихъ спеціальными познаніями и призваніемъ.

ныхъ руководствъ. Число лекцій въ день прежнее — 4. Продолжительность каждой часъ. Но съ 1890 г., когда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Синодомъ введено обязательное присутствованіе учащихся за преждеосвященными литургіями по средамъ и пятницамъ велик. поста, лекціи въ эти дни длятся по получасу и происходятъ до литургіи.

Число сочиненій семестровыхъ и проповѣдей осталось и при новомъ уставѣ прежнее (3 и 1) съ тою разницей, что оно распространено теперь и на III курсъ. Срокъ подачи сочиненій—1 ноября, 10 янв. и 15 марта. Но сроки эти часто нарушались съ разрѣшенія академическаго начальства, нерѣдко и безъ него. Въ 1901 г. Совѣтъ подтвердилъ старую практику, по которой тяжко больные студенты могли и вовсе быть освобождены отъ семестроваго сочиненія, но не болѣе одного въ годъ. Въ 1896 г. всѣ студенты были освобождены въ виду коронаціи отъ третьяго „семестряка" и къ 11 мая отпущены по домамъ. Отъ 3-го „семестряка" студенты 1—3 курсовъ были освобождены и въ 1904/5 акад. году въ виду сокращенія учебнаго времени, вызваннаго капитальнымъ ремонтомъ библіотеки. Въ 1906/7 уч. году студенты, подавъ мотивированное заявленіе, сами себя освободили отъ третьяго сочиненія. Отъ проповѣди же они отказались годомъ ранѣе. Въ 1907/8 году Совѣтъ потребовалъ представленія всѣхъ неподанныхъ проповѣдей и семестровыхъ сочиненій. Курсовое сочиненіе уставъ 1884 г. перенесъ съ III курса на IV. Темы для него избирали сами студенты въ началѣ учебнаго года, но одобрялъ ихъ Совѣтъ. Съ 1889 г. при одобреніи темъ Совѣтъ руководился правилами для разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней, присланными при указѣ Св. Синода 23 февр. 1889 г. и требующими исключительно богословскихъ темъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые архіепископы браковали многія изъ темъ, прошедшихъ чрезъ Совѣтъ. Въ первые годы (до 1891 г.) наиболѣе темъ давали русская церковная исторія, миссіонерскія науки, каноническое право, Свящ. Писаніе Новаго Завѣта, литургика, гомилетика и патристика. Впослѣдствіи сюда присоединились пастырское богословіе съ педагогикой. Курсовыя сочиненія подавались въ теченіе мая, но бывали случаи какъ болѣе поздней подачи (въ августѣ), такъ и болѣе ранней—въ 1897 г. Совѣтъ по указанію Св. Синода и слѣдуя примѣру другихъ Академій, постановилъ, чтобы кандидатскія сочиненія подавались къ 1 мая и чтобы позже поданныя разсматривались въ августѣ. Читаются двумя рецензентами, которые, впрочемъ, очень рѣдко расходятся въ своихъ отзывахъ. Экзамены на IV курсѣ производятся въ маѣ мѣсяцѣ. Присужденіе же ученыхъ степеней—въ началѣ іюня; но былъ случай производства экзамена въ февралѣ—мартѣ (1902 г. для іером. Симеона, назначеннаго въ Пекинскую миссію). При присужденіи Совѣтъ руководится правилами, выработанными имъ въ 1885 г. и подраздѣляющими кандидатовъ на три разряда. На первый разрядъ даютъ право отличные успѣхи по всѣмъ предметамъ, по сочиненіямъ и проповѣдямъ (не менѣе двухъ третей пятерокъ и не болѣе трети четверокъ при 5 по поведенію), на второй—отсутствіе троекъ и на третій—посредственные успѣхи. Плохое курсовое сочиненіе или неподача его—лишаютъ кандидатства.

3) *Нравственная жизнь.* Уставъ 1884 г., поставивъ цѣлію существованія Духовныхъ Академій приготовленіе ихъ питомцевъ наряду съ педагогическою дѣятельностью въ духовной школѣ и даже выше ея—просвѣщенное служеніе церкви на пастырскомъ поприщѣ, обратилъ большое вниманіе на академическую дисциплину и вообще на воспитаніе ихъ въ религіозно-нравственномъ духѣ. Баллы по поведенію должны теперь приниматься въ соображеніе при составленіи списковъ переводныхъ и выпускного. Въ теченіе курса о поведеніи студентовъ инспекторъ долженъ доносить Правленію, которое и сообразуется въ своихъ дѣйствіяхъ съ этими донесеніями. Правленіе, при самомъ введеніи устава, составило и правила поведенія студентовъ и инструкціи для (двухъ теперь) помощниковъ инспектора. Но и послѣ того приходилось принимать къ исполненію цѣлый рядъ указовъ Синода, направленныхъ къ усиленію дисциплины въ дух.-учебныхъ заведеніяхъ и завершавшихъ реформу 1884 г. Таковы указы 1886 г. о воспрещеніи воспитанникамъ держать огнестрѣльное оружіе, принимать участіе въ публичныхъ чествова-

ніяхъ общественныхъ дѣятелей, отлучаться въ учебные дни изъ общежитій. 1887 г. о запрещеніи образовывать землячества, кружки самообразованія и пр. Всѣ эти предписанія въ 1888 г. были внесены въ новую редакцію правилъ для студентовъ. Въ 1889 г. послѣдовалъ новый указъ о поднятіи церковности въ духовныхъ школахъ. Особыми же распоряженіями 1888 и 1889 гг. надлежало доносить высшему начальству о поведеніи студентовъ и о дѣятельности инспекціи, какъ эти же свѣдѣнія съ 1885 г. включались въ годичные отчеты Академіи. Послѣдніе удостовѣряютъ, что „общій уровень нравственнаго состоянія студентовъ... былъ весьма удовлетворителенъ. Студенты исправно посѣщали богослуженіе, ежедневныя молитвы, классы. трудолюбиво занимались въ часы, свободные отъ классовъ, были почтительны къ старшимъ, миролюбивы во взаимныхъ отношеніяхъ. Если и были уклоненія отъ правилъ благоповеденія, то—незначительныя, такъ что легко пресѣкались внушеніями о. ректора Академіи и инспекціи и не вынуждали обращаться къ Правленію Академіи“.

Эта характеристика поведенія студентовъ за 188⁴/₅ уч. годъ повторяется съ измѣненіями и послѣ за весьма многіе годы. Но всего болѣе она можетъ отображать дѣйствительное положеніе вещей въ инспекторство Н. Я. Бѣляева, котораго (по воспоминаніямъ студентовъ) трепетала вся Академія и который страшно подтянулъ дисциплину. Но что и при немъ были нарушенія ея,—объ этомъ, кромѣ мягкихъ отмѣтокъ: „не всѣ студенты были внимательны къ своимъ обязанностямъ“, свидѣтельствуетъ отчетъ за 188⁶/₇ уч. годъ. „Прискорбное положеніе дѣла вынудило Совѣтъ прибѣгнуть къ мѣрамъ особенной строгости: 5 студентовъ, отмѣченные въ донесеніи инспектора балломъ 2, были уволены изъ Академіи; 14 студентовъ, отмѣченные балломъ 3, хотя и были переведены въ слѣдующіе курсы, но имъ сдѣлано отъ лица Совѣта строгое замѣчаніе. Изъ окончившихъ курсъ—получившіе баллъ 4 были понижены въ спискѣ, получившіе баллъ 3 выпущены дѣйствительными студентами съ правомъ получить степень кандидата по прослуженіи двухъ лѣтъ при одобреніи подлежащаго начальства“. Такими же результатами сопровождались въ началѣ 90-хъ годовъ „бунты“ противъ инспектора Бѣляева и попытки стряхнуть съ себя его иго. Въ 189⁰/₁ уч. году 11 студентовъ было исключено и тремъ предложено уволиться изъ Академіи. Стало легче жить студентамъ съ 1894 г.—послѣ смерти Бѣляева и назначенія инспекторомъ проф. Виноградова, а ректоромъ архим. Антонія, чрезмѣрно мирволившаго студентамъ, особенно избраннымъ, какихъ у него всегда было много. Дисциплина ослабѣла. Студенты Академіи (—лучшіе, разумѣется: худшіе были всегда исключеніями—) стали по призыву своего ректора заниматься церковно-общественною дѣятельностью, иногда въ явный ущербъ академическимъ обязанностямъ, значеніе которыхъ тѣмъ самымъ подрывалось:—съ 1895 г. начали вести бесѣды и чтенія христіанскаго характера въ учрежденіяхъ казанскаго общества трезвости и въ исправительномъ отдѣленіи казанской тюрьмы, начали вести внѣбогослужебныя бесѣды и проповѣдывать въ разныхъ церквахъ города, вводить въ нѣкоторыхъ общенародное пѣніе, заниматься въ воскресныхъ школахъ въ самомъ городѣ и въ Адмиралтейской слободѣ. Въ 189⁸/₉ уч. году 69 студентовъ занималось проповѣдничествомъ въ 14 церквахъ Казани и веденіемъ внѣбогослужебныхъ бесѣдъ въ 5 церквахъ, въ 5 воинскихъ казармахъ и 2 ночлежныхъ домахъ, 34 студента—веденіемъ въ 4 аудиторіяхъ народныхъ чтеній, 49—преподаваніемъ въ двухъ воскресныхъ школахъ Казани и Адмиралтейской слободы.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ этой созданной Антоніемъ церковно-общественной дѣятельности столько же, сколько и вслѣдствіе прямыхъ, усиленныхъ и постоянныхъ его убѣжденій, нѣкоторые студенты Академіи рѣшали посвятить себя церкви еще со студенческой скамьи и—шли въ монахи. За время его ректуры постриглось свыше 20 студентовъ, изъ которыхъ одинъ—даже на смертномъ одрѣ... Теперь рано еще говорить, какой плюсъ или минусъ внесли они въ оживленіе церковнаго сознанія и общественной дѣятельности, но можно отмѣтить, что сонмъ ихъ немало способствовалъ благолѣпію церковныхъ службъ въ самой Академіи, привлекавшихъ множество народу. Благодаря обилію ихъ и бѣлаго духовенства (въ 1898 г. въ Академіи обучалось

9 іеромонаховъ, 6 іеродіаконовъ, 13 священниковъ, протоdіаконъ и 2 діакона; въ 1900 г. духовныхъ было 40 ч.) сдѣлалось возможнымъ завести въ академической церкви постоянныя богослуженія, которыя посѣщали и свѣтскіе студенты, и организовывать время отъ времени богослуженіе на другихъ языкахъ. Такъ, съ 1896 г. въ недѣлю праотцевъ совершалась литургія на греческомъ языкѣ, въ январѣ и февралѣ 1898 г. — на грузинскомъ, въ февралѣ 1899 и 1900 г.—на монголо-бурятскомъ. Благодаря тому же Антонію, казанская Академія въ отношеніи церковности и общественной дѣятельности шла по внѣшности впереди другихъ. Когда въ 1901 г. Синодъ, осуществляя рекомендованныя III миссіонерскимъ съѣздомъ (бывшимъ въ 1897 г. въ Казани, въ Академіи) мѣры для улучшенія пастырско-миссіонерской подготовки воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, разослалъ послѣднимъ указъ о привлеченіи ихъ къ проповѣданію слова Божія, собесѣдованію съ раскольниками и участію въ богослуженіи, — оказалось, что въ казанской Академіи ежедневно правится служба Божія, съ 1895 г. существуетъ проповѣдническая „дружина“ и нѣкоторые студенты посѣщаютъ собесѣдованія проф. Н. И. Ивановскаго, а нѣкоторые самолично участвуютъ въ нихъ. Въ 1902 г. отчетъ констатировалъ ежедневное совершеніе богослуженія въ академической церкви, педагогическую дѣятельность студентовъ въ трехъ воскресныхъ школахъ [1]), проповѣдническую въ двухъ приходскихъ церквахъ и въ монастырѣ, религіозно - нравственныя бесѣды въ девяти учрежденіяхъ (школахъ, церквахъ, образовательныхъ домахъ, пріютахъ, ночлежкѣ, чайныхъ). Въ 1904/5 уч. г., по примѣру казанской проповѣднической дружины, образовался кружокъ въ кіевской Академіи. Но въ самые послѣдніе годы размѣры общественно-просвѣтительной дѣятельности студентовъ очень сократились. Въ настоящее время въ проповѣдническомъ кружкѣ до 22 ч. и онъ обслуживаетъ 11 церквей и 5 солдатскихъ пунктовъ. Характеризуютъ религіозное настроеніе студенчества и двѣ совершенныя ими паломническія и научно-образовательныя экскурсіи: въ 1902 г. по Россіи съ участіемъ доцента свящ. Дружинина (25 чел.), другая въ 1907 г. въ Палестину—съ ректоромъ еп. Алексіемъ (15 ч.). Вліяніе ректора Антонія (Храповицкаго) шло и далѣе. Еще съ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ съ умственными интересами студентовъ, будившимися гл.-обр. словесникомъ Порфирьевымъ и историкомъ Знаменскимъ, стали оживать философскіе, подъ вліяніемъ молодого доцента В. И. Несмѣлова. Это умственное теченіе Антоніемъ было усилено: оба эти лица принадлежатъ къ школѣ христіанскихъ философовъ и оба, оживляя вниманіе къ христіанскому богословію философскими соображеніями и аргументами, въ концѣ 90-хъ годовъ были любимцами академическаго студенчества. Они были и главными руководителями студенческаго философскаго кружка (съ 1899 г.), къ которому въ лучшіе годы принадлежала одна пятая часть всего студенчества (съ 1901 г. программа кружка расширена: въ нее внесены вопросы литературы и словесности). Вліяніе ихъ перешло и въ XX-е столѣтіе и только въ самые послѣдніе годы ослабѣло, бывъ парализовано политическими интересами и вопросами академической автономіи. Съ 1907/8 уч. года „Литературно-философскій кружокъ“ возобновилъ свою дѣятельность послѣ двухлѣтняго перерыва. Въ немъ человѣкъ 17. Чисто политическое движеніе студентовъ казанской Академіи выразилось въ участіи въ митингахъ университетскихъ, въ уличныхъ демонстраціяхъ (первыя демонстраціи — въ октябрѣ 1905 г. — имѣли патріотическій характеръ), въ партіяхъ разныхъ направленій, преимущественно лѣвыхъ, въ посылкѣ демонстративныхъ телеграммъ по разнымъ случаямъ съ выраженіемъ недовольства нѣкоторыми распоряженіями правительства, наконецъ въ самоубійствѣ въ стѣнахъ Академіи въ дек. 1906 г. студента IV курса, связанномъ съ принадлежностію его къ одной изъ соціалистическихъ партій. Движеніе въ пользу академической автономіи началось собственно въ сентябрѣ 1905 г., когда были опубликованы и введены въ дѣйствіе временныя правила, обезпечившія права автономныхъ

[1]) Въ связи съ этимъ нужно отмѣтить, что многіе студенты въ 1901/2 уч. году посѣщали въ учительскомъ институтѣ пробные уроки старшихъ воспитанниковъ и вечерніе разборы ихъ.

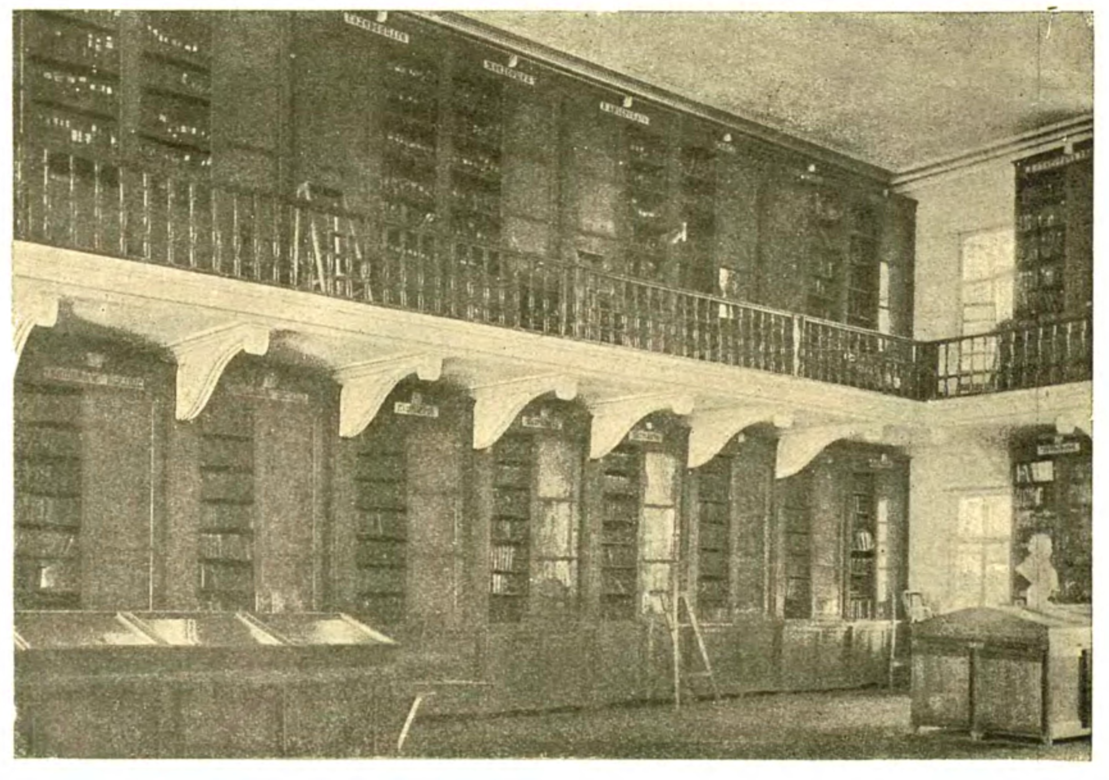
коллегій высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній (27 авг.). Идя слѣдомъ за студентами столичныхъ Академій, казанскіе студенты тоже „забастовали“, требуя автономіи и для духовныхъ высшихъ школъ. Въ октябрѣ Академія была закрыта, а въ декабрѣ, послѣ опубликованія синодальнаго указа 30 ноября, бывшіе въ Казани студенты приступили къ занятіямъ. Но масса студенчества продолжала быть недовольной и новымъ положеніемъ, и фактическими урѣзками данныхъ указомъ правъ, и, наконецъ, выработаннымъ корпораціею проектомъ академическаго устава. Послѣ многихъ сходокъ, на которыя приглашались и профессора, въ Пасху 1906 г. делегаты казанскаго студенчества вмѣстѣ съ представителями другихъ Академій въ Петербургѣ вырабатывали свой уставъ. Во всѣхъ Академіяхъ имѣли быть образованы особыя бюро для объединенія академическаго студенчества на почвѣ огражденія его правъ отъ притязаній какъ Синода, такъ и академическихъ корпорацій. Такимъ бюро въ Казани былъ „Комитетъ“, образовавшійся еще до этого изъ коммиссіи, разработывавшей академическій уставъ. Но казанскій „Комитетъ“, направлявшій всѣми студенческими и нѣкоторыми не студенческими дѣлами и состоявшій изъ 15 человѣкъ, въ январѣ 1907 г. прекратилъ свое существованіе вслѣдствіе раскола какъ въ немъ самомъ, такъ и во всемъ студенчествѣ. Внутри академическихъ стѣнъ „автономное“ движеніе сказалось, между прочимъ, въ началѣ 1907 г. въ избраніи самими студентами академическаго доктора, въ отказѣ пѣть въ академической церкви иначе, какъ за деньги... Впрочемъ, послѣдній учебный (1906—1907) годъ прошелъ въ казанской Академіи тише, чѣмъ предыдущій. По свидѣтельству „Анналовъ казанской Духовной Академіи“ (рукописи студенческаго происхожденія), „духовная эволюція академическаго студенчества“ началась съ 1901 г. Съ этого именно времени казанскіе студенты стали превращаться изъ „самозаключившихся въ дебри богословско-философской мудрости старцевъ и самодовольныхъ схоластовъ, у которыхъ все рѣшено“, въ молодыхъ людей „съ широкимъ кругозоромъ, волнующихся и мучащихся общественными вопросами, употребляющихъ всѣ усилія“ для того, чтобы стать „живыми людьми, чтобы заодно съ передовымъ обществомъ быть свѣтомъ народу и указывать ему дорогу къ лучшей осмысленной жизни“. По объясненію „Анналовъ“ на эту метаморфозу повліяли съ отрицательной стороны скучнѣйшія лекціи профессоровъ (за весьма немногими исключеніями), съ положительной—чтеніе книгъ и журналовъ прогрессивнаго направленія и расширеніе свѣтскихъ знакомствъ, болѣе свободный доступъ въ общество (быть можетъ, вслѣдствіе введенія въ академіи форменной одежды). Но если этотъ переломъ начался съ 1901 г., то онъ коснулся пока незначительной части студенчества: факты 1902—1905 гг. удостовѣряютъ, что большинство еще жило старыми идеями и идеалами. Въ 1902 г. студенты устраиваютъ молитвенное поминовеніе и литературно-музыкальный вечеръ въ память Гоголя, въ 1904 г. (14 марта) „патріотическій“ вечеръ въ пользу лазарета для раненыхъ и больныхъ воиновъ при казанской общинѣ сестеръ милосердія, для которой жертвуютъ кромѣ чистаго дохода часть своихъ денегъ и сборъ съ концерта, даннаго съ ихъ участіемъ, въ въ 1905 г. участвуютъ въ патріотическихъ манифестаціяхъ... Только въ 1907 г. они не допускаютъ устройства въ академическомъ актовомъ залѣ патріотическаго вечера въ память патр. Гермогена въ виду его „черносотенности“... Посредниками между начальствомъ и студентами, опредѣляющими свою волю на курсовыхъ и общестуденческихъ сходкахъ, и выразителями студенческихъ нуждъ и интересовъ послѣ закрытія „Комитета“ служатъ курсовые „деканы“, издавна существовавшіе, а теперь чаще называемые „старостами“.

Былъ еще одинъ результатъ сближенія студенчества съ обществомъ — появленіе среди студентовъ женатыхъ — помимо духовенства. Въ началѣ 900-хъ годовъ женилось нѣсколько студентовъ тайно отъ начальства: одинъ, оставивъ ради женитьбы Академію, скоро опять поступилъ въ нее съ разрѣшенія Св. Синода, а другой, и не выходя изъ Академіи, узаконилъ свой бракъ.

III) Вспомогательныя учрежденія. 1) Библіотека. По синодальному указу 25 мая 1842 г., казанская Академія на первыхъ порахъ должна была пользоваться книгами мѣстной семинарской библіотеки и

обсудить вопросъ, какія книги изъ послѣдней могутъ быть переданы ей въ собственность. Но и самое пользованіе было затруднено вслѣдствіе хаоса, въ какой привелъ библіотеку Семинаріи пожаръ 1842 г. Затруднены были и другіе способы снабженія Академіи книгами до того, что къ январю 1843 г. она располагала только 74 номерами книгъ всякаго рода, въ томъ числѣ и учебными. Уже въ 1844 г. она получила изъ дублетовъ петербургской Академіи 270 сочиненій, московской и кіевской по 128. Это были большею частію творенія св. отцовъ, древніе классики, средневѣковыя богословскія сочиненія и разнородные учебники. Нѣкоторыя изданія—изъ числа весьма рѣдкихъ и дорогихъ. Но и послѣ того академическая библіотека была столь скудна, что недостатокъ сочиненій нужныхъ для курсовыхъ работъ восполнялся выпискою книгъ на время изъ разныхъ Семинарій, иногда очень отдаленныхъ. Темами курсовыхъ сочиненій опредѣлялось содержаніе и покупаемыхъ книгъ, самая выписка которыхъ подгонялась къ дачѣ ихъ. Но просмотръ рекомендуемыхъ наставниками книгъ дѣлался въ Правленіи съ большой тщательностію въ виду малости ассигновавшихся на этотъ предметъ средствъ. Правленію не разъ приходилось производить здѣсь передержки, но иногда оно не израсходывало штатной суммы, дѣлая сбереженія на непредвидѣнные случаи. Иногда оно выхлопотывало даровыя высылки книгъ изъ синодальныхъ складовъ, иногда—добавочныя ассигнованія. Въ 50-хъ годахъ Синодъ, въ связи съ открытіемъ миссіонерскихъ отдѣленій, ассигновалъ 1.360 р. на пріобрѣтеніе книгъ на восточныхъ языкахъ и 4.923 р. на покупку старопечатныхъ книгъ и рукописей для противораскольническаго отдѣленія—кромѣ того, что выслалъ много книгъ натурой и способствовалъ высылкѣ книгъ и рукописей изъ консисторій и монастырей. Въ это время въ Академію была передана и обширная рукописная библіотека Соловецкаго монастыря и анзерскаго скита (1513 №№ рукописей [1]) и 83 старопечатныхъ книгъ). Въ 50-хъ же годахъ Академія получила изъ казанской Семинаріи 53 названія книгъ въ 268 томахъ и выбрала изъ дублетовъ Импер. Публичной библіотеки 1.514 названій западныхъ средневѣковыхъ и польскихъ писателей. Важны и дороги были и пожертвованія частныхъ лицъ, увѣковѣченныя особыми надписями на каждой книгѣ имени жертвователей: колл. сов. Калашникова 1.084 названія въ 1.523 томахъ (1847 г.), Евсевія, еп. ковенскаго, 152 названія книгъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ (1849—1850 г.), архіеп. Григорія 674 соч. (1850 г.) и его же по духовному завѣщанію (1867 г.) 198 драгоцѣнныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, тамбовскаго помѣщика Енгалычева 1.003 названія (1858 г.), архіеп. Аѳанасія 1.348 названій въ 2105 томахъ (1866 г.). Библіотека такъ возросла, что въ 1856 г. пришлось раздѣлить ее на два отдѣла—фундаментальную библіотеку и библіотеку рукописей и старопечатныхъ книгъ, съ порученіемъ послѣдней особому лицу—помощнику библіотекаря, а въ 1866 г. ассигновать особыя средства для приведенія библіотеки въ порядокъ и составленія ея каталога. Въ 1870 г., при переходѣ къ новому уставу, казанская Академія владѣла 12.523 названіями въ 26.604 томахъ, въ томъ числѣ 10.255 названій книгъ въ 24.134 томахъ и 2.268 названіями рукописей въ 2.470 томахъ. За время дѣйствія устава 1869 г. въ Академію поступило 6.299 названій книгъ въ 15.931 томахъ и 497 названій рукописей въ 509 томахъ. Съ ассигнованіемъ на библіотеку 1.600 р. стало возможнымъ усиленнѣе пополнять ее путемъ покупки книгъ. Сумма эта распредѣлялась между каѳедрами и каждый наставникъ могъ выписать рублей на 35—40 въ годъ. Но въ иные годы библіотека такъ выходила изъ смѣты (напр., въ 1876 г. издержано 2.415 р. 94 к.), что изъ смѣты слѣдующаго года приходилось только покрывать долги. Посредниками по выпискѣ книгъ были рижскій книгопродавецъ Киммель и казанскій Дубровинъ. Иногда Совѣтъ Академіи, пользуясь случаемъ (напр., заграничною командировкой какого-ниб. профессора), ассигновывалъ въ его распоряженіе часть смѣтной суммы на пріобрѣтеніе книгъ по его спеціальности (150 р.

[1]) Въ 1882 г. по ходатайству соловецкаго архимандрита 31 рукопись возвращена въ монастырь.

Фундаментальная библіотека казанской Духовной Академіи.

проф. Красносельцеву въ 1881 г.) и выпрашивалъ еще отъ Синода сверхсмѣтное пособіе (ему же 500 р.). И въ этотъ періодъ жизни Академіи число пожертвованныхъ въ ея библіотеку книгъ почти равнялось купленнымъ. Наиболѣе значительное количество поступило въ 1876 г. изъ библіотеки бывшаго астраханскаго архіепископа Аѳанасія (787 названій болѣе чѣмъ въ 1000 томахъ). Много книгъ и изданій поступило также отъ разныхъ учрежденій и редакцій журналовъ въ обмѣнъ на „Православный Собесѣдникъ“.

Штаты 1884 г. еще болѣе увеличили библіотечныя средства (до 2.500 р.), при чемъ Академія и въ этотъ періодъ получила сверхсмѣтныя ассигнованія (въ 1886 г. 500 р. на пріобрѣтеніе арабскихъ книгъ чрезъ отправленнаго на Востокъ доцента М. А. Машанова). Изъ частныхъ пожертвованій болѣе значительными въ это время являются: коллекція тибетскихъ и монгольскихъ книгъ и брошюръ (312 названій), пожертвованная въ 1889 г. еп. якутскимъ Мелетіемъ, коллекція книгъ разнообразнаго содержанія отъ еп. новомиргородскаго Николая (1889 г.), цѣнное собраніе рукописей и книгъ изъ библіотеки Н. И. Ильминскаго (1891 и 1896 гг.). Въ 1904 г. поступила философская библіотека умершаго профессора А. К. Волкова изъ 1.358 названій въ 3.045 томахъ, составившая особый отдѣлъ фундаментальной библіотеки, въ 1905 г. 82 названія въ 279 томахъ изъ библіотеки пок. профессора А. А. Некрасова. Къ концу 190⁶/₇ уч. года фунд. библіотека заключала въ себѣ книгъ и рукописей 35.675 названій въ 81.721 томахъ. Академическая библіотека служитъ не только наставникамъ, студентамъ и курсистамъ, но и постороннимъ лицамъ и учрежденіямъ. Ея книги и рукописи посылаются и за предѣлы Казани.

Библіотека имѣетъ свой печатный каталогъ изъ томовъ I (1874—7 г.), II съ алфавитнымъ указателемъ къ обоимъ (1881—1885 г.) и 2 выпусковъ III-го (1896 и 1904 гг.). Академія можетъ гордиться прекрасными каталогами и инвентарями библіотеки и отличными порядками, при которыхъ вполнѣ обезпечена наивозможная быстрота въ пріискиваніи книгъ.

Студенческая библіотека, получившая начало въ 1846 г., стала правильно функціонировать въ 50-хъ годахъ, когда студенты стали на свой счетъ выписывать журналы и книги и получать даровые экземпляры газетъ и журналовъ. Она пользовалась, особенно въ 60-хъ годахъ, нѣкоторою независимостію отъ начальства. Таково же было ея положеніе и послѣ—при дѣйствіи уставовъ 1869 года и даже 1884 г., хотя послѣдній, узаконивъ студенческую библіотеку, наблюденіе за ея пополненіемъ поручилъ ректору, а надзоръ за ея благоустройствомъ инспектору. Синодальнымъ указомъ 1891 г. эта статья устава подтверждена, при чемъ объяснено, что въ студенческую библіотеку могутъ попадать только книги, соотвѣтствующія цѣли и направленію академическаго образованія, и велѣно закрыть существовавшую при библіотекѣ читальню, а Совѣту—составить правила для чтенія книгъ студентами, каковыя и составлены особою коммиссіей. Студенческая библіотека содержится на ежегодные взносы студентовъ и на доходы съ студенческой булочной.

2) Музея при казанской Академіи пока нѣтъ, но основаніе ему положено еще въ 1844 г. пожертвованіями епп. Владиміра казанскаго и Іакова саратовскаго, давшими начало кабинету рѣдкостей и мюнцъ-кабинету. Въ концѣ 50-хъ годовъ, когда рѣдкости перестали собирать, ихъ оказалось до 55 №№ въ 114 экз., а монетъ до 300 экз. Въ 1864 г. богатое пожертвованіе монетъ восточныхъ и греческихъ сдѣлано начальникомъ русской миссіи въ Константинополѣ архим. Антониномъ. Уставъ 1869 г. не былъ расположенъ поддерживать естественно-научныя и другія коллекціи и за передачей физическаго кабинета въ Дух. Семинарію, а зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій въ крещено-татарскую школу,—въ обладаніи Академіи остались коллекціи нумизматическая, минералогическая и нѣкоторые физическіе аппараты, имѣющіе значеніе для преподаванія метафизики и психологіи. Вещи эти хранятся въ библіотекѣ, стѣсняя ея помѣщеніе. Въ 1898 г. Совѣтъ Академіи, согласно съ ходатайствомъ университетскаго Совѣта, предположилъ передать въ пользованіе Университета образцы минераловъ, горныхъ породъ и ископаемыхъ костей, но Синодъ не раз-

рѣшилъ этого. Между тѣмъ еще въ 80-хъ годахъ въ Академіи возникла мысль объ учрежденіи въ ней музея церковно-археологическаго, по примѣру другихъ Академій, при чемъ особая коммиссія въ 1889 г. признала желательнымъ, въ виду миссіонерскихъ задачъ казанской Академіи, устройство музея не только церковно-археологическаго, но и миссіонерско-этнографическаго. Хотя ходатайство Совѣта и преосвященнаго предъ Св. Синодомъ не имѣло успѣха въ виду того, что въ другихъ Академіяхъ музеи заводились не на синодальныя средства,—въ Академію продолжали поступать, какъ и прежде поступали, разные предметы, имѣющіе интересъ научный вообще и миссіонерско-этнографическій въ частности. Нѣсколько вещей пожертвовано было къ юбилею Академіи, 66 предметовъ гольдскаго и гиляцкаго религіознаго и домашняго обихода поступило въ 1897 г. Мысль объ учрежденіи музея въ Академіи не умирала до самаго послѣдняго времени, когда ей нанесенъ сильный ударъ учрежденіемъ въ 1906 г. Церковнаго историко-археологическаго общества казанской епархіи.

3) Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ существуетъ съ 1883 г. Основано оно по иниціативѣ архіеп. Палладія (Раева), который далъ начало и его фонду, пожертвовавъ 1 тыс. руб. Мѣстные архіереи, а также иноепархіальные, такъ или иначе связанные съ Казанью и Академіей, были и остаются главными жертвователями въ Общество. Къ юбилею Академіи ими пожертвовано до $2^1/_2$ т. р. Но исторія Общества знаетъ и другихъ крупныхъ благотворителей низшихъ іерархическихъ степеней и разныхъ общественныхъ положеній и прежде другихъ— преподавателя донской Семинаріи Н. П. Кутепова, пожертвовавшаго вслѣдъ за основаніемъ Общества 1000 р. (1883 г.). Всѣ они избирались и избираются въ почетные члены. Къ 1 янв. 1907 г. ихъ было 18 чел. и пожизненныхъ 41 чел. Другимъ источникомъ доходовъ Общества служатъ взносы членовъ дѣйствительныхъ (нынѣ 37 чел.) и членовъ-сотрудниковъ. Дѣйствительными членами состоятъ гл. обр. служащіе въ Академіи. Прошедшіе ее студенты, даже щедро воспользовавшіеся благодѣяніями Общества, рѣдко записываются въ его члены и еще рѣже платятъ свои долги, несмотря на принимаемыя совѣтомъ Общества мѣры. Третій источникъ—публичныя лекціи профессоровъ въ его пользу какъ въ самой Академіи, такъ и въ разныхъ залахъ города. Лекціи эти имѣли мѣсто въ концѣ 90-хъ годовъ. Затѣмъ—публичные дух. концерты съ участіемъ студентовъ Академіи, дававшіеся съ 1897 г. преподавателемъ Семинаріи И. С. Моревымъ, отчислявшимъ въ Общество часть сборовъ. Наконецъ, такимъ источникомъ служатъ доходы отъ продажи „Сочиненій еп. Антонія" (Храповицкаго), пожертвованныхъ имъ Обществу въ 1900 г., и 2 выпусковъ „Сборника сочиненій студентовъ каз. Дух. Академіи", изданныхъ въ 1900 и 1901 гг. „Прав. Собесѣдникомъ". Не менѣе доходною была и есть „Исторія к. Д. Академіи" П. В. Знаменскаго, пожертвованная авторомъ, но выручка шла и идетъ на образованіе стипендій его имени. При Обществѣ накопляются капиталы и для другихъ стипендій.

Въ настоящее время (къ 1 янв. 1907 г.) средства Общества состоятъ изъ 22.016 р. 66 к. запасного капитала и 319 р. 61 к. расходнаго.

Общество въ теченіе своего существованія издержало на студентовъ не одну тысячу рублей. Оно или выдавало деньги на руки—своекоштнымъ студентамъ, особенно проживавшимъ на частныхъ квартирахъ, и казеннымъ—для проѣзда въ лечебныя мѣста, кумысныя заведенія, или вносило за ихъ содержаніе въ Правленіе Академіи, иногда за весь годъ. Пансіонеровъ Общества въ иные годы бывало до шести человѣкъ. Въ послѣднемъ отчетномъ (1906 г.) году выдано 33 студентамъ 1.106 р. 50 к. (изъ 1.972 р., поступившихъ въ Общество) и кромѣ того 8 студентамъ 63 р. изъ средствъ архіеп. Антонія.

4) Попечительство при Михаило-архангельской церкви каз. Духовной Академіи для вспомоществованія всѣхъ служащихъ и служившихъ въ Академіи основано 15 марта 1904 г. по мысли архіеп. Димитрія (Ковальницкаго), пожертвовавшаго 2 т. р. Цѣль его—выдача нуждающимся наставникамъ и прочимъ служащимъ кратко—и долгосрочныхъ ссудъ и безвозвратныхъ пособій. Въ со-

ставъ общества входятъ въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ весь наличный персоналъ Академіи и нѣкоторыя другія лица (три вдовы бывшихъ профессоровъ). Въ теченіе 1906 г. выдано въ ссуду 3.474 р. Средства къ 1 янв. 1907 г. состояли изъ 1.647 р. 83 к. неприкосновеннаго капитала и 1.402 р. 26 к. расходнаго (изъ послѣдняго 826 р. числилось за служащими въ долгу).

5) Ссудосберегательныя „курсовыя кассы“ существующія „съ незапамятныхъ временъ“ и пополняемыя ежегодными рублевыми взносами и ежемѣсячными 10-копѣечными, выдаютъ ссуды нуждающимся въ размѣрѣ до 5 рублей подъ 2—5% въ мѣсяцъ. На II курсѣ въ составъ капитала входитъ выручка отъ продажи писчихъ и другихъ принадлежностей. При окончаніи Академіи капиталъ дѣлится между участниками курсовой кассы.

IV). Издательская дѣятельность каз. Академіи. „Православный Собесѣдникъ“. Мысль объ изданіи при казанской Академіи духовнаго журнала возникла въ 1853 г. въ связи съ открытіемъ миссіонерскаго отдѣленія противъ раскола и шла сверху, какъ и самое названіе журнала. Согласно съ предложеніемъ свыше, Академія выработала программу журнала, разбивъ ее на отдѣлы догматическій, герменевтическій, историческій, нравственный и критическій, и составила редакціонный комитетъ изъ пяти членовъ, во главѣ съ ректоромъ, съ присоединеніемъ казначея и секретаря изъ профессоровъ же. Въ такомъ составѣ комитетъ сохранялся до 1870 г. Но главнымъ, можно сказать, редакторомъ журнала въ началѣ былъ архіеп. Григорій, первѣйшій его иниціаторъ. Онъ самъ заранѣе опредѣлилъ содержаніе первыхъ книжекъ журнала, самъ въ немъ сотрудничалъ, содѣйствовалъ нравственному и матеріальному успѣху его, между прочимъ, основавши фондовый капиталъ его, возросшій къ 1857 г. до 3 т. р. Онъ же объединилъ около журнала академическую корпорацію, обязавши ся членовъ каждый годъ доставлять опредѣленное число листовъ. Обязательный характеръ для учащихъ, особенно молодыхъ, имѣли журнальныя работы при ректорѣ Агаѳангелѣ. Первая книжка „Православнаго Собесѣдника“ вышла въ маѣ 1855 г. До 1857 г. журналъ выходилъ 4-мя книжками въ годъ, съ нач. 1858 г.—12-ю, при годовой цѣнѣ 5 р. (съ перес. 6 р. 50 коп.). Первый годъ онъ разошелся въ 1836 экземплярахъ съ даровыми. Ректоръ Іоаннъ, желая оживить академическій органъ, придать ему болѣе свѣжести и современности, помѣстилъ въ немъ много памятниковъ древней русской литературы и статей, касавшихся русской церковной исторіи и русскаго сектантства, а главное—посвященныхъ обсужденію жгучихъ вопросовъ, волновавшихъ общество (между прочимъ, крестьянскаго). Но его попытка поставить журналъ въ непосредственное отношеніе къ запросамъ современной жизни встрѣтила недовѣріе со стороны Св. Синода, 5 марта 1859 г. сдѣлавшаго замѣчаніе за „несвойственное духовному изданію направленіе Православнаго Собесѣдника“ редактору (т. е. ректору) и цензорамъ и самую цензуру оригинальныхъ статей переведшаго въ московскій цензурный комитетъ,—подъ надзоръ, слѣдовательно, митрополита Филарета, строжайшаго хранителя церковности въ мысляхъ и въ самыхъ выраженіяхъ. 1859 годъ былъ лучшимъ по числу подписчиковъ годомъ „Прав. Собесѣдника“, который тогда выдавалъ своимъ сотрудникамъ по 100 р. гонорара за листъ. Наказаніе, наложенное Синодомъ,—хотя продолжалось годъ съ небольшимъ,—отразилось очень плачевно на его внѣшнемъ успѣхѣ и потому именно, что какъ разъ въ началѣ 1860 г. появилось нѣсколько духовныхъ журналовъ съ самою широкою программой, съ которыми „Собесѣдникъ“ не могъ теперь конкурировать. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ оставаться на прежней научной высотѣ и въ это время въ немъ помѣщено не мало работъ, имѣющихъ и доселѣ научную цѣнность. Для поднятія цифры подписчиковъ, которыхъ въ 1860 г. было не болѣе 1000, а въ 1861 г. только 600,—редакціонный комитетъ хлопоталъ предъ архіепископомъ Аѳанасіемъ о распространеніи журнала среди духовенства епархіи. Журналъ былъ рекомендованъ, а въ 1866 г. объявленъ обязательнымъ, но это дало только нѣсколько лишнихъ подписчиковъ. Еще меньше пользы принесло установленіе сношеній съ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ. Отсутствіе гонорара повело къ бѣгству профессоровъ въ

другіе журналы и къ заполненію „Собесѣдника“ (при Иннокентіи) выдержками изъ студенческихъ курсовыхъ работъ. Въ 1867 г. по мысли архіеп. Антонія рѣшено было издавать при „Собесѣдникѣ“ „Извѣстія по Казанской епархіи“, каковыя духовенство могло и должно было выписывать только съ журналомъ. Эта мѣра подняла число подписчиковъ съ 600 до 900 и улучшила,—на первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ,—финансы „Собесѣдника“, хотя и увеличивъ его расходы. Уставъ 1869 г., даровавшій Академіямъ право въ дѣлѣ изданія своихъ трудовъ имѣть свою собственную иниціативу и весьма значительную долю свободы и самостоятельности, а также право собственной цензуры, внесъ нѣкоторыя измѣненія и въ положеніе „Прав. Собесѣдника“. Въ 1871 г. Совѣтомъ казанской Академіи было постановлено дѣло по изданію „Собесѣдника“ вѣдать: а) по общимъ вопросамъ общему собранію всѣхъ наставниковъ Академіи, б) по текущимъ—тремъ редакторамъ, главному—ректору и—профессоровъ, изъ которыхъ одинъ долженъ читать оригинальныя статьи, другой переводныя. Они же держатъ цензуру статей. Въ слѣдующемъ году прибавленъ еще одинъ редакторъ и опредѣленіе состава книжекъ предоставлено взаимному соглашенію всѣхъ редакторовъ. Въ составъ редакціи входилъ еще дѣлопроизводитель ея изъ профессоровъ же, получавшій 300 р. вознагражденія и особо 150 р. за надзоръ за печатаніемъ протоколовъ Совѣта и магистерскихъ диссертацій, издававшихся при академическомъ журналѣ согласно требованію устава 1869 г. Вознагражденіе получали и другіе члены редакціи, пока не пришлось отмѣнить его по экономическимъ соображеніямъ въ 1878 г. и когда права частныхъ редакторовъ и цензоровъ были поручены дѣлопроизводителю. Такими дѣлопроизводителями-редакторами были въ 1879—1883 г. А. В. Вадковскій (нынѣ митр. Антоній), въ 1883—1886 г. Н. Ѳ. Красносельцевъ. Экономическія затрудненія постигли журналъ давно уже, и еще въ 1873 г. Совѣтъ ходатайствовалъ объ усиленіи его средствъ ассигнованіемъ въ распоряженіе редакціи 3 т. р., отпускаемыхъ на изданіе протоколовъ и магистерскихъ диссертацій. Взамѣнъ того Св. Синодъ рекомендовалъ „Прав. Собесѣдникъ“ къ выпискѣ въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (1874 г.), что сразу повысило цифру подписчиковъ съ 680 до 1020, но чрезъ годъ она понизилась до 800, а потомъ и еще болѣе упала. Въ 1884 г. архіеп. Палладій въ цѣляхъ расширенія круга читателей журнала и оживленія его содержанія статьями, отвѣчающими на насущные вопросы изъ области текущей церковной и общественной жизни, предложилъ Совѣту избрать по прежнему редакціонный комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Избраны были помощники ректора профессора: Знаменскій, Бердниковъ и Бѣляевъ, которые заявили желаніе работать безплатно, слѣдуя примѣру преосвященнаго, изъявившаго намѣреніе ежегодно вносить въ пользу журнала значительную сумму. Названныя лица состояли редакторами до 1 янв. 1896 г., когда одному Знаменскому была поручена редактура „Собесѣдника“ и „Извѣстій по Казанской епархіи“. Объединенныя въ рукахъ одного редактора,—оба изданія вновь стали обязательными для выписки во всѣ церкви епархіи. Съ 1897 по 1903 г. редакторомъ „Прав. Собесѣдника“ былъ и съ 1907 г. состоитъ проф. С. А. Терновскій; съ 1904—1906 гг. имъ былъ Л. И. Писаревъ. При послѣднемъ обычная программа журнала измѣнилась: въ 1905 г. въ немъ печатались обзоры церковно-общественной жизни и обсужденіе вопросовъ текущей дѣйствительности. Съ конца 1905 г. рѣшено было издавать подъ редакціею Л. И. Писарева, М. А. Машанова и К. Г. Григорьева особый еженедѣльный журналъ—„Церковно-общественную жизнь“, куда и перешли текущіе вопросы (первый № вышелъ 16 дек. 1905 г.). Но односторонне-либеральный характеръ руководимаго лишь „прогрессивными“ профессорами журнала повелъ къ тому, что, по настоянію старѣйшихъ профессоровъ, съ № 12 онъ долженъ былъ снять фирму „издаваемый при казанской Духовной Академіи“ и—остался частнымъ предпріятіемъ группы профессоровъ, къ которой примкнуло и „прогрессивное“ казанское духовенство, избравшее въ пастырскомъ собраніи соредактора—прот. А. В. Смирнова. Съ появленіемъ „Ц.-общ. жизни“ „Прав. Собесѣдникъ“ вернулся къ старому типу серьезнаго академическаго журнала. Впрочемъ по прежнему на стра-

ницахъ его находятъ себѣ выраженіе мѣстные интересы въ видѣ различныхъ извѣстій о событіяхъ мѣстной церковной и академической жизни. Но главное его содержаніе составляютъ ученыя сочиненія и статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія и церковно-историческіе документы, по своей обширности иногда печатающіеся особыми приложеніями. Особенностію „Прав. Собесѣдника“ по сравненію съ другими академическими журналами является съ 1870 г. обиліе статей по миссіонерскимъ вопросамъ. Подробное содержаніе „Собесѣдника“ даютъ указатели къ нему: за 1855—1891 гг. и 1892—1905 гг.

Объ изданіи *Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника* см. выше столб. 805.

Объ отношеніи Академіи къ *Извѣстіямъ по каз. епархіи* см. „Энц.“ VII, 779—782.

V). Внѣшнія событія. Не лишне отмѣтить и рядъ посѣщеній казанской Академіи высокопоставленными людьми и другихъ событій, хотя и не повліявшихъ на внутреннюю исторію ея, но въ свое время сильно занимавшихъ ея насельниковъ. Въ 1857 г. Академію посѣтили принцъ П. Г. Ольденбургскій и оберъ-прокуроръ Синода А. П. Толстой, въ 1858 г. посланникъ Сѣверо-американскихъ штатовъ, въ 1860 г. оберъ-прокуроръ С. Н. Урусовъ, въ 1861 г. наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, въ 1868 г. великій князь Алексѣй Александровичъ, въ 1869 г. онъ же съ наслѣдникомъ Престола Александромъ Александровичемъ и цесаревною Маріей Θеодоровной, въ 1885 г. оберъ-прокуроръ Синода К. П. Побѣдоносцевъ. Въ 1892 г. отпразднованъ 50-лѣтній юбилей Академіи, а въ 1896 г.— такой же юбилей ученой и учебной дѣятельности ея бывшаго ректора прот. А. П. Владимірскаго. Въ 1897 г. въ стѣнахъ Академіи собрался III всероссійскій миссіонерскій съѣздъ и совершено прощаніе Академіи съ вышедшимъ въ отставку старѣйшимъ ея профессоромъ и историкомъ П. В. Знаменскимъ.

VI). Заслуги казанской Академіи. Младшая изъ всѣхъ русскихъ Духовныхъ Академій, едва насчитывающая 65 лѣтъ своей жизни, казанская Академія можетъ считать за собою цѣлый рядъ заслугъ въ области научной, педагогической, церковной, общественной. Онѣ отмѣчены были уже на полувѣковомъ ея юбилеѣ какъ въ рѣчахъ и адресахъ отъ разныхъ ученыхъ, учебныхъ и другихъ учрежденій, такъ и въ исторической запискѣ.

Въ научномъ отношеніи казанская Академія наиболѣе пользы принесла развитію исторіи, преимущественно русской. Всѣмъ извѣстны имена трудившихся въ этой области Щапова, Лилова, Добротворскаго и особенно Знаменскаго, работавшаго надъ ней болѣе 35 лѣтъ и создавшаго какъ бы школу учениковъ, изъ которыхъ двое сейчасъ занимаютъ академическія каѳедры. Въ частности, казанская Академія характеризуетъ спеціальный интересъ ея къ исторіи русскаго раскола, съ которой связаны имена тѣхъ же Щапова и Добротворскаго и Н. И. Ивановскаго, и которая дала матеріалъ для весьма многихъ ученыхъ трудовъ. Обусловленъ былъ этотъ интересъ въ значительной мѣрѣ принадлежащей Академіи Соловецкою рукописною библіотекой, которая дала также матеріалъ для разработки и другихъ научныхъ дисциплинъ, обязанныхъ казанской Академіи,—исторіи русской литературы и церковному праву. Для первой особенно много потрудился Порфирьевъ, для второго— Павловъ и Бердниковъ. Наконецъ, казанской Академіи обязаны своимъ развитіемъ исторія русской миссіи и миссіонерская полемика. Тутъ навсегда останутся памятными имена Саблукова, Ильминскаго, Малова. Изъ богословскихъ наукъ казанская Академія дала еще нѣкоторое своеобразное развитіе патрологіи († Д. В. Гусевъ). Въ области названныхъ дисциплинъ наиболѣе лицъ работало, наиболѣе появилось изслѣдованій и наиболѣе статей и сочиненій напечатано на страницахъ академическихъ органовъ. Подтверждается это и характеромъ и содержаніемъ документовъ, изданныхъ казанской Академіей,—твореній св. отцовъ, начиная съ св. Иринея Ліонскаго и кончая толкованіями на Новый Завѣтъ блаж. Θеофилакта, произведеній первыхъ русскихъ писателей, Стоглава, сочиненій И. Посошкова и писемъ русскихъ миссіонеровъ XIX ст. Главными работниками на научномъ полѣ и работниками ex officio были, разумѣется, профессора. Казанская Академія, уже съ первыхъ лѣтъ своего существованія замѣ-

щавшая многія каѳедры своими питомцами, теперь обходится почти исключительно ими; въ настоящее время не казанцы—только ректоръ еп. Алексій (изъ московской Академіи) и проф. Ивановскій (изъ с.-петербургской). Мало того, питомцы казанской Академіи бывали начальниками и профессорами и въ другихъ Академіяхъ; таковы архим. Антоній Вадковскій, назначенный въ 1885 г. въ инспекторы и потомъ ректоры петербургской Академіи, архим. Борисъ Плотниковъ, дважды бывшій ректоромъ той же Академіи, архим. Кириллъ Лопатинъ, инспекторствовавшій въ московской Академіи, А. А. Дмитріевскій, избранный въ 1885 г. въ кіевскую Академію, И. И. Соколовъ—въ петербургскую (1903 г.) и архим. Михаилъ Семеновъ, назначенный (1902) туда же на каѳедру каноническаго права [но въ 1906 г. принужденный удалиться и вообще „прославившійся“ очень печально, а въ октябрѣ 1907 года этотъ православный архимандритъ, столь попустительно протежируемый и покровительствуемый сверхъ мѣры закона нашими церковными властями, перешелъ въ расколъ и опредѣленіемъ Св. Синода 5-го ноября 1907 г. за это „отпаденіе въ старообрядчество, лишенъ священнаго сана и монашества и исключенъ изъ духовнаго званія“: см. „Церк. Вѣдомости“ № 45 за 10 ноября 1907 г. стр. 399...]. Попадали и попадаютъ казанцы на каѳедры и въ свѣтскія высшія учебныя заведенія. Таковы профессора богословія въ казанскомъ Университетѣ—протоіереи Владимірскій, Зефировъ, Миловидовъ, Смирновъ, въ томскомъ Бѣликовъ; церковной исторіи: Добротворскій и Кургановъ (Казань), Красносельцевъ (Одесса); каноническаго права: Павловъ (Казань, Одесса и Москва), Бердниковъ и Соколовъ (Казань), Алмазовъ (Одесса), Прокошевъ (Томскъ), Темниковскій (Ярославль, Демидовскій лицей и теперь Харьковъ). Питомцы казанской Академіи читали въ Университетахъ не только богословскія науки, но и свѣтскія: русскую гражданскую исторію (Щаповъ—Казань, Аристовъ—Казань, Варшава и Нѣжинъ), философію (Владимірскій, Снегиревъ и Гуляевъ), уголовное право (Миролюбовъ), хотя послѣдніе два привать-доцента прошли по окончаніи Академіи и университетскій курсъ. Диссертаціи докторовъ и магистровъ казанской Академіи представляютъ уже солидный вкладъ въ русскую литературу. Кандидаты — хотя далеко не всѣ они напечатали свои работы, но тоже внесли немалую долю участія въ оживленіе ея. Кромѣ того, что кандидатскія сочиненія иногда служатъ пособіемъ для работъ послѣдующихъ выпусковъ и даже для профессоровъ, нѣкоторыя изъ нихъ печатались цѣльностію и по частямъ, а затѣмъ авторы ихъ работали на мѣстахъ службы, преимущественно въ области русской исторіи, и доводили подчасъ свой литературный талантъ до весьма крупной цифры. Изъ такихъ провинціальныхъ работниковъ могутъ быть названы Загоскинъ (Иркутскъ), Можаровскій (Н.-Новгородъ), Никольскій (Воронежъ), Нурминскій и Верещагинъ (Вятка), Михайловскій (Томскъ), А. Л. Крыловъ, Ливановъ, Сырцовъ и мн. другіе.

Не меньшую роль сыграла казанская Академія и въ учебномъ отношеніи. Ея профессора были прежде всего педагогами, подготовлявшими учителей въ Духовныя Семинаріи и Училища и заботившимися о пополненіи литературы учебниковъ. Курсы исторіи литературы Порфирьева, по русской церковной исторіи Знаменскаго и по исторіи раскола Ивановскаго принадлежатъ къ числу наиболѣе долговѣчныхъ семинарскихъ руководствъ. Не менѣе популярны „Руководство къ изученію латинской просодіи“ прот. Кувшинскаго и служащія для низшихъ школъ „Руководство къ священной исторіи“ и „Начальное наставленіе въ Законѣ Божіемъ“ прот. Н. Попова, выдержавшія множество изданій. Но главная заслуга—это приготовленіе сотенъ правоспособныхъ учителей для дух. школъ восточной Россіи, болѣе чѣмъ другіе края нуждавшейся и нуждающейся въ нихъ. Огромное большинство питомцевъ казанской Академіи занимало и занимаетъ мѣста преподавателей въ Духовныхъ Семинаріяхъ, училищахъ, мужскихъ и женскихъ, а въ послѣднее время и въ церковно-приходскихъ школахъ разныхъ ранговъ. Въ настоящее время, съ фактическимъ упраздненіемъ духовно-учебныхъ округовъ, питомцевъ казанской Академіи можно встрѣтить во всѣхъ губерніяхъ Европейской и Азіатской Россіи. Въ послѣдніе же годы казанская Академія щедро дѣлится своими кандидатами съ казанскимъ учебнымъ округомъ, которому недостаетъ учителей въ женскія гимназіи. Нечего и говорить о томъ, что законоучительство въ среднихъ

учебныхъ заведеніяхъ казанскаго и другихъ восточныхъ округовъ вручалось и вручается академистамъ преимущественно предъ семинаристами. Особенно много казанскихъ академистовъ ушло въ законоучители при ректорѣ Антоніи. Непремѣннымъ условіемъ законоучительства служитъ священство. Не мало студентовъ казанской Академіи принимало и принимаетъ священный санъ. И изъ иныхъ курсовъ такихъ былъ значительный процентъ. Многіе изъ нихъ оставались до конца жизни приходскими священниками, иные—законоучителями только, иные были ректорами духовныхъ школъ. Нѣкоторые путемъ монашества доходили и до высшихъ іерархическихъ степеней. Казанская Академія особенно гордится митрополитами петербургскими Палладіемъ (Раевымъ, † 1898 г.) и Антоніемъ (Вадковскимъ), архіепископомъ иркутскимъ Веніаминомъ Благонравовымъ († 1892 г.), Никаноромъ Каменскимъ, архіепископомъ варшавскимъ, Несторомъ Метаніевымъ, смоленскимъ († 1889 г.), Мелетіемъ Якимовымъ—якутскимъ и рязанскимъ († 1900 г.; послѣдній не доучился въ Академіи), Гуріемъ Буртасовскимъ—симбирскимъ († 1907 г.), Григоріемъ Полетаевымъ, еп. омскимъ. Нѣкоторые изъ этихъ владыкъ заявили о себѣ на миссіонерскомъ поприщѣ (Иннокентій, Мелетій, Гурій, Меѳодій Герасимовъ, Николай Адоратскій, Хрисанѳъ Щетковскій) и поддержали репутацію своей almae matris. Казанская Академія осуществила, хотя (не по своей винѣ) и не въ полной мѣрѣ, поставленную ей цѣль—сдѣлаться разсадницею миссіонеровъ и средоточіемъ миссіонерскихъ силъ и средствъ. Этой задачи она служитъ чрезъ миссіонерское отдѣленіе, миссіонерскіе курсы, крещено-татарскую школу, связи съ которой у нея идутъ съ 60-хъ годовъ, чрезъ изданіе „Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника" и участіе въ переводческой дѣятельности, въ которой академическимъ профессорамъ, начиная съ Ильминскаго, всегда принадлежала выдающаяся роль. Исторія русской миссіи, въ частности Алтайской, никогда не забудетъ, какое значеніе имѣлъ для нея „Апостолъ Россіи" Ильминскій, давшій новую постановку переводческому дѣлу и создавшій множество новыхъ переводовъ на многихъ языкахъ и нарѣчіяхъ Востока Россіи. Съ его именемъ связана и новая система школьнаго образованія, пользовавшаяся огромнымъ успѣхомъ и въ 1870 г. санкціонированная министерствомъ нар. просвѣщенія. И если въ самое послѣднее время она стала колебаться, то по побужденіямъ далеко не педагогическимъ. Казанская Академія выставила борцовъ и противъ еврейства. Кромѣ здравствующаго миссіонера и полемиста прот. Малова, извѣстенъ умершій въ 1887 г. въ Полтавѣ архим. Варсонофій (Кузнецкій, изъ евреевъ), обратившій ко Христу до 1000 своихъ бывшихъ единовѣрцевъ.

Для миссіонерскаго значенія казанской Академіи характерно и то, что здѣсь исторія и обличеніе раскола развиваются не теоретически только, чисто научно, а и практически. Представитель этой каѳедры, Ивановскій, одинъ изъ всѣхъ академическихъ профессоровъ этого предмета, широко развернулъ полемику противъ раскола, ведя противораскольническія бесѣды не только въ Казани и казанской епархіи, но и далеко за предѣлами ихъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Петербургѣ. Имѣетъ значеніе для обрисовки миссіонерско-полемическаго характера казанской Академіи и то, что въ 90-хъ годахъ, въ періодъ наибольшей популярности въ русскомъ обществѣ гр. Л. Толстого и его антихристіанскихъ идей, изъ Казани именно раздался громкій противъ нихъ голосъ, призвавшій не одного изъ колеблющихся ко Христу и къ церкви.

Проводниками въ общество христіанскихъ и церковныхъ идей были и состоятъ многіе профессора казанской Академіи—путемъ какъ печатныхъ статей, такъ и публичныхъ лекцій на религіозно-нравственныя темы, которыя получили начало въ 1868 г. и съ перерывами ведутся до послѣдняго времени. Устраивались онѣ какъ въ самой Академіи, такъ и въ другихъ помѣщеніяхъ—во Владимірской читальнѣ, въ Городской думѣ, въ Биржѣ, въ обществѣ приказчиковъ. Такое же значеніе имѣютъ и проповѣди, бесѣды, чтенія, ведущіяся студентами Академіи и привлекающія сотни слушателей.

Носителями христіанскихъ идеаловъ и церковныхъ традицій служили и служатъ, наконецъ, питомцы казанской Академіи и по выходѣ изъ духовнаго званія въ свѣтское. Хотя такой выходъ издавна стѣснялся подпискою при выходѣ изъ Академіи (а съ 1864 г. при поступленіи въ нее) служить на духовно-учебныхъ должностяхъ и требо-

ваніемъ съ уходящихъ изъ духовнаго вѣдомства денегъ, издержанныхъ на ихъ содержаніе въ Академіи,—бѣглецы всегда имѣли возможность уклониться отъ этого долга. Особенно много ушло изъ Академіи и изъ духовнаго вѣдомства въ 60-хъ годахъ и въ послѣднее десятилѣтіе, когда нѣкоторые кандидаты Академіи стали переходить въ Университетъ. Всего же чаще они уходили и уходятъ прямо на службу и преимущественно въ Министерство нар. просвѣщенія, гдѣ нѣкоторые дослуживались до должности директоровъ учительскихъ семинарій, институтовъ, народныхъ школъ той или другой губерніи. Не мало служило и служитъ ихъ и по другимъ вѣдомствамъ: въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, синодальномъ вѣдомствѣ (С. В. Керскій), иностранныхъ дѣлъ (А. Ст. Троянскій, консулъ въ Янинѣ, Ливорно, членъ международной коммиссіи надъ турецкими финансами, и И. Ст. Ястребовъ, консулъ въ Скутари, Призрѣнѣ и Солуни).

Литература. Проектъ устава Дух. Академій 1814 (Спб. 1823 г.). Обозрѣніе богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ дух. училищахъ, напечат. по опредѣленію коммиссіи дух. училищъ, Спб. 1814 г. Уставы Дух. Академій 1869 и 1884 гг. съ Объяснительными къ нимъ записками. Печатные протоколы Совѣта казанской Дух. Академіи съ 1870 г. по 1905 г. Печатные отчеты о состояніи Академіи съ 1871 г. по 1906 г. и Общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ казанской Академіи съ 1883 г. по 1906 г. Проф. *П. В. Знаменскій,* Исторія Каз. Дух. Академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870 годы), I—III, Казань 1891—1892. Проф. *С. А. Терновскій,* Историческая записка о состояніи Каз. Дух. Академіи послѣ ея преобразованія: 1870—1892 годы, Казань 1892. Проф. *И. С. Бердниковъ,* Краткій очеркъ учебной и ученой дѣятельности Каз. Дух. Академіи за 50 лѣтъ ея существованія: 1842—1892 г.,—въ сборникѣ „Пятидесятилѣтній юбилей Каз. Дух. Академіи 21 сент. 1892 г.", изданномъ подъ редакціей А. А. Царевскаго и А. В. Попова (Казань 1893), стр. 95—207. *А. И. Лиловъ,* Библіотека Соловецкаго монастыря („Пр. Собес." 1859 г., I и II). *Н. И. Ильминскій,* Воспоминанія о б. баккалаврѣ Каз. Академіи А. А. Бобровниковѣ. („Ученыя Записки каз. Университета" 1865 г.). *Ив. П. Гвоздевъ,* Двадцатипятилѣтіе Каз. Дух. Академіи: историческая записка („Пр. Соб." 1868 г., III). О. *Е. А. Маловъ,* Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при Каз. Дух. Академіи („Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ", вып. I, Казань 1873 г.). *Л. О.,* Изъ воспоминаній казанскаго студента („Первый шагъ": Провинціальный литературный сборникъ, Казань 1876). Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Каз. Дух. Академіи, I (Казань 1881), стр. I—XIV—вступительная статья со свѣдѣніями о библіотекѣ Сол. монастыря. *Н. Я. Аристовъ,* Къ характеристикѣ Іоанна, еп—па Смоленскаго („Истор. Вѣстн." 1880 г., дек.) и проф. *А. П. Щаповъ* (тамъ же 1882 г. и отд. Спб. 1883). † Проф. *Н. Ѳ. Красносельцевъ,* Къ исторіи Прав. Собесѣдника: по поводу 30-лѣтія журнала („Пр. Соб." 1885 г., III). О. *Ник. Романскій,* Преосв. Іоаннъ, еп. Смоленскій: его жизнь и проповѣдническіе труды („Чтенія въ общ. любит. дух. просвѣщенія" 1887 г.). О. *А. Д. Виноградовъ,* Воспоминанія о Каз. Академіи 1852—1856 гг. („Иркут. Епарх. Вѣд." 1890 г. №№ 1—13 и отдѣльно). † Проф. *И. Я. Порфирьевъ,* О Солов. библіотекѣ, находящейся нынѣ въ Каз. Дух. Академіи („Труды IV археол. съѣзда" II, Казань 1891). † *Г. З. Елисеевъ,* Изъ далекаго прошлаго двухъ Академій („Вѣстникъ Европы" 1891 г., I). † *А. Н. Пыпинъ,* Каз. Дух. Академія („Вѣстн. Евр." 1892 г., дек.). *Н. П. Остроумовъ,* Воспоминанія о миссіонерскомъ противомусульманскомъ отдѣленіи при Каз. Дух. Академіи („Пр. Соб." 1892 г., I). А. П. Щаповъ и А. А. Бобровниковъ, баккалавры каз. Дух. Акад. изъ воспитанниковъ иркутской Дух. Семинаріи („Ирк. Еп. Вѣд." 1892 г., №№ 40 и дал.). *Г. С. Саблуковъ,* бывшій преподаватель сарат. Дух. Сем. и профессоръ Каз. Дух. Академіи („Сарат. Еп. Вѣд." 1892 г., № 18). Студенты Каз. Дух. Академіи на службѣ въ вятской губерніи („Вят. Еп. Вѣд." 1892 г., №№ 17 и 18). Отношенія Каз. Дух. Академіи къ нижегородской Семинаріи въ первыя 25 лѣтъ существованія Академіи („Нижегор. Еп. Вѣд." 1892 г., № 18). Къ исторіи высшей дух. школы въ Россіи („Странникъ" 1892 г., сент.). Пятидесятилѣтній юбилей Каз. Дух. Академіи („Церк. Вѣст.". 1892 г., № 38). Привѣтственная статья редакціи „Рязан. Еп. Вѣдомостей". („Ряз. Еп. Вѣд.". 1892 г., № 21). *П. В. Знаменскій,* На память о Н. И. Ильминскомъ: къ 25-лѣтію Братства свят. Гурія, Казань 1902 г. † О. *В. Е. Пѣвницкій,* Записки („Русская старина" 1905 г., т. 123). *П. Юдинъ,* Къ біографіи Г. С. Саблукова („Рус. Стар." 1905 г., кн. XII). О. проф. *Ѳ. И. Титовъ,* Двѣ справки по вопросу о преобразованіяхъ Дух. Академій въ Россіи въ XIX в. („Христ. Чт." 1907 г., янв., февр., апрѣль). Проф. *Ѳ. В. Благовидовъ,* Къ исторіи современнаго движенія академическаго студенчества („Церк.-Общественная Жизнь" 1906 г., №№ 5 и 8). *Старый миссіонеръ,* Миссіонерское отдѣленіе при Каз. Дух. Академіи и внутренняя миссія въ Россіи (тамъ же, №№ 18, 19, 24). Протоколы VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія. Прот. *В. Лаврскій,* Мои воспоминанія объ архим. Ѳеодорѣ (А. М. Бухаревѣ) („Богословскій

Вѣстникъ" 1905 г., II; 1906 г., II, III). Для исторіи Каз. Академіи всего болѣе матеріаловъ даетъ „Православный Собесѣдникъ" какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ особенно въ названныхъ статьяхъ, въ некрологахъ профессоровъ и ректоровъ, въ описаніяхъ юбилеевъ и прощаній, въ отдѣлѣ „Изъ академической жизни".

К. Харламповичъ.

Каликстъ Георгъ имѣетъ особое значеніе въ исторіи науки „Нравственнаго богословія". Послѣднее до XVI-го столѣтія преподавалось и на Западѣ Европы совмѣстно съ „Догматическимъ богословіемъ". Обѣ области были перемѣшаны и сколько-нибудь отчетливо не обособлялись, что крайне вредно отзывалось и на той, и на другой научныхъ богословскихъ отрасляхъ,—тѣмъ болѣе, что онѣ по своему существу отличны одна отъ другой, хотя и не лишены взаимной связи. Нравственное, въ особенности, богословіе вело безличное существованіе. Нравственные вопросы,—въ виду того, что Нравственное богословіе было только составною частію Догматическаго,—раскрывались лишь попутно и потому безъ желательной обстоятельности въ ихъ раскрытіи не было надлежащей систематичности; тормозилось и дѣло выясненія самихъ догматическихъ вопросовъ и т. д. Серьезную попытку обособить эти двѣ научныхъ отрасли впервые сдѣлали—реформатскій богословъ *Ламбертъ Данэй* и лютеранскій богословъ *Георгъ Каликстъ*. Данэй—авторъ сочиненія „Ethices Christianae libri III" (1577). До его времени имѣлись только философскія (языческія) моральныя системы, какъ самостоятельныя, обособленныя явленія, а, благодаря ему, видимъ и христіанскую. „Какъ въ собственномъ смыслѣ этическая наука,—говоритъ *Кюбель* (въ Christliche Ethik I, München 1896, S. 39),—и, при томъ съ сознаніемъ различія отъ философской этики, христіанская этика выступаетъ на сцену у Данэя" (см. *мою* статью: „Забытый юбилей: 300-лѣтняя годовщина смерти Ламберта Данò, отца науки христіанской этики, какъ особой въ ряду другихъ" въ „Христ. Чтен." 1896 г., сент.—окт., стр. 272—278). То, что сдѣлалъ на реформатской почвѣ Данэй (или Данò), на лютеранской осуществилъ (до нѣкоторой степени) Георгъ Каликстъ, но уже послѣ эпохи Данэя. Онъ—авторъ сочиненія: „Epitomes theologiae moralis"... (Helmst. 1634), извѣстнаго именно съ отмѣченной стороны—и только. Само же по себѣ сочиненіе представляетъ „трудъ неполный, только фрагментъ, мало систематичный, не остающійся вѣрнымъ своему богословскому характеру, предлагающій смѣшеніе богословской и философской морали" (см. *мою* книгу: „Нравственное Богословіе въ Россіи въ теченіе 19-го столѣтія", Спб. 1901, стр. 22). Какъ бы невысоко ни цѣнили мы трудъ Георга Каликста съ его научной стороны,—тѣмъ не менѣе заслуга этого богослова для Нравственнаго богословія сомнѣніямъ не подлежитъ. Отнынѣ и на лютеранской почвѣ данная научная богословская отрасль стала разрабатываться самостоятельно къ пользѣ не только для нея, но и для Догматическаго богословія. Каждая изъ этихъ наукъ, отнынѣ развиваясь самостоятельно, благодаря этому вскорѣ же сдѣлала быстрые шаги впередъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ ихъ исторія; для Нравственнаго спеціально богословія см. въ особенности труды: D. *Chr. Ernst Luthardt*'a, Geschichte der christlichen Ethik, II: Geschichte der christlichen Ethik seit der Reformation, Lpzg 1893; † Dr. *W. Gass*'a, Geschichte der christlichen Ethik, II, 1: Sechszehntes und siebzehntes Jahrhundert; Die vorherrschend kirchliche Ethik (Berlin 1886); II, 2: Achtzehntes und neunzehntes Jahrhundert; Die philosophische und die theologische Ethik (Berl. 1887); Dr. *Theobald Ziegler*'a, Geschichte der christlichen Ethik (2 Aufl. Strassburg 1892). А такъ какъ Нравственное богословіе въ Россіи развивалось подъ вліяніемъ системъ западно-европейскихъ, то отсюда ясно, что успѣшный ростъ послѣднихъ былъ не безразличенъ и для русскихъ богослововъ (см. подробности въ цитов. моей книгѣ „Нрав. Богословіе въ Россіи"...).

Въ заключеніе укажемъ нѣсколько сочиненій, дополняющихъ указываемую Н. В. П—вымъ (стлб. 24—27) литературу, о Георгѣ Каликстѣ. 1) Цит. сочин. *Luthardt*'a, S. 187—192, § 21. 2) Цит. соч. *Gass*'a (Zweites Bandes erste Abth.), S. 278—283, § 61. 3) Цит. соч. *Ziegler*'a, S. 495 слѣд. 4) Нѣкоторая литература указана у Ziegler'a, S. 496, Anmerk. 5) У *Брокгауза-Ефрона* въ „*Энциклопедическомъ Словарѣ*" статья: *Каликстъ Георгъ* (полут. XXVII; Спб. 1895, стр. 29). 6) Помимо указаннаго у Н. В. П—ва сочиненія *Henke* о Г. Каликстѣ слѣдуетъ имѣть въ виду „изданную *Henke*" въ 1833 г. интересную „переписку Каликста". 7) Цит. *мое* сочин. „Нравств. Богословіе въ Россіи", стр. 22. 8) *Моя* статья „Новый опытъ построенія науки Нрав. Богословія"... („Христ. Чт.", 1899 г., дек., стр. 1095).

Проф. *А. Бронзовъ.*

Оглавленіе VIII-го тома

„Православной Богословской Энциклопедіи“.

Перечень иллюстраций VIII тома „Прав. Бог. Энциклопедіи".

Столбцы.

Дополненія и поправки [1]).

ТОМЪ V.

Стлб.:	Строки:	Напечатано:	Нужно:
12	14—15 св.	Андреевичъ	Өеодоровичъ.

ТОМЪ VI.

Стлб.:	Строки:	Напечатано:	Нужно:
55	23 св.	См. еще у проф. *Д. И. Богдашевскаго*, Посланіе св. Апостола Іакова въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1907 г. № 10 и 11 и отд. оттиски, Кіевъ 1907.	
90	20 сн.	труда.	труда, о которомъ см. у епископа *Георгія* (Ярошевскаго), Теорія профессора А. П. Лебедева о братьяхъ Господнихъ, Харьковъ 1907 (по оттиску изъ журнала „Вѣра и Разумъ“).
255—264.		См. дополнительную статью проф. Ал. П. Лебедева въ VIII т., стлб. 673—686.	
367	17 сн.	См. еще „Энц.“ VII, 909. † Prof. *A. v. Gutschmid*, Vorlesungen über Josephos' Bücher gegen Apion въ Kleine Schriften IV (Lpzg 1893), S.336 ff. Prof. *J. Wellhausen*, Der arabische Josippus въ „Abhandlungen der Kgl. Gesellschaftes der Wissenschaften zu Göttingen“ I, 4 (Berlin 1897). *Isidore Levi*, Notes sur la géographie biblique de Josèphe въ „Revue des études juives“ LIV, 107 (1-er Juillet 1907, p. 45—53). *J. H. A. Michelsen*, De apostel Paulus bij Flavius Josephus въ „Theol. Tijdschrift“ V (1907), 61.167—172.	
441	7 сн.	См. еще „Энц.“ VII, 902. *H. Coppieters*, Le décret des apôtres въ „Revue biblique internationale“ 1906, p. 34—58; 1907, p. 218—239.	
481	30 св.	См. еще „Энц.“ VI, 1025; VII, 903. *August Kümmel:* Karte der Materialien zur Topographie des alten Jerusalem, Halle a. S. 1906; Materialien zur Topographie des alten Jerusalem, ibid. 1906.	
484	36 св.	См. еще статьи проф. *С. А. Терновскаго, В. Архангельскаго,* доц. *Е. Я. Полянскаго* въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1907 г., № 5 и 7—8, а также проф. *А. А. Дмитріевскаго* въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1907 г., № 5; проф. *Г. А. Бродовича* въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ 1907 г. № 7.	
551—552	25 сн.	и пр.:	и пр., есть Омарова мечеть (см. *Н. П. Кондаковъ,* Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ, Спб., 1904 стр. 217).
602	9 сн.	См. еще у о. проф. *А. П. Рождественскаго,* Книга премудрости Іисуса сына Сирахова (переводъ и толкованіе по еврейскому тексту и древнимъ переводамъ) въ „Христіанскомъ Чтеніи“, 1907 г., № 10 и слѣд.	
606	3 сн.	См. еще „Энц.“ VII, 903. *Franz Schubert*, Das Jahr der Taufe Jesu bei Tertullian въ „Biblische Zeitschrift“ III (1905), 2, S. 177—179; *Hubert Klug*, Die Dauer der öffentlichen Wirksamkeit Jesu nach	

[1]) Редакція усерднѣйше проситъ сотрудниковъ и читателей сообщать (по адресу: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ 180, кварт. 5). всякаго рода исправленія, дополненія, недоумѣнія, замѣчанія касательно содержанія „Прав. Богосл. Энциклопедіи“ профессору Николаю Никаноровичу Глубоковскому, которому принадлежатъ нижеслѣдующія addenda et corrigenda къ V—VIII томамъ.

Daniel und Lukas ibid. III (1905), 3, S. 263—268; *Franz Schubert*. Das Zeugnis des Irenäus über die offentliche Tätigkeit Jesu и Prof. Dr. *Peter Dausch*, Bedenken gegen die Hypotese von der bloss einjährigen öffentlichen Wirksamkeit Jesu ibid. IV (1906), 4. S. 39—48. 49—60; *Hubert Klug*, Das Osterfest Jo. 6, 4 ibid. IV (1906), 2, S. 152—153; *Peter Dausch*, Kann das Osterfest Jo. 6, 4 mit dem Osterfest Jo. 2, 13 identifiziert werden и *Paul Heinisch*, Clemens von Alexandrien und die einjährige Lehrtätigkeit des Herrn ibid. III (1906), 4, S. 398—401. 402—407; Rev *John Chapman*. On an Apostolic Tradition that Christ was baptized in 46 and crucified under Nero въ „The Journal of Theological Studies“ VIII, 32 (July, 1907), p. 590—606; *его же*, Papias on the Age of our Lord ibid. IX, 33 (October, 1907), p. 42—61; *J. Hontheim*, Das Datum der Geburt Christi въ „Katholik“ 1907, 7, S. 113—136: *E. Gebhardt*, Die neueren Datierungsversuche für das Leben Jesu Christi въ „Die Studierstube“ V (1907), S. 177—184.353—366; *Dausch*, Im Kampfe um die mehrjährige Wirksamkeit Jesu въ „Theologisch - praktische Monatsschrift“ XVII (1907), S. 499—510 *J. P. van Kasteren*, De sterfdag des Heeren en de oudste christelijke overleverung въ „Studiën Godsdienst Wetenschap Letteren“ XXXIX (1907), bl. 41—55; *F. A. Herzog*, Steht Joh. 6, 10 im Widerspruch mit der Einjahrshypothese? въ „Schweizerische Kirchenzeitung“ Nr. 22 (1907), S. 209—211.

629 12 сн. См. о семъ еще у того же проф. *Н. Н. Глубоковскаго* въ „Журналахъ и Протоколахъ Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія“ т. IV (Спб. 1907). стр. 157—159 (по V-му отдѣлу) и въ *его* книгѣ: По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ Учебномъ Комитетѣ при Св. Синодѣ (Спб. 1907), стр. 28—30, откуда съ очевидностію слѣдуетъ, что рѣчь идетъ не о евангельскихъ каноническихъ жизнеописаніяхъ Господа Христа (какъ подумали нѣкоторые по странному недоразумѣнію), а о раціонально-раціоналистическихъ опытахъ этого рода въ научной литературѣ.

811 16 св. См. еще *А. А. Кычигинъ*, Праздникъ рождества св. Іоанна Предтечи въ «Христ. Чтеніи» 1898 г., I, 30; *В. Каменновъ*, Иконографія Іоанна Предтечи въ восточной и западной церкви, Казань 1887.

883 18 св. XI — VI

941 15 св. Новый полный русскій переводъ твореній св. Іоанна Златоуста законченъ въ 1906 году 12-мъ томомъ, гдѣ на стр. 1337—1581 помѣщенъ „указатель“ ко всѣмъ 12-ти томамъ. См. еще De Sacerdotio of John Chrysostom, edited by Dr. *J. Arbuthnot Nairn* Cambridge University Press. 1906; St. John Chrysostom, The Arabic Version of the 6 Books of the „Sacerdoce“, ed. for the first time, London 1907.

974 22 сн. См. св. Іоанна Ксифилина, архіеп. константинопольскаго, Пять поученій, Москва 1900.

995 18 сн. См. еще Письма блаж. Θеодорита въ переводѣ проф. *Н. Н. Глубоковскаго*, изд. при московской Духовной Академіи (Св.-Тр. Сергіева Лавра 1907 и 1908).

1007 30 св. См. еще Іоанна Лѣствичника Лѣствица, возводящая на небо, церковной печати, Кіевъ 1877, а также „Лѣстница добродѣтелей“: Уроки христіанскаго усовершенствованія, по руководству „Лѣстницы“ преп. Іоанна, игумена Синайской горы, Москва 1897; изданіе Козельской пустыни (съ алфавитнымъ указателемъ), еще Москва 1907 и изданіе редакціи „Богословскаго Вѣстника“, Сергіевъ Посадъ 1894; препод. Іоанна Лѣствица въ сокращенномъ изложеніи, Одесса 1903.

ТОМЪ VII.

Столб.:	Строки:	Напечатано:	Нужно:
115	20 св.	См. и отдѣльную брошюру *С. Д. Пападимитріу*, Іоаннъ II, митрополитъ кіевскій, и Θеодоръ Продромъ, Одесса 1902.	

182	22 сн.	См. еще кн. *Н. Д. Жеваховъ,* Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (1705—1754). Матеріалы для біографіи, ч. I: Предки святителя Іоасафа. Кіевъ 1907.	
196	20 св.	См. еще статью The Prophet of Calabria: Joachim of Floris and the „Eternal Gospel" въ „The Church Quarterly Review" LXV, 129 (October 1907), p. 17—48.	
337	15 сн.	долга	дома
339	11 св.	Drije Koscola	Dzieje Kościoła
339	12 св.	Litwia	Litwie
342	16 св.	См. еще у проф. *Ил. Н. Жуковича,* Убійство Іосафата Кунцевича въ „Христ. Чтеніи" 1907 г., № 9 (сентябрь), стр. 277—312.	
423	26 св.	См. еще у *П. П. Митрофанова,* Политическая дѣятельность Іосифа II, ея защитники и ея враги (Спб. 1907).	
591	29 св.	См. еще *C. Semisch,* Justin der Martyrer: eine kirchen—und dogmengeschichtliche Monographie, I—II Bde, Breslau 1840. 1842; † Prof. *M. v. Engelhardt,* Das Christentum des Justins Märtyrers: eine Untersuchung über die Anfänge der katholischen Glaubenslehre (Erlangen 1878), а противъ сего *A. Ställin* Justin der Märtyrer und sein neuester Beurtheiler, Lpzg 1880; *J. Rivière,* Saint Justin et les apologistes du second siècle, avec une introduction de P. Batiffol, Paris 1907; *J. Geffcken,* Zwei griechischen Apologeten, Berlin und Leipzig 1907, S. 97—104; *Alfr. Leon. Feder,* Justins des Märtyrers Lehre von Jesus Christus, dem Messias und dem menschgewordenen Sohne Gottes: eine dogmengeschichtliche Monographie, Freiburg im Breisgau 1906. Священникъ *Іоаннъ Дроздовъ,* Очерки по всеобщей церковной исторіи, вып. III: Христіанская литература первыхъ трехъ вѣковъ (Мужи апостольскіе и апологеты), Иркутскъ 1907 (по оттиску изъ „Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей"), стр. 80—102.	
613	7 св.	О такомъ значеніи *kabbalah* въ іудейско-раввинскихъ памятникахъ см. еще у Prof. Dr. *Eduard König*: Einleitung in das Alte Testament mit Einschluss der Apokryphen und der Pseudepigraphen Alten Testamentes. Bonn 1893, S. 456, и Prophetenideal, Judentum, Christentum, Lpzg 1906, S. 18; *W. O. E. Oesterley* and *G. H. Box,* The Religion and Worship of the Synagogue, London 1907, p. 27	
861	2 св.	См. еще у † проф. *В. И. Модестова,* Греки въ Италіи въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1906 г., № 9, стр. 1—27; 1907 г., № 3, стр. 100—131; у *И. В. Старицкаго,* Византійскія епархіи въ южной Италіи въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи", 1907 г., № 1. стр. 15—50.	
868	22 св.	Отдѣльное изданіе подъ новымъ заглавіемъ: „Богословско-философскія воззрѣнія св. отцовъ и учителей церкви первыхъ вѣковъ христіанства". См. еще труды *П. Калачинскаго:* Будущее нашей народной школы, Кіевъ 1906; Краткія свѣдѣнія изъ элементарной теоріи музыки, Кіевъ 1907.	
890	33 св.	См. еще *C. Tondini de Quaerenghi,* Notice sur le Calendrier liturgique de la Nation Arménienne въ „Bessarione", fasc. 90, 91 (an. 1906).	
892	25 св.	См. еще *П. М. Саладиновъ,* Къ вопросу о реформѣ календаря, Спб. 1905 (на правахъ рукописи); проф. *И. И. Соколовъ,* Отношеніе православнаго Востока къ вопросу о реформѣ календаря въ „Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ" № 13—14 за 1-е апрѣля 1906 г., стр. 681—694; *Н. В. Степановъ,* Новый стиль и православная пасхалія. По вопросу о перемѣнѣ времясчисленія въ Россіи. Москва 1907.	
903	16 сн.	III	IV, стр. 157—159; см. и „Энц." VIII, 862
906	25 св.	отсюда	отсюда подъ заглавіемъ: 1) Изданіе проф. А. С. Хахановымъ Номоканона Іоанна Постника въ грузинскомъ переводѣ (критическая замѣтка), Одесса 1906; 2) Канонарій монаха Іоанна: Къ вопросу о первоначальной судьбѣ Номоканона Іоанна Постника Одесса 1907.

ТОМЪ VIII.

Столб.:	Строки.	Напечатано:	Нужно:
7	31 сн.	ст.	an
7	29 сн.	un	im
7	10 сн.	Ausclehnung	Ausdehnung
8	11 св.	603	605
8	25 св.	См. еще *S. Gutesmann*, Sur le calandrier en usage chez les Israelites au V-e siècle avant notre ère въ „Revue des études juives" 1907 Avril, p. 194—200. *E. König*, Sterndeuterei bei den Babyloniern und den Hebräern въ „Der alte Glaube" VIII (1907), Nr. 16. *F. S. Archenhold*, Die Astronomie im Alten Testament въ „Weltall" V (1907), S. 303—306. 324—328. *G. Mackinlay*, Biblical Astronomy въ „Journal of the Transactions of the Victoria Institute" XXXVII (1907), p. 122—164. Prof. *Hubert Grimme*, Das israelitische Pfingstfest und der Plejadenkult mit drei Tafeln, въ „Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums" I,1 (Paderborn 1907). *Mémam*, Le calendrier hébraïque avant la ruine de Jérusalem (70 de l' E. C.), Paris 1906. Realencyclopädie von Herzog-Hauck XIX³ (Lpzg 1907), S. 312—313 (о „днѣ" у евреевъ). Prof. *W. Bousset* въ „Theologische Rundschau" X, 8 (August 1907), S. 288—289 (по поводу Prof. *Oscar Holtzmann*, Neutestamentliche Zeitgeschichte, 2 Aufl. Tübingen 1906, S. 173 f.), 291. Dr. *Joseph Bach*, Die Osterfést-Berechnung in alter und neuer Zeit: ein Beitrag zur christlichen Chronologie, Freiburg im Breisgau 1907. Privatdoz. Lic. Dr. *W. Staerk*, Neutestamentliche Zeitgeschichte II: Die Religion des Judentums im Zeitalter des Hellenismus und der Römerherrschaft (Lpzg 1907), S. 143—148: Ueber das jüdische Kirchenjahr und Kalenderwesen. См. и „Biblische Zeitschrift" III (1905), 4, S. 337 ff. IV (1906), 1 S. 1 ff. V (1907), 3, S. 230 ff. 315.	
28	17 св.	Здѣсь пропущена подпись автора статьи: *Н. В. П—въ.*	
58	27—28 сн.	соч.: Κοὐμας;	соч.; *Κοὐμας*,
59	8 св.	что [за Тибромъ].	[что́ за Тибромъ].
59	20 св.	(Прологъ—Сергій).	(Прологъ. Сергій).
59	14 сн.	Метофрастово	Метафрастово
61	11 сн.	Кардиналы"]	Кардиналы" ниже стлб. 606].
64	21—22 св.	*благословеніемъ*	*благословесіемъ*
64	1 сн.	*Balïfoll*	*Batiffol*
65	3 св.	См. еще новѣйшій обзоръ у Père *D'Alès*, La théologie de saint Hippolyte (томъ изъ Bibliothèque de théologie catholique), Paris 1906.	
71	11 св.	Пасхаліїсъ	Пасхалисъ
81	12—15 сн.	Здѣсь допущена случайная ошибка, будто къ „западной вѣтви монгольскаго народа" принадлежали „племенныя группы: 1) Чжахары и халхассы; 2) Буряты". Напротивъ, эти племена всегда были *восточными* монголами, а *къ западной вѣтви относятся только одни Ойраты.*	
94	22.32.38—39 св.	Шакджи-Муни	Сакъя-Муни
97	1 св.	чира	чӧрӓ
99	5—6 сн.	„Школа-пріютъ въ урочищѣ Амта-Бургуста" закрыта въ 1906 году.	
100	11 сн.	Ср. еще книгу: Путешествіе китайскаго посланника къ калмыцкому Ахокѣ — хану, съ описаніемъ земель и обычаевъ Россійскихъ, перев. А. Леонтьева, Спб. 1782.	
175	14 сн.	Въ 1905 г. вышелъ уже 3-й томъ книги *E. Doumerue*, Jean Calvin: les hommes et les choses de son temps. См. еще Rev. Prof. *Thomas C. Hall*, Was John Calvin a Reformer or a Reactionary? въ «The Hibbert Journal» VI, 1 (October 1907), p. 171—185.	
195	9 св.	«кардиналы»	«кардиналы» ниже стлб. 605 сл.
198	28 сн.	*Macpherton*	*Macpherson*
206	4 св.	калелота	камлота
206	24 св.	О «скіадіѣ» см. еще у проф. *А. А. Дмитріевскаго* въ «Журналахъ и Протоколахъ Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія» т. III (Спб. 1907), стр. 218,2 (по общему присутствію).	

Стлб.:	Строки:	Напечатано:	Нужно:
217	12 сн.	214—	214—215
240	10 сн.	Кромѣ Энциклопедій и словарей см. еще Rev. Prof. *G. Henslow*, The Plants of the Bible, their Ancient and Mediaeval History, popularly described, London 1907. *Augusta Temple*, Flowers and Trees of Palestine, London 1907.	
246	9 сн.	„Іоаннъ".	„Іоаннъ" въ „Энц." VI, 869—870.
249	6 сн.	1807. (V).	1807.
257	7 св.	(митрополита)	(resp. митрополита)
276	1 сн.	*Апокрифы*	*Апокрифы* въ „Энц." I, 927—936.
280	20 сн.	*Wogné*	*Vogué*
288	5 св.	Hieronym	Hieronym.
291		О неканоническихъ книгахъ см. еще Prof. *Edmond Stapfer*, Les Apocryphes въ «Revue chrétienne» IV, 1 (1-er Juin 1907), p. 454—463; *W. O. E. Oesterley* and *G. H. Box*, The Religion and Worsbip of the Synagogue: an Introduction to the Study of Judaism from the New Testament Period (London 1907), p. 27 sqq.	
294	7 св.	См. еще Pfarrer *Ludwig Couard*, Die religiösen und sittlichen Anschauungen der alttestamentlichen Apocryphen und Pseudepigraphen, Gütersloh 1907.	
294	26 св.	См. еще *F. Mari*, Il canone Biblico e gli Apocrifi dell' A. e del N. T. („Fede e scienza", Roma 1906). *U. Fraccissini*, Le origini del Canone del Vecchio Testamento въ „Rivista storico-critica delle scienze teologiche", anno II (1906), p. 81—99; 249—268. *A. Baumstark*, Die äthiopische Bibelkanon: ein Exemplar desselben mit einleitenden Bemerkungen vorgelegt (въ „Oriens christianus" V [1907], p. 162—173). Проф. *П. А. Юнгеровъ*, Неканоническія книги Ветхаго Завѣта въ „Православномъ Собесѣдникѣ" 1907 г., № 7—8, стр. 1—104.	
312	7 сн.	Philippsia	Philipps'a
314	23 св.	*Kauschen*	*Rauschen*
314	16—17 сн.	а также статьи:	эти слова опустить!
314	7 сн.	Samtes	Saintes
315	26 сн.	См. еще Rev. *E. S. Buchanan*, The Codex Muratorianus въ „The Journal of Theological Studies" VIII, 32 (July, 1907), p. 537—545. Prof. Dn. *Caspar René Gregory*. Canon and Text of the New Testament, Edinburgh 1907, p. 1—295. Prof. *J. R. Harris*, Marcion and the Canon въ „The Expository Times" XVIII, 9 (June 1907), p. 392—394; Prof. *Eb. Nestle*, Eine Vierteilung des neutestamentlichen Kanons въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft" VIII (1907), 1, S. 71—72.	
316	24 сн.	ἀλιθίας	ἀληθείας
»	25 сн.	ed. Pam.	ad Pam.
»	20 сн.	πίσεως	πίστεως
»	12 сн.	ἐκκλησιασικός	ἐκκλησιαστικός
398	26 св.	1904	1904; второе исправленное и дополненное изданіе, съ 3-мя приложеніями, Юрьевъ 1907, подъ заглавіемъ: „Церковное Право".
400	23 сн.	жизнь").	жизнь" ниже стлб. 404—407).
419	15 сн.	проф. *С.*	проф. *А. С.*
428	17 сн.	X³, 5.	X³, S.
434	21—26 св.	См. 2-е исправленное и дополненное изданіе труда проф. *М. Е. Красножена*, съ 3-мя приложеніями, подъ заглавіемъ: „Церковное Право", Юрьевъ 1907.	
480	16 сн.	См. еще *S. Oettli*, Das Urteil Kants über die alttestamentliche Religion, Greifswald 1907; *Sawicki*, Das Problem der Persönlichkeit bei Kant въ „Katholik" 1907, 6, S. 44—66; *M. Lösment*, Zur Religionsphilosophie Kants, Dissert. Königsberg 1907; *Д. В. Знаменскій*, Изъ этюдовъ о Кантѣ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи" 1907 г., № 8, стр. 552—583; № 9, стр. 41—66.	

508	12 сн.	Ярославль 1899—90	томы I—II, Ярославль 1889. 1890.
519	6 сн.	„Капица".	„Каплица" ниже столб. 546.
531	17 св.	Khan Minget	Khan Minyeh
531	20 сн.	Khan Minych	Khan Minyeh
572	18 сн.	Песнарицы	Пѣснарицы
576	18 сн.	Р. К.	В. К.
578	23 св.	коиэ	кои э
579	27 св.	русскими	русскимъ
580	5—6 сн.	хорватскій	хорватской
582	16 св.	*Jurmin*	*Šurmin*
589	25 сн.	гахаму	хахаму
590	18 св.	акгахъ	сектахъ
594	26 сн.	Порчича	Парчича
594	19 сн.	Vick	Viek
602	14 св.	Художественно-педагогическій Совѣтъ Регентскихъ классовъ при Придворной Капеллѣ, разсмотрѣвъ данныя о свыше тридцатипятилѣтней церковно-пѣвческой и музыкально-педагогической дѣятельности личнаго почетнаго гражданина А. Н. Карасева, а также изданные имъ учебники, и вообще въ уваженіе къ продолжительной и полезной дѣятельности въ области духовной музыки, въ маѣ 1907 г. призналъ возможнымъ выдать г. Карасеву безъ экзамена свидѣтельство 1-го класса на званіе учителя церковнаго пѣнія и теоріи музыки. Изъ новѣйшихъ его трудовъ назовемъ еще слѣдующіе: Церковный хоръ (продолженіе Уроковъ пѣнія, ч. I). вып. I (Однородный хоръ); Русская пѣсенная хрестоматія въ связи съ курсомъ сольфеджій, вып. I; Спутникъ начинающаго регента, отд. 2-й.	
605	1 св.	**Карбункулъ**, драгоцѣнный камень: см. „Энц." VIII, 215.	
611	1 сн.	inpetto	in petto
626	8 сн.	ниже	ниже стлб. 633—635.635
643	7 св.	Будимѣ	Сентъ-Андре (близъ Будапешта)
643	23—24 св.	Книга Picot'а есть въ сербскомъ переводѣ (съ поправками и дополненіями) д-ра *Ст. Павловича*, изд. въ Новомъ Садѣ въ 1883 году.	
645	2 сн.	См. еще *K. Müller*, Luther und Kalstadt: Stücke aus ihrem gegenseitigem Uerhältnis untersucht, Tübingen 1907.	
646	12—13 св.	Арсенія III	патріарха Арсенія III
648	12—13 сн.	съ пожалованнымъ титуломъ	съ пожалованіемъ титула
649	12 сн.	иѣоградъ	Бѣоградъ
661	23 св.	*Троицій.*	*Троицкій.*
678	11 сн.	5. 15—17.	S. 15—17.
688	1 сн.	№ 10.	№ 10, стр. 366—386.
692	14—16 св.	Точнѣе такъ: *Wilhelm Creizenach*, Judas Ischarioth in Legende und Sage des Mittelalters. Inauguraldissertation zur Erlangung der philosophischen Doctorwürde aus der Universität Leipzig, Halle a. S. 1875; это оттискъ изъ „Beiträge zur Geischichte der deutschen Sprache und Literatnr" Band II, Heft 2 въ 31 страницу.	
692	29 св.	См. еще Prof. † *W. Wrede*, Vorträge und Studien (Tübingen 1907), S. 127—146: Judas Ischarioth in der urchristlichen Ueberlieferung.	
692	19 сн.	См. еще *М. И. Струженцовъ*, О пастырствѣ Христа Спасителя' съ приложеніемъ статьи: Къ вопросу о предательствѣ Іуды (Орелъ 1899), стр. 87—122. 124—164 (противъ проф. М. Д. Муретова).	
695	21—22 св.	Протасова	Пратасова
712	2—3 св.	Протасова	Пратасова
740	28 св.	мисспонерскихъ	миссіонерскихъ.
740	29 св.	іослѣднихъ	послѣднихъ.
799	22 св.	только.	только
847	24 св.	мѣры закона.	мѣры и закона.
855	1 св. во 2 мъ столбцѣ.	Поповъ	Поповъ и проф. А. А. Бронзовъ.

[Спб. 1907, XI, 15—четвергъ].

2007087029